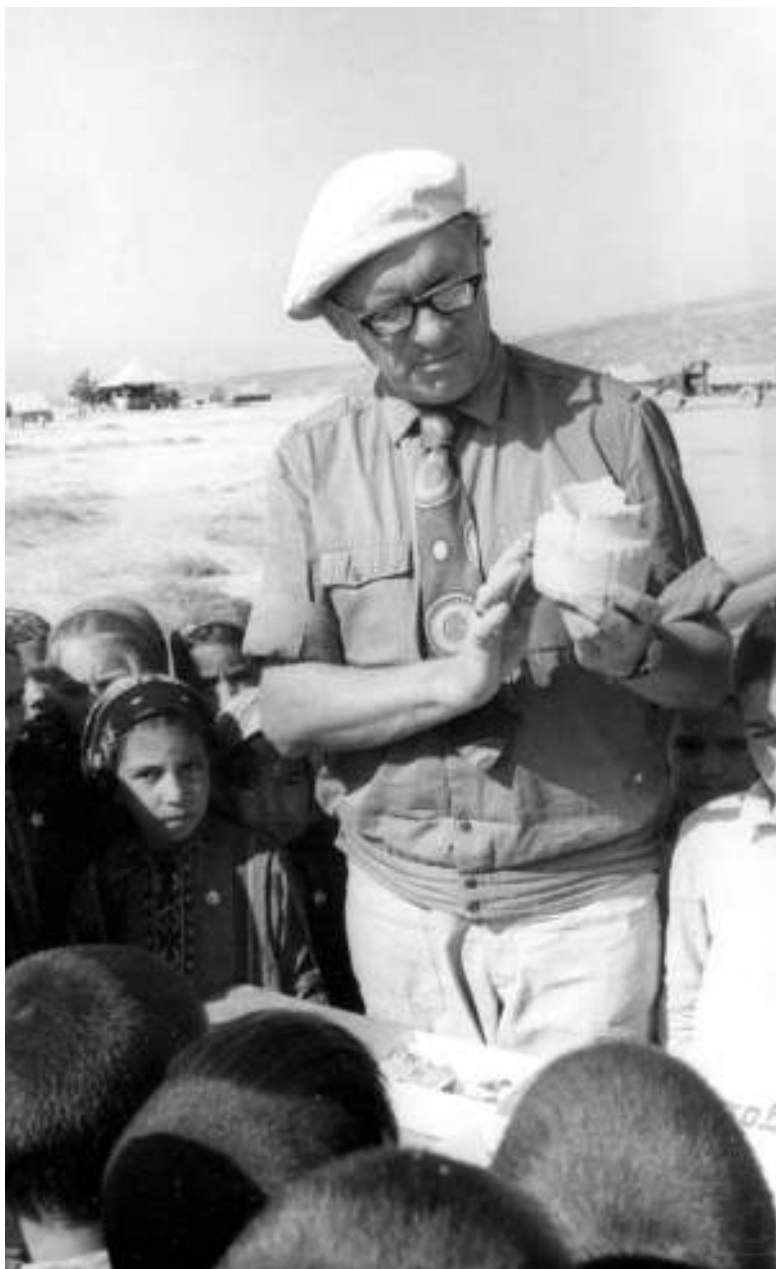

АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ:

ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОГЕНЕЗ,
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Вадим Михайлович Массон на Алтын-депе, 1974 г.
Vadim Mikhailovich Masson at Altyn-depe, 1974

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

PROCEEDINGS. VOL. XLII

**Archaeology of the ancient societies
of Eurasia: chronology, cultural genesis,
religious views**

**Dedicated to the memory of Vadim Mikhailovich Masson
(03.05.1929–19.02.2010)**

St. Petersburg
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды. Т. XLII

**Археология древних обществ Евразии:
хронология, культурогенез,
религиозные воззрения**

**Памяти Вадима Михайловича Массона
(03.05.1929–19.02.2010)**

Санкт-Петербург
2014

Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. Т. XLII. — СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. 464 с.

Archaeology of the ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views. Dedicated to the memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010). Proceedings of IHMC RAS. Vol XLII — St. Petersburg: IHMC RAS; “Art-Xpress”, 2014. 464 p.

ISBN 978-5-4391-0123-8

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН.
Approved by the Academic Board of IHMC RAS.

Редакционная коллегия: В. А. Алёшкин (ответственный редактор), Л. Б. Кирчо (зам. ответственного редактора), М. Т. Кашуба, В. Я. Стёганцева.
Editorial board: V. A. Alekshin (editor-in-chief), L. B. Kircho (deputy editor), M. T. Kashuba, V. Ya. Stegantseva.

Перевод на англ. язык: Л. Б. Вишняцкий.
English translation: L. B. Vishnyatsky.

Рецензенты: доктор исторических наук Ю. Е. Березкин, доктор исторических наук О. В. Шаров.
Editorial referees: Doctor of Historical Sciences Yu. E. Berezkin, Doctor of Historical Sciences O. V. Sharov.

В настоящем издании публикуются статьи, посвященные проблемам археологической теории, а также анализу археологических комплексов от эпохи неолита до раннего средневековья, исследованных на обширных территориях от Кипра, Анатолии и Аравийского полуострова до Европы, Кавказа, Центральной Азии и Южной Сибири. В работах, представленных в сборнике, подробно раскрываются вопросы происхождения и хронологии древних обществ Евразии, охарактеризованы модели их взаимодействия, реконструированы различные стадии развития их духовной культуры, включая искусство и верования. Книга написана сотрудниками Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, а также Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и предназначена для археологов, этнографов и историков, специалистов в области древнего прошлого племен, населявших обширные пространства евразийского континента.

The papers published in the present volume are devoted both to theoretical issues faced by archaeologists and to the analysis of specific archaeological assemblages. The latter span the period from the Neolithic to the Early Middle Ages and come from a wide range of geographical areas such as Cyprus, Anatolia, Arabia, Europe, Caucasus, Central Asia, and South Siberia. The works presented in the volume substantially contribute to clarifying the origins and chronology of the ancient societies of Eurasia, to understanding their interaction patterns, and to reconstructing the development of their spiritual culture, including art and beliefs. The book is written by the staff members of the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus, and the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS. It is intended for archaeologists, ethnographers and historians studying the ancient past of the tribes that inhabited vast regions of Eurasia.

На лицевой стороне обложки: Алтын-депе, каменный светильник периода ранней бронзы.
On the front side of the cover: Altyn-depe, stone lamp of the Early Bronze period.

На обратной стороне обложки: Карта Каспийского моря XIII в. Рис. 1 к статье Д. Абдуллоева.
On the reverse side of the cover: XIII century map of the Caspian Sea. Fig. 1 to D. Abdulloev's paper.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014
© Авторы статей, 2014
© Издательство «Арт-Экспресс», 2014

ISBN 978-5-4391-0123-8

Предисловие

Выход в свет сборника статей «Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения», подготовленного сотрудниками Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, совпал по времени с 95-й годовщиной образования центрального археологического учреждения России, заново созданного после революции 1917 г.

Указ о формировании Российской Академии истории материальной культуры, сменившей прежнюю Императорскую Археологическую комиссию, подписал 18 апреля 1919 г., глава РСФСР В. И. Ульянов-Ленин. Академия продолжила разработку всех научных направлений, доставшихся ей в наследство от ее предшественницы, в том числе и анализ древностей южнорусских степей, Кавказа, Средней Азии и Сибири. Как бы ни менялось впоследствии название нового учреждения (Государственная Академия истории материальной культуры, Институт истории материальной культуры АН СССР, Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР), в его составе неизменно находились археологи, проводившие полевые изыскания во всех вышеназванных регионах. Причем силы ученых, исследовавших эти области, долгое время были распылены по различным разрядам, группам, бригадам, кафедрам и секторам, являвшимся в разные годы частями структуры Академии/Института.

Лишь в 1951 г. специалисты по древностям Востока, Кавказа, Сибири и российских степей были объединены в рамках Сектора археологии Средней Азии и Кавказа, созданного в ЛОИИМК АН СССР. Это подразделение существует уже 63 года, хотя учреждение, частью которого оно является, два раза меняло название, вначале на Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР), а затем на Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН). В настоящее время подразделение носит название «Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа».

В течение многих лет сотрудниками Сектора/Отдела являлись известные археологи, внесшие значительный вклад в изучение древностей Средней Азии и Казахстана (А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, М. М. Дьяконов, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, В. С. Сорокин, И. Н. Хлопин, С. С. Черников, А. Ю. Якубовский), Кавказа и южнорусских степей (А. А. Миллер, А. А. Иессен, К. Х. Кушнарёва, Б. Б. Пиотровский, К. В. Тревер, В. П. Шилов), Сибири (А. Д. Грач, М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, А. М. Мандельштам, С. И. Руденко).

Научный коллектив Отдела известен рядом крупных открытий, вошедших в мировой фонд археологии. Речь идет об исследованиях энеолитического поселения Илгынлы-депе (В. М. Массон, Н. Ф. Соловьёва), городища эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо), Сумбарских могильников бронзового века (И. Н. Хлопин), раннесредневекового согдийского города Панч (А. М. Беленицкий, В. И. Распопова, Д. Абдуллоев) — в Центральной Азии; урартской крепости Тейшебаини на холме Кармир-блур (Б. Б. Пиотровский), могильника бронзового века Клады (А. Д. Резепкин) — на Кавказе; курганов железного века Аржан-1 (М. П. Грязнов) и Царам (С. С. Миняев), а также могильника Аймырлыг (А. М. Мандельштам) — в Сибири.

В разные годы Сектором/Отделом руководили А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, М. П. Грязнов, В. М. Массон, и с апреля 2003 г. заведующим является В. А. Алёшкин.

В. М. Массон занимал пост заведующего на протяжении почти 35 лет (с 1 ноября 1968 г. по 31 марта 2003 г.). Доктор исторических наук, профессор В. М. Массон (03.05.1929–19.02.2010) являлся крупнейшим специалистом по первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Его основным вкладом в отечественную науку стали многолетние раскопки древнеземледельческих поселений на юге Туркменистана. Анализируя богатейшие археологические материалы, полученные при исследовании этих памятников, относящихся к эпохе неолита — раннего железного века, В. М. Массон многое сделал для изучения фундаментальных проблем становления производящего хозяйства и развития комплексных обществ эпохи энеолита и бронзы в Центральной Азии. Его исследования внесли яркий вклад в развитие восточной археологии, особенно в области изучения культурогенеза.

В. М. Массон сыграл решающую роль в развитии ленинградской/петербургской школы центральноазиатской археологии, успехи которой, справедливо связанные с его именем, были высоко оценены в ведущих зарубежных научных центрах. В 1980-х гг. он стал одним из организаторов международных симпозиумов (советско-французские, советско-американские, советско-индийские), посвященных дискуссионным проблемам первобытной археологии Среднего Востока, Южной и Центральной Азии.

Будучи крупным организатором науки, В. М. Массон руководил в 1970–1980-х гг. межреспубликанским научным советом по археологии Средней Азии и Казахстана, который проводил региональные совещания по актуальным проблемам изучения древностей этого обширного региона. С 4 января 1982 г. по 12 мая 1998 г. он возглавлял ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.

В 1991 г. В. М. Массон принял самое активное участие в преобразовании ЛОИА АН СССР в самостоятельный институт — ИИМК РАН и стал инициатором создания печатного органа Института — журнала «Археологические вести», первый номер которого вышел в 1992 г.

Не менее масштабной была и научно-педагогическая деятельность В. М. Массона. С 1957 г. он читал курс «Археология Средней Азии» для студентов-археологов исторического факультета ЛГУ, а затем и курс «Археология Древнего Востока». В конце 1960-х — начале 1970-х гг. В. М. Массон руководил студенческим Восточным семинаром кафедры археологии ЛГУ. Он выпестовал не одно поколение учеников в ЛОИА и в других археологических центрах СССР. Под руководством ученого в Ленинграде/Санкт-Петербурге обучались аспиранты и стажеры из различных археологических учреждений России и стран ближнего (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Туркменистан, Узбекистан) и дальнего (Вьетнам, Республика Корея, Сирия) зарубежья. Центральноазиатская группа сотрудников Отдела в настоящее время почти полностью состоит из учеников В. М. Массона.

Достижения В. М. Массона на археологическом поприще были отмечены его членством в институтах и научных обществах ряда государств СНГ и стран дальнего зарубежья. Исследователь был избран академиком Российской Академии естественных наук, академиком Туркменистана, Академиком Национальной академии Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным и действительным членом ряда иностранных академий и институтов (Великобритания, Германия, Дания, Италия, Румыния).

Заслуги В. М. Массона в развитии восточной археологии были отмечены Академией наук и Правительством Туркменской ССР. В 1978 г. его избирают членом-корреспондентом Академии наук Туркменской ССР, а в мае следующего года исследователю присуждают звание заслуженного деятеля науки и техники Туркменской ССР.

Оценивая научный путь В. М. Массона, следует отдать должное его целеустремленности, с которой он в течение более полувека исследовал древности Центральной Азии, его потрясающей работоспособности и остроте аналитического ума, благодаря чему его научное наследие надолго сохранит актуальность для последующих поколений археологов. Как дань уважения огромным заслугам Вадима Михайловича Массона перед отечественной наукой сотрудники Отдела посвящают ему этот сборник, публикация которого приурочена к 85-летию со дня рождения исследователя.

Статьи сборника сгруппированы в четыре раздела, соответствующие основным научным направлениям Отдела. Первый из них включает две статьи (авторы В. А. Алёшкин и В. С. Бочкарёв), в которых рассматриваются общие проблемы науки, в частности вопрос о природе различных археологических источников. Эта проблема всегда находилась в русле научных интересов В. М. Массона, который в первой половине 1970-х гг. организовал в ЛОИА АН СССР четыре общесоюзных симпозиума, посвященных социологической интерпретации археологических источников. Во втором разделе представлены статьи о древнеземледельческих памятниках юга Центральной Азии (авторы Л. Б. Кирчо и Ю. Г. Кутимов), а также работы, связанные с изучением культуры античных и раннесредневековых городов Центральной Азии, включая их торговые связи с отдаленными странами (авторы Д. Абдуллоев, В. П. Никоноров и В. И. Распопова). В третий раздел включены работы по хронологии и культурогенезу бронзового века Кавказа и Европы — авторы А. Д. Резепкин, М. Б. Рысин, В. Я. Стёганцева и М. Т. Кашуба совместно с коллегой из Молдавии О. Г. Левицким. Здесь же помещена статья Л. А. Соколовой о культурных связях населения Юго-Восточной Турции и Восточного Туркестана в начале I тыс. до н. э. Четвертый

раздел составлен из статей по археологии Сибири. В них публикуются материалы новых раскопанных могильников бронзового и железного веков (авторы Н. А. Боковенко, А. В. Поляков, М. Н. Пшеницына, Вл. А. Семёнов и М. Е. Килуновская) и данные об укрепленных поселениях Южной Сибири от эпохи бронзы до развитого средневековья (С. В. Красниенко и А. В. Субботин), а также рассматриваются различные аспекты культурогенеза в эпоху первобытности (авторы Э. Б. Вадецкая и С. С. Миняев).

Кроме того, в сборник включены две статьи сотрудников Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященные археологии Древнего Востока (автор Ю. А. Виноградов) и Восточного Средиземноморья (автор В. А. Горончаровский), а также статья сотрудницы Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН Н. Н. Скакун, написанная ею в соавторстве с коллегами из Таджикистана (Т. Г. Филимонова, А. Х. Юсупов) и сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Ю. Г. Кутимовым.

Все упомянутые исследования посвящены актуальным вопросам современной науки и будут способствовать ее дальнейшему развитию.

В. А. Алёшкин

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии)

В. А. Алёкшин

Ключевые слова: *Африка, Ближний Восток, Европа, Центральная Азия, палеолит, мезолит, неолит, древние охотники, рыболовы и собиратели, древние земледельцы, погребальный обряд, посмертная судьба человека.*

Keywords: *Africa, the Near East, Europe, Central Asia, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, ancient hunters-gatherers, ancient farmers, funerary ritual, death, man's postmortem fate.*

Значительная часть артефактов, найденных во время раскопок древних памятников, происходит из могильников и отдельных захоронений, причем некоторые археологические культуры представлены почти исключительно погребениями. Такая ситуация характерна, например, для бронзового и железного века евразийских степей, где могильники являются чуть ли не единственным источником информации о древних обществах. Именно поэтому всестороннее изучение погребальных комплексов стало одной из важнейших задач науки. С точки зрения археологии захоронения представляют собой материальные свидетельства о совершенных некогда погребальных обрядах (Ольховский 1986: 69–70). Однако прежде чем приступить к подробному анализу последних, необходимо определить, какую роль в жизни людей далекого прошлого играл такой культурный феномен, как похоронный ритуал, и какую информацию о минувших археологических эпохах он несет.

Ответы на эти вопросы следует искать в публикациях этнологов, поскольку многие археологические работы, посвященные проблемам изучения погребальной практики, сводятся лишь к созданию формально-логических схем, на которых представлено соотношение различных видов человеческой деятельности, связанных со смертью и похоронами.

Например, Ю. А. Смирнов полагает, что область человеческой культуры, которая охватывает все многообразие способов обращения с покойным, включая подготовку его к погребению, следует называть социоморосферой или моросферой, тогда как создание искусственных сооружений для изоляции останков умершего, поддержание дальнейшего существования погребальных структур и сбережение памяти о покойных на протяжении жизни нескольких поколений необходимо относить к социотафосфере или тафосфере (Смирнов Ю. 1985в: 20; 1990: 217). В соответствии с этой схемой автор определяет процесс создания преднамеренного погребения как целенаправленный перенос останков умершего из социоморосферы в социотафосферу (Смирнов Ю. 1985в: 22). Развивая позднее свою точку зрения, он обозначил термином «некрология» «всю совокупность знаний любого конкретного общества о формах и способах обращения с умершими и действий, направленных на их реализацию». Некрологический цикл операций состоит из трех стадий: предваряющей (подготовка тела к захоронению), завершающей (похороны и создание погребального комплекса) и последующей («поддержание» посмертного существования покойного и сохранение памяти о нем). Погребальный обряд включает все некрологические действия от момента смерти индивида до захоронения, в ходе захоронения и после его совершения (Смирнов Ю. 1994: 16–17).

В. С. Ольховский считал, что погребальный культ подразумевает «почитание реальных или иллюзорных объектов, связанных с представлениями о смерти человека и его состоянии после смерти». Символика этого культа означает регуляцию отношений живых с потусторонним миром, а также почитание душ умерших и хтонических божеств (Ольховский 1986: 72). По его мнению, погребальный культ включает погребальные обычаи, погребально-поминальную обрядность и погребальный памятник, причем поминально-погребальная обрядность является системой обычаев (Ольховский 1986: 72; 1991: 4–5; 1993: 82–83).

Близкую позицию занимает В. И. Мельник, который предложил понятие «некротфера» для обозначения всех форм обращения людей с мертвыми телами. Согласно автору, некротфера включает погребальный обряд (совокупность символических и реальных действий, совершенных в соответствии с определенными нормами и представлениями при захоронении умерших), обряды обращения с покойными и погребальные обычаи (стереотипические практические действия с телом человека от его смерти до совершения погребения и создания погребального памятника). Впрочем, исследователь признает, что погребальные обычаи и обряды столь тесно переплетены, что на практике их с трудом можно различить (Мельник 1990: 74–76; 1993: 94–95).

Впоследствии В. С. Ольховский тоже стал пользоваться термином «некротфера», понимая под ним погребальную практику, т. е. сферу человеческой деятельности, охватывающую все действия, «совершаемые в процессе подготовки и захоронения умершего»: обрядовые (символические) и внеобрядовые (произвольные, утилитарные и стандартные, причем последние тождественны обычаям) (Ольховский 1993: 86–87).

Еще одну формулировку погребального обряда предложил В. Н. Мышкин. По его мнению, похоронный ритуал «можно определить как форму нормативного поведения людей, связанного с духовным и материальным выделением умерших из социума» (Мышкин 1999: 271).

Все эти схемы не лишены недостатков. Во-первых, в них практически не отражена семантика похоронного ритуала как элемента культуры. Это обстоятельство затрудняет реконструкцию древних верований о смерти, которые и предопределяли существование разнообразных форм погребальной обрядности с момента ее возникновения. Лишь В. И. Мельник отметил в одной из своих работ, что «погребальный процесс» включает и «религиозно-мифологический событийный ряд» (Мельник 2005: 12). Таким образом, назрела необходимость подробнее изучить вопрос о происхождении похоронного ритуала и его дальнейшей эволюции (Алёшкин 1981: 4; 1986в: 6–7; 2008; Кызласов И. 1993: 99–101). Во-вторых, эти схемы противоречат результатам работ этнологов, которые теперь не делают различий между обычаем и обрядом (Байбурун 1993: 29–30). В-третьих, авторы рассматриваемых схем используют для анализа погребальных обрядов весьма несовершенную терминологию (Ольховский 1995: 86–88; Гуляев, Ольховский 1999: 12–13), что затрудняет восприятие их суждений. По этим причинам определения погребального культа, предложенные российскими археологами в 1980–1990-х гг., не могут конкурировать с четкой формулировкой этого понятия, разработанной этнологами.

Обзор этнологических исследований позволяет сделать вывод о том, что в традиционных (неиндустриальных) обществах, культура которых представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, сформировавшихся на основе обычаев, существовал и комплекс разнообразных ритуальных действий, регламентирующих отношение к умирающим, способы обращения с покойными и формы поминания или почитания усопших. Сложившиеся в отдаленном прошлом эти три группы верований составляют погребальный культ (Грачева 1993б).

Магия ритуалов первой группы (отношение к умирающим) направлена на то, чтобы подготовить к наступлению смерти больных или раненых сородичей, на выздоровление которых не осталось надежд. Следует подчеркнуть, что в данном случае обрядовые действия не нацелены на изменение прижизненного статуса этих людей, поскольку в них еще теплилась жизнь.

Символика ритуалов третьей группы (поминальные обряды) связана с почитанием давно ушедших из жизни людей. Однако и в этом случае обрядовые действия в честь покойных не ведут к каким-либо переменам в посмертном статусе, который предки получили после окончания траура, вызванного их кончиной.

Центральное место в погребальном культе отведено ритуалам второй группы (погребальные обряды). Именно они предназначены для того, чтобы зафиксировать посредством церемоний,

одобренных традиций, радикальное изменение прижизненного статуса умершего, который лишь после похорон и завершения связанного с ними траура приобретает иной (посмертный) статус и покидает мир живых.

Иными словами, при помощи погребальных ритуалов коллектив санкционирует переход индивида из одного качественного состояния в другое. Таким образом, похоронный ритуал относится к группе обрядов, назначение которых состоит в том, чтобы регулировать жизненный путь человека. Все действия похоронного ритуала, включая и подготовку погребального сооружения, являются, вопреки мнению В. С. Ольховского (Ольховский 1986: 68; 1993: 83), символическими. Впрочем, его позиция по этому вопросу противоречива. С одной стороны, он считал ущербной трактовку погребального обряда как системы преимущественно символических действий (Ольховский 1993: 83), с другой — признавал, что «каждое реальное действие в обряде является одновременно и нереальным, обусловленным его семантической значимостью» (Там же: 84) и что «деление действий на символические и утилитарные может быть принято лишь как сугубо условное, соответствующее современному, а не древнему восприятию обряда» (Там же: 85).

Следует указать, что термины «ритуал» и «обряд» используются автором данной статьи как синонимы. Такое их употребление, как следует из монографии А. К. Байбурина, посвященной обрядам восточных славян (Байбурин 1993: 18), вполне допустимо. Словосочетания «погребальный (похоронный) обряд» и «погребальный (похоронный) ритуал», а также термины «захоронение» и «погребение», с точки зрения автора этих строк, также являются сходными по смыслу.

В традиционных обществах жизнь людей была жестко регламентирована и разделена на несколько циклов (детство, отрочество, юность, зрелость, старость), причем переход от одного цикла к другому сопровождался особыми ритуалами (ван Геннеп 1999; van Genneп 1909). Поскольку у многих народов были распространены представления о том, что смерть является прелюдией к какому-то иному существованию (ван Геннеп 1999: 134–150; Еремина 1991: 24; van Genneп 1909: 209–236), то, как это ни парадоксально, в один ряд с похоронными ритуалами следует поставить обряды и праздники, посвященные рождению ребенка, приобретению подростком статуса взрослого мужчины или женщины (обряд инициации), а также свадебные пиры. По терминологии, предложенной А. ван Геннепом, все перечисленные ритуалы, в том числе и погребальные, называются обрядами перехода (van Genneп 1909; ван Геннеп 1999: 7–18).

В 1990-е гг. А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон внесли коррективы в классификацию обрядов перехода, предложенную А. ван Геннепом. Они выделили две группы переходных ритуалов (Байбурин, Левинтон 1990: 73–74). Одну из них составляют «срединные», по терминологии авторов, обряды (инициация и свадьба), которыми завершаются такие жизненные циклы, как отрочество и юность. Эти ритуалы имеют классическую для обрядов перехода трехчастную структуру символических действий. Например, для инициации отмечается следующая последовательность ритуальных действий: уход подростка, которого должны подвергнуть испытаниям, из коллектива — «пограничный» период (пребывание за пределами поселения, т. е. собственно период испытаний) — возвращение в родной дом (Там же: 68).

Другую группу переходных обрядов образуют «крайние» ритуалы (родины и похороны), которые фиксируют начало и завершение жизни человека. По мнению А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона, эти обряды принципиально отличаются от эталонных ритуалов перехода (свадьба, инициация), поскольку для «крайних» обрядов характерна двухчастная схема символических действий. Например, похоронный ритуал включает следующие обрядовые действия: отделение умерших от живых — путешествие на тот свет, которое завершается на кладбище, откуда покойник не возвращается. Дальнейший путь мертвеца в мир иной и его возможная реинкарнация остаются в концептуальной сфере и ритуально не реализуются (Там же: 69, 73, 78; Байбурин 1993: 115, 190–191). Придавая большое значение подобной «незавершенности» погребального обряда, А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон одно время считали, что он вообще не соответствует схеме ритуала перехода (Байбурин, Левинтон 1990: 90, примеч. 15), но в дальнейшем отказались от столь радикальной точки зрения (Там же: 68–69).

При всей новизне и оригинальности предложенной А. К. Байбуриным и Г. А. Левинтоном классификации обрядов в ее адрес можно высказать два существенных замечания. Во-первых,

в ней не подчеркнута своеобразие свадебного праздника, которое, с моей точки зрения, позволяет ему занять особое место среди переходных ритуалов. Хотя исследователи и указали на сходство свадьбы с похоронами (молодая жена не возвращается в родительское жилище, а переходит жить в дом мужа) (Там же: 70), они не отметили аналогии между свадебным ритуалом и инициацией (жизненный путь невесты не обрывается после свадьбы). Таким образом, специфика свадебного обряда заключается в том, что после его завершения молодая женщина оказывается в обстановке, имеющей черты сходства с ситуациями, которыми заканчиваются другие обряды перехода — как «срединные», так и «крайние».

Во-вторых, в классификации А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона ритуалы с классической трехчастной схемой символических действий (инициация, свадьба) противопоставляются «незавершенным» обрядам с двухчастной схемой символических действий (родины, похороны). Хотя и сам А. ван Геннеп не настаивал на абсолютизации традиционной схемы переходного ритуала и не рассматривал ее как некую универсалию (ван Геннеп 1999: 146–147; van Gennep 1909: 230), с моей точки зрения, вышеприведенное противопоставление некорректно, потому что и «срединные», и «крайние» обряды служат для достижения одной и той же цели. Когда речь заходит о функциональном назначении переходных ритуалов, обычно подчеркивают их роль в социальной интеграции коллектива (Байбурин 1993: 32; ван Геннеп 1999: 135–136, 149–150; Мышкин 1999: 280–281; Петрухин 1975: 5; van Gennep 1909: 211–212, 234–235). Однако главной целью всех обрядов перехода является оформленная символическими действиями санкция коллектива на получение человеком нового статуса. Переходные ритуалы «освящали» только радикальные изменения жизни индивида, после которых он навсегда утрачивал свое прежнее общественное положение. Действительно, новорожденный не может возвратиться во чрево матери, молодой воин не может превратиться в неопытного подростка, супруги не могут вернуть свой добрачный статус, покойник не может встать из могилы. Исключение делалось только для ошибочно объявленных умершими и символически похороненных людей, которые после возвращения в родной дом должны были имитировать обряд нового рождения, чтобы вновь стать полноправными членами общины (Фрэзер 1980: 25). Таким образом, любой обряд перехода ведет к безвозвратной утрате прошлого образа жизни. Это важное обстоятельство объединяет переходные ритуалы в единый цикл обрядов независимо от их структурного разделения на «двухчастные» и «трехчастные».

Предложенный А. ван Геннепом термин «ритуалы перехода» исключительно точно характеризует суть символических действий, которыми заканчивался каждый жизненный цикл человека. Эти обряды сопровождали его на протяжении всей жизни, которая, в соответствии с широко распространенными среди многих народов верованиями, не завершалась физической смертью индивида. Но куда же переходил усопший? Что было ему уготовано после кончины?

За исключением отдельных племен, у которых сложились лишь аморфные представления о загробном бытии покойного (Frazer 1933: 7–9; Уско 1969: 264–265), во всех остальных традиционных обществах существовали, как об этом свидетельствуют данные этнологии и фольклористики, развитые воззрения на посмертную судьбу человека. Их можно свести к трем основным идеям.

Наиболее известна та из них, согласно которой усопший после похорон отправлялся в далекую страну мертвых, отделенную от мира живых труднопреодолимыми препятствиями и находившуюся чаще всего под землей, причем могила служила входом в загробный мир. Чтобы помочь покойному благополучно добраться до места его нового обитания, живые снабжали усопшего съестными припасами, добротной одеждой и обувью, снаряжением для охоты и рыбной ловли, земледельческими орудиями, оружием, а иногда и транспортными средствами (лодка, нарты, повозка). Продолжительность траура по умершему сородичу обычно соответствовала времени, в течение которого покойный перебирался на тот свет. Страну мертвых часто представляли слепком мира живых. Ее обитатели могли сохранять свою принадлежность к половозрастным классам и социальным группам, членами которых они являлись при жизни, хотя нередко условия существования на том свете зависели также и от причин смерти человека. Жители загробного мира благоденствовали, занимаясь охотой или хлебопашеством. Они заключали между собой браки и даже воспроизводили потомство (Алёшкин 1991: 15; Байбурин 1993: 114–115; Бутинова 1984: 73, 74–76; Грачева 1993а; 1993б: 155; Енговатова 2000: 4; Еремина

1991: 24, 31–32; Перова 1984: 99–101; Петрухин 1987: 452–454; Савельева, Истомина 1986: 81–82; Старкова 1983: 40; Тайлор 1989: 285–297; Федорова 1997: 152–153; Bendann 1930: 163–171; Frazer 1933: 8–13, 35–36).

Итак, на основании множества фактов, оказавшихся в распоряжении ученых еще в XIX в., можно сделать вывод о том, что в большинстве традиционных обществ глубоко укоренились представления о переселении умерших в загробный мир, куда они попадали при помощи погребальных обрядов, являвшихся, таким образом, средством перемещения покойных на тот свет (ван Геннеп 1999: 137–145; van Genneп 1909: 214–228). Каждое общество по-своему представляло себе этот переход, поэтому похоронные ритуалы столь различны, причем наиболее ярким свидетельством этого разнообразия является способ погребения тела (ингумация, кремация, мумификация, выставление трупа на платформе или на дереве, опускание его в воду и т. д.).

В соответствии со второй идеей смерть — это лишь прелюдия к возвращению усопшего в мир живых в облике новорожденного. Приведу лишь один пример, иллюстрирующий подобную веру в реинкарнацию. Эвенки-орочоны считали, что после смерти человека его душа *хэян* разделялась на души *оми* и *хэян*. Душа *хэян* (живая душа покойного) селилась на втором ярусе верхнего мира. Душа *оми* улетала на первый ярус верхнего мира, который располагался над вторым. Здесь, на звезде Чолбон, растут сухие лиственницы, увешанные птичьими гнездами, в которых помещались души *оми*. По велению высшего божества эвенков (*энекан буга*) или по просьбе шамана происходило вселение души *оми* во чрево женщины (Мазин 1984: 11–12, 25–26), вследствие чего умерший возвращался к живым в ином обличье.

Таким образом, вера людей в новое рождение покойного уживалась с четким осознанием ими того, что мертвый сородич не вернется на землю в прежнем воплощении. Смерть человека и момент его предполагаемого возрождения разделены временем, длительность которого никому не была известна. Этнологические источники свидетельствуют о том, что верования в реинкарнацию были широко распространены в традиционных обществах Старого и Нового Света (Бородатова 1984: 77–78; Бутинова 1984: 81–82; ван Геннеп 1999: 54, 147–148; Гаер 1983: 45; Галданова 1987: 63–64; Дмитриева 1993: 22–23; Еремина 1991: 29–31; Кулемзин 1997: 154; Перова 1984: 100; Петрухин 1987: 454–455; Попов 1984: 37; Прокофьев 1986: 34, 36; Тайлор 1989: 255–256; Федорова 1999: 169–170; Фрэзер 1980: 290–291; Bendann 1930: 172–173; Frazer 1933: 7, 20, 22, 24–26; van Genneп 1909: 231–232).

В этих социумах представления о возрождении были такой же реальностью, как и смерть. Логичный, с точки зрения современного исследователя, постулат о том, что вера в реинкарнацию «как правило, менее всего связана с самим погребальным обрядом» (Байбурин, Левинтон 1990: 70), неприемлем для традиционных обществ. Для них такая мировоззренческая позиция означала бы отрицание принципа цикличности человеческой жизни, что привело бы к разрыву между «практикой» (похоронные ритуалы) и «теорией» (вера в предстоящее возрождение). Именно поэтому носящие универсальный характер представления о реинкарнации, ставящие появление новой жизни в зависимость от смерти, играли существенную роль в духовности традиционных обществ. Более того, вера в возрождение умерших влияла на формы погребальной обрядности (Прокофьев 1986: 34, 36). В целом трактовка погребального обряда как «незавершенного» ритуала перехода (Байбурин, Левинтон 1990: 68–69) противоречит культурным нормам традиционных обществ, для которых не существовало такой абстракции, как верования «в концептуальной сфере».

Согласно третьей идее, после смерти человек поселялся в могиле, которая, таким образом, становилась местом его вечного пребывания, т. е. новым домом (Еремина 1991: 24; Мандельштам 1968: 109–110; Петрухин 1975: 6–10; Савельева, Истомина 1986: 85; Топорков 1995а: 168–169; 1995б: 262, 264; Tschumi 1930: 126–130), соответствующим прижизненному статусу покойного. В традиционных обществах это верование (ван Геннеп 1999: 148, 149; van Genneп 1909: 233–234) встречается значительно реже, чем представления о переселении усопших в страну мертвых и о возрождении покойных в обличье новорожденных.

Этот краткий обзор основных воззрений на посмертную судьбу человека, известных в традиционных обществах, позволяет сделать два вывода.

Во-первых, способ проникновения покойных в потусторонний мир и их образ жизни там требовали в большинстве случаев того, чтобы в погребальном обряде как ритуале перехода

отражалась бы информация об особенностях путешествия усопших на тот свет, об их возрасте, половой принадлежности, социальном статусе, причинах смерти, а также о принадлежности к какой-либо родственной группе в общине.

Однако исследования в области этнологии показали, что влияние этих факторов на погребальную практику было неравноценным. Одни из них (половозрастная характеристика и социальный ранг) оказывали на нее существенное воздействие. Влияние прочих (причины смерти и обстоятельства проникновения в загробный мир) было не столь значительным. Внутриобщинные связи покойного в сфере семейно-брачных отношений нашли весьма слабое отражение в похоронном ритуале (Терюков 1984: 223; Bendann 1930: 268–272; Binford L. 1971: 13–15; Schwidetzky 1965: 231–232). К тому же следует отметить, что погребальные обряды являются ценным источником по изучению взаимовлияния различных общин, населявших контактные территории, где скрещивались различные культурные традиции (Грачева 1993б: 155). Не менее интересно также исследование трансформации погребальной практики традиционных обществ под воздействием похоронных ритуалов мировых религий (Ольховский 1986: 74). На погребальный обряд оказывали воздействие и форма хозяйства, и экологический фактор (Там же: 73–74). Однако вряд ли есть необходимость акцентировать внимание на такой элементарной вещи, как различие похоронных ритуалов охотников и земледельцев, или, например, на том, что кочующие в пустыне Сахара туареги хоронили умерших иначе, чем эвенки, населяющие таежные леса Восточной Сибири.

Во-вторых, все три основные концепции о посмертной судьбе человека настолько противоречат друг другу, что вряд ли можно предполагать их одновременное возникновение в исторической ретроспективе. Вопрос о времени возникновения каждой из этих идей можно прояснить, лишь обратившись к изучению археологических источников.

Древнейшие погребальные обряды, возникшие приблизительно 140 000 л. н. (Grün et al. 2005; Mercier et al. 1993; Schwarcz et al. 1988; Valladas et al. 1988), относятся к середине и концу эпохи мустье, которая началась примерно 250 000 л. н. и завершилась около 40 000 л. н. (Шер и др. 2004: 59). Захоронения этого времени, как уникальное свидетельство духовной культуры человека среднего палеолита, изучают уже более 100 лет. Однако до сих пор археологи не могут дать им однозначную оценку и ожесточенно спорят о сущности этого важнейшего для эпохи мустье культурного феномена. Поскольку погребения среднего палеолита продолжают оставаться в центре оживленных научных дискуссий, рассмотрим детально комплекс вопросов, связанных с интерпретацией находок фрагментированных и полных человеческих скелетов, относящихся к мустьерскому времени.

Вначале археологи полагали, что люди, останки которых, начиная с конца XIX в., стали находить в среднепалеолитических отложениях пещер Бельгии (Спи) и Франции (Ле Мустье, Ля Феррасси, Ля Шапель-о-Сен, Ля Кина) (Bouyssonie A. et al. 1908; Fraipont, Lohest 1887; Klaatsch, Hauser 1908; Martin 1911; Peyrony 1934: 34–36), не были преднамеренно захоронены (Fraipont, Lohest 1887: 668; Martin 1911: 620; Mortillet G., Mortillet A. 1900: 390–476). Многие ученые считали неандертальцев, населявших Западную Европу в эпоху мустье, примитивными существами, которые были лишены духовности (Roche 1976: 20–21). В основе такой точки зрения лежало широко распространенное в европейской гуманитарной науке XIX–начала XX в. представление о дорелигиозном этапе в истории человечества. В соответствии с этой концепцией, восходящей к идеям европейских просветителей XVIII в., вера в сверхъестественное возникает у людей не сразу, а лишь на определенной стадии их общественного развития (Коллингвуд 1980: 74–75). Следовательно, в глубочайшей древности, т. е. в палеолите, они не знали религии.

Гипотезу о том, что у человека древнего каменного века еще не сложились представления о высших силах, которым необходимо было поклоняться, последовательно отстаивал один из создателей науки о древностях Г. де Мортилье, оказавший огромное влияние на развитие европейской археологии. Он утверждал, что палеолитическое общество не нуждалось в похоронном ритуале, который, по мнению французского исследователя, подразумевает веру в потусторонний мир. Г. де Мортилье считал, что скелеты, найденные на палеолитических стоянках, принадлежали людям, погибшим от голода, холода, болезней, наводнений или обвалов в пещерах (Mortillet G., Mortillet A. 1900: 390–476). В жертву этой теории были принесены и научная объек-

тивность оппонентов, и непровержимые стратиграфические доказательства залегания останков людей в культурных слоях мустьерских или верхнепалеолитических стоянок (d'Асу 1888). О том, насколько далеко зашел Г. де Мортилье, стремясь опровергнуть сам факт существования палеолитических захоронений, свидетельствует, например, его предложение датировать знаменитые погребения гротов Гримальди эпохой неолита (Mortillet 1892).

Позднее Г. Обермайер (Obermaier 1912), А. Брейль (Breuil 1921) и Д. Пейрони (Peugony 1921) обосновали новую концепцию, согласно которой человеческие скелеты, обнаруженные на стоянках среднего палеолита, следуются расценивать как древнейшие свидетельства формирования духовной культуры мустьерских охотников, которые хоронили умерших сородичей. Указывая на сходство неандертальских погребений (могильные ямы и ритуальные позы умерших) и захоронений более поздних археологических эпох, сторонники новой гипотезы полагали, что погребальный обряд среднего палеолита тождественен похоронному ритуалу эпохи неолита и бронзы. Именно поэтому в начале XX в. многие исследователи рассматривали найденные возле останков людей мустьерского времени кремни и кости животных как погребальный инвентарь и заупокойную пищу (Обермайер 1913: 486; Bouyssonie A. et al. 1908: 517; Capitan, Peugony 1909: 408; Klaatsch, Hauser 1908: 290–291; Obermaier 1912).

После работ Г. Обермайера, А. Брейля и Д. Пейрони в западноевропейской и американской археологии вплоть до конца 1980-х гг. никто не сомневался в достоверности погребений эпохи среднего палеолита. Спорили только о том, что стояло за этими проявлениями особого отношения мустьерского человека к умершим.

В советской археологии, на формирование которой в 1920–1930-е гг. сильное влияние оказал марксизм, было унаследовано негативное отношение к религии от французских просветителей и долгое время господствовало представление о дорелигиозном обществе в эпоху среднего палеолита. Однако лишь М. О. Косвен и М. С. Плисецкий, исходя из этого постулата, полностью отрицали существование мустьерских погребений (Косвен 1957: 35; Плисецкий 1952: 151, 155–156; 1957: 51). Принимая во внимание археологические реалии, большинство ученых находили рационалистические объяснения этим находкам: требования гигиены (Мельник 1990: 75; Ольховский 1986: 69; Токарев 1956: 136; 1957: 191), страх перед умершими (Борисковский 1935: 33; Никольский 1923: 81; Семенов 1966: 388, 392, 402–403), проявление заботы о покойниках (Борисковский 1935: 32–33; Ефименко 1953: 248–249, 252; Равдоникас 1939: 184; Окладников 1952: 177; Толстов 1931: 96).

Только три советских археолога считали возможным, наряду с вышеупомянутыми причинами, назвать еще одну: отражение зарождавшихся религиозных представлений, которые, с их точки зрения, были зачаточными, что и обусловило, в свою очередь, примитивность мустьерских захоронений по сравнению с погребениями других археологических эпох (Никольский 1950: 70, 73, 75–76, 78; Окладников 1952: 177, 179; Равдоникас 1939: 174–175, 184, 230). От концепции Обермайера-Брейля-Пейрони эта гипотеза отличалась только тем, что ее последователи всегда указывали на отсутствие в мустьерских захоронениях погребального инвентаря. Ослабление идеологического пресса в СССР во второй половине XX в. способствовало тому, что именно эта идея получила в советской науке большее распространение (см. Ольховский 1986: 69; Смирнов С. 1982: 71; 1983: 167, 169; 1990: 18, 20, 23; Станкевич 1982: 21), причем представление о неразвитости мустьерского похоронного ритуала до сих пор сохраняется в отечественной науке (Куценков 2001: 16). Однако сторонники рационалистического подхода к интерпретации мустьерских погребений не собирались сдавать позиции (см. Семенов 1983: 385; 1989: 233–236).

В работах Ю. А. Смирнова, опубликованных в 1980-х — начале 1990-х гг., концепция о простейшем, зачаточном характере среднепалеолитических погребений была подвергнута развернутой критике (Смирнов Ю. 1981; 1985а; 1985б; 1986; 1988; 1990: 216, 218; 1991: 64–69; Smirnov Ju. 1989). Исследователь пришел к двум основным выводам: во-первых, мустьерские захоронения ничем не отличаются от погребений более поздних эпох (Смирнов Ю. 1991: 190–222); во-вторых, мустьерский погребальный обряд является сложившейся системой, которая с течением времени не требовала введения новых дополнительных элементов (Там же: 223–226).

Дискуссия о среднепалеолитических погребениях получила новый импульс в последней четверти XX в. после того как была высказана идея о решающем значении для развития

человеческого общества культурных и биологических отличий мустье от верхнего палеолита (Klein R. 1973; Mellars 1973; Otte, Keely 1990). С точки зрения археологов, разделяющих эту гипотезу, разрыв в традициях при переходе от мустье к верхнему палеолиту привел к значительным изменениям всех сторон жизни древнейшего населения Европы. Отсюда один шаг до предположения о том, что в эпоху верхнего палеолита погребальный обряд являлся новым элементом культуры и не имел предшественников в мустьерское время. Идея полного отрицания среднепалеолитических погребений изложена в двух публикациях Г. Гаджетта (Gargett 1989; 1999), которого поддержали в основном американские археологи (Clark, Lindly 1989: 178–179; Gamble 1989: 181–182; 1990: 244; Gilman 1989: 182; Weber 1989: 184).

Положительной стороной работы Г. Гаджетта стал детальный анализ источников. Он отметил ошибки тех исследователей, для которых (например, см. Смирнов Ю. 1991: 190–222) характерно широкое понимание погребального ритуала, ведущее к заключению о тождественности мустьерского и верхнепалеолитического обрядов, и которые в каждой кости, кремне и очаге, найденных возле останков людей эпохи среднего палеолита, склонны видеть различные формы проявления погребального культа. Однако сам Г. Гаджетт, увлекшись изучением геологических процессов, влиявших на формирование отложений в пещерах, гротах и скальных навесах, полностью исключил человеческий фактор как первопричину появления целых скелетов в культурных слоях стоянок среднего палеолита. Он утверждает, что все эти скелеты являются останками трупов, которые по различным причинам не были похоронены и сохранились благодаря исключительным стечениям обстоятельств, характеризующих особенности процесса тафономии на каждой конкретной стоянке (Gargett 1989: 177; 1999: 77–84). Основной вывод Г. Гаджетта реанимирует старую идею Г. де Мортилье об отсутствии погребальной практики в эпоху среднего палеолита. При этом как тогда, так и сейчас игнорируются очевидные археологические факты.

Такой подход неслучаен. В современной американской науке существует мнение, что археологические данные не в состоянии дать ответ на сложные вопросы культурогенеза. С этой точки зрения представление о значимости археологических комплексов является наследством дискредитированной эмпирической науки. При таком подходе на первый план выходит идея, которая aranжируется в соответствии с исследовательскими пристрастиями ученого (Clark 1991: 125).

Рационалистическое объяснение причин появления среднепалеолитических захоронений (исключая могилы Схула и Кафзеха) также нашло своих приверженцев в англосаксонской археологии. Например, американцы Ф. Чейз и Г. Диббл полагают, что мустьерские погребения, отличающиеся от верхнепалеолитических, свидетельствуют о заботливом отношении к умершим или об эмоциональной реакции неандертальцев на смерть, мало чем отличающейся от аналогичной реакции шимпанзе (Chase, Dibble 1987: 276; Dibble, Chase 1990: 242; 1993). Эту точку зрения поддержали и другие американские исследователи палеолита (Davidson, Noble 1989: 128; Klein R. 1989: 327–328, 407; Walker, Shipman 1996: 285–286), а также англичанин П. Мелларс (Mellars 1996: 375, 379–381). С другой стороны, В. И. Мельник, Х. Стрингер и К. Гэмбл полагают, что находки полных или почти полных скелетов людей мустьерского времени могут свидетельствовать о практике избавления от трупов, т. е. о действиях, аналогичных работам по очистке места обитания от мусора и отходов (Мельник 1990: 75; Stringer, Gamble 1994: 158–160).

Таким образом, в современной западной археологии складывается научное направление, для которого характерно, как это уже отметили А. Бельфер-Кое и Э. Ховерс (Belfer-Cohen, Hovers 1992: 468), интеллектуальная дискриминация неандертальцев по сравнению с людьми современного физического типа, останки которых были обнаружены в среднепалеолитических отложениях Схула (McCown 1937) и Кафзеха (Vandermeersch 1981).

Сторонники концепции разрыва культурных традиций при переходе от эпохи мустье к верхнему палеолиту справедливо упрекают своих оппонентов в том, что их воззрения на погребальный обряд среднего палеолита сформировались под воздействием представлений о захоронениях более поздних эпох. Действительно, в специальной литературе еще можно встретить утверждение о том, что лишь наличие инвентаря в могиле дает основание говорить о существовании похоронных ритуалов в эпоху мустье (см. Шер и др. 2004: 174), хотя нередки случаи, когда посмертные приношения отсутствуют даже в захоронениях бронзового века с его развитой погребальной обрядностью. Впрочем, исследования последней четверти XX в. открыли доступ

к неизвестной ранее информации, изменившей традиционные взгляды археологов на мустьерскую похоронную практику.

Заслуга открытия этих новых фактов целиком принадлежит антропологам, которым удалось обнаружить на костях неандертальцев следы от кремневых орудий, свидетельствующие о посмертных манипуляциях с трупами — расчленение тел и срезание мягких тканей с костей (Le Mort 1987; 1988a; 1988b, 1989; Russel 1987; Ullrich 1982; 1986). Поскольку значительная часть останков людей эпохи мустье представлена неполными скелетами или их частями (Смирнов Ю. 1991: 202–205; Ullrich 1986), то, по мнению Г. Ульриха, погребальный обряд среднепалеолитического времени эволюционировал от расчлененных захоронений раннего мустье к нерасчлененным погребениям, появившимся в конце среднего палеолита (Ullrich 1986). Таким образом, Г. Ульрих документально обосновал идею, выдвинутую французскими исследователями А. Брейлем и Г. Люке еще в 1920-х гг., о существовании в мустьерскую эпоху обычая хоронить расчлененные трупы (Люке 1930: 30; Breuil 1921: 345).

Итак, разнообразие имеющихся в настоящее время гипотез о погребениях среднего палеолита можно свести к четырем основным: 1) мустьерские захоронения являются объективной реальностью, причем похоронный ритуал среднего палеолита не отличается от верхнепалеолитического (Ю. А. Смирнов); 2) мустьерские захоронения существуют, но они принципиально отличаются от погребений верхнего палеолита (С. В. Смирнов, Ф. Чейз и Г. Диббл); 3) наличие мустьерских погребений доказано, причем похоронный ритуал среднего палеолита эволюционирует от расчлененных захоронений раннего мустье к погребениям полных трупов в позднем мустье (Г. Ульрих); 4) мустьерские захоронения не существуют (Г. Гаджетт).

Проверяя эти гипотезы, следует учитывать специфику такого источника, как обряд. Любой обряд, в том числе и погребальный, включает цикл неоднократно повторяющихся действий (Perlés 1982: 8–9), которые со временем становятся нормами. Однако в традиционных культурах ритуалы жестко не регламентировались, поэтому в каждой общине они имеют локальные отличия.

Принимая во внимание эти особенности погребального обряда, имеющиеся гипотезы можно оценить, лишь получив ответы на следующие вопросы: имеются ли свидетельства регулярно повторяющихся символических действий в связи с находками скелетов мустьерского времени; наблюдается ли хронологическая эволюция этих действий; имеют ли эти обрядовые действия региональные различия?

Скелеты мустьерского времени Западной Европы (Алэкшин 1993а; 1995), Юго-Западной Азии (Алэкшин 1992б; 1993б; 1994а) и Крыма (Алэкшин 1992а; 1993в), за исключением скелетов в Регурду (Франция) (Алэкшин 1995б: 199, 205; 1998: 241–242) и, возможно, в Неандертале (Германия) (Алэкшин 1998: 241), найдены в культурном слое стоянок. Однако далеко не всегда археологи обнаруживали предназначенные для размещения тел погребальные сооружения. В тех же случаях, когда они зафиксированы, удалось установить, что умершие лежали либо в преднамеренно вырытых могилах; либо в мусорных ямах, заранее очищенных от их содержимого; либо в углублениях естественного происхождения. В одном случае (Шанидар, Ирак) обнаружена своеобразная каменная циста (Алэкшин 1995а: 26; 1999: 101; Hovers et al. 1995: 52).

Вблизи останков людей эпохи мустье нередко лежали кости животных, а также изделия из камня. Некоторые исследователи до сих пор рассматривают эти находки как доказательство того, что заупокойную пищу и погребальный инвентарь помещали в могилы умерших уже во времена среднего палеолита (Смирнов Ю. 1991: 210–215; Шер и др. 2004: 69; Binford S. 1968: 143, 146; Defleur 1993: 256–259; Harrold 1980: 201; Riel-Salvatore, Clark 2001: 454–455). Однако другие археологи полностью отрицают такую возможность (Chase, Dibble 1987: 273–275; May 1986: 11–35) или подвергают ее сомнению (Binant 1991: 101–104, 110–112; Leroi-Gourhan 1964: 56).

Поскольку все захоронения эпохи мустье расположены на стоянках, культурный слой которых насыщен артефактами, необходимо выявить критерии, в соответствии с которыми можно определять наличие или отсутствие инвентаря в погребальном комплексе.

Сами по себе находки каких-либо изделий в могиле не доказывают того, что они преднамеренно положены в нее. Приспосабливая для захоронения хозяйственную яму или устраивая в культурных напластованиях стоянки могилу, люди эпохи среднего палеолита постоянно

наталкивались на артефакты, ранее отложившиеся в слое. Полностью очистить от них могильную яму было невозможно, поэтому какая-то их часть оставалась лежать на дне могилы. Вещи из культурного слоя попадали в яму также при ее засыпке. Кроме того, с течением времени артефакты, располагавшиеся в слое непосредственно над погребением, постепенно могли вдавливаться в более мягкое заполнение могилы под тяжестью вышележащих отложений. Таким образом, орудия и кости животных, найденные под скелетом, возле него, на нем или над ним, могли вообще не иметь связи с захоронением.

К погребальным приношениям относятся только те артефакты, которые находятся в контакте с руками усопшего: зажаты в его ладони или, располагаясь на его теле, перекрыты костями предплечья и кистей. Таким образом, первым критерием, указывающим на присутствие инвентаря в могиле, является прямое касание его руками покойника. Набор инвентаря, а также место его расположения в могиле, как и любая другая деталь погребального обряда, зависит от принятых норм и стандартов, которые, в свою очередь, определялись устоявшимися культурными традициями. Поэтому вторым критерием, свидетельствующим о наличии инвентаря в погребении, является стандартизация набора и размещение его в определенных местах могилы по отношению к трупу. И наконец, третьим критерием является уникальность того или иного артефакта, который выявлен только в связи с останками людей и не обнаружен в культурном слое стоянки.

Анализ всех обнаруженных каменных орудий, найденных вблизи скелетов мустьерского времени, показал, что они не соответствуют этим критериям, и поэтому захоронения среднего палеолита следует считать безынвентарными (Алёкшин 1995а: 26; 1995б: 202–203; 1999: 101). Кости животных, за исключением трех находок в Израиле при скелетах: Схул V, Кафзех 11 и Амуд 7 (McCown 1937: 100–101; Vandermeersch 1970: 299–301; Hovers et al. 1995: 52, 55–56; Tillier 1995: 67, 70), также беспорядочно располагаются возле скелетов и не могут являться заупокойной пищей.

Культурные отложения мустьерских стоянок интенсивно насыщены очагами, которые никак не связаны с похоронным ритуалом. Красная краска обнаружена лишь в одном захоронении (Ля Шапелль-о-Сен, Франция), причем вполне вероятно, что она случайно попала в могилу из культурного слоя (Алёкшин 1995б: 194). Информация Б. Вандермерша о наличии красной краски вблизи скелетов 8 и 11 Кафзеха (Алёкшин 1993б: 5–6) оказалась ошибочной. Установлено, что комочки красной краски, обнаруженные возле этих скелетов, а также скорлупа яйца страуса, найденная рядом со скелетом 11, происходят из культурного слоя, где они встречаются в изобилии (Алёкшин 1994а: 138; Tillier et al. 1988: 133). Можно утверждать, что красная краска не связана с мустьерскими погребениями. Нет также никаких свидетельств того, что мустьерские охотники совершали какие-либо ритуальные действия возле могил после похорон.

На некоторых мустьерских памятниках обнаружены следы расчленения трупов и снятия с костей мягких тканей с помощью кремневых орудий. Отпечатки этих орудий, указывающие на посмертные манипуляции с телами, были выявлены на костях из Крапины (Хорватия), Комб Греналя, Марийяка, Мула (Франция), Эль Сидрона (Испания), Неандерталя (Германия) и Тешик-Таша (Узбекистан) (Алёкшин 1992б; 1993б: 4; 1998; Defleur et al. 1999; Le Mort 1987; 1989; Rosos et al. 2012: 61). Тело мужчины в Кебаре (Израиль) также расчленено, причем в данном случае была проведена частичная эксгумация могилы спустя какое-то время после похорон. От трупа отделили череп и почти все кости ног. Целостность остальных частей тела и их анатомический порядок не нарушены. Эти действия, не оставившие следов на костях покойника, могли быть проведены только после полного разложения мягких тканей. находка в Кебаре указывает на то, что кроме расчленения неразложившихся трупов с помощью кремневых орудий, в мустье существовал и другой, более простой способ посмертных манипуляций с телами (Алёкшин 1994а: 138), благодаря которому во многих могилах сохранились лишь неполные человеческие скелеты. У них отсутствовали кости ног, ног и черепа, ног и рук, реже кости рук или только череп, причем в некоторых случаях останки расчлененного трупа были похоронены не в анатомическом порядке — Регурду, Схул II, VI, IX (Алёкшин 1993б: 5; 1995б: 199–201, 206).

Распределение полных и неполных скелетов на стоянках среднего палеолита обнаруживает общую для всех регионов закономерность. В культурных отложениях мустьерского времени, которые датируются в интервале от 140 000 до 50 000 л. н., преобладают находки неполных

скелетов людей. В слоях финального мустье (50 000–40 000 л. н.) возрастает количество находок полных скелетов (Алёкшин 1995а: 27; 1998: 242).

Нынешние приверженцы взглядов Г. де Мортилье считают, что неполные мустьерские скелеты являются либо останками погибших под обвалами людей, тела которых были искалечены упавшими со сводов пещер каменными глыбами, либо останками потревоженных хищниками трупов, которые не были похоронены. Полагают также, что изувеченные дикими зверями тела сохранились в пещерах благодаря исключительному стечению обстоятельств, вследствие которых трупы, целостность которых уже была нарушена, оказались быстро перекрыты отложениями различного происхождения (обвал потолков убежищ; ил, принесенный селевыми потоками, и т. п.) (Gargett 1989; 1999). Однако, учитывая сокращение численности неполных скелетов в позднем мустье, такое объяснение не может быть принято, ибо оно приводит к весьма сомнительному выводу о том, что в предшествующий период опасность разрушения хищниками или природными факторами трупов, оставшихся без погребения, была намного больше, чем в финальном мустье.

Для понимания сущности явления, скрывающегося за находками неполных скелетов, следует обратить внимание на исключительно важную информацию о том, что некоторые из них были обнаружены в скальных трещинах или лежали на дне хорошо сохранившихся ям, засыпанных после захоронения культурным слоем. Поскольку в неповрежденных мустьерских могилах полностью сохранялись даже хрупкие детские скелеты, следует признать, что тела многих людей эпохи среднего палеолита могли быть похоронены уже в неполном (расчлененном) состоянии (Алёкшин 1995а: 27; 1999: 101; Смирнов Ю. 1991: 202–205; Le Mort 1987; 1988а; 1988b, 1989; Russel 1987; Ullrich 1986). Отдельные части тел извлекали также из могил спустя какое-то время после похорон (Алёкшин 1994а: 138).

В мустьерских слоях, датирующихся от 140 000 до 50 000 л. н., доминирует расположение скелетов перпендикулярно входу в пещеру, позднее (50 000–40 000 л. н.) скелеты, как правило, лежат параллельно входу (Алёкшин 1995а: 27). В трех случаях (Регурду, Кебара 2, Шанидар 3) у скелетов отсутствовали черепа, причем нижние челюсти и позвонки, за исключением скелета Шанидар 3, не были смещены со своих первоначальных мест. У скелета Шанидар 3 вместе с черепом были удалены нижняя челюсть и шейные позвонки (Алёкшин 1998: 245).

Скелеты женщин, подростков и детей, найденные в мустьерских слоях западноевропейских стоянок, лежали на правом боку. Левая рука либо вытянута вдоль тела, либо, согнутая в локте, касается кистью колена; правая рука согнута в локте, ее кисть находится возле лица. Ноги или слегка согнуты или подтянуты к груди. Скелеты мужчин лежали на спине, ноги согнуты в коленях и уложены направо от туловища. Правая рука согнута в локте, кости предплечья лежат параллельно плечевой кости, кисть покоится возле головы; левая рука вытянута вдоль тела (Алёкшин 1995а: 27; 1995б: 207).

Некоторые скелеты, найденные в Юго-Западной Азии (Схул V, Кафзех 10 и 11), лежали на спине, ноги согнуты в коленях и уложены направо от туловища (Схул V, Кафзех 11), одна или обе руки согнуты в локтях, а кисть или кисти находятся справа и слева от лица на уровне плечевых суставов. У других скелетов (Кафзех 8 и 9, Схул IV и V) нижние конечности располагались перпендикулярно оси тела. За исключением скелетов Кафзех 9 (женщина) и Кафзех 10 (ребенок), прочие останки принадлежали мужчинам и подростку (Алёкшин 1993б: 5–6; 1995а: 27).

На скелетах мужчины (Схул V) и подростка (Кафзех 11) лежали, соответственно, нижняя челюсть кабана и рога лани с частью лобной кости. В обоих случаях эти находки располагались поверх грудной клетки скелетов, касаясь их правых плечевых костей. Руки умерших находились в прямом контакте с костями животных. Левая кисть мужчины (Схул V) касалась челюсти кабана, правая кисть подростка (Кафзех 11) — лобной кости лани. Таким образом, нет оснований сомневаться в том, что упомянутые кости животных являлись символическими приношениями (Алёкшин 1993б: 5–6; 1995а: 27–28).

На левой тазовой кости скелета десятимесячного младенца (Амуд 7), который найден на скальном дне ниши в северной стене грота, обнаружена сильно фрагментированная верхняя челюсть благородного оленя (Hovers et al. 1995: 52, 56; 1996: 49; Tillier 1995: 67, 70). Поскольку эта кость не могла случайно попасть в нишу из культурного слоя и оказалась единственным

образом кости такого рода, встреченным на стоянке, которая раскапывается с 1961 г., то очевидно, что такую находку также следует считать символическим приношением.

Некоторые скелеты из Юго-Западной Азии (Кебара 2, Шанидар 1, Табун С) лежат на спине с вытянутыми ногами, руки либо согнуты в локтях и уложены на груди, либо вытянуты вдоль тела (Алёкшин 1993б: 5–6; 1994а: 138).

Скелет ребенка (Киик-Коба IV, Крым) лежал на левом боку в скорченном положении, левая рука вытянута, ее кисть находится над коленом (Алёкшин 1992а; 1993в: 159, 163).

Итак, обзор мустьерских погребальных комплексов позволяет положительно ответить на все поставленные выше вопросы. В среднем палеолите существовали обрядовые действия с телами умерших. В каждом регионе обрядовые действия имели свои локальные особенности. Способы обращения с телами умерших (соотношение полных и неполных скелетов, положение скелетов относительно входа в пещеру) не оставались неизменными в течение всей мустьерской эпохи.

Таким образом, можно утверждать, что люди времени среднего палеолита не оставляли тела умерших на произвол судьбы, не забрасывая их наспех сучьями и землей. Наоборот, живые проявляли к покойникам особое внимание, выражавшееся в регулярно повторяющихся действиях, объектом которых становился усопший. Эти действия представляют собой древнейшие в истории человечества погребальные обряды. Важнейшим доказательством их существования являются устойчиво повторяющиеся ритуальные позы, в которых лежат умершие. Следовательно, гипотезу Г. Гаджетта следует отвергнуть как ошибочную.

Не подтверждается и предположение Ю. А. Смирнова о сходстве мустьерских и верхнепалеолитических погребальных обрядов. Захоронения среднего палеолита принципиально отличаются от верхнепалеолитических отсутствием в могилах погребального инвентаря (Алёкшин 1991: 15), ритуальной пищи и красной краски. Нельзя согласиться и с другим выводом Ю. А. Смирнова о том, что мустьерские похоронные ритуалы существуют в неизменном виде, не обнаруживая тенденций развития. Напротив, вывод Г. Ульриха об эволюции мустьерского похоронного обряда от ранних расчлененных захоронений к нерасчлененным погребениям, появившимся в конце среднего палеолита, подтверждается археологическими материалами.

Правы также те исследователи, которые проводят четкую границу между мустьерскими и верхнепалеолитическими погребениями. Однако предлагаемая ими интерпретация похоронного обряда эпохи среднего палеолита неприемлема. Вряд ли можно считать проявлением заботы об умерших или требованиями гигиены расчленение трупов с последующим снятием мягких тканей с костей. Подобные манипуляции с телами не свидетельствуют и о страхе перед покойниками.

Вероятно, специфика мустьерских погребальных ритуалов (захоронение расчлененного трупа, извлечение черепов из могил) обусловлена представлениями человека эпохи среднего палеолита о смерти, в отношении которых вряд ли уместно использовать эпитет «примитивные». Некоторые современные исследователи, например, полагают, что за погребениями мустьерского времени стоит определенная система верований, причем если одни археологи пишут о наличии у людей эпохи среднего палеолита представлений о загробном мире и посмертном существовании (Вишняцкий 2002: 157; 2005: 192–193; Зубов 1999: 73; Кызласов И. 1993: 109; Otte 1996b: 179, 181), то другие предпочитают не конкретизировать вопрос о сущности верований, связанных с древнейшими похоронными ритуалами (Ronen 1990: 14), а третьи полагают, что символика мустьерских погребальных обрядов непознаваема в принципе (Sauwe 1998: 48, 51–52) и все попытки ее истолкования относятся к области научной фантастики (Смирнов Ю. 2005: 14).

В связи с этим легче всего дать ответ на вопрос о том, какими эти верования не могли быть. Отсутствие в мустьерских захоронениях заупокойной пищи, погребального инвентаря и красной краски указывает на то, что у людей среднего палеолита еще не сложились представления о потустороннем мире и о загробной жизни.

Рассматривая вопрос о происхождении и символике древнейших погребальных обрядов, следует также иметь в виду, что, начиная с нижнего палеолита, человеку были известны две разновидности смерти. С одной из них (естественная или насильственная гибель различных животных) он постоянно встречался в мире природы. Передвигаясь в поисках пропитания, люди

часто наталкивались на растерзанные хищниками туши травоядных животных и поедали, как полагают многие ученые, остатки мяса, сохранившиеся на некоторых костях, а также извлекали из них костный мозг. Таким образом, не обладая еще достаточной охотничьей сноровкой, они питались падалью (Бутовская 1998: 98; Вишняцкий 2005: 151–152; Binford L. 1981: 275, 282, 294; 1987: 47, 96–103; Klein R. 1987: 11). Нередко древнейшие люди становились свидетелями того, как хищники убивали и пожирали свои жертвы, среди которых в любой момент мог оказаться и сам человек. Поэтому вполне вероятно, что наши предки еще в домустьерское время стали ассоциировать смерть с терзанием, разрыванием, разъединением тела. Со второй разновидностью смерти (уход из жизни одного из членов сообщества) человек сталкивался «дома», т. е. в коллективе себе подобных.

Этнологические источники свидетельствуют, что обе разновидности смерти нарушали один из основных принципов культуры — принцип всеобщего равновесия, в соответствии с которым в бесконечном круговращении и повторяемости различных явлений и процессов заключаются истоки целостности, стабильности и воспроизводства природы и общества (Арсеньев 1990: 148; Дмитриева 1993: 22–23). Нарушение регулярной цикличности природных и общественных процессов вело к разрыву в традициях и нестабильности, которая грозила людям гибелью (Малиновский 1998: 41–42).

В традиционных обществах под нарушением природной цикличности понимали сокращение поголовья различных животных вследствие хищнического промысла зверей, птиц и рыб, что могло привести к недоеданию или даже голоду. В свою очередь, смерть человека разрывала все социальные связи внутри коллектива, членом которого он являлся, угрожала сплоченности этого коллектива и могла разрушить его культуру в целом (Байбурун 1993: 32; Малиновский 1998: 54).

В традиционных обществах обе опасности можно было нейтрализовать с помощью соответствующих ритуалов. Реакция коллектива на уход из жизни одного из сородичей проявлялась в отправлении погребального обряда, с помощью которого люди пытались поставить предел разрушительной власти смерти. Они не хотели мириться с мыслью о прекращении своего существования и пытались противопоставить гибели веру в непрерывность жизни (Малиновский 1998: 52–53).

Ущерб, нанесенный охотой и рыболовством промысловым животным, восполняли с помощью обрядов охотничьей магии. В соответствии с ними кости, черепа, шкуры, требуху и чешую, оставшиеся после поедания промысловых зверей, птиц и рыб, тщательно собирали, а затем закапывали в землю, уносили в лес или бросали в воду. Складывая в каком-либо укромном месте останки животного, люди верили, что благодаря этим символическим действиям сохранившиеся кости со временем покроются плотью и животные возродятся к новой жизни (Кулемзин 1997: 154; Элиаде 2008: 17, 24, 26–27; Поон 1997: 154; Hallowell 1926: 11–12; Zahrisson, Iregren 1974: 12–14, 20, 93).

Обращение людей с останками животных, характерное для ритуалов охотничьей магии, зафиксировано и для мустьерской эпохи. В подтверждение тому, например, можно привести открытие, сделанное в одном из среднепалеолитических отложений пещеры Нагр Ибрагим (Ливан). В слое 3, возраст которого насчитывает не менее 60 000 лет, на участке диаметром около 50 см были обнаружены части неполного скелета лани: несколько длинных костей, кости стоп, позвонки и черепная крышка, причем последняя увенчивала это скопление костей, а некоторые позвонки все еще находились в естественных сочленениях. Кости животного имели прекрасную сохранность и были, вероятно, помещены в яму, которую затем засыпали землей (Marshack 1988a: 12; 1988b: 84; Solecki 1975: 290–291; 1982: 47, 49–51, 53–56). В гроте Регурду (Франция) найдены многочисленные каменные наброски мустьерского времени, под которыми находились останки неполных скелетов медведей, преимущественно молодых особей, причем кости их грудной клетки лежали в ямах вне каменных конструкций. Очевидно, неандертальцы расчленяли медведей на месте, а затем шкуры зверей вместе с головами и лапами прятали под каменными набросками (Bonifay 1989). Таким образом, ритуалы охотничьей магии имеют не меньшую древность, чем погребальные обряды.

Типологически сходные действия, целью которых являлось сокрытие в земле неполных расчлененных останков животных и людей (в среднем палеолите так похоронено более половины

неандертальцев и людей современного физического типа) наглядно свидетельствуют о том, что в эпоху мустье обряды охотничьей магии и погребальные ритуалы еще не были дифференцированы. Поэтому в среднем палеолите люди реагировали на гибель зверя и смерть человека одинаковыми обрядовыми действиями.

В основе этих ритуалов, вероятно, лежала фундаментальная идея о необходимости защищать от гибели животных и людей — живых существ одинаковой природы (Дмитриева 1993: 22–23), которым смерть грозила полным уничтожением. Высокая смертность могла приводить к гибели небольшие коллективы людей эпохи мустье, тогда как охота, ставшая в среднем палеолите основным источником белковой пищи (Вишняцкий 2002: 152; Козловская 2002: 17), была связана с опасностью чрезмерного истребления промысловых зверей.

Исходя из этого, можно полагать, что древнейшие ритуалы каменного века должны были обеспечивать непрерывное существование коллективу охотников (добывание пищи и сохранение такой численности группы, которая достаточна для ее воспроизводства) посредством магических церемоний, направленных на возрождение к новой жизни убитых животных и умерших людей. Причем расчленение их тел, характерная черта ранних мустьерских погребений, символизировало смерть, а захоронение частично собранных останков — веру в их последующее возвращение, хотя и в новом облике (Алёшкин 1992б; 1993б; 1993в; 1995а; 1995б; 1999; Alekshin 1996; Alyokshin 1996). Сходную мысль высказал и И. Л. Кызласов, когда писал о погребальном обряде мустьерского времени как о способе перерождения умершего внутри священного производящего центра первобытной общины (Кызласов И. 1993: 104, 108).

Одинаковое обращение с телами людей и тушами животных, обусловленное сходством взглядов на их посмертную судьбу, с очевидностью указывает на то, что в эпоху мустье люди ощущали глубинную связь с многообразным миром природы, частью которой они являлись (Дмитриева 1993: 22–23), и верили в свое родство с другими обитателями этого мира (Элиаде 2008: 16). Такие представления частично сохранились и в традиционных обществах, в мифологии которых близость царства культуры и мира природы раскрывается через широко распространенные воззрения о зооморфной или зооантропоморфной сущности первопредков (Петрухин 1986: 6).

Захоронения нерасчлененных трупов, количество которых постепенно возрастает к концу эпохи мустье, вероятно, свидетельствует о принципиальных изменениях в менталитете охотников среднего палеолита, которые с течением времени начинают противопоставлять себя миру природы. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что именно в тех погребениях, в которых были найдены полные скелеты, иногда обнаруживают, как сказано выше, символические приношения. Они представлены как в могилах людей современного физического типа (Схул V — мужчина; нижняя челюсть кабана; Кафзех 11 — подросток; рога лани с частью лобной кости), так и в погребении неандертальца (Амуд 7 — десятилетний младенец; верхняя челюсть благородного оленя). Во всех случаях в захоронения положены несъедобные части туш животных, поэтому данные артефакты никак не могут быть остатками заупокойной пищи. Видимо, фрагментарные части черепов животных, преднамеренно помещенные в могилы, символизировали смерть (Алёшкин 1999: 103). Похожая точка зрения высказана М. Оттом, который рассматривает упомянутые артефакты как индикаторы нового (посмертного) статуса человека (Otte 1996a: 14, 16; 1996b: 181). Наличие одинаковых символических приношений в некоторых погребениях людей современного физического типа и неандертальца можно расценивать как еще один довод в пользу того, что и те и другие имели сходные представления о смерти.

Возникнув в эпоху мустье, обычай помещать в могилы символы смерти в виде фрагментов черепа диких животных существовал в охотничьих коллективах вплоть до конца каменного века. Например, в погребениях позднемезолитического могильника Тевьек (Франция) были найдены нижние челюсти кабана и оленя (Réquart et al. 1937: 25–58; Schulting 1999).

С точки зрения этнологии ритуалы среднего палеолита, свидетельствующие о древнейших формах религии, в соответствии с которой смерть и разрушение выступают залогом возникновения новой жизни, относятся к группе продуцирующих обрядов — обряды преумножения производительных сил природы (Кабо 1987: 139–144; 1989: 259–260; 1991: 47–49). Таким образом, погребальный обряд, как и обряд охотничьей магии, возникал как символическое сред-

ство защиты от гибели, как элемент культуры, противостоящий смерти, сохраняющий стабильность в коллективе и гарантирующий возрождение умершего индивида.

Эта концепция о посмертной судьбе человека, основным постулатом которой являлся принцип круговорота жизни, указывает, что уже в среднем палеолите человек осознал важнейшую философскую идею о бесконечности жизни, которая должна продолжаться в следующих поколениях.

Открытия последних тридцати лет показали, что древнейшие люди практиковали посмертные манипуляции с телами задолго до наступления мустьерской эпохи. Так в 1976 г. в Бодо (Эфиопия) нашли череп человека, жившего примерно 500 000–600 000 л. н. На черепе обнаружены следы кремневых орудий, которыми снимали с головы мягкие ткани (Зубов 1999: 75–76; McBrearty, Brooks 2000: 459–460, 520; White 1985: 14–26; 1986).

Во время раскопок стоянки Гран Долина (Атапуэрка, Испания) в слое, который отложился около 800 000 л. н., были выявлены останки людей. На их костях сохранились следы от орудий, которыми были срезаны мягкие ткани (Aguirre 2001: 18; Arsuaga et al. 2001: 162–164; Bermúdez de Castro, Sarmiento 2001: 204; Bermúdez de Castro et al. 2004: 38; Carretero et al. 2001: 199). Изучив эти следы, антропологи предположили, что останки принадлежали людям, которых съели каннибалы (Fernández-Jalvo et al. 1999). Однако необходимо иметь в виду, что вплоть до конца XX в. фрагментарные останки неандертальцев из Крапины (Хорватия), найденные в конце XIX — начале XX в., также считались бесспорным доказательством антропофагии в среднем палеолите, и лишь в конце 1980-х гг. удалось установить, что на костях крапинских неандертальцев имеются следы того, что перед погребением их трупы расчленили и кремневыми орудиями снимали с костей мягкие ткани (Алёкшин 1998: 242–243).

Не исключено, что аналогичные ритуальные действия могли иметь место и в Гран Долина. В связи с этим следует подчеркнуть, что предпосылки для зарождения древнейших обрядов могли появиться только тогда, когда человек стал человеком в подлинном смысле этого слова, обретя дар речи, возникновение которой современная наука относит к эпохе нижнего палеолита. По мнению одних исследователей, речь появилась 300 000–400 000 л. н., по мнению других — 1000 000–500 000 л. н. (Вишняцкий 2002: 282–283; Шер и др. 2004: 83). Учитывая, что и охота получила широкое распространение в ашельское время (Вишняцкий 2005: 157–159; Козловская 2002: 15–17), можно с большой долей уверенности допустить, что истоки обрядов охотничьей магии, а возможно, и погребальных ритуалов уходят в нижний палеолит. находка в Гран Долина позволяет полагать, что отсутствие захоронений ашельского времени не может быть объяснено только тем, что в эту эпоху люди оставляли мертвые тела на поверхности земли, слегка прикрыв их ветками, травой, шкурами, грунтом и камнями (Ольховский 1993: 89). Вполне вероятно, что обычай расчленения тел умерших был широко распространен уже в нижнем палеолите. Таким образом, вопреки точке зрения И. Л. Кызласова (Кызласов И. 1993: 105) есть основания считать, что становление древнейших религиозных верований восходит еще к эпохе ашеля.

Поскольку ранние этапы антропосоциогенеза протекали в Юго-Восточной Африке, именно этот регион, видимо, стал местом, где возникали древнейшие представления людей о смерти. Данный вывод согласуется с результатами анализа мифов, касающихся причин возникновения смерти (Березкин 2007: 79–80, 86).

К сожалению, погребения ранней поры верхнего палеолита (40 000–26 000 л. н.) науке пока неизвестны. Те же из них, которые датируются от 26 000 до 10 000 л. н., обнаруживают столь яркие отличия от мустьерских, что позволяют сделать вывод о существенных переменах, произошедших к этому времени в представлениях людей о посмертной судьбе человека.

Во-первых, следует обратить внимание на бусы из просверленных раковин, бивней мамонтов, клыков животных и позвонков рыб, которые время от времени находят в верхнепалеолитических захоронениях (Binant 1991: 94; May 1986: 173–177). Артефакты указывают, что иногда покойных хоронили вместе с их личными украшениями, количество которых в отдельных случаях столь велико, что можно говорить о погребениях умерших в одеждах, на которые были нашиты бусы.

В связи с этим, прежде всего, нужно упомянуть о двух захоронениях на стоянке Сунгирь (Россия). В одном из них был погребен мужчина не старше 50 л. (Сунгирь 1), в другом — мальчик

12–14 л. (Сунгирь 2) и предположительно девочка 9–10 л. (Сунгирь 3). Все трое похоронены в одеждах арктического типа из меха или мягкой выделанной кожи, включающих рубаху типа малицы, штаны и обувь до колен. Сверху тела были покрыты кожаной накидкой-плащом без рукавов. На одежды усопших были нашиты белые бусы, изготовленные из просверленного бивня мамонта, а на головные уборы (шапочка у мужчины и мальчика) — бусы и просверленные клыки песца либо только бусы (капор у девочки). Одежние мужчины украшено 3500 бусинами, одежние девочки — 3504 бусинами, одежние мальчика — 2728 бусинами. На руках умерших надеты тонкие браслеты из бивня мамонта (Бадер Н. и др. 2000: 54–57; Бадер О. 1967: 154–155; 1984: 9–13; 1998: 85, 98, 103; Бадер О., Бадер Н. 2000: 23–24, 26–27). Детское захоронение было совершено в интервале от 24 500 до 23 500 л. н., а погребение мужчины — в интервале от 23 400 до 22 500 л. н. (Pettitt, Bader 2000: 270).

В 1891 г. во время земляных работ в г. Брно (Чехия) рабочие обнаружили скелет мужчины, залегавший на глубине 4,5 м. Они извлекли на поверхность часть останков и тем самым нарушили целостность этого уникального погребального комплекса. Проведенные позднее спасательные раскопки выявили оставшиеся в земле кости человека, а также находившиеся вместе с ними 600 обработанных раковин и некоторые другие артефакты, которые позволили датировать захоронение граветтским временем (Jelinek 1991: 143–144). Следовательно, погребение в Брно синхронно сунгирским находкам. Количество раковин, обнаруженных возле скелета, слишком велико для ожерелья или украшения головного убора. Вероятнее всего они были нашиты также и на одежду мужчины.

В Барма Гранде, одном из гротов Ментоны (Италия), было найдено тройное одновременное погребение мужчины, предположительно девочки 12–13 л. и подростка 14–15 л. (Formicola 1988; 1990). Их похоронили примерно 20 000 л. н. (Mussi 1990: 129, 133). Большая часть обнаруженных в этом погребении украшений связана с мужским скелетом. На его черепе лежали просверленные клыки оленя, позвонки рыб и раковины, на шейных позвонках кроме клыков оленя и позвонков рыб находились также костяные подвески, а на туловище — позвонки рыб, костяные подвески и украшение, вырезанное из рога оленя. По обе стороны от левого бедра умершего найдено по одной большой просверленной раковине (Verneau 1892: 527–528; 1908: 91–93).

Захоронение умершего в мадленскую эпоху ребенка не старше 3,5 л. было открыто на стоянке Мадлен (Франция). В погребении обнаружены многочисленные бусы из раковин и зубов животных. Они зафиксированы на черепе и возле него, а также в районе шейных позвонков, у локтей, колен и лодыжек (Capitan, Peyrony 1928: 123–124; Heim 1991: 611–612; Peyrony 1928: 319). И в Барма Гранде, и в Мадлен украшения, несомненно, были прикреплены к одеждам и головным уборам покойных.

Во-вторых, необходимо отметить широкое использование в погребальных обрядах красной охры — краски, приготовленной путем смешивания безводной окиси железа с глиной (Binant 1991: 128; May 1986: 177–178; Palma di Cesnola 1988: 77; Mezzena, Palma di Cesnola 1989/1990: 29). Охру растирали до порошкообразного состояния и сначала посыпали ею дно могилы, а затем и помещенное в нее тело. Вероятно, не только сходство цвета крови и светового тона красной охры предопределило ее тесную связь с похоронными ритуалами.

В-третьих, нужно подчеркнуть, что хотя большинство верхнепалеолитических захоронений лишено сопроводительных вещей, в некоторых могилах этого времени все же встречаются преднамеренно положенные в них артефакты из камня, кости и рога (Binant 1991: 103, 106–107, 122; May 1986: 172–173). Говоря о наборах погребального инвентаря эпохи верхнего палеолита, необходимо рассматривать лишь те находки, которые соответствуют трем вышеупомянутым критериям наличия посмертных даров в захоронении.

Уникальные открытия были сделаны во время раскопок погребений стоянки Сунгирь. В могиле мужчины (Сунгирь 1) обнаружен только кремневый нож, лежащий между щиколоток умершего, тогда как в двойном захоронении детей (Сунгирь 2 и Сунгирь 3) — наборы охотничьего снаряжения: два копья и многочисленные дротики из бивней мамонта, два деревянных дротика, кинжалы из кости и кремневые ножи, причем один из них был вложен в правую руку мальчика. С останками мальчика были также связаны две фигурки из бивня мамонта: лошади

или сайги и бизона, а со скелетом девочки — четыре жезла из рога и кости (Бадер О. 1984: 9–13; 1998: 43, 73, 76–79; Бадер О., Бадер Н. 2000: 24, 27).

В пещере Пэвилэнд (Великобритания) найдена могила молодого мужчины. Возраст погребения составляет около 26 000 л. Умерший был похоронен вместе с несколькими жезлами, сделанными из кости мамонта (Aldhouse-Green, Pettitt 1998: 756–766, 769; May 1986: 89–91).

В захоронении мужчины (Брно) обнаружена фрагментированная мужская статуэтка, вырезанная из кости мамонта (Jelinek 1991: 144; Vlček 1991: 447).

В гроте Пагличчи (Италия) раскопано захоронение мальчика 13 л., совершенное около 25 000 л. н. В правой кисти ребенок удерживал кремневый скребок великолепной выделки (Mussi 1986: 95; Palma di Cesnola 1988: 77). В погребении находились и другие кремневые изделия, однако вопрос о том, намеренно ли их положили в могилу или они попали в нее из культурного слоя, остается открытым.

В левую кисть мужчины из тройного захоронения в гроте Барма Гранде, о котором уже упоминалось выше, была вложена кремневая пластина длиной 23 см, а в левой кисти девочки, лежавшей рядом с мужчиной, зажата аналогичная пластина длиной 26 см (Formicola 1988; 1990; Verneau 1892: 528).

В гроте Арен Кандид (Италия) найдено погребение молодого мужчины, умершего, по одним данным, около 20 000 л. н., по другим — примерно 23 000 л. н. Он был похоронен в сопровождении четырех жезлов из рога лося, подвески и двух дисков из кости. В его правую руку вложена кремневая пластина длиной 25 см (Mussi 1986: 96; 1990: 137, 140; Pettitt et al. 2003; Sergi 1951: 423; 1953: 61).

В скальном навесе Виллабруна (Италия) обнаружено погребение молодого мужчины, совершенное около 12 000 л. н. На левом предплечье умершего был оставлен мешочек, в который положили костяное острие с нарезками, кремневые изделия (нож, пластина без ретуши и нуклеус), гальку с ретушью, а также шарик из древесной смолы и воска (Aimar et al. 1992: 73–76).

В гроте Лезото (Франция) в слое мадленского времени раскопано захоронение юноши 15–18 л. (по данным одонтологии скелет принадлежит ребенку 11–13 л.) в сопровождении жезла из рога оленя (d'Асу 1895: 244; Boule 1895: 316, fig. 2, 317; Chantre 1901: 157; Vallois 1972: 10; Verger-Pratonsy 1977: 153). В другом мадленском погребении Франции, Сен-Жермен ля Ривьер, на скелете женщины 20–25 л. лежали два костяных кинжала и, возможно, игла из кости (Blanchard et al. 1972: 14, 50; May 1986: 43–45).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в эпоху верхнего палеолита, в которой умерших, как правило, хоронили еще без инвентаря (Алёкшин 1991: 15), все же зарождается обычай одаривать некоторых покойников посмертными приношениями, включающими кремневые пластины-ножи (Сунгирь, Барма Гранде, Арен Кандид) и жезлы из рога или кости (Сунгирь, Арен Кандид, Лезото, Пэвилэнд). Находки других кремневых и костяных изделий, а также предметов искусства и охотничьего снаряжения сугубо единичны.

В-четвертых, следует указать на то, что первые свидетельства о ритуалах, которые совершались возле могил после похорон, также относятся к эпохе верхнего палеолита, хотя в то время подобная практика не была повсеместной. К настоящему времени зафиксировано всего два случая таких обрядовых действий.

В верхней части могилы мужчины (Сунгирь 1), у самой поверхности, был помещен женский череп (Сунгирь 5). Он располагался над тем местом, где покоились ноги основного захоронения. Под черепом зафиксировано пятно красной охры. Таким образом, он являлся частью погребального комплекса. По мнению антропологов, прежде чем попасть в могилу череп долгое время находился в другом месте, где он утратил свои мягкие ткани (Алексеева Т. 2000: 451; Бадер Н. и др. 2000: 61; Бадер О. 1967: 151; 1984: 9; 1998: 38; Бадер О., Бадер Н. 2000: 24, 27; Гаврилов 2001; Герасимова 1984; Лебединская 2000: 240). Видимо, изначально череп был на какое-то время выставлен или вывешен, а затем положен в самую верхнюю часть заполнения могилы мужчины.

Погребение мужчины в Виллабруна располагалось вплотную к стене скального навеса, которая в этом месте была окрашена вертикальными красными полосами. Могила была засыпана землей и перекрыта камнями, часть которых также сохранила следы красной охры, причем на двух камнях отчетливо видны и геометрические композиции (Aimar et al. 1992: 76, 78).

Несмотря на все эти новшества, погребальные обряды эпохи верхнего палеолита демонстрируют некоторую преемственность и с похоронными ритуалами мустьерского времени. Например, погребальная пища отсутствует в верхнепалеолитических захоронениях за исключением, быть может, погребения ребенка 4 л., обнаруженного в скальном навесе Лагар Велхо (Португалия) в слое, возраст которого составляет примерно 25 000 л. В могиле найдена часть скелета кролика (3 позвонка, 4 ребра и фрагмент крестца), положенная, по мнению автора раскопок, в качестве заупокойной пищи внутрь савана, в который завернули останки ребенка. Эти кости, запачканные красной охрой, перекрывали правую голень детского скелета (Zilhão 2000: 25, 27–28; Zilhão, d'Errico 2000: 43). Впрочем, нельзя исключить и вероятность того, что эта не самая мясная часть туши животного являлась, как и в мустьерское время, своеобразным символом смерти.

Символические приношения подобного рода зафиксированы также в захоронении детей на стоянке Сунгирь. На черепе мальчика (Сунгирь 2) лежал крупный коготь пещерного льва или пантеры, на позвонках, выше таза, находился второй такой же коготь. Третья аналогичная находка была связана со скелетом девочки (Сунгирь 3) (Бадер О. 1984: 11–12; 1998: 73, 77; Бадер О., Бадер Н. 2000: 27).

В эпоху верхнего палеолита сохранилась также практика посмертных манипуляций с телами умерших, что доказывается наличием на костях людей соответствующих следов, которые свидетельствуют о расчленении трупов и о снятии орудиями мягких тканей с различных костей (Buisson, Gambier 1991: 172–175, 177; Gambier 1992: 94–95; Le Mort 1982: 28, 30, 32; Ullrich 1982: 253, 255, 261; 1986: 233). Поэтому не следует удивляться тому, что в культурных отложениях верхнего палеолита находят неполные человеческие скелеты. Однако их количество уменьшается по сравнению с эпохой мустье и составляет примерно одну треть от общего числа скелетов, обнаруженных в захоронениях этого времени.

Исследование пещерных стоянок верхнего палеолита привело к открытию, указывающему на существование ритуалов, в которых важную роль играл череп человека. Речь идет о двух находках такого рода. В пещере Мас д'Азиль (Франция) обнаружили череп девушки 15 л. Его глазные орбиты были прикрыты накладками, изготовленными из позвонков, вероятно, северного оленя (Vallois 1961). В гроте Рон дю Барри в ящичке, составленном из блоков брекчии, находился череп мужчины примерно 50 л. (de Bayle des Hermens, Heim 1989: 1349–1350, 1352). Обе находки относятся к мадленскому времени.

В целом анализ захоронений приводит к заключению о том, что в эпоху верхнего палеолита в сфере погребальной практики появились инновации, которые распространились на обширных пространствах Евразии от Русской равнины до Средиземноморья и Атлантики.

Эти новшества недвусмысленно указывают на то, что не позднее, чем 26 000 л. н. (граветтское время) умерших стали хоронить в нарядных одеждах, не предназначенных для повседневного ношения. После раскопок могил на стоянке Сунгирь О. Н. Бадер предположил, что в ту отдаленную эпоху покойных одевали в обрядовые костюмы (Бадер О. 1967: 156). Вероятно, эти одеяния, празднично украшенные многочисленными бусами, можно было использовать в различных ритуалах, как это до сих пор практикуется в некоторых традиционных обществах. Например, нганасаны имеют три вида одежды, одна из которых, яркая нарядная «тангака лу» (Грачева 1983: рис. 11–12), служила и свадебным, и погребальным костюмом (Там же: 79–83).

Появление нарядного погребального костюма наряду с широким применением в похоронном ритуале красной краски, которая, по всей вероятности, оказывала большое эмоциональное воздействие на всех прощающихся с покойным, дает основание полагать, что похороны в верхнем палеолите стали своеобразным праздником. Его суть заключалась в разделении живых и мертвых, причем последних, судя по торжественности обряда, готовили к какому-то иному существованию, что свидетельствует о существовании верований в потусторонний мир.

Наличие в некоторых могилах погребального инвентаря также указывает на существование представлений о посмертной жизни. Однако найденные в захоронениях посмертные дары (жезлы из рога и кремневые пластины-ножи) наводят на мысль о том, что они скорее являлись своеобразной «визитной карточкой» усопшего, чем набором вещей, необходимых для путешествия в иной мир.

Если к этим наблюдениям добавить тот очевидный факт, что в погребениях отсутствует заупокойная пища, можно заключить: либо верхнепалеолитические охотники еще не имели окончательно сформировавшихся представлений о том, как покойный попадал в загробный мир, либо они верили в то, что путь в страну мертвых был недолгим и безопасным, а ее обитатели располагали всем необходимым для добывания пищи и безмятежной жизни.

Таким образом, в эпоху верхнего палеолита произошла дифференциация обрядов охотничьей магии и похоронных ритуалов. Последние превратились из продуцирующих обрядов в один из ритуалов жизненного цикла, т. е. в обряд перехода. Высказано также предположение о том, что именно в это время зарождаются первые представления о противостоянии человека и природы (Петрухин 1986: 5).

Эпипалеолит, длившейся около 2000 л. (X–IX тыс. до н. э.), почти не внес существенных изменений в модель погребальной обрядности, которая сложилась во времена граветта. И в Европе (Арен Кандид), и в Юго-Западной Азии (натуфийская культура) сохраняется прежняя традиция хоронить умерших без сопроводительной пищи и, как правило, без инвентаря. В некоторых случаях покойные были погребены в нарядных одеждах и головных уборах, украшенных бусами. На Ближнем Востоке (натуфийская культура) отдельные захоронения вскрывали спустя какое-то время после похорон и извлекали оттуда черепа, а в Европе, в пещере Гоу Кэйв (Великобритания), найдены останки людей, тела которых подверглись посмертному расчленению, при этом с некоторых костей были срезаны мягкие ткани (Алёшкин 1993а: 13, 14; Bar Yosef, Goren 1973: 53; Belfer-Cohen 1988: 302, 305–306; Cardini 1980; Currant et al. 1989; Garrod 1937: 17–19; 1957: 220–221; Perrot, Ladiray 1988: 81–87, 89–93; Valla 1987: 280).

Новации коснулись четырех компонентов погребального обряда. Во-первых, следует отметить, что именно в эту эпоху появляются древнейшие могильники Евразии (Aleksin 1994: 180). Их возникновение свидетельствует о начале процесса перехода к оседлому образу жизни, что, видимо, стало следствием широкого распространения рыболовства и собирательства. Во-вторых, нужно указать, что отдельные захоронения этого времени отмечены различными надмогильными знаками: каменными выкладками (Арен Кандид) или каменными ступками (натуфийская культура) (Антонова 1990: 40; Belfer-Cohen 1988: 306; Cardini 1980; Perrot, Ladiray 1988: 80, 84; Stekelis 1962: 394; Stekelis, Yizraely 1963: 12; Valla 1987: 278). В-третьих, необходимо подчеркнуть, что на поздней стадии развития натуфийской культуры ее носители стали практиковать перезахоронения умерших, причем между смертью индивида и его окончательным погребением могло пройти несколько лет (Perrot, Ladiray 1988: 92). В-четвертых, натуфийцы очень редко использовали красную краску в похоронных ритуалах (Edwards 1988: 314; Perrot, Ladiray 1988: 79, 81, 87; Stekelis 1962: 394; Stekelis, Yizraely 1963: 11), в отличие от своих современников в других регионах Евразии.

Дальнейшие изменения в погребальных обрядах происходят в VIII–V тыс. до н. э. Этот период характеризуется сосуществованием мезолитических культур охотников и рыболовов Западной, Северной и Восточной Европы с неолитическими и энеолитическими культурами ранних земледельцев Юго-Западной Азии, Средиземноморья и Центральной Европы.

Захоронения раннего мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.) свидетельствуют о том, что начиная с этого времени огонь стал играть важную роль в похоронном ритуале. Следы огня замечены на каменных перекрытиях двух могил в Тру Виолэ, причем в обоих случаях умершие были похоронены в очагах, под слоем золы (Newell et al. 1979: 138). В Су Бальм оба погребения также связаны с очагами. Скелет № 1 находился под очагом, а скелет № 2 — в очаге (Newell et al. 1979: 112–113). В Рок дю Барбо покойный лежал на каменной плите, на которой сохранились следы от длительного горения (Newell et al. 1979: 130). В двух случаях (Пюмо, Корниль № 1) могилы были засыпаны продуктами горения (золой) (Newell et al. 1979: 104–106, 127). Однако ни одно тело не пострадало от огня, использование которого носило, видимо, кратковременный символический характер. Все упомянутые погребения были обнаружены на территории современной Франции.

Однако самые существенные новации в сфере погребальной практики относятся ко времени позднего мезолита (VI–V тыс. до н. э.). Во-первых, резко возрастает количество могил с погребальным инвентарем, который теперь, наряду с бусами из раковин и зубов животных, украшавших одежды умерших, включает самые разнообразные орудия труда: костяные острия

и кинжалы, кремневые резцы, скребки, ножи, наконечники стрел, каменные и роговые топоры (Алёшкин 1982: 23; 1988: 61–62; 1991: 16; Ошибкина 1983: 180–187; 2006: 80–100; 2007; Albrethsen, Brinch Petersen 1976; Kannegaard Nielsen, Brinch Petersen 1993: 79–80; Larsson 1990: 284; 2000: 88; Réquart et al. 1937: 25–58, 67–69; Réquart M., Réquart S.-J. 1954: 28–61, 68–75).

Во-вторых, в некоторых захоронениях появляется заупокойная пища. Например, в 13 погребениях могильников Скатехолм I и II (Швеция) обнаружены кости рыб, находившиеся на животе умершего или возле его тела. Это все, что осталось от рыбных блюд, приготовленных для усопших (Jonsson 1986; Larsson 2000: 87). Имеются также свидетельства того, что в погребения I и VI могильника Попово (Россия) были положены целые рыбы тушки (Ошибкина 2006: 81, 85).

В-третьих, широкое распространение получили различные обряды, которые совершались либо в момент похорон, либо уже после того, как тело покойного было предано земле. Например, на могильнике Скатехолм II были выявлены остатки прямоугольного сооружения, заполненного костями животных и кремневыми изделиями. Эта постройка функционировала долгое время и была, несомненно, связана с траурными церемониями, которые происходили на кладбище (Larsson 1990: 286; 2000: 91).

Той же цели, видимо, служили и ямы, обнаруженные вблизи погребений могильника Попово. Эти ямы, находившиеся в ногах усопшего, были заполнены костями животных, птиц и рыб, а также углями (Ошибкина 2006: 80–100).

Захоронения могильника Тевьек (Франция) перекрыты каменными плитами, которые были окружены вертикально поставленными камнями. Вследствие этого над могилой образовывалась полость, дном которой служила плита перекрытия. В этой полости разводили огонь, превращая ее таким образом в ритуальный очаг. Огонь разводили либо возле могилы (в этом случае в очаг бросали жар и угли костра), либо в самом ритуальном очаге. В любом случае огонь горел непродолжительное время, и его гасили, вероятно, землей. Затем в очаг помещали ритуальные приношения, нижние челюсти оленя и кабана, и перекрывали его камнями (Réquart et al. 1937: 61–62).

Нередки случаи, когда могилы были отмечены на древней поверхности различными надмогильными знаками. В могильнике Тевьек над захоронениями возведены сооружения из больших камней, тщательно подогнанных друг к другу (Réquart et al. 1937: 28, 69). В могильнике Оедик (Франция) над некоторыми погребениями возвышались вертикально поставленные камни и вымостки (Réquart M., Réquart S.-J. 1954: 37, 47–48, 54, 62–64). Над могилой в Бом де Монткю установлен камень породы зеленого цвета, одна из сторон которого имела красноватый оттенок. По одним данным, он был окрашен в красный цвет, по крайней мере с лицевой стороны (Escalon de Fonton 1966: 174), по другой информации, камень приобрел красноватый оттенок под воздействием огня (Newell et al. 1979: 108).

В-четвертых, следует упомянуть захоронение в лодке (конец VI тыс. до н. э.). Эта уникальная находка была обнаружена во время подводных исследований стоянки Моллегабет (Дания). Долбленный из ствола дерева челн с останками молодого мужчины 25 л. нашли на глубине 5 м вне жилой зоны стоянки (Brinch Petersen 1991: 81; Kannegaard Nielsen, Brinch Petersen 1993: 77; Skaarup, Grøn 1991: 128).

Наряду с появлением новшеств в погребальных ритуалах сохранялись старые традиции, восходящие еще к эпохе мустье. Речь идет как о намеренном расчленении некоторых трупов, так и об извлечении отдельных частей скелета из захоронения. Например, в Южной Швеции на мезолитических стоянках находят человеческие кости со следами срезания с них мягких тканей (Larsson 1990: 285), а некоторые погребения этого региона впоследствии вскрывали и вынимали из могил некоторые кости (Larsson 2000: 87). Впрочем, подавляющее большинство останков людей эпохи мезолита представлено полными скелетами, обнаруженными в обычных захоронениях.

Кроме этого имеются доказательства того, что в эпоху мезолита были распространены обрядовые действия с человеческими головами, захоронения которых обнаружены в пещерах и скальных навесах Восточной Франции (Маннлефельзен I) и Южной Германии (Кауфертсберг, Офнет, Холештайн) (Алёшкин 1987: 16; 1990а; 2002; Birkner 1915: 119, 125–126; Hofmann 2005; Kaulich 1983: 93–94; Naber 1974; Newell et al. 1979: 125–126, 155–157, 174–175; Orschiedt 1999:

131–151; 2001; Röhrer-Ertl 2005; Schmidt 1912: 36–41; Schröter 1983; Schwabedissen 1983; Völzing 1935/1938: 4–5).

Следует также подчеркнуть, что в эпоху мезолита охотники, собиратели и рыболовы Западной, Северной и Восточной Европы по-прежнему использовали красную краску в погребальных обрядах (Алёкшин 1983а; Ошибкина 2006: 80–100; 2007; Albrethsen, Brinch Petersen 1976; Larsson 1990: 284; 2000: 88; Newell et al. 1979; Réquart et al. 1937: 61, 69).

Похоронные ритуалы раннемезолитического населения Европы обнаруживают большое сходство с погребальной практикой раннеолитических земледельцев Юго-Западной Азии (VIII–VII тыс. до н. э.), хотя последние и не использовали огонь в погребальных обрядах. Впрочем, нужно иметь в виду, что захоронения древних земледельцев, располагавшиеся на поселениях, могли быть повреждены при реконструкции разрушавшихся сооружений или при возведении новых жилищ. Не исключено, что строительные работы такого рода приводили к уничтожению материальных свидетельств о ритуалах, совершавшихся над могилами умерших.

В тех же случаях, когда кладбища располагались за пределами поселений, данные о таких ритуалах удалось зафиксировать. Например, при исследовании хассунского поселения Ярым-тепе I (Ирак) в его верхних слоях обнаружены более поздние впускные погребения халафской культуры (первая половина V тыс. до н. э.). Погребальное сооружение одного из них включало собственно могилу и входной коридор, в конце которого на укрепленной камнями площадке, располагавшейся у ступеньки могильной ямы, положили череп быка (Антонова 1990: 79; 2002: 288–289; Мерперт, Мунчаев 1982: 46–47; Мунчаев и др. 1971: 452–453; Мерперт, Munchajev 1971: 17). При раскопках позднего убейдского могильника Эреду (Ирак, вторая половина V тыс. до н. э.) археологи установили, что умершие похоронены в прямоугольных ямах, облицованных и перекрытых сырцовыми кирпичами. В заполнении этих своеобразных глиняных ящиков и на их перекрытиях были выявлены кости животных, свидетельствующие о том, что после похорон была совершена тризна по усопшему. Погребения, видимо, имели надмогильные знаки, так как ни одно из них не нарушило другое, хотя они располагались очень близко друг от друга (Антонова 1990: 84; Lloyd, Safar 1948: 117–118; Safar et al. 1981: 117, 125).

Как правило, в могилах раннего неолита не представлен инвентарь и в них никогда нет заупокойной пищи (Алёкшин 1986в: 52; 1988: 60–61), зато их дно или стены часто обложены камнями, которые порой встречаются и в засыпке погребений. В одном случае (Мюрайбет III, Сирия) захоронение было отмечено на поверхности полированным камнем длиной около 20 см (Cauvin 1974: 49).

Судя по раскопкам некоторых поселений раннего неолита, в Сиро-Палестине сохраняется обычай перезахоронения останков людей (Kurth, Röhrer-Ertl 1981: 433–435), который возник еще на позднем этапе натуфийской культуры.

Погребальная практика древних земледельцев претерпевает существенные изменения лишь в позднем неолите (VI тыс. до н. э.), когда появляются захоронения, инвентарь которых включал каменные, деревянные и глиняные сосуды, предназначенные для заупокойной пищи (Чатал-Хеюк, Турция; Телль эс-Севван и Самарра, Ирак). Кроме разнообразной посуды в могилах этого времени находят украшения (бусы из камня и раковин, кольца из меди и свинца), обсидиановые зеркала, орудия труда (костяные иглы, орудия для плетения корзин, каменные топоры, кремневые вкладыши серпов и скребки), охотничье оружие (глиняные и каменные ядра пращи, кремневые кинжалы, наконечники копий и стрел), каменные навершия булав, каменные женские статуэтки, а иногда глиняные амулеты-печатки с геометрическим узором (Алёкшин 1982: 24; 1986в: 17–20, 25–26, 53–54, 57–62; 1988: 61; 1991: 16; Антонова 1990: 61–62, 65, 73–77).

Позднее, в раннем энеолите (V тыс. до н. э.) количество захоронений с разнообразными наборами инвентаря, включающими глиняную и каменную посуду, а также орудия труда, значительно увеличивается, причем появляются погребения с оружием (Алёкшин 1983б; 1986а: 25–27; 1986в: 54–64, 75–78; 1988: 62–63; Berghe 1973; 1976).

Во время раскопок могильника Эреду над перекрытием погребения 51 обнаружена глиняная модель лодки (Safar et al. 1981: 230). Хотя она и не была найдена в захоронении, ее связь с могильником очевидна. Не исключено, что этот артефакт происходил из полностью разрушенного погребения или его намеренно оставили возле одной из могил.

В неолите (VIII–VI тыс. до н. э.) земледельцы Юго-Западной Азии, так же как мезолитические охотники Европы, использовали красную охру в погребальных обрядах. Однако этот обычай был широко распространен только у оседлого населения Ирана, Центральной Азии и Пакистана, тогда как в Сиро-Палестине, Малой Азии и Месопотамии захоронения с красной краской очень редки. В эпоху раннего энеолита (V тыс. до н. э.) эта традиция полностью исчезает во всей древнеземледельческой ойкумене (Алёкшин 1986б: 96–97; 1990б: 5–7).

Древние земледельцы Юго-Западной Азии, как и их современники, мезолитические охотники Европы, имели развитую систему ритуалов, в которой важную роль играл человеческий череп. Его извлекали из могилы спустя много лет после смерти человека, а затем использовали в различных обрядах (Алёкшин 1987: 16; 1990а: 38; 1990в: 41–42; 1994б; Антонова 1990: 43–48, 62–63, 81–82).

Следовательно, археологические материалы указывают на то, что в течение VI и V тысячелетий до н. э. погребальные обряды древнего населения Евразии вновь претерпели существенную трансформацию. Умерших стали обеспечивать заупокойной пищей и различными наборами вещей, в том числе орудиями труда и оружием. Эти новации явились естественным следствием перемен во взглядах людей на их посмертную судьбу.

Вера в загробный мир, возникшая еще в эпоху верхнего палеолита, была, видимо, дополнена представлением о том, что путь в страну мертвых был неблизким и, чтобы добраться туда, покойный нуждался в съестных припасах и необходимом снаряжении. В отдельных случаях умершим даже предоставляли для путешествия в иной мир древнейшее известное людям транспортное средство — челн. Более широкое использование в погребальных обрядах транспортных средств фиксируется в археологических культурах Евразии только с первой половины III тыс. до н. э. (Алёкшин 1986в: 137–149; Избицер 1993).

Итак, лишь к концу V тыс. до н. э. погребальный обряд становится тем ритуалом перехода умершего в потусторонний мир, который так хорошо известен по этнологическим источникам. Эта система взглядов на посмертную судьбу человека, становление которой заняло примерно 20 000 л., в законченном виде оформилась практически одновременно и у земледельцев, и у охотников-собирателей.

Археологические источники подтверждают, что погребальные сооружения каменного века не имеют сходства с жилыми постройками. Первые свидетельства о влиянии традиций домостроительства на похоронный ритуал обнаружены лишь в гхассульской культуре эпохи энеолита (Израиль, IV тыс. до н. э.). Для нее характерны захоронения человеческих костей, очищенных от мягких тканей, в терракотовых урнах (оссуариях), часть которых является моделями построек, возможно, имитирующих жилые дома (Антонова 1990: 54–57; Массон 1989: 102; Mazar 1992: 84–85).

Некоторые исследователи полагают, что мегалитические и деревянные гробницы неолита и бронзового века Центральной Европы являлись домами или хижинами мертвых, причем в архитектуре этих усыпальниц могли сохраниться архаические традиции домостроительства, от которых уже отказались обитатели поселков, оставившие упомянутые погребальные памятники (Löhlein 1998: 513; Weber 1993: 8). Однако такую гипотезу нельзя подтвердить археологическими фактами, во-первых, потому что неизвестно, как строители оформляли снаружи стены домов того времени, во-вторых, по причине того, что деревянные гробницы, как правило, имеют очень плохую сохранность.

Позднее, в эпоху бронзы в погребениях появляются сооружения, сходные по форме с небольшими жилыми помещениями (усыпальницы в некоторых царских захоронениях Ура, середина III тыс. до н. э. — Алёкшин 1986в: 137; Woolley 1934: 62–64, 73, 83), шатрами (камера из дубовых досок и брусьев с двускатной крышей, Лейбингенский курган, Германия, рубеж III и II тысячелетий до н. э. — Filip 1969: 703; Otto 1954: 107; Piggott 1965: 127, fig. 67, 129) или домами (Германия, Дания, Норвегия и Швеция, II тысячелетие до н. э. — Svanberg 2005: 82–93).

Обычай, в соответствии с которым умершего хоронили в просторной погребальной камере, сопоставимой по размерам с жилым помещением, получил широкое распространение в железном веке. Например, в Приаралье были исследованы мавзолеи Северного Тагискена (Казахстан), относящиеся к X–VIII вв. до н. э. Эти наземные погребальные сооружения, возведенные из сырцового кирпича, очевидно, копировали форму жилища (Итина 1992: 31–37).

В Среднем Поволжье при раскопках Старшего Ахмыловского могильника, который по современным представлениям датируется ранее VII–VI вв. до н. э., как это первоначально было предложено исследователями, были выявлены своеобразные деревянные конструкции. Одни из них состояли из многих отсеков, другие представляли собой отдельные, пристроенные друг к другу наземные сооружения, внутри которых были вырыты могильные ямы. С конструкциями обоих типов связаны 8,7 % усопших, обнаруженных при исследовании данного могильника (Патрушев 1984: 141, 146, рис 56, 149, 165; 1986: 96–101; Патрушев, Халиков 1982: 135; Халиков 1977: 42–44). Авторы раскопок предположили, что упомянутые сооружения служили «домами мертвых». Однако сохранность этих построек такова, что вопрос о том, действительно ли они имитировали жилые постройки, остается открытым.

В степях Северного Причерноморья обнаружены захоронения в деревянных срубах под курганами, которые датируются как предскифским (IX–VIII вв. до н. э.), так и скифским (VII–III вв. до н. э.) временем (см. Мелюкова 1989а: 11; 1989б: 55). В Прикубанье и в лесостепной зоне Восточной Европы в курганах (VII–III вв. до н. э.) были открыты деревянные гробницы, имитирующие жилые постройки (Петренко 1989а: 68, 79) с двускатными или шатровыми перекрытиями (Петренко 1989а: 69; 1989б: 221), а также деревянные склепы (Там же: 72, 75–76, 78–79; там же: 221). Шатровые перекрытия погребальных сооружений выявлены также у савроматов (VII–IV вв. до н. э.) и ранних сарматов (IV–II вв. до н. э.) Самаро-Уральского региона (Смирнов К. 1989: 165, 171).

Многочисленные деревянные срубы обнаружены при раскопках кочевнических могильников V–III вв. до н. э. в Казахстане (курган Иссык, Бешатырские курганы) (Заднепровский 1992б: 77–78), на Алтае (Пазырыкские курганы) (Грязнов 1992: 166–169), в Туве (уюкская культура) (Мандельштам 1992: 181–195) и в Минусинской котловине (тагарская культура) (Пшеницына 1992: 227; Членова 1992: 211).

В могильнике Уйгарак (Казахстан) умершие похоронены внутри легких деревянных каркасных построек, переплетенных прутьями и камышом (VII–VI вв. до н. э.), а в Южном Тагискене (V в. до н. э.) найден наземный деревянный склеп (Итина 1992: 37–39). Традиция хоронить умерших в наземных склепах, выстроенных из сырцового кирпича и пахсы, сохраняется в Приаралье вплоть до II в. (Вайнберг, Левина 1992: 52–54; Левина 1992: 62, 66), тогда как в Северо-Западной Туркмении были распространены наземные каменные склепы (Вайнберг, Юсупов 1992: 124).

Во время раскопок античных городов Северного Причерноморья (Горгиппия, Мирмекий, Нимфей, Пантикапей, Фанагория, Херсонес), а также курганов Боспора были исследованы многочисленные подземные каменные и земляные склепы, датирующиеся от V в. до н. э. до IV в. (Алексеева Е. 1984: 83–84; Беляев 1984: 52; Долгоруков 1984б: 81; 1984а: 96–98; Шургая 1984а: 65, 67; Шургая 1984б: 62).

Захоронения в срубах обнаружены в Мингечауре (Азербайджан) (Халилов 1985: 102), а в Минусинской котловине исследованы склепы из дерева, перекрытые насыпями из земли и камня (таштыкская культура) (Вадецкая 1992: 241). Многочисленные наземные каменные склепы («мугхона») раскопаны в Таджикистане и Узбекистане (Заднепровский 1992а: 92; 1992в: 106). Все эти погребальные сооружения относятся к I–IV вв. В Хакасии известны наземные мавзолеи («чаатасы»), датирующиеся VI–IX вв. Их стены, возведенные из плашмя уложенных плит, копируют наземные квадратные избы и граненые деревянные юрты (Кызласов Л. 1981: 47).

Погребения в деревянных конструкциях, так называемых «домах мертвых», или в простых деревянных срубах обнаружены в местах расселения древних финских и угорских племен начиная с конца I тыс. до н. э. (Башенькин 1997: 16) и в I тыс. н. э. (Голубева 1987б: 74; Могильников 1987: 176; Розенфельдт 1987: 119, 125; Седов 1987: 46).

Деревянные камеры-срубы с двускатной крышей или без нее, имитирующие, видимо, жилые дома, были найдены в насыпанных восточными славянами курганах конца I — начала II тыс. (Седов 1982: 110, 118, 141, 146, 154, 163, 188).

Однако во всех этих погребальных сооружениях, архитектура которых, возможно, копирует жилые постройки, не обнаружены такие обязательные для интерьера жилища атрибуты как окна, очаги или печи.

В погребениях керамического неолита, энеолита и бронзового века нет также и кухонной посуды для приготовления пищи. Бронзовые котлы, найденные в захоронениях скифской знати, предназначались для хранения в них мяса жертвенных животных, лошадей, коров и овец (Мелюкова 1989б: 59). На Северном Кавказе в катакомбных могилах сарматского времени (II–I вв. до н. э.) обнаружены небольшие сосуды, внутри которых были размещены крупные звенья надочажных железных цепей (Абрамова 1989: 273). Однако и эти миниатюрные горшочки не являлись хозяйственной посудой.

Находившиеся в захоронениях раннего Тулхарского могильника эпохи бронзы (Таджикистан, вторая половина II тыс. до н. э.) небольшие круглые и квадратные углубления, содержавшие незначительное количество золы и угольков, не были очагами для приготовления пищи. Они служили алтарями, в которых непродолжительное время, в соответствии с погребальным ритуалом, горел священный огонь (Мандельштам 1968: 125–126).

Таким образом, многочисленные археологические материалы приводят к выводу, вопреки мнению, высказанному И. Л. Кызласовым (Кызласов И. 1993: 102, 107), что большинство погребальных сооружений эпохи энеолита, бронзы и железного века не имеет тех функциональных элементов, которые как неотъемлемая часть составляют интерьер жилища и которые должны были бы находиться в могиле, если бы она действительно являлась домом, выстроенным для покойного.

Этот вывод соответствует картине, складывающейся на основе изучения такого фольклорного источника, как погребальные плачи, в которых последовательно проведена идея противопоставления жилища и могилы (гроба). Анализ похоронных причитаний показывает, что основное назначение дома это защита людей от смерти. Для защиты запираются двери, хотя смерть может проникнуть в жилище и через окно. Кроме двери и окон важнейшим функциональным элементом жилища является печь или очаг. Смерть человека вызывает разрушение и запустение его дома. Могила или гроб, хотя последний иногда и называют посмертным жилищем, представляет собой вместилище, изолированное от внешнего мира. Оно лишено всех вышеперечисленных деталей интерьера, свойственных дому, и является его полной противоположностью (Невская 1982: 107–108, 110, 112; 1990: 138, 144). Именно поэтому причитания по умершим не содержат никаких сведений об их последующей жизни в могиле (Еремина 1991: 24).

Известен лишь один ареал распространения погребений, в которых выявлены детали, характерные для обстановки жилого дома: стационарные очаги с кухонной утварью: горшки, котлы с цепью, сковородки и сковородники. Речь идет о захоронениях под курганами вблизи Ладожского озера. Эти погребения без деревянных срубов, совершенные по обряду трупосожжения, оставлены весью, древним финским населением Приладожья, и датируются концом I — началом II тыс. (Назаренко 1983: 6, 9–10, 13–14; Голубева 1987а: 57). Именно они позволяют сделать вывод о том, что некоторым группам финно-язычного населения не были чужды верования о могиле как о жилище покойника. Однако эти представления появились у них лишь в эпоху раннего средневековья и, видимо, не получили широкого распространения.

Итак, изучение эволюции погребальных обрядов позволяет заключить, что древнейшие воззрения людей на посмертную судьбу человека сложились уже в среднем палеолите и характеризовались верой в реинкарнацию, т. е. в идею возрождения умершего сородича в облике новорожденного младенца.

Расцвет культуры верхнепалеолитических охотников, который произошел в эпоху гравета, привел к существенным переменам во взглядах людей на смерть человека. В соответствии с новыми верованиями усопший покидал белый свет и оказывался в стране мертвых, где ему приходилось находиться какое-то время, прежде чем могла произойти его реинкарнация. Эта концепция, формировавшаяся в течение примерно 20 000 л., постепенно дополнялась различными деталями и окончательно сложилась к VI–V тыс. до н. э. Путешествие в загробный мир, ставшее к этому времени тяжелым испытанием для усопшего, требовало надлежащего костюма, запасов продовольствия, необходимых инструментов, оружия, а иногда и транспортного средства, причем вся эта экипировка должна была соответствовать социальному статусу человека, так как жизнь на том свете мыслилась как продолжение земного существования.

Наконец, идея, согласно которой могила является жилищем усопшего, появилась у некоторых народов очень поздно, вероятно в раннем средневековье.

Всякий раз, когда возникала новая концепция о посмертной судьбе человека, она не отбрасывала старую, а инкорпорировала и дополняла ее, создавая многоуровневую систему верований, нашедших отражение в разнообразных погребальных обрядах.

Хотя представления о переходе умерших в страну мертвых были повсеместно распространены, они, как показало изучение погребальных обрядов, все же не были универсальны. Поэтому следует дать более общее определение похоронного ритуала как феномена традиционной культуры: погребальный обряд есть система символических действий, которые живые производят с телами умерших в соответствии с воззрениями людей на посмертную судьбу человека. Эта формулировка отличается от предложенных В. С. Ольховским (Ольховский 1986: 68; 1991: 4–5; 1993: 85) и В. Н. Мышкиным (Мышкин 1999: 271) определений похоронного ритуала двумя важными моментами. Во-первых, в ней подчеркнут символический характер всех действий погребального обряда, а во-вторых, отмечено, что эти действия предопределены представлениями людей о смерти.

Абрамова 1989 — *Абрамова М. П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 268–281 (Археология СССР).

Алексеева Е. 1984 — *Алексеева Е. М.* Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 82–84 (Археология СССР).

Алексеева Т. 2000 — *Алексеева Т. И.* Заключение // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 449–457.

Алёшкин 1981 — *Алёшкин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 3–9.

Алёшкин 1982 — *Алёшкин В. А.* Формы хозяйства и типы социальной организации в эпоху первобытно-общинного строя // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД всесоюз. симпозиума, посвящ. 60-летию образования СССР (20–24 октября 1982 г.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1982. С. 22–26.

Алёшкин 1983а — *Алёшкин В. А.* Об абсолютной и относительной хронологии днепровских мезолитических могильников // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 31–34.

Алёшкин 1983б — *Алёшкин В. А.* Погребения с оружием в древнеземледельческих обществах // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 23–28.

Алёшкин 1986а — *Алёшкин В. А.* Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов) // Древние цивилизации Востока (Материалы II Советско-американского симпозиума). Ташкент: ФАН, 1986. С. 21–29.

Алёшкин 1986б — *Алёшкин В. А.* Проблемы происхождения археологических культур неолита-бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // ИБ МАИКЦА. 1986. Вып. 11. С. 96–103.

Алёшкин 1986в — *Алёшкин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.: Наука, 1986. 192 с.

Алёшкин 1987 — *Алёшкин В. А.* Погребальные обряды древних народов Евразии как источник по реконструкции представлений о смерти // Религиозные представления в первобытном обществе: ТД конф. М.: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, 1987. С. 14–16.

Алёшкин 1988 — *Алёшкин В. А.* Изучение социальной и классовой дифференциации по погребальным обрядам древних обществ // Актуальные философские и методологические вопросы археологии. Študijné Zvesti Archeologickeho ústavu Slovenskej akademie vied. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akademie vied, 1988. 25. S. 59–65.

Алёшкин 1990а — *Алёшкин В. А.* Археологические свидетельства о культе черепов в культурах каменного века Евразии // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: ТД конф. Л.: Ленинблгорстат, 1990. С. 38–39.

Алёшкин 1990б — *Алёшкин В. А.* Проблемы культуругенеза неолитических и энеолитических культур Юго-Западной Азии // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 3–9.

Алёшкин В. А. 1990в — *Алёшкин В. А.* Происхождение халафской культуры и проблема локализации индоевропейской прародины // Междисциплинарные исследования культуругенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван: Изд-во Ереванского ГУ, 1990. С. 37–47.

Алёшкин 1991 — *Алёшкин В. А.* Отражение социального расслоения населения в погребальных обрядах // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте: Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб.: ИИМК АН СССР, 1991. С. 15–18.

Алёшкин 1992а — *Алёшкин В. А.* Мустьерские погребения Крыма // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культуругенеза: ТД семинара, Одесса, 18–19 мая 1992 года. Одесса: Одесский археологический музей АН Украины, 1992. С. 8–9.

Алёкшин 1992б — *Алёкшин В. А.* Погребение неандертальского ребенка в гроте Тешик-Таш (Узбекистан) // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конф. к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 33–35 (АИ. Вып. 2).

Алёкшин 1993а — *Алёкшин В. А.* Две модели погребального обряда эпохи палеолита и мезолита (по материалам юго-запада Франции) // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. ТД симпозиума по теме гранта «Культурные трансляции и исторический процесс», октябрь 1993. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 11–14.

Алёкшин 1993б — *Алёкшин В. А.* Мустьерские погребения Передней и Средней Азии // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 3–9.

Алёкшин 1993в — *Алёкшин В. А.* Особенности погребального обряда эпохи мустье (по материалам захоронений Крыма) // АВ. 1993. № 2. С. 157–168.

Алёкшин 1994а — *Алёкшин В. А.* Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // АВ. 1994. № 3. С. 136–143.

Алёкшин 1994б — *Алёкшин В. А.* Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства: Сб. статей в память проф. В. И. Равдоникаса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 59–78 (Проблемы археологии. Вып. 3).

Алёкшин 1995а — *Алёкшин В. А.* Дискуссионные проблемы изучения мустьерских погребений // Ритуал и ритуальный предмет: Сб. научн. тр. СПб.: ГМИР, 1995. С. 22–32.

Алёкшин 1995б — *Алёкшин В. А.* Мустьерские погребения Западной Европы // АВ. 1995. № 4. С. 188–216.

Алёкшин 1998 — *Алёкшин В. А.* Неандерталь, Крапина, Монте Чирчео. Ритуалы в среднем палеолите // АВ. 1998. № 5. С. 242–249.

Алёкшин 1999 — *Алёкшин В. А.* Символика мустьерского погребального обряда // Локальные различия в каменном веке: ТД на междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С. Н. Замятина. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 101–103.

Алёкшин 2002 — *Алёкшин В. А.* Погребения голов в пещере Офнет на юге Германии (культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ. 2002. Кн. 1. С. 111–115.

Алёкшин 2008 — *Алёкшин В. А.* Погребальный обряд как феномен традиционной культуры и его эволюция по данным археологии // Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций: Материалы междунар. науч. конф. 1–3 октября 2008 г. Ашхабад: Türkmenistanyň Metbugat merkezinde çap edildi, 2008. С. 44–50.

Антонова 1990 — *Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1990. 286 с.

Антонова 2002 — *Антонова Е. В.* К реконструкции обрядов носителей халафской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н. Я. Мерперта: Сб. статей. М.: ИА РАН, 2002. С. 287–313.

Арсеньев 1990 — *Арсеньев В. Р.* Звери = Боги = Люди. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 160 с.

Бадер О. 1967 — *Бадер О. Н.* Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА. 1967. № 3. С. 142–159.

Бадер О. 1984 — *Бадер О. Н.* Палеолитические погребения и палеоантропологические находки на Сунгири // Сунгирь: Антропологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 6–13.

Бадер О. 1998 — *Бадер О. Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир, 1998. С. 5–158.

Бадер О., Бадер Н. 2000 — *Бадер О. Н., Бадер Н. О.* Верхнепалеолитическое поселение Сунгирь // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 2–29.

Бадер Н. и др. 2000 — *Бадер Н. О., Бужилова А. П., Васильев С. В., Герасимова М. М., Зубов А. А., Козловская М. В., Медникова М. Б.* Определение пола и возраста сунгирских индивидуумов // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 54–65.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 238 с.

Байбурин, Левинтон 1990 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 64–99.

Башенькин 1997 — *Башенькин А. Н.* Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1997. Вып. 2. С. 5–35.

Беляев 1984 — *Беляев С. А.* Херсонес // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 49–53 (Археология СССР).

Березкин 2007 — *Березкин Ю. Е.* Происхождение смерти — древнейший миф // ЭО. 2007. № 1. С. 70–89.

Борисковский 1935 — *Борисковский П. И.* Исторические предпосылки оформления так называемого «homo sapiens» // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.: ГАИМК, 1935. № 5/6. С. 3–36.

Бородатова 1984 — *Бородатова А. А.* Прорицатели и жрецы у древних майя // СЭ. 1984. № 1. С. 72–89.

Бутинова 1984 — *Бутинова М. С.* Проблема прародины полинезийцев и их представления о загробном мире // Религия первобытного общества в свете современных данных. Л.: ГМИРА, 1984. С. 72–86.

- Бутовская 1998 — *Бутовская М. Л.* Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 87–99.
- Вадецкая 1992 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 236–246 (Археология СССР).
- Вайнберг, Левина 1992 — *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Там же. С. 47–61.
- Вайнберг, Юсупов 1992 — *Вайнберг Б. И., Юсупов Х. Ю.* Кочевники северо-западной Туркмении // Там же. С. 122–129.
- Вишняцкий 2002 — *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры: Курс лекций. Кишинев: Высшая Антропологическая школа, 1992. 312 с.
- Вишняцкий 2005 — *Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности или происхождение человека. Фрязино: Век 2, 2005. 240 с.
- Гаврилов 2001 — *Гаврилов К. Н.* Археологический контекст сунгирских погребений // Каменный век Старого Света (к 90-летию П. И. Борисковского). СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 31–32.
- Гаер 1983 — *Гаер Е. А.* Погребение ребенка у нанайцев // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока: Сб. статей. Владивосток: Изд-во Дальневост. науч. центра АН СССР и др., 1983. С. 44–47.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 114 с.
- Геннеп 1999 — *Геннеп ван А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
- Герасимова 1984 — *Герасимова М. М.* Краткое описание черепа Сунгирь 5 // Сунгирь: Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 140–144.
- Голубева 1987а — *Голубева Л. А.* Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 52–64 (Археология СССР).
- Голубева 1987б — *Голубева Л. А.* Меря // Там же. С. 67–81.
- Грачева 1983 — *Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — начала XX в.). Л.: Наука, 1983. 173 с.
- Грачева 1993а — *Грачева Г. Н.* Загробный мир // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. С. 84–86.
- Грачева 1993б — *Грачева Г. Н.* Погребальный культ // Там же. С. 154–158.
- Грязнов 1992 — *Грязнов М. П.* Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 161–178 (Археология СССР).
- Гуляев, Ольховский 1999 — *Гуляев В. И., Ольховский В. С.* Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 10–17.
- Дмитриева 1993 — *Дмитриева Т. Н.* Жизнь/смерть в традиционных представлениях аборигенов Австралии // Жизнь, смерть, бессмертие: Материалы науч. конф., проведенной в декабре 1993 г. в г. Санкт-Петербурге Государственным Музеем истории религии. СПб.: ГМИР, 1993. С. 21–23.
- Долгоруков 1984а — *Долгоруков В. С.* Курганы Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 95–98 (Археология СССР).
- Долгоруков 1984б — *Долгоруков В. С.* Фанагория // Там же. С. 77–81.
- Енговатова 2000 — *Енговатова М. А.* Смоленские похоронные плачи: ритуал и музыка // Живая Старина. М., 2000. № 1. С. 2–6.
- Еремина 1991 — *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 207 с.
- Ефименко 1953 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1953. 663 с.
- Заднепровский 1992а — *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 87–95 (Археология СССР).
- Заднепровский 1992б — *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Там же. С. 73–87.
- Заднепровский 1992в — *Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Там же. С. 101–107.
- Зубов 1999 — *Зубов А. А.* Неандертальцы: что известно о них современной науке // ЭО. 1999. № 3. С. 67–83.
- Избицер 1993 — *Избицер Е. В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1993. 24 с.
- Итина 1992 — *Итина М. И.* Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 31–47 (Археология СССР).
- Кабо 1987 — *Кабо В. Р.* Первоначальные формы религии // Религии мира. 1986. М.: Наука, 1987. С. 136–154.
- Кабо 1989 — *Кабо В. Р.* Современная американская этнография и происхождение религии // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. С. 258–271.

- Кабо 1991 — *Кабо В. Р.* Религия палеолитического человека: возможности ее реконструкции // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 1991. С. 45–51.
- Козловская 2002 — *Козловская М. В.* Феномен питания в эволюции и истории человека: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Институт российской истории РАН, 2002. 49 с.
- Коллингвуд 1980 — *Коллингвуд Р.* Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
- Косвен 1957 — *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.
- Кулемзин 1997 — *Кулемзин В. М.* Река в мировоззрении хантов // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конф. МАЭ РАН и РГО 27–28 сентября 1997 г. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 153–155.
- Куценков 2001 — *Куценков П. А.* Периодизация первобытного и традиционного искусства // Восток. М., 2001. № 3. С. 5–18.
- Кызласов И. 1993 — *Кызласов И. Л.* Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология. 1993. № 1. С. 98–111.
- Кызласов Л. 1981 — *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас (VI–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 46–52 (Археология СССР).
- Лебединская 2000 — *Лебединская Г. В.* Реконструкция облика взрослых обитателей стоянки // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 239–242.
- Левина 1992 — *Левина Л. М.* Памятники джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 61–72 (Археология СССР).
- Люке 1930 — *Люке Г.* Религия ископаемого человека. М.: Безбожник, 1930. 56 с.
- Мазин 1984 — *Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Малиновский 1998 — *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 290 с.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 184 с. (МИА. № 145).
- Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 275 с.
- Мельник 1990 — *Мельник В. И.* Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 73–77.
- Мельник 1993 — *Мельник В. И.* Погребальный обычай и погребальный памятник // Российская археология. 1993. № 1. С. 94–97.
- Мельник 2005 — *Мельник В. И.* Символика элементов погребальной обрядности // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии: ТД всерос. науч. конф. М.: ИА РАН, 2005. С. 12–13.
- Мелюкова 1989а — *Мелюкова А. И.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 10–16 (Археология СССР).
- Мелюкова 1989б — *Мелюкова А. И.* Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Там же. С. 51–67.
- Мерперт, Мунчаев 1982 — *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового света. М.: Наука, 1982. С. 28–49.
- Могильников 1987 — *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235 (Археология СССР).
- Мерперт и др. 1971 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Бадер Н. О., Башилов В. А., Гуляев В. И.* Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Месопотамии // АО 1970 года. 1971. С. 450–454.
- Мышкин 1999 — *Мышкин В. Н.* К проблеме взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999. Вып. 1. С. 270–288.
- Назаренко 1983 — *Назаренко В. А.* Погребальная обрядность приладужской чуди: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1983. 18 с.
- Невская 1982 — *Невская Л. Г.* Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М.: Наука, 1982. С. 106–121.
- Невская 1990 — *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 135–146.
- Никольский 1923 — *Никольский В.* Очерк первобытной культуры. М.; Пгт.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1923. 232 с.

- Никольский 1950 — *Никольский В. К.* Начало религии // Ученые записки Московского областного педагогического института. М.: Московский областной педагогический институт, 1950. Т. 14. С. 67–83 (Тр. кафедры истории древнего мира. Вып. 1).
- Обермайер 1913 — *Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. 687 с.
- Окладников 1952 — *Окладников А. П.* О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры // СЭ. 1952. № 3. С. 159–180.
- Ольховский 1986 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.
- Ольховский 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Ольховский 1993 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. № 1. С. 78–93.
- Ольховский 1995 — *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.
- Ошибкина 1983 — *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 285 с.
- Ошибкина 2006 — *Ошибкина С. В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура веретье. М.: ИПП «Гриф и К», 2006. 322 с.
- Ошибкина 2007 — *Ошибкина С. В.* Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // Российская археология. 2007. № 1. С. 36–48.
- Патрушев 1984 — *Патрушев В. С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1984. 230 с.
- Патрушев 1986 — *Патрушев В. С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: Учеб. пособие. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ГУ, 1986. 119 с.
- Патрушев, Халиков 1982 — *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Перова 1984 — *Перова Л. н.* Эволюция идеи бессмертия в первобытном и классовом обществе // Религия первобытного общества в свете современных данных. Л.: ГМИРА, 1984. С. 72–86.
- Петренко 1989а — *Петренко В. Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 67–80 (Археология СССР).
- Петренко 1989б — *Петренко В. Г.* Скифы на Северном Кавказе // Там же. С. 216–223.
- Петрухин 1975 — *Петрухин В. Я.* Погребальный культ языческой Скандинавии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1975. 18 с.
- Петрухин 1986 — *Петрухин В. Я.* Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах мира культуры // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 5–25.
- Петрухин 1987 — *Петрухин В. Я.* Загробный мир // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 452–456.
- Плисецкий 1952 — *Плисецкий М. С.* О так называемых неандертальских погребениях // СЭ. 1952. № 2. С. 138–157.
- Плисецкий 1957 — *Плисецкий М. С.* Еще раз о так называемых неандертальских погребениях // Советская антропология. М., 1957. № 1. С. 47–53.
- Попов 1984 — *Попов А. А.* Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.
- Прокофьев 1986 — *Прокофьев М. М.* Материалы к изучению погребальных обрядов нивхов сев. Сахалина (на примере селения Уанди Александровск-Сахалинского района // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1986. С. 23–56.
- Пшеницына 1992 — *Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224–235 (Археология СССР).
- Равдоникас 1939 — *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1939. Ч. 1. 284 с.
- Розенфельдт 1987 — *Розенфельдт Р. Л.* Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 116–162 (Археология СССР).
- Роон 1997 — *Роон Т. П.* Водный мир в культурных традициях коренных народов Сахалина в XIX–XX вв. // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конф. МАЭ РАН и РГО 27–28 сентября 1997 г. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 69–75.
- Савельева, Истомина 1986 — *Савельева Э. А., Истомина Т. В.* Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов): Межвузовский сб. науч. тр. Сыктывкар: Изд-во Пермского ГУ, 1986. С. 80–92.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с. (Археология СССР).

- Седов 1987 — *Седов В. В.* Корела // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 44–52 (Археология СССР).
- Семенов 1966 — *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 575 с.
- Семенов 1983 — *Семенов Ю. И.* Неандертальские погребения // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983. С. 383–388.
- Семенов 1989 — *Семенов Ю. И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 319 с.
- Смирнов К. 1989 — *Смирнов К. Ф.* Савроматская и раннесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 165–177 (Археология СССР).
- Смирнов С. 1982 — *Смирнов С. В.* О некоторых методологических принципах решения проблемы антропогенеза // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 47–74.
- Смирнов С. 1983 — *Смирнов С. В.* Становление основ общественного производства (материально-технический аспект проблемы). Киев: Наукова думка, 1983. 257 с.
- Смирнов С. 1990 — *Смирнов С. В.* Про деякі методологічні засади вивчення неандертальських поховань // Археологія. Київ. 1990. № 2. С. 14–23.
- Смирнов Ю. 1981 — *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения. Вариант постановки вопроса // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 17–23.
- Смирнов Ю. 1985а — *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1985. 25 с.
- Смирнов Ю. 1985б — *Смирнов Ю. А.* Неандертальские погребения (история признания и состояние источников) // КСИА. 1985. Вып. 181. С. 81–86.
- Смирнов Ю. 1985в — *Смирнов Ю. А.* Тафология (попытка системного подхода) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье (материалы совещания 25–26 января 1983 г.). М.: Наука, 1985. С. 17–23.
- Смирнов Ю. 1986 — *Смирнов Ю. А.* Древнейшие погребения (год открытия — 1886) // Природа. 1986. № 11. С. 58–68.
- Смирнов Ю. 1988 — *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения // Общественные науки. М.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 17–23.
- Смирнов Ю. 1990 — *Смирнов Ю. А.* Морфология погребения (Опыт создания базовой модели) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 216–224.
- Смирнов Ю. 1991 — *Смирнов Ю. А.* Мустьерские погребения Евразии: возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука, 1991. 340 с.
- Смирнов Ю. 1994 — *Смирнов Ю. А.* К теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде (общие замечания) // Теория и прикладные методы в археологии: Межвузовский сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1994. С. 16–24.
- Смирнов Ю. 2005 — *Смирнов Ю. А.* Погребение: морфология и интерпретация // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии: ТД всерос. науч. конф. М.: ИА РАН, 2005. С. 13–14.
- Станкевич 1982 — *Станкевич И. Л.* Первобытные религиозные верования в свете данных археологии и этнографии // Методические указания для студентов 5 курса исторического факультета. Ярославль: Изд-во Ярославского ГУ, 1982. 24 с.
- Старкова 1983 — *Старкова Н. И.* Погребальная обрядность ительменов в прошлом и настоящем // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока: Сб. статей. Владивосток: Изд-во Дальневост. науч. центра АН СССР и др., 1983. С. 38–43.
- Тайлор 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 573 с.
- Терюков 1984 — *Терюков А. И.* К изучению погребального обряда коми-ижемцев // Полевые исследования Института этнографии 1980–1981 гг. М.: Наука, 1984. С. 220–226.
- Токарев 1956 — *Токарев С. А.* Проблема происхождения и ранних форм религии // Вопросы философии. 1956. № 6. С. 125–138.
- Токарев 1957 — *Токарев С. А.* О происхождении и ранних формах религии // Наука и религия. М.: Знание, 1957. С. 174–193.
- Толстов 1931 — *Толстов С. П.* Проблемы дородового общества // СЭ. 1931. № 3–4. С. 69–103.
- Топорков 1995а — *Топорков А. Л.* Дом // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 168–169.
- Топорков 1995б — *Топорков А. Л.* Могила // Там же. С. 262–264.
- Федорова 1997 — *Федорова Е. Г.* Река-дорога (по материалам археологии, этнографии и фольклора обских угров) // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конф. МАЭ РАН и РГО 27–28 сентября 1997 г. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 149–153.
- Федорова 1999 — *Федорова Е. Г.* Путь человека (по материалам этнографии манси) // Время и календарь в традиционной культуре: ТД Всерос. науч. конф. Российского Этнографического музея. СПб.: Лань, 1999. С. 169–172.
- Фрэзер 1980 — *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Изд-во политической литературы, 1980. 831 с.
- Халиков 1977 — *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

- Халилов 1985 — *Халилов Д. А.* Кавказская Албания // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 93–105 (Археология СССР).
- Членова 1992 — *Членова Н. Л.* Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224 (Археология СССР).
- Шер и др. 2004 — *Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.* Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 279 с.
- Шургая 1984а — *Шургая И. Г.* Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 63–71 (Археология СССР).
- Шургая 1984б — *Шургая И. Г.* Пантикапей // Там же. С. 59–63.
- Элиаде 2008 — *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический Проект, 2008. 622 с.
- Асу 1888 — *Асу де Е.* Des sepultures dans les dépôts paleolithiques des grottes ou des abris sous roche // BSAP. 3e serie. 1888. T. 11. P. 92–103.
- Асу 1895 — *Асу де Е.* La grotte des Hoteaux // Revue Archéologique. 1895. Ser. 3, T. 26. P. 240–244.
- Aguirre 2001 — *Aguirre E.* Dépôts fossilifères du karst de Atapuerca, premiers 20 ans // L'Anthropologie. 2001. T. 105, no 1. P. 13–26.
- Aimar et al. 1992 — *Aimar A., Alciati G., Broglio A., Castelletti L., Cattani L., Giacobini G., Maspero A.* Abri Villabruna // Adaptations au milieu montagnard au paleolithique superieur et au mesolithique: Colloque international. Museo Tridentino di scienze naturali. Tréno. 5–11 octobre 1992: Livret-guide des excursions. Ferrara: Università di Ferrara, 1992. P. 73–79.
- Albrethsen, Brinch Petersen 1976 — *Albrethsen S. E., Brinch Petersen E.* Excavation of a mesolithic cemetery at Vedbæk, Denmark // Acta Archaeologica. 1976. Vol. 47. P. 1–28.
- Aldhouse-Green, Pettitt 1998 — *Aldhouse-Green S., Pettitt P.* Paviland cave: contextualizing the «Red Lady» // Antiquity. 1998. Vol. 72, no. 278. P. 756–772.
- Alekšin 1994 — *Alekšin V. A.* Mesolithische Gräberfelder der Ukraine (chronologische, kulturelle und soziologische Aspekte der Interpretation) // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1994. Jg. 28. S. 163–189.
- Alekshin 1996 — *Alekshin V. A.* Mousterian burials in Eurasia // Nature et culture: Actes du colloque international de Liège 13–17 décembre 1993. Liège: l'Université de Liège, 1996. Vol. 2. P. 751–764 (ERAUL. No. 68).
- Alyokshin 1996 — *Alyokshin V. A.* Middle palaeolithic burials of Eurasia: new approaches and traditional interpretations — a view from eastern Europe // World Archaeological Bulletin. Southampton: University of Southampton, 1996. No. 8. P. 136–142.
- Arsuaga et al. 2001 — *Arsuaga J.-L., Martinez I., Gracia A.* Analyse phylogénétique des hominides de la Sierra de Atapuerca (Sima de los Huesos et Gran Dolina TD-6): l'évidence crânienne // L'Anthropologie. 2001. T. 105, no. 1. P. 161–178.
- Bar-Yosef, Goren 1973 — *Bar-Yosef O., Goren N.* Natufian remains in Hayonim cave // Paléorient. 1973. Vol. 1, no. 1. P. 49–68.
- Bayle des Hermens, Heim 1989 — *Bayle des Hermens de R., Heim J.-L.* Découvert d'un crâne humain dans une sépulture secondaire du magdalénien I de la grotte du Rond-du-Barry, Polignac, Haut-Loire // Comptes Rendus de l'Académie des Sciences. 1989. T. 309. Série II. No. 12. P. 1349–1352.
- Belfer-Cohen 1988 — *Belfer-Cohen A.* The natufian graveyard in Hayonim cave // Paléorient. 1988. Vol. 14, no. 2. P. 297–308.
- Belfer-Cohen, Hovers 1992 — *Belfer-Cohen A., Hovers E.* In the eye of the beholder mousterian and natufian burials in the Levant // CAn. 1992. Vol. 33, no. 4. P. 463–471.
- Bendann 1930 — *Bendann E.* Death Customs: an Analytical Study of Burial Rites. London: Kegan Paul, Trench, Trubner; New York: A. A. Knopf, 1930. 304 p.
- Berghe van den 1973 — *Berghe van den L.* La necropole de Hakalan // Archeologia. Dijon, 1973. No. 57. P. 49–58.
- Berghe van den 1976 — *Berghe van den L.* Pusht-i-Kuh. Luristan // Iran. 1976. Vol. 14. P. 164–166.
- Bermúdez de Castro et al. 2004 — *Bermúdez de Castro J. M., Martín-Torres M., Carbonell E., Sarmiento S., Rosas A., van der Made J., Lozano M.* The Atapuerca sites and their contribution to the knowledge of human evolution in Europe // Evolutionary Anthropology. New York, 2004. Vol. 13, issue 1. P. 25–41.
- Binant 1991 — *Binant P.* La préhistoire de la mort. Les premières sépultures en Europe. Paris: Editions Errance, 1991. 170 p.
- Binford L. 1971 — *Binford L. R.* Mortuary practices: their studies and their potential // Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices. Washington, DC: Society for American Archaeology, 1971. P. 6–29 (Memoirs of the Society for American Anthropology. No. 25).
- Binford L. 1981 — *Binford L. R.* Bones: ancient men and modern myths. New York: Academic Press, 1981. 320 p.
- Binford L. 1987 — *Binford L. R.* Were there elephant hunters at Torralba? // The evolution of human hunting. New York; London: Plenum press, 1987. P. 47–105.

- Binford S. 1968 — *Binford S.* A structural comparison of disposal of the dead in the mousterian and the upper paleolithic // *Southwestern Journal of Anthropology*. Albuquerque, 1968. Vol. 24, no. 2. P. 139–148.
- Birkner 1915 — *Birkner F.* Der Eiszeitmensch in Bayern // *Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns*. München, 1915. Bd. 19, Hf. 3/4. S. 105–134.
- Blanchard et al. 1972 — *Blanchard R., Peyrony D., Vallois H.-V.* Le gisement et le squelette de Saint-Germain-la-Rivière. Paris: Masson, 1972. 115 p. (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Memoir 34).
- Bonifay 1989 — *Bonifay M. F.* Analyse taphonomique des ursides de la grotte sépulcral neandertalienne du Régourdou (Dordogne) — France // *L'homme de Neandertal: Actes du colloque international de Liège (4–7 décembre 1986)*. Vol. 6. La subsistance. Liège: l'Université de Liège, 1989. P. 45–47 (ERAUL. No. 33).
- Boule 1895 — *Boule M.* Compte rendu du livre de abbé Tournier et Ch. Guillon «Les hommes préhistorique dans l'Ain» // *L'Anthropologie*. 1895. T. 6, no. 4. P. 314–317.
- Bouyssonie A. et al. 1908 — *Bouyssonie A., Bouyssonie J., Bardon L.* Découverte d'un squelette humain moustérien à la Bouffia de la Chapelle-aux-Saints (Corrèze) // *L'Anthropologie*. 1908. T. 19, no. 5/6. P. 513–518.
- Breuil 1921 — *Breuil H.* Les observations sur les sépultures mousterienne // *L'Anthropologie*. 1921. T. 31, no. 4. P. 342–345.
- Brinch Petersen 1991 — *Brinch Petersen E.* Senpaleolithikum og mesolitikum // *Arkæologiske udgravninger i Danmark 1990*. København: Det arkæologiske nævn, 1991. S. 56–60, 79–82.
- Buisson, Gambier 1991 — *Buisson D., Gambier D.* Façonnage et gravures sur des humains d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques) // *BSPF*. 1991. T. 88, no. 6. P. 172–177.
- Capitan, Peyrony 1909 — *Capitan L., Peyrony D.* Deux squelettes humaines au milieu de foyers de l'époque mousterienne // *Revue de l'École d'Anthropologie*, Paris, 1909. 19 Anné. P. 402–409.
- Capitan, Peyrony 1928 — *Capitan L., D. Peyrony.* La Madeleine: Son gisement, son industrie, ses œuvres d'art. Paris: Emile Nourry, 1928. 125 p. (Publications de l'Institut International d'Anthropologie. No. 2).
- Cardini 1980 — *Cardini L.* La necropoli mesolitica delle Arene Candide (Liguria) // *Studi di Paleontologia, Paleontologia, Paleontologia e Geologia del Quaternario*. Roma: Istituto Italiana di Paleontologia Umana, Anno 1980. P. 9–31 (Memoire dell' Istituto Italiana di Paleontologia Umana, nuova serie. No. 3).
- Carretero et al. 2001 — *Carretero J. M., Lorenzo C., Arsuaga J. L.* Restes post-craniens du niveau TD 6 du site en grotte du pleistocene inférieur de Gran Dolina, Sierra de Atapuerca, Espagne // *L'Anthropologie*. 2001. T. 105, no. 1. P. 179–201.
- Cauvin 1974 — *Cauvin J.* Troisième champagne de fouilles a tell Nureybet (Syrie) en 1973. Rapport préliminaire // *Annales Archéologiques Arabes Syriennes*. Damas, 1974. Vol. 24, t. 1/2. P. 47–58.
- Cauwe 1998 — *Cauwe N.* Et l'homme enterra ses morts // *Les grands inventions de la préhistoire*. Treignes: Editions du Centre d'Etudes et de Documentation Archéologiques, Musée du Malgré-Tout, 1998. P. 47–52.
- Chantre 1901 — *Chantre E.* L'homme quaternaire dans le bassin du Rhone: Etude géologique et anthropologique. Paléontologie humaine. Lyon: A. Rey, editeur de l'Université; Paris: J.-B. Baillière et fils, 1901. 189 p. (Annales de l'Université de Lyon. NS. 1. Sciences, Médecine. Fasc. 4).
- Chase, Dibble 1987 — *Chase Ph. G., Dibble H. L.* Middle paleolithic symbolism: a review of current evidence and interpretation // *Journal of Anthropological Archaeology*. Ann Arbor, 1987. Vol. 6, no. 3. P. 263–296.
- Clark 1991 — *Clark Ph. G.* Comment to Stiner M. C. «The faunal remains from grotta Guattari: a taphonomic perspective» and to White T. D., N. Toth «The question of ritual cannibalism at grotto Guattari» // *CAn*. 1991. Vol. 32, no. 2. P. 124–125.
- Clark, Lindly 1989 — *Clark G., Lindly J.* Comment to Gargett R. H. «Grave shortcomings: the evidence for neandertal burial» // *CAn*. 1989. Vol. 30, no. 2. P. 178–179.
- Currant et al. 1989 — *Currant A. P., Jacobi R. M., Stringer C. B.* Excavations at Gough's cave, Somerset 1986–87 // *Antiquity*. 1989. Vol. 63, no. 238. P. 131–136.
- Davidson, Noble 1989 — *Davidson I., Noble W.* The archaeology of perception. Traces of depiction and language // *CAn*. 1989. Vol. 30, no. 2. P. 125–137.
- Defleur 1993 — *Defleur A.* Les sépultures moustériennes. Paris: CNRS Editions, 1993. 325 p.
- Defleur et al. 1999 — *Defleur A., White T., Valensi P., Slimak L., Crégut-Bonnoure E.* Neanderthal cannibalism at Moula-Guercy, Ardèche, France // *Science*. 1999. Vol. 286. P. 128–131.
- Dibble, Chase. 1990 — *Dibble. H. L., Chase Ph. G.* Comment to Lindly J. M., G. A. Clark. «Symbolism and modern human origins» // *CAn*. 1990. Vol. 31, no. 3. P. 241–243.
- Dibble, Chase 1993 — *Dibble. H. L., Chase Ph. G.* On mousterian and natufian burials in the Levant // *CAn*. 1993. Vol. 34, no. 2. P. 170–172.
- Edwards 1988 — *Edwards P. C.* Natufian settlement in Wadi Al-Hammeh // *Paléorient*. 1988. Vol. 14, no. 2. P. 309–315.
- Escalon de Fonton 1966 — *Escalon de Fonton M.* Du paléolithique supérieur au mésolithique dans le Midi méditerranéen // *BSPF*. 1966. T. 63, no. 1. P. 66–180.
- Fernández-Jalvo et al. 1999 — *Fernández-Jalvo Y., Carlos Diez J., Cáceres I., Rosell J.* Human cannibalism in the early pleistocene of Europe (Gran Dolina, Sierra de Atapuerca, Burgos, Spain) // *JHE*. 1999. Vol. 37, no. 3–4. P. 591–622.

- Filip 1969 — *Filip J.* (Unter Mitwirkung zahlreicher Wissenschaftler und Institute). Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Prag: Academia, Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1969. Bd. 2. 1758 S.
- Formicola 1988 — *Formicola V.* The male and the female in the upper paleolithic burials from Grimaldi caves // Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. Monaco, 1988. No. 31. P. 41–48.
- Formicola 1990 — *Formicola V.* The triplex burial of Barma Grande (Grimaldi, Italy) // Homo. Amsterdam, 1990. Bd. 39, Hf. 3/4. P. 130–143.
- Fraipont, Lohest 1887 — *Fraipont J., Lohest M.* La race humaine de Néandertal ou de Canstadt en Belgique: Recherches ethnographiques sur des ossements humains, découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // Archives de Biologie. Liège, 1887. T. 7. P. 587–757.
- Frazier 1933 — *Frazier J. G.* Fear of the dead in primitive religion. London: Macmillan and Company Ltd., 1933. Vol. 1. 355 p.
- Gambier 1992 — *Gambier D.* Vestiges humains du paléolithique supérieur: inventaire et description préliminaire de spécimens inédits des collections du musée national de préhistoire les Eyzies de Tayac // Paléo. Les Eyzies-de-Tayac, 1992. No. 4. P. 91–100.
- Gamble 1989 — *Gamble C.* Comment to Gargett R. H. «Grave shortcomings: the evidence for neandertal burial» // CAn. 1989. Vol. 30, no. 2. P. 181–182.
- Gamble 1990 — *Gamble C.* Comment to Lindly J. M., G. A. Clark «Symbolism and modern human origins» // CAn. 1990. Vol. 31, no. 3. P. 243–244.
- Gargett 1989 — *Gargett R. H.* Grave shortcomings: the evidence for neandertal burial // CAn. Vol. 30, no. 2. P. 157–177.
- Gargett 1999 — *Gargett R. H.* Middle palaeolithic burial is not a dead issue: the view from Qafzeh, Saint-Césaire, Kebara, Amud and Dederieh // JHE. Vol. 37, no. 1. P. 27–90.
- Garrod 1937 — *Garrod D. A. E.* Mugareth el-Wad: description and excavations // *Garrod D. A. E., Bate M. A.* The stone age of Mount Carmel. Oxford: Clarendon Press, 1937. Vol. 1. P. 5–27.
- Garrod 1957 — *Garrod D. A. E.* The natufian culture: the life and economy of a mesolithic people in the Near East // Proceedings of the British Academy. Oxford, 1957. Vol. 43. P. 211–227.
- Gennep 1909 — *Gennep van A.* Les rites de passage. Paris: Emile Nourry, 1909. 288 p.
- Gilman 1989 — *Gilman A.* Comment to Gargett R. H. «Grave shortcomings: the evidence for neandertal burial» // CAn. Vol. 30, no. 2. P. 182.
- Grün et al. 2005 — *Grün R., Stringer C., McDermott F., Nathan R., Porat N., Robertson S., Taylor L., Mortimer G., Eggins S., McCulloch M.* U-series and ESR analyses of bones and teeth relating to the human burials from Skhul // JHE. 2005. Vol. 49, no. 3. P. 316–334.
- Hallowell 1926 — *Hallowell A. I.* Bear ceremonialism in the northern hemisphere // American Anthropologist. 1926. Vol. 28, no. 1. P. 1–175.
- Harrold 1980 — *Harrold F. B.* A comparative analyses of eurasian palaeolithic burials // WA. 1980. Vol. 12, no. 2. P. 195–211.
- Heim 1991 — *Heim J.-L.* L'enfant magdalénien de la Madeleine // L'Anthropologie. 1991. T. 95, no. 2/3. P. 611–637.
- Hofmann 2005 — *Hofmann D.* The emotional mesolithic: past and present ambiguities of Ofnet cave // Mesolithic studies at the beginning of the 21st century. Oxford: Oxbow books, 2005. P. 194–211.
- Hovers et al. 1995 — *Hovers E., Rak J., Lavi R., Kimbel W. H.* Hominid remains from Amud cave in the context of the Levantine middle paleolithic // Paléorient. 1995. Vol. 21, no. 2. P. 47–61.
- Hovers et al. 1996 — *Hovers E., Rak J., Kimbel W. H.* Neanderthals of the Levant // Archaeology. 1996. Vol. 49, no. 1. P. 49–50.
- Jelinek 1991 — *Jelinek J.* Découvertes d'ossements de la population gravettienne de Moravie // L'Anthropologie. 1991. T. 95, no. 1. P. 137–153.
- Jonsson 1986 — *Jonsson L.* Fish bones in late mesolithic human graves at Skateholm, Scania, South Sweden // Fish and archaeology. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. P. 62–79 (BAR. IS. No. 294).
- Kannegaard Nielsen, Brinch Petersen 1993 — *Kannegaard Nielsen E., Brinch Petersen E.* Burials, people and dog // Digging into the past: 25 years of archaeology in Denmark. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 1993. P. 76–81.
- Kaulich 1983 — *Kaulich B.* Das Paläolithikum des Kaufertsberg bei Lierheim (Gem. Appetshofen, Ldkr. Donau-Ries) // Quartär. 1983. Bd. 33/34. S. 29–97.
- Klaatsch, Hauser 1908 — *Klaatsch H., Hauser O.* Homo Mousteriensis Hauseri. Ein altdiluvialer Skelettfund im Departement Dordogne und seine Zugehörigkeit zum Neandertaltypus // Archiv für Anthropologie. Braunschweig, 1908. Neue Folge. Bd. 7, Hf. 3. S. 287–297.
- Klein R. 1973 — *Klein R. G.* Ice Age Hunters of the Ukraine. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 140 p.
- Klein R. 1987 — *Klein R. G.* Reconstructing how early people exploited animals: problems and prospects // The evolution of human hunting. New York; London: Plenum press, 1987. P. 11–45.

- Klein R. 1989 — *Klein R. G.* The human career. Human biological and cultural origins. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. 524 p.
- Kurth, Röhrer-Ertl 1981 — *Kurth G., O. Röhrer-Ertl.* On the anthropology of the Mesolithic to chalcolithic human remains from the Tell es-Sultan in Jericho, Jordan // *Kenyon K. M.* Excavations at Jericho. Vol. III. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. London: British School of Archaeology at Jerusalem, 1981. P. 407–499.
- Larsson 1990 — *Larsson L.* The mesolithic of Southern Scandinavia // *JWP.* Vol. 4, no. 3. P. 257–309.
- Larsson 2000 — *Larsson L.* Cemeteries and mortuary practice in the late Mesolithic of Southern Scandinavia // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits.* Tallinn: Ajaloo Instituut, 2000. P. 81–102 (Muinasaja Teadus [Research into ancient times]. No. 8).
- Le Mort 1982 — *Le Mort F.* Actions intentionnelles sur les os humains // *La mort dans la préhistoire.* Dijon: Editions Faton, 1982. P. 28–32 (Les Dossiers Histoire et Archéologie. No. 66).
- Le Mort 1987 — *Le Mort F.* Incisions volontaires sur un arrière-crâne de néandertalien de Marillac (Charente) // *Préhistoire de Poitou-Charentes. Problèmes actuels: Actes du IIIe congrès national des sociétés savantes.* Poitiers. 1986. Commission de Pré et Protohistoire. Paris: Editions du comité des travaux historiques et scientifiques, 1987. P. 151–156.
- Le Mort 1988a — *Le Mort F.* Cannibalisme ou rite funéraire? // *L'Homme de Néandertal.* Dijon: Editions Faton, février 1988. P. 46–49 (Dossiers d'Archéologie. No. 124).
- Le Mort 1988b — *Le Mort F.* Le décharnement du cadavre chez les neandertaliens: quelques exemples // *L'homme de Neandertal: Actes du colloque international de Liège (4–7 décembre 1986).* Vol. 5. La Pensée. Liège: l'Université de Liège, 1988. P. 43–55 (ERAUL. No. 32).
- Le Mort 1989 — *Le Mort F.* Traces de décharnement sur les ossements néandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne) // *BSPF.* 1989. T. 86, no. 3. P. 79–87.
- Leroi-Gourhan 1964 — *Leroi-Gourhan A.* Les religions de la préhistoire (paléolithique). Paris: Presses universitaires de France, 1964. 154 p.
- Lloyd, Safar 1948 — *Lloyd S., Safar F.* Eridu: preliminary communication on the second season's excavations: 1947–1948 // *Sumer.* Baghdad, 1948. Vol. 4, no. 1. P. 115–127.
- Löhlein 1998 — *Löhlein W.* Totenhaus — Grabkammer — Verbrennplatz. Zur Interpretation vierpfostiger Grundrisse aus Grabhügeln Nordwürttembergs // *Archäologisches Korrespondenzblatt.* Mainz, 1998. Jg. 28, Hf. 4. S. 513–522.
- Martin 1911 — *Martin H.* Présentation d'un crâne humain trouvé avec le squelette à la base du moustérien de la Quina (Charente) // *BSPF.* 1911. T. 8, no. 10. P. 615–627.
- McCown 1937 — *McCown T. D.* Mugharet es Skhul. Description and excavations // *Garrod D. A. E., Bate M. A.* The stone age of Mount Carmel. Oxford: Clarendon Press, 1937. Vol. 1. P. 91–108.
- McBrearty, Brooks 2000 — *McBrearty S. A., Brooks S.* The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // *JHE.* 2000. Vol. 39, no. 5. P. 453–563.
- Marshack 1988a — *Marshack A.* La pensée symbolique et l'art // *L'Homme de Néandertal.* Dijon: Editions Faton, février 1988. P. 80–90 (Dossiers d'Archéologie. No. 124).
- Marshack 1988b — *Marshack A.* The Neanderthals and the human capacity for symbolic thought: cognitive and problem solving aspects of Mousterian symbol // *L'homme de Neandertal: Actes du colloque international de Liège (4–7 décembre 1986).* Vol. 5. La Pensée. Liège: l'Université de Liège, 1988. P. 57–91 (ERAUL. No. 32).
- May 1986 — *May F.* Les sépultures préhistoriques: Étude critique. Paris: CNRS Editions, 1986. 264 p.
- Mazar 1992 — *Mazar A.* Archaeology of the Land of the Bible, 10 000–586 B. C. E. New York: Doubleday, 1992. 576 p.
- Mellars 1973 — *Mellars P.* The character of the middle/upper palaeolithic transition in southwest France // *The explanation of cultural change: models in prehistory.* London: Duckworth, 1973. P. 255–276.
- Mellars 1996 — *Mellars P.* The neanderthal legacy. Princeton: Princeton university press, 1996. 471 p.
- Mercier et al. 1993 — *Mercier J., Valladas H., O. Bar-Yosef O., B. Vandermeersch O., Stringer C., Joron J.-L.* Thermoluminescence date for the Mousterian site of Es Skhul, Mt. Carmel // *Journal of Archaeological Science.* London; New York, 1993. Vol. 20, no. 2. P. 169–174.
- Merpert, Munchajev 197 — *Merpert N., Munchajev R.* Excavations at Yarim Tepe 1970. Second preliminary report // *Sumer.* Baghdad, 1971. Vol. 27, no. 1/2. P. 9–22.
- Mezzena, Palma di Cesnola 1989/1990 — *Mezzena F., Palma di Cesnola A.* Nuova sepoltura gravettiana nella grotta Paglicci (Promontorio del Gargano) // *Rivista di Scienze Preistoriche.* Firenze, 1989/1990. 42, no. 1–2. P. 3–29.
- Mortillet 1892 — *Mortillet de G.* Sépultures nouvellement découvertes aux Baoussé-Rossé // *BSAP.* 1892. 4e série. T. 3. P. 442–447.
- Mortillet G., Mortillet A. 1900 — *Mortillet de G., Mortillet A.* La préhistorique: origine et antiquité de l'homme. 3e ed. Paris: C Reinwald et Schleicher Frères, 1900. 709 p. (Bibliothèque des sciences contemporaines. 8).
- Mussi 1986 — *Mussi M.* On the chronology of the burials found in the Grimaldi caves // *Antropologia Contemporanea.* Firenze, 1986. Vol. 9, no. 2. P. 95–103.

- Mussi 1990 — *Mussi M.* Continuity and change in Italy at the last glacial maximum // The world at 18 000 BP. Vol. 1. High latitudes. London: Unwin Hyman, 1990. P. 126–147.
- Naber 1974 — *Naber F. B.* Das Ende des Ofnet-Problems? // Quartär. Bonn, 1974. Bd. 25. S. 73–84.
- Newell et al. 1979 — *Newell R. R., Constandse-Westermann T. S., Meiklejohn Ch.* The skeletal remains of Mesolithic man in Western Europe: an evaluative catalogue // JHE. 1979. Vol. 8, no. 1. P. 1–228.
- Obermaier 1912 — *Obermaier H.* Der Mensch der Vorzeit. Berlin; München; Wien: Allgemein Verlagsgesellschaft, 1912. 592 S.
- Orschiedt 1999 — *Orschiedt J.* Manipulationen an menschlichen Skelettresten. Taphonomische Prozesse Sekundärbestattungen oder Kannibalismus? Tübingen: Mo Vince Verlag, 1999. 525 S. (Urgeschichtliche Materialhefte. Bd. 13).
- Orschiedt 2001 — *Orschiedt J.* Die Kopfbestattungen der Ofnet-Höhle. Ein Beleg für kriegerische Auseinandersetzungen im Mesolithikum // AI. 2001. Bd. 24, Hf. 2. S. 192–207.
- Otte 1996a — *Otte M.* Naissances des formes // Mélanges Pierre Colman. Liège, 1996. P. 14–17 (Revue des historiens de l'art, des archéologues, des musicologues et des orientalistes de l'Université de Liège. No. 15).
- Otte 1996b — *Otte M.* Le paléolithique inférieur et moyen en Europe. Paris: Armand Colin / Masson, 1996. 297 p.
- Otte, Keely 1990 — *Otte M., Keely H. L.* The impact of regionalism on paleolithic studies // CAn. 1990. Vol. 31, no. 5. P. 577–582.
- Otto 1954 — *Otto K. H.* Bemerkungen zur gesellschaftlichen Bedeutung der frühbronzezeitlichen «Fürstengräber» in Mitteldeutschland // Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Volkskunde. Berlin, 1954. Bd. 5. S. 107–117.
- Palma di Cesnola 1988 — *Palma di Cesnola A.* Paglicci. Rignano Garganico. San Marco in Lamis: Centro regionale servizi educativi e culturali-Distretto FG/27, 1988. 87 p.
- Péquart M., Péquart S.-J. 1954 — *Péquart M., Péquart S.-J.* Hoëdic. Deuxième station-nécropole du mesolithique cotier armoricain. Anvers: De Sikkel, 1954. 93 p.
- Péquart et al. 1937 — *Péquart M., Péquart S.-J., Boule M., Vallois H.* Tévéc, Station-Nécropole du Mésolithique du Morbihan. Paris: Masson, 1937. 228 p. (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Memoir 18).
- Perlès 1982 — *Perlès C.* Les rites funéraires du paléolithique mythe ou réalité? // La mort dans la préhistoire. Dijon: Editions Faton, 1982. P. 8–9 (Les Dossiers Histoire et Archéologie. No. 66).
- Perrot, Ladiray 1988 — *Perrot J., Ladiray D.* I. Les sépultures // Les hommes de Mallaha (Eynan) Israël. Paris: Association Paléorient, 1988. P. 1–106 (Mémoires et Travaux du Centre de Recherche Français de Jerusalem. No. 7).
- Pettitt, Bader 2000 — *Pettitt P. B., Bader N. O.* Direct ANS radiocarbon dates for the Sungir mid upper palaeolithic burials // Antiquity. 2000. Vol. 74, no. 284. P. 269–270.
- Pettitt et al. 2003 — *Pettitt P. B., Richards M., Formicola V.* The gravettian burial known as the prince («il principe»): new evidence for his age and diet // Antiquity. 2003. Vol. 77, no. 295. P. 15–19.
- Peyrony 1921 — *Peyrony D.* Les mousteriens inhumèrent-ils leurs morts? // Bulletin de la Société historique et archéologique du Périgord. Périgueux, 2003. T. 48. P. 132–139.
- Peyrony 1928 — *Peyrony D.* Découverte d'un squelette humain a la Madeleine (Dordogne) // Actes de la troisième session de l'Institut international d'anthropologie. Amsterdam. 20–29 septembre 1927. Paris: E. Nourry, 1928. P. 318–320.
- Peyrony 1934 — *Peyrony D.* La Ferrassie (Moustérien, Périgordien, Aurignacien) // Préhistoire III (fascicule unique). Paris: Libraire Ernest Leroux, 1934. P. 1–92.
- Piggott 1965 — *Piggott S.* Ancient Europe from the beginnings of agriculture to classical antiquity. Edinburgh: University Press, 1965. 343 p.
- Riel-Salvatore, Clark 2001 — *Riel-Salvatore J., Clark G. A.* Middle and early upper paleolithic burials and the use of chronotypology in contemporary paleolithic research // CAn. 2001. Vol. 42, no. 4. P. 449–460.
- Roche 1976 — *Roche J.* La découverte de la Chapelle-aux-Saints et son influence dans l'évolution des idées concernant le psychisme des néandertaliens // Les sépultures néandertaliennes. Colloque XII, 17 septembre 1976. Pretirage. Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. IXe Congrès, 13–18 septembre 1976. Nice: Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques, 1976. P. 13–25.
- Röhler-Ertl 2005 — *Röhler-Ertl O.* Über «Kopf- und Schädelkult» als Teil einer analog logischen Weltansicht in der Prähistorie // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Halle (Saale), 2005. Bd. 89. S. 107–153.
- Ronen 1990 — *Ronen A.* Neandertaler und früher Homo Sapiens in Nahen Osten // Jahrbuch RGZM. 1990. Jg. 37. T. 1. S. 3–17.
- Rosos et al. 2012 — *Rosos A., Estalrich A., García-Tabernero A., Bastir M., García-Vargas S., Sánchez-Meseguer A., Huguet R., Lalueza-Fox C., Peña-Melán A., Kranjcić E. F., Santamaría D., de la Rasilla M., Fortea J.* Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). Actualisation d'un nouvel échantillon // L'anthropologie. 2012. T. 116, no. 1. P. 57–76.
- Russel 1987 — *Russel M. D.* Mortuary practices at the Krapina neandertal site // AJPA. 1987. Vol. 72, no. 3. P. 381–397.

- Safar et al. 1981— *Safar F., Mustafa M. A., Lloyd S.* Eridu. Baghdad: Republic of Iraq, Ministry of Culture and Information, State Organization of Antiquities and Heritage, 1981. 360 p.
- Schmidt 1912 — *Schmidt R. R.* Die diluvialen Kulturen Deutschlands // Die diluviale Vorzeit Deutschlands. Stuttgart: E. Schweizerbartsche Verlagsbuchhandlung Nägele und Dr. Sproesser, 1912. S. 1–158.
- Schröter 1983 — *Schröter P.* Zum Schädel vom Kaufertsberg bei Lierheim (Gem. Appetshofen, Ldkr. Donau-Ries) // Quartär. 1983. Bd. 33/34. S. 99–107.
- Schulting 1999 — *Schulting R. J.* Nouvelles dates AMS à Téviec et Hoëdic (Quiberon, Morbihan) // BSPF. 1999. T. 96, no. 2. P. 203–207.
- Schwabedissen 1983 — *Schwabedissen H.* Antwort zum Beitrag von Protsch R. «Wie alt ist der Homo sapiens?» in «Archäologische Informationen». Bd. 4. 1978. S. 8–32 // AI. 1983. Bd. 5. S. 55–56.
- Schwarz et al. 1988 — *Schwarz H. P., Grün R., Vandermeersch B., Bar-Yosef O., H. Valladas H., Tchernov E.* ESR dates for the hominid burial site of Qafzeh in Israel // JHE. 1988. Vol. 17, no. 6. P. 733–737.
- Schwidetzky 1965 — *Schwidetzky I.* Sonderbestattungen und ihre paläodemographische Bedeutung // Homo. Amsterdam, 1965. Bd. 15, Hf. 4. S. 230–247.
- Sergi 1951 — *Sergi S.* L'uomo aurignaciano della caverna delle Arene Candide // Atti della Società Italiana per il progresso delle Scienze. Relazioni della XLII Riunione, 1949. Rome: Società Italiana per il progresso delle Scienze, 1951. Vol. 2. P. 423–425.
- Sergi 1953 — *Sergi S.* L'homme du paléolithique supérieur découvert dans la grotte des Arene Candide près de Finale Ligure // Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques: Actes de la IIIe Session (Zürich. 1950). Zürich: City druck, 1953. P. 60–62.
- Skaarup, Grøn 1991 — *Skaarup J., Grøn O.* Møllegabet // Arkæologiske udgravinger i Danmark 1990. København: Det arkæologiske nævn, 1991. S. 128–129.
- Smirnov 1989 — *Smirnov Yu. A.* Intentional human burial: middle palaeolithic (last glaciations) beginnings // JWP. 1989. Vol. 3, no. 2. P. 199–233.
- Solecki 1975 — *Solecki R. S.* The middle paleolithic site of Nahr Ibrahim (Asfourieh Cave) in Lebanon // Problems in prehistory: North America and the Levant. Dallas: Southern Methodist university press, 1975. P. 283–295.
- Solecki 1982 — *Solecki R. S.* A ritual middle paleolithic deer burial at Nahr Ibrahim cave, Lebanon // Archéologie au Levant. Recueil à la mémoire de Roger Saidah. Collection de la Maison de l'Orient méditerranéen, No. 12. Lyon: Maison de l'Orient, 1982. P. 47–56 (Série archéologique. 9).
- Stekelis 1962 — *Stekelis M.* Nahal Oren // Revue Biblique. Jerusalem, 1962. T. 69, no. 3. P. 392–395.
- Stekelis, Yizraely — 1963 — *Stekelis M., Yizraely T.* Excavations at Nahal Oren. Preliminary report // Israel Exploration journal. Jerusalem, 1963. Vol. 13, no. 1. P. 1–12.
- Stringer, Gamble. 1994 — *Stringer Ch., Gamble C.* In search of the Neanderthals. London: Thames and Hudson, 1994. 247 p.
- Svanberg 2005 — *Svanberg F.* House symbolism in aristocratic death rituals of the Bronze Age // Dealing with the dead: Archaeological perspectives on prehistoric Scandinavian burial ritual. Stockholm: Riksantikvarieämbetet, 2005. P. 73–98 (Arkeologiska Undersökningar Skrifter. No. 65).
- Tillier 1995 — *Tillier A.-M.* Paléanthropologie et pratiques funéraires au Levant méditerranéen durant le paléolithique moyen: le cas des sujets nonadultes // Paléorient. 1995. Vol. 21, no. 2. P. 63–76.
- Tillier et al. 1988 — *Tillier A.-M., Arensburg B., Rak Y., Vandermeersch B.* Les sépultures néanderthaliennes du Proche-Orient: état de la question // Paléorient. 1988. Vol. 14, no. 2. P. 130–136.
- Tschumi 1930 — *Tschumi O.* Grab, Haus und Herd in der Urzeit // Germania. 1930. Jg. 14, Hf. 3. S. 121–139.
- Ucko 1969 — *Ucko P. J.* Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains // WA. 1969. Vol. 1, no. 1. P. 262–280.
- Ullrich 1982 — *Ullrich H.* Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism, scull-cult and burial rites // Man and his origin: Selected papers of the IInd Congress of the European Anthropological Association, Brno 1980. Brno: Anthropos Institute, Moravian Museum, 1982. P. 253–262 (Anthropos. Vol. 21).
- Ullrich 1986 — *Ullrich H.* Manipulation on human corpses, mortuary practice and burial in palaeolithic times // Fossil man. New facts — new ideas. Papers in honors of Jan Jelinek's life anniversary. Brno: Anthropos Institute-Moravian Museum, 1986. P. 227–236 (Anthropos. Vol. 23).
- Valla 1987 — *Valla F. R.* Chronologie absolue et chronologie relative dans le natoufien // Chronologies in the Near East. Relative chronologies and absolute chronology (16 000–4 000 B. P.): C. N. R. S. international symposium. Lyon (France). 24–28 November 1986. Oxford: British Archaeological Reports, 1987. Part 1. P. 267–294 (BAR. IS. No. 379).
- Valladas et al. 1988 — *Valladas H., Reys J. L., Joron J. L., Valladas G., Bar-Yosef O., Vandermeersch B.* Thermo luminescence dating of Mousterian «Proto-Cro-Magnon» remains from Israel and the origin of modern man // Nature. 1988. Vol. 331. P. 614–616.
- Vallois 1961 — *Vallois H. V.* Le crâne humain magdalénien du Mas d'Azil // L'Anthropologie. 1961. T. 65, no. 1/2. P. 21–45.

Vallois 1972 — *Vallois H. V.* Le crâne magdalénien des Hoteaux: notes anthropologiques // *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*. Paris, 1972. XII serie. T. 9, no. 1. P. 7–25.

Vandermeersch 1970 — *Vandermeersch B.* Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la grotte de Qafzeh // *Comptes Rendus Hebdomadaires des Seances de l'Academie des Sciences*. 1970. T. 270D, no. 2. P. 298–301.

Vandermeersch 1981 — *Vandermeersch B.* Les hommes fossils de Qafzeh (Israel). Paris: Editions CNRS, 1981. 319 p.

Verger-Pratoncy 1977 — *Verger-Pratoncy J.-C.* Considérations sur la détermination de l'âge dentaire du fossile magdalénien des Hoteaux // *L'Anthropologie*. 1977. T. 81, no. 1. P. 124–136.

Verneau 1892 — *Verneau R.* Nouvelle découverte de squelettes préhistoriques aux Baoussé-Roussé, près de Menton // *L'Anthropologie*. 1892. T. 3, no. 1. P. 513–540.

Verneau 1908 — *Verneau R.* L'homme de la Barma Grande (Baoussé-Roussé): Etude des collections anthropologiques et archéologiques réunies dans le Museum praehistoricum fondé par le commandeur Thomas Hanbury. 2e ed. Baoussé-Roussé, près de Menton: FR Abbo éditeur, 1908. 204 p.

Vlček 1991 — *Vlček E.* L'homme fossile en Europe centrale // *L'Anthropologie*. 1991. T. 95, no. 2/3. P. 409–471.

Völzing 1935/1938 — *Völzing O.* Die Grabungen 1937 am Hohlestein im Lonetal // *Fundberichte aus Schwaben*. Stuttgart, 1935/1938. Neue Folge. Bd. 9. S. 1–7.

Walker, Shipman. 1996 — *Walker A., P. Shipman P.* The Wisdom of the Bones. In search of human origins. New York: Alfred A. Knopf, 1996. 338 p.

Weber 1989 — *Weber A. W.* Comment to Gargett R. H. «Grave shortcomings: the evidence for neandertal burials» // *CAn*. 1989. Vol. 30, no. 2. P. 184.

Weber 1993 — *Weber T.* Die Häuser der Toten. Auf den Spuren von Mitteldeutschlands ältesten oberträgigen Grabdenkmalen // *Archäologie in Sachsen-Anhalt*. Halle (Saale), 1993. Hf. 3. S. 8–11.

White 1985 — *White T. D.* Acheulian man in Ethiopia's middle Awash valley // The implications of cutmarks on the Bodo cranium. Achtste Kroon-Voordracht Gehouden voor de Stichting Nederlands museum voor Anthropologie eu Praehistoria te Amsterdam of 19 april 1985. Amsterdam: Stichting Nederlands museum voor Anthropologie eu Praehistoria, 1985. P. 5–33.

White 1986 — *White T. D.* Cut marks on the Bodo cranium: a case of prehistoric defleshing // *AJPA*. 1986. Vol. 69, no. 4. P. 503–509.

Woolley 1934 — *Woolley L.* The Royal Cemetery. London-Philadelphia: British Museum and Museum of the University of Pennsylvania, 1934. 604 p. (Ur Excavations. Vol. 2).

Zachrisson, Iregren 1974 — *Zachrisson I., Iregren E.* Lappish bear graves in northern Sweden. An archaeological and osteological study. Stockholm: Kungl. Vitternets. Historie och Antikvitets Akademien, 1974. 113 p. (Early Norrland. Vol. 5).

Zilhão 2000 — *Zilhão J.* Fate of the Neanderthals' // *Archaeology*. 2000. Vol. 53, no. 4. P. 25–31.

Zilhão, d'Errico 2000 — *Zilhão J., d'Errico F.* La nouvelle «bataille aurignacienne». Une révision critique de la chronologie du châtelperonnien et de l'aurignacien ancien // *L'Anthropologie*. 2000. T. 104, no. 1. P. 17–50.

On the origin and development of funerary rituals in traditional societies (based on archaeological evidence)

V. A. Alekshin

The culture of traditional (non-industrial) societies included a complex of various norms and practices, which prescribed the attitude to the dying, the ways of treating the corpses of the deceased (burial rites), and the forms of commemoration and adoration of those passed away. These three groups of beliefs form the funerary cult. Of central importance for the funerary cult are burial rites, whereby the group sanctions the transition of a person from one qualitative state to another. Therefore, the burial rite belongs to the group of rituals that regulate the trajectory of human life. The traditional societies knew three main ideas about the posthumous fate of a man. According to the first and most famous one, after being buried the deceased set off on a long journey to the land of the dead, and the grave was conceived as the entrance to that land. According to the second idea, the death is just a prelude to coming back into the world of living as a newborn. The third idea considers the grave as a new house of a deceased, the place of his eternal

residence. These three ideas contradict one another to such an extent that their synchronous origin seems unlikely. The question about the time of appearance of each of these ideas can be clarified on the basis of archaeological evidence. The analysis of the latter allows to conclude, that the earliest notions of afterlife formed as early as the Middle Paleolithic and represented the belief in reincarnation, rebirth. The blooming of the Upper Paleolithic culture, which took place in the Gravettian period, led to substantial changes in human views of the death. According to new beliefs, after the death, the deceased found themselves in the land of the dead, where they had to stay for some time waiting for the rebirth. This conception had been developing for some 20 000 years, and reached its final form by the VI–V millennia BC. By that time, the journey to the afterworld had been conceived as an ordeal, demanding special dress, food reserves, tools, weapons, and, sometimes, means of transportation. All this equipment must have corresponded to the social status of a person, since the afterlife was regarded as a continuation of this life. As to the idea that the grave represents a deceased person's house, it appeared rather late, probably, in the Early Medieval times. New ideas did not reject the older ones, but absorbed them, which led to the formation of multilevel systems of beliefs reflected in diverse burial rites. While the idea of the transition to the afterworld was a widespread one, it was not universal. This necessitates a more general definition of the burial rite as a phenomenon of the traditional culture: burial rite is a system of symbolic acts the living perform with the bodies of the dead in accordance with human views of afterlife.

О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников

В. С. Бочкарёв

Ключевые слова: *ископаемые артефакты, памятники, археологические источники.*
Keywords: *fossil artifacts, archaeological sites, archaeological record.*

Понятия «археологический памятник» и «археологический источник» имеют фундаментальное значение для нашей науки. Они входят в число тех опор, на которых она держится. От их трактовки во многом зависит определение предмета археологии, ее методы и даже ее статус в системе гуманитарных наук. Неудивительно, что в теоретической и учебной литературе этим понятиям уделяется много внимания. Однако единого мнения относительно их выработать так и не удалось (Шер 2004; Белков 2009: 112; Клейн 2011). В данной работе я затрону только один из аспектов проблемы. Будут рассмотрены некоторые специфические признаки археологических памятников, отличающие их от других подобных объектов. Многие из этих черт в той или иной мере передаются археологическим источникам, придавая им неповторимое своеобразие.

Прежде всего, следует отметить, что указанные понятия отражают близкие явления. Они столь близки друг другу, что в советской литературе их вообще не различали (Шер 2004: 115). Хотя для их обозначения использовали разные термины (археологический материал, вещественный археологический источник, археологический памятник, археологический источник и т. д.), в них вкладывалось одно и то же содержание. Советскую традицию прямого отождествления понятий «археологический памятник» и «источник» унаследовал Л. С. Клейн, автор фундаментального исследования, посвященного теоретическому анализу археологических источников (Клейн 1978; 1995). Для него это один из исходных постулатов. Между тем с гносеологической точки зрения указанные понятия относятся к разным категориям. Их нельзя приравнивать друг к другу. На это уже обратили внимание Я. А. Шер и П. Л. Белков (Шер 2004: 115–121; Белков 2009: 12). Я. А. Шер, описывая отличия археологических памятников от источников, отмечает, что первые даны нам объективно. Они существовали и существуют независимо от нас и наших представлений о них. В народе их нередко воспринимают как некие природные объекты, каковыми они отчасти и являются. Сведения об этих памятниках мы получаем в результате их изучения, основным средством которого остаются археологические раскопки. Современные методы полевых исследований таковы, что в процессе их проведения разрушается структура памятника и некоторые ее компоненты. Иногда они полностью уничтожаются. Но взамен мы получаем знания о них, которые документируются в форме отчетов. Эти последние, по словам Я. А. Шера, предоставляют те материалы, на основе которых и формируются археологические источники. По мысли этого автора, научная информация (в данном случае археологическая) не содержится в самом материале, как вода в сосуде. Она воссоздается в процессе исследования и во многом зависит от самой личности исследователя (Там же: 118). В этом смысле археологический источник можно считать рукотворным явлением. Более прямолинейно, но в том же духе высказался П. Л. Белков: «Археологическими источниками являются письменная и графическая фиксация результатов раскопок, описание местоположения памятника и взаиморасположение составляющих его предметов как по горизонтали (по квадратам, т. е. кругом), так и по вертикали (по культурным слоям)» (Белков 2009: 112). Что касается археологических памятников, то он, как и Я. А. Шер, к их числу относит отдельные артефакты, их комплексы и артефактные (искусственные) структуры. Сами по себе они не являются источниками. Таковыми становятся знания о них, полученные в результате их научного изучения.

О неправомочности прямого отождествления археологических источников и памятников говорят и многие другие факты, взятые из практики кабинетных исследований. Так, для каждого археолога вполне очевидно, что погребения и, например, вещевые клады относятся к разным видам памятников. Как прописная истина это излагается в учебниках и учебных пособиях (Мартынов, Шер 2002: 6–11). Друг от друга они отличаются как по содержанию, так и по своей структуре. Тем не менее их могут объединять в один источник, благодаря той хронологической информации, которую они содержат. Как замкнутые комплексы, эти памятники предоставляют наиболее достоверные сведения о временной сопряженности типов артефактов, входящих в их состав. С другой стороны, данные тех же самых кладов могут распределяться по нескольким источникам в зависимости от цели исследования. То же самое справедливо и в отношении погребальных памятников. Информация, полученная в результате их исследования, может быть использована по-разному. С ее помощью изучаются религиозные представления, демографические и социальные процессы тех культур, которые нам оставили эти памятники.

Таким образом, связь археологических источников с археологическими памятниками не является прямой и однозначной. Между ними нет полного соответствия. По этой причине их нельзя приравнивать друг к другу, рассматривать как одно и то же явление. Источник возникает в результате изучения как одного, так и нескольких видов памятников. Поэтому вполне справедливым кажется вывод Я. А. Шера, что «между понятиями “археологический памятник” и “археологический источник” нет и не может быть тождества» (Шер 2004: 121).

Вместе с тем их нельзя отрывать друг от друга. Они достаточно тесно связаны и находятся в состоянии подчинения. С познавательной точки зрения вполне допустимо рассматривать памятники как объективную основу источников. Поэтому именно с них и следует начать наш обзор.

Само понятие «памятник» имеет длительную историю употребления. Его широко использовали и используют в бытовой и научной лексике. Выделен целый ряд разновидностей памятников. Конечно, нас, прежде всего, интересует его археологическая версия. В литературе известно несколько определений понятия «археологический памятник». Приведу три из них, на мой взгляд, наиболее показательные. Первое из них принадлежит А. И. Мартынову и Я. А. Шеру. Они пишут, что «в археологии памятниками называют любые остатки древних сооружений, следы трудовой и культовой деятельности древних людей, а также сами древние вещи, изготовленные когда-то человеком или приспособленные им для своих целей (в иноязычной литературе такие предметы называют “артефактами”» (Мартынов, Шер 2002: 5). Несколько иную формулировку предложили американские археологи: «Памятники — это место, где находят следы деятельности человека в прошлом. Они представляют собой накопление остатков человеческой деятельности на протяжении какого-то периода времени. Обычно памятники идентифицируются по наличию артефактов» (Фаган, ДеКорс 2007: 158–159). Особое внимание привлекает определение Л. С. Клейна. Оно интересно еще и тем, что входит в систему понятий, разработанную автором. По Л. С. Клейну, «памятник — это одна из разновидностей археологических объектов (в плане классификации по условиям обнаружения): совокупность сооружений, отложений и вещей, оставленных людьми в одном месте и связанных в силу этого в одно целое еще при жизни или уже при отложении или после такового. Определением не требуется, чтобы все компоненты памятника принадлежали к одному времени, одной культуре или хотя бы культурам, сомкнутым во времени» (Клейн 1995: 260). Для полноты картины приведу также клейновскую дефиницию археологического объекта. Это — «обособленный предмет, подлежащий ведению археологии. Наиболее общее обозначение в ситуациях первичного рассмотрения (до специализации, интерпретации и т. п.), с использованием общенаучного термина “объект” и отраслевой спецификации “археологический”» (Там же: 259).

При сравнении этих определений нетрудно заметить черты их сходства и различия. Первые существенно больше. Все процитированные авторы сходятся в том, что археологические памятники представляют собой следы прошлой (древней) деятельности человека. В широком смысле слова это древние артефакты, их комплексы и артефактные (искусственные) структуры. Такой состав археологических памятников позволяет отнести их прежде всего к числу культурологических объектов. Они возникли в результате деятельности прошлых культур и являются их представителями в сегодняшнем мире. Это их коренным образом отличает от природных памятников и обособляет в системе современной культуры. Однако в приведенных выше определениях археологических

памятников ничего не сказано об их отличиях от собственно исторических объектов. Остается неясным, в чем же состоит их археологическая специфика? Ответ на этот вопрос можно найти в литературе. Его давно уже дали советские археологи. По их мнению, основным признаком археологических материалов является их вещественность (Равдоникас 1939: 11; Каменецкий и др. 1975: 4; Археология 2006: 8). Эта черта придает им своеобразие и резко отличает их от исторических и литературных памятников, которые в основном имеют письменный характер. Эта точка зрения получила также широкое распространение в западной археологии. Между тем она может быть легко оспорена. Еще во второй половине 1970-х гг. Л. С. Клейн отметил, что вещественные материалы и памятники, кроме археологии, изучают и другие науки — криминалистика, этнография, история архитектуры (Клейн 1978: 52–53). К ним могут быть добавлены музееведение, искусствоведение и некоторые разделы истории. По этому признаку археология оказывается в одном ряду с целой серией гуманитарных дисциплин. Несколько иначе к вопросу подошел Я. А. Шер. Он заявил, что разделение исторических материалов (в которые он включил и археологические памятники) на вещественные и письменные весьма неудачно. По его мнению, «письменные источники тоже вещественные. Особенно такие, как, например, Бехистунская надпись на высокой скале по дороге в Хамадан, кодекс Хаммурапи на диоритовой стеле или кумранские свитки» (Шер 2004: 115). К сказанному можно добавить, что сама археология имеет дело не только с вещественными артефактами. Она также исследует различные структуры (например, планы поселений, пахотных полей и т. д.), данные о которых можно передать только с помощью графических и речевых средств. Таким образом, хотя большая часть археологического материала действительно имеет вещественный характер, сам по себе он не является их эксклюзивным признаком. Одного этого оказывается недостаточно для идентификации археологических памятников. Нужны и другие критерии. Раньше всех это понял Л. С. Клейн. Он ввел еще один опознавательный признак — возраст объекта. Согласно его мнению, к числу археологических памятников можно отнести только древние вещественные материалы. Эти положения нашли отражение в формулировке понятия «археологический источник», который, как уже говорилось, Л. С. Клейн отождествляет с «археологическим памятником». В частности, он писал: «От других вещественных археологические источники отличаются тем, что они древние, от других древних — тем, что они вещественные» (Клейн 1995: 61). Получается, что сочетание этих двух качеств (вещественность и древность) и делает объект археологическим памятником (источником). О древности как неперменной черте таких памятников, помимо Л. С. Клейна, писали и многие другие авторы. Однако никто из них не уточнил временные рамки этого определения. Как мне кажется, говоря о древности, они следуют в русле научной традиции или даже руководствуются субъективными представлениями. В результате сложилось неопределенное положение, которое порождает спорные ситуации. В связи с этим сошлюсь на длительную и бесплодную дискуссию относительно верхнего предела археологии (Боряз 1975: 9–10; Клейн 1978: 48–53). Наконец, следует напомнить, что древние вещественные памятники кроме археологии изучают и другие гуманитарные науки. Поэтому «вещественность» и «древность», взятые порознь или вместе, не могут считаться исключительно археологическими признаками.

Подводя итог сравнительного анализа дефиниций понятия «археологический памятник», можно сказать следующее: в целом они верно определяют предмет изучения, хотя и в очень широких пределах. Имеются, на мой взгляд, и недостатки, о которых уже было сказано выше. Сейчас я остановлюсь на некоторых пробелах и упущениях, которые удалось заметить в процитированных формулировках.

Как отмечали многие авторы, в видовом отношении археологические памятники отличаются большим разнообразием. Я остановлюсь только на двух из них, которые получили название простых и сложных (Клейн 1995: 236). К первым относятся единичные артефакты, а ко вторым — их комплексы. Конечно, наибольший интерес представляют сложные памятники, на которых я остановлюсь подробнее. Нередко они представляют собой совокупность разновременных отложений, сосредоточенных в одном месте. Для таких комплексов лучше всего подходит клейновское и отчасти американское определение археологических памятников. Кроме артефактов в их состав обычно входят и экофакты. Это различного рода природные объекты, которые использовал человек и с которыми он находился в постоянных контактах (Hester, Grady 1982: 35–36). Экофактами, например, являются мясо, шерсть и кости диких и домашних животных, зерна и плоды растений

(в целом пища), а также биологическое минеральное сырье и т. д. Конечно, как и артефакты, они редко доходят до нас в первозданном виде. Как правило, это их ископаемые остатки.

Сложные памятники, кроме артефактов и эофактов, содержат еще один важный компонент. Его нельзя полностью отнести ни к сфере культуры (как артефакты), ни к сфере природы (как эофакты). Они возникли в результате взаимодействия этих двух сфер, а точнее говоря, вследствие постепенного поглощения природным окружением культурных депозитов (отложений). Самым ярким примером такого компонента является культурный слой. Он формировался из артефактов, эофактов и сыпучих материалов по тем же стратиграфическим законам, что и геологические слои. В результате возник некий новый объект, который может быть назван культурно-природным образованием.

Как можно было убедиться, сложные памятники довольно сильно отличаются от простых. Однако основу тех и других составляют артефакты. Причем это ископаемые артефакты. Они выпали из состава живой функционирующей культуры и превратились в депозиты. Тем самым они лишились защиты своей культуры и целиком попали под власть природы. Они стали ископаемыми артефактами. Таким образом, признак «ископаемости» наряду с признаком «артефактности» следует признать важнейшими чертами археологических памятников. Их сочетание и придает этим памятникам неповторимое своеобразие.

«Ископаемость» является результатом воздействия природных процессов на культурные депозиты. Эти последние могут находиться на земле, под землей или в какой-то другой среде. Это не имеет принципиального значения. Важно то, что от натиска природы их уже ничто не защищает. Ископаемые артефакты утратили свои культурные функции, и их культура перестала о них заботиться. Они постепенно, но неуклонно трансформируются в природные объекты. Конечно, современная культура нередко берет их под свою защиту. Она их охраняет и реставрирует и даже использует в своих целях, как, например, Колизей в Риме. Однако «оживить» их уже невозможно, так же как нельзя вернуть ту культурную среду, в которой они возникли и функционировали. В лучшем случае они становятся историко-культурными памятниками.

Природоведческий аспект археологических памятников слабо изучен в нашей науке. Он лишь изредка рассматривается в некоторых теоретических и методических работах (Клейн 2012: 118–128). Между тем его важность вполне очевидна. Особенно актуально изучение этого аспекта для теоретической и полевой археологии.

Обычно воздействие окружающей природной среды на культурные депозиты расценивается как сугубо деструктивный процесс. Действительно, землетрясения, наводнения, извержения вулканов, ветровая и водная эрозия и другие стихии наносят непоправимый вред археологическим памятникам. Нередко они их полностью уничтожают. Те же культурные материалы, которые сохраняются, подвергаются тлению, гниению, окислению и прочее. В результате многие артефакты из органических и некоторых неорганических материалов погибают. К этому еще следует добавить разрушение наземных сооружений, оплывание деревянно-земляных конструкций и т. д. Вместе с этим исчезает и бесценная культурно-историческая информация.

Конечно, разрушаются и исчезают далеко не все артефакты. Часть из них сохраняется, но, как правило, в деформированном виде. Они могут изменить свои размеры, цвет, а иногда и химический состав. Из-за длительного пребывания в земле происходит фоссилизация костей, патинизация кремневых изделий и коррозия металлических предметов. Следует также отметить, что многие земляные сооружения, такие, например, как курганы, меняют свою первоначальную форму. В конечном счете все они превращаются в округлые холмы и сильно изменяются в размерах.

Наконец, следует сказать, что нередко природное воздействие приобретает и своего рода созидательный характер. Благодаря ему возникает такой новый объект, как культурный слой. В его образовании участвует множество природных процессов: почвообразовательный, биологический, химический и т. д. Он формировался в полном соответствии с тремя из четырех законов стратиграфии (Там же: 339–340). Стратиграфия культурных слоев дает в руки археологии мощное средство относительной хронологии, которое не имеет ни одна другая историческая дисциплина.

Природное влияние на культурные депозиты было не только разнообразным, но и различалось по своей силе. Оно заметно варьировало в зависимости от местных природных условий.

Очевидно, что в инертной среде артефакты сохраняются намного лучше, чем в агрессивной. С разной степенью интенсивности протекали процессы формирования культурных слоев. Огромное значение для состояния культурных депозитов также имел фактор времени. Чем они старше, тем сильнее сказывалось на них воздействие природных сил.

Это воздействие резко возрастало сразу же после депонирования артефактов. Сам процесс депонирования изучен очень плохо. Известно только, что он мог протекать как стихийно, так и вполне сознательно и организовано. От этого во многом зависят состав, количество и сам характер так называемой археологической информации. Находясь уже в природной среде, и ничем от нее не защищенные артефакты превращались в археологический материал. Причем возраст самих этих артефактов не имеет принципиального значения. Это могут быть как палеолитические, так и современные изделия. Оказавшись вне рамок культуры, они тут же попадают во власть природы. С этой точки зрения верхняя временная граница археологии не может быть твердо фиксирована. Она постоянно движется вверх вслед за развитием современной культуры. Правильность этого вывода подтверждается появлением и успешным развитием так называемой промышленной археологии (*industrial archaeology*).

Природа разрушает, трансформирует культурные отложения, создает из них нечто новое. Как артефакты они принадлежат культуре, а как ископаемые объекты — природе. В этой двойственности и состоит уникальность археологических памятников. Их можно относить к особому классу культурно-природных объектов.

Завершая обзор, можно заключить, что к числу археологических памятников относятся любые артефакты, их комплексы и артефактные структуры, имеющие ископаемый характер. В состав сложных памятников также входят экофакты и некоторые культурно-природные образования. Вся совокупность археологических памятников может именоваться археологическим материалом.

По своему статусу археологические памятники относятся к натуральному ряду археологии, а источники — к аналитическому (Бочкарёв 2010: 28–32). Памятники являются эмпирической базой источников. Они во многом определяют их свойства. К таким свойствам могут быть отнесены закодированность культурно-исторической информации, ее лакунарность и выборность, компрессионность и т. д. Таким образом, недопустимо как отождествлять археологические памятники и источники, так и отрывать их друг от друга.

Археология 2006 — Археология / В. Л. Янин (отв. ред.). М.: Изд-во МГУ, 2006. 622 с.

Белков 2009 — Белков П. Л. Этнос и мифология. СПб.: Наука, 2009. 281 с.

Боряз 1975 — Боряз В. И. Природа археологического источника и объект археологии как науки // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975. С. 6–11.

Бочкарёв 2010 — Бочкарёв В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2010. 231 с.

Каменецкий и др. 1975 — Каменецкий И. С., Маршак И. Б., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975. 172 с.

Клейн 1978 — Клейн Л. С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 118 с.

Клейн 1995 — Клейн Л. С. Археологические источники. 2-е изд. СПб.: Фарн, 1995. 349 с.

Клейн 2011 — Клейн Л. С. Памятники как источники и археология как источниковедение // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 2011. Вып. 25. С. 15–17.

Клейн 2012 — Клейн Л. С. Археологическое исследование. Донецк: Изд-во Донецкого НУ, 2012. Кн. 1. 612 с.

Мартынов, Шер 2002 — Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2002. 240 с.

Равдоникас 1939 — Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1939. Ч. 1. 286 с.

Фаган Б. М., ДеКорс 2007 — Фаган Б. М., ДеКорс К. Р. Археология. В начале. М.: Техносфера, 2007. 591 с.

Шер 2004 — Шер Я. А. Еще об археологических источниках и «заклученной» в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 114–123.

Hester, Grady 1982 — Hester J. J., Grady J. Introduction to Archaeology. 2nd ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982. 496 p.

On some characteristics inherent to archaeological sites and archaeological record

V. S. Bochkarev

The paper asserts the necessity to make a distinction between the concepts of «archaeological site» and «archaeological record». They belong to different categories, with the former being an objective basis for the latter. Archaeological sites can be divided into several types, differing from each other by the degree of their complexity. All of them are characterized by such traits as «artifactness» and «fossilness». The combination of these two traits imparts archaeological sites with inimitable individuality. They can be considered as a kind of natural-cultural objects. The informative potential of the archaeological record is predetermined by some peculiarities inherent to archaeological sites.

Костяные орудия и украшения неолитического поселения Сай-Сайёд (Таджикистан)¹

Н. Н. Скакун, Т. Г. Филимонова, **А. Х. Юсупов**, Ю. Г. Кутимов

Ключевые слова: *Таджикистан, гиссарская неолитическая культура, многослойное поселение Сай-Сайёд, костяные орудия труда, украшения, технология изготовления, типология.*

Keywords: *Tajikistan, Hissar Neolithic culture, multilayer settlement of Sai-Sayod, bone tools, decorations, manufacturing technology, typology.*

Первая неолитическая стоянка на территории Таджикистана была открыта А. П. Окладниковым при обследовании Гиссарской долины на холме Тепеи Газиён. Исследователь отнес этот памятник к новой археологической культуре, получившей название гиссарской. В течение нескольких полевых сезонов (1953–1959) А. П. Окладников обнаружил серию гиссарских памятников — Кунчи, Санги-Миля, Лучоб, Куй-Бульён, Туткаул, Сай-Сайёд и др. (Окладников 1958; 1959; 1961).

Ландшафтно-природная характеристика. Основной зоной распространения гиссарской культуры является северная часть Афгано-Таджикской депрессии, заполненная короткими, невысокими хребтами, которые представляют собой виргацию хребтов Петра Первого и Дарвазского, принадлежащих Тянь-Шяньской и Памиро-Алайской горным системам с абсолютными высотами от 300 до 7495 м над уровнем моря. Хребты спускаются параллельно в юго-западном направлении, затухая на полупустынных равнинах Пянджа-Амударья. Река Пяндж-Амударья отделяет этот регион от его южного продолжения — предгорных равнин Северного Афганистана. Между хребтами расположены глубокие долины: Гиссарская, Вахшская, Кулябская, в которых выделяются центральные части, сложенные молодым аллювием; речные террасы и предгорные комплексы — «адыры», перекрытые лессовыми покровами, достигающими 200-метровой толщины.

Пыльцевая диаграмма поселения Туткаул показала, что в эпоху неолита склоны гор были покрыты редколесьем, состоявшим из миндаля, фисташки, боярышника в сочетании с полусаванными злаками (пырей и ячмень луковичный). Вдоль русел рек произрастали рощи шиповника, чилона, вишни бородавчатой, ясеня, можжевельника и тополя (Пахомов и др. 1974).

В ареале гиссарской культуры обитали медведи, кабаны, винторогие и сибирские козлы, бухарские олени, горные бараны, волки, дикобразы, зайцы, лисицы, суслики, черепахи. Отряд пернатых составляли фазаны, среднеазиатские куропатки, улары и многие другие виды. В реках водились сазаны, сомы, маринка, форель, хромюля самаркандская.

Таким образом, племена гиссарской культуры заселяли благоприятную природную зону с умеренным климатом, разнообразной фауной и флорой. Сочетание всех этих факторов вполне удовлетворяло нужды неолитического населения.

В пределах Афгано-Таджикской депрессии неолитические стоянки распространены по среднему течению рек Кафирнигана, Вахша, Явансу, Таирсу, Кызылсу и Яхсу (рис. 1; Виноградова и др. 2008: 117, рис. 1). Стоянки можно встретить на всех уровнях речных террас: высотой в 20–30 м, возраст которых определяется голоценом или верхним плейстоценом; более высоких,

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ-НЦНИ № 14-21-17003 Fr_a.

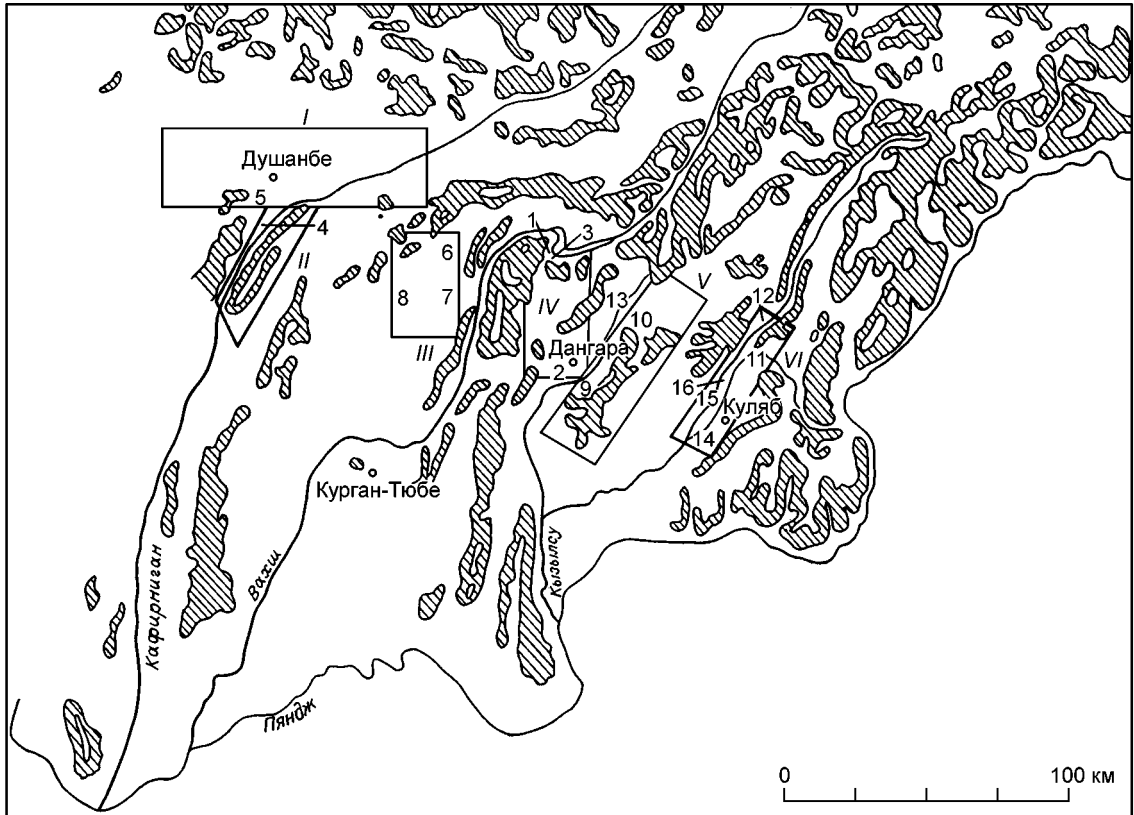

Рис. 1. Основные памятники гиссарской культуры Таджикистана, карта: 1 — Туткаул, Сайёд; 2 — Бульёни Поён; 3 — Камышлы; 4 — Кухна Бай; 5 — Тепеи Газиён (Гиссар); 6 — Гуликандоз; 7 — Мирзой Боло; 8 — Кози Берды; 9 — Советский; 10 — Чимбулак; 11 — Дагана; 12 — Сангиугур; 13 — Кангурттут; 14 — Люлякутал; 15 — Чармгарон; 16 — Гелот. Локальные группы распространения гиссарских стоянок: I — гиссарская; II — кафирниганская; III — яванская; IV — нуреко-дангаринская; V — кзылсуейская, VI — кулябская (по Виноградова и др. 2008)

Fig. 1. Main sites of the Hissar culture in Tajikistan: 1 — Tutkaul, Sayod; 2 — Bul'yoni Poyon; 3 — Kamyshly; 4 — Kuhna Bai; 5 — Tepei Gaziyon (Hissar); 6 — Gulikandoz; 7 — Mirzoi Bolo; 8 — Kozī Berdy; 9 — Sovetskiy; 10 — Chimbulak; 11 — Dagana; 12 — Sanghihugur; 13 — Kangurttut; 14 — Lulyakugal; 15 — Charmgaron; 16 — Ghelot. Local groups of the Hissar sites: I — Hissar; II — Kafirnigan; III — Yavan; IV — Nurek-Dangara; V — Kyzylsu; VI — Kulyab (after Виноградова и др. 2008)

среднеплейстоценовых, высотой до 100 м, а также в адырной полосе, на абсолютной высоте от 500–700 до 1000–1500 м над уровнем моря. Все памятники связаны с районами распределения лессов, их нет в верховьях рек, где лессовый покров практически отсутствует, а ландшафт характеризуется скалистыми ущельями (Виноградова и др. 2008: 18–24).

Гиссарская культура отличается галечной индустрией, которая имеет глубокие корни в нижнепалеолитической каратауской культуре, представленной стоянками Каратау, Лахути, Оби-Мазара, Хонако (Ранов, Шеффер 2000; Ранов, Каримова 2005: 45–48). Сходство каратауской культуры с гиссарской («галечный элемент») базируется на идентичности их орудий — чопперов, чоппингов, типологии нуклеусов, отличительной чертой которых является отсутствие поверхности, специально подготовленной для снятия заготовок, а также использовании в качестве орудий неретушированных отщепов. Немаловажно и то, что и палеолитическая, и гиссарская культуры территориально не выходят за пределы района распространения лесса, занимая одну и ту же экологическую нишу. Можно сказать, что галечная техника, законсервировавшись в горах Таджикистана на протяжении многих тысячелетий, исчезла после того, как гиссарская культура прекратила существование.

Генезис гиссарской культуры уже освещен в опубликованных работах. Раскопки в Туткауле и Дарай Шуре показали, что обнаруженная в среднем течении р. Вахш мезолитическая каменная индустрия, представленная комбинацией галечного и кремневого элементов, стала основой для

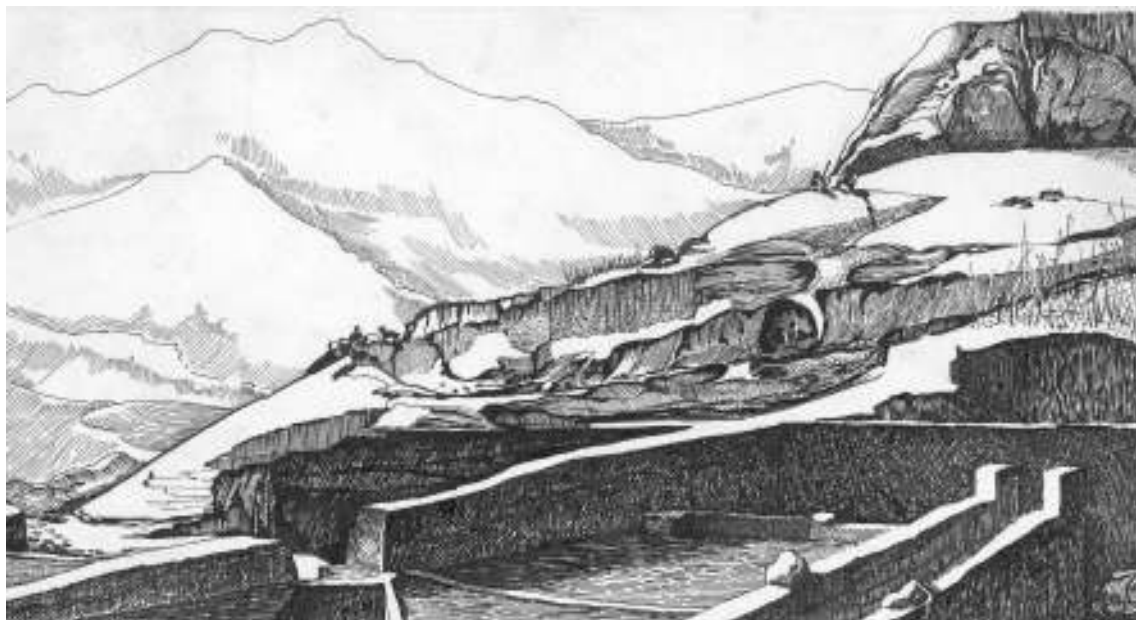

Рис. 2. Поселение Сай-Сайёд, Таджикистан, общий вид
Fig. 2. Sai-Sayod, Tajikistan, general view of the site

гиссарской культуры (Ранов и др. 1982: 5–11; Юсупов, Филимонова 1992), время существования которой, согласно датам, полученным по ^{14}C , охватывает VI–III тыс. до н. э. или, в соответствии с калиброванными календарными датами, — VII–III тыс. до н. э.

Гиссарское поселение Сай-Сайёд располагалось на левом берегу р. Вахш, на высоте 800 м над уровнем моря. Интересующий нас участок представлял собой котловину, с В и ЮВ ограниченную хребтом Гулизиндан (1300 м над уровнем моря), с СЗ — горой Санглок (2400 м над уровнем моря). Хребты сложены красными, сцементированными песчаниками верхнего палеогена и нижнего неогена, лежащими в основании 7–8 террас. Террасы, в свою очередь, образованы аллювиальными галечниками, перекрытыми лессами разной толщины (5–40 м).

Начиная с эпохи среднего палеолита и вплоть до бронзового века этот район интенсивно обжился. В 1970–1980-х гг. в результате систематических наблюдений за разрушающимися берегами водохранилища было выявлено свыше 100 гиссарских стоянок, местонахождений и отдельных пунктов (Юсупов, Филимонова 1984; 1988; 1990). Найденные неолитические памятники можно условно разделить на многократно заселяемые поселения с сохранившимся культурным слоем; на долговременные стоянки без него, причем количество подъемного материала может составлять сотни единиц; на пункты временного местонахождения и небольшие скопления каменных орудий. Отсутствие культурного слоя на ряде местонахождений объясняется либо их временным использованием, либо действием эрозии, так как неолитические слои, находящиеся в верхней части современной нулевой (голоценовой) почвы, уничтожались потоками, которые стекали со склонов гор.

Большинство стоянок указанного района, включая поселение Сай-Сайёд, в настоящее время затоплено Нурекским водохранилищем. Сай-Сайёд являлся эталонным многослойным памятником (рис. 2), исследования которого велись в 1966–1972 гг.² Поселение было приурочено к конусу выноса одноименного ручья у его выхода в долину р. Вахш. Длина конуса составляла 80 м, максимальная ширина — 40 м. В его верхней части имелся навес, промытый р. Вахш в скальных выходах красного песчаника. Высота конуса над голоценовой террасой у навеса составляла 12–15 м, а у реки — 4–6 м.

Стратиграфия. В верхней части конуса выноса залежали слои, содержавшие материальную культуру трех исторических периодов: остатки городища X–XII вв.; керамику и железные

² Раскопками поселения руководил А. Х. Юсупов (1975; 1976). В проведенных исследованиях принимали участие Н. Н. Скакун и Т. Г. Филимонова.

наконечники стрел III–V вв. н. э.; поселение и погребение, относящиеся к культуре так называемой степной бронзы. Ниже залегали три горизонта каменного века. Согласно датировке, предложенной А. Х. Юсуповым, два из них относятся к раннему и развитому этапам неолита (VI–IV тыс. до н. э.), а третий — предположительно к финалу верхнего палеолита (XIV–XII тыс. до н. э.) (Юсупов 1975: 138–139; Юсупов, Филимонова 1992).

Горизонт I эпохи неолита (верхний), прослеженный на площади 3500 м², представлен супесью светло-серого цвета толщиной от 0,75 до 1,2 м. В процессе его расчистки выявлены круглые (диаметром 0,4 м) и полукруглые очаги (размерами 1–1,1 м). Очаги обрамлены однослойными выкладками из плотно уложенных галек. Раскопаны также заполненные костями животных каменные ящики (50 × 30 × 25 см), сложенные из трех-пяти вертикально поставленных плиток красного песчаника. Под горизонтом I находился коричневый натечной суглинок толщиной 30–40 см, не содержащий культурных остатков.

Горизонт II эпохи неолита (нижний) залегал в супеси темно-бурого цвета, достигавшей толщины 2–2,2 м. При его исследовании зафиксированы многочисленные очаги и каменные многослойные выкладки. В скальном углублении найдено захоронение. Сохранившиеся в нем останки характеризуются, по определению Т. П. Кияткиной, европеоидным, натурализованным, долихокранным расовым типом, который относится к протосредиземноморским формам (Кияткина, Ранов 1971: 149).

Ниже этого горизонта располагались щебенчатые линзы толщиной 20–30 см. Из-за незначительности площади раскопа в них выявлено малое количество артефактов. Под линзами расчищен завал из крупных глыб красного песчаника, упавших с потолка ниши в результате сильного землетрясения. Еще ниже встречен слой супеси, смешанной с мелкими обломками красного песчаника.

Горизонт III, имевший толщину 60 см, включал пять песчаных и илистых прослоек, образованных аллювиальными отложениями Вахша. В них прослежены углистые пятна. На исследованном участке площадью 120 м² расчищены 5 очагов и глиняные перегородки в виде тонких стенок высотой 5 см и толщиной 6 см, которые, как предполагают, прикрывали огонь от ветра.

Коллекция каменных орудий неолитических горизонтов I и II составила около 30 000 экз., коллекция горизонта III — 178 экз. Индустрия I и II горизонтов отличается ярко выраженным сочетанием отщепов, выполненных в галечной технике (70 %), и кремневых пластин (30 %). В горизонте III доминирует галечный элемент, кремневый — весьма ограничен.

Большая часть археологического материала поселения Сай-Сайёд до сих пор не опубликована. Особый интерес представляют обнаруженные здесь изделия из рога и кости, так как на других памятниках гиссарской культуры они малочисленны или вовсе отсутствуют. В. А. Ранов объяснял это характером формирования культурных горизонтов поселений. Например, на Туткауле, одном из основных неолитических поселений юга Таджикистана, отложения конуса выноса, включающие культурные горизонты, подвергались сильному воздействию солей из размываемой выше по склону гипсоносной толщи, что могло оказать отрицательное влияние на сохранность костного материала (Ранов 1985: 25–26). В Туткауле, кроме ложила, остря и обломка кости с вырезанным пазом, а также нескольких бесформенных фрагментов орудий, других изделий из этого сырья не обнаружено (Ранов, Коробкова 1971). При раскопках поселения Сай-Сайёд собрано более 3000 фрагментов костей диких и домашних животных (Шарапов 1972), в том числе 59 предметов (21 из горизонта I, 38 из горизонта II), являющихся орудиями труда и украшениями.

Костяные изделия горизонта I. Шилья или проколки изготовлены из костей мелких животных (6 экз.) (рис. 3, 1–4, 6, 10). На плосковыпуклой костяной заготовке-пластине вырезали остря, которое затем дополнительно обрабатывали на абразиве. Судя по одному полностью сохранившемуся экземпляру, шилья имели длину 7 см, ширину — 1,4 см, толщину — 0,4 см, длину остря — 2,5 см, диаметр — 0,2 см. Остря и прилегающие к ним участки шильев интенсивно заполированы вследствие соприкосновения орудий с мягким материалом.

Единственным экземпляром представлено двустороннее шило (рис. 3, 5), рабочие части которого, сформированные боковыми сколами, не столь хорошо заострены, как у большинства односторонних орудий.

Следующая группа изделий, в соответствии с типологией, предложенной В. М. Массоном для костяных предметов джейтунской культуры, включает иглы (Массон 1971: табл. XXVII, 3, 12).

А. В. Виноградов относил такие поделки кельтеминарской культуры к наконечникам стрел игло-видного типа (Виноградов 1968: рис. 14, 6). В данной работе мы придерживаемся классификации В. М. Массона, так как рассматриваемые орудия не имеют симметричной формы, которая является необходимым условием для использования их в качестве наконечников стрел, тогда как для игл смещение пропорций не столь существенно. В Сай-Сайёде найдено 7 игл, причем 4 из них целые, у остальных сохранились только рабочие части (рис. 3, 7–9). Длина самого большого изделия составляет 7 см, маленького — 2,8 см, диаметр игл варьирует от 0,6 до 0,8 см, диаметр острия — 0,1–0,2 см. Заготовками для этих орудий служили, вероятнее всего, трубчатые кости птиц. Заостренный конец иглы не выделен и плавно переходит в тулово. Поверхность изделий

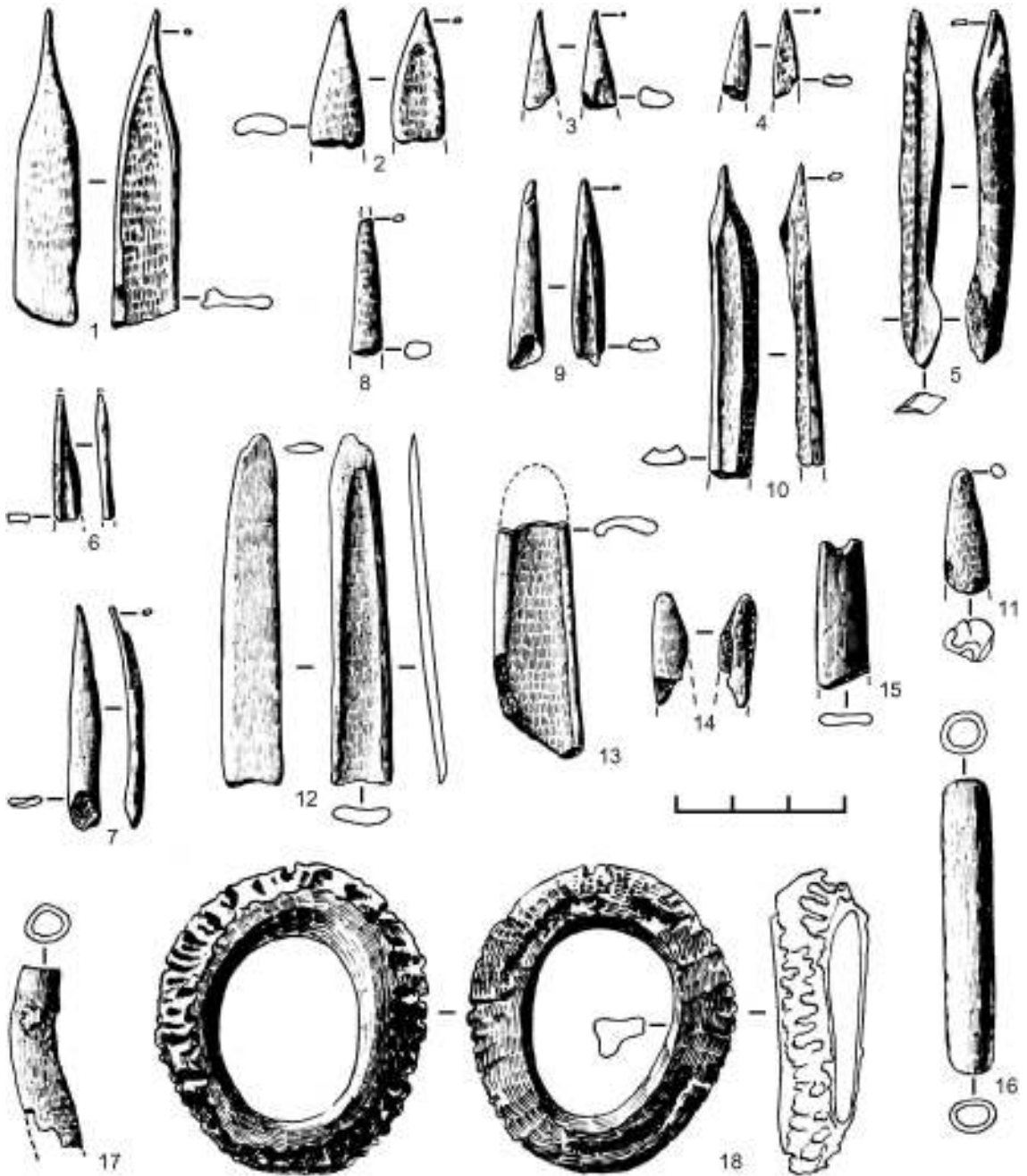

Рис. 3. Поселение Сай-Сайёд, неолитический горизонт I, костяные изделия
 Fig. 3. Sai-Sayod, Neolithic horizon I, bone artifacts

заполирована неравномерно. Зеркальный блеск на остриях поделок постепенно затухает по направлению к их обушковой части.

Третью группу орудий составляют ложила, причем найден один целый экземпляр и 3 — во фрагментах (рис. 3, 11–14). Основой для этих поделок служили заготовки, аналогичные тем, из которых делали шилья, т. е. небольшие кости, расщепленные на пластины приблизительно тех же размеров (длина — 8 см, ширина — 1,3 см). Одно из орудий слегка обожжено. Выпуклые в плане лезвия ложил имеют ширину 1 см.

Украшения представлены четырьмя предметами (обломок подвески, 2 бусинами и браслетом). Гладко отполированная подвеска изготовлена из обожженного до коричневого цвета ребра

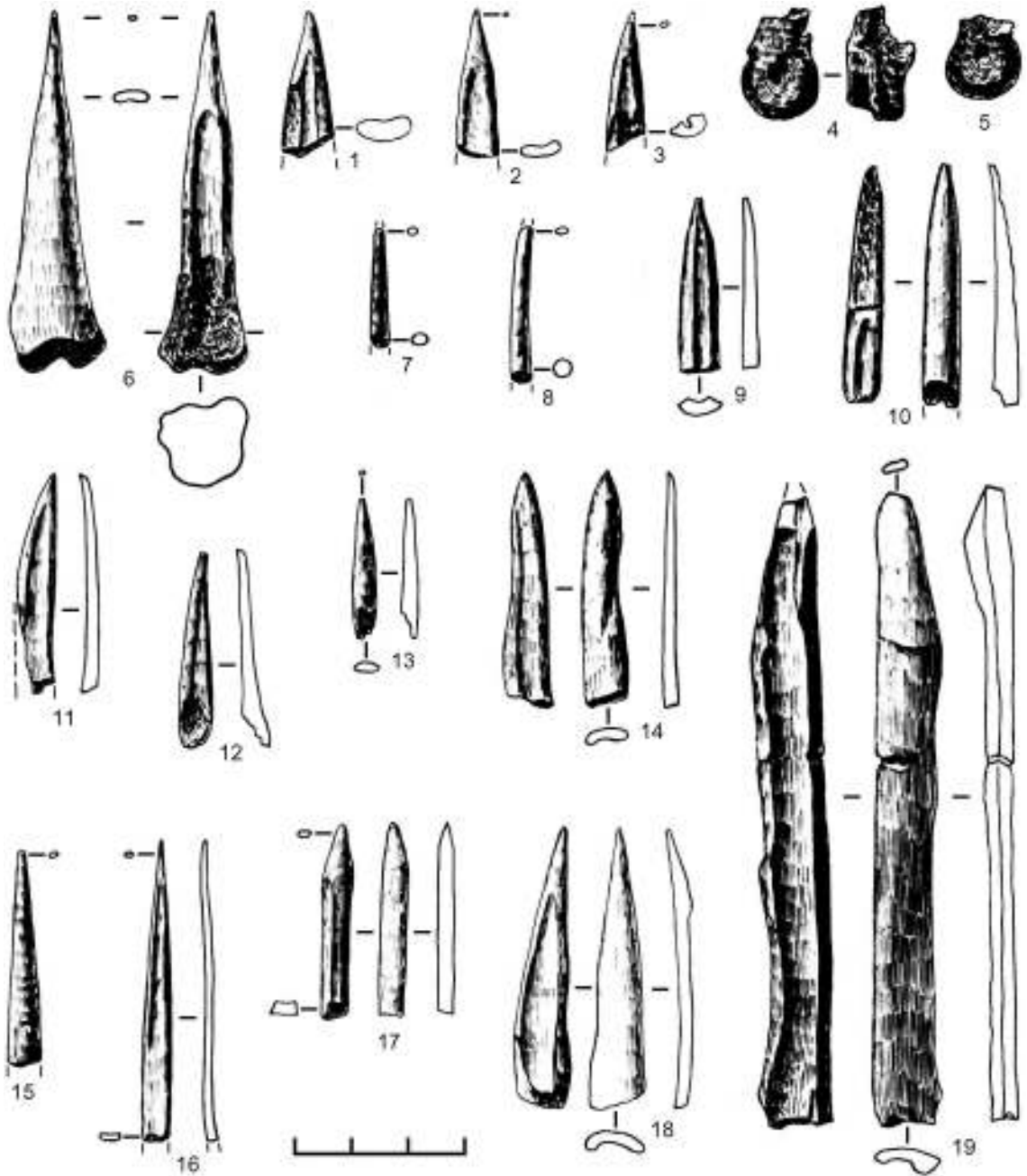

Рис. 4. Поселение Сай-Сайёд, неолитический горизонт II, костяные изделия
Fig. 4. Sai-Sayod, Neolithic horizon II, bone artifacts

(рис. 3, 15). На одном из ее концов просверлено отверстие диаметром 0,3 см. Форма поделки не восстанавливается. Длина ее сохранившейся части составляет 2,9 см, ширина — 1 см.

Бусины сделаны из отрезков (длиной 6,4 и 3,7 см, диаметром 0,7×0,5 и 0,6 см) трубчатых костей птиц (рис. 3, 16, 17). Поверхности бусин со всех сторон равномерно заполированы.

Наибольшее внимание привлекает браслет, изготовленный из комлевой части рога оленя (рис. 3, 18). Внешний диаметр изделия достигает 6,5 см, внутренний — 4 см. Внешняя поверхность браслета сохранила естественную поверхность рога, внутренняя была хорошо обработана и зашлифована. Аналогичные браслеты на памятниках Центральной Азии пока не найдены.

Костяные изделия горизонта II. Выполненные из рассматриваемого сырья орудия этого горизонта характеризуются типами как сходными с поделками горизонта I, так и отличными от них.

Из 13 экземпляров шильев лишь 5 относятся к типу, выделенному для горизонта I (рис. 4, 1–3, 9, 18). Другие орудия изготовлены из трубчатых костей с сохраненным эпифизом, причем 4 из них (рис. 4, 4–5; 5, 16) представлены обломками. Целый экземпляр достигает длины 8,2 см, ширины —

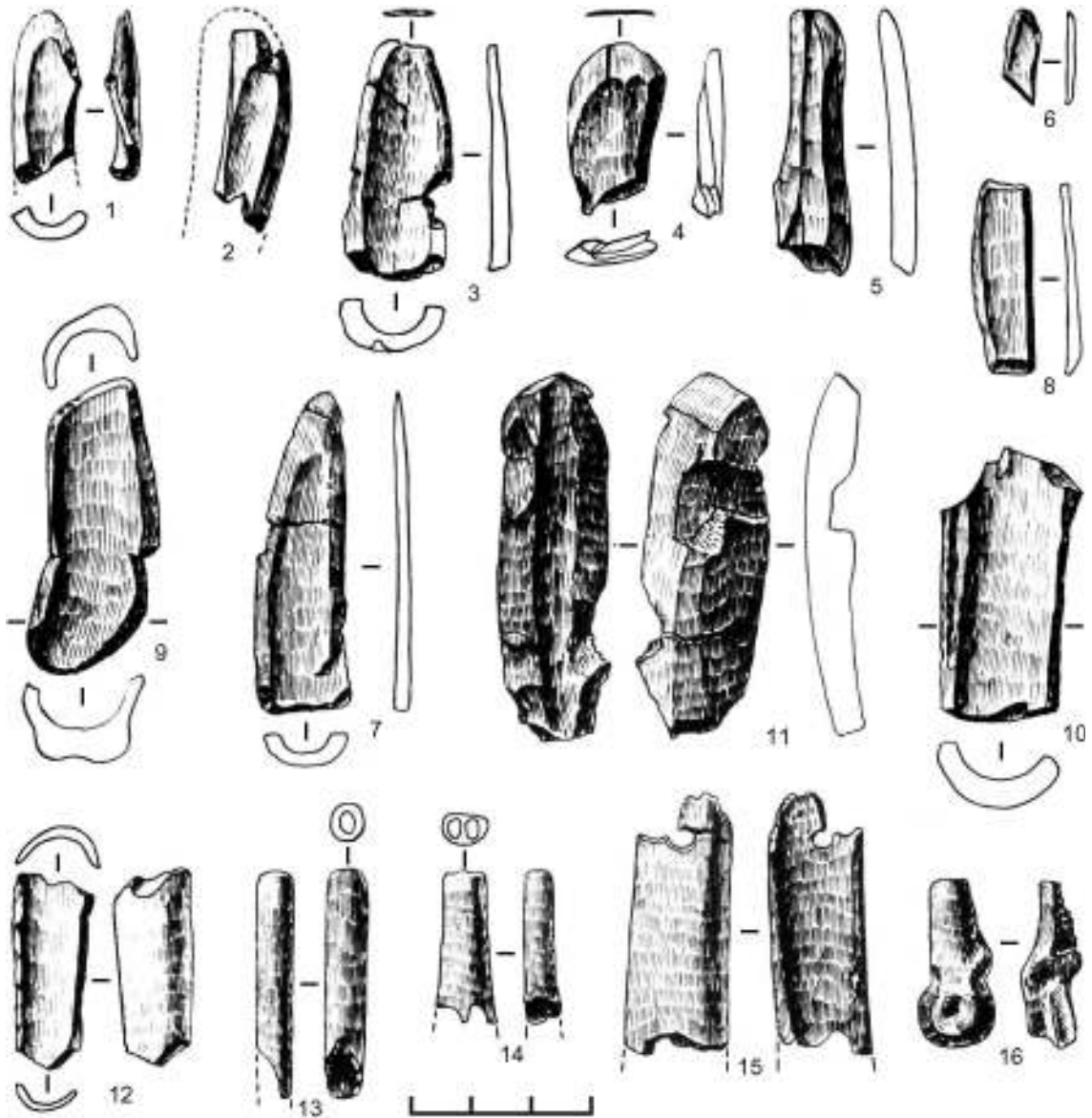

Рис. 5. Поселение Сай-Сайёд, неолитический горизонт II, костяные изделия
 Fig. 5. Sai-Sayod, Neolithic horizon II, bone artifacts

2,1 см, диаметр его острия — 0,1 см (рис. 4, 6). К самостоятельному типу можно отнести также 4 шила, выполненных из коротких отрезков трубчатых костей (рис. 4, 10–11, 14, 17). Эти поделки имеют в два раза меньшие размеры, чем изделия других форм. Все шилья отличаются полной и глубокой полировкой поверхности.

Для изготовления игл (9 экз.) использовали как очень тонкие целые трубчатые кости, скорее всего птиц (рис. 4, 7–8, 12–13, 15), так и тонкие пластинки с выделенным небольшим расширением на одном конце для ушка (рис. 4, 16). Сохранилась одна игла с отверстием, просверленным с двух сторон. Поверхности всех поделок отполированы. Длина игл составляет 4–5 см.

Ложила (8 экз.) имеют стандартную форму в виде пластины с выпуклыми в плане концами (рис. 5, 1–7, 9). Судя по сохранившимся целиком экземплярам, длина таких орудий составляла от 5 до 10–12 см (рис. 4, 19).

В горизонте II найдено три орудия, типологически трудноопределимые. Одно из них выполнено из фрагмента ребра, второе — из расколотой трубчатой кости. Судя по характеру рабочего края этих изделий, можно предположить, что они являлись долотовидными инструментами (рис. 5, 8, 11). К этой же группе следует отнести обломок орудия из расколотой трубчатой кости с деформированным рабочим концом (рис. 5, 10).

Украшения представлены подвесками, сделанными из фрагментов трубчатых костей, тщательно отшлифованных со всех сторон. У одной подвески просверлено по отверстию на каждом конце, у другой — одно отверстие, но возможно, их также было два, так как часть украшения утрачена (рис. 5, 12, 15).

Четыре бусины изготовлены из отпиленных отрезков мелких трубчатых костей птиц, причем эти украшения имеют разную длину и приблизительно одинаковые диаметры (0,4–0,6 см) (рис. 5, 13, 14).

Таким образом, технология обработки рога и кости из неолитических слоев Сай-Сайёда характеризуется такими приемами, как строгание, скобление, шлифовка, полировка и сверление отверстий.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о широте применения костяного сырья в памятниках гиссарской культуры и об эффективных приемах его обработки. Набор костяных изделий Сай-Сайёда типичен для памятников этого времени и находит близкие аналогии в материалах других неолитических культур Центральной Азии — кельтеминарской и джейтунской (Виноградов 1968: 46; Массон 1971: рис. 13; табл. XXVII, XXXVI; Коробкова 1969: 28, 36).

Виноградов 1968 — *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968. 179 с. (Материалы ХАЭЭ. Вып. 8).

Виноградова и др. 2008 — *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филлимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М.: ИВ РАН, 2008. 470 с.

Кияткина, Ранов 1971 — *Кияткина Т. П., Ранов В. А.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула) // Вопросы антропологии. М.: МГУ, 1971. № 37. С. 149–157.

Коробкова 1969 — *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.: Наука, 1969. 214 с. (МИА. № 158).

Массон 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун. Л.: Наука, 1971. 207 с. (МИА. № 180).

Окладников 1958 — *Окладников А. П.* Исследование памятников каменного века Таджикистана: Предварительное сообщение о работах 1948, 1952–1954 гг. // Тр. Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и ГЭ. 1951–1953. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3. С. 11–71 (МИА. № 66).

Окладников 1959 — *Окладников А. П.* Каменный век Таджикистана: Итоги и проблемы // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября–4 ноября 1956 г. Сталинабад. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 158–184.

Окладников 1961 — *Окладников А. П.* Исследование памятников каменного века в районе Куляба и Дангары осенью 1959 г. // АРТ. 1961. Вып. 7 (1959 г.). С. 4–15.

Пахомов и др. 1974 — *Пахомов М. М., Ранов В. А., Никонов А. А.* Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул // СА. № 4. 1974. С. 240–248.

Ранов 1985 — *Ранов В. А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 10–35.

Ранов и др. 1982 — *Ранов В. А., Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г.* Каменный инвентарь стоянки Дараи Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе: Дониш, 1982. С. 5–21.

Ранов, Каримова 2005 — *Ранов В. А., Каримова Г. Р.* Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич, 2005. 252 с.

Ранов, Коробкова 1971 — *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.

Ранов, Шефер 2000 — *Ранов В. А., Шеффер Й.* Лессовый палеолит // АЭАЕ. 2000. № 2 (2). С. 20–32.

Шарапов 1972 — *Шарапов Ш.* Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайёд (Южный Таджикистан) // Вопросы зоологии Таджикистана. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1972. С. 232–235.

Юсупов 1975 — *Юсупов А. Х.* Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана // СА. 1975. № 2. С. 138–147.

Юсупов 1976 — *Юсупов А. Х.* Отчет Нурекской группы (1972 г.) // АРТ. 1976. Вып. 12 (1972 г.). С. 22–28.

Юсупов, Филимонова 1984 — *Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г.* Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш: (Работы 1978 г.) // АРТ. 1984. Вып. 18 (1978 г.). С. 48–58.

Юсупов, Филимонова 1988 — *Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г.* Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. 21 (1981 г.). С. 234–246.

Юсупов, Филимонова 1990 — *Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г.* Археологическое исследование памятников каменного века в Дангаринском и Яванском районах в 1982 г. // АРТ. 1990. Вып. 22 (1982 г.). С. 195–211.

Юсупов, Филимонова 1992 — *Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г.* Периодизация стоянок каменного века среднего течения р. Вахш // Известия АН Республики Таджикистан. Серия востоковедение, история, филология. 1992. № 3. С. 34–36.

Bone tools and ornaments from the Neolithic site of Sai-Sayod (Tajikistan)

N. N. Skakun, T. G. Filimonova, A. Kh. Yusupov, Yu. G. Kutimov

Bone and antler artifacts are rarely found on the Neolithic sites belonging to the Hissar culture of Tajikistan (fig. 1). The only exception is the settlement of Sai-Sayod (fig. 2), which yielded a collection of diverse tools and ornaments made of osseous materials. This paper represents the first publication of these objects (fig. 3–5), it describes the methods of their manufacture, provides their typological classification, and points to analogies in the coeval Central Asian cultures.

Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан)

Л. Б. Кирчо

Ключевые слова: Южный Туркменистан, Алтын-депе, период ранней бронзы, категории каменных изделий, технология камнеобработки, источники каменного сырья.

Keywords: South Turkmenistan, Altyn-depe, Early Bronze period, categories of stone artifacts, stoneworking technology, sources of stone raw materials.

Период ранней бронзы (около 2700/2800–2350 гг. до н. э.) занимает особое место в истории развития населения юга Средней Азии. В это время здесь на базе позднеэнеолитической культуры земледельческо-скотоводческих общин конца IV — первых веков III тыс. до н. э. шел процесс формирования культуры раннегородского (протогородского) типа, приближающейся по уровню развития к древневосточным цивилизациям (Кирчо 2009в).

В 1977–2001 гг. по инициативе и под руководством В. М. Массона на Алтын-депе — эталонном памятнике Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы — автором велись крупномасштабные стратиграфические работы на раскопе 5. Благодаря ним впервые для памятников Юго-Восточного Туркменистана были получены массовые стратифицированные материалы периодов позднего энеолита и ранней бронзы — времени Намазга III–IV в системе относительной периодизации археологических комплексов юга Средней Азии.

Настоящая работа проведена в рамках подготовки полной публикации материалов, полученных при исследовании Алтын-депе периода ранней бронзы (времени Намазга IV)¹, и посвящена изделиям из камня: престижно-культовым предметам (печати, антропоморфные статуэтки, косметические сосуды, светильники, навершие булавы), украшениям, мелким орудиям труда (пряслица, бусины-пряслица и «навершия»), а также технологии их изготовления и источникам каменного сырья. Каменные изделия обнаружены как в инвентаре захоронений, уже введенном в научный оборот (Кирчо 2005а), так и в культурных напластованиях поселения, в первую очередь в горизонтах 8–4 раскопа 5 (отдельные предметы найдены также в горизонтах Алтын 6–4 раскопа 1, в горизонтах 4 раскопов 7 и 9, в стратиграфическом раскопе 8 и в траншее на «Холме стены»)², материалы которых опубликованы лишь частично (Массон 1981: 10–11, 24–29, 31–33, рис. 3; 9–10; табл. I; IV, I, 2; V; Кирчо 1983; 1986; Kircho 1985; 1988).

Каменное сырье

В качестве сырья в камнеобработке Алтын-депе периода ранней бронзы широко использовали разнообразные, преимущественно осадочные породы, распространенные в Копетдаге, значительная часть которых была определена петрографом Г. М. Ковнурко (Кирчо, Ковнурко 1999). К сожалению, далеко не все каменные изделия и орудия труда из культурных слоев периодов ранней и средней бронзы были изучены специалистами. По аналогии с определениями Г. М. Ковнурко часть каменного материала была определена нами самостоятельно. Ниже дается описание визуальных признаков, на основании которых были выделены породы камня.

¹ Полную публикацию материалов раскопок Алтын-депе эпохи энеолита см. Кирчо и др. 2008.

² Описание стратиграфии и соотношение строительных горизонтов Алтын-депе см. Кирчо 2005б.

Наиболее часто для изготовления каменных изделий жители Алтын-депе использовали кристаллический гипс (алебастр) и разнообразные виды известняка.

Алебастр — однородный, мягкий (твердость 1,5 по Моосу, царапается ногтем), часто полупрозрачный, в основном белый, желтоватый или розоватый камень.

Среди *известняков* (твердость 3–3,5 по Моосу) представлены по крайней мере две основные разновидности: 1) однородный, плотный, мелкозернистый, светлый (беловатый, кремовый) или серый (до темно-серого) камень, бурно реагирующий на раствор HCl; 2) так называемый мраморовидный известняк, определенный Г. М. Ковнурко как известняк с прослоями доломита — полосчатая порода, сложенная чередованием бесцветных полупрозрачных или окрашенных в желтоватые, сероватые или коричневатые тона слоев (кальцит?) и белых однородных прослоек (доломит?). Реакции на раствор HCl при комнатной температуре не наблюдается. В геологической литературе эта порода определяется как мраморизированный (перекристаллизованный) известняк или мраморный оникс³. В зарубежной литературе мраморовидный известняк обычно называется кальцитом (подробнее см. Casanova 1991: 11–23).

Далее *мраморовидным известняком* мы называем разновидности породы с бесцветными, полупрозрачными (или, реже, цветными) и широкими белыми прослойками. *Мраморным ониксом* мы называем только слоисто-натечную породу, где преобладают широкие полупрозрачные желтоватые прослойки, а белые прослойки сравнительно тонкие. По внешнему виду этот камень наиболее близок к классическому мраморному ониксу или восточному (египетскому) алебастру.

Среди *других пород камня*, использовавшихся для изготовления изделий в эпоху бронзы, Г. М. Ковнурко были определены стеатит (талък, талькохлорит) — мягкий темно-серый камень (твердость от 1 по Моосу, царапается ногтем), а также поделочные камни (лазурит, бирюза, разновидности халцедона, включая агат и сердолик) и искусственные минералы, полученные путем высокотемпературной обработки природных пород (Кирчо, Ковнурко 1999; 2003).

К сожалению, химические анализы состава камня не проводились, что привело к досадному недоразумению при определении одной из пород. Так, плотный, темный, красно-шоколадный камень, бурно реагирующий на HCl, был определен Г. М. Ковнурко как железистый известняк. Из этого камня на Алтын-депе периода ранней бронзы изготовлены небольшие изделия (печати-пуговицы, бусины, бусины-пряслица и наверхие — рис. 1, 2, 5, 7–8, 18, 24; 5, 13, 21–22, 46–47, 49–50), а также один из светильников (рис. 3, 22). Из этого же камня сделаны биконическая бусина-пряслица из позднеэнеолитических слоев раскопа 1 Алтын-депе (Кирчо и др. 2008: табл. 4, 8), плоская подтреугольная печать-амулет с одной дырочкой для подвешивания из Кара-депе этого же времени (Массон 1960: табл. XIV, 14) и аналогичная квадратная печать, недавно обнаруженная в Саразме (Саразм 2006: рис. 134). Возможно, что из этого же материала были сделаны и подвески-амулеты, обломки которых найдены на поверхности поселения Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: табл. III, в центре и в нижней части таблицы слева и справа). Химический анализ обломка плоской резной печати из красно-шоколадного камня, найденного итальянскими коллегами в 1999 г. на поверхности Илгынлы-депе, показал, что печать была изготовлена из гётита.⁴ Таким образом, можно предполагать, что и все остальные упомянутые изделия изготовлены из этого твердого (твердость 5–5,5 по Моосу) и хрупкого камня.

Основные категории каменных изделий

В слоях периода ранней бронзы на Алтын-депе обнаружено 8 каменных печатей, среди которых представлены как *печати-пуговицы*, так и *печать-штамп* двух основных типов — квадратные (иногда подпрямоугольные) типа IA и округлые типа III.⁵

Печати-пуговицы изготовлены из гётита (?) (рис. 1, 2, 5, 7–8), лазурита (рис. 1, 4), кремового алебастра (рис. 1, 3), искусственного минерала (рис. 1, 14) и обнаружены во всех

³ Наши наблюдения должны быть в дальнейшем подкреплены специальными химическими и петрографическими исследованиями.

⁴ Письменное сообщение Ж. Л. Бонора (G. L. Bonora). Статья об этой находке будет опубликована в 2014 г. в журнале *Paléorient*.

⁵ В работе используется типология печатей, разработанная автором (Кирчо 2005а: 407, рис. 24). Описание печатей периода ранней бронзы было опубликовано (Кирчо 1990).

строительных горизонтах Алтын-депе времени Намазга IV. Единственная квадратная каменная печать-штамп периода ранней бронзы на Алтын-депе из темно-серого стеатита (рис. 1, 1) находилась в захоронении женщины (погр. 627) времени позднего Намазга IV. Орнамент на лицевой стороне каменных печатей представляет собой крестовидный или Z-образный мотив.

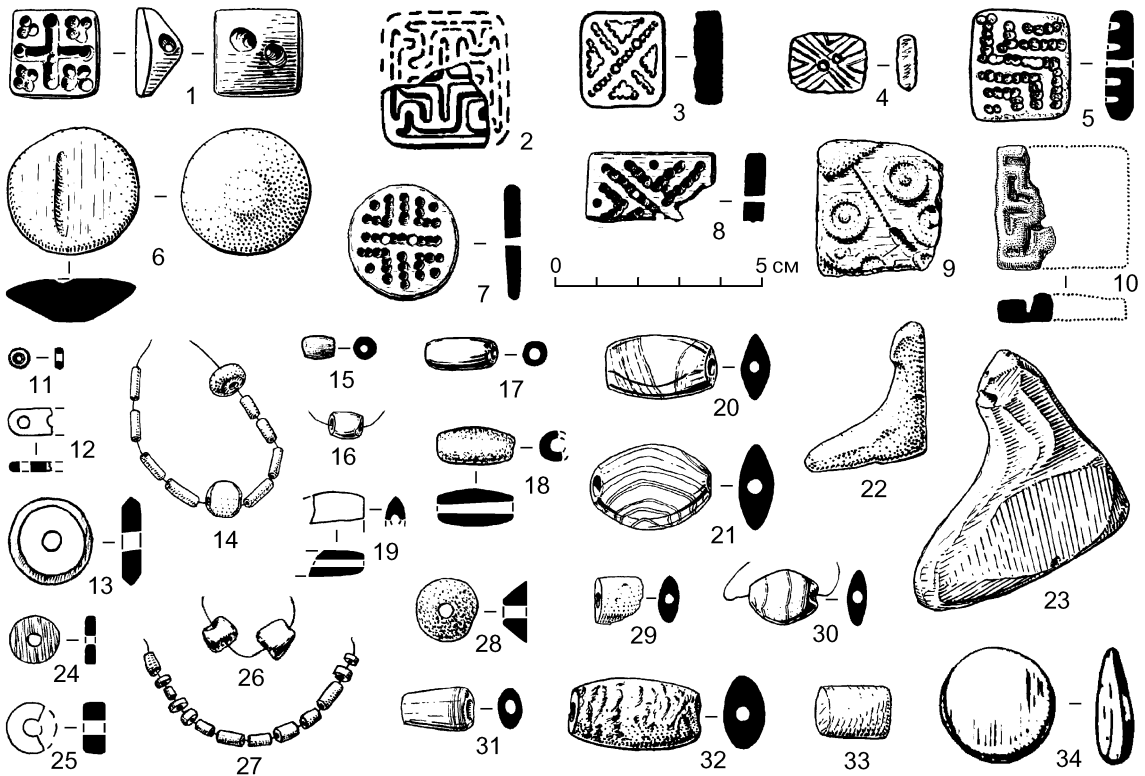

Рис. 1. Алтын-депе, каменные изделия и оттиск печати (9) времени Намазга IV (1, 2, 11–12 — период Алтын 4; 3, 15 — период Алтын 5; 4, 5, 13, 14, 16–23 — период Алтын 6; 6, 7, 26, 27, 29, 32 — период Алтын 7; 8, 9, 24, 28, 30, 31, 33, 34 — период Алтын 8; 10, 25 — период ранней бронзы): 1–8, 10 — печати; 6 — заготовка печати-штампа; 9 — обломок «буллы» с оттиском печати; 11, 13–21, 24–27, 29–32 — бусины; 12 — обломок распределителя (?) многоярусного ожерелья; 22, 23 — антропоморфные статуэтки; 33, 34 — заготовки бусины и подвески (10 — траншея на «Холме стены»; 11 — раскоп 9, погр. 894–901; остальное — раскоп 5: 1 — погр. 627; 2, 12 — горизонт 4; 3 — горизонт 5; 4, 5, 13, 18, 19 — горизонт 6; 6, 7 — горизонт 7; 8, 9, 24, 28, 30, 33, 34 — горизонт 8; 14, 22–23 — погр. 634/637, 635, 636, 638; 15 — погр. 503; 16 — погр. 603–603а; 17, 20 — погр. 651–652; 21 — погр. 688; 25 — горизонты 4–8; 26 — погр. 818; 27, 32 — погр. 690, 691/693, 692; 29 — погр. 677; 31 — погр. 736) (1 — стеатит; 2, 5, 7, 8, 18, 24 — гётит (?); 3 — алебастр; 4, 11, 17, 19 [?], 26 — лазурит; 6 — темный серо-зеленый камень; 9 — обожженная глина; 10 [?], 22 — кварц-кристобаллит; 12, 13, 23, 25, 33–34 — мраморовидный известняк; 14 — «фаянс» и обожженный стеатит; 15, 16 — сердолик; 20, 21, 30, 31 — халцедон; 27 — бирюза, лазурит и «фаянс»; 28 — плотный серый известняк; 29 — бирюза; 32 — камень халцедоновой основы)

Fig. 1. Altyn-depe, stone artifacts and a seal fragment of the Namazga IV period (1, 2, 11–12 — Altyn 4 period; 3, 15 — Altyn 5 period; 4, 5, 13, 14, 16–23 — Altyn 6 period; 6, 7, 26, 27, 29, 32 — Altyn 7 period; 8, 9, 24, 28, 30, 31, 33, 34 — Altyn 8 period; 10, 25 — Early Bronze period): 1–8, 10 — seals; 6 — half-finished eal-stamp; 9 — fragment of a «bulla» with an impress of a seal; 11, 13–21, 24–27, 29–32 — beads; 12 — detail of a multilayer necklace; 22, 23 — anthropomorphic statuettes; 33, 34 — half-products of a bead and a pendant (10 — trench on the «Wall Hill»; 11 — excavation area 9, burials 894–901; the rest — excavation area 5: 1 — burial 627; 2, 12 — horizon 4; 3 — horizon 5; 4, 5, 13, 18, 19 — horizon 6; 6, 7 — horizon 7; 8, 9, 24, 28, 30, 33, 34 — horizon 8; 14, 22, 23 — burials 634/637, 635, 636, 638; 15 — burial 503; 16 — burial 603–603a; 17, 20 — burials 651–652; 21 — burial 688; 25 — horizons 4–8; 26 — burial 818; 27, 32 — burials 690, 691/693, 692; 29 — burial 677; 31 — burial 736) (1 — steatite; 2, 5, 7, 8, 18, 24 — goethite (?); 3 — alabaster; 4, 11, 17, 19 [?], 26 — ultramarine; 6 — dark grey-green stone; 9 — fired clay; 10 [?], 22 — quartz-cristobalite; 12, 13, 23, 25, 33, 34 — marble-like limestone; 14 — «faience» and fired steatite; 15, 16 — carnelian; 20, 21, 30, 31 — chalcedony; 27 — turquoise, ultramarine, and «faience»; 28 — solid grey limestone; 29 — turquoise; 32 — chalcedony-based stone)

Заготовка (?) *круглой печати-штампа* (рис. 1, б), обнаруженная в горизонте 7 раскопа 5 времени раннего Намазга IV, изготовлена из серо-зеленого камня. На ее лицевой стороне шлифовкой нанесена одна прямая полоса.

Две каменные печати-пуговицы, одна с изображением Z-образного мотива и вторая с мотивом в виде многократно повторяющегося прямого угла, обнаружены и на Улуг-депе времени Намазга IV (Терехова 1975: рис. 11).

Каменные печати-пуговицы периода ранней бронзы с двумя дырочками в центре продолжают традиции каменных, терракотовых и костяных печатей периода позднего энеолита. На Алтын-депе печати-пуговицы бытовали и в период средней бронзы (Массон 1981: табл. XVII, 2, 7), причем в это время представлена такая печать с несколькими знаковыми мотивами (рис. 7, 5). Наиболее существенное технологическое отличие каменных печатей эпохи бронзы от печатей-амулетов времени Намазга III, изготовленных из неметаллического сырья, заключается в иной технике нанесения изображения. На позднеэнеолитические печати мотивы на лицевой стороне наносили резными линиями с последующей шлифовкой, тогда как на абсолютное большинство каменных печатей эпохи бронзы — точечным сверлением. Печати, изображения на которых сделаны резцом и шлифовкой, единичны (рис. 1, 2, 4).

За пределами Южного Туркменистана самая ранняя прямоугольная каменная печать-амулет с бессистемно высверленными круглыми углублениями и тремя дырочками в центре обнаружена в комплексе Мергар IV (середина IV тыс. до н. э.) в Северном Белуджистане (Jarrige, Lechevalier 1979: 498, fig. 21). Круглые и подквадратные каменные печати-пуговицы конца IV — начала III тыс. до н. э. найдены в горизонтах П,2–III,4–6 поселения Мундигак в Южном Афганистане (Casal 1961: 256, pl. XLV, A, 2–6) и в северо-белуджистанских комплексах Мергар V–VII (Les cités oubliées de l'Indus... 1988: 98–100, figs. 71–73; 75–82). Печати-пуговицы из стеатита с двумя или четырьмя дырочками разнообразных форм, с высверленными или резными геометрическими мотивами широко представлены на Шахри-Сохте периода II — вторая четверть III тыс. до н. э. (Sajjadi 2012: 151, fig. 30; Salvatori, Vidale 1997: 77, fig. 251; Tosi 1969: 375, fig. 258: 262–275; 1983: 155–156, fig. 74), при этом оттиски аналогичной плоской печати найдены еще в материалах Шахри-Сохте фазы 8 конца периода I (Amiet, Tosi 1978: 26, fig. 24).

Печати-штампы с ушком на тыльной стороне появляются на Алтын-депе уже в начале периода ранней бронзы (Кирчо 1990: 175, рис. 2, 5). На лицевой стороне печатей-штампов также изображен мотив в виде косоугольного или прямого креста. Подквадратные каменные печати-штампы с крестовидными мотивами, выполненными точечным сверлением, и терракотовая с углубленным орнаментом в виде ступенчатых ромба и треугольников обнаружены и на Улуг-депе времени Намазга IV (Сарианиди 1976: 93; Терехова 1975: рис. 11). На Алтын-депе разнообразные печати-штампы (металлические, каменные и терракотовые) более характерны для периода средней бронзы (Кирчо 2001: рис. 12–13; Массон 1981: табл. XVI, 1–12, 14–16; XVII, 3–5, 8–15). На Шахри-Сохте самая ранняя печать-штамп из алебаstra найдена в погребении № 1505 периода I (Sajjadi 2007: fig. on page 476). Если печати-пуговицы имеют, по-видимому, местное происхождение, то форма печатей-штампов продолжает традиции раннеземледельческих комплексов Северной Месопотамии V тыс. до н. э. и Центрального Ирана (Сиалк) IV тыс. до н. э., в свою очередь уходящих в неолитическую эпоху.

Судя по материалам погребений, печати эпохи бронзы имели персональный, личностный характер. На Алтын-депе эпохи бронзы печати найдены преимущественно в погребениях женщин, состав инвентаря которых предположительно указывает на их особый социальный статус (Березкин 1994: 30–31). На Шахри-Сохте печати-пуговицы также найдены в основном в захоронениях женщин (Piperno, Tosi 1975: 192–193, 196). В то же время обилие печатей в женских погребениях Гонура (Sarianidi 2007: 99, tabl. XII) и многочисленные оттиски печатей на глиняных буллах, найденных как на Алтын-депе (рис. 1, 9 — Кирчо и др. 2008: 104, табл. 119, 1–2; 145, 16–21; 168, 4–12), так и на Шахри-Сохте (Magiani, Tosi 1987), показывают, что женщины-носительницы печатей исполняли прежде всего хозяйственные функции, возможно, учета и распределения запасов, т. е. были своего рода домоправительницами.

Каменные антропоморфные статуэтки Алтын-депе периода ранней бронзы представлены двумя схематическими, угловатыми, сидящими фигурками из искусственного минерала

(рис. 1, 22; кварц-кristобалит — Кирчо, Ковнурко 2003: рис. 1, 1, табл. 1–2) и мраморовидного известняка (рис. 1, 23). Статуэтки найдены в погребальной камере времени среднего Намазга IV (см. Кирчо 2005: 413, рис. 5, 9–10).

Аналогичные каменные антропоморфные статуэтки обнаружены в напластованиях времени Намазга IV на поселениях Хапуз-депе и Улуг-депе (Массон, Сарияниди 1973: табл. XXIII, 4; XLIII, 5), а также на Тепе Гиссар (Schmidt 1937: 188, pl. XLVI, H 4096).

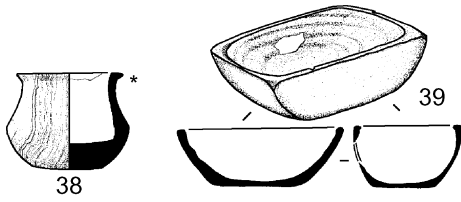
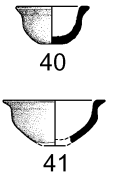
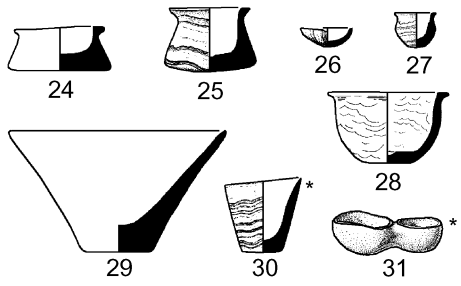
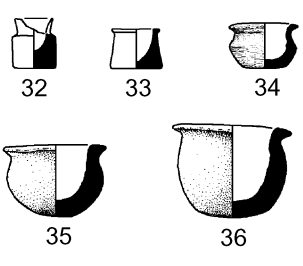

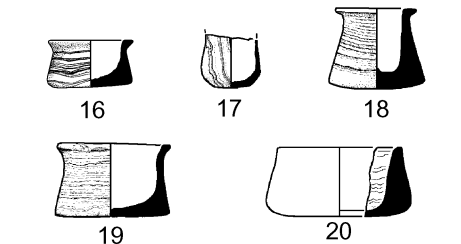
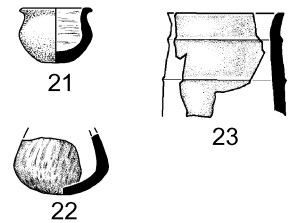
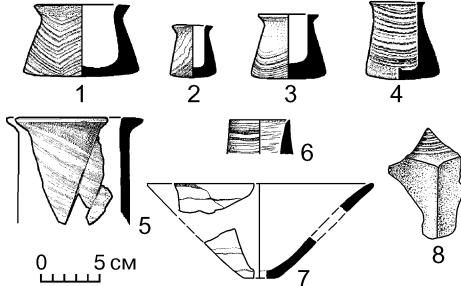
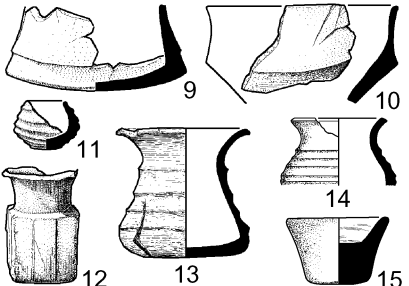
	Мраморовидный известняк, * – мраморный оникс	Алебастр	Стеатит
Раннее Намазга V (период Алтын 3)			
Позднее Намазга IV (периоды Алтын 4Б–4А)			
Среднее Намазга IV (периоды Алтын 6–5)			
Раннее Намазга IV (периоды Алтын 8–7)			

Рис. 2. Алтын-депе, каменные сосуды времени Намазга IV и раннего Намазга V: 1–21, 24–33, 35–36 — раскоп 5 (1, 2 — погр. 845; 3, 5–11, 13, 14 — горизонт 8; 4 — погр. 677; 12 — погр. 828; 15 — горизонт 7; 17, 19 — погр. 510–511; 18 — погр. 634/637, 635, 636, 638; 16 — горизонт 6; 20, 21 — горизонт 5; 24, 26, 29, 32, 33 — горизонт 4; 25, 30, 31 — погр. 626; 27 — погр. 627; 35, 36 — погр. 487–495, 495a); 22 — раскоп 1, горизонт 6; 23 и 38 — раскоп 8 (стратиграфический), ярус VI и погр. 310; 34, 37 — раскоп 9, погр. 894–901; 39–41 — раскоп 7, горизонт 3

Fig. 2. Altyn-depe, stone vessels of the Namazga IV and early Namazga V periods: 1–21, 24–33, 35–36 — excavation area 5 (1, 2 — burial 845; 3, 5–11, 13, 14 — horizon 8; 4 — burial 677; 12 — burial 828; 15 — horizon 7; 17, 19 — burials 510–511; 18 — burials 634/637, 635, 636, 638; 16 — horizon 6; 20, 21 — horizon 5; 24, 26, 29, 32, 33 — horizon 4; 25, 30, 31 — burial 626; 27 — burial 627; 35, 36 — burials 487–495, 495a); 22 — excavation area 1, horizon 6; 23 and 38 — excavation area 8, bed VI and burial 310; 34, 37 — excavation area 9, burials 894–901; 39–41 — excavation area 7, horizon 3

Наиболее ранняя в Южном Туркменистане сидящая антропоморфная фигурка из мраморовидного известняка была найдена в 5 горизонте поселения Елен-депе времени среднего Намазга II (Щетенко 1968а: 21; 1968б: рис. 12, 3), а на Алтын-депе две статуэтки из алебаstra выявлены в горизонте 9 раскопа 5 времени позднего Намазга III (Кирчо и др. 2008: табл. 141, 6–7).

Небольшие каменные сосуды, служившие, вероятно, для хранения и приготовления (растирания, смешивания)⁶ косметических средств, распространяются в культурных комплексах южнотуркменистанских поселений в период позднего энеолита.

Каменные косметические сосуды периода ранней бронзы продолжают и развивают традиции периода позднего энеолита. С одной стороны, в материалах времени раннего Намазга IV (периоды Алтын 8–7) широко представлены *закрытые сосуды*, изготовленные из алебаstra «вручную», — *округло-биконические сосуды* (рис. 2, 11) и *флаконы* с сужающимся к горлу коническим или кубовидным туловом, как правило, декорированным горизонтальными рельефными желобками или прочерченными линиями (рис. 2, 9, 12–14). Один флакон с кубовидным туловом сделан из серого известняка (?) и также украшен по горлу прорезанными линиями (рис. 2, 8). Широкими горизонтальными желобками орнаментирован и подцилиндрический сосуд из стратиграфического раскопа 8 (рис. 2, 23). Неорнаментированные сосуды из алебаstra в горизонте 8 раскопа 5 представлены коническим сосудиком с очень толстым дном (рис. 2, 15) и фрагментом гиперболоидально-конической миски (рис. 2, 10), явно подражающей формам керамических мисок. Небольшой алебастровый флакончик с кубовидным туловом найден в горизонте 4 раскопа 5 времени позднего Намазга IV (рис. 2, 32). Аналогичный неорнаментированный флакончик с кубовидным туловом из погребения времени среднего Намазга IV (?) на Улуг-депе сделан из мраморовидного известняка (Lecomte 2011: fig. on page 229, слева).

С другой стороны, уже в начале периода ранней бронзы появляются подцилиндрические, несколько расширяющиеся книзу *стаканы* с утяжеленным, слегка выпуклым дном и уплощенным, выступающим наружу подтреугольным краем (рис. 2, 1–6)⁷, изготовленные из мраморовидного известняка с помощью вращающегося инструмента⁸. Такие сосуды разной высоты и пропорций становятся ведущей формой каменных сосудов времени Намазга IV (рис. 2, 16, 18–19, 24–25, 33) и широко представлены в инвентаре погребений и в погребальных камерах этого времени (Кирчо 2005а: 403–404, табл. XXV). Аналогичные стаканы из мраморовидного известняка найдены в коллективном захоронении времени позднего Намазга IV в IV ярусе шурфа на поселении Хапуз-депе (Сарианиди 1964: 61, рис. 15, 37) и в слоях и погребениях периода ранней бронзы на Улуг-депе (Masson, Sarianidi 1972: pl. 35, *внизу*; Bendezu-Sarmiento 2013: fig. 9, D). Последний сосуд, судя по цветной фотографии, изготовлен из мраморного оникса. В погребениях Улуг-депе этого же времени обнаружены и подцилиндрические, чуть сужающиеся кверху стаканы с плоским, прямо срезанным верхним краем (Бендезу-Суармьенто 2010: рис. 17, *слева вверху и внизу*). По крайней мере один из них сделан из мраморовидного известняка (Bendezu-Sarmiento 2013: fig. 9, E).

Вторая ведущая форма косметических каменных сосудов периода ранней бронзы на Алтын-депе — *чаши* с округлым или подбиконическим туловом, уплощенным дном и плоским (рис. 2, 21, 27–28, 35, 37, 40–41) или чуть скошенным наружу (рис. 2, 34, 36) подтреугольным венчиком. Такие чаши из алебаstra, мраморовидного известняка, мраморного оникса и стеатита представлены как в культурных напластованиях поселения, так и в погребениях времени позднего Намазга IV (Кирчо 2005а: 403–404, табл. XXV), раннего и среднего Намазга V, периоды Алтын 3 и 2 (Там же: рис. 18, 12; 19, 15–17).

Сосуды других форм из мраморовидных пород в период ранней бронзы сравнительно редки. Обломки низкого *подцилиндрического сосуда* с закругленным венчиком найдены в горизонте 5 раскопа 5 (рис. 2, 20). Аналогичный по форме сосуд с приостренным венчиком недавно обнаружен в погребении на Улуг-депе (Lecomte 2011: fig. on page 226).

⁶ В коллекции находок Алтын-депе эпохи средней бронзы фигурируют миниатюрная подцилиндрическая площадка-ступка и пестик для растирания красной краски, изготовленные из мраморовидного известняка (Коробкова 2001: рис. 16, 1–2).

⁷ Выступающая часть венчика стакана из горизонта 8 (рис. 2, 6) была повреждена, и в результате подправки мелкими сколами венчик получил приостренную форму.

⁸ Один стаканчик времени позднего Намазга IV изготовлен из полупрозрачного алебаstra (рис. 2, 33).

Конические чаши с довольно узким дном, столь характерные для Шахри-Сохте периодов I–II (Piperno, Salvatori 2007: fig. 22b; 167; 417; 435, *left*; 459; 551; etc.; Sajjadi 2007: figs on pages 452, 454, 460, 490, 531, 535, 545, 582, etc.), на Алтын-депе единичны. Обломки чаши из полупрозрачного кальцита (рис. 2, 7) происходят из заполнения горизонтов 7 и 8 раскопа 5, а крупная чаша из мраморовидного известняка (рис. 2, 29) найдена в верхней части заполнения погребальной камеры времени позднего Намазга IV. Рядом с этой же погребальной камерой обнаружена небольшая *полусферическая плошка* с плоским подпиленным венчиком и округлым дном (рис. 2, 26), получившаяся в результате вторичного использования обломка дна более крупного сосуда.

Два косметических сосуда из мраморного оникса — глубокая *коническая чаша-стаканчик* с приостренным венчиком (рис. 2, 30; 8, 1) и миниатюрный *двойной сосуд* (рис. 2, 31; 8, 2) из полусферических, не сообщающихся чашечек — представлены в инвентаре захоронения девушки (погр. 626) времени позднего Намазга IV.

В период ранней бронзы (периоды Алтын 8–4) в камнерезном производстве, включая и изготовление косметических сосудов, начинают широко применять вращающиеся инструменты и, соответственно, использовать более твердые мраморовидные породы, крупные конкреции и плиты которых, видимо, сравнительно легко обрабатывались только с помощью пиления, сверления и обточки. В это время появляются подцилиндрические стаканы, по форме тулова близкие флаконам (расширяющийся книзу устойчивый конус) с плоским подтреугольным венчиком. Однако даже изготовленные с помощью вращающегося инструмента сосуды неровные по высоте или их внутренняя емкость находится не по центру. Дальнейшее усовершенствование техники обработки ведет к появлению на позднем этапе ранней бронзы (или несколько раньше) чаш с таким же плоским или чуть скошенным наружу подтреугольным венчиком, но уже с выпуклым в середине или биконическим туловом. Наиболее ранняя чаша сделана из алебастра и найдена в напластованиях горизонта 5 раскопа 5 времени среднего Намазга IV (рис. 2, 21). Возможно, новую форму сосуда осваивали сначала на более мягком материале. «Вручную» же в эпоху бронзы из мраморовидных пород изготавливали редкие сосуды несимметричных форм — двойные либо прямоугольные (рис. 2, 31, 39).

За пределами Южного Туркменистана каменные сосуды имеют широкий круг аналогий в материалах III тыс. до н. э. Месопотамии, Ирана и Афганистана (Casanova 1991). Представлены они и в Саразме (Раззоков 2008: рис. 31). Весьма разнообразны формы многочисленных сосудов из мраморовидного известняка, мраморного оникса и стеатита и на Гонур-депе (Сарианиди 2001: табл. 9, 1, 3; 21, 4, 10–11, 13; 2002: рис. на с. 125, 126, 131, 134–136 и др.; Sarianidi 2007: figs. 193–197). Однако гипсовые флаконы, кроме Алтын-депе, известны только в позднеэнеолитических комплексах Кара-депе и Геоксюр 1 (Массон 1960: табл. XVII, 4, 6, 9; Сарианиди 1965: табл. XXVI, 13), в напластованиях времени Намазга IV на Улуг-депе (флакон с кубическим резервуаром и украшенным горизонтальными кольцевидными углублениями шейкой — см. Masson, Sarianidi 1972: pl. 35, вверху) и на Шахри-Сохте периода II (Salvatori, Vidale 1997: 76, fig. 248, 12; Tosi 1969: 234, fig. 42, c), а фрагмент сосуда с кубическим туловом — в Мундигаке периода IV, 2 (Casal 1961: fig. 134, 15). Миниатюрные флакончики из алебастра с подцилиндрическим или вытянутым по вертикали туловом в виде параллелепипеда найдены также на Гонур-депе (Сарианиди 2002: рис. на с. 124).

Наиболее своеобразной категорией каменных изделий периода ранней бронзы являются *светильники* (рис. 3), в верхней части которых сделано специальное углубление — емкость для горючего вещества. Светильники изготовлены в основном из мраморовидного известняка (один — из стеатита, один — из гётита [?]). У большинства светильников емкость для горючего вещества сверху была накрыта подквадратной или круглой крышечкой с отверстием для фитиля (рис. 3, 1–4, 9, 15, 19–20), причем у светильника времени Намазга IV из Улуг-депе фитиль даже сохранился в крышечке (Сарианиди 1976: 96). На Алтын-депе каменные светильники входили в инвентарь погребений времени Намазга IV — раннего Намазга V (рис. 3, 1–4, 8–9, 20–22)⁹. Помимо этого в напластованиях периода ранней бронзы содержалось еще несколько каменных светильников (рис. 3, 10, 13, 15, 18) и отдельных крышечек (рис. 3, 5–7, 11–12, 14, 16–17).

Светильники представлены изделиями двух типов — *светильники-факелы*, которые по формам разделены на четыре варианта, и *светильник-чашечка*.

⁹ Еще один светильник найден в предполагаемом комплексе погребального инвентаря в пом. 33 горизонта 9 раскопа 5 (рис. 3, 19). Описание светильников из инвентаря погребений см. Кирчо 2005а: 411–412.

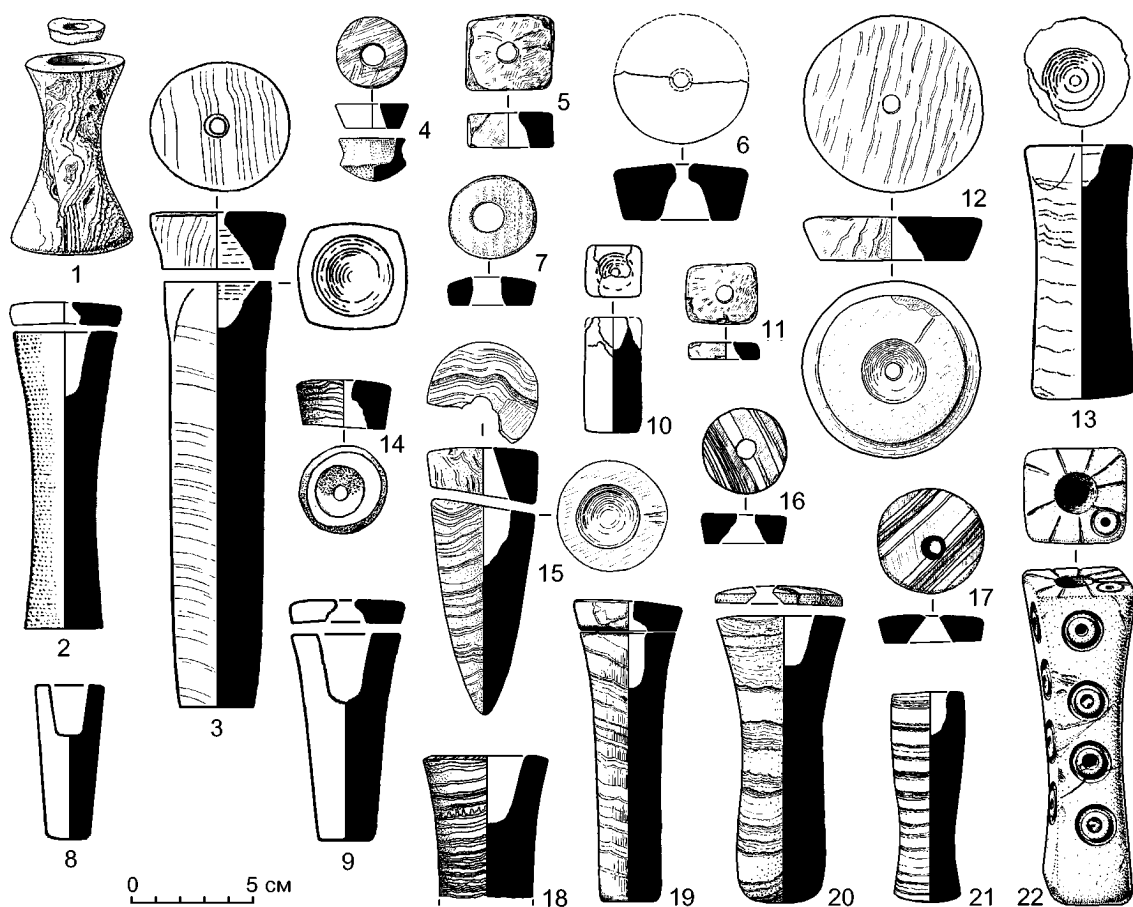

Рис. 3. Алтын-депе, каменные светильники и крышки светильников (5–7, 11, 12, 14, 16, 17) времени Намазга IV и раннего Намазга V (1): 1 — период Алтын 3; 2–7 — период Алтын 4; 8, 9 — период ранней бронзы; 10–13 — период Алтын 5; 14 — период Алтын 6; 15–18 — период Алтын 7; 19–22 — период Алтын 8 (1 — раскоп 9, погр. 893; 2 — раскоп 4, погребальная камера 2; 7 — раскоп 1, горизонт 4; 8 — погр. 928–929; 9 — погр. 945; остальное — раскоп 5: 3, 5, 6 — горизонт 4; 4 — погр. 626; 10–13 — горизонт 5; 14 — горизонт 6; 15–18 — горизонт 7; 19 — горизонт 8; 20 — погр. 845; 21 — погр. 736; 22 — погр. 828) (4 — стеатит; 22 — гётит [?]; остальное — мраморовидный известняк)

Fig. 3. Altyn-depe, stone lamps and lamp lids (5–7, 11, 12, 14, 16, 17) of the Namazga IV and early Namazga V periods (1): 1 — Altyn 3 period; 2–7 — Altyn 4 period; 8, 9 — Early Bronze period; 10–13 — Altyn 5 period; 14 — Altyn 6 period; 15–18 — Altyn 7 period; 19–22 — Altyn 8 period (1 — excavation area 9, burial 893; 2 — excavation area 4, burial chamber 2; 7 — excavation area 1, horizon 4; 8 — burials 928–929; 9 — burial 945; the rest — excavation area 5: 3, 5, 6 — horizon 4; 4 — burial 626; 10–13 — horizon 5; 14 — horizon 6; 15–18 — horizon 7; 19 — horizon 8; 20 — burial 845; 21 — burial 736; 22 — burial 828) (4 — steatite; 22 — goethite [?]; the rest — marble-like limestone)

Подцилиндрические *светильники-факелы* (вариант 1) круглые в поперечном сечении, чуть сужаются в средней части и затем расширяются кверху. Емкость для горючего материала — усеченно-коническая, плавно-закругленно суживающаяся книзу, высверлена ручным сверлом¹⁰. Крышки светильников плоские, подцилиндрические или чуть расширяющиеся кверху; отверстие для фитиля просверлено с двух сторон так, что на плоскости внутренней поверхности диаметр отверстия значительно больше, чем на наружной. Такие светильники изготовлены с помощью вращающегося инструмента, но изделия времени раннего Намазга IV (рис. 3, 19–20) несколько асимметричны по вертикали и имеют скругленные в нижней части углы.

Гиперболидоидальный *светильник-факел* (вариант 2 — рис. 3, 1) из погребения 893 времени раннего Намазга V изготовлен с помощью вращающегося инструмента и имеет расширенную устойчивую нижнюю часть, резко суживающуюся к середине высоты и вновь расширяющуюся

¹⁰ Определение вариантов сверления проведено Г. Ф. Коробковой.

кверху. Такая форма, видимо, является результатом типологического развития формы варианта 1. Цилиндрическая плоская крышка светильника сделана из алебаstra и была вставлена непосредственно в емкость для горючего материала. Вероятно, эта крышка¹¹ была вторично изготовлена или приспособлена.

Квадратные в поперечном сечении *светильники-факелы* (вариант 3) сделаны «вручную» и представлены тремя экземплярами. Орнаментированный светильник из погр. 828 времени раннего Намазга IV изготовлен из гётита (?) (рис. 3, 22) и имеет форму вытянутого по вертикали параллелепипеда со скругленными углами, плавно расширяющегося кверху. После изучения светильника под микроскопом Г. Ф. Коробкова установила, что «кружковые» (солярные?) мотивы орнамента на боковых и верхней его поверхностях прорезаны циркульным резцом, а не полым сверлением (первичное визуальное определение — Кирчо 2005а: 412). Идентичный «кружковый» орнамент украшал боковые стороны известнякового блока позднеурукского времени (3200–3100 гг. до н. э.) из Суз (Amiet 1986: 55, fig. 12), причем П. Амье считал этот орнамент имитацией мозаики из конусов, украшавшей стены храмов (Ibid.: 55). Можно напомнить, что в горизонте 8 раскопа 5 времени раннего Намазга IV обнаружены металлическая печать-штамп (Кирчо 2001: рис. 12, 33б) и оттиск печати (рис. 1, 9), украшенные такими же «кружковыми» мотивами, а наиболее широко этот мотив в Южном Туркменистане воплощен в росписи керамических сосудов типа Намазга III на Карадепе и Намазга-депе (Массон 1956: табл. XXII, 1–2, 5–6; XXVIII, 9; 1960: табл. VIII, 24; XXII, 1, 12, 15, 20; и др.) часто в сочетании с изображениями птиц.

Светильник из мраморного оникса имел близкую форму (параллелепипед, чуть расширяющийся кверху), но еще более вытянутые пропорции и усеченно-коническую крышку (рис. 3, 3). Он был найден снаружи, под стеной погребальной камеры времени позднего Намазга IV.

Еще один миниатюрный (высота 4,65 см) поврежденный светильник-факел варианта 3 из мраморовидного известняка (рис. 3, 10) обнаружен в заполнении улицы горизонта 5 раскопа 5 времени среднего Намазга IV.

Единственный конический *светильник-факел* (вариант 4 — рис. 3, 15) изготовлен из серовато-белого мраморовидного известняка «вручную». Найден вместе с обломанной крышкой во дворе А горизонта 7 раскопа 5 времени раннего Намазга IV. Общая высота изделия — 10,3 см. Емкость для горючего высверлена в два приема, сначала полым, а затем коническим сверлом, отверстие в крышке сделано односторонним коническим сверлением. Первоначально из одного куска камня была сформована коническая заготовка. Затем верхняя часть заготовки была отпиlena для изготовления крышки, причем этот распил пошел косо, в результате чего крышка и сам светильник имеют в разных частях разную высоту. Однако этот технологический брак не помешал использованию светильника — внутри него и на крышке имеются следы обожжения.

Светильник-чашечка (тип II) с усеченно-конической крышкой (рис. 3, 4), изготовленный из стеатита с помощью вращающегося инструмента, был найден в погребении 626 времени позднего Намазга IV. Светильник по форме напоминает миниатюрный туалетный сосуд (чашечку), однако наличие идеально подогнанной усеченно-конической крышечки с отверстием для фитиля не оставляет сомнений в его функции как светильника.

Близкое сходство формы косметических каменных чаш и светильника типа II — косвенное свидетельство того, что внутри туалетных сосудов могла находиться маслянистая субстанция. Так, остатки горючего вещества (темно-серая спекшаяся масса) найдены внутри светильников из погр. 845 и 893, а также из пом. 33 горизонта 9 раскопа 5.

Светильники на Алтын-депе являются типичным компонентом культурного комплекса времени Намазга IV. На других поселениях Южного Туркменистана светильники-факелы найдены на Улуг-депе (Сарианиди 1976: 96) и Ак-депе (Там же: рис. 15, 15) этого же времени.

За пределами Южного Туркменистана многочисленные светильники-факелы (с усеченно-коническими, подцилиндрическими или подквадратными в плане крышками), аналогичные светильникам типа I Алтын-депе, обнаружены на Шахри-Сохте как на поселении (Tosi, 1969: fig. 41, a–d, s, t), так и в могилах периодов I/II–IV (Piperno, Tosi 1975: fig. on page 195, внизу, справа, B;

¹¹ Крышки в других случаях явно изготовлены не только из того же материала, что и светильник, но прямо из одного куска камня, что видно по полному совпадению не совсем правильного контура нижней поверхности крышки и верхней поверхности светильника (ср., например, рис. 3, 3, 15).

Рис. 4. Алтын-депе, раскоп 5, свидетельства производства бусин из мраморовидного известняка в период ранней бронзы (1, 2, 6 — горизонт 6; 3–5, 7 — горизонт 7): 1, 3 — заготовки; 2, 4 — заготовки бусин, сломанные при сверлении отверстий; 5 — бусина с неотшлифованной поверхностью; 6, 7 — осколки камня — отходы производства

Fig. 4. Altyn-depe, excavation area 5, marble-like limestone objects associated with the Early Bronze Age bead production (1, 2, 6 — horizon 6; 3–5, 7 — horizon 7): 1, 3 — half-products; 2, 4 — half-products of beads, broken in the course of drilling; 5 — unpolished bead; 6, 7 — stone waste products

Sajjadi 2003: tabl. 8, fig. 40, *a–c*, type 1, 2a, 2b; 2007: fig. on pages 511, 518; 2012: 126)¹², а также на поселении Мундигак периода IV (Casal 1961: fig. 135, *11–11b*, *12*). Однако найденный на Алтын-депе орнаментированный светильник из гётита (?) аналогий не имеет.

К украшениям из камня на Алтын-депе периода ранней бронзы относятся немногочисленные бусины и пронизки, преимущественно обнаруженные в инвентаре захоронений (рис. 1, *11*, *14–17*, *20–21*, *26–27*, *29*, *31–32*)¹³. В напластованиях раскопа 5 времени Намазга IV найдено еще шесть бусин: две кольцевидные типа IB1 из гётита (?) и мраморовидного известняка (рис. 1, *24–25*); крупная кольцевидная бусина типа III B1 из мраморовидного известняка (рис. 1, *13*); бочковидная пронизка типа IVA1 из гётита (?) (рис. 1, *18*); обломок миндалевидной двояковыпуклой пронизки типа IVA2 из лазурита или искусственного материала (рис. 1, *19*) и миндалевидная бусина-пронизка (тип IV B2; L/S = 1,23) из халцедона (рис. 1, *30*). Еще один предмет из гётита (?) представлял собой либо бусину типа ПБ1, либо идеально ровный скол биконической бусины-пряслица (рис. 1, *28*).

Найдены также заготовки из мраморовидного известняка подцилиндрической пронизки типа IA1 (рис. 1, *33*) и округлой подвески (?), плоскоовальной в продольном сечении (рис. 1, *34*). Интересны скопления отходов производства бусин из мраморовидного известняка, обнаруженные на раскопе 5 времени раннего и среднего Намазга IV во дворе А горизонта 7 и в пом. 13 (междомном пространстве) горизонта 6. Среди отходов производства (мелкие обломки камня —

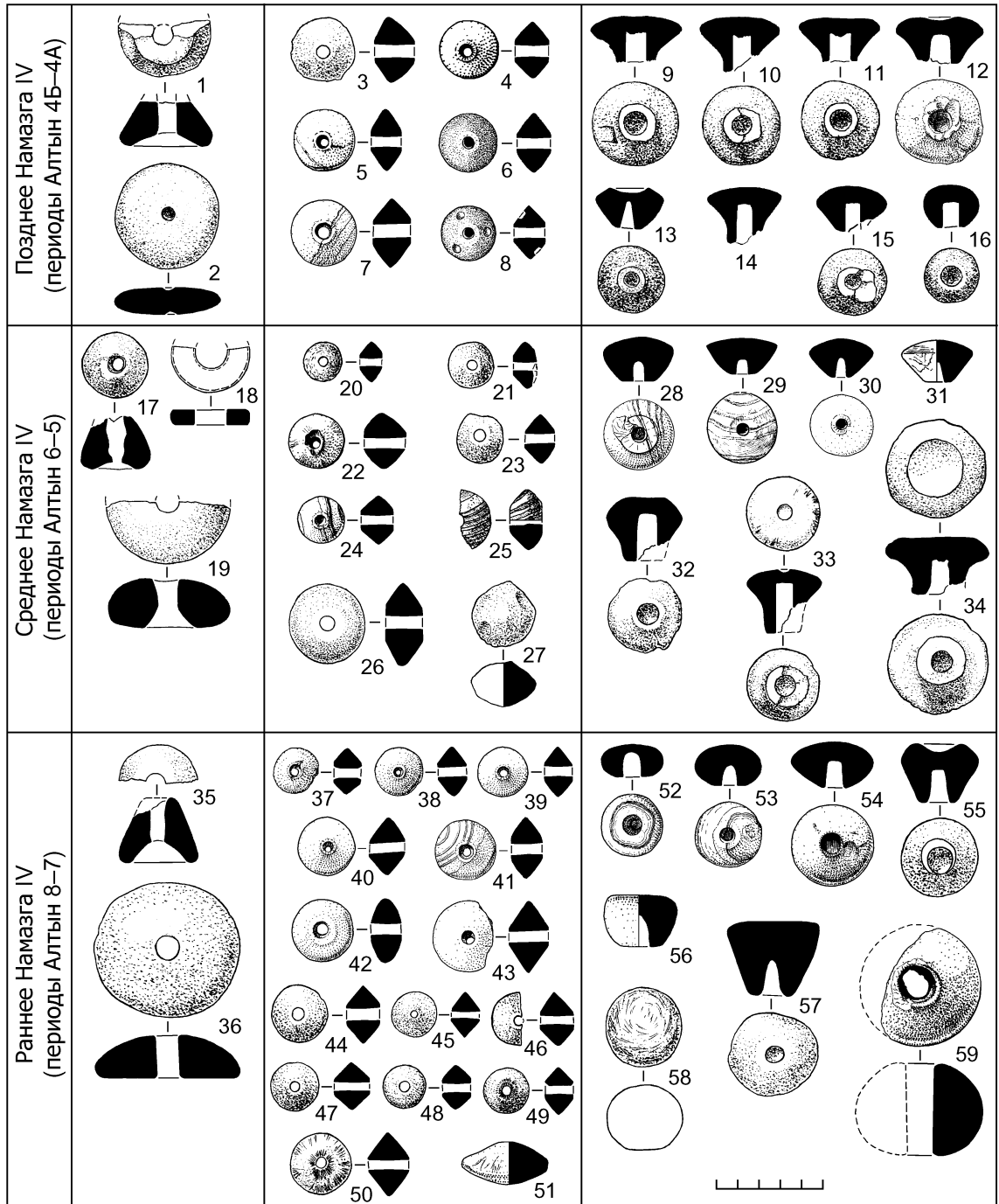
¹² Иранские археологи считают светильники косметическими флаконами (Sajjadi 2003: 81, 85; 2012: 126).

¹³ Описание бусин из захоронений времени Намазга IV и типологию бус периодов позднего энеолита — средней бронзы Алтын-депе см. Кирчо 2005а: 390–396, рис. 22.

рис. 4, 6–7) находились грубо обточенные первичные заготовки подцилиндрических пронизок типа IVA1 (рис. 4, 1, 3), сломанные при двустороннем сверлении отверстий пронизки типа IVA1 и IVA2 (рис. 4, 2, 4) и неотшлифованная бусина типа IVA2 (рис. 4, 5).

К украшениям отнесен также обломок плоского, узкого, подпрямоугольного, с закругленными концами изделия из белого мраморовидного известняка с рядом отверстий (рис. 1, 12), предположительно, это *распределитель многоярусного ожерелья*. Целое такое изделие представлено в материалах периода средней бронзы Алтын-депе.

Каменные навершия булав крайне редко представлены на памятниках Южного Туркменистана IV–III тыс. до н. э.

Шаровидное, чуть сплюснутое *навершие булавы* из почти черного плотного камня (пироксенит?) обнаружено в горизонте 8 раскопа 5 времени раннего Намазга IV (рис. 5, 59; 6, 1). Диаметр навершия — 5,6 см, высота — 4,1 см, диаметр отверстия — 1,1–1,3 см, сверление отверстия одностороннее. Близкие форму и размеры имеет навершие булавы (диаметр — 5,3 см, высота — 4,0 см, сверление отверстия — двустороннее: внешний диаметр канала — 1,8–2 см, внутренний — 1 см), изготовленное из стеатита и орнаментированное точечными углублениями (рис. 7, 8). Это второе навершие найдено на раскопе 9 в пом. 322 на полу периода Алтын 2 времени среднего Намазга V. Учитывая размеры изделий, сравнительно небольшие диаметры отверстий и наличие углублений, в которых, возможно, находились специальные вставки¹⁴, можно полагать, что навершия булавы из Алтын-депе не были оружием, а скорее, имели церемониальный характер.

Шаровидные навершия из некрополя Гонур-депе, очень близкие по форме таковым из Алтын-депе, В. И. Сарияниди прямо именует «навершиями скипетров» (Сарияниди 2002: 139, рис. на с. 147; Sarianidi 2007: figs. 184–186). Яйцевидное навершие булавы вместе с остатками ее крепления к рукояти найдено в камере 9 могильника Пархай II периода позднего энеолита ЮЗТ-V (Хлопин 1997: 110, табл. 99, 4–6).

Одной из наиболее массовых категорий в культурных комплексах поселений древнеземледельческих обществ являются терракотовые, глиняные и каменные орудия прядения и вязания. В первую очередь это небольшие *пряслица* и «*навершия*», использовавшиеся при обработке шерсти¹⁵. Недавно были опубликованы многочисленные образцы остатков тканей и вязаных изделий из шерсти овец, коз и верблюдов, обнаруженные на Шахри-Сохте (Constantini et al. 2009). В распоряжении древнего населения Южного Туркменистана было большое количество овечьей и, вероятно, верблюжьей шерсти, что было причиной распространения шерстяных тканей и/или вязаных изделий. Пряслица на Алтын-депе имеют сравнительно стандартный размер центральных отверстий (диаметр около 0,8–1,0 см), а отсутствие каких-либо следов использования на внутренней поверхности канала отверстия показывает, что пряслица насаживали на деревянные веретена.

Каменные *пряслица* в период ранней бронзы (как и в эпоху энеолита) малочисленны и представлены изделиями из известняка усеченно-конической формы с вогнутым «основанием»¹⁶

¹⁴ Небольшие каменные вставки-гвоздики представлены в материалах Алтын-депе периода средней бронзы.

¹⁵ Подробнее о пряслицах и навершиях эпохи энеолита и возможных вариантах их использования см. Шаровская 2008.

¹⁶ Положение пряслиц на веретене — широкой стороной вверх или вниз — неизвестно.

Рис. 5. Алтын-депе, каменные изделия времени Намазга IV: 1, 17, 18, 35 — пряслица; 2 — заготовка дисковидного утяжелителя; 19, 36 — утяжелители; 3–8, 20–26, 37–50 — бусины-пряслица; 27, 51 — заготовки бусин-пряслиц; 9–16, 28–34, 52–57 — навершия; 58 — заготовка навершия; 59 — навершие булавы (7 — раскоп 7, погр. 398; остальное — раскоп 5: 1–3, 6, 8–16 — горизонт 4; 4 — погр. 487–495, 495а; 5 — погр. 627; 17–19, 26, 27 — горизонт 5; 20, 21, 23, 25 — горизонт 6; 22, 30 — погр. 651–652; 24, 28 — погр. 510–511; 29 — погр. 543, 619/620, 621, 622; 31–33 — горизонт 5; 34 — горизонт 6; 35, 43–45, 51, 54, 56, 57, 59 — горизонт 8; 36, 41, 42, 46–50, 55, 58 — горизонт 7; 37, 38 — погр. 677; 39, 40, 52 — погр. 845; 53 — погр. 828) (1, 9–12, 14, 15, 17, 19, 32–35, 55 — светлый известняк; 4, 6, 8 — стеатит; 2, 45 — серый камень; 3, 23, 26, 27, 36, 42, 51, 56–58 — алебастр; 5, 7, 16–18, 24, 25, 28, 29, 31, 39–41, 43, 52, 53 — мраморовидный известняк; 13, 21, 22, 46, 47, 49, 50 — гётит [?]; 20, 37, 38, 44, 48 — плотный серый известняк; 30 — голубой халцедон; 54, 59 — черный камень [пироксенит?])

Fig. 5. Altyn-depe, stone artifacts of the Namazga IV time: 1, 17, 18, 35 — spindle whorls; 2 — half-product of a discoid spindle weight 19, 36 — weights; 3–8, 20–26, 37–50 — beads-whorls; 27, 51 — half-products of beads-whorls; 9–16, 28–34, 52–57 — «heads»; 58 — half-product of a head; 59 — mace head (7 — excavation area 7, burial 398; the other — excavation area 5: 1–3, 6, 8–16 — horizon 4; 4 — burials 487–495, 495a; 5 — burial 627; 17–19, 26, 27 — horizon 5; 20, 21, 23, 25 — horizon 6; 22, 30 — burials 651–652; 24, 28 — burials 510–511; 29 — burials 543, 619/620, 621, 622; 31–33 — horizon 5; 34 — horizon 6; 35, 43–45, 51, 54, 56, 57, 59 — horizon 8; 36, 41, 42, 46–50, 55, 58 — horizon 7; 37, 38 — burial 677; 39, 40, 52 — burial 845; 53 — burial 828) (1, 9–12, 14, 15, 17, 19, 32–35, 55 — light limestone; 4, 6, 8 — steatite; 2, 45 — grey stone; 3, 23, 26, 27, 36, 42, 51, 56–58 — alabaster; 5, 7, 16–18, 24, 25, 28, 29, 31, 39–41, 43, 52, 53 — marble-like limestone; 13, 21, 22, 46, 47, 49, 50 — goethite [?]; 20, 37, 38, 44, 48 — compact grey limestone; 30 — blue chalcedony; 54, 59 — black stone [pyroxenite?])

(диаметр 3–4,5 см) и односторонним сверлением канала (рис. 5, 1, 17, 35). Более крупными (диаметр 5–6,5 см) были так называемые *утяжелители* — один двояковыпуклый с двусторонним сверлением (рис. 5, 19) из известняка и второй плосковыпуклый с односторонним сверлением (рис. 5, 36) из алебаstra. Найдена также заготовка «утяжелителя» из плоской двояковыпуклой гальки с начальным двусторонним сверлением (рис. 5, 2).

Зато среди изделий из камня периода ранней бронзы на Алтын-депе широко известны так называемые *бусины-пряслица* — усеченно-биконические изделия ($L = 1,0–1,9$ см, $S = 1,8–3,8$ см, $L/S = 0,4–0,7$)¹⁷ с меньшими по диаметру отверстиями (0,4–0,7 см), чем отверстия собственно пряслиц. Бусины-пряслица изготовлены из стеатита (рис. 5, 4, 6, 8), мраморовидного известняка (рис. 5, 5, 7, 24–25, 39–41, 43), гётита (?) (рис. 5, 21–22, 46–47, 49–50), алебаstra (рис. 5, 3, 23, 26, 42), плотного серого известняка (рис. 5, 20, 37–38, 44, 48) и серого камня (рис. 5, 45). Найдены также заготовки бусин-пряслиц из алебаstra (рис. 5, 27, 51).

В отличие от других видов пряслиц, биконические бусины-пряслица широко распространены в инвентаре захоронений периодов ранней и средней бронзы Алтын-депе (Кирчо 2005а: 384, 389). Стеатитовая бусина-пряслица, украшенная тремя круглыми углублениями (выполненными полым сверлением) на каждой из боковых сторон (рис. 5, 8; 7, 18), найдена во дворе А горизонта 4 раскопа 5 времени позднего Намазга IV. Это древнейшее в Южном Туркменистане орнаментированное изделие такого типа¹⁸. Недавно две бусины-пряслица¹⁹ из мраморовидного известняка и гётита (?) обнаружены в погр. 55 Улуг-депе (Bendezu-Sarmiento 2013: fig. 9, F), которое, судя по сопровождающим сосудам, относится ко времени позднего Намазга IV. Нами уже отмечалось, что бусины-пряслица, вероятно, служили утяжелителями на металлические спицы и, соответственно, являлись частью орудий вязания (Кирчо 2005а: 396; Кирчо и др. 2008: 106). Напомним, что медная спица диаметром 0,5 см найдена на Алтын-депе в горизонте 10 раскопа 5 конца периода позднего энеолита (Кирчо 2001: рис. 8А, 31).

Каменные *навершия*²⁰ — усеченно-конические, уплощенно-сферические или сфероконические предметы ($D = 2,6–4,8$ см, $H = 1,8–3,3$ см)²¹ с проделанным в центре несквозным каналом-углублением диаметром 0,6–1,1 см. Алебастровые усеченно-конические навершия (рис. 5, 56–57) и сферическая заготовка (рис. 5, 58) обнаружены в культурных слоях времени раннего Намазга IV, а уплощенно-сферические навершия из мраморовидного известняка — в погребениях этого же времени (рис. 5, 28–29). Единственное сфероидное изделие (рис. 5, 16) из мраморовидной породы найдено в горизонте 4 раскопа 5 времени позднего Намазга IV. Наиболее часто среди каменных наверший периода ранней бронзы встречаются изделия сфероконической формы из светлого известняка, «верхняя»²² часть которых в середине обычно в разной степени вогнута (рис. 5, 9, 12, 33, 55) или уплощена (рис. 5, 10–11, 32, 34). Сфероконическое навершие из гётита также имело углубление сверху (рис. 5, 13). Навершия с выпуклой «верхней» частью и конической боковой поверхностью изготовлены из светлого известняка (рис. 5, 14–15), пироксенита (?) (рис. 5, 54), мраморовидного известняка (рис. 5, 28–29, 31) и даже голубого халцедона (рис. 5, 30), три из них обнаружены в погребальных камерах времени среднего Намазга IV (рис. 5, 28–30).

Все навершия из светлого известняка, как правило, имеют несколько вогнутую боковую поверхность, причем у изделий времени среднего и позднего Намазга IV эта вогнутость выражена довольно сильно (рис. 5, 9–12, 14, 33–34), а некоторые из них имеют и весьма вытянутые про-

¹⁷ L — длина изделия (максимальный размер по оси сверления); S — ширина изделия (максимальный диаметр поперечного к оси сверления сечения).

¹⁸ Сводку бусин-пряслиц эпохи энеолита и бронзы см. Алёшкин 2013.

¹⁹ Французские археологи, как и ряд других зарубежных исследователей, именуют бусины-пряслица просто бусинами.

²⁰ В зарубежной литературе навершия обычно называли «шариками» (balls), так как на североиранских памятниках V тыс. до н. э. — Исмаилабаде, Шири-Шайне и на Тепе Гиссар (комплекс Гиссар I) — такие изделия имеют сфероидную форму. В настоящее время Р. Дайсоном и К. Торнтоном (со ссылкой на Ф. Хиберта) предложен термин «finial» (завершающее украшение), т. е. фактически принят термин «навершие», используемый в русскоязычной литературе (Dyson, Thornton 2009: 14–16, fig. 10).

²¹ D — наибольший диаметр, H — высота изделия.

²² Как и для пряслиц, точное положение наверший на спице неизвестно.

порции ($H/D = 0,8$; рис. 5, 14, 33). Кроме того, только у наверхий из известняка и сферического из мраморовидного известняка углубления сделаны полым цилиндрическим сверлением. У всех прочих наверхий, включая изделия из мягкого алебаstra, углубления выполнены коническим сверлом.

Каменные наверхия на Алтын-депе появляются в конце периода позднего энеолита — это сфероидные, изготовленные из алебаstra и мраморовидного известняка изделия (Кирчо 2005а: рис. 3, 7; Кирчо и др. 2008: табл. 127, 41; 153, 13–14), а также подбиконическое наверхие из известняка (Кирчо и др. 2008: табл. 153, 5).

Наверхия из камня и терракоты широко распространены в массовом материале в культурных напластованиях Алтын-депе и по формам близки к пряслицам, что косвенно подтверждает предположение об их бытовом назначении. Пряслица с вогнутыми боковыми сторонами составляют характерный компонент культурного комплекса периода средней бронзы Алтын-депе и других поселений Южного Туркменистана (Масимов 1976: рис. 14; Сарияниди 1976: рис. 15, 5, 7; Щетенко 1970: 48, рис. 14, 9).

Технология изготовления каменных изделий

Обработка камня и каменные орудия и изделия играли важнейшую роль в системе производства и в быту населения Алтын-депе периодов позднего энеолита — средней бронзы. При изготовлении каменных орудий труда и предметов использовали разнообразные приемы обработки: раскалывание, пикетаж, отжим, пиление, отеску, скобление, сверление, шлифовку и полировку камня. Раскалывание и пикетажную обработку осуществляли на специальных наковальнях молотками и отбойниками разного веса и формы. Доформовку и отделку — разнообразными абразивами, как пассивными, так и активными. Среди инструментов встречались также каменные сверла и развертки для расширения отверстий (Коробкова 2001: 147).

В изготовлении алебастровых сосудов времени Намазга III — раннего Намазга IV участвовали природные конкреции камня. Обработка включала удаление корки обивкой, придание грубой подцилиндрической формы отеской (такие заготовки обнаружены в горизонте 9 раскопа 5 конца периода позднего энеолита — Кирчо и др. 2008: табл. 151, 3–5; 167А), формовку основного объема сосуда с помощью узкой стамески, выделение деталей рельефа поверхности с помощью пропилов абразивной пилкой. Затем верхнюю часть болванки спиливали (рис. 6, 2, 6; там же: табл. 129, 16) и высверливали внутреннюю емкость сосуда (Шаровская 2002), которая также иногда оформлялась дополнительно косыми срезами орудия с узким лезвием²³. С помощью стамесок и абразивных пилок намечали и декорирование поверхности сосудов (в виде вертикальных или горизонтальных желобков или пропилов) и оформляли профилированный венчик. Окончательную обработку сосуда проводили с помощью абразивов, в том числе и фигурных, которыми доформовывали рельефные детали. В результате такой сложной, многоактной, специализированной обработки получались весьма изящные, полупрозрачные сосуды. Технология изготовления алебастровых сосудов путем срезания и скобления камня весьма архаична и находит явные прототипы в технологии изготовления деревянных сосудов (Кирчо 2009в: 33–34).

В период ранней бронзы производство из камня косметических сосудов, печатей, светильников, статуэток и бус приобретает еще более специализированный характер. Основная масса таких изделий времени Намазга IV изготовлена из мраморовидного известняка, серого и белого известняка или красновато-коричневого гётита (?). К этим породам, гораздо более твердым, чем мягкий алебастр, в период позднего энеолита обращались довольно редко.

Для получения исходной заготовки в период ранней бронзы широко применяли технику распиливания камня (рис. 6, 7), в результате чего заготовка имела кубическую форму или форму параллелепипеда. Вероятно, именно такие заготовки служили основой подквадратных печатей (рис. 1, 1–5, 8) и крышек светильников (рис. 3, 5, 11), светильников-факелов варианта 3 (рис. 3, 10, 22) и косметических флаконов с кубическим резервуаром (рис. 2, 8, 32). В последнем случае использовали также кубические заготовки из алебаstra (рис. 6, 5). Для изготовления кру-

²³ Сосуд с такой обработкой внутренней емкости, сломавшийся в процессе изготовления, найден на раскопе 5 в горизонте 10 времени позднего Намазга III (Кирчо и др. 2008: табл. 123, 1).

глых в поперечном сечении косметических сосудов, светильников, печатей и орудий прядения применяли, скорее всего, цилиндрические заготовки, форму которым придавали тщательной обивкой и отеской. Возможно, что в качестве основы таких изделий служили также и цилиндрические заготовки, полученные полым абразивным сверлением. Такому сверлению поддавались даже твердые гальки (рис. 6, 4).

Наружную поверхность заготовок из твердых пород подправляли пикетажем и затем обрабатывали шлифовкой и полировкой. Полированная поверхность таких сосудов и светильников передает игру слоистого камня. Внутреннюю емкость косметических сосудов оформляли полым абразивным сверлением, и обычно в верхней части она имеет почти цилиндрическую форму (рис. 3, 2–5, 16–19, 25, 34, 37–38). Емкости светильников и части сосудов оформляли с помощью массивных конических сверл. Для высверливания сквозных отверстий в крышках светильников

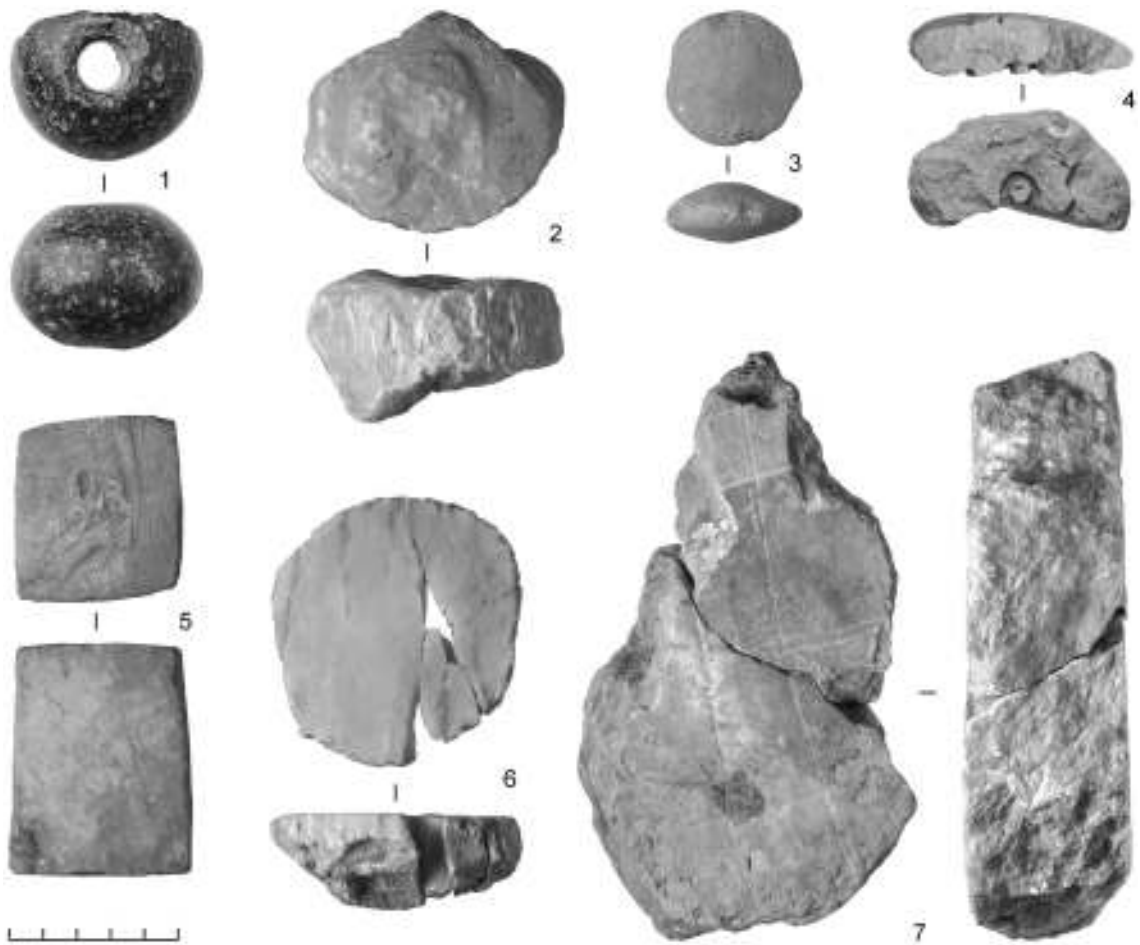

Рис. 6. Навершие булавы (1) и предметы — свидетельства производства каменных изделий на раскопе 5 Алтын-депе времени раннего (1–6 — горизонт 8) и среднего (7 — горизонт 6) Намазга IV: 2 — обломок подцилиндрической заготовки со следами спила; 3 — заготовка бусины-пряслица; 4 — обломок камня со следами полого абразивного сверления; 5 — подкубическая заготовка со следами пиления; 6 — зашлифованный спил с подцилиндрической болванки (заготовка утяжелителя?); 7 — обломок плиты со следами разметки для распиливания на подкубические заготовки (1 — пироксенит [?]; 2, 3, 5, 6 — алебастр; 4 — расколотая галька; 7 — мраморовидный известняк)

Fig. 6. Altyn-depe, excavation area 5, mace head (1) and other objects associated with production of stone artifacts during the early (1–6 — horizon 8) and middle stages (7 — horizon 6) of the Namazga IV period: 2 — fragment of a sub-cylindrical blank with traces of sawing; 3 — semi-finished bead-whorl; 4 — stone fragment with traces of hollow abrasive drilling; 5 — sub-cubic blank with traces of sawing; 6 — polished sawn off fragment of a sub-cylindrical blank (weight?); 7 — fragment of a slab with traces of marking for sawing into sub-cubic blanks (1 — pyroxenite [?]; 2, 3, 5, 6 — alabaster; 4 — split pebble; 7 — marble-like limestone)

(рис. 3, 2–3, 5–7, 9, 14, 16–17, 19–20), бусинах-пряслицах и в бусинах применяли в основном двустороннее коническое сверление (рис. 4, 4). Односторонним коническим сверлением выполнены отверстия в пряслицах (рис. 5, 17, 35), утяжелителя из алебаstra (рис. 5, 36), наверший булавы из пироксенита (?) (рис. 5, 59; 6, 1), а также углубления в навершиях из мраморовидного известняка, халцедона, пироксенита (?), гётита (?) и алебаstra (рис. 5, 13, 28–31, 52–54, 56–57). В то же время углубления всех наверший из известняка и одного из алебаstra сделаны полым абразивным сверлением (рис. 5, 9–12, 14–16, 32–34, 55). Орнамент светильника из гётита (?) нанесен с помощью циркульного резца и точечного сверления. Точечным сверлением выполнены и мотивы на большинстве каменных печатей периодов ранней и средней бронзы. Учитывая большую хрупкость гётита (?), скорость и равномерность вращения сверла должны были быть высокими, что предполагает использование станкового сверления.

Таким образом, для изготовления каменных предметов периода ранней бронзы широко использовали пиление и сверление разнообразными вращающимися инструментами. Технологический процесс имел по меньшей мере пять этапов: 1) подготовка исходной заготовки; 2) придание ей основной формы изделия; 3) грубая обработка наружной поверхности; 4) оформление внутренней емкости, нанесение орнамента или проделывание отверстий или углублений сверлением разных типов; 5) окончательная шлифовка и полировка изделия. Вероятно, значительная часть этих операций проводилась уже металлическими орудиями.

Сложный, многоактный технологический процесс изготовления с использованием разнообразных инструментов и высокий художественный уровень каменных изделий показывают, что это была продукция профессиональных мастеров-камнерезов.

Скорее всего, к середине периода ранней бронзы относится и появление на Алтын-депе технологии получения искусственных высокотемпературных минералов — обожженного стеатита и кварц-кristобалита. Наиболее ранние пронизка и бусина из обожженного стеатита найдены в погребальной камере времени среднего Намазга IV (Кирчо, Ковнурко 2003: рис. 1, 2–3; табл. 1–2). Изготовление предметов из стеатита (талъка) с последующим обжигом известно в Белуджистане начиная с неолита, период Мергар I (Vidale 1990), распространяется в период Мергар III, конец V — первая четверть IV тыс. до н. э. (Les cités oubliées de l'Indus... 1988: 83, fig. 28) и является характерным компонентом технологии изготовления бус древнеиндийской цивилизации Хараппы III тыс. до н. э. (Lal 1997: 179), где найдены специализированные мастерские по производству бус (Raо 1985: 580–581). Бусы из стеатита в древней Индии изготавливались двумя способами: механическая обработка мягкого камня или формовка тонких цилиндров из пасты, которые далее разрезались на бусинки (Vidale 2000: 64). Тонко отмученная паста готовилась из размельченного в порошок стеатита, а цилиндр формовался вокруг проволоки или нитки. После формовки бусины обжигались при температуре 900–1000 °C (Kenoyer 1997: 267).

Вместе с бусинами из обожженного стеатита в погребальной камере времени среднего Намазга IV находилась и антропоморфная фигурка из кварц-кristобалита (рис. 1, 10). Этот искусственный минерал образуется при высокотемпературном обжиге осадочных пород кремнистого состава (опока, диатомит, трепел). Специальные исследования предметов и украшений из захоронений Алтын-депе (Кирчо, Ковнурко 2003) показали, что из кремнеземов изготовлены преимущественно предметы, весьма характерные для культурного комплекса Южного Туркменистана периодов ранней и средней бронзы. Причем антропоморфная статуэтка и крестовидная печать, несомненно, имеют местное происхождение, а плоские прямоугольные пронизки с зубчатыми краями (тип IA'2) и округлые бусы (тип IVB1) широко представлены в инвентаре погребений Алтын-депе времени среднего Намазга V (Кирчо 2005а: 392, 394).

Технология изготовления предметов из стеатита с последующим обжигом распространяется на территорию Ирана и Средней Азии из древней Индии. Однако использование в качестве сырья осадочных пород с последующим получением кварц-кristобалита показывает, что мастера Алтын-депе заимствовали именно технологию, применив ее к местным материалам. Эта технология свидетельствует о высокопрофессиональном уровне производства изделий — перекристаллизация стеатита и кремнеземов идет при нагревании около 1000 °C и выше, а достижение таких температур даже внутри небольших горнов — весьма сложная техническая задача, требующая интенсивного нагнетания кислорода или, как минимум, мощного поддува. Технология обжига

изделий из осадочных пород достигла расцвета на Гонур-депе, где с ее помощью выполнялись детали художественных мозаик, украшавших стены и ларцы в наиболее богатых «царских» захоронениях (Писарева 2012; Юминов 2012).

Развитие производственной системы Алтын-депе в период ранней бронзы обусловлено в первую очередь техническим и технологическим прогрессом в основных видах производств. Использование вращающихся инструментов (различные типы сверл и, вероятно, станковые сверла и резцы) для обработки твердых пород камня не только обеспечивало рост производительности труда камнерезов, но и способствовало началу стандартизации продукции, а также повышению уровня ее качества и оформления. Второй важнейший технологический фактор периода ранней бронзы связан с прорывом в области теплотехники и системы управления огнем. Опыт получения высоких температур при обжиге мелких каменных изделий показывает, что в разных отраслях производства Алтын-депе шел процесс поисков оптимальных режимов нагревания сырья и изделий, благодаря которому в конце периода в металлообработке появляется литье по восковой модели и двухъярусные гончарные печи для обжига посуды, которые определили ремесленный характер производства протогородского Алтын-депе периода средней бронзы.

Источники каменного сырья

Определенный интерес представляет вопрос о сырьевом обеспечении камнерезного производства на Алтын-депе. Если для изготовления основной массы каменных сосудов и изделий использовалось местное сырье (конкреции и гальки алебаstra, плиты доломита и известняка), то вопрос об источниках некоторых видов поделочных камней до последнего времени остается нерешенным. Как известно, к периодам позднего энеолита — ранней бронзы относятся интенсивные взаимодействия между культурами Южного Туркменистана, Юго-Восточного Ирана²⁴ и Южного Афганистана (Кирчо 2009б). В результате этих взаимодействий население Южного Туркменистана было включено в широкий международный обмен не только сырьем, но и культурными достижениями, на основе которых в конце периода позднего энеолита — начале периода ранней бронзы в этих трех регионах формируется своеобразная элитарная субкультура (Там же), а в Южном Туркменистане возникает гончарный круг (Кирчо 2009в: 15).

Важную роль в процессах обмена и торговли (?) с Юго-Восточным и Южным Ираном играл стеатит (Кирчо 2005а: 418). Предметы из стеатита («жезл», «гирия», «колонка», части «плакетки» и три крестовидных изделия из «святилища» времени раннего Намазга V, а также сосуды, крупные бусины, печати и т. д.) представлены на Алтын-депе как в погребениях, так и культурных слоях поселения (рис. 7) не ранее периода Алтын 4 времени позднего Намазга IV. В коллекции с поверхности поселения²⁵ имеется обломок незавершенного, сломанного в процессе изготовления цилиндрического сосуда (рис. 7, 24; 8, 9). Мастерами Алтын-депе сделаны и стеатитовые печати (рис. 7, 1–5), которые по особенностям техники изготовления и нанесения орнамента сверлением не отличаются от других каменных печатей эпохи бронзы Алтын-депе.

Как было уже сказано выше, многочисленные печати-пуговицы из стеатита представлены в Шахри-Сохте периода II²⁶. Однако наиболее широко для изготовления разнообразных изделий — от статуэтки и печатей до крупных бусин и сосудов — использовали стеатит на Тепе Яхья в Южном Иране, где в слоях периода IVB найдены свидетельства специализированного производства сосудов из стеатита (Kohl 2001; Lamberg-Karlovsky 1970: pl. 19; 23–25; fig. 21–23; Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: 46–47, fig. 96–98). Таким образом, можно полагать, что в периоды позднего Намазга IV — Намазга V на Алтын-депе импортировались конкреции стеатита из района Тепе

²⁴ Неоднократно высказывалось и предположение о непосредственном передвижении групп населения из Южного Туркменистана на Шахри-Сохте (см., например, Массон 2006: 58–59).

²⁵ К сожалению, при первом упоминании (Кирчо 2005а: 418) этот сосуд был ошибочно отнесен к горизонту 3 раскопа 7.

²⁶ В статье не рассматриваются художественные предметы из стеатита, обнаруженные на Гонур-депе периодов средней и поздней бронзы.

Яхья (Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973: map 3) или шире — провинции Керман, где в последние десятилетия открыта цивилизация Джирофт (Perrot, Madjizadech 2003).

В то время мелкие изделия из стеатита, подвергнутые высокотемпературному обжигу, обнаружены уже в инвентаре погребальной камеры периода среднего Намазга IV. Такие бусы могли быть импортированы либо импортировалось сырье — стеатит в виде порошка или небольших кусочков. Следовательно, знакомство жителей Алтын-депе с этим камнем происходило в середине периода Намазга IV, а возможно, и ранее.

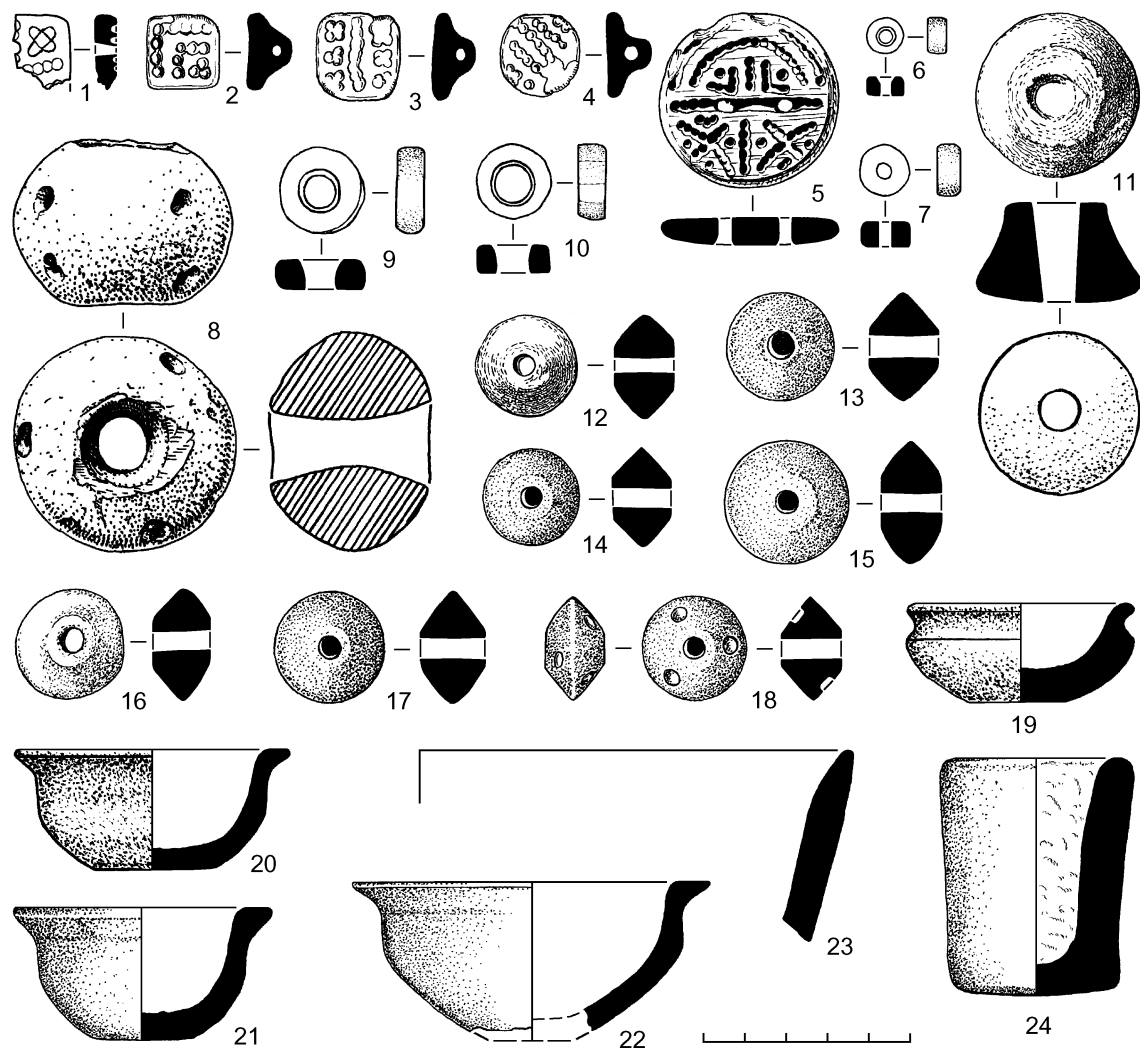

Рис. 7. Алтын-депе, предметы из стеатита, найденные вне контекста захоронений: 1–4, 13, 24 — времени позднего Намазга V (?); 5, 8, 14, 15, 19, 23 — времени среднего Намазга V; 6, 7, 9–12, 20–22 — времени раннего Намазга V; 16–18 — времени позднего Намазга IV (1–5 — печати; 6, 7 — бусины; 8 — навершие булавы; 9–11 — пряслица; 12–18 — бусины-пряслица; 19–24 — сосуды) (1–3, 13, 24 — с поверхности поселения; 4 — раскоп 12, горизонт 1; 5, 8, 19 — раскоп 9, горизонт 2; 6, 9 — раскоп 9, горизонты 3–4; 7 — раскоп 8 (стратиграфический); 14, 15 — раскоп 5, горизонт 1; 16 — раскоп 1, горизонт 5; 17, 18 — раскоп 5, горизонт 4; 10–12, 20 — раскоп 13, горизонт 1с; 21, 22 — раскоп 7, горизонт 3; 23 — раскоп 7, горизонт 1)

Fig. 7. Alтын-depe, steatite objects found unassociated with burials: 1–4, 13, 24 — late Namazga V (?); 5, 8, 14, 15, 19, 23 — middle Namazga V; 6, 7, 9–12, 20–22 — early Namazga V; 16–18 — late Namazga IV (1–5 — seals; 6, 7 — beads; 8 — mace head; 9–11 — spindle whorls; 12–18 — beads-whorls; 19–24 — vessels) (1–3, 13, 24 — surface finds; 4 — excavation area 12, horizon 1; 5, 8, 19 — excavation area 9, horizon 2; 6, 9 — excavation area 9, horizon 3–4; 7 — excavation area 8; 14, 15 — excavation area 5, horizon 1; 16 — excavation area 1, horizon 5; 17, 18 — excavation area 5, horizon 4; 10–12, 20 — excavation area 13, horizon 1c; 21, 22 — excavation area 7, horizon 3; 23 — excavation area 7, horizon 1)

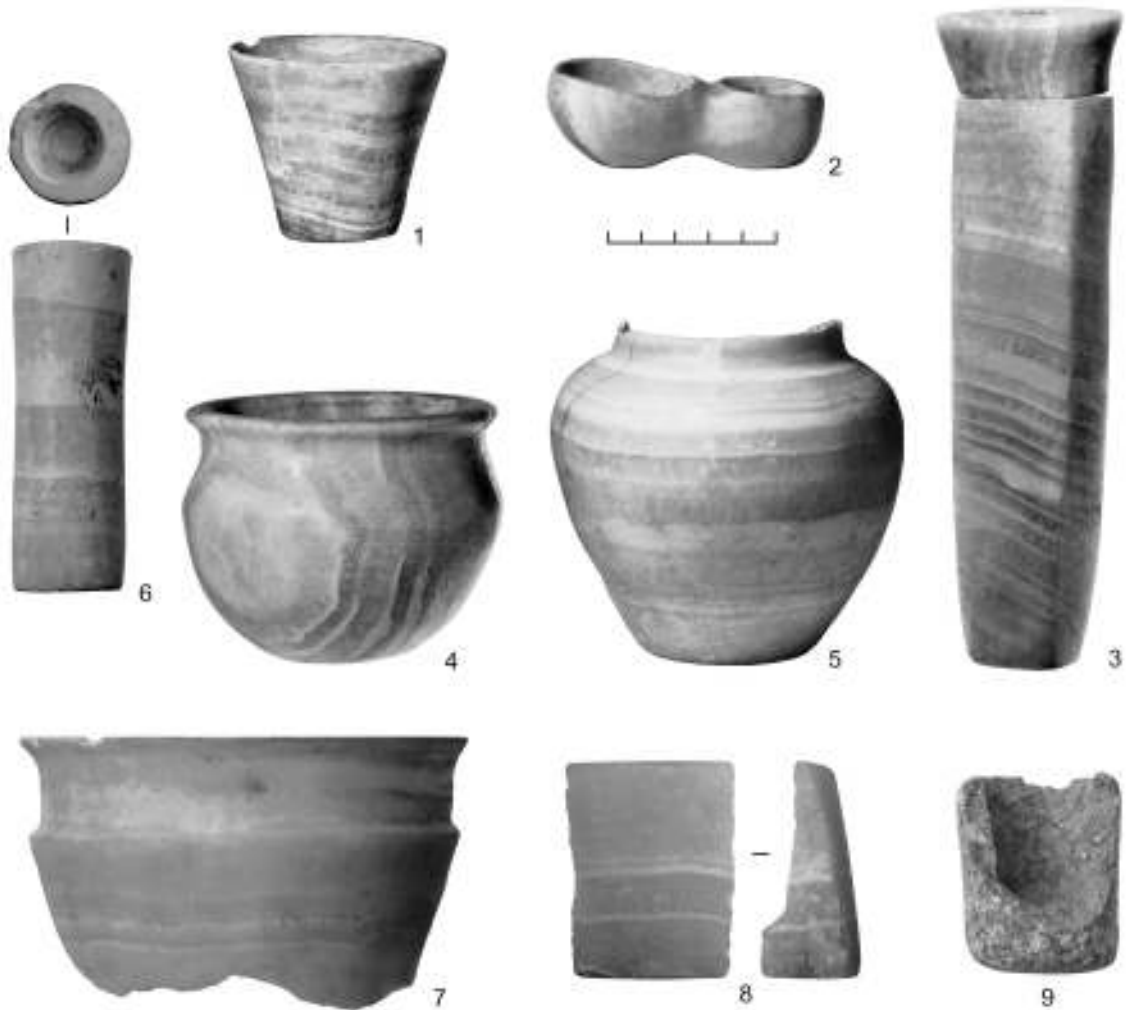

Рис. 8. Алтын-депе, сосуды и светильники (3, 6) из мраморного оникса и стеатита (9): 1–3 — времени позднего Намазга IV (1, 2 — раскоп 5, погр. 626; 3 — раскоп 5, горизонт 4); 4–7 — времени среднего Намазга V (4 — раскоп 5, погр. 43–56; 5, 7 — раскоп 9, горизонт Алтын 1; 6 — раскоп 13, горизонт 1ю); 8 — времени раннего Намазга V (раскоп 13, горизонт 1с); 9 — с поверхности поселения
Fig. 8. Altyn-depe, vessels and lamps (3, 6) made of onyx marble and steatite (9): 1–3 — late Namazga IV (1, 2 — excavation area 5, burial 626; 3 — excavation area 5, horizon 4); 4–7 — middle Namazga V (4 — excavation area 5, burials 43–56; 5, 7 — excavation area 9, horizon Altyn 1; 6 — excavation area 13, horizon 1ю); 8 — early Namazga V (excavation area 13, horizon 1с); 9 — surface finds within the settlement area

Еще одно, северо-восточное направление импорта сырья намечается по находкам на Алтын-депе сосудов и светильников, изготовленных из мраморного оникса. Три из них — конический стаканчик и миниатюрный двойной сосуд (рис. 2, 30–31; 8, 1–2), а также светильник-факел с усеченно-конической крышкой (рис. 3, 3; 8, 3) входили в инвентарь захоронений периода Алтын 4 времени позднего Намазга IV. Еще две целые чаши (рис. 2, 38; 8, 4) из инвентаря погребений, а также цилиндрический светильник (рис. 8, 6) и фрагменты сосудов (рис. 8, 5, 7–8) относятся к периоду средней бронзы времени раннего и среднего Намазга V.

Минералогическое исследование каменных изделий из Гонур-депе показало, что для их изготовления использованы разнообразные породы камня, происходящие, вероятно, из Восточного Туркменистана, где на границе с Узбекистаном и Афганистаном в долинах Кугитанского хребта находятся крупные месторождения гипса, мраморного оникса и отработанные свинцовые рудники (Климкин 2004). Карлюкское месторождение мраморного оникса медово-желтого цвета в карстовых пещерах Кугитантау — одно из наиболее крупных на территории бывшего СССР и раз-

рабатывалось и в советский период (Самсонов, Туринге 1985: 177–179). Именно из мраморного оникса изготовлены сосуд на ножке (ваза)²⁷, обнаруженный в 2006 г. на Гонур-депе (Дубова 2008: 98, рис. 33), а также, вероятно, горшковидный сосуд на ножке с подцилиндрическим горлом и отогнутым уплощенным венчиком (Бендезу-Суармьенто 2010: рис. 17, вверху в центре) и подцилиндрический стакан (Bendezu-Sarmiento 2013: fig. 9, D) из инвентаря погребений Улуг-депе периода ранней бронзы.

Наше предположение об импорте этого материала в конце периода ранней — периоде средней бронзы из Карлюкского месторождения хорошо согласуется и с информацией о том, что в районе этого месторождения имеется древний свинцовый рудник. В связи с этим важно, что для целого ряда художественных литых изделий (печатей-штампов, украшений, предметов туалета) периода средней бронзы (времени Намазга V) Алтын-депе характерна значительная присадка свинца (Егорьков 2001: 91, табл. 1; 3; Терехова 2001: 112–113, табл. 1). Из свинца изготовлены и массивные наверхия на каменные жезлы, найденные в мужских захоронениях могильника Гонура (Сарианиди 2001: 68, рис. 35, прил. 1; Sarianidi 2007: 108–109, fig. 187–190).

Таким образом, можно предполагать, что Восточный Туркменистан был одним из районов добычи и импорта на Алтын-депе, Гонур-депе (и другие поселения) поделочного каменного материала и свинцовой руды.

И наконец, еще один предполагаемый источник каменного сырья — это месторождение Мушистон на горе Казнок Зеравшанского хребта, в 35 км к Ю от г. Пенджикент²⁸. Здесь, помимо оловянной руды, которую, возможно, добывали в период поздней бронзы, имеются наиболее крупные на территории Средней Азии залежи гётита. Напомним, что изделия из плотного, красновато-коричневого камня, предположительно гётита, появляются на южно-туркменистанских поселениях в конце периода среднего — начале периода позднего энеолита (см. выше), т. е. именно в то время, когда в долине Зеравшана группа переселенцев из Юго-Восточного Туркменистана основала поселение Саразм (Кирчо 2007). Учитывая, что основу экономики Саразма, помимо земледелия и скотоводства, составляли добыча и обработка руды и камня (Раззоков 2008: 76, 86, 92–93), можно предполагать, что какая-то часть каменного сырья (или изделий?) доставлялась на юг Средней Азии из месторождений Северо-Западного Таджикистана.

Судя по разнообразию каменного сырья на поселениях эпохи энеолита — ранней бронзы, основные торгово-обменные пути — предтечи участков Великого Шелкового пути в Центральной Азии — начинают формироваться уже в конце IV–III тыс. до н. э. (Длужневская и др. 2006: 452). Во всяком случае, начиная со второй половины III тыс. до н. э. широкие контакты населения Южного Туркменистана, включая, вероятно, доставку сырья, происходили благодаря использованию верблюдов в качестве транспортных животных (Кирчо 2009а: 30–31, 33). Изучение изделий из камня Алтын-депе показывает, что в период ранней бронзы шло интенсивное развитие приемов и технологии специализированной камнеобработки, обусловленное как прогрессом производственной системы в целом, так и культурно-торговыми связями населения Южного Туркменистана в III тыс. до н. э.

Алёкшин 2013 — *Алёкшин В. А.* Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии // АВ. 2013. № 19. С. 211–228.

Бендезу-Суармьенто 2010 — *Бендезу-Суармьенто Х.* Погребальный обряд и человеческие останки городища бронзового века Улуг-депе в Туркменистане // На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 513–535.

Березкин 2001 — *Березкин Ю. Е.* Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 40–59 (МЮТАКЭ. Вып. 5).

Длужневская и др. 2006 — *Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б., Богуславский О. И.* Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX — первой половины XX веков (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 452–462.

²⁷ Форма сосуда имеет прямые аналогии среди керамических сосудов времени среднего Намазга V из захоронений на Алтын-депе (Кирчо 2005а: рис. 10, 4). Такие же каменные сосуды на монолитной ножке найдены в могильниках Тахтабазар (Удеумурадов 1993: 45, рис. 34, 3) и Гонура (Sarianidi 2002: fig. on page 38), а также широко представлены на других поселениях эпохи бронзы Маргианы (Сарианиди 1990: табл. IV, 1–4).

²⁸ <http://www.webmineral.ru/minerals/item.php?id=2197>

- Дубова 2008 — *Дубова Н. А.* Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура // ТМАЭ. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 94–104.
- Егорьков 2001 — *Егорьков А. Н.* Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 85–103 (МЮТАКЭ. Вып. 5).
- Кирчо 1983 — *Кирчо Л. Б.* Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979–1980 гг. // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 68–76.
- Кирчо 1986 — *Кирчо Л. Б.* Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе) // Древние цивилизации Востока. Ташкент: ФАН, 1986. С. 137–146.
- Кирчо 1990 — *Кирчо Л. Б.* Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. 1990. № 3. С. 176–183.
- Кирчо 2001 — *Кирчо Л. Б.* Металлические изделия Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 60–84 (МЮТАКЭ. Вып. 5).
- Кирчо 2005а — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Кирчо 2005б — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе // Там же. Ч. 2, гл. 1. С. 315–323.
- Кирчо 2007 — *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.
- Кирчо 2009а — *Кирчо Л. Б.* Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 25–33.
- Кирчо 2009б — *Кирчо Л. Б.* Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. // STRATUMplus. 2009. № 2. С. 377–395.
- Кирчо 2009в — *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 50 с.
- Кирчо, Ковнурко 1999 — *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии // АВ. 1999. № 6. С. 76–85.
- Кирчо, Ковнурко 2003 — *Кирчо Л. Б., Ковнурко Г. М.* Престижно-культурные предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // АВ. 2003. № 10. С. 108–113.
- Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).
- Климкин 2004 — *Климкин А.* Материалы для каменных изделий из Гонура // У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 316.
- Коробкова 2001 — *Коробкова Г. Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 146–212 (МЮТАКЭ. Вып. 5).
- Масимов 1976 — *Масимов И. С.* Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1976. 112 с.
- Массон 1956 — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. Т. 7. С. 291–372.
- Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. Т. 10. С. 319–463.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (ТЮТАКЭ. Т. 18).
- Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 384 с.
- Массон, Сарияниди 1973 — *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, 1973. 209 с., 44 табл. ил.
- Писарева 2012 — *Писарева С. А.* Результаты исследования состава материалов археологических образцов из раскопок Гонур Деде // Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 192–198 (ТМАЭ. Т. 4).
- Раззоков 2008 — *Раззоков А.* Саразм (Орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе: Эчод, 2008. 136 с.
- Саразм 2006 — Саразм / А. Р. Раззоков, Г. Р. Каримова, Ш. Курбанов, С. Г. Бобомуллоев (ред.). Душанбе: Эчод, 2006. 96 с.
- Самсонов, Туринге 1985 — *Самсонов Я. П., Туринге А. П.* Самоцветы СССР. М.: Недра, 1985. 335 с.
- Сарияниди 1964 — *Сарияниди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарияниди 1965 — *Сарияниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (САИ. Вып. БЗ-8, ч. 4).

- Сарианиди 1976 — *Сарианиди В. И.* Южный Туркменистан в эпоху бронзы // *Первобытный Туркменистан*. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 315 с.
- Сарианиди 2001 — *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир медиа, 2001. 246 с.
- Сарианиди 2002 — *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ashgabat: Türkmenöwlethabarlary, 2002. 360 с.
- Терехова 1975 — *Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Дис. ... канд. ист. наук. // *НОА ИА РАН*, ф. 1, р. 2, № 2199.
- Терехова 2001 — *Терехова Н. Н.* Техника металлообработки на поселении Алтын-депе // *Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла*. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 104–117 (МЮТАКЭ. Вып. 5).
- Удеумурадов 1993 — *Удеумурадов Б. Н.* Алтын-депе и Маргиана: Связи, хронология, происхождение. Ашхабад: Ылым, 1993. 148 с.
- Хлопин 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997. 302 с. (ТЮТАКЭ. Т. 20).
- Шаровская 2002 — *Шаровская Т. А.* Технология изготовления алебастровых сосудов // *Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова*. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 252–253.
- Шаровская 2008 — *Шаровская Т. А.* Экспериментально-трассологическое изучение пряслиц и «наверший» из неолитических слоев поселения Алтын-депе // *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технико-технологический потенциал неолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. Приложение 3. С. 365–370.
- Щетенко 1968а — *Щетенко А. Я.* Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе // *КД*. 1968. Вып. 1. С. 18–29.
- Щетенко 1968б — *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе // *КД*. 1968. Вып. 2. С. 18–29.
- Щетенко 1970 — *Щетенко А. Я.* Раскопки мелких поселений эпохи бронзы // *КД*. 1970. Вып. 3. С. 33–50.
- Юминов 2012 — *Юминов А. М.* Мозаичные вставки из гробницы 3915 // *Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг.* М.: Старый сад, 2012. С. 189–191 (ТМАЭ. Т. 4).
- Amiet 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux, 1986. 332 p. (Notes et documents des musées de France. 11).
- Amiet, Tosi 1978 — *Amiet P., Tosi M.* Phase 10 at Shahri Sokhta: Excavations in square XDV and the late 4th millennium B. C. Assemblage of Sistan // *East and West*. 1978. Vol. 28, nos. 1–4. P. 9–31.
- Bendezu-Sarmiento 2013 — *Bendezu-Sarmiento J.* Archéologie funéraire et bio-anthropologie à Ulug dépé et Dzharkutan. Age du bronze au Turkménistan et en Ouzbékistan // *L'archéologie française en Asie Centrale*. Paris; Bichkek; Kabul: De Boccard, 2013. P. 501–532 (Cahiers d'Asie Centrale. 21/22).
- Casal 1961 — *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961. Vol. 1–2. 260 p., 140 figs et 45 pls. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Casanova 1991 — *Casanova M.* La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires av. J.-C. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. 112 p., 12 figs et 11 pl.
- Constantini et al. 2009 — *Constantini L., Helali Esfahani H., Sajjadi S. M. S.* Textile remains from Shahr-i Sokhta. Tehran: Cultural Heritage, Handcrafts and Tourism Organization of Sistan and Baluchistan, 2009. 64 p.
- Dyson, Thornton 2009 — *Dyson R. H., Thornton C. P.* Shir-i Shian and the fifth-millennium sequence of Northern Iran // *Iran*. 2009. No. 47. P. 1–22.
- Jarrige, Lechevalier 1979 — *Jarrige J.-F., Lechevalier M.* Excavations at Mehragh, Baluchistan: Their significance in the Prehistorical context of the Indo-Pakistan borderlands // *South Asian Archaeology 1977*. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. Vol. 1. P. 463–535.
- Kenoyer 1997 — *Kenoyer J. M.* Trade and technology in the Indus Valley: new insights from Harappa, Pakistan // *World Archaeology*. 1997. Vol. 29 (2). P. 262–280.
- Kircho 1985 — *Kircho L. B.* Cultural development in formative period of early urban civilization // *Man and Environment*. Poona, 1985. No. 9. P. 113–122.
- Kircho 1988 — *Kircho (Kirčo) L. B.* The beginning of the Early Bronze Age in Southern Turkmenia on the basis of Alтын-депе materials // *East and West*. 1988. Vol. 38, nos. 1–4. P. 33–64.
- Kohl 2001 — *Kohl Ph. L.* Reflections on the production of chlorite at Tepe Yahya: 25 years later // *Lamberg-Karlovsky C. C., Pots D. T.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1975. The third millennium. Cambridge, Massachusetts: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 2001. P. 209–230 (American School of Prehistoric Research. Bulletin 45).
- Lal 1997 — *Lal B. B.* The earliest civilization of South Asia (Rise, maturity and decline). New Delhi: Aryan Books International, 1997. 330 p.
- Lamberg-Karlovsky 1970 — *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969. Cambridge, Massachusetts: Harvard University printing office, 1970. 134 p.

- Lamberg-Karlovsky, Tosi 1973 — *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i Sokhta and Tepe-Yahya: Tracks on the earliest history of the Iranian plateau // *East and West*. 1973. Vol. 23, nos. 1–2. P. 15–23.
- Lecomte 2011 — *Lecomte O.* Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // *Historical and cultural sites in Turkmenistan*. Ashgabat: Turkmen state publishing service, 2011. P. 221–237.
- Les cités oubliées de l'Indus... — *Les cités oubliées de l'Indus*. *Archeologie du Pakistan* / J.-F. Jarrige (ed.). Paris: Association Française d'Action Artistique, 1988. 208 p.
- Mariani, Tosi 1987 — *Mariani L., Tosi M.* L'universo familiare a Shahr-I Sokhta attraverso le attività domestiche e le strutture residenziali // *Orientalia Josephi Tucci Memoriale Dicata*. Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1987. P. 854–879, tav. I–XXXII (Serie Orientale Roma. Vol. 56, 2).
- Masson, Sarianidi 1972 — *Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London: Tames & Hudson, 1972. 219 p.
- Perrot, Madjizadech 2003 — *Perrot J., Madjizadech Y.* Découvertes récentes à Jiroft (Sud du plateau iranien) (note d'information) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2003 (147e année). No. 3. P. 1087–1102.
- Piperno, Salvatori 2007 — *Piperno M., Salvatori S.* The Shahr-i Sokhta graveyard (Sistan, Iran). Excavation campaigns 1972–1978. Roma: ISIAO, 2007. 390 p. (CSRA. R. & M. NS. Vol. 6).
- Piperno, Tosi 1975 — *Piperno M., Tosi M.* The graveyard of Shahr-i Sokhta, Iran // *Archaeology*. 1975. Vol. 28, no. 3. P. 186–197.
- Rao 1985 — *Rao S. R.* Lothal. A Harappan port town. 1955–62. New Delhi: Archaeological Survey of India, 1985. Vol. 2. 712 p., 304 pl.
- Sajjadi 2003 — *Sajjadi S. M. S.* (with contributions by F. Foruzanfar, R. Shirazi and S. Baghestani). Excavations at Shahr-i Sokhta. First preliminary report of the excavations of the graveyard 1997–2000 // *Iran*. 2003. Vol. 41. P. 21–97.
- Sajjadi 2007 — *Sajjadi S. M. S.* Excavations at Shahr-e Sukhth: graveyard 1997–2000 preliminary report 1. Tehran: Cultural and Communication Vise Directorate Central Office of Cultural Affairs, 2007. 706 p.
- Sajjadi 2012 — *Sajjadi S. M. S.* Excavations at Shahr-i Sokhta. 3rd edition. Tehran: Cultural Heritage, Handcrafts and Tourism Organization of Sistan and Baluchistan, 2012. 197 p.
- Salvatori, Vidale 1997 — *Salvatori S., Vidale M.* Shahr-i Sokhta 1975–1978: Central quarters excavations. Preliminary report. Roma: ISIAO, 1997. 185 p. (CSRA. R. & M. SM. Vol. 1).
- Sarianidi 2007 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. 2nd ed. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe-Hissar Damghan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.
- Tosi 1969 — *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the Second campaign, September–December 1968 // *East and West*. 1969. Vol. 19, nos. 3–4. P. 109–122.
- Tosi 1983 — *Tosi M.* Development, continuity and cultural change in the stratigraphical sequence of Shahr-i Sokhta // *Prehistoric Sistan*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1983. Vol. 1. P. 127–180.
- Vidale 1990 — *Vidale M.* Early Harappan steatite, faience and paste beads in a necklace from Mehrgarh-Nausharo // *East and West*. 1990. Vol. 39, nos. 1–4. P. 291–300.
- Vidale 2000 — *Vidale M.* The Archaeology of Indus crafts. Indus craftspeople and why we study them. Rome: ISIAO, 2000. 165 p. (CSRA. R. & M. SM. Vol. 4).

Stone artifacts and raw material sources in the Early Bronze Age (with particular reference to Altyn- depe, South Turkmenistan)

L. B. Kircho

The period of Early Bronze (ca. 2700/2800–2350 BC) occupies a particular place in the history of people who inhabited the southern part of Central Asia. It was during this time that the Late Eneolithic culture of local farming and stock-breeding communities gave rise to the early urban (proto-urban) culture with the level of development similar to that of the ancient Near Eastern civilizations. The present work has been carried out in the course of preparing the full publication of the excavation of Altyn-depe — one of the biggest Eneolithic and Bronze Age sites of South Turkmenistan. This paper is devoted to the stone

artifacts of the early Bronze Age (Namazga IV period), such as prestige-cult objects (seals, anthropomorphic statuettes, cosmetic vessels, lamps, mace heads), ornaments, spinning and knitting tools (spindle whorls, etc.) (fig. 1–3, 5; 6, 1), with particular attention paid to the technology of their manufacture and the sources of raw materials. It is demonstrated that in addition to pecking, niggling, scraping, grinding and polishing, the stone artifacts of the early Bronze Age were worked by sawing (fig. 6, 2, 5–7) and drilling (fig. 4; 6, 4) with diverse rotating tools. In the middle of the period under consideration, the technology of making artificial high-temperature minerals was borrowed by the Altyn-depe craftsmen from India and applied to local materials. The complicated, multistage process of manufacture, the use of variable implements and the high-temperature technology, as well as the high artistic level of the Namazga IV stone articles show that they were produced by professional stonecutters. The author analyzes the stratigraphic distribution of objects made of steatite (fig. 7; 8, 9) and honey-yellow onyx marble (fig. 8, 1–8). It is supposed that during the late Early and Middle Bronze periods these raw materials were imported from the Kerman province of southern Iran and the Karlyuk area of eastern Turkmenistan, respectively. As to red-chocolate goethite it could possibly have been brought from Mushiston in northwestern Tajikistan. The present study reveals that the Early Bronze period of South Turkmenistan witnessed an intensive development of specialized stone working techniques, caused by both the progress of production system in general and cultural-trade (?) contacts of the III millennium BC.

К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана

Ю. Г. Кутимов

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, Туркменистан, древние земледельцы, степные племена, культурные контакты, состояние археологических источников.*

Keywords: *Late Bronze Age, Turkmenistan, ancient farmers, steppe tribes, cultural contacts, state of archaeological record.*

Проблема реконструкции культурных контактов степных и оседло-земледельческих племен в эпоху поздней бронзы на территории современного Туркменистана представляет собой один из дискуссионных вопросов в области изучения древних культур бронзового века Средней Азии.

Данная работа посвящена двум научным гипотезам, неоднократно обсуждаемым в научной литературе второй половины XX в. Одна из них — гипотеза гибели местной оседло-земледельческой культуры эпохи Намазга VI в связи с проникновением в древнеземледельческие оазисы юга Туркмении из степной зоны Евразии многочисленных и воинственных кочевых племен, разрушивших поселения культуры Намазга VI и тем самым спровоцировавших ее упадок. Вторая гипотеза, логически связанная с первой, говорит об участии тех же степных племен в сложении культуры Яз I, сменившей культуру Намазга VI на рубеже II и I тыс. до н. э. Основой для сложения данных гипотез, получивших в свое время широкую поддержку со стороны многих исследователей, стал факт появления в глубинных южных районах Средней Азии племен евразийских степных культур, подтверждаемый находками археологических материалов степного типа на территории Туркменистана.

Как показывают археологические источники, процесс проникновения на территорию Средней Азии степных племен андроновской и срубной культурных общностей начинается во второй четверти II тыс. до н. э. Основная территория обитания срубного и андроновского населения в древности занимала почти всю современную степную и лесостепную зону Евразии — от бассейна Днепра на западе до среднего течения Иртыша на востоке, охватывая практически все Волго-Уральское междуречье, а также Северный и Центральный Казахстан. В хозяйственной деятельности степных племен данного круга преобладало пастушеское скотоводство, условия ведения которого стали причинами для широкомасштабных миграционных передвижений степного населения, связанных с поиском и освоением новых территорий. Начиная с конца первой четверти II тыс. до н. э. отдельные племенные группы скотоводческого населения срубной и андроновской культур выходят за пределы своей исконной степной зоны обитания и постепенно осваивают Южное Зауралье, Западную и Южную Сибирь, а также Среднюю Азию.

На территории Средней Азии археологические комплексы степного типа эпохи поздней бронзы, помимо Туркменистана, известны в различных регионах: на территории Узбекистана — в Южном Приаралье, где были открыты и исследованы памятники тазабагъябской культуры, происхождение которой связано с андроновской и срубной культурами (Итина 1961; 1977; Виноградов и др. 1986), в долине Заравшана (Аскарлов 1962; Гулямов и др. 1966; Аванесова, Джуракулова 2008), в Ташкентском оазисе (Оболдуева 1955) и Ферганской долине (Горбунова 1995); на территории Южного и Юго-Западного Таджикистана (Мандельштам 1968; Пьянкова 1989; 1999; Виноградова 2004); в Северном, Северо-Западном и Юго-Восточном Кыргызстане (Бернштам 1952; Кожемяко 1960; Абетеков 1963; Галочкина 1977), а также в некоторых других районах Средней Азии.

Подробная информация о памятниках степной бронзы на территории Средней Азии собрана в работах Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1994; 2008).

Территория современного Туркменистана в эпоху поздней бронзы являлась самой крайней южной областью миграционного продвижения северных степных племен в Среднюю Азию. Немалое количество обнаруженных здесь археологических материалов степного типа, в число которых входят погребальные комплексы, находки керамики и металлических изделий, демонстрирует, что в эпоху поздней бронзы степные племена стремились широко освоить внутренние районы Средней Азии. Многочисленные находки материалов степного типа в непосредственной близости от земледельческих поселений эпохи Намазга VI, а в ряде случаев — в культурных слоях самих поселений, обнаруживают достаточно интенсивный характер культурных контактов между пришлыми степными и местными оседлыми племенами.

Один из первых памятников, на котором были найдены материалы степного типа, расположен недалеко от Ашхабада. Это древнеземледельческое поселение Анау, исследованное в начале XX в. американской экспедицией под руководством геолога и географа Р. Пампелли (Pumpelly 1908). Раскопки Анау вел немецкий археолог Х. Шмидт. В нижних слоях Южного холма им обнаружены несколько фрагментов керамической посуды степного облика (Schmidt 1908: 143, tabl. XV, 7–9).

В 1930–1940-е гг. археологические исследования на территории Туркменистана проводились силами Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР. В 1937 г. была создана Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, в 1946 г. начала свою деятельность Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, а в 1951 г. в структуре Академии наук Туркменистана был открыт Институт истории, археологии и этнографии. Во второй половине 1940–1950-х гг. начались планомерные ширококомасштабные археологические работы, ставившие задачей комплексное изучение памятников различных эпох древней истории Туркменистана.

Благодаря работам Б. А. Куфтина, В. М. Массона, А. Ф. Ганялина, А. А. Марущенко и других археологов, керамика степного облика была обнаружена в верхних слоях древнеземледельческих поселений эпохи поздней бронзы подгорной полосы Копетдага — Намазга-депе, Теккем-депе, Елькен-депе, Серманча-депе, а также в культурных слоях некоторых древнеземледельческих поселений дельты Мургаба — Тахирбай 3, Аучин-депе и других. Большое количество степной керамики археологи собрали с поверхности древних стоянок, цепочкой протянувшихся вдоль русла Узбоя до Красноводского п-ова, а также на стоянках у древних колодцев, расположенных в дельте Мургаба (Куфтин 1954: 25; Ганялин 1956: 86; Толстов 1958: 57; Итина 1958: 274; Марущенко 1959: 60; Массон 1959: 116). Наиболее полная сводка археологических комплексов степного типа, открытых на территории Туркмении в 1930–1950-е гг., опубликована Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1964).

В последующие десятилетия число находок степного типа эпохи поздней бронзы на территории Туркмении возросло. В середине 1960-х гг. в северо-западных районах Туркменистана А. М. Мандельштам исследовал курганные могильники, оставленные степными (срубными) племенами (Мандельштам 1966; 1967). Большое количество керамики степного облика археологи обнаружили при исследовании древнеземледельческих оазисов дельты Мургаба в Юго-Восточном Туркменистане. Степная керамика здесь представлена главным образом подъемными сборами с поверхности разветвленных стоянок, окружающих древнеземледельческие поселения, а также находками на поселениях Аучин 1, 7, 10, 11, 12, 16; Аджик-Куи 8; Тахирбай 3, 11, 12, 13, 14; Гонур 1; Тоголок 1, 2, 8, 12, 13; Таип 1 и некоторых других (Сарианиди 1975; 1990; Масимов 1979; Кузьмина, Ляпин 1984; P'iankova 1993). В конце 1990-х гг. итальянскими археологами была опубликована сводная карта археологических памятников древней дельты Мургаба, на которой указаны открытые в середине 1990-х гг. новые местонахождения степной керамики (Cerasetti 1998). В подгорной полосе Копетдага новые находки степной керамики обнаружены в верхних кроющих слоях древнеземледельческих поселений Намазга-депе и Теккем-депе (Хлопина 1972; Нлорпа 1972; Щетенко, Кутимов 1999).

Металлические изделия степного типа, подавляющее число которых составляют бронзовые наконечники стрел и дротиков, на территории Туркменистана редки и представлены в основном случайными находками. Отдельные изделия из металла происходят из поселений Анау, Намазга-депе, Тахирбай 2, Яз-депе и некоторых других (Кузьмина 1966).

Таким образом, процесс проникновения степных племен в эпоху поздней бронзы на территорию современного Туркменистана в археологическом отношении фиксируется по находкам керамического материала степного облика. В общей сложности в настоящее время на территории Туркменистана известно более 25 пунктов местонахождений степной керамики эпохи поздней бронзы, а также более 10 пунктов находок металлических изделий этого же времени.

Земледельческие цивилизации эпохи энеолита-бронзы, памятники которых расположены в различных районах современного Туркменистана, имеют древнюю историю, уходя корнями в эпоху неолита, время перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Возникнув в конце VII–VI тыс. до н. э. (джейтунская культура), земледельческие поселения развиваются, численность населения постепенно растет, осваиваются новые территории обитания. В эпоху энеолита совершенствуются навыки гончарства и обработки земли, происходит становление придомного скотоводства. В эпоху ранней и средней бронзы, в III тыс. до н. э. (по археологической шкале хронологии данное время относится к эпохе Намазга IV и V), земледельческие цивилизации юга Туркменистана достигают пика своего развития, приобретая черты протогородов (Алтын-депе). Однако в эпоху поздней бронзы начиная со II тыс. до н. э. (время Намазга VI) происходит спад в развитии местной земледельческой культуры: жизнь на поселениях постепенно угасает, численность населения значительно уменьшается, сокращаются территории поселений. По мнению ряда исследователей, в это время происходит отток части земледельческого населения из подгорной полосы Копетдага в другие районы Средней Азии — в Юго-Восточный Туркменистан (область древней дельты Мургаба), где формируется мургабский вариант культуры Намазга VI, а также в южные районы современного Узбекистана и северные районы Афганистана, где образуются местные комплексы земледельческого типа эпохи поздней бронзы, родственные культуре Намазга VI (сапаллинская и дашлинская культуры) (Массон 1959: 23; 1966б: 169, 170; 1981: 130; Масимов 1979: 126; Хлопин 1988: 65, 67, 68; Аскаров 1977: 112; 1989: 160).

Каковы же были причины для столь глубоких изменений в жизни древнеземледельческих племен, обитавших в период Намазга VI на территории современного Туркменистана?

Исходя из находок в данном регионе степной керамики, многие исследователи связывали причину исчезновения культуры Намазга VI с приходом из степной зоны Евразии воинственных кочевников, которые завоевали местные земледельческие племена. Эта точка зрения возникла еще в начале XX в., когда обнаруженная в верхних слоях Южного холма поселения Анау керамика типа Яз I была охарактеризована Р. Пампелли как «варварская», а ее появление связано с проникновением в земледельческий оазис пришлого «варварского» населения и наступлением «периода варварской оккупации» (Pumpelly 1908: 49). Впоследствии данная гипотеза была поддержана различными исследователями. А. А. Марущенко считал, что старая местная земледельческая культура смешалась с элементами пришлой скотоводческой, которые постепенно, к концу II тыс. до н. э., ассимилируют старую культуру и варваризируют ее (Марущенко 1956: 9). А. Ф. Ганялин, также указывая на образование новой археологической культуры, являющейся синтезом местной земледельческой и пришлой скотоводческой, говорил о гибели вообще всей местной древнеземледельческой культуры в последней четверти II тыс. до н. э. (Ганялин 1956: 84–86). Одна из крупнейших специалистов в области изучения памятников степного типа эпохи бронзы на территории Средней Азии Е. Е. Кузьмина, опираясь на свидетельства пожарища на древнеземледельческом поселении Теккем-депе, где керамика степного облика на одном из участков раскопок была найдена над слоем пепла (раскопки А. Ф. Ганялина), делает вывод о том, что вторжение с севера кочевников-скотоводов спровоцировало гибель культуры земледельцев (Кузьмина 1964: 150; 1994: 239; Виноградова, Кузьмина 1986: 131).

Более того, по мнению исследователей, проникновение степных племен на территорию современного Туркменистана в эпоху поздней бронзы способствовало не только возможной гибели древнеземледельческой цивилизации эпохи Намазга VI, но и формированию принципиально новых в культурном отношении комплексов типа Яз I, сложение которых происходит на рубеже II и I тыс. до н. э. Стратиграфические наблюдения раскопок комплексов культуры типа Яз I на территории Южной Туркмении показали, что во всех случаях ее материалы перекрывают слои позднего Намазга VI. Эпоха Яз I характеризуется как период дальнейшего развития оседло-земледельческих общин Южного Туркменистана (Массон 1959: 91). Однако комплексы этого вре-

мени существенно отличаются от комплексов времени Намазга VI, что дало основание связать происхождение культуры Яз I либо с приходом на данную территорию нового населения, либо с трансформацией предшествующей ей культуры позднего Намазга VI под воздействием северных степных племен. Одним из наиболее характерных признаков, отличающим комплексы типа Яз I от комплексов Намазга VI, является лепная керамика высокого качества изготовления. Керамика украшена расписным орнаментом, выполненным красно-коричневой краской по зеленовато-белому фону. В орнаментальных композициях преобладают различные геометрические фигуры — треугольники, ромбы, пирамиды, заштрихованные косой сеткой. Ведущая форма сосудов — полусферическая чаша с расписным фризом.

Естественно, что керамическая посуда такого типа существенно отличалась от предшествующей и выглядела довольно неожиданно на фоне керамики типа Намазга VI. Очевиден явный разрыв с намазгинскими культурными традициями, но каковы причины этого разрыва? В историографии вопроса происхождения комплексов типа Яз I существуют несколько различных точек зрения, однако наибольшее число сторонников получила гипотеза о появлении северных степных племен и синтеза их с местной земледельческой культурой. Как уже отмечалось, идея о приходе кочевых племен и, как следствие этого, резкой смене древнеземледельческой культуры на юге Туркменистана была предложена в начале XX в. американским ученым Р. Пампелли (Pumpelly 1908: 49). В середине 1950-х гг. эту гипотезу стал развивать В. М. Массон, сделав предположение о том, что основной орнаментальный мотив керамики типа Яз I — заштрихованный треугольник — можно сопоставить с треугольными мотивами андроновской керамики (Массон 1956б: 313). В дальнейшем В. М. Массон отказался от такого сравнения, не отрицая, впрочем, возможного факта влияния степных племен на местную земледельческую культуру (Массон 1959: 121; 1966а: 189). Однако данная идея получила широкую поддержку в работах других исследователей. Вслед за В. М. Массоном близкое сходство орнаментации керамики типа Яз I и посуды степных племен видели С. П. Толстов и М. А. Итина, отмечая, что культура Яз I может быть новой ступенью развития степных племен, пришедших в дельту Мургаба с севера и смешавшихся с местными земледельцами (Толстов, Итина 1960: 31–32). В. А. Алёшкин полагает, что появление земледельческих комплексов типа Яз I происходит на фоне интенсивных контактов степного и земледельческого населения и формирование язовских комплексов, видимо, совершилось не без участия северных степных племен (Алёшкин 1989: 156). Аналогичные соображения о возможном участии степных племен в сложении комплексов типа Яз I в разные годы высказывались А. А. Аскарковым, М. А. Итиной, Н. М. Виноградовой (Аскарков 1979: 36, 37; Итина 1986: 135; Виноградова 1987: 87–88). Ю. А. Заднепровский говорил об интеграции местных намазгинских земледельцев с андроновцами, вследствие чего возникла культура Яз I, в которой андроновский компонент был полностью ассимилирован (Заднепровский 1994: 25–26). Е. Е. Кузьмина, подчеркивая, что в керамике типа Яз I сохраняются некоторые черты, типичные для степной керамики (налепные валики, косые насечки и т. д.), говорит о существенной роли степных племен в сложении культуры «эпохи варварской оккупации» (Кузьмина 1966: 155). По ее мнению, практически все металлические изделия «общности лепной расписной керамики» имеют степное происхождение и могут быть типологически связаны с саргаринско-алексеевской традицией металлопроизводства (Кузьмина 2008: 318–320). Формирование комплексов Яз I происходило в результате «перехода кочевников к оседлому образу жизни, восприятию местной материальной культуры <...> Период Яз I демонстрирует уже следующий этап: когда процесс синтеза двух этнических групп уже завершился и происходит сложение новой культуры» (Там же: 321).

Предлагая собственную оценку вопросам культурных контактов степного и земледельческого населения в эпоху поздней бронзы на территории современного Туркменистана, мы хотим рассмотреть данную проблему в контексте интерпретационных способов изучения археологического материала, в данном случае — керамики степного облика.

Основным археологическим материалом, на котором строились гипотезы о гибели древнеземледельческой цивилизации эпохи Намазга VI вследствие проникновения на территорию степных племен и их участия в сложении комплексов типа Яз I, является керамика степного типа, многочисленные находки которой в непосредственной близости и отчасти даже в культурных

слоях некоторых древнеземледельческих поселений привели исследователей к такого рода заключениям.

Культурная атрибуция керамики степного облика Туркменистана в разные годы носила различный характер: исследователи определяли ее принадлежность как андроновско-тазабагъябскую (Массон 1956а: 251; Ганялин 1956: 86), андроновскую (Латынин 1958: 48; Массон 1959: 116; Аскарлов 1962: 37; Сарияниди 1975: 25; 1990: 63), тазабагъябскую (Гулямов и др. 1966: 218–219; Итина 1959: 53; 1961: 73; Толстов, Итина 1960: 29), срубно-андроновскую (Кузьмина 1964: 152–154; Марущенко 1956: 9) либо же срубную (Виноградова, Кузьмина 1986: 131; Кузьмина 1988: 49, 54; 1994: 231).

Одна из причин, которая привела многих исследователей к выводам о гибели древнеземледельческой цивилизации эпохи Намазга VI и сложении культуры Яз I в связи с появлением степных племен, заключается в несколько унифицированном подходе к проблеме культурной атрибуции керамических материалов степного типа, обнаруженных на территории Туркменистана. Определение культурной принадлежности степной керамики эпохи поздней бронзы Туркменистана на протяжении всей второй половины XX в. практически не имело дифференцированного характера, что выражалось в слабом разграничении различных культурных традиций. В работах практически всех исследователей, посвященных вопросам культурной атрибуции степных комплексов Средней Азии, преобладала тенденция к унификации степной керамики эпохи поздней бронзы Туркменистана, что позволяло считать эту керамику в культурном и хронологическом плане однородной по всему ареалу ее распространения — на территории не только Туркменистана, но и в целом всей Средней Азии (например, тазабагъябской — М. А. Итина, А. А. Аскарлов; андроновской — В. М. Массон, В. И. Сарияниди; срубной — Е. Е. Кузьмина).

Круг проблем, связанных с вопросами культурной атрибуции керамики степного облика эпохи поздней бронзы Туркменистана, был ранее рассмотрен автором данной статьи (Кутимов 1999). Результаты сравнительного анализа керамического материала степного типа, обнаруженного на территории этой страны за последние несколько десятилетий, позволили сделать несколько заключений. В Туркменистане выделяются две основные области распространения керамики степного облика. Первая область включает северо-западные и южные районы страны, где практически вся масса степной керамики относится к саргаринско-алексеевской культурной традиции. Вторая область охватывает юго-восточные районы Туркменистана (древнюю дельту Мургаба), где в разном количественном соотношении известны срубные, алакульские, тазабагъябские и федоровские керамические комплексы. В типологическом отношении степная керамика Туркменистана неоднородна по составу (срубный, андроновский или тазабагъябский). Локально здесь выделяются различные культурные комплексы — срубные, алакульские, тазабагъябские, федоровские и саргаринско-алексеевские, появление которых на территории этой страны относится к различным хронологическим этапам существования племен степной зоны Евразии (Там же: 322).

Как показал сравнительный анализ, неоднородность керамического материала степного облика Туркменистана выражается главным образом в особенностях территориального распространения находок керамики того или иного культурного типа, а также в ее количественном соотношении.

Количество находок керамики срубной и федоровской культурных традиций на территории Туркменистана столь незначительно, что в данном случае можно уверенно говорить только о небольших инфильтрациях отдельных племен степного населения этих культур в древнеземледельческие оазисы эпохи Намазга VI. Керамика срубного типа (целый сосуд и отдельные фрагменты) была обнаружена на поселениях Таип-депе и Тоголок I в древней дельте Мургаба (Масимов 1979: 121, рис. 6, 32; P'iankova 1993: 115–116, fig. 5). О присутствии федоровских племен на этой территории в эпоху поздней бронзы говорят лишь единичные находки федоровской керамики на ряде развешенных стоянок в дельте Мургаба (Cerasetti 1998: pls. II, 12; III, 24).

Наибольшее число находок керамики степного типа в древнеземледельческих оазисах дельты Мургаба относится к тазабагъябской культурной традиции. Тазабагъябская керамика была здесь собрана с поверхности такыров, окружавших поселения Аучин I, 11, 12, Тахирбай 3, 13, 15 и некоторые другие, а также на развешенных стоянках вокруг поселений и около древних колодцев

(Массон 1959: 27, табл. XI; Сарияниди 1975: 21–25, рис. 1–5; 1990: 12, табл. XII, 14, 15; Кузьмина, Ляпин 1984: 6–14, рис. 1, 2; Cerasetti 1998: 67–74, pls. I–IV).

Основная масса керамики алакульской культурной традиции также обнаружена на юго-востоке Туркменистана, в древней дельте Мургаба. Алакульская керамика здесь была найдена поблизости от древнеземледельческих поселений Гонур-депе, Аучин, Тахирбай, Тоголок, Таип и других (Масимов 1979: 121, рис. 6, 30, 31, 33–36; Кузьмина 1994: 231, рис. 50; Cerasetti 1998: pl. III, 17–19). В культурном слое поселения Тахирбай 3 найден археологически целый сосуд алакульского типа (Сарияниди 1975: 24, рис. 4, 8). В предгорной части Копетдага несколько черепков алакульской керамики обнаружены на поселении Анау, а также в нижних слоях поселения Теккем-депе (Schmidt 1908: 143, pl. 15, 7, 8, 9; Щетенко, Кутимов 1999: 120, рис. 6, 1, 2).

Наибольшее количество степных комплексов, обнаруженных на территории Туркменистана, относятся к саргаринско-алексеевскому этапу развития андроновской культурной общности. Керамика саргаринско-алексеевского типа была найдена в верхних кроющих слоях поселений подгорной полосы Копетдага времени Намазга VI — Анау, Намазга-депе, Теккем-депе, Елькен-депе, Серманча-депе, а также на ряде стоянок степных племен, расположенных здесь же. Наряду с находками на поселениях значительное число саргаринско-алексеевской керамики собрано с развеевских стоянок в северо-западных районах Туркменистана — у Кызыл-Арвата, на Среднем и Нижнем Узбое и далее на стоянках, протянувшихся цепочкой вплоть до Красноводского п-ова (Куфтин 1954: 25; Ганялин 1956: 84–86, рис. 9, 1–4; Марущенко 1959: 60, табл. V; Кузьмина 1964: 142–144, рис. 2, 3; 1994: 231, рис. 49, 50, 52; Хлопина 1972: 60–61, рис. 1, 3; Щетенко, Кутимов 1999: 115–119, рис. 5, 6; Нлорина 1972: 211, fig. 9). На территории Юго-Восточного Туркменистана (в дельте Мургаба) известны лишь единичные находки керамики саргаринско-алексеевского облика (Кузьмина, Ляпин 1984: 14–15; Кутимов 1999: 315, 321).

Таким образом, количественное соотношение керамических материалов степного облика и географические ареалы их распространения указывают, что проникновение степных племен того или иного культурного типа в эпоху поздней бронзы на территорию современного Туркменистана носило различный характер.

Большинство археологических комплексов степного типа эпохи поздней бронзы на территории Туркменистана относится к андроновской культурной традиции. Здесь представлены материалы трех культурно-хронологических этапов развития андроновской общности: алакульской, федоровской и саргаринско-алексеевской.

В алакульское время (XVII–XVI вв. до н. э.) андроновское присутствие фиксируется большей частью на территории Юго-Восточного Туркменистана, а именно в древнеземледельческих оазисах дельты Мургаба. Небольшое количество керамики алакульского типа, обнаруженной на поселениях Анау и Теккем-депе, указывают лишь на незначительное проникновение алакульских племен в другие области современного Туркменистана.

Для федоровского времени (XV в. до н. э.) пока известны лишь единичные находки андроновской керамики на ряде стоянок, оставленных степными племенами в дельте Мургаба. По всей видимости, территория современного Туркменистана в эпоху поздней бронзы не представляла значительного интереса для племен федоровской культуры. Как показывают материалы археологических исследований других областей Средней Азии, основные миграционные пути федоровских племен лежали восточнее территории современного Туркменистана. Большинство археологических памятников федоровского типа в Средней Азии концентрируется на территории Кыргызстана и Таджикистана.

В саргаринско-алексеевское время (XIV–XIII вв. до н. э.) андроновские племена широко осваивают практически всю территорию Северо-Западного и Южного Туркменистана. Дельта Мургаба в этот период, судя по незначительному числу обнаруженной здесь керамики этого типа, не входила в зону интереса степных племен данного круга. Их миграционное движение, главным образом, было направлено к древнеземледельческим оазисам подгорной полосы Копетдага времени позднего Намазга VI.

Археологические материалы демонстрируют основной интерес племен тазабагъябской культуры (конец XVI–начало XV в. до н. э.), равно как и для родственных им племен алакульской культурной общности к древнеземледельческим оазисам дельты Мургаба, где отмечается наибольшая

концентрация находок керамики тазабагъябского типа. То же самое можно сказать и в отношении степных племен срубной культуры (XVIII–XVI вв. до н. э.), присутствие которых в непосредственной близости от древнеземледельческих поселений на территории современного Туркменистана фиксируется лишь по единичным находкам керамики срубного типа на памятниках древней дельты Мургаба.

Трудно сказать, являлось ли на самом деле вторжение степных племен главенствующим фактором упадка местных земледельческих культур. Возможно, что окончательному исчезновению земледельческого населения действительно способствовало появление пришлых степных племен. С одной стороны, уровень жизнедеятельности на поселениях значительно снижается, и в этом, несомненно, кроется какая-то причина. Но с другой стороны, можно ли найти этому объективные доказательства, исходя из представленного здесь археологического материала? В срубное, алакульское и тазабагъябское время (XVIII–XV вв. до н. э.) отмечается лишь незначительное проникновение отдельных небольших групп степного населения на территорию современного Туркменистана. Степная керамика в дельте Мургаба в массе своей была собрана с поверхности развееванных стоянок, окружавших древнеземледельческие поселения. Непосредственно в культурных слоях поселений найдены лишь единичные образцы керамики степного облика. Массовая экспансия степных племен в эти края начинается только в саргаринско-алексеевское время (XIV–XIII вв. до н. э.), при этом областью их интереса являлась уже не дельта Мургаба, а древнеземледельческие оазисы подгорной полосы Копетдага. На поселениях эпохи Намазга VI саргаринско-алексеевская керамика обнаружена в верхних, кроющих слоях. Таким образом, появление степных саргаринско-алексеевских племен относится к заключительному этапу развития земледельческих культур эпохи Намазга VI, когда жизнедеятельность на поселениях достигла стадии регресса.

В. А. Алёшкин на основании обстоятельного анализа данных стратиграфии древнеземледельческих поселений Теккем-депе и Намазга-депе, опубликованных А. Я. Щетенко (Щетенко 1999; 2000; 2002; 2006), пришел к выводу, что степная керамика саргаринского типа находится только в самых верхних кроющих слоях этих поселений — горизонт Теккем 6 поселения Теккем-депе и горизонт Вышка 10 поселения Намазга-депе, поэтому степные племена появились на этих поселениях и организовали там кратковременные стоянки уже после того, как земледельцы оставили места обитания (Алёшкин 2012: 282; 2013: 124). Выводы В. А. Алёшкина могут иметь принципиальное значение для реконструкции картины культурных связей, так как предполагают возможное полное отсутствие каких-либо культурных контактов между оседлыми племенами Намазга VI и степными саргаринско-алексеевскими племенами, по крайней мере на указанных древнеземледельческих поселениях. В связи с этим весьма интересна находка из коллекции керамики степного типа древнеземледельческого поселения Теккем-депе. Это фрагмент верхней части лепного сосуда с орнаментом в виде треугольников, опущенных вершинами вниз с маленькими каплевидными насечками, расположенных вдоль внешних сторон треугольников — «бахромой». Внутреннюю и внешнюю поверхность керамического фрагмента покрывает хорошо сохранившийся ангоб (Щетенко, Кутимов 1999: 120, рис. 6, 6). Способ выделки, фактура и орнамент на данном фрагменте относятся к степной саргаринско-алексеевской традиции изготовления керамической посуды, а нанесение двустороннего ангоба — к земледельческой намазгинской. Таким образом, у нас есть данные, свидетельствующие о сосуществовании на определенном временном промежутке двух культурных традиций, результатом которого стало заимствование технических приемов изготовления посуды. Для объективной оценки стратиграфического контекста степной керамики в слоях древнеземледельческих поселений Южной Туркмении необходима более детальная информация, основанная на тщательных раскопках.

Вряд ли есть основания говорить о гибели всей земледельческой цивилизации эпохи поздней бронзы под воздействием пришлых степных племен. Последний, саргаринско-алексеевский этап миграционных передвижений степного населения хронологически совпадает с кризисом культуры оседло-земледельческих оазисов в конце периода Намазга VI. Однако постепенный упадок земледельческих цивилизаций начался еще в периоды раннего и среднего Намазга VI, когда присутствие степных племен на данной территории было незначительным. Поэтому прекращение

существования земледельческих культур типа Намазга VI в эпоху конца поздней бронзы следует объяснять другими причинами, скорее всего связанными с влиянием природно-климатических и социально-экономических факторов.

Финальная стадия эпохи Намазга VI на памятниках Туркменистана предшествует или частично синхронизируется с саргаринско-алексеевским временем. В то же время ни на одном из южнотуркменских памятников ни разу не зафиксировано совместного нахождения в одном слое степной и язовской керамики, хотя круг памятников типа Яз на территории Южной Туркмении достаточно обширен и охватывает не только ее прикопетдагскую часть, но и юго-восточные области (дельта Мургаба).

К сожалению, стратиграфических данных, которые могли объективно продемонстрировать культурно-историческую ситуацию в конце эпохи бронзы на территории Южного Туркменистана, немного. Кроме древнеземледельческого поселения Анау, где стратиграфическая шкала недостаточно информативна, сплошная стратиграфическая колонка слоев от эпохи поздней бронзы до раннего железного века имеется на поселении Елькен-депе. Слои позднего Намазга VI на данном памятнике (Елькен I) содержат керамику степного саргаринского типа в виде фрагментов посуды с прочерченным орнаментом, налепными валиками и насечками по венчику (Марущенко 1959: 60, табл. V). Слой Елькен II, в котором появляется множество лепной расписной керамики типа Яз I, не содержит керамики степного типа, хотя на отдельных фрагментах язовской (?) керамики встречаются гладкие налепные валики (Там же: 63, табл. XVIII). Слой Елькен II перекрывает слой Елькен I, при этом в основании слоя Елькен II лежит мощная платформа из глиняных кирпичей (Там же: 63). Исследователь Елькен-депе А. А. Марущенко считал, что между керамическими материалами Елькен I и Елькен II имеются параллели «несмотря на резкое отличие в общем облике» (Там же: 64).

Природные условия обитания в Средней Азии в эпоху поздней бронзы стимулировали взаимодействие земледельческого и скотоводческого населения. Кочевники, заняв удобные пастбища вблизи земледельческих оазисов, получали возможность развивать социально-экономические отношения с оседлым населением. Интенсивность и формы контактов влияли на формирование культурной среды обеих групп населения. Безусловно, степные племена в определенной степени оказали влияние на культурные процессы в конце позднего бронзового века на территории Южной Туркмении. Однако сам механизм культурной трансформации остается неясными, в первую очередь из-за недостаточности фактических материалов и малочисленности достоверных стратиграфических наблюдений. Истоки инновационной техники изготовления расписной посуды, нехарактерной как для оседло-земледельческих племен типа Намазга VI, так и степных племен, не находят объяснения в концепции слияния двух разнородных групп населения и их культурной трансформации. В связи с этим предположения, что контакты степных племен с оседло-земледельческим населением типа Намазга VI привели к сложению новой культурной группы племен лепной расписной керамики в конце позднего бронзового века на территории Южного Туркменистана, нуждаются в дополнительных обоснованиях.

Археологические факты показывают, что оседло-земледельческие и степные племена контактировали на территории Туркменистана в эпоху поздней бронзы на протяжении длительного промежутка времени (около 400 лет). Учитывая столь продолжительный период их контактов, можно было бы предполагать, что культурная трансформация, которая в итоге привела к образованию комплексов типа Яз I, могла бы произойти в более раннее время, когда земледельческие поселения Намазга VI находились еще в стадии расцвета и максимальной жизнедеятельности. Стремления степного кочевого населения к оседлому образу жизни в условиях упадка земледельческой культуры и оставления мест обитания земледельцами маловероятны.

Таким образом, вопрос об участии степных племен в сложении комплексов типа Яз I в настоящее время, ввиду объективных сложностей, вряд ли может быть решен на материалах исключительно Южной Туркмении. Проблема формирования археологических комплексов типа Яз I на территории Туркменистана должна рассматриваться в одном контексте с проблематикой происхождения общности лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы — раннего железа Средней Азии, в которую входят также комплексы чувствской культуры Ферганской долины,

бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, кучукской культуры юга Узбекистана, восточнохорасанской культуры (Тилля-тепе) Северного Афганистана. Широкое географическое распространение комплексов общности лепной расписной керамики в различных регионах Средней Азии в конце позднего бронзового века говорит о сложных культурно-исторических процессах, степень участия в которых степных племен требует всестороннего изучения.

Абетеков 1963 — *Абетеков А.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегирменсай // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 93–95.

Аванесова, Джуракулова 2008 — *Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М.* Древнейшие номады Зеравшана // Культура народов Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Самарканд: Международный Институт Центральноазиатских исследований, 2008. С. 13–33.

Алёкшин 1989 — *Алёкшин В. А.* Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит–эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 150–157.

Алёкшин 2012 — *Алёкшин В. А.* К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН; «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 278–284.

Алёкшин 2013 — *Алёкшин В. А.* Степная керамика эпохи бронзы в стратиграфическом контексте «Вышки» поселения Намазга-депе и проблема датирования периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // ЗИИМК. 2013. № 8. С. 107–129.

Аскарлов 1962 — *Аскарлов А. А.* Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1962. Вып. 3. С. 28–41.

Аскарлов 1977 — *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1977. 232 с.

Аскарлов 1979 — *Аскарлов А. А.* К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 34–37.

Аскарлов 1989 — *Аскарлов А. А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. С. 158–166.

Бернштам 1952 — *Бернштам А. М.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 348 с., вклейки (МИА. № 26).

Виноградов и др. 1986 — *Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т.* Древнейшее население низовий Амударьи. М.: Наука, 1986. 200 с. (ТХАЭЭ. Т. 15).

Виноградова 1987 — *Виноградова Н. М.* Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Узбекистана // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 76–91.

Виноградова 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. 299 с.

Виноградова, Кузьмина 1986 — *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 126–151.

Галочкина 1977 — *Галочкина Н. Г.* Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. Фрунзе: Илим, 1977. С. 30–38.

Ганялин 1956 — *Ганялин А. Ф.* Теккем-депе // ТИИАЭ. 1956. Т. 2. С. 67–86 (Материалы по археологии Туркменистана).

Горбунова 1995 — *Горбунова Н. Г.* О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 13–30.

Гулямов и др. 1966 — *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: ФАН, 1966. 268 с.

Заднепровский 1994 — *Заднепровский Ю. А.* Взаимодействие культур и цивилизаций Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 25–27.

Итина 1958 — *Итина М. А.* Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 259–310 (ТХАЭЭ. Т. 2).

Итина 1959 — *Итина М. А.* Первобытная керамика Хорезма // Керамика Хорезма. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–62 (ТХАЭЭ. Т. 4).

Итина 1961 — *Итина М. А.* Могильник бронзового века Кокча 3 // Материалы ХАЭЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 5. С. 3–96.

- Итина 1977 — *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). М.: Наука, 1977. 240 с. (ТХАЭЭ. Т. 10).
- Итина 1986 — *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент: ФАН, 1986. С. 129–137.
- Кожемяко 1960 — *Кожемяко П. Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1960. Т. 2, вып. 3. С. 81–107.
- Кузьмина 1964 — *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964. С. 141–158.
- Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 152 с. (САИ. Вып. В4-9).
- Кузьмина 1988 — *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.
- Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 461 с.
- Кузьмина 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Кузьмина, Ляпин 1984 — *Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А.* Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 6–22.
- Кутимов 1999 — *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 314–322.
- Куфтин 1954 — *Куфтин Б. А.* Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау» // Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1954. № 1. С. 22–29.
- Латынин 1958 — *Латынин Б. А.* О южных границах ойкумены степной культуры эпохи бронзы // СА. 1958. № 3. С. 46–53.
- Мандельштам 1966 — *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 105–108.
- Мандельштам 1967 — *Мандельштам А. М.* Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 61–65.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 182 с. (МИА. № 145).
- Марущенко 1956 — *Марущенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. // ТИИАЭ. 1956. Т. 2. С. 5–10 (Материалы по археологии Туркменистана).
- Марущенко 1959 — *Марущенко А. А.* Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // ТИИАЭ. 1959. Т. 5. С. 54–109 (Материалы по археологии Туркменистана).
- Масимов 1979 — *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА. 1979. № 1. С. 111–131.
- Массон 1956а — *Массон В. М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении // ТЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1956. Т. 7. С. 233–259.
- Массон 1956б — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Там же. С. 291–373.
- Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 215 с. (МИА. № 73).
- Массон 1966а — *Массон В. М.* На пороге раннеклассовых обществ. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 179–192.
- Массон 1966б — *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Там же. С. 151–178.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (ТЮТАКЭ. Т. 18).
- Оболдуева 1955 — *Оболдуева Т. Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области // КСИИМК. № 59. С. 145–149.
- Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе: Дониш, 1989. 256 с.
- Пьянкова 1999 — *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века юго-западного Таджикистана // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 286–297.
- Сарианиди 1975 — *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–29.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
- Толстов 1958 — *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949–1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–258 (ТХАЭЭ. Т. 2).
- Толстов, Итина 1960 — *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблема суярганской культуры // СА. 1960. № 1. С. 14–35.
- Хлопин 1988 — *Хлопин И. Н.* О происхождении культур эпохи бронзы южных районов Средней Азии // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1988. Вып. 15. С. 60–69.

Хлопина 1972 — *Хлопина Л. И.* Кухонная керамика времени Намазга VI (по материалам «вышки» Намазга-депе) // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 59–64.

Щетенко 1999 — *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 323–335.

Щетенко 2000 — *Щетенко А. Я.* К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций (В честь юбилея В. М. Массона). СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 127–141.

Щетенко 2002 — *Щетенко А. Я.* Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (по материалам Намазга-депе) // АВ. 2002. № 9. С. 51–64.

Щетенко 2006 — *Щетенко А. Я.* О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // ЗВОРАО. НС. 2006. Т. 2 (27). С. 317–345.

Щетенко, Кутимов 1999 — *Щетенко А. Я., Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // АВ. 1999. № 6. С. 114–123.

Cerasetti 1998 — *Cerasetti B.* Preliminary report on ornamental elements of «incised coarse ware» // The archaeological map of the Murgab delta. Roma: IsIAO, 1998. P. 67–74 (SCRA. R/ & M. SM. Vol. 3).

Hlopina 1972 — *Hlopina L. I.* Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // East and West. 1972. Vol. 22, no. 3/4. P. 199–214.

P'iankova 1993 — *P'iankova L.* Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // Information bulletin of International association for the study of the cultures of Central Asia. Moscow: Nauka, 1993. Issue 19. P. 109–127.

Pumpelly 1908 — *Pumpelly R.* Ancient Anau and the Oasis-world // Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. Vol. 1. P. 3–80 (Publications no. 73).

Schmidt 1908 — *Schmidt H.* Archaeological excavations in Anau and Old Merv // Ibid. P. 81–210.

To the question of cultural contacts between herders and farmers in the Late Bronze Age of Turkmenistan

Yu. G. Kutimov

The paper considers two hypotheses that were repeatedly discussed in the archaeological literature of the second half of the XX century. One of them is the hypothesis suggesting that the decline and demise of the sedentary farming culture of the Namazga VI period was caused by the arrival of numerous and belligerent nomadic tribes, who destroyed the Namazga VI settlements. According to the second hypothesis, logically connected with the first one, the steppe tribes participated in the formation of the Yaz I culture, which replaced Namazga VI at the turn of the II and I millennia BC. Both hypotheses, which at some point enjoyed widespread support, were based on the fact of appearance in the southern regions of Central Asia of Eurasian steppe tribes, as evidenced by the finds of steppe pottery in Turkmenistan. Throughout the whole area of its distribution, this pottery was uniformly identified by researchers as the steppe one (or Andronovo one), without further subdivision into specific cultural types. Currently these ceramic materials in Turkmenistan can be classified to a number of different of assemblages, associated with the Timber-grave, Alakul', Tazabagyab, Fedorovo, and Sargary-Alexeevka cultures. They differ both quantitatively (with Tazabagyab and Sargary-Alexeevka complexes being the richest ones) and geographically. The cultural and chronological heterogeneity of the steppe pottery materials, together with differences in their distribution over the territory of Turkmenistan, testify to rather limited and peaceful contacts between the Late Bronze Age herders and farmers. The scarcity of reliable stratigraphic observations for the Late Bronze and Early Iron Age sites, as well as the absence of transitional complexes, make it difficult to build a model of cultural transformations that had led to the formation of the Yaz I type assemblages.

Боевые топоры и их культ у древних народов Центральной Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего средневековья)¹

В. П. Никоноров

Ключевые слова: *Центральная Азия, Иран, саки, Ахемениды, парфяне, индо-саки, юечжи/тохары, кушаны, Сасаниды, Согд, Синьцзян, боевые и церемониальные топоры.*

Keywords: *Central Asia, Iran, Sakas, Achaemenids, Parthians, Indo-Sakas, Yüeh-chih/Tochari, Kushans, Sasanians, Sogdia, Xinjiang, battle and ceremonial hatchets.*

В древней истории и культуре Центральной Азии и Иранского нагорья выдающееся место принадлежало ираноязычным и тохароязычным племенам. Достаточно сказать, что первые основали четыре могущественных государства — Мидийское, Ахеменидское, Парфянское и Сасанидское, а вторые стояли у истоков еще одной крупнейшей державы — Кушанской. В повседневной жизни этих воинственных народов огромную роль играло оружие, что проявлялось не только в практике их военного дела, но и в культово-церемониальной сфере. Согласно убедительной трактовке Д. С. Раевского, персонаж в кочевническом одеянии, изображенный на реверсе большинства парфянских монет сидящим на табурете и держащим в вытянутой руке лук — грозное оружие степного воинства (вероятнее всего, это образ основателя Парфянского царства Аршака I, пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди парфян), семантически связан с бытовавшими в скифо-сакском мире представлениями о луке как символе богоданности царской власти (Раевский 1977а; 1977б: 125–128). В свою очередь, ниже я пытаюсь показать, что существенное значение в воинском арсенале и идеологических воззрениях иранцев² и тохаров имел такой вид наступательного вооружения, как топоры, вообще не привлекавший особого внимания со стороны исследователей, если не считать публикаций Б. А. Литвинского, в которых он преимущественно касался оружия памирских саков (Литвинский 1968: 70–77; 1972: 120–125; 2001: 418–424; Litvinskij 1984: 46–48; Litvinsky s. a.), а также работ А. Инверниции и автора этих строк, в которых речь идет о парадном топорике из Старой Нисы и его историко-культурной атрибуции (Invernizzi 1999: 129–138; Nikonorov 2014).

Появление боевых топоров и их сакрализация относятся к самому раннему периоду истории ираноязычных племен. Следы ритуального почитания топоров обнаруживаются уже в «Михр-яште», воспевающим божество Митру, при колеснице которого находится «тысяча стальных топоров обоюдоострых, хорошо сделанных (hazaŋgəm čakušanəm haosafnaēnəm bitaēyanəm hukoəgətanəm). По пространству духов [они] летят, по пространству духов падают на головы

¹ Эта статья написана в рамках исследовательского проекта (№ NN108205640) «Военное дело парфянского Ирана (247 г. до н. э. — 224 г. н. э.)», поддержанного Национальным научным центром в Кракове (Польша). Автор считает своим долгом сердечно поблагодарить коллег и друзей в Санкт-Петербурге — В. С. Бочкарёва, Е. М. Денисову и С. В. Лебединского, которые оказали ему помощь в подготовке этой работы. Автор также очень признателен А.-П. Франкфору, старшему научному сотруднику Национального центра научных исследований Франции (CNRS), и Дж. А. Риччи, аспиранту Принстонского университета (Нью-Джерси, США), за содействие в получении некоторых важных зарубежных публикаций по теме исследования.

² Специально обращаю внимание на то, что в настоящей работе рассматриваются только те иранские народы, которые жили в пределах Центральной Азии и Ирана. Что же касается родственных им киммерийцев, скифов и сарматов, поочередно пришедших из Азии в Северное Причерноморье и обосновавшихся там, то мною уже были проанализированы материалы по культу боевых топоров в их среде (см. Nikonorov 2014: 208–217), а дополненный вариант этого исследования готовится для публикации на русском языке.

дэвов» (Yt. X. 130)³. Считается, что «Михр-яшт», как и другие яшты «Младшей Авесты», был составлен в письменной форме во второй половине V в. до н. э. (Gershevitch 1959: 3, 13–22). Тем не менее даже если эта дата письменной фиксации авестийского гимна Митре более или менее верна, то по своему содержанию он, несомненно, восходит к более раннему времени. Его оригинальная версия могла появиться еще в эпоху бронзы, на что указывают, в частности, два пассажа, в которых утверждается, что булава (*vazga-*) Митры изготовлена из желтого металла (*zarōiš ayaṅhō frahixtəm*) (Yt. X. 96; 132), т. е., вероятнее всего, из бронзы (таково мнение В. Б. Хеннинга: см. Boyce 1969: 16, note 31; см. также Malandra 1983: 70, 74; ср. Стеблин-Каменский 1990: 157, примеч. 24), а не из золота (Соколова 2013: 307, 342) или позолоченного железа (Gershevitch 1959: 121, 139, 245). Этот первоначальный, явно доахеменидский текст, долго передававшийся устно, претерпел несколько редакций, включавших, очевидно, синхронные им интерполяции, и потому его дошедший до нашего времени вариант содержит в себе несколько разновременных слоев (см. Christensen 1931: 15)⁴.

Согласно «Михр-яшту» топоры, наряду булавой, луками, стрелами, копьями, мечами и палицами, служили Митре для наказания его врагов в лице злых демонов-дэвов и тех из людей, кто встал на сторону лжи (Yt. X. 96; 128–133). В глазах древних иранцев все эти предметы вооружения, несомненно, имели статус божественных, сверхъестественных атрибутов.

Топор (*čakuš-*) также фигурирует в списке предметов вооружения еще в одном авестийском гимне, «Ормазд-яште» (Yt. I. 18), однако этот список приводится вне какого-либо военного контекста (Bartholomae 1904: 575; Malandra 1973: 266, note 2; 1983: 53; Tafazzoli 1994: 188).

Эти довольно скудные сведения «Авесты» о боевых топорах могут быть дополнены, хотя и с известной долей осторожности, данными из ведийской и эпической литературных традиций древней Индии. Первая из них возникла в среде пришлых индоарийских племен (родственных по происхождению древнейшим иранцам) где-то на рубеже II и I тыс. до н. э., а вторая в устной форме сложилась в основном около середины I тыс. до н. э. и была письменно зафиксирована в первой половине I тыс. н. э. (Бонгард-Левин 2007: 14–17, 21–22). Важно подчеркнуть, что эпическая литература многими нитями связана с ведийской и к тому же косвенно отражает события, сопутствовавшие расселению индоариев в Северной Индии (Гринцер 1974: 148–162). В «Ригведе» топоры имеют несколько наименований (*paraśu*, *kuliśa* и др.) и упоминаются как рабочие инструменты, так и оружие. Все они, в отличие от топоров предшествующих культур долины Инда, были проушными, что давало индоариям дополнительное преимущество в столкновениях с местным населением. Наряду с луком топор был главным видом наступательного вооружения для колесничных воинов (Hopkins 1889: 234, 235; Singh 1989: 96; Sandhu 2000: 108). В «Махабхарате», как и в некоторых других источниках постведийской эпохи, боевые топоры также имеют несколько обозначений — *paraśu*, *paraśvadha*, *kuliśa*, *kuṭhāra* и *paṭṭiśa* (*paṭṭaśa*), причем из контекста следует, что они были преимущественно оружием знати (Hopkins 1889: 249, n. *, 285, n. §, 289, 291, 293, 294, 299, 302, n. ¶, 312, n. *, 326, n. †; Chakravarti 1972: 170–171; Singh 1989: 110; Sandhu 2000: 155). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что секиры символизировали высокое общественное положение их владельцев. Как следствие, можно предположить, что аналогичное отношение к боевым топорам имело место и среди иранцев, идеологические представления которых должны были быть близкими индоарийским.

Самые ранние свидетельства о культе топоров у иранских племен Западного Ирана происходят из Луристана — области, занимающей центральную часть гор Загроса. Во время работ бельгийских археологов на могильниках в Западном Луристане (Пушт-и Кухе), относящихся к пе-

³ Текст: Gershevitch 1959: 138; перевод: Соколова 2013: 340. Я заменил в последнем только одно слово, а именно, «молотов» на «топоров», поскольку термин *čakuš-* обозначает именно топор (Jackson 1894: 116; Bartholomae 1904: 575; Olmstead 1948: 26; Gershevitch 1959: 139; Литвинский, Пьянков 1966: 39; Malandra 1973: 273, 288; 1983: 74; Стеблин-Каменский 1990: 86), тем более что определение «обоюдоострый» подходит именно топору, а не молоту.

⁴ Предположения о том, что «Михр-яшт» в его нынешнем виде был, вероятно, составлен в последние годы правления парфянского царя Митридата I (около 171–около 138 гг. до н. э.) (Debevoise 1938: 27) или же подвергся серьезному редактированию в эллинистической Бактрии, предпринятому кем-то из местной иранской оппозиции режиму греко-бактрийских царей (Лелеков 1979: 62; 1982: 40), не представляются сколько-нибудь обоснованными и убедительными.

риоду «железный век III» (около 800/750 — около 650/600 гг. до н. э.), были обнаружены уникальные, ранее неизвестные бронзовые втульчатые топоры, обушковая часть которых оформлена в виде тесла, при этом верхняя часть втулок двух из них декорирована рельефными изображениями бородатых человеческих лиц (Ванден-Берге 1992: 35; Vanden Berghe 1987: 234, fig. 20; Haerinck, Overlaet 2004: 134, fig. 6, 20; Overlaet 2005: 16, pl. 13, 10; 2013: 387, fig. 18, 8, left; Calmeyer 1969: 147, Abb. 146a) (рис. 1, 1–2). Кроме того, в некоторых погребениях найдены также первые для луристанского железного века проушные топоры, сделанные из железа (Vanden Berghe 1987: 232, fig. 15, 7; Haerinck, Overlaet 2004: 134, fig. 6, 22; Overlaet 2005: 16, pl. 13, 9) (рис. 1, 3). Сам факт помещения рассматриваемых предметов вооружения в могилы красноречиво свидетельствует об их сакрализации⁵. Необходимо отметить, что почитительное отношение к топорам как знакам могущества и престижа было свойственно многим народам евразийского континента с глубокой древности. Поскольку в основе такого отношения лежало стойкое (по сути суеверное) убеждение в том, что этот вид оружия наделен особыми божественными силами и волшебными свойствами, в погребальной обрядности он играл роль как престижного символа (принадлежность к элите общества и воинскому сословию), так и магического оберега (см. Даркевич 1961; Макаров 1992).

По мнению первого руководителя раскопок в западной части Луристана Л. Ванден-Берге, бронзовые секиры-тесла были не боевым, а парадным оружием (Ванден-Берге 1992: 24–25, 28; Vanden Berghe 1987: 233–234). Он предположил, что, вероятно, «в начале периода “железный век III” иранские племена проникают в Пушт-и Кух» (Ванден-Берге 1992: 28). Учитывая серьезные изменения, произошедшие в погребальном обряде и материальной культуре Луристана именно в период «железный век III» (ЖВ III), а также явный демографический подъем здесь в это же время (Ванден-Берге: 23–28; Overlaet 2005: 14–16; 2013: 383–384), такой вывод выглядит убедительным. Он хорошо согласуется и с общей этнолингвистической ситуацией на западе Ирана, где в IX и VIII вв. до н. э. письменные источники фиксируют присутствие значительного ираноязычного населения (см. Грантовский 2007), часть которого обосновалась в Центральном Загросе, где, по видимому, и следует локализовать область проживания иранцев под названием Парсуа, впервые попавшую в поле зрения ассирийских анналов в 843 г. до н. э. (Levine 1974: 106–112). Обычно считается, что где-то около 800 г. до н. э. персы отделились от мидийских племен и пришли сначала в горы Загроса, а затем оттуда постепенно двинулись далее в юго-восточном направлении, достигнув, наконец, Парса (Персиды, совр. Фарса) и окончательно осев там (Дандамаев, Луконин 1980: 41). Впрочем, в свете вероятной первоначальной локализации Парсуа («страны персов») именно в горах Центрального Загроса разделение персидских и мидийских племен должно было произойти раньше — не позднее середины IX в. до н. э. В таком случае культуру периода ЖВ III в Западном Луристане можно рассматривать, пусть и гипотетически, как сформировавшуюся в среде древнейших персов еще до обретения ими родины в Парсе. Правда, для этого необходимо несколько удревить нижнюю хронологическую границу периода ЖВ III в Луристане, установленную бельгийскими археологами около 800/750 гг. до н. э., до около 850 г. как самую позднюю.

Достоверные свидетельства о бытовании топоров в других культурах ЖВ III Западного Ирана, происхождение которых, исходя из современного уровня наших знаний, может быть более или менее определенно связано с пришлыми ираноязычными племенами (Дандамаев, Луконин 1980: 51), чрезвычайно скудны. Так, из захоронения β6/V10a могильника Динха Тепе в Северо-Западном Иране, в котором был погребен знатный воин, происходит железный проушный топор с коротким массивным обухом и обломанным клинком (Muscarella 2013: 222, fig. 36, 1033) (рис. 1, 4). Это погребение заслуживает пристального внимания. Будучи одним из самых богатых на некрополе, оно было совершено в большой каменной гробнице с многочисленным и выразительным сопроводительным инвентарем, включая 15 керамических сосудов, предметы вооружения и быта, украшения и др. (Muscarella 1968: 189, 191–192, fig. 13–14; 2013: 209, 214, 222, 232–233, 245, fig. 35–37). Уникальность этого захоронения состоит в том, что за пределами гробницы находился расчлененный конский скелет, а в ней самой были обнаружены бронзовые и железные удила. Вне всякого сомнения, это погребение всадника, причем единственное на Динха Тепе. Автор публикации датирует его периодом Динха II (= ЖВ II), т. е. в пределах X–IX вв., но сам же оговаривается,

⁵ См., например, Бессонова 1984, где речь идет о семантике оружия в погребальных обрядах на примере скифов Северного Причерноморья.

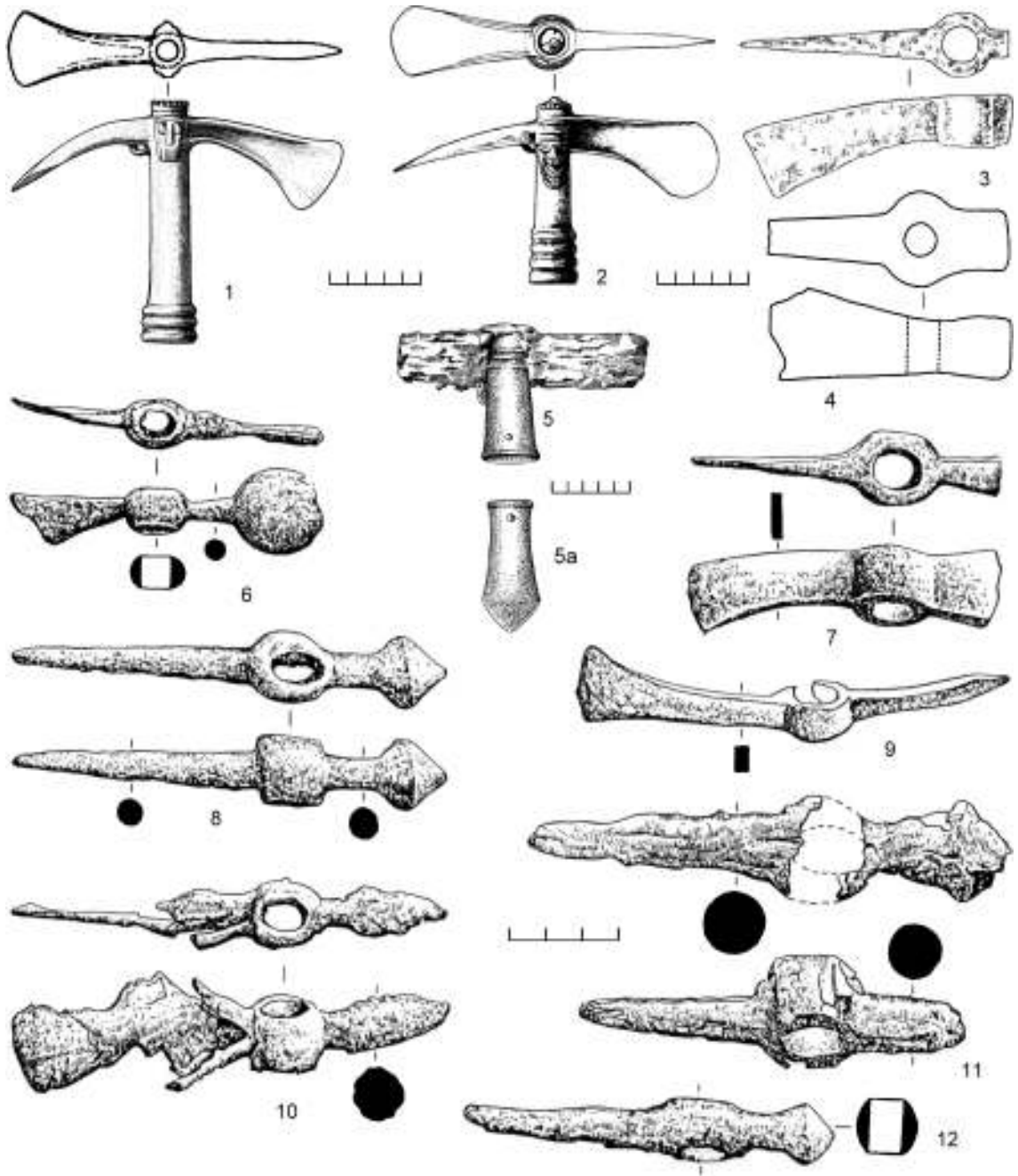

Рис. 1. 1, 2 — бронзовые топоры-тесла из могильников Чамжи-Мума и Вар Кабуд в Луристане (1 — по Haerinck, Overlaet 2004; 2 — по Overlaet 2005); 3 — железный топор из могильника Вар Кабуд (по Overlaet 2005); 4 — железный топор из могильника Динха Тепе в Северо-Западном Иране (по Muscarella 2013); 5, 5a — биметаллический чекан и бронзовый вток из сакского могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи (по Вишневская 1973); 6–13 — железные топоры из сакских погребений на Восточном Памире (по Литвинский 1972)

Fig. 1. 1, 2 — bronze axes-adzes from the graveyards at Chamzhi-Mumah and War Kabud in Luristan (1 — after Haerinck, Overlaet 2004; 2 — after Overlaet 2005); 3 — iron axe from the graveyard at War Kabud (after Overlaet 2005); 4 — iron axe from the graveyard at Dinkha Tepe in North-Western Iran (after Muscarella 2013); 5, 5a — bimetallurgical pick-*chekan* and bronze capping (*vlok*) from the Saka burial ground at Uygarak in the Lower Syr Darya area (after Вишневская 1973); 6–13 — iron battleaxes from Saka burials in the Eastern Pamirs (after Литвинский 1972)

что подобные всаднические погребения как будто бы не должны были появиться в Иране до прихода туда скифов и родственных им народностей в конце VIII — начале VII в. до н. э. (Muscarella 1968: 92). Возможно, что это экстраординарное захоронение, выделяющееся из всех других, относящихся к периоду Динха II (всего их раскопано около 70), одно из самых поздних и оставлено пришельцами иранского происхождения. Однако в любом случае найденный в нем топор дает вполне наглядное представление о данном виде ударно-рубящего оружия, который в смутную эпоху заселения западной части Иранского нагорья ордами ираноязычных племен использовался как в военных столкновениях, так и в погребальной обрядности⁶.

Что касается восточных территорий, то в степях Средней Азии (западной части Центральной Азии), начиная с раннего железного века, обитали кочевые и полукочевые ираноязычные народы, называемые греческими и латинскими авторами массагетами (*Μασσαγῆται*/Massagetae) и саками (*Σάκαι*/Sakaе). Массagetское объединение сложилось, по-видимому, не позднее конца VIII в. до н. э. (Грантовский 1975: 85) на степных пространствах от Южного Урала до Приаралья и затем расширило места обитания до областей между Каспийским морем и Амударьей (см. Пьянков 1975). Культура сакских племен, согласно археологическим данным, возникла не позднее VII в. до н. э. на огромной территории, включавшей низовья рек Амударьи и Сырдарьи, Ферганскую долину, Семиречье, Тянь-Шань, Восточный Памир, районы Центрального и Восточного Казахстана и Синьцзяна (подробно см. Литвинский 1972: 156–187; Yablonsky 1995: 201–239). Надписи персидских царей Дария I (521–486) из Персеполя, Накш-и Рустама, Суз и Хамадана, Ксеркса (486–465/4) и Артаксеркса II (404–359/8) или Артаксеркса III (359/8–338) из Персеполя (DB. V. 22; DPh. 5–6; DNа. 25–26, 28–29; DNe. 15; DSe. 24–25; DHa. 4–5; XPh. 26–27; A?P/A3Pb. 14–15, 24 — см. Kent 1953: 133, 134, 136, 137, 140, 141, 147, 151, 156; Schmitt 2009: 90, 98, 102, 113, 119, 125, 166, 198; Schmidt 1970: 108–116; Vogelsang 1992: 98–99; надпись на статуе Дария из Суз — Roaf 1974: 75, 118–121; Vogelsang 1992: 99, 104–105, 143) упоминают несколько больших племенных объединений саков (*Sakā*): *haumavargā* («пьющие/приготавливающие» хаому»), *tigrahaudā* («в остроконечных шапках»), *tuaiu para Sugdam* («которые за Согдом») и *tuaiu parađraua* («которые за морем»). Из них три первых локализируются в центральноазиатском регионе, а четвертое соответствует причерноморским скифам. В перечисленных ахеменидских источниках, на первый взгляд, отсутствуют массагеты, но очень возможно, что они скрываются там под другим этнонимом. По мнению одних исследователей (Пьянков 1968: 17; Литвинский 1972: 174), массагеты античной традиции должны быть тождественны вышеназванным сакам *tigrahaudā*. Согласно другой точке зрения (Кляшторный, Султанов 2009: 48–52), это были дахи (*Dahā*), фигурирующие в надписи Ксеркса из Персеполя (XPh 26 — см. Kent 1953: 151; Schmitt 2009: 166), — кочевой народ, обитавший в степях между Каспийским и Аральским морями и ставший хорошо известным греко-латинской письменной традиции под наименованием *Δάαι*/*Dahaе*, начиная со времени восточного похода Александра Македонского. Из их среды в III в. до н. э. вышли основатели могущественной державы парфянских Аршакидов.

В комплекс вооружения как массагетов, так и саков, входили боевые топоры, называемые греческими авторами *σάγαις*. Геродот и Страбон говорят о сагарисах массагетов, сделанных из бронзы (причем, по словам первого, в стране массагетов железа не было вообще, а второй утверждает, что его было мало) (Hdt. I. 215; Strabo XI. 8. 6). Геродот в своем описании армии Ксеркса, двигавшейся в 480 г. до н. э. в Грецию, говорит об оружии принявших участие в этом походе амиргийских саков, включавшем «туземные луки и кинжалы, а вдобавок к ним и топоры [именуемые ими?] сагарис» (*τόζα δὲ ἐπιχώρια καὶ ἐγχερίδια, πρὸς δὲ καὶ ἀζίνας σάγαις*) (Hdt. VII. 64). Этих саков обычно отождествляют с саками *haumavargā* ахеменидских надписей и локализируют на юго-востоке Средней Азии, рядом с Бактрией и Индией (Литвинский 1972: 173–174, 186–187; Грантовский 1975: 86; Пьянков 1968: 16; P'iankov 1996: 37–39; Vogelsang 1992: 192; Schmitt 2004). Металл, из которого были изготовлены амиргийские сагарисы, источник не упоминает, но можно

⁶ Добавлю, что О. Мускарелла первоначально (в публикации 1971 г.) датировал три топора из ограбленной богатой гробницы кург. IV в Си Гирдане (Северо-Западный Иран, недалеко от оз. Урмия) VII–VI вв. до н. э. (Muscarella 2013: 55, 56, 80, fig. 14), причем в то время он считал их бронзовыми, тогда как они оказались изготовленными из мышьяковистой меди (Ibid.: 90–91). Позднее (в 2003 г.), ввиду серьезной и аргументированной критики со стороны своих оппонентов (Ж. Дейе и особенно В. А. Трифонова и А. Д. Резепкина) он признал свою ошибку и отнес погребения Си Гирдана к эпохе ранней бронзы (Ibid.: 83–96).

допустить, что в отличие от массагетских они были железными. По крайней мере, все известные мне на сегодня находки топоров из памятников сакской культуры Средней Азии сделаны из железа. Самый ранний из них обнаружен в погр. 84 могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи. Это биметаллический топорик, клинок которого железный, и только его втулка и вток рукояти бронзовые (Вишневецкая 1973: 97–98, табл. XX, 1, 2) (рис. 1, 5–5а). Автор публикации датирует это захоронение VI в. до н. э. (Там же: 98, 123). Примечательно, что угол между клинком и втулкой этого топорика украшен бронзовым изображением головки хищной птицы. Принимая во внимание эту особенность, а также хронологию найденных в этом погребении бронзовых наконечников стрел, топорик может датироваться VII в. до н. э. (см. Курочкин, Субботин 1992: 59). Небольшая, но разнообразная серия железных топоров происходит из могил V–III вв. до н. э., раскопанных на Восточном Памире (Литвинский 1968: 70–77, табл. 1; 1972: 120–125, табл. 43; 2001: 418–424, табл. 83; Litvinskij 1984: 46–48, Abb. 10). В ней представлены топоры-секиры с обухами разных форм (рис. 1, 7, 9–10), двулезвийная секира (рис. 1, 6) и чеканы (рис. 1, 8, 11–13).

Такой вид боевых топоров, как чеканы, заслуживает специального внимания. Он был весьма характерен для комплекса наступательного вооружения евразийских кочевников скифо-сакского круга. Боевая часть (боек) чеканов состояла из прямого узкого заостренного клинка различного поперечного сечения (круглый, граненый, уплощенный) и, как правило, более короткого, по-разному оформленного обуха с тупым, округлым, коническим или раздвоенным концом. Бойки боевых чеканов в среднем достигали длины от 18 до 30 см. Топорики, чья боевая часть имела длину менее 18 см, обычно рассматриваются в качестве вотивных моделей, а не оружия (см. Кочев 1988: 147). Типологически чеканам близки клевцы — оружие с той же самой киркообразной конструкцией бойка, одно- или двулезвийный клинок которого, в большинстве случаев плоский, был более или менее клювовидно загнут. Если чеканом наносились только колющие удары, то клевцом — колюще-режущие. Разница между двумя вариантами рассматриваемого вида боевых топоров давно сформулирована М. П. Грязновым: «чекан — орудие с прямым острием, клевец — с острием, клювовидно загнутым» (Грязнов 1956: 39). Строгое следование этому определению в достаточной мере позволяет избежать той терминологической путаницы, которая до сих пор существует в русскоязычной научной литературе, где термины «чекан» и «клевец» зачастую выступают как синонимы, не говоря уже о том, что разные исследователи порой понимают эти термины по-разному. Судя по археологическим данным, а именно по соотношению находок чеканов и клевцов, первые имели значительно большее применение. Чеканы и клевцы наносили своими заостренными клинками концентрированные удары на малой площади, что способствовало их высокой пробивной способности. Ввиду малых размеров и веса они были очень удобными для использования в бою одной рукой, освобождая вторую для действий другим оружием (например, щитом) или для управления конем. Последнее обстоятельство было особенно важным: сравнительно короткие рукояти чеканов и клевцов (60–80 см) позволяли применять их в кавалерии — основном роде войск древних кочевников Евразии (подробно о чеканах и клевцах см. Nikonov 2014).

Дополнительная информация о боевых топорах среднеазиатских кочевников имеется в ахеменидской иконографии. Так, на двух рельефах северной и восточной лестниц Ападаны в Персеполе, построенной в первой половине V в. до н. э., изображена так называемая делегация № 17, в числе других даннических процессий от подвластных Ахеменидам земель несущая дары персидскому царю. Ее члены одеты в типичную для кочевников Центральной Азии всадническую одежду так называемого мидийского (всаднического) типа, состоящую из длинной, подпоясанной ремнем рубахи с длинными рукавами и плотно облегающих штанов⁷. Среди прочих подношений можно увидеть чеканы (Schmidt 1953: 88–89, pl. 43; Walser 1966: 93–94, Taf. 24; Trümpelmann 1990: 88, Abb. 11; Head 1992: fig. 32, d; Koch 1992: Abb. 65; Tourovets 2002: 245, 247, fig. 8, 1; Potts 2012: 460, fig. 5) (рис. 2, 1). Исследователи по-разному определяли этнический состав делегации № 17, полагая, что это могли быть согдийцы, хорезмийцы или центральноазиатские скифы/саки, включая родственных последним кочевников Южной Сибири (см. обзор мнений Potts 2012: 466–467).

⁷ О «мидийской» одежде см. Widengren 1956: 228–241; Stronach 2011; Calmeyer 1987: 11–12; Термин «мидийский» здесь ни в коем случае не этнический, а чисто условный, поскольку одеяния этого стиля были характерны для многих древних народов, прежде всего, иранского происхождения. О региональных различиях «мидийского» костюма см. Vogelsang 1992: 136–143.

Анализируя данную проблему, очевидно, не следует упускать из виду тот факт, что в армии персидского царя Ксеркса амиргийские саки были единственным среднеазиатским контингентом, имевшим топоры-сагарисы (Hdt. VII. 64), тогда как согдийцы и хорезмийцы были вооружены по образцу бактрийцев (Hdt. VII. 66), т. е. только луками и копьями (Hdt. VII. 64). По этой причине я склонен видеть в делегации № 17 представителей какого-то сакского племени или племенного объединения. Соблазнительно, конечно же, напрямую идентифицировать их с амиргийскими саками, однако этому как будто противоречит один существенный момент: последние, по словам Геродота (Hdt. VII. 64), носили прямостоящие (в смысле высокие) шапки-кирбасии (*κυρβαταία ὀρθαί*), тогда как члены делегации № 17 имеют не очень высокие головные уборы. На это описание Геродотом головных уборов амиргийских саков уже обращал внимание Э. Шмидт, отметивший, что оно больше подходит не «пьющим хаому» скифам (а он отождествляет оба этих народа), а двум другим скифским племенам — «в остроконечных шапках» и тем, «которые за морем» (Schmidt 1970: 113, note 177). По его мнению, рассматриваемый пассаж Геродота «несколько запутан и касается как скифов “в остроконечных шапках”, так и “пьющих хаому” <...> скифов» (Ibid.: 156, note 106). При нынешнем состоянии нашей базы источников не остается ничего иного, как рассматривать или не рассматривать «шапочный аргумент» против отождествления делегации № 17 с амиргийскими саками в качестве более весомого, чем подтвержденный Геродотом факт наличия боевых топоров только у них одних из всех среднеазиатских народов, участвовавших в походе на Грецию.

В принципе, нельзя исключать и связь делегации № 17 с массагетами, но тогда придется принять сторону одной из приведенных выше гипотез о том, что этноним «массагеты» у античных писателей соответствовал либо сакам *tigraxaudā*, либо дахам ахеменидских надписей. Впрочем, даже если и согласиться со второй точкой зрения (как наиболее вероятной), то кажется сомнительным участие дахов/массагетов, упоминающихся как подданные персов только в царствование Ксеркса, в его так называемой Антидэвовской надписи (XPh 26, см. Kent 1937: 294, 296, 298, 303; 1953: 151; Абаев 1945: 135–137; Schmitt 2009: 166), в процессии подвластных Ахеменидам народов, запечатленной на рельефах Ападаны. Дело в том, что строительство Ападаны было задумано и началось в последние годы жизни Дария I (умер в 486 г. до н. э.), а завершено в первые годы правления его сына и наследника Ксеркса (Roaf 1974: 90–91; 1983: 138–139, 157; Дандамаев, Луконин 1980: 250; Дандамаев 2013: 217), причем время создания рельефов на восточной и северной лестницах Ападаны должно быть ограничено периодом между вторжениями Дария и Ксеркса в Грецию, т. е. 490–480 гг. (Tilia 1972: 204). Хотя, как следует из анализа содержания «Антидэвовской надписи», дахи/массагеты были подчинены Ксерксом примерно в то же самое время — между 486 и 480 гг. (Kent 1937: 305), все же нет уверенности, что оформители Ападаны могли успеть внести изображения этих новых подданных в репертуар украшающих ее стены рельефов (если они вообще имели право вмешиваться в его первоначальный замысел, принадлежавший Дарию). Другое дело саки, которые фигурируют в ахеменидских провинциальных списках, начиная с правления Дария I до IV в. до н. э. Более того, Геродот сообщает (Hdt. III. 93), что саки составляли вместе с каспиями 15-й податный округ Персидской империи. Предполагается, что каспии проживали к северу от совр. Кабула, в районе Каписы (Vogelsang 1992: 195–196, 202), другими словами, поблизости от амиргийских саков (= *Sakā haumavargā?*), которых, Геродот, возможно, и подразумевал в указанном пассаже. Еще раз подчеркну, что этот же автор называет боевые топоры-сагарисы оружием именно амиргийских саков.

Таким образом, я склоняюсь к сакской атрибуции персепольской делегации № 17. То же самое могу сказать и о держателе трона № 22 на рельефах из «Зала Совета/Зала с тремя воротами» Персеполя, чей чекан показан подвешенным к поясу при помощи Y-образного ремешка и которого Э. Шмидт посчитал согдийцем (Schmidt 1953: 119, pl. 80–81, no. 22). То, что саки на этих памятниках изображены с оружием, в отличие от подавляющего большинства других народов, представленных на рельефах Персеполя, говорит об особом, в том числе доверительном, к ним отношении со стороны персов. И дело здесь, конечно, не только в их этнической близости и родстве их языков, благодаря которому они понимали друг друга без переводчика. Исключительно важным было то обстоятельство, что, согласно данным античных письменных источников, воинские контингенты саков (именуемых в них также скифами) активно привлекались в армии персидских царей (Hdt. VI. 113; VII. 64; 184; VIII. 113; IX. 31; 71; Arr. *Anab.* III. 8. 3; 11. 4; 6; 13. 3–4; 19. 3–4; Curt. IV. 9. 2; 13. 5; 15. 12–13; 18; Diod. XI. 7. 2; XVII. 59. 5–6; 8; см. также Barkworth 1992: 151–153,

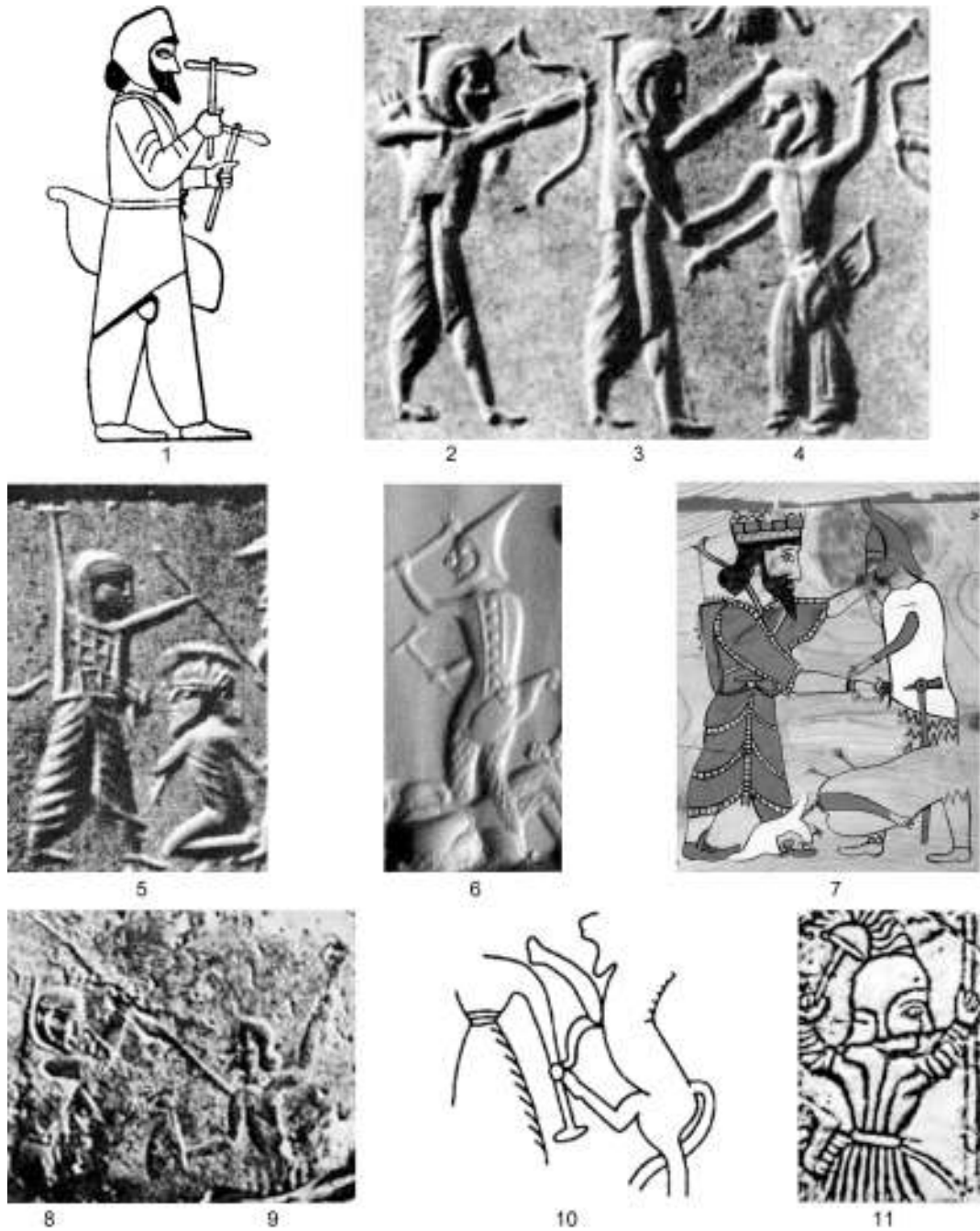

Рис. 2. Изображения среднеазиатских кочевников и персов на памятниках искусства с территории Ахеменидской империи: 1 — рельеф Ападаны в Персеполе (по Trümpelmann 1990); 2–6 — современные оттиски цилиндрических печатей (2–5 — по Никулина 1994; 6 — по Curtis et al. 2005); 7 — реконструированная роспись деревянного фриза из гробницы во Фригии (по Summerer 2011); 8, 9 — оттиск на глиняной булле из Персеполя (по Schmidt 1957); 10 — оттиск печати на табличке из «Архива крепостной стены» Персеполя (по Garrison, Root 2001); 11 — золотая пластина из «Амударьинского клада» (по Dalton 1905)

Fig. 2. Representations of Central Asian nomads and Persians on works of art from within the Achaemenid empire: 1 — relief of the Apadana at Persepolis (after Trümpelmann 1990); 2–6 — modern impressions of cylinder seals (2–5 — after Никулина 1994; 6 — after Curtis et al. 2005); 7 — reconstructed painting of a wooden frieze from a tomb in Phrygia (after Summerer 2011); 8, 9 — impression on a clay bulla from Persepolis (after Schmidt 1957); 10 — seal impression on a tablet from the Persepolis Fortification Archive (after Garrison, Root 2001); 11 — golden plaque from the «Treasure of the Oxus» (after Dalton 1905)

158–159, 166; Vogelsang 1992: 191–192, 209–210, 221–224; Head 1992: 48–49), причем не только для участия в военных кампаниях, где они проявили себя с самой лучшей стороны, но и для несения гарнизонной службы в разных частях империи Ахеменидов (Дандамаев, Луконин 1980: 229–230; Дандамаев 2013: 189; Dandamayev 2012: 44–45).

Среднеазиатские кочевники (скорее всего, саки), вооруженные боевыми топорами, неоднократно изображались на персидских цилиндрических печатях последней четверти VI — первой половины V в. до н. э. (Ward 1910: 328, fig. 1051–1052; Ghirshman 1964: fig. 331; Head 1992: fig. 32, *h*; Никулина 1994: ил. 537; Curtis et al. 2005, 228–229, cat. no. 415; Summerer 2007: 9, fig. 2, 3; Schmidt 1939: 38, fig. 24, *PT4 655*; 1957: 11, 29–30, pl. 9, *seal no. 30*; Wu 2010: 551–553, fig. 51, 4–5, 9; 2014: 239–240, 245, 266, pl. 4, *C*; 5, *A*; 10, *B*) (рис. 2, 4, 6, 9) и росписи на деревянной доске из гробницы начала V в. до н. э., открытой близ Татарли в Турции, в пределах территории древней Фригии (Summerer 2007: 19–20, fig. I–II, VII; 2011: 36, 38–41, Abb. 4–5; Wu 2014: 216, 239, pl. 3, *B*) (рис. 2, 7).

Как мы видим, письменные и изобразительные источники вкупе с археологическими находками свидетельствуют о том, что в комплексе вооружения ираноязычных кочевников западной части Центральной Азии топоры занимали важное место. Сравнительно небольшая коллекция боевых топоров из сакских могильников в низовьях Сырдарьи и на Восточном Памире представлена тем не менее несколькими их типами (рис. 1, 5–13). Естественно, возникает вопрос: какой же из них фигурирует в греческих источниках как *σάγυρις*? Уже довольно давно Э. Шмидт высказал предположение, что боевые топоры в руках одного из членов делегации № 17 на рельефах Ападаны в Персеполе (рис. 2, 1), состоявшей, по его мнению, из «пьющих хаому» скифов, и есть сагарисы, упомянутые Геродотом (Schmidt 1970: 113, 156; ср. Olmstead 1948: 218, 240). Правда, при этом он не привел никаких аргументов в поддержку своей идеи, а явно положился на интуицию, которая и в самом деле его не подвела, что, впрочем, стало ясно только после серьезного анализа всех доступных источников по этой проблеме, проделанного мною в специальной подготовленной к публикации статье. Поскольку из-за своего объема она не может быть воспроизведена здесь в более или менее полном виде, ниже я кратко резюмирую свои наблюдения и выводы.

Согласно данным античной письменной традиции, топорами-сагарисами были оснащены только народы, жившие на восточной периферии эллинского мира, — массагеты (Hdt. I. 215; Strabo XI. 8. 6), саки (Hdt. VII. 64), скифы Северного Причерноморья (Hdt. IV. 5; 70; Aristarch. *Comment. Hdt.* 10–12 [= Grenfell, Hunt 1901: 3–4]; Pollux I. 138), персы (Xen. *Anab.* IV. 4. 16 [= Suid. s. v. *σάγυρις*]; Xen. *Cyr.* I. 2. 9; II. 1. 9; 16; IV. 2. 22; VIII. 8. 23; Strabo XV. 3. 19), легендарные амазонки (Xen. *Anab.* IV. 4. 16 [= Suid. s. v. *σάγυρις*]; Aristarch. *Comment. Hdt.* 10–12 [= Grenfell, Hunt 1901: 3–4]) и малоазийское племя массивонок (Xen. *Anab.* V. 4. 14). В то же самое время в древнегреческом языке гораздо чаще употреблялись другие термины для обозначения боевых топоров — прежде всего, *πέλεκυς* и *ἄξινη*, которые за редкими исключениями использовались для наименования оружия народов Средиземноморья (греков, римлян и др.). Анализ иконографических материалов эпохи греко-персидских войн — изображений среднеазиатских и персидских воинов на ахеменидских рельефах и печатях, а также в аттической вазописи (см., в частности, рис. 2, 1–11; 3, 1–1а, 2–2а, 3–4; 4, 1–4), показывает, что термин *σάγυρις* в древнегреческих источниках означал не боевые топоры вообще, а их специфический вид, характерный исключительно для восточных народностей, а именно кирковидные топоры с прямыми и изогнутыми узкими клинками — соответственно, чеканы и клевцы по терминологии М. П. Грязнова (см. выше).

В кочевой среде древней Евразии сагарисы в небоевой обстановке носились, как правило, на боку, подвешенными к поясу рукоятью вниз при помощи специального ремешка, что засвидетельствовано археологически (Кочев 1988: 151, рис. 5, 2; Худяков, Эрдене-Очир 2011: 134) и иконографически (Ольховский, Евдокимов 1994: 71, ил. 48, 83; 87, 149; Schmidt 1953: 119, pl. 80–81, no. 22; Summerer 2007: 19–20, fig. I–II, VII) (рис. 2, 7). С другой стороны, у персидских воинов сагарисы крепились за спиной (см. ниже).

Античные авторы ничего не говорят о культе боевых топоров у среднеазиатских народов. Однако Геродот в рассказе о происхождении причерноморских скифов сообщает, что топор (*σάγυρις*) упал к ним с неба вместе с другими священными золотыми дарами (плугом, ярмом и чашей), и скифские цари все эти небесные дары тщательно хранили, благоговейно чтити их и приносили им ежегодные жертвы (Hdt. IV. 5; 7). В другом месте своего труда «Отец истории» указывает,

что при заключении договоров скифы опускали меч, топор (*σάγαις*) и копье в специальную большую чашу, наполненную вином, смешанным с кровью участников договора (Hdt. IV. 70). Общее иранское происхождение скифов, саков и массагетов не вызывает никаких сомнений, поэтому их религиозно-мифологические представления едва ли могли серьезно отличаться друг от друга. Наоборот, как убедительно показал Д. С. Раевский (1977б: 123–132), в них было очень много общего. Поэтому можно предположить, что саки и массагеты также относились к своим топорам как объектам культового почитания. Собственно, это понятно уже из самого того факта, что все известные находки сакских боевых топоров (рис. 1, 5–13) происходят из погребальных комплексов. Более того, в кург. 94 могильника Акбеит на Памире было найдено бронзовое украшение «в виде миниатюрного топорика» (Литвинский 1972: 9), которое явно использовалось в качестве амулета-оберега, что хорошо известно по материалам с других территорий и других эпох (см. Даркевич 1961; Макаров 1992). В кург. 11 еще одного памирского могильника, Тегермансу II, железный чекан (рис. 1, 13) обнаружен над деревянным перекрытием, под которым лежал покойный, а не вместе с ним, как следовало бы ожидать (Литвинский 1972: 22, табл. 75, III), что, не исключено, также связано с какими-то особенностями данного погребального ритуала. Наконец, роль боевого топора-клевец как символа власти и могущества среди сакских племен отчетливо проступает на примере монетной иконографии индо-саков (см. ниже).

Обратимся теперь к свидетельствам об использовании боевых топоров в Иране раннеимперской эпохи. Для мидийского времени (около 670–550 гг. до н. э.) о собственно иранском оружии этого вида ничего не известно. Ритуальный бронзовый топор, декорированный рельефным изображением льва, найденный в Хамадане (т. е. на месте древней столицы Мидии Экбатаны) и с 1880 г. хранящийся в Британском музее (Read 1904: 128, fig. 124; Maxwell-Hyslop 1949: 104, pl. XXXVI, 9; Barnett 1968: 46–47, pl. VII, 5; Calmeyer 1969: 40–41, Abb. 42), который был безосновательно отнесен к VI в. до н. э. (Barnett 1968: 47; ср. Maxwell-Hyslop 1949: 104), на самом деле гораздо более древний и должен датироваться не ранее II тыс. до н. э. (см. Calmeyer 1969: 39–41; Muscarella 2013: 1016). Можно утверждать, что боевые топоры получили достаточно широкое распространение в ахеменидском Иране. Выше уже отмечалось, что в свете данных греческой письменной традиции персидское воинство имело на вооружении сагарисы (Xen. *Anab.* IV. 4. 16 [= Suid. s. v. *σάγαις*]; Xen. *Cyr.* I. 2. 9; II. 1. 9; 16; IV. 2. 22; VIII. 8. 23; Strabo XV. 3. 19), под названием которых следует понимать чеканы и клевцы. Их изображения встречаются на многих памятниках искусства того времени. Так, на ахеменидских цилиндрических печатях персидские пехотинцы в тяжелом защитном снаряжении носят свои чеканы, прикрепленными к наспинной части панцирей (по-видимому, в узких футлярах наподобие колчанов), причем боевая часть топориков возвышается над их головами (Ward 1910: 327, 328, fig. 1051; 1053; Ghirshman 1964: fig. 331; Head 1992: fig. 14, *a–b*; 32, *h*; Никулина 1994: ил. 536–537; 539; Curtis et al. 2005, 230–231, cat. no. 423; Summerer 2007: 9, fig. 3; Schmidt 1939: 38, fig. 24, *PT4 655*; 1957: 11, 29–30, pl. 9, *seal no. 30*; Wu 2010: 551–552, fig. 51, *4–5*; 2014: 245, 266, pl. 4, *C*; 5, *A*) (рис. 2, 2–3, 5, 8). Боевой топор типа чекана держит герой, сражающийся со львом, на оттиске печати начала V в. до н. э., который сохранился на одной из табличек (PFS 503), составленных на эламском языке. Эти таблички были найдены в крепостной стене в северо-восточном углу Персепольской террасы (Garrison, Root 2001: 434–435, cat. no. 307, pl. 171, *g*; 245, *c*; 258, *f*) (рис. 2, 10). На золотой пластине, датируемой V или IV в. до н. э., из так называемого Амударьинского клада, происходящего с территории древней Бактрии, выгравирован воин, облаченный в доспехи — шлем, панцирь, трубчатые наручи и набедренник-птериги, с копьем в левой руке и чеканом в правой (Dalton 1905: 99, pl. XIV, cat. no. 84; Barnett 1968: 37, pl. II, 2 (*right*); Зеймаль 1979: 56, кат. № 84; Curtis et al. 2005: 163, 165, 169, cat. no. 253; Горелик 1982: 92, 95, 99, табл. I, 4; Head 1992: fig. 32, *f*; Nikonov 1997: vol. 2, fig. 4, *c*) (рис. 2, 11). Были высказаны мнения, что это изображения сака (Barnett 1968: 37; Head 1992: 47), перса (Горелик 1982: 92, примеч. 10, 95) или бактрийца (Nikonov 1997: vol. 1, 26–27). Сложность этнической атрибуции этого персонажа заключается в том, что он показан безбородым, тогда как древние иранцы обычно изображались с бородами на лицах. Тем не менее по своему боевому облачению он выглядит скорее персом или же их бактрийским союзником, чем среднеазиатским саком.

Изображения персов, вооруженных клевцами, имеются на некоторых аттических краснофигурных сосудах, изготовленных в 470–460-х гг. до н. э. (Sekunda 1992: 52; Head 1992: fig. 12, *h*;

26, с; Curtis et al. 2005: 239, fig. 65; Miller 2006: 132, fig. 8; 2011: 149, fig. 20–21; Wiesehöfer 2009: 88, Abb. 1; Bovon 1963: 584, fig. 10; Head 1992: fig. 26, c) (рис. 4, 1–3) и около 380 г. до н. э. (Виноградов 2007: 13–14, 19, 26–27; Толстой, Кондаков 1889: 76–77, рис. 109; Wiesehöfer 2009: Abb. 4) (рис. 4, 4). Рассматривать этих воинов как персов позволяют не только их одеяния иранского («мидийского») типа, но и бороды на их лицах. Последняя особенность очень важна ввиду того, что во второй четверти V в. до н. э. в греческой вазописи появляются другие воинственные персонажи, одетые в штаны «мидийского» образца и вооруженные как персы, лица которых, однако, безбородые и отличаются женственностью (Furtwängler, Reichhold 1909: 88–92, 109–111, 145, 150–152, 158–159, 277–282, 297–303, Abb. 46–47; 49–50; 53; Taf. 78; 81; 113; 116; Gerhard 1847: 42–45, 47–48, Taf. CLXIII; CLXV, 4; Head 1992: fig. 27, c; 28; Bittner 1987: 175, Taf. 7, 1; Sekunda 1992: 60; Koch 1992: 219, Abb. 160) (рис. 4, 7–9). Таковым стал новый этнографический облик грозных воительниц-амазонок, популярных в эллинской мифологии, и сложился он как раз под влиянием греко-персидского противостояния (см. Miller 2008: 115, 122; 2011: 137–138, 152).

Необходимо подчеркнуть, что топоры-сагарисы играли весьма значительную роль в церемониальной практике Ахеменидов, начиная с Дария I. Во время разного рода официальных мероприятий рядом с царем обязательно находился оруженосец, как это показано на персепольских рельефах со сценами аудиенции из «Сокровищницы» (Schmidt 1939: 26–27, 29, fig. 14; 16; 1953: 165–166, 169, pl. 119; 121; 123; Ghirshman 1964: fig. 255; 443; Tilia 1972: fig. 3; pl. XCVII; XCIX; CIII; Gall 1975: Taf. 31, 1; Walser 1980: Taf. 40; 42; 44; 53; Shahbazi 1980: fig. 13; Roaf 1983: 116, fig. 122–124; Trümpelmann 1990: 83–84, Abb. 1–3; Koch 1992: 93, 97, 259, Abb. 44; 49; 185; Moorey 1985: 27, fig. 3; Stronach 2011: 475–476, 479, fig. 1; 3; Head 1992: fig. 13, b; 16, g; Curtis et al. 2005: fig. 61; Potts 2012: 461, fig. 4)⁸ (рис. 3, 1–1a, 2–2a) и «Зала со 100 колоннами/Тронного зала» (Schmidt 1953: 133–134, pl. 96–99; Ghirshman 1964: fig. 254; Tilia 1972: pl. CXI, fig. 32; Gall 1975: Taf. 31, 2)⁹. Там он стоит на почетном третьем (в «Сокровищнице») и даже втором (в «Зале со 100 колоннами») месте за царским тронном, одетый в «мидийский» костюм и держащий одной рукой при помощи ремня большой горит (закрытый футляр для лука и стрел) за своей спиной, а другой рукой — чекан; на его правом боку висит короткий меч-акинак. Вторым за сидящим на троне царем изображен оруженосец и в сцене аудиенции, запечатленной на двенадцати буллах из Даскилеи (совр. Эргили в Турции) — столицы ахеменидской сатрапии Геллеспонтская Фригия, оттиски на которых были сделаны цилиндрической печатью DS 4 (или тремя идентичными печатями) во время царствования Артаксеркса I или Артаксеркса II. В целом образ этого придворного соответствует оруженосцам на персепольских церемониальных рельефах, если не принимать во внимание его схематичность, обусловленную малыми размерами поля печати (Kaptan 2002: vol. I, 31–40, 113–115; vol. II, 50–55, pl. 47–59).

Царские оруженосцы в аналогичных одеяниях и с тем же самым набором оружия высечены также на рельефах фасадов гробниц Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I (465/4–425) и Дария II (424–404) в Накш-и Рустаме и Артаксеркса II и Артаксеркса III в Персеполе (Schmidt 1970: 84, 86, 92, 95, 98, 100, 106, pl. 19; 22, A; 24, B; 25; 41; 43, A; 49–51; 57; 63; 71, A; Ghirshman 1964: fig. 280; Calmeyer 1987: 12, fig. 1; 1990: 14, Abb. 6; 2009: Taf. 2, 1; 5, 1; 19, 1; 20, 2; 21, 3; Stronach 2011: 478–481, fig. 2) (рис. 3, 3–4). Все они показаны стоящими слева от фигуры царя, в среднем регистре вертикальной композиции, состоящей из трех вооруженных персонажей¹⁰. На гробнице Дария I сохранилась

⁸ Два рельефа со сценами аудиенции первоначально находились в Ападане, но еще в ахеменидское время были перемещены в «Сокровищницу» (Tilia 1972: 191–208). Существуют две точки зрения на то, к правлению какого из царей следует их отнести: согласно первой, Дария I (Schmidt 1939: 21–33; 1953: 162–169; Tilia 1972: 191–208), согласно второй — его сына Ксеркса (Frye 1974: 383; Gall 1975: 151–153; Shahbazi 1976; ср. Tritsch 1943: 105–106). Саму «Сокровищницу», возможно, начали возводить при Дарии I, тогда как заключительная (третья) фаза ее функционирования приходится на время правления Ксеркса (см. Roaf 1983: 157).

⁹ Считается, что строительство «Зала со 100 колоннами» был начато Ксерксом, а завершено Артаксерксом I (Roaf 1983: 158).

¹⁰ По мнению А. Шахбази, они передают образы трех из шести помощников Дария I в деле низвержения мага Гауматы (Псевдо-Смердиса) с персидского престола в 522 г. до н. э. (Shahbazi 1980: 125–126; 1987: 786–787). Следует отметить, что композиционная схема рельефного декора фасадной части гробницы Дария I была в целом повторена всеми другими ахеменидскими монархами, построившими свои погребальные сооружения в Накш-и Рустаме и Персеполе.

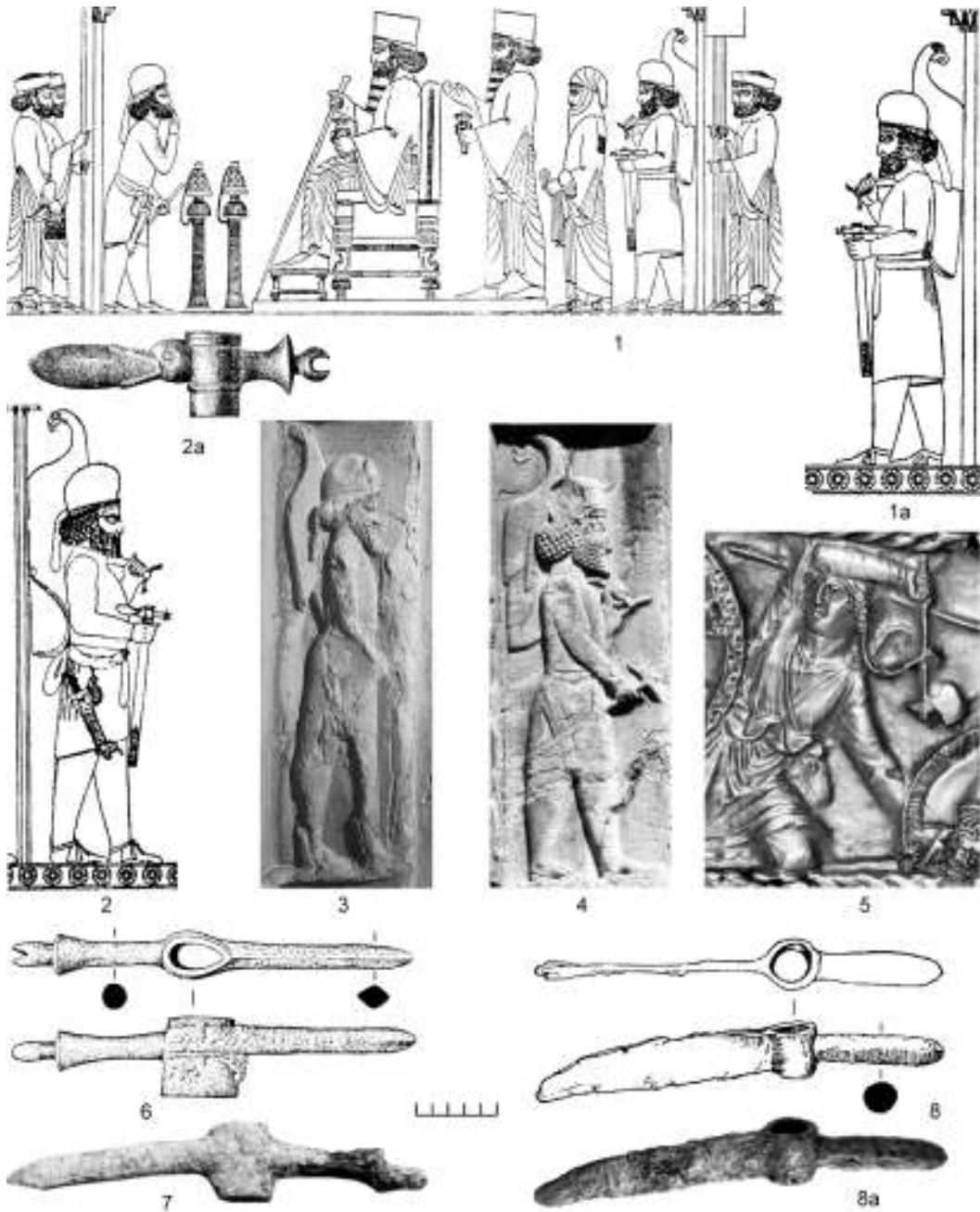

Рис. 3. 1 — реконструкция рельефа из «Сокровищницы» в Персеполе (по Tilia 1972); 1a, 2, 2a — царский оруженосец и его топорик-чекан на рельефах из персепольской «Сокровищницы» (по Trümpelmann 1990); 3 — Аспачана/Аспатин на рельефе гробницы Дария I в Накш-и Рустаме (по Stronach 2011); 4 — царский оруженосец на рельефе гробницы Артаксеркса III в Персеполе (по Calmeyer 2009); 5 — амазонка на золотой обкладке ножен меча из скифского кургана Чертомлык в Нижнем Поднепровье (по Алексеев 2012); 6 — бронзовый чекан из Персеполя (по Schmidt 1957); 7 — железный чекан из Васке в Гиляне (по Potts 2012); 8, 8a — железный клевец из Деве-Гюк в Северной Сирии (прорисовка по Moorey 1975, фото из личного фотоархива Н. В. Секунды)
Fig. 3. 1 — reconstructed representation on a relief from the «Treasury» at Persepolis (after Tilia 1972); 1a, 2, 2a — weapon-bearer of the king and his pick-*chekan* on reliefs from the «Treasury» at Persepolis (after Trümpelmann 1990); 3 — Aspachana/Aspathines on Darius I's tomb relief at Naqsh-i Rostam (after Stronach 2011); 4 — weapon-bearer on Artaxerxes III's tomb relief at Persepolis (after Calmeyer 2009); 5 — Amazon on a golden sword sheath from the Scythian barrow of Chertomlyk in the Lower Dnieper area (after Алексеев 2012); 6 — bronze pick-*chekan* from Persepolis (after Schmidt 1957); 7 — iron pick-*chekan* from Vaske in Gilan (after Potts 2012); 8, 8a — iron pick-*klevets* from Deve Hüyük in Northern Syria (drawing after Moorey 1975, photo from Nicholas V. Sekunda's personal archives)

надпись-трилингва (читаются полностью ее древнеперсидская и эламская версии, аккадская — лишь частично), сопровождающая изображение держащего горит и топор оруженосца (рис. 3, 3), который носил древнеперс. имя Аспачана («Любитель лошадей», см. Kent 1953: 173; ср. Hinz 1973: 126). Ее древнеперсидский вариант гласит: *Aspacanā vaçabara Dārayavahauš xšāyaθiyahyā isuvām dārayatiy* (DND, см. Kent 1945: 233; 1953: 140; Schmitt 2009: 112). Одни исследователи переводят его либо так: «Аспачана, носитель лука (горита), держит боевой топор царя Дария» (Kent 1945: 233; 1953: 140; Briant 2002: 898; Brosius 2007: 27; Stronach 2011: 478, no. 3), либо несколько иначе: «Аспачана, носитель боевого топора, держит лук (горит) царя Дария» (Olmstead 1948: 229; Schmidt 1939: 27; 1953: 169; 1970: 86, note 51). Другие ученые, основываясь на эламской версии данной надписи, предлагают иной вариант перевода. По их мнению, древнеперс. термин *vaçabara* не должен пониматься как «носитель боевого топора» (от слова *vaça-* — «топор», о таком его значении см. Tritsch 1943: 105; Kent 1945: 233; Gershevitch 1962: 78–79, note 8; Malandra 1973: 271, 281, 288), поскольку его эламский эквивалент — *līpte ku(k)tir(a)* — дословно означает «носитель одеяний», т. е. камергер (Hinz 1973: 57–59; Borger 1972: 390–391; Henkelman 2003: 117–120; Schmitt 2009: 112; Tavernier 2014: 308–310, 317). Согласно последнему чтению, Аспачана исполнял почетную должность царского камергера, оставаясь при этом и носителем царского горита во время официальных церемоний. Топор же был его личным оружием, символизировавшим высокое положение при дворе Дария I (Henkelman 2003: 120–128; Tavernier 2014: 315–317).

Независимо от того, какой из этих двух точек зрения следует отдать предпочтение, ясно одно: топоры-чеканы на указанных рельефах из Персеполя и Накш-и Рустама (рис. 3, 1–4) выступают в качестве атрибутов власти и высокого статуса их носителей (даже в том случае, если это оружие, подобно гориту с луком и стрелами, принадлежало царю). Возвращаясь же к Аспачане, необходимо отметить, что его привилегированный придворный статус подтверждается и в греческой нарративной традиции, по данным которой, он под именем Аспатина входил в число семерых виднейших персов, устроивших заговор против узурпатора мага Гауматы/Псевдо-Смердиса (Hdt. III. 70), и во время нападения на мага был ранен копьем в бедро (Hdt. III. 78)¹¹. Кроме того, сообщается, что позднее, при царе Ксерксе, сын Аспатина Прексасп был одним из командующих персидским флотом (Hdt. VII. 97). Вполне возможно, что Аспачана/Аспатин, помимо гробницы Дария I, изображен также на церемониальных рельефах из персепольской «Сокровищницы» (хотя есть предположение, что это был его сын Прексасп, см. Shahbazi 1976: 154). Судя по некоторым эламским документам, найденным в черте фортификационных укреплений Персепольской террасы (Hallock 1969: 24, 51, 53, 237, 406, 509, 670/s. v. Ašbazana) и в «Сокровищнице» (Cameron 1948: 57 [type 14, no. 12, 12a–12b, 14], 58, 102–104, 108–109, pl. VII; Schmidt 1957: 9, 13, 24, pl. 6, *seal no. 14*), в которых фигурирует Аспачана (эламск. Ашбазана) и которые имеют на себе отпечатки его печатей, он был крупным администратором в Персеполе, причем не только при Дарии I (впервые он упоминается под 28-м годом правления последнего), но и, по меньшей мере, в первые три года правления Ксеркса (Garrison 1998; Hallock 1985: 590; Shahbazi 1987: 787; Henkelman 2003: 123–124). Ранее считалось, что в надписи на печати Аспачаны/Аспатина (PTS 14*) присутствовал его патроним — «сын Прексаспа», т. е. он мог быть сыном того Прексаспа, который входил в ближайшее окружение царя Камбиза II (530–522) и был облечен его особым доверием (Shahbazi 1987: 787; Briant 2002: 898; об этом Прексаспе см. Дандамаев 1985: 65, 69), однако теперь правильность такого чтения этой надписи оспаривается (Garrison 1998: 125, note 21; Henkelman 2003: 124, note 28)¹².

Важно подчеркнуть, что топоры-сагарисы в качестве церемониальных атрибутов персидских царедворцев появились не ранее правления Дария I, причем не с самого его начала. По крайней мере, какого-либо боевого топора нет ни у одного из двух оруженосцев Дария, изображенных

¹¹ Правда, в Бехистунской надписи Дария I Аспачана/Аспатин отсутствует в числе заговорщиков против Гауматы/Смердиса, вместо него там упоминается некий Ардуманиш, сын Вахауки (DB. IV. 83–86, см. Kent 1953: 130, 132; Schmitt 2009: 86), по другим источникам неизвестный. Судя по написаниям их имен, это должны были быть два разных человека. По этому поводу было высказано мнение, что Аспатин «очевидно, был включен Геродотом в список заговорщиков под влиянием того обстоятельства, что он занимал высокое положение при Дарии», а Ардуманиш, возможно, «был убит при нападении на Гаумату» (Дандамаев 1985: 77, 79).

¹² В любом случае сын этого Прексаспа, служивший царским виночерпием (οἰνωχός) при дворе Камбиза, не мог быть Аспатином, как это полагал А. Шахбази (Shahbazi 1987: 787), поскольку сын Прексаспа еще в очень молодом возрасте был убит Камбизом (Hdt. III. 34–35).

на монументальном рельефе, выбитом около 520 г. до н. э. на скале Бехистун (Бисутун) неподалеку от Керманшаха на западе Ирана в честь побед, одержанных Дарием над восставшими против него народами. Ближний к царю оруженосец держит церемониальный лук (боевой, надо полагать, в этот момент находится в руке у Дария), а другой — копье (Luschey 1968: 68–71, Abb. 5, Taf. 26–27; 35–36; 40, 3; Koch 1992: 14–20, Abb. 5–7; Дандамаев 2013: 50, 194; Sekunda 1992: 10). Чеканы же в числе предметов парадной экипировки царских оруженосцев фигурируют на более поздних ахеменидских монументах, упомянутых выше, — гробнице Дария I в Накш-и Рустаме и церемониальных рельефах из «Сокровищницы» и «Зала со 100 колоннами» в Персеполе, а также на оттисках печати DS 4 из Даскилеи, на которых это оружие воспроизведено очень схематично.

Р. Халлок, издавший эламские документы из персепольского «Архива крепостной стены», в том числе опубликовал табличку (PF 1560), в которой речь идет о носителе боевого топора (*artī kutīra*) по имени Ашшаштуррана, получившем от царского хозяйства вино в качестве своего довольствия (Hallock 1969: 436, 670, 719). Впрочем, рассматривать этот персонаж как воина, вооруженного боевым топором (Дандамаев, Луконин 1980: 235; Дандамаев 2013: 197), или как царского оруженосца вроде Аспачаны/Аспатина нет оснований, поскольку сам издатель этого документа, очевидно, не имея уже возможности внести исправления в сданный в издательство текст книги, отказался в предисловии к ней от своего первоначального чтения эламск. термина *artī* как «боевой топор» в пользу чтения «колчан» (Hallock 1969: v; см. также Borger 1972: 389–393).

Э. Шмидт, считавший Аспачану/Аспатина носителем царского топора, полагал, что Дарий I, возможно, был похоронен в своей гробнице «в полном парадном облачении, украшенный диадемой, нашейным ожерельем и браслетами, и со своими копьем, луком и боевым топором» (Schmidt 1970: 90). Церемониальная функция топора определенно просматривается на так называемом Большом лекифе Ксенофанта, где один из изображенных на нем персов, явно высокого социального статуса (на что указывает гривна на его шее), держит в правой руке топорик-клевец, а левую поднял в знак приветствия с выставленным вперед указательным пальцем (рис. 4, 4), т. е. в полном соответствии с принятой в древнеиранском мире церемониально-ритуальной жестикულიацией (см. Bromberg 1992). В качестве ближайших параллелей к почитанию топоров в ахеменидском Иране как парадно-культурных объектов порой видят некоторые материалы придворного характера XX в. до н. э. (!) из Элама (см. Henkelman 2003: 125). Однако его истоки, думается, коренятся в общеиранской традиции, отголоски которой сохранились в цитированных выше сведениях Геродота о сакральном значении топоров-сагарисов для северопричерноморских скифов (Hdt. IV. 5; 7; 70). Учитывая то обстоятельство, что персы, скорее всего, заимствовали сагарисы у среднеазиатских кочевников (см. ниже), их отношение к этим предметам вооружения как атрибутам власти могло возникнуть под влиянием последних.

С территории Ирана происходят находки двух проушных с короткой втулкой топоров-чеканов ахеменидского времени. Один, длиной 24 см, отлитый из бронзы, был обнаружен в «Зале со 100 колоннами» Персеполя (Schmidt 1939: 49, 93–94, fig. 30, *PT4 1094*; 1957: 97, 100, 149, pl. 78, 1, 79, 1; Curtis et al. 2005: 234, cat. no. 436; Bittner 1987: 176, Anm. 6, Taf. 14, 4; Trümpelmann 1990: 84, Abb. 4; Head 1992: fig. 16, e; Potts 2012: 459–461, fig. 2; 3) (рис. 3, 6). Поскольку он был найден в сооружении, строительство которого было начато Ксерксом, а закончено Артаксерксом I (см. выше, примеч. 9), то можно предположить дату для этого чекана не позднее второй-третьей четверти V в. до н. э. Однако он наверняка старше, так как на его втулке под бойком имеется стилизованное миниатюрное изображение головки хищной птицы, что характерно для чеканов, бытовавших еще до V в. до н. э. на огромной территории евразийской степи и лесостепи от Южной Сибири до Средней Волги (см. Курочкин, Субботин 1992). Клинок рассматриваемого предмета вооружения отличается от клинка чекана, изображенного на персепольских рельефах, тогда как их обухи похожи (рис. 3, 2a). Предполагается, что он вообще мог оказаться в Персеполе «через саков Средней Азии либо как дар, либо как трофей, либо как коллекционное оружие» (Там же: 63). Мнение же о том, что чеканы данного типа произошли «из каких-то районов, подвластных ахеменидскому Ирану» и затем распространились в Южную Сибирь «через Среднюю Азию и Восточный Казахстан» (Членова 1967: 37), не представляется убедительным.

Второй чекан, изготовленный из железа и имеющий длину 25,8 см, входил в состав сопроводительного инвентаря богатого воинского захоронения (№ 3), раскопанного в могильнике Васке в Гиляне — область на юго-западном побережье Каспийского моря (Potts 2012: 459, fig. 1) (рис. 3, 7).

Следует отметить, что упомянутый П. Мури (Moorey 1985: 27) чекан (или клевец?) с железной боевой частью и серебряной втулкой, датируемый им V в. до н. э., который якобы происходит из Западного Ирана и хранится ныне в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (см. Crawford 1975: 36; Иванчик 2001: 46, рис. 22, 4), не может быть учтен в настоящей работе в связи с отсутствием сколько-нибудь надежных сведений о месте его обнаружения.

Железный проушный топор-клевец длиной 25,2 м был найден на некрополе Деве-Гуюк II в Северной Сирии, в стратиграфическом контексте V в. до н. э. (Moorey 1975: 114, fig. 3, 7; 1980: 67, fig. 10, 220; Trümpelmann 1990: 84, Abb. 5; Head 1992: fig. 16, f) (рис. 3, 8–8a). По всей видимости, он попал туда вместе с персидским оккупационным контингентом. В связи с этим интересно отметить, что персы, вооруженные клевцами, изображены на аттических краснофигурных сосудах второй четверти V в. и первой четверти IV в. до н. э. (рис. 4, 1–4).

Считается, что первыми, кто принес в Западную Азию кирковидные боевые топоры, были киммерийцы и ранние скифы из Северного Причерноморья, от которых они перешли к мидийцам и другим местным народам (Moorey 1975: 114; 1980: 67; 1985: 27). Однако нет никаких достоверных данных о заимствовании этого вида боевых топоров местным населением именно в результате киммерийско-скифского пребывания на Ближнем Востоке. Появление чеканов и клевцов в комплексе вооружения армий Ирана, несомненно, было связано с восточным влиянием — со стороны кочевых народов западной части Центральной Азии, прежде всего саков. Произошло это уже после покорения части сакских племен Дарием I, когда их отряды начали вливаться в персидские войска, т. е. где-то ближе к рубежу VI–V вв. до н. э. И хотя для ахеменидского периода клевцы, в отличие от чеканов, не засвидетельствованы в дошедших до нас вещественных и иконографических материалах, имеющих отношение к среднеазиатскому региону, косвенно это подтверждается их изображениями в греческой краснофигурной вазописи (см. выше) и на индо-сакских монетах I в. до н. э. (см. ниже).

Кроме чеканов и клевцов, ахеменидское воинство использовало также другой тип боевых топоров. Речь идет о секирах с расширяющимися к лезвию плоскими клинками в виде полумесяца и заостренными прямыми или загнутыми вниз обушками. Ими вооружены персы и амазонки на памятниках древнегреческого искусства: керамических сосудах V и IV вв. до н. э. (Furtwängler, Reichhold 1909: 88–92, 109–111, 145, 150–152, 158–159, 222–226, 277–282, 297–303, Abb. 46–47; 49–50; 53; Taf. 75/76; 81; 103; 113; 116; Gerhard 1847: 42–45, 47–48, 50–52, Taf. CLXIII; CLXV, 4; CLXVI, 1, 2; Bovon 1963: 582, 584, 587, fig. 7; 10; 15; Виноградов 2007: 14, 26; Толстой, Кондаков 1889: рис. 109; Head 1992: fig. 9, c; 27, c; 28; Bittner 1987: 175, Taf. 7, 1; Sekunda 1992: 60; Koch 1992: 219, Abb. 160) (рис. 4, 5–9), знаменитом «Саркофаге Александра» конца IV в. до н. э. из Сидона (Winter 1912: Taf. 11; 12; 16; Graeve 1970: Taf. 39–42; 44–45; Bittner 1987: 175, 176, Taf. 14, 2; 39, 2; Ghirshman 1964: fig. 447) (рис. 4, 10–10a) и таких произведениях торевтики второй половины IV в. до н. э. из Северного Причерноморья, как золотая накладка на ножны меча из скифского кургана Чертомлык в Приднепровье (Алексеев 2012: 218; Алексеев и др. 1991: 239, 243) (рис. 3, 5) и золотой калаф из боспорского кургана Большая Близница на Тамани (Толстой, Кондаков 1889: 48–49, рис. 66; Артамонов 1966: 68, табл. 292; Schwarzmaier 1996: 130, Abb. 18) (рис. 4, 11). В древнегреческом языке боевые секиры обозначались терминами *πέλεκυς* и *ἀξίνη*, и, очевидно, именно это оружие имелось в виду в рассказе Геродота о том, что в битве при Марафоне одному из афинских стратегов Кинегиру кто-то из персов отрубил руку секирой (*πελέκεϊ*), когда тот во время преследования отступающих врагов попытался захватить их корабль (Hdt. VI. 114).

Топоры-секиры, как и чеканы, у персов также могли быть атрибутами власти и высокого социального статуса. Наглядным подтверждением этому служит уже упоминавшийся выше «Большой лекиф» Ксенофанта, на котором один из главных персонажей, называемый в сопроводительной подписи Киром (Кир II Великий?), несет секиру в левой руке, причем не в боевом, а церемониальном положении, одновременно протянув правую руку в приветственном жесте (рис. 4, 5; Виноградов 2007: 14, 26–28).

Обратимся теперь к материалам из земель индо-иранского приграничья, где в последние века до нашей эры — первые века нашей эры политический контроль осуществляли пришедшие с севера кочевые народы иранского и тохарского происхождения. Они не только сокрушили власть греческих правителей в Бактрии и Северо-Западной Индии, но и организовали там свои государства, известные как Индо-Сакское (Индо-Скифское) и Кушанское. Первое располагалось

Рис. 4. Изображения персов и амазонок в греческом искусстве: 1–9 — краснофигурные сосуды (1, 2 — по Curtis et al. 2005; 3 — по Wiesehöfer 2009; 4, 5 — по Виноградов 2007; 6 — по Gerhard 1847; 7 — по Koch 1992; 8, 9 — по Furtwängler, Reichhold 1909); 10, 10a — саркофаг из Сидона (10 — по Ghirshman 1964; 10a — по Bittner 1987); 11 — золотой женский головной убор-калаф из кургана Большая Близница на Таманском п-ове (по Толстой, Кондаков 1889)

Fig. 4. Representations of Persians and Amazons in Greek art: 1–9 — red-figure vessels (1, 2 — after Curtis et al. 2005; 3 — after Wiesehöfer 2009; 4, 5 — after Виноградов 2007; 6 — after Gerhard 1847; 7 — after Koch 1992; 8, 9 — after Furtwängler, Reichhold 1909); 10, 10a — Alexander Sarcophagus from Sidon (10 — after Ghirshman 1964; 10a — after Bittner 1987); 11 — golden female headdress-*kalathos* from the Bol'shaya Bliznitsa barrow on the Taman Peninsula (after Толстой, Кондаков 1889)

в Пенджабе и долине Инда и было основано саками, прибывшими из степного ареала между Каспийским морем и горными системами Памира и Тянь-Шаня (см. Puri 1994; Neelis 2007: 56–79; Fröhlich 2008: 14–47). На аверсе некоторых монетных серий индо-сакских царей Спалириса и Аза I, правивших в I в. до н. э., изображены сами государи с топориками в вытянутых руках: первый показан идущим влево (Gardner 1886: 101, no. 1–5, pl. XXII, 2; Mitchiner 1978: 311, no. 2169–2170; Senior 2001: iss. 73; Fröhlich 2008: 92–93, sér. 1 = no. 53–60, pl. 5; Nikonorov 1997: vol. 1, 53; vol. 2, 11, fig. 26, *b*) (рис. 5, 1), второй — сидящим на верблюде вправо (Gardner 1886: 88, no. 178–180, pl. XIX, 9, Mitchiner 1978: 323, no. 2242, 2243; Senior 2001: iss. 81; Woppearachchi 2003: 20, fig. 1, *B*; Woppearachchi, Sachs 2003: 335, fig. 1; Fröhlich 2005: 71–72, fig. 10; 2008: 103, sér. 11 = no. 149–155, pl. 11, sér. 11) (рис. 5, 2–2а). Хотя предмет, который они держат, иногда принимают за стрекало погонщика слона (*añkuśa*) или нагайку (Mitchiner 1978: 311, 323; Invernizzi 1999: 138), это, вне всякого сомнения, топорик с изогнутым лезвием, т. е. клевец.

Существует мнение, что теми саками, которые во II–I вв. до н. э. пришли в Индию и на восточную часть Иранского нагорья, были амиргийские саки из Ферганы (P'iankov 1996: 38–39). Выше уже говорилось о том, что амиргийские саки ахеменидского времени были вооружены боевыми топорами-сагарисами. Это же оружие мы видим и на монетах Спалириса и Аза I, что является дополнительным аргументом в пользу теории о родстве индо-саков с амиргийцами.

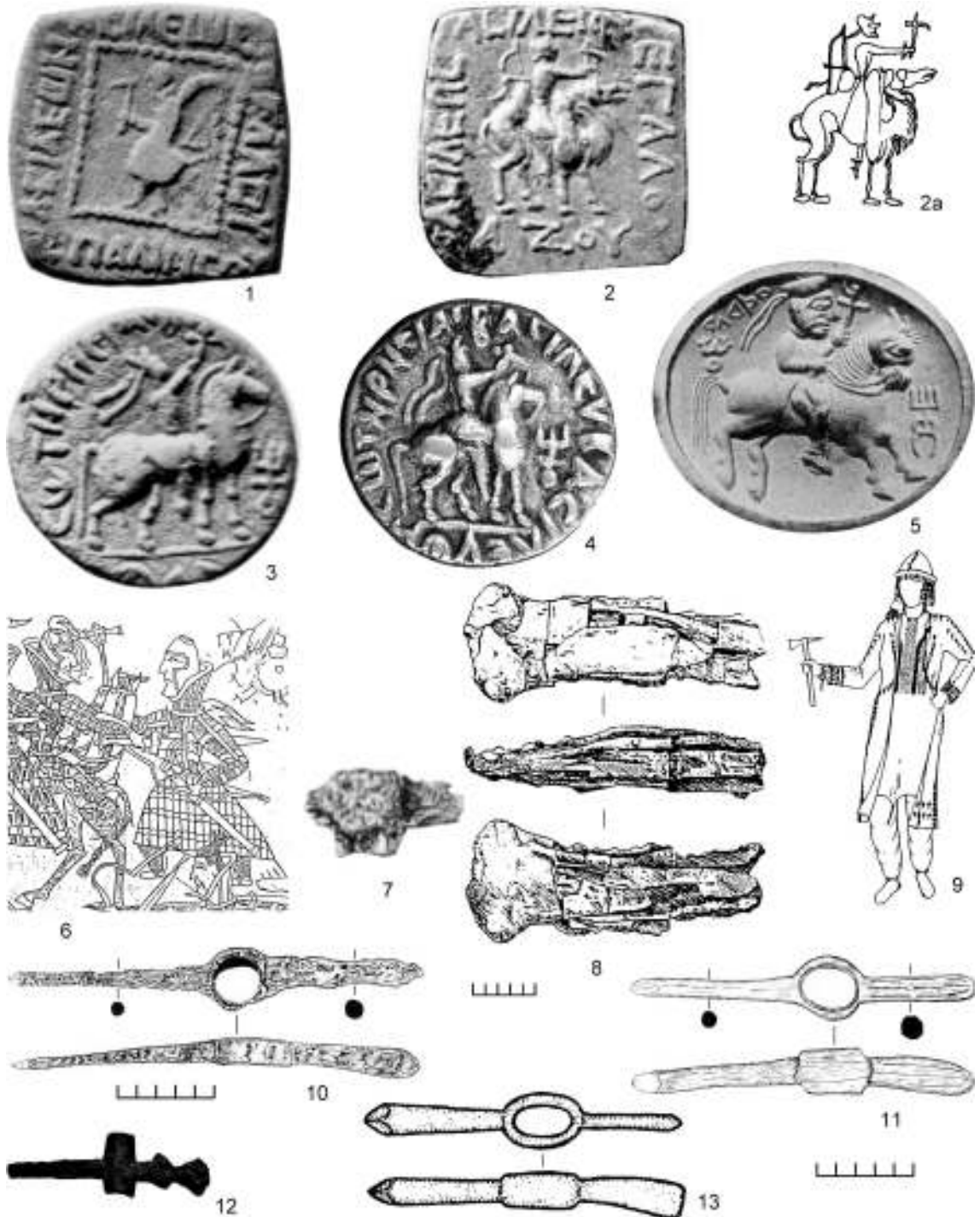
Один из первых кушанских государей, личное имя которого неизвестно, но который гордо именовал себя на своих многочисленных монетах титулом ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ («Царь Царей — Великий Спаситель»), изображался на них в виде всадника с высоко поднятым в правой руке топориком кирковидной формы (Gardner 1886: 114–116, no. 1–22, 26–27, pl. XXIV, 1–4, 6; Массон 1950: 18–25; MacDowall 1968: 29–33; Mitchiner 1978: 399–404, no. 2915–2924, 2928–3002; Зеймаль 1983: 160–162, pl. 19–20; Narain 1997: 48–49) (рис. 5, 3–4). Это оружие, как и в случае с монетами Спалириса и Аза I, неверно интерпретируется некоторыми исследователями как стрекало-*añkuśa* или нагайка (см. приведенные выше работы П. Гарднера, Д. Макдоуэлла, М. Митчинера, А. К. Нарайна). М. Е. Массон и Е. В. Зеймаль, безусловно, правильно рассматривали его как топорик. Судя по его изображениям, он имеет массивные обух и навершие, а на отдельных монетах походит на клевец (рис. 5, 3), если, конечно, кажущаяся кривизна клинка топорика не обусловлена закругленностью монетного поля. На прочих, более многочисленных монетных выпусках топорик показан с прямым клинком (рис. 5, 4) — т. е. он выглядит как чекан. Разумеется, небольшие размеры монет не позволяли резчикам воспроизвести царское оружие с большой степенью точности. Вполне вероятно, что в реальности «Царь Царей — Великий Спаситель» использовал в качестве своих инсигний как чекан, так и клевец.

Этот анонимный государь, властвовавший над Бактрией, Пенджабом и областью Кабула и считающийся первым кушанским царем, прочно обосновавшимся в землях по обе стороны Гиндукуша, и «главным основателем Кушанской империи в Индии» (MacDowall 1968: 48), являлся, как недавно убедительно показал О. Бопераччи, узурпатором на кушанском троне, правившем около 92/97–110 гг. н. э. (Woppearachchi 2006; 2008). Близкой аналогией его конным портретам на монетах является кушанская гемма из собрания Британского музея, датируемая II в. н. э. (надпись и монограмма позволяют отнести ее ко времени царствования Канишки I или Хувишки). На ней изображен всадник с диадемой на голове, сжимающий в левой руке предмет в виде креста (White 1964: 15, fig. 1; Rosenfield 1967: 101–102, pl. XVI, *seal 1*; Bivar 1968: pl. I, 4; Nikonorov 1997: vol. 1, 53; vol. 2, 14, fig. 37, *e*) (рис. 5, 5) — по всей вероятности, это топорик-чекан с навершием, напоминающим полумесяц.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что клевцы и чеканы занимали очень важное место в церемониальной атрибутике индо-сакских и кушанских правителей. Необходимо подчеркнуть, что это было естественно не только для первых — выходцев из сакской среды, в которой боевые топоры (как показано выше) имели широкое применение, но и для вторых. Как известно, кушаны были одним из пяти племен, входивших в объединение кочевников индоевропейского происхождения, называемое Большими юечжами в китайских анналах и тохарами в античных источниках. Идентичность этнонимов «юечжи» и «тохары» сейчас можно считать вполне доказанной (см. Beckwith 2009: 380–383; Benjamin 2007: 186–187). Во второй половине II в. до н. э. Большие юечжи/тохары, двигаясь в западном направлении со своей родины в восточной части центральноазиатских степей, пришли в Бактрию, где приняли участие в борьбе за греко-бактрийское наследство и первоначально осели в ее северной

части, расположенной к северу от р. Окса (Амударья). Позднее они перешли Окс и заняли Южную Бактрию. К середине I в. н. э. кушаны подчинили себе остальные племена Больших юечжей/тохаров и основали мощную империю, которая в зените своего могущества, при Канишке I, царствовавшем в первой половине II в. н. э., охватывала огромные территории в Центральной и Южной Азии — от бассейна р. Тарим на севере до Индо-Гангской равнины на юге (об истории юечжей/тохаров подробно см. Benjamin 2007; Крюков 1988: 236–241; Narain 1990; Enoki et. al. 1994; Liu 2001; Neelis 2007: 79–91).

Подобно индо-сакам, юечжи/тохары имели в своем арсенале топоры кирковидного типа еще задолго до своего ухода в Бактрию. Они не только применяли их в бою, но и рассматривали эти

предметы вооружения и их уменьшенные копии в качестве ритуальных и статусных атрибутов. Это демонстрируют, в частности, находки бронзовых и железных чеканов боевых размеров (рис. 5, 10–11), а также их бронзовых уменьшенных моделей и совсем миниатюрных копий, изготовленных из бронзы, кости и дерева¹³, в погребениях пазырыкской культуры (VI–III вв. до н. э.) на Алтае (Кочеев 1988; 1999: 75–76; Самашев и др. 2008: 62). В литературе уже высказывалось достаточно аргументированное мнение о том, что в IV–III вв. до н. э. Алтай входил в состав обширнейшего государственного образования, основанного юечжами/тохарами, которое включало в себя Синьцзян (Китайский или Восточный Туркестан), Монголию, китайскую провинцию Ганьсу и соседние регионы (Кляшторный, Савинов 1998; 2005: 21–25). Это государство процветало до первой половины II в. до н. э., когда было сокрушено сюнну (азиатскими гуннами). Кроме того, бронзовые чеканы скифо-сакского времени, включая фрагменты двух миниатюрных церемониальных, были обнаружены в Хотанском и Турфанском оазисах Синьцзяна (Stein 1928: vol. I, 99, 114; vol. III, pl. X, *Badr. 0115–0116*; Погребова, Раевский 1988: 171–173, рис. 21; Горелик 1995: 382–383; Худяков 1995: 11, рис. III, 2–3) (рис. 5, 12). В свете вполне обоснованного факта, что ближе к концу скифо-сакской эпохи бассейн Тарима находился под властью юечжей/тохаров, эти находки, надо полагать, связаны либо с ними самими, либо с местным населением, родственным или союзным им. То же самое можно сказать и о бронзовых и железных чеканах из погребений чандманьской культуры (V–III вв. до н. э.) в Западной Монголии (Худяков, Эрдэнэ-Очир 2011: 131–134; Новгородова 1989: 263, 274–275) (рис. 5, 13).

Важно отметить, что в индо-сакский и кушанский периоды клевцы и чеканы, будучи церемониальными предметами и атрибутами власти у народов центральноазиатского происхождения, продолжали также использоваться в их среде в качестве боевого оружия, хотя и не в столь значительном масштабе, как прежде. Это подтверждается единственным, но чрезвычайно интересным памятником изобразительного искусства, созданным в Согде или прилежащих к нему степях, — батальной сценой, выгравированной на большой костяной пластине из кург. 2 Орлатского могильника в Самаркандской обл. Она состоит из четырех дуэлей между закованными в доспехи витязями одного и того же этнического облика, как конными, так и спешенными. Участник одной из них показан в тот момент, когда он, стоя на земле, пробивает своим кирковидным топориком шлем конного противника, а тот одновременно наносит ему разящий удар мечом в грудь (Пугаченкова 1987: 57; 1989: 150, рис. 71; Бернар, Абдуллаев 1997: 80, рис. 2; Ilyasov, Rusanov 1998: 119, pl. IV, 1; XIII; Никоноров,

¹³ Помещение уменьшенных (вотивных) моделей оружия в погребения может интерпретироваться как имитация реальных предметов вооружения, которые по тем или иным причинам (страх перед мертвецами, «экономика» и т. п.) не хотели класть вместе с умершими (см. Вадецкая 1987: 68), при этом преимущественно сакральный смысл такого обычая, как и в случае наличия в сопроводительном инвентаре боевого оружия, не вызывает сомнений.

Рис. 5. 1 — монета индо-сакского правителя Спалириса (по Gardner 1886); 2, 2a — монета индо-сакского царя Аза I (по Fröhlich 2005); 3, 4 — монеты безымянного кушанского правителя с титулом «Царь Царей — Великий Спаситель» (3 — по Gardner 1886; 4 — по Bopearachchi 2006); 5 — кушанская гемма из коллекции Британского музея (по Bivar 1968); 6 — деталь батальной сцены на костяной пластине из Орлатского могильника в Самаркандской области (прорисовка А. М. Савина); 7 — обломок кушанского железного топора из Дильберджина в Северном Афганистане (по Кругликова 1986), не в масштабе; 8 — железный топор из Кампыртепа в Южном Узбекистане; 9 — погребальная экипировка женщины из могилы № 2 Тиллятепе в Северном Афганистане, реконструкция С. А. Яценко (8, 9 — по Nikonorov 1997); 10, 11 — железный и бронзовый чеканы с Русского Алтая (по Кочеев 1999); 12 — бронзовый миниатюрный чекан из Хотанского оазиса в Синьцзяне (по Stein 1928); 13 — бронзовый чекан из Западной Монголии (по Худяков, Эрдэнэ-Очир 2011)

Fig. 5. 1 — coin of the Indo-Saka king Spalirises (after Gardner 1886); 2, 2a — coin of the Indo-Saka king Azes I (after Fröhlich 2005); 3, 4 — coins of the anonymous Kushan ruler entitled the «King of Kings — Great Saviour» (3 — after Gardner 1886; 4 — after Bopearachchi 2006); 5 — Kushan gem from the British Museum collection (after Bivar 1968); 6 — fragile episode on the large bone plate from Orlat in the Samarkand region (drawing by A. M. Savin); 7 — fragment of a Kushan pick (?) from Dil'berjin in Northern Afghanistan (after Kruglikova 1986), not to scale; 8 — iron axe from Kampyrtepa in Southern Uzbekistan; 9 — funerary outfit of a woman from the grave no. 2 of Tillyatepe in Northern Afghanistan, as reconstructed by Serguei A. Yatsenko (8, 9 — after Nikonorov 1997); 10, 11 — iron and bronze picks-*chekans* from the Russian Altai (after Кочеев 1999); 12 — bronze miniature pick-*chekan* from the Hotan oasis in Xinjiang (after Stein 1928); 13 — bronze pick-*chekan* from Western Mongolia (after Худяков, Эрдэнэ-Очир 2011)

Худяков 1999: 145, рис. 3, 4) (рис. 5, 6). Клинок топорика настолько глубоко проник в голову всадника, что невозможно понять, прямой он или изогнутый, т. е. клевец это или чекан.

Все витязи, изображенные на этой пластине, по-видимому, принадлежали к воинской элите мощного государства Кангюй, объединявшего многие кочевые и оседлые племена Средней Азии и просуществовавшего под главенством номадов на обширной территории, которая охватывала область по Средней Сырдарье, районы Ташкентского оазиса и часть земель между Амударьей и Сырдарьей со II в. до н. э. до конца III в. н. э. (см. Zadneprovskiy 1994: 463–464; Заднепровский 1997: 18–21). Этнокультурный фон кангюйцев, оставивших Орлатский некрополь, оценивается исследователями по-разному. Так, Г. А. Пугаченкова (1987: 62–63), отметила сходство их материальной культуры с сарматской, по мнению Дж. Я. Ильясова и Д. В. Русанова, они были потомками саков (Pyasov, Rusanov 1998: 131), а с точки зрения П. Бернара и К. Абдуллаева (1997: 84) — юечжами. Совсем недавно А. Н. Подушкин (2012) с известной долей осторожности предположил, что большая костяная пластина из Орлатского кург. 2, являясь, вероятно, деталью сложносоставного пояса, изготовленного суннскими мастерами, изображает суннских же витязей, которые были вовлечены в события, происходившие в Центральной Азии в I в. до н. э. Такая гипотеза все же маловероятна: дело в том, что орлатские воины показаны тяжеловооруженными всадниками-катафрактами, причем один из них сражается топориком, а это противоречит тому, что мы знаем о военном деле азиатских гуннов, которые никогда не использовали ни тяжелую конницу, ни какие-либо боевые топоры (см. Худяков 1986: 25–52; Никоноров, Худяков 2004: 45–69). Скорее всего, представители кангюйской военной элиты имели восточноиранское или юечжийское/тохарское происхождение.

Г. А. Пугаченкова, автор первых публикаций рассматриваемой костяной пластины из Орлатского кург. 2, отнесла комплекс находок из него, главным образом, ко II–I вв. до н. э. (Пугаченкова 1987: 62; 1989: 147–148, 152). Однако несколько более поздние датировки, предложенные другими учеными, а именно, I–II вв. н. э. (Pyasov, Rusanov 1998: 123–130; Pyasov 2003: 274–299; Маслов 1999) и даже III в. н. э. (Litvinsky 2001: 150–155; Литвинский 2002: 195–201), все же имеют более весомую аргументацию.

Три железных топора найдены на бактрийских памятниках кушанской эпохи. Один из них происходит с цитадели городища Кампыртепа, руины которого лежат на юге Узбекистана, у древнего правого (северного) берега Амударьи, в 30 км к З от г. Термеза (Nikonogov 1997: vol. 1, 47; vol. 2, 10, fig. 25, b) (рис. 5, 8). Длина сохранившейся части этого экземпляра чуть больше 20 см, обушная часть утрачена. Трудно сказать, являлся ли он боевым оружием или же плотницким инструментом, хотя он вполне мог сочетать в себе обе функции. Дата кампыртепинского топора (со слов нашедшего его С. А. Савчука-Курбанова) — II–I вв. до н. э., хотя стратиграфически она может быть омоложена до I в. н. э.

Железный проушный топорик обнаружен среди других предметов сопроводительного инвентаря в женской могиле 2 знаменитого некрополя Тиллятепе близ г. Шибеган в Северном Афганистане (Sarianidi 1985: 23; Сарияниди 1989: 56, 66). Напомню, что там были открыты шесть чрезвычайно богатых погребений представителей раннекушанской правящей элиты, потомков юечжийских/тохарских завоевателей Бактрии. То обстоятельство, что упомянутый топорик был намеренно помещен вместе с двумя железными серповидными ножами южносибирского стиля в плетеную корзинку, поставленную в ногах погребенной женщины, определенно свидетельствует о его сакральном предназначении. К сожалению, в публикациях, посвященных результатам раскопок на Тиллятепе, нет никаких воспроизведений этого явно ритуального оружия. В них он именуется как «кирка (pick)» (Sarianidi 1985: 23) и «сильно коррозированный проушный топорик-клевец, обух которого выделен петлевидным навершием» (Сарияниди 1989: 66). Единственная его прорисовка, полученная мною благодаря любезности С. А. Яценко (Nikonogov 1997: vol. 2, fig. 32, i; см. также Yatsenko 2001: pl. 8) (рис. 5, 9), не позволяет отнести этот топорик к клевцам (впрочем, ее точность остается неясной). Было высказано интересное предположение, что Тиллятепинское погр. 2 принадлежало женщине-воительнице, выполнявшей жреческие функции (Davis-Kimball 2000: 227). Оно может быть датировано третьей четвертью I в. н. э. (Zeymal 1999: 242–243).

В так называемом Храме Диоскуров на городище Дильберджин, расположенном в 40 км к СВ от г. Балха (Северный Афганистан), был найден фрагмент кушанского железного кирковидного (?) топора (Кругликова 1986: 74, рис. 52, 23) (рис. 5, 7). Информация о данном предмете вооружения предельно лаконична: указано, что это «обломок боевого топора-клевца типа находимых в восточнопамирских

могильниках» со ссылкой на монографию Б. А. Литвинского (1972: 121, табл. 43, 6–7) (см. рис. 1, 10–11). Плохая сохранность изделия вместе с очевидной недостаточностью описания и низким качеством воспроизведения в публикации не позволяют прийти к сколько-нибудь удовлетворительному заключению относительно первоначальной формы этого оружия. Да и датировка хронологического контекста, в котором оно было обнаружено («четвертый строительный период»), временем правления кушанского царя Васудевы I, т. е. около 188–224 гг. (Кругликова 1986: 75), по-видимому, нуждается в серьезной ревизии — до VII–VIII вв. (см. Fitzsimmons 1996)¹⁴. Тем не менее рассматриваемый топор был наверняка гораздо древнее, попав в верхние культурные слои храмового сооружения из нижних, относящихся к кушанской эпохе. Такие перемещения артефактов (снизу вверх и в обратном направлении) были обычным делом в ходе строительной деятельности на древних памятниках Центральной Азии, где архитектурные сооружения воздвигались из сырцовых кирпичей и пахсы, изготовленных, в свою очередь, из лесса и строительных остатков, зачастую взятых прямо на месте предыдущих зданий. Факт обнаружения обломка боевого топора в дильберджинском «Храме Диоскуров» позволяет предположить, что он был принесен туда (уже во фрагментарном состоянии?) в качестве votивного подношения.

Если вернуться к изображениям индо-сакских и кушанских государей с церемониальными топориками кирковидной формы в руках (рис. 5, 1–5), то особый интерес в связи с ними представляет втульчатый клевец, найденный в 1950 г. в помещении 1 так называемого «Большого квадратного дома» (функционировавшего в древности в качестве сокровищницы) на городище Старая Ниса в Южном Туркменистане, являвшейся резиденцией парфянских царей, именуемой Михрдаткирт («Крепость Митридата») на их родине в Северной Парфии. Этот уникальный предмет (рис. 6, 1) имел явно парадное назначение, на что указывает материал, из которого он изготовлен, — серебро с частичной позолотой (основные публикации: Кошеленко 1977: 122, ил. 52–53; Invernizzi 1999: 129–135, tav. H, a–b; Пилипко 2001: 318, рис. 227; Pilipko 2006: 263–264, 270–271, fig. 11; 12, 1; Nikonov 2014: 183, fig. 2, 1–3). Размеры его были самыми что ни на есть боевыми: длина ударной части — 25 см, включая 3,5 см длины обушка; длина цилиндрической втулки (ее внешний диаметр 1,4 см) вместе с навершием — 11 см. Другими словами, это была полноразмерная реплика железного топорика-клевица, применявшегося в бою (за исключением, пожалуй, внутреннего диаметра втулки, который у нисийского экземпляра имеет всего лишь около 1 см вместо стандартного диаметра от 2 см). Плоскому клинку нисийского клевица с двумя остриями на конце придана вычурная изогнутая форма, снизу он декорирован двумя полумесяцами и восьмилепестковой розеткой, а еще две розетки (шестилепестковые) украшают его боковые плоскости ближе к втулке. Конец прямого и прямоугольного в разрезе обушка имеет вид усеченной ступенчатой пирамиды. Подобным же образом оформлено и начало клинковой части, между которым и шестилепестковыми розетками хорошо просматривается шов, образовавшийся, возможно, в результате поломки топорика и его последующего ремонта. На втулке ниже бойка располагаются декоративные элементы в виде точечных инкрустаций, а также небольшие треугольные в сечении выступы, служившие, по-видимому, для подвески топорика к поясу. Втулку венчает навершие, представляющее собой диск в сочетании с куполообразным набалдашником.

До недавнего времени нисийский топорик-клевец почти не привлекал к себе внимание исследователей. Первым, кто обстоятельно изучил этот неординарный артефакт, был А. Инвернизи, превосходно проанализировавший его художественное оформление (Invernizzi 1999: 129–138). Несколькими годами позже В. Н. Пилипко отвел данному предмету парадного вооружения определенное место в своей статье об оружии из Старой Нисы (Pilipko 2006: 263–264, 270–271, fig. 11; 12, 1), однако предложенная там аргументация относительно его происхождения оказалась весьма уязвимой для критики (см. Nikonov 2014: 196–197).

Наконец, автор этих строк посвятил нисийскому клеvcу статью (Ibid.), критически рассмотрев предшествующие точки зрения на его историко-культурную интерпретацию и предложив свою, которая может быть суммирована следующим образом (Ibid.: 220–221). По всей вероятности, это церемониальное оружие оказалось в Михрдаткирте в качестве трофея, захваченного парфянами в ходе боевых действий против центральноазиатских кочевников, называемых в письменных источниках скифами/саками и юечжами/тохарами, чьи орды вторглись в восточные пределы Парфянского

¹⁴ То же самое следует сказать и о дате возведения «Храма Диоскуров», который был построен не во II в. до н. э., при греко-бактрийском царе Евкратиде I, как полагала И. Т. Кругликова (1986: 106), а самое раннее во I–II вв. н. э., т. е. при Великих Кушанах (см. Lo Muzio 1999: 44–50).

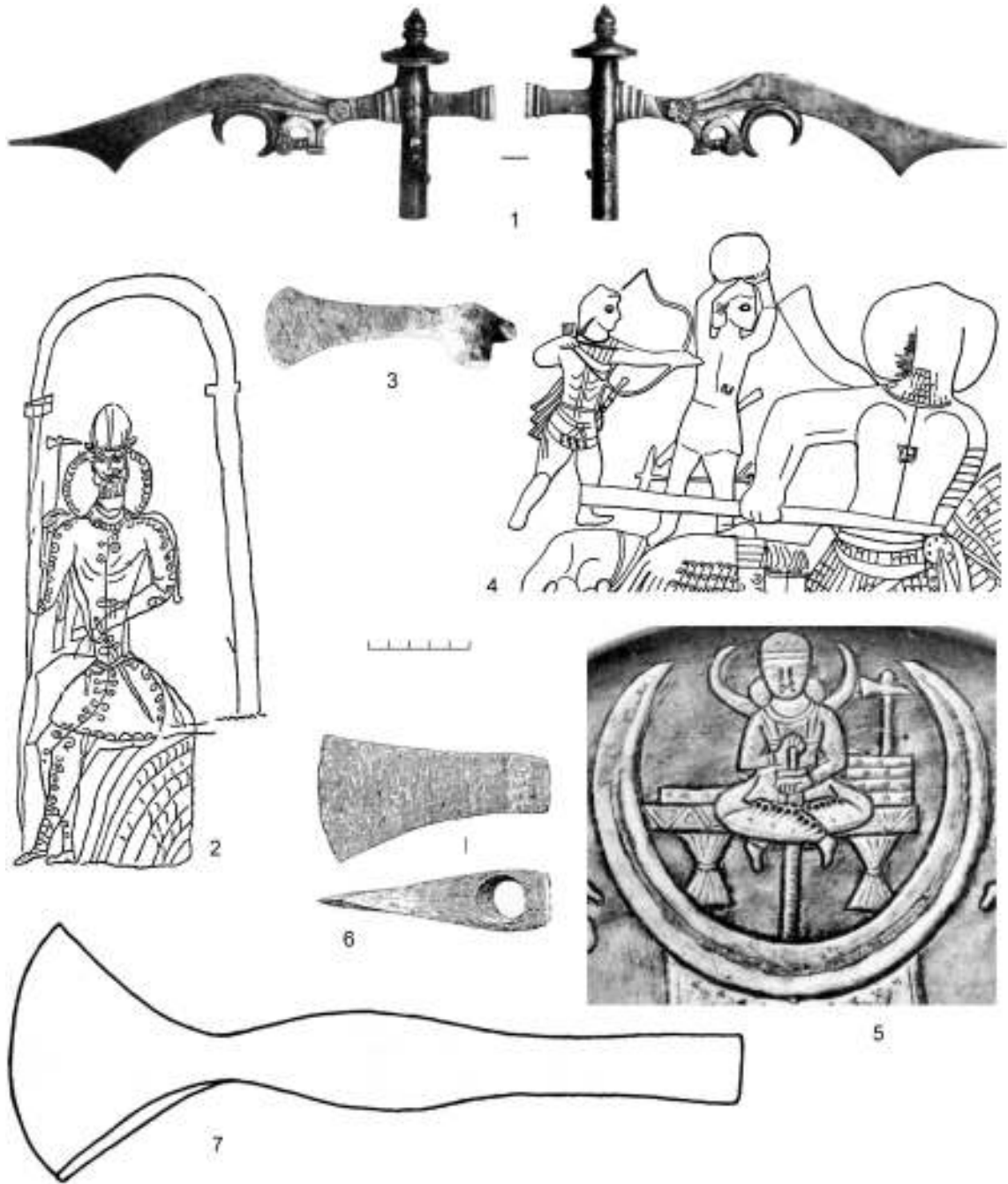

Рис. 6. 1 — серебряный клевец из Старой Нисы в Южном Туркменистане (по Nikonorov 2014); 2 — граффити из Дура-Европос (по Rostovtzeff 1932); 3 — железная секира из Раши в Гиляне (по Moshtagh Khorasani 2006); 4 — деталь наскального рельефа в Танг-и Сарваке в Юго-Западном Иране (по Gall 1990); 5 — деталь изображения на серебряном блюде из д. Климовой Пермской губ. (по Орбели, Тревер 1935); 6 — железный топор из Бхир Маунда в Таксиле (по Marshall 1951); 7 — железный топор из Старой Нисы (по Pilipko 2006)

Fig. 6. 1 — silver pick-klevets from Old Nisa in Southern Turkmenistan (after Nikonorov 2014); 2 — graffiti from Dura-Europos (after Rostovtzeff 1932); 3 — iron axe from Rashi in Gilan (after Moshtagh Khorasani 2006); 4 — detail of the combat rock relief at Tang-i Sarvak in South-Western Iran (after Gall 1990); 5 — detail of the depiction on a silver plate from the village of Klimova of the Perm Governorate (after Орбели, Тревер 1935); 6 — iron axe from Bhir Mound at Taxila (after Marshall 1951); 7 — iron axe from Old Nisa (after Pilipko 2006)

государства в начале последней трети II в. до н. э. Эти войны оказались исключительно кровопролитными. Причем в них погибли два парфянских монарха: Фраат II (около 138/7–128) был убит в сражении со скифами вскоре после своей победы над селевкидским царем Антиохом VII, а Артабан I (около 123–88/7) умер от раны, полученной в битве с тохарами. Только сыну последнего, Митридату II (около 123–88/7), удалось разбить этих воинственных номадов в первые годы своего правления и тем самым восстановить порядок на востоке империи Аршакидов (Iust. XLII. 1. 1–2. 5; см. также Olbrycht 2010: 150–155). Можно предположить, что клевец, обнаруженный в Старой Нисе, служил символом военной власти для сакского или тохарского вождя, побежденного Митридатом II, который отправил его как важную часть захваченной добычи в свою резиденцию в Северной Парфии, расположенную не так далеко от театра боевых действий. Там этот атрибут неприятельской парадной экипировки в течение какого-то времени мог быть выставлен на всеобщее обозрение, а затем помещен в местную «Сокровищницу», где его и нашли советские археологи более чем две тысячи лет спустя.

Следует согласиться с А. Инверници, что, судя по декору и дизайну нисийского топорика, он был изготовлен в греко-иранской культурной среде Центральной Азии (Invernizzi 1999: 138). Однако, вопреки его мнению, местом производства этого предмета вряд ли была Старая Ниса или какой-то другой центр в пределах Парфянского царства. Как будет показано ниже, нет достоверных свидетельств того, что парфяне использовали кирковидные топоры в качестве оружия или культового символа, однако иначе обстояло дело с центральноазиатскими кочевниками, вторгнувшимися во владения Аршакидов во второй половине II в. до н. э. К тому же при парфянской атрибуции рассматриваемого клевица трудно объяснить тот факт, что он был помещен в «Сокровищницу» Михрдаткирта вместе со многими другими предметами, в основной массе имевшими иноземное происхождение (см. Пилипко 2001: 163, 313–333), вместо того чтобы использоваться при дворе Аршакидов по своему прямому назначению.

Думается, что расположенная к востоку от Парфии Бактрия вполне могла быть тем местом, где был сделан обнаруженный в Старой Нисе клевец, тем более что там с древнейших времен находился центр высокохудожественной обработки ценных металлов (см. Сарияниди 1989: 135–162), и это ремесло, вероятно, продолжало процветать и в эпоху греческого владычества в Бактрии (327–около 145/140 до н. э.). Где-то между 145 и 140 гг. до н. э. Северная Бактрия была отобрана у греков кочевниками-саками (сакаравлами), которые, в свою очередь, приблизительно десятилетием позже (около 130 г. до н. э.) были побеждены и изгнаны другими кочевниками, также пришедшими из степей Центральной Азии, — юечжами/тохарами (см. Benjamin 2007: 181–189). Оба этих пришлых народа получили доступ к местной производственной базе художественной металлообработки, а их вожди — возможность заказывать у бактрийских ремесленников парадное оружие наподобие клевица, найденного в Старой Нисе.

Существование же культа боевых топоров среди самих парфян сомнительно. На первый взгляд, этому утверждению противоречит граффито, обнаруженное в так называемом Храме пальмирских богов в крепости Дура-Европос на Евфрате. На нем изображен высокопоставленный вельможа, сидящий на высоком кресле или троне, за которым показана арка (Cumont 1926a: 267–270, pl. XCIX, 2; 1926b: 181–185, fig. 1; Rostovtzeff 1932: 193, 196, fig. 1; Goldman 1990: 18–22, fig. 2; 2000: 42–43, cat. no. C. 6; Беленицкий 1959: 38, рис. 5) (рис. 6, 2). Его образ передан во вполне реалистичной и детальной манере: он одет в типичный иранский («мидийский») костюм — длинный распашной кафтан и штаны; его головной убор представляет собой сегментный (?) шлем, снабженный рогами либо нащечниками, поднятыми вверх; его лицо обрамлено бородой с усами; на шее показана гривна, а позади шеи и головы — круг с курчавой окантовкой, передающий прическу или нимб; предметами его вооружения являются кинжал, заткнутый за пояс, и топорик с боевой частью, напоминающей некоторые персидские боевые топоры на памятниках греческого искусства классического периода (рис. 3, 5; 4, 5–6, 8–9), который он держит в правой руке. Топорик этот, несомненно, церемониальный, подчеркивающий высокий ранг его обладателя. Последний идентифицируется по-разному: как один из последних аршакидских или первых сасанидских монархов (Cumont 1926a: 269), обожествленный парфянский царь (Rostovtzeff 1932: 193) или знатный сасанидский визитер (Goldman 1990: 20–22; 2000: 42). Казалось бы, парфянская атрибуция этого персонажа выглядит более предпочтительной, по крайней мере с формальной точки зрения. В самом деле, крепость Дура-Европос находилась под властью парфян в течение довольно долгого времени — с конца II в. до н. э.

до 160 х гг. н. э., когда она была захвачена римлянами. Сасаниды же брали ее дважды — ненадолго в 253 г. и три года спустя, чтобы окончательно разрушить. Тем не менее все же больше оснований считать рассматриваемое граффито не парфянским, а сасанидским. Дело в том, что именно в официальной иконографии некоторых (по меньшей мере трех) сасанидских правителей топор выступал в роли атрибута власти. Информация об этом содержится в ряде средневековых арабских и персидских сочинений, утверждающих, что царь Шапур II (309–379) и царицы Бурандухт (630–631) и Азармидухт (631–632) изображались сидящими на троне и держащими топор в руке (Mohl 1841: 262, 266; Sarre 1938: 595–596, note 2). Иллюстрацией к такого рода официальным портретам, хотя и не совпадающей с их описанием во всех деталях, может служить серебряное блюдо VII или начала VIII в. н. э., найденное в 1907 г. в дер. Климовой Пермской губ. (Орбели, Тревер 1935: табл. 19; Belenizki 1980: Abb. 12; Harper, Meyers 1981: XVI, 117–119; pl. 35; Marschak 1986: 292–294, 437, Abb. 195; Тревер, Луконин 1987: 111, кат. № 15, 143–144, табл. 29–31), в верхней части которого показан мужской персонаж в иранской одежде, сидящий со скрещенными ногами на троне в виде кушетки и опирающийся на длинный меч; слева от него, позади стопки подушек возвышается топор-секира (рис. 6, 5). Вне всякого сомнения, это изображение царя, и топор является одной из его инсигний. Климовское блюдо обычно относят к произведениям знаменитой художественной школы сасанидского серебра, хотя оно, судя по некоторым иконографическим и стилистическим особенностям, могло быть изготовлено к востоку от собственно Ирана (см. Harper, Meyers 1981: 119).

Возвращаясь к парфянам, следует отметить, что боевые топоры почти неизвестны для их комплекса вооружения. Среди дошедших до нас изображений аршакидского воинства топор встречается только однажды — на батальном рельефе (так называемом Монументе D/III) в Танг-и Сарваке на юго-западе Ирана, в пределах древней Элимаиды (Henning 1952: 161–162, pl. XX; Vanden Berghe, Schippmann 1985: 79–81, pl. 47–48; fig. 12; Kawami 1987: 105–109, 201–205, cat. no. 41, pl. 49; fig. 19; Gall 1990: 13–19, Abb. 1; Taf. 3–4; Mathiesen 1992: 132–133, cat. no. 9), датируемом около 200–225 гг. (см. Mathiesen 1992: 57–70). Его центральную часть занимает фигура главного героя, экипированного как катафракт (т. е. всадник, полностью закрытый вместе со своим конем доспехами) и атакующего противника с тяжелой пикой наперевес (рис. 6, 4). За ним, в левом верхнем углу рельефа изображены два пеших воина, один из которых, ближайший к катафракту, собирается бросить поднятый над головой большой камень. Позади его ног виден горизонтально лежащий боевой топор — это, по всей видимости, секира с заостренным прямым обухом и клинком, частично закрытым массивным древком пики. Примечательно, что конец рукояти секиры снабжен кольцом для подвешивания к поясу (Henning 1952: 162) или к седлу. Последнее более вероятно, ибо, согласно данным средневековой письменной традиции и материалам из музейных коллекций, приседельный топор (перс. *tabarzīn*) был распространенным предметом всаднического вооружения в Иране от эпохи раннего ислама до Нового времени (см. Melikian-Chirvani 1979; Moshtagh Khorasani 2006: 264–266, 663–665). Как демонстрирует рельеф в Танг-и Сарваке, а также железный топор-секира, найденный при раскопках на городище Бхир Маунд в Таксиле (Пенджаб) (рис. 6, 6; Melikian-Chirvani 1979: 117–118, со ссылкой на Marshall 1951: 551–552, pl. 166, no. 103)¹⁵, первые табарзины могли появиться уже в парфянское время. Правда, остается неясным, принадлежали ли эти секиры именно конным воинам. Более определенная информация приходит из арабских и новоперсидских источников, освещающих историю сасанидского Ирана в правление Хосрова I (531–579), где топор-табарзин упоминается среди снаряжения тяжеловооруженного персидского всадника (Bosworth 1999: 262–263; Bivar 1972: 276, 291).

Массивный железный проушный топор длиной 33,5 см (судя по размерам, скорее рабочий, чем боевой инструмент — см. ниже, примеч. 16) был обнаружен в помещении 3 «Большого квадратного дома» в Старой Нисе (Pilipko 2006: 263, 270, fig. 2, 6; 10, 1; Пилипко 2001: 160, рис. 224, 6) (рис. 6, 7). Надо полагать, что он, как и парадный серебряный клевец, попал туда в качестве военного трофея и вряд ли использовался самими парфянами.

Из раскопок в Раши (провинция Гилян) происходит железный втульчатый топор-секира с коротким обухом, ныне хранящийся в Иранском национальном музее и атрибутируемый как относящийся к парфянскому периоду; длина его боевой части составляет 13,5 см, втулки —

¹⁵ Следует иметь в виду, что директор раскопок в Таксиле Дж. Маршалл датировал этот топор III или II в. до н. э. (Marshall 1951: 551), тогда как А. Меликян-Ширвани без каких-либо объяснений отнес его ко II в. н. э. (Melikian-Chirvani 1979: 118).

4,5 см (Moshtagh Khorasani 2006: 264, 662, cat. no. 349, fig. 333) (рис. 6, 3). Впрочем, его принадлежность к собственно парфянскому комплексу вооружения маловероятна, скорее всего, он был оружием местного населения. В древности в горной части Гиляна жили воинственные и свободолюбивые дейлемиты, которые славились своей пехотой и неоднократно выступали в качестве союзников и наемников на стороне Аршакидов (Никоноров 2005: 145) и Сасанидов (Bosworth 1999: 160, note 405; Матвеев 2005: 229–230; Никоноров 2005: 145, примеч. 17), а затем арабских халифов, Буидов, Газневидов и Сельджукидов (Bosworth 1960; 1967; Матвеев 2005: 225–228, 230–235). Известно, что они были вооружены боевыми топорами — по крайней мере, те фигурируют как оружие дейлемитских воинов, входивших в состав армии Буидов (X–XI вв.) и гвардии телохранителей фатимидского халифа ал-Мустансира (XI в.) (Bosworth 1967: 149, 151, 158–159; Матвеев 2005: 231). Если вспомнить чекан из Васке (см. выше и рис. 3, 7), то можно предположить, что традиция использования боевых топоров в Гиляне восходит к ахеменидскому времени. Этническое происхождение дейлемитов не может быть точно установлено и трактуется исследователями по-разному: одни считают их иранцами (Fishbein 1990: 90, note 336), другие — автохтонным народом, жившим в Южном Прикаспии еще до прихода иранских племен (Minorsky 1991: 190).

Достаточно представительная коллекция из восьми железных топоров-секир была обнаружена в ходе раскопок на городище Сиркап в Таксиле (Marshall 1951: 551–552, pl. 166, no. 104–111) (рис. 7, 1–8). Все они проушные, а не втульчатые («socketed»), как указано в публикации, их длина варьирует от 9,2 до 17,2 см. Отличительная особенность этих орудий — почти полное отсутствие у них выступающей обушковой части, что само по себе может служить указанием на их преимущественно хозяйственное употребление. Если применить к ним классификацию, разработанную для древнерусских топоров IX–XIII вв. (см. Кирпичников 1966: 28–29)¹⁶, то они должны быть отнесены ко второй и третьим группам — секирам так называемых малых форм (уменьшенные копии рабочих топоров, использовавшиеся в ходе военных кампаний универсально — и как боевое оружие, и как хозяйственные инструменты) и рабочим топорам. Топоры из Сиркапа датируются автором публикации I в. н. э. (Marshall 1951: 551), и если предложенная им дата верна, то она приходится на периоды владычества в Таксиле поздних индо-саков, индо-парфян (пахлавов) и ранних кушан (см. Ibid.: 85). По этой причине данные орудия могут быть связаны с парфянами или любым другим из перечисленных народов в лучшем случае лишь гипотетически, не говоря уже о том, что их иноземное происхождение на нынешнем уровне наших знаний о сакских, парфянских и кушанских топорах-секирах не может быть доказано.

При рассмотрении сведений о топорах парфян намеренно были исключены те образительные данные об этом виде вооружения, которые связаны с греческим и семитским населением Ирана и Месопотамии аршакидской эпохи. Ограничусь только кратким перечислением памятников искусства с их изображениями: это костяные ритоны из «Сокровищницы» Старой Нисы (Массон, Пугаченкова 1959: 90–91, 107, 133, 144–145, 148, 181, 183, рис. 35)¹⁷, а также

¹⁶ А. Н. Кирпичниковым выделяются три группы древнерусских топоров: «1. Специально боевые топоры-молотки, топоры с украшениями, характерные по конструкции и незначительные по своему размеру. Большинство из них <...> не имеет аналогий с формами рабочих топоров. 2. Секиры «малых форм», которые использовались в военных целях как универсальный инструмент во время похода и боя <...> Они по форме очень похожи на производственные топоры, являясь как бы миниатюрной копией последних. 3. Тяжелые и массивные рабочие топоры. На войне, по-видимому, употреблялись редко» (Кирпичников 1966: 29). Насчет их размеров написано следующее: «Сотни проделанных измерений показывают обычные размеры боевых топоров (за некоторыми исключениями): длина лезвия 9–15 см, ширина до 10–12 см, диаметр обушного отверстия 2–3 см, вес до 450 г. Эти измерения повторяются на специально боевых топориках, имеющих, правда, несколько меньший вес (в среднем 200–350 г). Установленные выше размеры присущи большинству секир, найденных в дружинных погребениях. В свою очередь нахождение таких топоров в курганах воинов свидетельствует об их боевом назначении. В отличие от боевых размеры рабочих топоров следующие: длина 15–22 см (чаще 17–18 см), ширина лезвия 9–14,5 см, диаметр втулки 3–4,5 см, обычный вес 600–800 г» (Там же: 28).

¹⁷ Первоначальная атрибуция этих предметов как парфянских, базирующаяся, по сути, только на факте их обнаружения на территории Северной Парфии, уже давно была подвергнута справедливой критике. По всей вероятности, они были изготовлены в Греко-Бактрии (см. Ghirshman 1962: 30; Barnett 1968: 49; Bernard 1985: 89–91).

рельефы из Хатры (Winkelman 2004: 248–253, 274–279, Kat. Nr. 102–103, 111–113; Ghirshman 1962: fig. 98; Safar, Mustafa 1974: 190–193, 200, fig. 183; 191; Salihi 1971: 113, pl. XXXIII; 1983: 141, 144, pl. XVII, *b–c*; XVIII, *b*), Дура-Европос (Perkins 1973: 100–101, fig. 41) и коллекции М. Форуги (Ghirshman 1975: 229, pl. I). Надо полагать, что все они отражают традиции военного, бытового и культового характера, издревле сложившиеся в среде неиранских народов, оказавшихся в составе Парфянской империи.

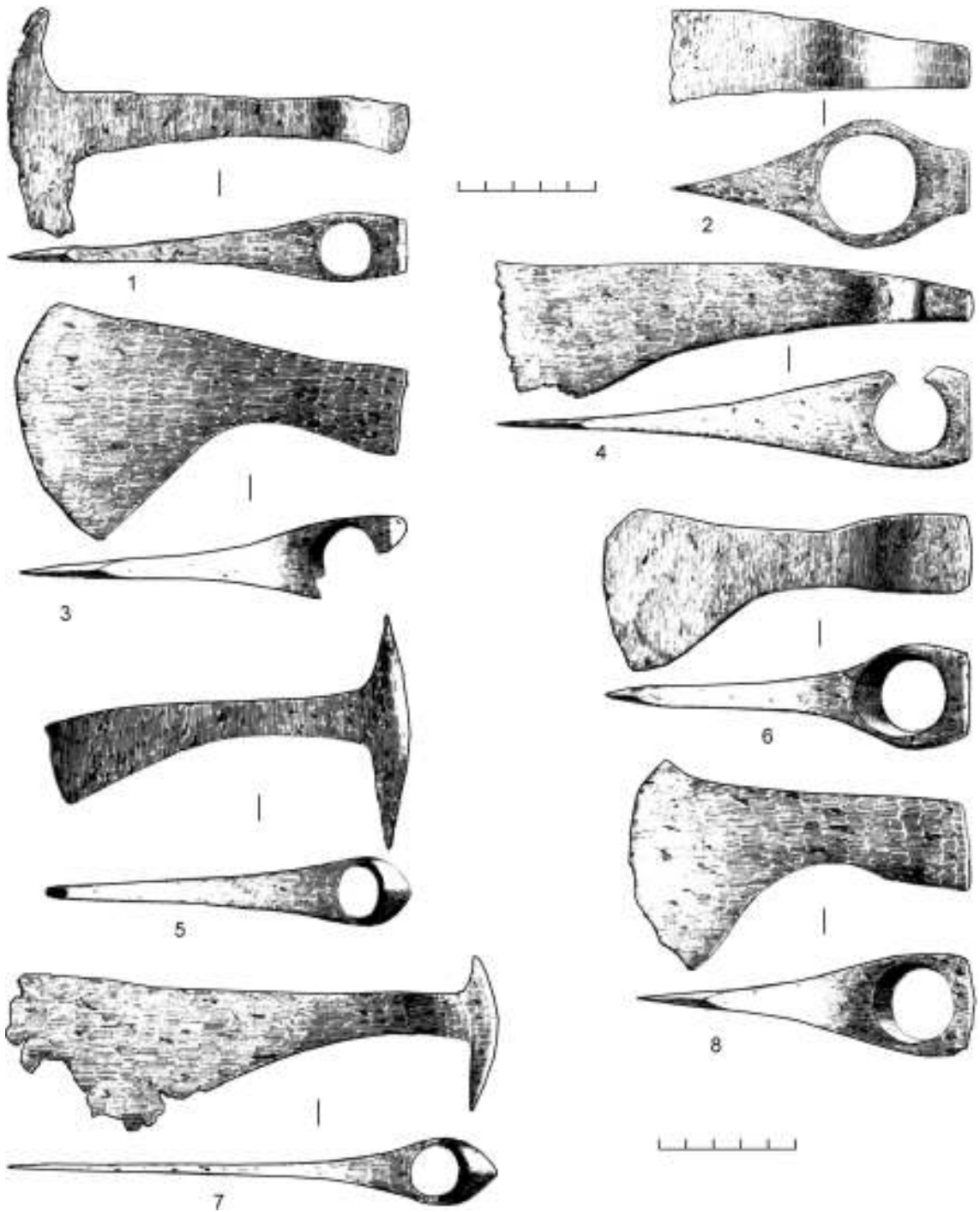

Рис. 7. Железные топоры из Сиркапа в Таксиле (по Marshall 1951)
Fig. 7. Iron axes from Sirkap at Taxila (after Marshall 1951)

Подводя итог сказанному выше, можно с полной уверенностью говорить, что топоры не получили сколько-нибудь значительного применения ни в военном деле, ни в ритуально-церемониальной практике парфян. Ситуация в Иране при Сасанидах была уже иной: не позднее середины III в. топор становится парадным атрибутом персидских царей (рис. 6, 2), и не позднее VI в. боевая секира-табарзин прочно входит в арсенал воина персидской тяжелой кавалерии.

Следующий блок интересующей нас информации связан с Согдом — историко-культурной областью Средней Азии, располагавшейся в долинах р. Зеравшан и Кашкадарья, коренное население которой говорило на одном из восточноиранских языков. Изображения топоров встречаются на памятниках согдийского искусства эпохи раннего средневековья сравнительно часто. Так, этот предмет вооружения держит в правой поднятой руке мужской бородатый персонаж на фрагменте оссуария VI или VII в. из Бия-Наймана в Самаркандской обл. (Пугаченкова 1987: 112, 114/Бн-2; Гренэ 1987: 47, 51, рис. 7) (рис. 8, 1) — возможно, это Шахревар, один из Амеша Спента (божественных существ в зороастризме), чей образ в Восточном Иране был наделен военной функцией еще в досасанидское время (см. Гренэ 1987: 51). В нижней части сцены поединка двух пеших витязей на согдийском серебряном блюде VII в., найденном в 1893 г. в дер. Кулагыш Пермской губ., показаны две брошенные наземь секиры с заостренными прямыми обухами и сломанными топориками (Орбели, Тревер 1935: табл. 21; Belenizki 1980: Abb. 13; Marschak 1986: 284–285, 437, Abb. 198; Маршак 2009: 61, 63) (рис. 9, 1). Изображение боевой секиры сохранилось на фрагменте стенописи второй половины VII в. из городища Афрасиаб в Самарканде, где хорошо видны рукоять и клинок оружия (Альбаум 1975: 83, табл. L) (рис. 8, 2). Топориком с треугольным клинком (форма его обуха не ясна из-за плохой сохранности изображения) сражается с фантастическим зверем сидящий на слоне герой (божество?), запечатленный в настенной живописи конца VII — первой половины VIII в. из дворца правителей Бухары в Варахше (Шишкин 1963: 156, 218, табл. XI) (рис. 9, 2).

Топоры встречаются также на некоторых из сохранившихся фресок начала VIII в. из Пенджикента. Так, в качестве символа власти топор фигурирует в руке персонажа явно высокого ранга на фрагменте стенописи из объекта XXIII/50 (Rasporova 2006: fig. 18) (рис. 8, 7). Два (или три) топора показаны на росписях из помещения VI/1 (см. Дьяконов 1954: 119–120, табл. XXXV–XXXVI; XXXIX; Беленицкий 1959: 15–16, табл. VII, Г; VIII, Ж–3; 1973: 18–21; Belenizki 1980: 78–80, 82–83; Распопова 1980: рис. 57; Marshak 2002: 145, 147, 149, fig. 97–98; 100; pl. 16). Главное действующее лицо одной из них, располагавшейся на северном конце западной стены, — правитель в крылатой короне, сидящий на складном стуле, держит топорик за боевую часть пальцами левой руки (рис. 8, 3). Оружие это явно церемониальное, подчеркивающее царское достоинство изображенного персонажа. На фрагменте стенописи батального содержания на южной стене виден лежащий на земле боевой топор с изогнутым вниз обухом и плохо различимой формой клинка, скорее всего сломанного; торец рукояти снабжен круглым набалдашником, выше которого располагается другой небольшой круглый предмет — очевидно, фиксатор длины хвата. Между двумя фигурами, стоящими правее, заметна нижняя часть рукояти с набалдашником и фиксатором, принадлежавшей, судя по всему, другому топору, также сломавшемуся во время боя (рис. 8, 5). Секира, отброшенная за ненадобностью из-за ее поломки, присутствует и в сцене единоборства двух витязей из помещения XXIII/50 (Marshak 2002: 111, fig. 58) (рис. 8, 4). Еще один топор мы видим в левой руке юноши на росписи из помещения VI/41 (Ibid.: 91–92, fig. 43; Беленицкий 1973: 26, 28) (рис. 8, 6). Хотя здесь он представлен как инструмент для рубки дерева, наличие у него массивного заостренного обуха позволяет предполагать и его боевое предназначение.

На серебряном блюде со сценой осады среднеазиатского замка-кешка, которое было изготовлено, по мнению Б. И. Маршака, в Семиречье в IX или X в. по согдийскому образцу VIII в. и найдено в 1909 г. в дер. Аниковской Пермской губ. (Marschak 1986: 322, 438, Abb. 209–211; Маршак 2009: 60, 63; Орбели, Тревер 1935: табл. 20), один из окруживших замок всадников, самый верхний справа, держит в левой руке секиру с прямым заостренным обухом (рис. 9, 3). Подняв правую руку, он как будто бы обращается к осажденным с речью. По всей вероятности, перед нами полководец осаждающей армии, а его секира (отсутствующая, кстати, у других стоящих у вражеских стен воинов) — знак его достоинства как военачальника. Интересно, что традиция использования топорику в качестве парадных атрибутов войсковых командиров и высокопоставленных придворных чинов просуществовала в Средней Азии очень долго. В частности, это засвидетельствовано для

Рис. 8. 1 — фрагмент оссуария из Бия-Наймана в Самаркандской обл. (по Пугаченкова 1987); 2 — фрагмент настенной живописи с городища Афрасиаб в Самарканде (по Альбаум 1975); 3–7 — фрагменты настенных росписей из Пенджикента в Северо-Западном Таджикистане (3 — по Дьяконов 1954; 4, 6 — по Marshak 2002; 5 — по Расопова 1980; 7 — по Raspopova 2006)

Fig. 8. 1 — ossuary fragment from Biya-Naiman in the Samarkand region (after Pugachenkova 1987); 2 — mural fragment from the site of Afrasiab in Samarkand (after Альбаум 1975); 3–7 — mural fragments from Penjikent in North-Western Tajikistan (3 — after Дьяконов 1954; 4, 6 — after Marshak 2002; 5 — after Расопова 1980; 7 — after Raspopova 2006)

Бухарского эмирата (возникшего в 1785 и упраздненного в 1920 г.), в том числе и сохранившимися экземплярами с богато украшенными рукоятками и клинками (Olufsen 1911: 477–478; Шишкин 1963: 218, примеч. 284) (рис. 9, 10–11).

Известны находки железных проушных топоров на раннесредневековых памятниках Средней Азии. При раскопках холма Актепа Юнусабадское в Ташкентском оазисе (древний Чач), в слоях VI–VII вв. был обнаружен топор «небольших размеров, хорошей сохранности. Клинок топора узкий с расширенным немного округленным лезвием; обушок четырехугольный, короткий, слегка оттянутый. Отверстие небольшого диаметра, круглое, заполненное отстатками рукояти; снаружи рукоять закинута железной обоймой <...> Длина топора 12,4 см, ширина лезвия 4,4 см, диаметр отверстия для рукоятки 1,6 см» (Тереножкин 1948: 123–124, рис. 25, 7) (рис. 9, 5). Судя по размерам и форме боевой части, это орудие имело универсальное назначение, т. е. могло использоваться как с военными, так и хозяйственными целями. Правда, немного смущает маленький диаметр отверстия под рукоять, который как будто бы намекает на церемониальную, а не практическую функцию актепинского топорика (для выполнения последней было необходимо более внушительное по толщине топориче).

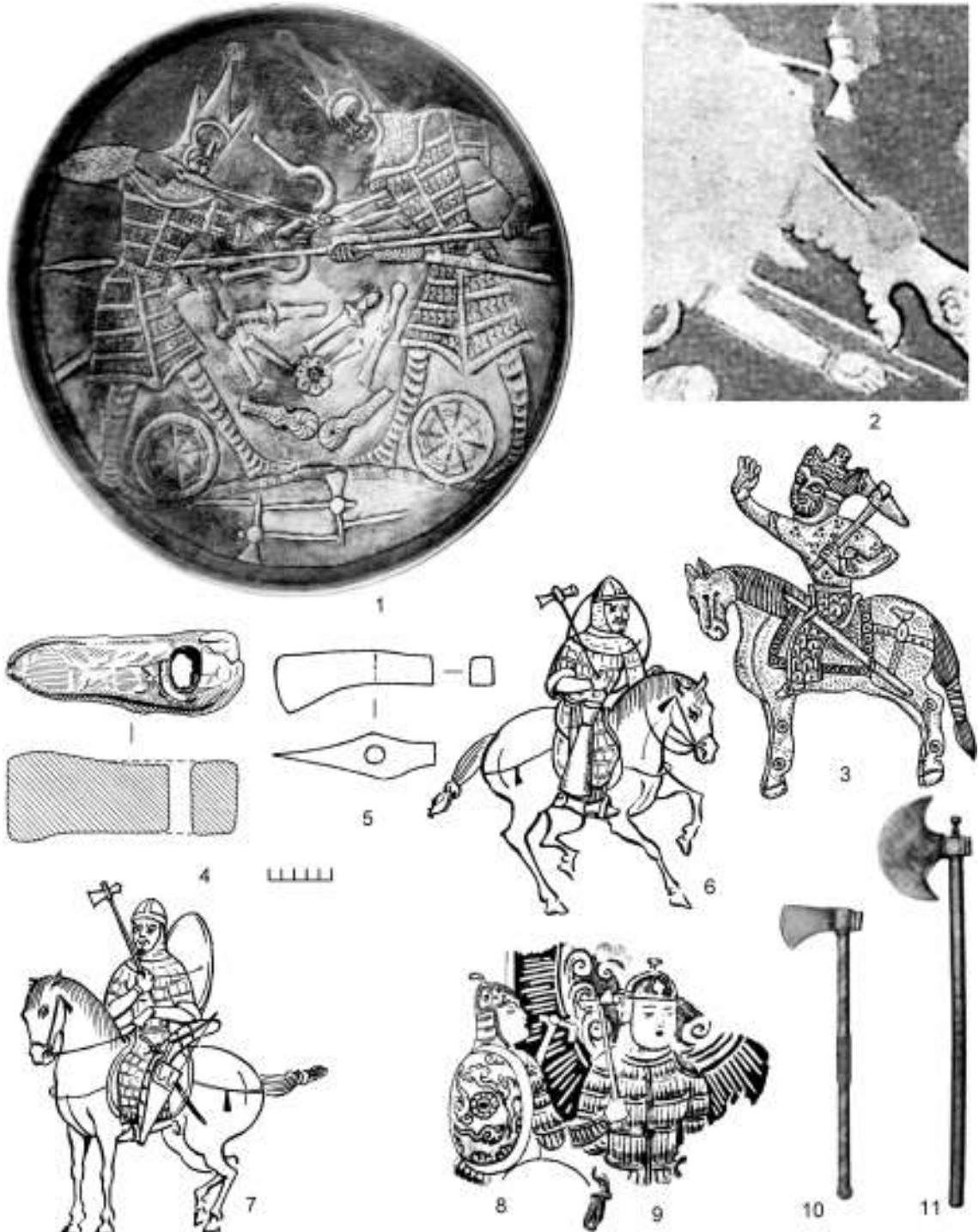
Топор типа колуна был найден в Пенджикенте, в припольном слое помещения XX/7, вместе с арабской монетой, датированной 761/762 г. Длина его клинка составляет 19 см, ширина — 7 см (Распопова 1980: 58, рис. 36, 19) (рис. 9, 4). Похожий топор, но меньших размеров (согласно масштабу в публикации, длина его клинка — около 15 см) происходит из святилища Кайрагач в Юго-Западной Фергане, куда он был помещен (вместе с фрагментами других топоров) в качестве культового объекта (Брыкина 1982: 84, 111, табл. 38, 2). Впрочем, экземпляры из Пенджикента и Кайрагача попадают под категорию не боевых, а рабочих топоров (см. примеч. 16).

В раннесредневековых письменных источниках на среднеиранских языках боевые топоры-секиры выступают под терминами *taš* (в согдийском, см. Benveniste 1940: 16; Gharib 1995: 392, no. 9694), *tabar* и *tabarzēn* (в парфянском и среднеперсидском, см. Henning 1947: 40; Tafazzoli 1994: 192, 197; Durkin-Meisterernst 2004: 323). Особенно выразительно упоминание этого оружия в одном манихейском тексте магического содержания, где страж-защитник дома заявляет перед лицом угрозы со стороны злого гения: «В руках я держу острый и поражающий топор (*tabar ī tēj ud wišōbāg pad dast dāgēm*)» (Henning 1947: 40; Tafazzoli 1994: 192; Беленицкий 1954: 72). Секира фигурирует здесь как оружие-оберег против темных сил.

В эпоху раннего средневековья тохароязычные жители Синьцзяна, связанные родством с теми юечжами/тохарами, которые под наименованием «Больших юечжей» много веков назад покинули родные места и отправились в сторону Бактрии (см. выше), не только использовали боевые топоры в военных действиях, но и, подобно своим далеким предкам, рассматривали их как важные атрибуты власти и высокого общественного положения. Об этом свидетельствуют некоторые настенные росписи из пещерного храмового комплекса Шикшин (Шорчук) в Карашарском оазисе. На одной из них, частично сохранившемся панно VIII в. из пещеры № 9/11¹⁸, изображена осада Кушинагары — иллюстрация к знаменитой легенде о событиях, последовавших после того, как Будда Шакьямуни ушел в паринирвану, а его тело было кремировано в городе Кушинагаре. Согласно этой легенде, правители тех индийских городов, где проповедовал Будда, услышав о его кончине, пришли с войсками к Кушинагаре, требуя отдать им его останки. К счастью, данный вопрос разрешился без применения насилия. Армию осаждающих возглавляли витязи из царского рода Шакья, правившего в Капилавасту, к которому принадлежал и сам Будда (см. Дьяконова 1984: 98). Образы витязей-Шакьев были очень популярны в искусстве Восточного Туркестана V–VIII вв., где они экипированы местным оружием и доспехами. На рассматриваемой росписи они показаны как панцирные всадники, некоторые из которых держат боевой топорик в правой руке (Дьяконова 1984: 102–104, 216, рис. 11–12; 1995: 93, табл. XXXII; XXXIV) (рис. 9, 6–7). Еще один фрагмент стенописи, который, вероятно, также изображает витязей-Шакьев в виде знатных тохарских воинов, оснащенных боевыми топорами, был открыт в пещере № 5/7 (Grünwedel 1912: 201, Fig. 451) (рис. 9, 8–9). Эта фреска из-за особенностей покрова

¹⁸ Первая цифра двойной нумерации пещер Шикшина обозначает номер, присвоенной ей немецкой экспедицией 1906 г. (см. Grünwedel 1912: 194–211), вторая — русской экспедицией 1909 г. (Ольденбург 1914: 11–21).

панцирей ее персонажей и стиля художественного исполнения выглядит хронологически более ранней, чем панно из пещеры № 9/11, и поэтому может быть датирована VI или VII в. Все топоры на росписях из Шикшина снабжены коротким обухом. В основном их клинки имеют прямую режущую кромку (рис. 9, 6–7, 9), что соответствует некоторым иранским и согдийским изображениям (рис. 6, 5; 8, 3; 9, 1–3), но в одном случае мы видим топор так называемого бородавчатого типа — с «опущенным» лезвием и прямой верхней гранью (рис. 9, 8), которому нет аналогов в синхронных материалах из Центральной Азии и Ирана, но который был хорошо

известен в Северной и Восточной Европе в VII/VIII–XIII вв. (тип V по А. Н. Кирпичникову; см. Кирпичников 1966: 29–30, 37–38).

Топоры витязей-Шакьев на шикшинских настенных росписях должны рассматриваться не только как боевое оружие, но и как символы знатного происхождения и воинского достоинства их владельцев, что, несомненно, отражает идеологические представления тохароязычного населения древнего Синьцзяна.

Таким образом, проведенный выше анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет утверждать, что боевые топоры разных видов (чеканы, клевцы и секиры) играли значительную роль в военном деле и культово-церемониальной обрядности кочевых и оседлых народов иранского и тохарского происхождения, обитавших от раннего железного века до раннесредневекового времени на обширных пространствах Иранского нагорья и Центральной Азии (единственное исключение — парфянский Иран). Основываясь на данных, связанных, в первую очередь, с ираноязычной этнической средой, можно с уверенностью говорить о том, что с функциональной точки зрения значение боевого применения топоров, достигнув своего пика в ахеменидский период, затем неуклонно снижалось, тогда как высокий сакрально-престижный символизм этого вида вооружения всегда оставался неизменным.

Абаев 1945 — *Абаев В. И.* Антидэвовская надпись Ксеркса // Тр. Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР. Серия Iranica: Материалы и исследования по иранским языкам. М.; Л.: 1945. № 3. С. 134–140 (Иранские языки. 1).

Алексеев 2012 — *Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 272 с.

Алексеев и др. 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 415 с.

Альбаум 1975 — *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН, 1975. 158 с.

Артамонов 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с.

Беленицкий 1954 — *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 25–82.

Беленицкий 1959 — *Беленицкий А. М.* Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 11–86.

Беленицкий 1973 — *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с., 54 л. ил.

Бернар, Абдуллаев 1997 — *Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // Российская археология. 1997. № 1. С. 68–86.

Бессонова 1984 — *Бессонова С. С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3–21.

Бонгард-Левин 2007 — *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация: история, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М.: Восточная литература РАН, 2007. 494 с.

Брыкина 1982 — *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 197 с.

Рис. 9. 1 — серебряное блюдо из д. Кулагыш Пермской губ. (по Орбели, Тревер 1935); 2 — фрагмент настенной живописи из Варахши в Бухарской обл. (по Шишкин 1963); 3 — деталь изображения на серебряном блюде из д. Аниковской (прорисовка по Marschak 1986); 4 — железный топор из Пенджикента (по Распопова 1980); 5 — железный топор из Актепа Юнусабадского в Ташкенте (по Тереножкин 1948); 6–9 — фрагменты настенных росписей из пещер № 9/11 (6, 7 — по Дьяконова 1984) и 5/7 (8, 9 — по Grünwedel 1912) в Шикшине (Шорчуке) в Синьцзяне; 10, 11 — церемониальные топоры (не позже XIX в.) из Бухары (по Olufsen 1911), не в масштабе

Fig. 9. 1 — silver plate from the village of Kulagysh of the Perm Governorate (after Орбели, Тревер 1935); 2 — mural fragment from Varakhsha in the Bukhara region (after Шишкин 1963); 3 — detail of the representation on a silver plate from the village of Anikovskaya of the Perm Governorate (drawing after Marschak 1986); 4 — iron axe from Penjikent (after Распопова 1980); 5 — iron axe from Aktepa of Yunusabad in Tashkent (after Тереножкин 1948); 6–9 — mural fragments from the caves no. 9/11 (6, 7 — after Дьяконова 1984) and 5/7 (8, 9 — after Grünwedel 1912) in Shikshin (Shorchuk) in Xinjiang; 10, 11 — ceremonial hatchets (no later than 19th century) from Bukhara (after Olufsen 1911), not to scale

- Вадецкая 1987 — *Вадецкая Э. Б.* Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 67–75.
- Ванден-Берге 1992 — *Ванден-Берге Л.* Древности страны луров: Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 1992. 126 с.
- Виноградов 2007 — *Виноградов Ю. А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. 63 с.
- Вишневская 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с. (ТХАЭЭ. Т. 8).
- Горелик 1982 — *Горелик М. В.* Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. 1982. № 3. С. 90–106.
- Горелик 1995 — *Горелик М. В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 359–430, 477–478.
- Грантовский 1975 — *Грантовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху: Тр. Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 27 сентября–6 октября 1968 г.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. Т. 2. С. 76–92.
- Грантовский 2007 — *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 2007. 510 с.
- Гренэ 1987 — *Гренэ Ф.* Интерпретация декора оссуариев из Биянаймана и Мианкаля // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье): Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент: ФАН, 1987. С. 42–53.
- Гринцер 1974 — *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос: генезис и типология. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. 420 с.
- Грязнов 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА. № 48).
- Дандамаев 1985 — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. 319 с.
- Дандамаев 2013 — *Дандамаев М. А.* Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 392 с.
- Дандамаев, Луконин 1980 — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 416 с.
- Даркевич 1961 — *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 91–102.
- Дьяконов 1954 — *Дьяконов М. М.* Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 83–158.
- Дьяконова 1984 — *Дьяконова Н. В.* Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 97–107, 215–218.
- Дьяконова 1995 — *Дьяконова Н. В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга. 1909–1910 гг. М.: Наука, Восточная литература РАН, 1995. 303 с.
- Заднепровский 1997 — *Заднепровский Ю. А.* Древние номады Центральной Азии: Сб. статей. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 113 с. (АИ. Вып. 40).
- Зеймаль 1979 — *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. 96 с.
- Зеймаль 1983 — *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 338 с.
- Иванчик 2001 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с. (Степные народы Евразии. Т. 2).
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с., 34 табл. (САИ. Вып. Е1-36).
- Кляшторный, Савинов 1998 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Пазырыкская узда: К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всеросс. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача. Декабрь 1998 года. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 169–177.
- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 347 с.
- Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. 3-е изд.: испр. и доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 432 с.
- Кочеев 1988 — *Кочеев В. А.* Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы, 1988. С. 145–162.
- Кочеев 1999 — *Кочеев В. А.* Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая: Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ГУ, 1999. С. 74–82 (Известия лаборатории археологии. № 4).

- Кошеленко 1977 — *Кошеленко Г. А.* Родина парфян. М.: Советский художник, 1977. 176 с.
- Кругликова 1986 — *Кругликова И. Т.* Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1986. 120 с.
- Крюков 1988 — *Крюков М. В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 223–296.
- Курочкин, Субботин 1992 — *Курочкин Г. Н., Субботин А. В.* Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1992. Ч. 2. С. 59–64, 178.
- Лелеков 1979 — *Лелеков Л. А.* Реалии Михр-яшта (археологический и историко-культурный фон важного источника по истории Средней Азии) // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент: ФАН, 1979. С. 61–63.
- Лелеков 1982 — *Лелеков Л. А.* Вопросы истории Бактрии в свете данных Михр-яшта // ИБ МАИКЦА. 1982. Вып. 3. С. 35–41.
- Литвинский 1968 — *Литвинский Б. А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, 1968. Вып. 1. С. 69–115.
- Литвинский 1972 — *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. 270 с.
- Литвинский 2001 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература РАН, 2001. 528 с.
- Литвинский 2002 — *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. НС. 2002. Т. 1 (26). С. 181–213.
- Литвинский, Пьянков 1966 — *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 36–52.
- Макаров 1992 — *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992. № 2. С. 41–56.
- Маршак 2009 — *Маршак Б. И.* Искусство Согда. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 64 с.
- Маслов 1999 — *Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пряжках из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М.: ИА РАН, 1999. С. 219–236.
- Массон 1950 — *Массон М. Е.* Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя» // Тр. Среднеазиатского государственного университета. НС. Ташкент, 1950. Вып. 11. Гуманитарные науки. Кн. 3. С. 11–49.
- Масон, Пугаченкова 1959 — *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959. 269 с. (ТЮТАКЭ. Т. 4).
- Матвеев 2005 — *Матвеев А. С.* Военное дело арабов в X в. // Никифор II Фока. Стратегика / Пер. со среднегреч. и коммент. А. К. Нефёдкина. СПб.: Алетей, 2005. С. 173–271.
- Никонов 2005 — *Никонов В. П.* К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 141–179.
- Никонов, Худяков 1999 — *Никонов В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии (Сб. науч. статей). Новосибирск: Новосибирский ГУ; Новосибирская городская общественная организация «Сибирь-Наука: XXI век», 1999. С. 141–154.
- Никонов, Худяков 2004 — *Никонов В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2004. 320 с. (Militaria Antiqua. Вып. 6).
- Никулина 1994 — *Никулина Н. М.* Искусство Ионии и ахеменидского Ирана: По материалам глиптики V–IV вв. до н. э. М.: Искусство, 1994. 314 с.
- Новгородова 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 384 с.
- Ольденбург 1914 — *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года, снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии: Краткий предварительный отчет. СПб.: Императорская АН, 1914. 153 с.
- Ольховский, Евдокимов 1994 — *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: ИА РАН, 1994. 190 с.
- Орбели, Тревер 1935 — *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia, 1935. 218 с.

- Пилипко 2001 — *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.
- Погребова, Раевский 1988 — *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 156–189.
- Подушкин 2012 — *Подушкин А. Н.* К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // STRATUMplus. 2012. № 4. С. 31–53.
- Пугаченкова 1987 — *Пугаченкова Г. А.* Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. 224 с.
- Пугаченкова 1989 — *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля: Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: ФАН, 1989. 204 с.
- Пьянков 1968 — *Пьянков И. В.* «Саки» (Содержание понятия) // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Душанбе, 1968. № 3. С. 12–19.
- Пьянков 1975 — *Пьянков И. В.* Массажеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 46–70.
- Раевский 1977а — *Раевский Д. С.* К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 81–86.
- Раевский 1977б — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 216 с.
- Распопова 1980 — *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 140 с.
- Самашев и др. 2008 — *Самашев З., Ермолаева А. С., Куц Г. А.* Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: Онер, 2008. 200 с.
- Сарианиди 1989 — *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Соколова 2013 — *Соколова В. С.* Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод / Подготовка материалов к изданию и редактирование И. А. Смирновой. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 544 с.
- Стеблин-Каменский 1990 — *Стеблин-Каменский И. М.* Авеста: Избранные гимны. Душанбе: Адиб, 1990. 176 с.
- Тереножкин 1948 — *Тереножкин А. И.* Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Тр. Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1948. Т. 1. С. 71–133.
- Толстой, Кондаков 1889 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I: Классические древности Южной России. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. 126 с.
- Тревер, Луконин 1987 — *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VII веков. М.: Искусство, 1987. 254 с.
- Худяков 1986 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.
- Худяков 1995 — *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1995. С. 5–25.
- Худяков, Эрдэнэ-Очир 2011 — *Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н.* Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие–III век до н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с. (Historia Militaris).
- Членова 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Шишкин 1963 — *Шишкин В. А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 264 с.
- Barkworth 1992 — *Barkworth P. R.* The Organization of Xerxes' Army // IA. 1992. Vol. 27. P. 149–167.
- Barnett 1968 — *Barnett R. D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // IA. 1968. Vol. 8. P. 34–53.
- Bartholomae 1904 — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1904. 1031 S.
- Beckwith 2009 — *Beckwith Chr. I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2009. 472 p.
- Belenizki 1980 — *Belenizki A. M.* Mittelasiien: Kunst der Sogden. Leipzig: VEB E. A. Seemann, 1980. 240 S.
- Benjamin 2007 — *Benjamin C.* The Yuezhi: origin, migration and the conquest of Northern Bactria. Turnhout: Brepols, 2007. 262 p. (Silk Road Studies. 14).
- Benveniste 1940 — *Benveniste E.* Textes Sogdiens. Paris: Paul Geuthner, 1940. 293 p. (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série in-quarto. 3).
- Bernard 1985 — *Bernard P.* Les rhytons de Nisa. 1: Poétesses grecques // JS. 1985 (Janvier–Septembre). P. 25–118.
- Bittner 1987 — *Bittner S.* Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. 2-e, verbess. und erweit. Aufl. München: Verlag Klaus Friedrich, 1987. 379 S. (Interdisziplinäre Wissenschaft. Bd. 1).

- Bivar 1968 — *Bivar A. D. H.* (ed.). Kushan and Kushano-Sasanian seals and Kushano-Sasanian coins: Sasanian seals in the British Museum. London: Lund Humphries, 1968. 25 p., 30 pl. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. III: Pahlavi Inscriptions. Vol. VI: Seals and Coins. Plates. Portfolio I: Plates I–XXX).
- Bivar 1972 — *Bivar A. D. H.* Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier // *Dumbarton Oaks Papers*. Cambridge (Mass.); Washington, 1972. No. 26. P. 271–291.
- Bopearachchi 2003 — *Bopearachchi O.* An Indo-Greek and Indo-Scythian coin hoard from Bara (Pakistan). Seattle: Amir Nawaz Khan, 2003. 105 p.
- Bopearachchi 2006 — *Bopearachchi O.* Chronologie et généalogie des premiers rois kouchans: nouvelles données // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. Paris, 2006 (Juillet–Octobre). P. 1433–1445.
- Bopearachchi 2008 — *Bopearachchi O.* Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire // *JS*. 2008 (Janvier–Juin). P. 3–56.
- Bopearachchi, Sachs 2003 — *Bopearachchi O., Sachs C.* Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques // *Topoi. Orient-Occident*. Lyon, 2003. Vol. 11, fasc. 1 (2001). P. 321–355.
- Borger 1972 — *Borger R.* Die Waffenträger des Königs Darius. Ein Beitrag zur alttestamentlichen Exegese und zur semitischen Lexikographie // *Vetus Testamentum*. Leiden, 1972. Vol. 22, fasc. 4. S. 385–398.
- Bosworth 1960 — *Bosworth C. E.* Ghaznevid military organisation // *Der Islam*. Berlin, 1960. Bd. 36, Ht. 1–2. P. 37–77.
- Bosworth 1967 — *Bosworth C. E.* Military Organisation under the Būyids of Persia and Iraq // *Oriens*. Leiden, 1967. Vol. 18–19 (1965–1966). P. 143–167.
- Bosworth 1999 — *Bosworth C. E.* The History of al-Ṭabarī (*Ta'riḫ al-rusul wa'l-mulūk*). Vol. 5: The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Albany: State University of New York Press, 1999. 493 p.
- Bovon 1963 — *Bovon A.* La représentation des guerriers perses et la notion de Barbare dans la 1re moitié du Ve siècle // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Athènes; Paris, 1963. 87/2. P. 579–602.
- Boyce 1969 — *Boyce M.* On Mithra's part in Zoroastrianism // *BSOAS*. 1969. Vol. 32, part 1. P. 10–34.
- Briant 2002 — *Briant P.* From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. 1196 p.
- Bromberg 1992 — *Bromberg C. A.* An Iranian gesture at Miran // *BAI*. NS. 1992. Vol. 5 (1991). P. 45–58.
- Brosius 2007 — *Brosius M.* New out of old? Court and court ceremonies in Achaemenid Persia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. P. 17–57.
- Calmeyer 1969 — *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. Berlin: Walter de Gruyter, 1969. 212 S. (Untersuchungen zur Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 5).
- Calmeyer 1987 — *Calmeyer P.* Greek Historiography and Achaemenid reliefs // *The Greek sources: Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1987. P. 11–26 (Achaemenid History. 2).
- Calmeyer 1990 — *Calmeyer P.* Das Persepolis der Spätzeit // *Centre and Periphery: Proceedings of the Groningen 1986 Achaemenid History Workshop*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1990. S. 7–36 (Achaemenid History. 4).
- Calmeyer 2009 — *Calmeyer P.* Die Reliefs der Gräber V und VI in Persepolis / Mit einem Beitrag von R. Schmitt. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2009. 137 S. (Archäologie in Iran und Turan. Bd. 8).
- Cameron 1948 — *Cameron G. G.* Persepolis treasury tablets. Chicago: The University of Chicago Press, 1948. 232 p., 46 pl. (OIP. Vol. 65).
- Chakravarti 1972 — *Chakravarti P. C.* The Art of war in Ancient India. Delhi: Oriental Publishers, 1972. 226 p.
- Christensen 1931 — *Christensen A.* Les Kayanides. København: Høst, 1931. 165 p. (Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske meddelelser. Bd. 19, Nr. 2).
- Crawford 1975 — *Crawford V. E.* Ancient Near Eastern Art // *Metropolitan Museum of Art: Notable Acquisitions, 1965–1975*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1975. P. 36–40.
- Cumont 1926a — *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos (1922–1923). Texte et atlas. Paris: Paul Geuthner, 1926. 612 p., 124 pl. (Bibliothèque Archéologique et Historique. T. 9).
- Cumont 1926b — *Cumont F.* L'Uniforme de la cavalerie Orientale et le costume byzantin // *Byzantion*. Paris; Liège, 1926. T. 2 (1925). P. 181–191.
- Curtis et al. 2005 — *Curtis J. E., Tallis N.* (eds.) *et al.* Forgotten Empire: The World of Ancient Persia. London: The British Museum Press, 2005. 272 p.
- Dalton 1905 — *Dalton O. M.* Franks Bequest. The Treasure of the Oxus, with other objects from Ancient Persia and India, bequeathed to the Trustees of the British Museum by Sir Augustus Wollaston Franks. London: Printed by order of the Trustees, 1905. 209 p.
- Dandamayev 2012 — *Dandamayev M.* Central Asian soldiers in Achaemenid Babylonia // *Anabasis*. 2012. Vol. 3. P. 43–47.
- Davis-Kimball 2000 — *Davis-Kimball J.* Enarees and women of high status: Evidence of ritual at Tillya Tepe (Northern Afghanistan) // *Kurgans, ritual sites, and settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Oxford: Archaeopress, 2000. P. 223–239 (BAR. IS. No. 890).

Debevoise 1938 — *Debevoise N. C.* A Political history of Parthia. Chicago: The University of Chicago Press, 1938. 346 p.

Durkin-Meisterernst 2004 — *Durkin-Meisterernst D.* Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols, 2004. 457 p. (Dictionary of Manichaean Texts. Vol. 3: Texts from Central Asia and China. Pt. 1).

Enoki et al. 1994 — *Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z.* The Yüeh-chih and their migrations // History of civilizations of Central Asia. Vol. 2: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris: UNESCO, 1994. P. 171–189, 525–527.

Fishbein 1990 — *Fishbein M.* The History of al-Ṭabarī (*Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk*). Vol. 21: The Victory of the Marwānids, A. D. 685–693/A. H. 66–73. Albany: State University of New York Press, 1990. 278 p.

Fitzsimmons 1996 — *Fitzsimmons T.* Chronological problems at the temple of the Dioscuri, Dil'berdžin Tepe (North Afghanistan) // East and West. Rome, 1996. Vol. 46, no. 3–4. P. 271–298.

Fröhlich 2005 — *Fröhlich C.* La représentation du roi cavalier sur les monnaies indo-scythes et indo-parthes: une approche numismatique // Revue Numismatique. Paris, 2005. Vol. 161. P. 59–78.

Fröhlich 2008 — *Fröhlich C.* Monnaies indo-scythes et indo-parthes du Département des monnaies, médailles et antiques: Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque nationale de France, 2008. 183 p.

Frye 1974 — *Frye R. N.* Persepolis again // JNES. 1974. Vol. 33, no. 4. P. 383–386.

Furtwängler, Reichhold 1909 — *Furtwängler A., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei: Auswahl hervorragender Vasenbilder. Ser. II. München, F. Bruckmann A.-G., 1909. 405 S., 60 Taf.

Gall 1975 — *Gall H. von.* Die Kopfbedeckung des persischen Ornats bei den Achämeniden // AML. NF. 1975. Bd. 7 (1974). S. 145–161.

Gall 1990 — *Gall H. von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1990. 139 S. (Teheraner Forschungen. Bd. 6).

Gardner 1886 — *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London: Printed by Order of the Trustees, 1886. 334 p.

Garrison 1998 — *Garrison M. B.* The Seals of Ašbazana (Aspathines) // Studies in Persian History: Essays in memory of David M. Lewis. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1998. P. 115–131 (Achaemenid History. 11).

Garrison, Root 2001 — *Garrison M. B., Root M. C.* Seals on the Persepolis fortification tablets. Vol. 1: Images of Heroic Encounter. Pt. 1–2 / With Seal inscription readings by Ch. E. Jones. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2001. 914 p. (OIP. Vol. 117).

Gerhard 1847 — *Gerhard E.* Auserlesene griechische Vasenbilder, hauptsächlich etruskischen Fundorts. T. 3: Heroenbilder, meistens homerisch. Berlin: G. Reimer, 1847. 194 S., 179 Taf.

Gershevitch 1959 — *Gershevitch I.* The Avestan hymn to Mithra. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 372 p. (University of Cambridge Oriental Publications. No. 4).

Gershevitch 1962 — *Gershevitch I.* Outdoor terms in Iranian // A Locust's leg: Studies in honour of S. H. Taqizadeh. London: Percy Lund, Humphries, 1962. P. 76–84.

Gharib 1995 — *Gharib B.* Sogdian dictionary: Sogdian–Persian–English. Tehran: Farhang Publications, 1995. 644 p.

Ghirshman 1962 — *Ghirshman R.* Persian Art. The Parthian and Sassanian dynasties, 249 B. C.–A. D. 651. New York: Golden Press, 1962. 411 p.

Ghirshman 1964 — *Ghirshman R.* The Art of Ancient Iran: From its origins to the time of Alexander the Great. New York: Golden Press, 1964. 441 p.

Ghirshman 1975 — *Ghirshman R.* Un Bas-relief parthe de la collection Foroughi (Notes Iraniennes XVII) // Artibus Asiae. Ascona, 1975. Vol. 37/3. P. 229–239.

Goldman 1990 — *Goldman B.* Foreigners at Dura-Europos: Pictorial graffiti and history // Le Muséon. Louvain, 1990. T. 103, fasc. 1–2. P. 5–25.

Goldman 2000 — *Goldman B.* Pictorial graffiti of Dura-Europos // Parthica: Incontri di cultura nel mondo antico. Pisa; Roma, 2000. Vol. 1 (1999). P. 19–105.

Graeve 1970 — *Graeve V. von.* Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt. Berlin: Gebr. Mann, 1970. 189 S., 82 Taf. (Istanbuler Forschungen. Bd. 28).

Grenfell, Hunt 1901 — *Grenfell B. P., Hunt A. S.* The Amherst papyri: being an account of the Greek papyri in the collection of the Right Hon. Lord Amherst of Hackney, F.S.A. at Didlington Hall, Norfolk. Pt. 2: Classical fragments and documents of the Ptolemaic, Roman and Byzantine periods; with an Appendix containing additional theological fragments. London: Henry Frowde, 1901. 309 p.

Grünwedel 1912 — *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan: Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der oase Turfan. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1912. 372 S.

Haerinck, Overlaet 2004 — *Haerinck E., Overlaet B.* The Chronology of the Pusht-i Kuh, Luristan: Results of the Belgian archaeological expedition in Iran // From Handaxe to Khan: Essays presented to Peder Mortensen on the occasion of his 70th birthday. Aarhus; Oakville: Aarhus University Press, 2004. P. 119–135.

Hallock 1969 — *Hallock R. T.* Persepolis fortification tablets. Chicago: The University of Chicago Press, 1969. 786 p. (OIP. Vol. 92).

- Hallock 1985 — *Hallock R. T.* The Evidence of the Persepolis tablets // *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2: The Median and Achaemenian Periods. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. P. 588–609.
- Harper, Meyers 1981 — *Harper P. O., Meyers P.* Silver vessels of the Sasanian period. Vol. 1: Royal imagery. New York: Metropolitan Museum of Art; Princeton: Princeton University Press, 1981. 272 p.
- Head 1992 — *Head D.* The Achaemenid Persian army. Stockport: Montvert Publications, 1992. 72 p.
- Henkelman 2003 — *Henkelman W.* An Elamite memorial: the šumar of Cambyses and Hystaspes // *A Persian perspective: Essays in Memory of Heleen Sancisi-Weerdenburg*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2003. P. 101–172 (*Achaemenid History*. 13).
- Henning 1947 — *Henning W. B.* Two Manichæan magical texts with an excursus on the Parthian ending- *ēndēh* // *BSOAS*. 1947. Vol. 12, part 1. P. 39–66.
- Henning 1952 — *Henning W. B.* The Monuments and inscriptions of Tang-i Sarvak // *Asia Major*. NS. London, 1952. Vol. 2, part 2. P. 151–178.
- Hinz 1973 — *Hinz W.* Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973. 174 S. (*Göttinger Orientforschungen*. Rh. 3: *Iranica* 1).
- Hopkins 1889 — *Hopkins E. W.* The Social and military position of the ruling caste in Ancient India, as represented by the Sanskrit epic // *Journal of the American Oriental Society*. New Haven, 1889. Vol. 13. P. 57–376.
- Ilyasov 2003 — *Ilyasov J.* Covered Tail and «Flying» Tassels // *IA*. 2003. Vol. 38. P. 259–325.
- Ilyasov, Rusanov 1998 — *Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // *SRAA*. 1998. Vol. 5 (1997/98). P. 107–159.
- Invernizzi 1999 — *Invernizzi A.* Sculture di metallo da Nisa: Cultura greca e cultura iranica in Partia. Lovanii: In aedibus Peeters, 1999. 236 p. (*Acta Iranica*. 35).
- Jackson 1894 — *Jackson A. V. W.* Herodotus VII, 61, or the arms of the Ancient Persians illustrated from Iranian sources // *Classical Studies in Honour of Henry Drisler*. New York; London: Macmillan, 1894. P. 95–125.
- Kaptan 2002 — *Kaptan D.* The Daskyleion bullae: Seal images from the Western Achaemenid Empire. Vol. 1: Text; Vol. 2: Catalogue and Plates. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2002. 508 p. (*Achaemenid History*. 12).
- Kawami 1987 — *Kawami T. S.* Monumental art of the Parthian Period in Iran. Leiden: Brill, 1987. 290 p., 72 pl. (*Acta Iranica*. 26).
- Kent 1937 — *Kent R. G.* The Daiva-Inscription of Xerxes // *Language*. Baltimore, 1937. Vol. 13, no. 4. P. 292–305.
- Kent 1945 — *Kent R. G.* Old Persian texts: VII–IX // *JNES*. 1945. Vol. 4, no. 4. P. 228–233.
- Kent 1953 — *Kent R. G.* Old Persian: Grammar, texts, lexicon. 2nd ed.: rev. New Haven, American Oriental Society, 1953. 230 p. (*American Oriental Series*. Vol. 33).
- Koch 1992 — *Koch H.* Es kündigt Dareios der König...: Vom Leben im persischen Großreich. Mainz/Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992. 315 S. (*Kulturgeschichte der antiken Welt*. Bd. 55).
- Levine 1974 — *Levine L. D.* Geographical Studies in the Neo-Assyrian Zagros-II // *Iran*. 1974. Vol. 12. P. 99–124.
- Litvinskij 1984 — *Litvinskij B. A.* Eisenzeitliche Kurgane zwischen Pamir und Aral-See. München: C. H. Beck, 1984. 152 S. (*Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*. Bd. 22).
- Litvinsky 2001 — *Litvinsky B. A.* The Bactrian ivory plate with a hunting scene from the Temple of the Oxus // *SRAA*. 2001. Vol. 7. P. 137–166.
- Litvinsky s. a. — *Litvinsky B. A.* Battle-axes in Eastern Iran // *Encyclopædia Iranica* [<http://www.iranicaonline.org/articles/battle-axes>].
- Liu 2001 — *Liu X.* Migration and settlement of the Yuezhi-Kushan: Interaction and interdependence of nomadic and sedentary societies // *Journal of World History*. Honolulu, 2001. Vol. 12, no. 2. P. 261–292.
- Lo Muzio 1999 — *Lo Muzio C.* The Dioscuri at Dilberjin (Northern Afghanistan): Reviewing their Chronology and Significance // *Studia Iranica*. Paris, 1999. T. 28, fasc. 1. P. 41–71.
- Luschey 1968 — *Luschey H.* Studien zu dem Darius-Relief von Bisutun // *Studien zu dem Darius-Relief von Bisutun* // *AMI*. NF. 1968. Bd. 1. S. 63–94.
- MacDowall 1968 — *MacDowall D. W.* Soter Megasthenes, the King of Kings, the Kushāna // *JNSI*. 1968. Vol. 30. P. 28–48.
- Malandra 1973 — *Malandra W. W.* A Glossary of Terms for Weapons and Armor in Old Iranian // *Indo-Iranian Journal*. The Hague, 1973. Vol. 15, no. 4. P. 264–289.
- Malandra 1983 — *Malandra W. W.* An Introduction to Ancient Iranian religion: Readings from the Avesta and Achaemenid inscriptions. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983. 208 p. (*Minnesota Publications in the Humanities*. Vol. 2).
- Marschak 1986 — *Marschak B.* Silberschätze des Orients: Metallkunst des 3.–13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig: VEB E. A. Seemann, 1986. 438 S.
- Marshak 2002 — *Marshak B. I.* Legends, tales, and fables in the art of Sogdiana; with an appendix by V. A. Livshits. New York: Bibliotheca Persica Press, 2002. 198 p. (*Biennial Ehsan Yarshater Lecture Series*. No. 1).
- Marshall 1951 — *Marshall J.* Taxila. An Illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the Government of India between the years 1913 and 1934. Vol. 1–3. Cambridge: University Press, 1951. 1205 p.

Mathiesen 1992 — *Mathiesen H. E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in chronology. Vol. 1–2. Aarhus: Aarhus University Press, 1992. 231 p.

Maxwell-Hyslop 1949 — *Maxwell-Hyslop R.* Western Asiatic Shaft-Hole Axes // Iraq. 1949. Vol. 11, part 1. P. 90–129.

Melikian-Chirvani 1979 — *Melikian-Chirvani A. S.* The Tabarzīns of Loṭf^{alī} // Islamic arms and armour. London: Scolar Press, 1979. P. 116–133.

Miller 2006 — *Miller M. C.* Orientalism and ornamentation: Athenian reactions to Achaemenid Persia // Arts: The Proceedings of the Sydney University Arts Association. Sydney, 2006. Vol. 28. P. 117–146.

Miller 2008 — *Miller M. C.* Persians in the Greek imagination // Mediterranean Archaeology (Meditarch). Sydney, 2008. Vol. 19/20 (2006/2007). P. 109–123.

Miller 2011 — *Miller M. C.* Imaging Persians in the Age of Herodotus // Herodot und das Persische Weltreich / Herodotus and the Persian Empire: Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen», Innsbruck, 24.–28. November 2008. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. P. 123–157 (Classica et Orientalia. Bd. 3).

Minorsky 1991 — *Minorsky V.* Daylam // The Encyclopaedia of Islam. New Edition (4th Impression). Leiden, 1991. Vol. 2. P. 189–194.

Mitchiner 1978 — *Mitchiner M.* Oriental coins and their values: The Ancient and Classical World, 600 B. C.–A. D. 650. London: Hawkins Publications, 1978. 760 p.

Mohl 1841 — *Mohl J.* Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l'histoire de la Perse // Journal Asiatique. Paris, 1841. Série 3. T. 11 (Mars). P. 258–301.

Moorey 1975 — *Moorey P. R. S.* Iranian troops at Deve Hüyük in Syria in the earlier Fifth century B. C. // Levant: Journal of the British School of Archaeology in Jerusalem. London, 1975. Vol. 7. P. 108–117.

Moorey 1980 — *Moorey P. R. S.* Cemeteries of the First Millennium B. C. at Deve Hüyük, near Carchemish, salvaged by T. E. Lawrence and C. L. Woolley in 1913 (with a *catalogue raisonné* of the objects in Berlin, Cambridge, Liverpool, London and Oxford). Oxford: B.A.R., 1980. 192 p. (BAR. IS. No. 87).

Moorey 1985 — *Moorey P. R. S.* The Iranian contribution to Achaemenid material culture // Iran. 1985. Vol. 23. P. 21–37.

Moshtagh Khorasani 2006 — *Moshtagh Khorasani M.* Arms and armor from Iran: The Bronze Age to the end of the Qajar Period. Tübingen: Legat-Verlag, 2006. 776 p.

Muscarella 1968 — *Muscarella O. W.* Excavations at Dinkha Tepe, 1966 // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. NS. New York, 1968. Vol. 27, no. 3. P. 187–196.

Muscarella 2013 — *Muscarella O. W.* Archaeology, artifacts and antiquities of the Ancient Near East: sites, cultures, and proveniences. Leiden; Boston: Brill, 2013. 1094 p. (Culture and History of the Ancient Near East. Vol. 62).

Narain 1990 — *Narain A. K.* Indo-Europeans in Inner Asia // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1990. P. 151–176.

Narain 1997 — *Narain A. K.* The Coins and identity of the anonymous Yuezhi-Tokharian King, the «Soter Megas» // JNSI. 1997. Vol. 59, part 1–2. P. 48–61.

Neelis 2007 — *Neelis J.* Passages to India: Śaka and Kuṣāṇa migrations in historical contexts // On the Cusp of an Era: Art in the Pre-Kuṣāṇa World. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 55–94 (Brill's Inner Asian Library. Vol. 18).

Nikonorov 1997 — *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria, 700 B. C.–450 A. D. Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.

Nikonorov 2014 — *Nikonorov V. P.* The Parade Hatchet-*Klevets* from Old Nisa (A Contribution to the study of the combat hatchets and their cult in Ancient Central Eurasia) // Anabasis. 2014. Vol. 4 (2013). P. 179–232.

Olbrycht 2010 — *Olbrycht M. J.* The Early reign of Mithradates II the Great in Parthia // Anabasis. 2010. Vol. 1. P. 144–158.

Olmstead 1948 — *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1948. 568 p.

Olufsen 1911 — *Olufsen O.* The Emir of Bokhara and his country: journeys and studies in Bokhara (with a chapter on my voyage on the Amu Darya to Khiva). Copenhagen: Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag; London: William Heinemann, 1911. 607 p.

Overlaet 2005 — *Overlaet B.* The Chronology of the Iron Age in the Pusht-i Kuh, Luristan // IA. 2005. Vol. XL. P. 1–33.

Overlaet 2013 — *Overlaet B.* Luristan during the Iron Age // The Oxford Handbook of Ancient Iran. New York: Oxford University Press, 2013. P. 377–391.

Perkins 1973 — *Perkins A.* The Art of Dura-Europos. Oxford: Clarendon Press, 1973. 175 p.

Pilipko 2006 — *Pilipko V. N.* Arms and armours from Old Nisa // Arms and armour as indicators of cultural transfer: The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. P. 259–294 (Nomaden und Sesshafte. Bd. 4).

Potts 2012 — *Potts D. T.* A «Scythian» pick from Vaske (Gilan) and the identity of the XVIIth delegation at Persepolis // Stories of long ago: Festschrift für Michael D. Roaf. Münster: Ugarit-Verlag, 2012. P. 459–470 (Alter Orient und Altes Testament. 397).

- Puri 1994 — *Puri B. N.* The Sakas and Indo-Parthians // History of civilizations of Central Asia. Vol. 2: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris: UNESCO, 1994. P. 191–207, 527–529.
- P'iankov 1996 — *P'iankov I. V.* The Ethnic history of the Sakas // BAI. NS. 1996. Vol. 8 (1994). P. 37–46.
- Raspopova 2006 — *Raspopova V. I.* Sogdian arms and armour in the Period of the Great Migrations // Arms and armour as indicators of cultural transfer: The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. P. 79–95 (Nomaden und Sesshafte. Bd. 4).
- Read 1904 — *Read Ch. H.* British Museum: A Guide to the antiquities of the Bronze Age in the Department of British and Mediæval Antiquities. London: Printed by Order of the Trustees, 1904. 172 p.
- Roaf 1974 — *Roaf M.* The Subject peoples on the base of the statue of Darius // Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran. Paris, 1974. 4. P. 73–160.
- Roaf 1983 — *Roaf M.* Sculptures and Sculptors at Persepolis. London: The British Institute of Persian Studies, 1983. 221 p. (Iran. Vol. 21).
- Rosenfield 1967 — *Rosenfield J. M.* The Dynastic arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. 551 p. (California Studies in the History of Art. 6).
- Rostovtzeff 1932 — *Rostovtzeff M.* Caravan Cities. Oxford: Clarendon Press, 1932. 294 p.
- Safar, Mustafa 1974 — *Safar F., Mustafa M. A.* Hatra, the city of the Sun God. Baghdad: Wizārat al-ʿĪlām, Mudīriyat al-Āthār al-ʿĀmmah, 1974. 460 p.
- Salihi 1971 — *Salihi W. al-.* Hercules-Nergal at Hatra // Iraq. 1971. Vol. 33, part 2. P. 113–115.
- Salihi 1983 — *Salihi W. al-.* The Shrine of Nebo at Hatra // Iraq. 1983. Vol. 45, part 1. P. 140–145.
- Sandhu 2000 — *Sandhu G. S.* A Military History of Ancient India. New Delhi; Mumbai; Hyderabad: Vision Books, 2000. 540 p.
- Sarianidi 1985 — *Sarianidi V. I.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 258 p.
- Sarre 1938 — *Sarre F.* Sāsānian Stone Sculpture // A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. I. Text: Pre-Achaemenid, Achaemenid, Parthian and Sāsānian Periods. London; New York: Oxford University Press, 1938. P. 593–600.
- Schmidt 1939 — *Schmidt E. F.* The Treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenians. Chicago: The University of Chicago Press, 1939. 160 p. (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Communications. No. 21).
- Schmidt 1953 — *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. 1: Structures. Reliefs. Inscriptions. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. 609 p. (OIP. Vol. 68).
- Schmidt 1957 — *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. 2: Contents of the Treasury and other discoveries. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 321 p. (OIP. Vol. 69).
- Schmidt 1970 — *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. III: The Royal Tombs and other monuments. Chicago: The University of Chicago Press, 1970 378 p. (OIP. Vol. 70).
- Schmitt 2004 — *Schmitt R.* Haumavargā // EIr. 2004. Vol. 121. P. 63–64.
- Schmitt 2009 — *Schmitt R.* Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2009. 208 S.
- Schwarzmaier 1996 — *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Grossen Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1996. Bd. 111. S. 105–137.
- Sekunda 1992 — *Sekunda N.* The Persian army, 560–330 B. C. London: Osprey Publishing, 1992. 64 p. (Osprey Military Elite Series. 42).
- Senior 2001 — *Senior R. C.* Indo-Scythian coins and history. Vol. 2, 3. Lancaster; London: Classical Numismatic Group, 2001. 357 p.
- Shahbazi 1976 — *Shahbazi A. Sh.* The Persepolis «Treasury Reliefs» once more // AMI. NF. 1976. Bd. 9. P. 151–156.
- Shahbazi 1980 — *Shahbazi A. Sh.* An Achaemenid symbol: II. Farnah «(God given) Fortune» symbolised // AMI. 1980. Bd. 13. P. 119–147.
- Shahbazi 1987 — *Shahbazi A. Sh.* Aspačanā // EIr. 1987. Vol. II. 1987. P. 786–787.
- Singh 1989 — *Singh S. D.* Ancient Indian warfare. With Special reference to the Vedic Period. 2nd ed. Delhi; Varanasi; Patna; Bangalore; Madras: Motilal Banarsidass, 1989. 222 p.
- Stein 1928 — *Stein A.* Innermost Asia: Detailed report of explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Irān carried out and described under the Orders of H. M. Indian Government. Vol. 1, 3. Oxford: Clarendon Press, 1928. 862 p.
- Stronach 2011 — *Stronach D.* Court dress and riding dress at Persepolis: New approaches to old questions // Elam and Persia. Winona Lake: Eisenbrauns, 2011. P. 475–487.
- Summerer 2007 — *Summerer L.* Picturing Persian victory: The Painted battle scene on the Munich Wood // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston, 2007. Vol. 13, no. 1–2. P. 3–30.
- Summerer 2011 — *Summerer L.* Die Persische Armee in Kelainai // Kelainai — Apameia Kibotos: Développement urbain dans le contexte anatolien. Actes du colloque international Munich, 2–4 avril 2009. Bordeaux: Ausonius, 2011. S. 33–54 (Kelainai. 1).

- Tafazzoli 1994 — *Tafazzoli A.* A List of terms for weapons and armour in Western Middle Iranian // SRAA. 1994. Vol. 3 (1993/94). P. 187–198.
- Tavernier 2014 — *Tavernier J.* Some thoughts on the *ustarbaru* // Extraction and control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2014. P. 297–322 (Studies in Ancient Oriental Civilization. No. 68).
- Tilia 1972 — *Tilia A. B.* Studies and restorations at Persepolis and other sites of Fārs. Rome: IsMEO, 1972. 433 p. (IsMEO. Centro Studi e Scavi Archeologici in Asia. R & M. Vol. 16).
- Tourovets 2002 — *Tourovets A.* Nouvelles propositions et problèmes relatifs à l'identification des délégations de l'escalier est de l'Apadana (Persépolis) // AMIT. 2002. Bd. 33 (2001). P. 219–256.
- Tritsch 1943 — *Tritsch F. J.* Rec. ad op.: *Schmidt E. F.* The Treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenians. Chicago: The University of Chicago Press, 1939 (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Communications. No. 21) // The Journal of Hellenic Studies. London, 1943. Vol. 62 (1942). P. 105–106.
- Trümpelmann 1990 — *Trümpelmann L.* Zur Herkunft von Medern und Persern // AMI. 1990. Bd. 21 (1988). S. 79–90.
- Vanden Berghe 1987 — *Vanden Berghe L.* Les pratiques funéraires à l'âge du Fer III au Pusht-i Kūh, Luristān: les nécropoles «genre War Kabūd» // IA. 1987. Vol. 22. P. 201–266.
- Vanden Berghe, Schippmann 1985 — *Vanden Berghe L., Schippmann K.* Les reliefs rupestres d'Elymaïde (Irān) de l'époque parthe. Gent: Iranica Antiqua, 1985. 175 p. (IA. Supplément 3).
- Vogelsang 1992 — *Vogelsang W. J.* The Rise and organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian evidence. Leiden; New York; Köln: Brill, 1992. 356 p. (Studies in the History of the Ancient Near East. Vol. 3).
- Walser 1966 — *Walser G.* Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1966. 200 S. (Teheraner Forschungen. Bd. 2).
- Walser 1980 — *Walser G.* Persepolis. Die Königspfalz des Darius. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1980. 114 S.
- Ward 1910 — *Ward W. H.* The Seal cylinders of Western Asia. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1910. 464 p. (Publication no. 100).
- White 1964 — *White L.* Medieval technology and social change. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1964. 223 p.
- Widengren 1956 — *Widengren G.* Some Remarks on riding costume and articles of dress among Iranian peoples in Antiquity // Studia Ethnographica Upsaliensia. Uppsala, 1956. 11. P. 228–276.
- Wiesehöfer 2009 — *Wiesehöfer J.* Das Bild der Anderen: Perser aus der Sicht der Griechen — Griechen aus der Sicht der Perser // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt: Asiens Kulturen im Wandel: Begleitband zur Sonderausstellung «Alexander der Große und die Öffnung der Welt — Asiens Kulturen im Wandel» in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim. Mannheim: Reiss-Engelhorn-Museen; Regensburg: Verlag Schnell und Steiner, 2009. S. 86–93 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen. Bd. 36).
- Winkelmann 2004 — *Winkelmann S.* Katalog der parthischen Waffen und Waffenträger aus Hatra. Halle/Saale: Orientwissenschaftliches Zentrum, 2004. 370 S. (Materialien des SFB «Differenz und Integration». 4).
- Winter 1912 — *Winter F.* Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg: K. J. Trübner, 1912. 18 S., 18 Taf. (Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg. 15).
- Wu 2010 — *Wu X.* Enemies of Empire: A Historical reconstruction of political conflicts between Central Asia and the Persian Empire // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East: Proceedings of a conference at the British Museum, 29th September — 1st October 2005. London: I. B. Tauris, 2010. P. 545–563.
- Wu 2014 — *Wu X.* «O young man... Make known of what kind you are»: Warfare, history, and elite ideology of the Achaemenid Persian Empire // IA. 2014. Vol. 49. P. 209–299.
- Yablonsky 1995 — *Yablonsky L. T.* The Saka in Central Asia // Nomads of the Eurasian steppes in the Early Iron Age. Berkeley: Zinat Press, 1995. P. 189–252.
- Yatsenko 2001 — *Yatsenko S. A.* The Costume of the Yuech-Chihs/Kushans and its analogies to the East and to the West // SRAA. 2001. Vol. 7. P. 73–120.
- Zadneprovskiy 1994 — *Zadneprovskiy Yu. A.* The nomads of northern Central Asia after the invasion of Alexander // History of civilizations of Central Asia. Vol. 2: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris: UNESCO, 1994. P. 457–472, 550–552.
- Zeymal 1999 — *Zeymal E. V.* Tillya-Tepe within the context of the Kushan chronology // Coins, art, and chronology. Essays on the pre-Islamic history of the Indo-Iranian borderlands. Wien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. P. 239–244 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 280; Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens. Nr. 31; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 33).

Combat hatchets and their cult among the ancient peoples of Central Asia and Iran (from the Early Iron Age through Early Medieval Period)

V. P. Nikonorov

The paper deals with the use of combat hatchets and their hold in reverence as cultic and prestigious objects among the Iranian and Tocharian peoples living in Antiquity within the Iranian plateau and Central Asia. The earliest pieces of evidence concerning the Iranians, both written (Yt. I. 18; X. 130) and archaeological (fig. 1, 1–4), date from pre-Achaemenid times. The Classical narrative tradition has preserved information that the western Central Asian nomadic tribes, the Massagetae and the Sakas, exploited combat hatchets made of bronze, which were called in Greek *σάγαρις* (Hdt. I. 215; VII. 64; Strabo XI. 8. 6). This term seems to have designated pick-like hatchets of two kinds — *chekans* (with straight blades) and *klevetses* (with curved ones). Combat hatchets with iron war-heads have been discovered in Saka graves of the 7/6th–3rd centuries AD, some of them are picks-*chekans* (fig. 1, 5, 5a, 8, 11–13) and the others are axes (fig. 1, 6, 7, 9, 10). Representations of *chekan*-armed Central Asians (most likely, the Sakas) are met on works of Achaemenid art (fig. 2, 1, 4, 6, 7, 9). Under the Saka influence, picks of both kinds appeared in the Persian armament, where they are fixed by material (fig. 3, 6–8a), iconographic (fig. 2, 2, 3, 5, 8, 10, 11; 3, 1, 1a, 2, 2a, 3, 4; 4, 1–4), and written (Xen. *Anab.* IV. 4. 16 [= Suid. s. v. *σάγαρις*]; Xen. *Cyr.* I. 2. 9; II. 1. 9; 16; IV. 2. 22; VIII. 8. 23; Strabo XV. 3. 19) sources. The Sakas and Massagetae must have revered their combat hatchets as symbols of cult and dignity, like the Pontic Scythians did (Hdt. IV. 5; 7; 70). The same was among the Persians, as it is in particular demonstrated by royal audience and tomb reliefs at Persepolis and Naqsh-e Rostam (fig. 3, 1, 1a, 2, 2a, 3, 4).

It should be borne in mind that from a functional point of view the significance of the military use of axes, having reached its peak in the Achaemenid period, then was steadily declining, while the high prestigious and sacred symbolism of this type of weaponry always remained unchanged. So, picks held the high-esteemed position in the midst of the Indo-Sakas and Kushans — scions of those Central Asian nomads who took part in the conquest of Greek Bactria in the second half of the 2nd century BC. The former were natives of the Saka milieu, and in the 1st century BC–early 1st century AD they dominated over the Punjab and the Indus valley. Two of the Indo-Saka kings, Spalirises and Azes I, depicted themselves on some coins as armed with curve-bladed *klevetses* (fig. 5, 1, 2, 2a). The Kushans were one of the five Great Yüeh-chih/Tocharian tribes coming from eastern Central Asia, and it is they who subdued the other four and established by the late 1st–early 2nd century AD the mighty Kushan empire embracing Bactria and North-Western India. Some of their rulers were officially represented with picks in the hands (fig. 5, 3–5). Besides, the parade hatchet-*klevets* made of silver, which has been found in the «Treasury-House» at Old Nisa (fig. 6, 1) — a dynastic cultic center of the Parthian Arsacids in Northern Parthya — must have belonged to a Saka or Yüeh-chih/Tocharian chieftain who was defeated in the last quarter of the 2nd century BC by the Parthian king Mithradates II during the latter's struggle against Saka and Yüeh-chih/Tocharian hordes intruding into Eastern Parthia. At the same time, there is no sufficient evidence of any wide employment of axes at war and of their cult in Iran under the Parthians. On the other hand, in Sasanian Iran combat hatchets were certainly among the arms of the Persian heavy cavalry, and axes were as well royal insignia, as witnessed by both pictorial data (fig. 6, 3, 5) and some medieval Arabic and Persian writings.

Further materials testifying to the significance of combat hatchets for the Iranian and Tocharian ethnic environment go back to Early Medieval times and come from the art of Sogdia (fig. 8, 1–7; 9, 1–3) and Xinjiang (fig. 9, 6–9) respectively.

Торговые связи Востока и средневековой Руси (историко-лингвистический очерк)

Д. Абдуллоев

Ключевые слова: *Средний Восток, Русь, средневековье, торговые связи, арабские и персидские письменные источники, заимствования в русском языке.*

Key words: *Middle East, Rus, Middle Ages, trade connections, Arabian and Persian written records, lexical borrowings in Russian.*

Великий Шелковый путь имел большое значение для взаимодействия культур разных народов, при этом важную роль играло население Средней Азии и Среднего Востока. Судя по письменным источникам и данным археологии, развитие городов, ремесел, науки и искусства в этих регионах было достигнуто благодаря культурным и торговым связям, прежде всего с Западной и Восточной Европой, причем существенный вклад в развитие таких контактов внесла Древняя Русь.

До начала X в. на Русь из южных стран вели два торговых пути. Первый из них, начинавшийся на Среднем Востоке, пролегал через Кавказ и Хазарию (рис. 1), второй, проходивший по Средней Азии (по Амударье до Кята, далее в Ургенч), вел через Эмбу в Булгарское царство и далее — на Русь. В начале X в. при халифе Муктадире отношения между Багдадом и Хазарским каганатом испортились, и мусульманские купцы отказались от первого маршрута. Вдоль торговых дорог были построены караван-сарай — постоянные дворы (по-арабски «ар-рибати»), где купцы останавливались на отдых (топоним «Арбат» — улица и площадь в центральной части Москвы — указывает, возможно, на то, что некогда здесь находился один из таких постоянных дворов).

Из Средней Азии и Среднего Востока на Русь везли рис, сухофрукты, пряности, восточные сладости, ткани из шелка, парчи и хлопка (Гафуров 1989: 76–77; Якубовский 1932), а также большое количество серебряных монет — дирхемов «исмаили» (рис. 2–4), названных так по имени правителя Исмаила Самани (892–914), основателя державы Саманидов в Мавераннахре. В то время дирхемы выполняли функцию мировых денег (Гафуров 1989: 74–75), о чем свидетельствует их распространение вплоть до Восточной и Западной Европы. Многочисленные клады саманидских серебряных монет были обнаружены на территории нынешней России (Янин 2009: 68–159). Следует отметить, что проникновение куфических мусульманских серебряных монет и установление торговых связей Восточной Европы и Руси со странами Халифата начинается с 70–80-х гг. VIII в. и продолжается до начала XI в. (Тизенгаузен 1853; 1869; 1873; Фасмер 1933; Янин 2009: 15–99). Куфические мусульманские серебряные монеты часто находят также при раскопках древнерусских городов (Янин 2009: 100–146). Кроме мусульманских серебряных монет, на территории России обнаружено множество кладов с серебряной посудой (рис. 5), привезенной торговыми караванами из Средней Азии и Среднего Востока (Даркевич 1976: 5–166).

Начиная с IX в. в арабских и персидско-таджикских письменных источниках появляются первые сведения о славянах и стране Русь (Бартольд 1963; Гаркави 1870: 260–264; Гафуров 1989: 75–80; Новосельцев 1965; Худуд-ул-олам 1983: 109–110; Якубовский 1928; 1932). Эти сведения позволяют более точно определить территорию расселения славян, руссов и их соседей, а также дать характеристику их быта, нравов и обычаев. Так, автор IX в. Ибн-Хордадбех писал, что руссы имеют славянское происхождение, а их цари носят титул «князь» (в тексте «кнад», «кнадз»). Далее он сообщает о том, что русские купцы торговали мехами выдры, черно-бурых лисиц и мечами. Их торговый путь проходил по славянской реке (Волга) в хазарскую столицу Итиль, а оттуда по юго-восточному побережью Каспийского моря в Джурджан, затем на верблюдах в Багдад (Гаркави 1870: 44–56). Другой мусульманский автор Ибн-Фадлан, побывавший в составе посольства (921–922) халифа Муктадира к царю Булгар, отметил, что рыжеволосые купцы руссов имеют

хорошее телосложение. Они носят простую одежду и вооружены широкими и волнообразными мечами, а также ножами и секирами (Там же: 93). В анонимном персоязычном географическом сочинении X в. «Худуд-ул-олам» («Границы мира») есть сведения о местоположении страны руссов, о ее природных ресурсах, о нравах и верованиях ее жителей. В источнике названы города руссов, такие как Куёба, Салоба, Артаб и другие, а также перечислены вывозимые оттуда товары — пушнина, шерстяная пряжа и хорошие мечи (Худуд-ул-олам 1983: 110). В другом, более позднем

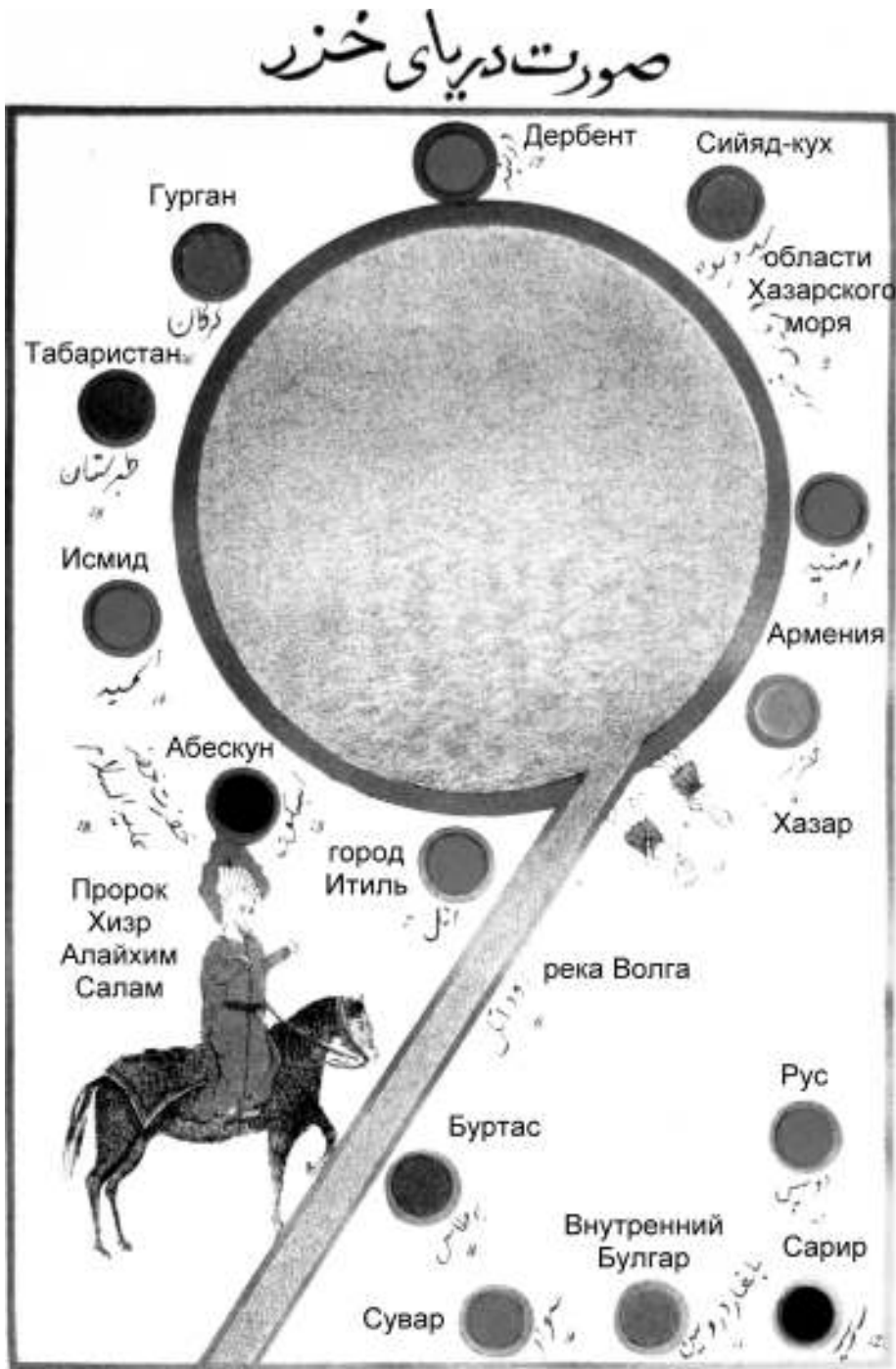

Рис. 1. Перевод с фарси «Сурати дарйай Хазар» («карта Каспийского моря») автора XIII в. ат-Туси (по Блинов и др. 2012)

Fig. 1. At-Tusi's «Map of the Caspian Sea», translation from Farsi (after Блинов и др. 2012)

персоязычном письменном источнике «Чудеса мира» (XIII в.) говорится о том, что Русь это большая страна с многочисленным светловолосым населением. Оттуда вывозят лен, пряжу, рабов и рабынь (Смирнова 1993: 206). Мужество и храбрость русских наемных воинов, служивших в войсках восточных правителей, воспевали средневековые поэты. В частности, классик персидско-таджикской литературы XII в. Низами писал: «Кашидан саф калбдорони рус» / Строились в ряд русские калбдари (Низами 1965: 35), т. е. храбрые воины, которые следили за порядком в центре войска.

Ценные сведения о торговых связях стран Востока и Руси дают такие археологические материалы, как стеклянная посуда (Бусятская 1972), поливная керамика, ткани из хлопка и шелка (Фехнер 1973) (рис. 6).

Торговые контакты с Востоком оказали большое влияние на материальную и духовную культуру Руси. Результатом этих контактов стало появление в современном русском языке арабских, персидско-таджикских и тюркских слов. Изучение тюркизмов в русском языке началось еще в XIX в., эта проблема остается актуальной до настоящего времени (Дмитриев 1962: 142–143; Радлов 1963: 384–385; Шумовский 2004: 335–336).

Однако в целом проблема проникновения арабской, персидско-таджикской и тюркской лексики в русский язык изучена недостаточно. Поэтому нами впервые рассматриваются вопросы о том, когда и как в русский язык вошли арабские, персидско-таджикские и тюркские языковые единицы, сохраняют ли они свое первоначальное значение и, если нет, то с чем связано изменение смысла этих слов. Исследование вопроса основано на сведениях средневековых (X–XVIII вв.) персидских толковых словарей (Гиёс-ул-лугот 1987–1989; Словарь таджикского языка... 1969; Убахи 1992), а также произведений классиков персидско-таджикской литературы IX–XIII вв. (Дехлеви 1968; Низами 1965; Рудаки 1958; Саади 1970; Фирдавси 1960–1971; Хайям 1986; и др.). Кроме того, для сравнения арабских, персидско-таджикских и тюркских слов, которые вошли в русский язык и до сих пор употребляются в разговорной речи, нами использованы толковые словари русского языка XVIII–XX вв. (Брокгауз, Ефрон 1890–1896; Будагов 1869–1871; Даль 1880–1888; Ожегов 2008; Словарь русского языка... 1975–1996; Ушаков 1935–1940; Фасмер 1986–1987).

Некоторые толковые словари русского языка не лишены неточностей. Так, в словаре В. Даля не всегда дано происхождение заимствованных восточных слов, большую часть которых автор возводит к татарскому языку (Даль 1880–1888). В толковом словаре под редакцией Д. Ушакова происхождение ряда лексем дано неверно. Например, слово «сарай» является не тюркским, а персидским (Ушаков 1940, т. IV: 51), слово «шалъ», персидско-таджикского происхождения, не могло быть заимствованием из французского языка, который, по мнению составителя, в свою очередь, воспринял это слово из арабского (Там же: 1315). У этого автора имеются также неточности в истолковании значения некоторых лексем.

В настоящей работе представлено 123 арабских, персидско-таджикских и тюркских слов, вошедших в русский язык и до сих пор употребляемых в разговорной речи. Большую их часть (почти 80 %) составляют арабские и персидско-таджикские языковые единицы.

Арабская лексика в русском языке (38 слов)

Ал-Джабр — алгебра; *ал-кахил* — алкоголь; *ал-химия* — алхимия; *ал-мунах* — альманах; *анбар* — имбирь; *баккал* — бакалея; *без* — бязь; *буср* — бисер; *дар ал-сана* — арсенал; *жуба* — шуба; *зафаран* — шафран; *кабала* — кабала; *каданы* — кандалы; *кахве* — кофе; *кейф* — кайф; *керат* — карат; *манаридж* — магарыч; *манкал* — мангал; *маусин* — муссон; *махазин* — магазин; *мумия* — мумия; *мухаррама* — макраме; *небат* — набат; *ношадер* — нашатырь; *сандук* — сундук; *сарвол*, *саровил* — шаровары; *тареф* — тариф; *хазина* — казна; *халва* — халва; *ханджар* — кинжал; *харам* — гарем; *хашиш* — гашиш; *хильат* — халат; *хурма* — хурма; *шайтан* — сатана; *шербет* — шербет; *эликсир* — эликсир; *яшма* — яшма.

Персидско-таджикская лексика в русском языке (50 слов)

Аличе — олуца — алыча; *анбар* — анбор — амбар; *анжер* — анджир — инжир; *аршин* — оршин — аршин; *багче* — богча — бахча; *бадинджан* — бокаладжон — баклажан; *базар* — бозор —

базар; *балахане* — болохона — балкон; *бехадор* — баходур — богатырь; *гитар* — гитор — гитара; *горз* — гурз — гюрза; *денг* — донг — деньги; *джамедан* — джомадон — чемодан; *калон* — каланча; *карван* — корвон — караван; *кардак* — кордак — кортик; *конджуд* — кунджид — кунжут; *кошк* — киоск; *ладен* — ладон — ладан; *ладжовард* — лоджувард — лазурит; *нефт* — нафт — нефть; *паджаме* — поджосома — пижама, *парче* — парча — парча; *пахлеван* — пахлавон — болван; *пелав* — палов — плов; *пелас* — палос — палас; *пирозе* — фируза — бирюза; *писте* — писта — фишашка; *серай* — сарой — сарай; *серапа* — сарупо — сарафан; *сорме* — сурма — сурьма; *тарбоз* — тарбуз — арбуз; *тасме* — тасма — тесьма; *тебар* — табар — топор; *томан* — туман — туман; *торбанд* — турбанд — тюрбан; *туфан* — туфон — тайфун; *фулад* — пулод — булат; *футе* — фута — фата; *хане* — хона — хана; *хефтан* — хафтан — кафтан; *чартак* — чорток — чертог; *четр* — чатр — шатёр; *чехартак* — чехорток — чердак; *шал*, *шол* — шаль; *шахмат* — шохмот — шахматы; *шашлек* — шашлик — шашлык; *шегал* — шагол — шакал; *шекар* — шакар — сахар; *ясумен* — ёсуман — жасмин.

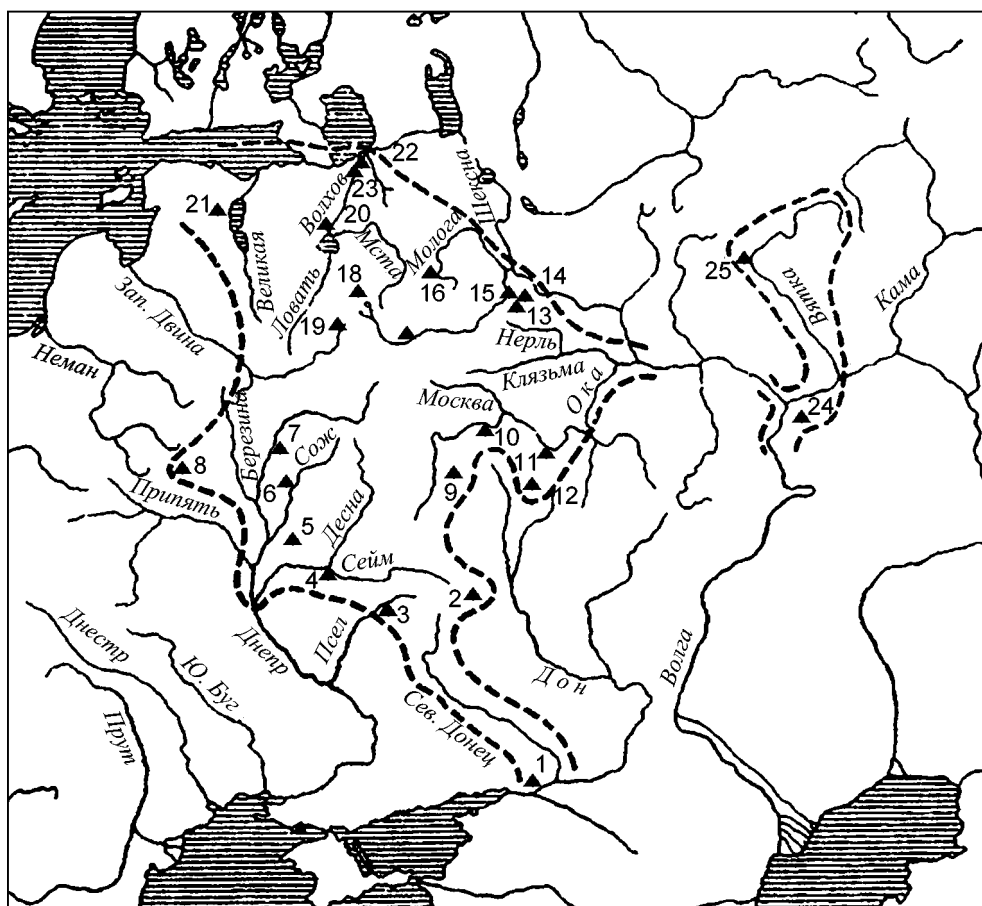

Рис. 2. Распространение дирхема до 833 г. (по Янин 2009): 1 — Кривянская, 806 г.; 2 — Завалишино, 810 г.; 3 — Нижняя Сыроватка, 813 г.; 4 — Паристовский хутор; 5 — Ярыловичи, 821 г.; 6 — Литвиновичи, 824 г.; 7 — Могилёв, 815 г.; 8 — Минская губ., 816 г.; 9 — Лапотково, 817 г.; 10 — Баскач; 11 — Борки, 817 г.; 12 — Скопинский у.; 13 — Сарское городище; 14 — Угодичи, 813 г.; 15 — Углич, 829 г.; 16 — Загородье, 831 г.; 17 — Семёнов Городок; 18 — Демянск, 825 г.; 19 — Набатово; 20 — Вылеги; 21 — Тарту; 22 — Старая Ладога, 786 г.; 23 — Княшино, 808 г.; 24 — Элмед, 821 г.; 25 — Лелеки

Fig. 2. Distribution area of dirham before 833 (after Янин 2009): 1 — Krivyanskaya, 806; 2 — Zavalishino, 810; 3 — Nizhnaya Syrovatka, 813; 4 — Paristovskiy farmstead; 5 — Yarylovichi, 821; 6 — Litvinovichi, 824; 7 — Mogilev, 815; 8 — Minsk region, 816; 9 — Lapotkovo, 817; 10 — Baskach; 11 — Borki, 817; 12 — Skopino area; 13 — Sarskoe settlement; 14 — Ugodichi, 813; 15 — Uglich, 829; 16 — Zagorodie, 831; 17 — Semenov Gorodok; 18 — Demyansk, 825; 19 — Nabatovo; 20 — Vylegi; 21 — Tartu; 22 — Old Ladoga, 786; 23 — Knyashchino, 808; 24 — Elmed, 821; 25 — Leleki

Тюркская лексика в русском языке (35 слов)

Ал — алый; *алтин* — алтын; *аралаш* — ералаш; *аркан* — аркан; *ата, ота* — отец; *атаман* — атаман; *балик* — балык; *баши* — башка; *башмак* — башмак; *билмес* — бельмес; *бургут* — беркут; *казок* — казак; *кайма* — кайма; *камыш* — камыш; *капкон* — капкан; *кара* — карий; *каравул* — караул; *караташ, карадаш* — карандаш; *карга* — карга; *кургон* — курган; *очак, учок* — очаг; *пай* — пай; *табун* — табун; *тамга* — тамга; *тамгачи* — таможенник; *тилмоч* — толмач; *узум* — изюм; *ур, уре* — ура; *урук* — урюк; *чулан* — чулан; *хазначи* — казначей; *шалаш* — шалаш; *юк* — выюк; *ярлиг* — ярлик; *ясавул* — есаул.

В целом восточные слова, вошедшие в русский язык, охватывают почти все стороны материальной и духовной культуры общества.

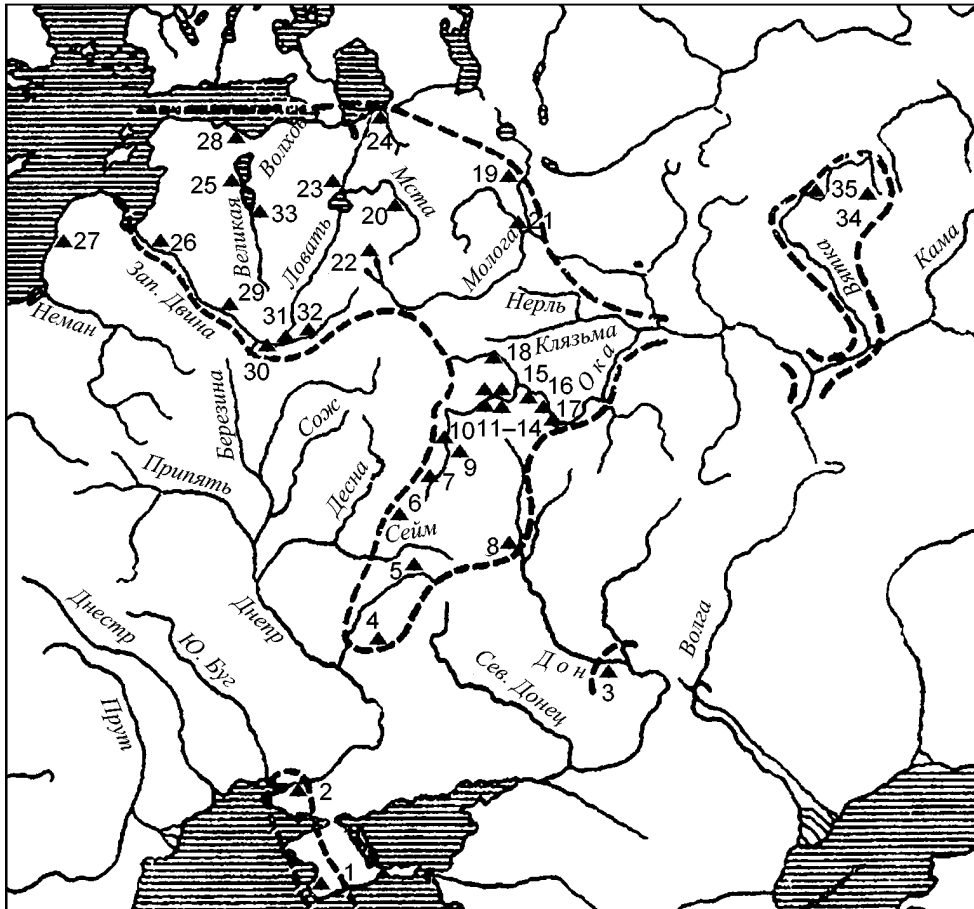

Рис. 3. Распространение дирхема в 833–900 гг. (по Янин 2009): 1 — Херсонес, 870 г.; 2 — Новая Лазаревка, 893 г.; 3 — Вешенская; 4 — Полтава, 883 г.; 5 — Погребное, 876 г.; 6 — Моисеево; 7 — Бобыли, 876 г.; 8 — Девица, 838 г.; 9 — Протасово; 10 — Мишнево, 869 г.; 11 — Острогов, 870 г.; 12 — Растовец, 864 г.; 13 — Гручино; 14 — Хитровка, 873 г.; 15 — Железницы, 878 г.; 16 — Борки; 17 — Борки; 18 — Москва; 19 — Панкино, 863 г.; 20 — Потерпельцы, 866 г.; 21 — Кузнецкое, 870 г.; 22 — Шумилове, 871 г.; 23 — Новгород, 864 г.; 24 — Старая Ладога, 847 г.; 25 — Пейпус, 862 г.; 26 — Лифляндская губ., 872 г.; 27 — Гробин; 28 — Кохтель, 838 г.; 29 — Ахремцы, 852 г.; 30 — Соболево, 857 г.; 31 — Витебская губ.; 32 — Лучесы; 33 — Псковский уезд; 34 — Ягошуры, 843 г.; 35 — Вятка, 835 г.

Fig. 3. Distribution area of dirham in 833–900 (after Янин 2009): 1 — Chersonesos, 870; 2 — Novaya Lazarevka, 893; 3 — Veshenskaya; 4 — Poltava, 883; 5 — Pogrebnoe, 876; 6 — Moiseevo; 7 — Bobyli, 876; 8 — Devitsa, 838; 9 — Protasovo; 10 — Mishnevo, 869; 11 — Ostrogov, 870; 12 — Rastovetz, 864; 13 — Gruchino; 14 — Khitrovka, 873; 15 — Zheleznitza, 878; 16 — Borki; 17 — Borki; 18 — Moscow; 19 — Pankino, 863; 20 — Poterpel'tsy, 866; 21 — Kuznetskoe, 870; 22 — Shumilove, 871; 23 — Novgorod, 864; 24 — Old Ladoga, 847; 25 — Peipus, 862; 26 — Liflandia, 872; 27 — Grobin; 28 — Kohtel', 838; 29 — Akhremtsy, 852; 30 — Sobolevo, 857; 31 — Vitebsk region; 32 — Luchesy; 33 — Pskov region; 34 — Yagoshury, 843; 35 — Vyatka, 835

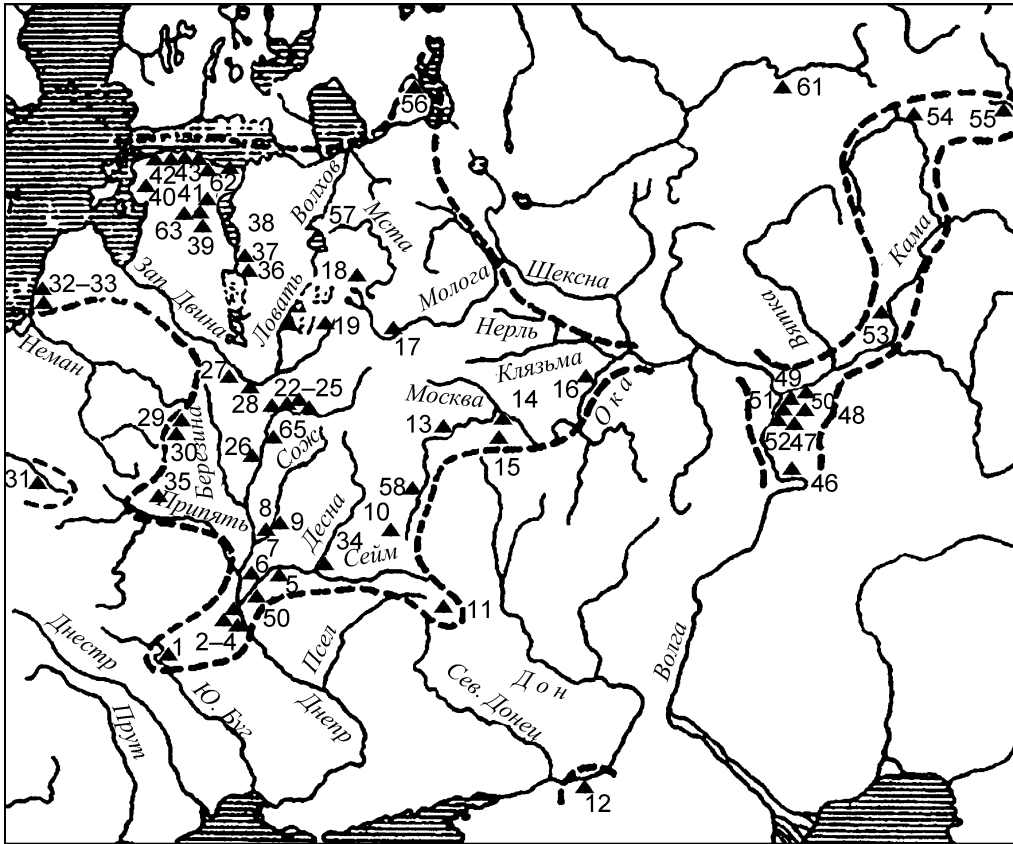

Рис. 4. Распространение дирхема в 900–970 гг. (по Янин 2009): 1 — Копиевка, 953 г.; 2–3 — Киев, 906 г.; 4 — Киев, 936 г.; 5 — Черниговский у.; 6 — Любеч, 933 г.; 7 — Струпово, 912 г.; 8 — Гомель, 943 г.; 9 — Большой Кривей; 10 — Береза, 950-е гг.; 11 — Безлюдовка; 12 — Саркел; 13 — Тарусский у.; 14 — Белоомут; 15 — Борозденок; 16 — Муром, 939 г.; 17 — Ржев, 953 г.; 18 — Валдайский у., 951 г.; 19 — Пальцево, 914 г.; 20 — Торопец; 21 — Великолукский у.; 22 — Дубровинка, 961 г.; 23 — Гнездово, 928 г.; 24 — Гнездово, 948 г.; 25 — Гнездово, 960 г.; 26 — Веть; 27 — Дисненский у., 944 г.; 28 — Гарица, 906 г.; 29 — Ленциковщина, 912 г.; 30 — Минск; 31 — Чапле-Об-ремпалка, 900-е гг.; 32 — Гробин, 946 г.; 33 — Гробин, 952 г.; 34 — Сосницкий у., 914 г.; 35 — Полесье; 36 — Боровиково, 905 г.; 37 — Псков, 958 г.; 38 — Булаево, 936 г.; 39 — Торма, 947 г.; 40 — Газелау, 959 г.; 41 — Ратсгоф, 952 г.; 42 — Таллин, 942 г.; 43 — Фридрихсгоф, 955 г.; 44 — Сарема; 45 — Зауе, 936 г.; 46 — Ставрополь, 939 г.; 47 — Билярск, 906 г.; 48 — Казанская губ., 914 г.; 49 — Болгары, 946 г.; 50 — Кокрят, 900 г.; 51 — Болгары; 52 — Балымер; 53 — Богдановское, 920 г.; 54 — Аниково; 55 — Верхотурье, 909 г.; 56 — Петрозаводск, 946 г.; 57 — Новгород, 953 г.; 58 — Козельск, 953 г.; 59 — Савин; 60 — Вейсенштейн, 955 г.; 61 — Чудской городок, 960 г.; 62 — Коваст, 969 г.; 63 — Веснерсгоф, 951 г.; 64 — Городнинский у.; 65 — Староселы

Fig. 4. Distribution area of dirham in 900–970 (after Янин 2009): 1 — Kopeivka, 953; 2–3 — Kiev, 906; 4 — Kiev, 936; 5 — Chernigov district; 6 — Lyubech, 933; 7 — Strupovo, 912; 8 — Gomeľ, 943; 9 — Bolshoi Krivei; 10 — Bereza, 950-es; 11 — Bezlyudovka; 12 — Sarkel; 13 — Tarusa district; 14 — Beloomut; 15 — Borozdenok; 16 — Murom, 939; 17 — Rzhev, 953; 18 — Valdai districk, 951; 19 — Paltsevo, 914; 20 — Toropetz; 21 — Velikie Luki district; 22 — Dubrovinka, 961; 23 — Gnezdovo, 928; 24 — Gnezdovo, 948; 25 — Gnezdovo, 960; 26 — Vet'; 27 — Disnensky district, 944; 28 — Garitsa, 906; 29 — Lentsikovshchina, 912; 30 — Minsk; 31 — Chaple-Obrempalka, 900-es; 32 — Grobin, 946; 33 — Grobin, 952; 34 — Sosnitsa district, 914; 35 — Polesye; 36 — Borovikovo, 905; 37 — Pskov, 958; 38 — Bulaevo, 936; 39 — Torma, 947; 40 — Gazelau, 959; 41 — Ratshoff, 952; 42 — Tallin, 942; 43 — Fridrihshoff, 955; 44 — Sarema; 45 — Zaue, 936; 46 — Stavropol', 939; 47 — Bilyarsk, 906; 48 — Kazan' region, 914; 49 — Bolgary, 946; 50 — Kokryat; 51 — Bolgary; 52 — Balymer; 53 — Bogdanovskoe, 920; 54 — Anikovo; 55 — Verkhoturie, 909; 56 — Petrozavodsk, 946; 57 — Novgorod, 953; 58 — Kozelsk, 953; 59 — Savin; 60 — Weisenschtein, 955; 61 — Chudskoi gorodok, 960; 62 — Kovast, 969; 63 — Wesnershoff, 951; 64 — Gorodnya district; 65 — Starosely

Рис. 5. Серебряные сосуды (по Даркевич 1976): 1–5 — Больше-Аниковская (№ 43); 6–8 — Селянино Озеро (№ 20); 9 — Карасево (№ 11); 10 — Малая Шакшера (№ 48)

Fig. 5. Silver vessels (after Даркевич 1976): 1–5 — Bol'she-Anikovskaya (No. 43); 6–8 — Selyanino Ozero (No. 20); 9 — Karasevo (No. 11); 10 — Malaya Shakshera (No. 48)

Лексика, связанная с военным делом

К этой лексической группе относятся слова «атаман», «богатырь», «есаул», «казак», «караул», «кинжал», «кортик», «топор».

Слово «атаман», возможно, происходит от тюркского «ота, ата, аталык». В словаре Л. Будагова приведено следующее его значение: «отец» или «попечитель». Например, воспитатели детей султанов из династии Сельджукидов (XI в.) получали титул Бийук Атака — «отец, глава семейства» (Будагов 1869, т. 1: 8–9). В толковых словарях русского языка атаманом назван выборный предводитель, начальник вольной казачьей дружины. В дореволюционной России назначаемый или выборный начальник в казачьих войсках и селениях, выполнявший военные, полицейские и административные функции, являлся станичным или войсковым атаманом. Лишь в одном словаре рассмотрен вопрос о происхождении этой лексемы, которую авторы возводят к англосакскому и скандинавскому «headman» — «гетман» и немецкому «Hauptman» — «капитан» (Брокгауз, Ефрон 1891, т. 2: 412). Создатели этого словаря считают, что данное слово заимствовано в русский язык из польского. Однако следует отметить, что фонетически звук «h» в русском языке может трансформироваться в звук «г», но не в звук «а». Скорее всего лексема «атаман» состоит из двух корней: тюркского («ата», «ота» — отец) и персидско-таджикского («ман» — я) и означает «я отец, отец семьи, отец народа».

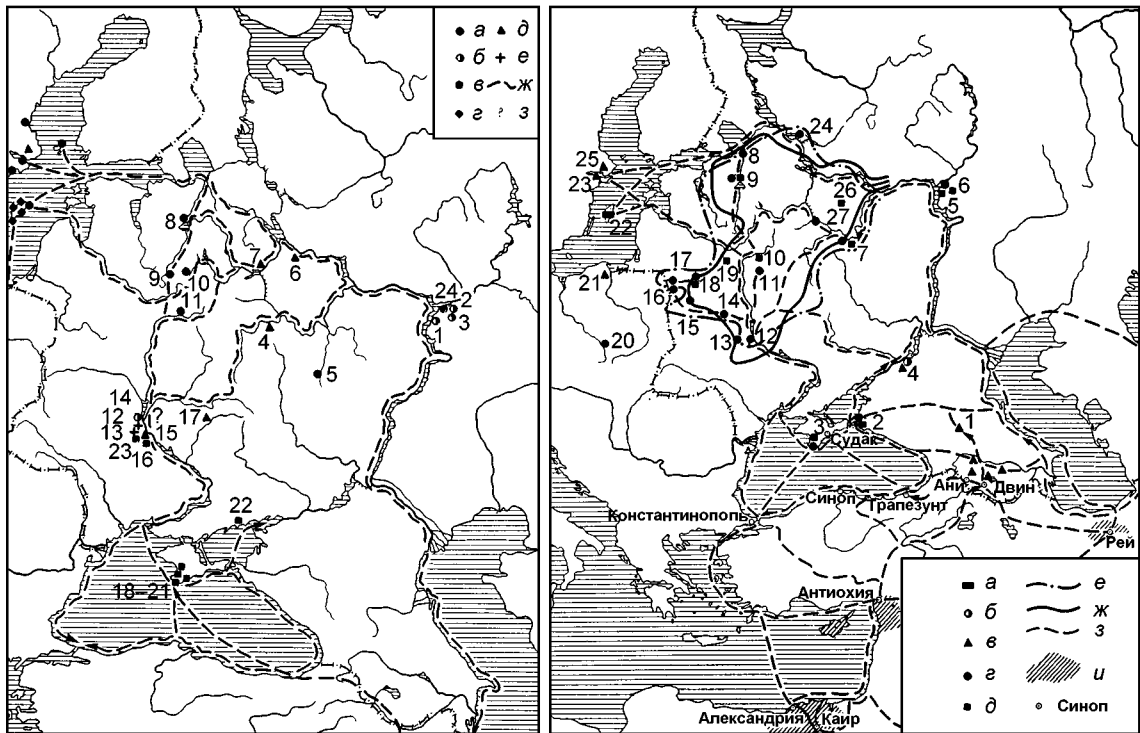
Слово «богатырь» восходит к таджикскому «бахадур», которое переводится как храбрый, смелый, герой (Таджикско-русский словарь 1954: 53). Эта языковая единица, возможно, заимствована в XII–XIII вв. в монгольский язык (монгольское «бахадур»), и в сокращенном виде в тюркские языки (казахское «батыр» и киргизское «батур») — богатырь, храбрый, герой (Будагов 1869, т. 1: 296–297). В толковых словарях русского языка данная лексема обозначает героя, храбреца, совершавшего воинские подвиги.

Особое место в составе российской армии занимали казаки. Название этого военного сообщества происходит от тюркского слова «казок». Судя по сведениям Мухаммада Хайдара, автора трактата «Тарих-и Рашиди» (первая половина XVI в.), кыргызы называли себя «казок» (Там же, т. 2: 54). В Туркестане все кочевые племена носили имя «казок», а степные кыргызы — «кыргыз-казок» (Там же). В словаре Л. Будагова сказано, что слово «казак» имеет джагатайское происхождение и означает «бродяга», «вольный человек» (Там же). В толковых словарях русского языка лексема «казак» указывает на принадлежность человека к военизированной общине вольных земледельцев, поселившихся на приграничных землях. Казаки являлись легковооруженными конными воинами, которых, в случае необходимости, принимали на государственную службу, причем казаки должны были сами обеспечить себя лошадьми и всей необходимой для похода экипировкой. Существовали, однако, и пешие казаки. Следует отметить, что все перечисленные повинности были также характерны и для тюрк-кочевников, у которых было принято деление войска на отряды, состоящие из определенного количества воинов — 10, 50, 100 и 1000. Командир подразделения имел звание, соответствующее числу «казаков» в отряде. У тюрк эти командные должности назывались *ун баши* (десятник), *илик баши* (пятидесятник), *юз баши* (сотник) и *минг баши* (тысячник).

Слово «караул» происходит от тюркского «каравул». В словаре Л. Будагова отмечено, что эта лексема имеет джагатайское происхождение и означает «страж» или «передовой сторожевой отряд», который начинает сражение или оповещает свое войско о том, что показался враг (Там же: 48). Языковая единица «караул», видимо, вошла в русский язык после XIII в. В толковых словарях русского языка так именуют воинское подразделение, несущее охрану чего-нибудь (военный объект) или кого-нибудь (личный состав воинских подразделений), а также предназначенное для встреч государственных деятелей (почетный караул). Таким образом, в российской армии караул имеет больше функций, чем в войсках средневековых тюрк.

Слово «кинжал», от арабского «ханджар», означает холодное оружие, длинный обоюдоострый нож. В толковых словарях русского языка слово «кинжал» имеет то же значение, что и в арабских словарях.

Слово «кортик», видимо, восходит к персидско-таджикскому «кордак», что означает короткий нож с обоюдоострым лезвием. Семантика этой лексемы в толковых словарях русского языка соответствует смыслу слова «кордак».

Слово «топор» происходит от персидско-таджикского «табар». В настоящее время топор (табар) используют лишь в хозяйственных целях. Но в средние века топор являлся одним из главных видов оружия ближнего боя. Его называли боевой топор (секира), персидско-таджикский «табарзин». Воины приторачивали это оружие к седлу коня.

Слово «есаул», связанное с тюркским «ясаул», означает уставщика, слугу, который несет золотой или серебряный посох впереди правителя (Там же: 329–330). В толковых словарях русского языка есаулом называют помощника, исполнителя приказаний. Ф. Брокгауз и И. Ефрон пишут, что этот чин или звание был введен в 1576 г. польским королем Стефаном Баторием в малороссийских казачьих войсках. Есаулы были полковые, артиллерийские и степные. Они обязаны были объезжать и инспектировать полки. В военное время есаулы командовали военными отрядами (Брокгауз, Ефрон 1894, т. 11: 682–683). Таким образом, в русской армии функции есаула стали шире, чем в тюркских войсках.

Лексика, связанная с торговлей

К этой лексической группе относятся слова «базар», «деньги», «казна», «караван», «магазин».

Слово «базар» происходит от персидско-таджикского «базар», «бозор». В словаре таджикского языка X — начала XX в. оно означает «специальное место, отведенное для торговли» (Словарь таджикского языка... 1969, т. 1: 196). Аналогичную семантику эта языковая единица имеет и в других словарях (Гиёс-ул-лугот 1987, ч. 1: 110; Таджикско-русский словарь 1954: 75). В русском языке смысл слова «базар» соответствует его значению в персидском и таджикском языках. В толковом словаре В. Даля термином «базар» названа торговля на открытом месте (Даль 1880, т. 1: 38). В толковом словаре русского языка лексема «базар» приведена в значении торгового пространства, который происходит по определенным дням (Ушаков 1935, т. 1: 77). В словаре русского языка XI–XVII вв. указано два смысла этого слова: 1) «кормитца онъ колошнымъ промысломъ, на базарь калачи печеть»; 2) «товар, скот, и т. п. предназначенный для продажи на базаре» (Словарь русского языка... 1975–1996, вып. 1: 65).

Слово «деньги» восходит к персидско-таджикскому «денг», «донг» (мелкая медная монета) (Словарь таджикского языка... 1969, т. 1: 388). Почти аналогичное значение этой языковой

Рис. 6. I. Восточные изделия из металла X–XIII вв. в Восточной Европе (по Даркевич 1976): *a* — бронзовые изделия X–XI вв.; *b* — бронзовые изделия XII–XIII вв.; *в* — серебряные и бронзовые изделия Сирии, Палестины, Малой Азии и Армении (XII–XIII вв.); *г* — серебряные сосуды X–XI вв.; *д* — серебряные украшения X–XI вв.; *е* — серебряные и золотые украшения XII–XIII вв.; *ж* — пути сообщения; *з* — локализация неточная. 1 — Болгары; 2 — Кульбаева Мурса; 3 — Альметьево; 4 — Кашира; 5 — Лядинский могильник; 6 — Новоселки (Белогостицкий клад); 7 — Пекуново; 8 — Новгород; 9 — Великие Луки; 10 — Торопец; 11 — Гнездово; 12 — Киев, 1889 г.; 13 — Киев, 1936 г.; 14 — Киев; 15 — Мышеловка; 16 — Сахновка; 17 — Шпилевка; 18–21 — Херсонес; 22 — Бердянск; 23 — Ржищев; 24 — Татарский Толкиш II. Поливная и стеклянная посуда и бусы Востока в Восточной Европе (по Даркевич 1976): *a* — поливная посуда Багдадского халифата IX–X вв.; *b* — среднеазиатская керамика с люстровидной и подглазурной росписью IX–X вв.; *в* — сиро-египетская стеклянная посуда и посуда с росписью люстром X–XI вв.; *г* — сирийская (Ракка, Алеппо) и египетская стеклянная посуда XI–XIII вв.; *д* — фаянсовая посуда с люстровидной росписью XII–XIII вв. (Иран); *е* — территория распространения золото- и серебростеклянных бус в конце X — начале XII вв.; *ж* — территория распространения бус из сердолика, горного хрусталя и аметиста в X–XII вв. (*е, ж* — по Фехнер 1973); *з* — пути сообщения; *и* — области, откуда вывозилась поливная и стеклянная посуда. 1 — Змейская; 2 — Тмутаракань; 3 — Херсонес; 4 — Саркел-Белая Вежа; 5 — Булгар; 6 — Биляр; 7 — Старая Рязань; 8 — Старая Ладога; 9 — Новгород; 10 — Смоленск; 11 — Мстиславль; 12 — Киев; 13 — Городск; 14 — Туров; 15 — Слоним; 16 — Волковыск; 17 — Гродно; 18 — Новогрудок; 19 — Лукомль; 20 — Ополе; 21 — Гданьск; 22 — Готланд; 23 — Бирка; 24 — Белоозеро; 25 — Уппланд; 26 — Суздаль; 27 — Москва

Fig. 6. I. Metal artifacts of oriental origin dated to the X–XIII cc. and found in Eastern Europe (after Даркевич 1976): *a* — bronze objects of the X–XI cc.; *b* — bronze objects of the XII–XIII cc.; *в* — silver and bronze objects from Syria, Palestine, Asia Minor, and Armenia (XII–XIII cc.); *г* — silver vessels of the X–XI cc.; *д* — silver adornments of the X–XI cc.; *е* — silver and gold adornments of the XII–XIII cc.; *ж* — roads; *з* — conjectural localization. 1 — Bolgary; 2 — Kul'baeva Murasa; 3 — Almetievo; 4 — Kashira; 5 — Lyadinsky cemetery; 6 — Novoselki (Belogostitsky hoard); 7 — Pekunovo; 8 — Novgorod; 9 — Velikie Luki; 10 — Toropetz; 11 — Gnezdovo; 12 — Kiev, 1889; 13 — Kiev, 1936; 14 — Kiev; 15 — Myshelovka; 16 — Sakhnovka; 17 — Shpilevka; 18–21 — Chersonesos; 22 — Berdyansk; 23 — Rzhishchev; 24 — Tatarskiy Tolkish

II. Oriental glazed and glass ware, and beads in Eastern Europe (after Даркевич 1976): *a* — glazed ware from the Baghdad caliphate, IX–X cc.; *b* — Central Asian pottery with luster and underglaze painting, IX–X cc.; *в* — Syrian-Egyptian glass ware, and luster painted ware, X–XI cc.; *г* — Syrian (Rakka, Aleppo) and Egyptian glass ware, XI–XIII cc.; *д* — faience ware with luster and underglaze painting, XII–XIII cc. (Iran); *е* — distribution area of gold- and silverglass beads at the late X–early XII c.; *ж* — distribution area of the beads made of cornelian, rock crystal, and amethyst in the X–XII cc. (*е, ж* — after Фехнер 1973); *з* — roads; *и* — regions where the glazed and glass ware was imported from. 1 — Zmeiskaya; 2 — Tmutarakan'; 3 — Chersonesos; 4 — Sarkel-Belaya Vezha; 5 — Bulgar; 6 — Bilyar; 7 — Old Ryazan'; 8 — Old Ladoga; 9 — Novgorod; 10 — Smolensk; 11 — Mstislavl'; 12 — Kiev; 13 — Gorodsk; 14 — Turov; 15 — Slonim; 16 — Volkovysk; 17 — Grodno; 18 — Novogrudok; 19 — Lukoml'; 20 — Opole; 21 — Gdansk; 22 — Gotland; 23 — Birka; 24 — Beloozero; 25 — Uppland; 26 — Suzdal'; 27 — Moscow

единицы представлено в словаре Даля, где указано, что «деньга» — полкопейки, две полушки (Даль 1880, т. 1: 439). В словаре под редакцией Д. И. Ушакова неверно сообщается о том, что данное слово тюркское: «tamga» — клеймо, печать / металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже (Ушаков 1935, т. 1: 689). Такое же значение приведено в словаре С. И. Ожегова, который, однако, не рассматривает вопрос о происхождении этой лексемы (Ожегов 2008: 203).

Слово «казна», от арабского «хазина», — место для хранения денег и сокровищ (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 455; Таджикско-русский словарь 1954: 417). Д. И. Ушаков тоже считал, что эта лексема восходит к арабскому «hazina» и означает, во-первых, совокупность имущественных средств государства, а во-вторых — имущество, деньги (Ушаков 1938, т. 2: 1282). Аналогичную интерпретацию данной языковой единицы дает и словарь С. И. Ожегова (Ожегов 2008: 334).

Слово «караван» восходит к персидско-таджикскому «карван», «корвон». Так называли группу купцов или путешественников, перевозивших свои товары на верблюдах, лошадях и на других вьючных животных. «Бар он кух — бар корвонхо гузашт» / Через эти горы прошли караваны (Фирдавси X в.) (Словарь таджикского языка... 1969, т. 1: 563). В. Даль не прослеживает

происхождение этой лексемы и отмечает, что она означает толпу или ватагу, сборище путников, особенно в азиатских степях. В его словаре упомянуты торговый и вьючный караваны, верблюд с кладью (Даль 1882, т. 2: 90). Д. И. Ушаков возводит данную языковую единицу также к персидскому «караван», под которым подразумевался купеческий обоз с товарами на вьючных животных в пустыне или степях, или партия, группа путешественников, например: «гусей крикливых караван тянулся к югу» (А. Пушкин) (Ушаков 1938, т. 2: 1316). Почти такое же определение слову «караван» дает и С. И. Ожегов (2006: 342).

Слово «магазин», от арабского «махазин», означает амбар, склад, место хранения различных предметов: «казвиние табаре дошт, хар шаб дар махзан мегузошт» / казвинец свой топор каждую ночь оставлял в махзане (У. Зоконы, XIII–XIV вв.) (Словарь таджикского языка... 1969, т. 1: 659; Гиёс-ул-лугот 1988, ч. 2: 243). В словаре В. Даля ничего не сказано о происхождении этой лексемы, которая, по его мнению, подразумевает здание или помещение для складирования и хранения каких-либо запасов, а также лавку, склад для продажи (Даль 1880, т. 1: 393). В словаре Д. И. Ушакова отмечено, что данная языковая единица восходит к арабскому «mahazin» и означает: 1) помещение, приспособленное для различной продажи товаров, большая лавка; 2) склад, помещение для хранения запасов продовольствия, огнестрельных припасов и др., хлебный магазин, универсальный магазин (Ушаков 1938, т. 2: 111). В словаре С. И. Ожегова приведены три варианта семантики слова «магазин»: 1) помещение для торговли чем-либо (продуктовый магазин); 2) склад для хранения чего-либо (артиллерийский магазин); 3) коробка или трубка в аппарате, приборе для вкладывания чего-нибудь, например патронов в скорострельном оружии (Ожегов 2008: 427). В словаре русского языка XI–XVII вв. смысл этой лексемы определен как склад, хранилище (провианта, военного снаряжения, товаров и т. п.): магазинъ — житной двор, и погребъ питейной (Словарь русского языка... 1975–1996, вып. 9: 1).

Лексика, связанная с архитектурой

К этой лексической группе относятся слова «амбар», «сарай», «чертог», «шатер».

Слово «амбар», происходящее от персидско-таджикского «анбар», «анбор», означает дом, здание или подвал, где хранят зерно, муку, а иногда и другие товары. «Бирезам зи тан хуни анбордор» / Пролью кровь анбордора (Фирдавси X в.) (Словарь таджикского языка... 1969, т. 1: 68). Здесь под лексемой «анбордор» подразумевают держателя крупных запасов зерна, торговца зерном. Почти аналогичная семантика этой языковой единицы представлена в Гиёс-ул-лугот (1987, ч. 1: 93). В толковом словаре В. Даля, где вопрос о происхождении данного слова не рассматривается, оно также трактуется как строение для складирования зерна, муки, а иногда и других товаров (Даль 1880, т. 1: 14). В словаре Д. И. Ушакова сказано, что рассматриваемая лексема, восходящая к персидскому «анбар», является названием строения для хранения зерна, припасов, вещей или товаров (Ушаков 1935, т. I: 82). В словаре русского языка XI–XVII вв. амбар означает постройку для хранения различных товаров: «в онбаре устроити сани, тельги, колеса, одры, хомуты, оглоби» (Словарь русского языка... 1975–1996, вып. 1: 56). В словаре С. И. Ожегова эта языковая единица истолкована как строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров (Ожегов 2008: 28).

Слово «сарай», от персидско-таджикского «сарай», «сарой», означает дворец, царский двор, крупную постройку, дом. «Хама чои у саройхо ва богхо ва чаманхо ва бустонхо ва обхои равон» / Вся эта местность была обустроена дворцами, парками, садами и проточными водами (Таърихи Назшпхи X в.) (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 208). Гиёс-ул-лугот (1988, ч. 2: 208) определяет эту лексему как дворец, дом, постоянный двор. В таджикско-русском словаре она трактуется как дворец, дом, постоянный двор, торговый двор (Таджикско-русский словарь 1954: 346). В толковом словаре В. Даля, в котором происхождение данной языковой единицы ошибочно связано с татарским языком, сараем названо одно из холодных, холостых ухожей при доме для уборки туда повозок, упряжи, иногда для сена, соломы или для складки таковых товаров (Даль 1883, т. 4: 140). Д. И. Ушаков также неверно считал, что это слово восходит к тюркскому «sarai». Он истолковывал его как крытое жилое помещение для хранения различного имущества: сарай для дров, каретный сарай (Ушаков 1940, т. 4: 51). В словаре русского языка XI–XVII вв. дано два значения данной лексемы: 1) дом, дворец; 2) нежилая постройка хозяйственного назначения для хранения чего-

либо, для содержания скота и т. п. «У Трупеховыхъ у прлевыхъ воротъ оста 5 дворовъ да сараи на коневой площади» (Словарь русского языка... 1975–1996, вып. 23: 55). В словаре С. И. Ожегова рассматриваемая языковая единица трактуется как крытое строение для различного имущества, обычно без потолочных перекрытий (Ожегов 2008: 911).

Слово «чертог», от персидско-таджикского «чартак», «чортюк», означает дворец, открытую галерею, беседку, навес (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 547). Почти аналогичное толкование этой лексемы имеется в Гиёс-ул-луготе (Гиёс-ул-лугот 1987, ч. 2: 104–105). В таджикско-русском словаре она упомянута как помещение с четырьмя полусводчатыми нишами (Таджикско-русский словарь 1954: 446). В. Даль (1883, т. 4: 615), не оставивший суждений об истоках данной языковой единицы, считал, что так называли палату, большой пышный покой, комнату великолепного убранства. В словаре С. И. Ожегова чертог означает великолепное пышное помещение или здание, дворец (Ожегов 2008: 1155).

Слово «шатер», происходящее от персидско-таджикского слова «чэтр», «чэтр», означает палатку, временную легкую постройку из тканей и кожи (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 530). В. Даль, ошибочно связывавший происхождение этой лексемы с татарским языком, истолковывал ее как палатку, большую холщевую палатку (Даль 1883, т. 4: 643). Д. И. Ушаков (1940, т. 4: 1323) возводил данную языковую единицу к персидскому «шатр» и полагал, что так называли временное легкое строение для жилья, род палатки из тканей, кожи или ветвей. Словарь С. И. Ожегова определяет шатер как большую палатку, крытую обычно тканью (Ожегов 2008: 1167).

Лексика, связанная с тканями, обувью и одеждой

К этой лексической группе относятся слова «башмак», «кафтан», «парча», «сарафан», «сундук», «халат», «чемодан», «шаль», «шаровары».

Слово «башмак», происходящее от тюркского «башмак», «пашмак», означает обувь из кожи или дерева (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 47). В. Даль и Д. И. Ушаков считали, что эта языковая единица имеет татарское происхождение. По мнению первого автора, башмак является обувью, сшитой из кожи или ткани. «На босую ногу всякий башмак впору» (Даль 1880, т. 1: 55). По мнению второго, башмаком называют низкую, преимущественно, кожаную, женскую и детскую обувь (Ушаков 1935, т. 1: 98). В словаре С. И. Ожегова эта лексема трактуется как ботинок, полуботинок (Ожегов 2008: 46).

Слово «кафтан», происходящее от персидско-таджикского «хефтан», «хафтан», означает грубую ватную одежду, которую воины одевали под кольчугу (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 472). По этому поводу Низами пишет: «Бипушид хафтане аз каркадан»/ Оделся он в кафтан из кожи носорога (Низами 1965: 47). В Гиёс-ул-лугот эта языковая единица истолкована как разновидность воинского обмундирования (Гиёс-ул-лугот 1987, ч. 1: 309). В. Даль полагал, что данная лексема имеет татарское происхождение. Она трактуется как верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: знатное с косым воротом, чапан, сермяга, суконик, армяк. Обычно «кафтан» шьется не из домотканины, а из синего сукна (Даль 1881, т. 2: 99). Д. И. Ушаков считал, что рассматриваемое слово восходит к персидскому «haftan». Так называют выходящую — в городах уже вышедшую — из употребления мужскую долгополую верхнюю одежду (Ушаков 1935, т. 1: 1338). В словаре С. И. Ожегова кафтан характеризуется как русская старинная мужская долгополая верхняя одежда (Ожегов 2008: 347).

Слово «парча», происходящее от персидского «парче» и таджикского «парча», означает узорчатую часть шелкового, хлопкового, шерстяного и тому подобного материала (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 42). В Гиёс-ул-лугот (1988, ч. 2: 104) эта языковая единица трактуется как узорчатая часть чего-либо. Такой же смысл лексема имеет в таджикско-русском словаре (Таджикско-русский словарь 1954: 311). В толковом словаре В. Даля слово отсутствует, а в словаре Д. И. Ушакова оно истолковано как материя с шелковой основой, затканная золотыми или серебряными нитями. Автор полагал, что эта языковая единица восходит к персидскому «рагса» (Ушаков 1938, т. 3: 57). В словаре С. Д. Ожегова парчой названа плотная узорчатая шелковая ткань, вытканная золотыми или серебряными нитями (Ожегов 2008: 635).

Слово «сарафан», от персидского «серапа» и таджикского «сарупо», означает одежду, халат, а также комплект верхней одежды (включая головной убор и обувь), подаренный кому-нибудь,

например приближенному от эмира, жениху от родителей невесты (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 212). В Гиёс-ул-лугот (1987, ч. 1: 417) эта языковая единица истолкована как халат. В таджикско-русском словаре она трактуется как комплект одежды (Таджикско-русский словарь 1954: 342). В толковом словаре В. Даля о происхождении данной лексики ничего не сказано. Согласно ему так называют мужской долгий кафтан особого покроя, а также безрукавную женскую русскую одежду с проймами для рук и с поясом. Сарафаны бывают однорядные, двурядные, закрытые, открытые (грудь), круглые (узкие), прямые, клинчатые, растеганные (распашные), шубки (московские), с рукавами, с проймами (с помочами), сборчатые, гладкие, с лифом, без лифа. По ткани: холщевики, дубленки, кумачники, суконники, стамедники. К сарафану всегда идет пояс, а в праздничные модели вшиваются тонкие, рубашечные, рукава (Даль 1883, т. 4: 140). Д. И. Ушаков связывает слово «сарафан» с персидским «сагара». Сарафан русских крестьянок представляет собой длинную одежду с пояском, с застежкой спереди, без рукавов (или сшитыми рукавами из бельевой ткани) и с наплечьями. Сарафаном называют и легкое, летнее женское платье такого же покроя (Ушаков 1940, т. 4: 52). В словаре С. Д. Ожегова эта языковая единица трактуется как русская женская крестьянская одежда, род платья без рукавов, надеваемого поверх рубашки с длинными рукавами, род женского платья без рукавов (Ожегов 2008: 911).

Слово «сундук», происходящее от арабского «сандук», означает большой ящик, куда кладут разные предметы. Эта лексема встречается в произведениях классиков персидско-таджикской литературы Ибн-Сина и Фирдавси начиная с X в. (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 190). В таджикско-русском словаре она истолкована как ящик, ларец, шкатулка (Таджикско-русский словарь 1954: 341). Происхождение слова «сундук» В. Даль неверно связывал с татарским языком. Он определял сундук как вольный ящик с крышкою на навесах, обычно с замком, нередко, окованный и со скобами (Даль 1883, т. 4: 370). Д. И. Ушаков возводил рассматриваемое слово к арабскому «sandug» и трактовал его как ящик с крышкой на петлях и замком, обычно окованными со скобами, для хранения вещей (Ушаков 1940, т. 4: 593). В словаре С. Д. Ожегова сундуком назван большой ящик с крышкой на петлях и с замком для хранения вещей (Ожегов 2008: 1021).

Слово «халат», от арабского «хилъат», означает длинную почти до пят широкую верхнюю одежду. Иногда эмиры и падишахи дарили своим приближенным дорогие халаты вместе с чалмой и поясом (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 478). В Гиёс-ул-лугот (1987, ч. 1: 310) так названа длинная, широкая верхняя одежда, предназначенная для дарения. В. Даль ошибочно считал, что эта лексема имеет татарское происхождение. Он истолковывал данную языковую единицу как комнатную, широкую одежду восточного покроя (Даль 1883, т. 4: 537). Д. И. Ушаков возводил рассматриваемое слово к арабскому «hilat» и трактовал его как длинную до пят широкую верхнюю одежду у некоторых народов Востока (узбекский или бухарский халат), а также как одежду такого же покроя, предназначенную обычно для дома, для больниц и для работы. В последнем случае халат носят поверх обычного платья (Ушаков 1940, т. 4: 1130). В словаре С. Д. Ожегова сказано, что халат является длинной одеждой, обычно надеваемой поверх белья, а также поверх обычного платья или непосредственно на тело (бухарский пестрый халат, домашний халат, рабочий халат, больничный халат, купальный халат) (Ожегов 2008: 1126).

Слово «чемодан», происходящее от персидского («джамедан») и таджикского («джомадон») языков, определяет одну из разновидностей сундука для одежды (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 787). Аналогичную семантику эта языковая единица имеет и в таджикско-русском словаре (Таджикско-русский словарь 1954: 517). Согласно В. Далю, чемодан это кожаный, дорожный баул, сундук, укладка (Даль 1883, т. 4: 607). Д. И. Ушаков возводил рассматриваемое слово к персидскому «zamedan» и трактовал его как род раскидного сундука (из кожи, фибры, материи и т. п.), употребляемого в дороге для вещей, багажа (Ушаков 1940, т. 4: 1219). В словаре С. Д. Ожегова чемоданом названа твердая прямоугольная коробка (из кожи, фибры и т. п.) с прикрепленной запирающей крышкой, употребляемая в дороге для вещей (Ожегов 2008: 1151).

Слово «шал», от персидско-таджикского «шал», «шол», означает шерстяную или шелковую ткань. «Ки кассе шол джусту дебо ефт» / Кто-то искал шал, а нашел парчу (Унсури X–XI вв.) (Словарь таджикского языка... 1969, т. II: 596). В Гиёс-ул-лугот (1987, ч. 1: 452) эта языковая единица истолкована как платок из овечьей шерсти. В таджикско-русском словаре она же переведена как домотканый палас из грубой шерсти; грубошерстная домотканая ткань,

идущая на платки и халаты (Таджикско-русский словарь 1954: 460). Д. И. Ушаков (1940, т. 4: 1815) ошибочно возводил слово к арабскому «shal», трактуя его как большой вязанный или тканый платок. В словаре С. Д. Ожегова шаль определена как большой вязанный или тканый платок (Ожегов 2008: 1165).

Слово «шаровары», имеющее арабское происхождение, означает штаны (Словарь таджикского языка... 1969, т. 2: 203). Аналогичная семантика этой лексемы представлена в Гиёс-ул-лугот (1987, ч. 1: 421) и в таджикско-русском словаре (Таджикско-русский словарь 1954: 450). В толковом словаре В. Даля ничего не сказано о происхождении данной языковой единицы, которая истолкована как широкие брюки (Даль 1883, т. 4: 641). Д. И. Ушаков ошибочно возводил рассматриваемое слово к персидскому «salvar» и трактовал его как широкие штаны, заправляемые обычно в сапоги (казацкие шаровары) (Ушаков 1940, т. 4: 1321). В словаре С. Д. Ожегова шароварами названы широкие штаны особого покроя, заправляемые в голенища (казацкие шаровары, род широких штанов на резинках внизу, детские шаровары) (Ожегов 2008: 1167).

Когда и как могла проникнуть арабская, персидско-таджикская и тюркская лексика в русский язык?

Возможно, заимствования происходили в течение двух периодов. Первый из них начался в конце VIII в. и продолжался до конца XII в., второй — начался после XIII в.

На протяжении первого периода проникновение восточных слов в древнерусский язык, вероятно, являлось следствием прямых торговых контактов арабских, персидских и таджикских купцов с населением древнерусских городов. Об этом свидетельствуют обнаруженные на территории современной России клады восточной торевтики (Даркевич 1976) и клады серебряных мусульманских монет (аббасидские, тахиридские и саманидские), чеканенных в Средней Азии и на Среднем Востоке. Такие же монеты обнаружены при раскопках древнерусских городов — Новгород, Псков, Старая Ладога и другие. В это время процесс заимствования древнерусским языком восточной лексики был обусловлен мирным характером культурных контактов Востока и Руси. Для данного периода характерно такое усвоение восточных слов, при котором заимствованные лексемы сохраняли свое смысловое значение. Например, слово «амбар» и в персидско-таджикском, и в русском языках подразумевает здание или место для хранения зерна и других припасов, товаров, вещей; слово «базар» — специальное место, площадь, где производится торговля; слово «магазин» — лавку для хранения и продажи товаров; слово «палас» — товар из грубой шерсти, ткани; слово «сундук» — большой ящик с крышкой на петлях и замком; слово «шаль» — большой вязанный или тканый платок.

Во второй период (после XIII в.) восточная лексика, возможно, заимствовалась в русский язык в основном из татарского. Процесс усвоения восточных слов на этом этапе связан как с торговыми контактами, так и с военными конфликтами. Особенность этого периода заключается в том, что русский язык заимствовал искаженную арабскую и персидско-таджикскую лексику из татарского языка, причем заимствованные языковые единицы утратили свое основное значение. Например, «сарай» и в татарском, и в русском языках означает крытое помещение для хранения различного имущества, в то время как в персидско-таджикском языке так называли дворец и постоянный двор. «Сарафан» в татарском и в русском языках означает легкое летнее женское платье, а в персидско-таджикском языке это почетное одеяние жениха, включающее нижнее белье, верхнее платье, обувь и головной убор. В целом языковые заимствования составляют один из основных элементов обогащения и развития того или иного языка.

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Арабские известия о руссах // *Бартольд В. В.* Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 2, ч. 1. С. 815–829.

Блинов и др. 2012 — *Блинов А. В., Мадуров Д. Ф., Норик Б. В.* Тексты историко-географического содержания о булгарах и сувахарах персидского автора XII–XIII веков Мухаммада Насир-ад-дина ат-Туси // Государственность восточных Булгар IX–XIII вв. Чебоксары: Таус, 2012. С. 124–138.

Брокгауз, Ефрон 1890–1896 — *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб.: Дело, 1890–1896.

- Будагов 1869–1871 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб.: Тип. Императорской АН, 1869–1871. Т. 1–2.
- Бусятская 1972 — *Бусятская Н. Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // *Вестник МГУ. Серия история.* 1972. Вып. 2. С. 20–25.
- Гаркави 1870 — *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Тип. Императорской АН, 1870. Вып. 8. 308 с.
- Гафуров 1989 — *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х томах. 2-е изд. Душанбе: Ирфон, 1989. Т. 1 — 384 с., т. 2 — 480 с.
- Гиёс-ул-лугот 1987–1989 — *Гиёс-ул-лугот.* Душанбе: Адиб, 1987–1989. ч. 1–3. ч. 1 — 723 с., ч. 2 — 417 с., ч. 3 — 576 с. (на тадж. яз.).
- Даль 1880–1888 — *Даль В.* Толковый словарь. СПб.: Издание книгопродавца-типографа Вольфа, 1880–1888. Т. 1–4. Т. 1 — 723 с., т. 2 — 807 с., т. 3 — 576 с., т. 4 — 704 с.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной теревтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Дехлеви 1968 — *Дехлеви А.* Ашори мунтахаб. Душанбе: Ирфон, 1968. 510 с. (на тадж. яз.).
- Димитриев 1962 — *Димитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М.: Наука, 1962. 700 с.
- Низами 1965 — *Низами Г.* Хамсе. Душанбе: Ирфон, 1965. 550 с. (на тадж. яз.).
- Новосельцев 1965 — *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение.* М.: Наука, 1965. С. 10–15.
- Ожегов 2008 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 1200 с.
- Радлов 1963 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Л.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. 3, ч. 2. 98 с.
- Рудаки 1958 — *Рудаки А.* Осори Рудаки. Сталинабад: Адиб, 1958. 958 с. (на тадж. яз.).
- Саади 1970 — *Саади Ш.* Бустон. Душанбе: Ирфон, 1970. 447 с. (на тадж. яз.).
- Словарь русского языка... 1975–1996 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–1996. Вып. 1–23.
- Словарь таджикского языка 1969... — *Словарь таджикского языка (X–начало XX вв.).* М.: Советская энциклопедия, 1969. Т. 1–2. Т. 1 — 950 с., т. 2 — 940 с. (на тадж. яз.).
- Смирнова 1993 — *Смирнова Л. П.* Аджа Иб Ад-Дунья (Чудеса мира) / Пер. с перс. Л. П. Смирновой. М.: Наука, Восточная литература, 1993. 541 с.
- Таджикско-русский словарь 1954 — *Таджикско-русский словарь.* М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. 789 с.
- Тизенгаузен 1853 — *Тизенгаузен В. Г.* О Саманидских монетах // *Записки Императорского Археологического общества.* СПб.: Тип. Императорской АН, 1853. Т. 6. С. 45–50.
- Тизенгаузен 1869 — *Тизенгаузен В. Г.* Вятский клад куфических монет. Древности Восточные // *Тр. Восточной комиссии Московского Археологического общества.* М.: Тип. Императорской АН, 1869. Т. 2. С. 10–15.
- Тизенгаузен 1873 — *Тизенгаузен В. Г.* Монеты Восточного Халифата. СПб.: Тип. Императорской АН, 1873. 374 с.
- Убахи 1992 — *Убахи Х.* Тухфат-ул-ахбор. Душанбе: Ирфон, 1992. 288 с. (на тадж. яз.).
- Ушаков 1935–1940 — *Ушаков Д. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940. Т. 1–4. Т. 1 — 556 с., т. 2 — 1034 с., т. 3 — 1498 с., т. 4 — 1423 с.
- Фасмер 1933 — *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // *Известия АН СССР. Отделение общественных наук.* М.: Изд-во АН СССР, 1933. Т. 6–7. С. 25–35.
- Фасмер 1986–1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4. Т. 1 — 573 с., т. 2 — 671 с., т. 3 — 831 с., т. 4 — 863 с.
- Фехнер 1973 — *Фехнер М. В.* Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией // *Кавказ и Восточная Европа в древности.* М.: Наука, 1973. С. 145–165.
- Фирдавси 1960–1971 — *Фирдавси А.* Шохнома. М.: Наука, 1960–1971. Т. 1–10. (на перс. яз.).
- Хайям 1986 — *Хайям У.* Рубоиег. Душанбе: Ирфон, 1986. 399 с. (на тадж. яз.).
- Худуд-ул-олам 1983 — *Худуд-ул-олам.* Душанбе: Дониш, 1983. 132 с. (на тадж. яз.).
- Шумовский 2004 — *Шумовский Т. А.* Странствия слов. СПб.: ООО «Протей», 2004. 336 с.
- Якубовский 1928 — *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походах малоазийских турок на Судак, полонцев и русских в начале XIII века // *Византийский временник.* М.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 25. С. 47–51.
- Якубовский 1932 — *Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // *Материалы по истории народов СССР.* Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Ч. 1. С. 76–99.
- Янин 2009 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 424 с.

Trade connections between the East and Medieval Russia (a historical-linguistic essay)

D. Abdulloev

Up to the beginning of the X century there had existed two branches of trade routes from Central Asia and Middle East to Rus. The first one went from the Middle East, through the Caucasus and Khazarian kingdom (fig. 1), the second — from Central Asia along the Amu Darya to Kyat, then to Urgench, therefrom to the Bulgarian kingdom, and to Rus. Many caravanserais or «ar-ribati» (the Arabian for «guesthouses») were built on the trade routes, where merchants could stop for a rest (it is possible that the street name «Arbat» in the center of Moscow goes back to one of such ar-ribats). The Central Asian and Middle Eastern merchants brought to Russia rice, dry fruits, spices, silk, brocade and cotton fabrics, oriental sweets. An important role in trade operations was played by silver coins known in numismatics as dirhams-ismaili, after the name of the ruler Ismail Samani (892–914), the founder of the Tajik state. They served as world currency, as is evidenced by their distribution up to the eastern and western extremities of Europe. Particularly numerous are hoards of these coins found on the territory of Russia (fig. 2–4). There are known also many hoards with silver dishes (fig. 5), as well as finds of glass ware, glazed pottery, silk and cotton fabrics (fig. 6), and other objects brought by trade caravans from the Middle East and Central Asia. The trade connections with the Middle East and Central Asia exerted a significant influence on both the material and spiritual culture of Rus. This is evidenced by the fact that modern Russian language contains numerous words of the Arabian, Persian-Tajik, and Turkish origin. The author has identified over 120 such words that are still in common usage. Most of them (nearly 80 %) are of Arabic and Persian-Tajik origin. The process of their penetration into the Russian language should probably be divided into two stages. While during the first stage (late VIII–XII cc.) the eastern words were borrowed directly from the native speakers — Arabs, Persians, Tajiks, on the second stage (since XIII c.) they penetrated into the Russian language through contacts with the Tatars.

Христиане в Пенджикенте в VIII в.

В. И. Распопова

Ключевые слова: *Пенджикент, VIII в., поклонение кресту, сирийский язык, христианство.*
Keywords: *Pendjikent, VIII c., adoration of the cross, Syrian language, Christianity.*

В этой небольшой заметке мной сведены воедино все полученные до 2008 г. находки из Пенджикента, которые можно в той или иной мере связать с местными христианами. Этот весьма скромный материал включает: уникальный остракон с сирийской надписью; фрагмент чаши с волнистым бортом, на которой после обжига был процарапан крест; хум с процарапанной до обжига сценой поклонения кресту; а также бронзовый крест из погребения.

Первое достоверное свидетельство о существовании в Пенджикенте христиан в VIII в. было получено в 1973 г. Тогда при раскопках одного из жилых домов в помещении 16 объекта XXIV найдены 4 фрагмента черепка с сирийской надписью (рис. 1, 1), втопанные в мягкие прослойки просевшего пола. Надпись, сделанная чернилами черного цвета, нанесена кисточкой или каламом на обломке боковины кувшина для переноски воды. Сохранилось 18 строк документа. Остракон исследовала А. В. Пайкова (Пайкова, Маршак 1976; Paikova 1979; Пайкова 1981), которая установила, что 16 строк содержат первые три стиха первого псалма и фрагменты шести стихов второго псалма, и отождествила надпись с текстом Пешитты — сирийской версии Библии. По особенностям некоторых орфографических и грамматических ошибок А. В. Пайкова пришла к выводу, что это диктант, написанный учеником-согдийцем, изучавшим сирийский язык, служивший тогда языком несторианской церкви. Еще две строки остракона написаны другой рукой в обратном направлении к основному тексту. Они содержат евлогию — одну из формул прославления Бога.

Как показала Н. В. Пигулевская, в сирийской христианской школе «усваивались грамота, чтение, письмо, знание энциклопедии того времени — Библии — и элементов эллинской образованности» (Пигулевская 1979: 43). Как мы видим, такая школа существовала и в Пенджикенте наряду со школами, где обучали писать как на согдийском, так и на арабском языках. При раскопках цитадели Пенджикента найден черепок с согдийской азбукой. Кроме азбуки на нем сохранились еще четыре строки: «Написано по приказу (его) величества (?) Кавифарна. Писец Дривасп для заучивания (и) запоминания приготовил хорошую письменность» (Лившиц 2008: 304). Таким образом, в согдийской школе писцов азбуку «следовало заучивать и запоминать» (Там же: 305). Методика обучения в согдийской и сирийской школах была одинакова — заучивание наизусть: «Псалмы должны выходить из уст» (Пайкова, Маршак 1976: 34).

В Пенджикенте, маленьком согдийском городе, жили также люди, оставившие надписи на пехлеви (Распопова 1990: 83, рис. 26) и «на одном из индийских языков шрифтом нагари, распространенном в самом начале VIII в. в Северной Индии» (по определению индолога Т. В. Грек — см. Беленицкий 1961: 100).

Помещение, где найден сирийский остракон, — зал площадью 32 м² на втором этаже, подобный многим другим в Пенджикенте. Необычность его состоит в том, что пол помещения второго этажа опирался не на своды, а на плоское балочное перекрытие, подпиравшееся шестью деревянными столбами. Такая своеобразная конструкция объясняется тем, что нижнее помещение служило местом содержания животных, скорее всего ослов. Пол второго этажа сильно просел, хотя нигде не провалился. По стратиграфии и нумизматическому материалу слой, в котором найден документ, относится к началу VIII в.

В завале помещения 18, которое входило в состав того же жилища, что и помещение 16, обнаружен фрагмент верхней части сосуда (чаша или кружка) с волнистым бортом (рис. 1, 2). На его внешней стороне на 3 см ниже венчика после обжига процарапан крест с расширяющимися

концами (рис. 1, 2а). Похожее изображение креста, также нанесенное после обжига, обнаружено на столовом кувшине с рожком (рис. 1, 3), найденном в Ак-Бешиме (Кызласов 1959: рис. 55, В). Л. Р. Кызласов так описывает условия находки этого кувшина: «Два погребения очищенных от мягких покровов костей (№ 3 и 12) были совершены в ямках без всяких урн (рис. 55, Б). При одном из них (№ 3), находившемся в узком коридоре неясного назначения, обнаружен кувшин с процарапанным после обжига, возможно даже прямо при погребении, христианским крестом (рис. 55, В)» (Там же: 230–231). Утверждение, что на Ак-Бешиме «найден погребение VII–VIII вв. предварительно очищенных костей в хуме с процарапанным на нем несторианским крестом», является ошибочным (Никитин 1984: 126). При переиздании материалов из раскопок Ак-Бешима Л. Р. Кызласов связал погребальный комплекс, откуда происходит сосуд с крестом, с манихеями (Кызласов 2006: 314 и сл.). Кресты на двух рассматриваемых сосудах из Ак-Бешима и Пенджикента роднит то, что они нанесены после обжига людьми, которые хотели отметить особое предназначение сосудов.

В 1973 г. при проведении ирригационных работ в местности Дашти-Урдакон (около 1,1 км к ЮВ от древнего Пенджикента) бульдозер обрушил свод катакомбной могилы, в которой находилась хум. Были вызваны сотрудники Пенджикентского музея, извлекавшие сосуд из катакомбы. В нем

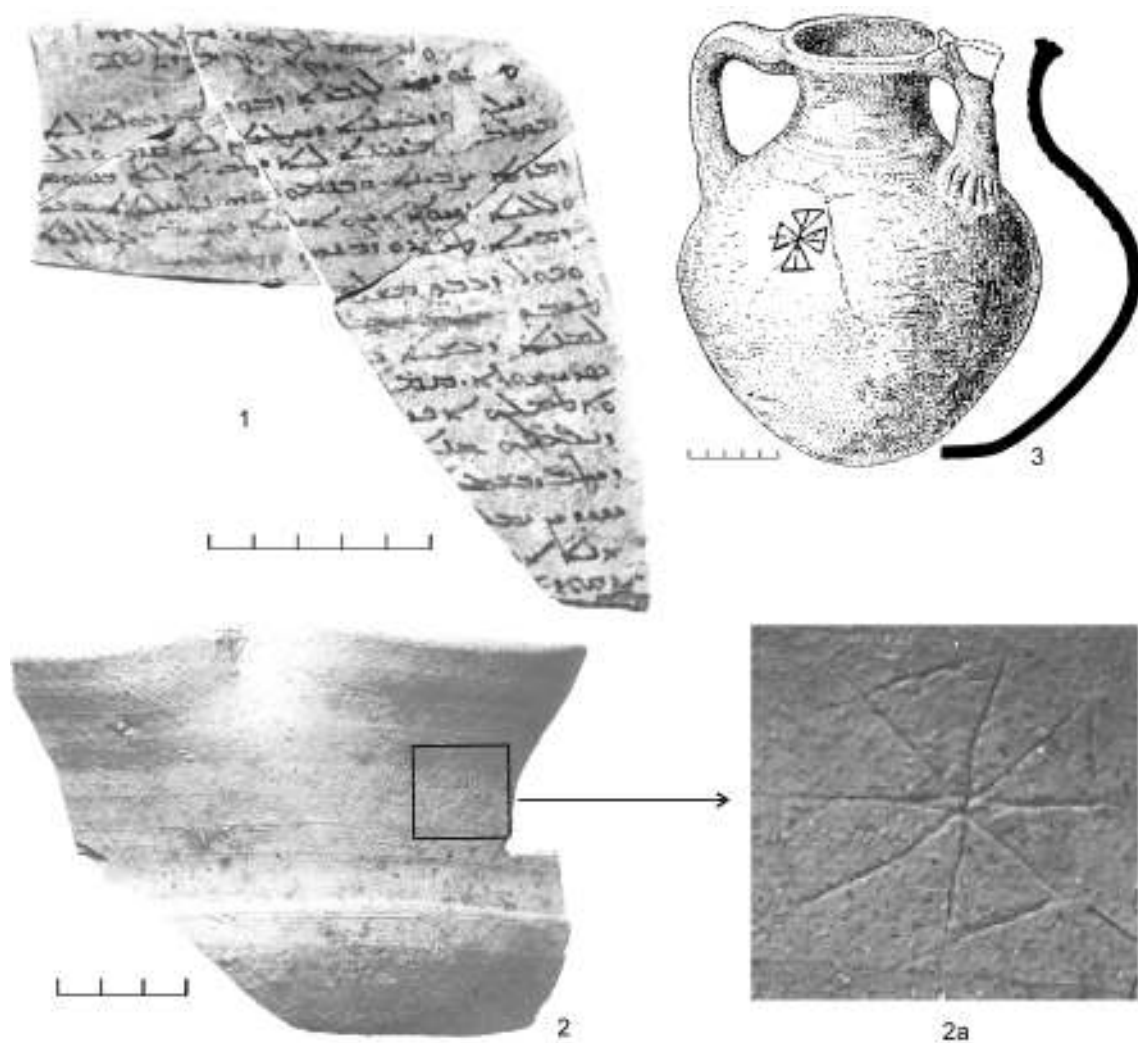

Рис. 1. 1 — Пенджикент, черепок с сирийской надписью; 2, 2а — Пенджикент, фрагмент сосуда с изображением креста, процарапанного после обжига (2 — общий вид; 2а — увеличенное изображение).

3 — Ак-Бешим, кувшин с рожком и с изображением креста, процарапанного после обжига
Fig. 1. 1 — Penjikent, pottery fragment with a Syrian inscription; 2, 2a — Penjikent, vessel fragment with a cross scratched after baking (2 — general view; 2a — enlarged). 3 — Ak-Beshim, horned jug with a cross scratched after baking

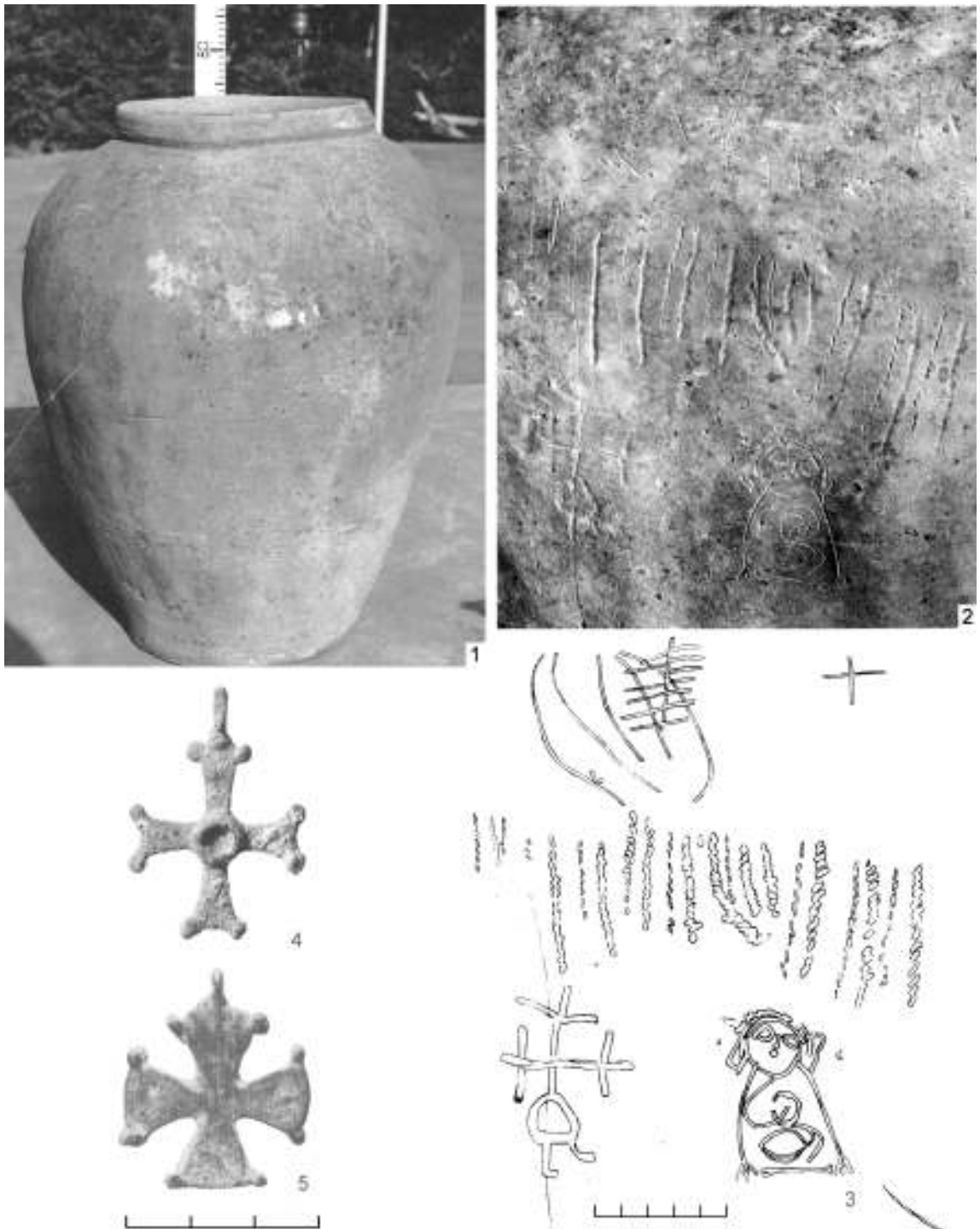

Рис. 2. 1–3 — могильник Дашти-Урдакон, хум с процарапанным до обжига рисунком (1 — общий вид; 2 — увеличенное изображение; 3 — прорисовка Б. И. Маршака); 4 — могильник Дашти-Урдакон, бронзовый крест из погребения девочки (мог. 19); 5 — Афрасиаб, бронзовый крест

Fig. 2. 1–3 — Dashti-Urdakon cemetery, khum with a depiction scratched prior to baking (1 — general view; 2 — enlarged; 3 — drawing by B. I. Marshak); 4 — Dashti-Urdakon cemetery, bronze cross from a girl's burial (grave 19); 5 — Afrasiab, bronze cross

оказались человеческие кости. находка была неожиданной. Уже в первые годы работ Согдийско-Таджикской (впоследствии Пенджикентской) экспедиции был исследован один из некрополей (Ставиский и др. 1953). Древние пенджикентцы имели кладбища в нескольких местах. Так, в 2001–2006 гг. был исследован еще один некрополь — южный (Маршак, Распопова 2002: 67–73, рис. 2, 107–118; 2004: 37–45, рис. 1, 77–105; 2005: 44–54, рис. 1, 63, 93–123; 2006: 39–43, рис. 1, 67–69, 76–91; 2007: 34–35, рис. 1, 43, 79–85), который датируется концом VII и самым началом VIII в. Здесь в наусах зафиксированы как труположения, так и оссуарный обряд, т. е. оба эти ритуала одновременно бытовали до прихода арабов. Были и исключения — в наусе 19 находился только один оссуарий, а в наусах 20–21 — несколько труположений, но без оссуариев (Маршак, Распопова 2005: 53). Новым оказалось близкое соседство части домов пригорода (усадьбы 18–19) и наусов 24–26 и 30 (Маршак, Распопова 2006: 43). Все погребения южного кладбища были ограблены во время арабского завоевания.

Могильник Дашти-Урдакон в 1975–1976 гг. изучала Г. В. Длужневская (Беленицкий и др. 1980; 1982) и в 1981–1982 гг. (Беленицкий и др. 1988; 1990). Она также доследовала катакомбу, обнаруженную ирригаторами. Выяснилось, что на этом кладбище не было наусов, преобладали погребения в грунтовых ямах с подбоем. Отметим также, что почти каждая могила имела небольшие отличия в погребальном обряде. Сопровождающий инвентарь практически отсутствовал.

По длинной оси катакомбы (мог. 2), дромос которой был забит сырцовыми кирпичами, лежали вытянутыми на спине три скелета: на сырцовой подкладке — останки женщины и мужчины, а на материке, но с сырцовой «подушкой» — скелет еще одного мужчины. Около женского скелета найдено несколько позвонков барана. Хум, обнаруженный ирригаторами, был поставлен в катакомбу позднее, когда труположения уже были произведены. В сосуде находились кости женщины 35–40 л., мужчины, который был немногим старше женщины, и ребенка 10–12 л. На черепе ребенка выявлено отверстие, которое, вероятно, появилось в результате того, что голову трупа глодала собака. Хум использовали как своеобразный оссуарий, хотя изначально он не был предназначен для этой цели. Оссуарии согдийцев хорошо известны. Один из них найден и в одной из могил Дашти-Урдакон, причем оссуарий дошел до нас «запечатанным», что является большой редкостью (Беленицкий и др. 1980: 244; Древности Таджикистана 1985: № 514).

Хум (рис. 2, 1), впущенный в катакомбу, изготовлен гончаром-согдийцем в VIII в. По форме и технике выполнения сосуд ничем не отличается от десятка других, применявшихся в хозяйстве пенджикентцев этого времени. Однако еще до обжига хума на его тулове кто-то очень неумело процарапал рисунок (рис. 2, 2), верхняя часть которого находится на 8 см ниже венчика сосуда. Кроме того, внутри и снаружи хума слабой черной краской нанесены круги и овалы. Процарапанный рисунок изображает, вероятно, сцену поклонения кресту (рис. 2, 3). Выше креста и фигуры перед ним изображен, скорее всего, пейзаж, на фоне которого происходит действие. Крест поставлен на «шар», внизу которого показаны две «ножки». На концах перекладины креста сделаны поперечины. Перед крестом коленопреклоненная женская фигура показана в фас, как бы немного отвернувшись в сторону от креста. Лицо большое округлое с большими глазами. На голове волосы или «диадема», переданные волнистой линией. От «диадемы» отходят свисающие ленты. Кисти опущенных вдоль тулова рук имеют по три (?) пальца. Перед женщиной, вплотную к ней, на всю ширину ее фигуры, находится напоминающий стрелу предмет с выемками на расширяющихся концах. Одежда женщины орнаментирована.

Трудно сказать — это рисунок ребенка или взрослого, совсем не умеющего рисовать. Ясно одно, рисовавший хотел изобразить поклонение кресту, стоящему на Голгофе. На византийских монетах с V в. по первую четверть VIII в. изображался крест на Голгофе. Наш «художник» мог видеть изображение Голгофского креста на византийских монетах, где Голгофа в большинстве случаев представлена в виде ступеней, а реже — в виде земной сферы. Голгофа в виде земной сферы имеется на семиссах Ираклия (610–641), Константа II (641–668) (Толстой 1914: табл. 53, 3, 75–78, 84, 86), на гексаграмме Ираклия и на церемониальной гексаграмме Константа II (Бутырский 2013). Пенджикентцы VIII в. имели представление о византийской золотой монете, как мы можем судить по ее немногочисленным находкам (Распорова 1999). Пенджикентская сцена поклонения Кресту хорошо согласуется с культом Креста у несториан. «Немногие дошедшие до нас несторианские памятники свидетельствуют о сохранении древней сирийской вполне ортодоксальной иконографии

с преобладанием сюжетов, которые связаны с культом Креста или различных параллелей Распятия». К числу популярных композиций относится «Поклонение Кресту» (Залеская 1998: 32).

Могильник Дашти-Урдакон дал нам еще одно свидетельство о христианах в Пенджикенте. В могиле 19 погребение девочки с бронзовыми кольчатыми серьгами в ушах было совершено по обряду труположения. Умершая лежала на спине, головой на запад. На ее шее обнаружен четырехконечный с расширяющимися концами крест, посередине которого имеется гнездо для вставки (рис. 2, 4). Этот так называемый несторианский крест весьма схож с бронзовым крестом из Самарканда (рис. 2, 5) (Тереножкин 1950: рис. 72, 2), который А. И. Тереножкин предположительно датировал периодом Тали Барзу V.

Находка нательного креста позволила поставить вопрос о религии населения, оставившего могильник. Весьма возможно, что часть погребенных в Дашти-Урдакон исповедовала христианство, о наличии которого в Пенджикенте свидетельствует, прежде всего, черепок с сирийской надписью, о котором шла речь выше. Единственную прямую аналогию христианскому погребению могильника Дашти-Урдакон мы находим на городище Ак-Бешим (Кызласов 1959: 231–233). Здесь христианские погребения VIII в. обнаружены при раскопках несторианской церкви. Л. Р. Кызласов отмечает: «скелеты лежали на спине, в вытянутом положении головой на запад, преимущественно без вещей» (Там же: 233). Только в одном погребении найден бронзовый нательный крест. Таким образом, и в Пенджикенте, и в Ак-Бешиме найдены захоронения, в которых умершие похоронены по обряду труположения, на спине, головой на запад и с нательным крестом.

О том, как совершался обряд погребения христиан, мы можем судить по описанию у Табари захоронения тела последнего сасанидского царя Йездигерда III (632–651) митрополитом Мерва. Йездигерд был убит, а тело его брошено в реку. Узнавший об этом иерарх решил похоронить погибшего правителя: «митрополит отдал распоряжение и построил посреди митрополичьего сада в Мерве наус. Он отправился сам и с ним мервские христиане, и извлек тело Йездеджирда из реки, завернул его в саван и положил в гроб, а бывшие с ним христиане понесли его на своих плечах и принесли в наус, который митрополит повелел построить для него, погребли в нем тело и замуровали вход в него» (Табари 1987: 28–30).

Могильник Дашти-Урдакон не подвергся разграблению, в отличие от других некрополей Пенджикента. Это объясняется тем, что он являлся самым поздним городским кладбищем. При его исследовании найдены две монеты второй половины VIII в.: аббасидский фельс (мог. 8, под шейными позвонками) и фельс Дауда сына Гураза, Самарканд, 760–761 гг. (мог. 26), который был положен в рот покойнику (обол мертвого). Удалось исследовать лишь небольшую часть этого могильника, так как поля, располагавшиеся вокруг участка, на котором велись раскопки, очевидно, уничтожили раннесредневековые погребения. В могильнике VIII в. обнаружены перезахороненные детские скелеты и два черепа с «андроновским» сосудом (Беленицкий и др. 1982: 217).

Достоверные материалы, свидетельствующие о наличии раннеисламских погребений в Дашти-Урдакон, отсутствуют, однако нет оснований полностью отрицать их существование. Возможно, что часть могил принадлежала новообращенным мусульманам, хотя ориентация покойников не соответствует требованиям шариата, по которым лицо погребенного должно быть обращено на кыблу. Такие отступления от канона, обусловленные местными обычаями, вполне возможны. Очевидно, что материалы могильника Дашти-Урдакон отражают начавшиеся в VIII в. глубокие культурные изменения, связанные с последствиями арабского завоевания.

Антрополог Т. К. Ходжайов пришел к заключению о том, что погребенные в Дашти-Урдакон и захороненные в наусах Пенджикента не различаются по антропологическому типу. Скорее всего, согдийцы-христиане имели тесные родственные связи с согдийцами, исповедовавшими местную религию.

Считается, что согдийцы эпохи раннего средневековья были зороастрийцами, но археологические данные показывают, что это не мешало языческой пестроте их верований. От Бухары и Кеша до Чуйской долины согдийцы молились богам одного пантеона (Маршак 1999). Арабы, завоевавшие Согд, воспринимали согдийцев как многобожников. Табари ставит знак равенства между понятием «согдиец» и «многобожник» (Табари 1987: 82, 137, 141–142, 214).

Установить вероисповедование хозяев того или иного из раскопанных в Пенджикенте домов очень трудно. Исследователи отмечали веротерпимость пенджикентцев. Это подтверждают

два обнаруженных здесь изображения Будды. Речь идет о росписи в парадном зале частного дома (Marshak, Rasporova 1990: 149–153, figs. 23–25) и о форме для отгискивания глиняных образков с сидящей фигурой Будды (Marshak, Rasporova 1997/98). Оба эти изображения демонстрируют едва ли допустимое у настоящих буддистов вольное отношение к канонам. Скорее всего, пенджикентцы, которые чтили Будду, не становились истинными буддистами и сохраняли приверженность местным богам. То же относится и к адептам почитания Шивы. В храме II Пенджикента было устроено небольшое святилище приверженцев Шивы со скульптурной группой Ума-Махешвара. Скульптурное изображение Шивы отличается от индийских деталями иконографии: Шива обут в сапоги, а Парвати одета в согдийские одежды (Маршак и др. 2007: 220–222, рис. 6; Škoda 1992).

На основании того, какими буддистами и шиваистами были пенджикентцы, можно предположить, что и их христианство могло носить особый характер. Расшифровка пенджикентской сцены «поклонения Кресту» специалистами может в какой-то степени решить этот вопрос.

Беленицкий 1961 — *Беленицкий А. М.* О работах Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // АРТ. 1961. Вып. 7. С. 73–100.

Беленицкий и др. 1980 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. 1980. Вып. 15. С. 213–245.

Беленицкий и др. 1982 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. 1982. Вып. 16. С. 197–221.

Беленицкий и др. 1988 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки древнего Пенджикента в 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. 21. С. 149–185.

Беленицкий и др. 1990 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Работы на городище древнего Пенджикента в 1982 г. // АРТ. 1990. Вып. 22. С. 105–143.

Бутырский 2013 — *Бутырский М. Н.* Журнал «Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования», апрель, 2013: <http://moneta.lv/articles/art-28/?lg=lv>.

Древности Таджикистана 1985 — *Древности Таджикистана: Каталог выставки.* Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

Залеская 1998 — *Залеская В. Н.* Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки. СПб.: Славия, 1998. С. 12–21.

Кызласов 1959 — *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак Бешим в 1953–1954 гг. // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 155–242.

Кызласов 2006 — *Кызласов Л. Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература РАН, 2006. 360 с.

Лившиц 2008 — *Лившиц В. А.* Согдийская азбука из Пенджикента // *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 298–305.

Маршак 1999 — *Маршак Б. И.* Согд V–VIII вв.: Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 175–191 (Археология).

Маршак, Распопова 2002 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* при участии *Абдуллоева Д., Завьялова В. А., Курбанова Ш. Ф., Малкиеля И. К., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 3–81 (МПАЭ. Вып. 4).

Маршак, Распопова 2004 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* при участии *Абдуллоева Д., Курбанова Ш. Ф., Малкиеля И. К., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2003 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. 205 с. (МПАЭ. Вып. 6).

Маршак, Распопова 2005 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* при участии *Абдуллоева Д., Курбанова Ш. Ф., Малкиеля И. К., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2004 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. 87 с. (МПАЭ. Вып. 7).

Маршак, Распопова 2006 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* при участии *Абдуллоева Д., Курбанова Ш. Ф., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 186 с. (МПАЭ. Вып. 8).

Маршак, Распопова 2007 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* при участии *Абдуллоева Д., Курбанова Ш. Ф., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г.* Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2006 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. 62 с. (МПАЭ. Вып. 10).

Маршак и др. 2007 — *Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г.* Раскопки городища древнего Пенджикента в 1990 г. // АРТ. 2007. Вып. 31. С. 211–240.

Никитин 1984 — *Никитин А. Б.* Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 121–137.

Пайкова 1981 — *Пайкова А. В.* Сирийский остракон из Пенджикента // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 78–86.

Пайкова, Маршак 1976 — *Пайкова А. В., Маршак Б. И.* Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 34–38.

Пигулевская 1979 — *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 272 с.

Распопова 1990 — *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (Опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, 1990. 206 с.

Ставиский и др. 1953 — *Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А.* Пенджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. 2. 1948–1950 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 64–95 (МИА. № 37).

Табари 1987 — *Ат-Табари М.* История посланников и царей / Пер. В. И. Беляева. Ташкент: ФАН, 1987. 440 с.

Тереножкин 1950 — *Тереножкин А. И.* Согд и Чач // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 152–169.

Толстой 1914 — *Толстой И. И.* Византийские монеты. СПб.: Тип. Голике и Вильборг, 1914. Вып. 7. 126 с.

Marshak, Raspopova 1990 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Wall Paintings from a House with a Granary, Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century AD // SRAA. 1990. Vol. 1. P. 123–176.

Marshak, Raspopova 1997/98 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Buddha Icon from Panjikent // SRAA. 1997/98. Vol. 5. P. 297–305.

Paykova 1979 — *Paykova A. V.* The Syrian Ostrakon from Panjikent // Le Muséon. 1979. T. 92, fasc. 1–2. P. 159–169.

Raspopova 1999 — *Raspopova V.* Gold coins and bracteates from Pendjikent // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien: Der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. P. 453–460.

Škoda 1992 — *Škoda V.* Ein Šiva-Heiligtum in Pendžikent // Archäologische Mitteilungen aus Iran. NF (Berlin), 1992. Bd. 25. S. 319–327.

Christians in Penjikent in the VIII c.

V. I. Raspopova

The paper introduces the materials from Penjikent, which date from the VIII c. and presumably may be related to Christianity. One of the excavated dwellings yielded a sherd bearing a Syrian inscription made with black ink (fig. 1, 1). The inscription was made by a Sogdian student, who learnt the Syrian language. This inscription, which contains three first verses of the first psalm, and fragments of six verses from the second psalm, was studied and published by A. V. Paikova. One of the interments found in the cemetery of Dashti-Urdakon, situated 1,1 km southeast of the fortified settlement of Penjikent, was characterized by inhumation on the back, with the head directed to the west. The buried person (a girl) had a cross on her neck (fig. 2, 4). At the same cemetery there was found also a khum, the body of which bore a scene of the Adoration of the Cross (fig. 2, 1–3), scratched prior to baking. The khum served as a sort of ossuary. Researchers have already noted the religious tolerance of Penjikentians. There are materials associated with adoration of Buddha and Shiva, but in both cases the interpretation of canons appears to be liberal enough. The same might have been the case also with Christianity. The deciphering of the Adoration scene by specialists may contribute to our understanding of this issue.

КАВКАЗ, ЕВРОПА, ДРЕВНИЙ ВОСТОК И КИПР

Поселение Долинское — памятник эпохи ранней бронзы в Центральном Предкавказье

А. Д. Резепкин

Ключевые слова: *Северный Кавказ, ранняя бронза, поселение Долинское.*
Keywords: *North Caucasus, Early Bronze Age, Dolinskoe settlement.*

Долинское поселение находится примерно в 4 км к ЮЮЗ от г. Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика), располагаясь на самой верхней террасе реки, одноименной городу. Терраса, имеющая вид узкого мыса, вытянута с СВ на ЮЗ. Ее поверхность прорезана рытвинами, глубина и ширина которых достигает 0,5–0,7 м. С 1930 по 1933 г. поселение исследовала Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК. На памятнике было заложено четыре раскопа общей площадью 300 м² (Круглов, Подгаецкий 1941). Поселение однослойное (Там же: 164–166). В трех раскопах встречены углубления с расширяющимися в нижней части стенками. Эти ямы, по вполне обоснованному предположению авторов раскопок, могли служить в качестве печей (тандыров) для выпечки хлеба (Там же: 171).

Места наибольшего скопления находок на поселении совпадают с участками террасы, на которых обнаружены остатки древних жилых сооружений. Авторы раскопок утверждали, что дома не были скучены на ограниченном участке, а были отделены один от другого широкими площадями, лишенными культурных отложений (Там же: 170–171). Судя по сохранившимся руинам (раскоп II) в виде кусов глины различной величины, на которых остались отпечатки сгоревших прутьев и соломы, постройки Долинского поселения были сооружениями турлучного типа. Вероятно, они имели округлую планировку, как и жилища, раскопанные на нескольких гибридных, майкопско-новосвободненских поселениях в Адыгее (Резепкин, Лионне 2007: 8, рис. 2, I; 12, рис. 6, I; 13, рис. 7, I; 16–17, рис. 9, 10). То обстоятельство, что в доме Долинского поселения, как и на вышеупомянутых жилищах в Адыгее не удалось обнаружить следов от вертикально установленных кольев (Круглов, Подгаецкий 1941: 170; Резепкин, Лионне 2007), еще раз подтверждает, что конструкция всех этих построек была очень схожа.

Опираясь на материалы, обнаруженные в одной из расчищенных ям (раскоп I), А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий предположили, что поселение Долинское было двухслойным. Керамику из «нижнего слоя» они соотнесли с сосудами из майкопского кургана (Круглов, Подгаецкий 1941: 196) а посуду из «верхнего» — с керамикой из раскопанных Н. И. Веселовским гробниц станицы Новосвободной (Там же: 193).

С. Н. Корневский, анализируя материалы рассматриваемого поселения, пришел к выводу о том, что найденная здесь посуда, как и на остальных поселениях майкопской культуры, делится на два класса: первый — превосходно обожженная посуда красно-охристого цвета из тонко отмученного теста практически без примесей; второй — плохо обожженная керамика серого и серо-коричневого цветов с обилием неорганических примесей (Корневский 1993: 26–28). При этом

исследователь аргументировал свое несогласие с выводами авторов раскопок о двухслойном характере поселения (Там же: 33). С другой стороны, утверждение С. Н. Корневского о неправомерности сопоставления А. А. Иессеном сосудов первого класса с посудой круга майкопского кургана, а второго класса — с керамикой из гробниц в Новосвободной, в свете новых данных не совсем верно. Действительно, изучив вслед за С. Н. Корневским всю керамику Долинского поселения и представив ее в таблицах, где учтены все профилированные части сосудов, можно сделать вывод о том, что во всех раскопах, как по площади, так и по штыкам, присутствует как майкопская керамика, так и керамика второго класса, причем в самом нижнем, четвертом штыке, профилированных новосвободненских сосудов найдено намного больше (табл. 1, 2)¹.

Таблица 1

Распределение профилированной майкопской и новосвободненской керамики по площади Долинского поселения

Раскоп 1		Раскоп 3		Раскоп 4		Без указания квадратов	
новосвободненская	майкопская	новосвободненская	майкопская	новосвободненская	майкопская	новосвободненская	майкопская
32	3	18	12	16	10	12	1

Таблица 2

Распределение профилированной майкопской и новосвободненской керамики Долинского поселения в культурном слое по штыкам

Штык	Новосвободненская	Майкопская
1	8	6
2	6	8
3	7	8
4	6	1
Всего	27	23

Обработав весь керамический материал поселения, удалось установить, что вся посуда, как первого, так и второго класса, была плоскодонной, а фрагменты ручек сосудов по технологии изготовления принадлежали майкопской керамике.

Керамика первого класса (майкопская)

Сосуды. Исходя из предложенной классификации форм их венчиков (Резепкин, Поплевко 2009; Резепкин 2012б) на памятнике выявлено два венчика типа 1 (рис. 1, 1, 2), три — типа 2 (рис. 1, 3–5), два — типа 4 (рис. 1, 7, 8), один — типа 5 (рис. 1, 9) и один венчик — типа 13 (рис. 1, 6). Как видим, ассортимент венчиков сосудов широк и включает пять типов (рис. 1, 1–9).

Миски. Найдено восемь венчиков и все они относятся к типу 1 (рис. 1). Обнаружено также 9 фрагментов донцев и 10 фрагментов ручек сосудов (рис. 2) (Круглов, Подгаецкий 1941: 208, табл. VII, 1, 3, 4).

Всего на поселении выявлено 36 фрагментов профилированных частей сосудов, мисок и ручек, но не все они соотносятся с определенными квадратами и штыками раскопов (рис. 1, 2).

Керамика второго класса (новосвободненская)

Сосуды. Исходя из предварительной классификации керамики новосвободненской культуры (Резепкин 2012а) на поселении выявлено 8 прямых, коротких венчиков, которые, возможно, относятся к типу 6-А (рис. 3, 1–8), а 4 венчика — вероятно, к типу 7 (рис. 3, 9–11), включая чернолощенный сосуд с реконструируемым профилем тулова, орнаментированный «елочкой» (рис. 3, 13). У другого чернолощеного сосуда с реконструируемым профилем тулова и орнаментом «елочкой» под шейкой и

¹ К сожалению, в описи материалов Долинского поселения далеко не вся профилированная керамика стратифицирована и, соответственно, количество посуды, учтенной в табл. 1 больше, чем в табл. 2.

на тулове венчик утрачен (рис. 3, 12). Найдено также 8 венчиков типов 6-А и 6-Б (рис. 4, 1–8) от сосудов с короткой прямой шейкой со слегка отогнутым краем, таких же, как у сосудов реповидной формы (Круглов, Подгаецкий 1941: 210, табл. IX, 1–2), и 8 венчиков типа 7 (рис. 4, 9–16). Помимо этих форм на поселении обнаружена верхняя половина сосуда с покатыми плечиками и отходящим от тулова под углом прямым венчиком, по краю которого нанесен ряд треугольных вдавлений (рис. 5, 1). Венчики аналогичной формы представлены еще в трех случаях (рис. 5, 2–4).

Имеется также пять венчиков орнаментированных сосудов. Четыре из них украшены рядом косых вдавлений, выполненных таким образом, что край венчика стал зазубренным (рис. 6, 8–11). По краю еще одного венчика нанесен ряд круглых вдавлений (рис. 6, 3). Налепной (рис. 6, 1, 2) и «елочный» (рис. 6, 5–7) орнаменты украшали тулово сосудов (Круглов, Подгаецкий 1941: 208, табл. VII, 6; 211, табл. X, 3).

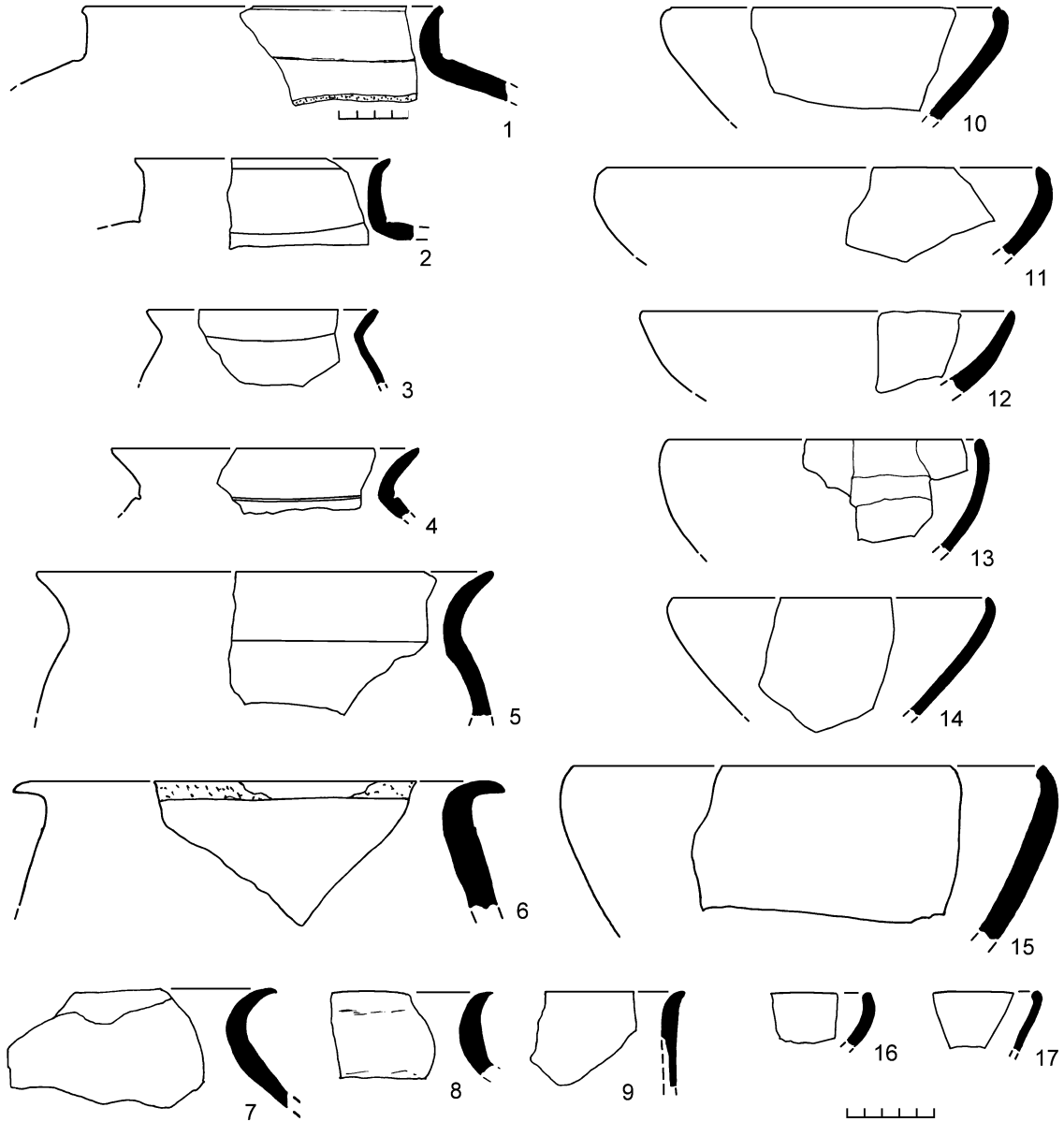

Рис. 1. Поселение Долинское, типы венчиков майкопской керамики: 1–9 — сосуды (1, 2 — тип 1; 3–5 — тип 2; 6 — тип 13; 7, 8 — тип 4; 9 — тип 5); 10–17 — миски, тип 1

Fig. 1. Dolinskoe settlement, types of the Maikop pottery rims: 1–9 — vessels (1, 2 — type 1; 3–5 — type 2; 6 — type 13; 7, 8 — type 4; 9 — type 5); 10–17 — bowls, type 1

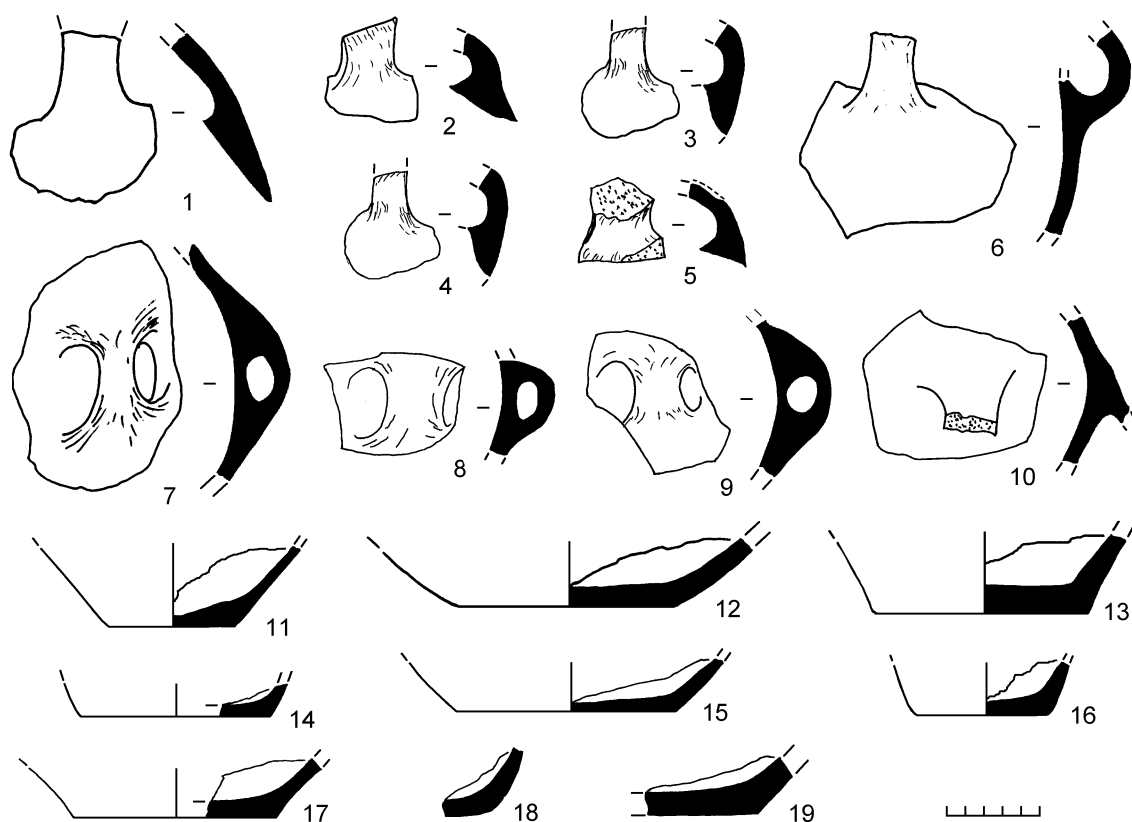

Рис. 2. Поселение Долинское, ручки и части донцев майкопской керамики

Fig. 2. Dolinskoe settlement, Maikop pottery, handles and bottom fragments

Миски. Эта посуда имеет типично новосвободненскую форму с плоским дном и прямым, слегка загнутым внутрь венчиком (тип 5) (рис. 5, 5–9).

Все выявленные на поселении донца сосудов из теста с примесью оказались плоскими. Всего обнаружено 25 днищ (рис. 7).

Найдены две трехручные *амфоры* (Там же: 207, табл. VI). Необходимо отметить наличие фрагментов керамических «очажных подставок», изготовленных в форме «рогатых» кирпичей (рис. 6, 4) (Там же: 204, табл. III). Их обнаружено не менее 7 экз. (Там же: 172, табл. I).

Помимо керамики были встречены и кремневые изделия, прежде всего вкладыши серпов (рис. 8, 1–5), 2 кремневых наконечника стрел асимметричной формы (рис. 8, 7, 8), а также сегментовидный нож для мяса (рис. 8, 6; раскоп IV, кв. С-3, штык 2).

Мне уже приходилось писать о том, что Долинское поселение относится к новосвободненской культуре (Резепкин 2004: 110, 114; 2012б: 55), хотя детально проанализировав весь комплекс обнаруженных здесь артефактов, нужно отметить, что он скорее всего имеет смешанный майкопско-новосвободненский характер, причем майкопский компонент, как видно из представленного материала, играл не столь существенную роль, как новосвободненский. Судя по наличию на поселении набора форм венчиков майкопской керамики, памятники этой культуры в Центральном Предкавказье доживают до развитого этапа новосвободненской культуры, хотя и в трансформированном (плоскодонность) виде. Об этом свидетельствуют: сосуды реповидной формы; большие амфоры, аналогии которым встречены на Новосвободненском поселении (Резепкин 2008: 171, табл. 12, 5); «елочный» орнамент и 2 наконечника стрел с асимметричным основанием, хотя последние и обнаружены вне культурного слоя Долинского поселения. Находки фрагментов рогатых «очажных» подставок также свидетельствуют в пользу высказанного предположения. На гибридном майкопско-новосвободненском поселении Чишхо на южном берегу Краснодарского водохранилища (Резепкин, Лионне 2007: 41–73) также был обнаружен фрагмент такой подставки (Корневский 2004: 146, рис. 18, 8). В погребении

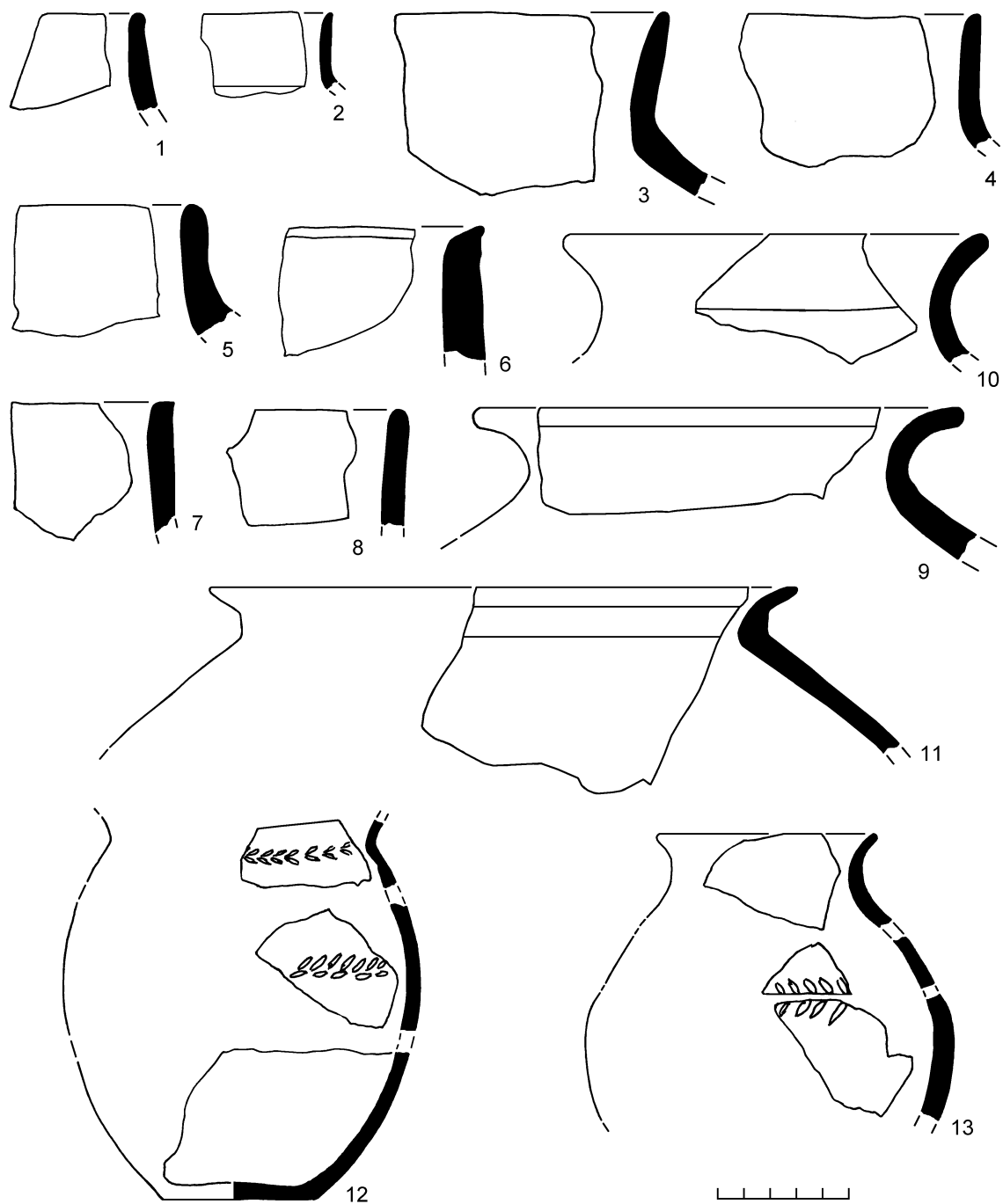

Рис. 3. Поселение Долинское, типы венчиков новосвободненской керамики: 1–8 — тип 6-А; 9–11, 13 — тип 7; 12, 13 — чернolощенные сосуды с «елочным» орнаментом

Fig. 3. Dolinskoe settlement, types of the Novosvobodnaya pottery rims: 1–8 — type 6-A; 9–11, 13 — type 7; 12, 13 — black burnished vessels with «herringbone» pattern

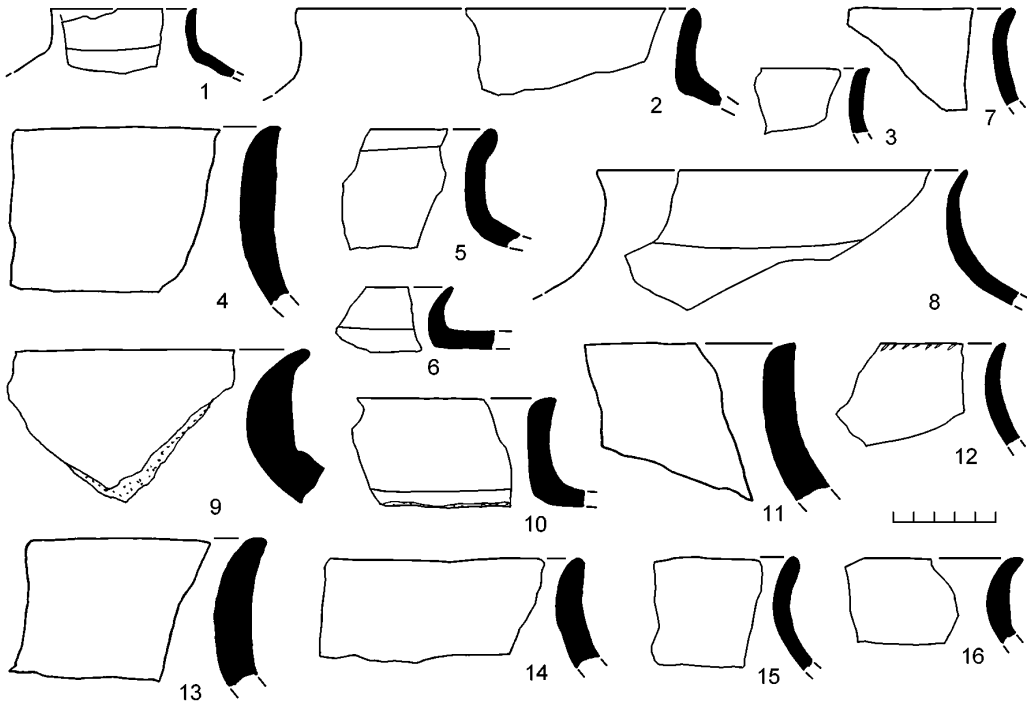

Рис. 4. Поселение Долинское, типы венчиков новосвободненской керамики: 1–4 — тип 6-А; 5–8 — тип 6-Б; 9–16 — тип 7

Fig. 4. Dolinskoe settlement, types of the Novosvobodnaya pottery rims: 1–4 — type 6-A; 5–8 — type 6-B; 9–16 — type 7

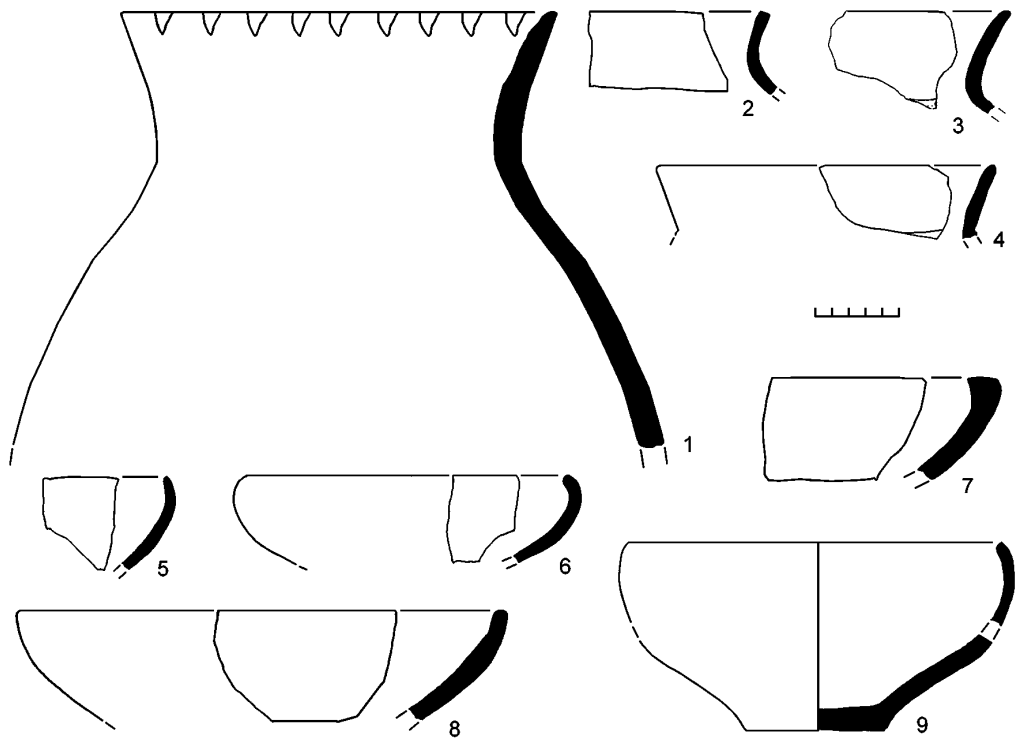

Рис. 5. Поселение Долинское, керамика: 1–4 — сосуды с прямым венчиком под наклоном к тулову; 5–9 — миски (тип 5)

Fig. 5. Dolinskoe settlement, pottery: 1–4 — vessels with straight rims inclined to the body; 5–9 — bowls (type 5)

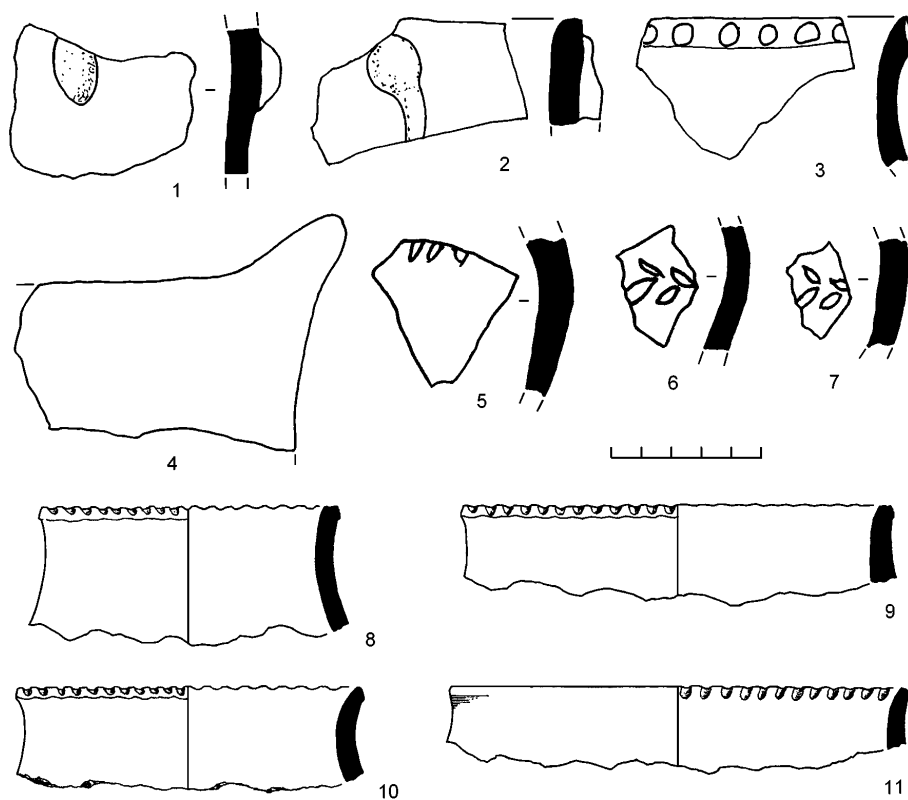

Рис. 6. Поселение Долинское, керамика: 1, 2 — наклепной орнамент; 3 — ямочный орнамент по венчику; 4 — фрагмент «очажной» подставки; 5, 6 — орнамент «елочкой»; 7–10 — венчики сосудов с рядом косых вдавлений по краю

Fig. 6. Dolinskoe settlement, pottery: 1, 2 — raised (stuck-on) ornamentation; 3 — pit ornamentation on the rim; 4 — fragment of a «hearth» support; 5, 6 — «herringbone» pattern; 7–10 — rims with oblique impressions along the edge

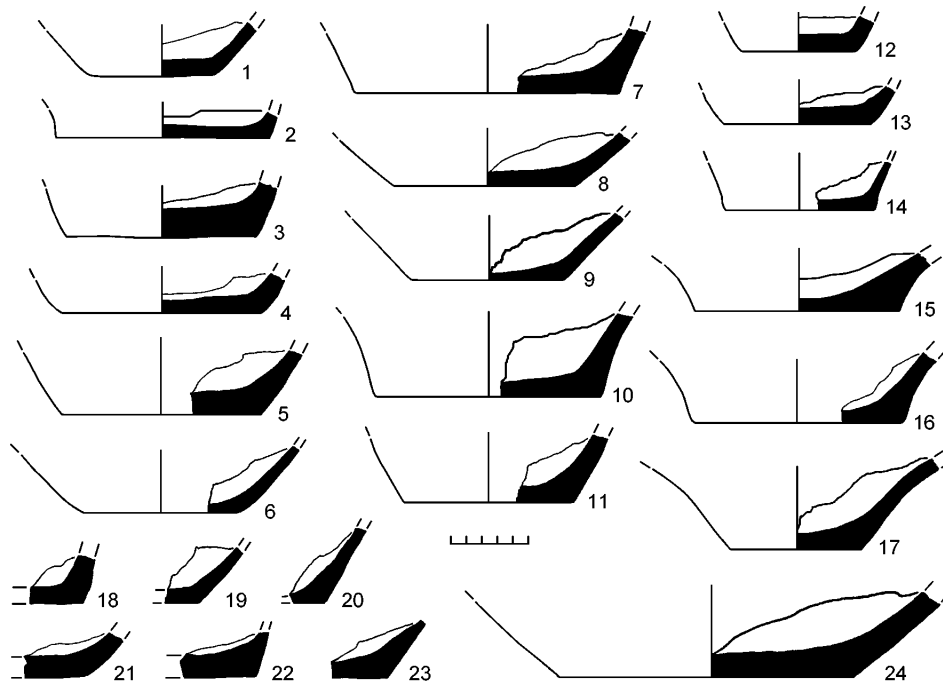

Рис. 7. Поселение Долинское, донца сосудов из теста с примесями
Fig. 7. Dolinskoe settlement, bases of vessels made of tempered clay

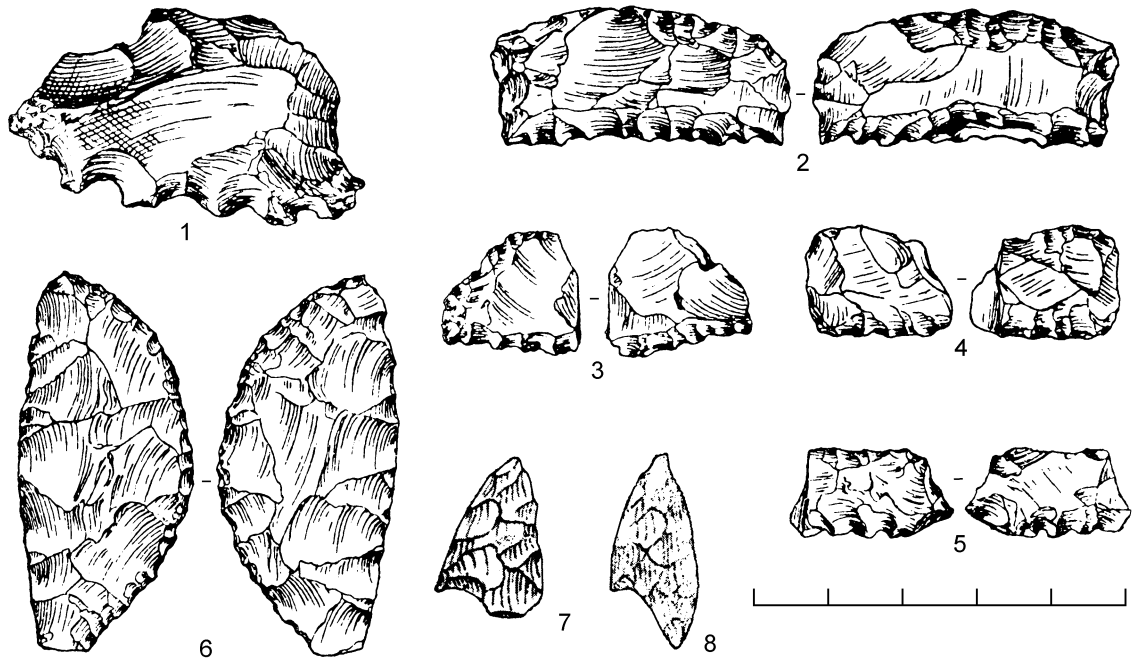

Рис. 8. Поселение Долинское, кремневые орудия (по Круглов, Подгаецкий 1941): 1–5 — вкладыши серпов; 6 — сегментовидный нож для мяса; 7, 8 — наконечники стрел

Fig. 8. Dolinskoe settlement, flint tools (after Круглов, Подгаецкий 1941): 1–5 — liners sickles; 6 — a crescent-shaped meat knife; 7, 8 — arrowheads

у с. Иноземцево, где был представлен гибридный набор инвентаря (Резепкин 2012б: 77), встречен кремневый сегментовидный нож, аналогичный долинскому (Корневский, Петренко 1982: 104, рис. 8, 4).

Таким образом, с большой степенью вероятности, поселение Долинское нужно относить не к памятникам майкопской культуры, а к поселениям гибридного типа, где новосвободненский компонент явно превалирует, причем рассматриваемый памятник нужно датировать развитым (третьим) этапом новосвободненской культуры.

Корневский 1993 — *Корневский С. Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.: Общество «Знание» России, 1993. 167 с.

Корневский 2004 — *Корневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 244 с.

Корневский, Петренко 1982 — *Корневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982. № 2. С. 96–112.

Круглов, Подгаецкий 1941 — *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 147–212 (МИА. № 3).

Резепкин 2004 — *Резепкин А. Д.* Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2004. Вып. 4. С. 97–125.

Резепкин 2008 — *Резепкин А. Д.* Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус, 2008. С. 157–176.

Резепкин 2012а — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 37).

Резепкин 2012б — *Резепкин А. Д.* Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 125–128 (КЧ. Вып. 27).

Резепкин, Лионне 2007 — *Резепкин А. Д., Лионне Б.* Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // RA. SN. 2007. Vol. 3, nr. 1–2. P. 5–73.

Резепкин, Поплевко 2009 — *Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н.* Классификация мисок майкопской культуры // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 81–89.

Dolinskoe — an Early Bronze Age settlement in the central Fore-Caucasus

A. D. Rezepkin

The Dolinskoe settlement was excavated in 1930–1933 by A. P. Kruglov and V. Podgaetsky. According to their conclusions, the settlement was two-layered and contained ceramics belonging to the circles of the Maikop and Novosvobodnaya barrows. In 1993 S. N. Korenevsky put this conclusion into question and demonstrated that the settlement was one-layered. However, his assertion that A. A. Iessen was wrong when he compared the ceramics of the first class to the Maikop pottery, and that of the second class to the pottery of Novosvobodnaya, in the light of new data appears to be not quite correct. The careful analysis of the Dolinskoe pottery assemblage (table 1, 2; fig. 1–7) shows, that both classes are present in all excavation areas and at all levels (spits); moreover, the lowermost fourth spit is strongly dominated by the Novosvobodnaya (second class) pottery. Therefore, it appears that Dolinskoe should be classified not to the Maikop culture, but to the hybrid type sites, where the Novosvobodnaya component is clearly preponderant. As to the site itself, it can be dated to the developed (third) stage of the Novosvobodnaya culture.

Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века

М. Б. Рысин

Ключевые слова: Южный Кавказ, средний бронзовый век, «цветущая пора» триалетской культуры, хронология, периодизация, методы датирования, сравнительно-типологический метод, естественнонаучные методы.

Keywords: South Caucasus, Middle Bronze Age, «blooming period» of the Trialeti culture, chronology, periodization, methods of dating, comparative-typological method, scientific methods of dating.

Введение

Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа занимают ведущее место в исследованиях кавказоведов. В немалой степени это связано с тем, что кавказский регион в эпоху палеометалла являлся *центром культурогенеза*, определявшим судьбы культур восточноевропейских степей (Бочкарёв 2012). С другой стороны, именно кавказский регион выполнял в древности роль своеобразного *моста*, соединявшего обширные пространства восточноевропейских степей с цивилизациями Древнего Востока, археологические памятники которых обеспечены надежной стратиграфией и датирующими привязками к письменным источникам.

Данная работа является продолжением исследования, посвященного хронологии и периодизации кавказских памятников эпохи палеометалла. В первой ее части, опубликованной в двух статьях (Рысин 2012а; 2012б), мы попытались *сопоставить результаты датирования* некоторых комплексов Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, полученные *естественно-научными* методами, с выводами, добытыми в ходе использования *традиционных археологических* приемов определения возраста древностей. На основании метода типологических параллелей нам удалось установить, что надежные датировки майкопских и новосвободненских памятников раннего бронзового века (далее — РБВ) приходятся на вторую половину IV — начало III тыс. до н. э. Большинство калиброванных дат по ^{14}C приходится на середину и вторую половину IV тыс. до н. э. Выяснилось, что радиоуглеродные даты майкопских памятников, попадающие в диапазон первой трети IV тыс. до н. э., недостоверны и не могут служить надежным источником для хронологии и периодизации майкопской культуры.

Косвенно подтвердить датировку памятников финала РБВ позволяют даты северокавказских памятников начала среднего бронзового века (далее — СБВ) — успенского этапа. По нашим предположениям, памятники успенского этапа сменяют на Северном Кавказе майкопские и новосвободненские памятники (Рысин 1996; 2008). Источник новаций северокавказского металлопроизводства начала СБВ мы усматриваем в продукции анатолийских и южнокавказских центров металлообработки периода РБВ. По этому вопросу имеются только предварительные наблюдения. В частности, вероятные прототипы вислообушных топоров успенского этапа найдены в слоях малоазийских памятников РБВ 2, датируемых сегодня XXVIII/XXVII–XXVI вв. до н. э. Формы для отливки подобных топоров найдены в слое 19 Норшунтепе, синхронном горизонту Vc Арслантепе (Hauptmann 2000: 419–424). Как известно, к более древним слоям телля Арслантепе (слой Vb — период РБВ Ib) относится погребение в «царской гробнице», в инвентаре которой представлены многочисленные металлические изделия, обнаруживающие параллели в металле позднего этапа новосвободненской культуры (Frangipane et al. 2001; Трифионов 2004).

Датировка памятников финала СБВ. Памятники «цветущей поры» триалетской культуры

Проиллюстрировать современный взгляд на проблему абсолютного датирования памятников СБВ Кавказа и возможный алгоритм ее разрешения можно с помощью ярчайшей из известных в регионе «блестящей» триалетской культуры (далее — ТК),² а точнее артефактов из подкурганых погребений ее «цветущей поры», по терминологии первооткрывателя этих захоронений Б. А. Куфтина. Эта культура заслуженно вошла в золотой фонд мирового археологического наследия, благодаря находкам из «царских» погребений, размещенных в гигантских погребальных залах с дромосами. Особенностью нашего подхода в данном случае является опора в основном на традиционные археологические методы датирования, так как для памятников ТК пока получены лишь единичные калиброванные даты по ¹⁴С. Для установления хронологии памятников ТК большое значение имеет южная линия синхронизации с древневосточными цивилизациями, время существования которых можно определить по письменным источникам.

Первооткрыватель триалетских памятников Б. А. Куфтин (1941) датировал богатые курганы «цветущей поры» серединой II тыс. до н. э. О. М. Джапаридзе (1969: 270) определил время их соо-

² Хотя ареал памятников триалетской культуры захватывает территории нынешних Азербайджана, Армении и Грузии (рис. 1) и в литературе встречаются уточняющие названия этой культуры: триалетско-кировкаканская или триалетско-ванадзорская, — мы используем наименование «ТК».

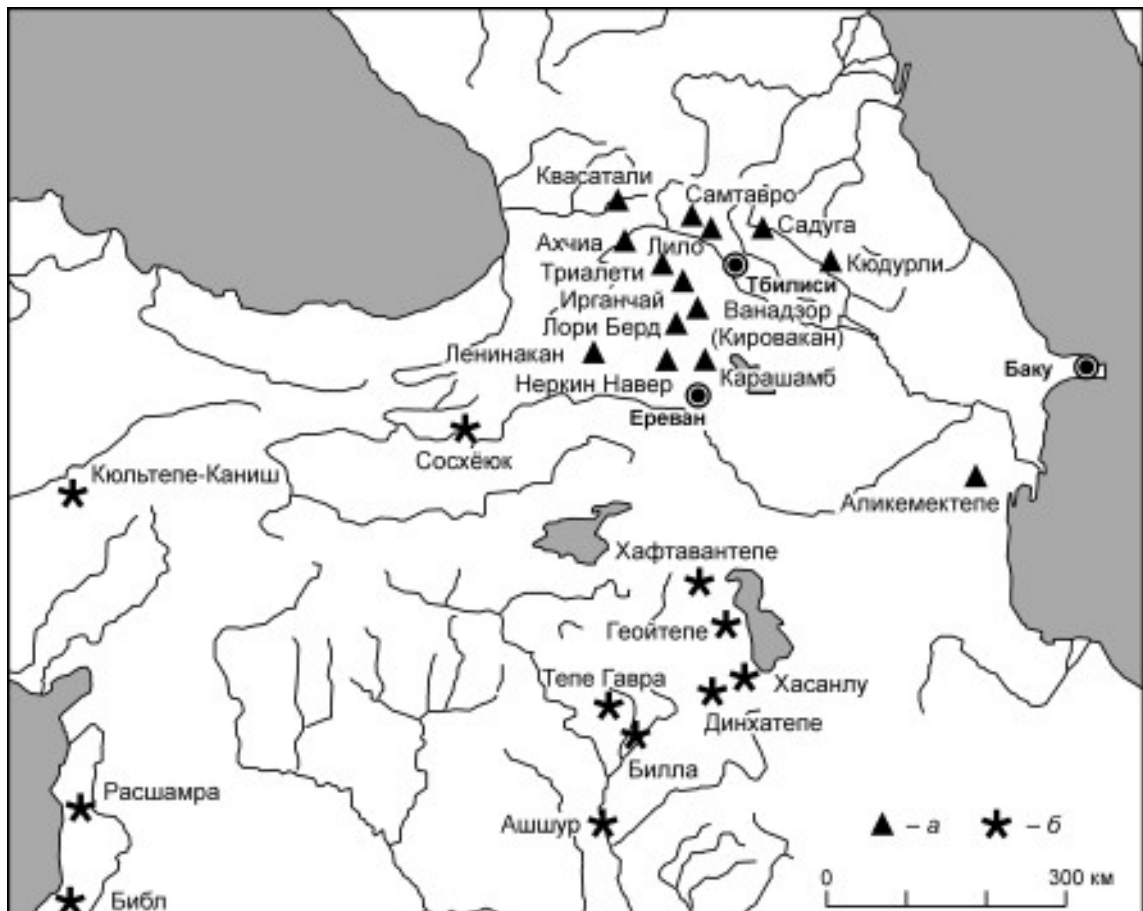

Рис. 1. Памятники Кавказа и Древнего Востока, упоминаемые в статье: *a* — погребения триалетской культуры; *b* — древневосточные памятники, демонстрирующие типологические параллели археологическим материалам триалетской культуры

Fig. 1. Caucasian and Near Eastern sites mentioned in the text: *a* — burials of the Trialeti culture; *b* — Near Eastern sites showing typological parallels with the Trialeti culture materials

ружения в пределах первой половины II тыс. до н. э. Позднее Э. М. Гогодзе (1972: 104), опираясь на переднеазиатские параллели изделиям ТК и совместное обнаружение в триалетских комплексах «цветущей поры» расписной и чернолощеной посуды архаичного облика, разделил ТК на три хронологических группы и распределил эти группы в пределах первой половины II тыс. до н. э. При этом сооружение курганов самой ранней группы «цветущей поры» он отнес к XX–XVIII вв. до н. э. В результате появились «короткая» и «длинная» хронологии триалетских курганов. К этой проблеме обращались многие исследователи (Кушнарёва 1993а; Мартиросян 1964; Нариманишвили Г. 2006; Shaeffer 1943; Minns 1943; Kuftin, Field 1946; Gimbutas 1965; Rubinson 1977; Puturidze 2003; Zischow 2006). Почти все они отнесли курганы «цветущей поры» к первой половине II тыс. до н. э.

При определении времени сооружения курганов «цветущей поры» мы опираемся, в первую очередь, на обнаруженное в них металлическое оружие³. Постоянная тенденция к совершенствованию придает ему особое значение для датировки и периодизации памятников. В сфере военного дела в данный период ситуация качественно меняется — появляются новые образцы оружия: топоры-секиры, копья со втульчатым наконечником, рубящие мечи и колющие мечи-«рапиры».

Проведем сравнительно-типологический анализ триалетских *наконечников копий* с втулкой для насада (рис. 2). Впервые бронзовое копьё со свернутой втулкой было обнаружено Б. А. Куфтиным в «царском» кургане XV в Триалети (Куфтин 1941: 96, табл. 106). Сам контекст находки, серебряное кольцо на втулке и каннелюры на поверхности копья указывали на парадный характер оружия (рис. 2, 4). В дальнейшем была открыта серия погребений этого времени, как с парадными копьями в элитных могилах (Месхети — с золотым кольцом, Ванадзор [бывш. Кировакан] — рис. 5, А; Devedjian 2006: fig. 139, 4), так и с обычными боевыми экземплярами в могилах рядовых воинов (Нули, Квасатали, Цагвли, Метехи, Кистаури и др.; рис. 2, 5, 6, 9, 10; Шеразадишвили 2011; Picchelaurl 1997: Taf. 70).

Б. А. Куфтин, а вслед за ним К. Шеффер, М. Гимбутас и К. Рубинсон (Куфтин 1941: 96; Schaeffer 1943: 184; Gimbutas 1965: 92; Rubinson 1977: 247) в качестве первой параллели триалетскому копьё указывали на копьё из погр. X в Просимне на Кефаларском холме (рис. 2, 15), относящееся к периодам позднелладский II и III (XV–XIII вв. до н. э.). К. Рубинсон привела в качестве аналогии также копьё из погр. IV в Ялисосе на Родосе (рис. 2, 16; Rubinson 1977: 247). Названные параллели были приняты и отечественными исследователями. Лишь Г. Л. Кавтарадзе (1983: 131–132), поставивший задачу удревнения всей колонки памятников Южного Кавказа в соответствии с калиброванными значениями дат по ¹⁴C, справедливо указал на существование на Переднем Востоке копий со свернутой втулкой уже в конце III тыс. до н. э. Однако он не попытался обосновать приведенные аналогии триалетскому копьё при помощи *сравнительно-типологического* метода, поэтому составленная им таблица подверглась обоснованной критике (Андреева 1987). Так, в качестве параллелей триалетскому копьё он привел наконечники с литой втулкой из Бородинского клада, литейную форму для изготовления подобных наконечников из Новой Загоры, а также копьё со стержневым насадом из клада в Арслантепе VI А (Кавтарадзе 1983: 133, табл. VIII, 4, 9). Нам видится ошибочным с точки зрения методики сопоставление изделий, выполненных в различной технике.

Отсутствие критического анализа возможности использования упомянутых эгейских параллелей за прошедшие 70 лет объясняется тем, что сопоставлялись единичные экземпляры наконечников из триалетского кургана XV, Просимны и Ялисоса. Обнаруженные за прошедшие десятилетия копьё в эгейском, передневосточном и кавказском ареалах (Шеразадишвили 2011; Avila 1983; Maigret 1976; Erkanal 1977; Müller-Karpe M. 1996; Picchelaurl 1997) дают возможность провести сравнительный анализ всех известных находок (рис. 2).

В результате проделанного анализа было установлено, что эгейские копьё отличаются от кавказских и передневосточных по ряду параметров. Первое различие относится к технологии изготовления копий. В Эгейском регионе отливали втулку со шлицем, края которого затем расковывали. На Кавказе, как и на Переднем Востоке, за редким исключением, например Лори Берд,

³ Подобная работа нами уже проводилась в сотрудничестве с К. Х. Кушнарёвой в рамках проекта РГНФ № 01-01-00122а (Кушнарёва, Рысин 1998; 2000; 2001; 2003; 2004). Сравнительно-типологический анализ металлических изделий ТК был выполнен автором статьи. Появление новых ярких материалов и публикаций вызывает потребность вновь обратиться к данной тематике.

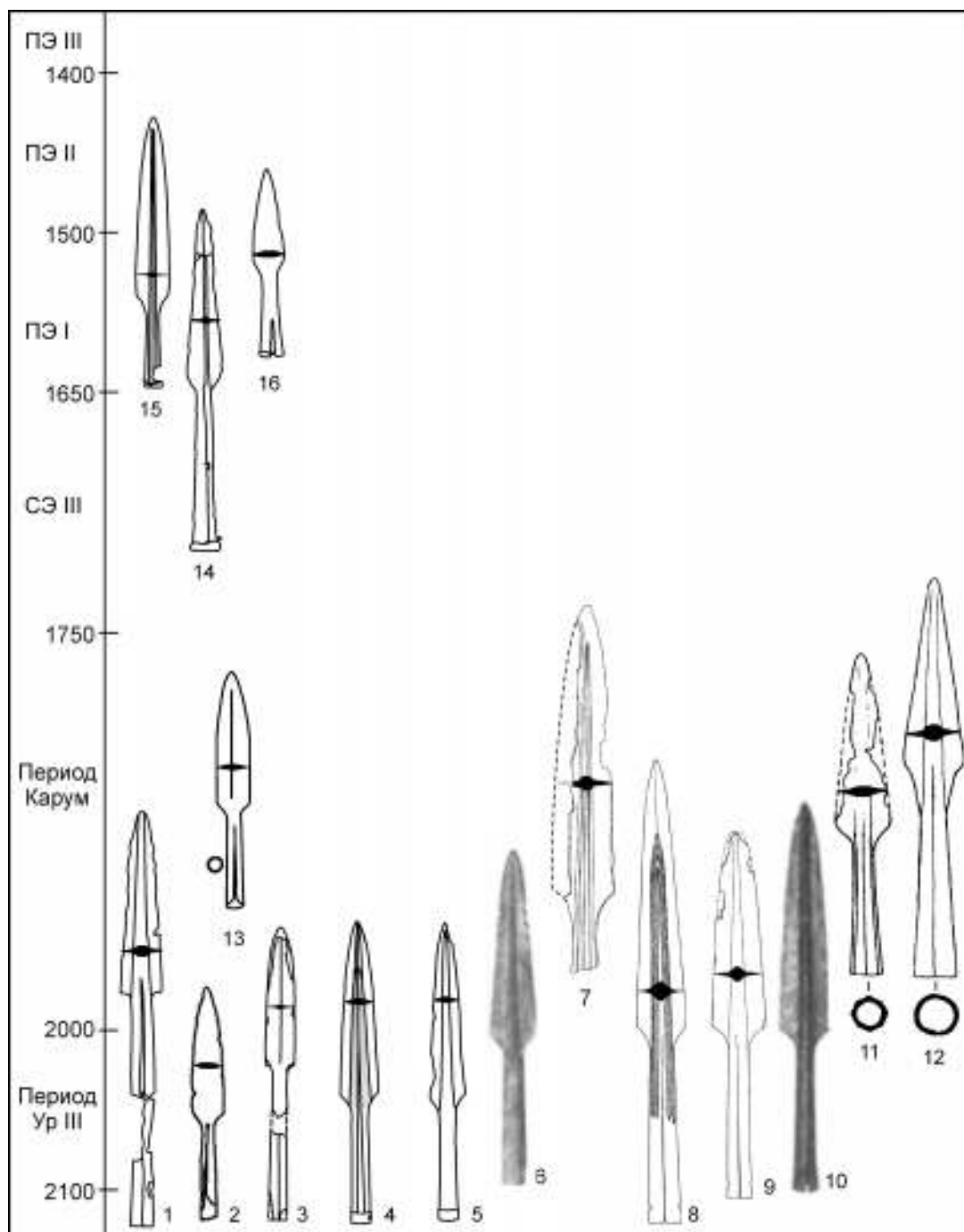

Рис. 2. Втульчатые наконечники копий: 1 — Рас-Шамра; 2 — Кюльтепе II; 3 — Ашшур; 4 — Триалети; 5 — Ахчия; 6 — Квасатали; 7 — Ванадзор (Кировакан); 8 — Лори Берд, погр. 77; 9 — Лори Берд, погр. 74; 10 — Неркин Навер, кург. 5Б; 11–12 — Аликемектепе, погр. 80; 13 — Кюльтепе Ib; 14 — Микены; 15 — Просимна; 16 — Ялисос (1 — по Schaeffer 1962; 2 — по Erkanal 1977; 3 — по Müller-Karpe M. 1996; 4–5 — по Picchelauri 1997; 6 — по Шеразадишвили 2011; 7–9 — по Devedjian 2006; 10 — по Симонян 2011; 11–12 — по Махмудов 2008; 13 — по Özgüç 1959; 14–15 — по Avila 1983; 16 — по Maigret 1976)

Fig. 2. Socketed spearheads: 1 — Ras-Shamra; 2 — Kyultepe II; 3 — Ashur; 4 — Trialeti; 5 — Akhchia; 6 — Kvasatali; 7 — Vanadzor (Kirovakan); 8 — Lori Berd, burial 77; 9 — Lori Berd, burial 74; 10 — Nerkin Naver, barrow 5B; 11–12 — Alikemektepe, burial 80; 13 — Kyultepe Ib; 14 — Mucenae; 15 — Prosimna; 16 — Ialysos (1 — after Schaeffer 1962; 2 — after Erkanal 1977; 3 — after Müller-Karpe M. 1996; 4–5 — after Picchelauri 1997; 6 — after Шеразадишвили 2011; 7–9 — after Devedjian 2006; 10 — after Симонян 2011; 11–12 — after Махмудов 2008; 13 — after Özgüç 1959; 14–15 — after Avila 1983; 16 — after Maigret 1976)

погр. 77 (рис. 2, 8; 6, А), отливали плоскую лопатообразную заготовку, затем ее широкую часть расковывали и формовали во втулку (Avila 1983: 81; Müller-Karpe M. 1996: 290).

Принципиально отличается также способ закрепления наконечника на древке. Эгейские копья имеют в основании втулки литое кольцо, выше которого (на расстоянии одной пятой длины втулки) имеются отверстия для штифта, фиксирующего наконечник. У большинства же кавказских и передне-восточных наконечников кольцо отсутствует, а отверстия для штифта расположены у самого края втулки. Кольца из драгоценных металлов есть только на парадных экземплярах (Триалети, Месхети), причем на них штифтовое отверстие находится у самого края втулки, так что штифт проходил через кольцо. На Переднем Востоке кольца на копьях также встречаются только на парадных экземплярах. Такие кольца, как и на Кавказе, обычно изготовлены из листового металла. Исключение составляет литое золотое кольцо копья из Кюльтепе (Карум Каниша, слой Ib) у г. Кайсери, в Малой Азии, однако это копье имело уже *литую* слепую втулку (рис. 2, 13; Özgüç 1959: 58, fig. 66). Отверстия для фиксирующего штифта у передне-восточных копий располагаются либо на краю втулки (например, находки из Рас-Шамры, Библа, Телль Асмара; Maigret 1976: Abb. 25, 2–4; Müller-Karpe M. 1996: Abb. 32, 4, 6), либо на расстоянии от края втулки, как у экземпляра из Рас-Шамры (рис. 2, 1).

Большая часть кавказских копий имеет узкие прорезы у основания втулки, которые могли служить для пропускания ремня, стягивающего ее края. Такой способ фиксации наконечника на древке выглядит более архаично сравнительно с эгейскими и даже с более древними передне-восточными экземплярами. Интересно, что в Нижнем Поволжье (поселок Сторожевка), на севере степной зоны Восточной Европы, недавно обнаружен втульчатый наконечник копья, который также фиксировался при помощи кожаного ремня, пропущенного в прорезы у основания втулки (Ляхов 1996: рис. 2). Такой же архаичный способ фиксации наконечника на древке зафиксирован у находки из кург. 1 у ст. Кондрашинской на Верхнем Дону. Этот экземпляр относится к синташтинской группе памятников финала СБВ (Пряхин, Беседин 1992: рис. 3, 3).

Эгейские наконечники отличаются от кавказских копий и по своим пропорциям. У эгейских экземпляров, в том числе из Просимны и Ялисоса, длина пера в два-три раза больше длины втулки, а у кавказских копий перо либо равно втулке, либо длиннее ее максимум в полтора раза. Подобные пропорции приводили к увеличению веса, а следовательно, к повышению силы удара, наносимого эгейскими наконечниками, по сравнению с кавказскими копьями. Вероятно, это связано с совершенствованием защитного вооружения в эгейском регионе в позднем бронзовом веке (далее — ПБВ).

Наконец, эгейские копья отличаются от кавказских наконечников формой пера и поперечным сечением центрального ребра. В соответствии с этими двумя параметрами выделено девять типов эгейских копий (Avila 1983: 5). Большинство из них имеет подтрапециевидное в сечении центральное ребро. Кавказские же наконечники более однородны; их перо имеет удлиненно-подтреугольную форму с выгнутыми боковыми лезвиями, приостренным (либо закругленным) концом и вогнутыми плечиками; центральное ребро в поперечном сечении подтреугольное либо округлое. Исключение составляет копье из погр. 80 на поселении Аликемектепе (Азербайджан) с уплощенно-овальным в поперечном сечении центральным ребром, но оно имеет восьмигранную *литую* слепую втулку (рис. 2, 11; 5, Б; Махмудов и др. 2003: 152, рис. 3, 6). По форме пера к кавказским копьям близки наконечники типов V и VI (Avila 1983) из Просимны и Ялисоса, однако последние отличаются от триалетских пропорциями и подтрапециевидным в сечении центральным ребром (Ibid.: 35–40, Taf. 12–14). Более древние микенские наконечники (тип II) имеют подтреугольное в сечении центральное ребро и близки к кавказским по пропорциям, но абрис пера у них листовидный (рис. 2, 14; Ibid.: 9–12, Taf. 2, 3). Различаются даже такие детали, как каннелюры, украшающие копья из Просимны и из кург. XV Триалети: каннелюры на эгейских копьях проходят параллельно до самого конца пера, тогда как на триалетском экземпляре они сходятся вместе к середине длины пера, как и каннелюры на клинках триалетских кинжалов.

Таким образом, из сотни эгейских копий, вошедших в сводку Р. Авилы, лишь единичные экземпляры (Просимна, Ялисос, Навплия) демонстрируют сходство с кавказскими, да и то по единственному признаку — по форме пера с косо срезанными вогнутыми плечиками⁴. Это об-

⁴ В Ялисосе вместе с копьями, похожими на триалетские, обнаружены экземпляры с пером листовидной формы, характерной для кавказских наконечников эпохи поздней бронзы (Picchelaugi 1997: Taf. 72–75).

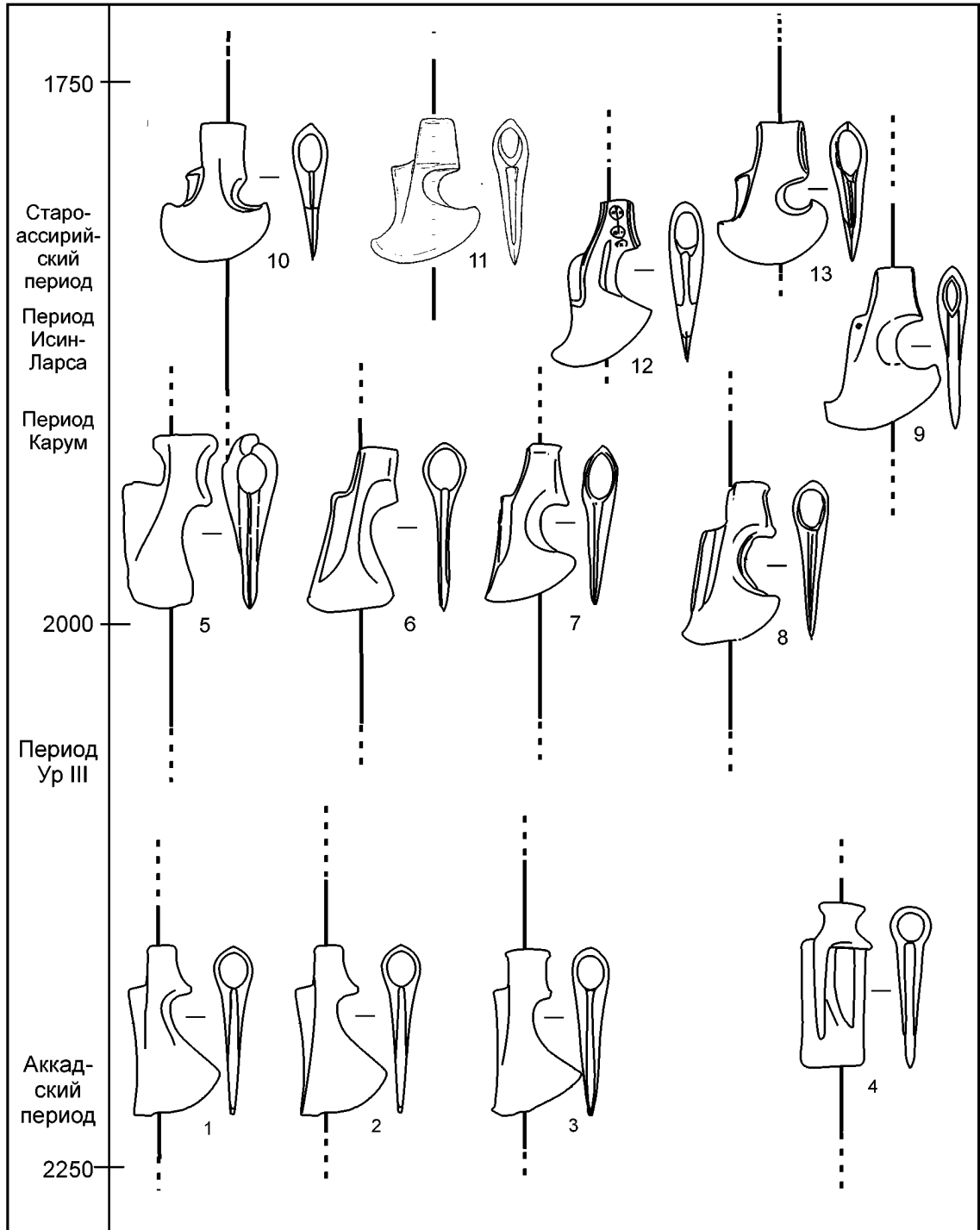

Рис. 3. Топоры-секиры, тип Тепе Гавра: 1 — Карс; 2 — Тепе Гавра; 3 — Билла; 4 — Кюдурли; 5 — Кюльтепе; 6 — Ленинакан; 7–8 — Навур; 9 — Луристан; 10 — Ванадзор (Кировакан); 11 — Аликемектепе; 12 — Грма-геле; 13 — Хоредж (1–3 по Müller-Karpe M. 1996; 4 — по Ахундов 2001; 5 — по Erkanal 1977; 6–8, 10, 12 — по Picchelaury 1997; 9 — по Deshayes 1960; 11 — по Махмудов 2008; 13 — по Котович В. М., Котович В. Г. 1973)

Fig. 3. Tepe Gawra type axes: 1 — Kars; 2 — Tepe Gawra; 3 — Billa; 4 — Kyudurli; 5 — Kyultepe; 6 — Leninakan; 7–8 — Navur; 9 — Luristan; 10 — Vanadzor (Kirovakan); 11 — Alikemektepe; 12 — Grmagele; 13 — Khoredj (1–3 after Müller-Karpe M. 1996; 4 — after Ахундов 2001; 5 — after Erkanal 1977; 6–8, 10, 12 — after Picchelaury 1997; 9 — after Deshayes 1960; 11 — after Махмудов 2008; 13 — after Котович В. М., Котович В. Г. 1973)

стоятельство, учитывая перечисленные выше различия, не дает возможности для их синхронизации и, скорее всего, может быть объяснено общими передневосточными прототипами и эгейских, и кавказских копий.

Итоги сопоставления деталей кавказских копий с эгейскими экземплярами приводят к заключению о большей архаичности триалетских образцов. Эта архаичность объясняется тем, что сравниваемые изделия принадлежали к различным эпохам и этапам в развитии металлообработки. Исходя из последних хронологических схем, в эгейском регионе втульчатые наконечники впервые появились только в конце среднеэлладского периода (XVIII–XVII вв. до н. э.), а экземпляры, сопоставлявшиеся ранее с триалетским копьем, относятся к позднеэлладскому периоду (XVII/XVI–XII вв. до н. э.)⁵. Появлению втульчатых наконечников в Эгейском регионе предшествовало длительное их использование и усовершенствование (более 300 лет) на Переднем Востоке. Именно поэтому технология изготовления и способ фиксации на древке эгейских копий более прогрессивны по сравнению с передневосточными и кавказскими наконечниками, изготовлявшимися значительно раньше первых. Более того, в Греции в позднеэлладский период уже применялся способ изготовления копий с литой слепой втулкой, характерный для мастерских Центральной и Юго-Восточной Европы с начала ПБВ.

На Южном Кавказе наконечники с литой слепой втулкой также широко распространяются в памятниках ПБВ. Изобретение способа отливки втульчатых копий в составной литейной форме с сердечником принадлежит, вероятно, передневосточным металлургам. Здесь, в Библе и в Каруме Каниша, в слоях начала II тыс. до н. э. обнаружены наконечники с литой слепой втулкой (Schaeffer 1962: fig. 28, J; Özgüç 1959: 58, fig. 66), а в мастерской № 7 слоя II Карума Каниша найдена каменная литейная форма для отливки подобных копий (Müller-Karpe A. 1994a: 150, 212, Taf. 50, 1–2). Вероятно, с продукцией мастерских Каниша связано первое появление наконечников с литой втулкой в элитных погребениях ТК — Ванадзор, Аликемектепе (Devedjian 2006: fig. 139, 4; Махмудов и др. 2003: 152, рис. 3, б) (рис. 2, 7; 5, А–Б). Копья с литой втулкой из Библа и Карума Каниша сближаются с литым наконечником из Аликемектепе по нехарактерному для остальных копий ТК поперечному сечению клинка — уплощенно-трапецевидному (рис. 2, II, 13).

Итак, эгейские и триалетские погребения с наконечниками копий принадлежат к различным этапам развития бронзового века, «стержнем» которого являлся прогресс металлообработки (Бочкарёв 1995: 29). Поэтому привлечение эгейских аналогий для датирования триалетского копья в свете новейших данных представляется методической ошибкой. Подобная оплошность, объяснимая недостатком опубликованных к тому времени материалов из Триалети, была допущена К. Шеффером, отнесшим на основании параллелей из эгейских памятников микенского времени комплексы из Триалети к ПБВ (Schaeffer 1943: 183). Правда, позднее Б. Брентъес, обративший внимание на более архаичный характер триалетских материалов по сравнению с микенскими, привлек параллели триалетским находкам из памятников Переднего Востока конца III тыс. до н. э. Однако и он констатировал сходство триалетского копья с копьями из Просимны, что послужило поводом отделить комплекс кург. XV от остальных памятников Триалети и отнести его также к ПБВ (Brentjes 1962: 23).

Благодаря исследованиям отечественных археологов (Мартиросян 1964; Джапаридзе 1969; Гогодзе 1972; Кушнарёва 1993а; Есаян 1976; Пицхелаури 1972; и др.) сегодня хорошо обоснована периодизация памятников эпохи бронзы Южного Кавказа — в этом контексте комплекс кург. XV принадлежит ко второму этапу триалетской культуры СБВ.

Каким же конкретным центрам обязаны своим происхождением кавказские втульчатые копья триалетского типа? Напомним, что кавказские наконечники отличаются однородностью технологии изготовления, способа крепления, пропорций, формы пера и поперечного сечения центрального ребра. Эта однородность, скорее всего, связана с заимствованием прототипов из единого производственного центра на Древнем Востоке, а также с кратковременностью существования «цветущей поры» самих триалетских памятников на Южном Кавказе. Вслед за Эгейским регионом можно также исключить из рассмотрения Иран, поскольку изготавливаемые здесь копья по форме пера отличаются от кавказских. Примером служит сравнительно ранний

⁵ Вероятно, в Грецию втульчатые копья попали с Крита, а на Крит — с Переднего Востока (Avila 1983: 81).

экземпляр наконечника из Тепе Гияна — период IV, погр. 110 (Contenau, Ghirshman 1935: pl. 31, tombe 110, 5).

Можно назвать три известных центра производства Переднего Востока, продукция которых сопоставима с изделиями кавказских мастеров: сирийский (Рас-Шамра, Библ), малоазийский (Карум Каниша) и тесно связанный с последним северомесопотамский (Ашшур). По пропорциям, форме пера и поперечному сечению центрального ребра наибольшую близость с триалетскими наконечниками демонстрируют экземпляры из Рас-Шамры и Библа (СБВ I — 2100–1900 гг. до н. э.; Schaeffer 1962), Карума Каниша (слой II — 2100–1780 гг. до н. э.; Erkanal 1977), Ашшура (староассирийский период — 2100–1750 гг. до н. э. — рис. 2, 3; Müller-Karpe M. 1996). Копье из Аликемектепе с подовальным сечением центрального ребра находит типологические параллели в экземплярах из Библа, Рас-Шамры и из слоя Ib Карума Каниша — рис. 2, 1, 12, 13 (Schaeffer 1962: 234, fig. 28, E; Erkanal 1977: 43, Taf. 15, 11). По способу фиксации наконечника на штифте кавказские экземпляры близки к северомесопотамским (Телль Асмар, Телль Сулейма) (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 31, 7; 32, 4, 6), а также к сирийским (Рас-Шамра, Библ) (Schaeffer 1962: 224, fig. 26; Maigret 1976: Abb. 25, 3). Наконечники копий из Месопотамии (Телль Махуз, Телль Сулейма) украшены каннелюрами, сходными с триалетскими (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 30, 8; 31, 1).

Попробуем уточнить хронологические рамки периода, когда прототипы кавказских втульчатых копий могли бытовать на Переднем Востоке. Верхняя граница этого этапа совпадает с концом поры ассирийских торговых колоний в Центральной Анатолии (XVIII в. до н. э.), поскольку в хеттскую эпоху здесь распространяются иные, более совершенные типы наконечников. Нижняя граница существования прототипов триалетских копий на Переднем Востоке совпадает с началом периода ассирийских торговых колоний в Центральной Анатолии, началом СБВ в Сирии и периодом правления династий Исина и Ларсы в Месопотамии (XXI–XX вв. до н. э.). Более древние наконечники со свернутой втулкой на Древнем Востоке (конец III тыс. до н. э.) из Ура (Woolley 1934: tabl. 227, 7), Тепе Гияна (Contenau, Ghirshman 1935: tabl. 31, tombe 110, 5), Рас-Шамры (Schaeffer 1962: 458, Abb. 48, A–B) и Мегиддо (Guy, Engberg 1938: Abb. 170, 1) отличаются от триалетских пропорциями и формой пера.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет установить, что близкие к триалетским копья — вероятные их прототипы — производились в южных мастерских на рубеже III–II тыс. и в начале II тыс. до н. э. Возможно также, что прототипы триалетских наконечников были завезены на Южный Кавказ из ближайших центров, входивших в сеть ассирийской международной торговли, — Ашшур, Карум Каниша и др. Вероятнее всего, это совпадает с периодом расцвета и активизации упомянутой торговли в начале II тыс. до н. э. Исходя из приведенных нами материалов и доводов, триалетский кург. XV и другие однокультурные памятники с находками втульчатых копий мы предлагаем датировать тем же временем.

Итак, нами была пересмотрена прежняя дата (середина II тыс. до н. э.) втульчатого копья из Триалети. К этому времени в соседних районах Переднего Востока, откуда кавказские наконечники берут свое начало, уже более шести столетий изготавливали копья со свернутой втулкой. При этом следует учесть, что новации в сфере вооружения, распространявшиеся из стран Переднего Востока, достигали Кавказ достаточно быстро (Кушнарёва, Рысин 2000). Со второй четверти II тыс. до н. э. на Переднем Востоке, в Эгейском мире и в Юго-Восточной Европе уже использовались копья с литой слепой втулкой, которые повсеместно находят в памятниках ПБВ. Напомним, что первые экземпляры такого оружия появились на Переднем Востоке уже в начале II тыс. до н. э. При этом наиболее поздний облик среди кавказских копий триалетской серии демонстрируют наконечники из Ванадзора, Лори Берда и Аликемектепе, ближайшая типологическая параллель которым представлена в слое Ib Карума Каниша — XVIII в. до н. э.

Проушные топоры-секиры (рис. 3). Боевые топоры раннего этапа СБВ (марткопские и бенденские курганы) имеют узкий клин с коротким лезвием. Они служили для нанесения колющих ударов. Топоры позднего этапа СБВ (памятники ТК) обладают широким прочным клином с серповидным (расширенным) лезвием. Они предназначались для рассекающих ударов, т. е. являлись боевыми секирами. Для всех секир характерна овальная форма проушного отверстия, выступ на спинке перед передней стенкой втулки и ребра жесткости на клине (тип Тепе Гавра). Их прототипами были северомесопотамские экземпляры XXIII–XX вв. до н. э. (Тепе Гавра,

слой VI; Телль Билла — рис. 3, 2–3; Müller-Karpe M. 1996: Abb. 13, 12–13). Две такие секиры найдены в элитных погребениях ТК — ванадзорском (кировкаканском) кургане и погр. 80 на пос. Аликемектепе (рис. 3, 10–11; Devedjian 2006: fig. 140, 3; Махмудов и др. 2003: рис. 3, 12). Несколько топоров-секир были случайно обнаружены на Кавказе в ареале ТК. Недавно в районе Мцхеты у сел. Натахтари (Грузия) найден еще один топор этого типа (Николаишвили и др. 2010: 230). Местонахождения секир на Кавказе свидетельствуют о направлении древних торговых путей, которые связывали между собой отдельные части этой обширной области — Армянское нагорье (Кюльтепе, Карс, Ленинанкан, Навур, Шамшадин, Ванадзор — рис. 3, 1, 5, 6–8, 10; Кушнарёва, Рысин 2003: 121, рис. 5), Центральное Закавказье (Грма-геле, Бодорна, Натахтари, Кюдурли — рис. 3, 4, 12; там же: 123; рис. 5), Муганскую равнину (Аликемектепе — рис. 3, 11) и регион, включающий страны Переднего Востока, — Северная Месопотамия, Иран (Гавра, Билла, Луристан — рис. 3, 2, 3, 9; там же). Один экземпляр секиры попал через перевалы Большого Кавказа в Приморский Дагестан (Хоредж — рис. 3, 13; Котович В. М., Котович В. Г. 1973: 81, рис. 2, 3).

Типологическая близость кавказских и северомесопотамских секир со слабо изогнутым лезвием позволяет датировать первые также последней третью III тыс. до н. э. Мы считаем, что верхнюю границу их бытования (XIX–XVIII вв. до н. э.) весьма определил Д. Л. Коридзе, предложивший эту дату для секир из Грма-геле и Бодорна (Коридзе 1968: табл. 6). Верхний хронологический диапазон орудий с асимметрично расширенным клином типа Тепе Гавра также укладывается на Древнем Востоке в староассирийский период (XIX–XVIII вв. до н. э.; Muller-Karpe M. 1996: 272, 274, Abb. 13).

Топор из погр. 80 Аликемектепе (рис. 3, 11) типологически ближе к орудью из Навура (скошенный, сильно расширенный край лезвия, прямые стенки проушины). Секира же из «царского» кургана в Ванадзоре (рис. 3, 10) по ряду типобразующих признаков (овальная форма проушного отверстия, широкий клин со сложным шестигранным поперечным сечением, резкий выступ спинки перед передней стенкой втулки, опущенный вниз край задней стенки втулки, расширенное серповидное лезвие) сближается с экземпляром из Хореджа. Кироваканская секира отличается от последних только *симметричным* расширением клина, формой напоминающего полулунное лезвие секиры ПБВ (центральнозакавказский тип). Однако последние были симметричны в профиль (с симметричным клином и обухом) и лишены характерного *выступа* клина, как у орудий типа Тепе Гавра. Скорее всего, кироваканская секира несколько моложе остальных топоров с асимметрично расширенным клином.

Во время расцвета ассирийских торговых колоний топоры типа Тепе Гавра распространились через Северную Месопотамию до Центральной Анатолии (Карум Каниша, Алишар — рис. 3, 5; Erkanal 1977: 19). Один экземпляр был найден в Иране (рис. 3, 9; Deshayes 1960: pl. LXVI, 9), а другой, несколько иной формы и с архаичной круглой проушиной, обнаружен в кург. 2/98 у сел. Минберек (Кюдурли) на Сарыджинской равнине в Азербайджане (рис. 3, 4; Ахундов 2001: 115, 123). Вероятно, активизацией различных контактов на путях ассирийской торговли, в которые был вовлечен Южный Кавказ, и объясняется проникновение топоров типа Тепе Гавра из Северной Месопотамии в этот регион.

В «царском» кургане в Карашамбе была обнаружена серебряная секира другого типа (Оганесян 1990) — так называемый якоревидный топор (рис. 4, 9). Второй (бронзовый) экземпляр выявлен в беденском кургане 12 (рис. 4, 2; Picchelauri 1997: Taf. 10, 102a). Еще одна якоревидная секира — также вместе с инвентарем беденского облика — представлена в Кюдурлинском кургане 14 (рис. 4, 3; Ахундов 2001: 123, рис. XXXV, 3). Наконец, случайная находка четвертой миниатюрной секиры сделана в Иджеване, Армения (рис. 4, 10; Мартиросян 1964: 72; рис. 36).

На Древнем Востоке якоревидные секиры обнаружены в Южной Месопотамии (Ур), Луристане (рис. 4, 4), Сирии (Библ; рис. 4, 6, 8), Ливане и Египте (рис. 4, 5, 7). Эти топоры изучены Ю. Таббом (Tubb 1982: 1–12, fig. 1, 1–4), установившим, что единственный надежно датированный экземпляр (XXIII–XXII вв. до н. э.) происходит из погребения среднего или позднего аккадского периода в Уре (рис. 4, 1; Nissen 1966: 174). Остальные не имеют прочных хронологических привязок. По мнению Ю. Табба, типологическая близость изделий позволяет считать их синхронными так называемым окошечным топорам (Tubb 1982: 4). Типологическое родство всех

древневосточных образцов, архаичный способ насада (круглое проушное отверстие) позволяют отнести их изготовление к последней трети III — первой четверти II тыс. до н. э., причем распространение таких секир в Сирии и Египте относится, скорее всего, к периоду Среднего царства, когда активизировались связи Египта с Левантом.

Рубяще-колющие мечи. Первые мечи на Южном Кавказе появились в памятниках «цветущей поры» ТК (Дилича, кург. 1; Садуга, кург. 2). Эти изделия имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики и удлиненно-подтреугольный клинок с острым концом; сечение клинка подромбическое; на черенке пробиты отверстия для заклепок, прикрепляющих деревянную рукоятку. Длина меча из Садуги равна 50 см (Дедабришвили, Русишвили 1984: табл. XXIX, 4), из Дилича — 47,5 см (Махарадзе 1986: 132, рис. 1).

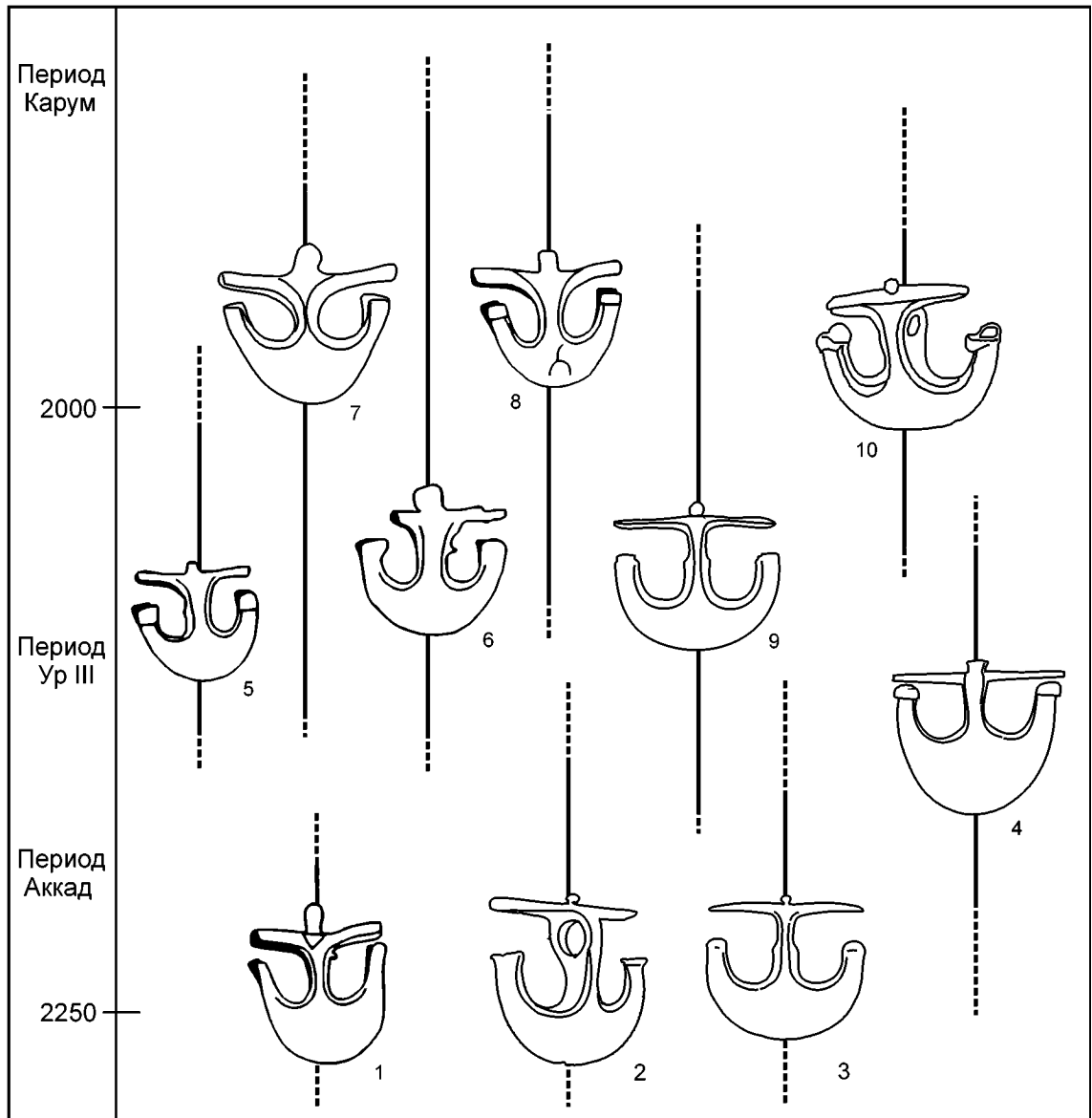

Рис. 4. Якоревидные топоры-секиры: 1 — Ур; 2 — Бедени; 3 — Кюдурли; 4 — Луристан; 5 — Абидос; 6 — Библ; 7 — Хелуан; 8 — Сирия; 9 — Карашамб; 10 — Иджеван (1, 5–8 — по Tubb 1982; 2, 10 — по Picchelauri 1997; 3 — по Ахундов 2001; 4 — по Calmeyer 1969; 9 — по Оганесян 1988)

Fig. 4. Anchor-shaped axes: 1 — Ur; 2 — Bedeni; 3 — Kyudurli; 4 — Luristan; 5 — Abidos; 6 — Byblos; 7 — Heluan; 8 — Syria; 9 — Karashamb; 10 — Idzhevan (1, 5–8 — after Tubb 1982; 2, 10 — after Picchelauri 1997; 3 — after Ахундов 2001; 4 — after Calmeyer 1969; 9 — after Оганесян 1988)

Рубяще-колющие мечи с острым концом клинка впервые появляются во второй половине III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе)⁶ (Sandars 1961: pl. 12, 4–6; Özgüç, Akok 1958: 58, pl. XVIII) и в Сирии (Библ; Sandars 1961: pl. 16, 6). Рубежом III–II тыс. до н. э. датируются рубяще-колющие мечи из Сакчагезу и Карума Каниша (Müller-Karpe A. 1994b: Abb. 1; Özgüç 1959: fig. 56). По наличию черенка, форме и пропорциям клинка, а также по расположению заклепочных отверстий кавказские мечи ближе всего к центральноанатолийскому оружию рубежа III–II тыс. до н. э.⁷

Колющие мечи-«рапиры», как и короткие мечи, найдены в элитных погребениях ТК (СБВ), а также в погребениях ПБВ (Талыш, Дагестан; Кушнарёва, Рысин 2003: 123). Бронзовые «рапиры» имели узкий прямоугольный черенок, на конце которого у отдельных экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки; прямые слегка (или сильно) опущенные плечики; узкий постепенно суживающийся к острому концу клинок с заостренными лезвиями; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро с закругленными краями (Кушнарёва 1993a: рис. 41, 1; 44, 1–4; Кушнарёва, Рысин 2003: рис. 4, 9–10; Picchelaury 1997: Taf. 36; Bürger 1994: Taf. V–VI). Длина «рапир» обычно составляет около 90–100 см.

Существуют различные мнения относительно происхождения кавказских «рапир». Часть исследователей объясняет их появление заимствованием оружия из Эгейского региона, где «рапиры» известны с конца среднеэлладского периода. Однако все больше специалистов склоняются к суждению о независимом от эгейского ареала происхождении триалетских «рапир» (Гогодзе 1976; Джапаридзе 1994; Ломтатидзе 1974; Чубинишвили 1955; Bürger 1994). Это подтверждается более архаичным обликом кавказских экземпляров. Единственная заклепка на конце черенка (Кушнарёва, Рысин 2001) не могла обеспечить надежного соединения рукояток кавказских «рапир», а наиболее древняя эгейская «рапира» из Маллии на Крите периода среднеминойский-II (1800–1700 гг. до н. э.) уже имела глубоко заходящую на клинок рукоятку с расположением заклепок на черенке и на плечиках (Кушнарёва, Рысин 2003: рис. 4, 11; Sandars 1961: pl. XVII, 1). Такая прогрессивная новаторская конструкция обеспечивала более надежное соединение рукоятки меча и его клинка. Однако трудно согласиться с предположением, что подобное высокоспециализированное оружие могло быть спонтанно изобретено кавказскими мастерами путем простого удлинения мечей (Гогодзе 1976). По форме черенка и плечиков, а также по способу крепления рукоятки кавказские «рапиры» действительно близки местным вариантам мечей из Садуги и Дилича. Однако такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует (Кушнарёва, Рысин 2003: рис. 4, 6–8). Зато выступающее центральное ребро зафиксировано у оружия второй половины III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе; Stronach 1957: 99, fig. 3, 4; Özgüç, Akok 1958: 58, pl. XVIII, 15), Палестине (Газа, Гидеон; Pritchard 1962: 16, lower row, left), Сирии (Библ; Sandars 1961: pl. 16, 6) и Киликии (Соли; Ibid.: pl. 16, 4). Именно анатолийские и сирийские мечи могли послужить прототипами «рапир» Южного Кавказа. По мнению А. Сандарс, первые эгейские «рапиры», появившиеся на Крите, также восходят к ближневосточным прототипам (Ibid.: 25), что подтверждается наличием у «рапир» выступающего черенка, поскольку для Эгейского региона, в отличие от передневосточного, были характерны *бесчереновые* формы мечей и кинжалов.

Мы не можем согласиться с предположением о независимом изобретении «рапир» на Южном Кавказе еще и по другой причине. Боевое применение колющего меча требовало от ратника длительной регулярной подготовки. Следовательно, «рапира» была оружием профессионального воина, и ее появление на Кавказе стало возможным только после формирования здесь дружины (профессиональное войско), вероятно, завершившегося в период «цветущей поры» ТК (Кушнарёва, Рысин 1998: 36; 2000: 84–87). Сами приемы фехтования при помощи «рапир» не могли быть изобретены на Кавказе, где ранее не существовало традиции использования рубящих и колющих мечей. Зато уже со второй половины III тыс. до н. э. эта традиция сложилась к югу и

⁶ Первые короткие рубящие мечи с *округлым* концом клинка обнаружены в Анатолии в составе клада в слое VI A в Арслантепе (Palmieri 1981: 101, fig 3, 1).

⁷ Дополнительная деталь, сближающая оружие из Карума Каниша и Триалети, — параллельные желобки-каннелюры, сходящиеся вместе к середине длины клинка, имеющиеся на клинках «парадных» экземпляров кинжалов и наконечниках копий.

западу от Кавказа — в Сирии, Центральной Анатолии и на Армянском нагорье. Очевидно, именно из Переднего Востока навыки фехтования вместе с прототипами самих мечей могли распространиться как на Южный Кавказ, так и в Эгейский регион.

Проведенный выше анализ позволяет установить хронологические рамки возможного появления «рапир» на Кавказе. В качестве нижней границы мы принимаем датировку передневосточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром — XXII–XIX вв. до н. э. Верхней границей, на наш взгляд, может служить распространение более прогрессивных «рапир» эгейского типа — это XVIII–XVII вв. до н. э.

В период существования ТК сложился новый, неизвестный ранее *стиль ювелирных изделий*, названный *полихромным*. Он характеризуется совмещением техники зерни, аппликаций, филигрны и закрепления в «гнездах» полудрагоценных камней. Этот стиль применяли исключительно при изготовлении вещей из золота, серию которых открывает знаменитый кубок из триалетского кург. XVII (Куфтин 1941: табл. ХСIII).

В связи с рассмотрением золотых изделий, украшенных полудрагоценными камнями, зернью и филигранью, возникает ряд вопросов: можно ли считать полихромный стиль южнокавказским изобретением; в каком ареале представлены подобные украшения; когда они впервые появились? Прямых аналогов ювелирным изделиям «цветущей поры» ТК за пределами Южного Кавказа обнаружить пока не удалось, что затрудняет проблему датировки памятников этого времени. Уже Б. А. Куфтин, проницательно заметив переднеазиатские истоки ремесленного исполнения открытых им шедевров, привел две группы аналогий для триалетских ювелирных изделий: с одной стороны, украшения второй половины III тыс. до н. э. из Месопотамии и Малой Азии, с другой — находки из Греции и Крита микенской эпохи середины II тыс. до н. э. Так, в качестве аналогии агатовому кулону из триалетского кург. VIII он привел ожерелье жрицы Аббашти из храма в Уруке (Куфтин 1941: 94). Это ожерелье, ошибочно отнесенное Б. А. Куфтиным к началу III тыс. до н. э., сегодня надежно датируется периодом III династии Ура — XXI в. до н. э. Важно подчеркнуть стремление мастера придать триалетскому кулону лунарную форму, что было достигнуто после поломки камня с помощью золотой оправы. Необходимо отметить, что кулоны «V»-образной или лунарной формы появляются в Шумере в аккадский период, но становятся особенно популярными в период III династии Ура (Maxwell-Hyslop 1971: 26, 65, pl. 19a). Однако при внимательном рассмотрении заметны различия триалетского кулона и ожерелья из Урука: на урукском украшении отсутствует зернь (есть только филигрань), а вместо цветных камней, представленных в Триалети, использована цветная паста в гнездах из проволоки. Поэтому нельзя считать кулон из Триалети простой копией шумерских украшений.

Вторая группа аналогий, рассматриваемая Б. А. Куфтиным, связана с Эгейским регионом. В качестве единственной аналогии украшениям из Триалети Б. А. Куфтин привел полую золотую бусину из купольной гробницы в Вафио (Tsautas 1889: 151, pl. VII, 7), датированной периодом позднеминойский-II (XV–XIV вв. до н. э.). По мнению Б. А. Куфтина, бусина из Вафио представляет собой образец той же полихромной техники ювелирного искусства, что и бусы, а также головки булавок из Триалети (Куфтин 1941: рис. 96). На наш взгляд, подобная параллель требует оговорок: во-первых, полихромная техника, впервые зафиксированная на Южном Кавказе и на Переднем Востоке в конце III тыс. до н. э., позднее неоднократно использовалась мастерами-ювелирами; во-вторых, есть определенные отличия эгейской ювелирной техники от триалетской. Эгейские бусины, имеющие в центре золотую трубочку, украшены не камнями, а стеклянной пастой, закрепленной в лунках или в гнездах из проволоки. Перечисленные отличия, особенно использование пасты, имитирующей лазурит и бирюзу, указывают, по нашему мнению, на Передний Восток как на вероятный источник заимствования технологии изготовления эгейских бус. Таким образом, эгейские украшения и артефакты ТК объединяют только общие передневосточные корни техники и стиля ювелирного искусства. Пути же, приведшие к появлению этих украшений на Южном Кавказе и в Греции, как и время их бытования, были различны (см. ниже). В результате приведенных им аналогий Б. А. Куфтин датировал курганы «цветущей поры» ТК серединой II тыс. до н. э. (Там же: 99).

Сопоставив на основе ряда обобщающих монографий (Higgins 1961; 1980; Maxwell-Hyslop 1971) ювелирное производство ТК с украшениями из соседних регионов Древнего Востока, мы установили, что полихромная техника является оригинальным изобретением, впервые примененным

ювелирами на Южном Кавказе и в Леванте (Библ). Отдельные технические приемы кавказских ювелиров были изобретены шумерскими мастерами в III тыс. до н. э., однако в Месопотамии эти приемы не применялись в подобном сочетании. Так, в Шумере зернь использовалась очень редко и отдельно от филиграни, которая применялась чаще. Вставки из камней в Шумере также использовались редко и не обрамлялись зернью. Шумерские ювелиры предпочитали употреблять цветную пасту (имитирующую лазурит или бирюзу), закрепленную в углублениях-лунках или в «гнездах» из золотой проволоки; драгоценные же камни либо фиксировали с помощью клейкой смолы (техника инкрустации), либо сверлили и насаживали на золотую проволоку. Часто шумерские мастера помещали каменные бусины в оправу из листового золота; головки булавок украшали, привязывая к ним просверленную каменную бусину или каменную цилиндрическую печать.

В Трое техника украшения золотых изделий *зернью* и *филигранью* была впервые использована мастерами при изготовлении вещей из знаменитых кладов второго города, синхронных III раннединастическому (далее — РД) и аккадскому периоду в Месопотамии (Трейстер 1996). Связи месопотамских ювелиров с мастерами из Трои подтверждаются находкой близких украшений на промежуточной территории в Эскияпаре в Центральной Анатолии (Özgüç, Temizer 1993: 615, 621, 627, fig. 1–8, 45–46). Позднее такой прием зафиксирован в Библе на рубеже III–II тыс. до н. э. Ювелиры в Трое не использовали полудрагоценные камни (полихромный стиль).

Самые древние изделия, сочетающие *зернь*, *филигрань* и *гнезда с камнями*, найдены вне Кавказа на памятниках *не ранее рубежа III–II тыс. до н. э.* в Сирии, Центральной Анатолии, на Армянском нагорье и в Северной Месопотамии. Речь идет о золотом сосуде, дисковидном медальоне и обкладке рукояток парадных секир из кладов в Библе (Maxwell-Hyslop 1971: 102, 104, pl. 69, fig. 75), а также о серьгах из слоя II Карума Каниша (Özgüç 1986: 119, fig. 26). К первым векам II тыс. до н. э. относятся выполненные в такой же технике серьги из погребения слоя D в Геой-тепе (Grawford 1975: pl. VII), серьги из Ура периода правления Гугунума в Ларсе (Maxwell-Hyslop 1971: 83, pl. 57), серьги из Суз (Ibid.: 84, pl. 58–59), серьги из погр. 20 и ожерелье из погр. 45 в Ашшуре (Ibid.: 70, fig. 46). Причем только на серьгах в Геой-тепе D, на золотом сосуде и на обкладке рукоятки топора в Библе, так же как и в Триалети, сочетались зернь, филигрань и вставки из камней, а в остальных случаях ювелирами употреблены только камни, обрамленные шариками зерни, но нет филиграни.

Нам представляется, что опыт шумерских (и ассирийских) ювелиров был творчески переработан кавказскими мастерами, в результате чего появился оригинальный полихромный стиль, одним из центров распространения которого стал Южный Кавказ. Только в Библе и на Южном Кавказе — в курганах Триалетского плато, в Карашамбе и в Лори Берде — найдены комплексы с наборами престижных изделий, исполненных в полихромном стиле, тогда как за пределами Кавказа (исключая Библ) встречаются лишь единичные предметы подобного рода, причем часто уже после длительного их употребления, со следами ремонта и с выпавшими камнями (Геой-тепе). Обнаружение изделий, выполненных в полихромном стиле, в Библе, Каруме Каниша и Ашшуре предполагает их производство ювелирами именно этих торгово-ремесленных центров. Редкость же находок полихромных украшений вне пределов Кавказа может быть связана с отсутствием здесь элитных погребений, сопоставимых с триалетскими. Наличие вещей, украшенных в полихромном стиле, за пределами Кавказа дает нам возможность уточнить датировку памятников ТК: все эти изделия относятся к XXI–XIX вв. до н. э., что позволяет распространить указанную дату на памятники Южного Кавказа, содержащие подобные украшения.

Что касается *эгейских* изделий, сочетающих зернь и «гнезда», заполненные цветной пастой, то их происхождение, судя по стилю и технике изготовления, связано с Сирией и Палестиной. Прототипами украшений полихромного стиля из Эгеиды могла послужить продукция ювелирных мастерских восточного побережья Средиземного моря, в частности перстень и серьги из погребений в Телль Аджуль в Палестине, датируемые 1750–1500 гг. до н. э. (Maxwell-Hyslop 1971: 116, 119, fig. 79, 82; pl. 82–83). Сопоставимое с данными находками наиболее древнее полихромное украшение Эгейского бассейна — подвеска из Маллии на Крите — датируется среднеминойским периодом, т. е. 1700–1550 гг. до н. э. (Higgins 1980: 45, il. 39). Перстни со вставками из Греции и Крита относятся к 1500–1300 гг. до н. э. (Ibid.: 70, pl. 11, C).

Несколько сферических золотых бусин со вставками из голубой пасты в окружении шариков зерни обнаружены в гробницах на Крите и в Пеллопонессе: Вафио (Tzauntas 1889: 151, pl. VII, 7),

Тебии (Amandry 1953: 24, pl. VIII, 28), Просимне (Blegen 1937: fig. 541, 11) и др. Бусины со вставками датируются периодами позднеэлладский I–III (1650/1600–1200 гг. до н. э.). Эгейские бусины отличаются от триалетских, но близки сиро-палестинским украшениям (применение цветной пасты в углублениях, отсутствие филигрانی), что позволяет связывать появление эгейских артефактов с эгейско-ближневосточными контактами. Для минойско-микенского ювелирного искусства характерны изделия иного типа — так называемые рельефные бусы, штампованные из листового золота. С обратной стороны бусины припаяна «подкладка» из золотого листа, а полость заполнена магнетитовым песком. Эти украшения имели одно или два-три отверстия для нанизывания. На лучших образцах встречаются напаянные шарики зерни и очень редко впадины заполняет голубая эмаль (Higgins 1980: 75, pl. 10). Полихромные же украшения не характерны для Эгеиды и были найдены только в погребениях знати, где представлены лишь одна-две бусины. Скорее всего они представляют здесь ближневосточный импорт (дары, военная добыча) или подражания.

Изучение оружия и ювелирных изделий приводит нас к важному культурно-историческому выводу: население Южного Кавказа в СБВ не имело тесных контактов с *Эгейским регионом*. Главными и определяющими направлениями контактов и связей в этот период были анатолийское (Армянское нагорье, Каппадокия), иранское и северомесопотамское направления, т. е. области, включенные в сеть ашшурской международной торговой организации. Изучение документов из ее архивов показывает, что агенты-торговцы постоянно искали пути расширения торговли и осваивали новые источники сырья. Капитал всегда стремится покинуть регион, где велико влияние бюрократии на экономику. Вывода торгово-обменные операции на территории, не контролируемые древневосточными правителями, торговцы увеличивали прибыль, хотя в таких районах риск также возрастал (Янковская 1985; 1988). Южный Кавказ в этот период удовлетворял всем требованиям ашшурских торговых агентов: здесь не сформировались государства с развитой бюрократией, имелись запасы различного сырья, а население могло стать потенциальным потребителем продукции передневосточных мастерских, например шерстяных, хлопковых и льняных тканей, статусного оружия и ювелирных изделий.

Попытка уточнения датировки погребения с серебряным кубком из Карашамбского кург. 1 была предпринята М. Боемером и Г. Коссаком (Boehmer, Kossack 2000). Единственным датирующим артефактом из этого погребения является серебряный якоревидный топор. Авторы относят производство подобных изделий к аккадскому периоду. Выше мы уже рассматривали датирующие возможности этого вида оружия. М. Боемер и Г. Коссак не учли, что оно обнаружено на Южном Кавказе в инвентаре погребений *предшествующей* ТК *беденской* курганной культуры (Бедени, кург. 12; Кюдурли, кург. 14; Шатберашвили 1998: 125; Picchelauri 1997: Taf. 10, 102a; Ахундов 2001: 123; рис. XXXV, 3). Упомянутые находки действительно можно синхронизировать с вышеназванным экземпляром из погребения в Уре, которое относится к XXIII–XXII вв. до н. э. Таким образом, в Закавказье подобные топоры, впервые появляющиеся в беденских памятниках в аккадское время, бытовали и позднее, в памятниках ТК в конце III–начале II тыс. до н. э.

Рассмотрим аргументы М. Боемера и Г. Коссака о датирующих возможностях серебряного кубка из Карашамба (Оганесян 1988; 1990). Авторы детально исследуют изображения на этом сосуде и пытаются определить время и ареал их существования на Древнем Востоке. Выясняется, что представленные на карашамбских фризах сюжеты распространены в широком ареале от Каппадокии на западе до Месопотамии и Ирана на востоке. Большинство их восходят к урукскому периоду (IV тыс. до н. э.), и все они бытовали на Древнем Востоке до начала II тыс. до н. э. Однако некоторые детали изображений позволяют уточнить возможное время изготовления рассматриваемого кубка. Перечислим подобные мотивы. Сидящие на корточках человеческие фигуры распространены в Иране с аккадского времени вплоть до начала II тыс. до н. э. (встречаются они и позднее — в хурритском искусстве). Лира с изогнутым грифом известна начиная с позднеаккадского периода и затем встречается в начале II тыс. до н. э., а также в хеттское время в Малой Азии (Boehmer, Kossack 2000: 29, fig. 17, 6, 8). Изображения столиков на ножках в виде бычьих копыт известны только в начале II тыс. до н. э. в Сирии (Эбла; Ibid.: 29, fig. 19, b) и в Каппадокии (Карум Каниша; Ibid.: 29, fig. 19, c). Подставка под сосуд в форме песочных часов напоминает алтарь с чашей-курильницей позднеаккадского периода. Изображения львиноголового орла — Анзу — происходят из Месопотамии РД периода. По мнению авторов, традиция

изображать голову Анзу анфас характерна только для РД времени, позднее же ее начали изображать в профиль (Ibid.: 32). У пирующего «князя» голова обрита, а на затылке показана косичка, свисающая на шею. Бритоголовые персонажи с косой известны в искусстве аккадского периода, причем на одном рельефе этого времени изображен не аккадец, а пленный чужеземец, по-видимому анатолиец (Ibid.: 29; fig. 18). Кинжал с «серповидным» навершием авторы сравнивают с оружием раннединастического и аккадского периодов из Месопотамии (Ibid.: 32). На наш взгляд, карашамбские кинжалы ближе по форме к образцам начала II тыс. до н. э., найденным, например, в слое II Карума Каниша (Özgüç 1986). Свободное размещение пар борющихся животных характерно для глиптики среднеаккадского периода. Однако здесь есть и различия: на Древнем Востоке изображались сцены терзания хищниками травоядных животных, а на карашамбском кубке — схватки львов и леопардов — мотив единоборства двух львов встречается на печатях II тыс. до н. э. (Voehmer, Kossak 2000: 32).

Обобщая свои наблюдения, авторы датируют кубок из Карашамба от РД периода до начала II тыс. до н. э., «с сильным перевесом в пользу раннединастического и аккадского периодов» (Ibid.: 32). Мы не можем принять такой вывод, поскольку ему противоречит *появление* некоторых сюжетов карашамбских фриз, например столика на «бычьих» ножках и лиры с изогнутым грифом, начиная лишь с первой четверти II тыс. до н. э. Наибольшую стилистическую близость с изображениями на триалетских кубке и ведрке, а также на карашамбском кубке демонстрирует глиптика начала II тыс. до н. э. из Карума Каниша и Библа, в частности фигуры животных (Rubinson 2003; Кононенко 2000). Глиптика же аккадского периода имеет совершенно иной стиль. Недавно к подобному выводу пришла и К. Рубинсон, изменив свой прежний взгляд на датировку комплексов из курганов Триалети (Rubinson 1998: 126). В постройках Боемера и Коссака важно, на наш взгляд, определение регионов, тесно связанных с Закавказьем, откуда южнокавказские мастера могли заимствовать сюжеты для своих произведений. Такими регионами являлись Каппадокия, Сирия, Месопотамия и Иран, что хорошо согласуется с нашими выводами о связях Южного Кавказа на триалетском этапе.

Новые материалы и публикации по хронологии ТК

За десятилетие, прошедшее после публикаций, посвященных уточнению хронологической позиции памятников ТК (Кушнарёва, Рысин 2001; 2003; 2004), вышло в свет несколько работ, в которых исследуется данная проблематика, и введены в научный оборот новые, чрезвычайно яркие и интересные комплексы ТК. Ниже представлен краткий разбор доступных нам работ, в которых рассмотрены вопросы хронологии и периодизации памятников финала СБВ Южного Кавказа.

Проблеме связей населения Южного Кавказа с цивилизациями Древнего Востока и датирующему значению некоторых артефактов ТК посвящены тезисы двух докладов Д. Нариманишвили на международной научной конференции, состоявшейся в 2009 г. в Тбилиси. В одном из сообщений анализируются находки египетских амулетов на Кавказе (Нариманишвили Д. 2010а). В частности, автор упоминает агатовый амулет в форме ноги из кург. XIV в Триалети, сопоставляя его с аналогичными египетскими поделками. По мнению Д. Нариманишвили, подобные амулеты-обереги были распространены в Египте в эпоху Древнего Царства и в первый переходный период (2465–2100 гг. до н. э.). В последующие периоды амулеты в форме ноги практически не встречаются (Там же: 221). Исследователь приходит к выводу, согласующемуся с нашими предположениями, что «никаких свидетельств о непосредственных контактах древнего населения Кавказа и Египта не имеется, видимо, египетские поделки попадали на Кавказ при посредничестве сирийских и левантских городов, таких как Эбла, Угарит, Мари и Библ» (Там же: 222). Однако мы, в отличие от Д. Нариманишвили, полагаем, что египетские амулеты достигали территории Южного Кавказа позднее, в период Среднего Царства. Именно тогда в Восточном Средиземноморье усилилось политическое и культурное влияние египетской цивилизации, а Библ стал резиденцией египетского наместника, торгово-ремесленным центром и портом, куда приходили корабли из Египта (Dunand 1939: 117, 193, nos. 1747, 3041, pl. CXLV; 1950: no. 7202, pl. CXC; no. 9606, pl. CXLII).

Наши исследования продемонстрировали, что главный вектор внешних контактов ТК «цветущей поры» направлен в регион, контролируемый международной канишской торговлей, вклю-

чавшей Библи в Леванте. Следовательно, можно предположить, что рассматриваемый амулет мог попасть на Триалетское плато не напрямую из Египта, а из Леванта — в период существования канишской торговой системы и активизации египетско-ближневосточных контактов в начале II тыс. до н. э. Регулярные контакты с Библи были особенно важны для фараонов XIII династии (XVIII в. до н. э.), поскольку в этот период прервались связи Египта с Южным Левантом, а Библи оставался единственным торговым партнером Египта на восточносредиземноморском побережье. В связи с завоевательными походами гиксосов контакты Египта с Библи прекратились после заката XIII династии (Ильин-Гомич, Сафронов 2010: 16).

Второй доклад Д. Нариманишвили посвящен датировке мебели, показанной на триалетских серебряных сосудах. Автор пришел к выводам, аналогичным нашим. «Таким образом, мебель, изображенная на триалетском кубке (кург. V), могла существовать лишь в XXI–XIX вв. до н. э. — в период активизации деятельности ассирийской торговой организации» (Нариманишвили Д. 2010б: 226). Мы также полностью согласны с установленным докладчиком кругом типологических параллелей мебели, представленной на триалетском и карашамбском кубках, и с выявленным им направлением связей носителей ТК: Сирия (Эбла), Каппадокия (Карум Каниша) (Там же: 225–226, рис. 2, 11–13).

Недавно опубликованы материалы состоявшегося в 2006 г. в Берлине международного симпозиума, в котором принимал участие М. Абрамишвили. Его статья посвящена проблемам металлообработки ТК и датировки ее «цветущей поры» (Abramishvili 2010). Автор ссылается в основном на те же работы, что и мы с К. Х. Кушнарёвой. Совпадают и большинство приведенных М. Абрамишвили типологических параллелей артефактам из триалетских погребений. Исследователь повторяет также наш вывод о синхронности «цветущей поры» ТК с активизацией деятельности ассирийской торговой организации. Единственное, чего не удалось найти в статье М. Абрамишвили, — так это ссылок на наши работы, вышедшие несколькими годами ранее, причем одна такая статья была издана в ведущем грузинском археологическом периодическом издании «Dziban» — в номере, посвященном юбилею патриарха грузинской археологии О. М. Джапаридзе (Кушнарёва, Рысин 2001). Трудно предположить, что М. Абрамишвили не был знаком с этой публикацией. Хотя автор частично разделяет предложенную нами датировку триалетских памятников «цветущей поры» ТК, некоторые положения его статьи вызывают принципиальные возражения.

Ранее нами было продемонстрировано (Рысин 1997; 2008), что мастера культур ранних курганов (алазано-беденский этап) копировали в литье по утрачиваемой восковой модели передневосточные ювелирные приемы зерни и филиграни. Только на этапе «цветущей поры» ТК техника зерни и филиграни появляется на Южном Кавказе. М. Абрамишвили «запутывает» ситуацию, пытаясь доказать, что кавказские мастера освоили технику зерни и филиграни уже на самом раннем (марткопском) этапе курганных памятников, ссылаясь на относящееся к этому этапу ожерелье из Ананаури, выполненное в технике литья по утрачиваемой восковой модели (Abramishvili 2010: 169). Исследователь признает, что зернь и филигрань не обнаружена в других марткопских комплексах. И даже позднее в погребениях алазано-беденского этапа встречаются изделия (золотая фигурка льва из Цнори, золотые головки булавок), *имитирующие* зернь и филигрань в литье по восковой модели. Как же это согласуется с утверждением исследователя о том, что зернь на Южном Кавказе освоили даже раньше, чем в Шумере? Согласно его логике, искусные кавказские мастера сначала «изобрели» прием зерни, затем обучили этому приему шумерских ювелиров, а потом до самой «цветущей поры» ТК зернь не использовали, а только копировали ее в литье по восковой модели.

Следующий пассаж М. Абрамишвили посвящен доказательству датирования артефактов из триалетских кургов V, XVII, XXIX и кургана в Карашамбе третьей четвертью III тыс. до н. э. Рассмотрим представленную аргументацию. *Якоревидный топор* был найден в «царском» кургане 1 в Карашамбе. По мнению М. Абрамишвили, кавказские орудия этого типа следует датировать аккадским периодом, опираясь на хорошо датированный экземпляр из могильника Ура среднего или позднего аккадского времени. Однако М. Абрамишвили не учитывает, что на Кавказе, как мы показали выше, якоревидные топоры встречаются уже в беденских памятниках, предшествующих «цветущей поро» ТК (рис. 4, 2–3), к которой относится курган в Карашамбе (Кушнарёва 1993а;

Оганесян 1990). В соответствии с нынешней периодизацией памятников эпохи бронзы Южного Кавказа комплексы курганов «цветущей поры» ТК стратиграфически *следуют за* беденскими памятниками СБВ. Таким образом, карашамбская находка должна датироваться позднее топоров из могильника в Уре и кургана в Кюдурли и относится, как уже сказано выше, к концу III — первой четверти II тыс. до н. э.

Далее М. Абрамишвили, ссылаясь на Р. Максвелл-Хислоп (Maxwell-Hyslop 1971), синхронизирует кинжалы с гравированными клинками из триалетских курганов с оружием из погребения периода III династии Ура, почему-то отнеся этот царствующий дом к двум последним столетиям III тыс. до н. э. Как известно, время существования III династии Ура (Царство Шумера и Аккада) приходится в основном на XXI в. до н. э. (Бикерман 2000: 181). Обращаясь к изображениям на серебряных сосудах, М. Абрамишвили дискутирует с К. Рубинсон (Rubinson 2003), которая вслед за нами (Кушнарёва, Рысин 2001) синхронизирует триалетские находки с периодом активизации ассирийской торговой фактории в Каруме Каниша. По мнению грузинского исследователя, сюжеты, представленные на серебряных сосудах из Триалети и Карашамба, могут быть датированы более ранним периодом. Так, для мотива «сидящая фигура с сосудом в руках» он находит аналогии в древневосточной иконографии РД периода (Abramishvili 2010: 172). Заметим, что сюжет «предстояния» перед сидящей на троне фигурой не годится для уточнения хронологической позиции триалетских артефактов, поскольку он долгий период бытовал на Древнем Востоке. Выше мы анализировали датировку изображений на серебряных сосудах из Карашамба и Триалети с учетом работы М. Боемера и Г. Коссака (Boehmer, Kossack 2000). Ранее было выяснено, что наибольшую стилистическую близость изображениям на триалетских кубке и ведерке, а также на карашамбском кубке демонстрирует глиптика начала II тыс. до н. э. из Карума Каниша и Библа, в частности, изображения животных (Кушнарёва, Рысин 2001; 2004; Rubinson 2003: 128–143). Глиптика же аккадского периода обнаруживает совершенно иной стиль. Также было установлено (Кононенко 2000), что распространение сцен «пира» и «шествия» характерно для глиптики только с конца аккадского периода и во время III династии Ура. Начиная с эпохи правления этой династии в сценах «шествия» перед сидящей фигурой изображаются предстоящие без божественных атрибутов, т. е. смертные, а не боги. Все упомянутые детали характерны для сцен, показанных на кубках из Триалети и Карашамба. Как мы упоминали выше, при датировании сосудов из этих памятников нужно ориентироваться на период существования *самых поздних изобразительных мотивов*, таких как, например, столик на «бычьих» ножках. Следовательно, сюжетные сцены на рассматриваемых кубках можно синхронизировать с началом II тыс. до н. э., когда, вероятно, одновременно бытовали все названные мотивы.

Таким образом, попытка М. Абрамишвили удревнить комплексы «цветущей поры» ТК до начала аккадского периода, по нашему мнению, не удалась, так же как ранее оказались тщетными усилия Г. Л. Кавтарадзе (Кавтарадзе 1983: 131–132) синхронизировать эти же комплексы с царским кладбищем Ура III РД периода.

Следующим типом металлических изделий, рассмотренных в статье М. Абрамишвили, является колющий меч-«рапир». По его мнению, это оружие, найденное на Кавказе и в Эгейском регионе, служит наиболее ярким свидетельством связей обеих областей (Abramishvili 2010: 172). Исследователь повторяет высказанное выше нами суждение о большей архаичности кавказских рапир по сравнению с эгейскими. Затем он делает, на наш взгляд, необоснованное предположение об «изобретении» рапир на Кавказе путем «удлинения» рубящих мечей предшествующего этапа (меч из кург. 2 сел. Садуга). В итоге он повторяет вывод Н. Сандарс (Sanders 1961) о малоазийском или ближневосточном исходном центре как кавказских, так и эгейских рапир. Таким образом, изучив вопрос о распространении рапир, он опровергает свой собственный тезис о *кавказско-эгейских* связях. В действительности он подтвердил связи Южного Кавказа с Анатолией и контакты Леванта с Эгейским миром, но не привел никаких доказательств о непосредственных контактах Южного Кавказа с Критом или Микенской Грецией.

Попутно М. Абрамишвили *повторяет* несколько наблюдений, *ранее сделанных нами*. Во-первых, обнаружение в «воинских погребениях» вместе с рапирами ножей-кинжалов позволяет предположить ведение боя с оружием в обеих руках, подобно технике, применявшейся фехтовальщиками средневековой Европы (Кушнарёва, Рысин 2000: 86). Во-вторых, в триалетское время

известны «элитные» подкурганые погребения с рапирой, кинжалом и украшениями (Самтавро, Лило; там же: 84), а также коллективные захоронения «рядовых» пехотинцев с наконечниками копий и короткими мечами (Нули, Квасатали; Там же: 86). На фризах карашамбского кубка изображена битва, в которой участвуют воины со *стандартным набором* наступательного и защитного вооружения (копье, меч, щит). Из сказанного мы сделали выводы о формировании на Южном Кавказе в триалетское время воинских *дружин* и выделения вооруженных колющими мечами *воинов-профессионалов* (Там же: 84, 86). В опубликованном тексте М. Абрамишвили *повторил* все эти наши наблюдения почти дословно (Abramishvili 2010: 172–173), правда, как и в других случаях, *без ссылок* на ранее вышедшие наши статьи.

Далее исследователь рассматривает находки из кург. XV (третья фаза ТК, по Э. М. Гогодзе) как доказательство интенсификации *кавказско-эгейских* связей в период деятельности ассирийской торговой колонии в Каруме Каниша (Ibid.: 173–174). В качестве типологической параллели котлу из кург. XV автор, вслед за К. Рубинсон, приводит котел из микенской шахтовой гробницы 4 (XVII/XVI вв. до н. э.) (Rubinson 1991: 284). Далее М. Абрамишвили находит еще одну параллель триалетскому котлу — золотой котел из Библа середины XIX в. до н. э. (Dunand 1939). По его мнению, этот экземпляр указывает на Библ как на промежуточный пункт в распространении подобных сосудов между Эгейским регионом и Южным Кавказом. В результате рассуждений автора получается, что котел XVII в. до н. э. из Микен был «скопирован» в Библе и в Триалети *за два столетия до того*, в XIX в. до н. э. Здесь комментарии не требуются.

Рассмотрев микенскую параллель триалетскому котлу (Кушнарёва, Рысин 2004), на которую ссылается М. Абрамишвили, мы пришли к выводу о том, что К. Рубинсон (Rubinson 1991: 284) явно преувеличила степень сходства этих изделий — микенский экземпляр отличается от триалетского и формой (вогнутые стенки), и обработкой поверхности корпуса частыми косыми насечками, и раскованными в виде листа концами ручек. Подобные листовидные расширения имеют и другие эгейские котлы ПБВ, что, вероятно, повышало надежность крепления ручек. К тому же на эгейских сосудах ручки закреплены тремя заклепками, расположенными в виде треугольника на расширенных концах. У триалетских же котлов концы ручек узкие, подпрямоугольные и закреплены на двух заклепках, находящихся одна над другой. Такой способ крепления был менее надежным и обнаруживает больший архаизм кавказских котлов по сравнению с эгейскими⁸.

В действительности ближайшие типологические параллели кавказским котлам имеют передневосточные экземпляры из памятников начала II тыс. до н. э.: упомянутый М. Абрамишвили котел из клада в Библе; котел из слоя II Карума Каниша (Özgül 1986: pl. 127, 2) и котел из погр. 18 в Ашшуре (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 4, 19), — причем похожи форма и обработка поверхности сосудов, способ крепления ручек и их форма с прямыми расщепленными концами. Сходство же микенских и кавказских котлов может объясняться не *прямыми* контактами обоих регионов (Rubinson 1991: 284; Abramishvili 2010: 173), а *общим передневосточным происхождением* сосудов этого типа. Еще одним косвенным доказательством бóльшей древности триалетских котлов по сравнению с микенскими служит тот факт, что ближайшими типологическими параллелями *микенским* сосудам являются экземпляры из закавказских комплексов ПБВ (Лчашен, Аруч, Ширакаван; Симонян 1987: 59–60, табл. I, 3, 7, 10; II, 2). Таким образом, вновь не удается найти доказательства столь настойчиво декларируемых М. Абрамишвили *эгейско-кавказских* связей периода «цветущей поры» ТК. Как и в случае с рапирами, можно констатировать общие передневосточные «корни» триалетских и микенских изделий при хронологическом приоритете кавказских находок.

Далее М. Абрамишвили в очередной раз «путается» в датировках, сопоставляя вслед за Д. Коллон (Collon 1982) бронзовую вазу из триалетского кург. XV, как с серебряным сосудом из микенской гробницы 5 (XVI в. до н. э.), так и с сосудом из Карума Каниша в Анатолии (XX–XIX вв. до н. э.). Еще раз обратимся к нашей работе, посвященной уточнению хронологической позиции памятников «цветущей поры» ТК (Кушнарёва, Рысин 2004). На бронзовой вазе из кург. XV в Триалети использовалась согнутая приклепанная пластина для прикрепления дуговидной ручки.

⁸ К. Рубинсон ошибочно перевела термин, приведенный в монографии Э. Гогодзе — «листовидные» концы ручек (Жоржикашвили, Гогодзе 1974: 88), полагая, что концы ручек котла из Триалети имели листовидную форму, как у котла из Микен. Примечательно, что тот же термин — «leaf shapes» — приведен и в английском тексте статьи М. Абрамишвили (Abramishvili 2010: 173).

Д. Коллон сравнивает эту деталь и саму вазу с серебряным сосудом из гробницы 5 в Микенах (Collon 1982: 100). Однако вазы на полной ножке относятся к длительно бытовавшему типу сосудов, а способы крепления ручек имеют отличия: в Микенах пластины прямые и им придана форма двойного топора, а в Триалети пластины изогнуты и имеют бабочковидную форму; в Микенах концы шпильки прямые, а в Триалети, как и у передневожосточных экземпляров, ее концы изогнуты. Уже после выхода в свет статьи Д. Коллон был опубликован происходящий из слоя II Карума Каниша сосуд с дуговидной ручкой (Özgüç 1986: 123, fig. 58), способ крепления которой повторяет манеру крепления ручки триалетской вазы. В Каруме Каниша пластины также изогнуты и расклепаны, а концы шпилек изогнуты, как у сосуда из Триалети. В связи с этим мы предлагаем датировать триалетскую вазу и комплекс кург. XV началом II тыс. до н. э. Нижнюю хронологическую границу появления сосудов с подобным способом крепления дуговидных ручек маркируют экземпляры (Ашшур, Карум Каниша) с литыми трубочками на пластинах с заклепками (Müller-Karpe M. 1996: 304, Abb. 49).

Сосуды с дуговидными ручками обнаружены как в Месопотамии (Ур, Ашшур, Телль-Асмар; *Ibid.*: 304), так и за ее пределами — Библ, Троя, Аладжа, Карум Каниша, Триалети, Кировакан, Микены (Кушнарёва, Рысин 2004). Самый ранний экземпляр из Телль-Асмара (Müller-Karpe M. 1996: 304) датирован финалом III РД периода, а ваза из Микен относится к периоду позднеэлладский-I (XVI в. до н. э.). М. Мюллер-Карпе отмечает признаки эволюции способа крепления ручки, позволяющие уточнить датировку кавказских экземпляров: у сосудов РД периода трубочки для закрепления концов дуговидной ручки припаяны, а у сосудов аккадского времени — приклепаны. Сравнительно поздно появились литые трубочки с широкой пластиной для заклепок (Ашшур, погр. 20; Карум Каниша, слой Ib) (*Ibid.*). У серебряного ведерка из триалетского кург. XVII ручка прикреплена при помощи припаянных к стенке трубочек, что на первый взгляд сближает его с самыми древними месопотамскими экземплярами РД времени. Однако между этими изделиями есть и принципиальное отличие: на триалетском ведерке трубочка одинарная, и проволоочная шпилька не фиксируется от выпадения, тогда как у более древних месопотамских сосудов с двойными трубочками выпадению шпильки препятствовала перемычка, разделявшая трубочки. В этом отношении крепление ручки триалетского ведерка аналогично более поздним экземплярам с изогнутыми пластинами из Триалети (кург. XV), Карум Каниша (слой II) и Микен (погр. 5). Однако если у первых двух сосудов шпилька свободно вынимается снизу, то у микенской вазы шпилька изогнута над краем пластины, что затрудняет выпадение штифта. Таким образом, способ крепления дуговидной ручки к триалетскому серебряному ведерку схож со схемой фиксации ручки сосуда из слоя II в Каруме Каниша. Для прикрепления же ручки у микенской вазы характерны еще и прямые концы шпильки, тогда как у кавказских и передневожосточных сосудов ее концы отогнуты.

Итак, сосуды из Триалети по манере крепления дуговидной ручки сближаются, прежде всего, с образцами из слоя II в Каруме Каниша, что позволяет датировать триалетские экземпляры XX–XIX вв. до н. э. Другой важный вывод, вытекающий из сравнения сосудов с дуговидной ручкой, состоит в том, что триалетская посуда в типологическом отношении ближе к передневожосточной, чем микенский экземпляр. М. Абрамишвили *повторил* выводы К. Рубинсон (Rubinson 2001) о близости триалетских сосудов с дуговидной ручкой и с образцами из Карума Каниша, и с вазой из Микен, что приводит к «путанице» в датировке Триалети (начало II тыс. до н. э. — по параллелям из Карума Каниша; вторая четверть II тыс. до н. э. — по микенской параллели). В действительности, как мы продемонстрировали ранее, способ крепления дуговидных ручек к триалетским металлическим сосудам находит ближайшую типологическую параллель в посуде из Карума Каниша, а не из Микен. Таким образом, вновь не подтверждаются декларируемые М. Абрамишвили *кавказско-эгейские* связи.

Далее исследователь переходит к рассмотрению параллелей знаменитому наконечнику копья со свернутой втулкой из триалетского кург. XV (Abramishvili 2010: 174). Вначале он упоминает традиционную датировку наконечника из Триалети, который, по мнению Б. А. Куфтина (Куфтин 1941), К. Шеффера (Schaeffer 1943) и Э. М. Гогодзе (Гогодзе 1972), относится к середине II тыс. до н. э., а затем приводит мнение Г. Л. Кавтарадзе о том, что подобные копья были известны на Ближнем Востоке уже в РД период. Однако Г. Л. Кавтарадзе писал о наконечниках со

стержневым насадом, а не со свернутой втулкой. В конце концов, М. Абрамишвили соглашается с предложенной Г. Л. Кавтарадзе (Кавтарадзе 1983; Kavtaradze 1999) датировкой триалетского копья серединой первой половины II тыс. до н. э., соответствующей дате наконечника из слоя Ib Карума Каниша, а этот памятник, по мнению М. Абрамишвили, демонстрирует тесные связи с третьей фазой триалетской культуры СБВ (Abramishvili 2010: 174). В сущности, исследователь отказался от проведения сравнительно-типологического анализа и вместо критического разбора точек зрения «именитых» предшественников, помещавших триалетское копье в середину II тыс. до н. э. Он лишь ссылается на работу Г. Л. Кавтарадзе (Kavtaradze 1999) и приводит бездоказательный вывод о близости триалетского наконечника к оружию из Карума Каниша. Однако публикация Г. Л. Кавтарадзе, который, как отмечено выше, в качестве главного аргумента для уточнения хронологической позиции триалетских комплексов использовал только калиброванные даты по ¹⁴C, не должна избавлять М. Абрамишвили от необходимости проведения собственного типологического анализа. Можно только приветствовать, что в своем несколько хаотическом перечислении различных наконечников из памятников Древнего Востока, Эгейды, Восточной Европы и Сибири, он упомянул и находки из Карума Каниша. Как сказано выше, копье из слоя Ib Карума Каниша имеет признаки (литая слепая втулка, уплощенное в поперечном сечении центральное ребро, литое золотое кольцо в основании втулки), сближающие его с наиболее поздними наконечниками ТК из Ванадзора и Аликемектепе. Образец из Карума Каниша, слой Ib может датировать, скорее, верхнюю границу существования кавказских копий «цветущей поры» ТК. Ранее уже было упомянуто, что наибольшую близость с кавказскими наконечниками демонстрируют копья из слоя II Карума Каниша, из Ашшура, Рас-Шамры и Библа (2100–1750 гг. до н. э.).

В последнем абзаце своей статьи М. Абрамишвили как доказательство существования *кавказско-эгейских* связей упоминает металлические сосуды с катушечными ручками. Подобные сосуды были найдены в курганах Ванадзора и Лори-Берда (Армения; Devedjian 2006), в гробницах Вафио и Микен (Греция; Blegen 1937), а также в составе клада Тода (Египет; Maxwell-Hyslop 1995). В Каруме Каниша (Турция) встречен керамический экземпляр такого изделия. Далее, со ссылкой на Р. Максвелл-Хислоп (Ibid.: 244–246), исследователь развивает мысль о том, что малоазийское кузнечное ремесло (Аладжа, Хорозтепе) повлияло на металлообработку как Южного Кавказа, так и Эгейского региона. Действительно, с типологической точки зрения сосуды с катушечными ручками из Армении, малоазийского Карума Каниша и из клада Тода в Египте можно сопоставлять, поскольку они обнаружены в памятниках, датирующихся началом II тыс. до н. э. Однако кубки из Вафио и Микен найдены в более поздних памятниках середины II тыс. до н. э. О каких *эгейско-кавказских* связях в таком случае рассуждает исследователь? Совершенно очевидно, что вновь можно говорить о *двух разновременных* линиях связей: во-первых, Кавказа и Малой Азии в период активизации ассирийской торговой организации; во-вторых, Анатолии, а скорее, Леванта и Восточного Средиземноморья в микенское время. В этом состоит ключевой момент нашего разногласия с М. Абрамишвили. Для его работы характерно «раздвоение» основных положений. С одной стороны, он утверждает, что памятники «цветущей поры» ТК синхронны периоду активизации деятельности ассирийских колонистов в Каруме Канише (рубеж III/II тыс. до н. э.), а с другой — исследователь пытается доказать связь ТК с микенской Грецией во второй четверти и середине II тыс. до н. э.

Заканчивая статью, М. Абрамишвили замечает: «приведенные ближневосточные и эгейские параллели, несомненно, свидетельствуют о вовлечении южнокавказских курганных культур бронзового века в дальнедистанционные торгово-обменные связи» (Abramishvili 2010: 175). С последним утверждением нельзя не согласиться, о чем мы уже неоднократно упоминали. Однако в результате скрупулезного сравнительно-типологического анализа и критического пересмотра работ предшественников нам удалось опровергнуть предположения о связях Закавказья с Эгейским регионом, даже опосредованных. Подобные связи могли осуществляться уже на более позднем этапе, в ПБВ, синхронном на Южном Кавказе позднеэллиадскому периоду в Греции.

Мы уделили много внимания заочной полемике с М. Абрамишвили потому, что в его работе озвучена не только оригинальная точка зрения автора. Основные тезисы грузинского исследователя о том, что памятники ТК существовали до середины II тыс. до н. э., и что ТК поддерживала связи с Эгейским регионом в период существования микенских шахтовых гробниц, разделяют большинство отечественных и зарубежных кавказоведов.

Остановимся на недавно введенных в научный оборот комплексах из элитных погребений ТК (рис. 1; 5–7). В состав инвентаря этих погребений включены металлические орудия, посуда, оружие и ювелирные изделия, которые позволяют уточнить хронологическую позицию данных памятников.

Недавно был опубликован (Махмудов и др. 2003; Махмудов 2008) интереснейший комплекс погр. 80 (рис. 5, Б), впускенного в культурный слой энеолитического телля Аликемектепе (Азербайджан). Это поселение много лет исследовал Ф. Махмудов, но из-за его безвременной кончины впускные погребения были опубликованы учениками и коллегами покойного почти 30 лет спустя.

Погребение 80 было совершено в большой яме. Умерший был частично кремирован в могиле. Его сопровождали жертвенные животные. Разнообразный инвентарь включал оружие и плотницкие инструменты из металла, бронзовый котел, украшения из серебра и бронзы, каменные проушной топор и булаву, кремневые черешковые наконечники стрел и многочисленные керамические сосуды (Махмудов 2008: 45–49). Мы согласны с предложенной авторами датировкой — XIX–XVIII вв. до н. э. — этого яркого элитного погребального комплекса (Махмудов и др. 2003: 157). Однако внесем некоторые уточнения в типологические сопоставления коллег.

По мнению исследователя (Махмудов 2008), инвентарь погребения, имеющий прямые аналогии в памятниках «цветущей поры» ТК (второй этап, по Э. Гогадзе), демонстрирует также архаические признаки, характерные для памятников РБВ (куроаракская культура). Нам представляется, что эти параллели ошибочны. Упомянутые в работе каменная булава, наконечники стрел, а также бронзовые штыковидные орудия и плоское тесло нельзя считать артефактами, характерными только для РБВ. Так называемые штыковидные наконечники копий с черенковым насадом (Махмудов 2008: 46; рис. 35, 4–5; Махмудов и др. 2003: 152, рис. 3, 4–5) хорошо известны и в памятниках СБВ. Сам автор упоминает, что аналогичные орудия происходят из памятников СБВ (Хачбулакский курган и Верхнегунибское поселение; Махмудов 2008: 46; Котович 1965). Подобные артефакты найдены и в Великентском склепе 11 1997 г. (Gadjiev et al. 2000: 90, fig. 51, 268–269). По наблюдениям М. Мюллера-Карпе, древневосточные штыковидные наконечники обладают хронологически значимым признаком: если у изделий РД и аккадского периодов черенок плавно переходит в лезвийную часть, то у более поздних копий (эпоха III династии Ура) черенок резко отделен от лезвийной части. Датирующие образцы однотипных штыковидных наконечников (XXI–XIX вв. до н. э.) происходят из могильника города Ашшура (Müller-Karpe M. 1996: 284, Abb. 27, 1–3). Штыковидные копья из Аликемектепе относятся к выделенному М. Мюллером-Карпе более позднему варианту. Бронзовое плоское тесло отличается от орудий куроаракской культуры РБВ по пропорциям и форме: удлиненный корпус и расширенная лезвийная часть с серповидным краем, пятка закруглена. Тесла с резко расширяющейся лезвийной частью, округлой пяточной частью и сходными пропорциями характерны для ассортимента развитого этапа СБВ и могут быть сопоставлены с орудиями костромского этапа металлообработки Северного Кавказа. По характерному секировидно расширенному лезвию к орудиям финала СБВ можно отнести и уникальный каменный проушной топор из рассматриваемого погр. 80 (Махмудов и др. 2003: 154, рис. 1, 14). Каменная булава грушевидной формы также вполне сопоставима с оружием из памятников СБВ, например, из Кюдурлинского кургана 13, кург. 125 в Ханкенди, курганов алазано-беденской группы и др. (Ахундов 2001; Гуммель 1940; Джапаридзе 1998).

Металлические полусферические колпачки с отверстиями для крепления по краю были нашиты на пояс или перевязь из органического материала (Махмудов и др. 2003: 154, рис. 1, 13). Они также находят прямые типологические параллели, каковыми являются золотые нашивные пуговицы в триалетских курганах второй группы «цветущей поры» (кург. V и XVII; Гогадзе 1972, табл. XVII, 3, 22; XXIV, 24–25).

Керамические сосуды из погр. 80, по мнению авторов публикации, «имеют некоторые черты раннебронзовых и среднебронзовых сосудов» (Махмудов 2008: 47). На наш взгляд, для синхронизации этого погребения решающее значение приобретают отмеченные самим автором (Там же) типологические параллели кувшинам с коленчатой ручкой в посуде триалетского кург. XVII и крупному сосуду с симметричными ушками на плечиках в посуде триалетских кург. V и XLV (вторая фаза «цветущей поры», по Э. М. Гогадзе). Именно эти поздние параллели, а не «архаические»

признаки, отмеченные у буровато-коричневых лощеных сосудов, важны для установления хронологической позиции комплекса.

В инвентаре погр. 80 присутствуют несколько предметов, указывающих на сравнительно позднюю позицию этого комплекса в ряду памятников ТК. Речь идет об уже упомянутом плоском тесле (костромской этап металлообработки СБВ Северного Кавказа) и изделиях, типологически близких орудиям Ванадзорского кургана, который мы относим к памятникам финала «цветущей поры» ТК: проушная секира, втульчатые копья, втульчатое долото, бронзовый котел и крюк со свернутой втулкой. Бронзовый котел, как справедливо заметили авторы публикации, находит прямые соответствия в сосудах «цветущей поры» ТК: Триалети, кург. V и XV; Лори-Берд, погр. 6; Ванадзор; Аруч; Карашамб; Автоагрегат в Ереване (Есаян 1987: 58; табл. I, 1–2, 5–6). Исследователи приводят в качестве датирующей параллели передневосточный золотой котел из клада в Библе, включающего пектораль с именем Аменемхета III (1849–1801 гг. до н. э.; Dunand 1939). Можно привести и другие типологические соответствия из передневосточных памятников начала II тыс. до н. э.: бронзовые котлы из слоя II Карума Каниша (Özgüç 1986: pl. XV, 3, 6) и из погр. 18 в Ашшуре (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 4, 19). Сходства этих артефактов распространяются как на форму и обработку поверхности сосудов, так и на способ крепления и форму ручек с прямыми расщепленными концами. Вопрос о датировке секиры типа Тепе Гавра рассмотрен выше. В контексте комплекса погр. 80 она, скорее всего, указывает на позднюю часть периода существования подобных орудий. Верхний хронологический диапазон секир с асимметрично расширенным клином (XIX–XVIII вв. до н. э.) укладывается на Переднем Востоке в староассирийский период (Ibid.: 272, 274; Abb. 13). Сходным образом Д. Л. Коридзе определяет верхнюю границу бытования однотипных орудий из Грма-геле и Бодорна (Коридзе 1968: табл. 6).

По форме пера, пропорциям, а также овалному в поперечном сечении центральному ребру одно втульчатое копьё из погр. 80 (Махмудов и др. 2003: 152; рис. 3, 7) близко копьям из Рас-Шамры, Библа и Карума Каниша (рис. 2, 1–2, 12). Примечательно второе копьё из Аликемектепе (Там же: рис. 3, 6), имеющее восьмигранную втулку. Этот наконечник обладает уникальной особенностью, на которую не обратили внимания авторы публикаций. Указанное копьё снабжено редкой для комплексов ТК литой слепой втулкой (рис. 2, 11). Подобная технология была освоена кавказскими мастерами-оружейниками только в ПБВ. Судя по новой публикации комплекса из Ванадзора (Кировакан), к наконечникам с литой втулкой ТК относится и ванадзорский экземпляр копья с продольными каннелюрами, переходящими с втулки на перо (рис. 5, А; Devedjian 2006: fig. 139, 4), тем более что в ванадзорском элитном погребении было найдено еще одно орудие с литой втулкой для насада — бронзовое долото (Мартirosян 1964: 65; рис. 31, 3; Devedjian 2006: fig. 140, 1; У подножия Арарата 2008: 42; № 10). Как мы упоминали выше, способ отливки втульчатых наконечников в составной литейной форме с сердечником, вероятно, изобретен передневосточными металлургами (Библ, Карум Каниша). Учитывая тесные связи ТК с центрами, входившими в сеть ассирийской международной торговли, можно предположить, что литое копьё с восьмигранной втулкой из погр. 80, как и ванадзорский парадный наконечник, является импортом из Переднего Востока.

Бронзовые крюки с раскованной и свернутой втулкой найдены вместе с бронзовыми котлами в двух элитных погребениях ТК в Армении: в Лори Берде (погр. 6) и Ванадзоре (Мартirosян 1964: 65; рис. 30, 1; Devedjian 2006: fig 72, 5–6; fig. 140, 4–5). Подобное сочетание позволяет включить погр. 80 из Аликемектепе в ряд «княжеских» захоронений ТК. Бронзовые крюки известны также в памятниках РБВ и СБВ Северного Кавказа, Предкавказья и степной зоны Юго-Восточной Европы (новосвободненская культура, «северокавказская» культура, дольменная культура, катакомбная культурная общность, полтавкинская культура). Однако только в элитных погребениях новосвободненской культуры крюки иногда встречаются вместе с бронзовым котлом. Исследователи предполагают, что первые служили инсигниями власти и могли использоваться в ритуале, совершавшемся во время общинных жертвенных или посвященных «пиров».

В погр. 80 также обнаружены обсидиановые, кремневые и бронзовые черешковые наконечники стрел (Махмудов и др. 2003: 152, 154, рис. 1, 16–19; 3, 8–9), причем артефакты, выполненные из первых двух материалов, были широко распространены на Южном Кавказе в РБВ и СБВ. А. Орджоникидзе проанализировал распределение каменных наконечников стрел на терри-

тории Грузии (Orjonikidze 2004). Кремневые черешковые стрелы известны в куро-аракских памятниках, в погребениях алазано-беденской культуры и ТК. Три таких наконечника обнаружены в беденском погребении кург. 2 Дилича (Джапаридзе 1998: 62; рис. 39, 5–7). Они встречены в третьем слое Верхнегунибского поселения СБВ (Котович 1965: 100), а также в Гोनобском могильнике и в погребении у сел. Ругуджа в Дагестане (Марковин 1994: табл. 92, 11; 93, 4). Находки этих наконечников из Дагестана синхронны с памятниками «цветущей поры» ТК. На территории Азербайджана каменные стрелы зафиксированы в погребениях кург. 119 и 125 Ханкенди и кург. 14 Кюдурли, на поселениях Бабадервиш и Падар (Гуммель 1940; Ахундов 2001: 129; рис. XXXV, 5–6).

Бронзовые наконечники характерны для комплексов ПБВ. Однако на Древнем Востоке и на Южном Кавказе встречаются и более ранние находки металлических черенковых стрел. Самые древние их экземпляры встречены в составе погребального инвентаря Марткопского кург. 4 (Джапаридзе 1998: 27; рис. 14, 86–99; табл. XV). Вероятно, наконечником стрелы или дротика является бронзовое треугольной формы изделие с узким черенком из кург. 125 в Ханкенди (Ахундов 2001: рис. XXXIII, 17). Стрелы из Аликемектепе отличаются от оружия ПБВ. У последних продольная нервюра на пере резко выделена и плавно переходит в черенок, который обычно значительно длиннее пера. Напротив, бронзовые наконечники из Аликемектепе имеют короткий черенок и по абрису и пропорциям ближе к кремневым стрелам. Возможно, каменные наконечники послужили прототипами для металлических изделий из Аликемектепе. Но существует и другая возможность. В Каруме Каниша, слои II и Ib, также были обнаружены бронзовые черенковые стрелы (Özgülç 1959: 56, tabl. XLIX, 4–6; Erkanal 1977: Taf. 17, 49, 54–56). Учитывая тесную связь элиты ТК с Карумом Каниша, можно предположить, что именно оттуда происходят бронзовые наконечники, представленные в вождеском погребении на Аликемектепе.

Таким образом, ряд типологических параллелей связывает инвентарь погр. 80 с комплексом «царского» захоронения в Ванадзоре, а присутствие в составе инвентаря погребения из Аликемектепе артефактов, характерных для ПБВ (бронзовые наконечники стрел-площиков, копье с литой слепой втулкой) позволяет уточнить хронологическую позицию этого комплекса. Мы предлагаем датировать его, как и захоронение из Ванадзорского кургана, концом первой четверти II тыс. до н. э.

Теперь обратимся к материалам элитного погребения ТК в Ванадзоре (Кировакане) (рис. 5, А). Этот замечательный комплекс впервые детально представлен в монографии С. Деведжян, посвященной комплексам СБВ из поселения и могильника Лори Берда (рис. 6–7; Devedjian 2006). Бронзовый котел из Ванадзора сближается с котлами из Лори Берда (погр. 6 и 79) усечено-конической формой корпуса с вогнутыми стенками, формой и способом крепления ручек, металлическими лентами, охватывающими корпус изделия у дна и у верхнего края. Близкий котел найден у завода «Автоагрегат» в Ереване (Симонян 1987: 59; табл. 1). Котлы из кург. V и XV Триалети имеют сходную форму и ручки, но отличаются отсутствием металлической ленты, приклепанной у дна. Такая лента имеется только у экземпляров из Армении, и, по-видимому, она являлась отличительной чертой местного металлопроизводства. В Ванадзоре, как в Лори Берде и в Аликемектепе, котлы найдены вместе с бронзовыми крюками.

В погребении из Ванадзора найдены также чаша, кружки и ведро. Рассмотрим кружку с изображениями львов. На рисунке этого сосуда, представленного в публикации С. Деведжян (Devedjian 2006: fig 141, 1), ясно видны два заклепочных отверстия на месте прикрепления петельчатой ручки, поэтому сосуд со львами, ранее считавшийся кубком, в действительности кружка, как и две другие кружки из ванадзорского кургана (Ibid.: fig. 142, 1–2). Очевидно, ценность рассматриваемого сосуда была так высока для владельца, что кружку продолжали использовать даже после утраты ручки. Изображения львов на ней ранее сопоставляли с гравированными фигурами на «бунчуке» или штандарте из кург. XV в Триалети (III группа курганов, по Э. М. Гогодзе). Кружка со слабо вогнутыми внутрь стенками и концентрическими каннелюрами на донце, как у ванадзорских сосудов, найдена в кург. XVI в Триалети (II группа курганов, по Э. М. Гогодзе). Таким же образом оформлено дно у чаши из кург. VII в Триалети (III группа, по Э. М. Гогодзе).

Серебряная кружка с плоским дном обнаружена в погр. 65 Лори Берда (Ibid.: fig. 84, 9; planche IV, 1). В этом же захоронении найдены: меч-«рапира», полые сферические золотые бусины с выдавленными шишечками, булавки с золотыми головками, декорированными в полихромном стиле, а также золотая подвеска в форме «лодочки» (рис. 6, Г). Аналогичные сферические бусины

и булавки происходят из кург. VIII (I группа), XVII, XXXVI (II группа) в Триалети и кург. 7 в Кюдурлю (Гогадзе 1972; Ахундов 2001). Подвеска из гофрированного золотого листа в виде «лодочки» найдена в кург. XXXVI в Триалети (Гогадзе 1972), в кург. 1 в Неркин Навере (Симонян 2011) и в кург. 7 и 8 Кюдурлю (Ахундов 2001; здесь обнаружена также фаянсовая бусина с тремя выступами).

Крупные чернолощенные сосуды со штампованным «гребенкой» орнаментом и налепными шишечками из погр. 65 в Лори Берде также близки керамике группы II курганов Триалети (кург. XVII, XXXIV и XXXVI; Devedjian 2006; Гогадзе 1972). Великолепные экземпляры копий из Лори Берда и Триалети мы уже упоминали. Ванадзорский наконечник, вероятно, имел литую слепую втулку, которая на лезвии переходит в ребро, округлое в сечении. Поверхность втулки, нижний конец которой не сохранился, и ребра покрыты параллельными углублениями. Шов или шлиц на сохранившейся части втулки отсутствует.

Кружки и кубки с вогнутыми во внутрь стенками были широко распространены на Древнем Востоке (Ашшур, Ур, Тепе Гуран, «Бактрия», «Луристан»), в особенности в период III династии Ура и в старовавилонский период (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 7–8). Г. Е. Арешян, еще в 1973 г. обративший внимание на малоазийские параллели керамике СБВ Армении, в качестве аналогов кружкам из Ванадзора рассматривал сходные сосуды из Аладжи и Карума Каниша времени активизации ассирийской международной торговли (Арешян 1973: 47, рис. 3, 14–16).

Ванадзорское ведро с дуговидной ручкой можно сопоставить с ведром из кург. XVII Триалети. Ведерки с дуговидной ручкой найдены также в Ашшуре (погр. 20) и в Каруме Каниша (Müller-Karpe M. 1996: Abb. 49, 1–2). Катущковидные детали крепления ручки ванадзорского ведра (Devedjian 2006: fig. 142, 3) служили основанием для его сопоставления с кубком из гробницы в Вафио середины II тыс. до н. э. (Higgins 1980). Однако, как справедливо заметил Г. Л. Кавтарадзе (Кавтарадзе 1983: 137), катушечные ручки были известны уже в памятниках начала II тыс. до н. э.: серебряный кубок (XX в. до н. э.) из клада в Тоде (Египет) периода правления фараона Аменемхета II (Среднее Царство, XII династия; Maxwell-Hyslop 1995), а также керамический сосуд, имитирующий металлическую посуду, из слоя II Карума Каниша (Özgülç 1986).

Ванадзорская чаша полусферической формы с канеллированным декором из концентрических дуг близка канеллированным чашам из вышеупомянутого клада в Тоде. Орнамент из концентрических дуг повторяется на керамических полусферических чашах из Воскеваза (Арешян 1973: 42; рис. 1, 2) и на чашах из кург. XV Триалети. Таким образом, новая публикация комплекса из Ванадзора (Кировакана) позволяет подтвердить предложенную датировку этого элитного погребения в пределах конца первой четверти II тыс. до н. э.

Объединяет инвентарь элитных погребений Ванадзора, Триалети, Лори Берда и Неркин Навера еще одна категория находок: неглубокие каменные дисковидные выпукло-вогнутые предметы. Их называют то каменными крышками, то чашами или «фиалами». Диаметр таких изделий составляет 8–15 см, высота обычно не превышает 1 см. Внутренняя поверхность этих сосудов покрыта часто расположенными углублениями-насечками, что позволило предположить их использование в качестве «терки» для приготовления «священного» напитка из растительных волокон — сомы или хаомы.

В последние годы многие исследователи датируют триалетские памятники «цветущей поры» началом II тыс. до н. э. Например, М. Путуридзе отнесла триалетские погребения к рубежу III/II тыс. до н. э. на основании анализа технологии и художественного стиля, свойственного различным бусам из драгоценных металлов (Puturidze 2001). В своей докторской диссертации, посвященной памятникам различных эпох на Триалетском плато, Г. Нариманишвили (2006) обосновывает датировку ТК концом III — первой четвертью II тыс. до н. э. К. Рубинсон, анализируя сюжетные изображения на сосудах из Триалети и Карашамба, находит им ближайшие стилистические параллели в глиптике ассирийской торговой колонии Карум Каниша в Анатолии. На основании этого она делает вывод о тесных социально-экономических связях обеих регионов в начале II тыс. до н. э. (Rubinson 1998; 2003). Это наблюдение хорошо согласуется с нашими выводами (Кушнарёва, Рысин 2001; 2003; 2004). Нашу точку зрения поддерживают и подкрепляют своими наблюдениями также другие коллеги (Николаишвили и др. 2010: 231; Пицхелаури, Киладзе 2010: 246; Devedjian 2006: 359).

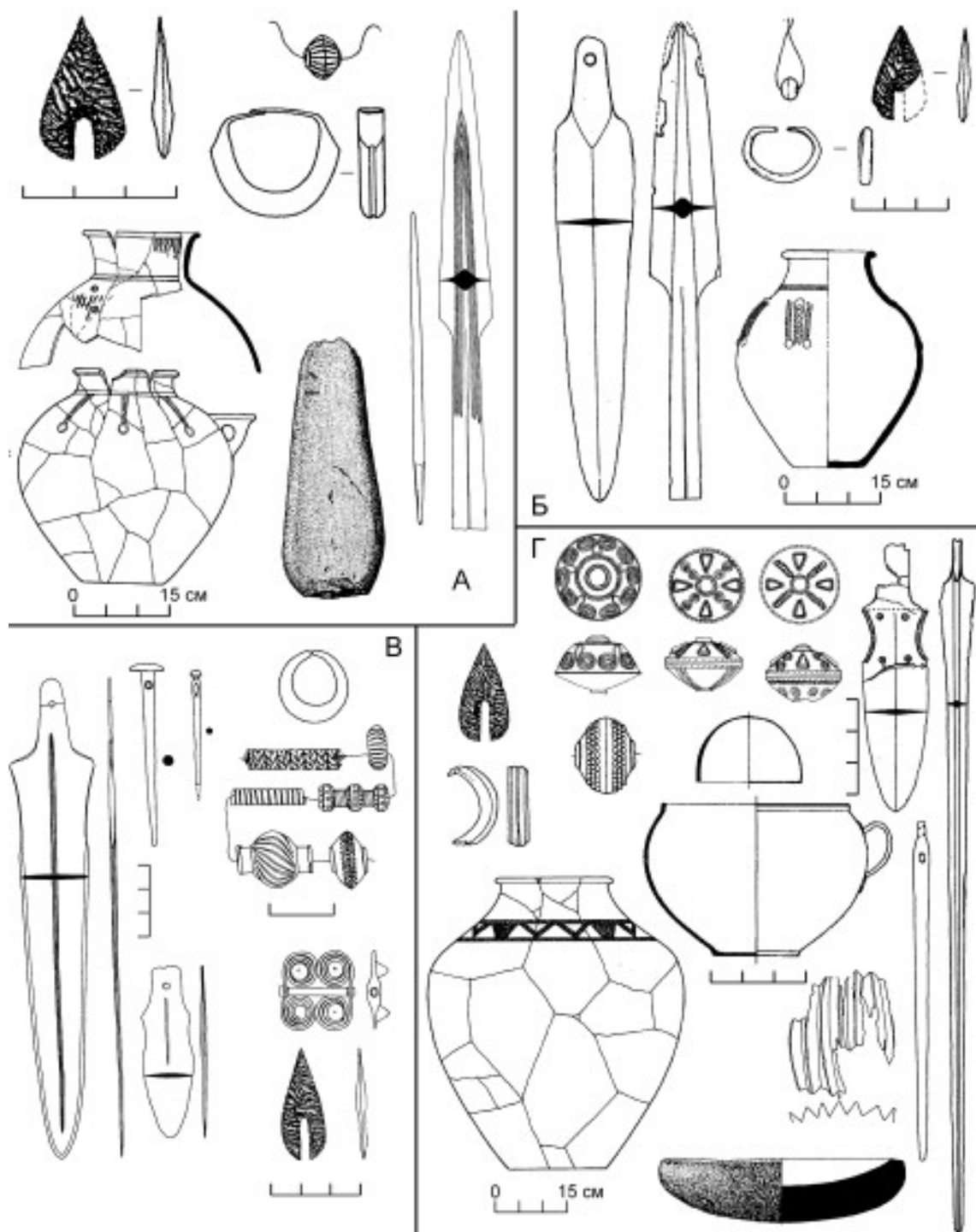

Рис. 6. Лори Берд, погребения воинской аристократии триалетской культуры: А — погр. 77; Б — погр. 74; В — погр. 94; Г — погр. 65 (по Devedjian 2006)

Fig. 6. Lori Berd, burials of noble warriors of the Trialeti culture: А — burial 77; Б — burial 74; В — burial 94; Г — burial 65 (after Devedjian 2006)

Участники международного исследовательского проекта на территории Армении опубликовали недавно первый том результатов своих работ, в котором предложена датировка «цветущей поры» ТК от XXII до XIX вв. до н. э. (Smith et al. 2009: 66). Для памятников кармирбердской и севано-узерликской культур, включая переходные к ПБВ комплексы, предложена датировка от XIX/XVII вв. до последней четверти XVI в. до н. э. (Ibid.: 68).

Начиная с открытия Б. А. Куфтиным курганов «цветущей поры» ТК внимание исследователей привлекает расписная глиняная посуда этой культуры. Как известно, такая керамика нехарактерна для Кавказа в эпоху палеометалла. На Южном Кавказе «крашенные» монохромные и полихромные сосуды появляются впервые в энеолите, а затем почти полностью исчезают в РБВ и вновь встречаются в финале СБВ в памятниках ТК, кармирбердской и кызылванской культур. Устойчивая традиция росписи посуды существовала на Древнем Востоке, причем в его районах, соседних с ареалом ТК, также распространен подобный способ украшения керамики. С выявленными на памятниках этого региона расписными сосудами исследователи пытаются сопоставить расписную посуду ТК. Такие сравнения позволяют установить относительную и абсолютную датировку комплексов ТК.

Красные сосуды с черной росписью, близкие расписной посуде ТК, обнаружены в окрестностях оз. Ван на территории современной Турции. Орнаментация этой керамики с преобладанием изображений треугольников, заполненных волнистыми линиями и водоплавающих птиц между ними, в деталях совпадает с декором сосудов из Триалети (например, кург. VII). К сожалению, находки из Турции, поступившие в музеи Вана, Аданы, Карса и Газиантепе, происходят из грабительских раскопок. Они были опубликованы и сопоставлены с посудой ТК (Çilingiroğlu 1984: 132–134, fig. 5–8). Близкие аналогии музейные экспонаты обнаруживают также с расписной керамикой из Хафтавантепе VI A–VI B и Геойтепе C–D (Ibid.: 135–136). Автор предполагает существование в регионе с начала II тыс. до н. э. традиции расписных сосудов стиля «Ван-Урмия» (Ibid.: 139). О существовании в СБВ на территории пяти современных государств (Азербайджан, Армения, Грузия, Иран и Турция) некой общности племен, расписывающих свою глиняную посуду сходным образом, упоминали в последние десятилетия многие специалисты (Кушнарёва 1993а; Bakhshaliyev, Magro 2009; Özfiat 2002; Rubinson 2005). Слои приурмийских поселений Северо-Западного Ирана, где представлена подобная расписная керамика, датированы от конца III до начала второй половины II тыс. до н. э.

Необходимость «ревизии» традиционной хронологии триалетских памятников «цветущей поры», в соответствии с которой они относятся к первой половине — середине II тыс. до н. э., подтверждается и стратиграфическими наблюдениями. В том же ареале, что и древности ТК Армении (Ванадзор, Аруч, Неркин Навер, Лори Берд и др.), известны памятники кармирбердской культуры. Последние демонстрируют признаки, характерные для СБВ и начала ПБВ. К. Х. Кушнарёва отнесла их к финалу СБВ и датировала XVIII/XVII–XVI/XV вв. до н. э. (Кушнарёва 1993а; 1993б; 2007). Памятники «цветущей поры» ТК на этой же территории необходимо связывать с более ранним периодом, что полностью соответствует полученным нами результатам.

Примечательно, что в погребении кармирбердской культуры в Ошакане (Армения) в последнее десятилетие была найдена колесничья запряжка, включающая бронзовые пластинчатые псалии с шипами и петельчатые удила, а также бронзовую скульптурку льва, служившую навершием разделителя вожжей на передке колесницы (Калантарян и др. 2003: 121; Кушнарёва 2007: 175–176; рис. 5). Захоронение в Ошакане, судя по аналогичным псалиям из погребения периода вторжения гиксосов в Газе, можно датировать XVII в. до н. э. (Potratz 1966: 102–110, fig. 45, d). Недавно в курганах Гараджамирли (Азербайджан) были также исследованы элитные погребения колесничной знати, справедливо отнесенные авторами публикации к самому финалу СБВ и к так называемому переходному периоду к ПБВ (Гусейнова, Алиев 2006: 33, 54). Признаки, характерные для этого непродолжительного по времени этапа, были определены для центральных (Пицхелаури 1972; 1979) и южных регионов Закавказья (Кушнарёва 2007). В погребениях у села Гараджамирли выявлены такие же особенности, обстоятельно рассмотренные в работе К. Х. Кушнарёвой. Речь идет о редком типе сосудов в форме скорлупы «индийского ореха»; горшках с чернолощеной поверхностью; сосудах с оттисками зубчатого штампа, затертыми белой пастой; сосудах с орнаментом севано-узерликской культуры; декоре в виде меандра; орнаментальном пояске из ногтевых наколов; вазах

на полых ножках; «курильницах» с прорезями и т. п. (Там же: 177–178). В «чистых» погребениях раннего этапа кармирбердской культуры подобные находки отсутствуют. Нет на раннем этапе кармирбердской культуры и сосудов с орнаментами узерликского стиля.

В погребениях курганов Гараджамирли найдены скелеты и черепа лошадей, а также детали колесничных запряжек: удила из скрученных проволочных жгутов, парные бронзовые псалии в форме «уключин» (по две пары в могиле); бронзовое навершие-разделитель вожжей, крепившееся на передок колесницы. Навершие выполнено в виде колеса со спицами, над которым установлена полая фигурка оленя, являвшаяся колокольчиком. Олень изображен в хомуте, что напоминает символически запряженных в сани оленей (могила в Ханларе) и взнузданных лошадей с оленьими рогатыми масками («царский» курган Пазырык). Известно, что олень («красный зверь»), как и конь, являлся в индоевропейской мифологической традиции солярным символом. Образ коня в представлениях индоевропейцев был также связан со смертью и с путешествием в загробный мир. Наконец, использование в финале СБВ боевых колесниц подтверждается их изображениями на сосуде 4 из кург. II в селе Гараджамирли (Гусейнова, Алиев 2006: табл. 5, 1–2), причем на орнаментальных фризах этого сосуда показаны колесницы, запряженные оленем, и фигурка лошади. К. Х. Кушнарёва предварительно датировала комплексы «переходного периода» по находкам хуррито-митаннийских цилиндрических печатей и кинжала переднеазиатского типа XV–XIV вв. до н. э. (Кушнарёва 2007: 174).

Самое раннее свидетельство использования парной конной запряжки на Переднем Востоке получено при раскопках неоднократно упоминавшегося нами Карума Каниша. Здесь, в слое Ib («дворец правителя») найдены ручки керамических сосудов в виде реалистично исполненных парных фигурок взнузданных лошадей (Özgüç 1986: tabl. XXXIII, 1–2; Рысин 2007: 213). Учитывая многочисленные примеры вовлеченности элиты ТК в систему ашшурской международной торговли, одним из центров которой являлся Карум Каниша, можно ожидать новых подтверждений использования в Закавказье колесниц, запряженных лошадьми, уже в период существования ТК.

И такие свидетельства уже имеются. В могильнике Лори Берд обнаружено погребение ТК с двумя конями (Деведжян 1981: 20). Захоронения с парными скелетами лошадей встречены также в курганах могильника Неркин Навер вблизи Еревана (кург. 1, 3, 5Б и 7; Симонян 2011: 219). На сосуде из кург. 7 черной краской нанесены изображения лошадей с подстриженными гривами и хвостами, а на сосуде из кург. 2 изображены шесть пар колес со спицами от боевых колесниц (Симонян 2011: 219; рис. 7). Расписная керамика Неркин Навера по форме («гидрии» с высокой шейкой), характеру росписи (черные узоры по красному фону), элементам и мотивам орнамента (вписанные углы, метопный орнамент, волнистое заполнение треугольных фигур, фигурки водоплавающих птиц и т. п.) близка посуде из курганов III группы «цветущей поры» ТК.

Исследование элитных погребений в курганах Неркин Навера в последние годы оживило интерес к пересмотру датировки памятников ТК, поскольку в кург. 1 были найдены кованые железные удила и псалии, а четыре калиброванные радиоуглеродные даты образцов из захоронений этого могильника указывают на очень ранний хронологический интервал: XXVI–XX вв. до н. э. Заключение о результатах раскопок в Неркин Навере, опубликованные А. Симоняном, носят полемический характер. Автор соотносит весь диапазон дат по ^{14}C с памятниками ТК, однако здесь найдены материалы более древней алазано-беденской культуры, например, дисковидный бронзовый «штандарт» и черенковый нож без заклепочного отверстия в черенке (кург. 4). Артефакты кург. 1, где обнаружены железные удила и псалии, позволяют надежно синхронизировать комплекс этого погребения. Речь идет о сферических бусах из листового золота с украшенной выдавленными шишечками поверхностью, гофрированных золотых подвесках-«корабликах» и агатовом кулоне лунарной формы. Все перечисленные изделия известны из курганов ТК (I и II групп, по Э. М. Гогадзе). Как уже упоминалось выше, кулоны лунарной формы появляются в Месопотамии начиная с аккадского времени (XXIII в. до н. э.) и получают широкое распространение в период III династии Ура. В кург. 1 Неркин Навера найден также кинжал с «приталенным» в верхней части клинком. Его лезвийная раскованная часть начинается ниже. Мы упоминали, что ножи подобной формы из могильника Лори Берд (погр. 65 и 94) сопоставимы с так называемыми ножами копьевидной формы, характерными для металлообработки костромского этапа на Северном Кавказе и в Причерноморье.

Железные удила из захоронения кург. 1 выглядят на фоне всего остального инвентаря явным *анахронизмом*. Скорее всего, этот артефакт относится к *впускному погребению* раннего железного века. Надо учесть, что курганы Неркин Навера были неоднократно ограблены в древности, а в последние полвека место расположения могильника стало объектом интенсивной хозяйственной деятельности.

А. Симонян (2011) упоминает находки железных предметов в Аладже и Дораке (Турция), поясняя, что удила из Неркин Навера являются третьей столь древней находкой железных удилищ эпохи бронзы. Это ошибка, поскольку ни удила, ни конной запряжки в Аладже и в Дораке найдено не было. В могилах Аладжи обнаружены остатки запряженных волами телег с цельными деревянными колесами. Как известно, при запряжке волов используют ярмо, капцуг и кольцо, продетое в нос, а вовсе не удила и псалии. Ссылки на захоронение в Дораке вовсе не состоятельны, поскольку, скорее всего, эта находка представляет собой смешанный набор артефактов из грабительских раскопок. Сомнение вызывает, в частности, столь «удачно» найденный в инвентаре «погребения» из Дорака фрагмент золотой фольги с картушем египетского фараона V династии (Древнее царство).

Ошибочность отнесения железных удилищ и псалий из Неркин Навера к комплексу захоронения «цветущей поры» ТК можно доказать, исходя из типологического анализа самих находок, представляющих собою гладкие железные диски с отверстием. Известно, что на ранней стадии тренинга лошади с целью использования ее для колесничной запряжки изготавливали псалии с шипами (*строгие псалии*), позднее появились псалии со вставными шипами, а еще позднее — гладкие псалии без шипов. На территории Армении в Ошакане в погребении более поздней кармирбердской культуры были найдены строгие бронзовые псалии с шипами (Калантарян и др. 2003: 121). Строгие псалии с шипами использовались на Древнем Востоке еще в период завоевательных походов гиксосов (XVII в. до н. э.). Поэтому нельзя предположить, что «самые древние» известные нам псалии из Неркин Навера (XXV–XXIII вв. до н. э.) были гладкими, а не строгими. Это невероятно еще и потому, что еще через сотни лет после совершения захоронения в Неркин Навере, на Переднем Востоке, в Микенах и Синташте⁹ лошадь запрягали в колесницу, используя именно шипастые *строгие псалии*. Невозможно объяснить такое необычное «регрессивное» типологическое развитие от гладких псалий из Неркин Навера к строгим шипастым псалиям в Ошакане, Газе, Микенах и Синташте.

Полусферическое бронзовое навершие рукоятки кинжала из Неркин Навера также выглядит анахронизмом в сравнении с артефактами ТК. Скорее всего, оно относится к ПБВ. Ссылка на датирующее значение бабочковидного украшения из погребения в кургане Неркин Навера несостоятельна, поскольку украшения этого типа (трубочка, на концах которой припаяны двойные спирали) являются долгоживущими на Переднем Востоке: их образцы известны из памятников РБВ (Арслантепе VIA), СБВ (Троя, Аладжа, Эскияпар; Трейстер 1996; Maxwell-Hyslop 1971; Özgüç, Temizer 1993), ПБВ (Микены, Вавилон; Higgins 1980) и РЖВ (Зивие; Maxwell-Hyslop 1971).

Имеются многочисленные материалы, позволяющие синхронизировать элитные погребения Триалети (кург. XVII), Аликемектепе (погр. 80), Лори Берда (погр. 65 и 94) с могилами Неркин Навера. Речь идет об элементах и мотивах росписи керамики (черная орнаментация по красному фону), керамических кувшинах с коленчатой ручкой, булавах со сферическими головками, золотых полусферических колпачках с отверстиями для крепления и т. п.

В кург. 3 Неркин Навера (Симонян 2011: 223) обнаружен бронзовый колющий меч-«рапира». Это оружие, как уже отмечено выше, неизвестно на Древнем Востоке ранее конца III тыс. до н. э. В последней трети III тыс. до н. э. воины здесь сражались короткими рубящими или рубяще-колющими мечами. В это время ни в Передней Азии, ни в Эгейском регионе, ни на Кавказе не была известна техника боя колющим оружием. Если же принять предложенную А. Симоняном датировку захоронений Неркин Навера (XXVI в. до н. э.; там же: 224), то нам придется принять и его предположение об «изобретении» носителями ТК колющих мечей, копий со втульчатыми наконечниками, боевых колесниц с конной запряжкой и т. п. на территории нынешней Армении. Но отчего же все эти «изобретения» почти 500 лет не выходили за границы Неркин Навера и только с рубежа III/II тыс. до н. э. почти синхронно распространились на Кавказе и на Древнем Востоке? Так как в

⁹ Приношу искреннюю благодарность В. С. Бочкарёву за разъяснение вопроса о том, какое значение имела эволюция псалий для колесничной запряжки лошадей.

древности передача и усвоение новаций в сфере вооружения происходили сравнительно быстро, приходится признать, что подобное допущение неверно. Напомним, что датировка могильника Неркин Навер серединой III тыс. до н. э. основана исключительно на четырех датах по ¹⁴C.

Ранее, основываясь на том же методе датировки, Г. Л. Кавтарадзе и В. А. Трифионов относили памятники «цветущей поры» ТК к середине III тыс. до н. э. Ни один из этих авторов не попытался разрешить упомянутое выше несоответствие. Согласно Г. Л. Кавтарадзе, все перечисленные новации были «открыты» на территории нынешней Грузии и отсюда привнесены в Месопотамию во время III РД периода (Кавтарадзе 1983; Kavtaradze 1999). Согласно А. Симоняну, эти изобретения были сделаны на территории нынешней Армении, а потом заимствованы населением Месопотамии (Симонян 2011). Однако в обоих случаях кавказским «изобретателям» удавалось каким-то образом «утаить» свои достижения от древневосточных «соседей» на сотни лет. Если артефакты из комплексов ТК распространяются на Древнем Востоке только в конце III тыс. до н. э., то и памятники ТК не могут быть датированы ранее этого времени. А если даты по ¹⁴C указывают, что ТК существовала в середине III тыс. до н. э., то их надо отбрасывать как недостоверные.

Аргументы в пользу удревнения памятников ТК до середины III тыс. до н. э. и синхронизации их с РД III периодом в Месопотамии изложил Г. Л. Кавтарадзе (Kavtaradze 1999). Он полагает, что курганы «цветущей поры» ТК являются типичным продуктом РБВ Ближнего Востока и его периферии, о чем, с его точки зрения, свидетельствуют многочисленные параллели материалам ТК из памятников III тыс. до н. э., отмеченные самим Г. Л. Кавтарадзе (1983), а также Б. А. Куфтиным (1941) и Э. М. Гогадзе (1972). Кроме того, исследователь считает, что элитные погребения ТК стадияльно можно сопоставить только с погребениями царского кладбища в Уре и «княжескими» могилами Аладжи (Кавтарадзе 1983: 117, 124; Kavtaradze 1999: 88). Ничего подобного на Древнем Востоке нет ни в конце III тыс. до н. э., ни во II тыс. до н. э.

Кратко остановимся на перечисленных Г. Л. Кавтарадзе аргументах. Утверждение о *генетической связи* металлических изделий ТК с продукцией РБВ Ближнего Востока и его периферии справедливо. Однако с *типологической* точки зрения оружие ТК, несомненно, относится к *СБВ*. Достаточно обратить внимание на копья со свернутой втулкой, колющие мечи-«рапиры», проушные топоры-секиры и т. п. (Кушнарёва, Рысин 2000: 82–87).

О приводимых Г. Л. Кавтарадзе, Б. А. Куфтиным и М. Абрамишвили параллелях изделиям ТК в памятниках Древнего Востока III тыс. до н. э. мы уже писали ранее, в том числе и в данной работе. Большинство приводимых аналогий демонстрируют блестящую эрудицию авторов и глубокое знание ими зарубежной археологической литературы. С типологической же точки зрения приводимые параллели часто поверхностны и не обоснованы. В особенности это относится к аналогиям, которые использует Г. Л. Кавтарадзе (1983: 33). Достаточно напомнить, что он неоднократно ссылается на типологическую и стилистическую близость материалов ТК находкам из Большого Майкопского кургана. Кстати, Г. Л. Кавтарадзе здесь неоригинален, это же допускали многие археологи (Иессен 1950; Попова 1964; Schaeffer 1948), синхронизируя царские захоронения майкопской культуры, элитные могилы Аладжи и царские гробницы Ура. Памятники майкопской культуры, относящиеся к РБВ, датируются второй половиной IV — началом III тыс. до н. э. Что же могут принести нового для уточнения хронологической позиции памятников ТК приводимые Г. Л. Кавтарадзе параллели? Мы уже писали об ошибках, допущенных упомянутыми авторами при подборе типологических аналогий нескольким артефактам ТК: агатовому кулону лунарной формы; булавам со сферическими золотыми головками; металлическим сосудам с дуговидными ручками; наконечникам копий со свернутой втулкой; изображению сидящей на троне фигуры с сосудом в руке и т. п. Все эти параллели происходят из памятников, существовавших на протяжении длительного хронологического периода и расположенных в различных ареалах. Зачастую сопоставляются типологически разные изделия, например наконечники копий со стержневым насадом, со свернутой втулкой и с литой слепой втулкой (см. Кавтарадзе 1983: 131–134).

Следует также отметить, что на определенном этапе развития первобытного общества (стадия комплексного общества) появляются близкие по внешним формам погребения лидеров общин — «царские», или «княжеские» могилы. Для инвентаря таких погребений характерно присутствие производственного инвентаря и престижных изделий. Сходным образом сакральная роль вождей отражается в обрядах перехода и на этапе ранней государственности. Сходство наборов

инвентаря в таких элитных могилах функциональное, но не типологическое. В них, как правило, представлены наборы оружия, орудий труда (плотницкие инструменты), ювелирные изделия, металлическая посуда, транспортные средства и жертвоприношения животных. Определение хронологической позиции «княжеских» погребений не сводится к простой их синхронизации, а требует в каждом отдельном случае весьма кропотливого исследования.

Во всяком случае, *пересмотр традиционных датировок* памятников «цветущей поры» ТК, на наш взгляд, должен сопровождаться сравнительно-типологическим анализом основных типов металлических изделий ТК и *обоснованным опровержением* предложенных ранее *типологических параллелей*, служивших опорой для традиционной датировки.

Мы проанализировали с помощью традиционных археологических методов типы оружия, металлическую посуду и ювелирные украшения из памятников ТК. Полученные результаты позволяют предложить надежную дату для памятников «цветущей поры» ТК. Совершенно очевидно, что их нельзя датировать ни серединой II тыс. до н. э., ни первой его половиной. Никак не подтверждается сравнительно-типологическим методом и попытка удревнения ТК до середины III тыс. до н. э. Наиболее вероятное время бытования этих памятников — последние века III — первая четверть II тыс. до н. э.

В этот период население Южного Кавказа, и прежде всего его правящая элита, поддерживало активные связи с передневозточным регионом (Каппадокия, Сирия, Северная Месопотамия и Северо-Западный Иран). Вероятно, масштаб и направленность этих связей определялись включением Южного Кавказа в орбиту интересов ассирийской торговой организации. Примечательно, что закат «цветущей поры» ТК совпал с угасанием активности международной ассирийской торговли, в частности с прекращением существования ассирийской колонии Карум Каниша в Центральной Анатолии. Возможно, эти события были связаны с возникновением новой политической силы на Переднем Востоке — Хеттской державы (Narimanišvili, Šanšašvili 2010: 209).

Не подтверждаются традиционные предположения о связях Закавказья с Эгейским регионом. Если на предыдущем этапе СБВ существовали активные и двусторонние контакты Южного Кавказа с Северным, то на этапе «цветущей поры» ТК они практически полностью утрачены. Отсутствие притока новаций с Древнего Востока через Закавказье оказало решающее влияние на судьбу культур Северного Кавказа и восточноевропейских степей. Согласно разработкам В. С. Бочкарёва, именно в это время (финал СБВ) центр культурогенеза смещается с Кавказа в Волго-Уральский регион, где формируется новый очаг генерирования культур ПБВ (Бочкарёв 1991: 24–27). По мнению В. С. Бочкарёва: «К началу II тыс. до н. э. влияние кавказского очага культурогенеза фактически сошло на нет. Он превратился в чисто региональный центр. Вместе с этим завершился кавказский этап в истории бронзового века Восточной Европы. На рубеже III–II тыс. до н. э. общий центр развития переместился с Кавказа на северо-восток — в Среднее Поволжье и Южный Урал. Здесь сформировался новый очаг культурогенеза, который был назван волго-уральским» (Бочкарёв 2012: 21).

Социальное развитие в «цветущую пору» триалетской культуры

Открытие новых элитных погребальных комплексов ТК на Южном Кавказе позволяет поинтересоваться социальным аспектом «цветущей поры» ТК. Если ранее предполагалось, что центр ТК располагался на территории нынешней Грузии, в районе Триалетского плато, то сегодня мы знаем о нескольких племенных (?) центрах со своими вождями, погребенными в соответствии с их высоким статусом — Триалети, Лори Берд, Ванадзор, Карашамб, Неркин Навер, Аликемектепе и т. д. Причем в Лори Берде, Неркин Навере и в Триалети исследованы не единичные элитные захоронения, а курганные могильники «племенной верхушки».

Могилы вождей выделяются размерами погребальных ям или наземных залов, которые в Триалети составляют 175 и 152 м², Ванадзоре — 45 м², Карашамбе — 30 м² и в Аликемектепе — 7 м². В Триалети обнаружены ведущие к входам в дромосы погребальных залов мощные дороги для ритуальных процессов (Narimanišvili 2003). Погребения вождей отличают многофункциональные наборы инвентаря, как правило, включающие оружие (копье, меч, кинжал, секира, лук); плотницкие инструменты (тесло, долото); ювелирные изделия из драгоценных металлов и камней,

в том числе изготовленные в полихромном стиле бусины, серьги, головки булавок и сосуды; наборы для совершения жертвоприношений (металлические котлы, чаши, кубки, мясные крюки); десятки глиняных сосудов с жертвенной пищей и напитками, в том числе драгоценные расписные сосуды; повозки с металлическими разделителями вожжей на дышле; многочисленные жертвоприношения животных. Оружие в могилах вождей иногда выполнено из драгоценных металлов или украшено золотом. К ритуальным сосудам можно отнести и упомянутые выше базальтовые и туфовые «фиалы» (терки) для приготовления священного напитка сомы-хаомы (?). Таким образом, наборы погребального инвентаря позволяют предположить, что именно вожди были похоронены в ограбленных триалетских кург. V, XV, XVII и XXXVI, а также в большом кургане Карашамба, в кургане Ванадзора (Кировакана) и в погр. 80 на Аликемектепе.

Среди элитных погребений можно выделить могилы профессиональных воинов (воинская «аристократия»): Лори Берд, погр. 65 (рис. 6, Г) и Неркин Навер, кург. 3, в которых обнаружены мечи-«рапиры» и изделия из драгоценных металлов. Неясно, к какой категории элиты относились остальные погребенные на этих двух кладбищах. В Лори Берде (погр. 6) найден бронзовый котел и крюк, но нет оружия и изделий из драгоценных металлов. В погр. 74 (рис. 6, Б), 77 (рис. 6, А), 94 (рис. 6, В) Лори Берда и в кург. 5Б Неркин Навера обнаружено оружие (копья, мечи, кинжалы, наконечники стрел) и изделия из драгоценных металлов, но отсутствуют сосуды для жертвоприношений. Ни в захоронениях Лори Берда, ни в курганах Неркин Навера не встречены плотницкие инструменты, которые входили в обязательный набор инвентаря погребений вождей. Возможно, на обоих кладбищах хоронили представителей родовой воинской аристократии, подобной колесничной аристократии синташтинской культуры. Элитные захоронения с колесницами, запряженными лошадьми, обнаружены на Южном Кавказе в могильниках кармирбердской культуры, смежной ТК, и в памятниках периода, переходного к ПБВ (Ошакан и Гараджамирли).

Против интерпретации большинства погребений Лори Берда и Неркин Навера как вождеских свидетельствуют также малые размеры погребальных сооружений (высота курганов не превышает 0,5 м, диаметр каменной обкладки варьирует от 10 до 20 м). Только один курган в могильнике Неркин Навер отличался от остальных размерами погребального сооружения. Речь идет о расположенном в 300 м к С от основного могильника кург. 7, под насыпью которого был сооружен погребальный зал площадью 50 м² и глубиной 3 м. Зал был перекрыт бревенчатым настилом. В ограбленной могиле сохранились фрагменты примерно 60 сосудов, причем 50 из них покрыты росписью. Размеры погребальной ямы и количество сопровождающих захоронение расписных сосудов соответствуют обряду вождеских погребений в Ванадзоре, Карашамбе и Триалети.

Другой, не менее важной особенностью элитных захоронений ТК является своеобразие их погребального ритуала — в нескольких могилах зафиксирована кремация умерших. Многие исследователи полагали, что кремация указывает на появление в регионе нового населения, сформировавшего «правящую верхушку» племен ТК, причем археологи из Армении акцентируют внимание на индоиранском характере погребальных обрядов элиты ТК (Арешян 1988; Оганесян 1990, Симонян 2011).

Северное направление связей ТК на финальном этапе СБВ

В конце СБВ связи и контакты племен, обитавших по обеим сторонам Кавказского хребта, заметно сокращаются, что затрудняет синхронизацию памятников и культурно-хронологических этапов. Все же отдельные вещи, проникшие из-за Кавказского хребта, позволяют уточнить датировку финального этапа СБВ. К таким типам изделий, позволяющих рассматривать проблемы дальних связей и синхронизации памятников юга Восточной Европы и Кавказа, мы относим фаянсовые цилиндрические бусы с шишечками, роговые пряжки и ножи с копьевидным расширением клинка.

К югу от Большого Кавказского хребта фаянсовые бусы с шишечками-выступами, вероятно, имитирующими «зернь» на металлических бусинах, представлены в погребениях «цветущей поры» ТК (Триалети, кург. II) (Гогадзе 1972: табл. 16, 12). Фаянсовые бусины с тремя выступами-шишечками найдены также в кург. V Триалети (Там же: табл. 17, 21) и в синхронном «цветущей поро» ТК погр. 13 могильника Цицамури на р. Арагви (Садрадзе 1993: 56; табл. XXXVII, 4). Подобные артефакты встречены и в Северо-Западном Азербайджане (левый берег р. Алазань) в

комплексах, синхронных поздним памятникам ТК: в кург. 4 сарыджинской группы и кург. 8 кю-дурлинской группы (Ахундов 2001: рис. XLVIII, 1; LI, 3). В Армении бусины с тремя и пятью выступами обнаружены в элитных погребениях ТК могильника Лори Берд (Devedjian 2006) и в захоронении кург. 4 могильника Неркин Навер (Симомян 2011). Все эти находки позволяют уточнить хронологию триалетских памятников Закавказья.

Подобные бусы найдены на Северном Кавказе и в Предкавказье. Здесь они представлены в позднекатакомбных погребениях верхнекубанской группы (Суворовская, кург. 13, погр. 10 — Нечитайло 1979: рис. 69, б), в захоронениях батуринской и восточноманычской катакомбных культур позднего периода (Лолинский могильник — Синицын, Эрдниев 1966: табл. 6, 1). В Приазовье, на Нижнем Дону и Северском Донце бусы с выступами обнаружены в инвентаре погребений до-нецкой (Говоруха — Смирнов 1996: рис. 47, 31) и манычской (Александровск — там же: рис. 24, б) катакомбных культур позднего периода. Эти поделки встречены и в ареале днепродонской бабинской культуры или культуры многоваликовой керамики (далее — БК) и в захоронениях посткатакомбной лолинской культуры в Предкавказье (Мимоход 2004: 110; Литвиненко 2004: рис. 1, 2).

Р. А. Мимоход в своем обстоятельном исследовании рассматриваемых бус отметил, что в позднекатакомбных памятниках преобладают изделия с четырьмя выступами, а наибольшую типологическую близость с закавказскими образцами, имеющими три выступа, демонстрируют украшения из погребений раннего этапа БК и *посткатакомбных* захоронений лолинской культуры и архонской группы. Бусы с тремя выступами встречены также в памятниках финала СБВ Северо-Восточного Кавказа — гинчинская, присулакская, великентская культуры и предкубанская группа (Мимоход 2012: 140–141; рис. 2). По предположению Р. А. Мимохода, фаянсовые бусы с тремя выступами появились в комплексах синташтинской и раннепокровской культур как результат творческой переработки образцов посткатакомбного времени из Предкавказья и Северо-Восточного Кавказа (Мимоход 2009/2010: 76–77, рис. 5–6; 2012: 142; рис. 2–3).

Недавно С. Г. Деведжян опубликовала материалы поселения и могильника Лори Берд (Devedjian 2006), среди которых представлены *фаянсовые бусы с выступами, не вошедшие в сводку Р. А. Мимохода*. Такие поделки встречены в трех захоронениях (рис. 7, А–В). В погр. 60 найдены две бусины: одна — с тремя, вторая — с пятью выступами (Ibid.: 138, fig. 75, 6; pl. X, 4). В погр. 61 и 88 обнаружено по одной бусине с пятью выступами (Ibid.: fig. 79, 4; 101, 2; pl. IX, 2). Все могилы с фаянсовыми бусинами относятся к ранней группе погребений. Особый интерес представляют бусины *с пятью выступами*, так называемые звездчатые. Публикация захоронения из кург. 4 в Неркин Навере нам недоступна, но в докладе А. Симомяна были показаны стеклянные (фаянсовые?) звездчатые бусины из этого комплекса: три — с пятью выступами и четыре — с шестью (Симомян 2011). Находки других фаянсовых звездчатых бусин на Кавказе нам не известны. В этом регионе, в том числе и в комплексах погребений ТК, встречаются дисковидные и биконические бусины с зубчатым краем. Известно, что изображение звезды на Древнем Востоке являлось идеограммой божества. Звезда служила графическим символом богини Иштар. Таким образом, можно предположить, что звездчатые фаянсовые бусины из Лори Берда и Неркин Навера представляют собой реплики древневосточной идеологической традиции.

Р. А. Мимоход упомянул в своем докладе ряд европейских культур, в комплексах которых известны фаянсовые бусы в форме звезды с *четырьмя* выступами-лучами. Они представлены в материалах культурных групп Муреш/Mureş, Ватья/Vatya, Нагирев/Nagyrév, Кисопостар/Kisopostag, Унтервёлблинг/Unterwölbling, Арбон/Arbon, Вессек/Wessex, Фуд-вессел/Food Vessel, Колоред Урн/Colored Urn, которые, по мнению Р. А. Мимохода, полностью или частично синхронны посткатакомбному блоку. В Европе такие бусы именуют как «звездообразные»: «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» (англ.) (Мимоход 2012). Однако центральноевропейские фаянсовые бусы с выступами отличаются от закавказских: первые почти всегда имеют четыре выступа-луча, а вторые — пять или шесть. Например, в каталоге А. Хардинга упоминаются десятки четырехлучевых звездообразных фаянсовых бус из Венгрии и Словакии. И только из Швейцарии (BgA2) происходит бусина, у которой, *вероятно*, было пять выступов-лучей (Harding 1971: 200).

Для синхронизации культур Восточной Европы и Кавказа финального этапа СБВ важны также роговые зооморфные пряжки и пряжки в виде кольца со стерженьком. Впервые С. Н. Братченко (Братченко 1995) сопоставил кавказские находки этого рода со степными экземплярами, относящи-

мися к БК. На Северном Кавказе кольцевидные пряжки с выступом, ранее считавшиеся подвесками, были обнаружены в погребениях позднего этапа гинчинской культуры (Магомедов 1992), а именно в склепах 7 и 30 могильника Гатын-кале (Марковин 1963: 130; рис. 5, 7–8; 25, 3) и в погр. 22 склепа 2 Гинчинского могильника (Гаджиев 1969: рис. 12, 6). Пряжка в виде кольца с выступом известна также на Южном Кавказе в погр. 18 кург. 1 Ханларского могильника (Гуммель 1940: фиг. 30, 15; 38, 5). В Предкавказье кольцевидные пряжки представлены в могилах лолинской культуры (Литвиненко 2004: рис. 1, 2). На Нижнем Дону подобное изделие зафиксировано в погр. 6 (средний этап БК) во рву Ливенцовской крепости (Братченко 1995: рис. 2, 6). Кольцевидные изделия с выступом выявлены также в захоронении среднеднепровской культуры (Артеменко 1967: рис. 47, 30).

Зооморфные роговые пряжки, широкопланочные (по терминологии С. Н. Братченко), обнаружены в Дагестане в погр. 1 кург. 1 Ирганайского могильника (Магомедов 1990: 41; рис. 1, 2), в Северной Осетии в погр. 10 кург. 3 станицы Черноярской (Ростунов 2007: рис. 42, 7) и в Калмыкии в погр. 1 кург. 34 могильника Чограй VIII (Андреева 1989: рис. 42, 2). Недавно опубликованы новые находки широкопланочных пряжек из погребений лолинской культуры: Ипатово-3, кург. 2, погр. 13; Ильинский-1, кург. 1, погр. 6; Типки-1, кург. 2, погр. 4 (Калмыков 2005: 78–79, рис. 1, 3; 2, 2, 4). Аналогичные зооморфные пряжки известны в комплексах раннего этапа БК на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье (Александровск, Донецк, Новоамвросиевка, Липовец, Новогупаловка, Текстильщик; Братченко 1995: рис. 1, 12–13; Ляшко 1994: рис. 52, 11–12).

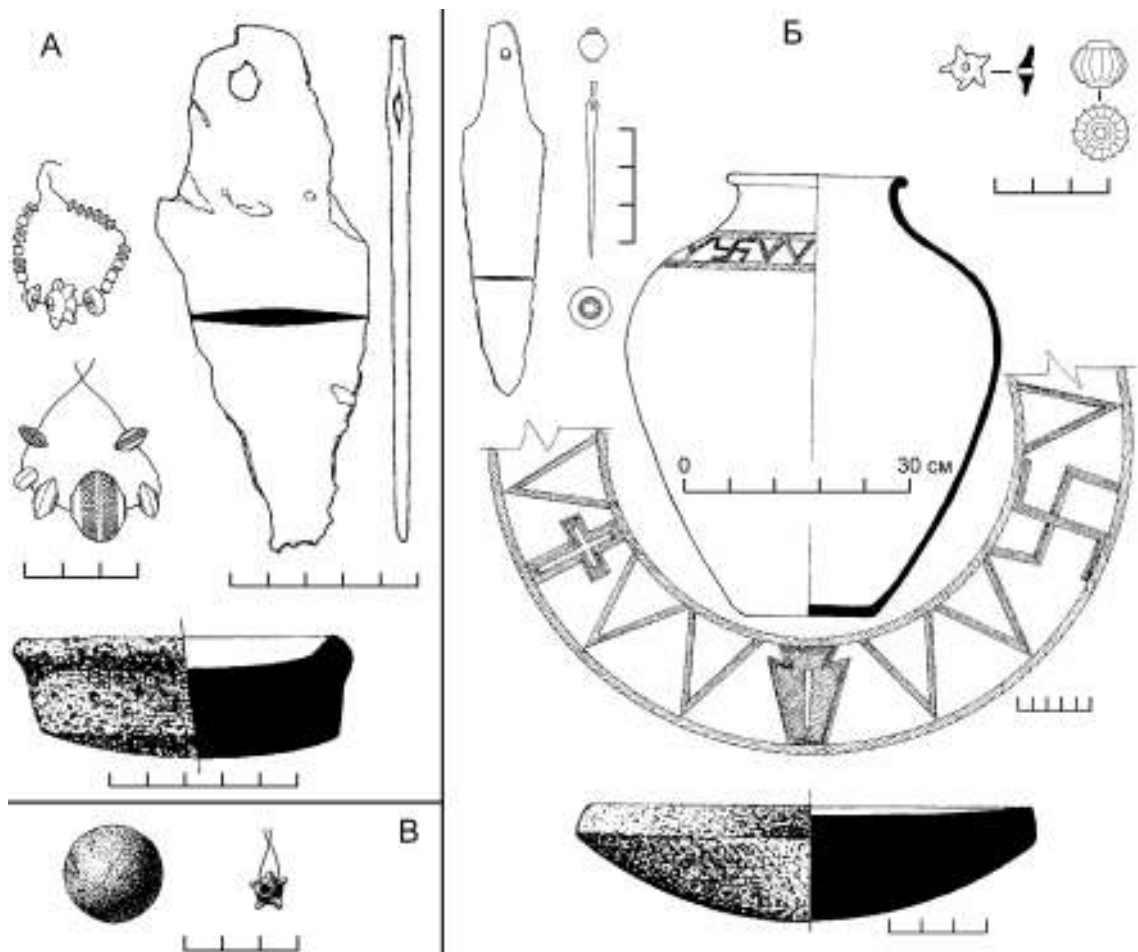

Рис. 7. Лори Берд, фаянсовые бусы звездообразной формы с пятью выступами: А — погр. 60; Б — погр. 61; В — погр. 88 (по Devedjian 2006)

Fig. 7. Lori Berd, star-shaped faience beads with five projections: A — burial 60; Б — burial 61; В — burial 88 (after Devedjian 2006)

Многолетние исследования памятников БК привели Р. А. Литвиненко к обоснованному выводу о синхронности посткатакомбных памятников БК комплексам позднего этапа гинчинской культуры. В качестве параллелей он указывает на такие типы изделий в обеих культурах, как бронзовые очевидные подвески и спиральные браслеты, фаянсовые бусы с выступами, фигурные пряжки, кремневые узковыемчатые наконечники стрел, точильные бруски с проточинами или отверстиями для привязывания (Литвиненко 2010: 221–222). Верхний рубеж гинчинской культуры и БК должен приблизительно совпадать, поскольку сменившие их покровская срубная и каякентско-хорочоевская культуры синхронны, что подтверждается наличием в их вещевых комплексах ряда сходных артефактов: прутковые браслеты, желобчатые височные кольца, сурьмяные подвески, бисер и т. п. (Там же: 222).

Согласно разработанной Р. А. Мимоходом периодизации лолинская культура синхронна памятникам БК и криволукской группе в степной зоне, а также поздним памятникам гинчинской, великентской, присулакской культур и древностям дигорской культуры так называемых протокобанских периодов I и II на Северном Кавказе. Памятники третьего заключительного этапа лолинской культуры хронологически соответствуют финальным древностям БК и памятникам блока колесничных культур рубежа ПБВ — потаповская, синташтинская, покровская. На Северном Кавказе финальные памятники лолинской культуры совпадают по времени с ранними каякентско-хорочоевскими древностями и памятниками дигорской культуры II протокобанского периода (Мимоход 2004; 2007: 153; 2010: 248).

Пряжки и фаянсовые бусы с выступами являются «кавказским вкладом» в вещевой комплекс БК, благодаря чему формируется своеобразный облик этой культуры. По мнению В. С. Бочкарёва, центр кавказского очага культурогенеза в финале СБВ перемещается на Северо-Восточный Кавказ — в Дагестан и Чечню. Как полагает В. С. Бочкарёв (2012: 21), именно здесь обнаруживается источник новаций, лежащих в основе трансформации финальнокатакомбных культур в посткатакомбные (лолинская, архаринская, криволукская и БК). Таким образом, участие кавказских культур в сложении посткатакомбного блока можно рассматривать как последний импульс кавказского очага культурогенеза, повлиявшего на развитие культур восточноевропейских степей, последний аккорд кавказской симфонии, первые ноты которой прозвучали с появлением майкопской культуры.

На костромском этапе северокавказской металлообработки (финал СБВ) металлические изделия собственно кавказских типов почти не встречаются за пределами степного Предкавказья. Для синхронизации кавказских и степных памятников этого времени особое значение приобретают вислообушные топоры костромского типа и плоские тесла костромских пропорций из Рыбаковского клада¹⁰. Эти изделия позволяют соотнести костромской этап металлообработки с финалом катакомбных культур, а также с посткатакомбными культурами — ранним и средним этапами БК. К такому выводу можно прийти и на основании находок фаянсовых бус и роговых пряжек кавказских типов в степной зоне. С тем же периодом соотносятся, по всей видимости, памятники «цветущей поры» ТК на Южном Кавказе. Напомним, что триалетские комплексы мы датировем последними веками III — первыми веками II тыс. до н. э.

В финале СБВ возможен еще один контакт в области производства металлических изделий по обоим склонам Кавказского хребта. О нем можно говорить в связи с публикацией С. Деведжян могильника Лори Берд, где в погр. 65 и 94 обнаружены ножи с характерным «приталенным» ниже плечиков корпусом и «копьевидно» расширенной лезвийной частью клинка (рис. 6, В–Г; Devedjian 2006: fig. 84, 8; 112, 2). Ножи подобной формы, которые мы предложили называть копьевидными ножами, характерны для костромского этапа металлообработки Северного Кавказа и Предкавказья (Рысин 2007: 210). Ранее один такой клинок из Грузии (курган в селе Ховле, погр. 2) опубликовал О. М. Джапаридзе (Джапаридзе 1998: 148, рис. 58). Он сопоставил эту находку с перднесточными наконечниками копий с черенковым насадом (Там же: рис. 60). Вместе с клинком из Ховле найден каменный оселок с отверстием для привязывания. Подобные оселки встречаются также в памятниках гинчинской культуры Северо-Западного Кавказа, синхронизируемых Р. А. Мимоходом с посткатакомбной лолинской культурой финала СБВ. В погр. 65 Лори Берда

¹⁰ Зарисовки вещей клада находятся в личном архиве В. С. Бочкарёва. Благодарю его за предоставленную мне возможность ознакомиться с этими материалами.

нож с клинком копьевидной формы обнаружен вместе с колющим мечом-«рапирой», причем нож, возможно, служил вспомогательным оружием для второй руки фехтовальщика (Кушнарёва, Рысин 2000: 86, сн. 14). Парадный характер таких ножей подтверждается наличием золотых накладок и серебряных заклепок на «приталенной» части корпуса этого оружия (Devedjian 2006: pl. IV, 2). Очевидно, в погр. 65 был похоронен представитель элиты воинов-профессионалов. В погр. 94 Лори Берда короткий нож копьевидной формы найден вместе с рубящим мечом, что также может указывать на то, что рассматриваемый нож принадлежал воину-профессионалу. Инвентарь обоих погребений включает украшения из золота и серебра, серебряную кружку (погр. 65), каменную чашу-терку для приготовления священного напитка (погр. 65), множество керамических сосудов, в том числе расписных (погр. 94), и обсидиановые выемчатые наконечники стрел.

Западная линия синхронизации кавказских памятников финала СБВ опирается на сопоставление памятников раннего и среднего этапов БК с древностями этапов Ic3–Ic2a культуры Монтеору (Motzoi-Chicideanu 1995; Zaharia 1995)¹¹. Ранний и средний этапы БК соответствуют по западным параллелям постшнуровым памятникам Центральной Европы и датируются концом III — началом II тыс. до н. э.

Р. А. Литвиненко (2009: 18) синхронизирует памятники БК с культурами Центральной Европы и Карпато-Подунавья в более широких рамках. По его мнению, БК соответствует этапам Ic3–Ia и Bg A1b–Bg A2a (по П. Райнеке) культуры Монтеору, т. е. раннеэладскому III — среднеэладскому I периодам, причем этапы Bg A1b–Bg A2a датируются ныне 2100/2000–1900 гг. до н. э.

Датирование памятников финала СБВ методами естественных наук

В нашем распоряжении имеется несколько дат по ¹⁴C для памятников ТК Южного Кавказа.

Г. Л. Кавтарадзе приводит единственную дату по ¹⁴C для памятников «цветущей поры» ТК. Для образца Tb-26, взятого из кургана Сабидахча (ранняя группа, по периодизации Э. М. Гогадзе), в лаборатории Тбилисского университета получена калиброванная дата 2028–1490 cal BC (XXI–XV вв. до н. э.) (Кавтарадзе 1983: 117).

В. А. Трифонов, основываясь на калиброванных датах ¹⁴C, вслед за Г. Л. Кавтарадзе, синхронизирует памятники ТК с III РД (царские гробницы Ура) и аккадским периодами Месопотамии (2500–2200 гг. до н. э.). На Северо-Восточном Кавказе в это время существовала гинчинская культура. Финальные памятники ТК В. А. Трифонов датирует 2200–2000 гг. до н. э. На Северо-Восточном Кавказе в это время представлены памятники каякентско-хорочоевской культуры, а в Северо-Западном Иране — поселения Хафтавантепе VI B, Динхатепе, Годинтепе III: 4 (Трифонов 2001: 80). В. А. Трифонов опирается на значительные серии датировок, причем для кавказского региона им собрано 205 дат, однако для памятников ТК, объединяемых В. А. Трифоновым с алазано-беденскими курганами СБВ, автор использовал всего 4 даты. Имея в своем распоряжении столь малое число радиоуглеродных определений, нельзя говорить о надежности абсолютной хронологии.

Из-за отсутствия дат по ¹⁴C для памятников ТК и Г. Л. Кавтарадзе, и В. А. Трифонов пытались определить нижнюю границу ТК, исходя из датировок курганов предшествующей марткопи-беденской культуры. Однако и здесь сторонников радиоуглеродного метода датирования ждало разочарование, так как имеется лишь 8 дат для ранних курганов Южного Кавказа (Черных и др. 2000: 87–88), причем их интервалы попадают в широкий хронологический отрезок в тысячу лет — от первой половины III тыс. до н. э. (2880–2460 cal BC; 68 %) до середины II тыс. до н. э. (1690–1520 cal BC; 68 %). Очевидно, что при таких результатах нет никакой возможности определить сколько-нибудь надежно абсолютные даты ранних курганов на территории Грузии. Тем не менее и Г. Л. Кавтарадзе (Кавтарадзе 1983; Kavtaradze 1999), и В. А. Трифонов (2001) уверенно датируют их первой половиной III тыс. до н. э. Памятники «цветущей поры» ТК коллеги помещают во вторую половину III тыс. до н. э. и синхронизируют их с III РД и аккадским периодами в Месопотамии (Кавтарадзе 1983: 116; Трифонов 2001: 80). Отличие подходов двух авторов состоит только в том, что Г. Л. Кавтарадзе растягивает время бытования памятников ТК до первых веков II тыс. до н. э.,

¹¹ Выражаю искреннюю признательность В. С. Бочкарёву за консультации по вопросам его концепции культурогенеза финала СБВ, а также за разъяснения по проблеме синхронизации памятников БК и Монтеору и принципам классификации восточноевропейских роговых пряжек.

а В. А. Трифонов ограничивает бытование ТК концом III тыс. до н. э. Однако не существует памятников для заполнения образовавшейся в его периодизационной схеме лакуны, которая приходится на первую четверть II тыс. до н. э., поскольку памятники начала ПБВ на Южном Кавказе пока не удается «подтянуть» к рубежу III/II тыс. до н. э. Удревнение начала ПБВ невозможно, прежде всего, из-за типологических параллелей с хорошо датированными древневосточными памятниками.

В исследовании Е. Н. Черных, Л. И. Авиловой и Л. Б. Орловской (Черных и др. 2000) собраны 43 даты, происходящие с кавказских памятников СБВ. С древностями ТК можно было бы соотнести лишь дату образца из кургана Сабидахча — (Тб-26) 3370 ± 60 BP, 1750–1530 cal BC (1 σ), калиброванное значение которой заметно отличается от вышеприведенного результата в работе Г. Л. Кавтарадзе. Дата была получена по образцу дерева, взятому из остатков «колесницы» (скорее, телеги с четырьмя массивными деревянными колесами). Кроме этой даты, в базе данных Е. Н. Черныха и коллег к ТК отнесены еще образцы из погребений могильника у села Ирганчай (Машаверское ущелье, Дманисский р-н, Грузия). Калиброванные значения последних (1 σ) укладываются в период XXII–XV вв. до н. э.: кург. 1 — (Тб-475) 3640 ± 60 BP, 2140–1940 cal BC; кург. 2 — (Тб-476) 3534 ± 55 BP, 1960–1770 cal BC; кург. 4 — (Тб-477) 3500 ± 60 BP, 1900–1740 cal BC; кург. 5 — (Тб-478), 3185 ± 50 BP, 1515–1425 cal BC (Черных и др. 2000: 87–88, табл. 15). Однако судя по сопровождающему инвентарю (об этом см. ниже), к ТК относятся только погребения в кург. 2 и 4.

Е. Н. Черных и его соавторы поставили перед собой грандиозные задачи: «установить корректную абсолютную хронологию Балкано-Карпатской и Циркумпонтийской металлургических провинций <...> территориальный охват собранных анализов от Южного Урала до Адриатики и Эгеиды, от Верхнего Поволжья вплоть до Леванта и Месопотамии (даты памятников охватывают период VI–II тыс. до н. э.)» (Там же: 2). В цитируемой работе использовано 1338 радиоуглеродных дат. Однако они распределяются по регионам весьма неравномерно, что должно было отразиться на качестве полученных исследователями результатов. Поскольку для СБВ кавказского региона имеется, как сказано выше, лишь 43 даты, очевидно, что такой выборки недостаточно для полноценной статистики. Если же пристально рассмотреть приведенные датировки, то выяснится, что ранние курганы Южного Кавказа (марткопи-бедени) дали лишь 8 дат (1 σ) диапазоном от 3700–3530 и 2880–2460 до 2130–1960 и даже до 1690–1520 cal BC (Там же: 87–88, табл. 15). Таким образом, на основании этих определений период существования марткопских и беденских памятников оказался растянутым на две тысячи лет. Непонятно, о какой «корректной абсолютной хронологии» здесь идет речь. Образец периода марткопи-бедени из поселения Бериклдееби дал дату 3700–3530 cal BC (1 σ), из чего следует, что марткопские курганы, относящиеся к СБВ, синхронны памятникам майкопской культуры и урукскому периоду Месопотамии, что абсурдно с точки зрения археологической периодизации и сравнительной типологии. Очевидно, следует признать эту дату недостоверной, что автоматически ставит под сомнение и другие определения, а следовательно, и итоговые выводы авторов.

Рассмотрим также даты дольменной культуры Западного Кавказа. Авторы привели всего 3 анализа: из дольмена Псынако (2920–2780 cal BC) и из пос. Старчики (3350–3100; 2460–2200 cal BC) (Там же: 88, табл. 15). Судя по этим датам, дольменные памятники можно «поместить» и в конец IV тыс. до н. э., и в середину III тыс. до н. э. На таком шатком основании нельзя корректно выстраивать абсолютную хронологию значительной части Евразии. Вероятно, не стоит торопиться «создавать широкие исторические полотна» и «сбрасывать со счетов» предложенный некогда Г. Чайлдом лозунг «Ex Oriente Lux» («Свет с Востока»), как об этом пишут Е. Н. Черных и Л. Б. Орловская в другой своей работе (Черных, Орловская 2008: 264).

Г. Л. Кавтарадзе, со ссылкой на К. К. Кахиани, также опубликовал серию дат по ¹⁴C, полученную из погребений курганного могильника у сел. Ирганчай: кург. 1 — (Тб-475) 2122–1910 cal BC; кург. 2 — (Тб-476) 1932–1749 cal BC; кург. 3 — (Тб-545) 2284–1984 cal BC; кург. 4 — (Тб-477) 1886–1706 cal BC; кург. 5 — (Тб-478) 1512–1406 cal BC; кург. 9 — (Тб-496) 1872–1679 cal BC; кург. 18 — (Тб-548) 1678–1208 cal BC (Kavtaradze 1999: 86). Далее приведены даты для погребений культуры бедени, которая предшествует памятникам «цветущей поры» ТК: кург. 21 — (Тб-546) 2132–1951 cal BC; кург. 25 — (Тб-811) 2460–2138 cal BC; кург. 26 — (Тб-812) 2200–1934 cal BC; кург. 27 — (Тб-817) 2856–2409 cal BC; кург. 28 — (Тб-818) 2578–2285 cal BC; кург. 30 — (Тб-835) 2582–2328 cal BC.

Нам удалось привлечь еще несколько дат по ^{14}C для памятников ТК. Рассмотрим, прежде всего, погребения курганного могильника у сел. Ирганчай (Дманисский р-н, Грузия), радиоуглеродные даты которых используют для абсолютного датирования памятников ТК в новейших базах данных по хронологии кавказских памятников. Археологи исследовали этот памятник в 1984–1988 гг. и опубликовали даты образцов из погребений СБВ, переходного периода к ПБВ и начала ПБВ. Все образцы датированы в радиоуглеродной лаборатории Тбилисского ГУ (Кахиани и др. 1997).

Самая ранняя дата получена по образцу из погребения в кург. 21. В могиле найдены 11 сосудов, 3 золотые обкладки и древесный уголь. Обнаруженная в захоронении керамика по форме и орнаментации близка, по словам авторов, беденской посуде. В пользу принадлежности погребения к беденской культуре свидетельствует и круглая в плане могильная яма диаметром 4,5 м. Погребальные сооружения подобной формы уже известны на территории Грузии (например, беденское погребение в кург. IV Триалети). Образец из захоронения кург. 21 дал следующую дату: 1910 ± 50 л. до н. э., 2387–2169 cal BC (Там же: 60).

Курган 1. В прямоугольной яме установлена деревянная повозка, колеса которой закреплены в углублениях на дне могилы. Погребенный был уложен на циновку в скорченном положении, на левом боку головой на З. Датированный инвентарь в погребении отсутствует. Вероятно, захоронение относится к беденской курганной культуре СБВ. Образец из погребения дал дату: 1800 ± 60 л. до н. э., 2206–2080 cal BC (Кахиани и др. 1991: 57).

Курган 2. В могильной яме обнаружена деревянная повозка, колеса которой закреплены тем же образом, что и в кург. 1. В кургане найдена керамика ТК. Образец из погребения дал дату: 1680 ± 55 л. до н. э., 2043–1927 cal BC (Там же: 58).

Курган 3. По словам раскопщиков, он был потревожен грабителями. На погребальной площадке разбросаны фрагменты сосудов СБВ и ПБВ. Кроме того, найдены сердоликовые и фаянсовые бусины, обломки бронзового браслета, височные кольца (Кахиани и др. 1991: 58).

Курган 4. В захоронении найдено 9 сосудов ТК, сферическая полая золотая бусина, золотые гофрированные обкладки-«лодочки». Аналогичные обкладки обнаружены в кург. XXXVI Триалети, кург. 65 Лори Берда, кург. 1 Неркин Наваера и т. п. Агатова бусина из кург. 4 близка сегментовидной бусине из кург. VIII Триалети. В могиле встречены кости конечностей и черепа крупного и мелкого рогатого скота. Образец из погребения дал дату: 1655 ± 60 л. до н. э., 2023–1897 cal BC (Там же).

Курган 5. В могиле и на ее перекрытии зафиксировано 30 керамических сосудов. Среди них представлены цилиндрическая, зауженная посередине подставка-алтарь и горшки с характерным севано-узерликским орнаментом. Такая посуда встречается в комплексах переходного этапа к ПБВ. В могиле найден кинжал «переднеазиатского» типа, различные украшения-амулеты, в том числе подвески-лунницы, сердоликовые и фаянсовые бусины, кости и черепа быков, мелкого рогатого скота и собак. Встречена также пара бронзовых фигурок птиц на прямоугольных подставках. Подобные фигурки и подвески-лунницы известны из погребений переходного периода к ПБВ на территории Армении и Азербайджана (Гараджамирли, Лори Берд). Захоронение относится к первому этапу ПБВ. Образец из погребения дал дату: 1330 ± 50 л., 1658–1452 cal BC (Там же: 58).

Курган 9. В могиле обнаружена деревянная повозка, а также оловянная булава с грибовидной головкой, фрагменты керамических сосудов, бусины из агата, сердолика и фаянса, челюсть крупного рогатого скота. В ямке-тайнике спрятано 47 золотых изделий, в том числе гофрированные обкладки от поделок из дерева, филигранные трубочки, полые сферические бусины с зернью и т. п. Образец из погребения дал дату: 1605 ± 60 л., 1993–1887 cal BC (Кахиани и др. 1995: 68).

Курган 18. На погребальной площадке найдены золотые и фаянсовые бусины, а также пастовые бусины «домино». Здесь, по словам авторов, была разбросана как керамика ТК, так и посуда ПБВ, причем один сосуд имел характерную для посуды ПБВ седловидную ручку. Образец из погребения дал дату: 1330 ± 200 л., 1558 cal BC (Кахиани и др. 1997: 60).

Таким образом, и Г. Л. Кавтарадзе (Kavtaradze 1999), и коллектив авторов под руководством Е. Н. Черных (Черных и др. 2000) опубликовали даты погребений из курганов у сел. Ирганчай, значительно *отличающиеся* от датировок, приведенных авторами раскопок (Кахиани и др. 1991; 1995; 1997), причем в работе московских исследователей (Черных и др. 2000) в базу

данных по СБВ включены 4 радиоуглеродные определения из этих курганов (под названием Машавера). Г. Л. Кавтарадзе (Kavtaradze 1999) привел в качестве дат СБВ датировки ТК из 7 курганов у сел. Ирганчай.

Однако кург. 5 относится к переходному периоду к ПБВ, а кург. 18 — к ПБВ. В кург. 3 найдена керамика СБВ вместе с посудой ПБВ. В кург. 1 не найдено датирующихся артефактов. По наборам инвентаря к ТК можно отнести только погребения в кург. 2, 4 и 9. В результате база датировок, используемая Г. Л. Кавтарадзе, и границы интервалов дат ТК сокращаются. Интервал вероятности даты захоронения из кург. 21 (XXIV–XXII вв. до н. э.) следует относить к беденскому периоду, предшествующему ТК. Интервал вероятности даты погребения из кург. 5 (XVII–XV вв. до н. э.) — к периоду, последующему за ТК (переходный период к ПБВ). Ко времени бытования ТК относится только интервал вероятности дат кург. 2, 4 и 9 — XXI–XIX вв. до н. э.

Кроме того, Г. Л. Кавтарадзе приводит дату захоронения посттриалетского времени (начало ПБВ) из кургана у сел. Метехи — (Тб-31) 1526–1426 cal BC (Ibid.: 87).

Сотрудники Тбилисской археологической экспедиции опубликовали дату образца дерева из погр. 6 могильника Намгаламица-I (начало ПБВ): 1410 ± 50 л. до н. э., 1761–1554 cal BC (Абрамишвили и др. 1997: 52).

С. Г. Деведжян (Devedjian 2006: 361) приводит результаты датирования костей лошади из погр. 77 могильника Лори Берд — (Hd-23344) 3480 ± 41 BP, 1880–1745 cal BC (1 σ).

В работе Г. Л. Кавтарадзе (Kavtaradze 1999: 86) указаны также две даты по ¹⁴C из синхронных поздней стадии ТК погребений кург. II могильника Аруч (Армения) — (Bln-2727) 2112–1772 cal BC; (Bln-2801) 2032–1890 cal BC.

На территории Армении в рамках международной программы ArAGATS были исследованы археологические памятники различных эпох в окрестностях горы Арагац (плато Цакаховит), в том числе и многослойное поселение Гехакар, стратиграфия которого включает отложение, содержащее керамику ТК. Из этого напластования получены три датировки по ¹⁴C (1 σ). Образец угля из нижнего горизонта дал дату: (Bln-5834) 2130–1970 cal BC; из верхнего горизонта — (Bln-5835) 1880–1690 cal BC; образец кости животного — дату (Bln-5713) 1890–1760 cal BC (Арутюнян, Бадалян 2008: 107).

Таким образом, калиброванные даты по ¹⁴C из памятников ТК охватывают временной интервал от XXII до XVII в. до н. э.

Датировку памятников ТК косвенно позволяют определить даты по ¹⁴C, полученные из рудников Рачи (Западная Грузия). Добываемые в рудниках сурьма и мышьяк служили добавками к меди при изготовлении металлических изделий ТК. Начало эксплуатации рудников относится к первым векам II тыс. до н. э. (Кушнарёва 1993а: 245). Из рудника Сагеби получены следующие даты СБВ: (Тб-310) 1895–1748 cal BC, (Тб-334) 1882–1698 cal BC (Kavtaradze 1999: 87).

К. К. Пицхелаури и Р. Киладзе предложили оригинальный археоастрономический метод датирования элитного памятника ТК — кургана на р. Иори в местности Садуга. В погребении этого кургана обнаружены бронзовый меч, котел, золотые украшения и множество керамических сосудов, включая расписные (Пицхелаури, Киладзе 2010: 246). По мнению авторов, на двух расписных сосудах из Садуги запечатлено редкое астрономическое явление — кольцевидное солнечное затмение. Точно такое же изображение нанесено на сосуд из захоронения СБВ в Амиранис-вели на р. Алазани. Рассчитав, когда в районах расположения обоих памятников кольцевидные солнечные затмения могли наблюдаться как *центральные*, исследователи предложили вероятную дату для кургана Садуга — 1919 г. до н. э. (Там же: 248).

На многослойном восточноанатолийском телле Сосхёюк (расположенном в месте сближения верховьев Евфрата и Аракса) в различных слоях встречена керамика, аналогичная куроаракской, марткопи-беденской и триалетской посуде Закавказья. В слое IV b (СБВ II) в заполнении ямы 7 найдена орнаментированная зубчатым штампом керамика, близкая к посуде ТК (Sagona 2000: fig. 23, 1). Две калиброванные даты были получены по образцам, взятым из верхней (Beta-107914) и из нижней (Beta-107916) частей ямы 7. Первый образец дал дату 3340 ± 70 BP, 1690–1520 cal BC (1σ); второй –3220 ± 70 BP, 1530–1415 cal BC (1σ). Для слоя IVb известны еще 12 дат (все — по образцам угля), калиброванные значения которых укладываются в диапазон (1σ) от 2110–1935 до 1450–1385 cal BC (Ibid.: 338–356).

На востоке Анатолии в районе Хаккари в 1997 г. было исследовано погребение М 1 с расписной керамикой стиля «Ван-Урмия». О. Осфират опубликовал 4 радиоуглеродные даты ($1\sigma?$) для этой гробницы со ссылкой на выполнившего определения Б. Кромера из Гейдельберга: 1885–1745 cal BC, 1995–1690 cal BC, 1950–1835 cal BC, 2030–1780 cal BC (Özfirat 2002: 222). Диапазон датировок охватывает XXI–XVII вв. до н. э.

Для памятников Северо-Западного Ирана с керамикой «Ван-Урмия» (Хафтаван VIC и VIB) имеется несколько радиоуглеродных определений. Ч. Барней приводит результаты датировки керамики из Хафтаван Тепе, выполненные археомагнитным методом. Дата слоя Хафтаван VIC соответствует времени 2200–2000 cal BC, нижнего горизонта слоя Хафтаван VIB — времени 1900–1550 cal BC, верхнего горизонта того же слоя — времени 1600/1550–1450 cal BC (Burney 1970; 1975; Edwards 1981; 1983: 233, 283).

Серия дат по ^{14}C получена для посткатакомбных памятников и древностей БК, синхронных памятникам ТК по *северной линии связей*.

Для БК Р. А. Литвиненко собрал 29 дат по ^{14}C , причем 22 из них происходят из памятников днепро-прутской БК и 7 — из памятников днепро-донской БК. По его словам, «к сожалению, разброс полученных дат является довольно широким (2495–1335 cal BC)» (Литвиненко 2009: 20). После этого объективного вывода автор переходит к субъективной процедуре, привычной для всех сторонников метода датирования по ^{14}C . Массив имеющихся дат Литвиненко разделяет на три части. Группу ранних дат он объявляет «явно заниженной» (для БК: 2495–2341 cal BC), а группу поздних (1575–1335 cal BC) — «определенно завышенной». Скопление дат в диапазоне 2215–1745 cal BC Р. А. Литвиненко принимает в качестве «правильного» для культурного круга Бабино (Там же). Если же *объективно* оценивать полученный для культурного круга Бабино массив из 29 дат по ^{14}C cal BC, то следует признать их *ничтожность* для решения задач периодизации и хронологии. В самом деле, диапазон дат XXV–XIV вв. до н. э. (более тысячи лет!) бесполезен по сравнению с датировками памятников БК, полученными традиционными археологическими методами. Далее Р. А. Литвиненко приводит ^{14}C даты синхронных БК центральноевропейских культур, в основном соответствующих диапазону 2200–1800 cal BC (Там же: 20–21).

Для посткатакомбной лолинской культуры Р. А. Мимоход приводит 17 калиброванных дат (Мимоход 2009: 253; табл. 1). Большинство из них установлено по человеческим костям из погребений. Как пишет автор: «При суммировании вероятности распределения всех дат они занимают диапазон XXIII–XVII вв. до н. э. на шкале радиоуглеродной хронологии» (Там же: 254). Исследователь сопоставляет даты лолинских памятников с серией дат по ^{14}C из памятников предшествующей восточноманычской катакомбной культуры (далее — ВМКК). Сумма вероятностей дат ВМКК в целом «хорошо иллюстрирует более молодой возраст лолинской культуры». Однако при этом выясняется примечательное, на наш взгляд, обстоятельство. По словам Р. А. Мимохода, «мы имеем отрезок *наложения диапазонов* в рамках XXIII–XXI вв. до н. э.» (Там же: 254, табл. 2, ил. 2). При этом традиционными археологическими методами надежно установлено «следование лолинской культуры за ВМКК без частичного сосуществования» (Там же: 254). Автор раскрывает парадокс практики применения метода радиоуглеродного датирования для памятников степной зоны Восточной Европы: повсюду, где традиционными археологическими методами доказано *следование* археологических культур друг за другом *без сосуществования* и где имеются серии радиоуглеродных дат последовательно сменяющихся культур, мы получаем отрезки перекрывания интервалов от 150 до 250 лет (Там же).

Например, интервал памятников ингульской катакомбной культуры приходится на XXV–XXI вв. до н. э., а сменяющие их днепро-прутские памятники БК оказываются в диапазоне XXIII–XVII вв. до н. э. В действительности ситуация еще более абсурдна, чем ее описывает Р. А. Мимоход, поскольку, как сказано выше, интервал дат БК — XXV–XIV вв. до н. э. — *полностью перекрывает* весь период бытования ингульской культуры (Литвиненко 2009: 20). Такое же наложение интервалов демонстрируют даты ямной и ингульской катакомбной культур, раннекатакомбных и позднекатакомбных памятников (Мимоход 2009: 255). Р. А. Мимоход пытается объяснить явное несоответствие результатов датирования по ^{14}C и стратиграфических наблюдений неизбежной погрешностью метода датирования: «там, где сравниваются серии дат последовательно сменяющихся

культур, мы всегда будем получать соответствующие отрезки перекрытия *равные ошибке метода* радиоуглеродного датирования» (Там же).

Таким образом, радиоуглеродный метод датирования имеет границы своих возможностей: с его помощью можно установить только *последовательность* памятников сменяющих друг друга археологических культур, но пока нельзя определить ни протяженность бытования культур, ни надежные границы датировок памятников. Р. А. Мимоход, делая фактически точно такой же вывод, не решается открыто посягнуть на авторитет «священной коровы» современной археологии, «прячась» за словесной «эквивалистикой». Он пишет: «Более точный радиоуглеродный рубеж в отрезке перекрытия должен, видимо, находиться в его центре. Тогда диапазон бытования посткатакомбных групп Предкавказья, как и всего посткатакомбного блока, можно ограничить в пределах XXII–XVIII вв. до н. э.» (Там же: 255).

Этот диапазон дат вполне соответствует датировкам памятников ТК, полученным нами традиционной археологической методикой, с привязками к надежно датированным памятникам Переднего Востока (по южной линии синхронизации). Однако непонятно, каким образом был получен укороченный диапазон датировок для посткатакомбных памятников, поскольку для них имеются даты, диапазон которых приходится на XXV и XXIV вв. до н. э. (Там же: табл. 1, № 3, 5, 15, 17). На каком основании часть диапазонов была усечена? Возможно, дело в отсутствии поправок на «резервуарный эффект», поскольку большинство дат получены по образцам костей человека из погребений¹². Но это не решает проблему отбора «правильных» дат. В результате сегодня, как и на заре применения метода, сторонники радиоуглеродного датирования археологических памятников принимают субъективное решение при отборе «правильных» дат и «правильных» диапазонов дат.

Например, для эпонимного многослойного поселения Сарата Монтеору (Motzoi-Chicideanu 2003) получены 2 даты по ¹⁴C: для горизонта Ic3 — (Bln-3065) 2200–1970 cal BC (1σ) и горизонта Ic2 — (Bln-4619) 2470–2310 cal BC (1σ). Таким образом, если доверять календарным датам по ¹⁴C, верхний горизонт Ic2 оказывается древнее, чем нижний Ic3. Подобная ситуация зафиксирована на многих многослойных памятниках, датированных радиоуглеродным методом. Ошибочность полученных результатов в этом случае очевидна. Тем самым закономерно возникает вопрос, есть ли основания верить всем датам, полученным радиоуглеродным методом?

С проблемой несоответствия абсолютной и относительной хронологии сталкиваются исследователи при изучении культур Восточной Европы различных эпох (Иванова и др. 2005: 171; Рассемакин 2004: 17, 26). М. Б. Шукин, исследуя эпоху латена, объяснял это тем, что археологи имеют дело с «текучими» процессами изменения материальной культуры. Каждое явление (типологический ряд, археологические культуры) коренится в предшествующих периодах, вначале проявляясь не очень заметно. В результате стройная система сетки относительной хронологии растягивается, ячейки из квадратных становятся ромбическими, перекрывающимися друг друга. М. Б. Шукин предложил изменить саму парадигму хронологического мышления — от «квадратного» перейти к «ромбическому». Это, по мнению автора, позволит снять противоречия, возникающие при переводе относительных дат в абсолютные (Шукин 2004).

Подведем итог нашему экскурсу в абсолютную хронологию памятников финального этапа СБВ Южного Кавказа. С точки зрения традиционных археологических методов, включая сравнительно-типологический анализ, памятники ТК надежно датируются концом III — первыми веками II тыс. до н. э. (2200/2100–1900/1800 гг. до н. э.). Немногие даты по ¹⁴C для памятников ТК и синхронных древностей на других территориях либо подтверждают их датировку традиционными методами, либо демонстрируют более широкий хронологический диапазон, причем самые ранние даты относятся к XXVI в. до н. э. (могильник Неркин Навер), а самые поздние — к XV–XIV вв. до н. э. (поселение Сосхёюк, слой IVb; курган Сабидахча). Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время даты по ¹⁴C не способны играть сколько-нибудь существенную роль при построении корректной абсолютной хронологии памятников финала СБВ Южного Кавказа.

¹² Некоторые образцы (кости человека, раковины, кости рыб) имеют более древний радиоуглеродный возраст в результате воздействия «резервуарного эффекта» (Шишлина 2010; Шишлина и др. 2006; 2010; Плихт и др. 2006; Lanting, Plicht 1995/1996).

Абрамишвили и др. 1997 — *Абрамишвили Р. М., Абрамишвили М. Р., Вашакидзе Т. Р., Гоциридзе Д. И., Джугели Д. А., Кренташвили Э. Г., Пхаладзе В. К., Султанишвили И. В.* Археологические раскопки в Тбилиси // ПАИ в 1988 году. 1997. С. 47–56.

Андреева 1987 — *Андреева М. В.* Рец. на книгу Г. Л. Кавтарадзе: «К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии». Тбилиси: Мецниереба, 1983 // СА. 1987. № 4. С. 273–283.

Андреева 1989 — *Андреева М. В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука, 1989. С. 24–124.

Арешян 1973 — *Арешян Г. Е.* Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. 1973. № 4. С. 40–49.

Арешян 1988 — *Арешян Г. Е.* Индоевропейский сюжет в мифологии населения Куры и Аракса во II тыс. до н. э. // ВДИ. 1988. № 4. С. 84–102.

Артеменко 1967 — *Артеменко И. И.* Связи племен среднеднепровской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1967. С. 6–16.

Арутюнян, Бадалян 2008 — *Арутюнян А., Бадалян Р.* Поселение Гехакар: новый памятник среднего бронзового века в бассейне озера Севан // Культура древней Армении. Ереван: Гитутюн, 2008. Вып. 14. С. 103–112.

Ахундов 2001 — *Ахундов Т. И.* Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001. 332 с.

Бикерман 2000 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Сретенск: Межконфессиональный центр историко-философских исследований, 2000. 336 с.

Бочкарёв 1991 — *Бочкарёв В. С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.: ИИМК РАН, 1991. С. 12–19.

Бочкарёв 1995 — *Бочкарёв В. С.* Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы науч. конф. 21–25 августа 1995 г. Саратов. Саратов; СПб.: ИИМК РАН, Саратовский ГУ, 1995. Ч. 1. С. 18–29.

Бочкарёв 2012 — *Бочкарёв В. С.* О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова (22–26 октября 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 13–24.

Братченко 1995 — *Братченко С. Н.* Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы науч. конф. 21–25 августа 1995 г. Саратов. Саратов; СПб.: ИИМК РАН, Саратовский ГУ, 1995. Ч. 2. С. 8–26.

Гаджиев 1969 — *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала: Изд-во Дагестанского ФАН СССР, 1969. 178 с.

Гогадзе 1972 — *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 148 с. (на груз. яз.).

Гогадзе 1976 — *Гогадзе Э. М.* Курганные погребения Лило // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1976. Вып. 32-В. С. 7–19.

Гуммель 1940 — *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку: Изд-во Азербайджанского ФАН СССР, 1940. 164 с.

Гусейнова, Алиев 2006 — *Гусейнова М. А., Алиев И. Н.* Среднебронзовые курганы сел. Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана // Azerbaijan archaeology & Ethnography. Баку, 2006. № 1. С. 33–57.

Деведжан 1981 — *Деведжан С. Г.* Лори-Берд. Ч. I: Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1981. 86 с., 17 л. ил.

Дедабришвили, Русишвили 1984 — *Дедабришвили Ш. Ш., Русишвили Р. И.* Среднебронзовый курган 2 в Садугской долине // Тр. Кахетинской археологической экспедиции. Тбилиси: Мецниереба, 1984. Т. 6. С. 56–63.

Джапаридзе 1969 — *Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети (К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э.). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969. 156 с.

Джапаридзе 1994 — *Джапаридзе О. М.* Триалетская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. Эпоха ранней и средней бронзы Южного Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 75–92 (Археология).

Джапаридзе 1998 — *Джапаридзе О.* К этнокультурной истории грузинских племен в III тыс. до н.э. (*Zur ethnokulturellen Geschichte der georgischen Stämme im 3. Jahrtausend v. Chr.*). Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1998. 256 с. (на груз. яз., рез. нем.).

Есаян 1976 — *Есаян С. А.* Древняя культура Северо-Восточной Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976. 234 с.

Есаян 1987 — *Есаян С. А.* Металлическая утварь Армении эпохи бронзы // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван, 1978. № 2. С. 58–67.

Жоржикашвили, Гогадзе 1974 — *Жоржикашвили Л., Гогадзе Э. М.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.): Каталог триалетских материалов. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 2. 200 с.

Иванова и др. 2005 — *Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: ИА НАНУ, 2005. 207 с.

Иессен 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. 12. С. 157–202.

Ильин-Томич, Сафронов 2010 — *Ильин-Томич А. А., Сафронов А. В.* Датировка и возможный исторический контекст «Речения Ипувера» // ВДИ. 2010. № 4. С. 3–22.

Кавтарадзе 1983 — *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 156 с.

Калантарян и др. 2003 — *Калантарян А. А., Мелконян У. А., Жамкочян А. С., Бабаян Ф. С., Пилипосян А. С., Канесян А. Г.* Результаты раскопок 2002 г. в Ошакане // АЭФК: Материалы Междунар. науч. конф. 17–18 ноября 2003 г. Эчмиадзин: Азарашен, 2003. С. 112–122.

Калмыков 2005 — *Калмыков А. А.* Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ: ІА НАНУ, 2005. С. 68–85.

Кахиани и др. 1991 — *Кахиани К. К., Глигвашвили Э. В., Джаниладзе М. С., Каландадзе Г. Г., Цквितिцидзе З. Р.* Археологическое исследование Машаверского ущелья в 1984–1986 гг. // ПАИ в 1986 году. 1991. С. 51–59.

Кахиани и др. 1995 — *Кахиани К. К., Глигвашвили Э. В., Каландадзе Г. Г., Цквितिцидзе З. Р.* О работе экспедиции Машаверского ущелья // ПАИ в 1987 году. 1995. С. 62–69.

Кахиани и др. 1997 — *Кахиани К. К., Глигвашвили Э. В., Дзенадзе М. С., Каландадзе Г. Г., Цквितिцидзе З. Р.* Полевые работы экспедиции Машаверского ущелья // ПАИ в 1988 году. 1997. С. 57–61.

Кононенко 2000 — *Кононенко Е. И.* Сюжетно-композиционные схемы в глиптике Двуречья III тыс. до н. э. // ВДИ. 2000. № 3. С. 126–136.

Коридзе 1968 — *Коридзе Д. Л.* Колхидские топоры // Советское искусство. Тбилиси, 1968. 10. С. 56–64.

Котович 1965 — *Котович В. М.* Верхнегуниское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестанского ФАН СССР, 1965. 146 с.

Котович В. М., Котович В. Г. 1973 — *Котович В. М., Котович В. Г.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 77–84.

Куфтин 1941 — *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1941. Т. 1. 231 с.

Кушнарёва 1993а — *Кушнарёва К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. 318 с. (АИ. Вып. 9).

Кушнарёва 1993б — *Кушнарёва К. Х.* Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 89–100.

Кушнарёва 2007 — *Кушнарёва К. Х.* Новая датировка кармирбердской культуры Кавказа // АВ. М.: Наука, 2007. № 14. С. 166–183.

Кушнарёва, Рысин 1998 — *Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б.* Ранние археологические свидетельства появления и развития дружины на Кавказе // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 34–37.

Кушнарёва, Рысин 2000 — *Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б.* Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΣΙΓΙΑ: Памяти Ю. В. Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 70–90.

Кушнарёва, Рысин 2001 — *Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б.* Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» Триалетской культуры // Caucasus, essays on the archaeology of the Bronze Age. Тбилиси, 2001. С. 101–116 (Dziebani. № 6).

Кушнарёва, Рысин 2003 — *Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б.* Новые данные к хронологии памятников эпохи средней бронзы Южного Кавказа // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. № 10. С. 114–127.

Кушнарёва, Рысин 2004 — *Кушнарёва К. Х., Рысин М. Б.* Парадная посуда и ювелирные изделия из триалетско-кировкаканских «царских» курганов // АВ. 2004. № 11. С. 55–70.

Литвиненко 2004 — *Литвиненко Р. А.* Восточная территория бабинского очага культурогенеза // ПАНП. 2004. С. 102–108.

Литвиненко 2009 — *Литвиненко Р. А.* Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ: ІА НАНУ, 2009. 32 с.

Литвиненко 2010 — *Литвиненко Р. А.* Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас: ИА РАН, 2010. С. 221–223 (КЧ. 26).

Ломтатидзе 1974 — *Ломтатидзе Г. А.* Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 97 с.

Ляхов 1996 — *Ляхов С. В.* Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов: Орион, 1996. Вып. 1. С. 77–83.

Ляшко 1994 — *Ляшко С. Н.* Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. Киев: Наукова думка, 1994. Гл. 5. С. 152–166.

Магомедов 1990 — *Магомедов Р. Г.* Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестанского ФАН СССР, 1990. С. 44–49.

Магомедов 1992 — *Магомедов Р. Г.* Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы: (Гинчинская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1992. 19 с.

Марковин 1963 — *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963. С. 49–135.

Марковин 1994 — *Марковин В. И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333 (Археология).

Мартirosян 1964 — *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. 316 с.

Махарадзе 1986 — *Махарадзе З. Э.* Курган 1 в долине Дилича // Археологические изыскания. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1986. Вып. 6. С. 125–132.

Махмудов 2008 — *Махмудов Ф. Р.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Nafta Press, 2008. 216 с.

Махмудов и др. 2003 — *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Ахундов Т. И.* Некоторые памятники эпохи бронзы Муганской равнины // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г. Ф. Коробковой. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 147–158.

Мимоход 2004 — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // ПАНП. 2004. С. 108–114.

Мимоход 2007 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2007. № 4. С. 143–154.

Мимоход 2009 — *Мимоход Р. А.* Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар: Изд-во Краснодарского ГУ, 2009. С. 253–257.

Мимоход 2009/2010 — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологичний збірник. Донецьк: Донецький НУ, 2009/2010. № 13/14. С. 67–82.

Мимоход 2012 — *Мимоход Р. А.* Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней — начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова (22–26 октября 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 137–143.

Нариманишвили Д. 2010а — *Нариманишвили Д.* Египетские амулеты III–II тысячелетий до н. э. на Южном Кавказе // АЭФК. Материалы Междунар. науч. конф. 25–27 июня 2009 г. 2010. С. 221–224.

Нариманишвили Д. 2010б — *Нариманишвили Д.* Изображение мебели на триалетском кубке // Там же. С. 225–227.

Нариманишвили Г. 2006 — *Нариманишвили Г.* Триалети во II тысячелетии до н. э. (по данным археологии): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 2006. 46 с.

Нечитайло 1979 — *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979. 174 с.

Николаишвили и др. 2010 — *Николаишвили В., Сихарулидзе А., Инанишвили Г., Иремашвили Ш.* Бронзовый боевой парадный топор из Натахтари // АЭФК. Материалы Междунар. науч. конф. 25–27 июня 2009 г. 2010. С. 230–233.

Оганесян 1988 — *Оганесян В. Э.* Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал. Ереван, 1988. № 4. С. 145–161.

Оганесян 1990 — *Оганесян В. Э.* Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990. 24 с.

Пицхелаури 1972 — *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV–VII вв. до н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1972. 140 с.

Пицхелаури, Киладзе 2010 — *Пицхелаури К. Н., Киладзе Р.* Новое указание для конкретной датировки Триалетской культуры // АЭФК. Материалы Междунар. науч. конф. 25–27 июня 2009 г. 2010. С. 246–250.

Плихт и др. 2006 — *ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Хеджес Р. Е. М., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А.* Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Российская археология. 2006. № 2. С. 39–47.

Попова 1963 — *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной. М.: Наука, 1963. 94 с. (ТГИМ. Вып. 34).

Пряхин, Беседин 1992 — *Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Щитковые дисковидные псалии со вставными шипами с территории Восточной Украины // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. Brno: Masarykova Univerzita, 1992. S. 51–60 (Rada archeologická. 37).

Рассамакин 2004 — *Рассамакин Ю. Я.* Степи Причерноморья в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. 2004. № 2. С. 3–27.

Ростунов 2007 — *Ростунов В. Л.* Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 1. Владикавказ: РИО Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, 2007. С. 11–177.

Рысин 1996 — *Рысин М. Б.* Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: К 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 78–81.

Рысин 1997 — *Рысин М. Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 85–123 (АИ. Вып. 46).

Рысин 2007 — *Рысин М. Б.* Связи Кавказа с Волго-уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. 2007. № 14. С. 184–220.

Рысин 2008 — *Рысин М. Б.* Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. 2008. № 15. С. 193–230.

Рысин 2012а — *Рысин М. Б.* Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа (радиоуглеродные датировки и традиционная археологическая типология) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова (22–26 октября 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 107–112.

Рысин 2012б — *Рысин М. Б.* Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиоуглеродная «революция» и традиционная археологическая типология) // АВ. 2012. № 18. С. 204–231.

Садрадзе 1993 — *Садрадзе В.* Археологические памятники «Мцхета великой» эпохи средней бронзы (вопросы хронологии и периодизации памятников Шида-Картли). Тбилиси: Мецниереба, 1993. 74 с.

Симонян 1987 — *Симонян А. Е.* Культурный процесс в эпоху средней бронзы Армянского нагорья и Южного Кавказа // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Ашхабад: Блым, 1987. С. 69–71.

Симонян 2011 — *Симонян А. Е.* Царские курганы эпохи средней бронзы в Армении (XXV–XX вв. до н. э.) // АЭФК: Материалы Междунар. конф. 27–30 сентября 2010 г. 2011. С. 218–226.

Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Тр. Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1966. Вып. 2. 187 с.

Смирнов 1996 — *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: ИА РАН, 1996. 182 с.

Трейстер 1996 — *Трейстер М. Ю.* Троянские клады (атрибуции, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог раскопок: каталог выставки. М.: Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Леонардо Арте, 1996. С. 197–240.

Трифонов 2001 — *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита–средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. 23–28 апреля 2001 г. Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 2001. С. 71–82.

Трифонов 2004 — *Трифонов В. А.* «Царские» гробницы Арслантепе и Новосвободной: некоторые аспекты сравнительного анализа // ПАНП. 2004. С. 56–61.

У подножия Арарата 2008 — У подножия Арарата: Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2008. 144 с.

Черных и др. 2000 — *Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б.* Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 96 с.

Черных, Орловская 2008 — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р. М. Мунчаева. М.: Таус, 2008. С. 86–104.

Чубинишвили 1955 — *Чубинишвили Т. Н.* Самтаврское курганное погребение № 243 // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1955. Вып. 1. С. 5–24.

Шатберашвили 1998 — *Шатберашвили З.* Вопросы беденской культуры // Археологическая конференция Кавказа. Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1998. С. 124–125.

Шеразедишвили 2011 — *Шеразедишвили Р.* Типологическо-сравнительное исследование наконечников копий Триалетской культуры (по материалам Восточной Грузии) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф. 27–30 сентября 2010 г. Тбилиси: Меридиани, 2011. С. 278–280.

Шишлина 2010 — *Шишлина Н. И.* Новые данные о резервуарном эффекте в Прикаспии (по материалам современных и археологических образцов) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас: ИА РАН, 2010. С. 371–373 (КЧ. 26).

Шишлина и др. 2006 — *Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Севастьянов В. С., Завовская Э. П., Чичагова О. А.* К вопросу о поправке на резервуарный эффект и радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург: Изд-во Оренбургского ГПУ, 2006. С. 112–123.

Шишлина и др. 2010 — *Шишлина Н. И., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., ван дер Плихт Х., Чичагова О. А.* Радиоуглеродное датирование разных углеродсодержащих материалов из одного археологического контекста: проблема интерпретации и дискуссия // Радиоуглерод в археологических и палеогеографических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 225–235.

Щукин 2004 — *Щукин М. Б.* Река времени (некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 261–275.

Янковская 1985 — *Янковская Н. Б.* Торговая община Каниша и свободный рынок // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 228–242.

Янковская 1988 — *Янковская Н. Б.* Контрабанда в торговой общине Каниша // Древний Восток. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. № 5. С. 71–84.

Abramishvili 2010 — *Abramishvili M.* In search of the origins of metallurgy — An overview of South Caucasian evidence // Von Majkop bis Trialeti Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. S. 167–178 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 13).

Amandry 1953 — *Amandry P.* Collection Helene Stathatos. Les bijoux antiques: Chez l'auteur à l'Institut d'archéologie de l'Université de Strasbourg. Strasbourg, 1953. 245 p.

Avila 1983 — *Avila A. J.* Bronzene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit. München: C. H. Beck, 1983. 187 S. (PBF. Abt. 5, Bd. 1).

Backshaliyev, Marro 2009 — *Backshaliyev V., Marro C.* The Archaeology of Nakhichevan: Ten years of new discoveries. Istanbul: Ege Yayinlari, 2009. 234 p.

Blegen 1937 — *Blegen C. W.* Prosymna. The Helladic settlement preceding the Argive Heraeum. Cambridge: University Press, 1937. Vol. 2. 190 p.

Boehmer, Kossack 2000 — *Boehmer R. M., Kossack G.* Der figürlich verzierte Becher von Karasamb // Variatio Delectat. Iran und der Westen, Gedenkschrift für Peter Calmeyer. Münster: Ugarit-Verlag, 2000. S. 9–71 (Alter Orient und Altes Testament. Bd. 272).

Brentjes 1962 — *Brentjes B.* Zu einigen Problemen der kaukasisch-syrischen Archäologie // Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 1962. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Hf. 6. S. 15–27.

Bürger 1994 — *Bürger G.* Die Transkaukasischen Rapiere und die Möglichkeit ihrer Verbindung mit anderen Rapierezentren im Zirkumpontischen Gebiet // Relations Thracico-Illyro-Helléniques: Actes du 14e Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14.–19. septembre 1992). Bukarest: Ed. REPRO-ART S.R.L., 1994. P. 207–218.

Burney 1958 — *Burney C. A.* Eastern Anatolia in Chalcolithic and Early Bronze Age // AnS. 1958. Vol. 8. P. 157–210.

Burney 1970 — *Burney C. A.* Excavations at Haftavān Tepe 1968: First preliminary report // Iran. 1970. Vol. 8. P. 157–172.

Burney 1975 — *Burney C. A.* Excavations at Haftavān Tepe 1973: Fourth preliminary report // Iran. 1975. Vol. 13. P. 49–69.

Calmeyer 1969 — *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschach. Berlin: de Gruyter, 1969. 202 S. (Untersuchungen zur Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. NF. Bd. 5).

Çilingiroğlu 1984 — *Çilingiroğlu A.* The second millennium painted pottery tradition of the Van lake basin // AnS. 1984. Vol. 34. P. 129–140.

Collon 1982 — *Collon D.* Some bucket Handles // Iraq. 1982. Vol. 44, part 1. P. 95–101.

Conteneau, Ghirshman 1935 — *Conteneau G., Ghirshman R.* Fouilles de Tepe-Giyan près de Néhavend 1931 et 1932. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1935. 150 p.

Deshayes 1960 — *Deshayes J.* Les Outils de Bronze de L'Indus au Danube. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1960. 451 p.

Devedjian 2006 — *Devedjian S.* Lori Berd II (Bronze Moyen). Erevan: Nairi, 2006. 422 p.

Dunand 1939 — *Dunand M.* Fouilles de Byblos 1928–1932. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1939. T. 1. Texte. 457 p.

Dunand 1950 — *Dunand M.* Fouilles de Byblos 1933–1938. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1950. T. 2. Atlas. 221 pl.

Edwards 1981 — *Edwards M.* The pottery of Haftavan VIB (Urmia Ware) // Iran. 1981. Vol. 19. P. 101–140.

Edwards 1983 — *Edwards M.* Excavations in Azerbaijan (north-western Iran) 1, Haftavan, period VI. Oxford: Oxford University Press, 1983. 364 p. (BAR. IS. No. 182).

Erkanal 1977 — *Erkanal H.* Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien. München: C. H. Beck, 1977. 66 S. (PBF. Abt. 9, Bd. 8).

Frangipane et al. 2001 — *Frangipane M., Nocera G. M. di, Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.* New Symbols of New Power in a «Royal» Tomb from 3 000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001. Vol. 27/2. P. 105–139.

- Gadzhiev et al. 2000 — *Gadzhiev M. G., Kohl P. L., Magomedov R. G., Stronach D., Gadzhiev S. M.* Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–1999 // *Iran*. 2000. Vol. 41. P. 47–123.
- Grawford 1975 — *Grawford H.* Geoy Tepe 1903. Material in the collection of the Fitzwilliam museum, Cambridge // *Iranica Antiqua*. Leiden: E. J. Brill, 1975. Vol. 11. P. 1–28.
- Guy, Engberg 1938 — *Guy P. L. O., Engberg R. M.* Megiddo tombs. Chicago: The University of Chicago Press, 1938. 235 p. (Oriental Institute Publications. Vol. 33).
- Gimbutas 1965 — *Gimbutas M.* Bronze Age Culture in Central and Eastern Europe. The Hague/London: Mouton & Co., 1965. 681 p.
- Harding 1971 — *Harding A.* The Earliest Glass in Europe // *Archeologické Rozhledy*. Praha, 1971. Vol. 23. P. 188–200.
- Hauptmann 2000 — *Hauptmann H.* Zur Chronologie des 3. Jahrtausends v. Chr. am oberen Euphrat aufgrund der Stratigraphie des Norşuntepe // *Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IVe–IIIe Millénaires*. Paris: Boyutlar, 2000. S. 419–438.
- Higgins 1961 — *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery, 1st ed. London: Methuen & Co. Ltd., 1961. 236 p.
- Higgins 1980 — *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery, 2nd ed. London: Methuen & Co. Ltd., 1980. 247 p.
- Kavtaradze 1999 — *Kavtaradze G. L.* The importance of metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology // *Proceedings of the International Conference «The Beginnings of Metallurgy»*. Bochum, 1995. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 1999. S. 67–101 (Montanhistorische Zeitschrift DER ANSCHNITT. Beiheft 9; Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum. Nr. 84).
- Kuftin, Field 1946 — *Kuftin B. A., Field H.* Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // *Southwestern Journal of Anthropology*. Albuquerque, 1946. No. 2. P. 240–260.
- Lanting 1995/1996 — *Lanting J. N., van der Plicht J.* Wat hebben Floris V, skelet Swifterbant S2 en visot-ters gemeen? // *Palaeohistoria*. Groningen, 1995/1996. 37/38. P. 491–519.
- Maigret 1976 — *de Maigret A.* Le lance dell'Asia Anteriore nell'Età del Bronzo: studio tipologico. Roma: Università, Istituto di studi del Vicino Oriente, 1976. 180 p. (Studi Semitici. 47).
- Maxwell-Hyslop 1971 — *Maxwell-Hyslop K. R.* Western Asiatic jewellery c. 3000–612 B. C. London: Methuen & Co. Ltd., 1971. 286 p.
- Maxwell-Hyslop 1995 — *Maxwell-Hyslop K. R.* A note on the Anatolian connections of the Tod Treasure // *AnS*. 1995. Vol. 45. P. 243–250.
- Minns 1943 — *Minns E. H.* Review of archaeological excavations in Trialety / by B. A. Kuftin // *Antiquity*. 1943. Vol. 17, no. 68. P. 129–135.
- Motzoi-Chicideanu 1995 — *Motzoi-Chicideanu I.* Fremdgüter im Monteoru-Kulturraum // *Bronzefunde aus Rumänien*. Berlin: Wiss.-Verl. Spiess, 1995. S. 219–242 (PAS. Bd. 10).
- Motzoi-Chicideanu 2003 — *Motzoi-Chicideanu I.* Some regards concerning the Monteoru culture // in EA-online, April, 2003 (www.archaeology.ro/imc_mont.htm)
- Müller-Karpe A. 1994a — *Müller-Karpe A.* Altanatolisches Metallhandwerk. Neumünster: Wachholtz, 1994. 264 S. (Offa-Bücher. Bd. 75).
- Müller-Karpe A. 1994b — *Müller-Karpe A.* Anatolische Bronzeschwerter und Südosteuropa // *Festschrift für Otto-Hermann Frey zum 65. Geburtstag*. Marburg, 1994. S. 431–444 (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 16).
- Müller-Karpe M. 1996 — *Müller-Karpe M.* Zu den Erdgräbern 18, 20 und 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis Mesopotamischer Metallgefäße und -Waffen von der Wende des 3. zum 2. Jahrtausend v. Chr. // *Jahrbuch RGZM*. 1996. 43, Teil 1. S. 257–352.
- Narimanišvili 2003 — *Narimanišvili G.* Ritual Roads at Trialeti Barrows // *Dziebani*. Tbilisi, 2003. № 11. P. 9–22.
- Narimanišvili, Šanšašvili 2010 — *Narimanišvili G., Šanšašvili N.* Neue Forschungen zur Trialeti-Kultur // *Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr.: Beiträge des Internationalen Symposiums in Berlin vom 1.–3. Juni 2006*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. S. 205–221 (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 13).
- Nissen 1966 — *Nissen H. J.* Zur Datierung des Königsfriedhofes von Ur. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1966. 208 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 3).
- Orjonikidze 2004 — *Orjonikidze A.* Types of Stone Arrowheads from Georgia // *Dziebani*. Tbilisi, 2004. № 13/14. P. 24–61.
- Özfirat 2002 — *Özfirat A.* Van-Urmia painted pottery from Hakkari // *AMIT*. 2002. Bd. 34. P. 209–228.
- Özgüç 1959 — *Özgüç T.* Kültepe-Kaniş. Ankara: TTKB, 1959. 114 p. (TTKY. V (19)).
- Özgüç 1986 — *Özgüç T.* Kültepe-Kaniş II. Ankara: TTKB, 1986. 227 p. (TTKY. V (41)).
- Özgüç, Akok 1958 — *Özguç T., Akok M.* Horoztepe. An Early Bronze Age Settlement and Cemetery // *TTKY*. Ankara: TTKB, 1958. V (18). P. 211–219.
- Özgüç, Temizer 1993 — *Özgüç T., Temizer R.* The Eskiypar treasure. Aspects of art and iconography // *Anatolia and its neighbours. Studies in honour of Nimet Özgüç*. Ankara: TTKB, 1993. P. 614–628.
- Palmieri 1981 — *Palmieri A.* Excavation at Arslan-Tepe (Malatya) // *AnS*. 1981. Vol. 31. P. 101–119.

- Picchelaury 1997 — *Picchelaury K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp: Marie Leidorf GmbH, 1997. 98 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 4).
- Potratz 1966 — *Potratz J. A. H.* Die Pferdetrenzen des Alten Orient // *Analecta Orientalia*. Roma, 1966. No. 41. S. 3–39.
- Pritchard 1962 — *Pritchard J. B.* Civil defense at Gibeon // *Expedition*. 1962. Vol. 5, no. 1. P. 10–17.
- Puturidze 2001 — *Puturidze M.* Analysis of one type of goldsmithery from the Trialeti culture // *Dziebani*. Tbilisi, 2001. № 6. P. 116–122.
- Puturidze 2003 — *Puturidze M.* Social and Economic Shifts in the South Caucasian Middle Bronze Age // *The Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond*. Los Angeles: Cotsen Institute Press, 2003. P. 111–127 (Cotsen Institute of Archaeology. Monograph series 47).
- Rubinson 1977 — *Rubinson K. S.* The Chronology of the Middle Bronze Age Kurgan at Trialeti // *Bibliotheca Mesopotamica*. Malibu, 1977. Vol. 7. P. 235–249.
- Rubinson 1991 — *Rubinson K. S.* Mid-Second Millennium Pontic-Aegean Connections: A Note to Chapter 12 // *Ancient Economy in Mythology: East and West*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1991. P. 123–131.
- Rubinson 1998 — *Rubinson K. S.* Silver and sealings: Transcaucasia and Anatolia in the Middle Bronze Age // *Археологическая конференция Кавказа*. Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1998. P. 126.
- Rubinson 2001 — *Rubinson K. S.* Metal vessels with basket handles at Trialeti // *Dziebani*. Тбилиси, 2001. № 6. P. 123–124.
- Rubinson 2003 — *Rubinson K. S.* Silver Vessels and Cylinder Sealings: Precious Reflections of Economic Exchange in the Early Second Millennium BC // *Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond*. Los Angeles: Cotsen Institute Press, 2003. P. 128–143 (Cotsen Institute of Archaeology. Monograph series 47).
- Rubinson 2005 — *Rubinson K. S.* Second millennium B. C. painted potteries and problems of terminologies // *AMIT*. 2005. Bd. 37. P. 133–138.
- Sagona 2000 — *Sagona A.* Sos Höyük and the Erzurum Region in Late Prehistory: A Provisional Chronology for Northeast Anatolia // *Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires: Actes du colloque d'Istanbul, 16–19 Decembre 1998*. Paris: Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul, 2000. P. 329–374 (*Varia anatolica*).
- Sandars 1961 — *Sandars N.* The First Aegean Swords and their Ancestry // *American Journal of Archaeology*. 1961. Vol. 65, no. 1. P. 17–30.
- Schaeffer 1943 — *Schaeffer C. F. A.* La date des Kourgans de Trialeti // *Antiquity*. 1943. Vol. 17, no. 68. P. 183–187.
- Schaeffer 1948 — *Schaeffer C. F. A.* Stratigraphie Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millénaires). London: Oxford University Press, 1948. 653 p.
- Schaeffer 1962 — *Schaeffer C. F. A.* Ugaritica IV: Mission de Ras Shamra. Paris: Paul Geuthner, 1962. 675 p. (*Bibliothèque archéologique et historique*. 74).
- Smith et al. 2009 — *Smith A. T., Badalyan R. S., Avetisyan P., Green A., Minc L.* The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies, vol. 1: The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia. Chicago: The Oriental Institute Press, 2009. 410 p. (*The Oriental Institute Publications*. Vol. 134).
- Stronach 1957 — *Stronach D.* The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // *AnS*. 1957. Vol. 7. P. 89–125.
- Tubb 1982 — *Tubb J. N.* A crescentic axehead from Amarna (Syria) and an examination of similar axeheads from the Near East // *Iraq*. 1982. Vol. 44, part 1. P. 1–22.
- Tzauntas 1889 — *Tzauntas A.* Eregnai en ti Lakoniki kai o taphos tog Vaphio // *Ephimeris arxaiologiki*. Athinae: Ek toy tipographeoy ton Adelphon Perri, 1889. P. 27–168.
- Woolley 1934 — *Woolley C. L.* Ur Excavations. Vol. 2. The Royal Cemetery. London: British Museum; Philadelphia: Museum of the University of Pennsylvania, 1934. 604 p., 273 pl.
- Zaharia 1995 — *Zaharia E.* The Monteoru culture // *Comori ale epocii bronzului din România (Treasures of the Bronze Age in Romania): catalogul expoziției organizate la Muzeul Național de Istorie a României, București, octombrie 1995*. București: Muzeul Național de Istorie a României, 1995. P. 197–205.
- Zischow 2006 — *Zischow A.* Die Hochebene von Calka (Trialeti) in der Bronzezeit. Eine Übersicht zum Forschungsstand // *AMIT*. 2006 (2007). Bd. 38. S. 49–80.

Problems of chronology and periodization of the final Middle Bronze Age cultures in the Caucasus

M. B. Rysin

The paper deals with the problems of chronology and periodization of the «blooming period» sites of the Trialeti culture in the South Caucasus. The author starts with comparing the results of dating obtained by scientific methods with those obtained by traditional archaeological methods. It appears that the «blooming period» of the Trialeti culture can be dated to neither the first half-middle of the II millennium BC, nor the middle of the III millennium BC. The rare ¹⁴C dates available for the Trialeti culture and synchronous sites from other regions either agree with the dates obtained by traditional archaeological methods or give a wider chronological range from the XXVI c. BC (Nerkin Naver cemetery) through the XV–XIV cc. BC (Sabidakhcha barrow). It is concluded that at present ¹⁴C dates cannot contribute much to the construction of a reliable chronology for the final stage of the Middle Bronze Age in the South Caucasus. In the author's opinion, the «blooming stage» of the Trialeti culture should most likely be dated to the last centuries of the III–the first quarter of the II mil. BC. This period is characterized by intensive contacts between the population (including the ruling elites) of the South Caucasus, on one hand, and the inhabitants of the Near East (Cappadocia, Syria, North Mesopotamia, Northwestern Iran), on the other. The scale and directions of these contacts seem to have depended on the interests of the Assyrian trade network.

Археологические памятники долины р. Курп на Северном Кавказе

В. Я. Стеганцева

Ключевые слова: *Северный Кавказ, р. Курп, археологические памятники, городище, поселение, керамика, этапы заселения*

Keywords: *North Caucasus, Kurp river, archaeological sites, fortified settlement, settlement, pottery, stages of settlement*

Весной 1981 г. I разведочный отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР¹ провел обследование в проектируемой зоне затопления Курпского водохранилища для выявления археологических памятников, сохранности которых угрожало строительство водохранилищ, каналов и проектируемых сооружений.

Зона затопления Курпского водохранилища оказалась насыщена разновременными археологическими памятниками. Они располагались по обоим берегам р. Курп и в южной части долины, примыкающей к руслу реки с востока, на склонах гор, на вершинах отдельных холмов и на водоразделе между р. Курп и балкой Белямук. Лишь в пойменной части долины памятники отсутствовали.

Нами обследована нижняя часть течения р. Курп — от слияния ее с р. Курпок и до места впадения ее в Терек (рис. 1). Местность представляла собою широкую долину, окаймленную холмами разной высоты. Река Курп полноводна только ранней весной и в дождливые периоды, в остальное время — это небольшой ручей, протекающий по дну прорезанного в дне долины глубокого оврага с отвесными стенами.

Разведочные работы 1981 г. оказались едва ли не единственными, при которых проводилось сплошное обследование местности. Удивительно, но в фундаментальных работах по археологии Центрального Предкавказья и восточной части Северного Кавказа фактически нет упоминаний о памятниках Нижнего Курпа, за исключением могильника Ахлово (Нижний Курп) (Козенкова 1977: 56), открытого и частично раскопанного В. И. Долбежевым в 1898 г. (ОАК 1901).

Археологические памятники долины р. Курп

Малгобекское городище (рис. 1, 1; 2) расположено на четырех холмах в нижнем течении р. Курп, на левом ее берегу, в 1,5 км к ЮЗ от с. Малгобек. К югу и востоку от городища находятся многочисленные извилины реки.

Самый южный холм имел неправильную округлую форму и был срезан с ЮЗ оврагом (рис. 2, 1). Высота холма достигала 8 м. Размеры сохранившейся части вершины составляли 10×10 м, основания — 20×45 м². С запада располагалась небольшая лощина, возможно, остатки въезда на холм.

Севернее лежал второй холм неправильной овальной формы, также имеющий высоту 8 м и ориентированный по линии СВВ–ЮЗЗ. Размеры его вершины составляли 55×130 м, основания — 85×160 м. С ЮВ стороны находилась пологая лощина, возможно остатки въезда.

Еще севернее располагался третий холм неправильной пятиугольной формы, высотой 2 м, ориентированный по линии З–В. Размеры его вершины составляли 140×180 м, основания — 165×220 м.

Западнее второго холма находился четвертый холм неправильной овальной формы, также имеющий высоту 2 м и ориентированный по линии ССВ–ЮЮЗ. Размеры его по верху составляли 125×70 м, в основании — 140×90 м.

¹ В состав отряда входили В. Я. Стеганцева (начальник), Р. Р. Рябов, Е. В. Избицер, М. А. Стеганцев и А. И. Ящанов (водитель).

² Все размеры даются сначала по линии С–Ю, затем по линии З–В.

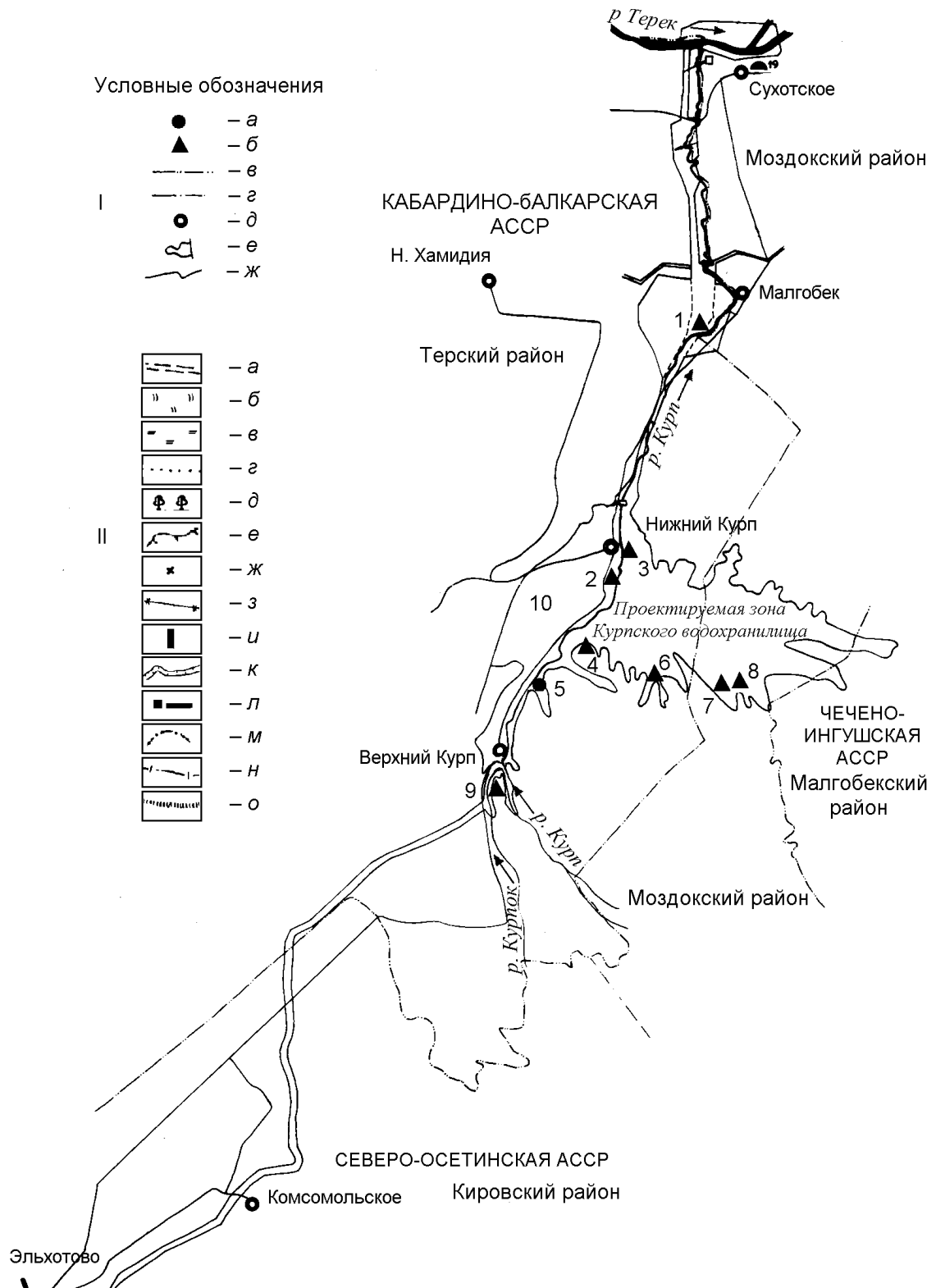

Рис. 1. Археологические памятники долины р. Курп, Северный Кавказ, план. Условные обозначения (I): а — поселение; б — городище; в — границы республик; г — границы районов; д — населенные пункты; е — границы проектируемого водохранилища; жс — автомобильные дороги

Fig. 1. Archaeological sites of the Kurp valley, Northern Caucasus, plan. Legend: а — settlement; б — fortified settlement; в — borders of republics; г — district borders; д — modern settlements; е — borders of the area intended for flooding; жс — automobile roads

Условные обозначения (II) к планам городищ и поселений на рис. 2; 4, 6–12: *a* — проселочная дорога; *b* — пастбище; *в* — сухое болото; *г* — границы пашни; *д* — лесополоса; *e* — обрыв; *жс* — водопроводная колонка; *з* — ЛЭП; *и* — стела; *к* — окопы времен Великой Отечественной войны; *л* — шурф; *м* — границы серого пятна; *н* — границы распространения подъемного материала; *o* — границы распространения современной керамики)
 Legend (II) to plans of settlements and fortified settlements on the figs 2; 4, 6–12: *a* — country roads; *b* — pasture; *в* — dry bog; *г* — arable land borders; *д* — strip of wood; *e* — precipice; *жс* — stand-pipe; *з* — electric power line; *и* — stele; *к* — Great Patriotic War entrenchments; *л* — test pit; *м* — grey spot limits; *н* — surface finds area limits; *o* — present day pottery distribution area

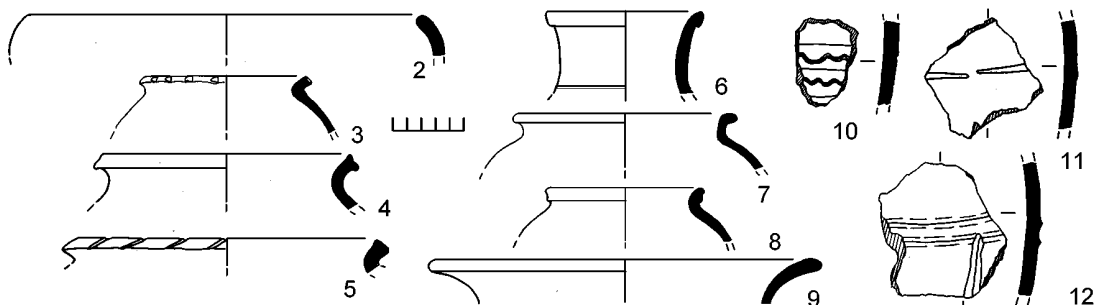
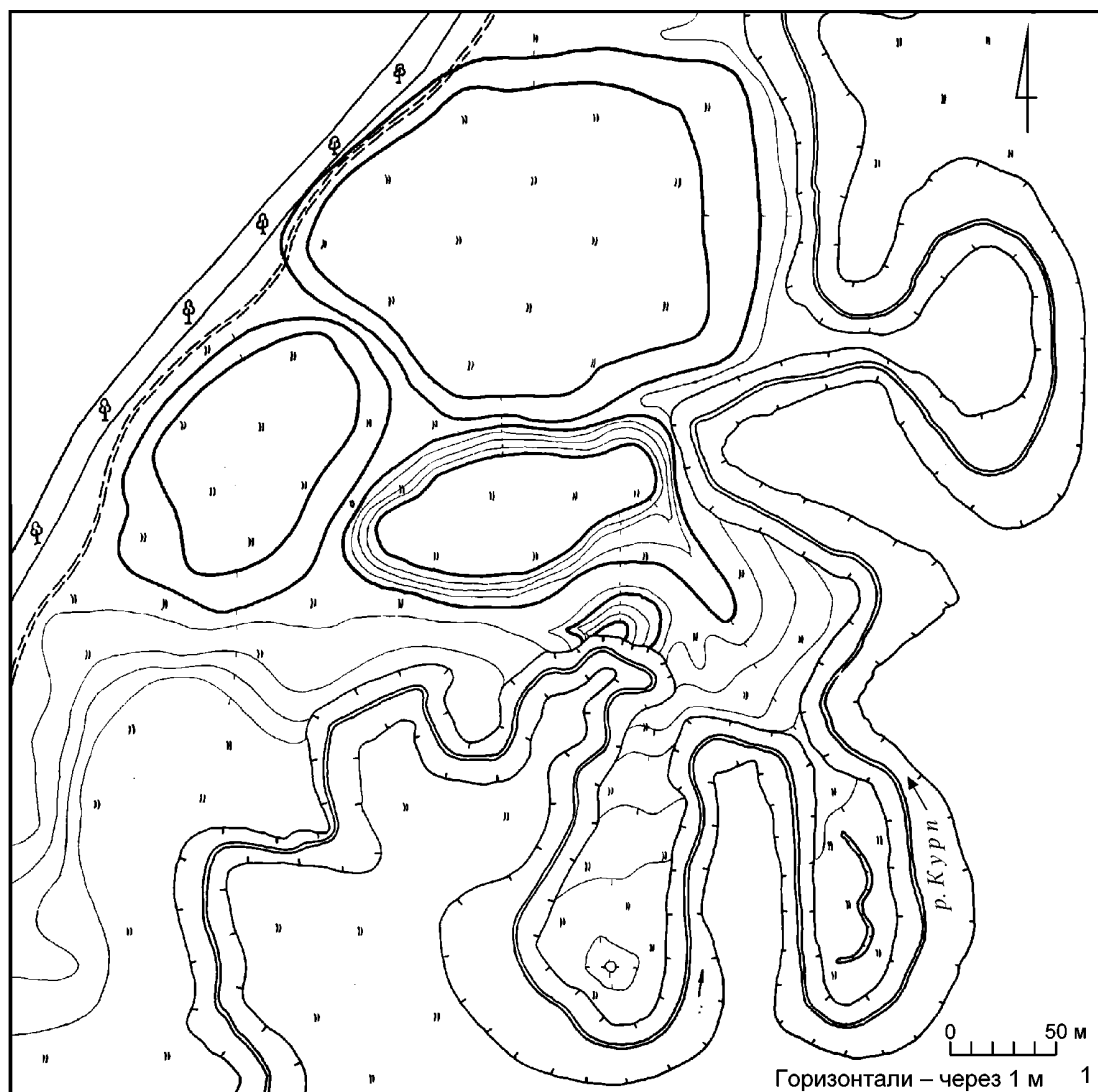

Рис. 2. Малгобекское городище: 1 — план, 2–12 — фрагменты керамики
 Fig. 2. Malgobek fortified settlement: 1 — plan, 2–12 — ceramic fragments

Холмы отделены друг от друга естественными узкими лощинами-проходами. У центральных холмов, видимо, были подрезаны стороны. Возможно, два первых холма являлись цитаделью, а два меньших — селищем.

Поверхность всех холмов хорошо задернована. С ЮЗ стороны самого южного из них находился обрыв, позволяющий проследить мощность культурного слоя — 1,5–1,8 м. Культурный слой состоял из серого гумусированного суглинка с включениями углей, костей животных и керамики. У осыпи обрыва и в выбросах немногочисленных кротовин была собрана средневековая керамика (рис. 2, 2–11) и костяная пластинка с отверстием (рис. 3, б). Мощность культурного слоя второго холма также предположительно достигала 1,5–1,8 м, а двух более низких холмов — 0,5–0,8 м. Площадь укрепленной части городища составляла около 2400 м², площадь селища — до 5000 м².

Керамика Малгобекского городища представлена фрагментами гончарных, хорошо обожженных сосудов. Тесто их преимущественно серого, изредка коричневого цветов включало примесь мелкотолченой дресвы. Основными формами посуды являются двучленные миски, горшки с низким и высоким горлом (таблица)³. Орнаментация выполнена прочерченными горизонтальными и наклонными линиями, а в одном случае — волной. В группу прочерченных орнаментов входят и косые насечки по венчику. Также встречаются налпы в виде горизонтальных и вертикальных полос. Эта керамика имеет аналогии в керамическом комплексе средневековых городищ X–XII вв. Северного Кавказа (Деопик 1961: рис. 8).

Таблица

Керамика городищ и поселений долины Нижнего Курпа (серая/коричневая/черная глина)

№ п/п	Наименование	Миски			Горшки		Венчики «пифосов»	Придонные части	Стенки
		одночленные	двучленные	трехчленные	низкое горло	высокое горло			
1	Малгобекское городище	–	2/0/0	–	10/1/0	1/1/0	–	6/2/0	17/0/0
2	Нижне-Курпское I городище	9/0/0	28/1/1	12/0/0	152/28/6	17/1/0	19/0/0	23/5/4	56/5/3
в том числе:	Нижне-Курпское I, 1-й холм	4/0/0	15/0/0	7/0/0	69/9/0	6/0/0	10/0/0	5/0/0	38/3/0
	Нижне-Курпское I, 2-й холм	1/0/0	2/0/0	–	8/3/1	2/0/0	1/0/0	5/1/2	2/1/2
	Нижне-Курпское I, терраса	1/0/0	3/0/0	–	10/4/1	2/0/0	2/0/0	4/0/0	4/0/0
	Нижне-Курпское I, шурфы	3/0/0	8/1/1	5/0/0	65/12/4	7/1/0	6/0/0	19/4/2	12/1/1
3	Нижне-Курпское II городище	–	2/0/0	–	13/3/0	3/0/0	–	17/0/0	8/1/0
4	Курпское городище	–	4/0/0	–	10/7/0	–	–	17/1/1	14/0/0
5	Курпское I поселение	6/0/0	14/1/0	–	42/11/0	8/0/0	–	20/1/0	10/5/0
6	Жороккское I городище	–	–	–	3/1/0	–	–	2/0/0	4/0/0
7	Жороккское II городище	1/0/0	3/0/0	–	1/1/0	0/1/0	–	3/0/0	–
8	Жороккское III городище	–	1/1/0	–	3/1/0	0/1/0	–	0/5/0	–
9	Верхне-Курпское городище	2/0/0	3/0/0	–	22/3/0	1/1/0	–	15/2/0	3/2/0

Нижне-Курпское I городище (рис. 1, 2; 4) занимает левый берег р. Курп, у южной окраины с. Нижний Курп. Городище располагается на двух высоких холмах, разделенных рвами-проходами, и на краю береговой террасы вблизи этих холмов. Первый (восточный) холм с плоской вершиной имеет неправильную сегментовидную форму и ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. Его размеры 80×30–50 м, высота достигала 7 м. Холм имеет крутые, кроме южного, склоны, причем северо-восточный из них осыпался. В центре находились два овальных холмика размерами 14×8 м и 11×4 м, а также заплывшая яма (10×5 м). С северо-востока к восточному

³ В работе использована система описания сосудов, разработанная И. С. Каменецким и принятая в Северо-Кавказской (Донской) экспедиции ИА АН СССР.

холму примыкает полуразрушенный останец, вытянутый по линии СЗЗ–ЮВВ. Возможно, это остатки въезда.

К западу от первого холма, отделенный от него рвом-проходом, находился второй холм неправильной вытянутой сегментовидной формы с плоской верхушкой и овальным выступом в восточной части. Холм ориентирован по линии С–Ю. Размеры его составляли 300×60–75 м по верху, высота достигала 6 м. Вдоль западного края холма находилось валообразное возвышение

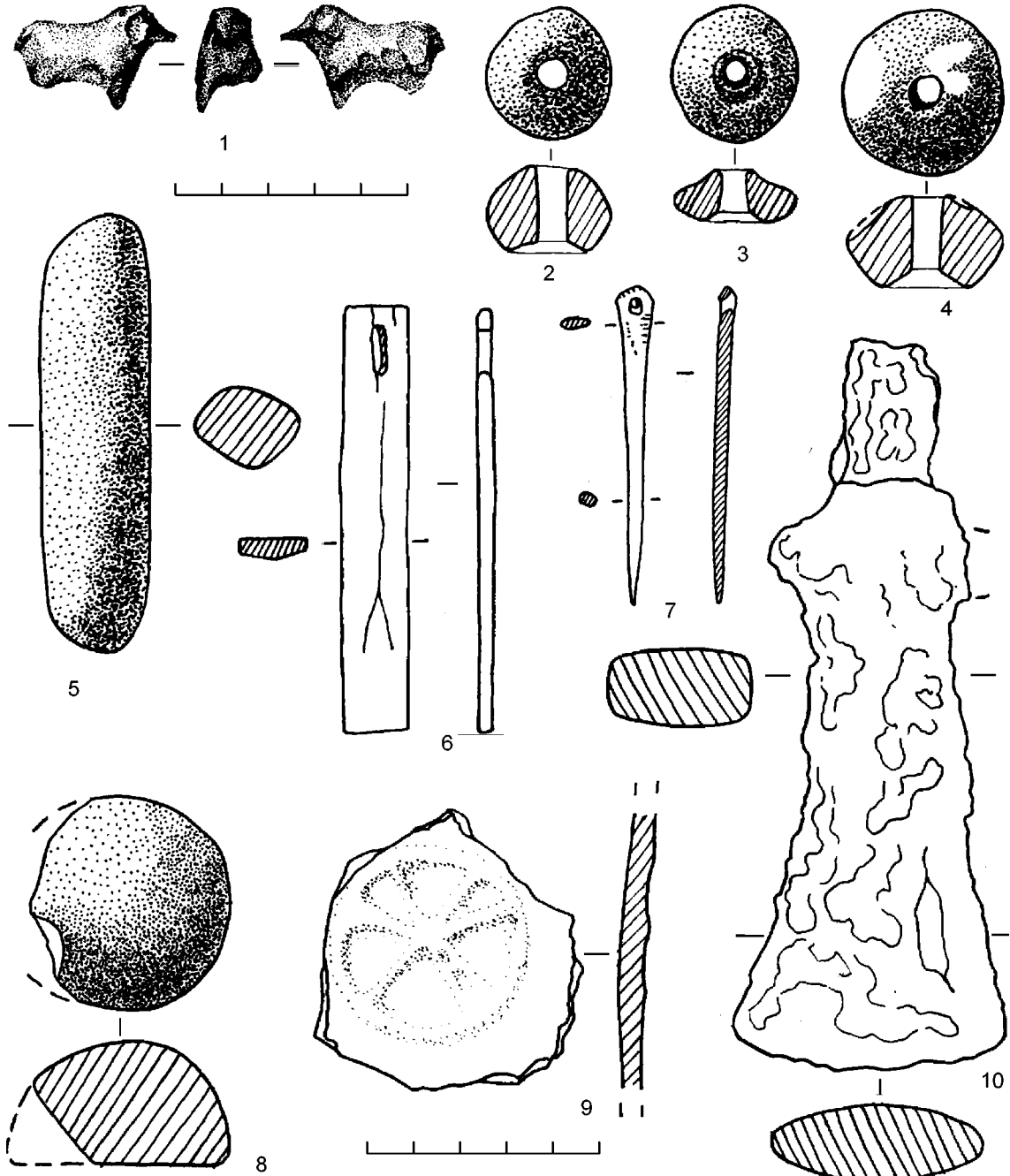

Рис. 3. Находки с городищ и поселений, выявленных в долине р. Курп: 1 — Нижне-Курпское II городище; 2 — Курпское городище; 3, 4 — Курпское I поселение; 5, 8 — Верхне-Курпское городище; 6 — Малгобекское городище; 7, 9, 10 — Нижне-Курпское I городище

Fig. 3. Finds from hillforts and settlements located in the Kurp river valley: 1 — Lower Kurp II fortified settlement; 2 — Kurp fortified settlement; 3, 4 — Kurp I settlement; 5, 8 — Upper Kurp fortified settlement; 6 — Malgobek fortified settlement; 7, 9, 10 — Lower Kurp I fortified settlement

высотой 1 м. Северо-восточный край холма обрывистый. Все склоны крутые, только восточный выступ имел плавное понижение. В южной части этого выступа находится дополнительный сегментовидный выступ. В месте соединения второго холма и выступа находилась овальная яма (16 × 10 м). Возможно, эти два пологих выступа представляли собой остатки укрепленного въезда на городище.

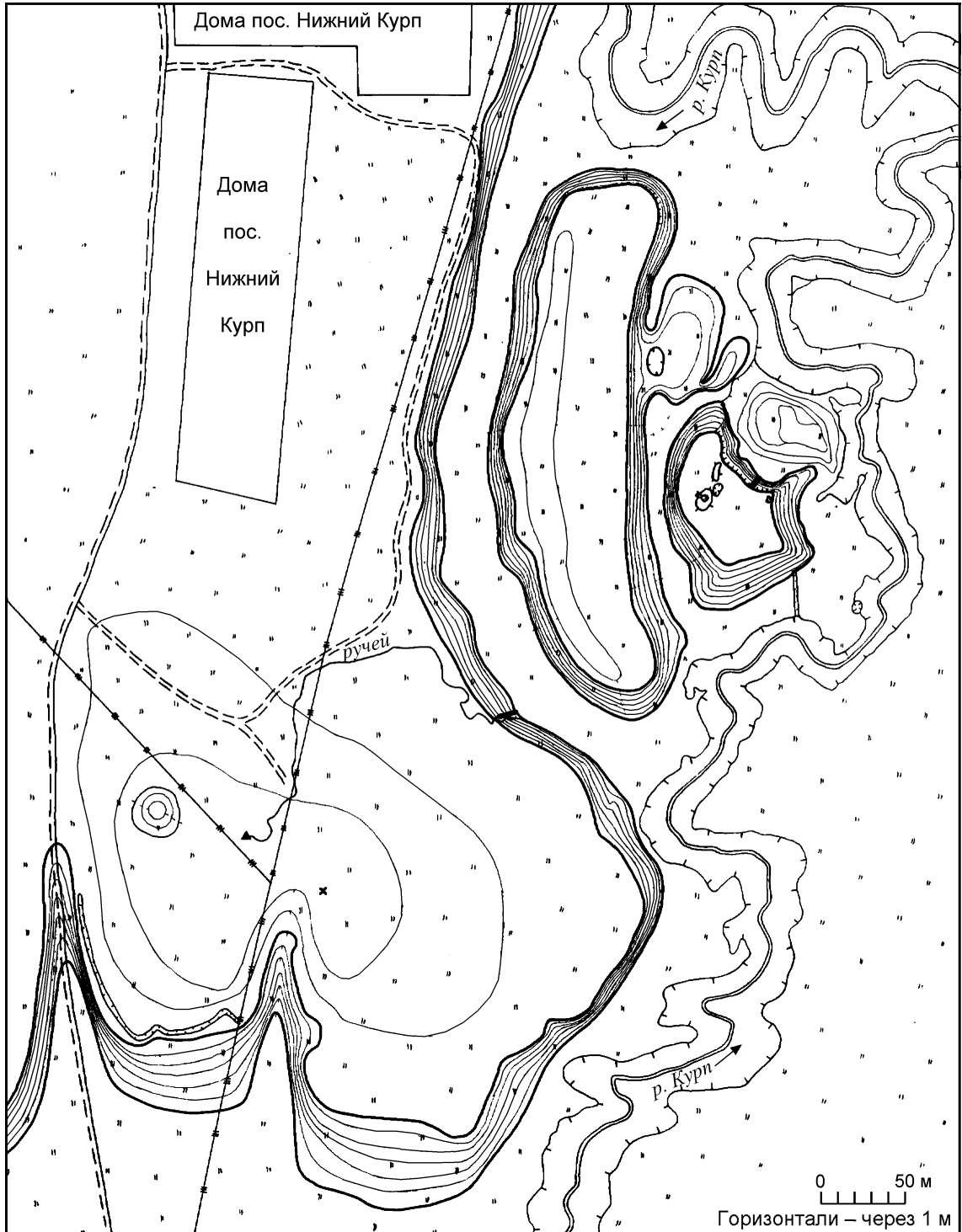

Рис. 4. Нижне-Курпское I городище, план
Fig. 4. Lower Kurp I fortified settlement, plan

Ров-проход между первым и вторым холмами имел ширину от 10 до 20 м. Ширина рва-прохода между вторым холмом и террасой коренного берега составляла от 20 до 35 м. Терраса коренного берега южнее второго холма имела выступ к югу шириной 200–250 м. В юго-западной части выступа находились две небольшие лощины, по одной из них проходила дорога.

Подъемный материал, собранный на городище, преимущественно состоял из фрагментов керамики (рис. 5), также на первом холме был найден железный тесловидный топор (рис. 3, 10), а на

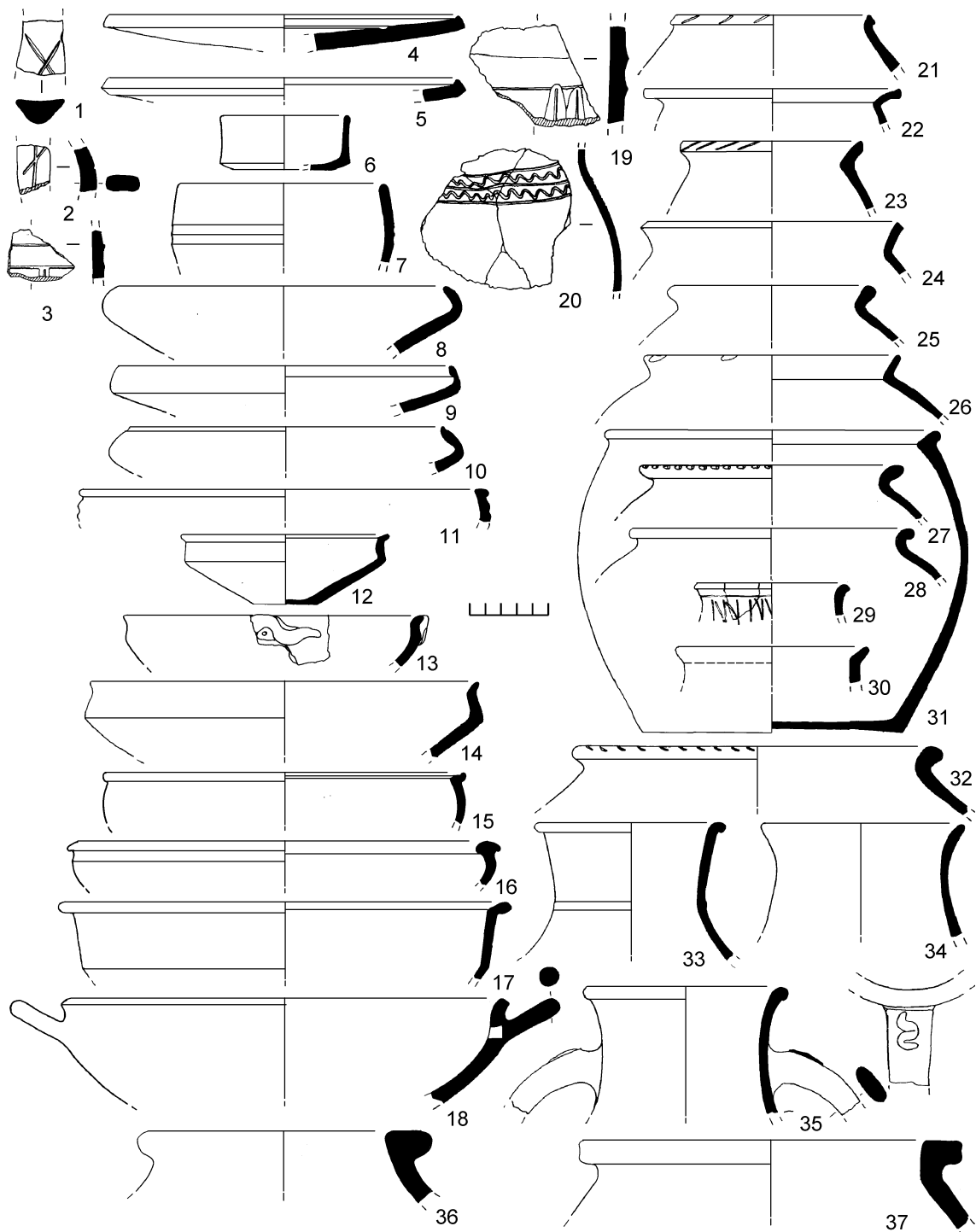

Рис. 5. Нижне-Курпское I городище, фрагменты керамики
 Fig. 5. Lower Kurp I fortified settlement, ceramic fragments

террасной части городища — костяная игла (рис. 3, 7). Аналогии топору, но более ранние, так как изготовлены из бронзы, имеются в материалах могильника и поселения кобанской культуры Сержень-Юрт (Козенкова 1982: 149, табл. I, 22–24), а также в Тлийском могильнике (Козенкова 1996: 94, рис. 35, 46).

На городище были заложены два шурфа. Шурф 1 был приурочен к краю обрыва-осыпи на СВ краю первого холма. Из-за большой глубины стены шурфа были ступенчатыми. Зачистка показала, что мощность культурного слоя достигала 6,25 м. На протяжении всей этой глубины гумусированный грунт был насыщен органическими остатками, включениями углей, золы, обломков костей животных и фрагментов керамики. В нижней части шурфа зафиксированы две ямы, заполненные гумусированным грунтом с прослойками угля и золы. В верхних слоях шурфа преобладала средневековая керамика, в нижних — керамика сарматского времени: фрагменты гончарных профилированных мисок, ручки с налепами.

Шурф 2 был сделан на краю узкого оврага, образованного промывом ручья на СВ оконечности террасы. Мощность культурного слоя, состоявшего из серого и коричневого гумусированного суглинка с включениями золы, углей, обломков костей животных и фрагментов керамики, достигала 0,9 м.

Керамический комплекс в целом весьма разнообразен (таблица). Керамика изготовлена из теста хорошего качества с примесью дресвы. Широко представлены миски разной степени профилировки, иногда с налепами на тулове (рис. 5, 4–18), горшки с невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 19–30), высокогорлые сосуды (рис. 5, 31–33), массивные сосуды типа пифосов (рис. 5, 34, 35). Орнамент выполнен в виде различных прочерченных полос, коротких насечек на венчике и налепов.

Фрагменты двух одночленных мисок (рис. 5, 4, 5) по форме напоминают античные рыбные тарелки-пинакионы. Однако найденные нами экземпляры изготовлены из довольно грубого теста с примесью дресвы, на поверхности сохранившие следы гончарного круга, причем неровная наружная часть с выступающими зернами дресвы имеет такой вид, как будто ее обваляли в толченых крошках, кроме того, наружный край загнут не вниз, а вверх. Скорее всего, эти сосуды являются продукцией местного производства.

На ручках кувшинов имеются прочерченные или налепные знаки (рис. 5, 1, 33). На одном донце обнаружен налеп в виде солярного знака (рис. 3, 9). Донца с клеймами в виде ребристых и нарезных крестов и концентрических ребристых кругов зафиксированы на Нижне-Джулатском городище. И. М. Чеченов (1967б: 216) считал, что они свидетельствуют о специализации гончарного ремесла. Д. В. Деопик (1961: 50) уточнил, что ремесленный характер керамического производства подтверждается наличием клейм не только на лошенной, парадной, посуде, но и на донцах простых кухонных горшков.

Нижне-Курпское I городище существовало в течение долгого времени. Его нижние слои могут быть датированы рубежом нашей эры, а средневековые слои находят аналогии в памятниках Северного Кавказа X–XII вв. (Чеченов 1967а: 112).

Нижне-Курпское II городище (рис. 1, 3, 6) расположено на левом берегу р. Курп, на мысу, образованном слиянием рек Курп и Жорокка, в 0,5 км к В от с. Нижний Курп. Оно состояло из трех холмов, вытянутых в целом по линии С–Ю. Поверхность холмов подвергалась регулярной распашке, по западному краю северного холма проходила полевая дорога, центральный холм подрезан полевыми дорогами с ЮЗ и СВ сторон.

Северный холм высотой до 1 м имел в плане овальную форму и ориентирован по линии З–В. Размеры его по верху составляли 20×30 м, в основании — 30×50 м.

В 65 м к ЮЮВ от северного холма находился центральный холм неправильной трапециевидной формы, ориентированный по линии СВВ–ЮЗЗ. Высота холма достигала 3 м, его размеры по верху составляли 35×10–25 м, в основании — 50×25–45 м. На поверхности холма находились 3 ямы неправильной формы, возможно, остатки окопов.

В 80 м к ЮЮЗ от центрального холма находился южный овальный в плане холм высотой до 0,8 м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Размеры его по верху составляли 10×15 м, в основании — 16×25 м.

Подъемный материал с поверхности городища представлен фрагментами средневековой керамики.

Шурф, заложенный на центральном холме, позволил установить, что мощность культурного слоя в этом месте составляла не менее 1,3 м. Культурные напластования были образованы слоями гумусированного суглинка с включениями мелких и крупных углей, золы и костей животных, а также линз обожженной глины.

В верхних слоях шурфа обнаружена глиняная фигурка животного (рис. 3, 1) и средневековая керамика (рис. 6, 7–12), в нижних — фрагменты керамики кобанской культуры (рис. 6, 2–6).

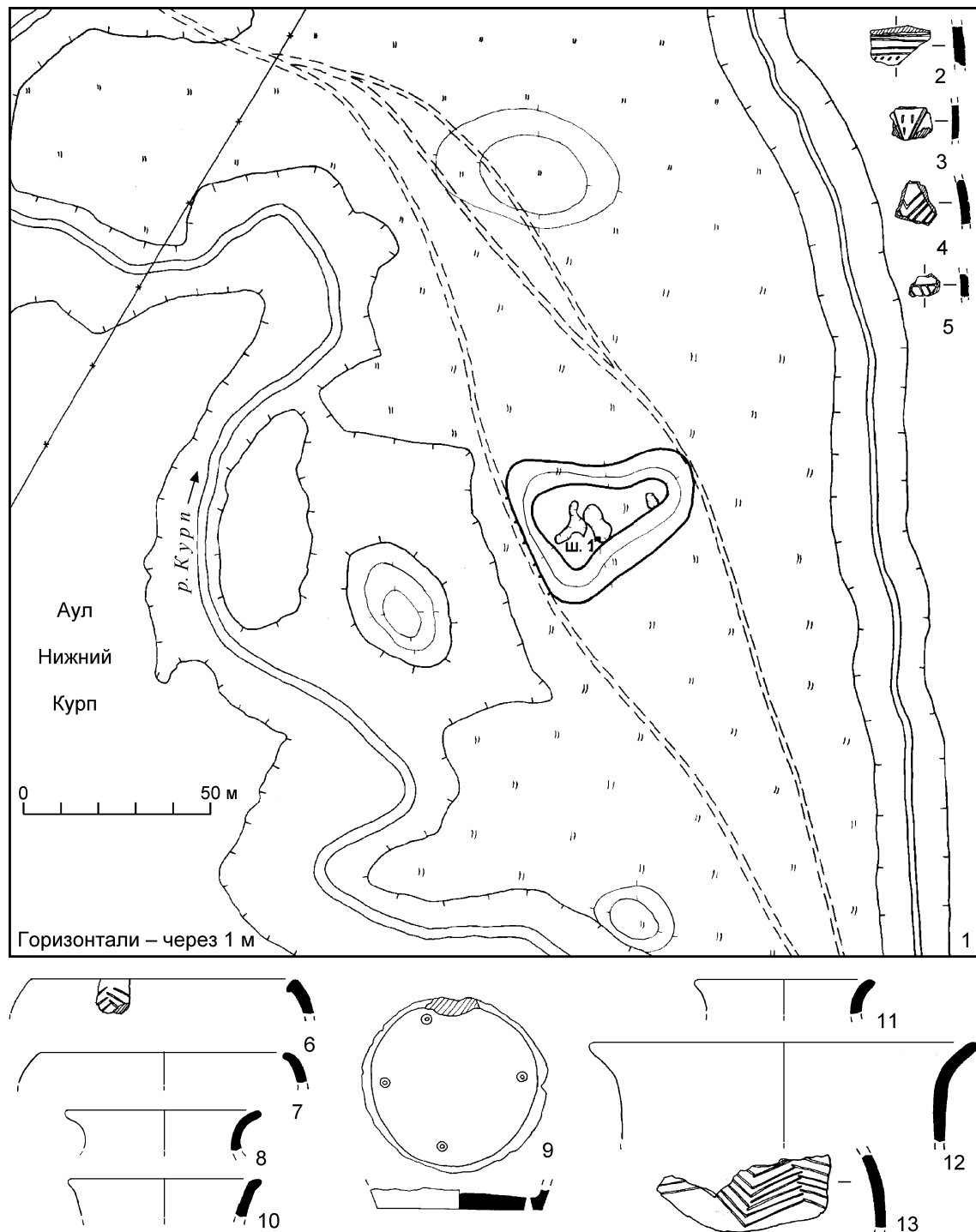

Рис. 6. Нижне-Курпское II городище: 1 — план; 2–13 — фрагменты керамики
 Fig. 6. Lower Kurp II fortified settlement: 1 — plan; 2–13 — pottery fragments

Керамика Нижне-Курпского II городища в основном гончарная, в трех случаях — лепная, изготовлена из теста серого, изредка коричневого цветов с примесью мелко толченой дресвы. Набор посуды состоит из двучленных мисок, сосудов с низким и в трех случаях с высоким горлом (таблица). Часть сосудов украшена прочерченными горизонтальными и наклонными линиями, многорядным зигзагом, в одном случае — заштрихованными треугольниками с наколами. Подобная орнаментация керамики характерна для западного варианта кобанской культуры (Козенкова 1989: табл. IV, 10, 29).

Можно полагать, что первоначальное поселение было основано на холме высотой около 1,5 м. Мощность культурного слоя северного и южного холмов должна достигать приблизительно 0,5–0,8 м.

Курганная группа Белямук I (рис. 1, 10) расположена на водораздельном плато между р. Курп и балкой Белямук. К востоку плато понижалось и разделялось на несколько языков. Группа Белямук I, состоявшая из 210 в основном небольших курганов, находилась на самом южном языке и прилегающей к нему с запада части поля. С юга плато ограничено крутым склоном высотой не менее 25 м, с севера — довольно плавным небольшим понижением-балкой.

Курганы, находившиеся на поле, распаханы. Насыпи состояли из сравнительно светлого серо-желтого и серо-коричневого суглинка. И. М. Чеченов считал, что многочисленность курганов в группе и их небольшие размеры свидетельствуют о том, что это средневековые кабардинские курганы XVII–XVIII вв. (личное сообщение).

Курпское городище (рис. 1, 4; 7) расположено на большом холме на правом берегу р. Курп, на левом берегу р. Жорокка, в 3 км к ЮЮЗ от с. Нижний Курп. Холм неправильной грушевидной формы ориентирован по линии СЗЗ–ЮВВ. Размеры его у подножия составляли 700×400 м. Западный, южный и восточный склоны холма пологие, северный и северо-восточный — крутые. Высота холма достигала 16 м, его верхушка разделена на четыре холма рвами-проходами.

Первый, западный холм неправильной овальной формы ориентирован по линии СЗЗ–ЮВВ. Размеры его составляли 200×70–45 м. Юго-западная сторона почти прямая, остальные скруглены. Между центром и западным концом ЮЗ стороны находились две ямы: западная — округлая, диаметром 10 м и восточная — удлиненно-овальная, расположенная параллельно ЮЗ стороне холма, размерами 10×40 м. В юго-восточном конце холма находились небольшая овальная яма, ориентированная по линии СЗЗ–ЮВВ, размерами 6×8 м и небольшой холмик почти таких же размеров. Скорее всего, это остатки укреплений времен Великой Отечественной войны.

К северо-востоку от первого холма был расположен второй, подтреугольный в плане северный холм (55×35 м), ориентированный по линии ССВ–ЮЮЗ. В северо-восточной части холма находились несколько заплывших траншей-окопов, а в южной части — небольшая овальная яма (5×8 м), ориентированная по линии З–В.

К востоку от описанных холмов находился третий, центральный холм городища. По форме он напоминал серп, обращенный выемкой к СВ. Западные и южные стороны — округлые, в северной находилась круглая выемка диаметром около 45 м, стены которой сначала понижались на глубину почти на 2 м, а в центре ее находился округлый холм диаметром около 25 м, на вершине которого имелась небольшая впадина. Возможно, это искусственное сооружение. На северо-западном и восточном краях холма имелись поздние заплывшие траншеи-окопы.

К юго-востоку от центрального холма был расположен четвертый (восточный) холм, неправильной подтрапециевидной формы, ориентированный по линии З–В. Размеры его составляли 65×50–110 м. Западный край пересечен длинным окопом в направлении ССВ–ЮЗЗ. На северном краю холма находилась небольшая округлая яма диаметром 5 м.

Большая часть городища была задернована. Через городище и у его подножия проходили проселочные дороги. На распаханном южном склоне собран подъемный материал — фрагменты керамики (рис. 7, 2, 4–6, 11–12) и каменные изделия, возможно зернотерки.

На южном пологом и на крутом северном склоне центральной части городища были заложены два шурфа. В шурфе 1 культурный слой, мощностью 0,6 м, состоял из гумусированного суглинка темно-серого цвета с включениями золы, углей, костей животных и фрагментов керамики. В шурфе 2 культурный слой, мощностью 1,95 м, состоял из гумусированного суглинка разно-

го цвета с включениями золы, угля, костей животных, фрагментов керамики, перемежающихся слоями обожженной глины.

Комплекс керамики из шурфов включал фрагменты мисок, горшков с отогнутым венчиком и обломки стенок, орнаментированных прочерченными горизонтальными полосами и «волной» (рис. 6, 3, 7–10, 13–22), характерных для средневековой посуды. В шурфе 2 найдены также глиняное биконическое пряслице (рис. 3, 2) и астрагал овцы, просверленный наискось на одном конце.

Посуда Курпского городища преимущественно изготовлена на гончарном круге (изредка — лепная). Тесто в основном серое, реже коричневое, в одном случае черное, с примесью

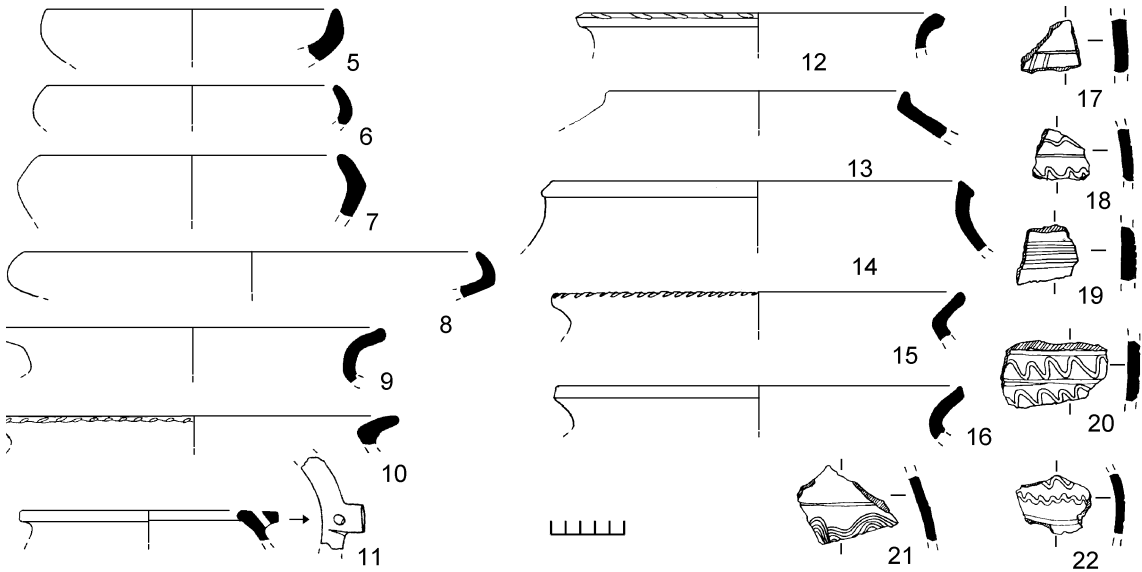
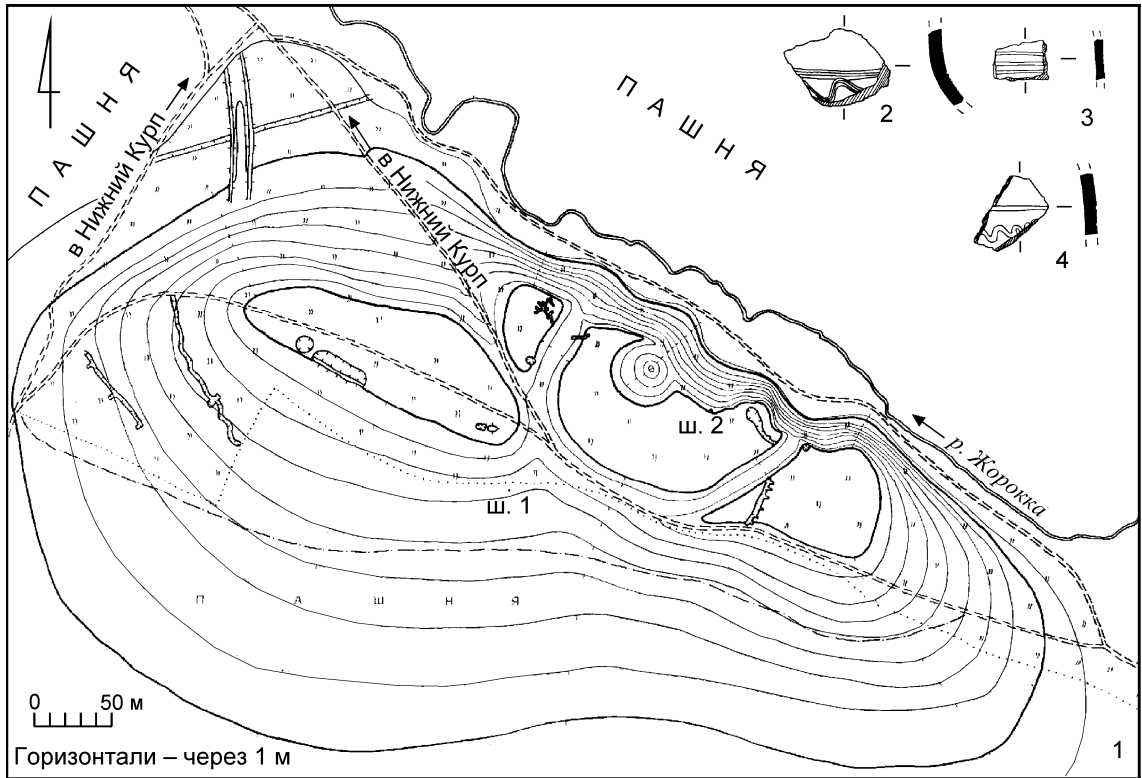

Рис. 7. Курпское городище: 1 — план; 2–22 — фрагменты керамики
 Fig. 7. Kurp fortified settlement: 1 — plan; 2–22 — pottery fragments

мелкотолченой дресвы. Формы сосудов представлены двучленными мисками и низкогогорлыми сосудами (таблица).

Курпское I поселение (рис. 1, 5; 8) расположено на правом берегу р. Курп, на склоне и у подножия холма коренного берега, в 2,5 км к ССВ от места слияния рек Курп и Курпок и в 4,5 км к ЮЮЗ от с. Нижний Курп.

Область распространения подъемного материала в плане близка к овалу или прямоугольнику с закругленными углами размерами 270 × 140 м, ориентированному по линии СВ–ЮЗ.

В центральной части области распространения фрагментов керамики находилось пятно грунта серого цвета, отличающегося от гумусированного пахотного суглинка. Пятно имело округло-овальную форму (25 × 24 м) и было ориентировано по линии СВВ–ЮЗЗ. В 80 м к В от первого пятна обнаружено второе пятно неправильной овальной формы (20 × 17 м), ориентированное по линии СВ–ЮЗ, а в 30 м к С от второго находилось третье, также овальное пятно (15 × 10 м), ориентированное по линии СЗ–ЮВ.

В границах первого и третьего пятна были заложены 2 шурфа, выявившие одинаковую стратиграфию. Культурный слой, мощностью 0,9 м, состоял из серо-коричневого и серого гумусированного суглинков, насыщенных включениями золы и углей, обломков костей животных и фрагментами керамики.

Находки из шурфа 1 представлены венчиками мисок и горшков с отогнутым горлом, обломками стенок, орнаментированных прочерченными линиями и тонкими треугольными в сечении налепами (рис. 8, 4, 10, 12, 24, 26), глиняным пряслицем биконической формы (рис. 3, 3) и фрагментами глиняной слегка обожженной обмазки.

В шурфе 2 был обнаружен аналогичный материал: венчики мисок, горшков с отогнутым или прямым горлом, три фрагмента керамики, орнаментированные прочерченными линиями и налепами (рис. 8, 8, 11, 17, 22, 25), а также биконическое глиняное пряслице (рис. 3, 4).

Отличительной чертой Курпского поселения является то, что почти половина керамики была изготовлена из теста с примесью кварца, а остальная — с примесью дресвы. Формы сосудов представлены одно- и двучленными мисками, низко- и высокогорлыми горшками. Посуда украшена прочерченными орнаментами в виде горизонтальных и наклонных линий, сетки и заштрихованных треугольников (рис. 8, 4–6, 8); оттисками гребенчатого штампа в виде трехрядного зигзага (рис. 8, 13, 14); рядом округлых налепов в основании горла и треугольными в сечении налепами в виде прямых и изогнутых линий (рис. 8, 10, 23–26).

Большая часть прочерченных орнаментов характерна для западного варианта кобанской культуры (Козенкова 1989: 67, табл. IV, 19; VIII, 7; X, 7) и датируется первой половиной I тыс. до н. э. Д. В. Деопик и Е. И. Крупнов отмечают орнамент в виде многорядного зигзага, выполненного прочерчиванием, реже — из оттисков зубчатого штампа для типа 6 керамики (миски) Змейского поселения кобанской культуры (Деопик, Крупнов 1961: 20, 22, рис. 5, 1). Орнаментация тонкими, треугольными в сечении налепами характерна для толстостенных пифосообразных сосудов, начало бытования которых И. М. Чеченов на основе материалов Нижне-Джулатского городища относит к концу I тыс. н. э., а конец бытования — к XIII в. (Чеченов 1967б: 200, рис. 5, 212–213).

Жороккское I городище (рис. 1, 6; 9) обнаружено на левом берегу р. Жорокка, на возвышении коренного берега, в 3,5 км к ЮЮВ от с. Нижний Курп. Мысообразный выступ возвышения вытянут к СЗ. Северо-западная часть холма была прорезана траншеей шириной 10–11 м до уровня пойменной части долины. Северный склон холма крутой, западный — пологий. Высота холма с севера составляла 10 м, с запада — 4 м. В СЗ части холма находились две заплывшие вытянуто-овальные ямы. Северная яма (12 × 3 м) ориентирована по линии СВВ–ЮЗЗ, южная (шириной 3–5 м) — по линии СЗ–ЮВ. На ЮЗ части холма был собран подъемный материал, состоявший из фрагментов средневековой керамики (рис. 9, 2–6) и глиняной обожженной обмазки.

В границах области распространения подъемного материала был заложен шурф, выявивший культурный слой мощностью 0,6 м. Слой состоял из темного коричневатого-серого суглинка с включениями золы и углей, обломков костей животных и средневековой керамики.

ки, среди которой выделяется обломок стенки сосуда, орнаментированный семечковидными вдавлениями (рис. 9, 7).

Керамический комплекс Жорокского I городища представлен в основном гончарными низкоротлыми сосудами с отогнутыми наружу венчиками, изготовленными из серого (в одном случае коричневого) теста, с примесью мелкотолченой дресвы. Орнамент прочерченный, в виде горизонтальных линий и коротких косых насечек на венчике.

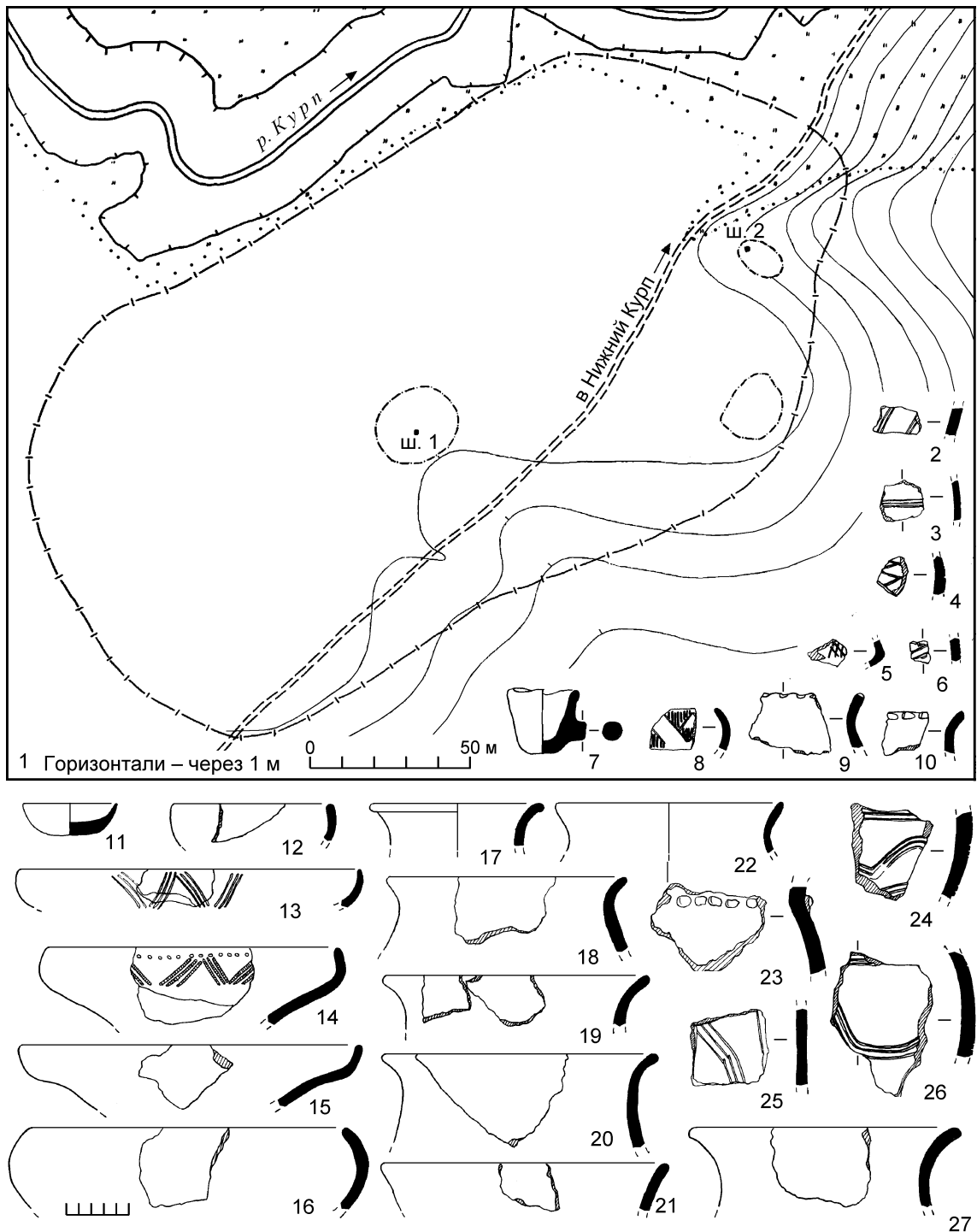

Рис. 8. Курпское I поселение: 1 — план; 2–27 — фрагменты керамики
 Fig. 8. Kurp I settlement: 1 — plan; 2–27 — pottery fragments

В восточной части городища находилось всхолмление, вокруг которого обнаружены обломки современной керамики и фаянсовой посуды. По-видимому, там находилось современное жилище.

Жороккское II городище (рис. 1, 7; 10) расположено на длинном довольно узком выступе коренного берега р. Жорокка, в 2 км восточнее Жороккского I городища и в 5 км к ЮВ от с. Нижний Курп. Через городище проходила ЛЭП.

Северо-восточный склон городища имел волнистую конфигурацию — его плавные выступы можно сравнить с бастионами. На одном из выступов с ЮВ стороны находилось всхолмление, напоминавшее остатки башни, но оно было нарушено двумя заплывшими траншеями-окопами, ориентированными по линии З-В. Высота городища достигала 7 м, ширина верхней части равна около 450 м. Подъемный материал, собранный на поверхности, состоял из фрагментов средневековой керамики (рис. 10, 4, 6). Область распространения керамики (600 × 450 м) занимала почти

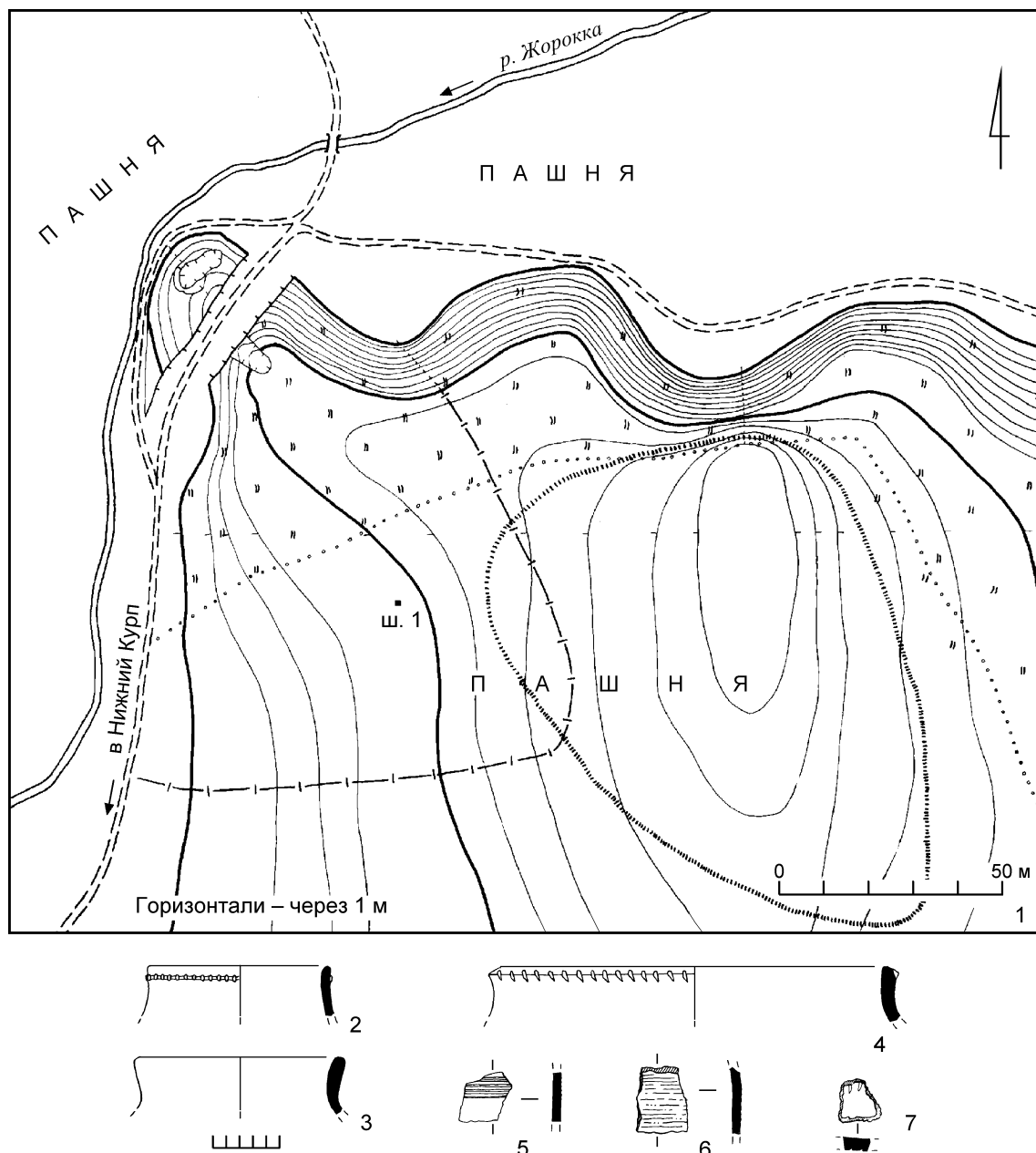

Рис. 9. Жороккское I городище: 1 — план; 2–7 — фрагменты керамики
 Fig. 9. Zhorokk I fortified settlement: 1 — plan; 2–7 — pottery fragments

всю ширину городища и небольшую часть напольной стороны с СВ. В ЮЗ ее части находился овальный холм (30 × 55 м, высотой до 1 м), ориентированный по линии З–В.

В северо-восточной части городища был заложен шурф, выявивший культурный слой мощностью 0,45 м, состоящий из темного коричневатого суглинка с включениями золы, углей и керамики (рис. 10, 2–3, 5).

Керамика Жороккского II городища в основном гончарная, в одном случае лепная, в двух — способ изготовления неясен. Тесто серое, в двух случаях — коричневое, с примесью

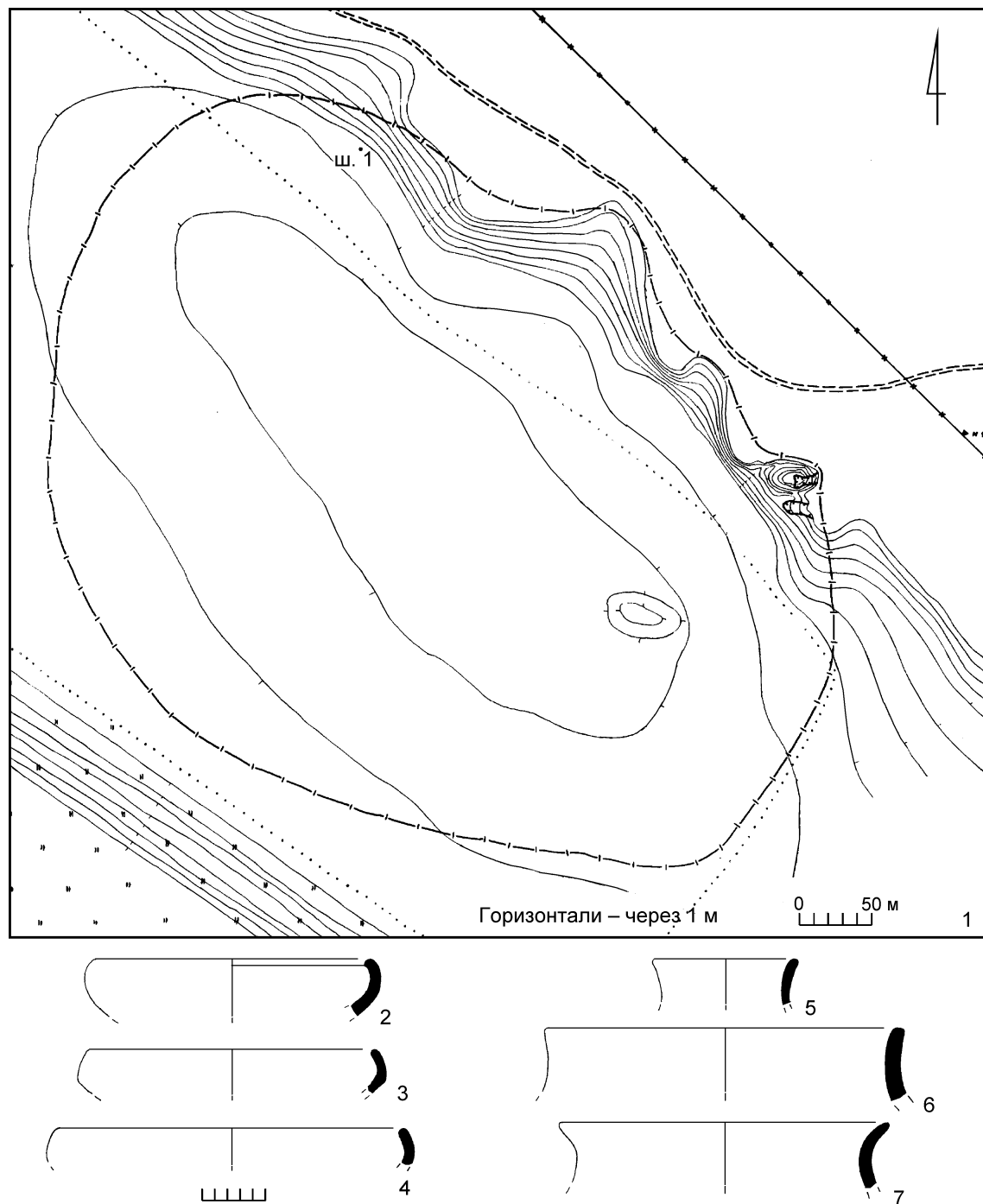

Рис. 10. Жороккское II городище: 1 — план; 2–7 — фрагменты керамики
 Fig. 10. Zhorokk II fortified settlement: 1 — plan; 2–7 — pottery fragments

мелкотолченой дровсы. Формы сосудов представлены двучленными мисками и низко- и высокогорлыми горшками (таблица).

Жорокское III городище (рис. 1, 8; 11) расположено на четырех холмах выступа коренного левого берега р. Жорокка, в 330 м к ЮВВ от Жорокского II городища, в 5,5 км к ЮВ от с. Нижний Курп. Через городище проходила ЛЭП.

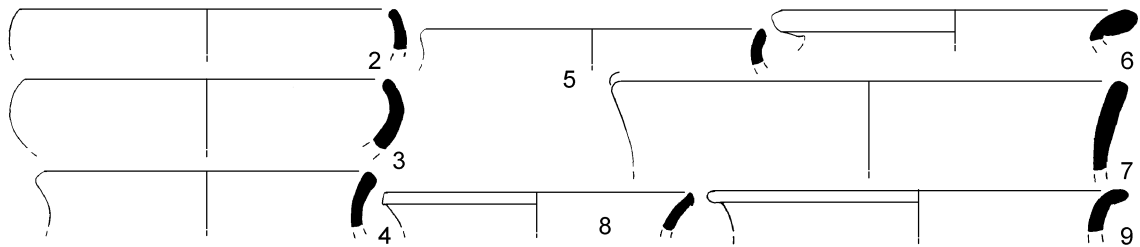
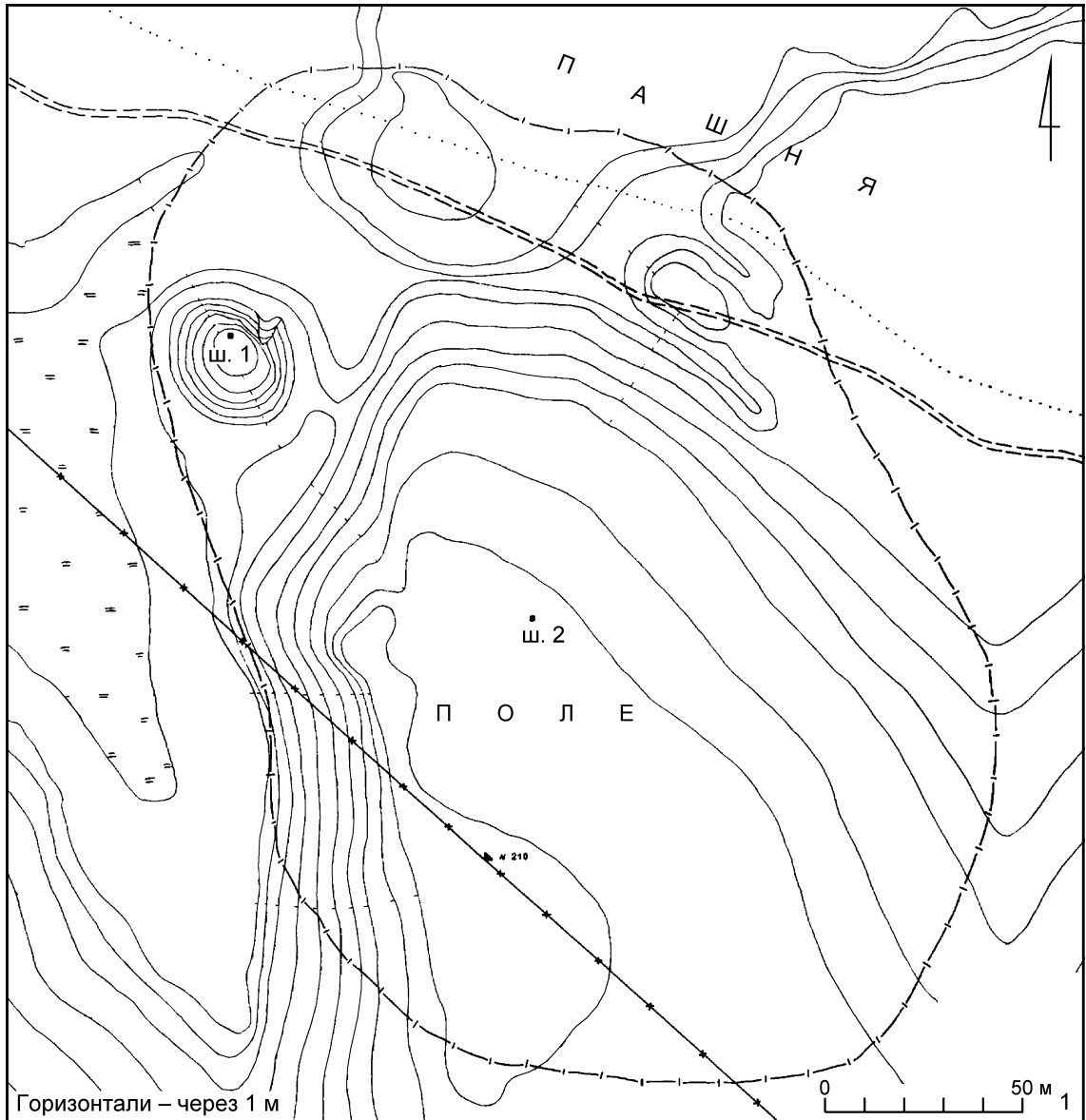

Рис. 11. Жорокское III городище: 1 — план; 2–9 — фрагменты керамики
Fig. 11. Zhorokk III fortified settlement: 1 — plan; 2–9 — pottery fragments

Первый (северо-западный) холм имел правильную округлую форму. Диаметр его составлял 30 м в основании и 10 м по верхней площадке, высота — 5 м. С северной и северо-восточной сторон холма находилась небольшая лощина, возможно остатки въезда.

К юго-востоку от первого холма находился второй (южный), высотой почти 7 м. Вытянутый по линии С–Ю холм имел довольно крутой западный склон и более пологие склоны на севере и востоке.

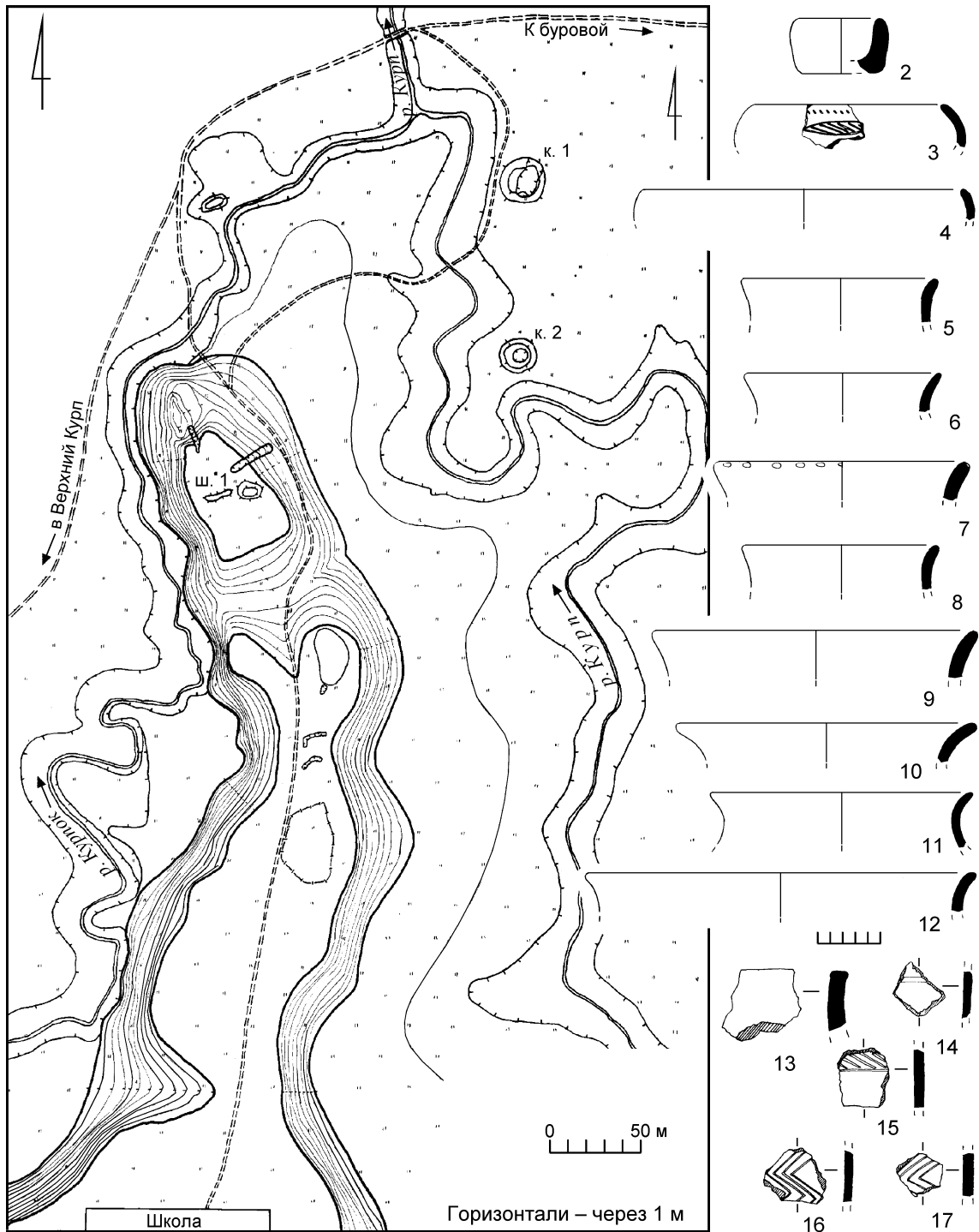

Рис. 12. Верхне-Курпское городище: 1 — план; 2–17 — фрагменты керамики
 Fig. 12. Upper Kurp fortified settlement: 1 — plan; 2–17 — pottery fragments

К северо-востоку от первого холма находился третий (северный) овальной формы холм высотой 3 м и размерами 34 × 26 м в верхней части и 75 × 55 м у подножия. Северный холм отделен от южного холма небольшим валообразным возвышением, ориентированным по линии ССВ–ЮЮЗ.

К востоку от первого и к ЮЗ от третьего находился небольшой четвертый холм высотой 3 м (размеры по верху 22 × 11 м, в основании 40 × 20 м), выглядевший как выступ коренного берега.

Подъемный материал Жороккского III городища состоял из фрагментов средневековых сосудов (рис. 11, 5, 9). Область распространения керамики, охватывающая фактически всю территорию городища, имела в плане форму овала размерами 270 × 150 м, ориентированного по линии ССЗ–ЮЮВ.

Два шурфа, заложенные на городище, выявили культурный слой мощностью 0,45 м, состоящий из серого гумусированного суглинка с включениями золы и углей. В шурфах были зафиксированы фрагменты средневековой керамики (рис. 11, 2–4, 6–8).

Большая часть керамики Жороккского III городища гончарная, однако также здесь найдены лепные сосуды и посуда, способ изготовления которой не установлен. Формы сосудов представлены двучленными мисками, горшками с невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком (таблица).

Верхне-Курпское городище (рис. 1, 9; 12) расположено на мысу у слияния рек Курп и Курпок, на восточной окраине с. Верхний Курп. Городище стояло на высоком, немного изогнутом длинном холме, ориентированном по линии ССЗ–ЮЮВ. Вершина холма разделена на две части. Северная часть более высокая, ее размеры по верху составляли 70 × 40 м, в основании — 140 × 90 м. Верхушка северной части представляла собой довольно ровную трапецевидную площадку, ориентированную по линии ССЗ–ЮЮВ. Высота этой части холма достигала 12–13 м от уровня пойменной части долины. Западный склон холма крутой, восточный — более пологий, по нему проходила проселочная дорога, ведущая на южную часть холма. Возможно, именно здесь был въезд на городище в древности. Северо-западный склон также довольно крутой, на нем находилось продолговатое всхолмление размерами 15 × 6 м, вытянутое с ССЗ на ЮЮВ. В центре северной части холма расположены два небольших холмика: овальный восточный (10 × 15 м), ориентированный по линии З–В, и западный (5 × 18 м), вытянутый по линии СВВ–ЮЗЗ. На СЗ и В краях верхней площадки северного холма, немного спускаясь на склоны, находились заплывшие длинные каналы, скорее всего, окопы времен Великой Отечественной войны.

Южная часть холма была отделена от северной части довольно широкой ложбиной. Форма этой части холма неправильная, извилистая. Вершина южной его части, так же как и северной, представляла довольно ровную площадку шириной от 30 до 70 м. Высота этой части холма достигала 10–11 м от уровня пойменной части долины. Северный край площадки был раздвоен: здесь находилась небольшая ложина, по которой проходила проселочная дорога и которая, возможно, отмечала древний въезд на городище. В 60 м к Ю от северного края площадки находились заплывшие каналы — остатки окопов, в 100 м в том же направлении — остатки постройки (камни фундамента прямоугольной формы). В 320–350 м к Ю находилась старая школа, к которой вела проселочная дорога.

Все склоны и поверхности холма хорошо задернованы. В немногочисленных норах сурков был собран подъемный материал — фрагменты средневековой керамики (рис. 12, 4, 7, 9–10, 12, 14).

На площадке северной части городища шурф выявил наличие культурного слоя, состоявшего из серого гумусированного суглинка с включениями золы, углей, мелких обломков костей животных и фрагментов керамики (рис. 12, 2–3, 5–6, 11, 15–17). На уровне третьего штыка был обнаружен каменный оселок (рис. 3, 5), а на уровне четвертого — каменный терочник (рис. 3, 8). Хотя в силу разных причин шурф не был доведен до уровня материка, предположительная мощность культурного слоя могла достигать 1,5–2 м.

В комплексе керамики Верхне-Курпского городища были представлены гончарные двучленные миски и лепные горшки с невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком. Орнамент в виде многорядного зигзага и заштрихованных овалов выполнен прочерчиванием и наколами. Как уже упоминалось, такой орнамент характерен для западного варианта кобанской культуры (Козенкова 1989).

Таким образом, в результате обследования 1981 г. на сравнительно небольшой территории долины р. Курп было открыто 9 городищ и поселений с хорошо выраженным культурным слоем, собрано значительное количество керамики и отдельные индивидуальные находки. Фрагменты

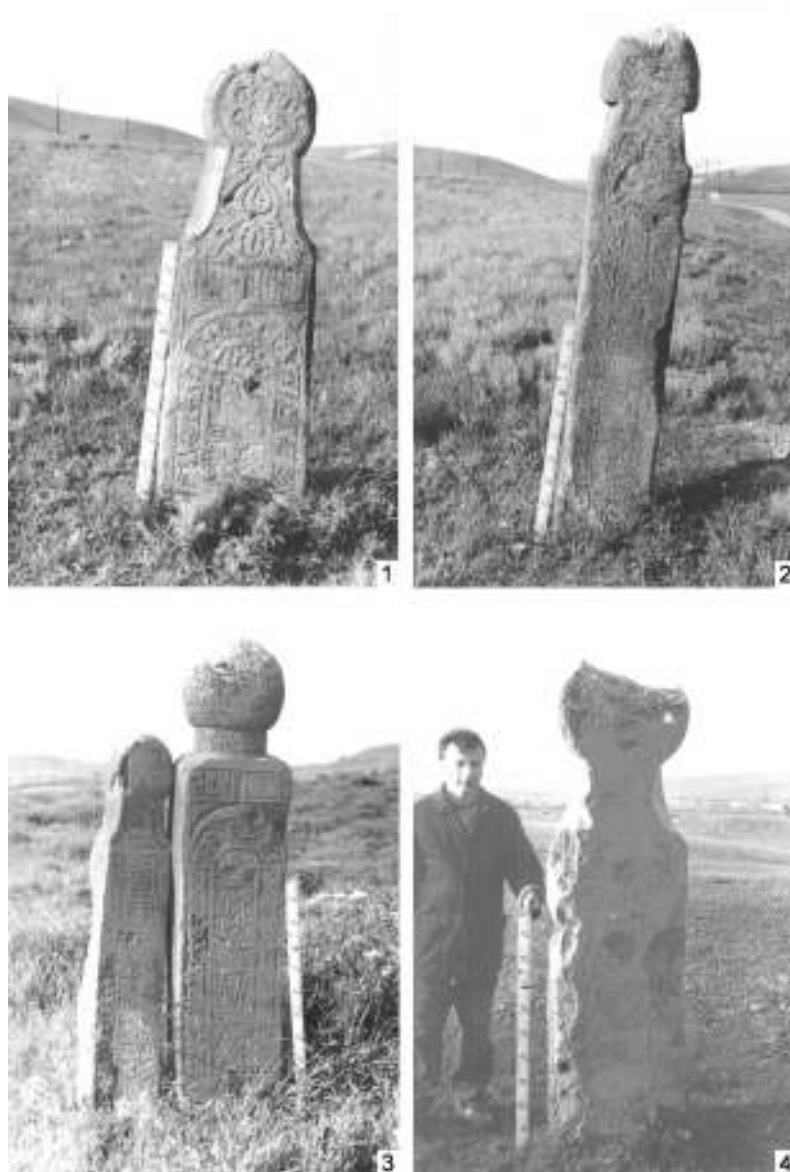

Рис. 13. Каменные стелы с резьбой («сцыны») в районе селения Нижний Курп: 1, 2 — к востоку от селения; 3 — у северного въезда; 4 — на Нижне-Курпском I городище

Fig. 13. Stone stelae with carvings (*stsyns*) near the village of Lower Kurp: 1-2 — east of the village; 3 — near the northern entry to the village; 4 — on the Lower Kurp I fortified settlement

обожженной глиняной обмазки были встречены только на Курпском I поселении и на Жороккском I и II городищах.

Кроме того, в центральной части выступа террасы Нижне-Курпского I городища, у северного въезда в с. Нижний Курп и восточнее этого селения зафиксированы каменные стелы, покрытые резьбой (местное название — «сцын»; рис. 13).

Заселение долины реки Курп по археологическим данным

Долина р. Курп была плотно заселена в древности. При размещении поселений успешно использовался рельеф местности — почти все холмы и останцы, возвышающиеся над пойменной частью реки, были обитаемы.

Освоение долины, вероятно, началось в местах расположения Курпского поселения, Верхне-Курпского и Нижне-Курпского II городищ в первой половине I тыс. до н. э., где была обнаружена керамика кобанской культуры. На рубеже нашей эры возникло Нижне-Курпское I городище, существовавшее почти до XIII в., о чем свидетельствуют обилие керамики и почти 6-метровый культурный слой. В эпоху средневековья жизнь продолжалась на всех упомянутых населенных пунктах и практически на всех удобных для жизни местах.

Исследователи отмечают умелое использование «особенностей рельефа местности для средневековых фортификационных сооружений» памятников Центрального Предкавказья — Старо-Лескенского (Чеченов 1967а: 117), Сержень-Юртовского (Козенкова 1977: 62, табл. II, 3) и Этокского городищ (Козенкова 1989: 148, табл. 1, 1) и др.

И. М. Чеченов отмечал, что на Нижне-Джулатском и Хамидиевском городищах, изученных более полно, керамика, датируемая началом I тыс. н. э., встречена в наиболее укрепленных частях — в «цитаделях», а на территории «посадов» и «селищ» найдена керамика X–XIV вв. Он полагал, что укрепленные части городищ были заселены первыми, а затем обитаемыми становились прилегающие к «цитадели» более удаленные места (Чеченов 1967а: 126). Обобщив исследования Нижне-Джулатского городища, И. М. Чеченов датировал керамический комплекс из верхних слоев памятника VII–XII вв., из средних — IV–VI вв., из нижних — I–III вв. (Чеченов 1967б: 216, 215, 223).

Таким образом, в период позднего бронзового века в долине Курпа было три населенных пункта, одно из которых — мысовое городище (Верхне-Курпское) — имело хорошие природные укрепления. В период раннего железного века в центральной части долины возникло Нижне-Курпское городище, причем при его основании природный рельеф местности был дополнен укреплениями. В эпоху средневековья, когда плотность расселения была наибольшей, поселениями были заняты все удобные для обитания места.

Деопик 1961 — *Деопик Д. В.* Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное изд-во, 1961. С. 37–50 (Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1).

Деопик, Крупнов 1961 — *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры // Там же. С. 11–36.

Козенкова 1977 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 87 с. (САИ. Вып. В2-5. Т. 1).

Козенкова 1982 — *Козенкова В. И.* Типологическая и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с. (САИ. Вып. В2-5. Т. 2).

Козенкова 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989. 195 с. (САИ. Вып. В2-6. Вып. 3).

Козенкова 1996 — *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 163 с.

Козенкова 1998 — *Козенкова В. И.* Материальные основы быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН, 1998. 200 с. (САИ России. Вып. В2-5. Т. 5).

Марковин 1994 — *Марковин В. И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Ч. II. Эпоха бронзы Северного Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 287–333 (Археология).

ОАК 1901 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 г. СПб.: Тип. Главного управления делов, 1901. С. 53, 156.

Чеченов 1967а — *Чеченов И. М.* Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 году // Ученые записки КБ НИИ. Нальчик: КБ книжное изд-во, 1967. С. 107–127.

Чеченов 1967б — *Чеченов И. М.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 году // Там же. С. 192–227.

Archaeological sites in the Kurp river valley, North Caucasus

V. Ya. Stegantseva

In the spring of 1981, the 1st prospective detachment of the North Caucasian Expedition from the Institute of Archaeology of the Academy of Science of the USSR explored the valley of the Kurp (a right tributary of the Terek) in the area intended for flooding. As a result, 9 ancient settlements were discovered. Their placement was dependent on the relief: nearly all hills overlooking the river floodplain were settled. The oldest sites date from the Koban time. They include the settlement of Kurp I, and fortified settlements of Upper Kurp and Lower Kurp I. The hand-modeled bowls with scratched geometric patterns and comb impressions, found on these settlements, are analogous to the materials of the Koban sites from the central part of the Northern Caucasus. In addition, the fortified settlements of Upper Kurp and Lower Kurp I yielded the materials of the Sarmat period, including bowls (many of them burnished) with incised geometric patterns, which have close parallels in the Sarmatian cemeteries of the region. A fragment of an Antique fish plate was found at Lower Kurp I. The highest population density was reached in the valley in the Medieval times. Practically all of the studied sites gave fragments of kitchen pottery decorated with horizontally scratched and undulating lines. This pottery has analogies in the upper layers of the Medieval settlements of the region and can be dated to the X–XII cc.

Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: культурно-исторический ландшафт и его восточные (прикарпатские) рубежи

О. Г. Левицкий, М. Т. Кашуба

Ключевые слова: Карпато-Подунавье, юго-запад Восточной Европы, финал эпохи бронзы, Гава-Голиграды-Грэничешть, Кишинэу-Корлэтенъ, культурные маркеры, неоднородность, общеевропейский процесс.

Keywords: Carpathian-Danube region, southwest of East Europe, Final Bronze Age, Gáva-Holíhrady-Grănițești, Chișinău-Corlăteni, cultural markers, heterogeneity, Pan-European process.

Введение

В финале эпохи бронзы культурно-историческое развитие соседних территорий — в Карпато-Подунавье и юго-западе/юге Восточной Европы — кардинально различалось. Общности южной части Восточной Европы, главным образом подвижные скотоводы, утрачивают былую монолитность «культурного стержня», на этой огромной территории прерываются дальние и сверхдальние коммуникации с востоком. Достигнув развитого технологического уровня, характеризующегося широким использованием литья в качестве основного способа для производства металлических изделий (Бочкарёв 2006: 54; 2013б: 69 сл.; и др.), восточноевропейские металлопроизводство и металлообработка, в первую очередь в северо-причерноморских мастерских, лишаются поставок с востока, что означало потерю решающей роли Волго-Уральского региона (см. Бочкарёв 2013в: 60 сл.; 2013а: 11). Население, создавшее культурный комплекс Ноуа-Сабатиновка, смещается в поисках новых пастбищ и земель все дальше к западу и юго-западу, расширив территории своего обитания по *ту сторону Карпат* и осваивают Карпатскую котловину — этап Ноуа II, по Сава (Sava 2002; 2003; 2004: 68 ff.; 2005: 143 ff.; Сава, Кайзер 2011: 441 ff.; Dietrich L. 2013: 227 ff.).

Культурно-историческое развитие местных обществ в Карпато-Подунавье, напротив, на заключительных этапах эпохи бронзы достигает расцвета. Освоение и активная разработка природных богатств региона укрепили мощь карпато-дунайских металлодобычи и металлообработки (Petrescu-Dîmbovița 2001: 272–287; 289–294 ff.; Vulpe 2001: 214 ff.; и др.), вследствие чего влияние последней и ее продукция охватили западную часть Северного Причерноморья (см. Бочкарёв 2013б: 75 сл.; Дергачёв 1997: 51–59; 2010; 2011). Осваивая природные ресурсы, население Карпатского бассейна занималось добычей и вывозом соли за пределы региона (см. Savruc et al. 2006; Savruc 2009; Sandu et al. 2010: 225 ff.; Boghian et al. 2012: 212 ff.; Каврук 2011; и др.). Налаженные торгово(?)–обменные связи внутри региона (между северо-западной Трансильванией и южным Банатом) и широко за его пределами (например, с Грецией и Эгеями — см. Hänsel 1968; 1973: 201 ff.; 1982; 2002: 69 ff.; Vulpe 1975; 1982: 321 ff.; 1997: 33 ff.; Vader 1990: 17 ff.; Petrescu-Dîmbovița 2001: 291 ff.; Хардинг 2013: 170 сл.; и др.) способствовали социальному развитию и обогащали местные элиты, о чем свидетельствуют, например, материалы курганного могильника Лэпуш/Lăpuș (см. Kacsó 2011: 213 ff.; Kacsó et al. 2012: 457 ff.; Metzner-Nebelsick et al. 2010; Teržan 2005: 250–251; Dietrich L. 2010: 199 ff., Abb. 4; и др.). Хотя в течение всей эпохи бронзы Трансильванию можно рассматривать как «ландшафт с большим количеством кладов» (Хансен 2013: 288), пик депонирования бронзовых изделий в Карпатском бассейне приходится на поздний период бронзового века (ср. Mozsolics 1967; 1973; 1985; Petrescu-Dîmbovița 1977; Soroceanu 2012; Dietrich O. 2013/2014), а сами клады интерпретируются как «дары богам» (Хансен 2013; Hansen 1994; Hänsel 1997: 11 ff.).

Уже в XIII в. до н. э. — при доминировании металлургии бронзы — здесь появляются и первые железные изделия (László 1977: 58 ff.; Stoia 1989: 52 ff.; Boroffka 1991: 6; Jugănaru 2005: 68 ff., 79 ff.; Ailincăi 2009: 9; 2013: 243–244; Metzner-Nebelsick et al. 2010: 222–224, fig. 2, 5, 7). Новый металл распространяется внутри Карпатской котловины и за ее пределами, причем в XIII–XI вв. до н. э. железные изделия, как правило, встречены вблизи выходов железных руд, а также месторождений меди, серебра, золота и соли, а в X в. до н. э. железоделательные центры смещаются в южный Банат и Добруджу (Boroffka 1991: 1–6, Karte 1–2) — в области, лишенные природных богатств Трансильвании.

В XIII/XII вв. до н. э. началось перемещение различных групп населения за пределы Карпатского бассейна в восточном направлении (см. ниже). Миграционные потоки пошли по северу (частично через перевалы лесистых Карпат¹ — перевалы см. Bader 2001: Karte 1) и югу (южная предгорная зона и/или вдоль Дуная, огибая Карпаты с юга и юго-запада) и достигли бассейна Днестра. Так происходила колонизация земель по *эту сторону Карпат*, т. е. Северо-Восточного и Восточного Прикарпатья или бассейна Днестра в его верхнем и среднем течении (рис. 1).

Среди первопричин, вызвавших движение карпато-дунайских сообществ на восток, могла быть «контратака карпатского блока», обладавшего специфическими чертами и склонного к

¹ Молодые и богатые лесом складчатые вулканические Карпаты имеют множество перевалов и речных прорывов, что существенно облегчало их проходимость (см. Bader 2001: 15 ff., 28, Karte 1).

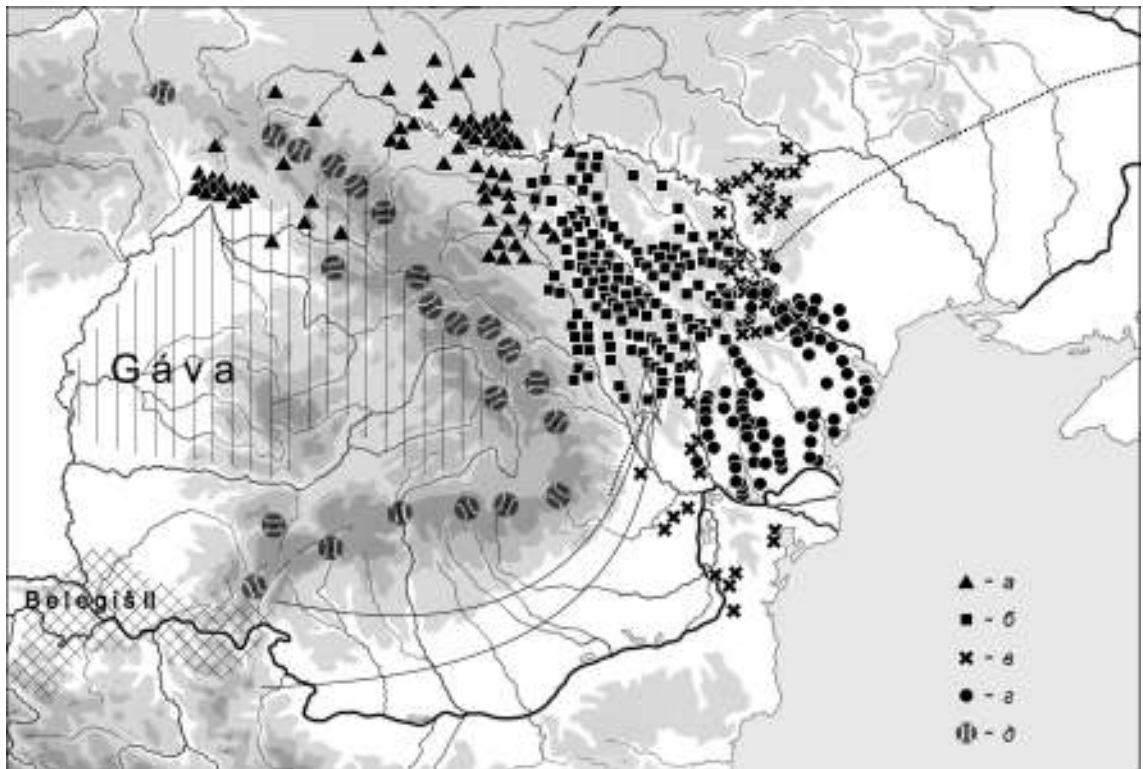

Рис. 1. Гальштаттские (карпато-дунайские) культуры (а–в) периодов HaA–HaB1 и белозерская культура (z) в Карпато-Подунавье и Северном Причерноморье: а — памятники культуры Гава-Голиград-Грэничешть; б — памятники культуры Кишинэу-Корлэтенъ; в — памятники горизонта Тэмэоань-Холеркань-Балта; z — памятники белозерской культуры Днестро-Дунайского междуречья; д — перевалы через Карпаты (а–z — по Кашуба 2012; Kaşuba, Leviţki 2010; д — по Bader 2001; картирование — М. Т. Кашуба, графика — И. Н. Лицук)

Fig. 1. Hallstatt (Carpathian-Danube) cultures (a–v) of the HaA–HaB1 periods, and the Belozersk culture (z) in the Carpathian-Danube and North Black Sea regions: a — Gáva-Holihrazy-Grăniceşti sites; б — Chişinău-Corlăteni sites; в — Tămăoani-Holercani-Balta horizon sites; z — Belozersk sites between the Danube and Dniester; д — passes over the Carpathians (a–z — after Кашуба 2012; Kaşuba, Leviţki 2010; д — after Bader 2001; plotting by M. T. Kashuba, graphics by I. N. Litsuk)

процессу культурного обособления относительно общностей раннегалльштаттского времени Западной и Средней Европы (Nestor 1933: 61 ff.; 1970: 22 ff.). Эти события вызвали «галльштаттизацию всего Карпато-Балканского пространства», подкрепленную формированием и консолидацией в последней четверти II тыс. до н. э. первых раннегалльштаттских культур в Карпато-Дунайском регионе (территории между Тисой и Западными Карпатами и в Банате) на основе местных культур поздней бронзы при инфильтрации средневропейских элементов (см. ниже; обобщенно — см. László 2001: 294–339). «Галльштаттизация» охватила и восточные территории: в Карпато-Днестровских землях культура Ноуа/Noua сменилась культурами раннегалльштаттского времени.

Отмеченные выше процессы можно рассматривать в русле культурно-исторического подхода как результат функционирования карпато-балканского очага культурогенеза, воздействие которого в конце эпохи бронзы, благодаря ослаблению и упадку восточноевропейских сообществ, проникло глубоко к востоку, охватив западные области Северного Причерноморья (см. Бочкарёв 1995: 18 и сл.; 2013в: 60 сл.). В финале эпохи бронзы, как показывают новейшие данные, центр этого очага смещается в Среднее Подунавье, где он продолжает функционировать еще несколько столетий вплоть до VIII/VII вв. до н. э. включительно (Кашуба 2008: 56 сл.; 2012а). Активизация культурно-исторического развития в финале эпохи бронзы и начале железного века именно в Среднем Подунавье позволила применительно к этим периодам назвать упомянутый очаг как «среднедунайский (карпато-балканский) очаг культурогенеза». Его зарожде-

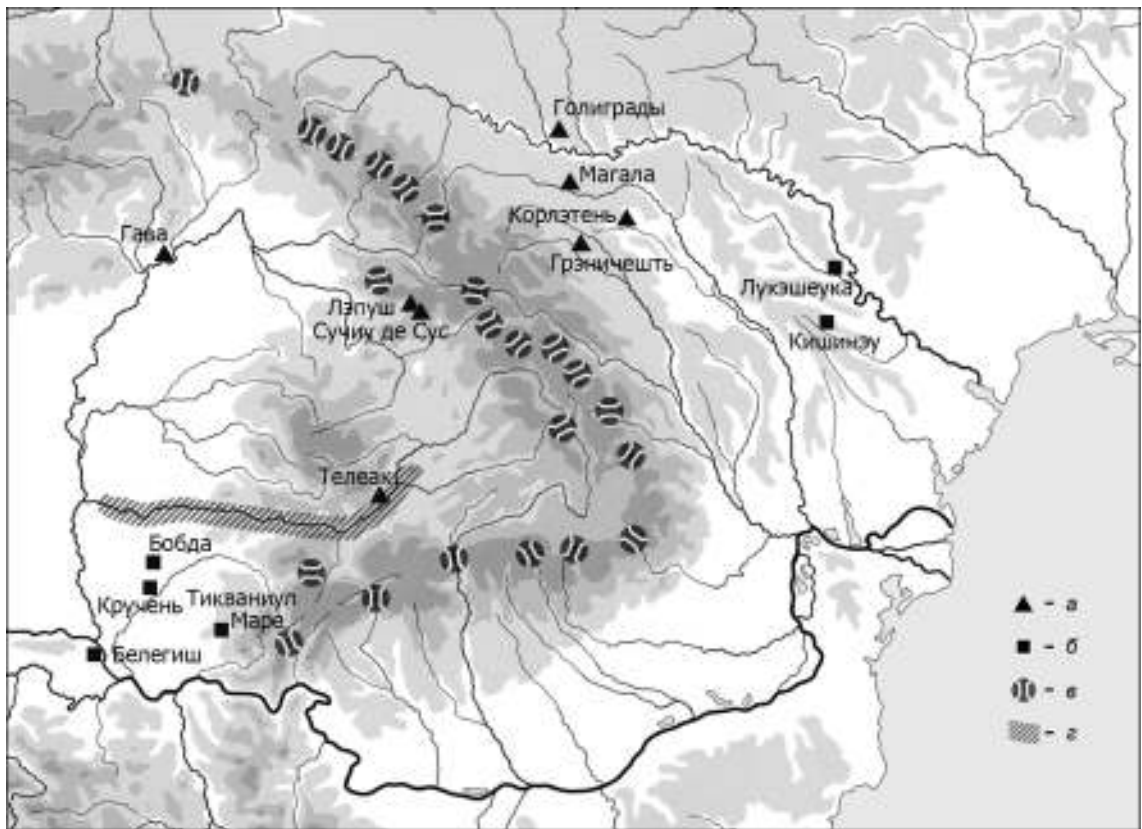

Рис. 2. Упоминаемые в статье основные памятники раннегалльштаттских культур с каннелированной керамикой: *a* — памятники культуры Гава-Галиграды-Грэничешть; *б* — памятники Белегиш/Кручень-Белегиш II и Кишинэу-Корлэтенъ; *в* — перевалы через Карпаты; *г* — условная граница между культурами Гава и Белегиш II/Кручень-Белегиш II в Карпато-Подунавье (*в* — по Bader 2001; *г* — по Forenbaher 1994; картографирование — М. Т. Кашуба, графика — И. Н. Лицук)

Fig. 2. Early Hallstatt sites with fluted pottery mentioned in the text: *a* — Gáva-Holihrady-Grănicești sites; *b* — sites of the Belegiș/Cruceni-Belegiș II and Chișinău-Corlăteni cultures; *v* — passes over the Carpathians; *z* — conditional boundary between the Gáva and Belegiș II/Cruceni-Belegiș II cultures in the Carpathian-Danube region (*v* — after Bader 2001; *z* — after Forenbaher 1994; plotting by M. T. Kashuba, graphics by I. N. Litsuk)

ние приходится на финал эпохи бронзы (культуры Гава-Голиграды-Грэничешть и Белегиш II — Кишинэу-Корлэтенъ). Однако своими импульсами (волнами миграций населения) он в основном обеспечивал становление и развитие новой эпохи железного века, как в самом Подунавье (свита местных культур Среднего и Нижнего Подунавья периодов HaA–HaC), так и восточнее его — в Северном Причерноморье, а именно в Среднем Поднестровье (культуры Козия-Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть) и в южной части Правобережья Днестра (культура Жаботин) (Кашуба 2012а: рис. 5–6; 2013: 102 сл.).

Археологические материалы финала эпохи бронзы демонстрируют следующее развитие событий на восточном (прикарпатском) пространстве. В восточную Прикарпатскую зону, Сучавское плато и верхнее течение р. Сучава переселяются племена раннегалльштаттской культуры Гава/Gáva, сформировав культурный комплекс с каннелированной керамикой Гава-Голиграды-Грэничешть/Gáva-Holigrady-Grănichești (Smirnova 1974; Смирнова 1976; Малеев 1981; Крушельницка и др. 1982; Крушельницкая, Малеев 1990: 123 сл.; László 1976; 1980; 1989; 1994; и др.). Территории к югу — лесостепная часть Карпато-Днестровского региона — осваиваются общностями второго раннегалльштаттского комплекса с каннелированной керамикой Белегиш II/Belegiș II, которые формируют культуру Кишинэу-Корлэтенъ/Chișinău-Corlăteni (Мелюкова 1961; Лапушнян 1979; Смирнова 1990б; László 1994; Levițki 1994а; 1994б) (см. ниже). Юг Запрутской Молдовы и неширокая зона на границе степи и лесостепи в Пруто-Днестровском междуречье составляют ареал культурных групп Тэмэоань/Tămăoani и Холеркань-Ханска/Holercani-Hansca раннегалльштаттского комплекса с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта (László 1986; Levițki 1994б; 1994с; Nicic 2008). Восточный рубеж распространения раннегалльштаттских образований ограничивается р. Днестр (рис. 1; 2). На северо-востоке население раннегалльштаттских культур соседствовало с территорией, занятой общностями культуры Белоградка-Черный Лес I, на юго-востоке — с ареалом культуры Белозерка (Levițki 2003: 9, 15, fig. 1; Kaşuba, Levițki 2010: 316–324).

Раннегалльштаттским (карпато-дунайским) общностям с каннелированной керамикой свойствен целый ряд общих характеристик, однако уже в начальный период обитания их носителей на восточных рубежах (по *эту сторону Карпат* или в Северо-Восточном и Восточном Прикарпатье) между ними ясно прослеживаются существенные различия (см. выборочно: László 1976: 89–98; 1980: 181–187; 1989: 111 ff.; 1994; Levițki 1994а; 1994б: 159 ff.; 1998: 65 ff.; 2003: 15–29; Smirnova 1974: 359 ff.; Смирнова 1976: 18 сл.; 1990а: 31–33; 1990б: 20 сл.; 1991: 211 сл.; и др.). Хотя они фиксируются в разных сферах, остановимся вкратце лишь на керамическом производстве и домостроительстве².

В керамическом производстве, несмотря на общие черты (обжиг сосудов в окисляющей и редуцированной среде, в результате чего сосуды принимали двойную окраску — черную с внешней стороны и краснокирпичную или желто-оранжевую — с внутренней, или наоборот), отчетливо проступают различия технологического, морфологического и стилистического характера (рис. 3–8). Технологическими особенностями посуды Гава-Голиграды-Грэничешть являются расчески, оставленные травой на грубой/кухонной керамике, и краснокирпичная внутренняя поверхность лощеной посуды, а для посуды Кишинэу-Корлэтенъ характерны вертикальное заглаживание пальцами грубых/кухонных сосудов и желто-оранжевая внутренняя поверхность лощеной керамики. В этих культурах различаются типы лощеных амфор/сосудов-урн³ и черпаков (см. ниже). Для Гава-Голиграды-Грэничешть присущи широко открытые конические миски и глубокие чаши с цилиндрической шейкой, края которых оформлены в виде четырех-пяти лепестков (лопастей), а также вазочки на полой ножке; для Кишинэу-Корлэтенъ типичны кубки и конические миски, украшенные внутри или снаружи рядами горизонтальных каннелюр и имеющие выступы-упоры (рис. 6, 3, 6–8). Отметим, что для голиградской лощеной/столовой керамики свойственна орнаментация в виде волнистого узора, нанесенного гребенчатым штампом, и волнистые каннелюры, а для кишинэу-корлэтенской посуды — парно расположенные в вертикальной плоскости выступы-упоры и полосы горизонтальных каннелюр

² Металлокомплексы этих культур, а также погребально-поминальная сфера в настоящей работе не рассматриваются.

³ В русскоязычной археологической литературе для их обозначения используется термин «корчаги».

на внешней стороне мисок. Отличие в узоре (техническом декоре-?) грубых/кухонных сосудов состоит в том, что на голиградских горшках преобладают ручки-упоры, а на кишинэу-корлэтенских — валик (рис. 6, 2, 4).

В области домостроительства у носителей этих культур прослеживаются общие элементы: использование дерева и глины, техника легкой стены из древесно-глиняного материала и легкая кровля, при этом ведущим типом жилых построек являлся наземный дом (без фундамента) с легкими стенами из древесно-глиняного материала. Проведенное сравнительное изучение домостроительства показало, что для строительных целей племена культуры Гава-Голиграды-Грэничешть больше использовали дерево (каркасные столбовые дерево-глинобитные и каменно-деревянные строения), а население культуры Кишинэу-Корлэтенъ предпочтению отдавало глине (несущая глинобитная стена из глиняных вальков/кирпичей) (Кашуба 2012б: 433 сл.; Kaşuba, Zapoci 2010).

Однако не столько новая для мигрантов местная культурная среда, как это подчеркивала Л. И. Крушельницкая (Крушельницкая 1979: 306), сколько разные условия на их первичных территориях в Карпато-Подунавье, в конечном итоге, способствовали формированию у переселенцев специфических культурных признаков. Образование культур Гава и Белегиш/Кручень-Белегиш в течение XIII в. до н. э. происходило на основе местных культур поздней бронзы в двух очагах их формирования: для Гавы — это Верхнее и Среднее Потисье, для Белегиш/Кручень-Белегиш — Среднее Подунавье (Банат) (см. ниже).

Тем не менее в современных исследованиях, посвященных финалу эпохи бронзы Карпато-Подунавья, обсуждаются как проблема дефиниции «культуры Гава» и/или «керамики Гава» (кратко см. Metzner-Nebelsick 2012: 65 ff.), так и вопрос единообразия и однородности раннегаллштатских культурных образований с каннелированной керамикой в этом регионе. Нередко весь массив раннегаллштатских памятников с каннелированной керамикой в Карпато-Подунавье рассматривается как проявление единой культуры Гава-Голиграды, к которой также причисляются все памятники с каннелированной керамикой по *эту сторону Карпат* (см. Vader 2012: 7 ff.). Принимая во внимание широту мнений исследователей и полученные новейшие данные, обратимся к *проблемам формирования и развития культур Гава и Белегиш/Кручень-Белегиш*, а также рассмотрим *их соотношение* в первичных областях их формирования — Верхнее и Среднее Потисье и, соответственно, Среднее Подунавье⁴.

Культуры Гава и Белегиш/Кручень-Белегиш в Карпато-Подунавье: проблемы формирования и развития

Процессы формирования раннегаллштатских культур Гава в Верхнем и Среднем Потисье и Белегиш/Кручень-Белегиш в Среднем Подунавье, как в хронологическом аспекте, так с точки зрения слагающих компонентов, в основном изучаются специалистами тех стран (Венгрия, Словакия, Украина, Польша, Румыния, Сербия/Воеводина — см. Vader 2012: 21), на территории которых непосредственно распространены эти древности (рис. 1–6; 8).

I. Культура Гава на современном уровне исследований рассматривается как результат культурного синтеза трех основных компонентов: предшествующие местные культуры Верхнего и Среднего Потисья (Хайдубагос/Hajdúbagos, поздняя Отомань/Otomanî târziu, Беркес/Berkesz, Сучиу де Сус/Suciu de Sus, Пилинь/Piliny); влияния, идущие с юга — культура Кручень-Белегиш/Cruceni-Belegiş; и проникшие с запада элементы группы Ксорва/Csörgva культуры курганных погребений (Hügelgräberkultur). В настоящее время доказано, что в сложении культуры Гава непосредственное участие принимали общности культурных групп Чехэлуц/Cehăluț (Хайдубагос-Чехэлуц/Hajdúbagos-Cehăluț, Хайдубагос/Пишколц-Чехэлуц/Hajdúbagos/Rişcolț-Cehăluț) и Игрица/Igrița в Кришане и Лэпуш в Марамуреше. Первые две группы сложились на основе поздних вариантов культуры Отомань при существенных влияниях со стороны культур курганных погребений Сучиу де Сус и Пилинь, а последняя группа — на основе культуры Сучиу де Сус с элементами Хайдубагос-Чехэлуц. В формировании керамического

⁴ Учитывая комплексность и сложность поднимаемых проблем, в работе рассматриваются только основные характеристики керамических комплексов этих культур.

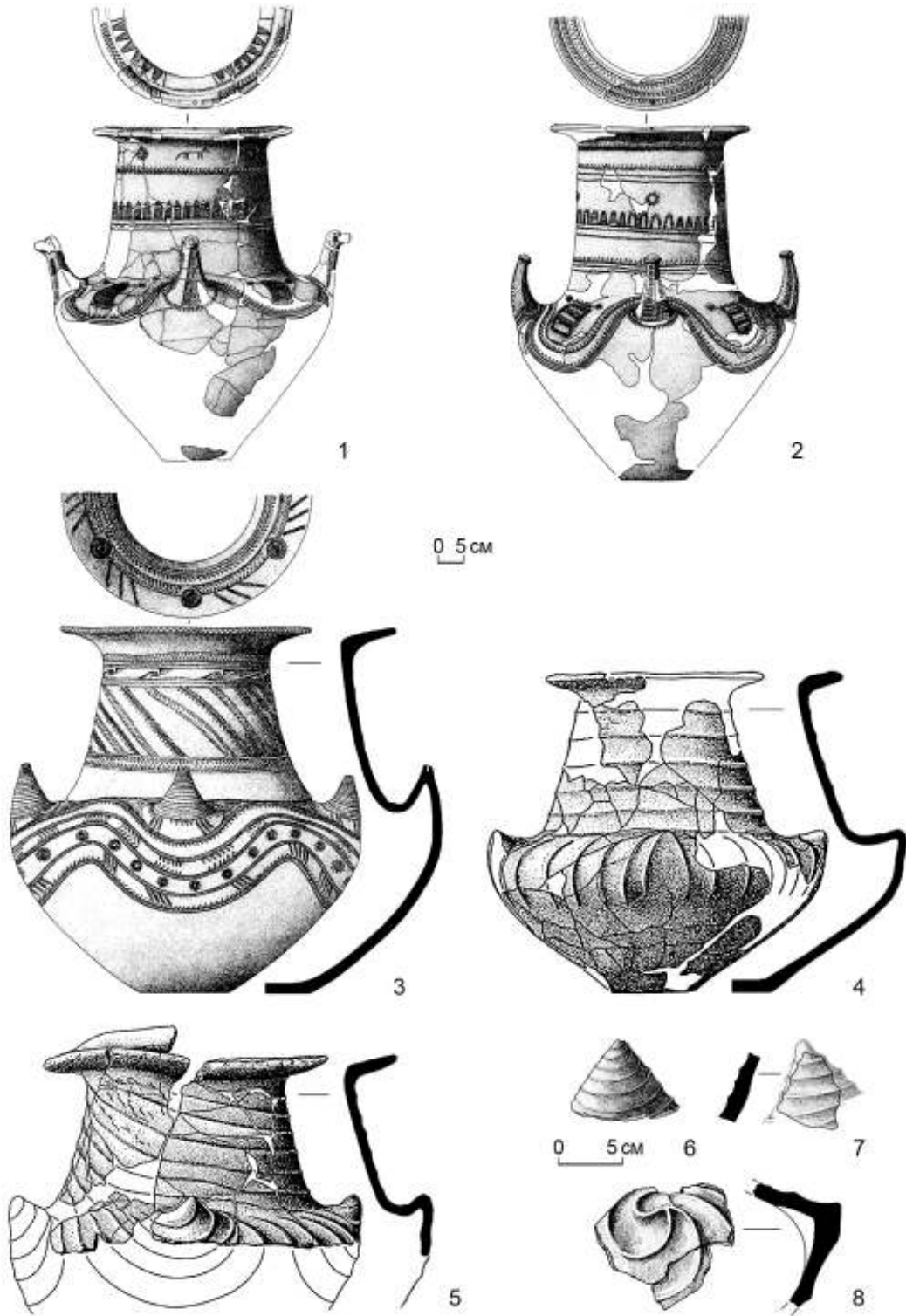

Рис. 3. Могильник Лăпуш, Северо-Западная Трансильвания (Румыния), амфоры/сосуды-урны (1–5) и их фрагменты (6–8) с протомами животных, протомами и роговидными выступами с каннелюрами: 1 — кург. 4; 2 — кург. 2; 3–4 — кург. 9; 5 — кург. 20; 6–8 — кург. 26 (1–5 — по Kacsó 2001; 6–8 — по Metzner-Nebelsick 2012)

Fig. 3. Lăpuș cemetery, northwestern Transylvania (Romania), amphorae/vessels-urns (1–5) and their fragments (6–8) with animal protomes and fluted horn-like projections: 1 — barrow 4; 2 — barrow 2; 3–4 — barrow 9; 5 — barrow 20; 6–8 — barrow 26 (1–5 — after Kacsó 2001; 6–8 — after Metzner-Nebelsick 2012)

комплекса группы Игрица принимали участие также и элементы южного происхождения — традиции Кручень-Белегиш и, возможно, Гырла Маре/Gârla Mare (Kacsó 1990: 41–50; László 2001: 308).

1. 1. Северо-западная Трансильвания. Исследования последнего десятилетия показывают, что генезис культурного горизонта Лэпуш II — Гава I является частью более масштабного процесса, охватившего обширную территорию Карпатского бассейна и связанного с появлением и распространением каннелированной «черно-красной» керамики. Процесс культурной унификации (принятие и усвоение каннелированной керамики) в регионе Тиской равнины — в областях, занятых в предшествующий период общностями культурных групп Хайдубагос-Чехэлуц, культуры Сучиу де Сус (фаза IIb) и культурной группы Лэпуш (фаза I), — имел место в период, соответствующий концу периода VzD и в течение периода HaA1 (Marta 2009: 216–220; 2010: 319–321; Bejenaru 2010: 243–244; Nemeti 2010: 282–283).

Исследованиями, проведенными в рамках немецко-румынско-польского проекта на курганном могильнике Лэпуш, установлено, что основные технологические, морфологические и стилистические параметры, характерные для керамического комплекса ранней фазы культуры Гава (Лэпуш II — Гава I): специфическая двухцветная окраска стенок корчаг (чернолощенная внешняя поверхность и краснокирпичная внутренняя); ведущий тип сосудов (биусеченноконические амфоры/урны с полусферической нижней частью и усеченноконической или цилиндрической верхней частью и отогнутым наружу венчиком); каннелированный орнамент в сочетании с гипертрофированными полыми внутри коническими выступами с концентрическими каннелюрами (роговидные выступы); черпаки с низкой чашечкой, орнаментированные коническими выпуклостями и снабженные возвышающейся ручкой, — в регионе Верхнего и Среднего Потисья были выработаны еще носителями культуры Лэпуш в периоды VzC–VzD (рис. 2–3). Здесь особенно важно отметить, что амфоры/урны с двухцветной окраской стенок, украшенные в верхней части горизонтальными каннелюрами, а в средней снабженные роговидными выступами с концентрическими каннелюрами, являются одной из характерных форм керамического комплекса второй фазы культуры Лэпуш (Лэпуш II) (рис. 3, 3–8). Учитывая, что такая керамика в курганном могильнике Лэпуш встречается в контекстах с бронзовыми предметами, датированными не позднее периода HaA1, а их основная часть относится к горизонту кладов Уриу-Домэнешть/Uriu-Domănești (период VzD), исследователи полагают, что и появление каннелированной керамики, характерной для ранней фазы культуры Гава (Гава I), следует отнести ко времени, предшествующему началу XII в. до н. э. Это положение вполне согласуется с результатами ¹⁴C датирования включающих такую же керамику археологических контекстов из кургана 26 могильника Лэпуш (рис. 3, 6–8), возраст которого определяется периодом 1380–1120 cal BC (Metzner-Nebelsick 2012: 66 ff.; Metzner-Nebelsick et al. 2010: 222–224, fig. 7; Kacsó et al. 2011: 341 ff.).

Раннее появление характерных для культурного горизонта Лэпуш II — Гава I параметров керамики установлено и стратиграфией поселения Петя-Ченгерсима/Petea-Csengersima (рис. 2). Двухцветная окраска поверхностей (чернолощенная внешняя и красная внутренняя), биусеченноконические и округлобокие амфоры/урны с высоким цилиндрическим горлом, черпаки с низкой чашечкой и сильно возвышающейся ручкой появляются уже на фазе Сучиу де Сус IIb–Лэпуш I, синхронной горизонту кладов Уриу-Опальи/Uriu-Ópályi периода VzD (Marta 2009: 216 ff.).

Вновь образованный культурный горизонт, в сущности, характеризуется унификацией форм и мотивов орнаментации, а также новой технологией обжига керамики (Bejenaru 2010: 244). На Тиской равнине этот горизонт представлен набором керамических форм и типов декора, которые четко выделяют его среди соседних культурных ареалов Игрицы или Бихаря/Biharea (зоны Бихор/Bihor), пре-Гавы (зоны среднего бассейна Тисы) или древностей типа Кужир-Банд/Cugir-Band (Трансильвания). Основными элементами, характеризующими керамику региона Верхнего Потисья, являются амфоры с одним рядом выступов (гипертрофированные полые внутри конические выступы, орнаментированные концентрическими каннелюрами); орнамент из горизонтальных широких каннелюр или нервюр; несколько типов мисок с утолщенным краем, имеющих фасеты или горизонтальными каннелюры; черпаки с низкой чашечкой и сильно возвышающейся ручкой, орнаментированные выступами/кнопками (Marta 2009: 219, tipological plate 5–7).

Процесс адаптации каннелированной черно-красной керамики в бассейне Верхней Тисы проходил в течение двух последовательных этапов. На первом из них (генезис Лэпуш II — Гава I) такая керамика малочисленна, представлена специфическим набором форм, орнаментальных мотивов и сосуществует с посудой, типичной для предшествующего времени. Отказ от традиционных форм посуды и мотивов ее декорирования произойдет одновременно с переходом к классическому этапу культуры Гава (Гава II), отмеченному серией новых форм и элементов орнамента, которые распространились в обширном регионе, включающем Среднюю и Верхнюю Тису, Трансильванию, а также территории к востоку — Восточное Прикарпатье (Галиция и Буковина).

Культурный горизонт Лэпуш II — Гава I в Верхнем Потисье синхронизируется в целом с серией кладов Чинку-Сусень/Курд (Cincu-Suseni/Kurd) и традиционно датируется периодом HaA1, при этом исследователи подчеркивают, что трудно определить, как долго этот горизонт существовал на протяжении указанного периода (Marta 2009: 216 ff.).

I. 2. Средняя и южная Трансильвания. Здесь ранняя фаза культуры Гава наступает позднее, чем горизонт Лэпуш II-Гава I в северо-западной Трансильвании. Х. Чиугудян выделяет в средней и южной Трансильвании ряд важных местонахождений фазы Гава I, в том числе ранний горизонт многослойного укрепленного памятника Телеак/Teleac Ia, помещая его в период HaA2 (см. Ciugudean 2011: 75 ff.; 2012: fig. 14). В этих областях культура Гава существует вплоть до периода HaC1.

Кратко остановимся на материалах городища Телеак культуры Гава (рис. 2; 4). Несмотря на новые данные по хронологии, один из его исследователей В. Василиев, в отличие от большинства специалистов, придерживается более поздней датировки культуры Гава в Карпатской котловине и Восточно-карпатском регионе (Vasiliev 1988: 83 ff.; 2004-2005: 10 ff.). Но, судя по работам В. Василиева, даже с формальной точки зрения можно говорить о более ранних датах для горизонтов Телеака. Керамика горизонта Телеак II (HaB3 или VIII в. до н. э., по схеме Райнеке/Мюллера-Карпе) синхронизируется В. Василиевым с горизонтами гавской культуры Магала III — Сомотор и культурами Бабадаг II — Козия — Инсула Банулуй; керамика следующего горизонта Телеак III (HaC или VII в. до н. э., по схеме Райнеке/Мюллера-Карпе) — с гавскими горизонтами Магала IV — Сомотор II и, соответственно, культурами Бабадаг III — Басарабь — Мезэчат поздний (Vasiliev et al. 1991: 99–100). Общепринятые даты культур, с которыми проводилась синхронизация горизонтов Телеака, по обновленной европейской схеме гальштаттского периода сейчас приходится на периоды HaB1–HaB3 и HaC1a, т. е. на X–VIII вв. до н. э.

С другой стороны, в последние несколько лет Х. Чиугудян предложил новую периодизацию материалов Телеака. Он выделил ранние комплексы: горизонт Телеак Ia (Гава I) (рис. 4, 1–4), подчеркнув еще раз, что оборонительные сооружения здесь начали строиться во втором горизонте обитания (горизонт Телеак Ib (Гава II), начало периода HaB1 — рис. 4, 5–10), когда существовало небольшое укрепление («акрополь»). В целом же культура Гава здесь прослеживается вплоть до начала горизонта Телеак IIIb (начало периода HaC1 или от первой трети VIII в. до н. э., по обновленной хронологической схеме), когда появляются носители культурного комплекса Басарабь (Ciugudean 2011: 69–81, fig. 3; 2012: 107 ff., fig. 2, 9, 14). Существование или доживание культуры Гава в Трансильвании вплоть до периода HaC подтверждается материалами других местонахождений, например Шимлеу Сильванией/Şimleu Silvaniei (см. Ciugudean 2011: 77; Sana 2006: 45 ff.).

I. 3. Восточные (прикарпатские) территории — голиградская культура. Характерные для классической фазы культуры Гава (Гава II — периоды HaA2–HaB1) в Верхнем Потисье типы сосудов (биусеченноконические и конические сосуды; этажированные амфоры/корчаги; усеченноконические миски с загнутым краем, с лепестковидным краем или тюрбановидным оформлением края; черпаки с низкой широкой чашечкой и сильно возвышающейся ручкой; кружки с высоким горлом и выпуклым туловом; сосуды на полой ножке; сосуды с лепестковидным краем) и некоторые мотивы орнамента (прочерченные волнистые линии, рельефные валики, лощеные узоры в виде звезды) (Kacsó 1990: 48) станут ведущими и для голиградской культуры (Гава-Голиграды) Верхнего Поднестровья — горизонт Магала III, период HaA2 или XI в. до н. э. (Smirnova 1974; Смирнова 1976; Малеев 1981; Крушельницкая, Малеев 1990). Однако современный уровень знаний показывает, что такие датировки, актуальные для голиградской культуры 20–30 лет назад, сегодня нуждаются в уточнении и корректировке. В этом контексте обратим

внимание на фрагмент амфоры/урны с гипертрофированным полым коническим выступом и концентрическими каннелюрами на поселении Грэничешть (Сучавское плато) (рис. 2). По мнению А. Ласло, которое мы разделяем, эта находка демонстрирует, что в Восточно-Карпатском регионе элементы культуры Гава появляются раньше, чем горизонт Магала III, т. е. еще в период бытования в Верхнем Потисье этапа Лэпуш II–Гава I, следовательно, не позднее первой половины периода HaA1 или первой половины XII в. до н. э. (László 1994: 91–95). Еще одним комплексом, показывающим появление здесь культуры Гавы еще на раннем этапе своего развития является клад Грушка, бронзовые изделия которого, характерные, в основном, для периода HaA1, были помещены в типичную урну Гава (см. Żurawski 1949: 159–162; Крушельницка 1985: 52–54). Другая датировка этого комплекса дана в работе И. К. Свешникова, правда, очень давней и, соответственно, в ней он использовал старые датировки гальштаттских этапов средневропейской

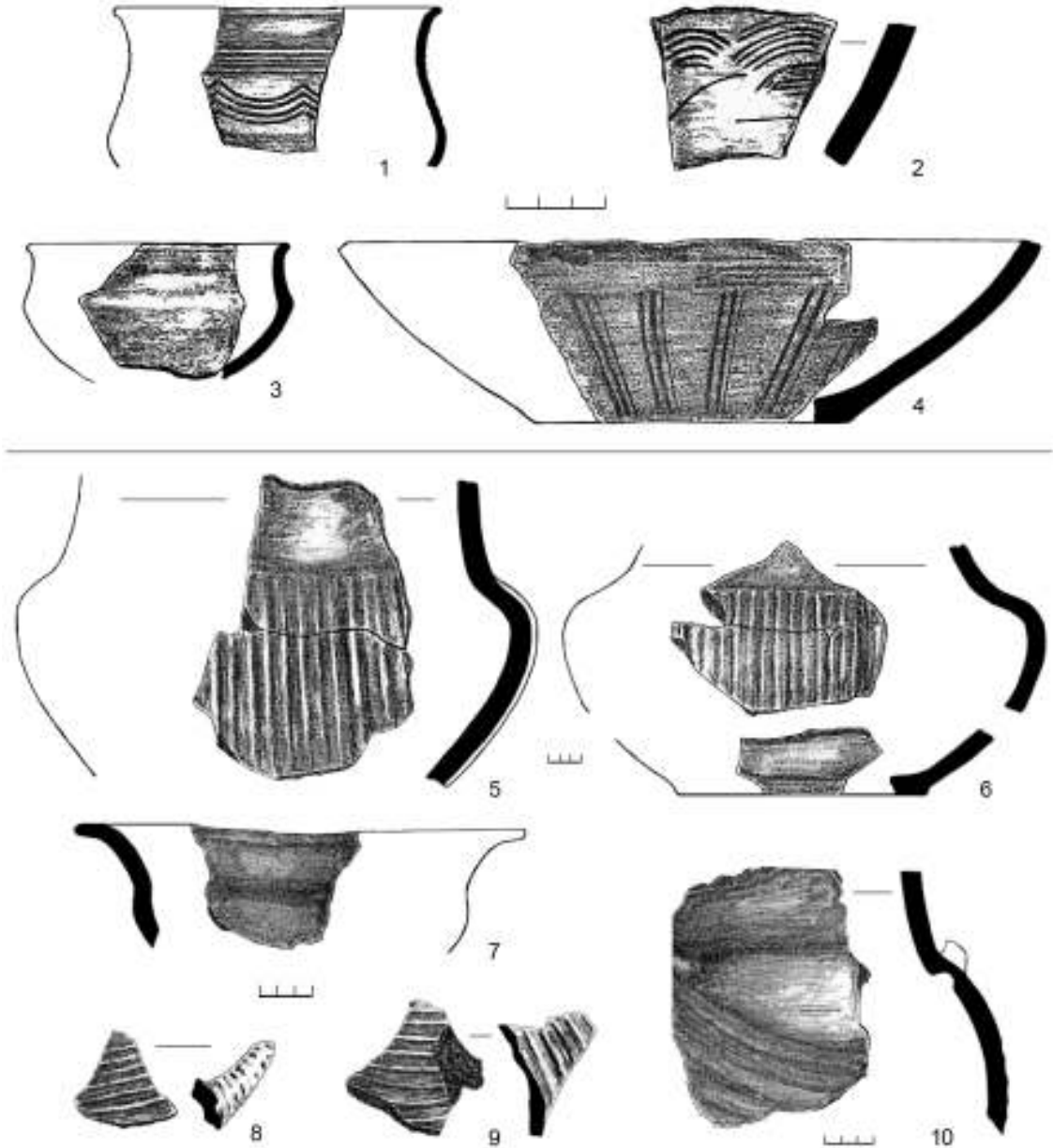

Рис. 4. Многослойное городище Телеак, Южная Трансильвания (Румыния), керамика: 1–4 — горизонт Телеак Ia (Гава I); 5–10 — из жилища 6, горизонт Телеак Ib (Гава II) (по Ciugudean 2012)

Fig. 4. Multilayer settlement of Teleac, South Transylvania (Romania), pottery: 1–4 –Teleac Ia horizon (Gáva I); 5–10 — from dwelling 6, Teleac Ib horizon (Gáva II) (after Ciugudean 2012)

хронологической схемы (см. Свешніков 1964: 45 сл., 62, табл. III, 1–24). Ранней датировке этогоклада не противоречит и новая классификация входящих в его состав серпов, которые, как показали В. С. Бочкарёв и В. А. Дергачёв, относятся к типам Косидер (16 экз.) и Печ (2 экз.) (см. Дергачёв, Бочкарёв 2002: 277–278, 290–294).

Во всей видимости, распространение и адаптация черно-красной керамики культуры Гава в Северо-Восточном и Восточном Прикарпатье имели одинаковые ритмы развития с процессами, которые фиксируются в очаге этой культуры — в Верхнем Потисье. Однако для подтверждения и проверки этого положения необходимо вновь обратиться к материалам поселения Магала — важного многослойного стратифицированного памятника Восточного Прикарпатья (рис. 2). Необходимо не только уточнить датировку горизонтов Магала III и Магала IV (голиградская культура), но также определить длительность их существования и стратиграфическое содержание, учитывая возможность деления самих горизонтов на несколько фаз. Своевременность такого исследования демонстрирует и тот факт, что в одной из последних своих работ М. Н. Бандрицкий призывает отказаться от «объединения» культур Гава и Голиграды и полагает, что они развивались *по разные стороны* Карпат, и нет свидетельств «переселения носителей культуры Гава на северо-восток, на голиградскую территорию». При этом начальный этап голиградской культуры он предлагает удревнить, поместив его не позднее первой половины XIII в. до н. э. (Бандрицкий 2012: 476–477; см. также Бандрицкий, Крушельницька 2012: рис. 35-а).

Актуальными в современных исследованиях остаются проблемы длительности существования и датировки поздних памятников и материалов культуры Гава-Голиграды-Грэничешть на восточных территориях, а также влияния и вклада гончаров этой культуры в керамическое производство населения местных (северо-причерноморских, восточно-европейских) культур не только в бассейне Среднего Днестра (позднечернолесская культура), но и в восточнее — в лесостепных областях Среднего Побужья и Правобережья Днестра. В русле этой проблематики упомянем в Восточно-карпатском регионе материалы сравнительно позднего городища Гирске, которые были отнесены к периодам НаВ–НаС1 (Крушельницька 1993: 120–122), а также неоднородность позднечернолесской культуры Среднего Днестра, один из локальных вариантов которой (Днестровка-Ленковцы) сложился благодаря весомым гавско-голиградским традициям в его керамическом комплексе (Смирнова, Кашуба 1988: 18 сл.). В целом культура Гава-Голиграды внесла значительный вклад в культурогенез местных обществ раннего железного века в Прикарпатье и Западной Волыни (Крушельницькая 1991: 24 сл.). Проведенное авторами статьи недавнее исследование (Левицкий, Кашуба 2011: 244 сл., рис. 5; Кашуба, Левицкий 2011) позволило высказать гипотезу о раннегалльском — из гавско-голиградской культурной среды Карпатского бассейна и Восточного Прикарпатья — происхождении черпаков с низкой чашечкой и возвышающейся ручкой (рис. 8). Черпаки с такими морфологическими характеристиками были широко распространены в позднейший предскифский и раннескифский периоды в лесостепи Днестра (кург. 1 могильника Мышковцы западно-подольской группы раннескифской культуры — см. Малеев 1991: 126, рис. 2, 1) и в восточнее — в Днепровском бассейне: например, на Жаботинском поселении (горизонты Жаботин II–III, от середины VIII в. до н. э. — см. Дараган 2006: 11; Дараган, Кашуба 2008: рис. 1). Сравнительно рано, еще в VIII в. до н. э., такие черпаки появляются и на Левобережье Днестра — Западное укрепление Бельского городища и другие синхронные памятники (Шрамко 2006: 34 сл, 40 сл.; 2010: 38; 2012: 170 сл.).

Однако недавно в специальной литературе была представлена гипотеза, согласно которой голиградская культура Верхнего Поднестровья (как и Гава в Карпатской котловине) отнесена исключительно к позднему бронзовому веку и заканчивает свое существование где-то в конце периода НаВ1–рубеже НаВ1/НаВ3 (примерно середина–вторая половина X в. до н. э.), а ее сменяет вновь выделенная михалковская группа (Бандрицкий, Крушельницька 2012: 64 сл., рис. 35-а). Не обсуждая в настоящей статье эту гипотезу, требующую тщательного анализа, отметим, что на всем огромном пространстве этого культурного образования ситуация времени пост-Гава (пост Гава-Голиграды-Грэничешть) была неодинаковой. Поэтому проблемы идентификации поздних памятников Гава-Голиграды-Грэничешть и датировка верхней хронологической границы этой культуры на ее восточных рубежах (Северо-Восточное и Восточное Прикарпатье) требуют дальнейшего изучения.

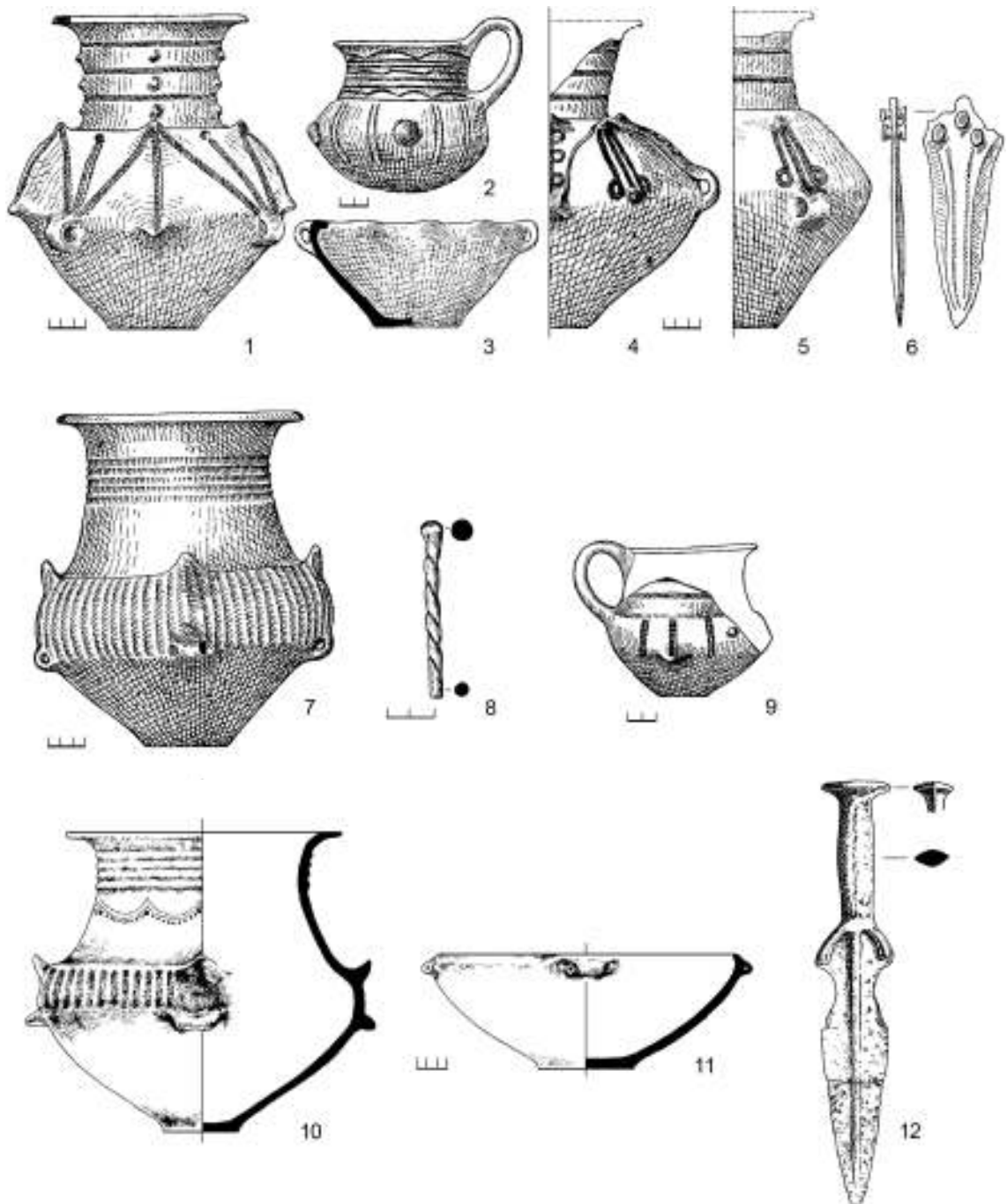

Рис. 5. Могильник Кручень (1–3 — погр. 85; 4–6 — погр. 92; 7–8 — погр. 84; 9 — погр. 83) и погр. 5 могильника Ковачица-Виногради (10–12) Среднего Подунавья: 1–6 — этап Кручень I; 7–9 — этап Кручень II; 10–12 — этап Белегиш II (1–5, 7, 9, 10–11 — глина; 6, 8, 12 — бронза; масштабы разные, пропорциональность в целом соблюдена) (1–9 — по Radu 1973; Morintz 1978; 10–12 — по Bukvić 2000)
Fig. 5. Cruceni cemetery (1–3 — burial 85; 4–6 — burial 92; 7–8 — burial 84; 9 — burial 83) and burial 5 of the Kovačica-Vinogradi cemetery (10–12) from the Middle Danube region: 1–6 — Cruceni stage I; 7–9 — Cruceni stage II; 10–12 — Belegiš II stage (1–5, 7, 9, 10–11 — clay; 6, 8, 12 — Bronze; not to scale, proportions are close to real) (1–9 — after Radu 1973; Morintz 1978; 10–12 — after Bukvić 2000)

II. Культура Белегиш/Кручень-Белегиш является в настоящее время одной из наиболее обеспеченных материалами среди культурных общностей позднего бронзового века Юго-Западной Румынии (западные области Баната) и Северной Сербии, особенно, Воеводины. В сербской литературе она, преимущественно, обозначается терминами «культура/группа Белегиш» или «культура Белегиш-Кручень» (Тасић 1983: 91–107), а в румынской — исключительно термином «культура Кручень-Белегиш» (Morintz 1978: 40–45; Gumă 1993: 150–157; см. также Тасић 1984: 33–34; Gumă 1995: 100; 1997: 55). Наиболее значимые местонахождения этой культуры представлены главным образом грунтовыми могильниками с трупосожжениями («урновые поля») и в меньшей степени поселениями (Gumă 1993: 150–157).

II. 1. Среднее Подунавье. Исследованиями сербских и румынских археологов установлено, что культура Белегиш/Кручень-Белегиш (Belegiš/Cruceni-Belegiš) сложилась в конце среднего этапа эпохи бронзы в регионе Срема, сербского и румынского Баната и отчасти регионе Бачке. Большинство исследователей полагают, что культура сформировалась в результате культурного синтеза на основе предшествующей культуры Ватин/Vatin (Vatina), на которую наложились элементы задунайских/панонских групп Серемле/Szeremle и Литценкерамик/Litzenkeramik (принадлежащих типу Гумтрансдорф-Драссбург/Gumtransdorf-Drassburg) соседних областей Хорватии, Венгрии, Словакии и Австрии, а в последствии — отдельные влияния средневропейской культуры курганных погребений, с которой она частично была синхронна. Хронологические рамки культуры Кручень-Белегиш устанавливаются в пределах периодов VzC–VzD, хотя появление ее самых ранних элементов можно датировать еще периодом VzB (скорее VzB2), а завершение ее развития прослеживается вплоть до конца периода VzD — начала HaA или до первой половины XII в. до н. э. (Horedt 1967: 147–148; Radu 1973: 506–507; Todorović 1977: 155; Morintz 1978: 45; Vinski-Gasparini 1973: 484; Тасић 1983: 88, 95–98; Tasić 2001: 313–315; Benkovsky-Pivovarová 1992: 341–345; Gumă 1997: 53–57; Gogâltan 1998: 184; Szentmiklosi 2006: 231–234; 2009; и др.).

На основе анализа, в первую очередь, определенных типов керамики и техники их орнаментации: амфоры/сосуды-урны из некрополей в Сербии (Карабурма/Karaburma, Белегиш, Сурчин/Surčin, Иланца/Ilandža, Рафинерия/Rafinerija возле Панчево/Pančevo) и Румынии (Кручень, Бобда/Bobda, Ливезиле-Толвадия/Livezile-Tolvadia, Тикваниул Маре/Ticvaniul Mare, Тимишоара-Фрателия/Timișoara-Fratelia и др.), а также сосуды из непосредственно перекрывающих друг друга культурных горизонтов многослойных поселений (Гомолава-Хртковци/Gomolava-Hrtkovci, Белегиш-Градац, Феудвар-Мошорин /Feudvar-Mošorin и др.), — рассматриваемая культура была разделена на два продолжительных этапа. Речь идет об этапе Белегиш I/Кручень-Белегиш I (периоды VzB2–VzC) и об этапе Белегиш II/Кручень-Белегиш II (периоды VzC–VzD), граница между которыми устанавливается где-то в конце периода VzC (Horedt 1967: 148; Todorović 1977: 145; Тасић 1983: 100; Gumă 1993: 154–155; 1997: 70; Gogâltan 1998: 184). Этапы были выделены, в первую очередь, на основе существенных отличий в технике нанесения орнамента и в меньшей степени морфологии и технологии изготовления керамики (рис. 5).

Для этапа Кручень-Белегиш I (рис. 5, 1–5) характерны стройные амфоры/сосуды-урны с выпуклым туловом, высокой цилиндрической шейкой с горизонтальным краем и двумя ручками в месте перехода шейки в тулово или с коническими выступами и четырьмя трубчатыми ручками на тулове; глубокие усеченноконические миски и кружки с биусеченноконическим туловом и цилиндрической шейкой. Специфичная для керамики первого этапа орнаментация (параллельные линии, оттиснутые с помощью шнура или прочерченные) нанесена в основном на сосуды-урны и кружки. Поверхности сосудов большей частью имели серый цвет.

На этапе Кручень-Белегиш II в целом бытуют те же типы сосудов, однако им присущи отдельные специфические черты (рис. 5, 7, 10–11). Амфоры/сосуды-урны принимают биусеченноконические очертания и снабжены коническими выступами и массивными ручками-упорами, расположенными в вертикальной плоскости на выпуклой части тулова. Профиль верхней части мисок становится закругленным, а край — загнутым внутрь. Кружки имеют усеченноконическое тулово и сильно возвышающиеся ручки. Амфоры/сосуды-урны этого этапа декорированы вертикальными каннелюрами в средней части тулова, горизонтальными каннелюрами или каннелюрами в виде гирлянд на шейке. Поверхности сосудов имеют темно-серый или черный цвет.

Трансформация архитектоники ведущих типов керамики, появление и переход к каннелированной технике орнаментации, освоение и использование технологии обжига керамики, при котором внешняя поверхность сосудов становится лощеной и имеет темно-серый или черный цвета (соответственно, постепенный отказ от традиционных для предшествующего периода форм сосудов и мотивов орнамента), т. е. появление параметров, специфичных уже для второго этапа культуры (Белегиш II /Кручень-Белегиш II), начинается в период VzC (VzC2) одновременно с изменением культурно-исторической ситуации в Среднем Подунавье, что было обусловлено продвижением в регион элементов/носителей средневропейской культуры курганных погребений (Hogedt 1967: 137; Тасић 1983: 100; Gumă 1997: 54). Появление этих инноваций на могильнике Карабурма отмечено в материалах этапа Карабурма II (периоды VzC1–VzD, 1400–1230 гг. до н. э.), когда они еще сосуществуют с традиционными для предыдущего этапа характерными элементами посуды (Todorović 1977: 144–146, 155–156), а на многослойном поселении Феудвар-Мошорин — в материалах начала периода VzC2 (Hänsel, Medović 1991: 65, Abb. 4).

Рис. 6. Керамический комплекс культуры Кишинэу-Корлэтенъ Восточного Прикарпатья: 1 — Кошница; 2 — Иванча; 3, 5, 7 — Мындрешть; 4, 6 — Костешть VII; 8 — Негрешть; 9–10 — Трифешть (по Leviţki 2010)
Fig. 6. Pottery complex of the Chişinău-Corlăteni culture: 1 — Coşniţa; 2 — Ivancea; 3, 5, 7 — Mîndreşti; 4, 6 — Costeşti VII; 8 — Negreşti; 9–10 — Trifeşti (after Leviţki 2010)

Этап Кручень-Белегиш II в румынской историографии рассматривается как единое целое. По мнению исследователей, он завершает существование в конце периода VzD и синхронизируется с горизонтом кладов типа Уриу-Домэнешть. В то же время некоторые параллели между отдельными элементами этапа Кручень II и ранними погребениями в Бобде и «кладом» Корнуцел/Согнуцел, а также инвентарем ряда погребений поздней фазы могильников Печиу Ноу/Pesciu Nou и Тимишоара-Фрателиа (погр. 31), которые могут быть датированы первой половиной или серединой XII в. до н. э., позволяют продлить датировку этапа вплоть до начала периода НаА1 или до первой половины XII в. до н. э., при этом верхний хронологический рубеж приходится примерно на 1150 г. до н. э. (Gumă 1995: 100).

Однако эволюция культуры Кручень-Белегиш на этом не завершилась. На ее основе и на базе синхронных культурных общностей прилегающих территорий (культура Жуго Брдо-Гырла Маре/Žuto Brdo-Gîrla Mare и культурная группа Балта Сэратэ/Balta Sărată, которые развивались вплоть до начала периода НаА) под влиянием извне (со значительным вкладом группы Ксорва средневропейской культуры курганных погребений), а далее под влиянием контактов с восточными группами культуры полей погребальных урн (Urnenfelderkultur) и группы Игрица складываются несколько культурных образований. В целом они относятся к периоду НаА и обобщенно называются «культурами», или «группами» («Сусань», «Сусань-Бобда»), или суммарно интегрируются в Белегиш II.

Впоследствии стало возможным разделение этого аморфного культурного массива на культурные группы типа Тикваниул Маре-Карабурма III/Ticvaniul Mare-Karaburma III, Вычедол-Нови Бегей/Vučedol-Novî Begey, Молдова Ноуа-Либораждеа/Moldova Noua-Liborajdea, Хинова-Мала Врбица/Hinova-Mala Vrbița, Сусань/Susani, Бобда и др. Их развитие укладывается в переходный период от поздней бронзы к раннему железному веку (середина периода НаА1 — середина/конец периода НаА2) и синхронизируется с функционированием бронзовых изделий, характерных для горизонта кладов типа Чинку-Сусень. В целом бытование этих культур/культурных групп заканчивается где-то в конце периода НаА2. В северной части региона, занятого этими культурами/культурными группами, за ними следует горизонт находок с чернолощеной каннелированной керамикой типа Гава-Медиаш (конец периода НаА — НаВ1), в южной — первые проявления типа Горня-Калакача и особенно Инсула Банулуй (вторая половина периода НаВ1) (Gumă 1993: 168 ff.; 1995: 103–104, 110–111; László 2001: 313–316).

II. 2. Восточные (прикарпатские) территории — культура Кишинэу-Корлэтеня. Общность памятников с каннелированной керамикой Среднего Подунавья и Восточно-карпатского региона проявляется в первую очередь в керамическом производстве. Для населения обоих регионов характерно использование одинаковой технологии изготовления посуды, особенно чернолощеной, и тот же набор сосудов со специфическими морфологическими особенностями (большие бисусеченноконические амфоры/сосуды-урны с коническими выпуклостями и массивными ручками-упорами, расположенными в вертикальной плоскости на выпуклой части тулова; округлобокие сосуды; конические миски с загнутым внутрь краем; низкие черпаки с сильно возвышающейся ручкой), а также применение одинаковой техники нанесения узора посредством каннелюр, расположенных горизонтально, вертикально, косо или в виде гирлянд, в сочетании с коническими выступами или овальными ручками-упорами (рис. 6). В комплексах с каннелированной керамикой Восточно-карпатского региона (культура Кишинэу-Корлэтеня) ясно прослеживаются элементы типа Сусань, Бобда II, Тикваниул Маре-Карабурма III, Хинова-Мала Врбица (László 1976: 89–98; 1980: 181–187; 1994: 125–128; 2001: 320; Смирнова 1985: 46–47; 1990а; 1990б: 17–19; 1991: 211–217; Левицкий 1991: 21–22; Levițki 1994а: 152–154; 2010: 333–337; и др.).

В пользу генетического родства культуры Кишинэу-Корлэтеня и культур Среднего Подунавья, относящихся к переходному периоду от бронзового века к железному, свидетельствует единство погребального обряда (см. Levițki 1994а: 71–72; 2010: 335). Кроме того, носители этих культур пользовались одними и теми же типами бронзовых орудий труда, предметов вооружения и, что особенно важно, однотипными украшениями: смычковые двуспиральные фибулы с прогнутой спинкой (тип VBF II.2.B, по Кашуба — Kašuba 2008: 205, 224 Abb. 12), фибулы типа «rosamenterie», браслеты с расширяющимися концами с треугольным сечением, булавки с биконической головкой и гвоздевидные булавки (Levițki 1994а: 154; 2003: fig. 3, 1–6; 10–17; Дергачёв 1997: 38–42; 2010: 98–110).

Относительная хронология культуры Кишинэу-Корлэтенъ в Восточном Прикарпатье на современном этапе исследований выглядит следующим образом. Ее нижний хронологический рубеж всеми специалистами устанавливается на основе стратиграфических данных, полученных в результате раскопок многослойных поселений, где горизонты обитания раннегалыштатского времени (культуры Кишинэу-Корлэтенъ) непосредственно перекрывают слои позднего периода эпохи бронзы (культуры Ноуа).

Стратиграфическое соотношение с предшествующей культурой Ноуа (прямая последовательность) также служит опорным репером при определении абсолютной хронологии культуры Кишинэу-Корлэтенъ. Исходя из существующих представлений о датировке верхней хронологической границы культуры Ноуа в пределах второй половины XII в. до н. э. (Florescu 1964: 185, 189; Petrescu-Dîmbovița 1964: 264–267; Смирнова 1978: 70; Morintz 1978: 155; Балагури 1985: 488; Дергачёв 1986: 171) и основываясь на имеющейся серии датирующих вещей из раннегалыштатских памятников, исследователи относили появление в Восточно-карпатском регионе раннегалыштатской культуры с каннелированной керамикой к XII в. до н. э. (Hänsel 1976: 111–113), к рубежу XII–XI/не позднее конца XII в. до н. э. (Смирнова 1985: 47; 1991: 146) или к середине XII в. до н. э. (László 1976: 98; 1985: 20; 1989: 121–122). При этом завершение культуры Б. Хэнзель датировал началом X в. до н. э., Г. И. Смирнова — концом X в. до н. э., А. Ласло — концом IX в. до н. э. и даже позднее. Один из авторов настоящей работы в своих предыдущих исследованиях (Левицкий 1991: 19–20; Levițki 1994a: 144–146) приводил аргументы в пользу существования культуры Кишинэу-Корлэтенъ во второй половине XII — конце X/начале IX в. до н. э.

На современном этапе исследований представления о хронологических границах культурного блока Ноуа-Сабатиновка-Косложень во многом изменились. Калиброванные радиоуглеродные даты памятников и новые эгейские аналогии карпато-балканским бронзам показывают устойчивую тенденцию к удревнению, по крайней мере даты начала этих культур (см. Sava 2002: 202 ff., 213–220; 2003; Сава 2003: 147–149; Дергачёв 2011: 241–246; Бочкарёв 2012: 194 сл.; и др.). Е. Н. Сава приводит аргументы в пользу перехода от периода средней бронзы к блоку культур Ноуа-Сабатиновка еще в XVI в. до н. э. (Sava 2002: 219–220; Сава, Кайзер 2011: 378 сл.). Основываясь на имеющихся радиоуглеродных датировках с памятников культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка-Косложень и раннегалыштатских, В. А. Дергачёв определяет период существования первых в пределах 1600/1500–1250/1150 BC (BzB1/BzB2–BzD/NaA1), а вторых — в диапазоне XII–X вв. до н. э. (см. Дергачёв 2011: 241–246, рис. 154). В свою очередь В. С. Бочкарёв проблему удревнения блока культур Ноуа-Сабатиновка-Косложень рассмотрел с позиций восточноевропейской хронологии, используя в качестве базовых артефактов металлические изделия восточных типов, найденные в Нижнем Подунавье, Восточном Прикарпатье и Северо-Западном Причерноморье. По его мнению, приведенные данные позволяют начало Ноуа и Сабатиновки относить ко времени не позднее XV в. до н. э., а их конечные фазы помещать в пределы XIII в. до н. э. (Бочкарёв 2012: 206).

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что накопленные к настоящему времени данные по культуре Кишинэу-Корлэтенъ позволяют говорить о более раннем, чем середина XII в. до н. э., ее появлении в Восточно-Карпатском регионе — в первой половине XII и, возможно, в последней четверти XIII в. до н. э. В пользу этого имеются разнообразные свидетельства и аргументы. Во-первых, следует упомянуть клады бронзовых изделий, известные в ареале культуры Ноуа и содержащие первые «галыштатские вкрапления», т. е. изделия среднедунайских, трансильванских и/или венгерских традиций, — Кындешть/Cândești, Бэлень/Băleni, Гиошень/Gioșeni, Цигэнешть/Țigănești, Тэтэрэнь/Tătărăni, Негрешть/Negrești, Томешть/Tomești, Мындрешть/Mândrești, Тецкань/Teșcani и др. (Дергачёв 2011: 259–260); во-вторых, клады бронзовых изделий, найденные на поселениях культуры Кишинэу-Корлэтенъ и не имеющие в своем составе характерные для культуры Ноуа предметы восточных типов — Илишень/Ilișeni (Foit 1964: 461–469), Ружиноаса/Ruginoasa (Ursachi 1968a: 27 ff.) и др.; в-третьих, культурно-хронологические горизонты с каннелированной керамикой на поселениях, в слоях которых обнаружены бронзовые изделия среднедунайских, трансильванских и/или венгерских типов серии Чинку-Сусень (NaA1): Пояна Дулчешть/Poiana Dulcești — булавки с дисковидной или биконической головкой (Ursachi 1968b: 150, fig. 29, I, б); Тырпешть-Рыпа луй Бодай/Târpești-Rîpa lui Bodai — булавки с гвоздевидной головкой (Marinescu-Bîlcu 1981: 147–159, fig. 4, I–3); Поенешть/Poienesti — меч с языковидной рукояткой

типа Ненцинген/Nenzingen (Petrescu-Dîmbovița 1953: 465, 472–473, fig. 13); Ратешул Кузей/Rateșul Cuzei — фибула типа Пескьера/Peschiera (Buzdugan 1979: 59–75) или типа VBF I.1.A, по Кашуба (Kašuba 2008: 205, 224, Abb. 12); Бунешть/Bunești — кельт типа Петерд/Peterd (Petrescu-Dîmbovița 1953: 465; Coman 1980: 89), Буюканий Векь/Viucanii Vechi — плоский наконечник стрелы с двумя крылышками (Агульников, Ткачук 1990: 105–107); Тринка/Trinca — булавки с конической или биконической головкой (Levițki et al. 2003: 171–182) и др. И наконец, в этом контексте нужно назвать поселения, в керамических комплексах которых чернолощенные биусеченноконические амфоры/сосуды-урны орнаментированы в верхней части полосой из горизонтальных параллельных каннелюр в сочетании с рядом округлых углублений — мотив, характерный для памятников Кручень-Белегиш (Radu 1973: fig. 7, 1; Трбуховић 1960–1961: сл. 33) и неизвестный на памятниках переходного периода культурных групп Тикваниул Маре-Карабурма III, Вычедол-Нови Бегей, Молдова Ноуа-Либораждея, Хинова-Мала Врбица, Сусань, Бобда и др. (см. Gumă 1995); Подул Илоаей/Podul Iloaiei (Nestor 1952: 31, fig. 5, 1; László 1994: 123, 137, Nota 294), Лукашеука/Lucașeuca II (Levițki 1994a: 85, fig. 16, 7), Мындрешть/Mândrești (Ляпушнян 1979: рис. 22, 2, 5; Levițki 1994a: 85, fig. 24, 4), Петруха/Petruha (Levițki 1994a: 85, fig. 39, 4), Бурсучень/Bursuceni I (Ларина, Постикэ 1990: 257, рис. 2, 2, 6), Петрушень/Petrușeni, Селиште/Seliște, Мэноилешть/Mănoilești, Гидигичь-сат/Ghidighici-sat и др. (Levițki 1994a: 85, fig. 35, 10; 46, 11).

Исследования последних лет меняют наши представления не только о времени бытования культуры Кишинэу-Корлэтенъ, но также о судьбах ее носителей и о характере их взаимоотношений с окружающим населением Северного Причерноморья. Долгое время об участии племен, создавших вышеназванную культуру, не могли сказать ничего определенного. Считали, например, что они были ассимилированы (см. Смирнова 1990а: 32; Левицкий 1991: 20–22; Levițki 1994a: 154–156). Сейчас все более очевидно, что носители этой культуры где-то в начале периода HaB1 «ушли» в северном/северо-западном направлении (ближе к Карпатам) и освоили бассейны верхнего течения р. Сирет и отчасти Верхнего Поднестровья (Levițki 2010: 356–357), где фиксируются наиболее поздние памятники — поселение Силиштеа Ноуэ/Siliștea Nouă, а также поздние горизонты голиградских поселений Магала (горизонт Магала IV), Лоева, Текуча и др. (Levițki 2003: 23–26). Одна из причин такого продвижения могла быть связана с появлением в регионе племен раннегаллштаттской культуры Козия-Сахарна, которые с конца XI в. до н. э. начинают осваивать регион и заселяют южные области Среднего Поднестровья, особенно Днестровско-Реутское междуречье (см. Кашуба 2000: 242 сл., 255 сл., рис. I; Kašuba 2010: 357 ff.). Однако проблема датировки и содержания финальной стадии культуры Кишинэу-Корлэтенъ остается спорной. Ряд исследователей придерживается мнения, что появление в Восточно-Карпатском регионе носителей культуры Козия-Сахарна способствовало прекращению существования культуры Кишинэу-Корлэтенъ (Смирнова 1985: 48; Левицкий 1991: 20; Левицкий, Демченко 1991: 147–149). Другие ученые, напротив, полагают, что появившееся население заняло только часть ареала, принадлежащего автохтонным племенам, при этом обе культуры сосуществовали вплоть до HaC1 (László 1976: 97–98; 1985: 11, 14, 19; 1989: 121–122; Petrescu-Dîmbovița 1988: 182).

На современном уровне исследований контакты племен Северного Причерноморья и носителей культуры Кишинэу-Корлэтенъ оцениваются как интенсивные. Непосредственно от последних население степной белозерской культуры переняло некоторые типы лощеной посуды, в частности кубки и кубковидные сосуды, орнаментированные каннелированными, прочерченными или рельефными мотивами, а также чаши, биусеченноконические амфоры/сосуды-урны (или корчаги), черпаки и миски с загнутым краем (см. Levițki 2003: 40–66).

Определяющую роль сыграли носители культуры Кишинэу-Корлэтенъ в распространении некоторых инноваций (например, детали костюма). Появление в Северном Причерноморье специфической итальянской одежды и, соответственно, фибул (плащ-накидка с застежкой) осуществилось благодаря трансдунайскому дальнему пути, проходившему от северо-востока Италии по р. Сава до впадения ее в Дунай (в его среднем течении) и далее вдоль Дуная. Такие дальние контакты северо-причерноморского населения могли существовать только благодаря посредничеству общностей Белегиш II/Кручень-Белегиш II, локализованных в районе Железных Ворот на Среднем Дунае. В их среде известны ранние смычковые двуспиральные фибулы с прогнутой спинкой (типы VBF II.2.A и VBF II.2.B, по Кашуба). Миграция этих общностей в восточном на-

правления и появление культуры Кишинэу-Корлэтенъ (на поселении Лукашеука II известна одна ранняя фибула: тип VBF II.2.B, по Кашуба) способствовала трансферу способа жесткого закрепления одежды и/или передаче самого одеяния. В результате этого в течение XI — начале X в. до н. э. в Северном Причерноморье было налажено местное производство ранних фибул «северопонтийского типа» (см. Kašuba 2008: 211 ff., Abb. 19).

Соотношение культуры Гава и Белегиш/Кручень-Белегиш в Карпато-Подунавье

Отнесение раннегалльских памятников с каннелированной керамикой в Карпато-Подунавье и Восточно-карпатском регионе к единому культурному массиву (см. выше) во многом обусловлено отсутствием у специалистов общего мнения относительно культурно-исторических процессов, которые привели к сложению этапа Белегиш II/Кручень-Белегиш II, а также разногласиями по поводу содержания, продолжительности и соотношения данного этапа с культурой Гава — точнее, синхронной ему ранней фазой Лэпуш II — Гава I. Остановимся на последнем вопросе.

Как было показано выше, культуры/культурные комплексы с каннелированной керамикой Лэпуш II — Гава I и Белегиш II/Кручень-Белегиш II представляют собой два родственных, частично синхронных культурных образования позднего периода эпохи бронзы с четко обозначенными ареалами, границей между которыми условно считается долина р. Муреш (см. Forenbaher 1994: 49–50) (рис. 1–2). Хотя они сложились на основе местных культур предшествующего периода (Сучиу де Сус II — Лэпуш I и Белегиш I/Кручень-Белегиш I), в процессах их формирования активную роль сыграли традиции среднеевропейской культуры курганных погребений, что придало рассматриваемым раннегалльским комплексам определенное сходство.

Чернолощенная керамика, амфоры/сосуды-урны биусеченноконических очертаний, каннелированный орнамент являются специфическими компонентами керамических комплексов обоих культурных образований с каннелированной керамикой в Карпато-Дунайском регионе. Однородность именно этих элементов в Верхнем Потисье и Среднем Подунавье привела к тому, что для обозначения амфор/сосудов-урн нередко используется один и тот же термин — «тип Гава». Два обстоятельства во многом способствовали прочному закреплению этого термина для обозначения амфор/сосудов-урн и в Среднем Подунавье. С одной стороны, к «типу Гава» А. Можолит причислила сосуд (характерный для культуры Белегиш II), в котором был найден клад бронзовых изделий Печика II (Mozsolics 1957: 120–121, Note 11), относящийся к серии Чинку-Сусень (период HaA1) (Petrescu-Dîmbovița 1977: 101–102, pl. 169, 5–18; 170). С другой стороны, в сербской археологической литературе термином «тип Гава» зачастую обозначаются все чернолощенные амфоры/сосуды-урны Среднего Подунавья периодов VzD-HaA (см. Тасић 1984: 34).

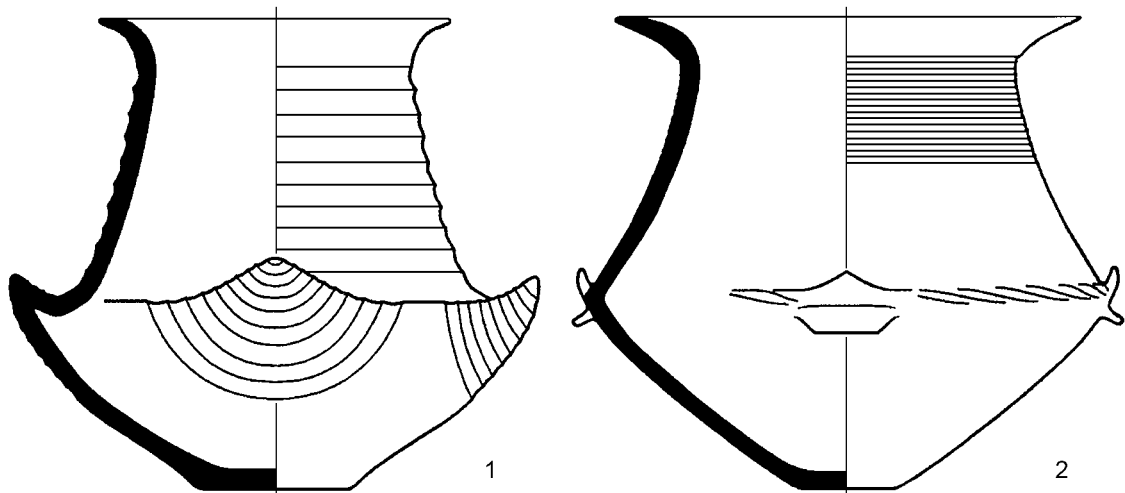

Рис. 7. Амфоры/сосуды-урны — культурные маркеры Гава (1) и Белегиш (2) (по Forenbaher 1994)
Fig. 7. Amphorae/vessels-urns — cultural markers of Gáva (1) and Belegiš (2) (after Forenbaher 1994)

Применение терминов «тип Гава», или «стиль Гава», «каннелированная керамика комплекса Гава», «черная лощеная керамика переходного периода» (Bukvić 2000; Medović 1988–1989) обусловлено еще и тем, что исследователи по-разному интерпретируют характер культурно-исторических процессов, повлекших переход от ранней фазы к поздней в культуре Белегиш/Кручень-Белегиш. Изменения ведущих типов посуды, появление и переход к каннелированной технике ее орнаментации, освоение технологии обжига керамики и техники обработки внешней поверхности лощеных темно-серых или черных сосудов, по мнению некоторых ученых, позволяют рассматривать фазы I и II культуры Белегиш/Кручень-Белегиш как два самостоятельных образования. Тем самым отрицается преемственность между ранней и поздней фазами культуры Белегиш/Кручень-Белегиш и даже устанавливается некий временной разрыв между ними (см. Трбуховић 1960–1961: 163; Крстић 1961). При этом посуда второй фазы этой культуры обозначается исключительно как «каннелированная керамика комплекса Гава» или «черная лощеная/полированная керамика переходного периода» (см. Bukvić 2000; Medović 1988–1989).

Другие исследователи, в первую очередь Н. Тасич, который впервые идентифицировал культуру Белегиш в Центральных Балканах и посвятил ей целую серию своих работ (Тасић 1962; 1967; 1983, 1984, Tasić 1999; 2001; и др.), приводят обоснованные аргументы, что на территории Воеводины и частично румынского Баната данная культура представляет собой интегрированное целостное образование. Об этом свидетельствуют развитие амфор/сосудов-урн, украшенных врезными линиями, псевдошнуровым орнаментом или каннелюрами; стратиграфия (погребения поздней фазы всегда перекрывают комплексы предшествующего времени); обнаруженные в могильниках Сербии (Карабурма, Белегиш, Иланца, Рафинерия возле Панчево) и Румынии (Кручень, Бобда, Ливезиле-Толвадиа, Тикваниул Маре и др.) «урны переходного типа», в которых сочетаются элементы (форма сосуда, техника и мотив декора, положение и тип ручек), характерные для ранних и поздних типов керамики.

Появление чернолощеной каннелированной керамики, по мнению Н. Тасича, не означает изменения в составе населения в Среме и Банате, а отражает принятие «новой моды в оформлении» керамики, опосредованной влияниями, идущими частично из областей распространения комплекса Гава и культуры полей погребальных урн (Tasić 2001: 312).

Разрабатывая внутреннюю периодизацию культуры Белегиш, Н. Тасич первоначально разделил этап Белегиш II на фазы Белегиш IIa и Белегиш IIb. Комплексы, относящиеся к фазе Белегиш IIa, практически соответствуют находкам, принадлежащим фазе Кручень II, и датированы периодом NaA1 (XII в. до н. э.), а находки, связанные с фазой Белегиш IIb синхронны периодам NaA2–NaB1–B2 (Тасић 1984: 36). В следующей работе для обозначения второго этапа культуры (Белегиш II) он использует термин Белегиш-Бобда, а сам этап разделяет уже на три фазы: Белегиш IIa (период NaA1, соответствующий фазе Бобда Ia), Белегиш IIb (период NaA2, соответствующий фазе Бобда IIa), Белегиш IIc (период NaB1, соответствующий фазе Тикваниул Маре-Карабурма III). Появление «настоящих» элементов или комплексов типа Гава в южных областях Среднего Подунавья автор определяет временем этапа Белегиш IIc (период NaB1 или даже позднее) (Tasić 2001: 318–320).

В этом контексте следует обратить внимание на то, что в румынской археологической литературе в пределах этапов I и II культуры Кручень-Белегиш обычно не выделяют каких-либо фаз их эволюции. Этап Кручень-Белегиш II (Белегиш II-Бобда I) развивается до середины периода NaA1 или до первой половины XII в. до н. э., за ним следуют генетически связанные культурные группы переходного периода от позднего бронзового к раннему железному веку (середина периода NaA1 — середина/конец периода NaA2): Тикваниул Маре-Карабурма III, Вычедол-Нови Бегей, Молдова Ноуа-Либораждеа, Хинова-Мала Врбица, Сусань, Бобда и др. (Gumă 1993: 168 ff.; 1995: 103–104, 110–111; László 2001: 313–316).

Относительно намерения Н. Тасича обосновать столь позднюю датировку этапа Белегиш II и включить в него комплексы, которые к нему не относятся (см. Тасић 1984) в свое время высказывался М. Гумэ. По его мнению, фаза Кручень II (Белегиш IIa) должна синхронизироваться с периодом VzD и только началом периода NaA (самое позднее — с первой половиной XII в. до н. э.), что позволяет датировать Белегиш IIb периодом NaA. С другой стороны, содержание фазы Белегиш IIb, по Н. Тасичу, включает комплексы, например, Карабурма III, первый (I) могильник в Панчево/Воловица-Рафинерия или Тикваниул Маре. Они были отнесены М. Гумэ уже к постбелегишским

древностям и органично связаны со второй фазой культуры Кручень-Белегиш (Белегиш IIa), так как названные памятники практически представляют ее финал (Gumă 1995: 101).

Несмотря на имеющиеся разногласия в определении хронологических границ этапа Белегиш II/Кручень-Белегиш II (или Белегиш II-Бобда I) в контексте нашего исследования важно подчеркнуть, что **культурные маркеры (амфоры/сосуды-урны) Лэпуш II — Гава I и Белегиш II/Кручень — Белегиш II** (рис. 7), как и последующих пост-Кручень-Белегиш II культур и групп, существенно различаются (см. Forenbaier 1994: 49–50, fig. 1).

Амфоры/сосуды-урны Лэпуш II — Гава I характеризуются: специфической двухцветной окраской стенок (чернолощенная внешняя и кирпично-красная внутренняя поверхность); полусферической нижней частью и усеченноконической или цилиндрической верхней частью; отогнутым наружу венчиком; каннелированным орнаментом в сочетании с гипертрофированными полыми внутри коническими выступами (роговидные выступы), орнаментированными концентрическими каннелюрами (рис. 7, 1).

Амфоры/сосуды-урны Белегиш II/Кручень-Белегиш II (как и пост-белегишских/пост-кручень-белегишских культур и групп) имеют: темно-серую или черную окраску внешней поверхности и преимущественно желто-оранжевую — внутренней; биусеченноконические очертания; орнаментацию в виде горизонтальных каннелюр в верхней и вертикальных каннелюр в средней части тулова, а также небольшие конические выпуклости и массивные ручки-упоры, расположенные в вертикальной плоскости на выпуклой части тулова (рис. 7, 2).

В керамических комплексах этих культур бытовали разнотипные черпаки (рис. 8). Несмотря на близкие характеристики (низкая чашечка и сильно возвышающаяся ручка), они

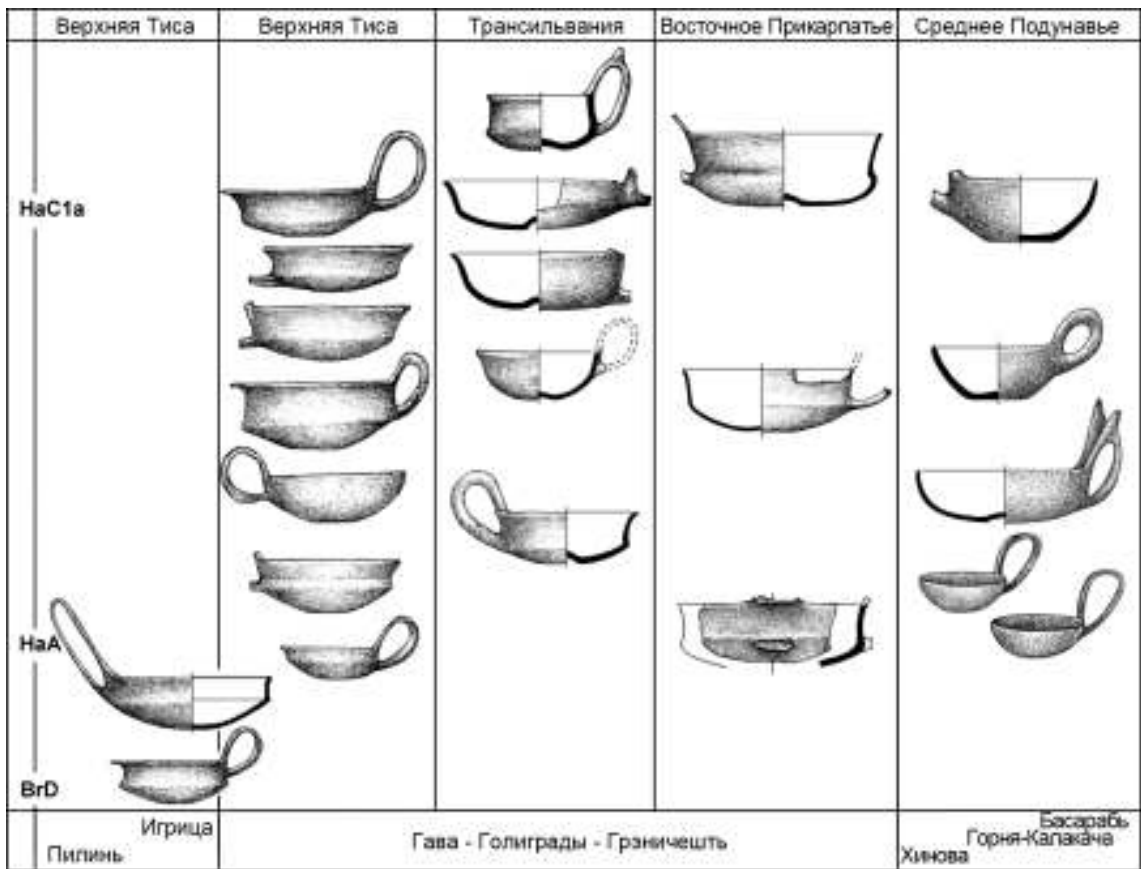

Рис. 8. Невысокие черпаки с возвышающейся ручкой (периоды BzD–HaC1a) из Карпато-Подунавья и Восточного Прикарпатья (по Левицкий, Кашуба 2011; графика — И. Н. Лицук)

Fig. 8. Low scoops with a rising handle (BzD–HaC1a stages) from the Carpathian-Danube and East Carpathian regions (after Левицкий, Кашуба 2011; graphics by I. N. Litsuk)

имеют ярко выраженные специфические признаки. Для черпаков культуры Гава-Голиграды-Грэничешть характерен ломаный профиль с короткой вогнутой шейкой и отогнутым наружу венчиком, тогда как черпаки Белегиш II/Кручень-Белегиш II (и Кишинэу-Корлэтенъ) имеют полусферический профиль, невыделенную шейку и прямой или слегка загнутый внутрь венчик (Левицкий, Кашуба 2011: 244–248, рис. 5; Кашуба, Левицкий 2011: 148 сл.). В целом обе разновидности черпаков с низкой чашечкой раннегалльштаттских культур Карпато-Подунавья восходят к прототипам позднего периода эпохи бронзы. В керамическом комплексе культуры Гава-Голиграды-Грэничешть на всей территории ее распространения постепенная эволюция черпаков прослеживается вплоть до пост-гавского времени (рис. 8). В комплексах Белегиш II/Кручень-Белегиш II в Банате они продолжают существовать и в период культурного комплекса Басарабъ (период HaC), тогда как в Восточно-карпатском регионе традиция использования черпаков этого типа прерывается в период HaB1 — одновременно с прекращением существования культуры Кишинэу-Корлэтенъ (Levički 1994: 144–148).

Таким образом, характерные параметры ведущего типа сосудов (амфора/урна) и черпаков Лэпуш II — Гава I и Белегиш II/Кручень-Белегиш II дают основание *не объединять в одно целое* эти раннегалльштаттские культуры/культурные комплексы с каннелированной керамикой Карпато-Подунавья. Такое положение действительно и для культур Голиграды и Кишинэу-Корлэтенъ восточных (прикарпатских) ареалов рассматриваемых карпато-дунайских культур.

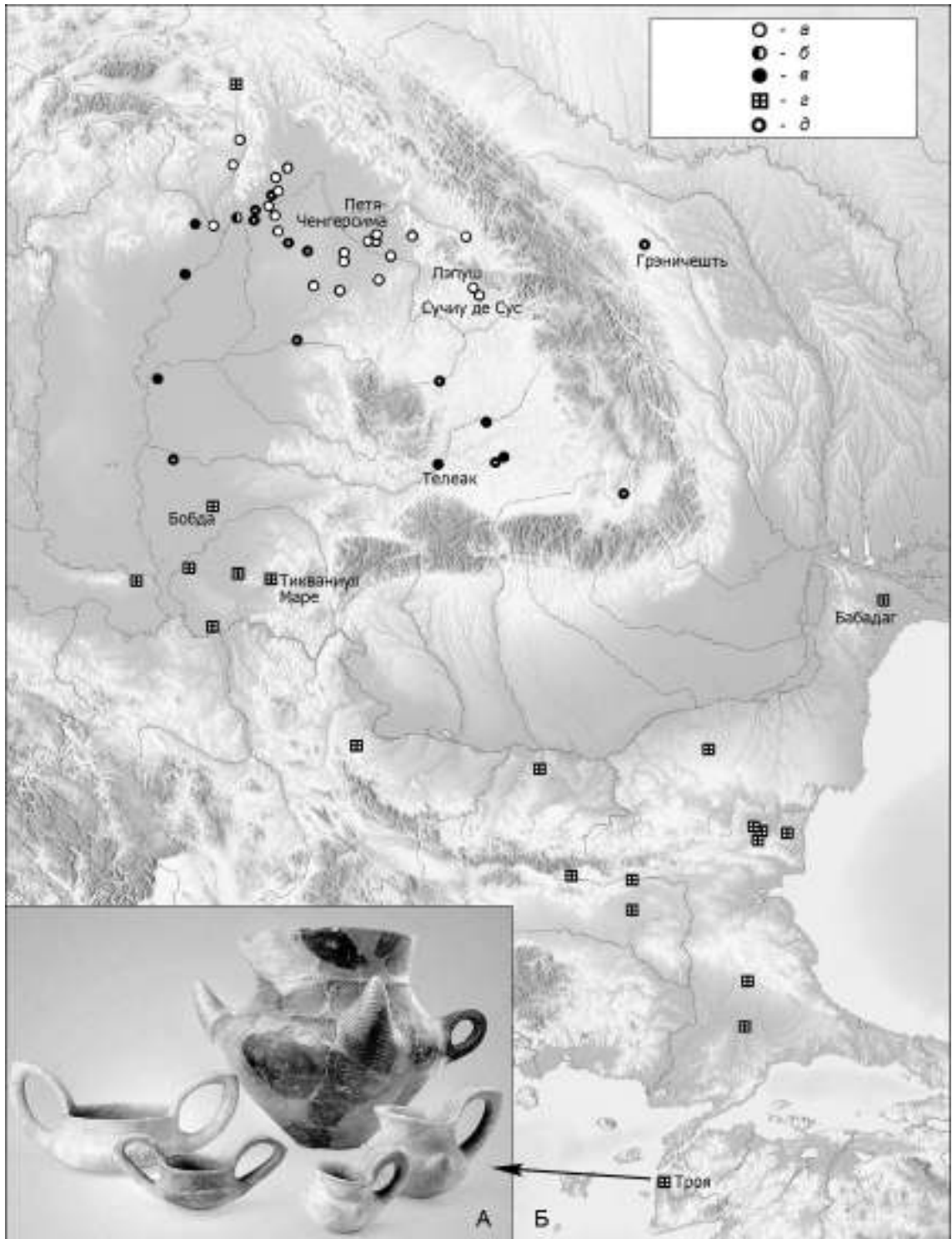
В пользу этого также свидетельствуют характер и широта распространения специфических гавских амфор/сосудов-урн с полыми внутри коническими (роговидными) выступами (см. Metzner-Nebelsick 2012: 70 ff., fig. 4) (рис. 9, Б)⁵. Такие сосуды появились у населения культуры Лэпуш в русле традиции, ассоциирующейся с ритуальной практикой определенной системы верований. Далее эта «символическая форма» посуды широко распространяется не только в Карпато-Подунавье, но также за его пределами к югу и юго-востоку, охватив Восточные Балканы, в том числе турецкую Фракию, и засвидетельствована в Трое, слой VIIb2 («букель-керамика» — «Buckelware» или «Knobbed Ware») (рис. 9, А). Проведенные петрографические и геохимические исследования троянской «букель-керамики» (слой VIIb2)⁶ показали, что эта посуда является

⁵ Отметим еще одну неучтенную самую северную находку полого внутри конического выступа с 11-ю рядами концентрических каннелюр от амфоры/урны. Этот фрагмент обнаружен во время раскопок 1948–1949 гг. поселения во внутреннем дворе Ужгородского замка (Бернякович 1955: 178 сл., табл. II, 3).

⁶ Данные, полученные в ходе многолетних раскопок под руководством М. Корфманна, позволили разделить период Троя VII на четыре фазы: VIIa (1300–1190 гг. до н. э.), VIIb1 (около 1190–1130 гг. до н. э.), VIIb2 (1130–1050/30 гг. до н. э.) и VIIb3 (1025–950 гг. до н. э.) (Korfmann 1996: 24; 1997: 41–43; Korpenhöfer 1997: 343–346; Nñila, Pieniãzek-Sikora 2002: 94 ff.; Becks 2003: 41 ff., tab. 2; и др.). Отмечено, что «букель-керамика» в Трое VIIb2 обнаружена в разных контекстах, для которых имеются, например, и более поздние датировки, приведенные в работе Д. Коппенхёфера — 938–906 cal BC и 984–961 cal BC (Korpenhöfer 1997: 314 f.). Датировки отдельных фаз периода Троя VII тесно связаны с хронологией позднелладской/позднеминойской IIIС (LN IIIС) и ранней протогеометрической (EPG) эгейской керамики (см. Becks 2003: tabl. 2, с библиографией). Хотя продолжается дискуссия относительно начала раннего протогеометрического периода (на сто лет раньше в противовес традиционным датам), современная возможная корректировка EPG предлагается в пределах 1070/40–1000 BC (Weninger, Jung 2009: 374 ff., fig. 14). Эти данные важны для Карпато-Подунавья и Восточного Прикарпатья, так как период бытования «букель-керамики» в Трое VII b2 важен для построения сбалансированных межрегиональных схем синхронизаций (см. László 1996–1997: 89 ff.; 2013: 257 ff.; Kašuba 2006: 231 ff.).

Возвращаясь к Трое, стоит отметить, что в периоды Троя VIIb1 и Троя VIIb2 зафиксированы существенные инновации (новая строительная традиция, грубая кухонная посуда, «букель-керамика» и др.), связанные с северными или западными влияниями (две волны миграций — слабая и более сильная), которые к фазе Троя VIIb3 фактически закончились (см. Korpenhöfer 1997: 337 ff.; Becks 2003: 41 ff.; Pieniãzek-Sikora 2003: 36 ff.). Эти влияния связывают с небольшой, но абсолютно доминирующей группой мигрантов, среди которых были и гончары. Последние в хозяйствах вновь поселившихся производили привычные для них лепные сосуды. Примечательно, что пришедшие мастера усвоили троянскую технологию производства гончарной сероглиняной керамики, в результате чего на сероглиняную посуду не только перешли ранее неизвестные отдельные мотивы геометрического узора, но также появились S-образные формы посуды, типичные для лепной «букель-керамики» (см. Korpenhöfer 1997: 320 ff., 333 ff.; Кашуба, Левицкий 2009: рис. 3, A/1–5, C/9–11, 14–15).

продукцией местного производства. По мнению Ф. Пинтера, это свидетельствует о «трансфере технологических решений» (Pintér 2005: 144 ff., 177 ff.). Как подчеркнула К. Метцнер-Небельзик, такой трансфер могло обеспечить население из Нижнего Подунавья и Восточных Балкан, которое попало в Трою и здесь же начало производить из местной глины рассматриваемые сосуды по известным ему образцам (Metzner-Nebelsick 2012: 71).

Подобное развитие событий вполне могло происходить на всех территориях, где засвидетельствованы другие характерные сосуды «типа Гава», в том числе без роговидных выступов. Поэтому отмечаемая специалистами общая специфика раннегалльштатских керамических комплексов в Карпато-Подунавье (чернолощенная керамика, амфоры/сосуды-урны биусеченноконических очертаний и каннелированный орнамент) могла появиться в результате трансфера технологии и/или идеи. Используя новую технологию и новую технику орнаментации, мастера производили привычные для них и потребителей местные формы посуды, поэтому в культурных комплексах Лэпуш II — Гава I (рис. 7, 1; 8) и Белегиш II/Кручень-Белегиш II (рис. 7, 2; 8) в Карпато-Подунавье, как и на восточных территориях, бытовали *разные* амфоры/сосуды-урны и черпаки.

Заключение

В нашем исследовании была обсуждена проблема *неоднородности* большого культурного массива с каннелированной керамикой финала эпохи бронзы в Карпато-Подунавье. Анализ основных параметров культурных маркеров (амфоры/сосуды-урны) и черпаков показывает, что *Лэпуш II — Гава I и Белегиш II/Кручень-Белегиш II представляют собой региональные образования* внутри обширной культурной общности с каннелированной керамикой финала эпохи бронзы в Карпато-Подунавье. Их последующее развитие продолжилось в переходный период к раннему железному веку, при этом их ареалы существенно расширились и охватили Карпатскую котловину, Среднее и Нижнее Подунавье, Северо-Восточное и Восточное Прикарпатье. Следствием такого расширения стало появление в последние века II тыс. до н. э. на восточных прикарпатских территориях двух новых культурных комплексов с каннелированной керамикой: Гава-Голиграды-Грэничешть и Кишинэу-Корлэтенъ. Эти комплексы имеют четко оконтуренные ареалы и сохранили специфические для областей их сложения элементы материальной культуры. Именно разные первичные очаги этих культур обеспечивали не только основные направления миграционных потоков (с запада/юго-запада на восток/северо-восток), но также оставались теми областями, на которые в первую очередь были ориентированы западные контакты их носителей.

Формирование в финале эпохи бронзы в Карпато-Подунавье и на восточных прикарпатских рубежах обширной культурной общности каннелированной керамики с двумя крупными региональными образованиями являлось следствием и частью общего европейского процесса, связанного с образованием в Средней Европе культуры полей погребальных урн и возросшей мобильностью разных групп населения на обширных пространствах древней Европы. В конечном итоге эти процессы обусловили переход от эпохи бронзы к железному веку от Роны до Днестра.

Агульников, Ткачук 1990 — Агульников С. М., Ткачук М. Е. Находки раннего железного века с пос. Старые Бююканы // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 105–107.

Балагури 1985 — Балагури Э. А. Культура Ноа // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1985. Т. 1. С. 481–489.

Бандривский 2012 — Бандривский М. С. Комментарии к статье М. Т. Кашубы [Сравнительное исследование домостроительства галльштатских культур Восточного Прикарпатья (XII–VIII/VII вв. до н. э.)] // РАЕ. 2012. № 2. С. 473–478.

Рис. 9. Сосуды с роговидными выступами в периоды BzD–HaB1 в Карпато-Подунавье, Восточном Прикарпатье, на Восточных Балканах и севере малоазийского побережья: А — «варварская керамика», найденная Г. Шлиманом в слое Троя VIIb2 (по Хэнзель 2013); Б — карта с указанием отдельных местонахождений, упоминаемых в настоящей статье: а — BzD–HaA1 (Гава I); б — Гава I и Гава II; в — HaA2–HaB1 (Гава II); г — различная культурная принадлежность; д — Гава, неопределенная датировка (по Metzner-Nebelsick 2012)

Fig. 9. Vessels with horn-like projections from the BzD–HaB1 periods of the Carpathian-Danube, East Carpathian, East Balkan regions, and the north of Asia Minor: A — «barbaric pottery» found by Schliemann at Troy, layer VIIb2 (after Хэнзель 2013); Б — map showing the location of some of the sites mentioned in this paper: а — BzD–HaA1 (Gáva I); б — Gáva I and Gáva II; в — HaA2–HaB1 (Gáva II); г — different cultural affiliation; д — Gáva, dating uncertain (after Metzner-Nebelsick 2012)

- Бандрівський, Крушельницька 2012 — *Бандрівський М., Крушельницька Л.* Золоті Михалківські скарби та їх доля. Львів: Ліга-Прес, 2012. 242 с.
- Бернякович 1955 — *Бернякович К. В.* Исследование поселений эпохи раннего железа в Ужгороде // Научные записки Ужгородского ГУ. 1955. Т. 13. С. 171–186.
- Бочкарёв 1995 — *Бочкарёв В. С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конф. 21–25 августа 1995 года, Саратов. СПб.: ИИМК РАН, Саратовский ГУ, 1995. Ч. 1. С. 18–28.
- Бочкарёв 2006 — *Бочкарёв В. С.* Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2006. С. 53–64.
- Бочкарёв 2012 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // РАЕ. 2012. № 2. С. 194–214.
- Бочкарёв 2013а — *Бочкарёв В. С.* Археологические проблемы радиоуглеродной хронологии (по материалам эпохи бронзы южной половины Восточной Европы) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематич. науч. конф. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 7–12.
- Бочкарёв 2013б — *Бочкарёв В. С.* «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы / «Radiocarbon Revolution» and the Periodization Problem of Bronze Age Materials in South Part of Eastern Europe // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российского-германского colloquium (2–3 декабря 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2013. С. 59–77.
- Бочкарёв 2013в — *Бочкарёв В.* Эпоха бронзы в Восточной Европе / Die Bronzezeit in Osteuropa // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 47–64.
- Дараган 2006 — *Дараган М. М.* Жаботинський етап раннього залізного віку Дніпровського Правобережного лісостепу (за матеріалами Жаботинського поселення): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАН України, 2006. 19 с.
- Дараган, Кашуба 2008 — *Дараган М., Кашуба М.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // RA. SN. 2008. Vol. 4, nr. 2. P. 40–73.
- Дергачёв 1986 — *Дергачёв В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп). Кишинев: Штиинца, 1986. 222 с.
- Дергачёв 1997 — *Дергачёв В. А.* Металлические изделия: к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. Кишинэу: Типография АН, 1997. 104 с.
- Дергачёв 2010 — *Дергачёв В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 1. Одноушковые кельты с арковидными фасками. Кишинэу: Центральная типография, 2010. 207 с.
- Дергачёв 2011 — *Дергачёв В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу: Центральная типография, 2011. 459 с.
- Дергачёв, Бочкарёв 2002 — *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
- Каврук 2011 — *Каврук В.* Олово и соль в Карпатском бассейне в бронзовом веке (Часть первая) // RA. SN. 2011. Vol. 7, nr. 1–2. P. 5–46.
- Кашуба 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 241–488.
- Кашуба 2008 — *Кашуба М. Т.* «Скифы и Гальштатт» А. А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–61.
- Кашуба 2012а — *Кашуба М. Т.* О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье — современное состояние исследований // АВ. 2012. № 18. С. 232–252.
- Кашуба 2012б — *Кашуба М. Т.* Сравнительное исследование домостроительства гальштаттских культур Восточного Прикарпатья (XII–VIII/VII вв. до н. э.) // РАЕ. 2012. № 2. С. 433–472.
- Кашуба 2013 — *Кашуба М. Т.* Гальштаттские материалы из Северного Причерноморья — их потенциал для синхронизации с периодами HaA–HaC европейской хронологической схемы / Hallstatt Materials in the Northern Black Sea Region — Their Potential for Synchronization with the Hallstatt A–Hallstatt C Periods of the European Chronological Scheme // Принципы датирования в эпоху бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского colloquium (2–3 декабря 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2013. С. 102–111.

Кашуба, Левицкий 2009 — *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* По следам ранней сероглиняной гончарной керамики Восточно-карпатского региона // Проблемы скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова): Матеріали конф. Запоріжжя: Изд-во Запорожского НУ, 2009. С. 247–260 (Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 15).

Кашуба, Левицкий 2011 — *Кашуба М. Т., Левицкий О. Г.* Заметка о происхождении одной категории сосудов для питья позднейшего предскифского — раннескифского времени в Северном Причерноморье // Древности Восточной Европы: Сб. науч. тр. к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков: Изд-во Харьковского НУ, 2011. С. 148–159.

Крстић 1961 — *Крстић Д.* Три праисторијске некрополе у Орешцу код Вршца // Зборник радова Народног Музеја. Београд, 1961. Т. 3. С. 75–93.

Крушельницкая 1979 — *Крушельницкая Л. И.* Могильник конца бронзового века в Сопоте // SA. 1979. R. 27, č. 2. С. 291–316.

Крушельницкая 1985 — *Крушельницкая Л. И.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ: Наукова думка, 1985. 161 с.

Крушельницкая 1991 — *Крушельницкая Л. И.* Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (проблемы этнокультурных процессов): Дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев: ИА АН УССР, 1991. 42 с.

Крушельницкая 1993 — *Крушельницкая Л. И.* Нові пам'ятки культури Гава-Голігради // Памятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ: Наукова думка, 1993. С. 56–122.

Крушельницкая и др. 1982 — *Крушельницкая Л. И., Мацкевой Л. Г., Свешников И. К., Попович И. И., Балагузі Е. А., Герета І. П.* Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волини доби бронзи та раннього заліза. Київ: Наукова думка, 1982. 194 с.

Крушельницкая, Малеев 1990 — *Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н.* Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голіграды) // Археология Прикарпаття, Волини и Закарпаття (энеолит, бронза и раннее железо). Киев: Наукова думка, 1990. С. 123–132.

Лапушнян 1979 — *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1979. 142 с.

Ларина, Постикэ 1990 — *Ларина О. В., Постикэ Г. И.* Археологические памятники у с. Бурсучены // Археологические исследования в Молдавии в 1985 году. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 256–266.

Левицкий 1991 — *Левицкий О. Г.* Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II–I тыс. до н. э. (памятники каннелированного гальштата): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1990. 20 с.

Левицкий, Демченко 1991 — *Левицкий О. Г., Демченко Т. И.* К вопросу о финальных рубежах раннегальштатской культуры Кишинев-Корлатэнь Днестровско-Сиретского междуречья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья: Материалы Междунар. конф. Кишинев, 10–14 декабря 1990 г. Киев: Киевская книжная типография науч. книги, 1991. С. 147–149.

Левицкий, Кашуба 2011 — *Левицкий О. Г., Кашуба М. Т.* Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений) // АВ. 2011. № 17. С. 239–258.

Малеев 1981 — *Малеев Ю. Н.* История племен Западной Подолии и Прикарпаття в конце бронзового — начале железного веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР, 1981. 25 с.

Малеев 1991 — *Малеев Ю. Н.* Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // Курганы степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991. С. 122–130.

Medoviћ 1988–1989 — *Medoviћ П.* Канелована керамика прелазног периода у Војводини // Рад Музеја Војводине. Нови Сад, 1988–1989. Т. 31. С. 45–57.

Мелюкова 1961 — *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–52 (МИА. № 96).

Сава 2003 — *Сава Е. Н.* Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноуа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в ГИМ: Тезисы конф. Ч. 1. М.: ГИМ, 2003. С. 147–149.

Сава, Кайзер 2011 — *Сава Е., Кайзер Э.* Поселение с «золниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). [Die Siedlung mit «Aschehügeln» beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen)]. Chişinău: Bons offices, SRL, 2011. 532 с. (Bibl. Tyragetia. 19).

Свешников 1964 — *Свешников И. К.* Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ: Наукова думка, 1964. Вип. 5. С. 40–66.

Смирнова 1976 — *Смирнова Г. И.* Гавско-голіградський круг пам'ятників Восточно-Карпатського басейна // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 18–34.

- Смирнова 1978 — *Смирнова Г. И.* Культурно-историческая стратиграфия поселения Магала // Проблемы археологии: Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 68–72.
- Смирнова 1985 — *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-запада СССР // СА. 1985. № 4. С. 33–53.
- Смирнова 1990а — *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тыс. до н. э.: Дис. ... докт. ист. наук. в форме научного доклада. Киев: ИА АН УССР, 1990. 40 с.
- Смирнова 1990б — *Смирнова Г. И.* Памятники типа Кишинев-Корлатэнь в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в Югославском Подунавье // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 20–33.
- Смирнова 1991 — *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические взаимодействия Днестро-Сиретского междуречья и балканского Подунавья на рубеже II–I тыс. до н. э. // *Terra Antiqua Balcanica*. Sofia, 1991. Т. 6. С. 211–217.
- Смирнова, Кашуба 1988 — *Смирнова Г. И., Кашуба М. Т.* О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 18–28.
- Тасић 1962 — *Тасић Н.* Насеља културе поља са урнами у источном делу Срема // Рад Војвођанских Музеја. Нови Сад, 1962. Т. 11. С. 127–144.
- Тасић 1967 — *Тасић Н.* Проблеми културе равних поља са урнами у Војводини // Старинар. Београд, 1967. Т. 17. С. 15–26.
- Тасић 1983 — *Тасић Н.* Југословенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора скита. Нови Сад; Београд: МАТИЦА СРПСКА, 1983. 167 с., 27 табл.
- Тасић 1984 — *Тасић Н.* Млада фаза Белегиш културе и њен положај у развоју култура бронзаног доба у Југословенском Подунављу // *Balkanica*. Белграде, 1984. Т. 15. С. 33–44.
- Трбуховић 1960–1961 — *Трбуховић В.* Праисторијска некропола у Белегишу // Старинар. Новая серия. Београд, 1960–1961. Кн. 2. С. 163–180.
- Хансен 2013 — *Хансен С.* Клады в Европе эпохи бронзы / *Deponierungen in der Bronzezeit Europas* // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 279–289.
- Хардинг 2013 — *Хардинг Э.* Дальние связи Европы в эпоху бронзы / *Fernbeziehungen im bronzezeitlichen Europa* // Там же. С. 170–181.
- Хэнзель 2013 — *Хэнзель А.* Конец эпохи бронзы в Эгейском регионе / *Das Ende der Bronzezeit in der Ägäis* // Там же. С. 189–192.
- Шрамко 2006 — *Шрамко И. Б.* Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ; Запоріжжя: ІА НАН України, Дике поле, 2006. С. 33–56.
- Шрамко 2010 — *Шрамко И. Б.* Бельское городище: основные этапы развития // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Междунар. науч. конф. 28–29 октября 2010 года, Харьков. Харьков: Изд-во Харьковского НУ, 2010. С. 38.
- Шрамко 2012 — *Шрамко И. Б.* Зольники Западного Бельского городища: планиграфия и хронология // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО, 2012. С. 168–172.
- Ailincăi 2009 — *Ailincăi S.-C.* Începuturile epocii fierului în Dobrogea: Teză de doctorat. Rezumat. Iași: Universitatea «Alexandru Ioan Cuza», 2009. 18 p.
- Ailincăi 2013 — *Ailincăi S.-C.* Începuturile epocii fierului în Dobrogea // *SCIIVA*. 2013. Т. 64, nr. 3–4. P. 223–292.
- Bader 1990 — *Bader T.* Bemerkungen über die ägäischen Einflüsse auf die alt- und mittelbronzezeitliche Entwicklung im Donau-Karpatenraum // *Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der Europäischen Bronzezeit. Ergebnisse eines Kolloquiums mit Beitr. von Tiberiu Bader...* Koll. Mainz: 16.–19.10.1985. Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 1990. (Monographie RGZM. Bd. 15).
- Bader 2001 — *Bader T.* Passfunde aus der Bronzezeit in den Karpaten // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. Budapest, 2001. S. 15–39.
- Bader 2012 — *Bader T.* Bemerkungen über die Gáva Kultur. Geschichte und Stand der Forschung. Ein Überblick // Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17–18 June/Juni 2011. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2012. S. 7–22 (SCSA. Vol. 28/1).
- Bejenaru 2010 — *Bejenaru I.* Aspects of the Late Bronze Age Cultural Evolution in Northwestern Romania (The Upper Barcău and Crasna Rivers) // *Amurgul mileniului II a.Chr. în Câmpia Tisei și Transilvania*. Simpozion Satu Mare 18–19 iulie 2008. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2010. P. 235–264 (SCSA. Vol. 26/1).
- Becks 2003 — *Becks R.* Troia VII: the Transition from the Late Bronze Age to the Early Iron Age // *Identifying Changes: The Transition from Bronze to Iron Ages in Anatolia and its Neighboring regions: Proceedings of the Intern. Workshop Istanbul, Nov. 8–9, 2002*. Istanbul: Türk eskiçağ bilimleri enstitüsü, 2003. P. 41–53.

Benkovsky-Pivovarová 1992 — *Benkovsky-Pivovarová Z.* Zum Beginn der Belegis-Kultur // *Balkanica*. Belgrade, 1992. Vol. 23. Hommage á Nikola Tasić á l'occasion des ses soixante ans. S. 341–348.

Boghian et al. 2012 — *Boghian D., Niculicã B. P., Budui V.* The Usage of Natural Resources in Protohistory (Aeneolithic — Hallstatt) in the Northeastern Carpathian Area // *Фортеця: збірник заповідника «Тустань»*. Львів: Колір ППО, 2012. Кн. 2. С. 272–291.

Boroffka 1991 — *Boroffka N.* Die Verwendung von Eisen in Rumänien von den Anfängen bis in das 8. Jahrhundert v. Chr. // Vortrag gehalten zu Ehren von Dr. John Alexander. Symposium «Europe in the 1st Millennium B. C. New Work». 3rd–4th April 1986. Oxford: Institute of Archaeology, 1991. P. 1–14.

Bukvić 2000 — *Bukvić Lj.* Kanelovana keramika Gava kompleksa u Banatu. Novi Sad: Srpska akademija nauka i umetnosti, Ogranak (Novi Sad: Provesta), 2000. 247 + 68 str.

Buzdugan 1979 — *Buzdugan C.* Cercetările arheologice de la Rateșu Cuzei, jud. Vaslui // *Cercetări Arheologice*. București, 1979. Vol. 3. P. 59–75.

Cavruc 2009 — *Cavruc V.* Stadiul actual al cercetărilor privind exploatarea preistorică a sării on spațiul carpatodunărean // *Studia archeologiae et historiae antiquae. Doctissimo viro scientiarum archeologiae et historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicator*. Chișinău: Bons offices, SRL, 2009. P. 21–36.

Cavruc et al. 2006 — *Cavruc V., Ciugudean H., Harding A.* Vestigii arheologice privind exploatarea sării în epoca bronzului // *Sarea*. Timpu. Omul. Ausstellungskat. Sfântu Gheorghe: Ed. Angustia, 2006. P. 41–48.

Ciugudean 2011 — *Ciugudean H.* Peridizarea culturii Gáva în Transilvania în lumina noilor cercetări // *Apulum*. Alba Iulia, 2011. Vol. 48. P. 69–102.

Ciugudean 2012 — *Ciugudean H.* The chronology of the Gáva culture in Transylvania // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Archeo, 2012. P. 107–121.

Coman 1980 — *Coman Gh.* Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al județului Vaslui. București: Litera, 1980. 394 p.

Dietrich L. 2010 — *Dietrich L.* Eliten der frühen und mittleren Bronzezeit im südöstlichen Karpatenbecken // *PZ*. 2010. Bd. 85. S. 191–206.

Dietrich L. 2013 — *Dietrich L.* Visible workshops for invisible commodities. Leatherworking in the Late Bronze Age Noua culture's 'ashmounds' // *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012). Actele conferinței «Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag»*, Tulcea, 20–22 septembrie 2012. Brăila: Ed. Istors, 2013. P. 227–246 (Bibl. Istro-Pontica. Seria arheologie. Vol. 9).

Dietrich O. 2013/2014 — *Dietrich O.* Learning from 'scrap' about Late Bronze Age hoarding practices. A biographical approach to individual acts of dedication in large metal hoards // *The European Archaeologist*. Winter 2013/2014. Issue 40. P. 14–17.

Florescu 1964 — *Florescu A.* Contribuții la cunoașterea culturii Noua // *AM*. 1964. Vol. 2–3. P. 143–216.

Foit 1964 — *Foit Gr.* Depozitul de obiecte de bronz de la Ilișeni // *AM*. 1964. Vol. 2–3. P. 461–474.

Forenbaher 1994 — *Forenbaher S.* The «Belegiš II» group in Eastern Slavonia // *The Early Hallstatt period (1200–700 B. C.) in South-Eastern Europe: Proceedings of the International Symposium from Alba Iulia, 10–12 June, 1993*. Alba Iulia: Muzeul Național al Unirii Alba Iulia, 1994. P. 49–62 (Bibl. Musei Apulensis. Vol. 1).

Gogâltan 1998 — *Gogâltan F.* The Cruceni-Belegis Cemetery of Livezile (Tolvădia), Commune Bahloc, District Timiș (Romania) // *The Thracian World and the Crossroads of civilizations. Proceedings of the 7th International Congress of Thracology*. Bucharest: S. C. Meloir trading S. R. L., 1998. Vol. 2. P. 181–205.

Gumă 1993 — *Gumă M.* Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. București: S.C. Meloir trading S.R.L., 1993. 331 p., 109 pl. (Bibl. Thracologica. Vol. 4).

Gumă 1995 — *Gumă M.* The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review // *Thraco-Dacica*. București, 1995. T. 16, nr. 1–2. P. 99–137.

Gumă 1997 — *Gumă M.* Epoca bronzului în Banat. Orizonturi cronologice și manifestări culturale. Timișoara: Ed. MIRTON, 1997. 260 p.

Hänsel 1968 — *Hänsel B.* Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. 2 Tle Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 1968. 279 S. 4 Abb., 58 Taf. (Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 7/8).

Hänsel 1973 — *Hänsel B.* Eine datierte Rapiertypen von der unteren Donau // *PZ*. 1973. Bd. 48. S. 200–206.

Hänsel 1976 — *Hänsel B.* Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Tle 1–2. Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 1976. Teil 1 251 S. Teil 2 Taf. 1–77, I–XVIII, Karte 1–6 (Beiträge zur ur- und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes. Bd. 16/17).

Hänsel 1982 — *Hänsel B.* Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. // *Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr.* Berlin; Bad Bramstedt: Moreland Editions, 1982. S. 1–38 (PAS. Bd. 1).

Hänsel 1997 — *Hänsel B.* Gaben an die Götter — Schätze der Bronzezeit — eine Einführung // Gaben an die Götter / Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatlichen Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz. Berlin: Seminar für Ur- und Frühgeschichte; Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin, 1997. S. 11–22 (Bestandskataloge / Freie Universität Berlin und Museum für Vor- und Frühgeschichte Staatliche Museen zu Berlin. Bd. 4).

Hänsel, Medović 1991 — Hänsel B., Medović P. Vorbericht über die jugoslawisch-deutschen Ausgrabungen in der Siedlung von Feudvar bei Mošorin (Gem. Titel, Vojvodina) von 1986–1990 // Bericht der RGK. 1991. Bd. 72. S. 45–204.

Hänsel 2002 — *Hänsel B.* Stationen der Bronzezeit zwischen Griechenland und Mitteleuropa // Bericht der RGK. 2002. Bd. 83. S. 69–97.

Hansen 1994 — *Hansen S.* Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhönetal und Karpatenbecken. 2 Tle. Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 1994. Zus. X, 613 S., 217 Abb., 35 Taf., 1 Faltteil (UPA. Bd. 21).

Hnila, Pieniżek-Sikora 2002 — *Hnila P., Pieniżek-Sikora M.* Troia in the Early Iron Age (Troia VIIb1-3) // Troya. Efsane ile Gerçek Arası Bir Kente Yolculuk [Troy. Journey to a City between Legend and Reality]. Istanbul: Yapi Kredi Publications, 2002. P. 94–103.

Horedt 1967 — *Horedt K.* Problemele ceramicii din perioada bronzului evoluat în Transilvania // Studii și comunicări. Sibiu, 1967. Vol. 13. P. 137–153.

Jugănaru 2005 — *Jugănaru G.* Cultura Babadag. I. Constanța: Ed. Ex Ponto, 2005. 144 p. (Bibl. Istro-Pontică. Serie arheologie. Vol. 7).

Kacsó 1990 — *Kacsó C.* Bronzul târziu în nord-vestul României // Simposia Thracologica. Satu Mare; Carei: Ed. de Institutul Român de Tracologie București, 1990. Vol. 8. P. 41–50.

Kacsó 2001 — *Kacsó C.* Zur chronologischen und kulturellen Stellung des Hügelgräberfeldes von Lăpuș // Der nordkarpatische Raum in der Bronzezeit: Symposium Baia Mare, 7.–10. Okt. 1998. Baia Mare: Ed. Cornelius, 2001. S. 231–287 (Bibl. Marmatia. Vol. 1).

Kacsó 2011 — *Kacsó C.* Die Hügelnekropole von Lăpuș. Eine Zusammenfassende Einleitung // Bronze Age Rites and Ritual in the Carpathian Basin: Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș. 8–10 October 2010. Târgu Mureș: Ed. Mega, 2011. S. 213–243.

Kacsó et al. 2011 — *Kacsó C., Metzner-Nebelsick C., Nebelsick L. D.* New Work at the Late Bronze Age Tumulus Cemetery of Lăpuș in Romania // Ancestral Landscapes. Burial mounds in the Copper and Bronze Age (Central and Eastern Europe — Balkans — Adriatic — Aegean, 4th–2nd millennium B.C.). Lyon: Maison de l'Orient, 2011. P. 341–353 (Travaux de la Maison de l'Orient. 58).

Kacsó et al. 2012 — *Kacsó C., Metzner-Nebelsick C., Nebelsick L. D.* Kontinuität und Diskontinuität im Bestattungsverhalten der spätbronzezeitlichen Eliten in Nordwestsachsen am Beispiel der Hügelnekropole von Lăpuș in Nordwestrumanien // Gräberlandschaften der Bronzezeit. Internationales Kolloquium zur Bronzezeit. Herne, 15–18 Oktober 2008. Darmstadt: Philipp von Zabern, 2012. S. 457–475 (Bodenaltertümer Westfalens. 51; Berichte der Landschaftsverband Westfalen-Lippe-Archäologie für Westfalen).

Kašuba 2006 — *Kašuba M.* Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10. — 9. Jh. v.Chr. // PZ. 2006. Bd. 81, H. 2. S. 213–235.

Kašuba 2008 — *Kašuba M.* Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2008. Bd. 14. S. 193–231.

Kašuba 2010 — *Kašuba M.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Cozia-Saharna // Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Tipografia Centală, 2010. P. 357–371.

Kašuba, Levițki 2010 — *Kašuba M., Levițki O.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Considerații generale // Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Tipografia Centală, 2010. P. 313–329.

Kašuba, Zancoci 2010 — *Kašuba M., Zancoci A.* Lociunțele comunităților hallstattiene din spațiul est-carpatic în secolele XII–VIII a. Chr. (tradiții, deosebiri culturale și perspectivele cercetării comparative) // Tyragetia. SN. Chișinău, 2010. Vol. 4 (19), nr. 1. P. 49–102.

Koppenhöfer 1997 — *Koppenhöfer D.* mit einem Beitrag von R. Becks. Troia VII — Versuch einer Zusammenschau einschliesslich der Ergebnisse des Jahres 1995 // Studia Troica. Mainz am Rhein, 1997. Bd. 7. S. 295–353.

Korfmann 1996 — *Korfmann M.* Troia — Ausgrabungen 1995 // Studia Troica. Mainz am Rhein, 1996. Bd. 6. S. 1–65.

Korfmann 1997 — *Korfmann M.* Troia — Ausgrabungen 1996 // Studia Troica. Mainz am Rhein, 1997. Bd. 7. S. 1–71.

László 1976 — *László A.* Über den Ursprung und die Entwicklung der Frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // Thracodacica. București, 1976. T. 1, nr. 1–2. P. 89–98.

László 1977 — *László A.* Anfänge der Benutzung und der Bearbeitung des Eisens auf dem Gebiete Rumäniens // Acta Archaeologica Hungariae. 1977. T. 29/1–2. S. 53–75.

László 1980 — *László A.* La région extracarpatique orientale à la fin du II-e millénaire et dans la première moitié du I-er millénaire avant notre ère // Actes du II-e Congrès International de Thracologie. Bucarest, 4–10 septembre 1976. Vol. 1. Histoire et archéologie. București: Ed. Academiei Republicii Socialiste Romania, 1980. P. 181–187.

László 1985 — *László A.* Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei: Rezumatul tezei de doctorat. Iași: Univ. Alexandru Ioan Cuza, 1985. 23 p.

László 1986 — *László A.* Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei // Memoria Antiquatis. Piatra-Niamț, 1986. Vol. 12–14 (1980–1982). P. 65–91.

László 1989 — *László A.* Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n.è. // La civilisation de Hallstatt. Liège: de l'Université de Liège, 1989. P. 111–129 (ÉRAUL. 36).

László 1994 — *László A.* Începuturile epocii fierului la Est de Carpați. Culturile Gava-Holihrad și Corlăteni-Chișinău pe teritoriul Moldovei. București: S.C. Meloir trading S.R.L., 1994. 315 p. (Bibl. Thracologica. Vol. 6).

László 1996–1997 — *László A.* Troy and the Lower Danube region at the end of the Bronze Age // Studia Antiqua et Arheologica. Iași, 1996–1997. Nr. 3–4. P. 89–96.

László 2001 — *László A.* Prima epocă a fierului // Istoria românilor / Petrescu-Dîmbovița M., Vulpe Al. (coord.). București: Ed. Enciclopedică, 2001. Vol. 1: Moștenirea timpurilor îndepărtate. P. 294–353.

László 2013 — *László A.* Troia VII — reper cronologic? Din nou despre relațiile dintre regiunile istropontice și spațiul egeeo-anatolian la sfârșitul epocii bronzului și începutul epocii fierului în lumina noilor cercetări // Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962–2012). Actele conferinței «Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag», Tulcea, 20–22 septembrie 2012. Brăila: Ed. Istors, 2013. P. 247–266 (Bibl. Istro-Pontica. Seria arheologie. Vol. 9).

Levițki 1994a — *Levițki O.* Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați. București: S. C. Meloir trading S. R. L., 1994. 255 p. (Bibl. Thracologica. Vol. 7).

Levițki 1994b — *Levițki O.* Culturile din epoca Hallstattului timpuriu și mijlociu // Thraco-Dacica. București, 1994. Vol. 15, nr. 1–2. P. 159–214.

Levițki 1994c — *Levițki O.* Grupul Holercani — Hansca. Aspectul pruto-nistean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată // Relations Thraco–Illyro–Helléniques: Actes du 14e Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14–19 septembre 1992). Bukarest: Ed. REPRO-ART S.R.L., 1994. P. 219–256.

Levițki 1998 — *Levițki O.* Particularités, points communs et contacts réciproques des cultures du complexe hallstattien ancien à la céramique cannelé, de l'est Carpates // The Thracian World and the Crossroads of civilizations: Proceedings of the 7th International Congress of Thracology. Bucharest: S.C. Meloir trading S.R.L., 1998. Vol. 2. P. 65–83.

Levițki 2003 — *Levițki O.* Lumea tracică și masivul cultural nord-pontic în perioada Hallstattiană timpurie (secolele XII–X î. e. n.). București: S.C. Meloir trading S.R.L., 2003. 432 p. (Bibl. Thracologica. Vol. 40).

Levițki 2010 — *Levițki O.* Primă epocă a fierului (sec. XII–VIII/VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă. Cultura Chișinău-Corlăteni. Cultura Tămăoani-Holercani-Hansca // Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V). Chișinău: Tipografia Centală, 2010. P. 333–357.

Levițki et al. 2003 — *Levițki O., Ușurelu E., Coban Gh.* Piese de metal din așezarea Trinca «Izvorul lui Luca» // Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic. Chișinău: Academie de Stat a Republica Moldova, Institutul de Archeologie și Etnografie, 2003. P. 171–182.

Marinescu-Bîlcu 1981 — *Marinescu-Bîlcu S.* Cîteva elemente de cultură Noua și hallstattiene descoperite în Moldova centrală // Thraco-Dacica. București, 1981. T. 2, nr. 1–2. P. 147–159.

Marta 2009 — *Marta L.* The Late Bronze Age Settlements of Petea-Csengersima. Satu Mare: Muzeul Județean Satu Mare, 2009. 343 p.

Marta 2010 — *Marta L.* Lăpuș II–Gava I Discoveries in the Plain of Satu Mare // Amurgul mileniului II a. Chr. în Câmpia Tisei și Transilvania. Simpozion Satu Mare 18–19 iulie 2008. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2010. P. 317–328 (SCSA. Vol. 26/1).

Metzner-Nebelsick 2012 — *Metzner-Nebelsick C.* Channelled pottery in Transilvania and beyond — ritual and chronological aspects // Die Gáva-Kultur in der Theißebene und Siebenbürgen. Symposium Satu Mare 17–18 June/ Juni 2011. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2012. S. 65–81 (SCSA. Vol. 28/1).

Metzner-Nebelsick et al. 2010 — *Metzner-Nebelsick C., Kacsó C., Nebelsick L. D.* A Bronze Age ritual structure on the edge of the Carpathian Basin // Amurgul mileniului II a. Chr. în Câmpia Tisei și Transilvania. Simpozion Satu Mare 18–19 iulie 2008. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2010. P. 219–233 (SCSA. Vol. 26/1).

Morintz 1978 — *Morintz S.* Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii (I). Epoca bronzului în spațiul carpat-balcanic. București: Ed. Academiei Republicii Socialiste România, 1978. 216 p. (Bibl. de arheologie. Vol. 34).

Mozsolics 1957 — *Mozsolics A.* Arhăologische Beiträge zur Geschichte der grossen Wanderung // Acta Archaeologica Hungariae. 1957. T. 8. S. 119–156.

Mozsolics 1967 — *Mozsolics A.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Hajdúsámson und Kosziderpadlás. Mit einem Anhang von Franz Schubert und Eckehart Schubert. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 280 p.

Mozsolics 1973 — *Mozsolics A.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 249 p., 112 pls.

Mozsolics 1985 — *Mozsolics A.* Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. 235 p., 286 pls.

Nemeti 2010 — *Nemeti J.* Acăș-Rătul lui Veres (Veres-rét). The Late Bronze Age settlement // Amurgul mileniului II a. Chr. în Câmpia Tisei și Transilvania. Simpozion Satu Mare 18–19 iulie 2008. Satu Mare: Ed. Muzeului Sătmărean, 2010. P. 265–316 (SCSA. Vol. 26/1).

Nestor 1933 — *Nestor I.* Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien // Bericht RGK. Frankfurt am Main, 1933. Bd. 22 (1932). S. 11–153.

Nestor 1952 — *Nestor I.* Șantierul Valea Jijiei // SCIV. 1952. T. 3. P. 19–111.

Nestor 1970 — *Nestor I.* Epoca fierului // Istoria poporului român. București: Ed. Științifică, 1970. P. 28–36.

Nicic 2008 — *Nicic A.* Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II–începutul mil. I. a. Chr. Chișinău: Bons offices, SRL, 2008. 282 p. (Bibl. Tyragetia. Vol. 15).

Petrescu-Dîmboviță 1953 — *Petrescu-Dîmboviță M.* Contribuții la problema sfîrșitului epocii bronzului și începutul epocii fierului în Moldova // SCIV. 1953. T. 4, nr. 3–4. P. 443–486.

Petrescu-Dîmboviță 1964 — *Petrescu-Dîmboviță M.* Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârșitul epocii bronzului și începutul Hallstattului din Moldova // AM. 1964. Vol. 2–3. P. 251–272.

Petrescu-Dîmboviță 1977 — *Petrescu-Dîmboviță M.* Depozitele de bronzuri din România. București: Ed. Academiei Republicii socialiste România, 1977. 390 p. (Bibl. de Arheologie. Vol. 30).

Petrescu-Dîmboviță 1988 — *Petrescu-Dîmboviță M.* Certaines considérations sur quelques problèmes du Hallstatt de l'espace carpato-danubien-pontique d'après les données des recherches récentes // SA. 1988. R. 36, č. 1. P. 175–189.

Petrescu-Dîmboviță 2001 — *Petrescu-Dîmboviță M.* Epoca metalelor. Epoca bronzului. Perioada târzie a epocii bronzului. Intensificarea metalurgiei în perioadele bronzului mijlociu și târziu // Istoria românilor / Petrescu-Dîmboviță M., Vulpe Al. (coord.). București: Ed. Enciclopedică, 2001. Vol. 1: Moștenirea timpurilor îndepărtate. P. 272–287; 289–294.

Pieniżek-Sikora 2003 — *Pieniżek-Sikora M.* Some Comments on Northwest Pontic and North Aegean Settlement Architecture in the Last Quarter of the Second Millennium BC // Identifying Changes: The Transition from Bronze to Iron Ages in Anatolia and its Neighboring regions: Proceedings of the International Workshop Istanbul, Nov. 8–9, 2002. Istanbul: Türk eskiçağ bilimleri enstitüsü, 2003. P. 29–39.

Pintér 2005 — *Pintér F.* Provenance study of the Early Iron Age Knobbed ware in Troia, NW Turkey and the Balkans. Petrographic and geochemical evidence: Unpublished Dissertation. University of Tübingen, 2005 // URL: <http://d-nb.info/976420309/34>

Radu 1973 — *Radu O.* Cu privire la necropola de la Cruceni (jud. Timiș) // SCIV. 1973. Vol. 24, nr. 3. P. 503–520.

Sana 2006 — *Sana D.* Descoperiri ale primei epoci a fierului // *Pop H., Bejinariu I., Băcuet-Crișan S., Băcuet-Crișan D., Sana D., Csók Z.* Șimleu-Silvaniei. Cluj-Napoca: Ed. Academiei Române, 2006. P. 45–79 (Monografie arheologică. Vol. 1).

Sandu et al. 2010 — *Sandu I., Poruciuc A., Alexianu M., Curcă R.-G., Weller O.* Salt and Human Health: Science, Archaeology, Ancient Texts and Traditional Practices of Eastern Romania // *Mankind Quarterly*. 2010. Vol. 50, no. 3 (Spring). P. 225–256.

Sava 2002 — *Sava E.* Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten, mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E. V. Jarovoj, T. Soroceanu. Kiel: Oetker/Voges, 2002. 265, 168 S (PAS. Bd. 19).

Sava 2003 — *Sava E.* Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (Complexul cultural Noua-Sabatinovka): Autoref. al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 2003. 46 p.

Sava 2004 — *Sava E.* Unele aspecte economice din perioada târzie a epocii bronzului (complexul cultural Noua-Sabatinovka) // Studii de istorice veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică. Chișinău: Universitatea Liberă Internațională din Moldova, Cartdidact, 2004. P. 68–75.

Sava 2005 — *Sava E.* Viehzucht und Ackerbau in der Noua-Sabatinovka Kultur // Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Berlin: Rudolf Habelt GmbH, 2005. S. 143–159 (UPA. Bd. 121).

Smirnova 1974 — *Smirnova G. I.* Complexele de tip Gáva-Holigrady — o comunitate cultural-istorică // SCIVA. București, 1974. T. 25, nr. 3. P. 359–380.

Soroceanu 2012 — *Soroceanu T.* Die Kupfer- und Bronzedepts der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien. Cluj-Napoca; Bistrița: Accent, 2012. 292 S. (Bronzefunde aus Rumänien. Bd. 4; Archaeologia romanica. Vol. 5).

Stoia 1989 — *Stoia A.* The beginning of iron technology in Romania // *The Bronze Age — Iron Age Transition in Europe. Aspects of continuity and change in European societies c. 1200 to 500 B. C. Part 1.* Oxford: University Press, 1989. P. 43–67 (BAR. IS. 483 [i]).

Szentmiklosi 2006 — *Szentmiklosi A.* The relations of the Cruceni-Belegis culture with the Zuto Brdo-Gârla Mare culture // *Analele Banatului SN, Arheologie–Istorie.* Alba Iulia, 2006. Vol. 14, nr. 1. P. 229–256.

Szentmiklosi 2009 — *Szentmiklosi A.* Settlements of the Cruceni-Belegiş culture in Banat: Summary. Alba Iulia: Univ. of Alba Iulia «1 Decembrie 1918», 2009. 19 p.

Tasić 1999 — *Tasić N.* Die «Gava»-Kultur im Raum des Eisernen Tores I und II // *Thraco-Dacica*. Bucureşti, 1999. T. 20, nr. 1–2. S. 127–133.

Tasić 2001 — *Tasić N.* The problem of the Belegiş (Belegiş-Cruceni, Belegiş-Bobda) culture. Genesis, duration, and periodization // *Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag*. Timişoara: Ed. Mirton, 2001. P. 311–321 (*Bibl. historica et archaeologica Banatica*. Vol. 30).

Teržan 2005 — *Teržan B.* Metamorphose — eine Vegetationsgottheit in der Spätbronzezeit // *Interpretationsraum Bronzezeit*. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Berlin: Rudolf Habelt GmbH, 2005. S. 241–261 (*UPA*. Bd. 121).

Todorović 1977 — *Todorović I.* Praistorijska Karaburma. II — Nekropola bronzanog doba. Beograd: Muzej Grada Beograda, 1977. 162 str. (*Dissertationes et Monographie*. 19/4).

Ursachi 1968a — *Ursachi M.* Depozitul de obiecte de bronz de la Ruginoasa // *Carpica*. Bacău, 1968. T. 1. P. 27–34.

Ursachi 1968b — *Ursachi M.* Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Roman în zona râurilor Siret și Moldova // *Ibid.* P. 147–150.

Vasiliev 1988 — *Vasiliev V.* Problèmes de la chronologie du Hallstatt sur le territoire de la Roumanie (II) // *Apulum*. Alba Iulia, 1988. T. 25. P. 83–102.

Vasiliev 2004-2005 — *Vasiliev V.* Despre epoca bronzului și prima epocă a fierului în *ISTORIA ROMÂNILOR*, vol. I // *Ephemeris Napocensis*. Cluj-Napoca, 2004–2005. T. 24–25. P. 5–22.

Vasiliev et al. 1991 — *Vasiliev V., Aldea I., Ciugudean H.* Civilizația dacii timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuții arheologice: așezarea fortificată de la Teleac. Cluj-Napoca: Ed. Dacia, 1991. 242 p.

Vinsky-Gasparini 1973 — *Vinsky-Gasparini K.* Kultura polja sa žarama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar: Filozofski fakultet u Zadru, 1973. 230 p., 137 t. (*Monografije*. Vol. 1).

Vulpe 1975 — *Vulpe A.* Einige Bemerkungen über die mittlere und späte Bronzezeit im Norden Rumäniens // *Dacia*. SN. Bucureşti, 1975. Vol. 19. P. 69–77.

Vulpe 1982 — *Vulpe A.* Beitrag zu den bronzezeitlichen Kulturbeziehungen zwischen Rumänien und Griechenland // *Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr.* Berlin; Bad Bramstedt: Moreland Editions, 1982. S. 321–328 (*PAS*. Bd. 1).

Vulpe 1997 — *Vulpe A.* Spațiul egeo-anatolian și Europa sud-estică în lumina unei revizuirii a cronologiei epocii bronzului // *Memoriile Secției de Științe Istorice și Arheologie*. 1996 (1997). Seria 4. T. 21. P. 33–47.

Vulpe 2001 — *Vulpe A.* Epoca metalelor. Epoca bronzului. Considerații generale // *Istoria românilor / Petrescu-Dîmbovița M., Vulpe A. (coord.)*. Bucureşti: Ed. Enciclopedică, 2001. Vol. 1: Moștenirea timpurilor îndepărtate. P. 214–225.

Weninger, Jung 2009 — *Weninger B., Jung R.* Absolute Chronology of the End of the Aegean Bronze Age // *LH III C Chronology and Synchronisms III. LH III Late and the transition to the Early Iron Age: Proceedings of the international workshop held at the Austrian Academy of Sciences at Vienna, February 23rd and 24th, 2007*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2009. P. 373–416 (*Philosophische-Historische Klasse, Denkschriften*. Bd. 384).

Żurowski 1949 — *Żurowski K.* Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru // *Przegląd Archeologiczny*. Poznań, 1949. T. 8, zesz. 2. S. 155–248.

Final Bronze Age in the Carpathian-Danube region: cultural-historical landscape and its eastern boundary

O. G. Levitsky, M. T. Kashuba

The study is devoted to the problem of cultural heterogeneity within the Final Bronze Age massive of assemblages with fluted pottery in the Carpathian-Danube region (fig. 1–2). The analysis of the cultural and historical situation in the whole, as well as the main cultural markers (amphorae/vessels/urns) (fig. 3; 5, 1, 4–5, 7, 10; 6, 9–10; 7) and scoops (cups with a handle) (fig. 8) shows, that Lăpuș II-Gáva I and Belegiş II/Cruceni-Belegiş II are regional formations. Their subsequent development continued during the Bronze to Iron Age transition, when their areas expanded and embraced the Carpathian depression, the Middle and Lower Danube, the northeastern and eastern parts of the Carpathians. As

a result of this, two new cultures with fluted pottery appeared in the eastern part of the Carpathian region in the last centuries of the II millennium BC: Gáva-Holíhrady-Grănicești and Chișinău-Corlăteni (fig. 1–2). They have clear-cut boundaries and retain the most important elements of material culture typical for their formation areas (fig. 6–8). The formation of this vast cultural unity with two large regional subdivisions was a part of the Pan-European processes, connected with the appearance of the Urnfield culture in Central Europe, and with the increasing mobility of groups inhabiting Central and Southeastern Europe. Ultimately, these processes caused the transition from the Bronze to Iron Age on the territory from the Rhone and the Dniester.

Антропоморфные стелы Хаккари (Юго-Восточная Турция) в историческом контексте

Л. А. Соколова

Ключевые слова: *Малая Азия, Турция, Хаккари, стелы, изображения, сердцевидные личины, воины, оружие, раннескифское вооружение, расписная керамика, амазономахия, вазовая живопись, киммерийцы.*

Keywords: *Minor Asia, Turkey, Hakkâri, steles, representations, heart-like faces, warriors, Early Scythian weaponry, painted pottery, Amazonomachy, vase paintings, Cimmerians.*

Введение

Многие российские археологи посвятили свои исследования проблеме происхождения антропоморфной скульптуры скифского времени (Тереножкин 1976; Савинов, Членова 1980; Ольховский, Евдокимов 1994; Ольховский 2005; Ковалёв 2000). В основе этих работ лежит предположение о том, что скифским антропоморфным стелам предшествовала изобразительная традиция оленных камней, привнесенная в европейские степи миграционной волной из глубин Центральной Азии. Западные оленные камни в большинстве своем трактовались как киммерийские в полном соответствии со «Скифским логосом» Геродота, согласно которому скифы изгнали киммерийцев из Причерноморья и преследовали их в Малой Азии.

Геродот описывал события, которые произошли за 200 лет до его рождения, опираясь на труды греческих логографов и привнося свое понимание этих исторических событий. Начиная с середины прошлого века в научный оборот было введено большое количество новоассирийских клинописных источников, анализ которых показывает несколько иную картину исторических событий. Стало ясно, что Геродот преувеличил роль скифов, значение киммерийцев в истории Древнего Востока недооценивали, а сами они имели иную локализацию.

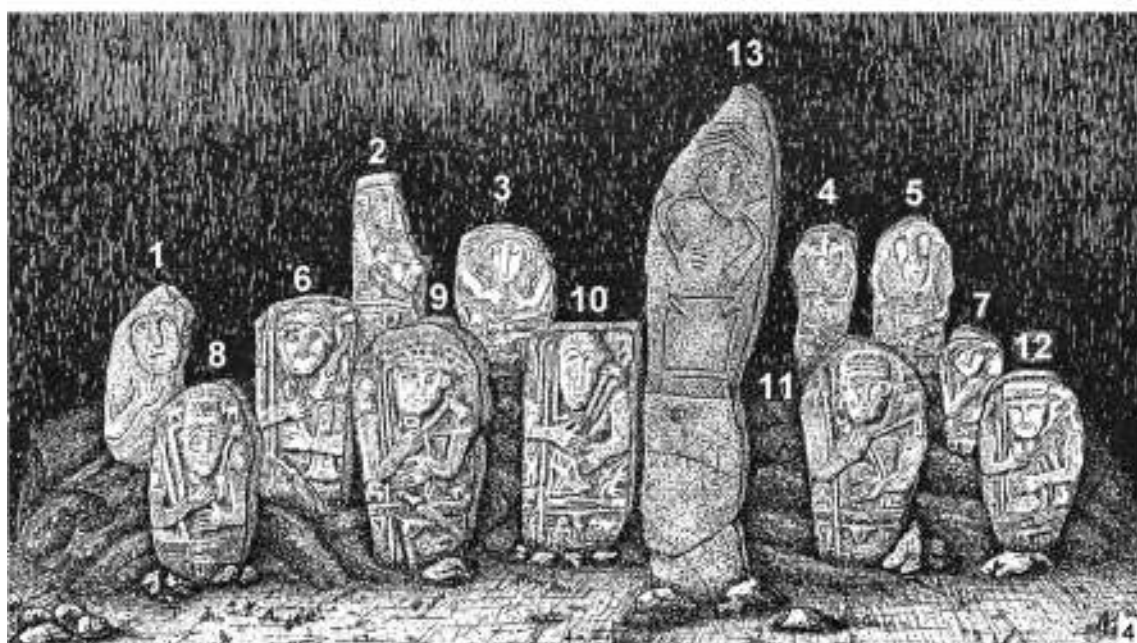
Клинописные тексты фиксируют пребывание киммерийцев (Gimiraja — жители страны Гамир) на территории Северо-Западного Ирана, начиная с царствования Саргона II (722–705 гг. до н. э.). Речь идет о военных столкновениях этих племен с Урарту. Позднее отмечено активное присутствие киммерийцев в Малой Азии. Согласно источникам, они вместе со скифами, манеями и мидийцами нападали на ассирийские отряды, собиравшие дань. После разгрома скифской дружины царя Ишкапая (680–679 г. до н. э.) скифы в источниках не упоминаются. Киммерийцы же продолжали тревожить западные границы Ассирии вплоть до 630-х гг. до н. э. (Иванчик 2001).

Локализация страны Гамира остается дискуссионной, однако, судя по источникам, в северных пределах Ассирии находилась база киммерийцев, откуда они совершали свои набеги (Медведская 2010: 181).

Таким образом, клинописные источники указывают на активное и длительное присутствие киммерийцев в Малой Азии. «Ассирийские источники на протяжении не менее чем 75 лет <...> фиксировали на территории Ирана и Закавказья до Малой Азии преимущественно киммерийцев, скифы же упоминаются в течение нескольких лет в 670-е гг. и только в Северо-Западном Иране» (Там же).

Несмотря на долговременное присутствие киммерийцев на Ближнем Востоке, здесь не найдены изобразительные памятники, сопоставимые с оленными камнями. Таким образом, связь оленных камней и исторических киммерийцев не находит подтверждения.

В связи с этим возникает вопрос, существовала ли у киммерийцев традиция изготовления и установки антропоморфных стел или они предпочитали другие, имеющие степное происхождение изображения, распространенные в местах их реального расселения. Случайное обнаружение в 1999 г. в центре г. Хаккари (Юго-Восточная Турция) комплекса, включающего 13 хорошо

сохранившихся известняковых антропоморфных стел (рис. 1; 2; 4), позволяет взглянуть на эту проблему с новой точки зрения.

Стелы Хаккари привлекают внимание исследователей с момента опубликования первой информации, поступившей от доследовавшего комплекс археолога, проф. Стамбульского университета В. Севина (Sevin 2000; 2005). Отечественные исследователи также не обошли вниманием это открытие. В. С. Ольховский отметил, что скифские стелы не похожи на плиты из Хаккари (Ольховский 2005). В научных журналах появились информационные статьи о турецких находках (Леус 2007; Васильев А., Васильев Д. 2011). Упомянутые каменные антропоморфные изображения использованы также в качестве аналогий в работе Я. В. Василькова (Vassilkov 2011). В 2012 автор настоящей статьи сделала доклад на IV Международном Конгрессе археологии Евразии (Азербайджан) на тему: «Антропоморфные стелы Чемуручека и Хаккари».

Находки из Хаккари выявлены неподалеку от берега р. Бюйюк Заб (Большой Заб ассирийских источников), непосредственно у отвесной скалы, представляющей собой высокое плоское плато с отвесными стенами. Это место называется «замок Чёлемерик» (османская крепость, построенная здесь в XIV в.). Впоследствии укрепление было разрушено землетрясением. По мнению В. Севина (Sevin 2000), оползни и обрушившиеся части крепостных стен скрыли стелы, располагавшиеся под скалой к северу от замка.

Город Хаккари находится в северных предгорьях горной системы Загрос, южнее оз. Ван (рис. 1, 1). В древности этот район, граничащий на востоке с Ираном, а на юге — с Ираком и Сирией, являлся пограничной зоной между Хеттским царством и Месопотамией, Урарту, Ассирией и царством Манну. Данная территория, входившая в состав различных государств (Ассирия, Мидия, Персия), оказалась в сфере разных культурных и идеологических влияний. Тем более неожиданным выглядит то обстоятельство, что, находясь на перекрестке древних цивилизаций Востока, этот регион дал комплекс изображений, демонстрирующих культурную самобытность и генетическую связь со степной зоной Евразии.

Это предположение, высказанное В. Севином (Sevin 2005), требует подробного анализа, так как степной пояс Евразии простирается на тысячи километров и в нем складывались различные иконографические традиции. Логично было бы предположить, что рассматриваемые стелы происходят из Крыма или Предкавказья как самых близких к Турции степных районов. Однако во второй половине II тыс. до н. э. в Причерноморье нет сопоставимых антропоморфных изображений, а оленные камни не вызывают ассоциаций со стелами Хаккари.

Описание стел

Первоначальный порядок установки стел не зафиксирован, поскольку к моменту появления археологов местные жители уже частично их раскопали и переместили со своих мест (рис. 1, 3). Опубликованный рисунок В. Севина (рис. 1, 4; Sevin 2005: рис. 5) реконструирует расположение плит на месте находки. Тем не менее сопоставление рисунка с фотографиями, сделанными во время раскопок, позволяют отнестись к этой реконструкции с определенным доверием. Площадь, которую занимали стелы, составляла 29,5 м² (6,5 × 4,5 м), высота завала — 1,7 м. Высота плит колеблется от 0,71 м (стела 7) до 3 м (расколота посередине стела 13), толщина — от 0,30 до 0,35 м. Судя по рисунку В. Севина, плиты составляли два неровных ряда, причем один из них находился непосредственно у скальной стенки, а другой выступал вперед на 30–50 см. При детальном рассмотрении в установке стел улавливается логика, характеризующая процесс развития изображений на плитах.

В заднем ряду у скальной стенки пять стел были вкопаны на одном уровне, образуя линию длиной 6,5 м, при этом плиты находились на расстоянии 20–30 см друг от друга. Передний ряд стел установлен на расстоянии 1,5–2 м от заднего, причем в пространство между рядами

Рис. 1. 1 — Современная Юго-Западная Азия, карта; 2–3 — фотографии с места обнаружения стел; 4 — рисунок стел Хаккари, выполненный В. Севином (2–3 — по Sevin 2000; 4 — по Sevin 2005)

Fig. 1. 1 — Map of modern Southwest Asia; 2–3 — photos of the place where the steles were found; 4 — Hakkâri steles, drawing by V. Sevin (2–3 — after Sevin 2000; 4 — after Sevin 2005)

помещены плиты 6 и 7. На первом плане на расстоянии около 1 м от стел переднего ряда была вкопана плита 13. На фотографиях, сделанных на месте раскопок, видно, что стелы переднего ряда практически лежат на плитах заднего ряда, которые, возможно, были засыпаны перед установкой передних стел (рис. 1, 2–3), что обеспечило лучшую сохранность более ранних плит.

Кучное расположение стел (рис. 1, 3) позволяет предположить, что они сконцентрированы на участке, над которым на вершине скалы было устроено какое-то строение. Однако сведений о наличии там археологических объектов нет, так как в этом месте находится турецкая военная база.

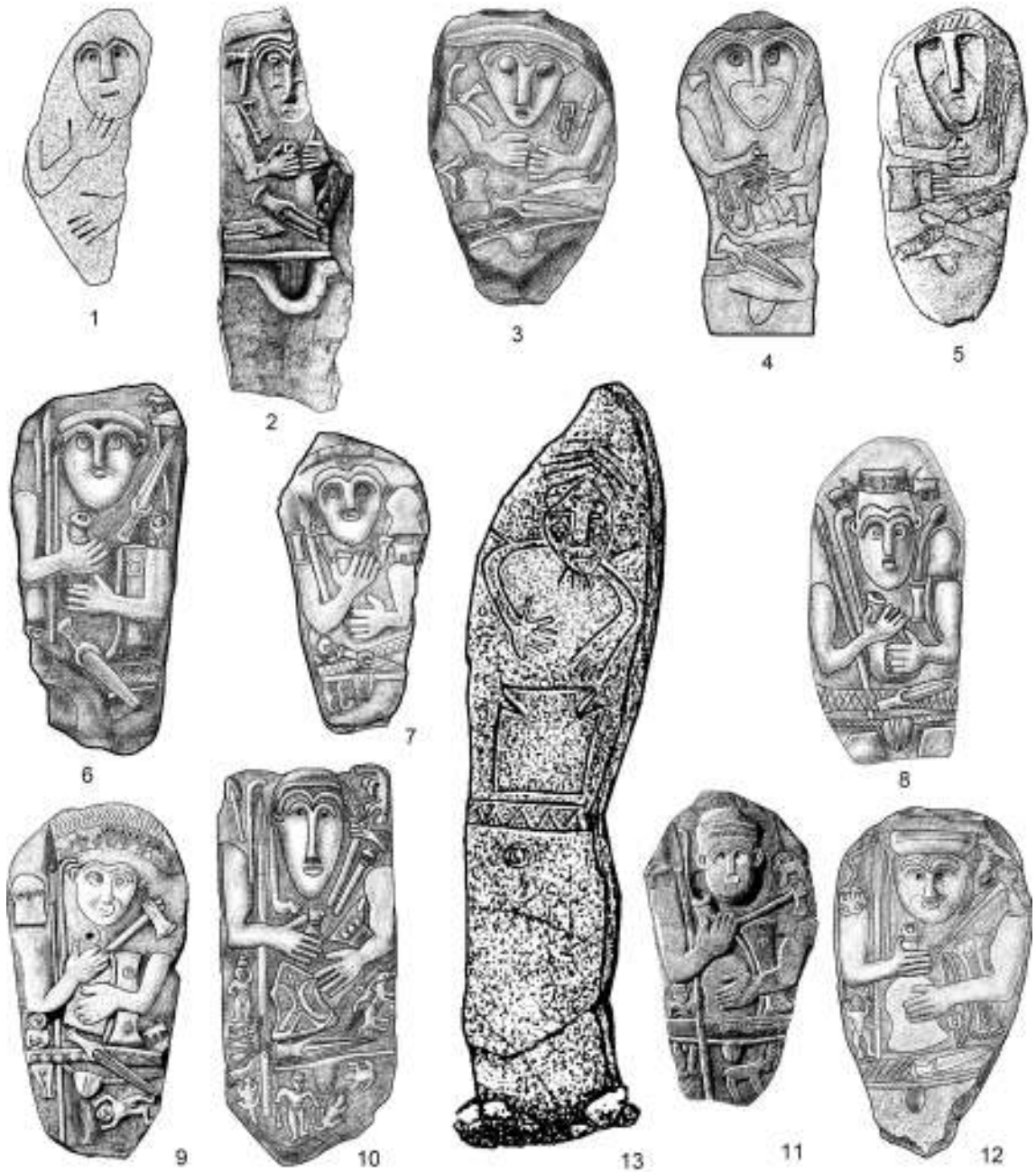

Рис. 2. Комплекс стел Хаккари: 1, 3–4, 6–10, 12 — прорисовка стел по фотографиям (выполнена автором); 2, 5, 11, 13 — фотографии стел (по Sevin 2005)

Fig. 2. Complex of Hakkari steles: 1, 3–4, 6–10, 12 — author's drawing from photographs; 2, 5, 11, 13 — photographs of the steles (after Sevin 2005)

Таким образом, компактное расположение плит создает ситуацию прямой стратиграфии, поскольку переместить стелы относительно друг друга при такой их установке было затруднительно. Это предположение подкрепляется стилистикой плит. В заднем ряду сосредоточены стелы с изображениями, для которых характерны архаические детали, присущие восточноазиатской иконографии, а изображения на плитах переднего ряда демонстрируют усиливающееся влияние переднеазиатского образительного искусства (рис. 1, 4).

Стела 1, видимо, представляет собой самую древнюю плиту, так как отличается предельным лаконизмом передачи антропоморфного образа и отсутствием изображений каких-либо предметов (рис. 1, 4; 2, 1). Очевидно, стела была разбита еще в древности. Сердцевидный контур лица фигуры оформлен в верхней части контррельефом. Правая рука персонажа прикасается к подбородку, левая — прижата к животу. Глаза показаны глубокими ямками, которые, вероятно, были инкрустированы вставками из белого камня. Такие вставки, похоже, были у всех персонажей, изображенных на антропоморфных плитах, кроме фигур на стелах 3 и 11, но сохранились только на плите 8. В. Севин считает, что на стеле 1 представлен женский образ. Принимая во внимание северо-восточные аналогии, можно предположить, что сердцевидная личина указывает на связь фигуры с сакральной сферой. Если бы эта плита была найдена в Сибири, ее вполне могли бы признать окуневской или каракольской (Кубарев 2009), исходя из иконографии некоторых сибирских личин.

Стела 2 (рис. 1, 4; 2, 2) весьма информативна, несмотря на повреждение ее левой половины. Во-первых, сердцевидный контур лица оформлен сверху не гравированными линиями, а тремя выпуклыми валиками, что придает ему особую выразительность. Во-вторых, рассматриваемый антропоморфный образ является единственным, на щеках которого показаны детали округлых очертаний (тагуировки?). Глаза воспроизведены в виде маленьких узких сегментов. Над правым плечом персонажа изображен боевой проушной топор. Под ним представлен предмет, похожий на кресало (?) или пряжку (?). На поясе показаны кинжал с нависающим перекрестьем и ребристым лезвием, а также изделие непонятного назначения в виде стержня с петлей. Руки фигуры соприкасаются пальцами. Правая рука удерживает маленький кружок, выполненный выпуклым валиком. Под этим предметом видна выпуклость неясных очертаний. Головной убор воспроизведен в виде широкой ленты, концы которой выходят за пределы контура головы (рис. 3, А, *стела 2*). Возможно, речь идет о стилизованном изображении капюшона или башлыка, закинутого за плечи, а не завязанного под подбородком. Подобные головные уборы представлены еще на четырех стелах Хаккари. В нижней части туловища есть дополнительный пояс или шнурок, посередине которого имеется обрамление полукруглой формы. Эту деталь, которую В. Севин считает гульфиком или набедренной повязкой, скрывающей фаллос, можно увидеть на всех остальных плитах, кроме поврежденной стелы 8 и плиты 11.

Стела 3 имеет слегка вытянутую округлую форму (рис. 1, 4; 2, 3). Персонаж этой стелы имеет подтреугольное стилизованное лицо, глаза в виде выпуклых полушарий, широкий длинный нос и маленький рот. Сердцевидный контур головы подчеркнут выпуклым валиком. Головной убор, аналогичный головному убору на стеле 2, декорирован (рис. 3, А, *стела 3*). Руки соприкасаются пальцами, как и на плите 2, однако в них ничего нет. Над правым плечом изображен посох, рядом с которым показан боевой топор, а под рукой — вещь, похожая на удила со стремячковидным окончанием, и пятиугольный предмет непонятного назначения. У левого плеча фигуры воспроизведено втульчатое копьё и вещь, имеющая сходство с предполагаемым кресалом, которое представлено на стеле 2. На поясе изображены кинжал и предмет с петлей. За левым локтем персонажа виден стержневидный предмет непонятного назначения.

Стела 4 (рис. 1, 4; 2, 4) в целом выполнена гравировкой, и только сердцевидный контур головы персонажа оформлен контррельефом с тремя гравированными линиями. Такая стилистика близка художественной манере изображения на плите 1. Стилизованное подтреугольное лицо персонажа в его нижней части имеет дополнительный контур, который начинается выше ноздрей, что не позволяет считать этот контур бородой. Рот показан уголком, вершина которого направлена вверх. Голова покрыта треугольным орнаментированным головным убором (рис. 3, А, *стела 4*). Над правым плечом виден топор с обушком, украшенным четырьмя острями. Над левым плечом воспроизведено копьё с желобчатым пером и декорированной втулкой. Положение рук персонажа,

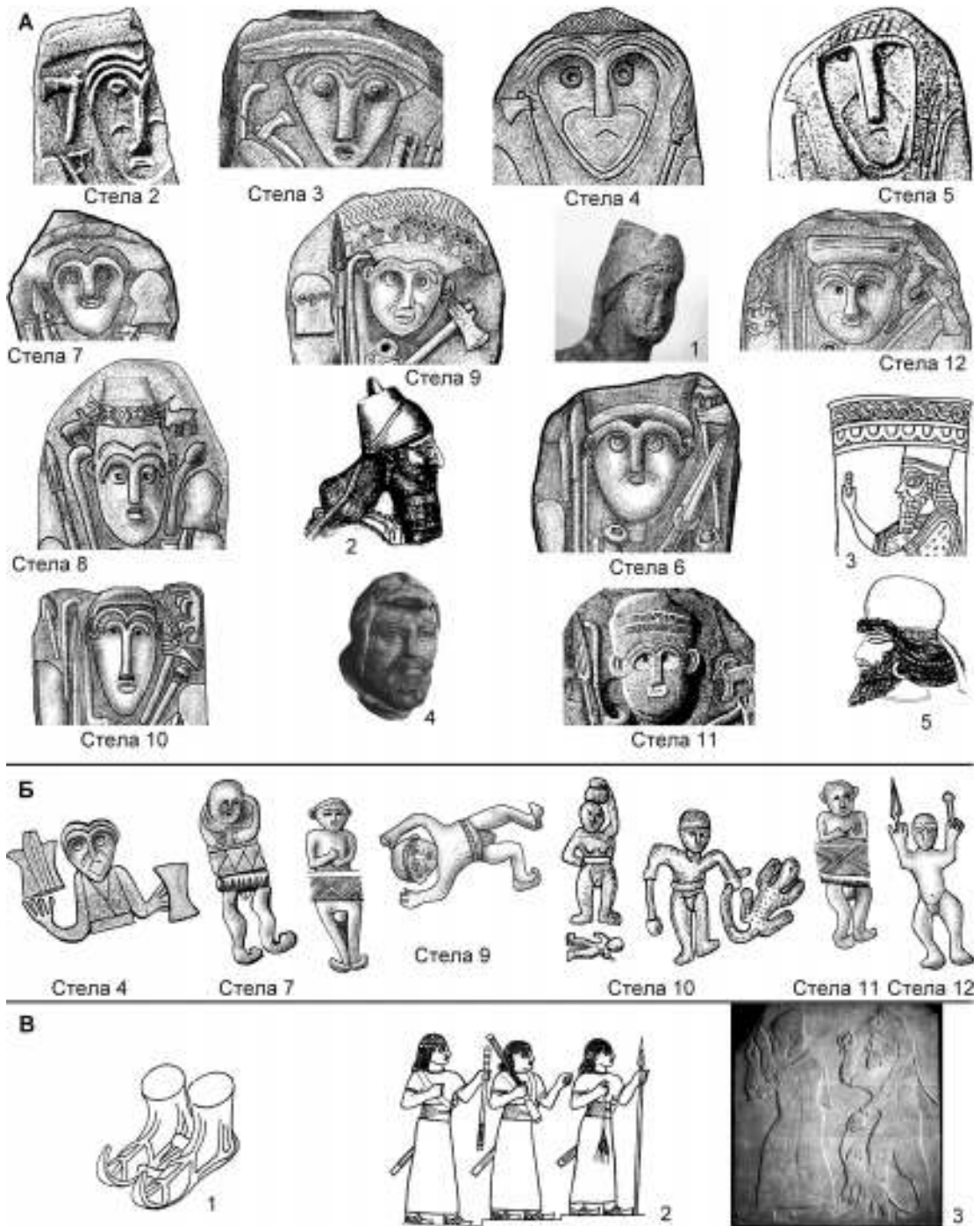

Рис. 3. А — прорисовка головных уборов (стелы Хаккари) и аналогии к ним: 1 — синдский воин; 2 — изображение ассирийского царя Тиглатпаласара III; 3 — рельеф из Персеполя; 4 — голова воина из Халчаяна; 5 — аристократ из Персеполя (1 — по uk.wikipedia.org/wiki/Синдика; 2-3, 5 — по Яценко 2006; 4 — по Пугаченкова 1971). Б — прорисовка маленьких фигурок стел Хаккари. В: 1 — глиняная модель хеттских башмаков; 2 — рельеф из Каркемиша; 3 — ассирийский рельеф из Нимруда (1-2 — по Дьяконов 1968; 3 — по Гуляев 2004)

Fig. 3. А — drawings of the headgears (Hakkâri steles) and analogies to them: 1 — Sind warrior; 2 — image of the Assyrian king Tiglatpalasar III; 3 — relief from Persepol; 4 — warrior's head from Khalchayan, 5 — noble man from Persepol (1 — uk.wikipedia.org/wiki/Синдика; 2-3, 5 — after Яценко 2006; 4 — after Пугаченкова 1971). Б — drawings of small figures from the Hakkâri steles. В: 1 — clay model of Hittite shoes; 2 — relief from Karkemish; 3 — Assyrian relief from Nimrud (1-2 — after Дьяконов 1968; 3 — after Гуляев 2004)

изображенного на стеле 4, повторяется у всех остальных фигур комплекса Хаккари: правая поднятая рука держит маленький круглый предмет, левая рука раскрытой ладонью прижата к животу. За поясом персонажа изображена одетая в костюм с левым запяхом маленькая антропоморфная фигурка с сердцевидной личиной. В руках она держит два непонятных предмета. Вещь в правой руке напоминает и пятиугольный предмет на плите 3, и нижнюю часть бурдюка на стеле 10. В левой руке маленькая фигурка сжимает предмет с вогнутыми стенками, который имеет сходство с колчанами, изображенными на плитах 8–12.

Стела 5 (рис. 1, 4; 2, 5), так же как и плиты 1 и 4, выполнена гравировкой, и только лицо персонажа оформлено контррельефом. Оно дополнено, как и на стеле 4, внутренним контуром, идущим от середины носа. Эта деталь, выявленная на трех плитах, неслучайна. Головной убор с неясными очертаниями орнаментирован косыми насечками (рис. 3, А, *стела 5*). На поясе фигуры, украшенном заштрихованными треугольниками, изображен однолезвийный нож, тогда как на остальных стелах представлены двулезвийные кинжалы. В правой руке находится, как и на плите 4, маленький круглый предмет, показанный в виде глубоко просверленной округлой ямки. В левой руке виден предмет, родственник кувшину или кружке с прямоугольной ручкой. У правого плеча фигуры схематично вырезано изображение боевого топора, у левой руки — копья.

Стела 6, согласно реконструкции В. Севина, находилась между основными рядами (рис. 1, 4; 2, 6). По сравнению с плитами заднего ряда она демонстрирует несколько новых деталей. Во-первых, голова антропоморфного образа покрыта высоким головным убором с округлым валиком, расположенным непосредственно над глазами. Во-вторых, показаны уши личины (рис. 3, А, *стела 6*). В-третьих, ее сердцевидный контур оформлен округлым валиком на уровне бровей, переходящим в прямой нос. В-четвертых, лицо изображено реалистично, несмотря на совершенно круглые глаза, инкрустированные белым камнем.

Набор вооружения также включает несколько новых предметов. Под левой рукой фигуры представлен узкий прямоугольный колчан с круглым украшением в верхней части и орнаментальной полосой внизу. Длинный изогнутый предмет, помещенный рядом с колчаном, можно трактовать как часть лука. На этой плите видны два одинаковых кинжала с орнаментированными рукоятками: один, как и положено, находится на поясе, второй показан на уровне левого плеча. На первом из них четко обозначены заклепки, с помощью которых рукоять крепилась к насаду. Втулка церемониального топора, изображенного у левого плеча, украшена четырьмя продольными валиками. У правого плеча воспроизведены копье, дротик и, возможно, древко посоха. В руках персонаж держит бурдюк с высоким фигурным горлышком. Под его правым локтем виден предмет, напоминающий перевернутый сосуд.

Два маленьких человечка находятся в разных частях стелы: один с поднятыми руками (пленный?) показан на левом плече антропоморфного образа, другой, помещенный под локтем его правой руки, был, вероятно, заткнут за пояс, однако изображение этой фигурки повреждено. В верхнем левом углу плиты изображена фигура животного (лошадь?).

Стела 7, по всей видимости, находилась между задним и передним рядами антропоморфных плит Хаккари. Это самое маленькое изваяние комплекса (рис. 1, 4; 2, 7). Сердцевидный абрис головы персонажа оформлен украшенным поперечными насечками выпуклым валиком, как и на плите 9. Топор, копье и кресало (?) находятся над правым плечом антропоморфного образа. Над его левым плечом виден горный архар, а над ним — предмет, похожий на перевернутый сосуд. В правой руке персонаж держит напоминающую горлышко бурдюка длинную трубочку, левая рука прижимает ее к туловищу. На поясе, орнаментированном треугольниками, висит кинжал. Справа за поясом заткнута фигурка маленького человечка в обуви с загнутыми носами. Ниже на узком ремешке, украшенном поперечными насечками, крепится орнаментированный гульфик. С плитами заднего ряда эту стелу объединяет изображение головного убора в виде длинной орнаментированной ленты и отсутствие у личины ушей (рис. 3, А, *стела 7*).

Стела 8 (рис. 1, 4; 2, 8) вызывает особый интерес изображением головного убора в виде высокой орнаментированной «фески», подобной тем, которые воспроизведены на ассирийских рельефах (рис. 3, А, *стела 8*). Сердцевидный абрис головы персонажа оформлен, как и на стеле 7, в виде бровей, переходящих в прямой нос. Над бровями абрис повторяется в виде резной линии, которая, видимо, передает морщины на лбу. В руках фигура держит бурдюк с высоким горлышком. На плите 8,

в отличие от всех остальных стел, не показан боевой топор. Вместо него рядом с копьем воспроизведен посох. У левого плеча существа непонятные длинные предметы, возможно, представляют лук. Над левым плечом находится предмет, похожий на перевернутый сосуд, аналогичный изображениям на плитах 6 и 7. На поясе, орнаментированном косой сеткой, виден двулезвийный кинжал того же типа, что и оружие на большинстве других стел, но без выделенного навершия. Два архара образуют геральдическую композицию по обе стороны от головы персонажа.

Стела 9 совмещает черты, характерные для плит обоих рядов (рис. 1, 4; 2, 9). Богато орнаментированный головной убор антропоморфной фигуры относится к типу «башлыков» (капюшон?), представленных на стелах 2, 3, 5 и 7 (рис. 3, А, *стела 9*). Четко проработанный сердцевидный контур лица также находит параллели в изображениях персонажей на плитах заднего ряда. Однако реалистичность личины, изображение у нее ушей, а также фигурка животного более характерны для стел переднего ряда. Топор, показанный у левого плеча героя, имеет дополнительный выступ-упор около втулки и небольшой обушок, украшенный, как и топор на плите 6, продольными валиками. Под левой рукой персонажа представлен колчан с двумя круглыми украшениями, аналогичный изделию на стеле 8. На правом плече антропоморфного образа воспроизведен «перевернутый сосуд», аналогичный посуде, показанной на плитах 7 и 8. Под правой рукой изображено копье с рифленным острием и посох, а под левым локтем — архар. В руках герой держит бурдюк с круглым горлышком. На плите детально проработаны фигурки двух маленьких человечков (мужчины с «гульфиками», рабы или военнопленные?). Один из них традиционно заткнут за пояс под правым локтем главной персоны, другой в круглой шапочке лежит внизу с поднятыми руками.

Стела 10 отличается от всех остальных плит целым набором маленьких фигурок, который позволяет выстроить сюжетную линию событий, запечатленных на стеле (рис. 1, 4; 2, 10). Под левой рукой антропоморфной фигуры изображен всадник с нагайкой в правой руке. Лево́й рукой наездник держит поводья лошади, которой он управляет с помощью недоуздка. Под правым локтем основного героя воспроизведена женщина с поклажей на голове. Под ее ногами находится фигурка лежащего человечка (ребенок?) с поднятой вверх правой рукой. Под ним показан охотящийся леопард. В нижней части стелы представлена фигурка мужчины в маленькой круглой шапочке и в набедренной повязке. Правой рукой он держит булаву, а левой — хвост пятнистого животного (леопард?). Еще один леопард воспроизведен в верхнем левом углу плиты. Не имеющее пятен и хвоста животное, изображенное под поясом главного антропоморфного образа, возможно, является медведем. Не исключено, что стела повествует о героических подвигах основного персонажа, спасавшего соплеменников от диких зверей. Его головной убор представляет собой не закрывающую ушей маленькую шапочку с прямоугольным вырезом (рис. 3, А, *стела 10*). Этот убор напоминает шлем с козырьком (рис. 3, А, 4). Неправдоподобно вытянутое стилизованное лицо существа имеет длинный нос и маленький рот. Сердцевидный абрис головы оформлен с помощью выпуклого валика, как на стелах 7 и 9. Бурдюк в руках основной фигуры характеризуется сложной пятиугольной формой и орнаментом. В колчане находятся, по всей видимости, двухлопастные черешковые стрелы с опущенными жальцами. Лезвие топора с тремя продольными валиками повреждено сколом плиты; обушок этого оружия декорирован тремя горизонтальными валиками. Рядом с топором показан предмет, похожий на булаву или скипетр. Под правой рукой главного персонажа воспроизведены копье, дротик и посох. Рядом виден изогнутый в нижней части предмет с утолщением на конце, вызывающий ассоциацию с нагайкой, тем более что на стеле уже изображен всадник с нагайкой. Кинжал обычного для плит Хаккари типа закреплен на орнаментированном горизонтальными ромбами поясе основного героя.

Стела 11 (рис. 1, 4; 2, 11) представляет важную персону в орнаментированном головном уборе, напоминающем митру (рис. 3, А, *стела 11*). Персонаж имеет округлое лицо с массивным подбородком и маленькими ушами. Сердцевидный абрис личины переосмыслен и оформлен в виде сросшихся бровей. Форму абриса повторяет изображение глазниц. Герой стелы обладает всеми атрибутами воина: кинжалом на поясе, луком, топором и копьем. Топор с орнаментированной втулкой и обушком снабжен выступом-упором перед втулкой, как и оружие на плите 9. Копье с ребристым пером и длинной втулкой, украшенной косыми насечками, снабжено длинным древком, которое пересекает всю стелу. Длинный лук начинается у правого плеча фигуры и продолжается под ее левой рукой. Орнаментированный колчан имеет круглые украшения, как и у колчанов на

стелах 6 и 9. Персонаж держит в руках бурдюк с длинным горлышком. Под правым локтем видна заткнутая за пояс маленькая фигурка мужчины в обуви с загнутыми носами. На плечах персонажа помещены изображения архаров, а в нижней части плиты, слева, показан новый вид животного — благородный олень.

Стела 12 завершает передний ряд плит (рис. 1, 4; 2, 12). Голова фигуры, показанной на плите, покрыта убором нового типа, похожим на берет (рис. 3, А, *стела 12*). В руках персонаж держит бурдюк с высоким горлышком и широким резервуаром. Слева от героя воспроизведен топор, имеющий на втулке и обуви единую орнаментальную зону, представляющую треугольный сегмент с расходящимися валиками. Нижняя часть топорщица украшена горизонтальными резными линиями. Под левой рукой существа виден колчан, также орнаментированный. Рядом с ним изображен короткий композитный лук с обмоткой, на тетиве которого закреплена округлая накладка с двойным рядом отверстий. Под правой рукой антропоморфного образа представлено копьё и тонкий длинный предмет, а под правым локтем — фигурка мужчины в шапочке, с «гульфиком» и с поднятыми руками, который держит в правой руке копьё, а в левой — булаву (?). На правом плече основного персонажа видна фигура пятнистого бесхвостого животного (леопард или медведь?), нападающего на змею. Слева от головы героя показана сцена терзания леопардом архара (фигурка последнего испорчена сколом).

Стела 13, самая крупная, находилась на переднем плане комплекса (рис. 1, 4; 2, 13). На опубликованных фотографиях ее не видно. По всей видимости, к моменту обнаружения она была сломана и завалилась назад. Изображение на стеле выполнено гравировкой в грубой и примитивной манере, отличающейся от художественной стилистики других плит. В. Севин считает, что на стеле представлена женщина, «бородку» которой он трактует как ожерелье. Антропоморфный образ занимает верхнюю треть плиты, посередине которой находится квадратный картуш, а под ним — орнаментированный пояс, наличие которого роднит стелу с опоясками, воспроизведенными на остальных плитах. Под поясом показан небольшой кружок, смещенный вправо от центра стелы. Руки фигуры начинаются прямо от ее головы, в отличие от изображений на остальных стелах, для которых характерны широкие плечи антропоморфных фигур. Очевидно, что эта плита относится к иной, более поздней, иконографической традиции. Ни один из изображенных элементов данного образа не совпадает с теми, что можно видеть на стелах 1–12.

Технологические аспекты изготовления стел

Плиты Хаккари выполнены из известняка — пористой осадочной породы, впитывающей большое количество воды, которая при замерзании разрушает структуру камня. В связи с этим известняковые скульптуры становятся хрупкими в морозном и дождливом климате города Хаккари, который расположен в высокогорном районе, где снег может лежать до шести месяцев в году.

Стелы Хаккари хорошо сохранились, несмотря на свой трехтысячелетний возраст, потому что были закрыты, по мнению В. Севина (Sevin 2005), глинистыми оползнями, сошедшими со скалы. Однако нельзя исключать вероятности того, что изваяния могли быть намеренно закопаны при крушении династии правителей, оставивших этот комплекс. В любом случае можно с уверенностью констатировать, что плиты находились у скалы на открытом пространстве относительно недолго. При этом стелы заднего ряда повреждены (плиты 1 и 2), в отличие от изваяний переднего ряда, которые пострадали только при переноске их в музей и последующей установке плит в экспозиции. Этот факт также косвенно свидетельствует о том, что стелы заднего ряда были поставлены у скалы раньше, чем плиты переднего ряда.

По технике исполнения стелы можно разделить на четыре группы: группа 1 — *контррельеф* (*рельеф, заглубленный в плоскость фона*) и *резьба* (стелы 1, 4 и 5); группа 2 — *барельеф*, т. е. вид рельефной скульптуры, в котором выпуклая часть изображения выступает над плоскостью фона не более чем на половину своего объема (стелы 2, 3, 6–10 и 12); группа 3 — *выбивка* (стела 11); группа 4 — *резьба* (стела 13).

Стелы *группы 1* выполнены в основном гравировкой, и только верхний контур лиц выведен в контррельеф, дополнительные детали или не изображаются совсем (плита 1), или гравировются небрежно (стелы 4 и 5). Основное внимание резчики уделяли верхнему контуру личин, передавая

его сердцевидную форму глубоким контррельефом. Возможно, изображения на этих плитах подчеркивали связь правителя с древними божествами.

Плиты группы 2 исполнены с тщательной проработкой всех деталей, имеется тенденция к нивелировке и переосмыслению прежнего художественного стиля и началу копирования приемов ближневосточного искусства, например повторение сердцевидного контура переоформлено в виде многочисленных морщин на лбу личины (рис. 2, 7–8) или неправдоподобно массивных

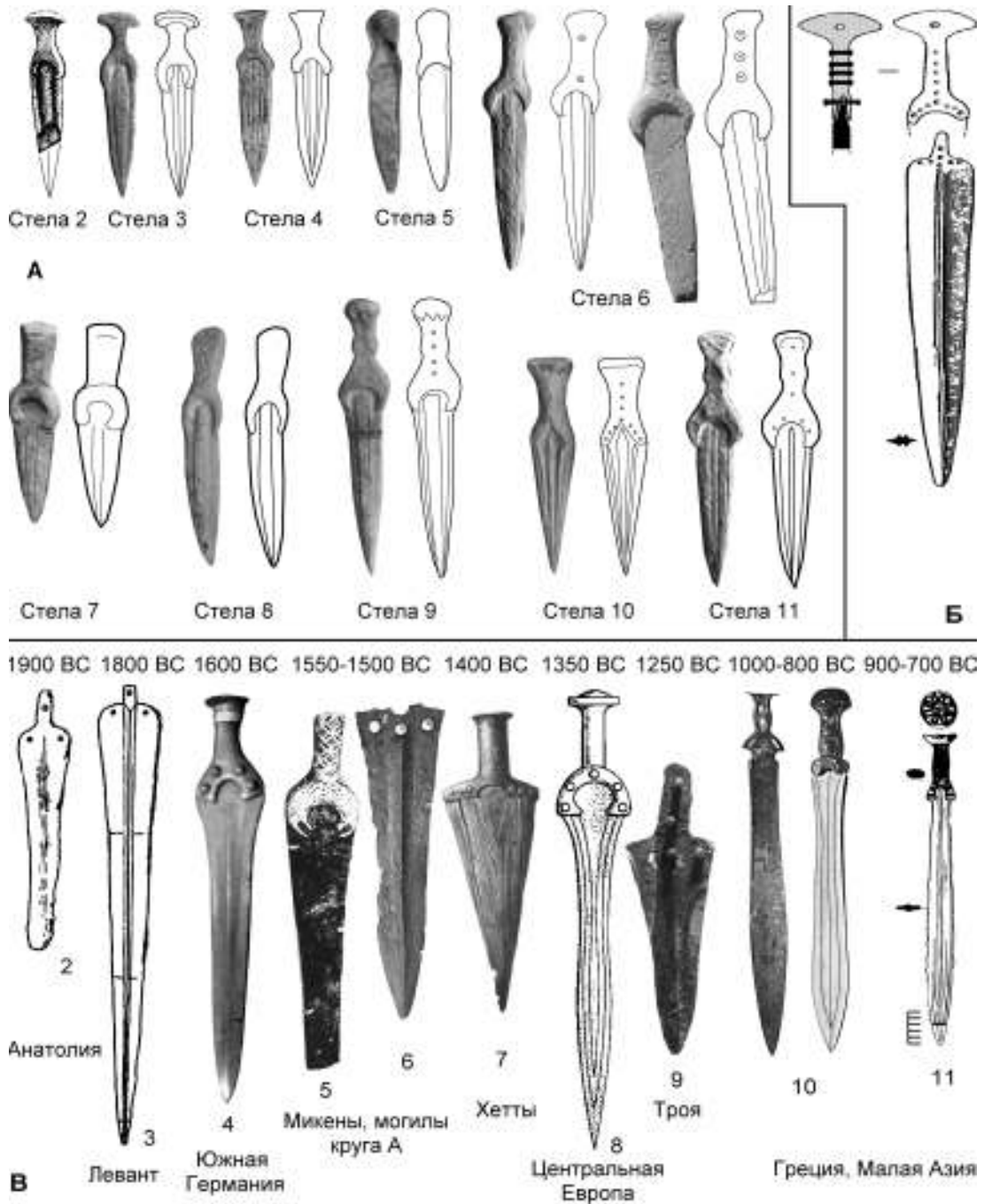

Рис. 4. Кинжалы: А — фотографии и прорисовки кинжалов, изображенных на стелах Хаккари; Б — реконструкция; В — аналогии кинжалам со стел Харири (по Окшотт 2004)

Fig. 4. Daggers: А — photos and drawings of the daggers depicted on the Hakkâri steles; Б — reconstruction; В — analogies to the daggers depicted on the Hakkâri steles (after Окшотт 2004)

бровей персонажей (рис. 2, 12), черты поперечного членения личины переосмысливаются как но-сугубные складки (рис. 2, 7, 12). Такие изменения в иконографии могут свидетельствовать о том, что стелы изготовлены разными мастерами в то время, когда знаковый код, отраженный в изобра-жениях группы 1, становится непонятным потомкам (рис. 2, 7–8, 10, 12). На плитах группы 2 вид-ны признаки высокого социального статуса: роскошные головные уборы, парадное оружие (воз-можно, церемониальное), изображение врагов, сцены охоты, что демонстрирует, в соответствии с древневосточными традициями, богатство и личные достижения героя.

Элементы изображений на стелах

Головной убор является единственной деталью туалета, изображение которого присутству-ет на всех стелах, кроме плиты 1 (рис. 3, А, стелы 2–12). На шести стелах головной убор пред-ставлен в виде орнаментированной полосы, которая выходит далеко за контур головы персонажа. Мы трактуем эту деталь как часть башлыка (платка, капюшона?), который не завязан под под-бородком, а спадает за плечи (рис. 3, А, 1). На пяти плитах показаны различные шапки. Первая из них — стела 8 — на первый взгляд напоминает турецкую феску, но так же выглядели и го-ловные уборы ассирийских царей (высокие уборы с конусом на вершине), нечто похожее носили при дворе Ашурбанипала. К сожалению, верх этой плиты покрыт сколами и чем заканчивается «феска» не понятно (рис. 3, А, 2). На стеле 6 воспроизведен высокий головной убор с округлым ва-ликом (рис. 3, А, 3). На плите 10 головной убор похож на шлем с квадратным вырезом и козырьком (рис. 3, А, 4). На стелах 11 и 12 изображены тюрбаны разных видов (рис. 3, А, 5). Надо отметить, что на плитах представлены геометрические орнаменты, в то время как в ассирийском искусстве более распространены узоры в виде розеток (Верман 2000: 234).

Особое значение имеет *позиция согнутых в локтях рук* персонажа (рис. 2), обязательная для всех стел, причем правая кисть держит маленький круглый предмет, а левая ладонь прижимает к туловищу изделие неясных очертаний. Однако, судя по изображению на одной плите, у героя в ру-ках находится кожаный бурдюк — самый удобный сосуд для кочевника (рис. 5, В, стелы 6, 8–12). Таким образом, правая кисть охватывает горлышко бурдюка, которое часто оформлено костяной или металлической втулкой, позволяющей надежно закрывать емкость. Левая раскрытая ладонь, прижимающая к телу бурдюк, показывает, что он опорожнен. Следовательно, на стеле жизнь срав-нивается с наполненным сосудом, а смерть — с пустым. Та же идея выражена на скифских, а позд-нее и тюркских изваяниях, где антропоморфные фигуры держат в руках ритоны и небольшие сосу-ды. По мнению исследователей, в скифскую эпоху и в средневековье так изображали посмертный пир героя.

Кинжалы, насколько можно судить по их изображениям, представлены крупными экзем-плярами, имеющими ребристое сечение и рукоять, приклепанную к клинку, причем заклепки оформлены в виде орнаментального ряда (рис. 4, А–Б). Такие рукояти первоначально были костя-ными, позднее — металлическими цельнолитыми с имитациями заклепок. Воспроизведенные на плитах кинжалы относятся к оружию переднеазиатского типа, однако определить место и время его изготовления затруднительно, поскольку на стелах показаны типы, широко распространенные как в Малой Азии, так и в Европе. Первые образцы такого оружия появляются в конце III тыс. до н. э. в Месопотамии, а затем встречаются в Анатолии, Микенах и Европе (рис. 4, В) вплоть до средневековья (Окшотт 2004).

Проушные *топоры* с обушком представлены на стелах изображениями трех типов: 1) с обушком, на котором имеется четыре шипа (стела 4) (рис. 5, А); 2) с желобчатой втулкой и обушком, орнаментированным продольными валиками (стелы 7–12); топоры на стелах 9, 11 и 12 имеют также выступ-упор у переднего края втулки (рис. 5, А); 3) простые проушные топо-ры без дополнительных деталей. Все изображенные топоры, по всей видимости, происходят из Луристана (рис. 5, А, 1–5).

Копья на стелах представлены изображениями втульчатых наконечников с ребрами жестко-сти, причем некоторые из них имеют орнаментированную втулку.

Следует отметить, что все упомянутые типы оружия, изображенные на стелах, имеются в хранилищах Ванского музея, где относятся к образцам, изготовленным из бронзы. В подобных

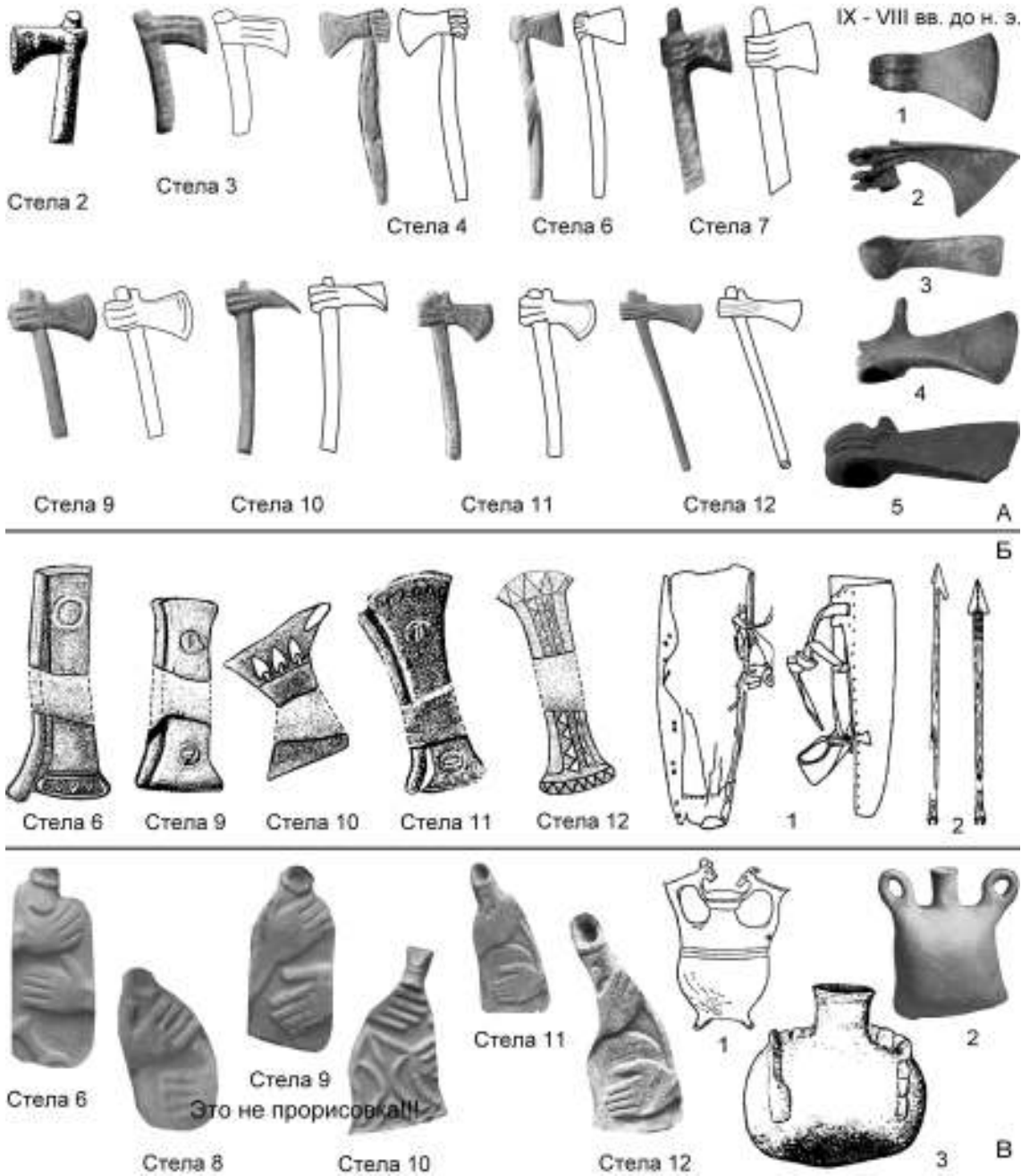

Рис. 5. А — прорисовка топоров, изображенных на стелах Хаккари, и аналогии к ним: 1–5 — экспозиция Стамбульского археологического музея (фото автора). Б: 1–2 — прорисовка колчанов, изображенных на стелах Хаккари, и аналогии к ним из Восточного Туркестана, могильник Янхай-3 (по Шульга 2010). В — прорисовка бурдюков, изображенных на стелах Хаккари, и аналогии к ним (керамические модели бурдюков): 1 — керамический сосуд, музей Азербайджана (по Куликан 2002); 2 — Северный Иран, Амлаш (по Virtual Museum of Iran Art; 488066_511970002189638_1784226733_n); 3 — Восточный Туркестан, бассейн р. Или (по Шульга 2010)

Fig. 5. А — drawings of the axes depicted on the Hakkâri steles, and analogies to them: 1–5 — Istanbul Archaeological Museum (photo by the author). Б: 1–2 — drawings of the quivers depicted on the Hakkâri steles, and analogies to them from the cemetery of Yankhai-3 in East Turkestan (after Шульга 2010). В — drawing of waterskins depicted on the Hakkâri steles, and analogies to them (ceramic models of waterskins): 1 — ceramic vessel, Azerbaijan Museum (after Куликан 2002); 2 — North Iran, Amlash (Virtual Museum of Iran Art; 488066_511970002189638_1784226733_n); 3 — East Turkestan, the Ili river valley (after Шульга 2010)

сочетаниях их находят в археологических памятниках Луристана, с датировкой IX–VIII вв. до н. э. (Дьяконов 1956).

Колчаны, изображенные только на плитах переднего ряда (стелы 6, 9–12), имеют вид узких орнаментированных, вероятно, кожаных предметов (рис. 5, Б). На стеле 10 в колчане видны двухлопастные черешковые стрелы. Колчаны на стелах 6, 9 и 11 украшены узором в виде круга, расположенного в верхней и нижней части изделия. На плите 12 колчан орнаментирован вертикальным фризом, состоящим из заштрихованных треугольников. На стелах 6, 9 и 11 справа показана планка, придающая жесткость кожаному колчану (рис. 5, Б).

Лук изображен на плите 12 и, предположительно, на стеле 11, причем на последней за правым плечом персонажа видна только верхняя часть оружия без тетивы. На плите 12 показан композитный с натянутой тетивой лук в оплетке, воспроизведенной штриховкой. Для изготовления такого оружия использовали древесину, рог и вываренные сухожилия. Благодаря этому лук имел необходимую упругость и мощь. На его тетиве представлена, как упомянуто выше, накладка с двойным рядом отверстий, которая предохраняла пальцы при стрельбе (рис. 6, Б, 1). Подобный сложный сегментовидный лук длиной 64,6 см был найден в кург. 2 группы «Три брата» в 20 км к Ю от Керчи (Восточный Крым). Это оружие состояло из трех деревянных пластин, обмотанных полоской коры шириной 1,3–1,5 см. Толщина пластин достигает 2 см, длина — 58 см (рис. 6, Б, 2; Бессонова 1973: 247, рис. 6, 1–2).

История сложных луков подробно освещена Б. А. Литвинским. Он полагал, что древнейшие экземпляры этого оружия известны в Прибайкалье в III тыс. до н. э., а с первой половины I тыс. до н. э. здесь же «существовала и более развитая форма сложносоставного лука, который А. П. Окладников предложил называть луком «центральноазиатского типа» — у этого лука было по нескольку накладок» (Литвинский 1966: 58). По мнению исследователя, появление сложных луков в странах Древнего Востока связано с проникновением сюда кочевников из степей не позднее VIII в. до н. э. (Там же).

Всадник. Для решения вопроса о хронологии комплекса стел из Хаккари особую роль играет, на наш взгляд, плита 10 с изображением всадника, который управляет лошадью с помощью недоуздки с одним наносным ремнем (рис. 6, А, 1–2). Всадник сидит, развернувшись вправо, и размахивает нагайкой. Езда с недоуздкой и в наши дни считается опасной, поскольку она не обеспечивает надежного контроля над лошадью. Только хорошо объезженные лошади, ограниченные столь ненадежной уздой, будут подчиняться всаднику. Таким образом, изображение наездника на стеле 10 вряд ли можно датировать ранее VIII в. до н. э.

Фигурки людей. Выявлены две группы изображений маленьких человечков. На плитах 6 (внизу), 7, 9 и 11 они показаны, как бы заткнутыми за пояс. Эти персонажи, за исключением плохо сохранившегося образа на стеле 6, имеют обувь с загнутыми носами (рис. 3, Б), какую носили хетты (рис. 3, В, 1) и какую можно видеть на выполненных в ассирийском стиле рельефах VIII в. до н. э. из Каркемиша (рис. 3, В, 2; Дьяконов 1968: рис. 40). Руины этого хеттского города, ставшего в начале I тыс. до н. э. самостоятельным царством, находятся на границе Турции и Сирии, недалеко от современного г. Хаккари, и вполне возможно, что герои, представленные на рассматриваемых плитах, участвовали в сражениях с воинами из Каркемиша или других малоазийских городов. Данники, носящие такую обувь, воспроизведены и на ассирийских рельефах из Нимруда (рис. 3, В, 3; Гуляев 2004: ил. 121).

Другие маленькие фигурки показаны под или над поясом основного персонажа. Обувь этих человечков не имеет загнутых носов. Часть таких изображений, подобно ассирийским рельефам, можно трактовать как сюжетный рассказ, вероятно, связанный с жизнью главного персонажа. Здесь он скачет на коне и спасает женщину с ребенком от нападения леопарда, схватив того левой рукой за хвост (рис. 3, Б).

Одежда изображена только у самой крупной из маленьких фигурок, размещенной посредине плиты 4, за поясом главного персонажа. Речь идет о распашной куртке без воротника, перепоясанной широким поясом (рис. 3, Б). Персона в куртке держит в руках два предмета (бурдюк?, колчан?). Личина маленькой фигурки идентична личине основного персонажа. Возможно, в данном случае помещение за пояс человечка означает, что ему покровительствует главная персона.

Изображения животных присутствуют только на стелах переднего ряда. На плитах 7, 8, 9, 11 и 12 воспроизведены архары, на стеле 10 — три леопарда и медведь (?), на плите 12 —

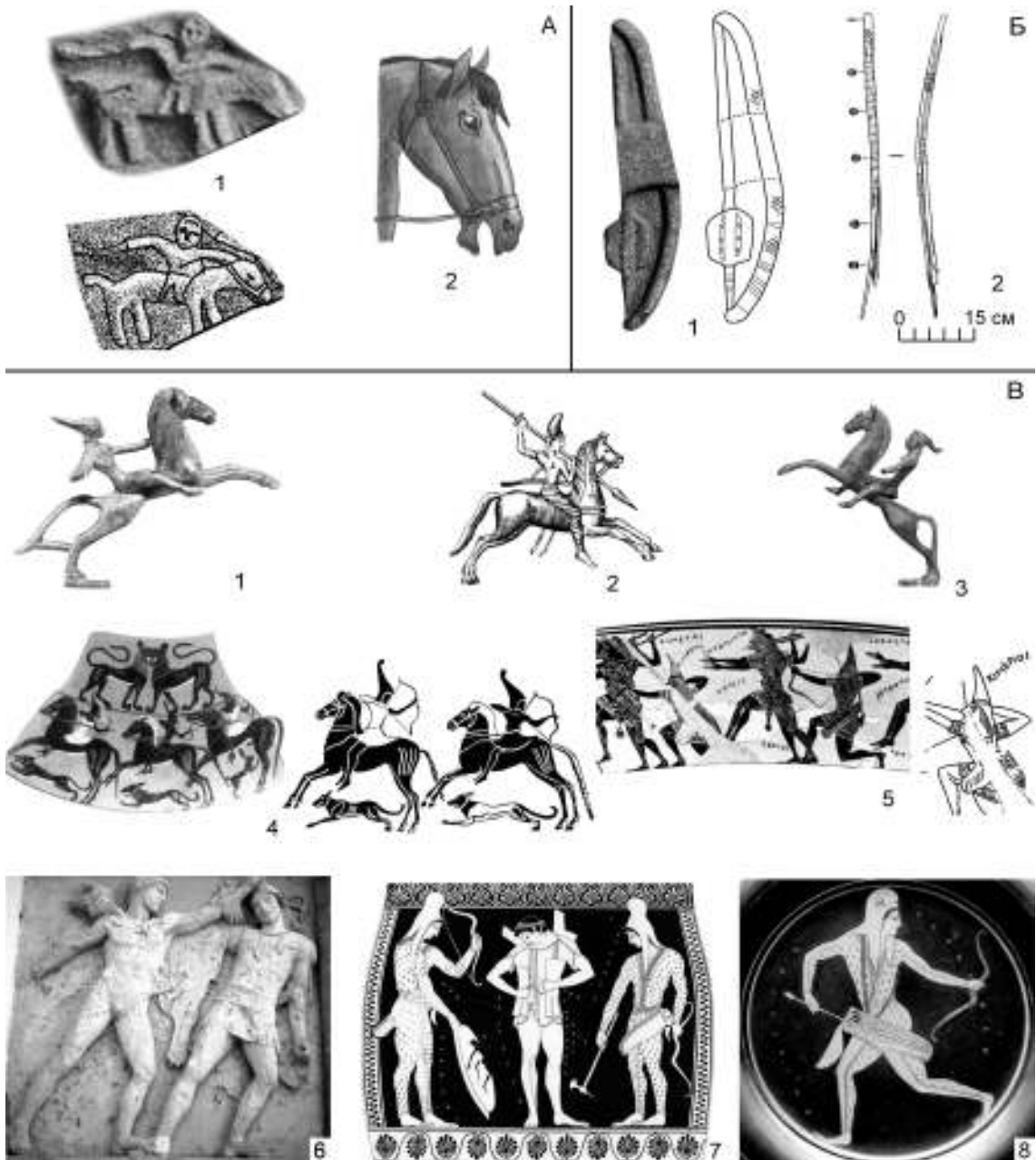

Рис. 6. А: 1 — прорисовка всадника (стела 10); 2 — реконструкция недоуздки. Б: 1 — прорисовка лука (стела 12); 2 — аналогичный лук из Причерноморья (по Бессонова 1973). В — изображения кочевников:

1, 3 — бронзовые фигурки (по Хулткрантц 1994), 2 — мидийский конник-аризант, изображение на эламской печати (по Дьяконов 1956), 4 — фриз вазы из Этрусского музея Ватикана (по Иванчик 2001), 5 — «ваза Франсуа» (по Блаватский 1953); 6 — греческий метоп из Селинунта (по Marconi 2011); 7–8 — краснофигурная аттическая тарелка с росписью Эпиктета, Британский музей (по Яценко 2011)

Fig. 6. А: 1 — rider (stele 10); 2 — headstall reconstruction. Б: 1 — bow (stele 12); 2 — analogous bow from the Black Sea region (after Бессонова 1973). В — depictions of nomads: 1, 3 — bronze figurines (after Хулткрантц 1994), 2 — Median rider on a stamp from Elam (after Дьяконов 1956), 4 — frieze of a vase from the Etruscan Museum of Vatican (after Иванчик 2001), 5 — «vase François» (after Блаватский 1953); 6 — Greek metope from Selinunt (after Marconi 2011); 7–8 — red-figure Attic plate painted by Epictetus, the British Museum (after Яценко 2011)

леопард, терзающий архара, и змея, нападающая на хищника (леопард?, медведь?), на стеле 11 — благородный олень. Самым важным образом является фигура всадника, скачущего на упряжной лошади (плита 10; рис. 6, А, 1–2).

Стилистика личин

Привлекает внимание манера воспроизведения абриса лиц персонажей, которая, как справедливо указывают авторы первых публикаций о стелах из Хаккари, не имеет корней в искусстве Ближнего Востока. Однако этническая принадлежность носителей этой художественной традиции все еще неясна. Подробный анализ антропоморфных образов позволяет выявить три признака, связывающие плиты Хаккари с Северо-Восточной Азией.

Первый признак — сердцевидная личина. Этот термин был введен А. П. Окладниковым (Окладников 1971: 77). Самые ранние личины такого типа появляются в неолите на Дальнем Востоке на Сикачи-Аляне (рис. 7, 1–2) (Там же). Они развиваются здесь из череповидных личин (рис. 7, 4–5, 7–8). Большинство исследователей полагает, что этот стиль появился в результате влияния древнего культа черепа. Более поздние реплики личин на чашах из Баньпо (Китай) датируются IV тыс. до н. э., что указывает на примерный период распространения этого стиля (Киселёв 1960). Сердцевидные личины украшают полихромные сосуды вознесенновской культуры (III тыс. до н. э.) (рис. 7, 3, 6, 10) (Окладников 1971). По всей видимости, в позднем неолите — энеолите носители этой иконографии проникают на Ангару (рис. 7, 17–19; Заика 2001). Затем они двигались на запад до Енисея и Западной Сибири (рис. 7, 12–15; Заика 2012). В памятниках окуневской (рис. 7, 20–21, 25) (Соколова 2012) и алтайской каракольской (рис. 7, 26; Кубарев 2009) культур такие личины встречаются редко. Половина удовлетворительно сохранившихся изображений чемурчекской культуры унаследовала этот признак (рис. 7, 28–32, 34–35; Ковалёв 2005). Эти признаки присутствуют и на стелах Хаккари (рис. 7, 36–38).

Таким образом, сердцевидные личины являются характерным для иконографии Северо-Восточной Азии признаком, маркирующим миграционные пути, по которым древние племена продвигались на обширных пространствах Азиатского континента.

Второй признак — членение личины дополнительными деталями или фигурами. Эта особенность присуща неолитическим петроглифам Сикачи-Аляна (рис. 7, 2, 5, 7–9, 11) и сосудам Вознесенновки (рис. 7, 10; Окладников 1971). Она также выражена на личине Томской писаницы (рис. 7, 16; Окладников, Мартынов 1972). Данный признак является диагностическим для более 300 стел окуневской культуры (рис. 7, 22–24; Леонтьев и др. 2006). Представлен он и в каракольской культуре (рис. 7, 27; Кубарев 2009). Для чемурчекских изображений выделено два варианта этого признака: круглые валики на скулах (рис. 7, 30) и треугольные фигуры на щеках личины (рис. 7, 33–34; Ковалёв 2005). На стелах из Хаккари видны тонкие линии, пересекающие личину под углом выше крыльев носа (рис. 7, 39–40, 42), причем на плите 2 (рис. 7, 41) они изображены округлыми скобками, что сближает это изображение с фигурой на одной из чемурчекских стел (рис. 7, 30). Следует отметить, что непонятные круглые выступы отмечены и на личинах некоторых окуневских стел.

Таким образом, можно предположить, что стилистика плит Хаккари формировалась на основе Североазиатского иконографического пласта, от которого произошла скульптура древних памятников Монголии и Синьцзяна. Старые традиции со временем угасали, но открытие изваяний Чемурчека и Хаккари позволило восстановить цепочку трансформаций исходных образов в новые стилистические схемы.

В отличие от окуневских стел, чемурчекские плиты изображают не богов, а социальных лидеров, и поэтому установлены в ряд перед курганом — местом упокоения последних. Это обстоятельство свидетельствует о более позднем времени создания чемурчекских изваяний. Время богов ушло, наступало время вождей и героев. Стелы из Хаккари, в свою очередь, демонстрируют дальнейшее обособление социальной элиты и относятся к еще более позднему времени.

Итак, стилистический анализ показывает, что плиты из Хаккари в разных сочетаниях демонстрируют черты древней сибирской иконографии. Самым распространенным признаком, характеризующим оба изобразительных пласта, является сердцевидная личина. Реже используется прием ее членения дополнительными деталями.

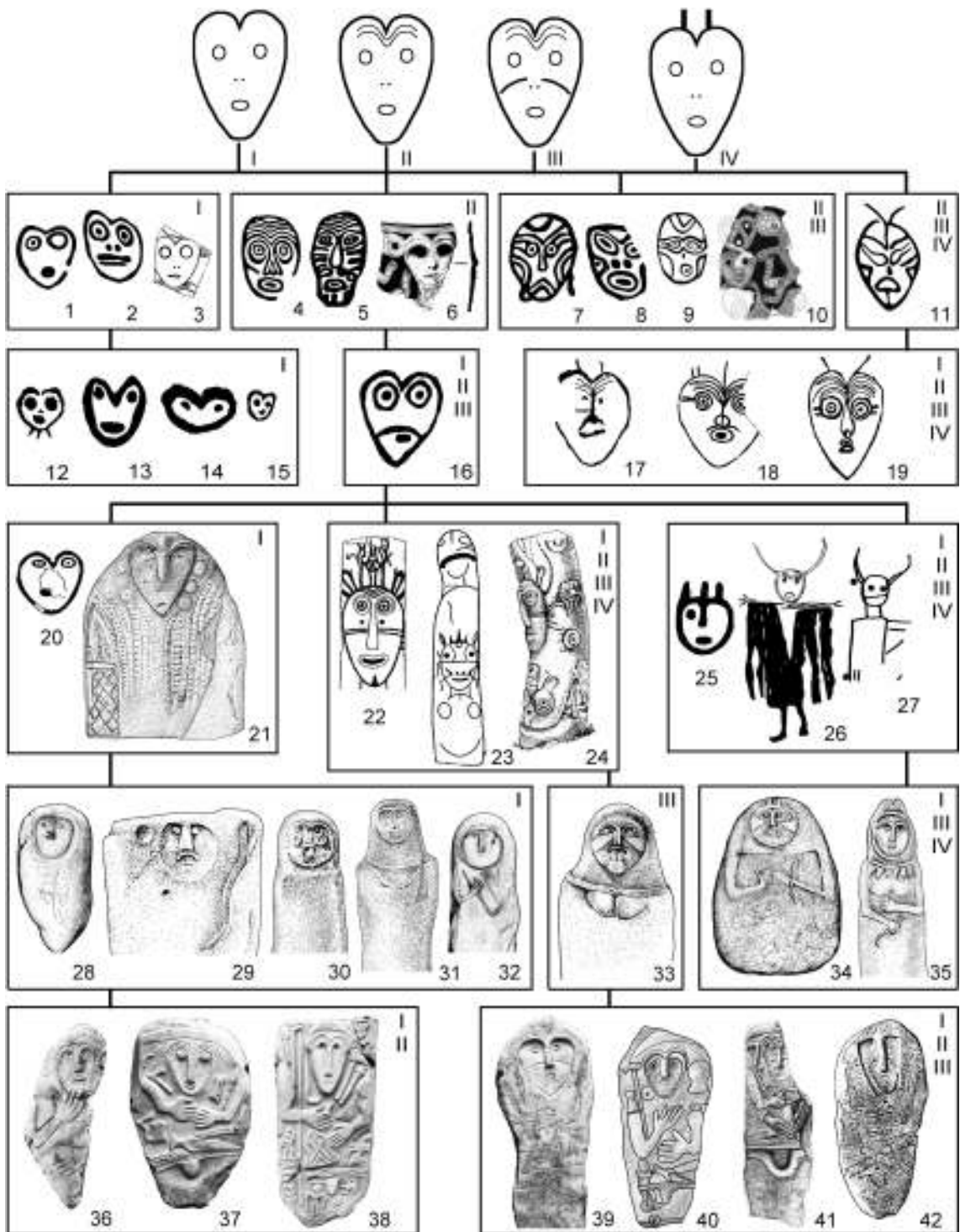

Рис. 7. Стилистический анализ личин (1–11— по Окладников 1971; 12–15, 17–19 — по Заика 2001; 2012; 16 — по Окладников, Мартынов 1972; 20–25 — по Леонтьев и др. 2006; 26–27 — по Кубарев 2009; 28–35 — по Ковалёв 2005; 36–40 — прорисовки автора; 41–42 — по Sevin 2005)

Fig. 7. Stylistic analysis of mask faces (1–11— after Окладников 1971; 12–15, 17–19 — after Заика 2001; 2012; 16 — after Окладников, Мартынов 1972; 20–25 — after Леонтьев и др. 2006; 26–27 — after Кубарев 2009; 28–35 — after Ковалёв 2005; 36–40 — drawings by the author; 41–42 — after Sevin 2005)

Третий признак, объединяющий обе традиции, — положение рук героев. В двух случаях персонаж из Синьцзяна держит посох (рис. 7, 32, 35), в одном — лук (рис. 7, 31). В девяти случаях чемурчекские мастера вообще не сочли нужным воспроизводить руки (рис. 7, 28–31, 33), которые на некоторых стелах показаны лишь для того, чтобы подчеркнуть статус изображенного лица, держащего в правой руке предмет, который указывает на его положение в обществе.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что чемурчекское общество только вступало в период социального деления, которое требовало соответствующего оформления в таких престижных памятниках, как антропоморфные изваяния.

Персонажи, представленные на плитах Хаккари, несомненно, принадлежали к элите своего общества и испытывали влияние субкультуры ближневосточной аристократии, что выражается в появлении роскошных головных уборов на стелах переднего ряда. Фигуры изображены с кожаным бурдюком в руках, который символизирует посмертный пир героя.

Вопросы хронологии

Датирование не имеющих надписей изображений из Хаккари составляет трудноразрешимую задачу. Относительно их хронологии В. Севин высказал две различные точки зрения. В одной работе он предполагал, что антропоморфные образы на плитах представляют правящую элиту в начале I тыс. до н. э. династии царства Хубушкии (Sevin 2000), в другой — склонялся к мысли о том, что они могли быть вождями одного из хурритских горных племен, контролировавших торговлю оловом или бронзой между 1450 и 1000 гг. до н. э. (Sevin 2005).

Страна Хубушкия (Hubuškia), известная по ассирийским письменным источникам, была завоевана Салманасаром III (858–824 гг. до н. э.) в результате трех военных кампаний (Дьяконов 1956). Однако комплекс вооружений, представленный на стелах из Хаккари, относится, по мнению В. Севина, к более раннему времени — ко второй половине II тыс. до н. э. (Sevin 2005). К сожалению, исследователь не аргументирует свою точку зрения, но можно предположить, что он датировал анализируемые плиты по изображениям кинжалов (рис. 4), которые существовали от 1900 г. до н. э. до 900/700 гг. до н. э. Однако воспроизведенные на стелах топоры луристанского происхождения (рис. 5, А) сужают даты кинжалов до X–VIII вв. до н. э. (Окшотт 2004).

Фигура всадника (стела 10) еще более ограничивает дату всего комплекса. Верховой уверенно управляет лошастью с помощью недоуздка, несмотря на то что езда без налобного ремня требовала особого мастерства в управлении конем. Отправной точкой ближневосточного наездничества можно считать рельеф из дворца Ашшур-нацир-апала II (884–858 гг. до н. э.) в Нимруде, на котором показаны всадники, сидящие на лошадях боком и стреляющие из луков, в то время как их лошади управляются правчими (Иванчик 2002: 103). Исходя из этого, можно предположить, что изображение верхового на стеле 10 относится к более позднему времени, предположительно к VIII в. до н. э.

Вопросы происхождения

Важным культурно определяющим фактором является то, что все персонажи на стелах Хаккари показаны гладко выбритыми, в то время как на Древнем Востоке зрелый мужчина, тем более правитель, должен был носить ухоженную бороду, которая здесь считалась символом зрелости и состоятельности. Даже царица Хатшепсут была вынуждена носить накладную бороду.

Эта существенная деталь противопоставляет мужчин Хаккари не только ближневосточному населению, но и скифам. По данным археологии традицию бритья бороды можно установить лишь в случае обнаружения изображений или мумий. Мужские мумии с бритыми лицами представлены в коллекциях Синьцзяна (Maig 2006), в Пазырыке (Алтай) (Баркова, Панкова 2005) и могильнике таштыкской культуры Оглахты (Минусинская котловина) (Кызласов, Панкова 2004). Таштыкские погребальные маски и деревянные плакетки оставлены популяцией, мужская часть которой не носила бород. Изображения безбородых мужчин известны и в деревянной скульптуре культуры чауху в Восточном Туркестане (рис. 9, 1–5). Таким образом, обычай бритья бороды был характерен в основном для восточных кочевников.

Но как же кочевники северо-восточных степей прошли в Малую Азию? Рассмотрим данные археологии. Недавно стала доступна информация по работам китайских археологов в Восточном Туркестане (Синьцзян) (Шульга 2010). Огромные могильники (до 700 курганов) оставлены носителями культур скифского типа (чауху, яньбулакэ, субейси). Эти синхронные культуры, ареалы которых расположены восточнее и южнее оз. Иссык-Куль, различаются погребальными обрядами и

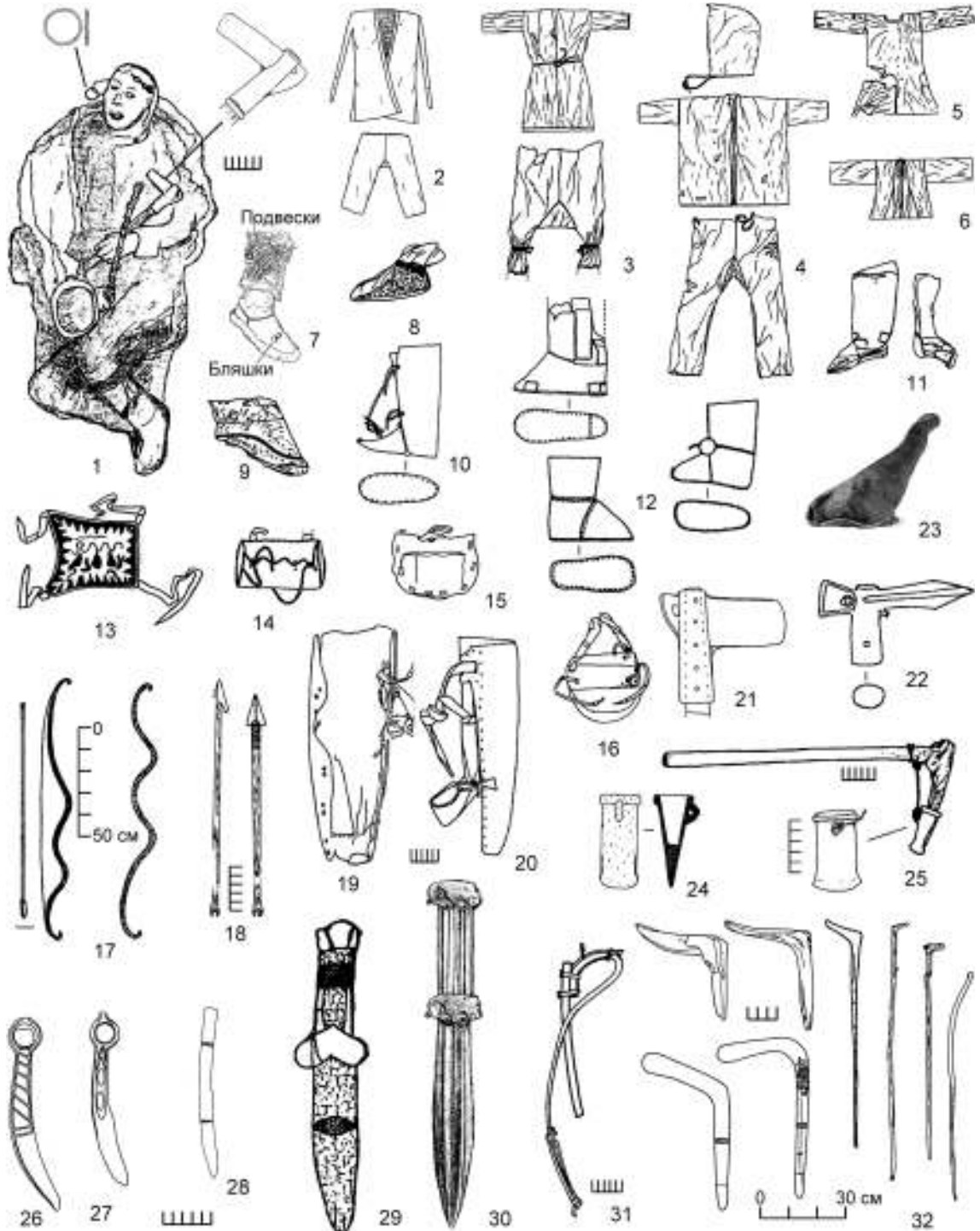

Рис. 8. Материальная культура кочевников Восточного Туркестана — предметы одежды и вооружения (по Шульга 2010)

Fig. 8. Material culture of the nomads of East Turkestan — clothes and weaponry (after Шульга 2010)

отчасти керамикой. Комплекс бронзовых изделий раннего скифского типа, происходящий из этих курганов, однороден. Исследованные могильники датируются по ^{14}C в интервале от 1100 г. до н. э. до 500 г. до н. э. В этой работе мы называем массив памятников, принадлежавших близким по происхождению племенам, культурами типа чауху, поскольку именно эта группа курганов дала представительный материал (Шульга 2010).

Консервация в могилах вещей из органики, включая одежду, обувь, колчаны, сумки, бурдюки и мумификация останков, произошедшая в условиях сухого климата (рис. 8, 1–16), позволила изучать быт кочевников культур типа чауху на этнографическом уровне. В захоронениях, оставленных этими номадами, были найдены также посохи, аналогичные изображенным на стелах Чемуручека (Ковалёв 2005) и Хаккари (рис. 8, 32). Украшения из погребений Синьцзяна аналогичны украшениям, которые представлены в раннескифских культурах Алтая, Тувы и Минусинской котловины (рис. 9, 8–14, 17–19; Шульга 2010: 109–110). В могилах культур типа чауху обнаружены также изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, включая композиции со свернувшимся хищником (рис. 9, 19, 29–31), образы копытных (рис. 9, 21–23, 28, 32), грифа и грифобарана (рис. 9, 15–16, 25–27). На деревянных ведерках сохранилась роспись в стиле, характерном только для сибирских петроглифов (рис. 9, 35–40).

Мумии Урумчи — района, где также распространены памятники культур типа чаухэ, принадлежат высоким людям европеоидного типа. Рост найденного в 1978 г. мужчины достигал 2 м, рост женщины в красном платье — 1,8 м. Обе мумии, обнаруженные в могильнике Черчен (кург. 2), датируются по ^{14}C от 1800 до 500 гг. до н. э. (Maig 2006).

Культуры типа чауху отличаются от других раннескифских культур расписной керамикой и разнообразием форм сосудов (чайники, кувшины и миски различных расцветок и орнаментов; Шульга 2010). Покрытая белым ангобом посуда украшена черными и красными геометрическими узорами в виде сеток, меандров, заштрихованных треугольников и спиралей (рис. 10, 1–8). Эта керамика может быть сопоставлена с сосудами из Малой Азии — это так называемый поздний красный расписной стиль (рис. 10, 9–12; Луконин 1977).

В то же время бронзовые изделия Восточного Туркестана имеют близкие аналогии в Саяно-Алтае. Вероятно, культуры типа чауху сложились в результате миграции северных номадов на юг, где они ассимилировали местное земледельческое население, владеющее технологией производства расписной посуды.

В VI в. до н. э. количество памятников типа чауху резко сокращается, а в V в. до н. э. эти культуры прекращают свое существование. Очевидно, стремительная аридизация климата заставила кочевников покинуть привычные места обитания. Следы миграции номадов Восточного Туркестана на севере не прослеживаются. На юге простираются отроги Гималаев и начинаются субтропики. Носители культур типа чауху могли переселяться только в западном направлении. Движение на запад привело их со временем к ассимиляции населением Древнего Востока. Только несколько памятников типа Зивие, Сиалк VI, Хасанлу позволяют выявить археологические признаки ранних скифских культур в Передней Азии (Медведская 2010).

Персонажи с плит Хаккари иллюстрируют этот процесс культурного поглощения кочевников автохтонными обитателями. Пришельцы практически сразу стали использовать местное оружие и предметы обихода. В церемониальной одежде степняки также подражали древневосточной моде, хотя некоторые характерные черты кочевнической культуры они все-таки сохранили: бритье бороды, распашная одежда.

Некоторые специфические особенности облика восточных номадов дошли до нас в греческой вазописи. В частности, изображения высоких шапок с характерным изгибом имеются на вазе из этрусского музея Ватикана (конец VI в. до н. э.) (рис. 6, В, 3) и на «вазе Франсуа» (около 570 г. до н. э.) (рис. 6, В, 4) (Иванчик 2002). Подобные шапки были найдены в погребениях Восточного Туркестана (X–VIII вв. до н. э.) (рис. 8, 23) (Wayland Barber 1999) и в Пазырыкских курганах (IV–III вв. до н. э.) (Яценко 2006: рис. 46).

Если принять точку зрения А. И. Иванчика, что создатели греческих ваз не могли видеть реальных киммерийцев «по хронологическим соображениям» (Иванчик 2002: 114), то как они могли воспроизвести эти специфические головные уборы? Ни скифы, ни персы таких высоких шапок не носили. «Если у восточных родственных соседей (например, у разных групп саков)

такой убор из плотного, довольно грубого войлока по-прежнему носили стоящим вверх <...>, то у персов он стал делаться из более мягкого материала (тканей), так что верхушка свисала вбок» (Яценко 2006: 48).

Возможно, ответом на этот вопрос послужит другое изображение. На Бехистунском рельефе последним в ряду «мятежных царей» стоит высокий бородатый мужчина в очень высоком кол-

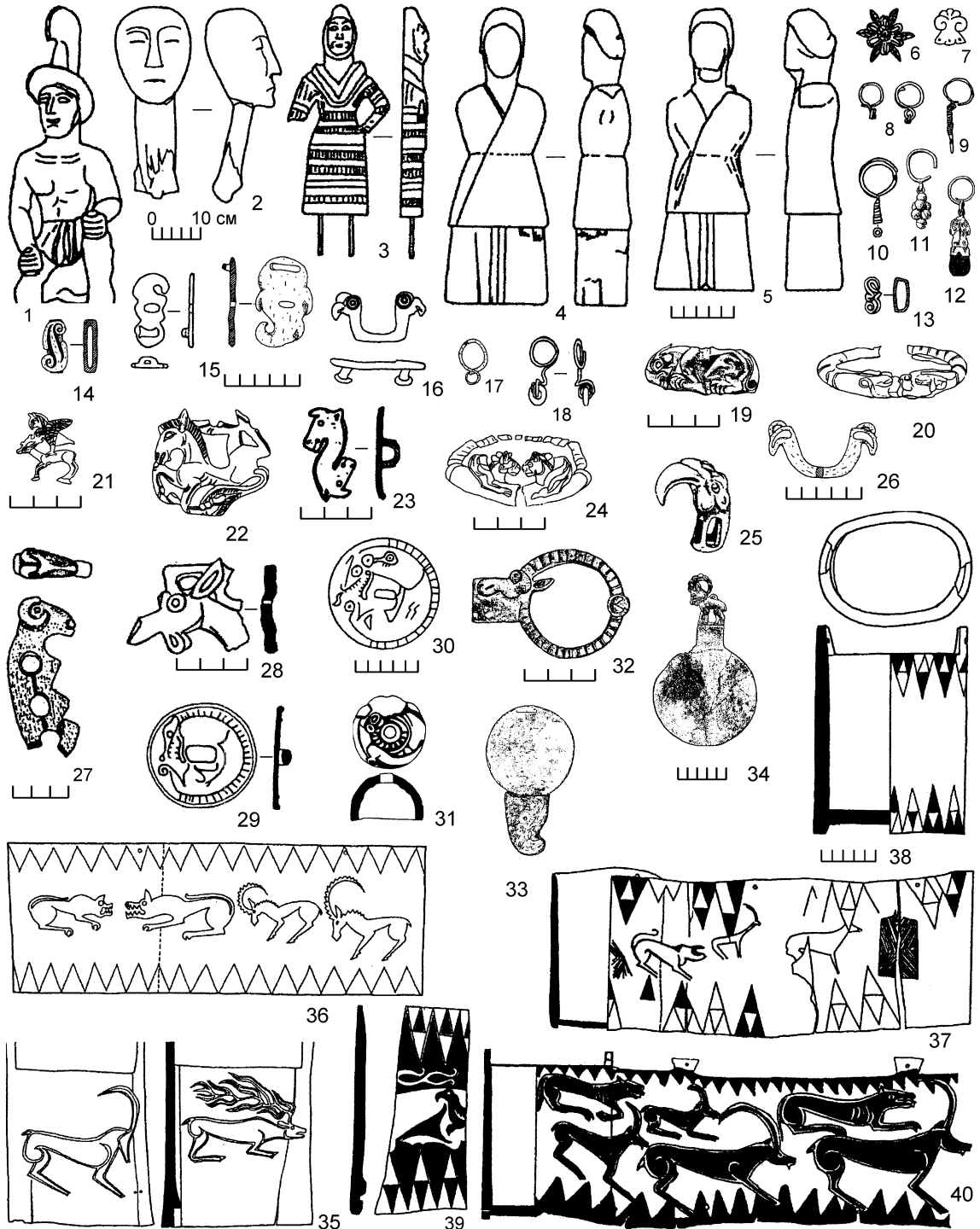

Рис. 9. Материальная культура кочевников Восточного Туркестана — предметы искусства и украшения (по Шульга 2010)

Fig. 9. Material culture of the nomads of East Turkestan — art and decorative objects (after Шульга 2010)

паке (конец VI в. до н. э.). Поскольку такой головной убор можно считать визитной карточкой восточных номадов (киммерийцев), не означает ли это, что киммерийцы вступили в союз с одним из восточных племен, вследствие чего их самоназвание исчезло из анналов? В VI–V вв. до н. э. этноним *гимирайя* (киммерийцы) в вавилонских текстах ассоциируется с этнонимом *саки* (Медведская 2010). На Бехистунском рельефе мы видим, как далеко зашел процесс ассимиляции: сакские цари также стали носить бороды (Дандамаев 1963).

Таким образом, мы подошли к главному выводу: комплекс стел Хаккари был создан кочевниками, пришедшими из Восточного Туркестана (Синьцзян) через азиатские степи не позднее VIII в. до н. э. В это время в Малой Азии клинописные тексты фиксируют пребывание народа (группы племен?) киммерийцев.

По мнению А. И. Иванчика (1999), раннескифские памятники Малой Азии, относящиеся к первым трем четвертям VII в. до н. э., оставлены единственными засвидетельствованными здесь в это время кочевниками, а именно *Gimirraia* новоассирийских текстов. Он также полагает, что

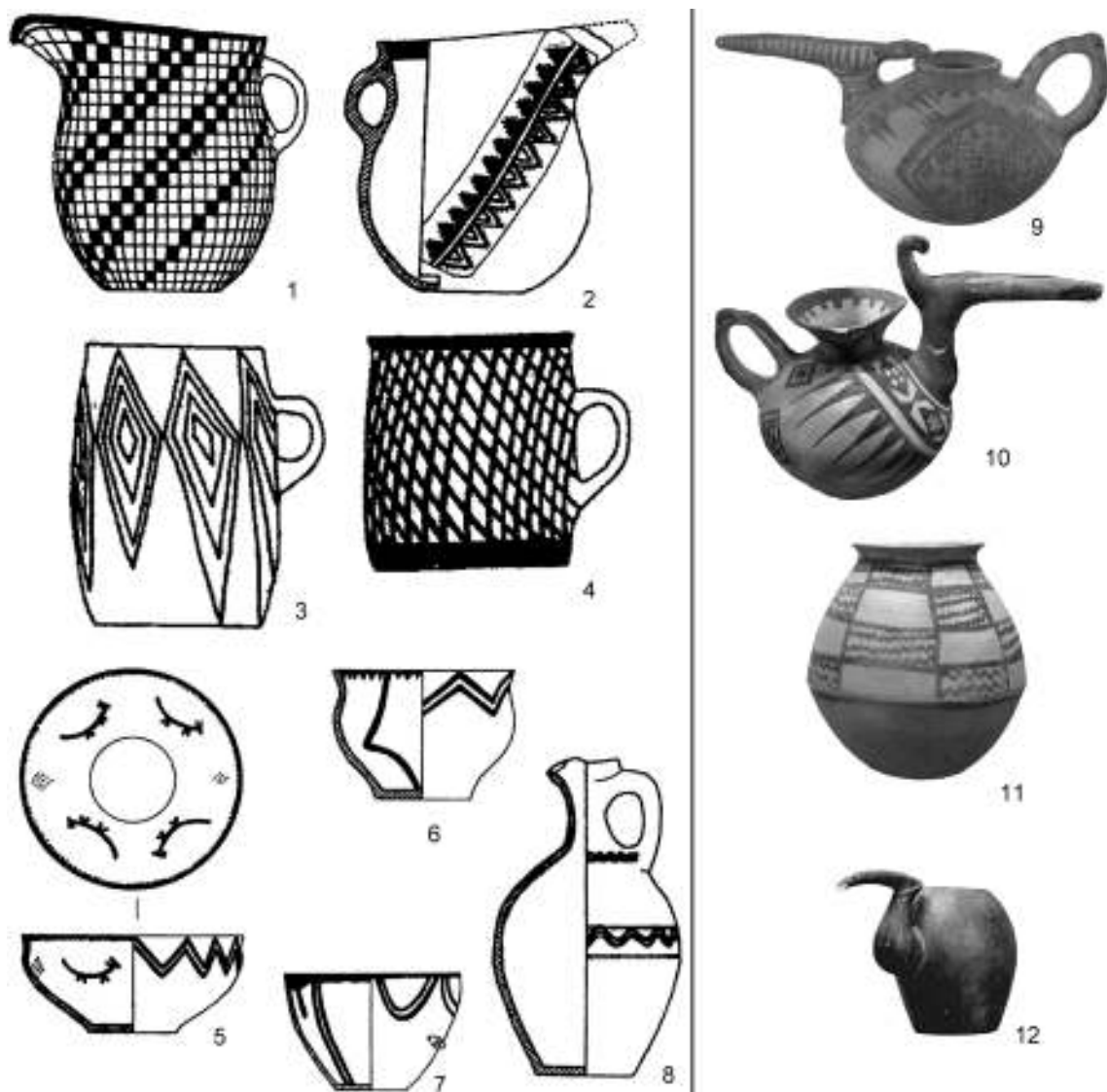

Рис. 10. Сравнительная таблица керамики: 1–8 — Восточный Туркестан (по Шульга 2010); 9–12 — Тепе Сиалк, Центральный Иран (по Луконин 1977)

Fig. 10. Pottery, comparative table: 1–8 — East Turkestan (after Шульга 2010); 9–12 — Tepe Sialk, Central Iran (after Луконин 1977)

этот народ был носителем раннескифской археологической культуры, которая уже существовала в первой половине VII в. до н. э. (Там же).

Однако киммерийцы упоминаются и в тексте гомеровской «Одиссеи» (Иванчик 2005). Следовательно, в момент написания поэмы, примерно в VIII в. до н. э., они были уже известны грекам. «Одиссея» точно передает самоназвание киммерийцев, которое в близкой форме зафиксировано в новоассирийских клинописных текстах и Библии. «Одиссея» сохранила информацию о восточной стране киммерийцев на острове Кирки, который расположен там, где восходит Гелиос, т. е. на крайнем востоке. Согласно Гомеру, киммерийцы жили на севере, в стране «где не видно солнца», у входа в подземное царство на берегу Океана. Такое описание кажется исследователям невероятным и противоречащим здравому смыслу (Там же). Однако северные номады, вероятно, имели некоторые представления о полярной ночи. Таким образом, инфильтрация племен скифского типа в Малую Азию могла начаться уже в начале VIII в. до н. э.

Если персонажи стел Хаккари действительно являлись предводителями степных воинов, то можно себе представить, какое впечатление производила их внешность на местное население. Их выбритые лица наверняка вызвали насмешки и сплетни, превращенные в условиях тотального мифотворчества в сказания о «женском недуге», который по традиции был приписан Геродотом скифам. Да и сам миф об амазонках может иметь в основе именно эту ситуацию.

По поводу амазонок скептически высказывались уже некоторые античные авторы. Например, Палефат (IV в. до н. э.) так комментировал древние мифы о воительницах: «И про амазонок я утверждаю следующее: это были не воинственные женщины, а мужчины-варвары, которые носили хитоны до пят, как фракиянки, на головах — митры, а бороды сбрасывали, как и теперь патариаты, живущие у Ксанфа. Поэтому враги и звали их бабами. Вообще же амазоны были племенем доблестным в сражениях. А чтобы когда-нибудь существовало женское войско, невероятно, и сейчас нигде такого нет» (Палефат 1988: гл. 32).

В схолиях к «Илиаде» Гомера сказано: «Некоторые говорят, что выступившие в поход были не женщины, а мужчины-варвары: они носили длинные до земли хитоны, волосы повязывали повязками, а также брили бороды, и поэтому враги называли их женщинами. Они были из племени амазонов [Ἀμαζόνες] и храбры в бою. Невероятно, чтобы когда-нибудь был женский поход: ведь и ныне нигде их не бывает» (Латышев 1947: кн. VI, 186; III, 290).

Действительно, некоторые образцы греческого искусства демонстрируют явные нестыковки в изображениях амазонок. Зачастую «амазонахией» искусствоведы считают борьбу безбородых персонажей в скифской одежде. Однако есть изображения безбородых фигур с явно выраженными мужскими признаками. Например, «амазонка» на греческом метопе из Храма Е в Селенунте (середина V в. до н. э.) явно крупнее Геракла, который хватает «ее» не за волосы, а, видимо, за войлочный шлем (рис. 6, Г, 2; Магсоні 2011). На греческой вазописи (конец VI в. до н. э.) изображения амазонок можно разделить на две группы: женские образы с длинными локонами и крупные фигуры с коротко постриженными волосами, видимыми из-под шлема (рис. 6, Г, 3–5; Яценко 2011). Основной причиной, по которой искусствоведы считают персонажей второй группы амазонками, по всей видимости, является отсутствие у них бороды.

Греки, должно быть, все-таки соприкоснулись с какими-то поздними представителями восточных номадов, поскольку запечатлели в своем искусстве поразительные подробности их облика и костюма. Упомянем, к примеру, две бронзовые фигурки всадников конца VI — начала V в. до н. э. (рис. 6, В, 1, 3), которые сопоставимы с изображением на эламской печати VII–VI вв. до н. э. (рис. 6, В, 2) (Магидович И., Магидович В. 1982). На этих разделенных сотней лет артефактах воспроизведена одна и та же деталь костюма: штаны, как бы закрученные вокруг ног. Эта деталь не привлекла бы особого внимания, если бы она не обнаружила удивительное сходство с войлочными «легинсами» черченского человека из Синьцзяна (Wayland Barber 1999: 65). По свидетельству Э. В. Барбер, на мумии мужчины обнаружено подобие штанов, сделанных из полос ярко раскрашенного войлока. С. А. Яценко также отмечает, что в греческой вазописи одежда персов воспроизведена неточно: «штаны и верхняя часть нераспашного сараписа обычно переданы слишком плотно облегающими тело на манер современной спортивной формы, чего мы никогда не встретим на собственно персидских изображениях» (Яценко 2006: 48). Греческая вазопись, вероятно, фиксирует этнографические особенности культуры восточных номадов, которые еще сохраняли свой

оригинальный покрой одежды. Оригинальный костюм степняка не сковывал движений и был удобен для кочевого образа жизни. Довольно скоро и западные народы оценили преимущества одежды восточных «варваров» — штаны.

Таким образом, исследования китайских археологов в Восточном Туркестане (Синьцзяне) позволили открыть новую страницу в изучении процессов влияния кочевников на развитие ближневосточных цивилизаций. Если прежде предполагалось движение раннескифских племен по степному евразийскому поясу, то теперь становится ясно, что кочевники двигались также из Южной Сибири на юг, в пределы Восточного Туркестана. Здесь они ассимилировали местное древнее европеоидное население и создали яркую культурную общность, вступившую, по всей вероятности, в контакты с населением Ближнего Востока. Наступающая аридизация климата заставила эту раннескифскую популяцию двигаться на запад в поисках более благоприятной экологической ниши. Здесь восточные кочевники использовали свои навыки конных военных действий, что создавало им на первых порах определенные конкурентные преимущества в столкновениях с местными воинскими подразделениями различных государств.

В итоге к началу I тыс. до н. э. на востоке евразийского степного пояса сформировались условия для появления на исторической арене принципиально новой социокультурной общности кочевников. Следует согласиться с В. М. Массоном, который считал, что возникновение кочевничества сопоставимо с формированием основ урбанизма и городской революции в зонах распространения культур ранних земледельцев (Массон 2003: 82, 94). Тем самым кочевничество начинает создавать новый вектор развития мировой цивилизации.

Баркова, Панкова 2005 — Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48–59.

Блаватский 1953 — Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М.: МГУ, 1953. 303 с.

Бессонова 1973 — Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев: Наукова думка, 1973. С. 243–252.

Васильев А., Васильев Д. 2011 — Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Каменные изваяния из окрестностей озера Ван // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 80-летию со дня рожд. Якова Абрамовича Шера. Кемерово: РИО Кемеровского ГУ, 2011. Вып. 25. С. 152–155.

Верман 2000 — Верман К. История искусства всех времен и народов. М.: АСТ, 2000. Т. 1. 944 с.

Гуляев 2004 — Гуляев В. И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. М.: Алетейя, 2004. 440 с.

Дандамаев 1963 — Дандамаев М. А. Отражение содержания Бехистунской надписи в труде Геродота // Краткие сообщения Института народов Азии (Иранская филология). М.: Восточная литература, 1963. Вып. 67. С. 190–192.

Дьяконов 1956 — Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л.: АН СССР, 1956. 488 с.

Дьяконов 1968 — Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 266 с.

Заика 2001 — Заика А. Л. Юго-восточные мотивы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Томск: Томский ГУ, 2001. С. 128–129.

Заика 2012 — Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // АЭАЕ. 2012. № 1 (49). С. 62–75.

Иванчик 1999 — Иванчик А. И. Современное состояние киммерийской проблемы: Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2. С. 71–77.

Иванчик 2001 — Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. 324 с.

Иванчик 2002 — Иванчик А. И. К вопросу о «переднеазиатских изображениях» евразийских кочевников // История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 102–117.

Иванчик 2005 — Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. 312 с. (Pontus Septentrionalis. III).

Киселёв 1960 — Киселёв С. В. Неолит и бронзовый век Китая // СА. 1960. № 4. С. 244–267.

Ковалёв 2000 — Ковалёв А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000. С. 138–179.

Ковалёв 2005 — Ковалёв А. А. Чемурчекский культурный феномен // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2005. С. 178–184.

- Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2009. 264 с.
- Куликан 2002 — *Куликан У.* Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. М.: Центрполиграф, 2002. 223 с.
- Кызласов, Панкова 2004 — *Кызласов Л. Р., Панкова С. В.* Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения ГЭ. 2004. Вып. 62. С. 61–67.
- Латышев 1947 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 233–315.
- Леонтьев и др. 2006 — *Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 240 с.
- Леус 2007 — *Леус П. М.* Каменные стелы из Хаккари (Турция) и некоторые параллели к ним // АВ. 2007. № 14. С. 56–61.
- Литвинский 1966 — *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии. (К проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. 1966. № 4. С. 51–69.
- Луконин 1977 — *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Магидович И., Магидович В. 1982 — *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий: В 5-ти т. М.: Просвещение, 1982. Т. 1. 447 с.
- Массон 2003 — *Массон В. М.* Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек: Илим, 2003. 158 с.
- Медведская 2010 — *Медведская И. Н.* Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.): история Мидийского царства. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 264 с.
- Окладников 1971 — *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 329 с.
- Окладников, Мартынов 1972 — *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 296 с. (Памятники древнего искусства).
- Окшотт 2004 — *Окшотт Э.* Археология оружия от бронзового века до Ренессанса. М.: Центрполиграф, 2004. 399 с.
- Ольховский 2005 — *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 300 с.
- Ольховский, Евдокимов 1994 — *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: Метео, 1994. 188 с.
- Палефат 1988 — *Палефат.* О невероятном / Пер. и ком. В. Н. Ярхо // ВДИ. 1988. № 3. С. 216–237.
- Пугаченкова 1971 — *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. 202 с.
- Савинов, Членова 1980 — *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 3–12.
- Соколова 2012 — *Соколова Л. А.* Саянский блок археологических культур как индикатор кросс-культурного взаимодействия // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающ. рос. археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 2. С. 229–236.
- Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Хулткрантц 1994 — *Хулткрантц А.* Доисторические религии // Белфакс — Религии мира. Oxford, England: Lion Publishing Sandy Lane Wesl., 1994. С. 22–30.
- Шульга 2010 — *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во Алтайского ГТУ, 2010. 238 с.
- Яценко 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Яценко 2011 — *Яценко С. А.* Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы Междунар. конф. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 109–113.
- Mair 2006 — *Mair V. H.* The discovery and complete excavation of Ördək's necropolis // JIES. 2006. Vol. 34, no. 3/4. P. 273–318.
- Marconi 2011 — *Marconi C.* Temple decoration and cultural identity in the archaic Greek world: The Metopes of Selinus. New York: Cambridge University Press, 2011. 370 p.
- Sevin 2000 — *Sevin V.* Mystery stelae // Archaeology. 2000. No. 7/8. P. 46–51.
- Sevin 2005 — *Sevin V.* Hakkâri Taşları (Çıplak Savaşçıların Gizemi). İstanbul: Yapı Kredi Yayıncılık, 2005. 148 s.
- Vassilkov 2011 — *Vassilkov Y.* Indian «hero-stones» and the earliest anthropomorphic stelae // JIES. 2011. Vol. 39, no. 1/2. P. 194–229.
- Wayland Barber 1999 — *Wayland Barber E. J.* The mummies of Urumchi. London: Macmillan. 1999. 240 p.

Anthropomorphous stelae from Hakkâri (Southeastern Turkey) in a historical context

L. A. Sokolova

The paper deals with the origin of the Hakkâri stelae, discovered in 1999 in the town of the same name in the southeast of Turkey (fig. 1). The Hakkâri stelae are stone slabs bearing anthropomorphic images. Most of them were erected in the honor of chiefs, since the depicted persons are shown fully armored, with ceremonial axes, daggers, bows, etc. (fig. 2). V. Sevin, who became the first who studied the stelae, failed to find any analogies in the Near East and attributed them to the Scythian circle. However, nor such finds are known in the Black Sea steppes. The figures on the stelae are depicted naked, but wearing various headgears, some of which find analogies in Central Asia and the Near East (fig. 3, *A*). In addition, the stelae bear depictions of small human figures in shoes with turned-up toes (fig. 3, *B–B*). The heroes on the stelae are armed with the daggers, which were widely distributed in both Europe and the Near East during the period of the Bronze to Iron Age transition (fig. 4). They also bear eared axes with differently shaped butts, having analogies among the bronzes of Luristan (fig. 5, *A*). Five steles seem to represent ornamented leather quivers. The quiver on stele 10 contains bilobate arrows with lowered barbs, similar to that known in the materials of the Chauhu culture of Xinjiang (fig. 5, *B*). Each of the depicted persons holds an object that appears to be an empty waterskin (fig. 5, *B*), symbolizing the idea of the posthumous feast of the hero. The bow depicted on stele 12 has a close parallel in the materials from Scythian barrow No. 2 («Three Brothers» group) near Kerch (East Crimea) (fig. 6, *B*). In the author's opinion, the small figure of a rider on stele 10 (fig. 6, *A*), which cannot predate the VIII c. BC, allows to solve the question about the age of the stelae. The fact that the depicted persons lack beards and mustaches makes us to pay attention to the Attic vase painting and small plastics, which are abundant in images of beardless warriors dressed in the Scythian type clothes (fig. 6, *B*). The figure depicted on the so called vase François bears the inscription «Cimmerian». Thus, the cumulative evidence shows, that the persons depicted on the Hakkâri stelae were related to the steppe zone of Eurasia, possibly to Cimmerians. One of the most convincing signs of their northern origin is the iconography of their faces of the first row stelae. Of special importance are so called heart-shaped mask-faces. In North Asia the evolution of this tradition can be traced in detail from the Neolithic (Far East) through the Bronze Age (Xinjiang) (fig. 7). Recently a number of Scythian-type cemeteries have been found in Eastern Turkestan, where they date from the period between 1100–500 BC. The materials of these cemeteries (type of the Chauhu culture) have analogies in Asia Minor and may prove to be prototypes of some of the local antiques of the Scythian type (fig. 8–10). One has to agree with V. M. Masson, who believed that the emergence of pastoral nomadism was a phenomenon of the same magnitude as the formation of urbanism and urban revolution in the early farming zone. Effectively, nomadism started to create a new vector in the development of world civilization.

Керамические находки из храма Сийāна в Западном Хадрамауте (Райбун VI)¹

Ю. А. Виноградов

Ключевые слова: цивилизация Юга Аравии, Райбунский оазис, храм Сийāна, керамические находки.
Keywords: civilization of South Arabia, Raybūn oasis, temple of Siyāna, ceramic finds.

Одним из крупнейших древних земледельческих оазисов Юга Аравии (конец II–I тыс. до н. э.) является *wadi* Дау'ан, т. е. западный приток *wadi* Хадрамаут. Вокруг главного городища оазиса (Райбун I) располагалась серия небольших поселений, храмовых комплексов, некрополей и т. д. (Седов 1996; 2005: 214 сл.). Руины одного из храмов, обозначенные как Райбун VI, находятся приблизительно в 700 м к северо-западу от центрального городища; раскопки здесь были проведены в 2004 г. Российской археологической миссией в республике Йемене (Седов 2005: 234, 237, рис. 130; Седов и др. 2005: 385–400; Sedov 2005: 107–109). Как было выяснено, храм располагался на высокой каменной платформе Т-образной в плане формы. Эпиграфические находки показывают, что он был посвящен богу Сийāну, т. е. «федеральному» хадрамаутскому божеству (Седов и др. 2005: 396–399; см. также: Французов 2012: 91–95, 100–103). Следует отметить, что обломков каменных надписей здесь было обнаружено великое множество (Frantsouzoff, Prioletta 2013: 91–101). Все прочие вещественные находки, происходящие из руин храма, не очень многочисленны.

Это относится даже к керамике, обычно доминирующей на поселениях оазиса. В общей сложности при раскопках Райбуна VI было обнаружено всего 288 фрагментов различных керамических сосудов. Все они принадлежат местным типам; ни единого импортного керамического предмета не зафиксировано. Райбунская керамика к настоящему времени изучена сравнительно неплохо — установлен ее типологический состав и общие закономерности развития на протяжении тысячи лет (Виноградов 1996: 73–76, 78–80, 82–83; Седов 2005: 65 сл.). С самого начала жизни в земледельческом оазисе посуда изготавливалась на гончарном круге; в керамическом тесте в качестве примеси использовался толченый камень, а также большое количество органических материалов (рубленая солома и пр.). В результате выгорания органики при обжиге сосудов структура черепка приобретала рыхлую, пористую структуру, а наружная поверхность многих сосудов (в особенности крупных по размерам) становилась весьма грубой. Значительная часть керамики имела кольцевые поддоны (рис. 1, 3; 2, 8; 4, 5), весьма типичны также донья округлых очертаний с выступом-вмятиной в центральной части (ср. Виноградов 1996: 285, табл. LVII, 13, 15, 16; 2004: 159, рис. 1, 1–2; 3, 18, 23).

На первый взгляд весь этот материал не имеет ничего особенного, представляя обычный набор типичной для памятников Райбунского оазиса бытовой керамики. К нему, однако, стоит присмотреться повнимательней. При исследовании комплекса райбунской посуды правомерно выделять не только функциональные группы (столовая, кухонная посуда, сосуды для хранения и пр.), но и членить фрагменты по толщине черепка: тонкостенная — до 0,5 см, средняя — 0,5–1 см, толстостенная — более 1 см (Виноградов, Ба Махрама 1995: 109; Виноградов 1996: 73–74; 2004: 151). Если проанализировать по этому принципу находки из храма Сийāна, то 55,2 % керамического комплекса приходится на обломки сосудов, которые можно признать столовыми (15,6 % принадлежат тонкостенным сосудам, 39,6 % — сосудам со средней толщиной стенок), 44,1 % относится к крупным толстостенным сосудам (т.н. *зирам*) и всего 0,7 % — к кухонным. Эта статистическая картина сильно отличается от соотношения керамических находок, зафиксированного в жилых

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта INTAS 05-100008-8067 «Religions of pre-Islamic Arabia in the Middle Eastern Context».

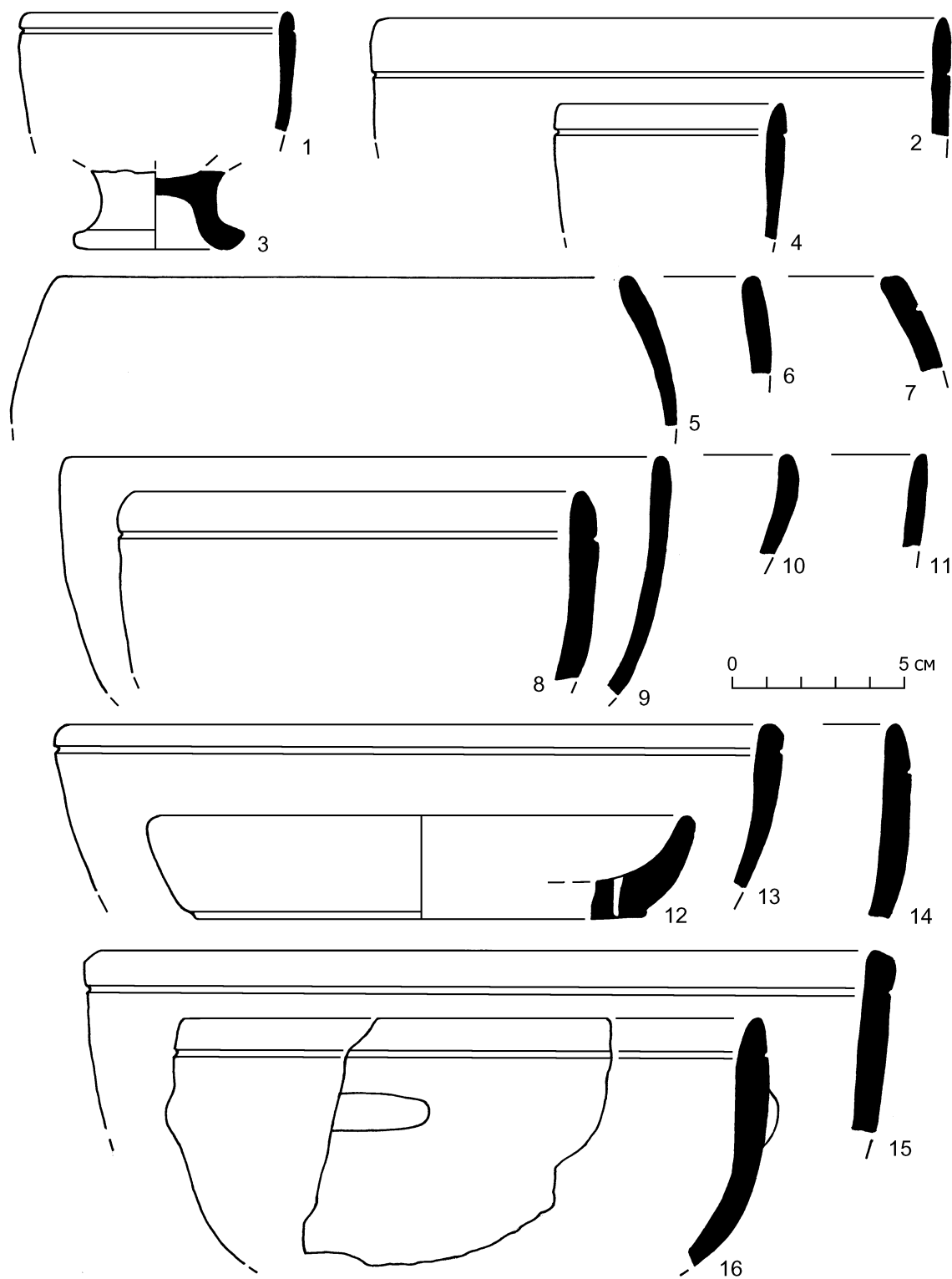

Рис. 1. Райбун VI, керамические кубки и миски
Fig. 1. Raybūn VI, ceramic beakers and bowls

комплексах Райбуна. Там кухонная керамика составляет от 14 до 17 %, а доля зиров не превышает 35 % (Виноградов 1996: 74, табл. I). С другой стороны, она близка картине, зафиксированной во время исследования храма богини Зат Химйам — Райбуна V (Виноградов 2004: 152, табл. I). Там кухонная керамика тоже составляет ничтожный процент (1,9 %), доминируют же обломки толстостенных сосудов (49 %). Близость двух названных храмовых памятников по составу керамического комплекса чрезвычайно показательна, что свидетельствует о важности дальнейшего изучения райбунской керамики по заданным критериям².

Среди тонкостенной керамики выделяется группа кубков с вертикально поставленными стенками, непрофилированным краем и резной горизонтальной линией под ним. Поверхность таких кубков покрыта красным лощением неплохого качества (рис. 1, 1, 2, 4). Вероятно, к этим сосудам относится миниатюрный поддон, покрытый подобным красноватым лощением (рис. 1, 3). В остальном тонкостенная посуда представлена фрагментами мисок, стенки которых могут быть поставлены вертикально или же несколько загнуты внутрь (рис. 1, 5–7, 9, 11), а также, гораздо реже, отогнуты наружу (рис. 1, 10). Орнаментация мисок весьма скудна, она сводится лишь к горизонтальной резной линии под краем.

Столовая керамика со средней толщиной стенок характеризуется теми же типами мисок, что и тонкостенная (рис. 1, 8, 13–16). Всего один обломок имеет украшение в виде овального налета под краем (рис. 1, 16). Весьма интересна также находка части неглубокой миски, на дне которой по сырой глине были сделаны проколы (рис. 1, 12). Почти нет сомнения, что эта миска служила цедилкой.

Некоторые миски имеют толщину стенок около 0,75 см, но и они повторяют уже названные типы — с вертикальными стенками или со стенками, слегка загнутыми внутрь (рис. 2, 1–5; 3, 1–2). Орнаментация их сводится к резной горизонтальной линии под краем, в редчайших случаях этих линий нанесено две (рис. 2, 2); столь же редок орнамент в виде волнистых линий по тулову (рис. 2, 5). Уникален фрагмент миски, украшенной горизонтальным валиком, поверх которого имеется округлый налет (рис. 2, 1).

Обычными в комплексе находок из храма Сийāна предстают сосуды с округлыми стенками, сужающимися к краю (рис. 3, 1–5). Некоторые из них имеют край, слегка оттянутый вверх. На одном из фрагментов такой оттянутый край отличается черным цветом, выделяющимся на красноватом фоне поверхности тулова (рис. 3, 4). Такой цвет явно образовался при обжиге сосуда, но трудно судить, было ли это сделано специально или же произошло случайно. Следует отметить, что сосуды округлой формы с подобной профилировкой края характерны для позднего этапа развития райбунской керамики (ср. Виноградов 1996: 74, табл. LVII, 22–25; 2004: 159, рис. 3, 19, 20; 160, рис. 4, 7–8).

На некоторых сосудах толщина стенок увеличивается к краю, который благодаря этому приобретает очертания, напоминающие профилировку толстостенных сосудов (рис. 2, 6; ср. рис. 4, 1–2). Во время раскопок на Райбуне VI был найден фрагмент края сосуда, который можно назвать миниатюрным *зиром* (рис. 2, 7). Ниже будет сказано, что на *зирах* по верхней грани края часто наносились буквы, штампованные или прочерченные по сырой глине (см. рис. 4, 6). На рассматриваемом фрагменте по краю сверху нанесен орнамент в виде завитков.

Среди толстостенной керамики встречаются обломки сосудов, которые можно определить как керамические тазы, но господствующей формой в этой категории, безусловно, являются *зиры*, т. е. крупные керамические «бочки», предназначенные для хранения различной сельскохозяйственной продукции (зерна, фиников и т.д.). В их составе можно выделить два основных типа. Первый — крупные сосуды с почти вертикальными стенками, несколько отогнутыми внутрь, толщина которых слегка увеличивается к непрофилированному краю (рис. 4, 1–2). Они, как правило, имеют горизонтальный валик с внешней стороны. На сосудах, выделяющихся относительным обилием орнаментации, этот валик украшен пальцевыми вдавлениями, а под краем проведены горизонтальная и волнистая линии (рис. 4, 1).

² Необходимо отметить, что при раскопках храма Зат Химйам (Райбун V) была открыта так называемая трапезная, керамический комплекс которой отличается значительным своеобразием. Пищу для общественных трапез, в основном, приготавливали в довольно крупных открытых сосудах типа тазов, и доля кухонной посуды составляет в этом комплексе 13,4 %, зир же относительно малочисленны — 20,1 % (Виноградов 1994: 90–91; 2004: 154, табл. II; Sedov, Vinogradov 2007: 20).

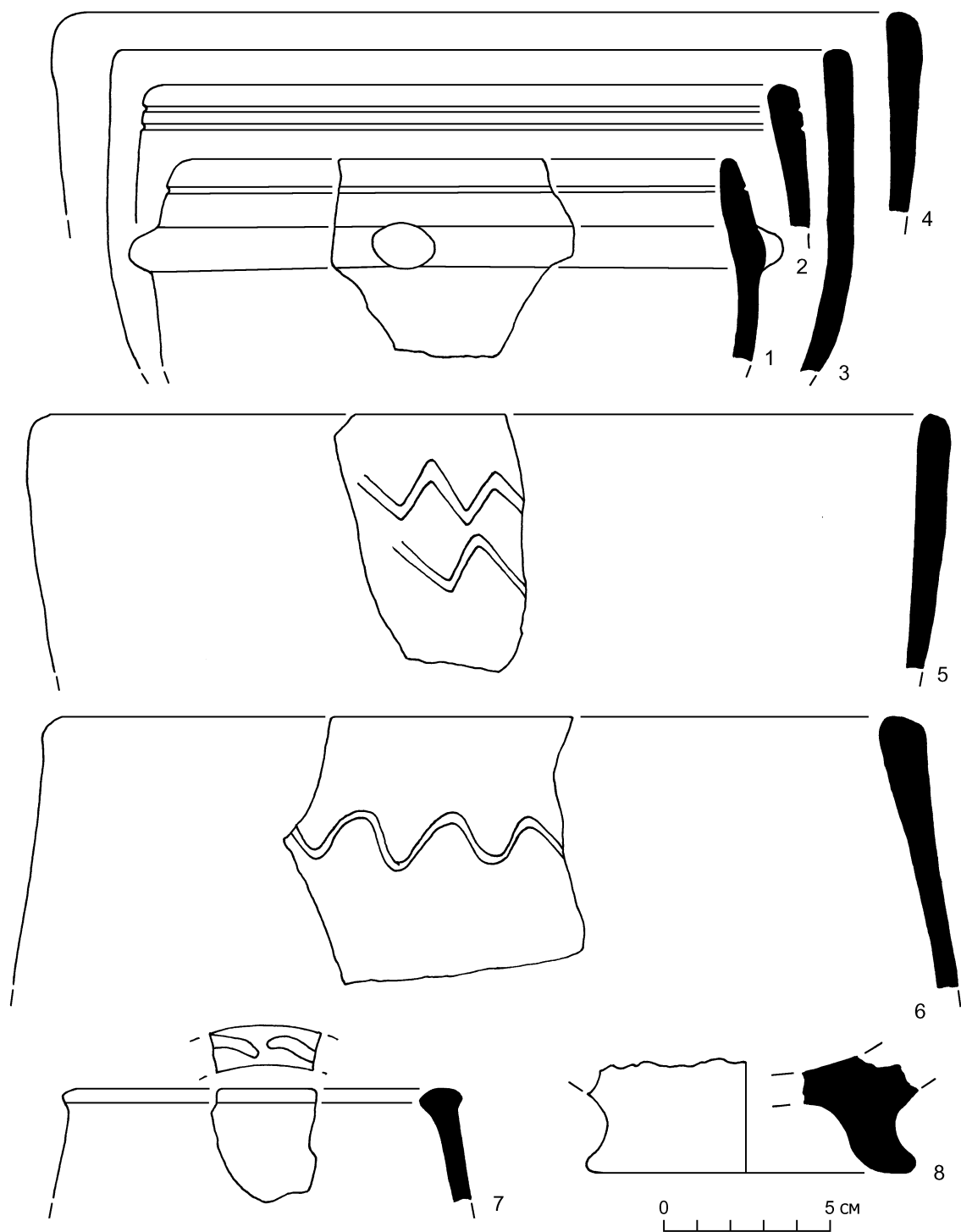

Рис. 2. Райбун VI, столовая керамика
Fig. 2. Raybūn VI, tableware

Второй тип зиров отличается краем, заметно оттянутым внутрь, отчего тот на многих экземплярах приобретает «клювовидные» очертания. Среди находок с Райбуна VI имеются фрагменты как с относительно слабо выраженной «клювовидностью» (рис. 4, 3–4), так и вполне развитые формы этого типа (рис. 4, 6). На широком крае таких сосудов сверху часто прочерчивались или штамповались буквы. Этот тип имеет предшественников в более ранние времена, но является очень типичным для позднего этапа развития культуры райбунского оазиса (ср. Виноградов 1996: 282, табл. LVIII, 19–23; 2004: 157, рис. 1, 37–39; 161, рис. 5, 15–18; 162, рис. 6).

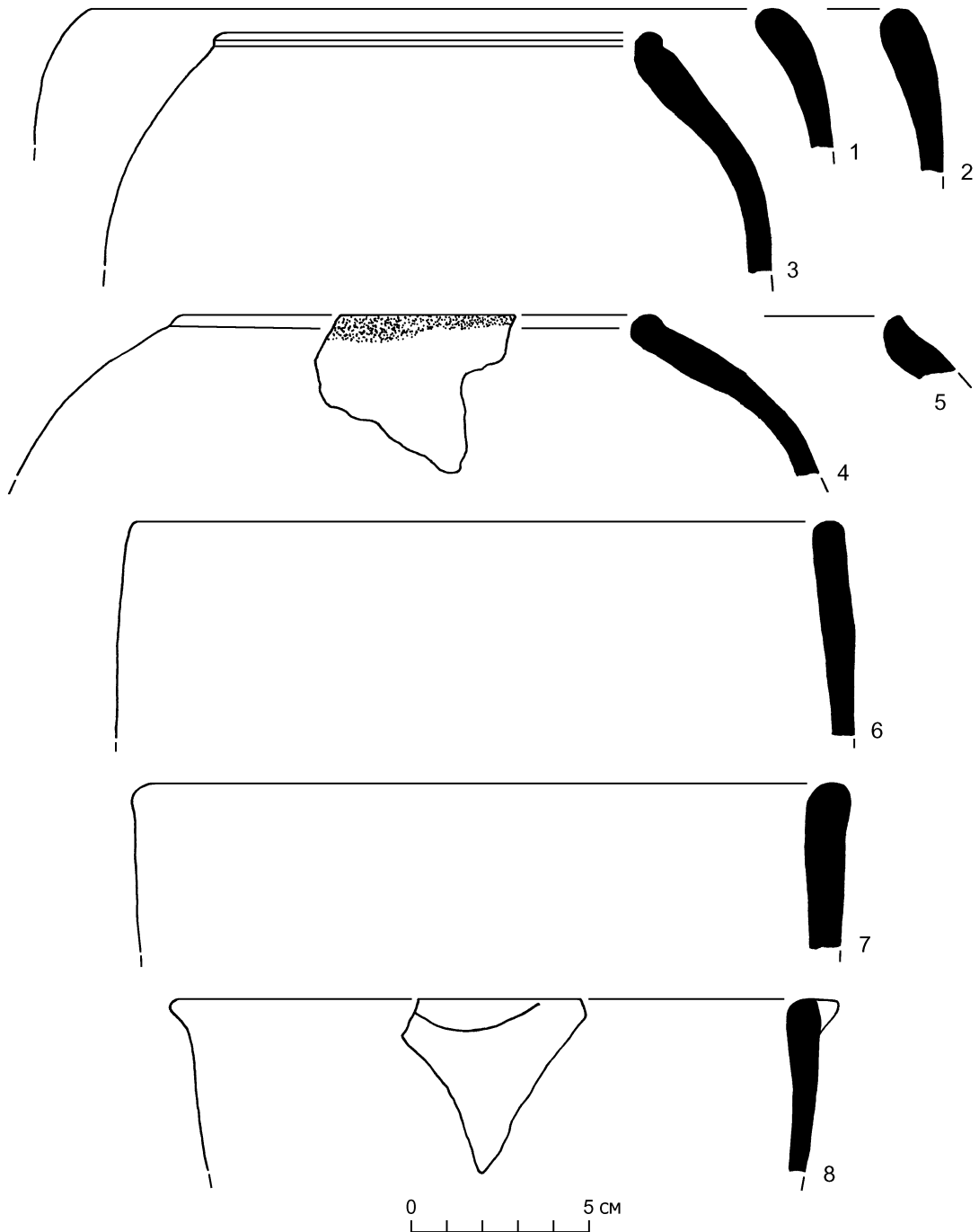

Рис. 3. Райбун VI, столовая (1–5) и кухонная (6–8) керамика
Fig. 3. Raybūn VI, tableware (1–5) and kitchenware (6–8)

В наборе райбунской керамики, предназначенной для хранения продуктов, имеется еще один тип *зиров* — крупные горшковидные сосуды с зеленоватой, мелкопористой керамической массой. *Зиры* этого типа характерны исключительно для позднего этапа развития керамики Райбуна (см. там же: 76, 282, табл. LVIII, 12–18; 2004: 157, рис. 1, 28, 29; 158, рис. 2). В наборе керамики, происходящей из раскопок храма Сийāна, такие находки практически отсутствуют; очень редки даже фрагменты стенок, по структуре теста напоминающие эти сосуды. Данное обстоятельство имеет немалое значение, поскольку позволяет более определенно судить о времени функционирования культового комплекса.

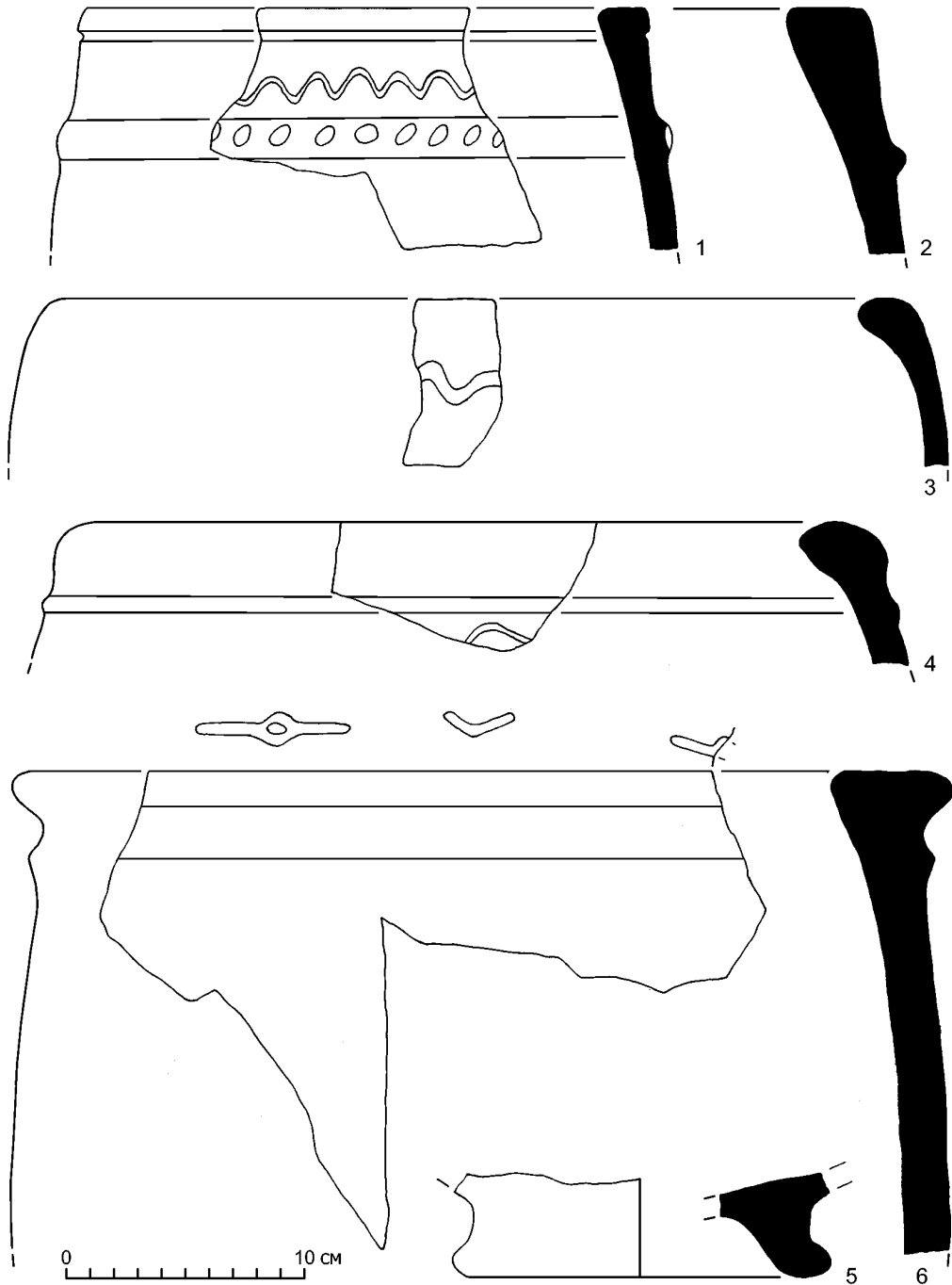

Рис. 4. Райбун VI, толстостенная керамика
 Fig. 4. Raybūn VI, thick-walled pottery

Несмотря на мизерное количество кухонной керамики, несколько слов следует сказать и об этой функциональной группе. Райбунские керамические кастрюли отличаются весьма своеобразной, плотной структурой теста, которая отчасти напоминает камень. Типология таких сосудов тоже выделяет их из общей массы — круглое дно, вертикальные стенки и непрофилированный край, под которым с четырех сторон делались налепы-ушки (рис. 3, 6–8). На позднем этапе развития эти ушки срезались по одному уровню с краем (см. там же: 281, табл. LVII, 34–36; 2004: 160, рис. 4, 4–5). Именно такие очертания имеет налуп на единственном фрагменте подобного типа, найденном в храме Сийāна (рис. 3, 8).

В отношении кухонной керамики, обнаруженной на Райбуне VI, следует сделать очень важную оговорку. Ни на одном из фрагментов посуды этой категории стенки не закопчены, что отличает их от керамических кастрюль, происходящих из жилых комплексов. Данное обстоятельство позволяет считать, что кастрюли здесь не использовались по прямому назначению, а возможно, являлись приношениями в храм или выполняли какую-нибудь иную функцию.

Анализ керамических находок из храма Сийāна позволяет считать их вполне типичными для райбунских храмовых комплексов как по своему составу, так и по количественному соотношению различных групп посуды. Наиболее характерные находки, прежде всего зирьы, позволяют уверенно судить, что керамика относится к позднему этапу развития райбунской посуды. Необходимо отметить, правда, что в комплексе отсутствуют некоторые характернейшие для этого времени керамические формы: миски с косо срезанным краем, горшковидные столовые сосуды (ср. Виноградов, Ба Махрама 1995: 104, рис. 1, 1, 3, 4, 9; Виноградов 1996: 281, табл. LVII, 6–8, 12, 14; 27–29; 2004: 159, рис. 3, 4, 10, 11; 24), а также, как уже говорилось, горшковидные зирьы.

Данное обстоятельство вряд ли следует относить к разряду случайностей. Его, скорее, можно считать хронологическим индикатором для определения времени функционирования комплекса. Предварительный анализ находок позволил предположить, что Райбун VI был сооружен в IX–VIII вв. до н. э. и просуществовал вплоть до конца I в. до н. э., когда и был разрушен вместе с другими поселениями и храмами древнего оазиса Райбун (Седов и др. 2005: 393). Специальное изучение керамических находок позволяет скорректировать этот вывод и сделать предположение, что храм Сийāна прекратил свое существование на позднем этапе развития Райбуна, но все-таки ранее полного запустения оазиса. Скорее всего, храм был по каким-то причинам оставлен сравнительно рано, когда названные типы сосудов (миски с косо срезанным краем, горшковидные столовые сосуды и горшковидные зирьы) еще не появились или, по крайней мере, не вошли в широкий обиход.

Виноградов 1994 — Виноградов Ю. А. Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V) // АВ. 1994. № 3. С. 88–95.

Виноградов 1996 — Виноградов Ю. А. Археологические исследования на участке Здания 6 // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М.: Восточная литература, 1996. С. 68–84 (Тр. СоЙКЭ. Т. 2).

Виноградов 2004 — Виноградов Ю. А. Керамические находки из раскопок храма Зат Химьям в Западном Хадрамауте // Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии: Сб. научных статей в честь 60-летия М. Б. Пиотровского. М.: Восточная литература, 2004. С. 151–164.

Виноградов, Ба Махрама 1995 — Виноградов Ю. А., Ба Махрама М. А. Опыт сравнительного анализа керамических комплексов Здания 6 и Участка I на городище Райбун I // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М.: Восточная литература, 1995. С. 103–111 (Тр. СоЙКЭ. Т. 1).

Седов 1996 — Седов А. В. Райбун — комплекс археологических памятников в низовьях вадии Дау'ан // Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.). М.: Восточная литература, 1996. С. 19–30 (Тр. СоЙКЭ. Т. 2).

Седов 2005 — Седов А. В. Древний Хадрамаут: Очерки археологии и нумизматики. М.: Восточная литература, 2005. 528 с. (Тр. Российской археологической миссии в Республике Йемен. Т. 3).

Седов и др. 2005 — Седов А. В., Виноградов Ю. А., Французов С. А. Новый храм Сайина в Райбунском оазисе (раскопки 2004 г.) // Arabia Vitalis. Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: Сб. статей, посвящ. 60-летию В. В. Наумкина. М., 2005. С. 385–400.

Французов 2012 — Французов С. А. К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э. СПб.: Нестор-История, 2012. 324 с.

Frantsouzoff, Prioletta 2013 — Frantsouzoff S., Prioletta A. Sur le nom du temple du dieu Siyān dégagé à Raybūn // Raydān. Reveu des antiquités et de l'épigraphie du Yémen. 2013. Vol. 8. P. 91–101.

Sedov 2005 — *Sedov A. V. Temples of Ancient Hadramawt. Arabia Antica. 3. Pisa: Edizioni Plus — Pisa University Press, 2005. 264 p.*

Sedov, Vinogradov 2007 — *Sedov A. V., Vinogradov Ju. A. Le temple Kafas/Na'mān (Raybūn V): description archéologique // Frantsouzoff S. Raybūn Kafas/Na'mān, temple de la Dhāt Himyam. Paris; Rome, 2007. P. 15–25 (Inventaire des inscriptions Sudarabiques. T. 6).*

Ceramic finds from the Temple of Siyāna in Western Hadramaut (Raybūn VI)

Yu. A. Vinogradov

The farming oasis of Raybūn in the south of Yemen (late II–I millennium BC) was one of the main objects studied by the Soviet-Yemen (then Russian-Yemen) Complex Expedition. The Temple of Siyāna was excavated in 2004. While the ceramic finds from the temple are not numerous, they are meaningful and informative. In its composition the temple pottery is quite analogous to the materials from residential assemblages, but quantitative parameters of some of its functional groups are very special. Fragments of tableware make about 55 % of all ceramic objects (a similar percentage is characteristic for the residential assemblages), fragments of thick-walled vessels, designed for storage of various food products, make almost 44 % (this is much more than in the dwellings), while fragments of kitchenware are extremely rare (less than 1 %). As we can see, the ceramic finds enable us to better understand some peculiarities in the functioning of the Raybūn temples.

Российские археологи на Кипре

В. А. Горончаровский

Ключевые слова: *Кипр, эллинистическая маслодельня, сельское святилище Аполлона II–IV вв. н. э.*
Keywords: *Cyprus, Hellenistic olive oil production workshop, rural sanctuary of Apollo of the II–IV cc. AD.*

«Кипр же остров велик велми, и множество в нем людей, и обилен же есть всем добром, и суть бо епископий в нем 24, а все митрополия едина. И святых ту много без числа лежит» (Путешествие игумена Даниила... 1864: 148), — так описывал свои впечатления от посещения этого благословенного места около 1106 г. игумен Даниил — первый паломник из Руси в Святую Землю. Это событие положило начало русско-кипрским духовным связям. И в дальнейшем внимание паломников и путешественников из далекой северной страны привлекали прежде всего многочисленные христианские святыни (см., например, Странствия Василия Григоровича-Барского 1886: 241–334). К ним было обращено и внимание первых представителей российской науки, ознакомившихся с древностями острова. Так, осенью 1895 г. на Кипре побывал известный археолог и историк искусства Я. И. Смирнов (1869–1918), который детально обследовал сохранившиеся здесь византийские мозаики с изображением Богоматери. В частности, в деревне Кити близ Ларнаки он провел детальную фотосъемку златофонного мозаичного убранства конца VI в. церкви Панагии Ангелоктистос и подробно описал его. Другим объектом стала церковь Панагии Канаكريи VII в. на полуострове Карпасия (Смирнов 1897: 27–65). Это было одно из первых исследований, предпринятых по инициативе только что основанного в Константинополе Русского археологического института. Позже туда поступили заказанная Комитетом попечительства о русской иконописи акварельная копия мозаики апсиды и архитектурные чертежи здания, сделанные художником Н. К. Ключе в 1907 г. (Шмит 1911: 206 сл., табл. I–IX). Тогда же в музеях Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы появляются небольшие, но достаточно представительные коллекции кипрских древностей (керамика, терракотовые статуэтки, каменная скульптура, изделия из стекла, древние монеты), переданные от дарителей, или после 1917 г. — в составе национализированных частных собраний (Karageorghis 2005).

Новый этап в развитии научных и культурных связей с Кипром связан уже с периодом после обретения островом независимости (Сидорова 1963), десятилетняя годовщина которой в 1970 г. была отмечена великолепной выставкой «Сокровища Кипра», демонстрировавшейся в Эрмитаже и Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Коровина, Сидорова 1977). На ней были представлены памятники искусства начиная с периода неолита до XVI в., а также народное творчество XIX–XX вв.

Идея привлечения российских ученых к изучению культурного наследия Кипра непосредственно на острове родилась в 2006 г., в 900-летнюю годовщину установления первых русско-кипрских контактов. С такой инициативой выступила «Филия» — Ассоциация культурного и делового сотрудничества и дружбы между народами России, Греции и Кипра. Два года спустя впервые в истории российской археологии начала свою работу Кипрская экспедиция ИИМК РАН. Предложенный кипрской стороной для изучения археологический памятник находится в 2,5 км к СВ от деревни Аногира (рис. 1, 1). Впервые это место под названием «Влю», где на достаточно небольшом пространстве можно видеть мощные развалы камней от строительных остатков античного периода, привлекло внимание археологов около 70 лет назад, когда тут были найдены две известняковые статуи (Аполлон и женская фигура). Здесь же находился издавна популярный у местного населения объект — торчащий из земли на 2,22 м вверх

Рис. 1. 1 — карта Кипра с обозначением местонахождения дер. Аногира (округ Лимасол); 2 и 3 — общий вид и спутниковая фотография района Аногира-Влю
Fig. 1. 1 — map of Cyprus showing the location of the Anogyra village (Limassol district); 2 and 3 — general view and a satellite photograph of the Anogyra-Vlou area

массивный вертикально установленный камень с прорубленным в нем отверстием ($0,9 \times 0,26$ м)¹, в котором когда-то крепился брус пресса для выдавливания оливкового масла².

На первом этапе проекта (2008) проводилась только археологическая разведка на стыке являющихся частными владениями участков № 179, 190, 345 и 346 по кадастровой карте. Ее целью было уточнение границ и хронологии памятника, оценка степени его сохранности и сбор подъемного материала. Предварительно на основании случайных находок и сохранившихся в Аногира-Влю строительных остатков предполагалось, что здесь находилось сельское святилище Аполлона с производственным комплексом для изготовления оливкового масла.

Обнаруженные остатки двух построек находятся на естественной террасе (высота около 514 м), обращенной в сторону моря. Ее северо-восточный край имеет крутой склон. На протяжении 7,2 м склон укреплен подпорной стеной, сложенной на одно лицо из грубо обколотых камней размерами от $0,33 \times 0,21 \times 0,18$ м до $0,56 \times 0,25 \times 0,12$ м. На севере участка граничит с небольшим скалистым плато, на западе — пашня с посадками рожковых деревьев. Общая площадь распространения выявленного культурного слоя составила около 0,5 га. Среди собранных на поверхности находок можно отметить, с одной стороны, обломок известняковой плиты с буквами кипрского силлабического письма, вышедшего из употребления к концу IV в. до н. э. (ср.: Mitford 1971: 395, tabl. 6), и медную монету египетского царя Птолемея II (285–246 гг. до н. э.) [Av: голова Зевса-Аммона вправо; Rv: Орел на молнии, надпись [ΠΤ]Ο[ΛΕΜ]ΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩ[Σ]] (Svoronos 1904: № 708), с другой — фрагменты орнаментированных пифосов IV в. н. э. (ср.: Waage 1933: 293 ff.; Hayes 1983: 156, fig. 26, 93; Paraschiv 2002).

Таким образом, был сделан вывод, что период функционирования этого археологического памятника насчитывает около 700 лет, а причиной его гибели, скорее всего, стало разрушительное землетрясение 365 г., практически уничтожившее расположенный в 16 км к ЮВ город Курион (Горнчаровский 2012).

Дополнительным результатом археологической разведки в окрестностях Аногира-Влю стало открытие в 700 м к ЮЗ поселения и некрополя римского времени (рис. 1, 2). Здесь также можно было видеть на поверхности земли скопления камней, остатки стен и вымосток, обломки керамики III–IV вв. Погребальные комплексы представлены вырубленной в скале катакомбой с небольшим ступенчатым дромосом. По словам местных жителей, около 100 лет назад здесь нашли набор прозрачных стеклянных сосудиков с тонким вытянутым горлом (бальзамариев?) и поэтому решили, что тут была древняя «аптека». В любом случае такая находка тоже указывает на период первых веков новой эры, что позволяет сделать вывод, что открытое нами поселение синхронно финальной стадии существования комплекса Аногира-Влю.

За период раскопок 2009–2012 гг. здесь вскрыто около 500 м² (рис. 2). В результате удалось установить, что в III–I вв. до н. э., когда остров был частью Египетского царства Птолемеев, на этом месте находилась мастерская по производству оливкового масла, разрушенная в результате мощного подземного толчка. Отсюда большое количество специфических каменных деталей, вторично использованных при возведении позднее на этом месте здания сельского святилища. От связанных с маслодельней сооружений уцелела прямоугольная выемка в скале ($3,44 \times 1,24$ – $1,29$ м, глубина 0,9 м), где лежала огромная каменная гирия весом около 2,8 т ($1,26 \times 0,98 \times 0,96$ м). Во время финального для существования производственного комплекса землетрясения она была смещена относительно центральной оси выемки (рис. 3, 1). К сожалению, с датой этого события, помимо весьма незначительного количества непрофилированных фрагментов красноглиняной керамики из заполнения выемки, можно соотнести только мелкий обломок позднеэллинистического рельефного сосуда с орнаментом в виде плюща.

Сохранившиеся на поверхности гири продольные и вертикальные вырубы предназначались для специальной рамы, на которую крепился рычажно-винтовой механизм пресса для

¹ Согласно старой кипрской традиции такие камни, а их известно около пятидесяти, приносят счастье любому, кто сможет пролезть через их своеобразное «окно».

² В 1992 г. этот монолит без указания датировки был включен в каталог подобных объектов на Кипре (Hajisavvas 1992: 102, fig. 187, 212c). В 0,36 м ниже отверстия на его видимой южной грани имеется небольшая вертикально ориентированная прямоугольная ниша ($0,27 \times 0,26$ м при глубине 0,15 м), а в верхней части камня — небольшая ниша с полукруглым завершением ($0,23 \times 0,13$ м, глубина 0,04 м) и по сторонам два круглых углубления диаметром 0,11–0,12 м.

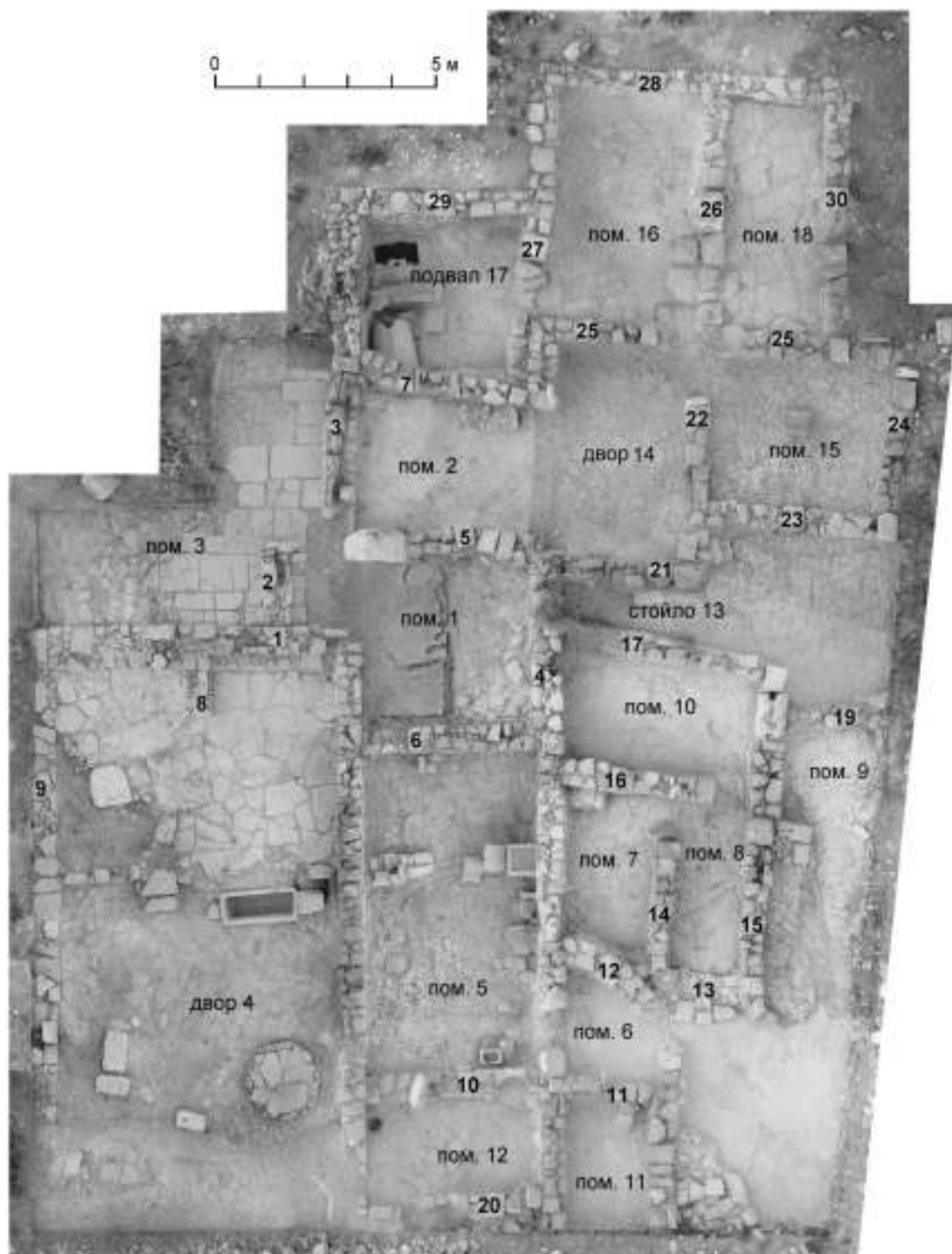

Рис. 2. Фотоплан раскопок на территории археологического памятника Аногира-Влю
Fig. 2. Photographic plan of the Anogyra-Vlou excavations

Рис. 3. Аногира-Влю: 1 — остатки эллинистической мастерской для производства оливкового масла, вид с С; 2 — нижняя часть статуи в виде задрاپированной женской фигуры

Fig. 3. Anogyra-Vlou: 1 — remains of the Hellenistic olive oil production workshop, view from the north; 2 — the basal part of the statue representing a draped woman

отжима оливок. Важным элементом его являлся большой деревянный брус, применявшийся в качестве рычага. Этот брус вставлялся в отверстие уже упоминавшегося каменного блока, расположенного на расстоянии 3,08 м от гири. Расчистка основания монолита показала, что его общая высота составляет 2,6 м при ширине 0,94 м и толщине 0,42 м³, а вес, таким образом, достигает по меньшей мере 2,4 т. Вероятно, комплекс по изготовлению оливкового масла включал как минимум еще два пресса меньших размеров. Об этом можно судить по вторично использованной в кладке позднеримского времени гире размерами 1,02 × 0,68 × 0,68 м (вес около 1 т) и найденной среди упавших камней на склоне прямоугольной гире размерами 1,32 × 0,42 × 0,36 м весом около 0,5 т.

С непосредственным отжимом плодов связана найденная такая деталь пресса, как тарапан — плоская почти квадратная каменная плита размерами 0,81 × 0,78 × 0,12 м. В центре она имела круглую платформу диаметром 0,56 м, выделенную узким каналом 3–4 см глубиной и сливом в одном углу. Эта деталь была вторично использована для мощения двора. Ближайшей аналогией в данном случае является вторично использованный тарапан из Лимасола, относящийся к позднеэллинистическому или раннеримскому периоду (ср.: Hajisavvas 1992: 55, fig. 93, 105).

Упомянутый вертикальный камень пресса маслодельни после ее разрушения остался *in situ* и был включен в кладку стены одного из помещений нового здания, возведенного прямо на остатках производственного комплекса в конце II в. н. э. как сельское святилище. Часть маслодельни после засыпки выемки с гирей, смещенной с первоначальной оси подземным толчком, превратили в подвал. На дне его обнаружено каменное основание лестницы, а под ней, на уровне верхней грани выемки, — кости крупного быка и тельца. Анатомически это на 90 % кости передних и задних конечностей, обломков краниальной области немного. При этом в их состав

³ Зафиксированные GPS координаты монолита: N 34°45' 250»; E 32°45' 168».

входят как достаточно ценные в пищевом отношении части, так и практически несъедобные — фаланги и метаподии. Следует отметить, что на костях не обнаружены следы воздействия огня, разделки, резки ножом или рубки, т. е., видимо, речь идет об остатках жертвоприношения⁴. Рядом с лестницей на полу лежала известняковая плита ($0,53 \times 0,52 \times 0,14$ м) с пятнадцатью круглыми углублениями диаметром от 3 до 12 см. Считается, что такие камни использовались для игры. На хранение продуктов в подвале указывает присутствие в его заполнении крупных обломков красноглиняных пифосов.

По-видимому, святилище было связано с распространенным в этой части Кипра культом Аполлона Гилатского (Лесного)⁵. Планировка его довольно простая. Прежде всего, посетители попадали в большой открытый четырехуровневый двор 4 (около 90 м²), где самую верхнюю площадку покрывали большие, не раз ремонтировавшиеся известняковые плиты (до $1,32 \times 1,32$ м). Швы между плитами, разошедшимися после неоднократных землетрясений, заполнялись небольшими плоскими камнями, которые плотно набивались в щели шириной до 0,15 м торцами вверх. Помимо массового керамического материала здесь найдены фрагмент ручки стеклянного кувшина второй половины III–начала IV в. и конический пестик из темно-зеленого диорита.

Второй уровень двора, где скальная поверхность была выровнена с помощью подмазок глины, соединялся с верхним небольшой лестницей из двух ступенек. К востоку от нее, вдоль уступа, находился вторично использованный известняковый саркофаг (длина 1,85 м), превращенный в своего рода ванну (рис. 4, 1). Стекавшая сюда сверху дождевая вода попадала в резервуар емкостью около 560 л. Регулировать ее количество можно было с помощью заткнутого круглым камнем небольшого отверстия (диаметром 7 см) в одном из нижних углов саркофага.

Неподалеку обнаружена растрескавшаяся круглая известняковая плита диаметром 1,56 и толщиной 0,19 м. Скорее всего, она предназначалась для установки круглой мельницы ротационного типа и сбора муки (ср.: Коарелли и др. 2002: 138). На южной стороне двора имеются две небольшие террасы, вырубленные в слое надскальной крошки. Верхняя из них имеет ширину 1,7 м и выровнена с помощью нескольких известняковых плит. Для спуска на нее как ступенька использовался большой каменный квадрат. Судя по развалам битой черепицы (около 58 % от общего количества фрагментов керамики), найденным вдоль продольных сторон двора, по его периметру размещались дававшие прохладную тень крытые навесы.

Значительная часть исследуемого строительного комплекса, к сожалению, разрушена в результате интенсивной распашки, в том числе и главное культовое помещение 3. Оно расположено на 0,5 м выше по склону террасы и тщательно вымощено прямоугольными плитами известняка размерами до $1,33 \times 0,66$ м (рис. 4, 2). Вход в него со стороны двора не сохранился, но, как рассказывал местный землевладелец еще до начала раскопок, именно на этом месте были найдены уже упоминавшиеся статуи. Тыльная сторона у них почти не обработана, т. е. они были пристенными и, скорее всего, обрамляли парадный проход в «святая святых». Юго-восточный угол этого помещения с вымосткой и частью стены 3 был уничтожен одним из землетрясений и новую стену 2 возвели прямо на оставшихся известняковых плитах вымостки. Кровлю здания, судя по нескольким обломкам круглых каменных баз с нижним диаметром 0,7 м, поддерживали колонны тосканского ордера высотой не менее 4,9 м⁶.

К востоку от двора располагались четыре служебных помещения 1, 2, 5 и 12. В стену 5 между помещениями 1 и 2 (каждое площадью около 16 м²) и был включен упоминавшийся ранее огромный вертикальный камень от пресса. В помещении 1 с глинобитным полом имелась небольшая печь ($0,76 \times 0,65$ м), рядом с которой обнаружены два фрагмента стеклянных сосудов II — первой половины III вв. н. э., а также обломок лопатки овцы/козы — один из буквально единичных фрагментов костных остатков, найденных на территории этого комплекса за пределами

⁴ Определение и интерпретация остеологического материала проведены сотрудником Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, к. и. н. А. К. Каспаровым.

⁵ Именно этот бог считался покровителем ближайшего античного города Курион (The Sanctuary of Apollo Hylates... 1987: 24).

⁶ Сравни с реконструкцией храма начала II в. н. э. в святилище Аполлона Гилатского (The Sanctuary of Apollo Hylates... 1987: 163, fig. 106).

Рис. 4. Аногира-Влю: 1 — верхняя часть двора 4 с лестницей и водосборником, вид с Ю; 2 — часть вымостки главного культового помещения святилища; 3 — помещение 5, общий вид с Ю; 4 — северо-восточная часть святилища, перестроенная в IV в., общий вид; 5 — дом конца IV–начала V в., общий вид с СВ

Fig. 4. Anogyra-Vlou: 1— the upper part of courtyard 4 with the staircase and water-collecting header, view from the south; 2 — a part of the main cult room pavement; 3 — room 5, general view from the south; 4 — the northwestern part of the shrine rebuilt in the IV c., general view; 5 — house of the late IV–early V c., general view from the northeast

подвала 17⁷. В соседнем помещении 2 частично сохранились остатки вымостки из грубо обколотых камней.

Третье служебное помещение 5 площадью 28 м² оборудовано отдельным входом с юго-восточной стороны. Полom в данном случае служила выровненная с помощью небольших известняковых плиток и подмазок глины скальная поверхность. Возле входа находилась печь (0,79 × 0,72 м)

⁷ Такая картина совершенно не характерна для обычного жилого дома или усадьбы, но вполне обычна для святилища, где было принято поддерживать чистоту.

и небольшая ямка для золы. Интересно отметить, что и на этот раз остатков пищи практически не было, за исключением четырех небольших фрагментов трубчатой кости овцы/козы. Какое-то крупное животное, очевидно, содержалось в отсеке шириной 2,15 м в северной части помещения 5 (рис. 4, 3). В данном случае низкая ограда с проходом была дополнена поилкой, установленной на высоте 0,47 м от уровня пола. Емкость ее тщательно вырезана в известняковом квадрате с внешними размерами 0,6 × 0,6 × 0,3 м и имеет в центре круглую выемку диаметром 0,27 м.

Некоторые участки стен помещения 5 сильно деформированы мощным подземным толчком. В образовавшихся завалах камней помимо обломков плоской черепицы найдены фрагменты пифосов и сосудов с двумя ручками и для хранения продуктов питания, прямоугольный обломок верхнего камня зернотерки из горной породы темно-фиолетового цвета и археологически целый известняковый лутерий. Из слоя над вымосткой в южной части помещения 5 происходят конический пестик из темно-зеленого диорита и четыре небольших известняковых давилки для приготовления в ограниченном количестве сока или масла. Рядом найдены шесть больших галек округлой формы, которые, вероятно, использовались в этом процессе.

С юга служебный корпус замыкало помещение 12 площадью около 10 м² (3,58 × 2,71 м) с полом в виде поверхности скалы, сnivelированной при помощи нескольких известняковых плит. Одна из них перекрывала небольшую яму (диаметр 0,75 м, глубина 0,42 м), у горловины которой были найдены лежащие вместе семь уплощенных бронзовых колец диаметром от 1,9 до 2,3 см. Среди других находок в слое над полом можно отметить буролаковую тарелку и бронзовую булавку с округлой головкой. Во время расчистки трассы плохо сохранившейся южной стены 20 на верхней грани одного из каменных блоков прямоугольной формы была обнаружена метка в виде буквы «А» позднеримского типа конца II — начала IV вв. н. э. (ср.: Stefan 1973: pl. I).

Видимо, после разрушительного землетрясения 324 г. с восточной стороны святилища возвели небольшую пристройку. Теперь, чтобы попасть в хозяйственное помещение 5, нужно было пройти через маленькую комнатку 6 (около 2,5 м²), где, возможно, находился привратник. Там был вскрыт довольно мощный завал упавших камней, среди которых обнаружены часть пороговой плиты с прямоугольным отверстием (15 × 14 × 2,8 см) для подпятника двери. К этой двери, возможно, имеет отношение фрагмент массивного бронзового кольца. Внешняя стена 12 помещения полукруглой формы. За его пределами, поворачивая к югу, она продолжается, образуя узкий коридор 11 (шириной 1,8 м) с прямоугольной платформой (0,61 × 0,6 м) в северо-восточном углу. Другая платформа полукруглой формы радиусом 1,67 м укрепляла стену рядом с этим местом с восточной стороны.

К востоку от входа в помещение 5 находится участок выровненной поверхности скалы, на котором найден фрагмент прозрачного стеклянного стакана IV в. с каплей синего стекла на боковой поверхности (Кунина 1997: 337, кат. 422). Примерно в 7 м далее на ЮВ отмечено большое скопление камней, скрывающее под собой, судя по прослеживаемым на поверхности трассам стен, постройку площадью около 67 м² (12,7 × 5,3 м). Помимо отмеченных изменений в планировке комплекса святилища, скорее всего, именно тогда был произведен ремонт стен и вымосток, а также полностью перестроена северо-восточная часть здания, получившая отдельный вход с достаточно пологой лестницей из четырех ступенек. Слева от него обнаружено небольшое вытянутое помещение 13 трапезиевидной формы (длиной 2,8 м), откуда происходит фоллис Констанция II (337–361) с изображением императора, заносящего руку над фигурой коленопреклоненного варвара (Castán, Fuster 1996: 363, no. 969). Судя по всему, это было стойло для осла или мула⁸, о чем свидетельствуют предназначенные для привязывания животных два сквозных отверстия в угловом камне на высоте 0,72 м. На вторично использованном ортостате в северной стене стойла сохранилась тщательно вырезанная буква «Е». Интересно отметить, что поблизости в завалах камней найдены еще три массивных каменных блока с такой же буквой, считавшейся священным символом Аполлона и служившей предметом религиозного созерцания (Plut. De Ei Delph. 1)⁹.

⁸ Длина тела этих животных не превышает 1,8–2 м, что вполне соответствует размерам помещения 13.

⁹ Во времена Плутарха (около 45–127) в знаменитом святилище Аполлона в Дельфах служители храма демонстрировали золотое изображение «Е» — дар Ливии, жены императора Августа, медное — приношение афинян и первое, самое древнее — из чистого дерева (Plut. De Ei Delph. 3).

Лестница рядом со стойлом вела в связанный с тремя помещениями небольшой дворик 14 (5 × 2,85 м) с подтесанной скальной поверхностью, где найдены грубо высеченная из куска известняка гиря с ручкой весом около 8 кг, обломок каменного лутерия и фрагмент ручной зернотерки. С западной стороны на него выходило помещение 1, а с восточной — помещение 15 площадью 15 м² (4,25 × 3,33 м), носившее подсобный характер, поскольку центр его занимает каменное, в две ступени, основание для деревянной лестницы на второй этаж (рис. 4, 4).

Проход в северной стене дворика вел в помещение 16 площадью 17 м² (5,3 × 3,18 м), в котором сохранились два прямоугольных каменных блока, помеченных буквой «А». В одном случае она вырезана на камне из кладки стены, в другом — это крупный знак (16 × 13 см) в центре лицевой поверхности квадрата, установленного у входа в соседнее проходное помещение 18 площадью 13 м² (5,49 × 2,33 м)¹⁰. Последнее было заполнено большим количеством упавших камней, среди которых обнаружена медная монета Констанция II с изображением бюста императора вправо (ср. *Ibid.*: 363, no. 968).

В 12 м к востоку, на склоне скалистого плато, в 2009 г. случайно были найдены обломок торса и нижняя часть статуи в виде задрапированной женской фигуры в натуральную величину (рис. 3, 2). Возможно, при расширении раскопа в этом направлении удастся выявить и другие элементы скульптурного убранства исследуемого культового комплекса.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что заключительный этап существования святилища связан с постепенным упадком языческих верований на Кипре. Особенно активные выступления против них со стороны христиан прокатились по острову, как и по всей Римской империи, в последние годы правления императора Константина Великого (306–337). Раннехристианский писатель Созомен (400–450) в своей «Церковной истории» написал о судьбе многих античных святилищ, из которых тогда изымали драгоценности и статуи, такие строки: «одни лишены дверей, другие кровель, а иные, будучи оставлены без внимания, обветшали и разрушились» (*Sozom.* II. 5). Видимо, такая же судьба постигла и небольшое сельское святилище близ Аногиры. Находки монет Констанция II свидетельствуют, что это почти покинутое людьми место было окончательно превращено в развалины страшным землетрясением 365 г. (см. *Christou* 2007: 63). Для Восточного Средиземноморья это была одна из крупнейших природных катастроф, которая по воле судьбы обозначила собой конец эпохи языческой античности в этом регионе.

Остатки разрушенного здания святилища на рубеже IV–V вв. были использованы, когда с восточной стороны к ним пристроили небольшой домик общей площадью около 40 м². В плане он состоял из двух комнат (7, 10), связанных с узким проходом 8 (шириной 1,68 м). Во время расчистки пола и скальной поверхности в проходе найдены бронзовая тессера с прямым и косым крестами на двух ее сторонах и часть каменного лутерия с ручкой-уступом.

Вход в помещение 7 (площадь около 7 м²) расположен в его северо-восточном углу. Напротив находилась прямоугольная в плане каменная платформа размерами по верхнему краю 0,88 × 0,56 и высотой 0,6 м. Среди завальных камней именно здесь обнаружен большой кусок известняковой базы колонны. Другие подобные обломки зафиксированы в кладке восточной стены 15 прохода 8.

В соседнем помещении 10 среди большого количества упавших камней обнаружены донце стеклянного сосуда, обломок бронзового стилоса, два свинцовых пряслица и два медных центе-нионалия IV в.: один с изображением бюста императора Иовиана (363–364) вправо на аверсе и полустертой четырехстрочной надписью на реверсе (*Castán, Fuster* 1996: 377, no. 1018), другой — с бюстом Валентиниана II (375–392) вправо на аверсе и фигурой императора, держащего пленника за волосы на реверсе (*Ibid.*: 386, no. 1072).

За стеной 15 при подтеске скалы был оставлен выступ длиной 4,94 и шириной 0,9 м, который вел к каменной платформе, скорее всего, служившей основанием деревянной лестницы на второй этаж (рис. 4, 5). Помимо массового керамического материала отсюда происходит фрагмент поддона стеклянной тарелки. Под лестницей находилось очень маленькое подсобное помещение 9 (около 4 м²) с каменным ящиком в северо-восточном углу. На полу его обнаружен медный центе-

¹⁰ Возможно, этот каменный блок служил постаментом для небольшой статуи, связанной с культом Аполлона, и тщательно вырезанная буква «А» была сокращением имени бога.

нионалий Гонория (393–423) с изображением на реверсе стоящего императора, опирающегося на копье и увенчивающей его Викторией (Ibid.: 398, no. 1140).

Таким образом, в результате четырех полевых сезонов впервые удалось обозначить основные строительные периоды в истории данного археологического памятника:

1. III–I вв. до н. э. — существование крупной мастерской по производству оливкового масла;
2. Конец II в. н. э. — 365 г. — сооружение и перестройки культового комплекса, который можно предположительно связать с почитанием Аполлона Гилатского;
3. Конец IV–начало V в. — сооружение у развалин святилища небольшого дома, связанного уже с христианским периодом в истории Кипра¹¹.

Горнчаровский 2012 — *Горнчаровский В. А.* Обследование местонахождения Влю около деревни Аногира (Республика Кипр) // АО 2008 года. 2012. С. 516–517.

Коарелли и др. 2002 — *Коарелли Ф., де Альбентис Э., Гвидобальди М. и др.* Помпеи. М.: Слово, 2002. 408 с.

Коровина, Сидорова 1977 — *Коровина А. М., Сидорова Н. А.* «Сокровища Кипра» // ВДИ. 1977. № 4. С. 257–264.

Кунина 1997 — *Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа: Научный каталог. СПб.: АРС, 1997. 357 с. (Художественные сокровища России).

Путешествие игумена Даниила... 1864 — Путешествие игумена Даниила по Святой земле, в начале XII века (1113–1115) (с приложением карты Палестины, плана Иерусалима и снимков с рукописей) / А. С. Норов (ред.). СПб.: Тип. Императорской АН, 1864. 444 с.

Сидорова 1963 — *Сидорова Н. А.* О поездке на Кипр // ВДИ. 1963. № 3. С. 185–193.

Смирнов 1897 — *Смирнов Я. И.* Христианские мозаики Кипра // Византийский Временник. СПб., 1897. Т. 4. Вып. 1–2. С. 1–93.

Странствия Василия Григоровича-Барского 1886 — Странствия Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб.: Православное Палестинское общество, 1886. Ч. 2. 383 с.

Шмит 1911 — *Шмит Ф. И.* Παναγία Ἀγγελόκτιστος // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1911. Т. 15. С. 206–239.

Castán, Fuster 1996 — *Castán C., Fuster C.* La moneda imperial Romana. Madrid; Barcelona: Graficincio, 1996. 432 p.

Christou 2007 — *Christou D.* Kourion: Its Monuments and Local Museum. 8th ed. Nicosia: Filocypros, 2007. 104 p.

Hajisavvas 1992 — *Hajisavvas S.* Olive oil processing in Cyprus from the Bronze Age to the Byzantine period // Studies in Mediterranean archaeology. 1992. Vol. 99. P. 1–130.

Hayes 1983 — *Hayes J. W.* The villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // BSA. 1983. No. 78. P. 97–169.

Karageorghis 2005 — *Karageorghis V.* Ancient Cypriot Art in Russian museums. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 2005. P. xviii + 269.

Mitford 1971 — *Mitford T. B.* The Inscriptions of Kurion // Memoirs of the American Philosophical Society. 1971. Vol. 83. P. 1–422.

Paraschiv 2002 — *Paraschiv D.* Amfore pontice romane și romano-bizantine în zona Dunării de Jos // AM. 2002. Vol. 25. P. 165–208.

Stefan 1973 — *Stefan A.* Chronologie des inscriptions grecques de Callatis établie à l'aide du calculateur // Studia Clasiche. 1973. Vol. 15. P. 99–107.

Svoronos 1904 — *Svoronos J. N.* Ta Nomismata tou Kratous ton Ptolemaion (Ptolemaic Coinage). Athens: Sakellariou, 1904. 397 p.

The Sanctuary of Apollo Hylates... 1987 — The Sanctuary of Apollo Hylates at Kurion, Cyprus / D. Soren (ed.). Tucson: The University of Arizona Press, 1987. P. xi + 340; 197 figs.

Waage 1933 — *Waage F. O.* The Roman and Byzantine Pottery // Hesperia. 1933. Vol. 1. P. 279–328.

¹¹ Хотелось бы отметить, что успешная работа экспедиции была бы невозможна без финансовой поддержки, которую оказывали работе археологов Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» и лично его президент В. И. Якунин, а также администрация и жители деревни Аногира.

Russian archaeologists on Cyprus

V. A. Goroncharovsky

This paper presents the results of 2008–2012 field investigations of the Cypriot expedition (Russian Archaeological Mission) of the Institute for the History of Material Culture (St.-Petersburg), which were carried out at the Anogyra-Vlou site (Limassol district). Based on the results of the 2008 reconnaissance works and four seasons of excavations it is possible to infer, that there was a Hellenistic olive oil production workshop, destroyed by a strong earthquake. Later on, since the end of the 2nd century AD, a rural sanctuary has been functioning on this place, and a large number of stone details from the previous oil-making workshop (weights and press-bed) were used as parts of its walls and pavements. A part of the main cult room with fine pavement, a large four-level courtyard, some service rooms, and a small two-room house are uncovered on the territory of the sanctuary. The final phase of the sanctuary existence falls on the period around 365 AD, as is evidenced by the finds of copper coins of Constantius II (337–361). It was then that a strong earthquake destroyed the neighboring town of Kourion. Probably, the sanctuary was connected with the small settlement situated in close proximity with it to the southwest.

Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры

Э. Б. Вадецкая

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинские котловины, энеолит, афанасьевская культура, окуневская культура, скотоводы, охотники, контакты, сосуществование, мировоззрение.

Keywords: South Siberia, Minusinsk depressions, Eneolithic, Afanasievo culture, Okunevo culture, stockbreeders, hunters, contacts, co-existence, worldview.

Введение. На территории Минусинских котловин эпоха энеолита представлена двумя археологическими культурами — афанасьевской и окуневской. Каждая из них имеет различное происхождение и свои культурные традиции. За обоими образованиями стоят блоки родственных им культур на других территориях. На юге нынешнего Красноярского края окуневские древности сменяют афанасьевские. Этот культурный перелом доказывается стратиграфией курганных могильников, в которых окуневские захоронения впущены как в развалившиеся афанасьевские надмогильные сооружения, так и в сами могилы. Часто носители окуневской культуры хоронили умерших почти вплотную к афанасьевским оградкам с внутренней и внешней их стороны, даже специально разбирая для этого часть ограды. Последовательность культур подтверждается радиоуглеродными датами, согласно которым население каждой проживало в степях Енисея приблизительно по 800 лет, а одновременно — только в XXV–XXIV вв. до н. э. или в течение не менее 100, но не более 200 лет (Поляков, Святоко 2009: 54). Это соответствует распространенному в литературе мнению о невозможности длительного сосуществования носителей разных культур в Минусинских степях (Максименков 1969), что порождает среди исследователей экстравагантные интерпретации сюжетов окуневского искусства и версии его далекого от Сибири происхождения. Однако мнение о невозможности длительного сосуществования носителей разных культур в Минусинских степях не является единственным. В частности, здесь в эпоху палеолита на одной и той же территории проживали две разные общины (кокореvская и афонтовская), причем определенные соответствия их орудий труда, особенно среди костяного инвентаря, объясняются взаимовлиянием этих групп населения друг на друга (Абрамова 1969). Настоящая статья предлагает детальный обзор взаимоотношения различного населения в энеолите с целью подтвердить или опровергнуть возможность их совместного проживания.

Афанасьевская и окуневская культуры относятся к энеолиту по двум признакам, характеризующим само это понятие: технологическому и историческому. В первом случае доминирует появление медных изделий, и он уместен при рассмотрении вещевого материала, который является лишь стимулом совершившегося подъема производительных сил. Во втором случае внимание акцентируется на общем социально-экономическом состоянии эпохи — хозяйстве, увеличении плотности населения, активизации миграционных процессов, изменении в мировоззрении людей и ритуалов (Косарев 1992: 42–43).

Афанасьевская культура — историческая справка. Афанасьевские племена изготавливали мелкие изделия из разных самородных металлов — меди, серебра, золота и даже метеоритного железа. Каменные изделия в основном представлены колотушками, топорами, пестами из гальки

и их сколами. Кремневые наконечники стрел найдены исключительно в костях покойников, поэтому их культурная атрибуция вызывает сомнение — они могут принадлежать окуневскому населению. Это же касается единичных обломков бронзовых типично окуневских шильев, застрявших в костях умерших.

Главным признаком исторической эпохи было появление скотоводства и тех традиций, которые сложились для этой культуры. Хотя они делали лишь первые шаги в разведении скота, довольствуясь ближайшими угожьями, состав стад был полным. Преобладало разведение крупного рогатого скота, а затем лошади. Овцеводство носило подчиненный характер, коза содержалась в незначительном количестве (Ермолова 1983: 107). Из костей овцы изготавливали острия и футляры. Афанасьевское население, обитавшее в долине Енисея, видимо, охотилось мало. Костяные изделия в виде наверший посохов, декоративных гвоздиков, рукояток топора сделаны из сброшенных рогов марала и косули, поэтому в похоронной практике этих племен культ диких животных не прослеживается. Искусство афанасьевской культуры представлено только орнаментацией керамики. Кроме того, известна инкрустация деревянных предметов роговыми гвоздиками, а также окраска охрой изделий и ритуальных сосудов, прежде всего курильниц.

Афанасьевская керамика представлена в основном высокими остродонными яйцевидными горшками и в меньшей степени горшками сферической, реповидной и других форм с выпуклым, иногда приплюснутым дном. В орнаментации сосудов преобладают горизонтальные ряды косых оттисков зубчатого или гладкого штампа, часто расположенные елочкой. Иногда эти ряды размещены вертикально или по диагонали поверхности сосуда. В большинстве случаев орнамент имитировал фактуру плетенных или вязаных изделий. Сосуды с разнообразными рисунками (древовидные фигуры, шахматный узор, горизонтальные ряды арок и как бы наклепленные жемчужины или узелки), прочерченными палочкой, представлены меньшим количеством экземпляров. Особенно нарядна посуда, на которой сочетаются два-три вида орнамента, например прочерченные узоры с оттисками штампа и вдавлениями края палочки, либо елочный мотив и косые ряды оттисков штампа, либо шахматный узор с «шагающей» гребенкой. В целом отличительным признаком сосудов является красота, оригинальность и индивидуальность их орнаментации (Вадецкая 2012а).

В отличие от родственных племен Горного Алтая и Тувы, у афанасьевского населения долины Енисея, судя по их керамике и каменным изделиям, отсутствовали связи не только с местными неолитическими обитателями, но и с их современниками, населявшими Западную Сибирь и Приангарье, что косвенно свидетельствует в пользу миграционного происхождения енисейского варианта культуры. Еще более важно давно установленное сходство физического типа афанасьевского населения с населением ямной, фатьяновской и срубной культур, а также сходство некоторых элементов афанасьевской и ямной культур (ямы с округлыми углами, поза скелетов, форма яйцевидных сосудов).

В настоящее время высказано предположение, что племена ямной культуры могли прийти на Енисей через Казахстан либо Среднюю Азию. Восточные могильники «ямного» типа, ранее известные лишь в лесном Притоболье и Центральном Казахстане (Вадецкая 1986а: 22), теперь также исследованы в Восточном и Северо-Восточном Казахстане (Мерц В., Мерц И. 2011).

На юго-западные связи афанасьевских племен Енисея с районами крашеной керамики, наиболее близкими из которых к Енисею был Хорезм и культура Анау в Туркмении, было указано еще С. В. Киселевым в связи с находкой разрисованного белой краской горшка в могильнике Тесь I (Киселев 1949: 20). Теперь появились новые сведения, подтверждавшие эти связи. Керамика, схожая с афанасьевской, найдена в Средней Азии в ритуальном комплексе Жуков на р. Зеравшан, а также на некоторых развешанных стоянках региона. Кроме того, в некрополе Саразма (раскоп IV) выявлена схожая керамика и прослежено единство погребальной обрядности с афанасьевским похоронным ритуалом. При этом в комплексе Жуков помимо афанасьевской керамики найдена посуда, сопоставимая с аналогичными изделиями позднеямной культуры в Приуралье, а также с саразмской и поздненеолитической кельтеминарской керамикой. Поэтому Жуковский комплекс как самый южный ямно-афанасьевский памятник подтверждает миграцию ямного населения через Среднюю Азию (Аванесова 2012). Однако применительно к территории Енисея это наблюдение не уточняет исконную территорию мигрантов, так как в Минусинские котловины миграция скотоводческого населения на повозках, запряженных быками, практически могла осуществляться по единственному маршруту из Западной Сибири через Ачинско-Мариинский лесостепной коридор.

Могильники афанасьевской культуры на Енисее выглядят однообразно. Существует мнение, что эта культура сложилась здесь в относительно короткий промежуток времени, не претерпевая изменений в течение нескольких веков, и за сравнительно короткий промежуток времени сменилась новой окуневской культурой (Грязнов 1999: 51, 54). Однако ряд наблюдений эти положения корректирует, поскольку в местных условиях у мигрантов выработались традиции, неизвестные населению ямной культуры. К ним относятся строительство монументальных надмогильных сооружений, обычай перезахоранивать умерших, что требовало особых ритуалов. В частности, для устранения запаха полуразложившихся трупов сжигали разные пахучие травы и веточки. Для них лепили специальные вазочки — курильницы, которые подвешивали к одежде жреца во время похоронной церемонии. Эволюция культуры отразилась в общественном расслоении не только рядовых людей, но даже представителей светской и культовой власти. Наиболее заметно эволюция проявилась в попытках изготовления нестандартных сосудов, похожих отдельными признаками на окуневскую посуду. Поскольку это, как будет еще сказано, не привело к созданию новых форм керамики, значит, процесс был прерван ассимиляцией афанасьевских гончаров окуневскими.

Окуневская культура — историческая справка. Окуневская культура была выделена на основе признаков, резко отличающихся от типичных черт афанасьевской культуры. Для окуневской культуры характерны четырехугольная (не круглая) форма могильных оград, конструкция могил в виде ящиков, баночная керамика, сходство по керамике и каменному инвентарю с сибирскими неолитическими памятниками, а также смешанный физический тип населения, в котором прослеживались монголоидные черты. Однако, как теперь выяснилось, эти различия характерны преимущественно для второго периода окуневской культуры, который, в свою очередь, отличается по происхождению, технологии вещей и историческому содержанию от более раннего этапа.

Носители окуневской культуры, видимо, долго не имели собственных кладбищ, а захоронения производили поблизости от временных поселений. Они выкапывали овальные ямы, стенки которых часто обставляли и закрывали плитами. Для погребений выбирали места с песчаными почвами, часто использовали афанасьевские надмогильные конструкции и сами могилы.

В период сложения (уйбатский этап) в окуневской культуре появляются кладбища и захоронения в оградах, которые представлены и на более позднем черновском этапе. Определяющими признаками этапов являются конструкция могил, их расположение внутри ограды, ориентировка погребенных, а также некоторые изменения в формах керамики и ножей (Лазаретов 1997: 30–38). К эпохе энеолита с точки зрения технологии относится полностью уйбатский этап, но также частично второй — черновский. Дело в том, что все металлические изделия кованы из чистой меди с природными примесями. Лишь единичные предметы в поздних могильниках (Верхний Аскиз I) отлиты из самородной меди с намеренной присадкой олова (Хаврин 1995: 69). При этом среди орудий труда и оружия всегда преобладали каменные изделия, не отличавшиеся от неолитических, как и костяные гарпуны и иглы для вязания сетей.

Имеется много аргументов, указывающих на сибирские корни окуневской культуры. Во-первых, это сходство окуневской керамики с неолитической посудой, как местной, так и окружающих территорий. Во-вторых, родство с другими синхронными сибирскими культурами, каждая из которых связана с местными неолитическими культурами (Максименков 1975: 37). В результате в ареале культур, родственных окуневской, сложился своеобразный расовый тип, близкий окуневскому (Дремов 1988: 40–41).

В-третьих, важен культ диких животных, обусловленный наличием охотничьих промыслов и связанной с ними магии. Это проявляется, прежде всего, в инвентаре могил первого этапа культуры, где большинство изделий (остроги, лук, остря, ручки шильев, наворачия) вырезаны из рогов и метаподий косули, оленя или лося, а игольники — из диафизов костей диких парнокопытных или предплечья птицы. Здесь же стоит упомянуть разнообразные миниатюрные подвески с изображением животных и строгую регламентацию использования определенных костей животных для похоронной одежды и ритуалов. Из резцов сурка изготавливались простейшие украшения для нагрудников. Самые красивые узоры вышиты из моляров (третий верхний коренной зуб) соболей на шапках, туфлях, сумках и мешочках для игольников и амулетов. Самые богатые украшения были комбинированы из моляров соболя вместе с зубами марала. Наиболее распространены зубы

марала и медведя. Для обрядовых действий использовались подъязычные кости разных животных, астрагалы, рога, черепа, лапы волка и os penis медведя (Вадецкая 2012б).

Искусство представлено орнаментацией керамики, а также каменными и костяными изделиями. Орнаментация посуды проще и, как правило, более стандартная, чем у афанасьевской керамики. Вся поверхность отдельных сосудов покрыта вдавлениями края палочки либо рядами вертикальных и горизонтальных оттисков в виде длинного плоского или зубчатого штампа. У части сосудов выделена зона под венчиком, украшенная орнаментом, отличающимся от остального узора (Максименков 1980: табл. XXVII–XXIX; Леонтьев С. 2006: рис. 1; 2; 4).

Самой многочисленной разновидностью окуневского искусства является скульптура, включающая как мелкую пластику (антропоморфные и зооморфные фигурки), так и монументальные стелы с высеченными лицами божеств в ритуальных одеждах. Кроме того, обнаружено много плит с выгравированными или прочерченными фигурками животных и птиц. Как в мелкой пластике (медведь, птицы, змей), так и среди высеченных на стелах фантастических образов, основными частями которых являются медведь, волк, лось, птица и змея, отражены сибирские корни искусства окуневской культуры. Известны две стелы, завершающиеся объемными изображениями голов горного барана (Вадецкая 1980а: табл. XLVIII, 95; XLIX, 103–104; LI, 111). Среди графических рисунков не только образы, но и реалистическая манера исполнения лесных зверей генетически связаны с неолитическими изображениями (Студзицкая 1995).

К дополнительным аргументам в пользу сибирского происхождения окуневской культуры относится, с одной стороны, отсутствие чего-либо, связывающего ее с афанасьевской культурой. С другой стороны, ряд черт и приемов высекания окуневских каменных изваяний напоминает изделия из дерева, что косвенно указывает на таежные районы возникновения этого вида искусства (Максименков 1975: 37).

Остается открытым вопрос о том, из какой конкретно таежной местности пришли окуневские племена на Енисей и не являлись ли они потомками местного неолитического населения. Дело в том, что в самих Минусинских котловинах по-прежнему не найдены бесспорные неолитические погребения. Речь идет не только о могиле XIII–XIV вв. н. э. на Чульском чаатасе, по недоразумению отнесенной Л. Р. Кызласовым к неолиту (Кызласов 1986: 161–168), но и о погребении, долгое время считавшимся неолитическим, которое было случайно найдено в погребении в с. Батени. На самом деле оно является, видимо, окуневским, так же как могилы у руч. Чегерак и оз. Подгорное. Все эти захоронения представляют собой грунтовые ямы с лежащими в вытянутом положении одиночными скелетами, на костях которых есть следы охры. В могилах найдены единичные окуневские изделия: подвески из подъязычных костей лося и гладких роговых пластинок, а также кучка астрагалов косули (Батени); либо костяная проколка и каменный шарик (Подгорное), либо подвеска из клыка кабана и костяная фигурка летящего гуся (Чегерак). Подвеска и фигурка имеют полные аналогии в материалах из неолитических или энеолитических могил у г. Красноярска (Скобелев 1988: 38–39; Вадецкая 1988; 1990).

Кроме того, в результате раскопок окуневских стоянок под г. Красноярском и в Богучанском р-не Красноярского края (Макаров 1986: 122–123; 2005), а также в Кызыл-Казырской тайге в Восточных Саянах (Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009: рис. 35) ареал окуневской культурной общности существенно расширился.

Доказательства совместного проживания населения обеих культур. К таковым относится наличие афанасьевской керамики в окуневских погребениях и, наоборот, окуневской — в афанасьевских либо присутствие посуды обеих культур в одной могиле и на одной стоянке. Важны случаи совместных захоронений носителей обеих культур. Косвенно об этом же свидетельствуют разнородность физического типа покойников из окуневских погребений раннего этапа, а также взаимовлияние керамических традиций. Обратимся к этим доказательствам.

Афанасьевская керамика была поставлена в трех могилах у четырех погребенных (Липский, Вадецкая 2006б: табл. XII) в окуневской ограде Тас Хазаа (рис. 1, 1–3, 5, 6) и окуневская керамика в трех могилах (Грязнов 1999: 16, рис. 5, 1, 7; 11, 5) в афанасьевском могильнике Афанасьева Гора (рис. 1, 4; 2, 1д, 8б). Иногда сосуды обеих культур поставлены в одну могилу (два случая на могильнике Афанасьева Гора [мог. 6 и 26] ниже будут подробнее рассматриваться). В окуневской могиле

Карасук VIII пожилому мужчине (50–60 л.) поставлены небольшой окуневский горшочек и крупная афанасьевская корчага, сохранившаяся, к сожалению, в обломках (Комарова 1981: рис. 8, 3–4). В афанасьевской ограде Большое Кольцо близ истоков руч. Камышта раскопано 10 афанасьевских и окуневских могил. В одной могиле женщине и мужчине поставлены окуневская курильница и афанасьевский реповидный сосуд (Киргинеков 2010: рис. 4, 10; Вадецкая 1986б: рис. 31).

Иногда носителей двух культур хоронили в непосредственной близости друг от друга и даже в одних могилах. В частности, на мысу второй надпойменной террасы руч. Аскиз были расположены три, почти смыкавшиеся, небольшие кургана, сложенные из булыжников (Верхний Аскиз). Центральная выкладка оконтурена вертикально вкопанными плитами. На дне могилы поверх подстилки из коры был похоронен мужчина окуневского физического типа с согнутыми в коленях ногами. В ногах находился баночный сосуд и медный нож, а к поясу был подвешен мраморный шарик диаметром 25 мм. Яма была закрыта плитами. В двух других выкладках находилось по одной яме, закрытой бревнами. В одной яме была похоронена женщина с афанасьевской круглодонной корчагой и яйцевидным сосудом. Во второй могиле — взрослый человек и младенец с миниатюрным афанасьевским сосудиком (Липский 2012: 219, рис. 5).

Самая первая могила с совместными афанасьевскими и окуневскими захоронениями была раскопана на могильнике Афанасьева Гора еще С. А. Теплоуховым. Она неоднократно упоминалась в литературе в связи с тем, что посередине ямы находились разрозненные кости женщины и младенца с окуневскими изделиями — горшком (рис. 2, 8б; Грязнов 1999: рис. 5, 4) и костяным

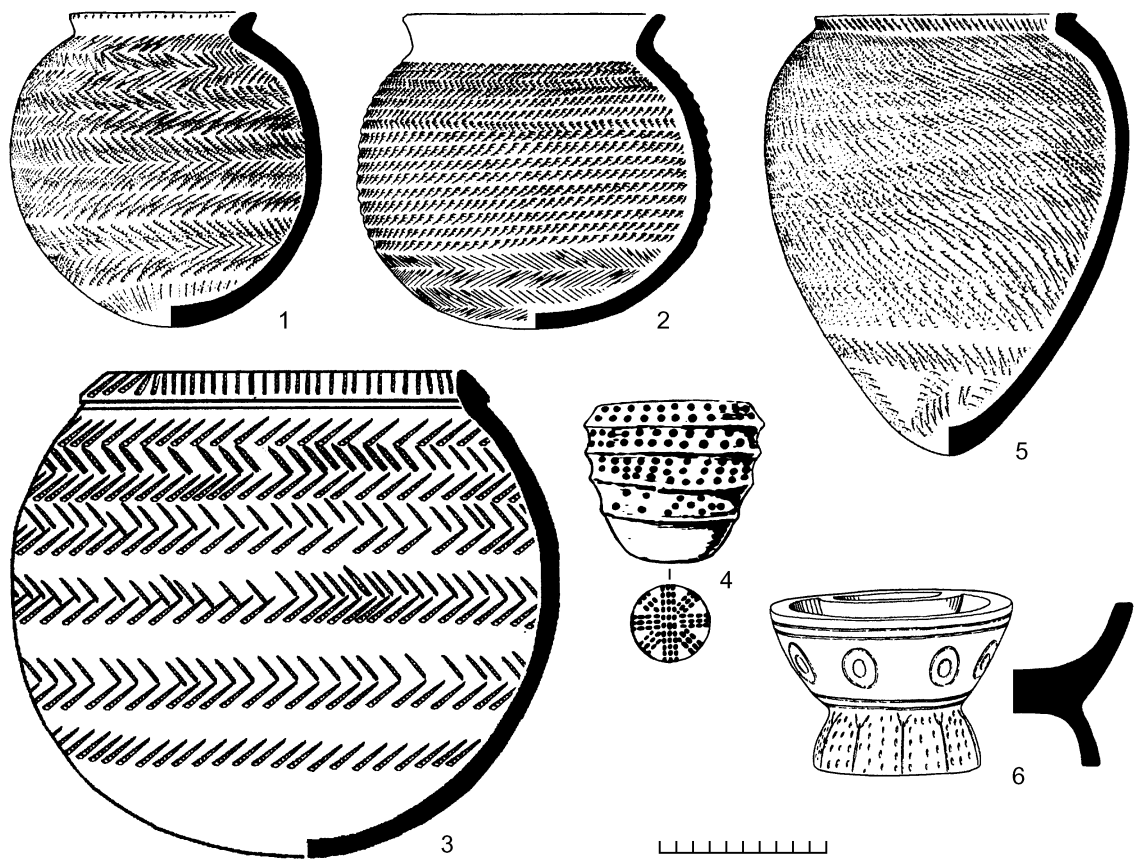

Рис. 1. Афанасьевская керамика в окуневских могилах и окуневская — в афанасьевских захоронениях: 1–3, 5, 6 — окуневская ограда Тас Хазаа (1 — мог. 1; 2 — мог. 2, погр. 3; 3 — мог. 2, погр. 5; 5, 6 — мог. 4; по Липский, Вадецкая 2006б); 4 — афанасьевский могильник Афанасьева Гора, мог. 8 (по Грязнов 1999)

Fig. 1. Afanasievo pottery in the Okunevo graves and vice versa: 1–3, 5, 6 — Okunevo enclosure Tas Hazaa (1 — grave 1; 2 — grave 2, burial 3; 3 — grave 2, burial 5; 5, 6 — grave 4; after Липский, Вадецкая 2006б); 4 — Afanasievo cemetery Afanasieva Gora, grave 8 (after Грязнов 1999)

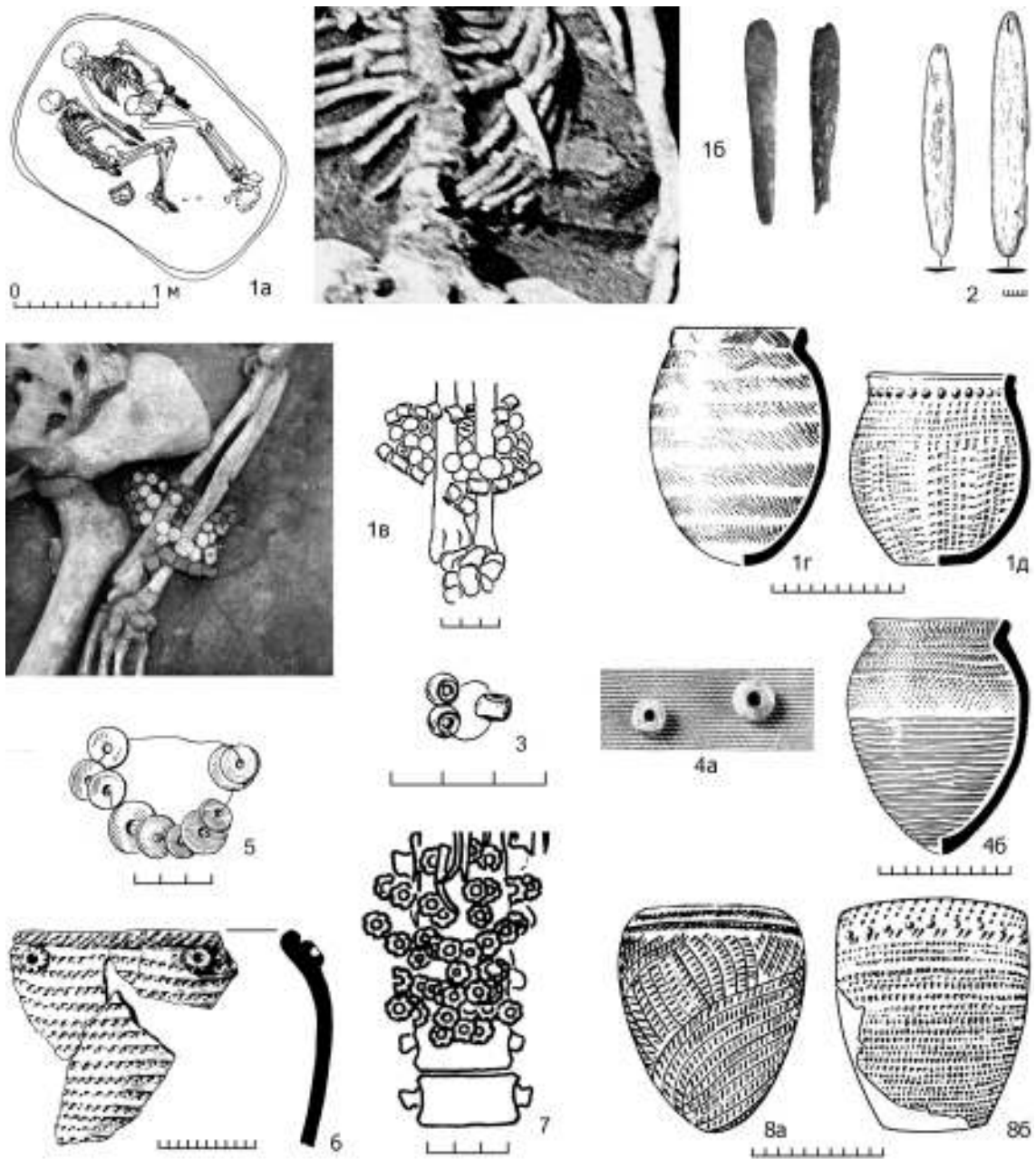

Рис. 2. Аналогии окуневским изделиям в афанасьевских могилах: 1а–1д, 4а–4б, 8а–8б — афанасьевский могильник Афанасьева Гора (1а–1д — мог. 26; 4а–4б — мог. 25; 8а–8б — мог. 6; по Грязнов 1999); 2, 3, 5 — окуневский могильник Черновая VIII (2 — кург. 4, мог. 1; 3 — кург. 4, мог. 2; 5 — кург. 5, мог. 9; по Максименков 1980); 6 — афанасьевский могильник Карасук III, ограда 10 (по Грязнов 1999); 7 — окуневская ограда Тас Хазаа, мог. 2, погр. 4 (по Липский, Вадецкая 2006б)

Fig. 2. Analogies to Okunevo artifacts found in the Afanasievo graves: 1а–1д, 4а–4б, 8а–8б — Afanasievo cemetery Afanasieva Gora (1а–1д — grave 26; 4а–4б — grave 25; 8а–8б — grave 6); 2, 3, 5 — Okunevo cemetery Chernovaya VIII (2 — barrow 4, grave 1; 3 — barrow 4, grave 2; 5 — barrow 5, grave 9; after Максименков 1980); 6 — Afanasievo cemetery Karasuk III, enclosure 10 (after Грязнов 1999); 7 — Okunevo enclosure Tas Hazaa, grave 2, burial 4 (after Липский, Вадецкая 2006б)

игольником с иглой. При этом вдоль южной стенки были перезахоронены трое мужчин и вдоль северной — принадлежавшие им афанасьевские вещи (Там же: рис. 5, 7; 6, 8, 21). Вряд ли эти погребения могли быть одновременными (Максименков 1965: 210), тем более что женщине отведена бо́льшая площадь в яме и на одном уровне с другими покойниками. Видимо, женщина была захоронена совместно с мужчинами, но в отдельной части ямы, что, как и сопровождавшие ее изделия, могло подчеркивать ее этническое отличие.

Особое место занимает совместное афанасьевско-окуневское кладбище — могильник Бельгыры на левом берегу р. Абакан. Могильник состоял из 15 афанасьевских оград. Однако в одной ограде находилась окуневская могила, а четыре ограды имели конструкции, отличные от афанасьевских, например в виде ящиков, но покрытых не плитами, а бревнами. В афанасьевских могилах похоронены не менее четырех человек окуневского физического типа. Афанасьевские яйцевидные сосудики преимущественно миниатюрные, а сферические — нетипичные, имеют толстые стенки и большие отогнутые венчики. Из окуневских предметов найдены небольшой баночный сосудик с плоским орнаментированным дном, крупная плошка с перегородкой и ожерелье из лисьих клыков и резцов (Липский, Вадецкая 2006а).

Афанасьевская и окуневская керамика иногда совместно встречается не только в одних могилах, но на одних и тех же стоянках: Читыгол II и Куйбышево I на руч. Джебаш (Зубков 2013: 198, рис. 3, 1–4; 4, 4). Население обеих культур в одно время посещало святилища *све* на горе Устанах. Последнее обстоятельство объясняет наличие на месте святилища афанасьевских и окуневских культурных слоев, которые, видимо, «отражают общую этнокультурную ситуацию того времени в этом районе» (Готлиб 1995: 32).

Анализ окуневской керамики также подтверждает, что ранний этап окуневской культуры (до сооружения оград типа Уйбатских и Лебяжье) был синхронен афанасьевской. Это отражено заимствованием афанасьевского декора на окуневских сосудах, но без передачи гончарных приемов (Леонтьев С. 2006: 264).

Наконец, совместным проживанием с афанасьевскими племенами объясняется тот факт, что население, оставившее памятники раннего периода окуневской культуры, представляло собой смесь групп индивидуумов разного происхождения. Наиболее ярко проявляется разнородность погребенных в группах могильников Уйбат, причем европеоидные (афанасьевские) черепа, как правило, мужские, а монголоидные — женские (Громов 1995: 71–72).

Взаимоотношение населения разных культур. *Контакты афанасьевского населения с окуневским* поначалу ограничивались обменом керамикой и украшениями. Но постепенно начались брачные взаимоотношения между носителями обеих культур, повлекшие за собой культурную ассимиляцию афанасьевских племен при длительном сохранении физического европеоидного типа последних.

Изделия «чужой» культуры не было принято класть в могилу, поэтому такие случаи единичны. В могиле 26 (рис. 2, 1а) могильника Афанасьева Гора (Грязнов 1999: рис. 6, 17; 8, 3; 11, 2, 5) похоронен юноша с окуневским горшком параболоидной формы, украшенным рядом жемчужин по венчику (рис. 2, 1д), и женщина с яйцевидным сосудом (рис. 2, 1з). На ее груди лежали две костяные пластинки (рис. 2, 1б), схожие с окуневскими иглами для вязания сетей (рис. 2, 2; Максименков 1980: табл. XVIII, 18). Кожаный браслет на руке женщины (рис. 2, 1в), окантованный железными обоймицами, обшит белыми окуневскими аргиллитовыми бусинами (аналогии — рис. 2, 3; там же: табл. XXVI, 6). В могиле 25 в ноги мужчине 20–25 л. поставлен яйцевидный сосуд (рис. 2, 4б), а на 0,3 м выше в заполнении найдены две окуневские бусины (рис. 2, 4а) — цилиндрическая и уплощенно-биконическая (аналогии — рис. 2, 5; там же: табл. XXVI, 11, 13).

В могильнике Карасук III связи афанасьевского населения с окуневским отражаются двояко. Носители окуневской культуры распространяли среди афанасьевских обитателей свои обереги из зубов хищников, а афанасьевские гончары ввели моду уплощать остродонные яйцевидные сосуды. Так, около черепа старой женщины (ограда 9, мог. 2) на комок охры положен брелок из четырех зубов сурка. В той же могиле стояли корчага и яйцевидный сосуд с уплощенным дном (Грязнов 1999: рис. 39, 8). Второй амулет из двух зубов кабарги обнаружен в мог. 10 вместе с сосудом, под венчиком которого имеются налепы, имитирующие окуневские костяные рифленые бусины (рис. 2, 5–7)

(Грязнов 1999: рис. 34, 5; Липский, Вадецкая 2006б: табл. VIII, 3; XV, 3). Следовательно, афанасьевское население выменивало у окуневского не только горшки, но и бусины.

В поздних захоронениях этого же могильника (в разрушенных насыпях) найдены сосуды, нехарактерные для афанасьевской посуды: яйцевидные, но без орнамента (ограда 3, мог. 2; ограда 5, мог. 2), миниатюрные плоскодонные горшочки (ограда 4, мог. 7 и 8), горшочек яйцевидной формы (ограда 7), но на маленьком поддоне (Грязнов 1999: рис. 35, 1–2, 4; 37, 1). Изменение формы до-

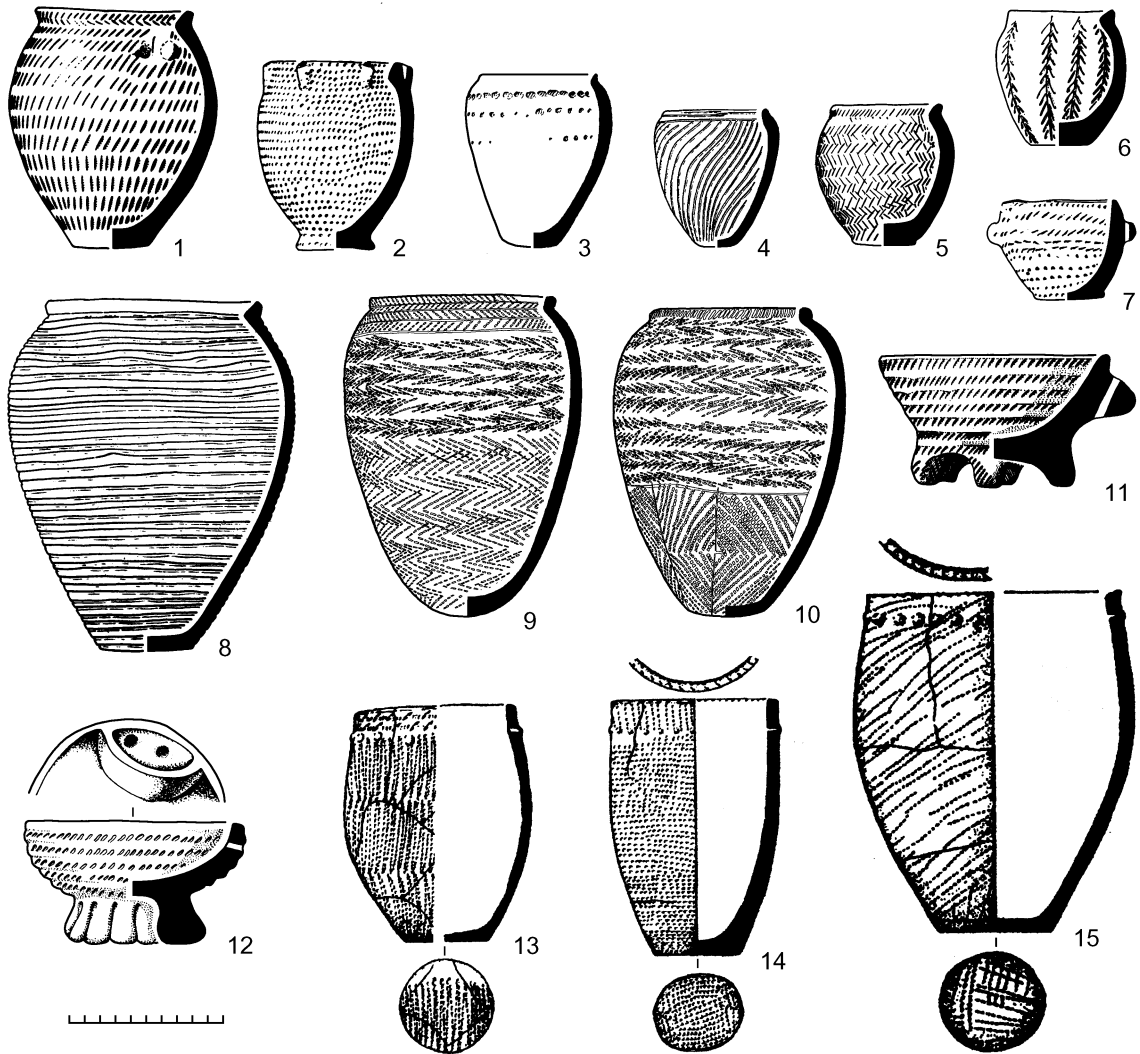

Рис. 3. Взаимовлияние нестандартных форм афанасьевской и окуневской керамики: 1 — афанасьевский могильник Афанасьева Гора, мог. 24; 2, 5–8 — афанасьевский могильник Карасук III (2 — ограда 7, мог. 2; 5 — ограда 4, мог. 7; 6, 7 — ограда 4, мог. 8; 8 — ограда 9, мог. 2); 3, 4 — афанасьевский могильник Черновая VI (3 — кург. 4, мог. 1; 4 — кург. 2); 9–11 — афанасьевский могильник Малые Копены II, ограда 4 (9, 10 — мог. 11; 11 — мог. 9); 12 и 14 — афанасьевская ограда Большое Кольцо, мог. 3 и 2; 13 — окуневский могильник Красный Яр II, кург. 6, мог. 3; 15 — афанасьевский могильник Бельтыры, окуневская ограда 6 (1, 2, 5–8 — по Грязнов 1999; 3, 4 — по Вадецкая 2010; 9, 10 — по Вадецкая 2012в; 11, 12 — по Вадецкая 1986б; 13–15 — по Леонтьев С. 2006)

Fig. 3. Mutual influence of non-typical forms of the Afanasievo and Okunevo pottery: 1 — Afanasievo cemetery Afanasieva Gora, grave 24; 2, 5–8 — Afanasievo cemetery Karasuk III (2 — enclosure 7, grave 2; 5 — enclosure 4, grave 7; 6, 7 — enclosure 4, grave 8; 8 — enclosure 9, grave 2); 3, 4 — Afanasievo cemetery Chernovaya VI (3 — barrow 4, grave 1; 4 — barrow 2); 9–11 — Afanasievo cemetery Malye Kopeny II, enclosure 4 (9, 10 — grave 11; 11 — grave 9); 10 — Okunevo cemetery Krasnyi Yar II, barrow 6, grave 3; 12 and 14 — Bolshoe Koltso, graves 3 and 2; 15 — Afanasievo cemetery Bel'tyry, Okunevo enclosure 6 (1, 2, 5–8 — after Грязнов 1999; 3, 4 — after Вадецкая 2010; 9, 10 — after Вадецкая 2012в; 11, 12 — after Вадецкая 1986б; 13–15 — after Леонтьев С. 2006)

нышка начинается с детских сосудиков, которые встречены как в могильнике Карасук III (рис. 3, 2, 5–7), так в могильнике Афанасьева Гора (рис. 3, 1) и Черновая VI (рис. 3, 3–4), где в разрушенных надмогильных сооружениях продолжали хоронить детей в сопровождении яйцевидных сосудиков с уже уплощенными донышками (Вадецкая 2010: рис. 7, 1–2).

Отход от афанасьевских керамических традиций и восприятие черт окуневской посуды прослеживается в горшках поздних афанасьевских могильников, к которым относятся Черновая VI, Малые Копены II, Подсуханиха. Нестандартные формы керамики включают яйцевидные сосуды с сильно вытянутым туловом или заостренным дном (рис. 3, 9, 10), шаровидные сосуды как плоскодонные, так и с заостренным дном или миниатюрные сосудики разнообразных форм.

В самом позднем из курганов могильника Малые Копены II (кург. 4), кроме нестандартных сосудов, обращает на себя внимание схема расположения могил — такая же, как в окуневских оградах. Вначале были выкопаны три центральные могилы, затем по краям их расплывшихся насыпей выкопаны четыре новые, а еще позже в промежутках между насыпями последних — еще четыре могилы (Вадецкая 2012в: рис. 11; 16, 12–14).

О каких-то установившихся родственных отношениях между группами афанасьевского и окуневского населения могут свидетельствовать несколько афанасьевских могильников, на площади которых окуневские погребения присутствуют не как одиночные впускные захоронения, а в виде отдельных кладбищ. Таким могильником является Красный Яр, расположенный на высокой террасе над левой протокой Енисея, под южным склоном горы Оглахты. Кроме 15 афанасьевских оград здесь находился и окуневский могильник Красный Яр II. Он состоял из девяти могил, причем пять из них были впущены в афанасьевские могилы и ограды; три образовывали отдельную группу, тесно примыкая друг к другу; а еще одна могила находилась в ограде, заранее приготовленной для нескольких могил (Вадецкая 1981: 33–62; 1989: 84–86).

Более активная позиция прослеживается со стороны окуневских племен, которые грабили афанасьевские могилы, использовали их курганы для захоронений своих покойников и, видимо, участвовали в убийствах местных жителей.

Враждебные отношения можно проследить по афанасьевским могилам, оскверненным окуневским населением. В трех могильниках (Черновая VI, Суханиха, Сыда) зафиксированы случаи ограбления еще до полного разложения связок трупа. В могильнике Черновая VI в одной яме переброшен с места таз с крестцом (ограда 1), а во второй (ограда 3) — целая нога со стопой (Вадецкая 2010: 35–46). В могильнике под горой Суханиха в одном погребении лежали не потревоженные кости верхней части позвоночника и несколько ребер подростка, а одна из больших берцовых костей в сочленении с костями стопы была переброшена и лежала почти перпендикулярно позвоночному столбу. Во второй могиле была переброшена к стенке ямы грудная часть трупа (Иванова 1968: 27, 29). В могильнике у с. Сыда в одной могиле (ограда 2) перебросили на другую сторону правую руку в сочленении (Киселев 1937: 74). В другой яме (ограда 8, мог. 2) левую сторону тела, от целого позвоночника и до стопы, сместили на правую ногу (Грязнов 1999: 28). В сухих почвах Хакасии скелетирование трупов происходило медленно, но, как правило, в течение нескольких (не более десяти) лет. Сосуды в этих могилах не потревожены, иногда раздавлены. Значит, могилы не грабили, а оскверняли. Логично предполагать, что окуневские обитатели оскверняли погребения до разложения связок трупов в период наибольшей конфликтности с афанасьевским населением. Такое предположение подкрепляется находками вещей, утерянных грабителями: обломком окуневской банки, найденным всего на глубине 0,15 м в одной из могил у с. Сыда (ограда 4, мог. 1) (Киселев 1937: табл. II, 7), либо обломками окуневского сосуда и стеатитовой бусины в одной из оград под горой Суханиха (ограда 2, раскоп 6).

Как уже отмечалось выше, на раннем этапе носители окуневской культуры, видимо, долго не имели собственных кладбищ и хоронили умерших в овальных ямах в местах с песчаными почвами: Парная, Пристань I, Ярки, Батени, Подгорное Озеро, Черемушный Лог III, Тепсей VIII, Абаканская Управа, Аскиз, Есь, Усчуль (Вадецкая 1986а: 37–40, № 3–4, 15, 19, 22, 26, 37, 39–40). Довольно часто в этих целях использовали афанасьевские расплывшиеся насыпи и сами могилы (Там же: 25, № 18; 37–40; № 7, 8 11, 16, 23–24, 41). По непонятной пока причине во впускных могилах чаще захоронены люди с высоким статусом, судя по сопровождающим, редко встречающимся изделиям или мраморным шарикам, подвешенным к поясу. Так, в могильнике Моисеиха (кург. 5)

одному мужчине, кроме сосуда, было положено медное, видимо, импортное копье (единственное, найденное в окуневских могилах), а к поясу подвешен мраморный шарик. Захоронение другого мужчины (кург. 21) сопровождали каменный наконечник копья (также единственный), бронзовые нож и шило. В третьей могиле (кург. 24) кроме горшка была поставлена курильница и положены медный нож и костяной амулет-палочка, схожий с миниатюрной копией окуневской стелы (Ковалева и др. 2010: рис. 5, 1; 7, 12; 8, 1, 4–8). В могильнике Барсучиха IV (ограда 22) соплеменникам пришлось снять часть афанасьевского надмогильного сооружения, чтобы захоронить мужчину 50 л. В ногах у него находились горшок, бронзовое шило, а к поясу были подвешены нож и мраморный просверленный шарик (Грязнов 1999: рис. 23, 1, 11, 15; 44, 2; 46, 8).

Особый статус покойника прослеживается наиболее четко в двух из четырех впускных могил, выкопанных внутри афанасьевских захоронений кургана у с. Тесь. В одной могиле сохранились медные игольник (с костяной иглой), ножичек, а также костяная орнаментированная пластинка в виде кинжала (Киселев 1929: табл. I, 1–2, 5; 1949: табл. III, 2–3, 5). Во второй могиле находились каменные топор, пест, единственная известная секира, два точильных камня, крупный шар и медный нож (Киселев 1929: табл. I, 7–14; 1949: табл. III, 7–13).

Мраморные шарики как символы принадлежности к группе особых лиц сопровождали еще три из пяти впускных захоронений, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Так, во впускном каменном ящике кургана Малые Копены II похоронен подросток в нагруднике, расшитом 33 резцами сурка и каменными бусами, с подвесками из двух зубов медведя и мраморным шариком. В инвентаре захоронения находились также шесть затесанных астрагалов косули или овцы, два горшка, костяная кинжаловидная подвеска (Вадецкая 2012в: 85, рис. 4). В одном из двух впускных ящиков в насыпи афанасьевского кургана Уйбат-Хулган шарик находился у покойника, захороненного в одежде, украшенной резцами сурка, здесь же найден костяной игольник (Кызласов 1962: 117). Наконец, две могилы впущены в два кургана могильника Летник VI. В одной сохранился каменный шарик, каменный топор, обломок медного ножа, шило, костяной игольник и амулеты из зубов зверей (Вадецкая 1986а: 40, № 41).

О том, что мраморные шарики маркировали какой-то не только социальный, но и, возможно, этнический признак, свидетельствует их использование носителями самусьской и кротовской культур, которые были родственны окуневским племенам (Семенов 1997: рис. 3). Но у окуневского населения шарики, очевидно, приобрели ритуальное значение. Произошло это одновременно с появлением оград для могил. Сначала ограды начали сооружать для людей, обладающих в глазах соплеменников какой-то мистической властью. Могилы делали схожими с афанасьевскими: грунтовые ямы, закрытые, видимо, бревнами, поверх которых складывали земляной холмик, обложенный плитами. Но на поверхности земли от углов ямы выкладывали длинные каменные дорожки, а между ними — оградку из глыб или вертикальных плит. В итоге получалось сооружение в виде квадрата с куполообразным центральным сооружением и отходящими от них лучами. Все конструкция в целом имитирует фигуру, похожую на соляренный знак, высеченный на стелах, изображающих древних окуневских божеств (Карасук II, VIII, Пистах, Есино IV). Ямы неоднократно грабили и использовали вторично, поэтому сопровождающие покойников вещи сохраняются лишь частично. Тем не менее в трех из четырех таких могил (Карасук II, Пистах и Есино IV) у покойников остались каменные шарики (Комарова 1981: рис. 6, 1; Подольский 1997: рис. 5, 6; Паульс 1997: рис. 3).

Для таких особых индивидуумов была сложена общая ограда Тас Хазаа, уже упоминавшаяся в связи с находками в ней афанасьевских сосудов. Она расположена на второй террасе правого берега р. Абакана в 8 км от улуса Чаптыкова. Мраморные шарики с отверстием диаметром 5–6 мм (общим диаметром 4,2–5,6 см и весом 97–215 г) были подвешены к поясу пяти человек, как мужчин, так и женщин (Липский, Вадецкая 2006б: 29–30, табл. XV, 1).

Самым ярким проявлением культового характера мраморных шариков является погребение младенца до 1 г. в могильнике Итколь II (мог. 4), раскопанном в 2010 г. А. В. Поляковым¹. Младенец был одет в шапочку, от которой сохранились 11 медных украшавших ее бляшек, в ухе его находилась серебряная серьга. В районе пояса лежал мраморный шарик диаметром 4 см, а рядом с ним — остатки кожаной сумочки или мешочка, украшенного деревянной фигурой

¹ Благодарю А. В. Полякова за представленную информацию о могиле.

в виде трех лапок, инкрустированной медными гвоздиками. Поверх грудной клетки положена связка из восьми костяных амулетов, представляющих собой целый пантеон божеств: две фигурки головок птиц, по одной — лося и кабана, а также четыре миниатюрные копии окуневских стел с изображением лица человека. Еще ранее, в 1963 г. мраморный шарик был найден в захоронении младенца (Уйбат, кург. 1, мог. 7), в инвентаре которого находились также ожерелье из шести зубов оленя, костяная трапециевидная подвеска и окрашенный охрой сосуд (Леонтьев Н. 1995: 27; Наглер, Парцингер 2006: рис. 3, 10).

Все перечисленные шарики известны на первом этапе культуры, позже их помещали в захоронения редко. Так, в могильнике Черновая VIII, где раскопано 14 оград, шариков было всего два. Один из них (кург. 8, мог. 21) был подвешен к поясу «шамана» с полным набором культовых предметов: роговые «ритон» с резьбой в виде ушей и рогов животного; жезл с вырезанной головкой хищника, пожирающего другое животное; клюв птицы от маски; остов вкладышевого ножа; каменная «лунница» и топор (Максименков 1980: 10). Второй шарик находился в захоронении подростка (кург. 11, мог. 7), которому кроме кинжала положили 62 астрагала, видимо для гадания (Там же: табл. 20, 1; 21, 10). Поскольку ко второму этапу окуневской культуры афанасьевское население смешалось с окуневским, мраморные шарики, видимо, перестали быть этническим признаком. За ними сохранялся лишь ритуальный смысл.

Афанасьевское население использовало костяные наконечники стрел в виде удлиненных стерженьков (Грязнов 1999: 109, рис. 5), а немногочисленные кремневые наконечники стрел представлены только экземплярами, застрявшими в теле покойных. Их форма разнообразна и не отличается от окуневских наконечников, которых обнаружено значительно больше. В частности, 12 наконечников (5 листовидных, 5 ромбических и 2 усеченно-ромбических) были положены, вероятно, в колчане, у головы мужчины в мог. 6 ограды Тас Хазаа (Вадецкая 1986а: табл. II, 4, 12; III, 13; Липский, Вадецкая 2006б: табл. XV, 6). Не исключено, что застрявшие в теле носителей афанасьевской культуры кремневые наконечники стрел принадлежали окуневскому населению и свидетельствуют о боевых столкновениях разнокультурных групп населения.

Результаты совместного проживания носителей обеих культур. *Изменение хозяйственной деятельности.* Уже с начала первых контактов с афанасьевским населением окуневские племена, видимо, не только угоняли их скот, но и начали сами его разводить. Однако особую роль скотоводство приобрело в период, когда культура окуневских обитателей уже сложилась, и они стали вытеснять афанасьевское население с их пастбищ.

В этот период климат долин Енисея существенно не отличался от того, который существовал до образования Красноярского водохранилища. Об этом свидетельствуют спорово-пыльцевые анализы, образцы которых взяты в 1963 г. из почвы курганов могильника Черновая VIII сотрудником Института леса г. Красноярска С. Сафаровой (Максименков 1975: 36). Но учитывая, что Минусинская котловина характеризуется вертикальным размещением зон, можно говорить, что граница леса была ниже, чем теперь, а небольшие рощи — более густыми. Тем не менее за зверьем нужно было отправляться в тайгу на более длинные расстояния, чем раньше. Это явилось одной из причин уменьшения роли охоты в хозяйстве.

Главной же причиной явилось развитие скотоводства, что подтверждается несколькими наблюдениями. Во-первых, при изготовлении разных изделий кости диких животных стали постепенно заменяться костями домашних: игольники вырезали из костей овцы, игровые астрагалы из кости козули заменяли овечьими, украшения из зубов зверей — их имитациями, а также каменными бусинками и бисером. Во-вторых, некоторых покойников при захоронении снабжали куском мяса и припрятавали шкуры жертвенных животных. Все это было заимствовано у афанасьевских племен.

Первая шкура овцы, от которой остались метаподии и фаланги четырех ног, была обнаружена в афанасьевской могиле под горой Тепсей (Грязнов 1979: 22). В окуневских могилах шкур не найдено, но в 4 км от г. Минусинска в 11 ямах, расположенных среди разрушенных могил, находились остатки от одной до шести шкур (в виде черепов и копыт) быков, овец и одной лошади (Наглер, Парцингер 2006: рис. 9, 11–12). По ним Н. М. Ермолова определила местный тип очень крупных и длиннорогих быков. По размерам они близки к зубрам, но морфологические особенности найденных остатков позволяют с уверенностью относить их к домашним животным.

Принадлежность их к окуневской культуре подтверждается изображениями именно таких длиннорогих быков и волов, выгравированных на окуневских плитах в бытовых сюжетах (Ермолова 1983: 105–106; Леонтьев Н. 1980: 31, табл. XXX–XXXI).

Эволюция керамики. Керамика является главным показателем эволюции любой археологической культуры, поэтому появившиеся у афанасьевских и окуневских племен разновидности основных типов сосудов не случайны. У афанасьевской посуды под влиянием окуневских плоскодонных банок изменились формы донышек сосудов — вместо острых они становятся уплощенными и совсем плоскими. Сначала это касается миниатюрных или небольших яйцевидных сосудов (рис. 3, 1–7), позже и крупных (рис. 3, 8–10). Однако новые формы сосудов не укрепляются в дальнейших керамических традициях минусинских степей, а скорее отражают появившуюся нестабильность в жизни гончаров. Но они оказали влияние на новые формы и окуневской керамики. Среди разных типов горшков окуневской культуры появляются сосуды слабо профилированной, усечено-яйцевидной формы закрытого типа, с диаметром устья, равняющимся половине их высоты (рис. 3, 13–15). Происхождение данной керамической традиции связывается с влиянием именно носителей афанасьевской культуры (Леонтьев С. 2006: 262–263 рис. 2).

Давно известно, что вазочки на поддоне, используемые афанасьевскими «шаманами» в качестве курильниц, послужили прототипами для окуневских вазочек. Последние не отличались от афанасьевских размерами, формой и даже по окрашенности охрой. Но они использовались с другими целями: в качестве светильен и для размещения охры, которой разрисовывали лицо и тело. Поэтому у них имеется внутри небольшое отделение (кармашек) для сажи и охры (рис. 3, 11, 12; Вадецкая 1986б: рис. 6, 31).

Физический тип населения. Население окуневской культуры было не единой популяцией, как афанасьевское, а «смесью» групп индивидуумов разного происхождения. «Наряду с черепами, не обнаруживающих никаких следов монголоидной примеси, встречаются такие, у которых нет ни одного признака, который бы позволил как-то связать их с европеоидами» (Громов 1995: 71). Однако со временем образовался особый физический тип: европеоидный с различной долей брахикранного компонента, подтверждающий смешанное происхождение и участие в формировании облика окуневцев представителей монголоидного расового ствола (Там же: 70). Однако часть афанасьевского населения, видимо, продолжала жить изолировано от окуневских племен, хотя и на него распространилась культурная ассимиляция. В частности, это касается европеоидных лесостепных групп населения Назаровской котловины (могильник Синючиха) и Тувы (могильник Аймырлыг), захороненных с окуневскими изделиями (Вадецкая 1986а: 35, 37, № 2).

Изменения похоронной практики. На первом этапе окуневской культуры формы могил были разнообразны, при этом как древнейшие окуневские (Чегерак и оз. Подгорное), так и афанасьевские могилы представляли собой грунтовые ямы, перекрытые бревнами или плитами. Однако покойников клали на спину не вытянуто, как раньше, а с согнутыми в коленях ногами, как носителей афанасьевской культуры. Позднее стали хоронить покойников в укороченных каменных ящиках, для чего умершим приходилось приподнимать головы. Очевидно, у населения окуневской культуры продолжал развиваться культ головы, известный у афанасьевских племен. В связи с этим были усовершенствованы навыки отчленения головы и ее консервации, что привело к возникновению множества специальных ритуалов. В частности, носители окуневской культуры хранили черепа родственников, которые затем помещали в могилы, так же как афанасьевские обитатели хоронили некоторых обезглавленных людей. Но самым ярким проявлением культа головы было его воплощение в искусстве, основным сюжетом которого стало изображение головы человека (Вадецкая 1980б: 107–111, рис. 3–6).

Заключение. Детальное рассмотрение контактов между племенами, оставившими памятники афанасьевской и окуневской культур, подтверждает правильность радиоуглеродных дат, согласно которым несколько поколений афанасьевского населения продолжали обитать в степях Енисея, когда их стали занимать носители окуневской культуры. Сначала они, видимо, лишь периодически совершали вылазки на афанасьевские поселки, угоняя скот и хороня своих умерших в насыпях или могилах афанасьевских курганов. Затем они начали селиться вблизи афанасьевских поселков, торговали с их обитателями, женились на местных женщинах и приобретали навыки скотоводов. После чего окуневские племена начали вытеснять афанасьевское население с их паст-

бищ, занимать их кладбища, осквернять их могилы из религиозных соображений. Возможно, носители окуневской культуры обкладывали афанасьевские племена данью и подселяли к ним своих сборщиков подати. Часть афанасьевского населения стала уходить в более изолированные районы, другая осталась проживать в одних поселках с окуневскими обитателями, поэтому в слоях поселений присутствует посуда обеих культур. Каждая этническая группа хоронила родственников на своих кладбищах, но в похоронном обряде у афанасьевских племен стали появляться черты, характерные для окуневского населения. Процесс культурной ассимиляции носителей афанасьевской культуры завершился.

Спустя 30 лет после открытия окуневской культуры в литературе перестали упоминать о ее сибирском происхождении и о ее связях с афанасьевской культурой. Распространилось мнение, что концепция развития окуневской культуры, предложенная Г. А. Максименковым, вообще утратила актуальность (Есин 2010: 54). Это обстоятельство вынуждает меня остановиться на данном вопросе подробнее.

Причиной пересмотра устоявшихся представлений явилась очередная попытка расшифровки сюжетов на окуневских стелах и плитах. На протяжении уже нескольких веков их семантика интересует не только ученых и путешественников, но и обывателей. Предложенные версии всегда субъективны и противоречивы, поскольку основаны на конкретных знаниях и интересах тех, кто их предлагает. Как правило, аналогии изображениям на окуневских стелах, охватывая территорию Горного Алтая, Тувы, Саян, ведут к сибирской мифологии и этнографии. На этом основано старое направление поисков их смысла. Их в целом называют «каменными бабами», видят в них изображения духов, богов, покровительниц промыслов и плодородия, родоначальниц в виде девы-зверя, солнечных божеств, шаманок в ритуальных костюмах и т. д. Общее, что объединяет эти разные интерпретации, заключается в том, что на всех стелах и плитах показаны изображения одушевленного человеческого лица. Согласно новому направлению поисков семантики изображений они означают закодированную картину мира, где детали изображений шифруют части космоса.

Самое известное каменное изваяние из музея Абакана (оз. Шира), по моему представлению, изображает имеющее высокий головной убор лицо в маске с росписью, ниже лица показан нагрудник, на котором представлен разрезанный мех с головы зверя и солярный знак (Вадецкая 1980а: 57–70, 140, рис. 103). Однако три части того же изваяния расшифровываются теперь как мироздание: небо, наземный и подземный мир (Есин 2009: 90). По всей вероятности, под небом имеется в виду головной убор, под наземным миром — лицо, а под подземным — нагрудник. Подобным же образом расшифровываются изображения отдельных лиц, где рот означает подземный мир, а глаза — небо. Считается, что за этими изображениями скрываются ритуально-мифологические представления южных скотоводов, поскольку на скалах южных территорий, до Китая и Индии, известны схематичные изображения личин, напоминающие окуневские. На этом основано новое суждение о том, что окуневская культура сформировалась при значительном участии мигрантов из Передней Азии или юго-западной территории России. Однако эти версии вступают в противоречие с вышеуказанными таежными корнями окуневской культуры и фактом проживания в Минусинских степях скотоводческого афанасьевского населения еще до прихода сюда носителей окуневской культуры.

Аргументом в пользу южного происхождения послужили некоторые изображения на окуневских стелах, которые, по мнению сторонников южной миграции, не могли возникнуть в охотничьей среде, а явились отражением мифологии пришлых скотоводов. К ним относятся высеченные солярные знаки, личины в головных уборах, где присутствуют изображения рогов, но, главным образом, вырезанные или прочерченные на обломках плит фигуры волов, коров и повозок на колесах с парой запряженных быков (Савинов 1997: 14–15).

Все вышеприведенные данные не дают основания для пересмотра сибирских корней окуневской культуры. Высеченные на окуневских стелах круглые и квадратные значки (16 типов) впервые названы мною «солярными» по сходству именно с изображениями солнца у северных сибирских охотников: шорцев, кетов, эскимосов, хакасов (Вадецкая 1980а: 66, рис. 10). Что же касается высеченных на стелах личин с рогами, то они могут свидетельствовать о наличии в религиозных представлениях окуневского населения культа как диких, так и домашних крупных рогатых животных, так как рога ассоциируются не только с быками и волами, но также с зубрами и даже с оленями. Кроме того, изображения рогов являются лишь частью фантастического

головного убора, поскольку всегда между ними высечена центральная фигура в виде ленты, змеи, развилки короны и т. п.

Сакральный характер фигур быков, коров и волов на обломках разбитых плит, используемых для сооружения могил и оград, не доказан. Рисунки помещены, как правило, поверх разбитых личин. Животные показаны идущими медленным шагом, словно они пасутся, иногда их сопровождают собаки. Судя по размещению изображений на плитах и позе быков, все эти рисунки могли быть бытовыми, среди них много незаконченных (Леонтьев Н. 1980: табл. XXX–XXXI).

Особое значение для доказательства южного происхождения окуневского искусства придается изображениям запряженных быков с повозкой, хотя нет сомнения в том, что афанасьевские племена еще до появления окуневского населения использовали рогатый скот как тягловую силу. Да и наиболее растиражированные в специальной литературе изображения, вырезанные поверх личин на двух стелах, могут быть поздними копиями, сделанными пастухами. На верхушке одной стелы, найденной у с. Красный Камень, после ее падения вырезали пару запряженных быков (Вадецкая 1980а: 135, табл. XLIV, 80). На широкой грани второй стелы, выявленной у с. Знаменки, постепенно обнаруживается все большее количество пар быков и, возможно, лосей. Между двумя быками нарисована крытая повозка с возницей внутри нее (Ожередов 2006: 213, рис. 1). Монументальная плита, уже разбитая на три части, закрывала, судя по вещам (72 медные бусы, браслет, нож и горшок) каменный карасукский ящик (Грязнов 1960: 88). Согласно радиоуглеродным датам разница между окуневской и карасукской культурами составляет около тысячи лет (Поляков, Святко 2009: 49–50). Все это время плита находилась на поверхности земли, и изображение повозки могло быть подрисовано. Маловероятно также, чтобы тонкая прорисовка фигурки человека могла сохраниться внутри нее.

Версия миграции населения с юго-западной территории (катакомбная культура) также не имеет основания, хотя приводится более конкретная аргументация. Речь идет о пяти погребенных (трое детей и двое взрослых), захороненных в ямах в виде катакомбы (Лазаретов 1997: 39, табл. III, 3; V, 6; Леонтьев Н. 1995). Кроме того, с большой натяжкой можно найти сходство между окуневскими и катакомбными «курильницами», хотя катакомбные вазочки многочисленнее и массивнее окуневских, а главное, служили жаровнями для рядовых покойников. Окуневские светильни (они же сосуды для размешивания охры с жиром) единичны, поскольку ставили их только «шаманам» (Вадецкая 1986б: 59). Четыре из пяти указанных могил находились в ранних окуневских оградах в Уйбатской степи вместе с другими ранними окуневскими конструкциями, представлявшими собой обычные ямы, ямы с заплечиками или двухъярусные ямы. Объяснить их разнообразие можно этнической смешанностью проживавшего здесь населения, у которого еще не сложились похоронные ритуалы. В частности, керамика из уйбатских могил отражает контакты населения с родственными им племенами Западной Сибири (Леонтьев С. 2006: 265).

Многообразие форм контактов позволяет усомниться в том, что продолжительность совместной жизни афанасьевского и окуневского населения ограничивалась лишь четырьмя поколениями, а не более длительным временем. В любом случае доказанность их совместного проживания разрушает версии о вторичной миграции скотоводов с отдаленных территорий на Енисей. Эти гипотезы становятся попросту ненужными. Оригинальность сюжетов окуневского искусства, видимо, объясняется сочетанием мировоззрения охотников и скотоводов. Понять его современному человеку невозможно без длительного и тщательного изучения всех сторон жизни племен окуневской культуры, прежде всего погребальных ритуалов, а также семейно-родовых отношений внутри окуневского общества.

Абрамова 1969 — *Абрамова З. А.* Два пути развития енисейского палеолита // *Этногенез народов Северной Азии: Материалы конф.* Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1969. Вып. 1. С. 32–34.

Аванесова 2012 — *Аванесова Н. А.* Святилище ранних номадов Зеравшана // *Афанасьевский сборник 2.* Барнаул: Азбука, 2012. С. 8–27.

Вадецкая 1980а — *Вадецкая Э. Б.* Изваяния окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–87, 123–147.

Вадецкая 1980б — *Вадецкая Э. Б.* О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // *Духовная культура народов Сибири.* Томск: Изд-во Томского ГУ, 1980. С. 104–118.

- Вадецкая 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронза. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая 1986а — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая 1986б — *Вадецкая Э. Б.* Сибирские курьельницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
- Вадецкая 1988 — *Вадецкая Э. Б.* Древнейшие могилы Хакасии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ; ИИФиФ, 1988. С. 45–47.
- Вадецкая 1989 — *Вадецкая Э. Б.* Археологический комплекс под горой Оглахты // Памятники истории и культуры Красноярского края: Предварительные материалы Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1989. Вып. 1. С. 84–86.
- Вадецкая 1990 — *Вадецкая Э. Б.* Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 69–70.
- Вадецкая 2010 — *Вадецкая Э. Б.* Могильник Черновая VI (Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 35–46.
- Вадецкая 2012а — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская керамика (классика археологического рисунка) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 31–84.
- Вадецкая 2012б — *Вадецкая Э. Б.* Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 208–220.
- Вадецкая 2012в — *Вадецкая Э. Б.* Могильник Малые Копены II // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 85–102.
- Готлиб 1995 — *Готлиб А. И.* Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии) // Проблемы изучения окуневской культуры: ТД конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 29–32.
- Громов 1995 — *Громов А. В.* Антропологические особенности населения окуневской культуры // Там же. С. 70–74.
- Грязнов 1960 — *Грязнов М. П.* Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 85–89.
- Грязнов 1979 — *Грязнов М. П.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее: (эпоха бронзы — ран. средневековье). Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
- Грязнов 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
- Дремов 1988 — *Дремов В. А.* Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпоху неолита и бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: ТД научн. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ; ИИФиФ, 1988. С. 40–43.
- Ермолова 1983 — *Ермолова Н. М.* Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 95–107.
- Есин 2009 — *Есин Ю. Н.* Тайна богов древней степи. Красноярск: Поликор, 2009. 184 с.
- Есин 2010 — *Есин Ю. Н.* Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.
- Зубков 2013 — *Зубков В. С.* Стоянка Куйбышево I на реке Джебаш // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. № 1 (5). С. 192–199.
- Иванова 1968 — *Иванова Л. А.* Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 58–69.
- Киргинеков 2010 — *Киргинеков Э. Н.* Итоги исследования кургана Большое кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 79–91.
- Киселев 1929 — *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929. 162 с. (Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартянова. Т. 6, вып. 2).
- Киселев 1937 — *Киселев С. В.* «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси // СА. 1937. № 2. 71–94.
- Киселев 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. № 9).
- Ковалева и др. 2010 — *Ковалева О. В., Леонтьев Н. В., Амзараков П. Б.* Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–121.
- Комарова 1981 — *Комарова М. Н.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронза. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–90.
- Косарев 1992 — *Косарев М. Ф.* К проблеме переходных историко-археологических периодов // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1992. Ч. 1. С. 42–44.
- Кызласов 1962 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.
- Кызласов 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 294 с.

- Лазаретов 1995 — *Лазаретов И. П.* К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры: ТД конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 14–16.
- Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н. 1980 — *Леонтьев Н. В.* Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 27–34, 121–122.
- Леонтьев Н. 1995 — *Леонтьев Н. В.* Два окуневских кургана долины реки Уйбат // Проблемы изучения окуневской культуры: ТД конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 26–28.
- Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 — *Леонтьев Н. В., Леонтьев С. В.* Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 178 с.
- Леонтьев С. 2006 — *Леонтьев С. В.* К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 260–265.
- Липский 2012 — *Липский А. Н.* Материалы по энеолиту Хакасии (из архива, подготовленно Л. А. Соколовой) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 210–224.
- Липский, Вадецкая 2006а — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 73–81.
- Липский, Вадецкая 2006б — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас-Хазаа // Там же. С. 9–52.
- Макаров 1986 — *Макаров Н. П.* Исследования на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФиФ, 1986. С. 121–124.
- Макаров 2005 — *Макаров Н. П.* Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутского ГТУ, 2005. Вып. 3. С. 149–171.
- Максименков 1965 — *Максименков Г. А.* Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 204–211.
- Максименков 1969 — *Максименков Г. А.* Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине? // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвуз. конф. 11–13 мая 1969 г. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1969. С. 159–161.
- Максименков 1975 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО АН СССР, 1975. 40 с.
- Максименков 1980 — *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26, 92–120.
- Мерц В., Мерц И. 2011 — *Мерц В., Мерц И.* Погребения ямного типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 134–144.
- Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 9–52.
- Ожередов 2006 — *Ожередов Ю. И.* Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства // Там же. С. 212–218.
- Паульс 1997 — *Паульс Е. Д.* Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.
- Подольский 1997 — *Подольский М. Л.* Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Там же. С. 113–122.
- Поляков, Святко 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2009. Вып. 5. С. 20–55.
- Савинов 1997 — *Савинов Д. Г.* Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 7–18.
- Семенов 1997 — *Семенов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Там же. С. 113–122.
- Скобелев 1988 — *Скобелев С. Г.* Новые данные по неолиту Енисея // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: ТД научн. конф. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ; ИИФиФ, 1988. С. 37–40.
- Студзицкая 1995 — *Студзицкая С. В.* Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры: ТД конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 40–44.
- Хаврин 1995 — *Хаврин С. В.* Окуневские бронзы // Там же. С. 67–70.

Stages of assimilation of the Afanasievo culture people by the Okunevo culture tribes

E. B. Vadetskaya

The paper is devoted to the study of contacts between two groups of Eneolithic people in the Minusinsk depression. The Afanasievo culture and Okunevo culture peoples differed not only in their origin, subsistence, and worldview, but also in physical type. The population that left behind the Afanasievo sites was replaced by the Okunevo culture tribes. This is evidenced by the Okunevo burials dug into both the ruins of the Afanasievo tombstones and Afanasievo graves themselves. Some scholars believe that a long coexistence of peoples belonging to different archaeological cultures in the Minusinsk steppes was impossible. Meanwhile, after the hunters, *i. e.* the Okunevo culture people, penetrated into the steppe zone, they became herders like the Afanasievo tribes. This is evidenced by the finds of some household items (fig. 1–2), and by the popularity of images of domestic animals in the Okunevo art, the stylistics of which gave rise to some extravagant interpretations of its subjects and to the idea of its non-Siberian origin. The present paper argues in favor of coexistence of the two cultures in the south of Siberia, and presents data testifying to various contacts between them. These contacts led to significant changes in subsistence practices, pottery (fig. 3), and funerary rituals. The demonstration of a one- or two-hundred-year long coexistence of the Okunevo and Afanasievo tribes allows to reject the idea, that the herders migrated into the Yenisey valley from some remote regions. The originality of the Okunevo art subjects should probably be explained by its syncretism, caused by the mixture of worldviews held by the ecademic (Okunevo hunters) and indigenous (Afanasievo herders) populations.

О необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II)

А. В. Поляков

Ключевые слова: Республика Хакасия, оз. Итколь, курган, окуневская культура, ритуальная площадка.
Keywords: Republic of Kharasia, Lake Itkol', barrow, Okunevo culture, ceremonial ground.

За последние сто лет методика археологических раскопок курганов Южной Сибири значительно шагнула вперед. В частности, заметные изменения произошли в тех требованиях, которые предъявляются к площадям, вскрываемым в процессе исследования отдельных сооружений. В начале прошлого века шурфом исследовалась только центральная могила, при этом могли быть упущены дополнительные погребения, впускные могилы, а также иные объекты, находящиеся на площади кургана. Фактически оставались неисследованными структура насыпи, тип и форма ограды, а также большое количество различных конструктивных элементов. Ближе к середине прошлого века произошли знаковые изменения, когда получила распространение методика вскрытия всего пространства внутри ограды. Это значительно расширило представления ученых о конструкциях курганов, методах их возведения и выявило факт существования второстепенных и впускных погребений. В 1960-х гг. М. П. Грязнов, начальник Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР, предложил не только вскрывать ограду целиком, но и закладывать снаружи вдоль нее полосу шириной не менее 1 м. Далее в течение последних 50 лет большинство курганов в Южной Сибири исследовалось на основе именно этой методики.

На нескольких памятниках М. П. Грязновым были проведены масштабные исследования, в ходе которых единым (полигональным) раскопом были вскрыты группы курганов эпохи поздней бронзы (Грязнов и др. 2010: 12–13, рис. 9). Однако, учитывая огромный объем работ, который предстояло провести в те годы Красноярской экспедиции, дальнейшего развития этот подход не получил.

С другой стороны, в течение столь продолжительного времени были зафиксированы случаи, когда за пределами оград курганов различных археологических эпох были выявлены разнообразные, связанные с ними объекты. Они не всегда попадают в границы раскопа и, следовательно, зачастую остаются неисследованными. В последние годы по выявлению подобных объектов наиболее интересные результаты получены при изучении курганов окуневской культуры (Поляков 2010б; Лазаретов 2012). Все более очевидным становится, что за пределами ограды кургана могут находиться связанные с ним разнообразные объекты. Учитывая это, одной из основных целей было проведение в 2013 г. раскопок широкой площадью для выявления максимально большого числа объектов за пределами ограды.

Могильник Итколь II расположен на северо-западной оконечности большого пресноводного оз. Итколь, находящегося в восточной части Ширинского р-на Республики Хакасия (рис. 1). Он представляет собой могильное поле, состоящее не менее чем из 43 курганов различных археологических культур (рис. 2).

Его наиболее древняя центральная часть состоит из курганов афанасьевской и окуневской культур. Именно эти сооружения были предметом совместных исследований 3-го отряда Среднеазиатской экспедиции ИИМК РАН (руководитель А. В. Поляков) и Хакасского отряда Центральноазиатской экспедиции ГЭ (руководитель С. В. Морозов) в 2008–2010 гг. В тот период было раскопано 7 курганов: четыре — афанасьевской культуры, два — окуневской куль-

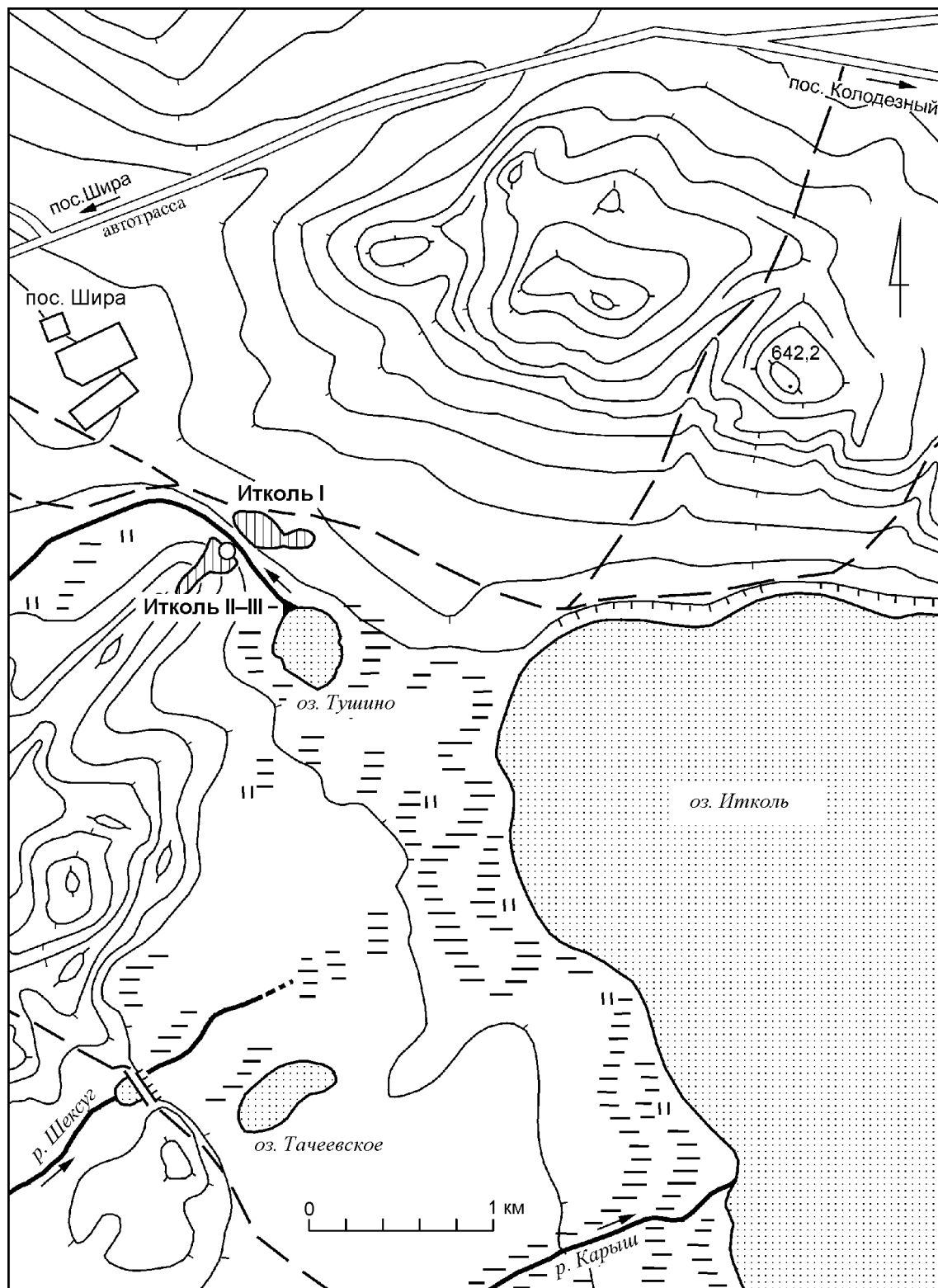

Рис. 1. Расположение археологических памятников Итколь I–III, карта
Fig. 1. Map showing the location of the Itkol' I–III sites

туры и один, относящийся к памятникам «баиновского типа». Кроме того, на прилегающем к памятнику поселении Итколь III было вскрыто 172 м² площади и зафиксированы материалы афанасьевского и окуневского времени. Результаты исследований могильника и поселения, относящиеся к афанасьевской культуре, полностью опубликованы (Поляков, Степанова 2009;

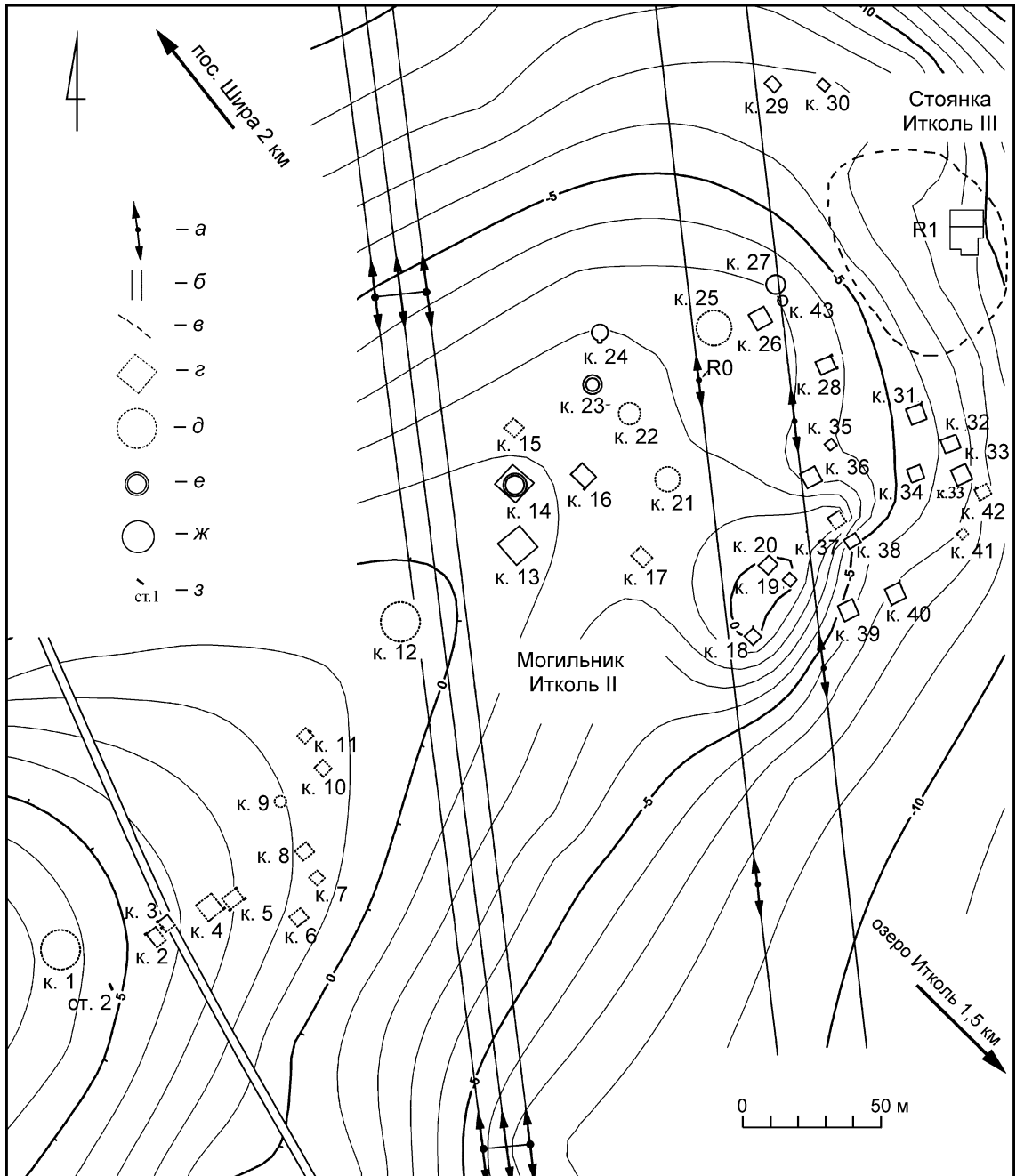

Рис. 2. Могильник Итколь II, план: *a* — опоры ЛЭП; *b* — грунтовая дорога; *v* — вероятные границы поселения; *z* — прямоугольные ограды; *d* — грунтовые насыпи; *e* — круглые ограды из блоков или горизонтальных плит; *ж* — круглые ограды из вертикальных плит; *з* — одиночные вертикальные плиты (стелы?)

Fig. 2. Plan of the Itkol' II cemetery: *a* — electric poles; *b* — earth road; *v* — probable borders of settlements; *z* — rectangular enclosures; *d* — earth mounds; *e* — circular enclosures of blocks or vertical slabs; *ж* — circular enclosures of vertical slabs; *з* — isolated vertical slabs (steles?)

Поляков 2010а). В 2013 г. на этом интереснейшем памятнике был исследован кург. 13 (окуневская культура)¹.

Курган 13 до начала работ представлял собой невысокое земляное всхолмление диаметром около 14 м, в основании которого прослеживались отдельные вертикально вкопанные плитки ограды, позволяющие полагать, что она имеет прямоугольную форму. Сохранившаяся высота земляной насыпи на момент начала работ составляла не более 0,5 м. На ее поверхности прослеживались отдельные плиты перекрытия могил и торцевые грани каменных ящиков, впущенных в насыпь кургана.

Первоначально был заложен раскоп, выходящий за пределы ограды на 2 м во всех направлениях. Затем за северо-восточной стенкой ограды был дополнительно прирезан участок 16 × 16 м с целью поиска конструктивных элементов ритуальной площадки. Уже на начальной стадии раскопок за тремя стенками ограды (кроме северо-восточной) обозначились края очень крупных земляных объектов. Их полное исследование потребовало значительного расширения границ раскопа, в результате чего он приобрел сложную многогранную форму, а его площадь составила около 820 м² (рис. 3).

Этим большим раскопом был охвачен не только курган, но и 25 различных объектов: грунтовых ям и каменных конструкций, получивших обозначения буквами латинского алфавита. Большая часть объектов (17) связана с курганом и датируется окуневской культурой. Они расположены как на площади ограды, так и за ее пределами и являются элементами технологии строительства кургана либо объектами, отражающими обрядовые действия. В данной статье будут рассмотрены только материалы окуневской культуры².

В процессе работ было установлено, что площадь ограды была перекрыта земляной насыпью, сделанной из материкового грунта (супесь светло-желтого цвета). Этот грунт был взят из больших ям, расположенных с трех сторон за оградой: объекты А, В и С. Такое строение насыпи позволило четко проследить слой «погребенной почвы», фиксирующийся по всей площади внутри ограды. И. П. Лазаретов обратил внимание на значительную мощность этого слоя — местами до 0,15 м. По аналогии со своими раскопками 1993 г. кург. 4 могильника Уйбат V (Лазаретов 1997: 30) он выдвинул версию, что дерн, снятый с объектов А, В и С, был уложен в один слой поверх естественного дерна кургана, что и определило значительную толщину «погребенной почвы». В целом с этим наблюдением можно согласиться — действительно, площадь всех трех объектов в сумме примерно соответствует площади ограды, а толщина слоя зафиксированной «погребенной почвы» необычно большая.

Ограда кургана сохранилась фрагментарно (рис. 4). Она была возведена из вертикально вкопанных плит песчаника с дополнительной расклинкой и ориентирована углами практически по сторонам света. Осевого разрез Б–Б', совпадающий по ориентации с восьмью из девяти могил кургана, проходил по отношению к магнитному северу по линии с отклонением 55°. Заглубление стенок ограды небольшое — не более 0,2 м от уровня материка. На момент раскопок почти все плиты ограды отсутствовали на месте. Сохранились только основания нескольких плит и небольшие плиты расклинки, позволяющие определить ее границы и размеры — 13,5 × 13,5 м. Во всех четырех углах ограды были прослежены более глубокие ямы (глубина до 0,55 м). В них также сохранились плиты расклинки. Это позволяет уверенно утверждать, что по углам ограды были установлены угловые камни, возвышающиеся над уровнем самой ограды. Их следы и ранее отмечались исследователями окуневских памятников, например на курганах могильника Уйбат V (Лазаретов 1997), а в случае с курганом Туим-Кольцо один из таких угловых камней даже сохранился на своем первоначальном месте (Кызласов 1987).

В северо-западной части кургана на уровне «погребенной почвы» были обнаружены остатки двух «диагоналей» (рис. 4). Этот конструктивный элемент иногда встречается у курганов окуневской культуры (Лазаретов 2012). Обычно они представляют собой четыре дорожки из плит или камней, идущие по биссектрисе из углов ограды к центральному сооружению. В кургане 13 частично сохранились только две «диагонали» (из северного и западного углов ограды). Они были

¹ В исследованиях принимали участие археологи: С. В. Морозов (ГЭ), О. В. Ковалёва и П. Б. Амзараков (Хакасский НИИ языка, литературы и истории). Антропологические определения выполнены Н. И. Лазаретовой. Прорисовки изображений на плитах кургана сделаны Ю. Н. Есиным (Хакасский НИИ языка, литературы и истории).

² Другая группа из восьми объектов относится к тагаро-таштыкской эпохе (хозяйственные и мусорные ямы). Вероятно, вблизи кургана позднее располагался памятник поселенческого типа.

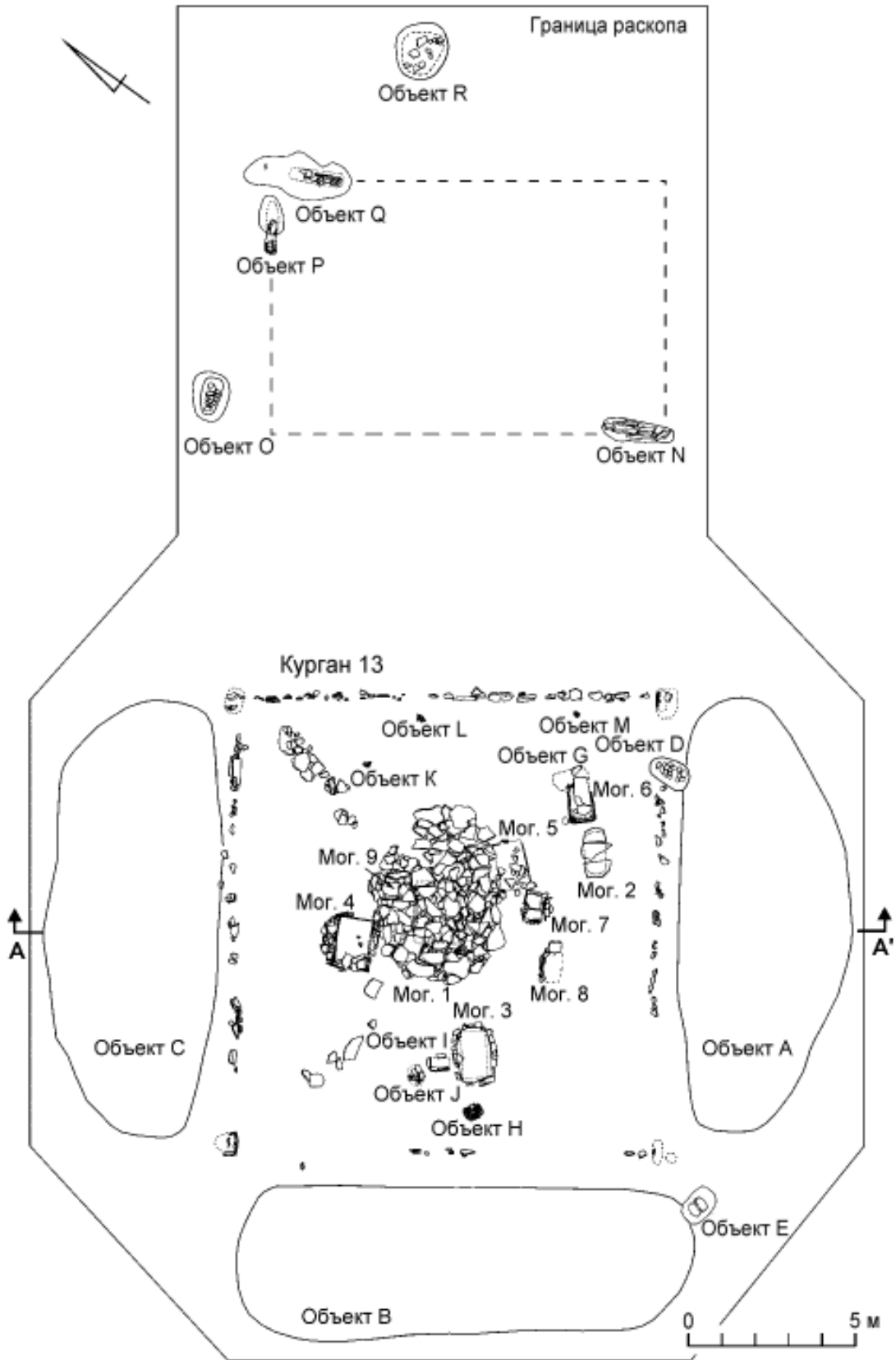

Рис. 3. Итколь II, кург. 13, схема раскопа с объектами окуневской культуры

Fig. 3. Itkol' II, barrow 13. Scheme of the excavation area with the Okunevo culture objects

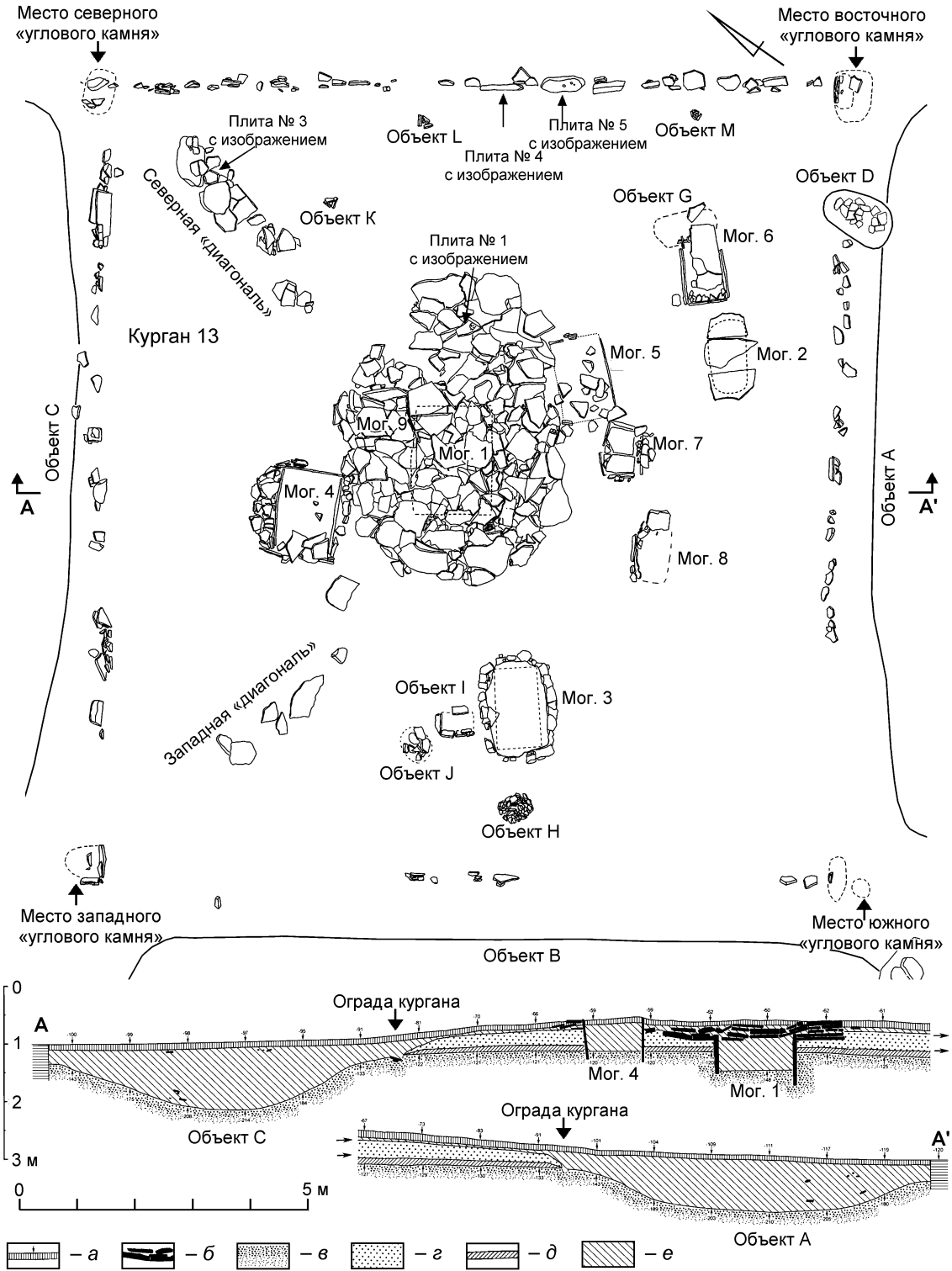

Рис. 4. Иткол' II, кург. 13, план конструкций ограды с размещением могил и объектов. Условные обозначения к рис. 4, 8, 10–12: *a* — дерн; *b* — камень (для разрезов); *v* — материк, светло-желтая супесь; *g* — материковая насыпь; *d* — погребенная почва; *e* — черная гумусированная супесь

Fig. 4. Itkol' II, barrow 13. Plan of the enclosure constructions, showing the location of graves and other features. Legend to figs. 4, 8, 10–12: *a* — turf; *b* — stone (for profiles); *v* — native soil, light-yellow sandy loam; *g* — earth mound; *d* — buried soil; *e* — black humified sandy loam

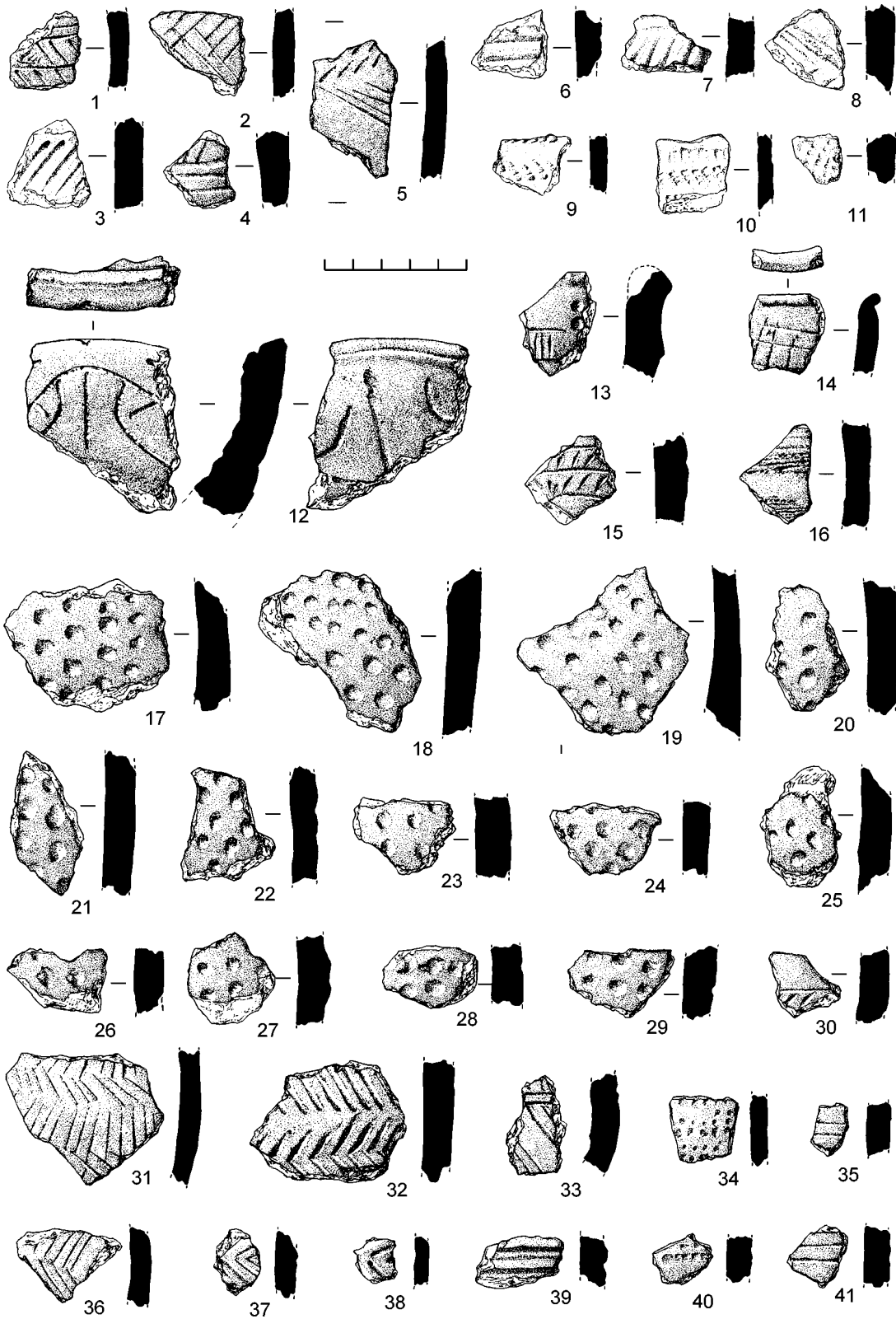

Рис. 5. Иткол' II, кург. 13, фрагменты керамики окуневской культуры из заполнения могил (1–10) и с площади ограды (11–40): 1–5 — мог. 3; 6–8 — мог. 7; 9–10 — мог. 8

Fig. 5. Itkol' II, barrow 13, Okunevo pottery from the grave fill (1–10) and the enclosure area (11–40): 1–5 — grave 3; 6–8 — grave 7; 9–10 — grave 8

сооружены из горизонтально положенных (местами в два слоя) плит песчаника. Важно отметить, что они были сложены на уровне «погребенной почвы» и потом сверху перекрыты насыпью из материкового грунта. Учитывая, что сохранились они только частично, можно утверждать, что «диагонали» были разобраны самими строителями кургана. Вероятно, это произошло уже после того, как было совершенно захоронение в центральной могиле и проведены связанные с ним обряды, но до сооружения насыпи кургана.

В процессе разборки насыпи на площади ограды было обнаружено 65 фрагментов керамики, из которых 31 датируется временем окуневской культуры (рис. 5, 12–41). В основном они встречались в северном секторе ограды на уровне верхней части насыпи из материкового грунта. Большая серия фрагментов (13), найденных компактно к северу от центрального сооружения, принадлежит одному сосуду (рис. 5, 17–29). Отдельные фрагменты от этого же сосуда обнаружены и за пределами ограды (рис. 6, 12, 47). Можно отметить, что по своему типу и орнаментации этот сосуд отличается от всех остальных, обнаруженных в кургане. Возможно, он относится к раннему (уйбатскому) этапу окуневской культуры, согласно периодизации И. П. Лазаретова (Лазаретов 1997).

Стоит отметить крупный фрагмент курильницы, на котором, вероятно, была изображена окуневская «личина» (рис. 5, 12). Прослеживается верхняя часть абриса, нос в виде вертикальной линии, два полукруга выделяют глаза, изображенные косыми черточками. Над абрисом под самым венчиком по краям фрагмента видны небольшие черточки. Вероятно, это кончики рогов. Изображения «личин» на стенках сосудов крайне редкое, но не исключительное явление (см. Паульс 1997: 126–127, рис. 4).

Среди каменных сооружений кургана были обнаружены пять плит с фрагментами изображений (рис. 7, 1–5). Все они датируются временем окуневской культуры, но попали в курган случайно и именно поэтому представлены фрагментарно, а не в виде законченных композиций. Плиты, на которых они были нанесены, использованы в качестве строительного материала без учета изображений на них (рис. 4).

В пределах ограды было устроено девять могил различных конструкций (рис. 4; 8).

Могилы 1. Основное погребение кургана, расположенное в центре ограды (рис. 3–4). Могила оформлена в виде каменного ящика из крупных плит песчаника, размером 1,8 × 1,3 м по внутренней стороне и высотой 0,65 м (рис. 8, 1). Длинными стенками ящик ориентирован по оси СВ–ЮЗ. Он был только частично углублен (на 0,45 м) ниже уровня древней «погребенной почвы», остальная его часть (0,2–0,25 м) выступала выше этого уровня. Вероятно, это было сделано с той целью, чтобы верхняя часть надмогильного сооружения находилась вровень с материковой насыпью кургана.

Перекрытие могилы было сделано из крупных плит песчаника, уложенных плашмя в несколько слоев. Первоначально вокруг ящика на материковую насыпь было уложено два-три слоя плит так, чтобы верхний край получившейся платформы находился на одном уровне с верхним краем плит ящика. Затем, по всей видимости, было уложено деревянное перекрытие (не сохранилось), поверх которого был уложен каменный панцирь из плит песчаника, составляющих минимум три-четыре слоя. В результате получалась платформа, которая, вероятно, имела округлую форму с ровно подбренным внешним краем (рис. 8, 1). Надмогильное сооружение имело диаметр примерно 3,2–3,5 м.

Могила была ограблена и, по всей видимости, неоднократно. Большинство костей находилось в заполнении могилы на значительной высоте от дна. На дне все кости тоже были смещены со своих мест. Они были сброшены в несколько куч, вплотную к стенкам ящика (рис. 8, 1). Костей в сочленении обнаружено не было. Можно полагать, что по крайней мере одно ограбление происходило в тот момент, когда связки скелета уже разложились, но могила еще не была заполнена землей. Последний раз могила была потревожена, когда она была уже частично (возможно, и полностью) заполнена землей.

В восточном углу находились два черепа (скелеты В и Г) и отдельно лежащая нижняя челюсть. В западном углу обнаружены частично расколотый череп (скелет А), а также таз с крестцом, лопатка, некоторые длинные кости, ребра и позвонки. Возле северо-западной стенки, ближе к северному углу, зафиксированы череп (скелет Б), фрагменты черепа младенца (скелет Д), многочисленные длинные кости, таз и ключица. Именно в этом скоплении костей, в нижней его части, был обнаружен кремневый наконечник стрелы с вогнутым основанием (рис. 9, 2). Вероятно, он находился в теле одного из погребенных.

В погребении, на дне и в заполнении могилы, находились остатки пяти человек: скелет А — крупный мужчина 30–40 л. (практически целый посткраниальный скелет, череп А, челюсть); скелет

Рис. 6. Иткол' II, кург. 13, керамика и изделие окуневской культуры, обнаруженные в объектах (1–30) и на территории ритуальной площадки (31–49): 1–3 — объект А; 4–11— объект В; 12–18 — объект С; 19 — объект J; 20 — объект К; 21 — объект О; 22 — объект Q; 23–26 — объект N; 27–30 — объект R (1–22, 24–49 — обожженная глина; 23 — камень)

Fig. 6. Itkol' II, barrow 13, pottery and an Okunevo artifact associated with different features (1–30) and the ceremonial ground (31–49): 1–3 — feature A; 4–11— feature B; 12–18 — feature C; 19 — feature J; 20 — feature K; 21 — feature O; 22 — feature Q; 23–26 — feature N; 27–30 — feature R (1–22, 24–49 — baked clay; 23 — stone)

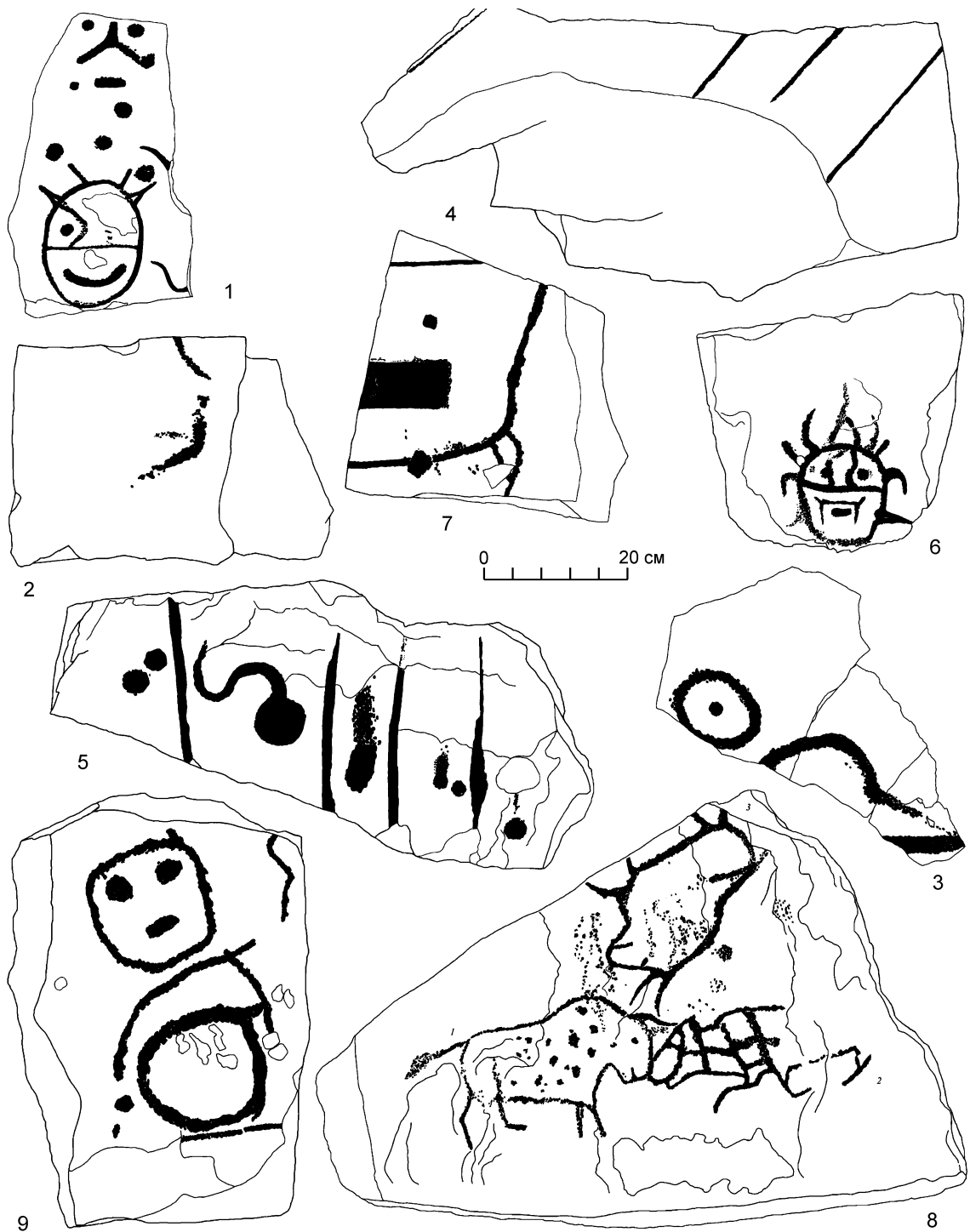

Рис. 7. Итколь II, кург. 13, плиты с изображениями, найденные при раскопках кургана: 1–2 — из перекрытия мог. 1; 3 — из северной «диагонали»; 4–5 — из северо-восточной стенки ограды; 6–9 — объект N (прорисовки выполнены Ю. Н. Есиным)

Fig. 7. Itkol' II, barrow 13, slabs with representations, found in the course of excavations: 1–2 — from the roofing of grave 1; 3 — from the northern «diagonal»; 4–5 — from the northeastern wall of the enclosure; 6–9 — feature N (drawings by Yu. N. Esin)

Б — мужчина (?) 35–45 л. (практически целый посткраниальный скелет, череп Б); скелет В — женщины 30–45 л. (только череп В); скелет Г — женщина старше 55 л. с патологией левого тазобедренного сустава и патологическими разрастаниями на других суставных поверхностях всего скелета и атрофическими изменениями на длинных костях вследствие патологии сустава (посткраниальный скелет, череп Г, челюсть); скелет Д — новорожденный или нерожденный ребенок (только фрагменты черепа Д).

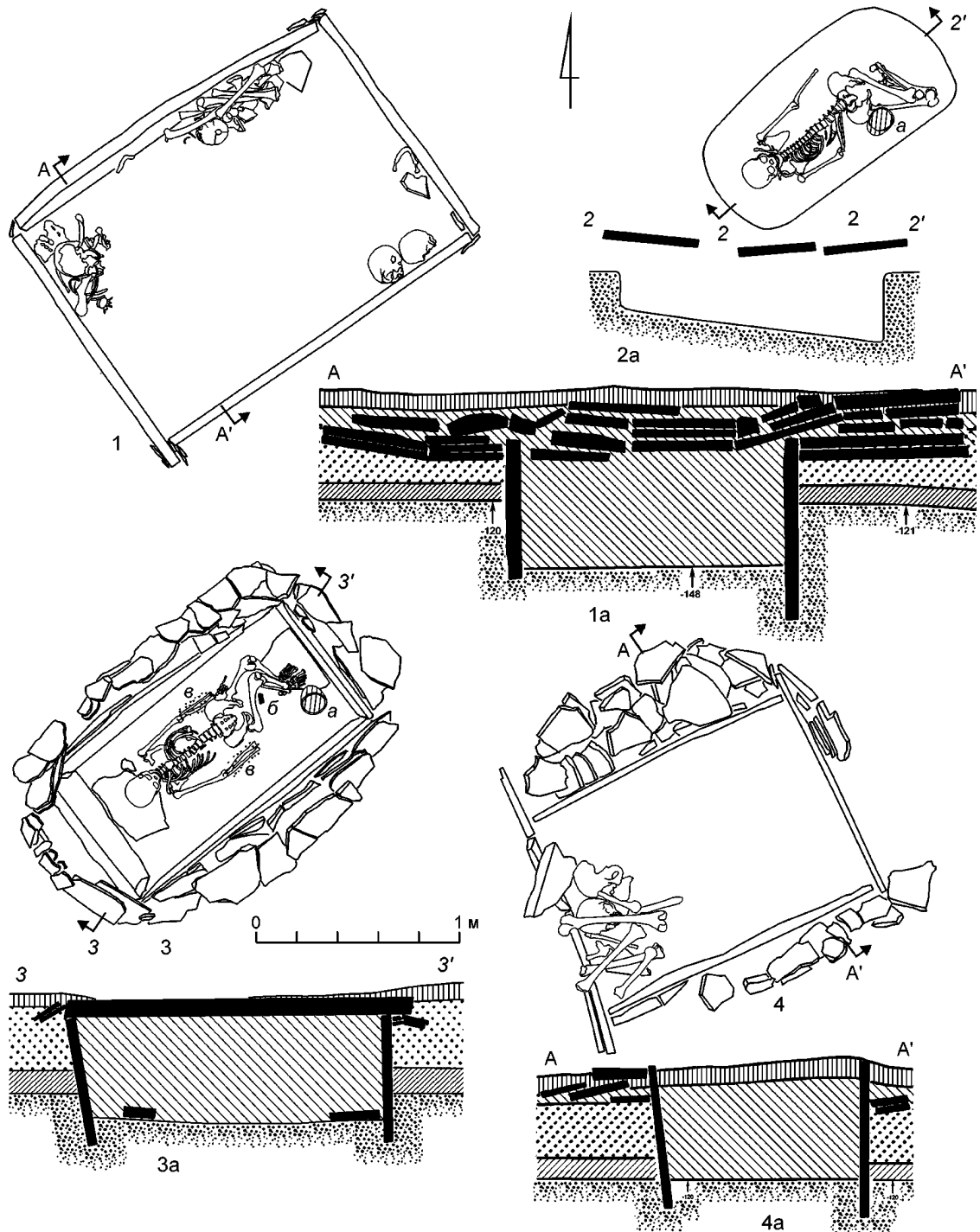

Рис. 8. Итколь II, кург. 13, планы, разрезы и профили могил 1–4: 1 — мог. 1; 2 — мог. 2; 3 — мог. 3 (а — сосуд; б — нож, игольник, игла; в — бисер); 4 — мог. 4

Fig. 8. Itkol' II, barrow 13. Plans, sections and profiles of graves 1–4: 1 — grave 1; 2 — grave 2; 3 — grave 3 (a — vessel; b — knife, needle-case, needle; v — glass beads); 4 — grave 4

Можно отметить присутствие в могиле черепа В, с которым не удалось связать ни одну из частей посткраниального скелета. Не исключено, что в погребение мог быть помещен только череп (или голова), что является распространенной практикой для погребального обряда окуневской культуры.

Могилы 2. Располагалась в ЮВ части ограды (рис. 3; 4). Она представляла собой грунтовую яму овальной формы размером 1,27×0,65 м, ориентированную длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 8, 2). Яма была впущена с уровня «погребенной почвы». Перекрытие сделано из трех средних размеров плит песчаника, положенных поперек могилы. Дно могилы имеет заметный уклон: в юго-западной части глубина могилы от уровня перекрытия составляла около 0,3 м, в северо-восточной — 0,46 м.

В яме находилось *in situ* погребение мужчины старше 45 л. (со следами остеохондроза и остеопороза) в положении на спине, с сильно подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями,

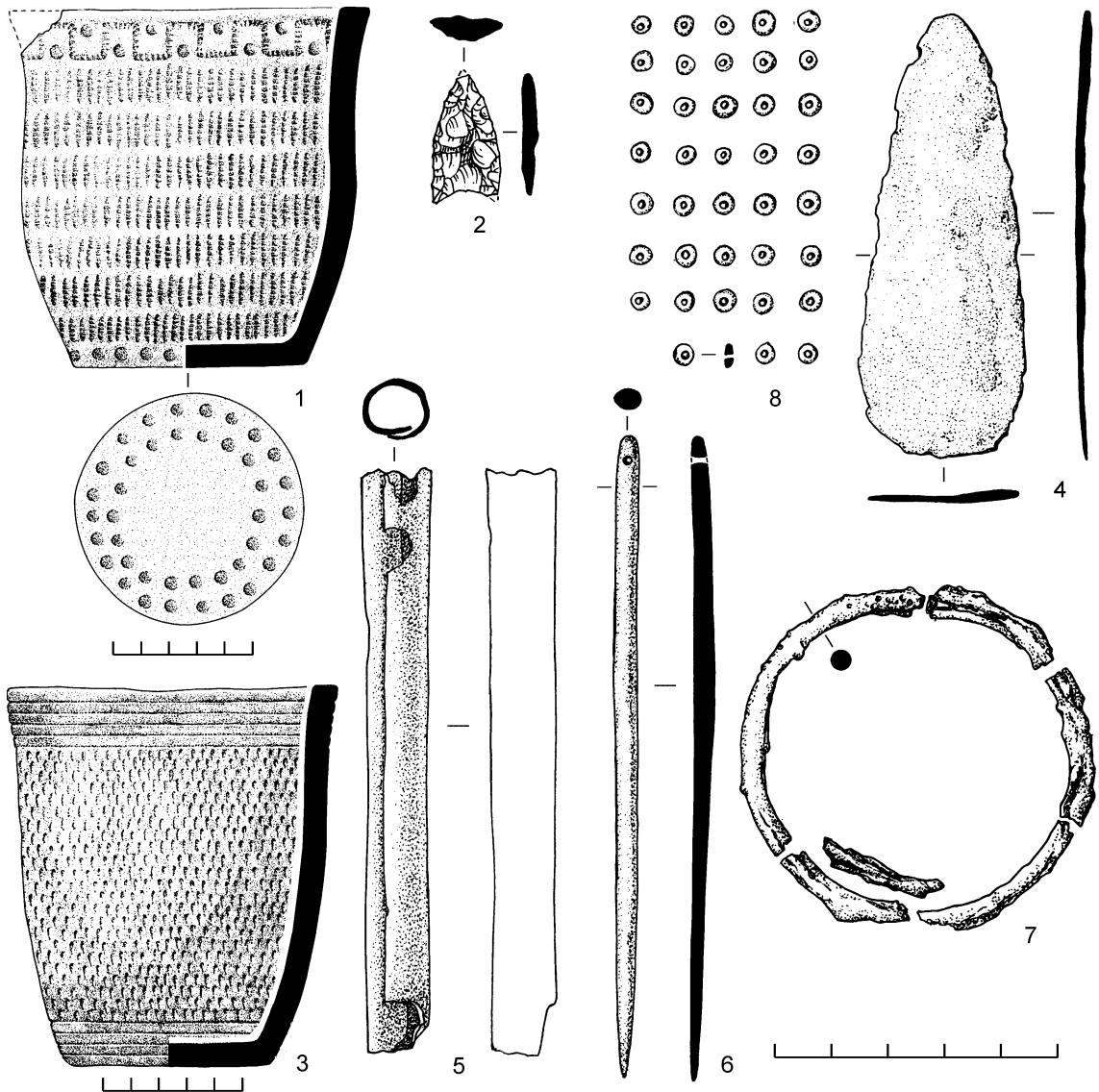

Рис. 9. Иткол' II, кург. 13, инвентарь: 1 — мог. 2, сосуд; 2 — мог. 1, кремневый наконечник; 3–8 — мог. 3 (3 — сосуд; 4 — лезвие ножа; 5 — игольник; 6 — игла; 7 — височное кольцо; 8 — бисер); 1, 3 — обожженная глина; 2 — камень; 4–5, 7 — металл (бронза?); 6 — кость; 8 — аргиллит

Fig. 9. Itkol' II, barrow 13, inventory: 1 — grave 2, vessel; 2 — grave 1, flint arrowhead; 3–8 — grave 3 (3 — vessel; 4 — knife blade; 5 — needle-case; 6 — needle; 7 — temple ring; 8 — glass beads); 1, 3 — baked clay; 2 — stone; 4–5, 7 — metal (bronze?); 6 — bone; 8 — argillite

головой на ЮЗ (рис. 8, 2). Левая рука вытянута вдоль тела, а правая чуть согнута в локте и лежала кистью «на животе». Глубина ямы незначительна, так что плита перекрытия лежала на коленях погребенного, которые незначительно отклонились и оперлись на юго-восточную стенку могилы. Кости скелета были заметно потревожены крупным землеройным животным, нора которого проходила вдоль его левой руки и ступней.

Справа возле таза находился глиняный сосуд с частично отбитым верхним краем (рис. 9, 1). Можно с достаточно уверенно утверждать, что сосуд был поврежден еще до помещения его в могилу. Поверхность сосуда полностью покрыта орнаментом, в том числе дно, под венчиком расположен меандровый узор.

Могилы 3. Располагалась к западу от центрального сооружения (рис. 3; 4). Могила не потревожена, хотя ее перекрытие четко просматривалось на момент начала раскопок. Она представляет собой прямоугольный каменный ящик размером 1,4 × 0,75 м (по верхнему краю) и высотой 0,5 м от уровня дна могилы, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 8, 3). Ящик перекрыт одной массивной плитой подпрямоугольной формы размерами 1,7 × 1 м и толщиной до 0,15 м, которая по всему периметру была обложена в 2–3 ряда небольшими плитками. Ящик был сооружен после создания материковой насыпи кургана. Он был впущен в нее таким образом, что дно могилы находилось несколько ниже уровня материка, а перекрытие могилы находилось на одном уровне с материковой насыпью (рис. 8, 3). Эта погребение было сделано либо одновременно с могилой 1 или же, что вероятнее, несколько позднее.

В могиле погребена женщина 18–20 л. в положении на спине, головой на ЮЗ, с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, которые сохранили свое первоначальное положение (рис. 8, 3). Руки вытянуты вдоль тела. Часть костей была потревожена землеройными животными: отсутствовала правая кисть, потревожены ребра левой части груди и левая ключица. Под голову и ступни погребенной были положены каменные плитки, что является характерным признаком погребального обряда позднего (черновского) этапа окуневской культуры.

Справа в ногах был поставлен глиняный сосуд (рис. 9, 3). При снятии костей скелета, между правыми бедренной и берцовыми на высоте 0,2–0,25 м от дна, был обнаружен набор из бронзового(?) игольника с костяной иглой внутри и лезвия бронзового(?) ножа листовидной формы (рис. 9, 4–6). Вероятно, они находились в кожаном чехле, прикрепленном к бедру. В районе локтевых и лучевых костей обеих рук на дне могилы были найдены 38 аргиллитовых бусин (рис. 9, 8). По всей видимости, ими были обшиты рукава одежды. К сопроводительному инвентарю данного погребения также следует относить бронзовое проволочное кольцо, обнаруженное в виде шести сильно корродированных фрагментов у ЮВ стенки ящика на 0,25–0,3 м выше дна (рис. 9, 7). Оно было перемещено с первоначального места землеройными животными.

Кроме того, в ЮЗ части погребения в верхней части заполнения могилы обнаружены пять фрагментов, вероятно, от одного сосуда окуневской культуры (рис. 5, 1–5). Учитывая их фрагментарность и уровень залегания практически под плитой перекрытия, можно полагать, что они попали в могилу случайно в процессе заполнения ее землей и к сопроводительному инвентарю данного погребения отношения не имеют.

Могилы 4. Примыкала непосредственно к развалу центрального сооружения с СЗ стороны (рис. 3; 4). Погребение совершено в прямоугольном каменном ящике размерами 1,45 × 1 м и высотой 0,6 м от уровня дна (рис. 8, 4). Верхние края его плит фиксировались на современной дневной поверхности до начала раскопок. Могила ориентирована длинными сторонами по линии ВСВ–ЗЮЗ. Перекрытие ящика разрушено, многочисленные фрагменты плит встречены в заполнении могилы. Также зафиксированы проломы юго-западной и юго-восточной стенок ящика. Частично сохранилась обкладка ящика на уровне верхнего края из небольших каменных плиток белого цвета, аналогичная могиле 3.

Ящик был впущен в уже существующую насыпь кургана (рис. 8, 4) таким образом, что уровень дна могилы соответствовал уровню материка, а перекрытие (как и у могил 1 и 3) находилось на одном уровне с верхним краем материковой насыпи. Погребение было полностью разрушено, при этом таз, длинные кости и череп мужчины 30–40 л. были сброшены к юго-западной стенке ящика и через пролом частично выходили за пределы могилы (рис. 8, 4). Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 5. Примыкала непосредственно к центральному сооружению с ЮВ стороны (рис. 3; 4). Обнаружены остатки сильно разрушенного прямоугольного каменного ящика размером $1,45 \times 0,9$ м и высотой 0,45 м, ориентированного длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 10, 1). Перекрытие отсутствовало. В верхней части заполнения встречены плиты из развала центрального сооружения. Дно могилы соответствует уровню верхнего края материка.

На дне в положении *in situ* ближе к юго-восточной стенке могилы сохранилась нижняя часть скелета мужчины 30–35 л. (таз, длинные кости ног, частично ступни), который был уложен на спине, с сильно согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Первоначально колени были направлены вверх, но в результате естественных процессов упали на левую сторону. Кроме того, на первоначальном месте оказалась правая кисть, располагавшаяся на правом крыле таза. Это свидетельствует о том, что ограбление, разрушившее скелет, происходило уже после полного разложения связок. Под ступни погребенного, как и в могиле 3, была положена небольшая каменная плитка. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

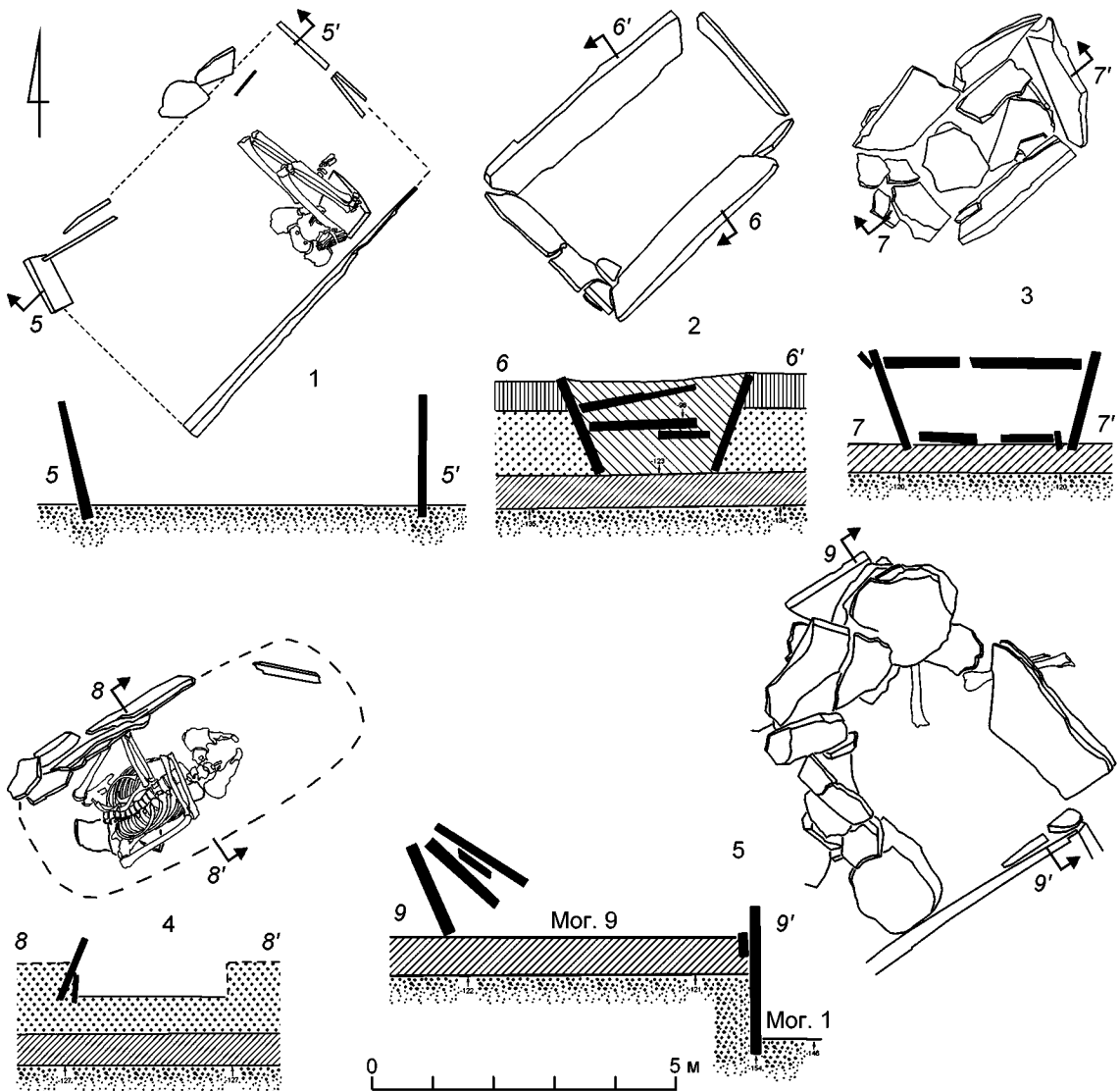

Рис. 10. Итколь II, кург. 13, планы, разрезы и профили могил 5–9: 1 — мог. 5; 2 — мог. 6; 3 — мог. 7; 4 — мог. 8; 5 — мог. 9

Fig. 10. Itkol' II, barrow 13. Plans, sections and profiles of graves 5–9: 1 — grave 5; 2 — grave 6; 3 — grave 7; 4 — grave 8; 5 — grave 9

Могила 6. Располагалась в восточном углу ограды, рядом с могилой 2, но стратиграфически выше нее на 0,40 м (рис. 3; 4). Верхние края плит ящика фиксировались на современной дневной поверхности до начала работ. Могила представляла собой небольшой каменный ящик размером 1 × 0,5 м, высотой 0,4 м от уровня дна до верхнего края плит, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 10, 2). Длинные стенки ящика в процессе его разрушения сильно наклонились во внешнюю сторону. Северо-восточная торцевая стенка просела вертикально вниз на 0,2 м. Это связано с тем, что непосредственно под ней находился край объекта G, расположенного ниже уровня материка. Ящик был впущен в уже существующую насыпь кургана, причем в отличие от могил 3, 4 и 5, его дно не доходило до уровня материка, а располагалось на уровне верхнего края «погребенной почвы». Именно в связи с тем, что ящик целиком находился в насыпи и не был сильно заглублен, его плиты развалились в разные стороны.

В заполнении на разных уровнях встречены фрагменты скелета очень плохой сохранности, а также фрагменты черепа и целая нижняя челюсть женщины 35–50 л. На дне могилы на первоначальных местах ничего не обнаружено. В заполнении могилы найден фрагмент сосуда, а рядом с могилой каменный диск, характерный для окуневской культуры (рис. 5, 9), впрочем, его нельзя с полной уверенностью относить к инвентарю данного погребения.

Могила 7. Располагалась к ЮВ от центрального сооружения, в непосредственной близости от могилы 5 (рис. 3; 4). Первоначально могила представляла собой небольшой каменный ящик из вертикально поставленных плит размером 0,65 × 0,35 м, высотой 0,4 м, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 10, 3). Он, как и могила 6, был впущен непосредственно в насыпь, а его дно находилось на уровне «погребенной почвы». В результате с ним произошли те же процессы разрушения, что и с могилой 6, — все плиты приобрели сильный наклон наружу.

Разрушенная плита перекрытия находилась внутри ящика — она была разбита на две большие части и несколько осколков. Дно могилы было выложено тремя горизонтально лежащими плитками. Погребение полностью уничтожено. В заполнении обнаружены три фрагмента керамики окуневской культуры, которые могут не иметь непосредственной связи с этим захоронением (рис. 5, 6–8). Никаких остатков погребенного обнаружено не было, но судя по размеру ящика, это был ребенок, кости которого могли полностью истлеть.

Могила 8. Располагалась к югу от центрального сооружения, в 1 м к западу от могилы 7 (рис. 3; 4). Она была практически полностью разрушена. По частично сохранившейся северо-западной стенке и обломку плиты перекрытия можно предположить, что это был каменный ящик размером около 1,45 × 0,65 м, высотой до 0,4 м, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ (рис. 10, 4). Ящик был впущен не очень глубоко в насыпь: дно погребения даже не достигало уровня «погребенной почвы», находясь в нижних слоях материковой насыпи.

В положении *in situ* сохранилась верхняя часть скелета, таз и большая берцовая кость мужчины старше 55 л. Он был положен на спине головой на ЮЗ. Череп отсутствовал, но на месте, где он должен был находиться, сохранилась небольшая плитка-«подушка». Руки согнуты в локтях и лежали предплечьями на нижней части грудной клетки. В заполнении обнаружены два фрагмента керамики окуневской культуры, которые, возможно, не связаны непосредственно с этим погребением (рис. 5, 10, 11).

Могила 9. Находилась в северо-западной части центрального покрытия (рис. 3; 4) и была впущена прямо в него. По всей видимости, первоначально это был каменный ящик, пристроенный непосредственно к северо-западной стенке каменного ящика могилы 1 (рис. 10, 5). При этом перекрытие могилы 1 частично разобрано. Плиты каменного ящика могилы 9 упали, так что их было практически невозможно отделить от окружающего перекрытия. Возможно, юго-западная стенка могилы была сложена из горизонтально положенных плит вперемешку с каменными блоками. Предположительно, размеры могилы были 1 × 0,6 м, высота — до 0,4 м. Дно могилы находилось на уровне «погребенной почвы».

Погребение полностью разрушено. Сохранились только несколько перемещенных длинных костей, находящихся на уровне дна и в заполнении могилы (две бедренные, большая берцовая, правая плечевая кость во фрагментах). Кости принадлежали взрослому мужчине. Более детальных антропологических данных получить не удалось, так как сохранность костей очень плохая. Артефакты не обнаружены.

Объекты на площади раскопа. Помимо погребений на площади раскопа были зафиксированы различные конструкции, которые получили наименования «объект» и сквозное обозначение буквами латинского алфавита. Часть из них располагалась вокруг ограды кургана (объекты А–F), часть на ее площади (объекты G–M) и, наконец, группа объектов была зафиксирована на площадке, вскрытой к СВ от кургана (объекты N–Y). Все объекты имеют различные параметры и назначение. Они делятся на две большие хронологические группы: большая их часть непосредственно связана с курганом и датируется временем окуневской культуры, меньшая группа относится к гораздо более позднему периоду — финалу тагарской культуры или таштыкской культуре.

Объекты, расположенные вокруг ограды кургана 13

Отдельную группу составляли три объекта А, В и С. Это большие ямы, расположенные с трех сторон непосредственно за оградой кургана. До начала разборки заполнения они выглядели как большие темные пятна, окружающие ограду кургана (рис. 3). После того как заполнение было выбрано, стало понятно, что это котлованы, сформировавшиеся в результате взятия материкового грунта для создания насыпи кургана. Такой котлован отсутствовал только с северо-восточной стороны ограды, где располагалась ритуальная площадка. Время сооружения объектов А, В и С — окуневская культура. В дальнейшем они продолжительное время стояли не засыпанными, о чем свидетельствуют найденные в них на достаточной глубине артефакты тагаро-таштыкского времени.

Объект А. Большая грунтовая яма, расположенная за юго-восточной стенкой ограды кургана (рис. 3; 4). Она имела подтреугольную форму с плавно оформленными углами. Широкое основание треугольника располагалось параллельно стенке ограды, практически на всем ее протяжении. Размеры: длина 13 м, наибольшая ширина 5,3 м, дно полого спускалось от краев к центру, наибольшая глубина в центре 0,8 м от уровня материка. С учетом мощности «погребенной почвы», вероятно, древними строителями была выкопана яма глубиной около 1 м. Заполнение — гумусированный грунт темного цвета с редким включением небольших камней, видимо, случайно затекших в процессе ее эрозии. При разборке заполнения обнаружено незначительное количество обломков костей животных и пять фрагментов керамики, из которых три датируются временем окуневской культуры (рис. 6, 1–3).

Объект В. Большая грунтовая яма, расположенная за юго-западной стенкой ограды кургана (рис. 3). Она имела прямоугольную форму с плавно оформленными углами. Длинной стороной яма располагалась параллельно стенке ограды, практически на всем ее протяжении. Размеры: длина 14 м, ширина 4,5 м, ее дно полого спускалось от длинных сторон к центру. Наибольшая глубина 0,4 м от уровня материка прослеживалась практически на всем протяжении ямы. С учетом мощности «погребенной почвы», вероятно, древними строителями была выкопана яма глубиной около 0,6 м. Заполнение — гумусированный грунт темного цвета практически без инородных включений. В процессе разборки обнаружено незначительное количество обломков костей животных и 29 фрагментов керамики, из которых восемь (от разных сосудов) датируются временем окуневской культуры (рис. 6, 4–11), один фрагмент — эпохой поздней бронзы, а остальные 20 — скифским временем.

Объект С. Большая грунтовая яма, расположенная за северо-западной стенкой ограды кургана (рис. 3; 4). Она имела форму сегмента окружности с плавно оформленными углами. Длинной стороной яма располагалась параллельно стенке ограды, практически на всем ее протяжении. Размеры: длина 13,3 м, максимальная ширина 5,3 м. Дно ямы полого спускалось от краев к центру, наибольшая глубина в центре 0,8 м от уровня материка зафиксирована в северо-восточной части ямы. Заполнение — гумусированный грунт темного цвета с включением некоторого количества камней и многочисленных обломков костей животных (около 2000 крупных фрагментов). Судя по заполнению объекта, в период финала тагарской культуры и частично в таштыкское время он использовался как мусорная яма. Всего в процессе разбора заполнения было зафиксировано 116 артефактов, из них девять датируются окуневской культурой: два каменных диска и семь фрагментов керамики от четырех сосудов (рис. 6, 12–18). Весь остальной массив материалов (107 предметов) относится к тагаро-таштыкской эпохе и был распределен в заполнении ямы практически на всех горизонтах от дна до верхнего края.

Объект D. Располагался возле восточного угла ограды (рис. 11, 2). Это небольшая грунтовая яма овальной формы размерами 1,3 × 0,8 м, глубина 0,35–0,4 м, ориентированная по линии С–Ю. Она

пересекла юго-восточную стенку ограды и частично объект А. Дно ямы было выстлано в один слой тонкими плитками песчаника. Никаких артефактов или костей в заполнении не обнаружено.

Объект Е. Располагался за южным углом ограды на краю объекта В (рис. 11, 1). Это небольшая грунтовая яма овальной формы размерами 1,15 × 0,8 м и глубиной 0,2 м, ориентированная по линии С–Ю. Частично пересекала объект В. На дне ямы лежали две каменные плиты среднего размера: одна частично на другой. Никаких артефактов или костей в заполнении не обнаружено.

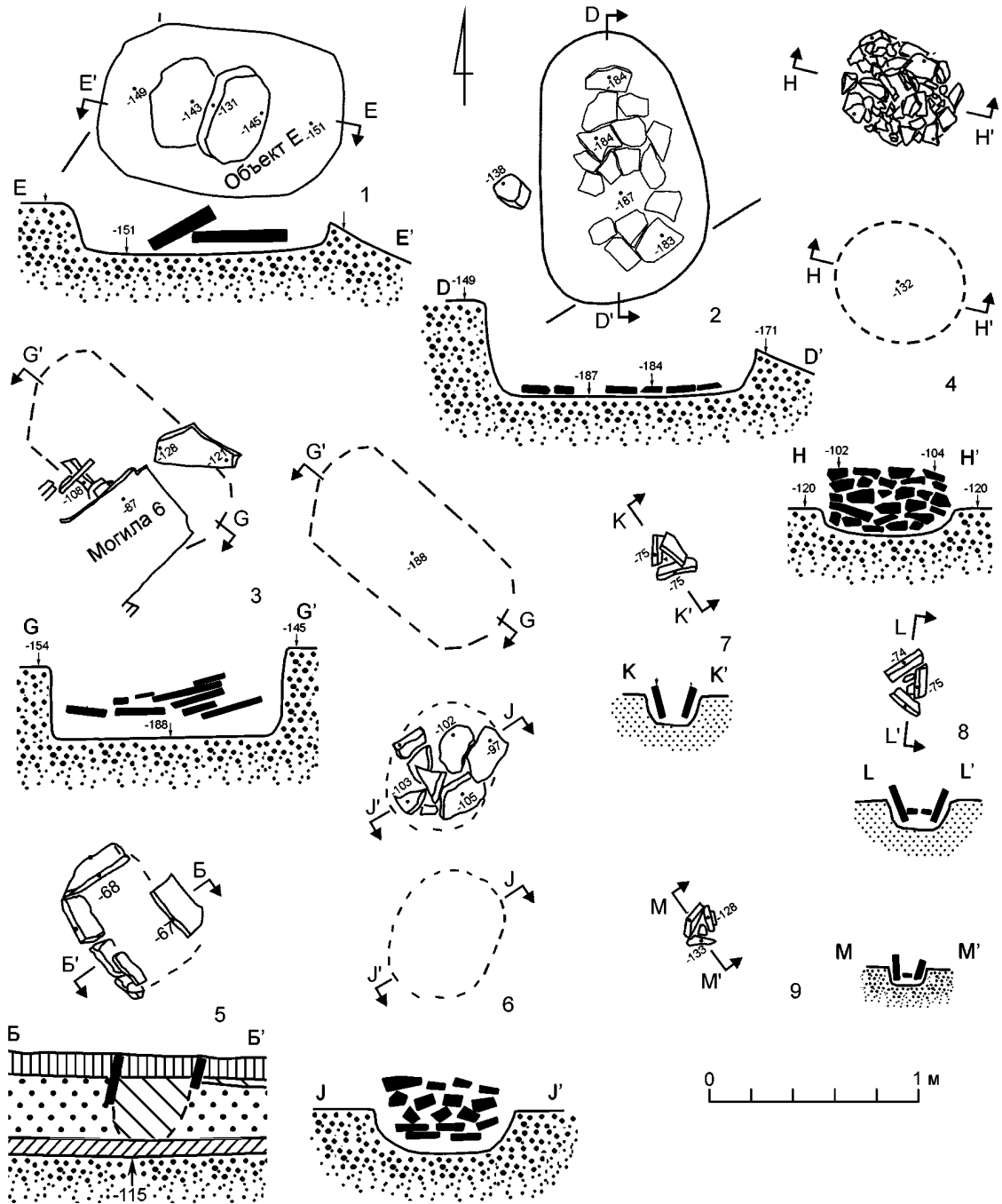

Рис. 11. Итколь II, кург. 13, объекты, расположенные на площади ограды и вокруг нее: 1 — объект Е; 2 — объект D; 3 — объект G; 4 — объект H; 5 — объект I; 6 — объект J; 7 — объект K; 8 — объект L; 9 — объект M
Fig. 11. Itkol' II, barrow 13, features situated within the enclosure and around it: 1 — feature E; 2 — feature D; 3 — feature G; 4 — feature H; 5 — feature I; 6 — feature J; 7 — feature K; 8 — feature L; 9 — feature M

Объекты, расположенные внутри ограды кургана 13

На площади ограды располагалось семь объектов (G–M). Все они датируются временем окуневской культуры. Большинство из них (четыре — объекты G, H, J и M) сооружены с уровня «погребенной почвы» и затем перекрыты насыпью кургана.

Объект G. Располагался в восточном углу ограды, вплотную к могиле 6 (рис. 11, 3). Это небольшая грунтовая яма подпрямоугольной формы с округленными углами, размерами 1,10 × 0,55 м, глубиной 0,6 м от уровня «погребенной почвы», ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Она была сооружена с уровня «погребенной почвы». В средней части заполнения находились хаотично набросанные плиты песчаника. Никаких артефактов или костей в заполнении не обнаружено. Объект был сооружен на первой стадии строительства кургана, до возведения насыпи.

Объект H. Располагался между могилой 3 и серединой юго-западной стенки ограды (рис. 11, 4). Это небольшая грунтовая яма овальной формы, плотно забитая мелкими обожженными плитками песчаника и впущенная с уровня «погребенной почвы». Ее диаметр около 0,6 м, глубина от уровня погребенной почвы — 0,3 м. Никаких артефактов или обломков костей животных в заполнении не обнаружено. Объект, вероятно очаг, был сооружен на первой стадии строительства кургана, до возведения насыпи.

Объект I. Располагался к СЗ от могилы 3 в юго-западной части ограды (рис. 11, 5). Он представлял собой остатки расклинки стелы, установленной в насыпи кургана к юго-западу на центральной оси основного погребения (могила 1). На момент раскопок сохранились ряды вертикальных плиток, стоящих в виде буквы П вокруг прямоугольной ямы в насыпи кургана. Примерные размеры стелы около 0,6 × 0,4 м. Судя по всему, основание стелы было установлено на погребенную почву или было совсем немного в нее заглублено. Назначение этой конструкции не вызывает сомнений, так как аналогичная стела была обнаружена в соседнем кургане 24 во время раскопок 2010 г. Объект сооружен на второй стадии строительства кургана, после возведения насыпи или одновременно с этим процессом.

Объект J. Располагался к СЗ от могилы 3 в юго-западной части ограды (рис. 11, 6). Это небольшая грунтовая яма овальной формы, забитая мелкими обожженными плитками песчаника и камнями, впущенная с уровня «погребенной почвы». Ее диаметр около 0,5–0,6 м (немного вытянута по линии С–Ю), глубина от уровня погребенной почвы 0,4 м. В заполнении обнаружен один фрагмент керамики (рис. 11, 19). Объект сооружен на первой стадии строительства кургана, до возведения насыпи.

Объекты K, L, M. Располагались вдоль северо-восточной стенки ограды кургана (рис. 11, 7–9). Все три представляли собой идентичные конструкции в виде маленьких треугольников из вертикальных плит 0,12–0,2 м в поперечнике и такой же глубиной. Главное отличие заключалось в том, что объект M был впущен с уровня погребенной почвы, а два других (объекты K и L) — с уровня верхнего края материковой насыпи. Внутри объекта K был обнаружен один фрагмент керамики (рис. 6, 20). Все три объекта датируются временем окуневской культуры: один (объект M) сооружен на первой стадии строительства кургана, до возведения насыпи, остальные два (объекты K и L) — позднее, когда насыпь уже существовала.

Объекты, расположенные на площадке к СВ от ограды кургана 13

К СВ от ограды кургана была вскрыта значительная площадь (16 × 16 м) с целью выявления сооружений, связанных с исследуемым курганом. Она имела относительно ровный рельеф с небольшим понижением к востоку — здесь выявлено 12 объектов (N–Y), из которых только пять датируются временем окуневской культуры (N–R). Три из них — это основания стел, остальные — грунтовые ямы. Всего на вскрытой площади был обнаружен 131 фрагмент керамики, из которых только 19 относятся к окуневской культуре (рис. 6, 31–49). Остальные, как и объекты S–Y, датируются тагаро-таштыкским временем.

Объект N. Располагался в южном углу площадки (рис. 12, 1). Представлял собой основание стелы — была зафиксирована овальная грунтовая яма (2,2 × 0,7 м), вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ. Глубина в разных частях ямы различна: наиболее глубокая часть была с ЮЮВ края — 0,65 м от уровня материка, а с ССЗ края — 0,4 м. В яме находилось обломанное основание стелы,

которое было расклинено мелкими плитами. В процессе разборки плит среди них найдены три фрагмента окуневской керамики и каменный скол (рис. 6, 23–26). Кроме того, при осмотре плит обнаружены четыре камня с изображениями — № 6–9 (рис. 7, 6–9).

Объект О. Располагался в западном углу площадки (рис. 12, 2). Представлял собой грунто-вую яму с «запличиками» овальной формы. Яма ориентирована по линии 3–В. Ее максимальные размеры 1,5×1,1 м, ниже уровня «запличиков» яма сужалась до 1,15×0,6 м. Глубина от уровня материка составляла 0,32 м, от уровня «запличиков» — 0,2 м. На уровне «запличиков» в центре ямы находилось несколько тонких растрескавшихся плит песчаника. Возможно, они представляли собой перекрытие, опиравшееся на несохранившиеся деревянные лаги. Дно ямы в один слой было выложено тонкими плитками песчаника.

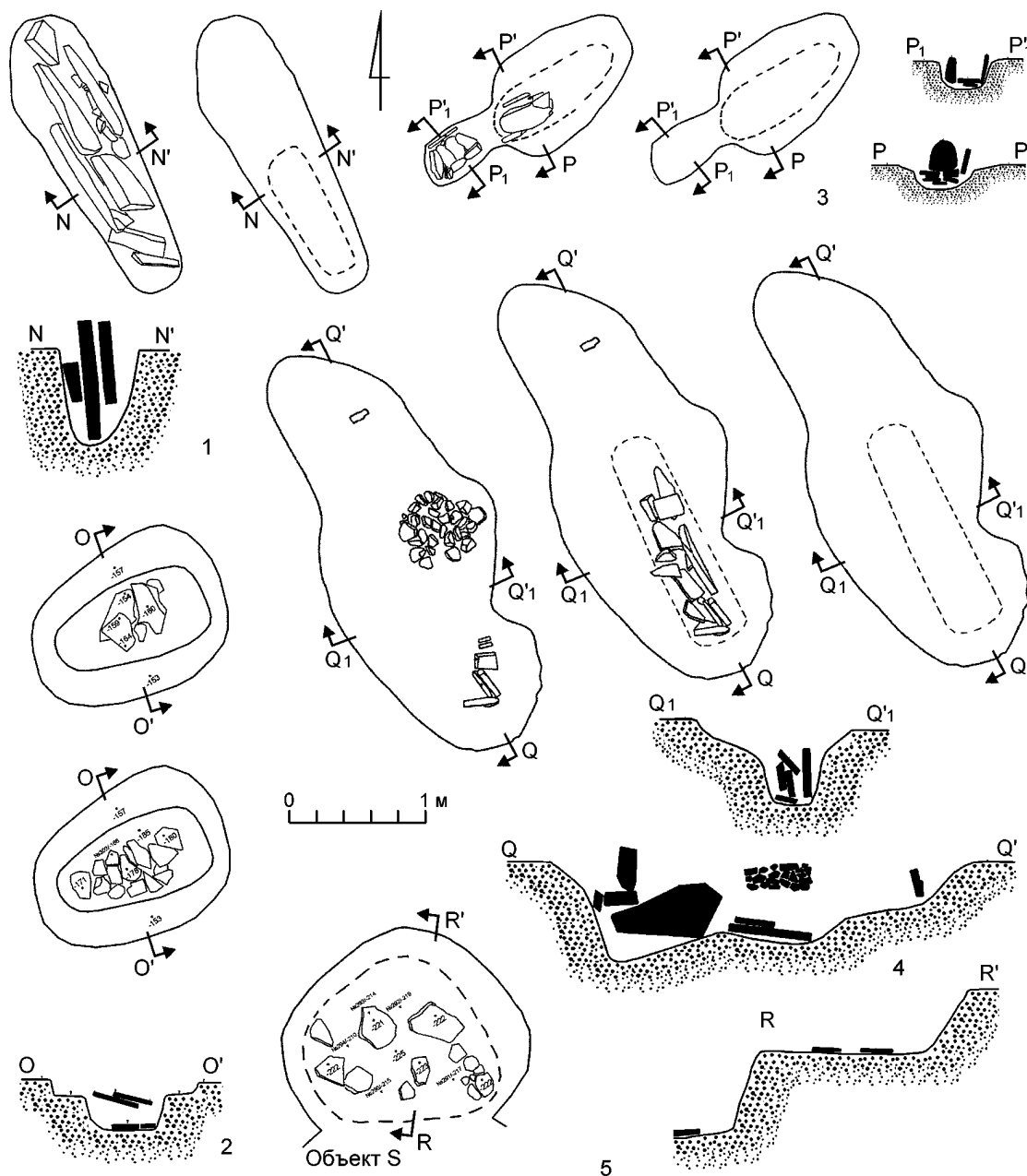

Рис. 12. Итколь II, кург. 13, объекты, расположенные на ритуальной площадке к северо-востоку от ограды: 1 — объект N; 2 — объект O; 3 — объект P; 4 — объект Q; 5 — объект R

Fig. 12. Itkol' II, barrow 13, features associated with the ceremonial ground north-west of the enclosure: 1 — feature N; 2 — feature O; 3 — feature P; 4 — feature Q; 5 — feature R

В процессе разборки заполнения ямы обнаружен только один фрагмент керамики, относящийся к окуневской культуре, с орнаментом в виде оттисков палочки с ромбовидным окончанием (рис. 6, 21). Интересно отметить, что фрагменты этого же сосуда были найдены в заполнении объектов N и R, а также на самой площадке (рис. 6, 24, 27–30, 36). В то же время на площади самого кургана и в его объектах фрагменты от этого сосуда не зафиксированы. Это свидетельствует о том, что сосуд не был выброшен из могил при ограблении, а использовался при проведении обрядов на территории ритуальной площадки, связывая в одно целое три из пяти объектов времени окуневской культуры.

Объект P. Располагался возле северо-западной границы раскопа площадки (рис. 12, 3). Представлял собой яму и остатки расклинки стелы окуневской культуры. Само основание стелы отсутствовало. Фиксировалась вытянутая по линии ЮЗ–СВ грунтовая яма грушевидной формы. Размеры: длина 1,75 м; ширина в юго-западной (узкой) части 0,35 м, в северо-восточной (широкой) 0,75 м, глубина 0,3 м. В яме находилось несколько вертикальных плит расклинки, очерчивающих некий прямоугольник, в котором, вероятно, ранее была установлена стела. Артефактов или изображений на плитах в процессе разборки объекта не обнаружено. Обращает на себя внимание очень небольшая глубина, на которую была закопана стела. Вероятно, стела имела небольшие размеры.

Объект Q. Располагался возле северного угла раскопа площадки (рис. 12, 4). Представлял собой яму и остатки расклинки стелы окуневской культуры, на которую позже частично наложился очаг в виде наброски мелких плит. Фиксировалась вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ грунтовая яма аморфной формы. Размеры: длина 3,25 м, максимальная ширина в наиболее широкой части 1,4 м. В ЮЮВ части ямы зафиксировано четко очерченное углубление прямоугольной формы с округленными углами размерами 1,65 × 0,4 м и максимальной глубиной 0,73 м от уровня материка. В ССЗ части глубина была меньше — в среднем 0,35–0,4 м. В наиболее глубокой части сохранились многочисленные средних размеров каменные плитки расклинки основания стелы, установленной в яме.

Выше, практически на одном уровне с материком в центральной части ямы было зафиксировано компактное скопление мелких плиток округлой формы диаметром 0,50–0,55 м. Мощность каменной наброски 0,2 м. По всей видимости, после того как стела была установлена, а яма забутована камнем и засыпана грунтом, у ее основания была выкопана ямка, и в нее был набросан слой мелких каменных плиток. Очертания этой ямки не устанавливались — их можно только предполагать на основе границ распространения камней. Учитывая, что технологически эта конструкция идентична объектам N и J, расположенным на площади ограды, есть все основания и ее относить ко времени окуневской культуры. В процессе разборки плит среди них был обнаружен фрагмент окуневской керамики (рис. 6, 22).

Объект R. Располагался возле середины северо-восточной стенки раскопа (рис. 12, 5). Представлял собой грунтовую яму округлой формы, которую по краю прорезал хронологически более поздний объект S. Яма округлой формы диаметром около 1,8 м по верхнему краю, глубина 0,45 м от уровня материка. Стенки со слабым наклоном, дно плоское, в один слой выложено тонкими плитками песчаника. В заполнении обнаружены пять фрагментов керамики окуневской культуры, из которых четыре от одного сосуда (рис. 6, 27–30). Кроме того, в незначительном количестве были найдены обломки костей животных.

Датировка кургана 13 и этапы его возведения. Материалы кургана 13 следует датировать сравнительно поздним черновским этапом окуневской культуры, по хронологии И. П. Лазаретова. На это указывают все имеющиеся признаки: погребальные сооружения в виде каменных ящиков; использование каменных плиток-«подушек», уложенных под головой и ногами погребенных; дно с уклоном в могиле 2; формы и орнаментация керамики; бронзовый нож без черешка; височное кольцо большого диаметра и другие (см. Лазаретов 1997).

Курган 13 могильника Итколь II представляет собой сложный архитектурный комплекс, демонстрирующий как минимум два этапа своего развития. Попытаемся на основе полученных данных реконструировать последовательность сооружения отдельных его элементов.

Первоначально была построена ограда с угловыми камнями, ограничивающая некоторое сакральное пространство для совершения захоронений. В ее центре установлен каменный ящик для основного погребения (могила 1). От углов этого ящика к углам ограды были выложены «диагонали». Принципиальным действием, отделяющим первый этап функционирования кургана от второго, является создание насыпи, что неразрывно связано с актом захоронения в основной могиле. Ее перекрытие было устроено таким образом, что обязательным условием его возведения была

уже существующая к тому моменту насыпь. То есть «закрыть» могилу перекрытием можно было только после возведения насыпи. Вряд ли могила с уже совершенным погребением могла долгое время стоять открытой. Наиболее вероятно, что с завершением всех обрядов захоронения сразу же была возведена насыпь, а могила перекрыта каменным панцирем.

При этом на площади ограды можно отметить одно погребение (могила 2) и несколько объектов, относящихся первому этапу строительства кургана. Они появились в период между возведением ограды и совершением захоронения в центральной могиле. Возможно, что часть из них или даже все они являются отражением обрядов, проводимых в процессе совершения основного захоронения. В первую очередь это могила 2, перекрытие которой находилось на уровне «погребенной почвы» и сверху было закрыто насыпью. Она не была потревожена, при этом ей присущи некоторые признаки, указывающие на низкий статус этого захоронения. Это единственная грунтовая яма в кургане, что само по себе редкость для черновского этапа окуневской культуры. Яма настолько неглубокая, что плиты перекрытия опирались прямо на колени погребенного. В могиле находился единственный артефакт — сосуд, у которого еще до помещения в могилу была отбита часть венчика. Можно осторожно предположить, что это захоронение носило сопроводительный характер.

Кроме того, с уровня «погребенной почвы» были впущены несколько объектов. Объект G представлял собой грунтовую яму, заполненную в придонной части камнями, но без артефактов (рис. 11, 2). Назначение этого объекта осталось неясным, впрочем, как и серии очень похожих объектов, расположенных за пределами ограды, — объекты D, E, O, R. Объекты H и J, расположенные к ЮЗ от центрального погребения, практически идентичны. Можно уверенно утверждать, что это очаги. В одном из них (объект J) был найден фрагмент сосуда окуневской культуры (рис. 6, 19). Объект M представлял собой треугольник из трех вертикально поставленных плиток, впущенный с уровня «погребенной почвы» возле северо-восточной стенки ограды.

После совершения обряда захоронения в центральной могиле весь курган в пределах ограды был перекрыт земляной насыпью из материковой светло-желтой супеси, которая была взята из трех больших ям, расположенных за пределами ограды кургана (объекты A, B и C). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что до момента сооружения насыпи почти полностью были разобраны «диагонали», которые располагались на уровне «погребенной почвы». Следовательно, после совершения захоронения в центральной могиле и исполнения связанных с этим обрядов они потеряли свое значение и рассматривались просто как строительный материал. Из этого можно сделать вывод, что такой прагматичный подход мог быть распространенной практикой. Таким образом, сфера применения «диагоналей» могла быть значительно шире, чем нам это представляется, но в большинстве случаев такие «диагонали» не сохраняются, так как разбирались после использования в обрядах, для которых они и были созданы.

Вероятно, одновременно с созданием насыпи в нее был впущен объект I, расположенный точно на осевой линии к ЮЗ от центральной могилы 1 (рис. 11, 5). Он представляет собой остатки забутовки стелы. Интересно отметить, что в могильнике Итколь II на данный момент раскопано три окуневских кургана, и во всех трех случаях к ЮЗ от центрального погребения точно по его оси обнаружены либо основания стел (кург. 13 и 14), либо сама стела, находящаяся *in situ* в центре стенки ограды (кург. 26). Таким образом, наблюдается устойчивая традиция, которая изредка отмечается и на других памятниках. В частности, схожая стела и тоже с юго-западной стороны обнаружена в кург. 1 могильника Уйбат III (Лазаретов 1997: 35, табл. III). Вероятно, основания трех стел были выявлены вдоль западной стенки ограды кург. «94-й километр» (Гультов и др. 2006: 120, рис. 2). Более того, зафиксирован случай (Уйбат V, кург. 2, ямы A и B), когда основания стел найдены на продолжении этой оси за пределами ограды (Лазаретов 1997: 25). Весьма вероятно, что установка одной или нескольких стел на оси центрального погребения была достаточно распространенной, если не сказать обязательной практикой. Однако в большинстве случаев в силу различных причин это не было прослежено исследователями. Сами стелы практически повсеместно были изъяты со своих первоначальных мест, а обнаружить следы их расклинки или забутовки не всегда удается, особенно если они находятся за пределами ограды, а следовательно, и раскопа. Интересно отметить, что эти стелы выстраиваются на единой оси с центральным погребением и с центром ритуальной площадки, расположенной к СВ. Это не случайное явление — все три элемента, безусловно, взаимосвязаны общими обрядами и ритуалами, суть которых еще только предстоит прояснить.

После сооружения насыпи начался второй этап функционирования кургана как погребального комплекса. В его насыпь были впущены семь могил (мог. 3–9), расположенные к ЮВ и СЗ от центрального погребения. Продолжительность этого этапа и последовательность сооружения могил установить невозможно. Отметим только, что могила 9, вероятно, была сооружена последней и принципиально отличается от остальных по своим признакам. Обращает на себя внимание закономерность: все могилы сооружены с таким расчетом, чтобы верхний край перекрытий находился на одном уровне с верхним краем насыпи. При этом чем больше размер и, следовательно, высота ящика, тем глубже он был впущен, прорезая не только саму насыпь, но и «погребенную почву», и даже, в случае с могилой 3, уходя в материк. Можно сделать вывод, что совершавшие эти захоронения люди стремились достичь эффекта, при котором перекрытие каждого погребения (кроме могилы 2) было бы хорошо видно на поверхности насыпи кургана.

Кроме могил, в насыпи кургана сооружены два объекта: К и L. Это небольшие треугольники из вертикальных плиток, абсолютно аналогичные объекту М, впущенному с уровня «погребенной почвы». На этом основании можно полагать, что все они относятся к окуневской культуре. В за-полнении объекта К был обнаружен фрагмент окуневского сосуда. Можно осторожно предположить, что эти объекты связаны с конкретными погребениями и располагаются к СВ от них. Так, объект М был впущен с уровня «погребенной почвы», как и могила 2, и располагается к СВ от нее. В таком случае объекты К и L могут быть сопоставлены с могилами 1 и 4.

Обнаружение больших грунтовых ям А, В и С за оградой кургана имеет принципиальное значение, так как позволяет получить развернутое представление о методике сооружения насыпей курганов окуневской культуры. Известно по крайней мере два подобных случая. Один отмечен И. П. Лазаретовым при раскопках кург. 1 могильника Уйбат V (Лазаретов 1997: 22, табл. IV), который считает, что из этой ямы был взят грунт для сооружения насыпи. Второй случай — это раскопки кург. Мохов-6 (Киргинеков 1997: 128–129, 131–132, рис. 1). Автор исследования Э. Н. Киргинеков на основании дополнительных признаков (выделение центрального места, обозначенного конусо-видным камнем необычной формы и разбитым рядом с ним сосудом) называет зафиксированную яму «жертвенником», не расшифровывая это более детально. В обоих случаях имеется целый ряд общих признаков, позволяющий их объединить. Можно предполагать, что в этих двух случаях ям тоже было по три, но в силу различных обстоятельств они не были прослежены полностью. Так, кург. Мохов-6 сохранился только частично, и, возможно, две другие ямы были уничтожены гравийным карьером (Киргинеков 1997: рис. 1). Нельзя исключать, что такие ямы являются распространенным явлением, но редко выявляются исследователями, так как не всегда располагаются вплотную к ограде.

Во всех трех случаях параметры ям имеют схожие признаки. Они вытянуты параллельно стенке ограды на всю ее длину и имеют плавное понижение от краев к центру. Максимальная глубина колеблется в пределах 0,6–0,8 м от уровня материка. Имеются также свидетельства того, что эти ямы не были засыпаны после окончания функционирования кургана, а продолжали стоять открытыми. В случаях кург. 1 могильника Уйбат V и кург. Мохов-6 это подтверждается тем, что в ямах на значительной глубине были зафиксированы артефакты, кости и камни, выброшенные при ограблении могил. В случае с кург. 13 могильника Итколь II — обнаруженными материалами позднескифского времени, в том числе в придонной части ям.

К северо-востоку от ограды кургана с целью поиска ритуальной площадки была вскрыта значительная площадь и обнаружено пять объектов, датирующихся временем окуневской культуры. Два из них представляют собой грунтовые ямы с дном, выложенным плитками песчаника, — объекты О и R. В их заполнении обнаружены немногочисленные фрагменты керамики (рис. 6, 19, 27–30). Назначение этих сооружений осталось неясным. Еще три объекта (N, P и Q) представляли собой основания стел, причем их разворот в целом соответствует развороту ограды. В двух случаях между плитами расклинки также найдены фрагменты сосудов окуневской культуры (рис. 6, 22, 24–26). Причем в трех объектах N, O и R, как было отмечено выше, были найдены фрагменты от одного сосуда, что позволяет уверенно связывать их в единый комплекс (рис. 6, 21, 24, 27–30).

В 2008 г. при раскопках кург. 26 этого же могильника Итколь II к СВ от его ограды обнаружена специально огороженная площадка со следами обрядовых действий (Поляков 2010б). Как показало изучение материалов более ранних раскопок, похожая площадка была выявлена Н. В. Леонтьевым при исследовании могильника База Минторга (Наглер, Парцингер 2006: 106–107). Дальнейшие уже

целенаправленные поиски позволили И. П. Лазаретову обнаружить подобную площадку при раскопках в 2010–2011 гг. кург. 1 могильника Красный Камень (Лазаретов 2012: 221–222).

Можно полагать, что стелы, основания которых обнаружены при исследовании кург. 13, обозначали северный и южный углы аналогичной ритуальной площадки. Еще одним доказательством ее существования следует считать отсутствие ямы для забора грунта именно с северо-восточной стороны. С трех сторон курган ограничен ямами (объекты А, В и С) как некими рвами, и только северо-восточное направление оставалось «открытым». Примечательно, что все случаи, когда ритуальная площадка прослеживалась максимально отчетливо, датируются уйбатским этапом окуневской культуры — кург. 26 Итколь II, кург. 1 Красный Камень. Кург. 13, как было отмечено выше, следует относить к более позднему, черновскому этапу окуневской культуры. Нельзя исключать, что со временем требования к оформлению ритуальной площадки в среде носителей окуневской культуры становились не таким жесткими, и поэтому на относительно более поздних окуневских памятниках фиксируется заметно меньше следов обрядовых действий. Однако эта гипотеза требует проверки полевыми исследованиями.

В связи с этим можно отметить еще один тип объектов, зафиксированных за пределами оград курганов окуневской культуры. И. П. Лазаретов в процессе исследования кург. 1 могильника Красный Камень обратил внимание на одиночную стелу, расположенную на значительном удалении к СЗ от центра кургана. Он предположил, что это остатки кольца из менгиров, аналогичного тому, что было зафиксировано Л. Р. Кызласовым при изучении кургана на берегу реки Туим (Кызласов 1987). Проведенные раскопки подтвердили эту гипотезу — были обнаружены основания еще двух стел, расположенные через равные промежутки в 7–7,5 м по окружности диаметром около 60 м, центр которой располагался над основным погребением кургана (Лазаретов 2012). Таким образом, теперь имеются доказательства того, что подобное сооружение из менгиров, как вокруг кургана Туим-Кольцо, не является уникальным явлением и может встречаться и на других памятниках окуневской культуры.

Резюмируя наблюдения, сделанные в процессе раскопок последних лет, следует отметить назревшую необходимость исследования курганов окуневской культуры более широкими площадями, чем это традиционно принято. Замыкаясь в рамках раскопок только ограды, исследователи фиксируют лишь часть комплекса обрядов, проводимых в процессе совершения захоронений и после них. На данный момент ритуальные площадки обнаружены практически у всех курганов, где подобные поиски проводились. Это позволяет считать, что в дальнейшем число исследованных объектов этого типа будет продолжать расти и в конечном итоге приведет к качественному осмыслению их назначения и описанию проводимых обрядов. Выявление ритуальных площадок демонстрирует, что сам курган является лишь одним из элементов сложного погребально-поминального комплекса, изучение которого должно вестись в полной мере.

Учитывая все накопленные на сегодняшний день данные, можно предложить определенные мероприятия по выявлению описанных в статье объектов, которые следует проводить в процессе раскопок курганов окуневской культуры. В первую очередь, это значительное расширение раскопов в восточном или северо-восточном направлении (в зависимости от разворота ограды кургана) с целью поиска ритуальных площадок. Наиболее оптимально вскрывать площадку, примерно равную размеру самой ограды. В западном или юго-западном направлении на оси центральной могилы следует закладывать траншею в направлении, перпендикулярном стенке ограды, для обнаружения возможных оснований стел. Ее ширина должна быть не менее 3 м, а протяженность равна как минимум длине стенки ограды. Наконец, в северном и южном направлениях перпендикулярно стенкам ограды также следует закладывать траншеи с целью поиска ям для взятия грунта для насыпи. Однако их размер может быть меньше: ширина не менее 2 м, длина — не менее половины длины стенки ограды.

Отдельно следует остановиться на поисках кольца из менгиров. Учитывая значительные размеры, обнаружить их в ходе земляных работ практически невозможно. Единственный вариант выявления этих сооружений — тщательный осмотр всей площадки в радиусе не менее 100 м от кургана и закладка дополнительных раскопов при обнаружении оснований стел или похожих на них объектов. Если в ходе работ хотя бы одна стела или ее основание будут обнаружены, то, откладывая вычисленный радиус от центра кургана, можно попытаться обнаружить и другие стелы и тем самым определить параметры кольца.

Описанные выше мероприятия делают и так непростые раскопки курганов окуневской культуры еще более трудоемкими. Однако без таких необходимых шагов в исследованиях невозможно расширение наших представлений и новое осмысление ритуальных действий, проводившихся при создании и дальнейшем функционировании окуневских погребально-поминальных комплексов.

Грязнов и др. 2010 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пиеницына М. Н.* Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.

Гультов и др. 2006 — *Гультов С. Б., Подольский М. Л., Цыганков И. Н.* Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 120–124.

Киргиников 1997 — *Киргиников Э. Н.* Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.

Кызласов 1987 — *Кызласов Л. Р.* Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф., Суздаль, 1987 г. М.: Наука, 1987. С. 143–145.

Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов 2012 — *Лазаретов И. П.* Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающ. росс. археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 220–224.

Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 104–119.

Паульс 1997 — *Паульс Е. Д.* Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.

Поляков 2010а — *Поляков А. В.* Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник: Сб. науч. статей. Барнаул: Азбука, 2010. С. 144–158.

Поляков 2010б — *Поляков А. В.* Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2010 г. СПб.: Инфо-Ол, 2010. С. 75–80.

Поляков, Степанова 2009 — *Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Издательско-полиграфический центр ИАЭ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 377–381.

To the necessity of large area excavations as applied to the Okunevo culture barrows (exemplified by Barrow 13 of the Itkol' II cemetery)

A. V. Polyakov

The paper reports the study of barrow 13 from the cemetery of Itkol' II in the Shira district of the Republic of Khakasia (fig. 1–3). The site belongs to the Chernovo stage of the Okunevo culture and is believed to date from the beginning of the II millennium BC. Two of nine interments associated with the barrow area proved to be undisturbed (fig. 4). Two stages of the barrow functioning can be easily identified thanks to the specific details of building technologies: before the creation of the single mound, and after it (fig. 5–8). Some features associated with the barrow were found outside its enclosure. Worthy of special note are the pits, from which the earth for the mound was taken, and traces of a ceremonial ground north-east of the barrow (fig. 9–10). Thus, the large size of the excavation area enabled us to identify a number of important features, shedding a new light on both the building technology and ritual activities, associated with the funerary practice. The paper is finished with a brief overview of the main known instances when similar features were discovered outside the enclosed areas. The author stresses the necessity of large area excavations as applied to the Okunevo culture barrows, and gives some practical recommendations.

Курганы тагарской культуры могильника Летник VI на юге Хакасии

М. Н. Пшеницына

Ключевые слова: *предгорья Саян, Хакасия, ранний железный век, тагарская культура, могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь.*

Keywords: *Sayany foothills, Khakasia, Early Bronze Age, Tagar culture, cemetery, funerary ritual, grave goods.*

Возникший в 1975 г. на юге Хакасии сибирский центр Саяногорск расположен в глубине Азиатского материка в предгорьях Саян. Саянская земля, на которой этот город вырос из небольшого с. Означенное, изобилует исторической информацией. Окрестности селения привлекали к себе внимание русских и зарубежных ученых еще с первой половины XVIII в. Финский ученый М. А. Кастрен во время путешествия в 1847 г. по рекам Енисею и Абакану обнаружил у с. Означенное камень с рунической надписью и раскопал расположенный неподалеку земляной курган. Камень с рунами он доставил в с. Шушь (Вадецкая 1973: 104–106). В 1889 г. здесь же во время работ экспедиции под руководством проф. И. Р. Аспелина из Гельсингфорса (ныне г. Хельсинки), организованной на собранные финской общественностью средства, были исследованы еще два кургана. На одном из них стоял камень с надписью, обнаруженной М. А. Кастреном. Курган датируется сарагашенским этапом тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.) (Там же: 131).

Первые масштабные исследования курганов вблизи Саяногорска были начаты в 1970-е гг. на могильнике Летник VI, расположенном около местного аэропорта. На этом памятнике выявлены погребения афанасьевской и тагарской культур. Ограды афанасьевской культуры сконцентрированы в южной половине могильника, раннетагарские курганы занимали его северную часть (рис. 1).

В 1972 г. начальник 5-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) Ю. И. Трифонов снял план могильника, при этом все находящиеся на нем объекты получили сплошную нумерацию (1–52). Тогда же он раскопал тагарский курган (31) диаметром 22 м и высотой 0,8 м, а также начал исследование кург. 30 (погребальные комплексы афанасьевской и тагарской культур), работы на котором были завершены позднее (Трифонов 1973: 241–242; 1975: 237–238). К сожалению, материалы раскопок Ю. И. Трифонова могильника Летник VI впоследствии были утрачены.

С 1975 г. к изучению могильника приступила Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством автора статьи¹. В 1978 г. экспедиция раскопала 8 курганов раннетагарского времени, содержащих 40 могил. В процессе полевых работ выяснилось, что два объекта (34 и 35) на плане Ю. И. Трифонова представляют собой большой тагарский кург. 35, а объекты 40 и 41 являются разрушенным кург. 40. Материалы раскопок могильника Летник VI находятся на постоянном хранении в музее Кемеровского ГУ (коллекция № 3) и в экспозиции музея («Археология, этнография и экология Сибири»).

¹ В раскопках могильника Летник VI в разные годы принимали участие научные сотрудники ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН Н. А. Боковенко, В. А. Завьялов и Л. Б. Кирчо; ст. науч. сотр. ГЭ М. П. Завитухина; сотрудник ИЭ АН СССР П. Е. Митяев; археологи Н. Ю. Кузьмин, Е. Л. Немировская, Т. В. Николаева, М. Л. Подольский, Б. Н. Пяткин и А. С. Поляков; проф. кафедры археологии исторического факультета СПбГУ Д. Г. Савинов. Земляные работы производили учащиеся школ г. Саяногорска, служащие г. Ленинграда и Томска. Полевая графическая фиксация и рисунки находок выполнены художником-архитектором В. Г. Ефимовым. Компьютерная обработка чертежей и рисунков проведена Л. А. Соколовой (ИИМК РАН). Палеоантропологические определения останков погребенных из тагарских курганов выполнил д. и. н. М. П. Грязнов.

До раскопок большинство курганов памятника представляли собой пологие земляные холмики диаметром 0,6–0,9 м и высотой до 0,5 м. Среди них выделялись два больших курга. 35 и 36 с земляными насыпями диаметром до 16 м. Настоящая статья посвящена публикации этих двух курганов.

Курган 35

Под остатками поврежденной запашкой земляной насыпи (диаметр не менее 16 м, сохранившаяся высота — до 0,5 м) была обнаружена вытянутая с СЗ на ЮВ прямоугольная ограда (17 × 9 м),

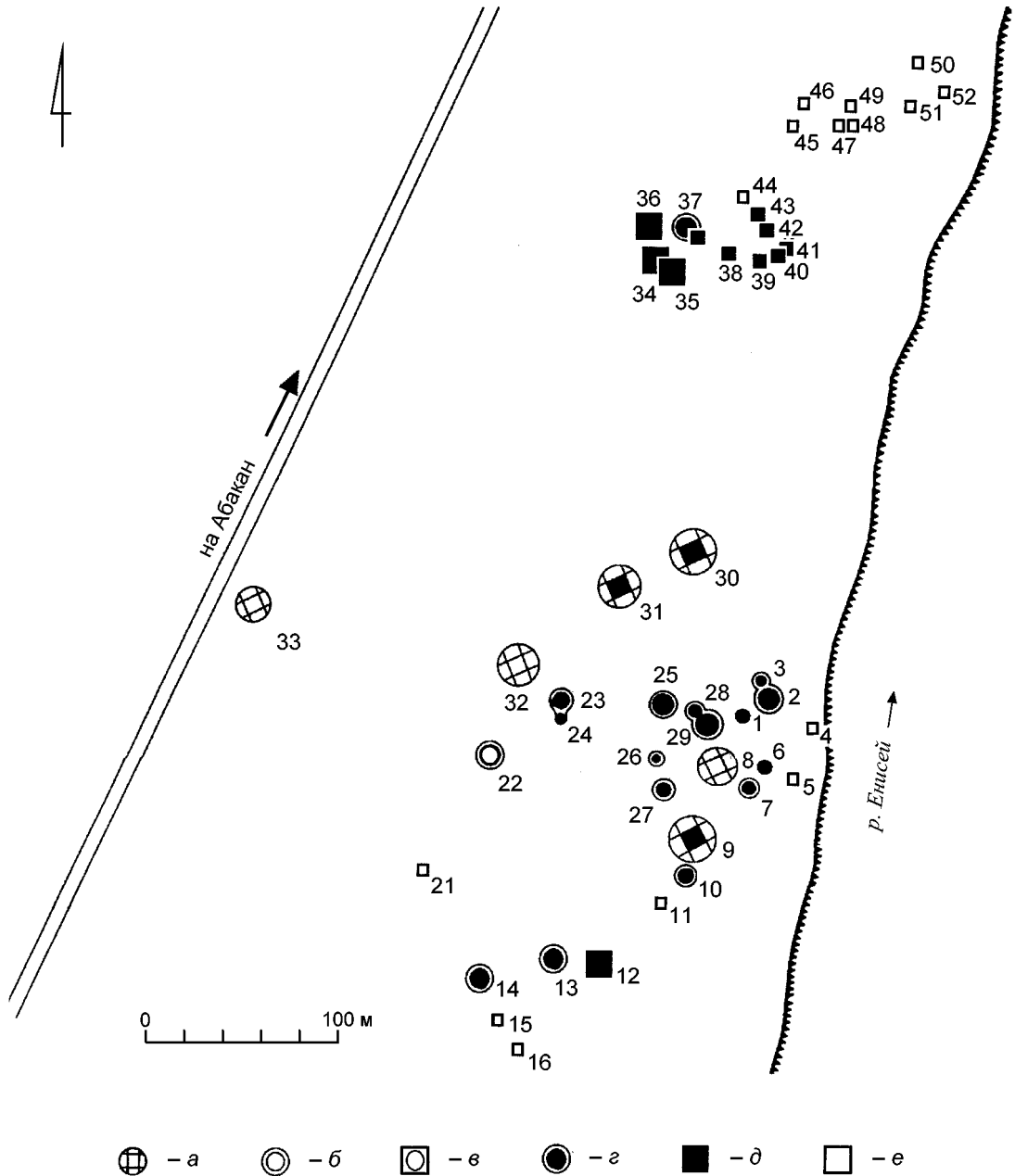

Рис. 1. Могильник Летник VI, план: а — большие курганы тагарской культуры; б — ограды афанасьевской культуры; в — курганы с каменными выкладками; з — раскопанные ограды афанасьевской культуры; д — раскопанные курганы с каменными выкладками; е — уничтоженные курганы

Fig. 1. Letnik VI cemetery, plan: а — large barrows of the Tagar culture; б — Afanasievo culture enclosures; в — barrows with stone linings; з — excavated enclosures of the Afanasievo culture; д — excavated barrows with stone linings; е — destroyed barrows

сложенная из продолговатых валунов и крупной гальки (рис. 2, I). Отдельные камни ограды были видны на поверхности до раскопок. По углам ограды возвышались массивные крупные столбообразные камни. К моменту раскопок на месте сохранился только один из них, установленный в восточном углу ограды.

Внутри ограды выявлено пять основных могил (1–5), расположенных в ряд по продольной оси кургана с СЗ на ЮВ (рис. 2, II), и пять дополнительных (рис. 2, I), в двух из которых погребены взрослые (6 и 7), в трех — дети (8–10).

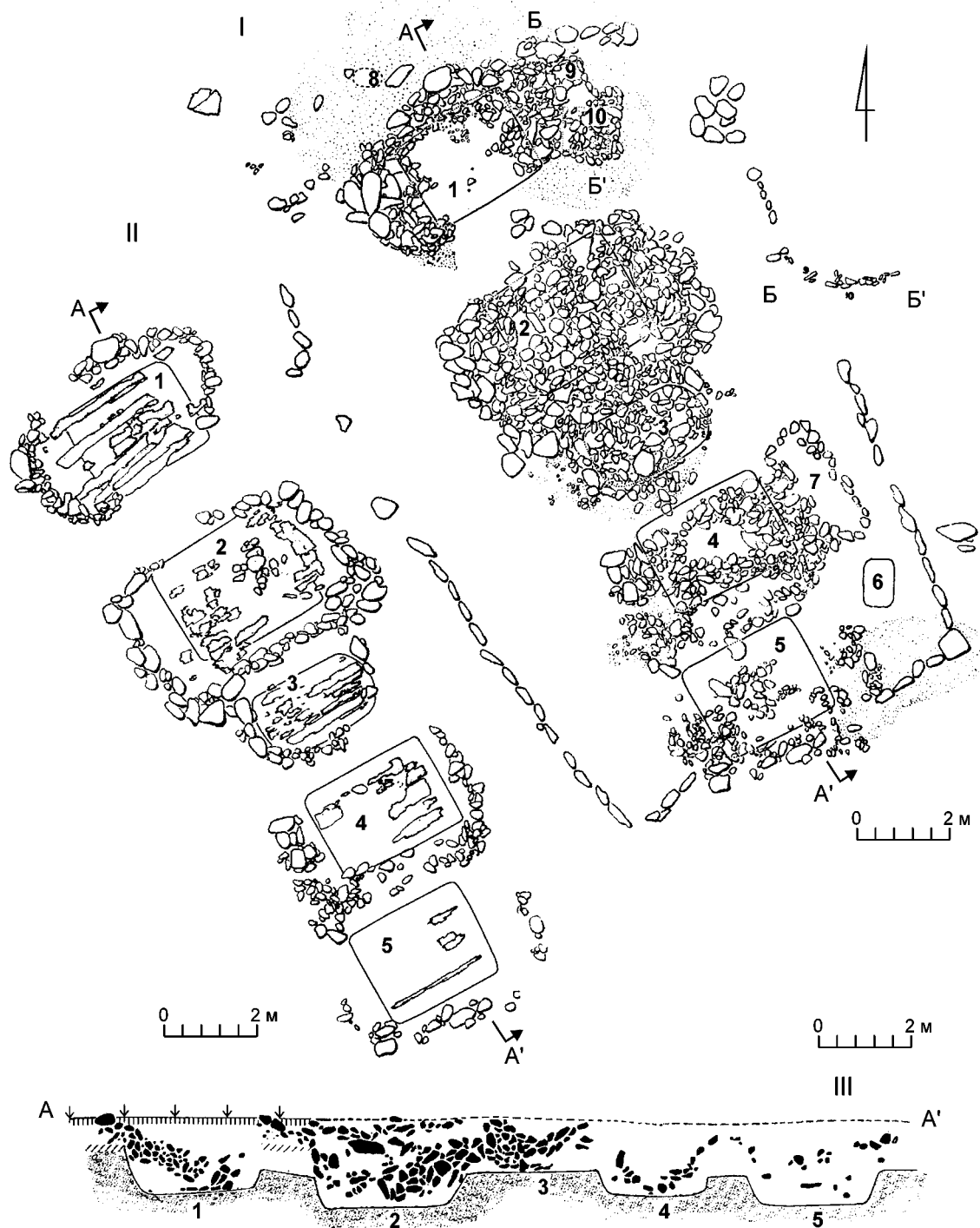

Рис. 2. Летник VI, кург. 35, планы (I–II) и разрез (III)
 Fig. 2. Letnik VI, barrow 35, plans (I–II) and cross section (III)

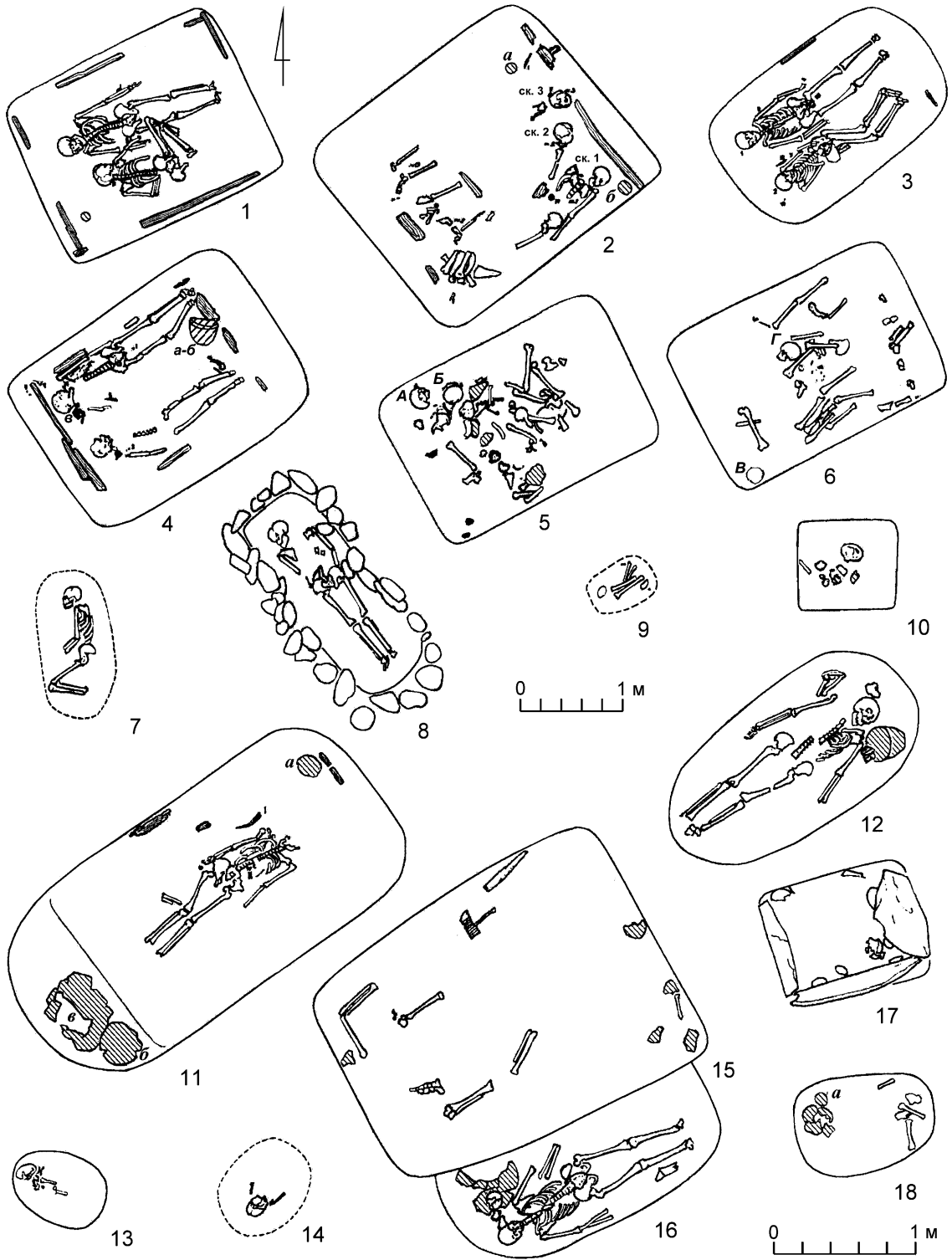

Рис. 3. Летник VI, кург. 35 (1–10) и 36 (11–18), планы могил. Курган 35: 1 — мог. 1; 2 — мог. 2; 3 — мог. 3; 4 — мог. 4; 5 — мог. 5 (план А); 6 — мог. 5 (план В); 7 — мог. 6; 8 — мог. 7; 9 — мог. 8; 10 — мог. 10. Курган 36: 11 — мог. 1; 12 — мог. 3; 13 — мог. 6; 14 — мог. 7; 15 — мог. 4; 16 — мог. 5; 17 — мог. 8; 18 — мог. 10

Fig. 3. Letnik VI, barrows 35 (1–10) and 36 (11–18), plans of burials. Barrow 35: 1 — grave 1; 2 — grave 2; 3 — grave 3; 4 — grave 4; 5 — grave 5 (plan A); 6 — grave 5 (plan B); 7 — grave 6; 8 — grave 7; 9 — grave 8; 10 — grave 10. Barrow 36: 11 — grave 1; 12 — grave 3; 13 — grave 6; 14 — grave 7; 15 — grave 4; 16 — grave 5; 17 — grave 8; 18 — grave 10

Могила 1 (рис. 3, 1) находилась у северо-западной стены ограды кургана. В яме размерами 2,25 × 1,8 м и глубиной 1 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, вдоль всех ее стенок по дну прослеживались остатки нижнего венца сруба из тонких бревен. Его внутренние размеры составляли 1,1 × 1,6 м. Могильная яма была перекрыта накатом из бревен (не менее восьми) диаметрами 0,2–0,25 м, уложенными в направлении с СВ на ЮЗ. Деревянное перекрытие ямы заложено двумя-тремя слоями крупной гальки и мелких валунов, причем часть камней и гальки встречена в заполнении могилы. Вдоль всех ее бортов прослежены один-два ряда мелких валунов и крупной гальки. Могила не потревожена.

На дне могилы находились скелеты мужчины 40–60 л. и женщины того же возраста. Оба погребенных лежали головами на ЮЗ: мужчина покоился на спине, с вытянутыми ногами; женщина была уложена «на живот», ее ноги согнуты в коленях.

В южном углу сруба обнаружен поддон глиняного сосуда (рис. 4, 1). Под костями предплечья левой руки мужского скелета лежало бронзовое дисковидное зеркало с петелькой на обороте (рис. 5, 14). У локтя его правой руки находились бронзовые чекан (рис. 5, 17) и лезвие ножа (рис. 5, 21). За черепом женского скелета найдены две бронзовые полусферические бляшки (рис. 5, 8, 9). В заполнении могильной ямы зафиксированы кости молодой овцы (правые бедро, голень и лопатка).

Могила 2 (рис. 3, 2) располагалась почти в центре ограды. В ориентированной по линии СВ–ЮЗ яме размерами 2,6 × 2,2 м и глубиной 1,1 м вдоль северо-восточной и юго-западной стенок прослежены фрагменты нижнего венца бревенчатого сруба. Его внутренние размеры составляли примерно 2 × 1,95 м. На северо-восточном и юго-западном бортах ямы сохранились концы закрывавших ее бревен наката. Бревна диаметром до 0,3 м были уложены в направлении с СВ на ЮЗ. Деревянное перекрытие могилы заложено несколькими плотными слоями мелких валунов и крупной гальки, образующими сплошной каменный панцирь. Вдоль бортов ямы прослежены один-два ряда валунов и гальки. Могила ограблена.

На дне могилы обнаружены останки трех погребенных, лежавших на спине, головами на СВ. Вдоль юго-восточной стенки могилы находился потревоженный скелет женщины 40–60 л. (на чертеже — скелет 1). *In situ* зафиксированы череп, грудная клетка, все кости левой руки, а также левые тазовая и бедренная кости. В головах поставлена глиняная миска (на чертеже — сосуд б) (рис. 4, 2). В области грудной клетки встречено бронзовое дисковидное зеркало с петелькой на обороте (рис. 5, 15). Над тазовой костью скелета обнаружены фрагменты бронзовых бляшки и бусины. В ногах погребенной лежали остатки мясной пищи: кости двух молодых особей коровы (2 бедра, 2 голени, 2 лопатки, 4 ребра).

Справа от скелета 1 находились череп и кости голени обеих ног другого скелета женщины 40–60 л. (на чертеже — скелет 2). В ногах погребенной зафиксированы кости овцы (бедро, голень, лопатка, 2 ребра).

Рядом со скелетом 2 обнаружены череп без нижней челюсти и кости голени обеих ног скелета мужчины 40–60 л. (на чертеже — скелет 3). Около черепа лежал клык кабарги с просверленным отверстием (рис. 5, 4). Здесь же найдены бронзовая полусферическая бляшка (рис. 5, 10) и фрагмент бронзовой трубочки-пронизки под черепом.

В северном углу могилы размещена глиняная миска (на чертеже — сосуд а) (рис. 4, 3). Рядом с ней находился бронзовый «вкладышевый» нож с головкой грифона в основании клинка (рис. 5, 23). В южном углу обнаружено бронзовое шило с головкой в виде небольшой кнопки и слабо выраженной шейкой (рис. 5, 20).

В заполнении могильной ямы среди мелких валунов и крупной гальки каменного покрытия и фрагментов деревянного наката встречены разрозненные кости не менее трех взрослых погребенных. В заполнении также найдены фрагменты глиняного сосуда с желобком под венчиком и арочным орнаментом (рис. 4, 4), 3 бронзовые конусовидные бусины (2 из них парные) (рис. 5, 3), 2 полусферические бляшки, обломок иглы и несколько бусин — круглая из стекловидной массы, плоская аргиллитовая и две каменные круглые (рис. 5, 1–2). В северном углу могилы в придонной части лежало бронзовое шило с гвоздевидной шляпкой (рис. 5, 19), в западном углу — бронзовый нож с каплевидным отверстием (рис. 5, 24). Кроме того, в заполнении обнаружены кости молодой овцы (бедро и голень).

Могила 3 (рис. 3, 3) находилась рядом с могилой 2 в центральной части ограды. Ориентированная по линии СВ–ЮЗ яма размерами 2,3 × 1,4 м и глубиной 0,6 м была покрыта на-

катом из тонких бревен и жердей, уложенных в направлении с СВ на ЮЗ. Вдоль бортов могилы положены в один-два ряда мелкие валуны и галька. Над перекрытием ямы возведено надмогильное сооружение из валунов и гальки, уложенных друг на друга в несколько плотных слоев. На дне могилы вдоль ее северо-западной и северо-восточной стенок прослежены небольшие фрагменты дерева, видимо, от венца сруба. Могила потревожена.

На дне могилы находились два скелета: мужчины 40–60 л. и женщины (?) 25–40 л. Оба погребенных положены на спину, головами на ЮЗ. У женского (?) скелета ноги слегка согнуты в коленях.

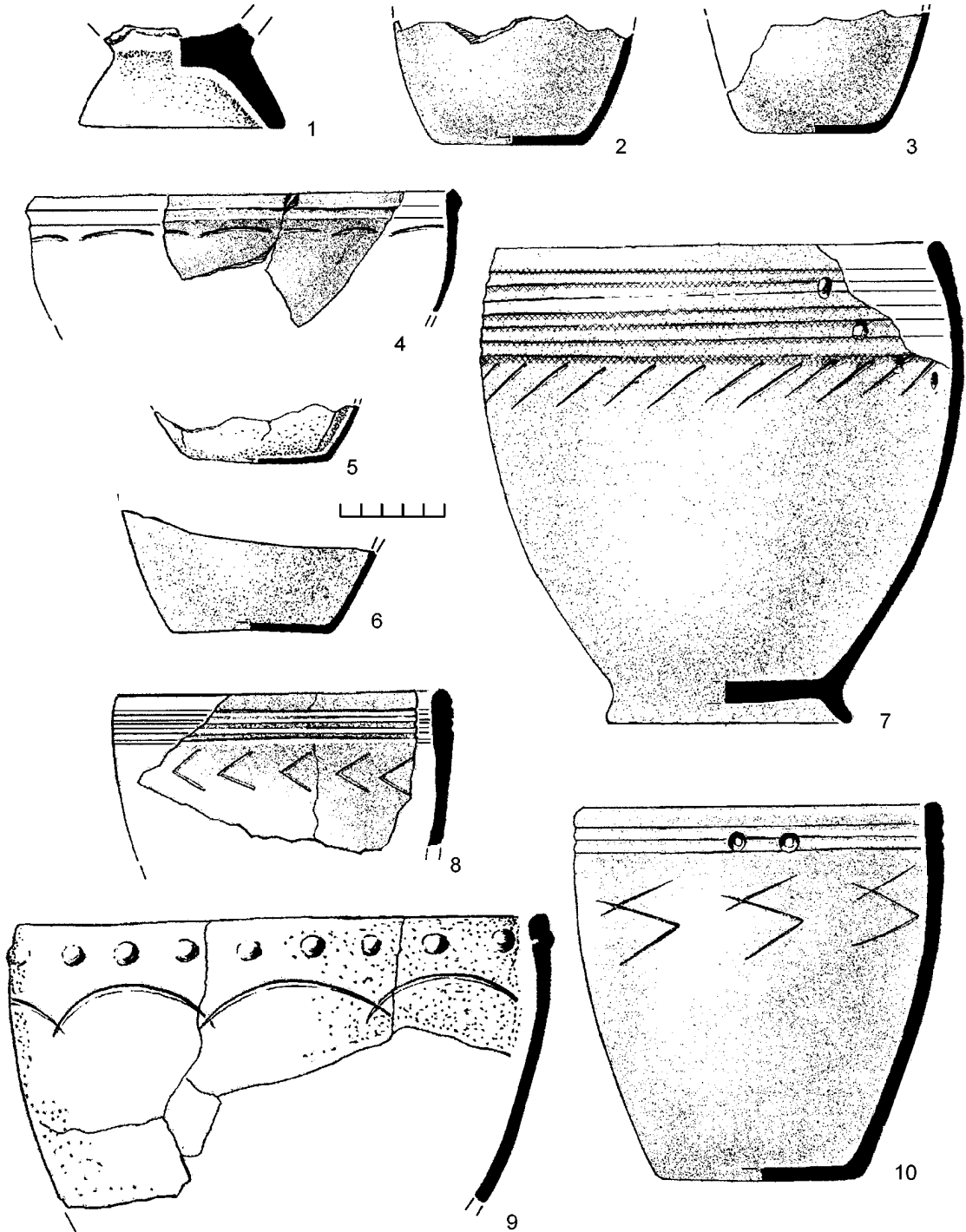

Рис. 4. Летник VI, кург. 35, глиняные сосуды: 1 — мог. 1; 2–4 — мог. 2; 5–7 — мог. 4; 8–10 — мог. 5
 Fig. 4. Letnik VI, barrow 35, clay vessels: 1 — grave 1; 2–4 — grave 2; 5–7 — grave 4; 8–10 — grave 5

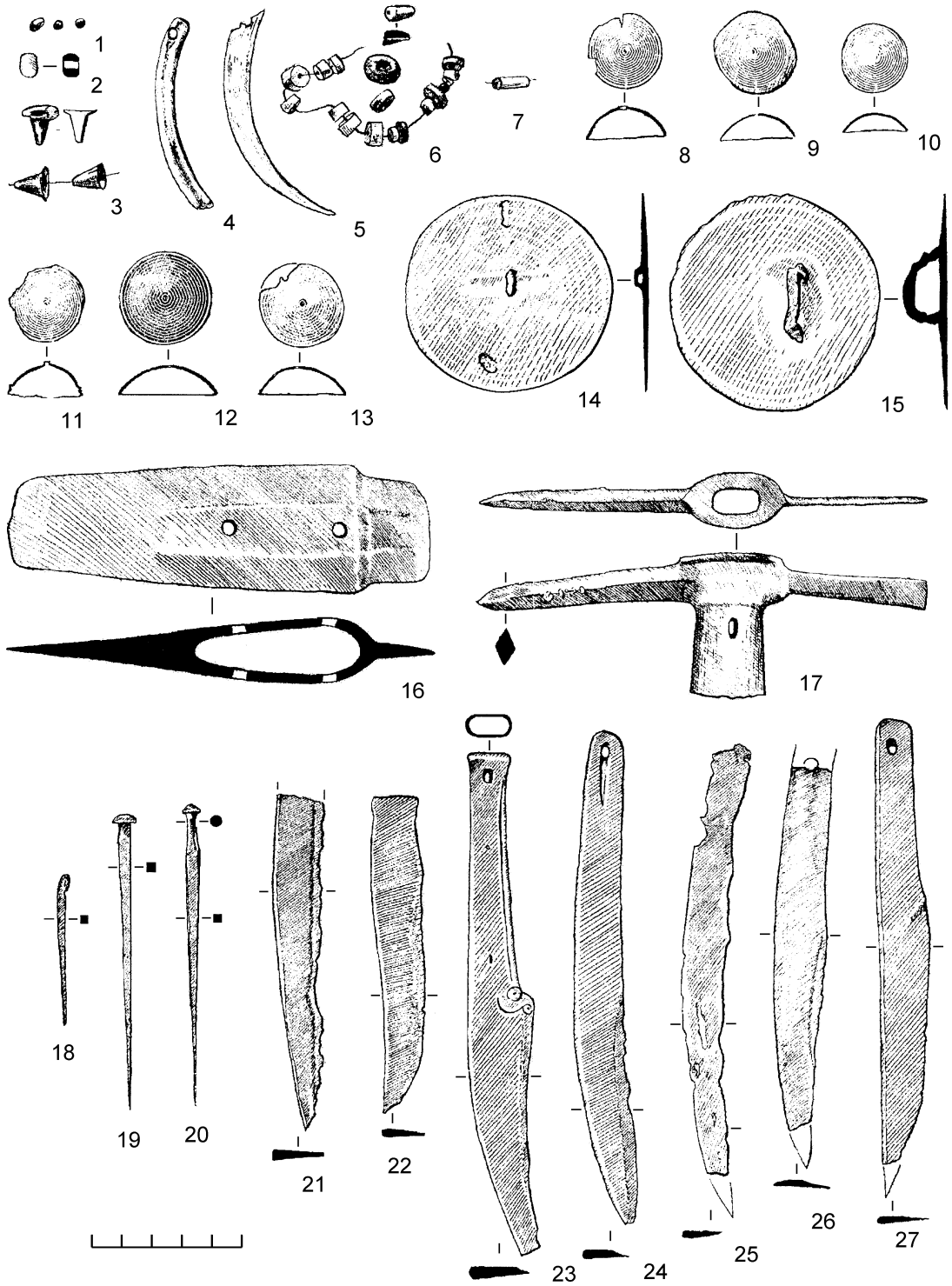

Рис. 5. Летник VI, кург. 35, находки: 1-4, 10, 15, 19-20, 23-24 — мог. 2; 5-6, 11-12, 18, 25 — мог. 3; 7 — мог. 5; 8-9, 14, 17, 21 — мог. 1; 13 — мог. 6; 16, 26 — мог. 4; 22 — заполнение; 27 — мог. 7 (1-2 — стекло; 3, 8-27 — бронза; 4-5 — кость; 6-7 — аргиллит, камень)

Fig. 5. Letnik VI, barrow 35, finds: 1-4, 10, 15, 19-20, 23-24 — grave 2; 5-6, 11-12, 18, 25 — grave 3; 7 — grave 5; 8-9, 14, 17, 21 — grave 1; 13 — grave 6; 16, 26 — grave 4; 22 — infill; 27 — grave 7 (1-2 — glass; 3, 8-27 — bronze; 4-5 — bone; 6-7 — argillite, stone)

У головки левой плечевой кости мужского скелета обнаружены бронзовые полусферическая бляшка и шило (рис. 5, 18), в области крестца лежал бронзовый пластинчатый нож (рис. 5, 25). За черепом женского (?) скелета встречена бронзовая полусферическая бляшка хорошей сохранности с отверстием в центре (рис. 5, 12). В области грудной клетки погребенной находилась еще одна аналогичная бронзовая бляшка (рис. 5, 11), а на левой тазовой кости — цилиндрическая каменная зеленоватая бусина. Около головки левой плечевой кости умершей зафиксировано скопление бусин: 4 бронзовых (биконическая, 2 конусовидных и 1 круглая), а также 15 каменных и аргиллитовых (рис. 5, 6). На поясе покойной лежал клык кабарги (рис. 5, 5).

Могила 4 (рис. 3, 4) находилась рядом с могилой 3. Над ямой размерами 2,5 × 1,8 м и глубиной 1 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, сохранились остатки не менее пяти бревен наката, перекрывающего могилу в направлении с СВ на ЮЗ. Борты ямы были выложены мелкими валунами и галькой в один-два ряда. Бревенчатое покрытие могилы заложено мелкими валунами и крупной галькой. По дну ямы вдоль всех ее стен прослежены остатки нижнего венца бревенчатого сруба, внутренние размеры которого составляли 1,8 × 1,3 м. Могила не потревожена.

На дне могилы покоились два скелета — мужчины 25–40 л. и взрослого индивида. Оба погребенных лежали на спине, с вытянутыми ногами, головами на ЮЗ. Кости скелетов имели очень плохую сохранность. Ребра и позвонки обоих умерших почти полностью истлели.

На костях таза мужчины, лежавшего вдоль северо-западной стенки сруба, найден бронзовый проушной топор (рис. 5, 16). У пояса погребенного находился бронзовый пластинчатый нож с круглым обломанным отверстием на рукояти (рис. 5, 26), в области черепа найдены четыре бронзовых полусферических бляшки, а справа от черепа — глиняная миска (на чертеже — сосуд в) (рис. 4, 5). В ногах умершего были поставлены глиняная миска (на чертеже — сосуд а) (рис. 4, 6) и сосуд на низком поддоне, украшенный шестью желобками по венчику и полосой из косых насечек под ними (на чертеже — сосуд б) (рис. 4, 7). В ногах обеих погребенных зафиксированы остатки мясной пищи: кости двух особей овцы (лопатки, бедра, ребра).

Могила 5 (рис. 3, 5, 6) располагалась непосредственно у юго-восточной стенки ограды кургана. Над ямой размерами 2,4 × 1,7 м и глубиной 1,1 м прослежены фрагменты бревен наката, перекрывающего ее в направлении с СВ на ЮЗ. Деревянное покрытие ямы заложено крупной галькой и мелкими валунами. На ее дне вдоль стен сохранились следы нижнего венца сруба или деревянной рамы. Могила ограблена.

В заполнении ямы и на ее дне в полном беспорядке найдены разрозненные кости не менее четырех погребенных: мужчин 20–25 л. (череп А) и 25–40 л. (череп Б), женщин 25–40 л. (череп В) и 40–60 л. (череп Г).

В южном углу на дне могилы зафиксированы обломки глиняного баночного сосуда с тремя желобками по венчику и резным зигзагообразным орнаментом под ними (рис. 4, 8). В заполнении ямы встречены фрагменты двух глиняных баночных сосудов. Один из них украшен тремя желобками под венчиком и резным елочным орнаментом под ними (рис. 4, 10), другой, имеющий крупные размеры и толстые стенки, украшен под венчиком полосой из «жемчужин» и арочным орнаментом под ними (рис. 4, 9). Здесь же, в заполнении обнаружены фрагменты двух бронзовых полусферических бляшек и аргиллитовая белая цилиндрическая бусина (рис. 5, 7). В заполнении и на дне могилы в полном беспорядке найдены кости животных — коровы (бедро, голень, лопатка, 2 ребра), овцы (2 бедра, 2 голени, лопатка, астрагал) и козы (голень).

Могила 6 (рис. 3, 7). В восточном углу ограды на уровне древней поверхности на площадке (1,4 × 0,7 м) выявлено погребение женщины старше 60 л. (?). Умершая лежала на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на С. На лобной кости черепа найдена бронзовая полусферическая бляшка (рис. 5, 13).

Могила 7 (рис. 3, 8). За северо-восточной стенкой могилы 4 на уровне древней дневной поверхности в оградке (2,0 × 0,7 м) из мелких валунов и крупной гальки находилось погребение мужчины 40–60 л. Покойный был уложен на спину, головой на СЗ. У пояса умершего лежал бронзовый пластинчатый нож с круглым отверстием на конце рукояти (рис. 5, 27).

Могила 8 (рис. 3, 9). В 1 м к СЗ от могилы 1 на уровне древнего горизонта на маленькой площадке (0,4 × 0,6 м) обнаружены останки подростка 10 л.

Могила 9. За северо-восточной стенкой могилы 1 в оградке (0,4 × 0,5 м) из мелких валунов и крупной гальки на глубине 0,4 м выявлены останки годовалого младенца.

Могила 10 (рис. 3, 10). К югу от могилы 9 под каменной выкладкой на глубине 0,8 м в яме (0,9 × 0,8 м) найдено потревоженное погребение ребенка 3 л. На дне могилы лежали череп, тазовые кости, кости ног и другие останки. В заполнении зафиксированы ребра, позвонки и другие мелкие кости, а также кости овцы (бедро, голень, лопатка, 2 ребра).

При снятии насыпи кургана 35 было найдено лезвие бронзового ножа (рис. 5, 22).

Курган 36

Под разрушенной земляной насыпью диаметром около 16 м и высотой до 0,5 м выявлены остатки ограды (14 × 10 м), сооруженной из валунов и массивных плит (рис. 6, 1). *In situ* сохранились плиты северо-западной, юго-западной и юго-восточной стен ограды, поставленные вблизи ее южного угла. Внутри ограды найдены четыре основные могилы (1, 2, 4 и 5), расположенные в ряд по продольной оси кургана, вытянутой с СЗ на ЮВ, и 7 дополнительных погребений (3, 3а, 6–10).

Могила 1 (рис. 3, 11) находилась в северной половине ограды кургана. Ориентированная по линии СВ–ЮЗ яма размерами 2,9 × 1,5 м и глубиной 0,9 м была заложена несколькими плотными слоями мелких валунов и крупной гальки, образующими сплошной каменный панцирь. Вдоль бортов ограбленной могилы прослежены два-три ряда мелких валунов и гальки. Вдоль северо-западной и северо-восточной стенок могилы сохранились фрагменты дерева, видимо, от нижнего венца сруба.

На дне могилы (2,3 × 1,5 м) лежал скелет взрослой женщины 25–40 л., на спине, головой на СВ. Нижняя челюсть находилась *in situ*, череп отсутствовал.

Справа от костей умершей найдены бронзовые пластинчатый нож с каплевидным отверстием в рукояти (рис. 7, 14) и шило с гвоздевидной шляпкой (рис. 7, 10). В области грудной клетки зафиксировано скопление бусин: три бронзовых биконических (рис. 7, 2), а также 14 аргиллитовых и каменных (рис. 7, 3). У правого колена погребенной находились остатки мясной пищи: бедро и голень овцы. В северном углу ямы была поставлена глиняная миска (на чертеже — сосуд а) (рис. 8, 2).

Могила 1а (рис. 3, 11). У юго-западной стенки ямы, на небольшом уступчике на 0,2 м выше ее дна, стояли два раздавленных баночных сосуда: один украшен пятью желобками и оттисками гребенчатого штампа по венчику (на чертеже — сосуд в) (рис. 8, 4), второй — без орнамента (на чертеже — сосуд б) (рис. 8, 5). Это остатки баиновской могилы, перерезанной вышеописанным впускным подгорновским захоронением.

В заполнении могилы 1а среди мелких валунов, крупной гальки и небольших деревянных фрагментов покрытия найдены разрозненные кости не менее троих погребенных: мужчины, женщины и трехлетнего ребенка. Здесь же обнаружены кости животных: коровы (бедро, голень, ребро, грудина), двух молодых и двух взрослых особей овец (4 правые бедренные кости, кости двух левых голеней, ребро).

В заполнении могилы выявлены бронзовые гвоздевидная заклепка (рис. 7, 4) и полусферическая бляшка (рис. 7, 7). У северо-западной стенки ямы также в заполнении обнаружен массивный бронзовый предмет неизвестного назначения (рис. 7, 16). Здесь же находились две миски (рис. 8, 1, 3).

Создается впечатление, что яму в северной части ограды использовали неоднократно. Можно предположить, что вначале были погребены двое взрослых и ребенок (баиновская мог. 1а), кости которых найдены в заполнении. С этим же захоронением, возможно, связаны два глиняных сосуда, поставленных у юго-западной стенки ямы на ее уступчике. Вместе с посудой, видимо, был положен и предмет неизвестного назначения. Позднее была захоронена женщина 25–40 л. (подгорновская мог. 1), при погребении которой мог. 1а была разрушена.

Могила 2. Яма размерами 1,9 × 1,2 м и глубиной 0,8 м примыкала с СЗ к мог. 1 и имела с ней общую стенку. Могила покрыта мелкими валунами, крупной галькой и обломками песчаниковых плит, уложенных друг на друга в несколько слоев. При разборке заполнения ямы среди упавших в нее плит покрытия встречены небольшие фрагменты дерева. Могила ограблена.

На дне ямы и в ее заполнении в полном беспорядке обнаружены человеческие кости не менее пяти погребенных: три женщины, подросток и ребенок 3–4 л. Среди останков людей выявлены кости коровы (лопатка, голень, астрагал, пяточная кость, 2 ребра, фрагмент таза).

В заполнении найдены две бронзовые бляшки (рис. 7, 5, 6) и обломок лезвия ножа (рис. 7, 12), а также фрагменты глиняного баночного сосуда с пятью желобками под венчиком (рис. 8, 9).

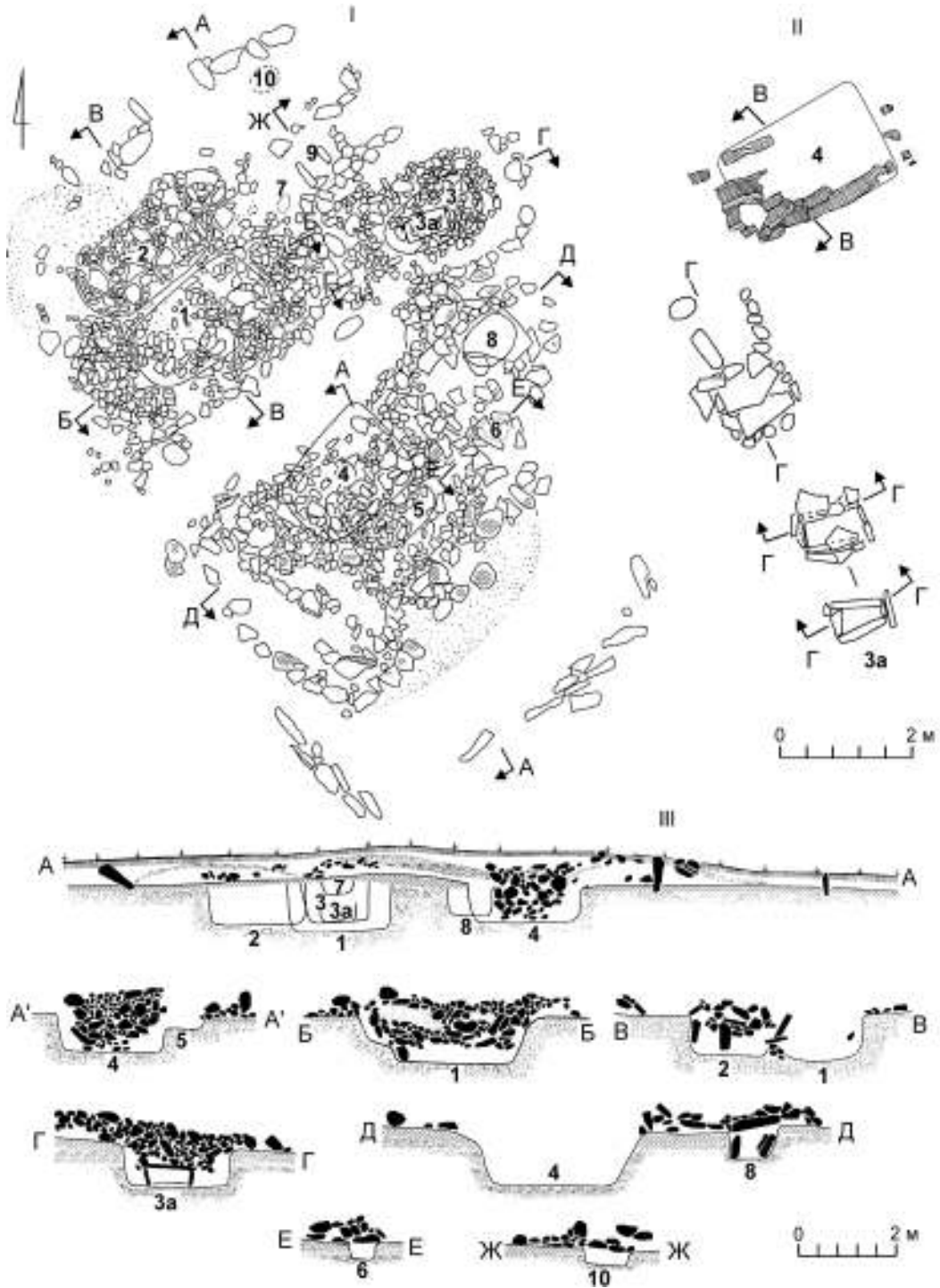

Рис. 6. Летник VI, кург. 36, планы (I–II) и разрезы (III)
 Fig. 6. Letnik VI, barrow 36, plans (I–II) and cross section (III)

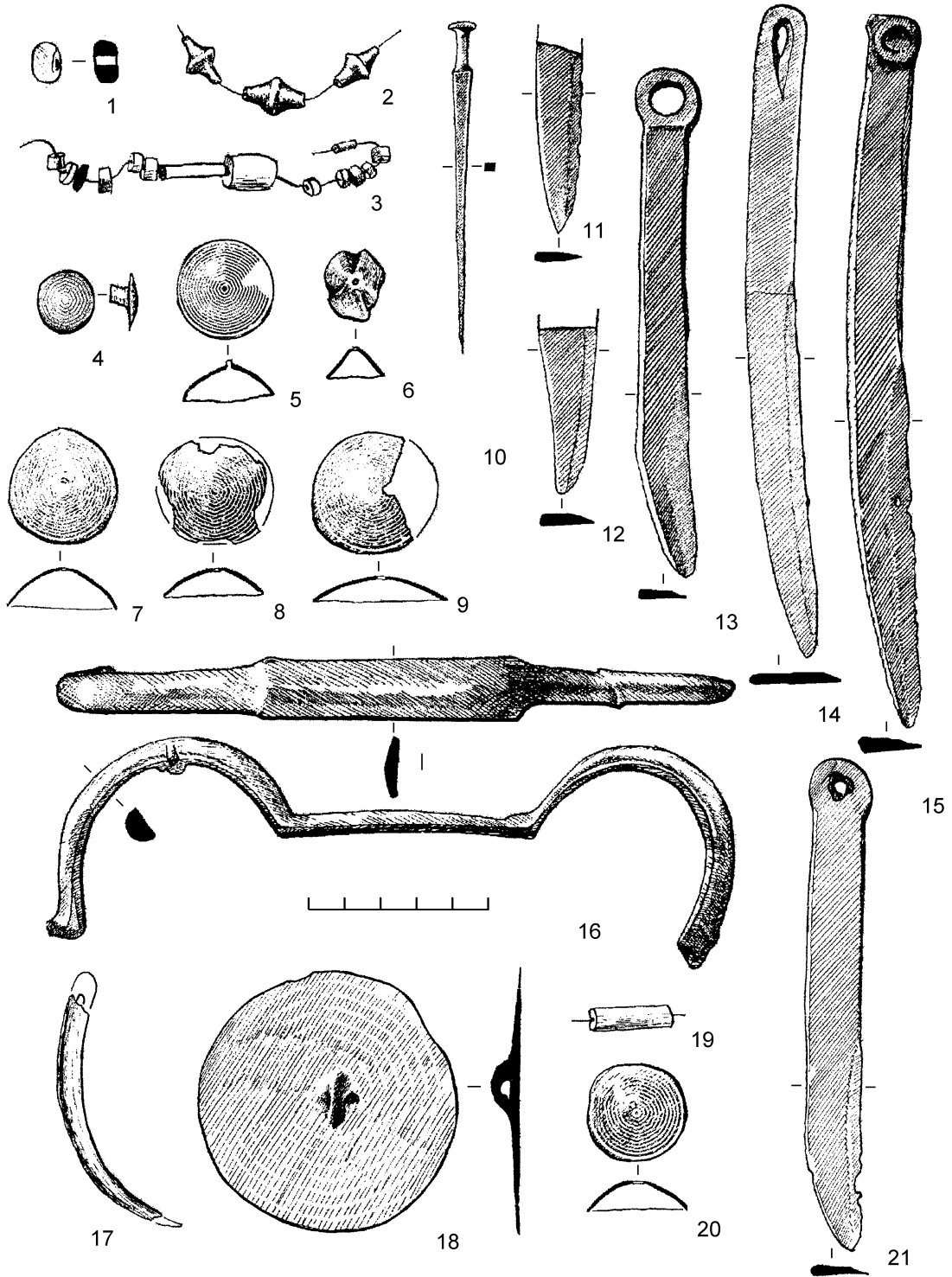

Рис. 7. Летник VI, кург. 36 (1–16), 37 (17–18), 39 (19), 38 (20) и 40 (21), находки.

Курган 36: 1, 8 — мог. 4; 2–4, 7, 10, 14, 16 — мог. 1; 5–6, 12 — мог. 2; 9, 11, 15 — мог. 3; 13 — мог. 5. 17–18 — кург. 37, мог. 3; 19 — кург. 39, мог. 1; 20 — кург. 38, мог. 1; 21 — кург. 40, мог. 1 (1, 3 — аргиллит, стекло; 2, 4–16, 18, 20–21 — бронза; 17 — кость; 19 — сердолик)

Fig. 7. Letnik VI, barrows 36 (1–16), 37 (17–18), 39 (19), 38 (20) and 40 (21), finds.

Barrow 36: 1, 8 — grave 4; 2–4, 7, 10, 14, 16 — grave 1; 5–6, 12 — grave 2; 9, 11, 15 — grave 3; 13 — grave 5. 17–18 — barrow 37, grave 3; 19 — barrow 39, grave 1; 20 — barrow 38, grave 1; 21 — barrow 40, grave 1 (1, 3 — argillite, glass; 2, 4–16, 18, 20–21 — bronze; 17 — bone; 19 — cornelian)

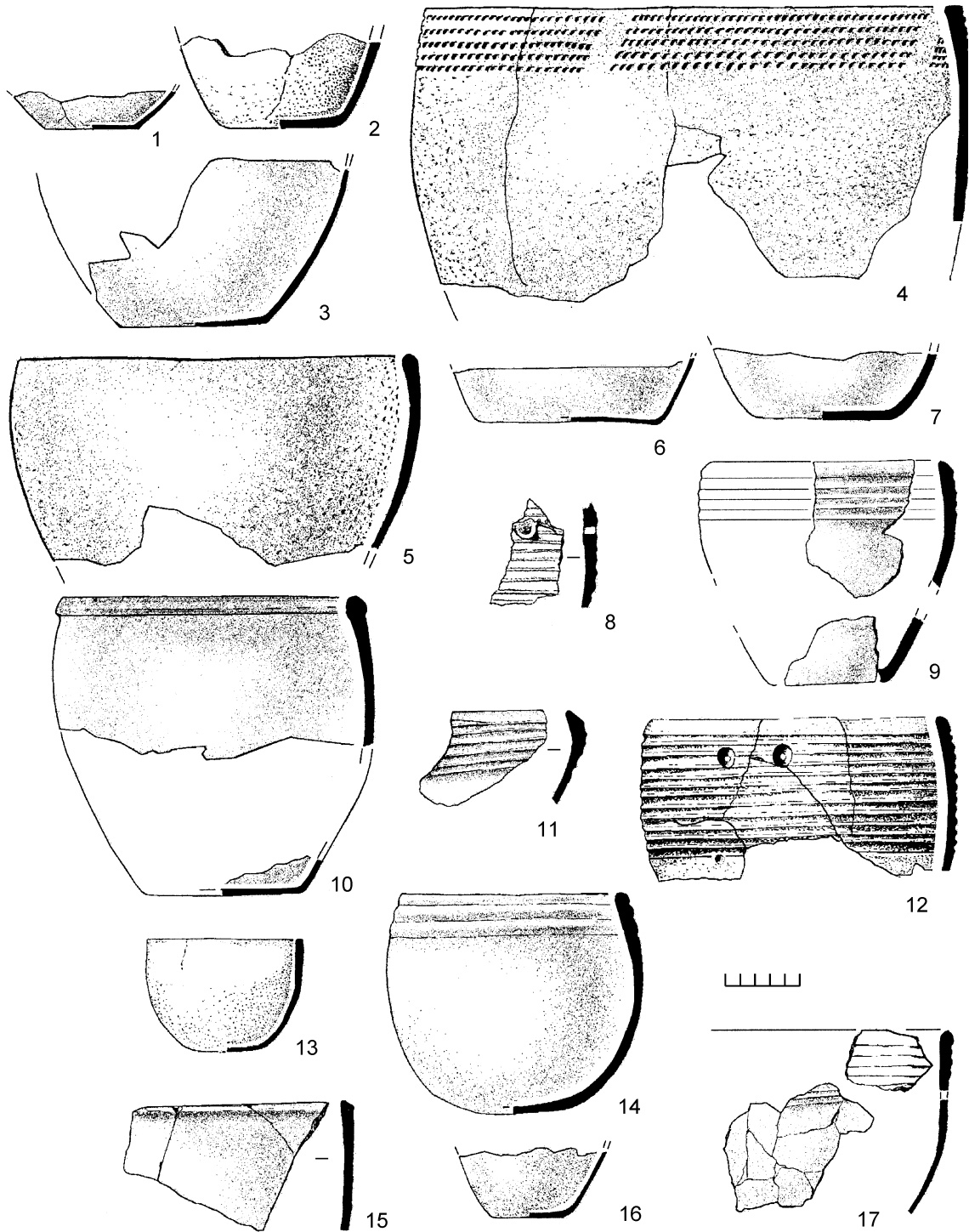

Рис. 8. Летник VI, кург. 36, глиняные сосуды: 1–5 — мог. 1; 6–8, 11–12 — мог. 4; 9 — мог. 2; 10 — мог. 3; 13–14 — мог. 10; 15–17 — насыпь

Fig. 8. Letnik VI, barrow 36, clay vessels: 1–5 — grave 1; 6–8, 11–12 — grave 4; 9 — grave 2; 10 — grave 3; 13–14 — grave 10; 15–17 — mound

Могилы 3 (рис. 3, 12) располагалась в 3 м к СВ от мог. 1. На дне ямы размерами 1,95 × 1 м и глубиной 0,8 м лежал скелет мужчины 40–60 л., на спине, головой на СВ. Вдоль бортов ямы прослежены два ряда мелких валунов и крупной гальки.

У пояса умершего был обнаружен бронзовый нож с кольчатым навершием (рис. 7, 15). В головах слева находился раздавленный баночный глиняный сосуд с утолщенным валиком без орнамента (рис. 8, 10), справа — остатки мясной пищи: кости молодой овцы (бедро, голень, астрагал, пяточная, 2 ребра). В заполнении могилы зафиксированы бронзовые полусферическая бляшка (рис. 7, 9) и лезвие ножа (рис. 7, 11).

Могилы 3а (рис. 6, 11). Сложенный из четырех вертикально поставленных плит каменный трапециевидный ящик (0,8 × 0,4 м) высотой 0,4 м был впущен в мог. 3. Он покрыт каменной плитой. Плиты, образующие ящик, стояли на дне основной мог. 3. В заполнении ящика в полном беспорядке обнаружены обломки черепа и все кости скелета годовалого младенца.

Сверху над мог. 3 и 3а было возведено каменное надмогильное сооружение из крупной гальки и мелких валунов, уложенных друг на друга в несколько слоев. При разборке этого покрытия найдено лезвие бронзового ножа.

Могилы 4 (рис. 3, 15) находилась в южной половине ограды кургана. Яма размерами 2,4 × 1,8 м и глубиной 0,8 м ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Она заложена несколькими слоями мелких валунов и крупной гальки, образующими сплошной каменный панцирь. Вдоль бортов могилы прослеживались два-три ряда мелких валунов и крупной гальки. Под каменным покрытием ямы имелись остатки деревянного наката, перекрывающего ее в направлении с СВ на ЮЗ (рис. 6, 11). Могилы ограблены.

На дне ямы сохранились кости обеих ног скелета взрослого человека. В заполнении в полном беспорядке найдены разрозненные кости скелетов трех женщин 40–60 л. и ребенка 2–3 л. Среди них выявлены кости животных: лошадь (затылочные кости черепов двух особей) и овца (3 правые лопатки, 3 голени, 3 бедра, 2 грудины).

В заполнении и на дне могилы встречены обломки не менее шести глиняных сосудов: баночный с 12 желобками под венчиком (рис. 8, 12), миниатюрный сосудик на низком поддоне, две миски (рис. 8, 6–7), фрагмент венчика сосуда с бронзовой заклепкой (рис. 8, 8) и два фрагмента венчика сосуда с пятью желобками под ним (рис. 8, 11). Здесь же обнаружены фрагмент бронзовой полусферической бляшки (рис. 7, 8) и круглая бусина из стекла (рис. 7, 1).

Могилы 5 (рис. 3, 16). На юго-восточном борту мог. 4 в грунтовой яме (2 × 0,8 м) на глубине 0,3 м была погребена на спине женщина 40–60 л., головой на ЮЗ. У ее пояса лежал бронзовый пластинчатый нож с кольчатым навершием (рис. 7, 13). В головах слева найден большой раздавленный глиняный сосуд баночной формы. В нем находилась черепная коробка младенца. У правой голени умершей выявлены остатки мясной пищи: кости овцы (лопатка, голень).

Могилы 6 (рис. 3, 13). В 1,5 м к СВ от мог. 4 и 5 под выкладкой из гальки и мелких валунов в ямке (0,7 × 0,5 м) на глубине 0,4 м обнаружен потревоженный скелет годовалого младенца, лежащего головой на ЗСЗ. Сохранились череп, часть позвонков и ребер, бедренная кость.

Могилы 7 (рис. 3, 14). В 1,5 м к СВ от мог. 1 и 2 на уровне древнего горизонта расчищены остатки скелета годовалого младенца, положенного головой на ЮЗ. Сохранились череп и обе плечевых кости.

Могилы 8 (рис. 3, 17). В 2 м к СВ от мог. 4 и 5 в каменном ящике (1 × 0,75 м) высотой 0,5 м, сложенном из вертикально поставленных плит, обнаружены разрозненные останки троих годовалых младенцев (черепные коробки и некоторые мелкие кости). В заполнении могилы встречены мелкие фрагменты керамики с оттисками штампа. Ящик закрыт массивной плитой толщиной 0,2 м.

Могилы 9. В 1 м к В от мог. 7 под выкладкой из плит находилась небольшая овальная ямка (1 × 0,8 м) глубиной 0,3 м. В могиле ничего не обнаружено.

Могилы 10 (рис. 3, 18). У северо-западной стенки ограды кургана на уровне горизонта зафиксированы останки погребения трехлетнего ребенка, которые размещены на небольшой площадке (1 × 0,7 м). Здесь же находились остатки мясной пищи: кости коровы (бедренная, большая берцовая, лопатка) и два глиняных баночных сосуда, причем целый сосуд не имел орнамента (рис. 8, 13), а раздавленный был украшен тремя желобками под венчиком (рис. 8, 14).

При снятии насыпи кург. 36 были найдены фрагменты стенок и дна не менее двух глиняных сосудов (рис. 8, 15, 17), а также глиняная миска (рис. 8, 16).

Все исследованные Бейской экспедицией 8 курганов могильника Летник VI по своему устройству и найденному в них сопровождающему инвентарю относятся к памятникам раннего тагарского времени (VII–V вв. до н. э.). В устройстве наземных сооружений отчетливо прослеживаются традиции, сложившиеся на ранних этапах тагарской культуры.

Все курганы отличаются рядом общих особенностей: прямоугольная ограда, сложенная из валунов и гальки (иногда из песчаниковых плит, в которой находились от одной до четырех-пяти основных могил). Два кургана (35 и 36), как это было отмечено выше, выделялись большими размерами и количеством могил: в каждом — по 10 могил, включая основные и дополнительные, из которых большая часть — детские. Размеры еще одной сохранившейся ограды составили $5,5 \times 4$ м (кург. 12).

Основные могилы представляли собой грунтовые ямы глубиной от 0,8 до 1 м. Их длина и ширина достигали в среднем $2,4 \times 1,6$ м. Могильные ямы были покрыты накатом из бревен, уложенных в направлении с СВ на ЮЗ. Бревенчатые покрытия ям заложены несколькими плотными слоями крупной гальки и мелких валунов, образуя сплошной каменный панцирь. В ряде случаев по дну ям прослежены остатки нижнего венца сруба или деревянной рамы, имевшие в среднем размеры $1,8 \times 1,3$ м.

В 18 могилах встречены одиночные захоронения взрослых и детей; по двое погребены в пяти могилах (в четырех случаях — двое взрослых, в одном — взрослый и младенец). Коллективные захоронения совершены также в пяти могилах: в двух случаях похоронено по 4 человека, в двух — по 5 и в одном — 9. Взрослых иногда хоронили вместе с детьми.

Положение погребенных в основных могилах, как правило, вытянутое на спине, головой на ЮЗ, реже — на СВ. В дополнительных могилах обряд погребения неустойчивый: положение на горизонте, в скорченной позе, с северной или западной ориентировкой, в ямках со средними размерами $0,8 \times 0,4$ м и глубиной 0,3 м.

В головах у погребенного находился глиняный сосуд, а в ногах, как правило, встречены остатки мясной пищи: кости одной-двух особей овцы или коровы, реже козы — бедра, голени, лопатка, ребра.

Следует отметить, что из 40 раскопанных на могильнике Летник VI раннетагарских могил, только восемь оказались не ограбленными. Этот факт нельзя не учитывать при анализе погребального инвентаря, который включает глиняную посуду, бронзовые и костяные изделия. Значительную часть инвентаря составляет керамика. Найдено не менее 47 сосудов, из которых половина представлена целыми формами. Семь сосудов имеют баночную форму (рис. 4, 10; 8, 9–10). Аналогии некоторым сосудам имеются в могильниках Новая Черная I, Гришкин Лог I и Черновая I (Максименков 2003: табл. 20, 11; 35, 14; 51, 1), датирующихся VI в. до н. э. (Там же: 76, 102, 135). В могилах Летника VI обнаружено не менее 15 мисок, сделанных из донцев старых горшков (рис. 4, 2–3, 5–6; 8, 1–3, 6–7, 16). Такой тип мисок был широко распространен на всех этапах тагарской культуры. Аналогии ему представлены в могильниках Новая Черная I (Там же: табл. 49, 8), Тепсей VIII и Тепсей XV (Грязнов и др. 1979: рис. 28, 15; 43, 13).

Четыре баночных сосуда орнаментированы. Один из них украшен по венчику и тулову отрисками гребенчатого штампа. Подобный декор найден в могильнике Баинов улус (Членова 1972: табл. 37, 23) и датируется VIII–VII вв. до н. э. (Там же: 123, 126). Баночный сосуд с уплощенным дном и двумя желобками под венчиком (рис. 8, 14) аналогичен сосуду из Тепсея VIII (Грязнов и др. 1979: рис. 28, 21), который относится к подгорновскому этапу тагарской культуры. Еще два баночных сосуда украшены желобками под венчиками и резными линиями под ними (рис. 4, 8, 10). Похожие сосуды обнаружены в кургане — пункт Тепсей XV (Там же: рис. 43, 1, 7). Этот памятник датируется VI–V вв. до н. э., или так называемым биджинским этапом тагарской культуры (Там же: 64–70). К этой же хронологической группе можно отнести глиняный сосуд на низком поддоне, украшенный шестью желобками под венчиком и полосой из косых насечек под ними (рис. 4, 7). Такая орнаментация характерна для сосудов из биджинских погребений могильника Ай-дай II у г. Саяногорска (Пшеницына 1997: 34, 36–37; Цыганков 2003: рис. 3, 22). Своеобразна орнаментация верхней половины баночного сосуда, украшенного 12 желобками под венчиком (рис. 8, 12). Аналогичный ему сосуд обнаружен в кургане подгорновского этапа — пункт Тепсей IX (Грязнов и др.: 1979: рис. 28, 3). В могильнике Летник VI найден также фрагмент верхней части большого толстостенного баночного

сосуда с полосой из «жемчужин» и резным орнаментом под ней (рис. 4, 9). Сосуд того же типа со сходной орнаментацией под венчиком известен в могильнике Тепсей IX (Там же: рис. 28, 4).

Найденному в кург. 12 (мог. 3) глиняному кувшинообразному сосуду близок по форме сосуд (кург. 42, мог. 2), украшенный по венчику прочерченными линиями и оттисками гребенчатого штампа. Оба сосуда находят аналогии в посуде могильников Баинов улус (Членова 1972: табл. 37, 17) и Малые Копены I (Там же: табл. 37, 16), относящихся к баиновскому этапу тагарской культуры. Сохранившиеся в своей верхней части два баночных сосуда могильника Летник VI, украшенные несколькими желобками и оттисками гребенчатого штампа по венчику (рис. 8, 4), подобны такой же посуде из могильников Самохвал (Там же: табл. 48, 5) и Баинов улус (Там же: табл. 37, 20).

Предметы вооружения и орудия труда представлены чеканом (рис. 5, 17), проушным топором (рис. 5, 16), 15 ножами, включая 5 лезвий, и 5 шильями. Все они изготовлены из бронзы. Аналогичный чекан обнаружен в могильнике Тепсей VIII (Грязнов и др. 1979: рис. 37, 18). Редко встречающийся в погребальных комплексах проушной топор из кург. 35 подобен такому же из могильника Ашпыл Шарыповского р-на Красноярского края (Гультов 1983: 59, рис. 14; 60). Из 10 целых ножей следует отметить находку бронзового «вкладышевого» ножа со стилизованной головкой грифона при переходе рукояти в лезвие (рис. 5, 23). В могильнике Тепсей III (мог. 62, подгорновский этап тагарской культуры) был найден аналогичный нож (Грязнов и др. 1979: рис. 26, 23). Точно такое же изделие обнаружено в могильнике Ашпыл подгорновского времени (Гультов 1983: рис. 4). Ножи с каплевидным отверстием в рукояти представлены 2 экз. (рис. 5, 24; 7, 14); ножи с кольчатым навершием — тремя (рис. 7, 13, 15, 21); остальные экземпляры представляют собой пластинчатые ножи с круглым отверстием в рукояти. Ножи с каплевидным отверстием найдены в большом количестве в могильниках Новая Черная I (Максименков 2003: табл. 52, 12), Луговое (Александров и др. 2001: рис. 13, 1). Ножи с кольчатым навершием встречаются в раннетагарских погребениях (VI в. до н. э.) могильника Барсучиха V (Завитухина 1979: 83, рис. 5, 17, 18) и в более ранних захоронениях (VIII–VI вв. до н. э.) могильника Капчалы (Членова 1972: 129, табл. 44, 25).

В могильнике Летник VI найдены три шила четырехгранного сечения с гвоздевидной шляпкой (рис. 7, 10). Аналогии им имеются во всех ранних тагарских могильниках: Афанасьева Гора (мог. 20) (Пшеницына 1995: рис. 3, 14), Гришкин Лог I (Максименков 2003: табл. 24, 1, 2) и др.

Предметы туалета представлены четырьмя дисковидными зеркалами с петелькой на оборотной стороне (рис. 5, 14–15; 7, 18) и костяным гребешком. Такое же зеркало найдено в одном из курганов могильника Новая Черная I (Там же: табл. 54, 5).

Самыми многочисленными украшениями являются бронзовые полусферические бляшки с отверстием в центре (рис. 5, 8–13; 7, 4–9, 20). В области грудной клетки погребенных часто встречаются скопления бусин: бронзовых биконических (рис. 7, 2) и конусовидных (рис. 5, 3), аргиллитовых и каменных (рис. 5, 1–2, 6–7), сердоликовых цилиндрических (рис. 7, 19). Вместе с ними находились подвески из клыка кабарги с круглым отверстием на одном конце (рис. 5, 4–5; 7, 17).

В кургане 36 (заполнение мог. 1) обнаружен массивный предмет неизвестного назначения (рис. 7, 16). Аналогичная находка сделана в кург. 10 могильника Кок-Хая подгорновского этапа тагарской культуры (VI в. до н. э.) (Савинов 1995: 62, рис. 1, 5).

Анализ устройства ранних тагарских курганов могильника Летник VI (40 исследованных захоронений) и найденного в них погребального инвентаря (особенно форм и орнаментации глиняных сосудов, предметов вооружения и орудий труда) позволяет выделить ранние и поздние погребальные комплексы. Курганы 12 (кроме мог. 2), 40, 42 и 43 по керамике и бронзовому ножу (кург. 40, мог. 1) могут быть выделены в группу памятников баиновского этапа. Курган 35 по своим размерам, конструкции ограды и погребальных камер, а также керамике, орудиям труда и оружию может быть отнесен к памятникам переходного подгорновско-сарагашенского типа. Такие комплексы М. П. Завитухиной были выделены в самостоятельный хронологический этап, названный биджинским (V–IV вв. до н. э.) (Завитухина 1968: 14–16). Остальные курганы датируются, скорее всего, подгорновским этапом тагарской культуры. Следует подчеркнуть, что зачастую сложно отнести тот или иной памятник к конкретному этапу развития тагарской культуры. Ярким тому примером являются проанализированные материалы ранних тагарских комплексов могильника Летник VI.

- Александров и др. 2001 — Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 100 с.
- Вадецкая 1973 — Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГПИ, 1973. Вып. 6. С. 91–159.
- Грязнов и др. 1979 — Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
- Гультов 1983 — Гультов С. Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 58–61.
- Завитухина 1968 — Завитухина М. П. Раскопки тагарских курганов на Енисее // ТД науч. сессии, посвящ. итогам работы ГЭ за 1967 г. Л.: Изд-во ГЭ, 1968. С. 14–16.
- Завитухина 1979 — Завитухина М. П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Новые поступления в отдел истории первобытной культуры. 2. Л.: Изд-во ГЭ; Искусство, 1979. С. 68–86 (Тр. ГЭ. Т. 20).
- Максименков 2003 — Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с. (Archaeologica Petropolitana).
- Пшеницына 1995 — Пшеницына М. Н. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева Гора на Енисее // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 118–125 (АИ. Вып. 24).
- Пшеницына 1997 — Пшеницына М. Н. Новые памятники раннетагарской эпохи на юге Хакасии // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 33–37.
- Савинов 1995 — Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 57–66 (АИ. Вып. 24).
- Трифонов 1973 — Трифонов Ю. И. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972 года. 1973. С. 241–242.
- Трифонов 1975 — Трифонов Ю. И. Работы в Туве и Хакасии // АО 1974 года. 1975. С. 237–238.
- Цыганков 2003 — Цыганков И. Н. Сравнительный анализ керамических комплексов в коллективных захоронениях сарагашенского этапа тагарской культуры из Новоселовского и Бейского районов Хакасии // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. 2. С. 177–180.
- Членова 1972 — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с. (МИА. № 182).

Tagar culture barrows at the cemetery of Letnik VI in the south of Khakasia

M. N. Pshenitsyna

The paper presents the materials obtained in 1975 from barrows 35 and 36 of the Letnik VI cemetery, situated in the foothills of Sayan near Sayanogorsk, Republic of Khakasia (fig. 1). The barrows were studied by the Beisk Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology headed by the present author. They were the biggest barrows of the cemetery, with the preserved height reaching 0,5 m and the mound diameter 16 m. Inside the rectangular enclosure (NW–SE; 14×8,5 m) of barrow 35 (fig. 2, *II*) there were found five (1–5) main graves placed in a row (NW–SE), and five additional ones (fig. 2, *I*), two which contained adult burials (6 and 7), and three — children burials (8–10). Inside the rectangular enclosure (NW–SE; 14×10 m) of barrow 36 (fig. 6, *I*) there were found four main graves (1, 2, 4 and 5) arranged in a row (NW–SE), and seven additional ones (3, 3a, 6–10). The author gives a detailed description of burial goods and constructions (fig. 3–5; 7; 8). The analysis of all eight barrows of Letnik VI, that were studied by the Beisk Expedition (altogether about 40 burials), enables us to attribute them to the early stage of the Tagar period (VII–V cc. BC). They can be further subdivided into earlier and later groups. The earlier group (Bainovo stage) includes barrows 12 (except grave 2), 40, 42 and 43. Barrow 35 can be attributed to the transitional Podgornovo–Saragashevo type (V–IV cc. BC). The other barrows belong to the Podgornovo stage (VI–V cc. BC).

Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация

Н. А. Боковенко

Ключевые слова: *Западный Саян, Усинская долина, скифская эпоха, аржанский этап, алды-бельская культура, саглынский этап, могильник, курган, Баданка IV, Теплая.*

Keywords: *West Sayan, Us depression, Scythian period, Arzhan stage, Aldy-Bel culture, Saglyn stage, cemetery, barrow, Badanka IV, Teplaya.*

Физико-географическая ситуация. Саяны — горный край, примыкающий к восточному Алтаю и Кузнецко-Салаирской области, — простирается на восток почти до Байкала, но разделяется на Западный и Восточный Саяны. Западный Саян — сложная система хребтов (высотой до 3500 м), идущих преимущественно в северо-восточном направлении от Абаканского хр. до истоков р. Казыр. В самом Западном Саяне, за исключением Усинской котловины (15 × 50 км), больших предгорных долин нет. С севера и востока котловина окружена сильно расчлененными отрогами Мирского хр., с юга и юго-востока — Куртушибинского (Михайлов и др. 1992). По долине протекает р. Ус с многочисленными притоками, одним из которых является р. Иджим (рис. 1, 1). Только в ней прослеживаются достаточно большие участки с весьма плодородными черноземными почвами и богатой луговой и лугово-степной растительностью, где культивируется скотоводство. Земледелие же страдает от сильных заморозков.

Климат Западного Саяна суровый, но несколько менее континентальный, чем на соседних равнинных территориях: зима продолжительная и морозная, весна в горах поздняя. Только в конце мая среднесуточная температура поднимается на несколько градусов выше нуля и начинается интенсивное таяние снега. На основной площади гор снег стаивает только в июне. Но и в поздние месяцы лета в горах можно видеть пространства, покрытые снегом. Лето альпийского рельефа Западного Саяна короткое и прохладное.

Большие различия наблюдаются также в условиях увлажнения. Максимальное количество осадков получают северные склоны хребтов Западного Саяна и западные хребты Восточного Саяна, подверженные воздействию западных циклонов. Круглый год господствуют континентальные воздушные массы юго-западного направления. Для такого климата характерны большие годовая и суточная амплитуды температуры воздуха, сравнительно небольшая годовая сумма осадков и неравномерное их распределение в течение года, а также резкая выраженность времен года. Зима особенно сурова, когда Западный Саян находится под влиянием антициклона.

Палеоклимат и палеоэкология. Детальная реконструкция климата особенно важна для голоценового периода. В это время происходили большие преобразования в истории человечества, связанные с изменением климата. Наряду с охотой, рыболовством и собирательством появляются производящие методы хозяйства, развиваются новые технологические процессы.

В результате систематизации данных, полученных методами литологических, минералогических и геохимических анализов различных озерных отложений в ряде регионов Южной Сибири (Минусинская котловина и Тува), создана обоснованная детальная хронология климатических изменений и развития археологических культур для этих регионов (Боковенко и др. 2005; Дирксен и др. 2007; van Geel et al. 2005).

Эпоха бронзы (3000–1000 гг. до н. э.) в целом характеризуется сухими и прохладными климатическими условиями. В этот период на рассматриваемой территории происходит фор-

мирование различных культур энеолита и эпохи бронзы. Афанасьевская культура, относящаяся к энеолиту, появляется на территории Центральной Азии в IV–III тыс. до н. э. Около 5300 л. н. фиксируется скачок в сторону весьма сухих и теплых условий летом и холодных — зимой. По археологическим данным, в этом микрорегионе в конце 3000-х гг. до н. э. появляются культуры эпохи ранней бронзы (окуневская культура). Андроновская культура распространяется в северной части Минусинской котловины в 1500–1400 гг. до н. э. В этот период климат вновь становится прохладнее.

В период I тыс. до н. э. — рубеж нашей эры (конец эпохи бронзы — скифское время) климат становится теплее и более влажным. Начало увлажнения климата фиксируется около 3000–2740 BP (X–IX вв. до н. э.). Около 2740–2350 BP (IX–VII вв. до н. э.) на этой территории фиксируется максимальное увлажнение и некоторое потепление, что стимулировало увеличение биомассы в степях и в горных котловинах Западного Саяна. В это время в Центральной Азии формируются кочевые скотоводческие культуры скифского типа — тагарская, алды-бельская и др. Прохладные климатические условия на фоне влажного климата регистрируются также в III–IV вв. н. э.

Рис. 1. 1 — схема расположения Красноярского края и Усинской долины; 2 — вид на могильник Теплая
Fig. 1. 1 — scheme showing the location of the Krasnoyarsk region and Us depression; 2 — view of the Teplaya cemetery

История исследования региона. В силу своего географического положения в археологическом отношении Западный Саян исследован недостаточно, хотя через него проходил знаменитый Усинский тракт в Урянхайский край (Тува). По большей части это таежная зона с небольшими участками открытых пространств, которая в древности привлекала внимание охотников и рыболовов, но была трудна для занятия земледелием и скотоводством. Видимых погребальных памятников с мегалитическими каменными конструкциями типа тагарских, характерных для соседних регионов, здесь нет. Этим объясняется то, что практически до 1970–1980-х гг. археологические исследования в этом районе не проводились.

Первые разведочные маршруты по выявлению археологических памятников были осуществлены в 1968 и 1970 гг. сотрудниками Минусинского краеведческого музея Н. В. Леонтьевым и В. Ф. Капелько. В начале 1980-х гг. разведочные работы проводил отряд ЛГУ (начальник А. В. Виноградов). Было выявлено около 20 могильников и поселений различных эпох вокруг пос. Верхне- и Нижнеусинское. В конце 1980-х гг. в Усинской долине работали палеолитические отряды ЛОИА АН СССР под руководством С. Н. Астахова и С. А. Васильева. С. Н. Астаховым в устье р. Ус, практически у самого Енисея, исследована небольшая стоянка позднего палеолита. В районе р. Теплой (левый приток р. Ус) С. А. Васильевым была выявлена неолитическая стоянка, где найдены кремневые изделия (Васильев 1992). С 1984 г. в Усинской долине начинает работать Усинский отряд Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИИМК РАН) под руководством автора (Боковенко 1986). По долине р. Ус обследовались оба берега: на правом — от Мирской до Соснового, на левом — от Макаровка до Теплой. Именно в этой части долины имеются обширные открытые пространства со степной растительностью, где было выявлено 7 курганных групп, составляющие 9 могильников. На правом берегу они располагались на высокой первой надпойменной террасе, а на левом берегу — еще и в широкой пойменной части. Там же были зафиксированы поселения различных эпох.

Для изучения процесса заселения долины в древности (Боковенко 1987) были произведены планомерные раскопки нескольких скифских курганов на могильниках Баданка и Теплая, а также остатков распаханного поселения на могильнике Баданка IV, где под курганами скифского времени был обнаружен культурный слой с керамикой, аналогичной окуневской посуде с Тоора-Даша в Туве. Исследованное поселение может быть датировано эпохой ранней бронзы (началом II тыс. до н. э.).

С 1990-х гг. в долине периодически работал отряд Новосибирского ГУ во главе с О. А. Митько, который раскопал несколько памятников скифской эпохи и средневековья. Средневековые курганы в районе р. Мутной дали представительный материал IX–XI вв. (Митько 2002). В 2004 г. Петроглифический отряд ГЭ (Панкова, Слободзян 2005) обнаружил в Усинской долине по правому берегу р. Ус (на участке р. Мутная — руч. Сосновый) несколько наскальных изображений различных эпох.

С 2009 г. в рамках работ по обследованию трассы проектируемой железнодорожной линии Кызыл–Курагино на территории Курагинского, Каратузского и Ермаковского р-нов Красноярского края начала свои работы Саянская экспедиция ИИМК РАН. В общей сложности за четыре года в долине р. Иджим (Ермаковский р-н) выявлено 38 ранее неизвестных памятников археологии. Начаты раскопки на некоторых поселениях и курганных могильниках, попадающих в предполагаемую зону строительства железной дороги. На могильнике Маральское-2 эпохи бронзы и скифского времени были полностью раскопаны 8 курганов. На поселениях Черноусово-3, Усть-Иджим, Сухорослово-2 (III–I тыс. до н. э.) исследовано около 5000 м², на могильнике Сухорослово-1 раскопаны два кургана VII–IX вв. В результате проведенных археологических исследований получен разнообразный и представительный материал, характеризующий этапы заселения долины в разные исторические эпохи. Исследования продолжаются.

Предскифское время представлено могильником Усть-Федоровка, находящимся на правом берегу р. Федоровка при впадении ее в р. Ус, в 7 км к ЮЗ от пос. Нижнеусинское. Курганы находятся на первой надпойменной террасе р. Ус, которая в настоящее время интенсивно распахивается. Могильник состоит из пяти курганов, разбросанных по террасе и не составляющих единую цепочку, хотя они расположены вдоль р. Федоровка. Насыпи диаметром 3,5–4 м едва достигают 0,3 м высоты и практически не выступают над уровнем современной поверхности. На сильно задернованных насыпях проступают камни покрытия или ограды.

В 1984 г. автор провел раскопки одного из курганов, который можно отнести к концу эпохи бронзы — монгун-тайгинскому времени. Курган имел сильно задернованную округлую насыпь диаметром 3,8 м и высотой 0,2 м над уровнем современной поверхности. Сквозь дерновый слой проступали камни ограды и засыпки. Курган находился у самого обрыва над одним из рукавов р. Федоровки. Насыпь кургана состояла из больших валунов (0,4×0,3, 0,4×0,4 м). На уровне древней почвы была сооружена ограда в виде кольца (диаметром 3,5 м и высотой 0,3–0,4 м), в центре которой находилась могила. Прямоугольная могила (0,9×1,4 м) ориентирована длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ, глубина ее от верхнего уровня погребенной почвы — 0,3 м. Борты могилы и перекрытие сделано из удлиненных валунов. В яме обнаружена только цилиндрическая белая пастовая бусина.

Скифское время в Усинской долине представлено как отдельно стоящими курганами, так и крупными курганными могильниками.

Могильник Теплая (рис. 1, 2) расположен на правом берегу р. Теплая (левый приток р. Ус), в 30 км к СЗ от кург. Аржан-1 и Аржан-2. Могильник состоит из трех курганов, видимо, близких по времени сооружения, два из которых были раскопаны автором в 1993–1994 гг. (Vokovenko 1994). Курганы ограблены, но сохранившиеся изделия свидетельствуют об относительно высоком статусе погребенных (золотые украшения головного убора и одежды, бронзовое зеркало, колчаные наборы стрел, железный акинак, сосуды и др. (рис. 2–5). Их анализ позволил предварительно датировать памятник периодом 500–300 гг. до н. э. (Ibid.).

Погребальные конструкции и сохранившиеся материалы (трехлопастные бронзовые наконечники стрел, золотое головное украшение в виде козла, золотые нашивные бляшки, формы сосудов) из этих комплексов находят многочисленные аналогии в ранних курганах уюкско-саглынской культуры Тувы: Туран-4 (кург. 126) (Маннай-оол 1970: рис. 22), Куйлуг-Хем-1 и Саглы-Бажи-2–4 (Грач 1980: рис. 6; 32; 49; 86), Аймырлыг (Мандельштам 1983: рис. 2), Суглуг-Хем-1 и 2, Кош-Пей (Семёнов 2003: табл. 25; 34; 55) и Копто (Чугунов 2000а: рис. 2), которые датируются достаточно широко VI–III вв. до н. э. По бронзовым черешковым трехлопастным наконечникам стрел комплексы могильника Теплая можно датировать концом VI–IV в. до н. э. (Vokovenko 1994; Чугунов 2000а; 2000б).

Для радиоуглеродного анализа были взяты образцы угля из кург. 1 и 2 могильника Теплая. Калиброванный календарный интервал для даты кург. 1 — 2490 ± 60 BP (Je-5132) составляет при 1σ 770 ± 510 cal BC, а при 2σ — 790–410 cal BC. Комбинированная дата кург. 2 из двух дат: 2340 ± 230 BP (Je-3877) и 2570 ± 30 BP (Je-5664), — 2566 ± 30 BP и соответствует 810–540 cal BC, что свидетельствует о хронологической близости курганов. *Terminus ante quem* комплексов — V в. до н. э. Сопоставление археологической и радиоуглеродной даты демонстрирует предпочтительность VI в. до н. э., но при этом не исключена и более ранняя дата для кург. 2 — конец VII в. до н. э.

Могильник Терешкин расположен в 4,5 км к СВ от дер. Терешкина на высокой надпойменной террасе по обе стороны от проселочной дороги дер. Терешкина — с. Верхнеусинское. Состоит из шести курганов, три из которых вытянуты по линии ЮЗ–СВ, а еще три находятся вместе 40 м восточнее. Курганы представляют собой округлые или овальные земляные насыпи диаметром 7–15 м и высотой 0,5–2 м и относятся к раннескифскому времени.

Могильник Баданка I находится к ЮЗ от горы Баданка, в 4 км к ЮЗ от с. Верхнеусинское по обе стороны дороги. Состоит из трех курганов, занимающих западную часть невысокой надпойменной террасы. Самый большой — северный курган, остальные располагаются к югу. Размеры округлых насыпей колеблются от 10 до 25 м, высота — 1,5–1,8 м.

Могильник Баданка II расположен в 300 м к ЮЗ от могильника Баданка I, в пойменной части долины. Состоит из шести курганов разной величины, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Насыпи округлой формы, от 7 до 40 м в диаметре, высота их колеблется от 0,5 до 2,6 м. Причем южные курганы имеют небольшие размеры, но они постепенно увеличиваются по направлению к СВ. Курганы 1–3 сильно распаханы, земляные насыпи практически не видны в высокой траве.

На восточном склоне насыпи кург. 4 обнаружен четырехгранный олений камень (1,2×0,3–0,37×0,1 м) из красноватого песчаника. Камень в верхней части был обломан в древности, частично подработаны, но достаточно грубо, его верхняя часть и боковые грани. На всех гранях выбиты различные изображения, в основном типичные для этого типа памятников. На узкой лицевой

части выбиты три косые полосы, расположенные под поясом, а над поясом — изображение оленя и еще какого-то неясного животного, на левой грани — изображение чекана, заткнутого за пояс; на правой грани над поясом выбито изображение серьги с подвеской, а ниже пояса — лук в колчане.

Наиболее интересен кург. 6 (рис. 6, 1–7), самый большой в этой цепочке, достигающий 40 м в диаметре (исследован автором совместно с А. А. Ковалёвым). Насыпь этого кургана в профиле имела ступенчатую форму. Ров вокруг кургана достигал ширины до 1,5 м и глубины до 0,5 м (рис. 6, 1). У остальных курганов подобные рвы проследить не удалось. В центре насыпи кург. 6 была видна западина около 10 м в диаметре и глубиной до 0,5 м. Такие же западины, но меньших размеров встречены на кург. 4 и 5.

На дно квадратной ямы (глубиной до 4,5 м) был поставлен деревянный невысокий сруб (рис. 6, 2). Курган ограблен, костей погребенного не обнаружено, но были найдены две золотые

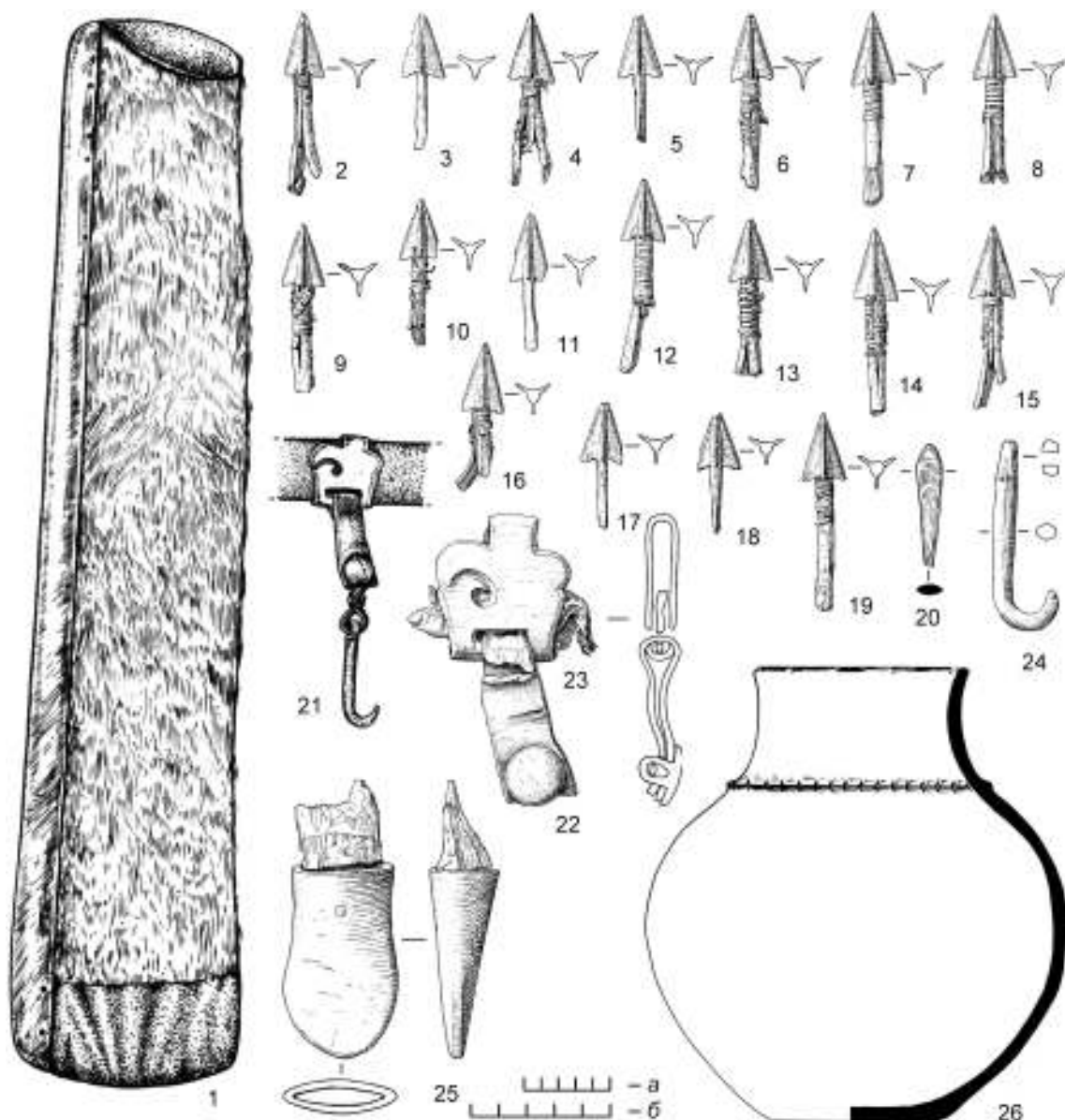

Рис. 2. Могильник Теплая, кург. 1, инвентарь: 1 — меховой колчан; 2–20 — наконечники стрел; 21, 24 — колчанный крючок; 22 — бляшка; 23 — ременная пряжка; 25 — вток от чекана (2–19, 21–25 — бронза; 20 — дерево); 26 — глиняный сосуд

Fig. 2. Teplaya cemetery, barrow 1, burial goods: 1 — fur quiver; 2–20 — arrowheads; 21, 24 — quiver hanger; 22 — plaque; 23 — belt buckle; 25 — horseman's pick socket (2–19, 21–25 — bronze; 20 — wood); 26 — clay vessel

бляшки в виде кошачьих хищников (рис. 6, б, 7), бронзовое шило, обломок железного кинжала и костяной наконечник стрелы. Монументальность сооружения позволяет утверждать, что в нем была захоронена особа высокого ранга. Анализ имеющихся данных позволяет относить курган к саглыскому этапу (V–III вв. до н. э.).

Могильник *Баданка III* расположен в 220 м к СВ от могильника Баданка II, в той же пойменной части долины. Состоит из 11 курганов, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Здесь прослеживается аналогичная ситуация в расположении и размерах кург. 1–7: юго-западные курганы невысокие и небольшие, но их размеры увеличиваются по направлению к СВ. Первые три кургана едва достигают 7–10 м в диаметре и 0,5 м в высоту, остальные — 20–30 м в диаметре и до 2,5 м

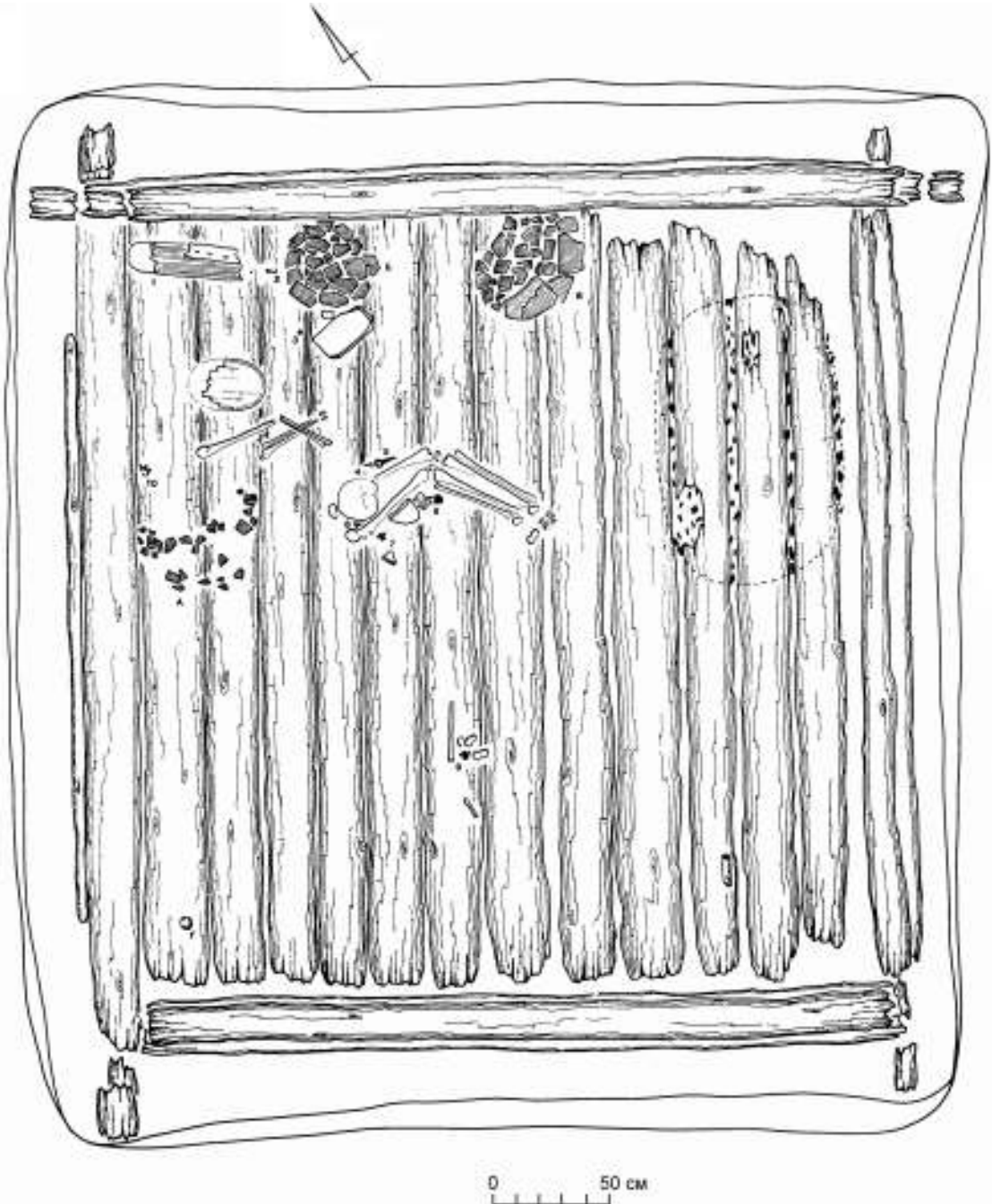

Рис. 3. Могильник Теплая, кург. 2, дно мог. 1, план
Fig. 3. Teplaya cemetery, barrow 2, bottom of grave 1, plan

высотой. Самый большой в этой группе — кург. 7 (высотой 2,5 м), насыпь которого имела подовальную форму (36×28 м). В центре насыпи имеется округлая западина диаметром около 6 м и глубиной до 0,6 м. Остальные четыре кургана меньших размеров: диаметры их насыпей составляют 10–15 м, а высота — до 0,5 м. Кое-где в насыпях проступают камни. Рядом с могильником на пахотном поле обнаружено китайское бронзовое зеркало (рис. 6, 8).

Могильник Баданка IV находится примерно в 300 м к СВ от могильника Баданка III и на 3 км к ЮЗ от с. Нижнеусинское. Состоит из 31 небольшого кургана, которые вытянуты цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Каменно-земляные насыпи имеют диаметры 5–12 м и высоту до 0,8 м, большинство их высотой не более 0,3 м. насыпи и каменные надмогильные сооружения, как правило, окру-

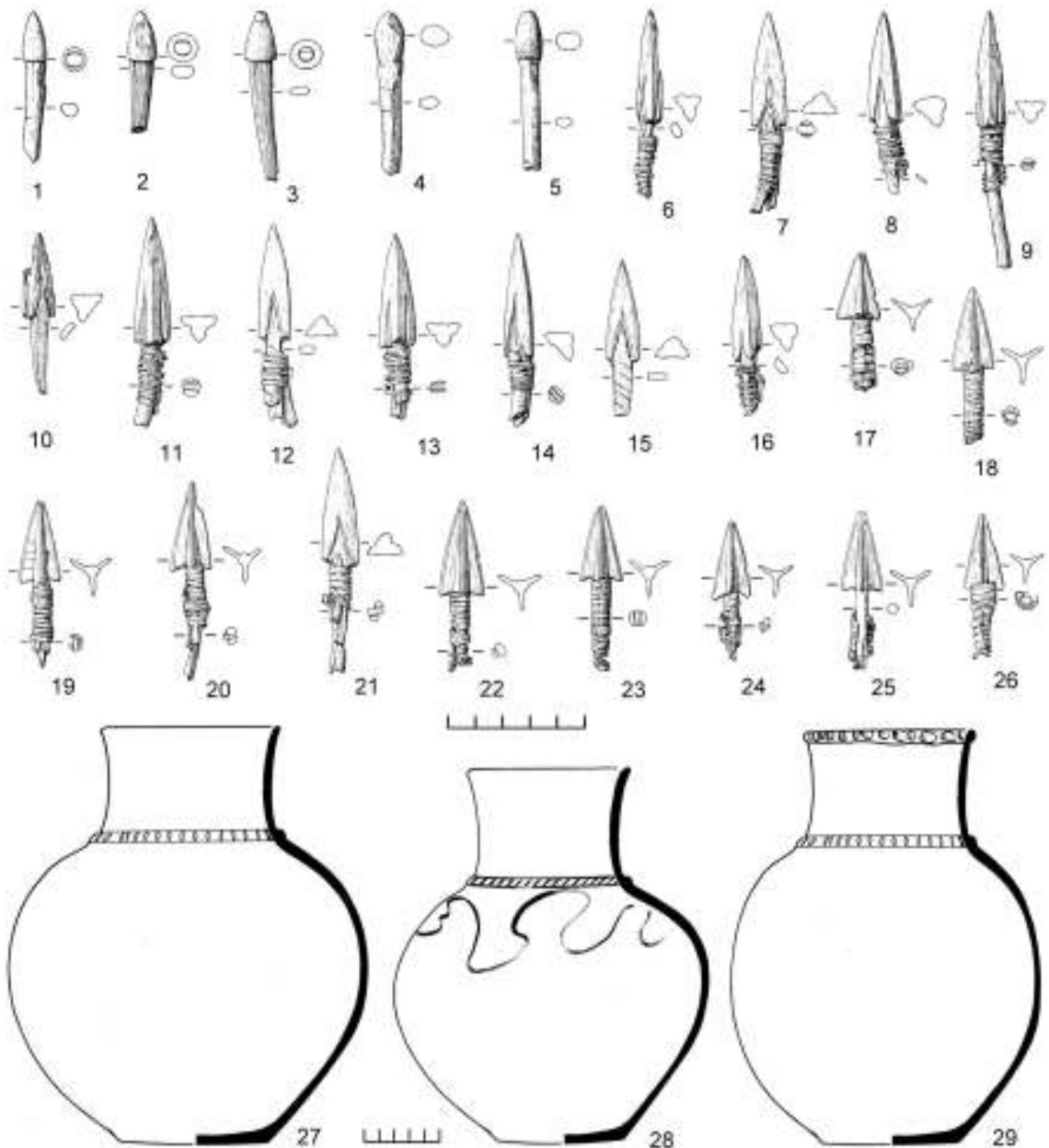

Рис. 4. Могильник Теплая, кург. 2, мог. 1, колчаный набор стрел (1–26) и керамика (27–29): 1–3, 6–21 — кость; 4–5 — дерево; 22–26 — бронза; 27 — сосуд А; 28 — сосуд Б; 29 — сосуд В

Fig. 4. Teplaya cemetery, barrow 2, grave 1, quiver set of arrows (1–26) and pottery (27–29): 1–3, 6–21 — bone; 4–5 — wood; 22–26 — bronze; 27 — vessel A; 28 — vessel B; 29 — vessel B

глой формы, частично распаханные, но в некоторых случаях улавливаются каменные насыпи или ограды подпрямоугольной формы. Датируются они раннескифским временем. Это подтвердили и раскопки шести курганов, проведенные автором в 1985–1986 гг., которые дали представительные материалы: бронзовые предметы вооружения, ножи, конское снаряжение, зеркала, костяные украшения, бусины из различных минералов. Здесь же в насыпи был обнаружен оленный камень простого типа (рис. 11, 8).

Самый ранний кург. 17 относится к аржанскому этапу. Он находился в центральной части могильника и практически не имел никакой насыпи, лишь кое-где на его поверхности проступали сильно задернованные камни ограды. После снятия насыпи была выявлена круглая каменная ограда диаметром 10 м, сложенная из массивных валунов ($0,7 \times 0,5 \times 0,4$ м и менее), поставленных на древнюю погребенную почву в два ряда; внутри ограда была заполнена более мелким гравием

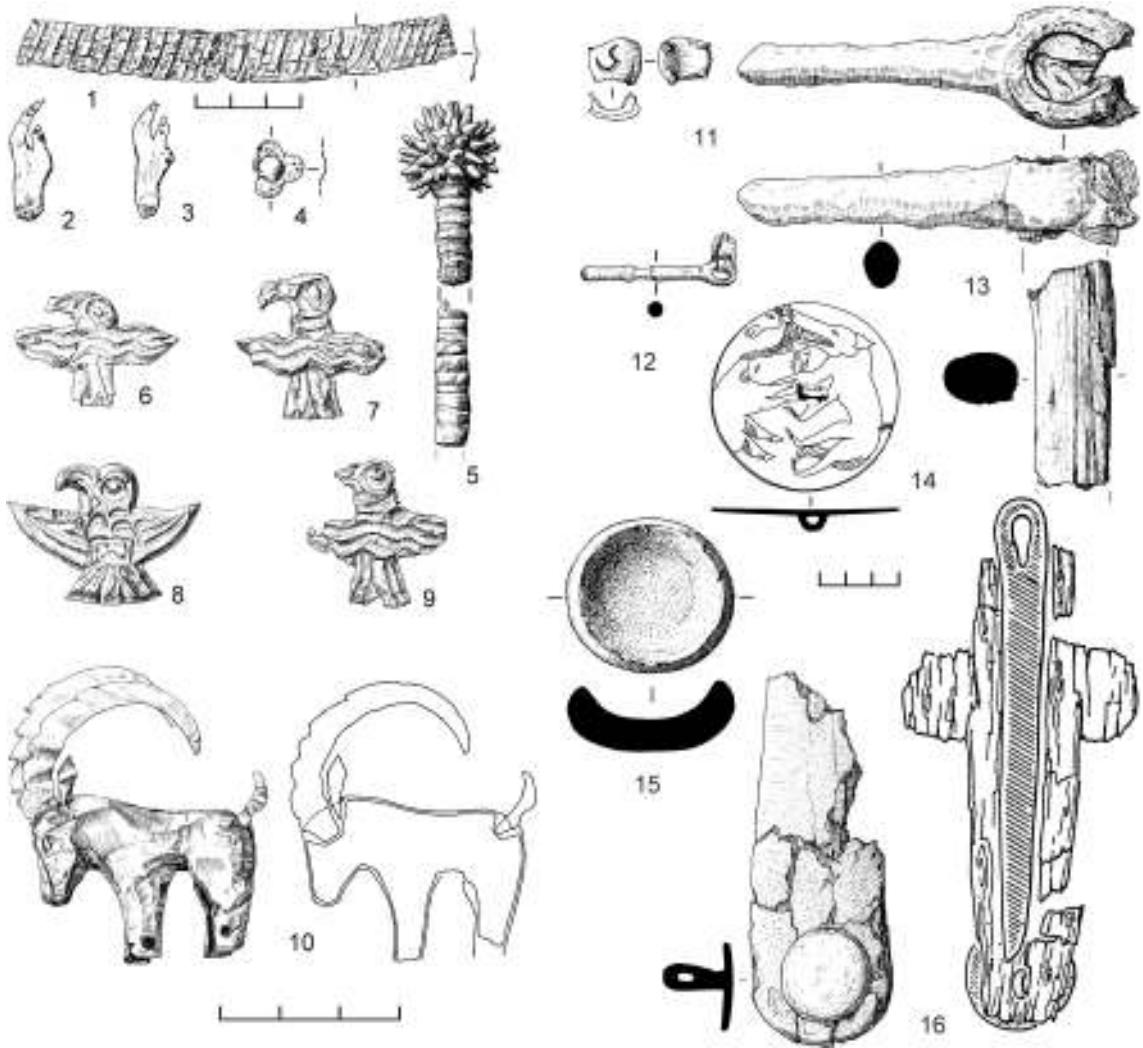

Рис. 5. Могильник Теплая, кург. 2, мог. 1, инвентарь: 1 — накладка; 2–4, 6–9 — нашивные бляшки; 5 — закладка; 10 — украшение головного убора; 11 — пронизка; 12 — шпенек; 13 — чекан с остатками деревянной рукояти; 14 — зеркало с гравировкой изображений животных; 15 — чашечка; 16 — нож в деревянно-кожаных ножнах (1–4, 6–9 — золото; 5 — золото, железо; 10 — золото, внутри дерево; 11–12, 14, 16 — бронза; 13 — железо; 15 — камень)

Fig. 5. Teplaya cemetery, barrow 2, grave 1, burial goods: 1 — onlay; 2–4, 6–9 — sewed-on plaques; 5 — pin; 10 — head-gear decoration; 11 — pendant; 12 — prong; 13 — horseman's pick with remains of a wooden shaft; 14 — mirror with engraved animals; 15 — cup; 16 — knife in wooden-leather sheath (1–4, 6–9 — gold; 5 — gold, iron; 10 — gold, inner part made of wood; 11–12, 14, 16 — bronze; 13 — iron; 15 — stone)

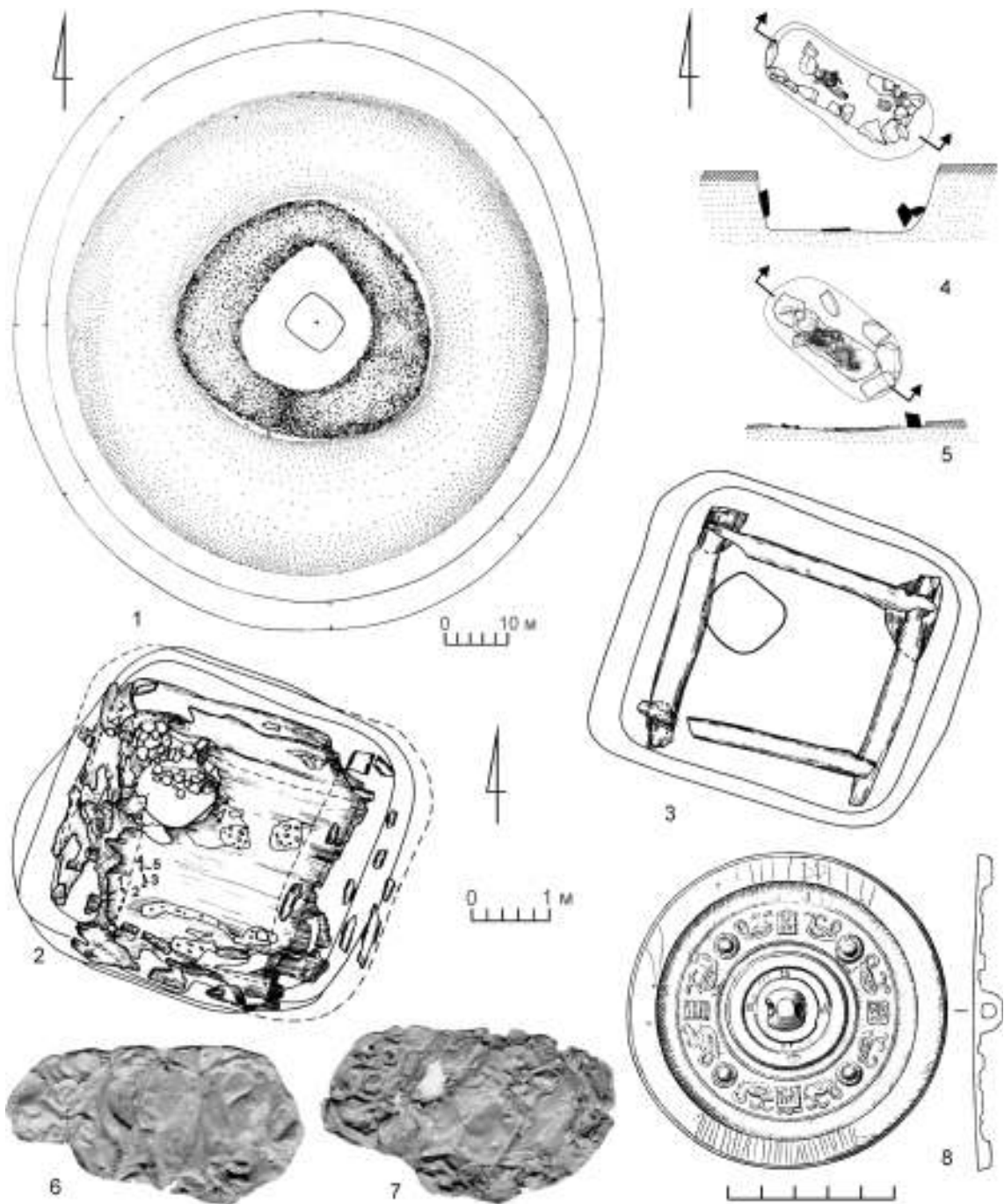

Рис. 6. Могильники Баданка II (1–7) и III (8): 1 — план кургана; 2 — план сруба на дне мог. 1; 3 — остатки сруба мог. 1; 4 — детская мог. 2; 5 — детская мог. 3 (в деревянной колоде); 6, 7 — мог. 1, нашивные бляшки в виде кошачьего хищника (золото); 8 — китайское бронзовое зеркало (случайная находка)

Fig. 6. Badanka II (1–7) and III cemeteries (8): 1 — plan; 2 — plan of the timber structure on the bottom of grave 1; 3 — remains of the timber structure; 4 — children's grave 2; 5 — children's grave 3 (within a timber structure); 6, 7 — grave 1, sewed-on plaques in the form of a feline (gold); 8 — Chinese bronze mirror (incidental find)

и галькой. Лучше всего сохранилась ограда в северной части, в южной и юго-восточной частях кургана она практически полностью распахана (рис. 7, 1).

Среди камней засыпки ограды и за ее пределами зафиксировано 22 скопления фрагментов от различных сосудов. Встречена керамика двух типов: 1) фрагменты красноватого цвета с гребенчатым орнаментом по всей поверхности и на верхнем срезе венчика (эта керамика всегда находилась ниже уровня погребенной почвы, на которой воздвигалась ограда скифского времени); 2) фрагменты неорнаментированной керамики красноватого и сероватого цвета, более грубой и толстостенной. Керамика второго типа обнаружена поверх каменной насыпки и с керамикой первого типа вместе не встречалась. Все эти скопления не были развалами целых сосудов даже в тех случаях, когда обломков достаточно много.

Керамика первого типа (гребенчатая) находит достаточно близкие аналогии в орнаментальных мотивах посуды II окуневского слоя стоянки Тоора-Даш в Туве (Семёнов 1992: 22, рис. 33–35) и, следовательно, может датироваться этим же временем. Керамика второго типа, судя по условиям залегания, либо синхронна кургану (погребальная тризна), либо относится к несколько позднему времени (поминальные тризны). Происхождение керамики первого типа можно связывать с культурным слоем эпохи бронзы, который находится под курганами на этой террасе (см. Боковенко 1996).

После снятия каменной засыпки внутри ограды обнаружили останки захоронения человека с конем на уровне древнего горизонта (рис. 7, 1). Могила была нарушена, видимо, в результате ограбления и поздних распашек поля. *In situ* в непо потревоженном состоянии находились лишь длинные кости человека, остальные кости полностью отсутствовали, за исключением нижней челюсти индивида 25–30 л. Судя по расположению костей ног, погребенный был уложен в центральной части ограды, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮЗ. Южнее, за его спиной находился скелет старого жеребца. Конь был уложен на левом боку с вытянутыми ногами, головой на З. Длина пястной кости соответствует по таблице В. О. Витта высоте коня в холке примерно 140 см (Витт 1952: 171 сл.). Сохранность костей человека и коня очень плохая.

В 1,3 м к западу от костей человека зафиксированы скопления углей от двух небольших костров (диаметром около 0,25 м). Здесь же среди угольков найдены мелкие камешки и галька. Скорее всего, можно говорить об остатках очистительного обряда, совершенного либо до погребения человека, либо непосредственно во время акта захоронения.

Под черепом коня обнаружено пять предметов от верховой уздечки (рис. 7, 2–6). Четыре бляхи сделаны из клыков кабана, а одна — из когтя медведя. Одна из кабаньих блях имеет тонкий резной орнамент вокруг отверстий и восьмеркообразный выступ на широкой плоскости (рис. 7, 4). Комплект главных элементов узды, скорее всего, состоял из ременных удил и деревянных псалиев, которые не сохранились из-за близкого расположения погребения к современной поверхности. Такой комплект уздечки выявлен у одного из коней в Аржане-1. Бляхи узды, находившиеся под черепом коня, являлись нащечными бляхами и развилками-двойниками.

Наиболее интересна бляха-развилка, аналогичная восьмеркообразным бляхам из камеры 26 кург. Аржан-1 (Грязнов 1980: рис. 24, 3–4). На бадановской развилке (рис. 7, 4) восьмеркообразный вырез едва возвышается над плоскостью клыка кабана, а боковые отверстия и края обоймы подчеркнуты тонкой резной двойной линией. Резной орнамент наиболее характерен на роговых вещах, в том числе на псалиях и деталях узды, происходящих из памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Алексеевское, Шортанды-Булак, Атасу и др.), которые датируются XIII–VIII вв. до н. э. (Маргулан 1979: рис. 232). Среди многочисленных подобных блях из Аржана-1 такой орнаментации не обнаружено, что позволяет считать комплекс кург. 17 могильника Баданка IV немного более ранним, чем время Аржана-1. Предварительная его датировка — IX в. до н. э. Этому не противоречит и конструкция погребального сооружения (кольцевая ограда), и обряд захоронения (человек с конем на уровне древнего горизонта). Видимо, в период становления раннескифской обрядности практика захоронения в грунтовых ямах еще не сложилась — эта традиция выработается с конца VIII — начала VII в. до н. э.

Таким образом, можно вполне уверенно говорить о существовании в Западном Саяне культурного комплекса аржанского этапа, содержащего не только богатые элитные захоронения, но и погребения рядовых кочевников. Немногочисленность подобных комплексов в Центральной Азии

объясняется спецификой захоронения на уровне древнего горизонта, что не позволяет в настоящий момент определенно выяснить их происхождение. Конструктивные особенности этих сооружений, погребальный обряд и детали конской уздечки отчасти связаны с памятниками эпохи бронзы Казахстана, но монгольское их происхождение также нельзя полностью исключить из-за малоизученности этого региона.

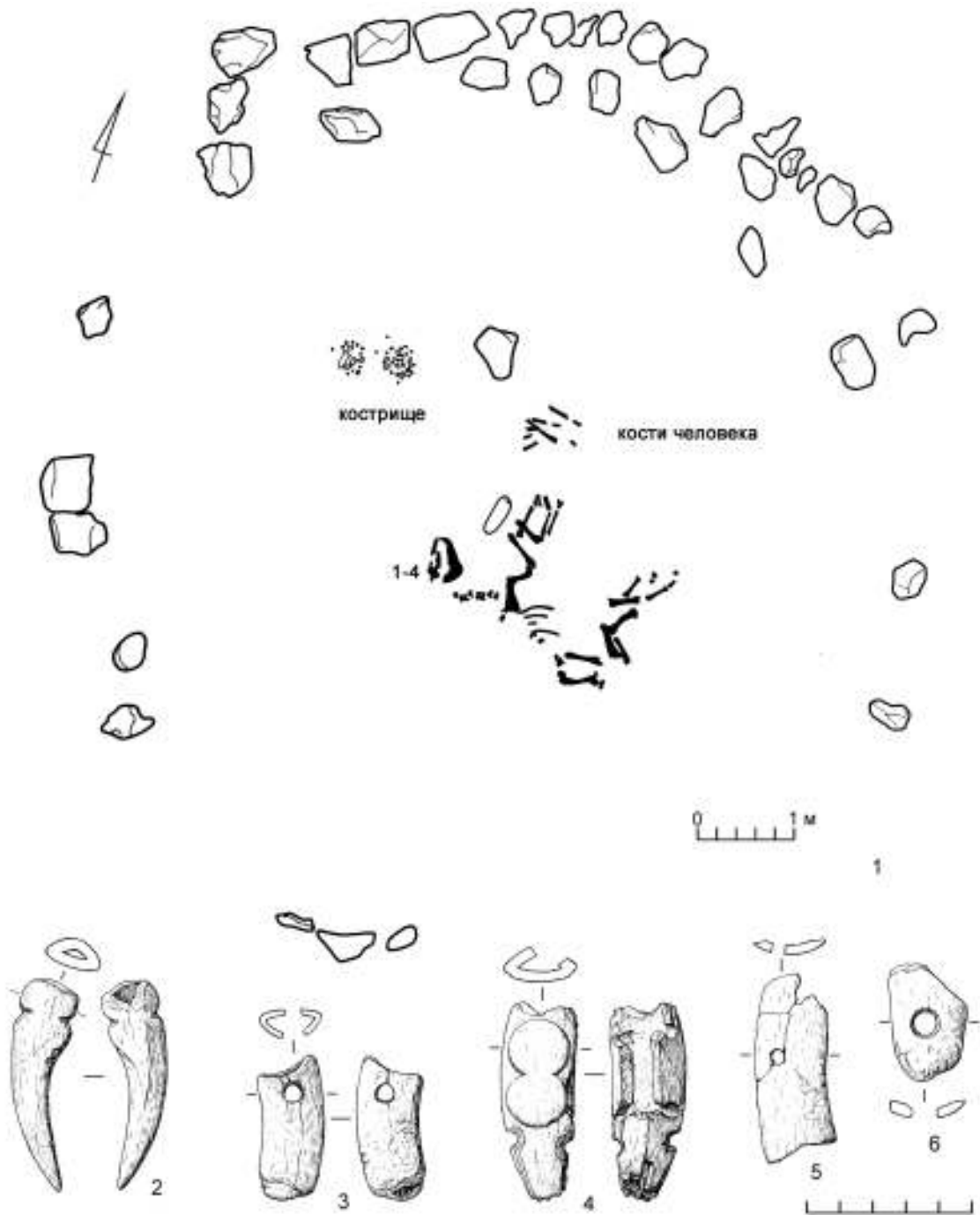

Рис. 7. Могильник Баданка IV, кург. 17: 1 — план кургана; 2–6 — роговые бляхи конской уздечки
Fig. 7. Badanka IV cemetery, barrow 17: 1 — plan; 2–6 — bridle plaques, antler

Другие исследованные курганы могильника Баданка IV (кург. 11–18) относились к несколько более позднему времени скифской эпохи — к так называемой алды-бельской культуре. Каменные ограды в значительной степени распаханы. В тех случаях, когда удалось их зафиксировать, они имели круглую или овальную форму. В центре обычно находилось по одной грунтовой могиле (до 1,2 м глубиной), в которой хоронили взрослых; детей, как правило, хоронили в каменных ящиках (рис. 8; 10; 12, 1, 3, 8; 13, 1). Обнаружен многочисленный погребальный инвентарь: предметы вооружения (бронзовые ножи, чеканы, наконечники стрел), конского снаряжения (бронзовые детали уздечки) и туалета (гребешки), а также украшения (стеклянные и костяные бусины) (рис. 9; 11, 1–7; 12, 2, 4–7, 9–17; 13, 2–26). Все изделия имеют близкие аналогии в алды-бельских курганах Тувы и тагарской культуре Минусинской котловины.

Могильник Сосновый находится на правом берегу р. Ус, на высокой первой надпойменной террасе, в 1,5 км к С от устья р. Сосновой. Состоит из кургана с каменно-земляной насыпью диаметром около 25 м и высотой 1,2 м, а также восьми западин вокруг него. Подквадратные западины формы размерами 3 × 2,5 м и глубиной до 0,8 м располагаются с северной, восточной и южной сторон кургана. К северо-востоку от кург. 1 зафиксирована каменная выкладка диаметром около 2 м и высотой 0,2 м. Весь комплекс предварительно относится к скифскому времени, но западины, скорее всего, являются памятниками саглынского типа (V–III вв. до н. э.), а большой курган может относиться к несколько более раннему времени. Выкладка 10, без детального ее изучения, остается пока без культурно-хронологической атрибуции. Такие выкладки позднее были раскопаны О. А. Митько, который по обнаруженному материалу отнес их к средневековью. Среди камней выкладок был найден олений камень скифской эпохи.

Могильник Мутная I находится в 350 м к В от могильника Мутная II и западнее р. Мутной. Состоит из трех курганов значительных размеров, насыпи земляные, без признаков камня, сильно задернованы (диаметры насыпей — 15–20 м, высота — до 2 м). Курганы расположены небольшой цепочкой по линии СЗ–ЮЗ. Могильник относится к скифскому времени.

Могильник Мутная II расположен в 1 км западнее устья р. Мутной при впадении ее в р. Ус и примерно в 10 км к ЮЗ от с. Нижнеусинское. Состоит из 13 курганов разной величины, которые вытянуты цепочкой по линии ССВ–ЮЮЗ. Могильник практически весь находится на пахотном поле, не распахиваются только кург. 1 и 13. Округлые каменно-земляные насыпи курганов (диаметром 5–30 м) достигают 0,3–2 м высоты. Каменные надмогильные сооружения прослеживаются во всех небольших курганах, в больших курганах камней практически не видно, что, скорее всего, объясняется сильной задернованностью насыпей. Могильник может относиться к скифскому времени.

В *пункте Усть-Федоровка* на левом берегу обнаружены два памятника изобразительного искусства: один — с окуневскими личинами, другой — с изображениями козла, оленя и детеныша, которых терзают хищники (барсы и волк). Звери выполнены в скифской изобразительной манере.

Курганный могильник Маральское-2 находится на правом берегу р. Иджим в 31 км к В от с. Верхнеусинское и в 1 км к СВ от пос. Маральский. Могильник расположен у подножья горного отрога на наклонной полке, образованной в результате эрозии скальных выступов. Он состоит из 26 видимых курганов, 8 из которых были раскопаны в 2009–2012 гг. Курганы представляли собой круглые ограды (6–8 м в диаметре), сложенные из больших камней, внутри которых заполнение состояло из более мелких камней. В центре находился каменный ящик из больших плит. Все захоронения были совершены на уровне древнего горизонта; погребенные были уложены головой на З, на левом боку в скорченном или в вытянутом положении. К сожалению, все погребения были безынвентарные. По совокупности данных эти памятники относятся к раннескифскому времени.

Междисциплинарные исследования. Прогресс в области инструментальной техники, связанный с появлением приборов последнего поколения, позволяет не только осуществлять элементный анализ образцов, но и определять с высокой точностью различные изотопы, часто являющиеся некими «маркерами», характеризующими определенные провинции проживания, диету и другие важные составляющие среды обитания древнего человека (Лохов и др. 2005).

Наиболее ценную информацию можно получить, определяя изотопный состав различных химических элементов в костных остатках животных и человека. Для исследования были использованы вариации радиогенного изотопа стронция ⁸⁷Sr (продукта распада долгоживущего

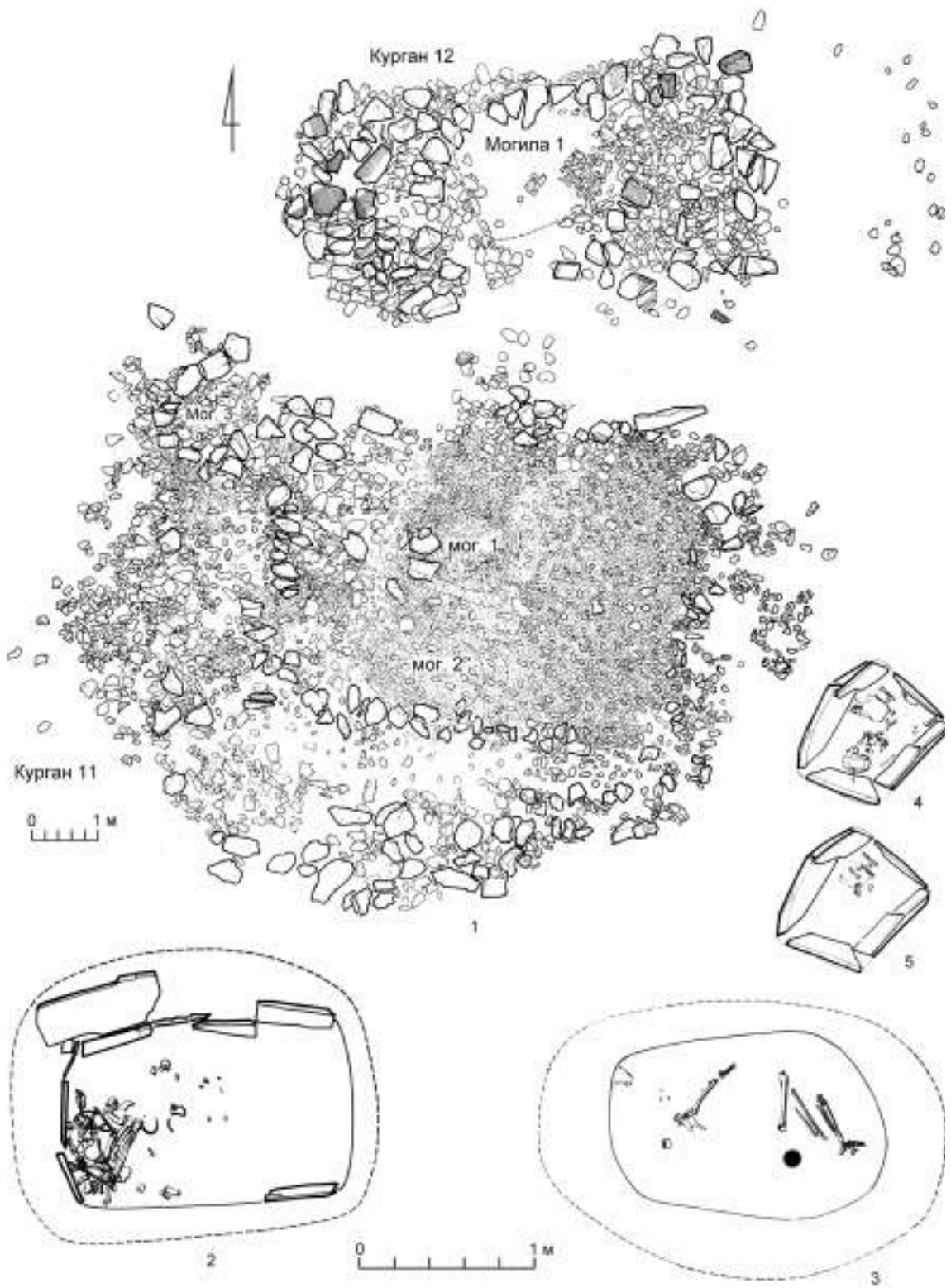

Рис. 8. Могильник Баданка IV: 1 — каменные насыпи кург. 11 и 12, планы; 2–5 — кург. 11, мог. 1–3, планы
Fig. 8. Badanka IV cemetery: 1 — stony mounds of barrows 11 and 12, plans; 2–5 — barrow 11, graves 1–3, plans

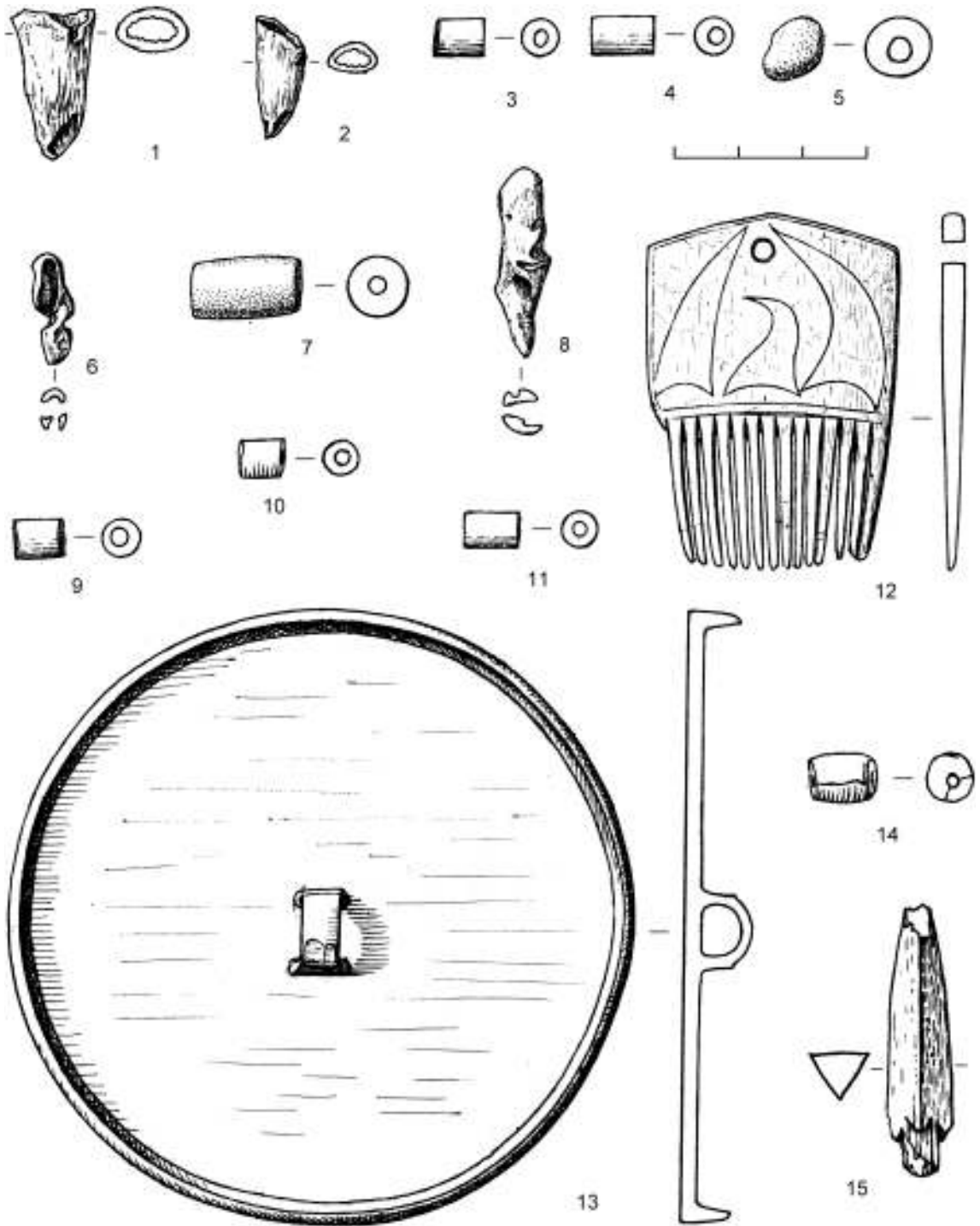

Рис. 9. Могильник Баданка IV, инвентарь: 1-2 — кург. 11, мог. 1, подвески; 3-13 — кург. 11, мог. 2 (3-11 — бусины; 12 — гребень; 13 — зеркало); 14 — кург. 11, мог. 3, бусина; 15 — кург. 12, мог. 1, наконечник стрелы (1-2, 12 — рог; 3-11 — стекло, кость; 13 — бронза; 14 — стекло; 15 — кость)

Fig. 9. Badanka IV cemetery, burial goods: 1-2 — barrow 11, grave 1, pendants; 3-13 — barrow 11, grave 2 (3-11 — beads; 12 — comb; 13 — mirror); 14 — barrow 11, grave 3, bead; 15 — barrow 12, grave 1, arrowhead (1-2, 12 — antler; 3-11 — glass, bone; 13 — bronze; 14 — glass; 15 — bone)

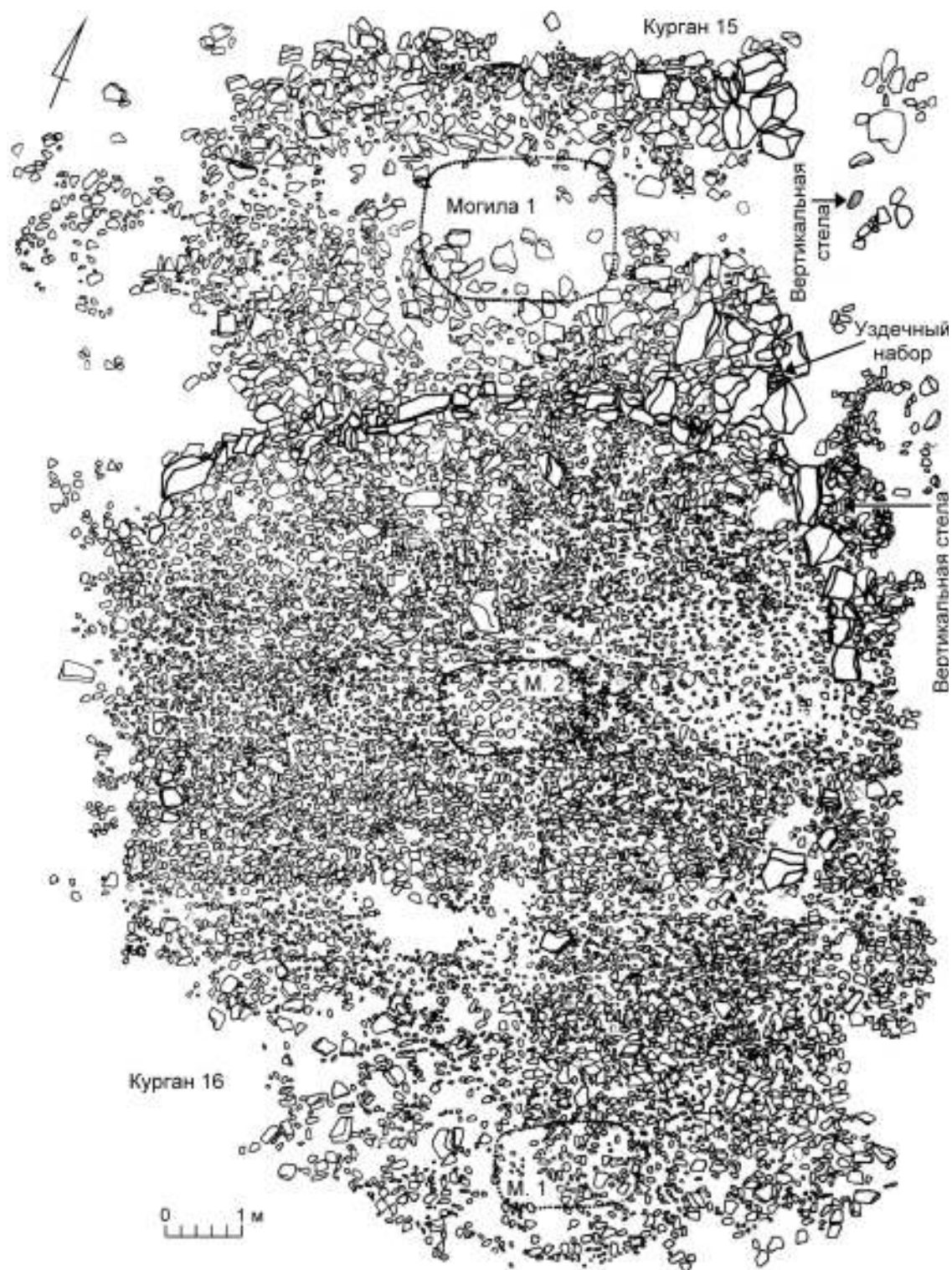

Рис. 10. Могильник Баданка IV, каменные насыпи кург. 15 и 16, планы
Fig. 10. Badanka IV cemetery, stony mounds of barrows 15 and 16, plans

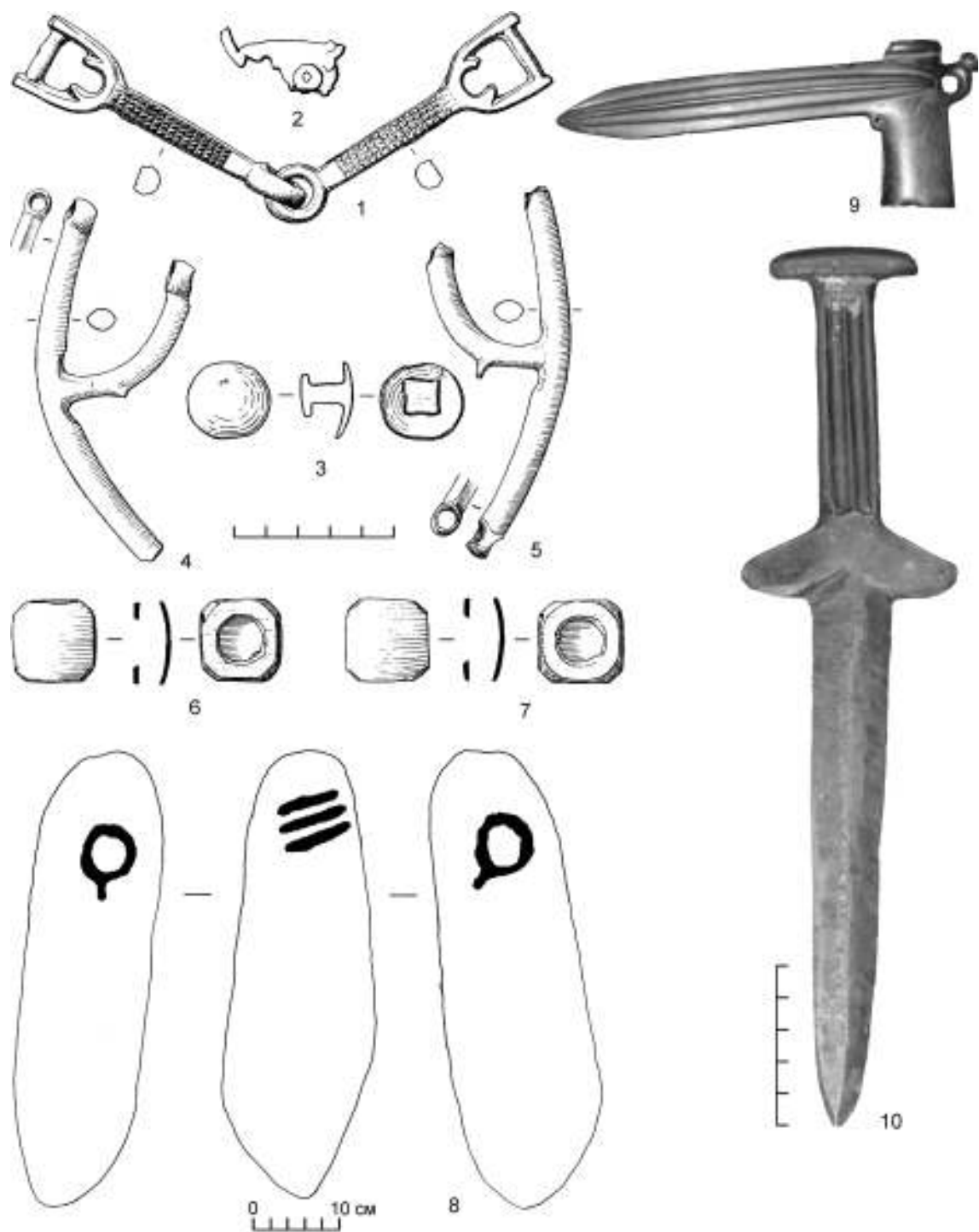

Рис. 11. Могильник Баданка IV, кург. 15, набор бронзовой конской сбруи из юго-восточной части ограды и олений камень из каменного покрытия кург. 12 (8). 9 и 10 — бронзовые чекан и кинжал, случайные находки из пос. Верхнеусинский

Fig. 11. Badanka IV cemetery, barrow 15, bronze harness set from the southeastern part of the enclosure, and a deer stone from the roofing of barrow 12 (8). 9 and 10 — bronze horseman's pick and dagger, incidental finds from the Verkhneusinsky settlement

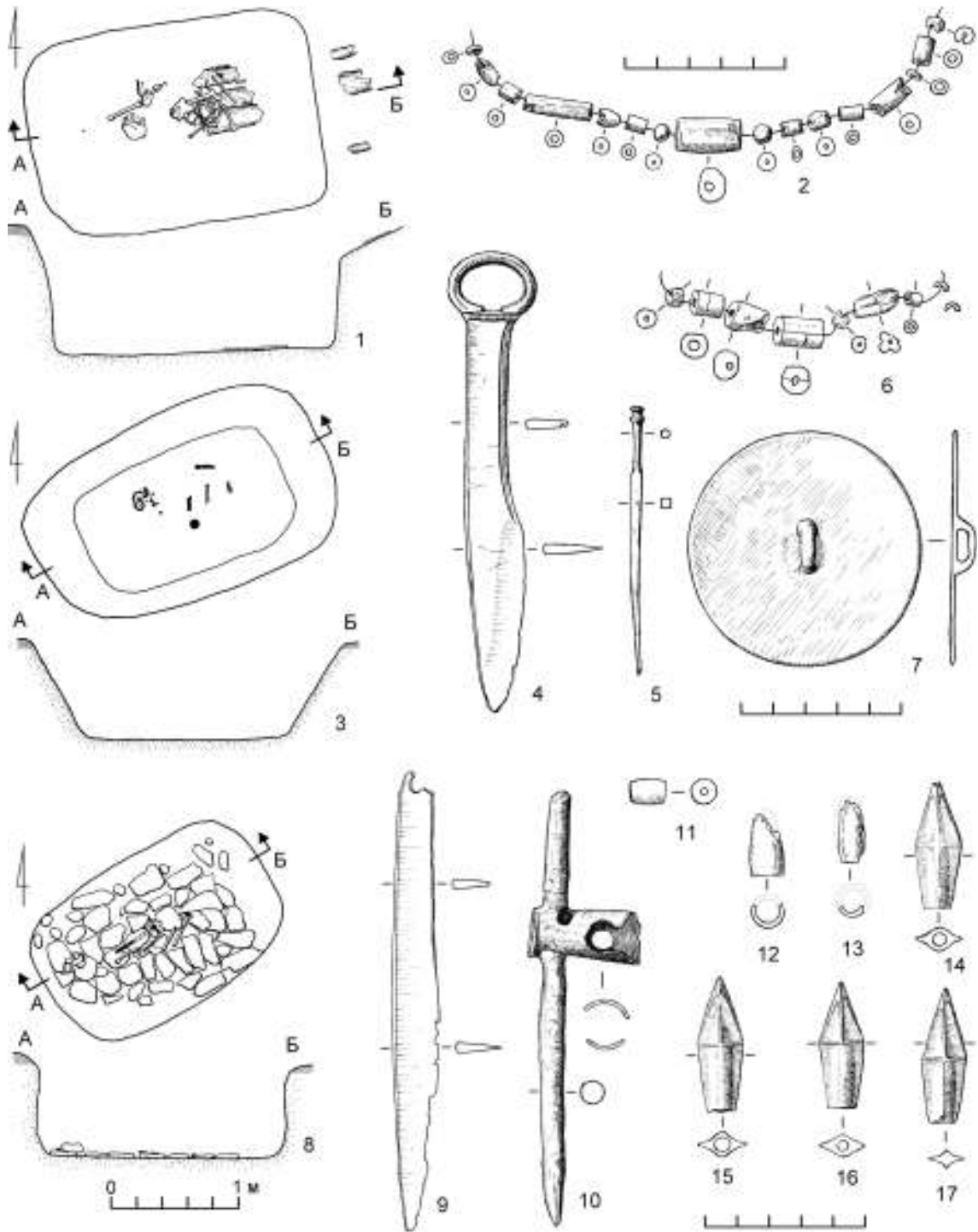

Рис. 12. Могильник Баданка IV. 1, 2 — кург. 15, мог. 1 (1 — план могилы; 2 — бусины из стекла и хризопраза). 3–7 — кург. 16, мог. 1: 3 — план и профиль; 4 — нож; 5 — шило; 7 — зеркало; 6 — бусины (4, 5, 7 — бронза, 6 — стекло). 8–17 — кург. 16, мог. 2: 8 — план и профиль; 9 — нож; 10 — чекан; 11 — бусина; 12–13 — пулевидные наконечники стрел; 14–17 — наконечники стрел (9–10, 14–17 — бронза; 11 — хризопраз; 12–13 — рог)

Fig. 12. Badanka IV cemetery. 1, 2 — barrow 15, grave 1 (1 — plan; 2 — glass and chrysoprase beads). 3–7 — barrow 16, grave 1: 3 — plan and profile; 4 — knife; 5 — awl; 7 — mirror; 6 — beads (4, 5, 7 — bronze, 6 — glass). 8–17 — barrow 16, grave 2: 8 — plan and profile; 9 — knife; 10 — horseman's pick; 11 — bead; 12–13 — bullet-shaped arrowheads; 14–17 — arrowheads (9–10, 14–17 — bronze; 11 — chrysoprase; 12–13 — antler)

радиоактивного изотопа ^{87}Rb), выраженного в отношениях $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, и вариации легких стабильных изотопов углерода и азота: $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$.

Соотношение изотопов стронция может идентифицировать провинции проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическом возрасте, соответственно, почвы и воды в различных регионах должны быть различны по изотопному составу стронция, а последний, в свою очередь, фиксируется в костной ткани живых организмов. Данные по стронцию характеризуют место проживания человека (провинцию): за время роста скелета, т. е. до 20–25 л., так как в костях фиксируется стронций с изотопным составом, характерным для специфической местности.

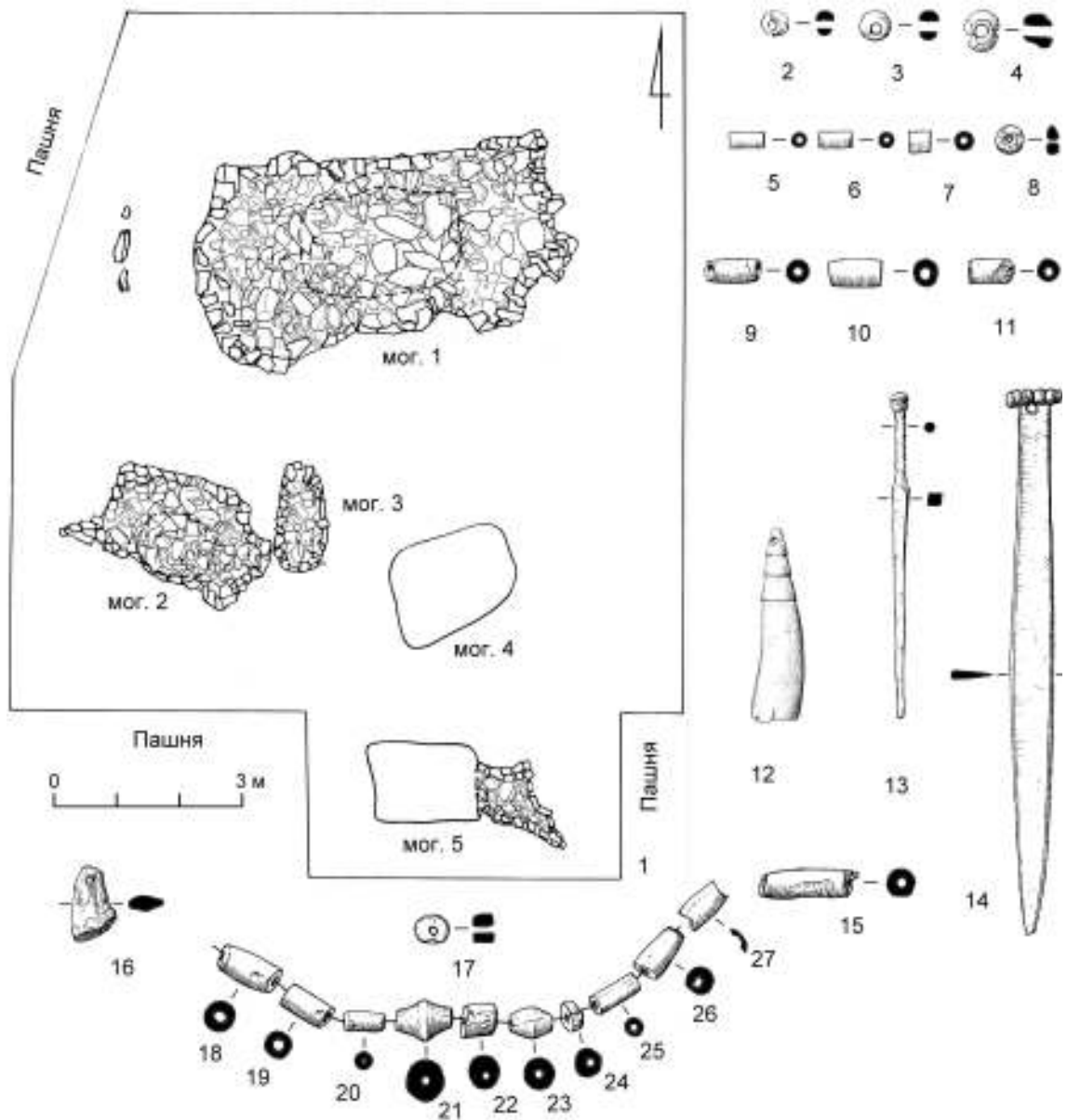

Рис. 13. Могильник Баданка IV, кург. 18: 1 — планы могил; 2–7, 14–26 — бусины (2–4 — мог. 1; 5–7 — мог. 2; 14–26 — мог. 4) (5–7 — паста; 15 — зуб; остальное — стекло); 8–13 — мог. 5, инвентарь (8–10 — бусины, стекло; 11 — подвеска, кость; 12 и 13 — шило и нож, бронза)

Fig. 13. Badanka IV cemetery, barrow 18: 1 — plans of the graves; 2–7, 14–26 — beads (2–4 — grave 1; 5–7 — grave 2; 14–26 — grave 4) (5–7 — paste; 15 — tooth; the other objects are of glass); 8–13 — grave 5, burial goods (8–10 — glass beads; 11 — bone pendant; 12 and 13 — bronze awl and knife)

Особенно четко факт миграции может быть установлен при сравнении изотопного состава стронция в костях людей со стронцием в костях домашних животных, желательнее с коротким сроком созревания и относительно малым сроком жизни — коровы, лучше овцы.

Выяснилось, что по изотопному составу стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ 0,709878) в костях погребенный из мог. 1 могильника Теплая близок к овцам из кург. Аржан-2 (Тува) (см. Чугунов 2004; Чугунов и др. 2002; и др.) и Шалгинов 2 (Хакасия). Поэтому говорить о происхождении этого человека сложно, но наиболее вероятно, что он вырос на территории Западного Саяна.

Современные методы использовались также при изучении металла предметов из скифских памятников юга Красноярского края, Хакасии и Тувы (Капитонов и др. 2005). Методика локального изотопного анализа свинца (изотопы ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb) методом LA-ICPMS в материале изделий из золота и бронзы позволяет не только определять химический состав и микропримеси, более тонко выявлять различия в составе металлов и сплавов, но и решать проблемы, связанные с вопросами технологии изготовления.

При исследовании золотых украшений из различных памятников выяснилось, например, различие в составе двух золотых изделий из кург. 2 могильника Теплая. В составе металла золотых фигурки козла и бляшки из кург. 2 выявлено низкое содержание золота и повышенное содержание серебра по сравнению с остальными золотыми предметами в этой могиле. В то же время золотая бляшка-птица из кург. 2 могильника Теплая сделана из золота гораздо более высокой пробы. Наиболее близкий состав металла золотых бляшек (в виде хищных птиц и хищника) из памятников Усинской долины (могильник Теплая, кург. 2, мог. 1; могильник Баданка II, кург. 6, мог. 1) прослеживается с украшениями из Аржана-2, мог. 5 в Туве (Чугунов 2004; Чугунов и др. 2002).

Состав бронзовых изделий показал, что вещи из могильников Теплая и Баданка IV близки между собой. В свою очередь, они коррелируют по составу металла с предметами из памятников Минусинской котловины (могильники Большая Ерба, Колок, Казановка-3, Иптыг, Есино XVI, Анчил чон I), Алтая (Усть-Шилка) и Тувы (Аржан-2). Большинство исследованных бронз объединено в большую группу металла, которая характеризует, по-видимому, единый Саяно-Алтайский горно-металлургический очаг с доминированием Минусинской котловины, сложившийся здесь уже в доскифское время.

Заключение. Таким образом, скифская эпоха в рассматриваемом регионе представлена всеми этапами развития культуры кочевников. В основном это курганы небольших размеров, но некоторые из них достигают 20–30 м в диаметре и до 2,5 м в высоту. Насыпи — каменно-земляные, в отдельных случаях уплощенно-ступенчатой формы. Иногда курганы окружены заплывшим ровиком. Было раскопано 17 могил в 21 объекте могильников Усть-Федоровка, Баданка II–IV, Теплая и Маральское-2, на основе анализа которых выделяются четыре хронологические группы памятников.

I и II группы — могилы с круглыми оградами, сложенными из крупных камней, внутри которых имелась засыпка более мелкими камнями. Захоронения на уровне (или вблизи) древнего горизонта (возможна обкладка погребенных крупными удлиненными гальками в виде цисты). *Группа I* (монгун-тайгинский тип) представлена захоронениями в небольшой ограде (диаметр 3 м), в скорченном положении по линии СЗ–ЮВ (Усть-Федоровка, кург. 1, Маральское-2). *Группа II* (аржанский этап) представлена захоронением на горизонте человека и снаряженного под верх коня (человек в скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ; конь — южнее человека, на левом боку, головой на З); под черепом коня — остатки узды с роговыми бляхами аржанского типа (Баданка IV, кург. 17).

III группа — могилы с прямоугольными оградами из крупных камней. Характерной особенностью этой группы являются оленный камень и стелы, обнаруженные в каменных покрытиях могил и вертикально врытые за восточной стенкой ограды на расстоянии 1 м либо в пристроенной индивидуальной ограде с восточной стороны основной ограды кургана. Индивидуальные захоронения в грунтовых могилах глубиной 0,9–1,2 м. В группе представлено два варианта. *Вариант А* — погребения в каменных ящиках, на левом боку, в скорченном положении, головой на ЗСЗ, ЮЗ; сопроводительный инвентарь: бусины, подвески, бронзовые ножи, чекан, наконечники стрел различных типов (Баданка IV, кург. 2, мог. 1, 3; кург. 16, мог. 2). *Вариант Б* — захоронения в деревянных срубах (?), пол из тонких плах; поза и ориентировка погребенных аналогичны варианту А;

сопроводительный инвентарь: бусины, бронзовые ножи, зеркала, роговой гребень, в одном случае в ЮВ части ограды 15 обнаружен полный комплект конской сбруи (бронзовые удила, псалии, бляшки, пряжки) (Баданка IV, кург. 2, мог. 2; кург. 12; кург. 15; кург. 16, мог. 1). В могилах группы А погребены мужчины, в могилах группы Б — мужчины и женщины.

IV группа — большие курганы с глубокими могилами (до 4 м), на дне которых устанавливали деревянный квадратный сруб с деревянным полом и перекрытием (Теплая, кург. 2; Баданка II, кург. 6).

I–II группы памятников предварительно могут датироваться IX–VIII вв. до н. э., на что указывает типологическая близость блях из кург. 17 Баданка IV с аржанскими роговыми бляхами (кург. Аржан-1), а также способ резной орнаментации по краю одной из них — подобный прием был зафиксирован на материалах из памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Шортанды-Булак, Атасу и др.). Предложенной датировке не противоречит и обряд захоронения человека с конем на горизонте.

III группа курганов, по аналогиям с материалами алды-бельской культуры (Хемчик-Бом III и V; Алды-Бель I; и др.) и раннеюжскими (Эрзин I и II; и др.), а также по параллелям с казахстанскими комплексами (Чиликта, Тасмола и др.), датируется VII–VI вв. до н. э.

IV группа памятников имеет обширные аналогии в памятниках саглынского времени Тувы и датируется VI–II вв. до н. э. Случайные находки из пос. Верхнеусинский — бронзовые чекан и кинжал (рис. 11, 9, 10), типологически относящиеся к разным этапам скифского времени и имеющие широкие аналогии по всей территории Центральной Азии, ярко свидетельствуют о наличии у кочевников Усинской котловины тех же типов вооружения.

Проанализированные материалы и полученные данные позволяют рассматривать памятники Усинской долины как самую северную группу скифских племен центральноазиатского типа. Наиболее ярко об этом свидетельствуют погребальный обряд и порядок размещения оленного камня и стел в могильнике Баданка IV, аналогичные принципам размещения оленных камней в сооружениях Монголии. Здесь представлены все этапы развития культуры скифского типа в этом регионе. Также достаточно ярко прослеживаются связи с культурами Минусинской котловины, Алтая и Казахстана, характер которых еще не совсем ясен и требует дальнейших комплексных исследований.

Боковенко 1986 — *Боковенко Н. А.* Работы на юге Красноярского края // АО 1984 года. 1986. С. 187–188.

Боковенко 1987 — *Боковенко Н. А.* Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф., Суздаль, 1987 г. М.: Наука, 1987. С. 46–47.

Боковенко 1996 — *Боковенко Н. А.* Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 1996. С. 85–90 (АИ. Вып. 24).

Боковенко и др. 2005 — *Боковенко Н. А., Дергачев В. А., Дирксен В. Г., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., ван Гил Б., Ван дер Плихт Й.* Развитие археологических культур и климатические изменения в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене (Минусинская котловина) // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М.: ГИМ, 2005. С. 96–102 (ТГИМ. Т. 145).

Васильев 1992 — *Васильев С. А.* Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна // Российская археология. 1992. № 1. С. 5–12.

Витт 1952 — *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С. 163–205.

Грач 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 60 с.

Дирксен и др. 2007 — *Дирксен В. Г., van Geel В., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Семенов А. А., Зайцева Г. И., Cook G., van der Plicht J., Scott M., Кулькова М. А., Лебедева Л. М., Бурова Н. Д.* Изменение природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН; Теза, 2007. С. 340–364.

Капитонов и др. 2005 — *Капитонов И. Н., Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Скотт М., ван дер Плихт Й.* Элементный и изотопный анализы металлических объектов памятников скифского времени Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 года). Красноярск: РИО Красноярского ГПУ, 2005. С. 82–84.

Лохов и др. 2005 — *Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Капитонов И. Н., Зайцева Г. И., Боковенко Н. А., Чугунов К. В., Алексеев А. Ю., Скотт М., ван дер Плихт Й.* Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Там же. С. 91–93.

- Мандельштам 1983 — Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках: Сб. статей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.
- Маннай-оол 1970 — *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (Уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.
- Маргулан 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1979. 358 с.
- Митько 2002 — *Митько О. А.* Работы в Красноярском крае // АО 2001 года. 2002. С. 451–452.
- Михайлов и др. 1992 — *Михайлов Н. Н., Чистяков К. В., Амосов М. И.* и др. Геоэкология горных котловин / Ю. П. Селиверстов (ред.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1992. 292 с.
- Панкова, Слободзян 2005 — *Панкова С. В., Слободзян М. Б.* Наскальные изображения в Хакасии и Красноярском крае [65–67] // АО 2004 года. 2005. С. 475–477.
- Семёнов 1992 — *Семёнов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1992. 136 с.
- Семёнов 2003 — *Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Чугунов 2000а — *Чугунов К. В.* Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: Мир книги, 2000. С. 213–238.
- Чугунов 2000б — *Чугунов К. В.* К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сб. науч. статей. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2000. Вып. 11. С. 165–168.
- Чугунов 2004 — *Чугунов К. В.* Аржан — источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве: Каталог выставки / К. В. Чугунов (сост.). СПб.: Изд-во ГЭ; Славия, 2004. С. 10–39.
- Чугунов и др. 2002 — *Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А.* Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // АЭАЕ. 2002. № 2 (10). С. 115–124.
- Bokovenko 1994 — *Bokovenko N. A.* Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. St. Petersburg: Inst. of the History of Material Culture RAS, 1994. P. 48–53 (AS. Issue 16).
- van Geel et al. 2005 — *van Geel B., Bokovenko N. A., Burova N. D., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Dirksen V. G., Kulkova M. A., Nagler A., Parzinger H., van der Plicht J., Vasiliev S. S., Zaitseva G. I.* Climate change and the sudden expansion of the Scythian culture after 850 BC // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. чл.-корр. РАН С. В. Киселева (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 года). Красноярск: РИО Красноярского ГПУ, 2005. С. 67–68.

Archaeological sites of the Scythian epoch in the Us depression, West Sayan: cultural-historical interpretation

N. A. Bokovenko

Us depression is the biggest one in the West Sayan Mountains (50×15 km). It is delimited by the the Mirsky ridge spurs from the north and the east, and by the Kurtushibinsky ridge from the south and southeast. In ancient times this region was a contact zone between the cultures of Altay, Minusinsk depression, and Tuva. The Us detachment of the Middle Yenisey Expedition of IHMC RAS, headed by the present author, started its works in the Us depression in 1984. Tens of cemeteries dating from the Scythian period were discovered in the valley in the course of reconnaissance works. Subsequent excavations of some cemeteries (Teplaya, Badanka II–IV, Ust-Fedorovka, Maral'skoe-2) made it possible to distinguish four chronological groups of sites: group I — Mongun-Taiga type, late Bronze Age (Ust-Fedorovka), group II — Arzhan type (Badanka IV, barrow 17; Maral'skoe-2), group III — Aldy-Bel stage (Badanka IV, barrows 12–13, 15–16), group IV — Salgyn stage (Teplaya, barrows 1–2; Badanka II, barrow 1). Despite some local specifics, the Us valley sites appear to have been left behind by the northernmost group of Scythian tribes of Central Asia. While the available evidence is clearly indicative of the existence of connections with the cultures of Altay and Kazakhstan, their nature still remains to be clarified.

Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Эрбек (Республика Тыва)

Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская

Ключевые слова: *Тыва, могильник Саускен 3, уюкско-саглынская культура, саглынская культура, курган, наземная каменная конструкция, захоронения в срубках, колчаный крюк, бронзовое зеркало, поясные бляшки, пряжки, наконечники стрел.*

Keywords: *Tuva, cemetery Sausken 3, Ui-Saglyn culture, Saglyn culture, barrow, above-ground stone construction, timber graves, quiver hanger, bronze mirror, belt plaques, buckles, arrowheads.*

Могильник Саускен 3 был открыт археологическими разведками по трассе планируемой железной дороги Кызыл–Курагино в 2009–2010 гг. и частично исследован в 2011 г. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН. Памятник расположен на высокой правобережной террасе р. Эрбек в 21,9 км к СЗ от пос. Эрбек (Кызылский кожуун / район Республики Тыва). Данные GPS: кург. 1 — СШ 51° 48,219', ВД 94° 04,022'; кург. 12 СШ 51° 48,199', ВД 94° 04,072'; абсолютная высота — 910 м на уровне Балтийского моря.

На могильнике выявлено 15 различных объектов, составляющих две группы, разделенные небольшим оврагом (рис. 1). Первая группа включает 13 объектов (№ 1, 1а, 2–9, 12–15), вторая — два объекта (№ 10 и 11). Объекты представляют собой западины, заметные на современной поверхности благодаря незначительному проседанию почвы (№ 2–8, 12–15). Вокруг некоторых из них в процессе раскопок были выявлены кольцевые обкладки из плоских плит. Объекты № 10, 11 и 12 являются плоскими сильно задернованными курганами, высотой 0,3–0,5 м, объекты № 1 и 1а представляют собой восьмикаменные кольца, объект № 9 — это прямоугольная каменная поминальная выкладка.

В 2011 г. были раскопаны объекты № 1, 1а, 9, а также цепочка западин (объекты № 2–6) и расположенные в непосредственной близости от этой цепочки западины № 7 и 8. Пять курганов (№ 2–6) относятся к уюкско-саглынской культуре и два (№ 7 и 8) — к саглынской, которые отчетливо различаются по устройству внутримогильных сооружений (сруб) и погребальному инвентарю. Данные ¹⁴C также свидетельствуют о одновременности этих курганов.

В представленной статье используется обобщающий термин «уюкско-саглынская культура», обозначающий памятники VI–II вв. до н. э. на территории Тывы, исключая алды-бельские. В отдельных случаях мы пишем «саглынский сруб» или «уюкский сруб», поскольку их отличия довольно значительны и необходимо указать на культурную принадлежность изученного объекта. В настоящее время происходит интенсивное накопление материалов, и все термины, связанные с культурами скифского времени Тывы, безусловно, будут корректироваться.

На могильнике Саускен 3 отсутствуют надмогильные сооружения, отчетливо выраженные на уровне современной дневной поверхности, а также какие-либо их визуальные признаки. Объекты выделяются неглубокими, еле заметными западинами, вокруг которых располагалось несколько камней. Такая картина является результатом сильной задернованности памятника, который находится на склонах горного хребта, идущего вдоль р. Эрбек. Только при расчистке памятника сплошной площадью удалось выявить каменные выкладки вокруг погребений или контуры ям, не огороженных камнями. Над объектами № 7 и 8 не было каменных наземных сооружений. Над курганами № 2–6 зафиксированы наземные каменные конструкции.

Объекты могильника Саускен 3, раскопанные в 2011 г.

Объекты № 1 и 1а. Вокруг этих примыкающих друг к другу восьмикаменных колец (рис. 2) был заложен раскоп площадью 190 м². Диаметр колец составляет 8 м (объект № 1) и 6 м (объект

№ 1а). Они сложены из больших камней — обломков скал, вкопанных в землю. В южной стороне раскопа, где должен был лежать большой камень, находились две плоские плиты, между которыми обнаружено скопление костей животных. Между камнями колец зафиксированы угли

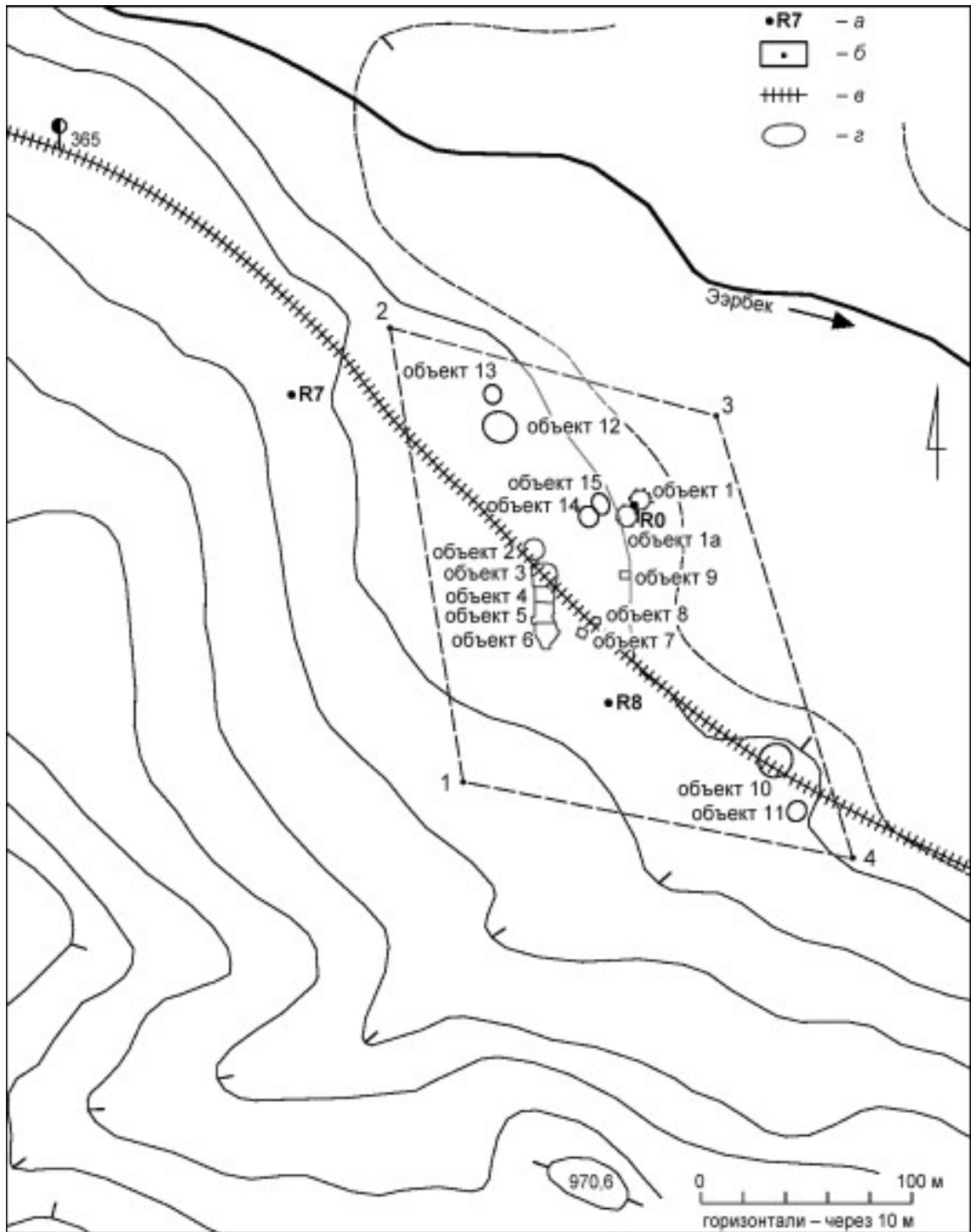

Рис. 1. Могильник Саускен 3, план: *a* — репер; *б* — поворотная точка; *в* — предварительная разметка трассы железной дороги; *z* — исследованные объекты

Fig. 1. Sausken 3 cemetery, plan: *a* — datum; *б* — turning point; *в* — preliminary tracing of the railway; *z* — studied features

и фрагменты костей животных. Через оба кольца проведен разрез (1–1') в направлении ЮВ–СЗ. В верхней части разреза находился слой дерна (мощностью 0,1 м), ниже располагался слой серой супеси (мощностью 0,2 м). Еще ниже обнаружен слой желтой супеси — уровень древней дневной поверхности (мощностью 0,1 м), который лежал на светлой супеси со щебнем — материке.

Объект № 2 (рис. 3) был отмечен на современной дневной поверхности небольшим провалом и несколькими торчащими камнями. Только под ними сохранился край валика выброса земли. Для исследования объекта был заложен раскоп площадью 77 м². Размеры выявленной в нем могильной ямы составляли 3,4 × 3,5 м, ее глубина достигала 2,4 м. Валик выброса земли из могилы не прослеживался, по-видимому, он весь ушел в ее заполнение, в центре которого выявлено пятно темной земли. С юга к могильной яме примыкала выкладка из уложенных плашмя плоских плит, под которыми лежало несколько костей животных. По-видимому, выкладка являлась ритуальным сооружением. На глубине 1,8 м в центре ямы обнаружены угли и челюсть лошади. Ниже в заполнении могилы прослежен слой сильно обожженной земли с большим количеством углей и золы.

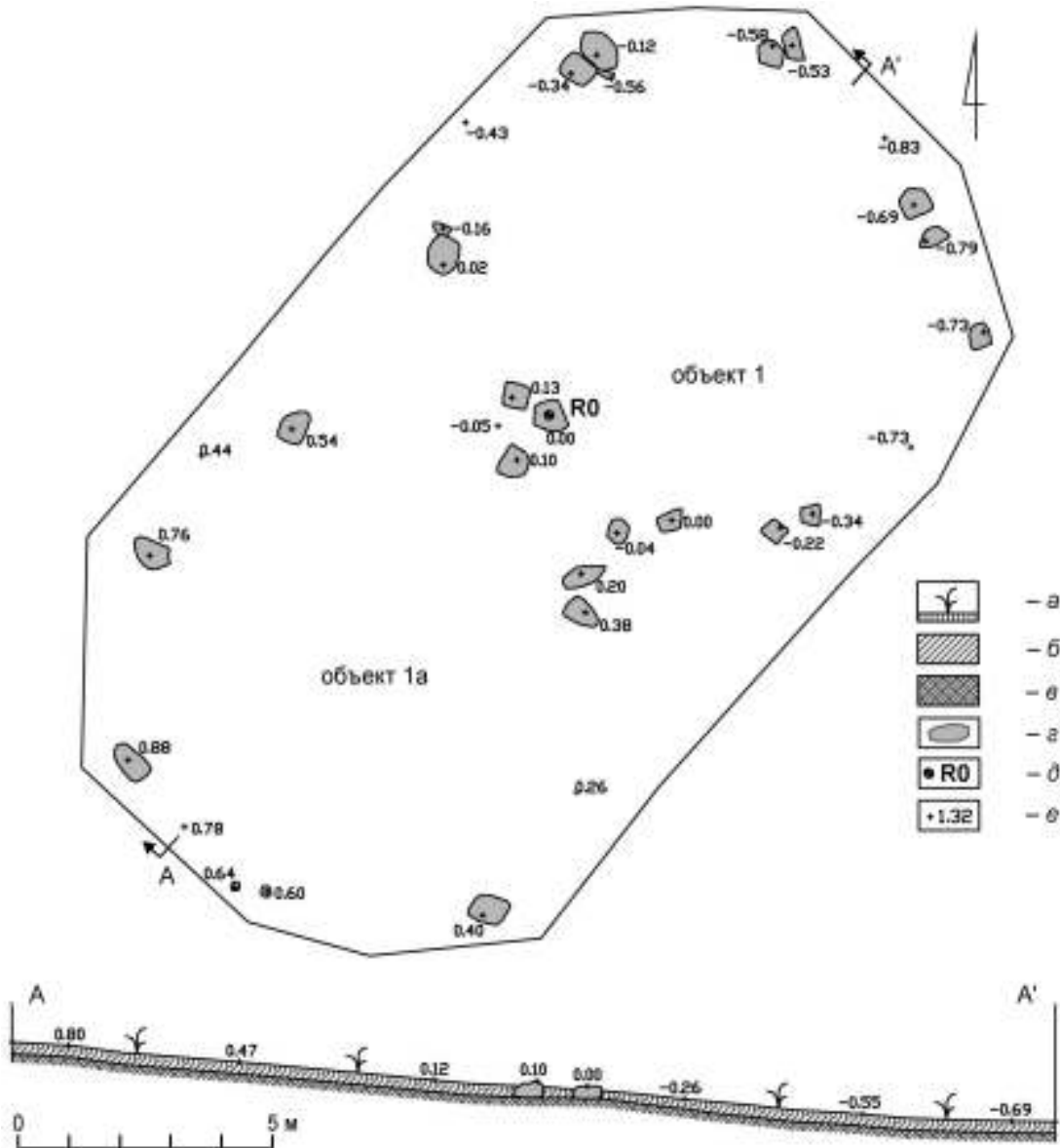

Рис. 2. Могильник Саускен 3, объекты № 1 и 1а, план и разрез: а — дерн; б — супесь; в — материк; з — камень; д — репер; е — нивелировочные отметки

Fig. 2. Sausken 3 cemetery, features Nos. 1 and 1a, plan and profile: а — turf; б — sandy loam; в — native soil; з — stone; д — datum; е — leveling marks

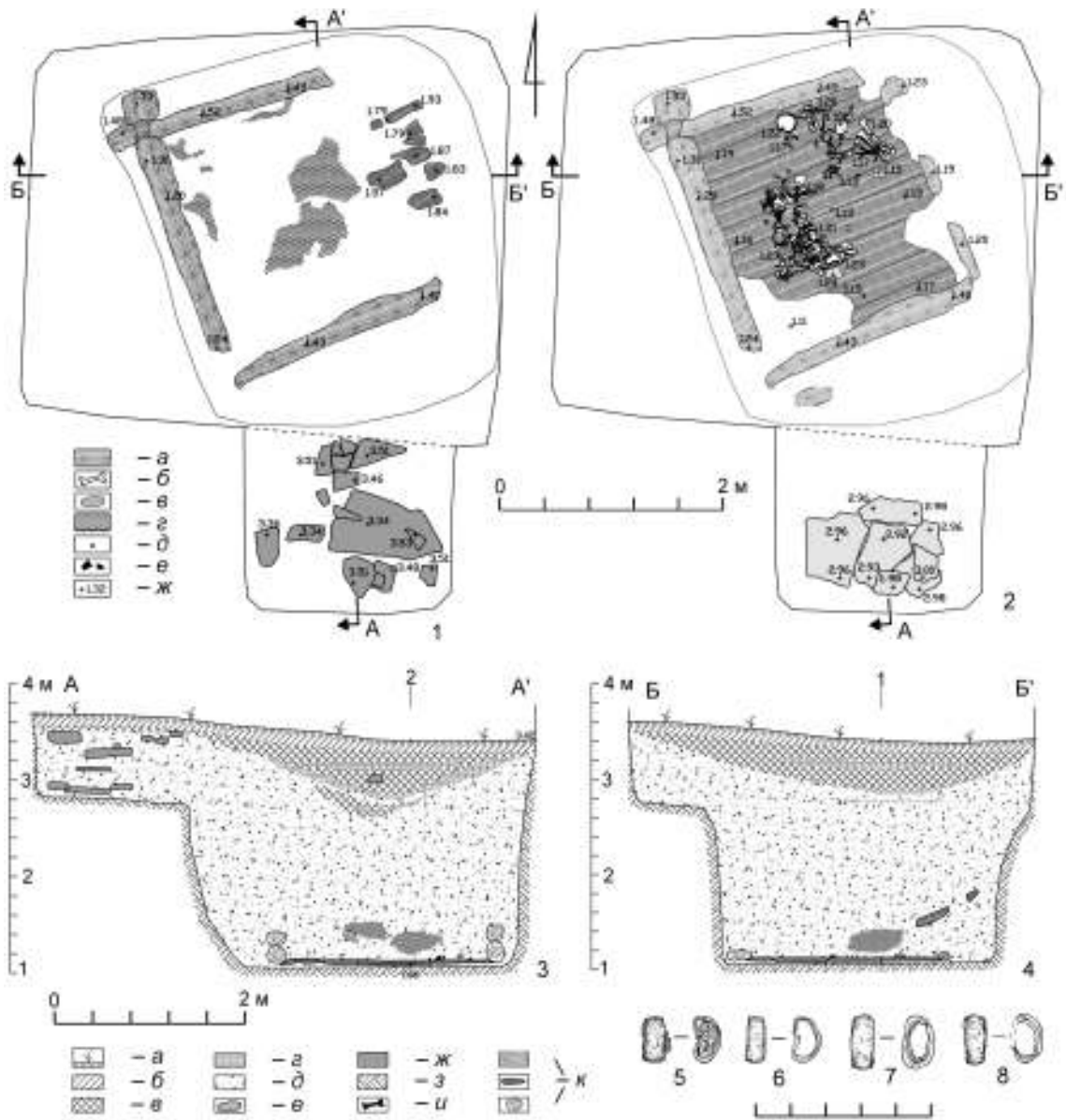

Рис. 3. Могильник Саускен 3, объект № 2: 1 — горелый слой на перекрытии сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез А-А'; 4 — разрез Б-Б'; 5-8 — погребальный инвентарь — бронзовые поясные обоймы

Условные обозначения для планов объектов на рис. 3-5, 7, 9, 11, 13, 15: *a* — дерево; *б* — кость; *в* — камень; *г* — уголь; *д* — находки; *е* — керамика; *жс* — нивелировочные отметки

Условные обозначения для разрезов объектов на рис. 3-5, 7, 9, 11, 13, 15: *a* — дерн; *б* — супесь; *в* — серая гумусированная супесь; *г* — темная гумусированная супесь; *д* — мешаный слой (супеси с мелким галечником); *е* — камень; *жс* — уголь; *з* — материк; *и* — кость; *к* — дерево

Fig. 3. Sausken 3 cemetery, feature No. 2: 1 — burnt layer on the roof of the timber structure, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile A-A'; 4 — profile B-B'; 5-8 — burial goods — bronze belt loops

Legend for plans of features on figs. 3-5, 7, 9, 11, 13, 15: *a* — wood; *б* — bone; *в* — stone; *г* — coal; *д* — finds; *е* — pottery; *жс* — leveling marks

Legend for profiles on figs. 3-5, 7, 9, 11, 13, 15: *a* — turf; *б* — sandy loam; *в* — grey humified sandy loam; *г* — dark humified sandy loam; *д* — mixed layer (sandy loam with small gravel); *е* — stone; *жс* — coal; *з* — native soil; *и* — bone; *к* — wood

В центре ямы зафиксировано скопление горелой травы, возможно, являвшееся следами ограбления. Перекрытие сруба (погребальной камеры), на котором был разведен костер из травы, сильно обгорело (рис. 3, 1, 3, 4).

Сруб, сложенный в два венца, ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. Части его перекрытия, представленные лишь обломками, уложены в направлении ЗСЗ–ВЮВ. Восточная–северо-восточная стенка погребальной камеры не сохранилась. В горелом слое внутри сруба среди костей найдены четыре обгоревших бронзовых поясных обоймы со следами железа (рис. 3, 5–8). Хорошо сохранившийся пол погребальной камеры был настлан перпендикулярно перекрытию. Он состоял из девяти тонких и узких досок (рис. 3, 2). На полу расчищено два скопления деформированных костей, рассыпавшихся в тлен: в СВ углу сруба находилось скопление 1, в центре — скопление 2. Среди костей обнаружены остатки сильно корродированных железных предметов и ткани типа мешковины. У северной стенки погребальной камеры выявлен стоящий на основании череп без верхнего свода. Длинные кости рук и ног скелетов лежали *in situ*.

В срубе погребено пять человек. В скоплении 1 представлены *скелеты 1 и 2* (женщина 25–30 л. и ребенок 3–4 л.), в скоплении 2 — *скелет 3* (мужчина старше 20 л. с прогнатными челюстями, в которых полностью сохранились не сточенные зубы; височные кости индивида не приросли, его позвонки не сплющены) и *скелет 4* (достигший примерно годовалого возраста младенец с двумя прорезавшимися зубами на нижней челюсти). Ближе к центру сруба находятся разрозненные кости *скелета 5* (подросток 9–10 л.).

Объекты № 3–6 примыкают друг к другу, образуя цепочку. Они исследованы общим раскопом площадью 390 м² (рис. 4, 1). Все объекты связаны единым разрезом по линии С–Ю (1–1'), для каждого из объектов был сделан дополнительный разрез по линии З–В (разрезы 3–3', 4–4', 5–5', 6–6') (рис. 4, 2). Над курганами имелись однотипные наземные сооружения, состоявшие из тщательно уложенных в 1–2 ряда плоских плит, размещенных по краям погребальных ям на небольшом (максимальная высота до 0,2 м) валике выброса из могил. Валик представлял собой серую супесь, которая сохранилась только под каменными вымостками. Между плитами наземного сооружения встречались фрагменты керамики и кости животных. Эти находки являются остатками поминальных тризн. Материк образован плотной супесью с гравием светло-коричневого цвета.

Погребальный обряд, характерный для объектов № 3–6, можно реконструировать следующим образом: выкапывалась могила, в которую ставился сруб в 2–3 венца, далее яма засыпалась, и вокруг нее устраивалась вымостка из плоских каменных плит. В центре над могилами не было сооружений из камня. Земля из ямы почти полностью использовалась при засыпке могилы, поэтому валик выброса практически отсутствовал. Если над ямой и был насыпан небольшой земляной холмик, то впоследствии он осел в могилу, когда сруб разрушился. Западные части вымосток, примыкавшие к ямам, сохранились лишь частично. По-видимому, они были разрушены во время ограбления, так как именно сюда грабители выкидывали землю из могилы, а затем аккуратно ссыпали ее обратно в яму.

Следует отметить, что вымостки вокруг могил были сделаны из больших плит красного песчаника. В ближайших окрестностях выходы такого камня не встречаются. Окружающие горы сложены из конгломератов, являвшихся осадочными отложениями. Откуда доставляли красные плиты для сооружения курганов могильника Саускен 3, пока не установлено. Известно лишь, что выходы аналогичного камня, использованного при возведении кургана Аржан-2, обнаружили на горе Кара-Орга в Уюкской котловине.

Объект № 3 (рис. 4; 5; 6, 4, 5; 7) имел могильную яму размерами 4,5 × 4,6 м (по верху) и глубиной 3,5 м; по ее краям были уложены плоские плиты. В северо-западном углу выкладки обнаружены камень с чашечными углублениями и бронзовая пронизка, а с западной стороны — фрагменты керамики (рис. 6, 4, 5) и зернотерки. Могила имела уступ высотой около 1 м (рис. 5, 3, 4), ниже которого яма сужалась до размеров 3,5 × 3,5 м. Она заполнена темноватой супесью, в которой встречено несколько камней.

В могиле находился бревенчатый сруб, сложенный в два венца (в северной стенке — три венца). От его перекрытия, которое было настлано по линии З–В, сохранились лишь отдельные обломки в заполнении ямы (рис. 5, 1). Сруб ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ, и его размеры (2,2 × 2 м) значительно уступали габаритам могилы. Пол погребальной камеры, состоявший из 11 досок, был настлан в том же направлении, что и перекрытие (рис. 5, 2).

Могила полностью ограблена, и перемещенные останки четырех погребенных здесь людей практически ровным слоем покрывали дно сруба. *In situ* лежали только кости стопы у южной стенки погребальной камеры. Сохранность переломанных костей плохая, многие из них кальцинированы. В могиле не обнаружено ни одного целого черепа. Из-за сильного смещения костей антропологические определения приблизительны. У *скелета 1* от черепа сохранились верхняя и нижняя челюсти во фрагментах (индивид имел крупные, широкие кости, причем длина бедренной кости составляет 48 см; зубы стерты незначительно, часть их разрушена, возможно, вследствие кариеса; судя по тазовым костям, останки принадлежали мужчине примерно 30 л). У *скелета 2* от черепа сохранился лицевой скелет и фрагменты нижней челюсти (судя по тазовым костям, останки

Рис. 4. Могильник Саускен 3, наземные сооружения объектов № 3–6: 1 — план; 2 — разрез А–А'
Fig. 4. Sausken 3 cemetery, above-ground construction of features Nos. 3–6: 1 — plan; 2 — profile A–A'

принадлежали мужчине, окончания длинных костей которого еще не срослись; длина бедренной кости равняется 47 см; зубы на фрагментах челюстей не стерты). *Скелет 3*, судя по фрагментам таза, принадлежал, возможно, женщине, от черепа которой осталась лишь верхняя челюсть и два фрагмента нижней. К *скелету 4* относятся фрагменты длинных костей и таза, а также два фрагмента нижней челюсти, из которой многие зубы выпали еще при жизни умершего.

В срубе найдены два обрывка золотой фольги с оттиснутыми головами пантер, видимо нашитые бляшки (рис. 7, 24, 25), 19 костяных наконечников стрел (рис. 7, 1–19), костяная пронизка, бронзовый колчаный крюк со сценой терзания (рис. 7, 28), две бронзовые обоймы (рис. 7, 20), фрагмент кожаного пояса с бронзовыми и железными обоймами (рис. 7, 26), бронзовая бляха в виде фигуры кабана (рис. 7, 27), обломки железных предметов и остатки деревянных ножей. Среди костей обнаружено много фрагментов ткани и другой органики, а также часть железного стержня и шаровидное навершие, которые, вероятно, являлись обломками шпильки для украшения прически или булавки.

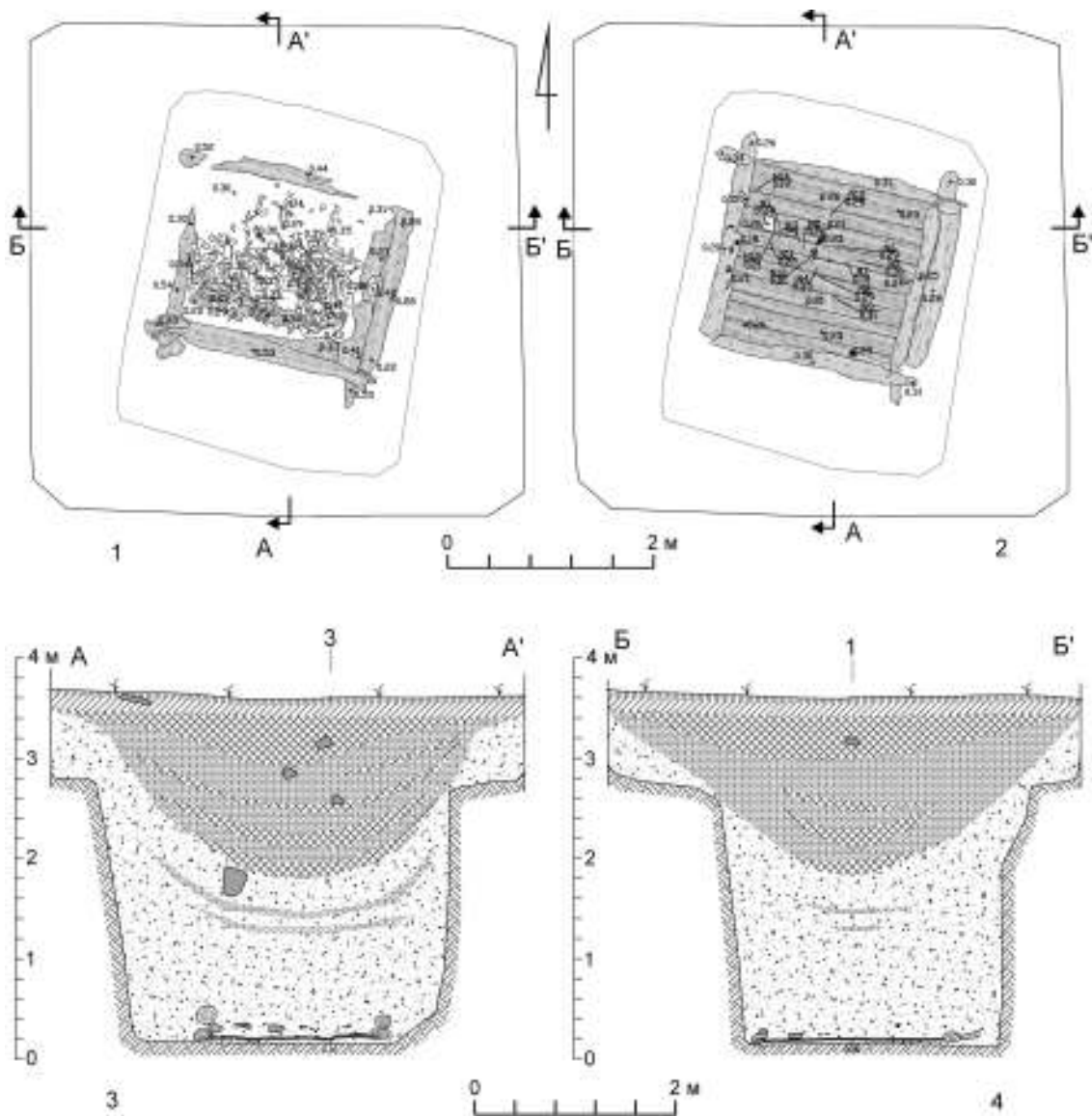

Рис. 5. Могильник Саускен 3, объект № 3: 1 — остатки перекрытия сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез А–А'; 4 — разрез Б–Б'

Fig. 5. Sausken 3 cemetery, feature No. 3: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile А–А'; 4 — profile Б–Б'

В погребальной камере встречены и другие изделия: подвеска из тщательно обработанного атрофированного просверленного клыка марала (рис. 7, 21), костяной отполированный заостренный предмет (рис. 7, 22), бараний альчик (рис. 7, 23) и крупная перфорированная подвеска из атрофированного клыка кабана (рис. 7, 29). Подобные украшения-апотропеи конской узды известны по материалам кургана Аржан-1 (Грязнов 1980: рис. 13, 1).

Объект № 4 (рис. 4, 8–9) имел могильную яму, по краю которой были тщательно уложены плоские плиты, практически отсутствовавшие с западной стороны. С восточной стороны каменная обкладка выполнена в 2–3 ряда, причем под дерном обнаружена плоская плита со следами обработки. В западной половине каменной обкладки в верхнем ярусе ее заполнения находились кости животных, 12 фрагментов керамики с рассеченным валиком на горлышке, обломок зернотерки, а также фрагмент железного резца и кольцо. По линии 3–В на обоих краях каменной обкладки обнаружено два треугольника (размерами 20×20×20 см и 18×18×18 см), которые составлены из трех небольших каменных плиток, вкопанных в землю и поставленных на ребро. Одна из вершин каждого треугольника обращена на юг.

Могила подпрямоугольной формы, вытянутая в направлении 3–В, имела уступ высотой 1 м (рис. 8, 3, 4). Размеры ямы по верхнему краю составляли 3,2×4 м, по нижнему краю уступа — 3×3 м; глубина 3,1 м. Плохо сохранившееся перекрытие сруба было сделано из горбыля (12 бревен), уложенного в направлении 3–В. В центре перекрытия был проруб (рис. 8, 1). На уровне перекрытия встречены разрозненные человеческие кости.

Сруб (размерами 2,3×2,3 м) был сложен из бревен в лапу, причем его северная стенка имела 5 венцов, остальные — 4 венца. В его СЗ углу под перекрытием обнаружены череп и фрагменты деревянного сосуда, по-видимому *in situ*. В западную стенку сруба в верхний венец под перекрытием

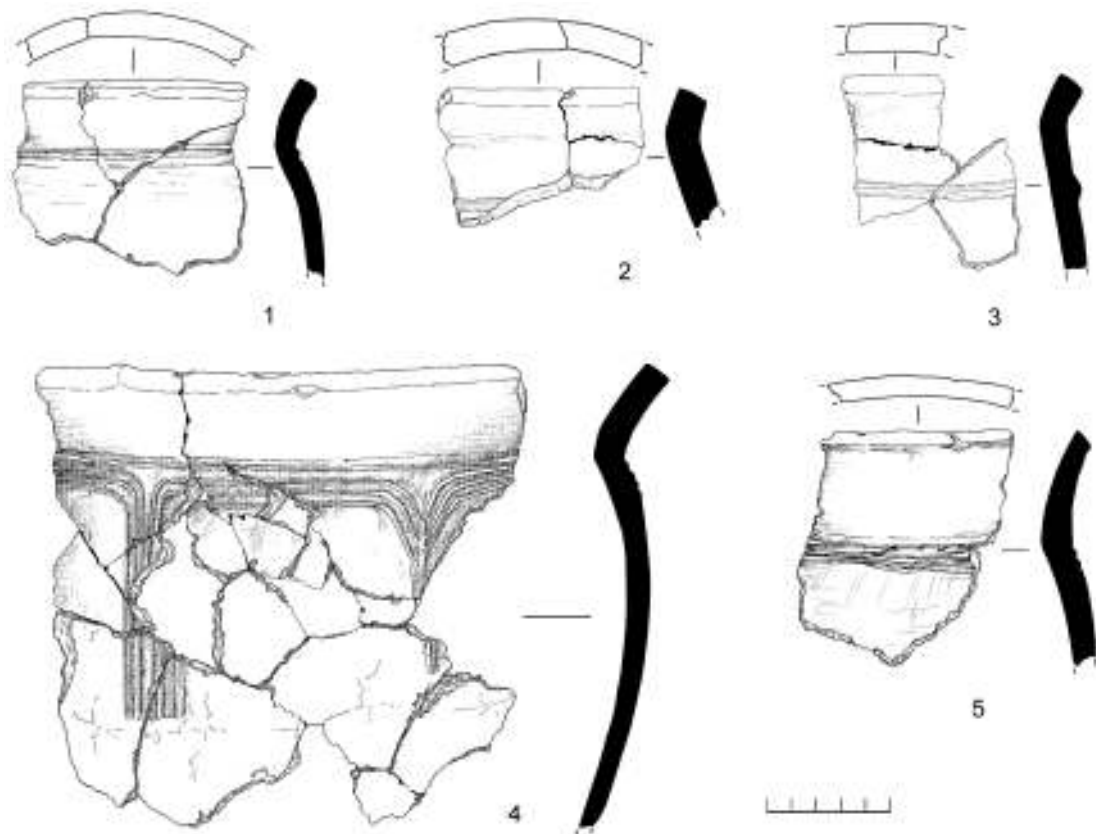

Рис. 6. Могильник Саускен 3, керамика из наземных сооружений: 1 — объект № 5; 2–3 — между объектами № 4 и № 5; 4–5 — объект № 3

Fig. 6. Sausken 3 cemetery, pottery from the above ground constructions: 1 — feature No. 5; 2–3 — between features Nos. 4 and 5; 4–5 — feature No. 3

был воткнут бронзовый колчаный крюк в виде головы козла (рис. 9, 12). Под ним на полу лежали остатки кожи, вероятно от колчана. Около западной стенки и в центре погребальной камеры найдены 4 бронзовые бабочковидные пряжки в виде стилизованных голов грифонов (рис. 9, 8–11) и остатки ткани типа мешковины. В ЮЗ углу сруба на костях таза лежало большое кожаное изделие — сумка или остатки штанов, под которым кости были окрашены в густой зеленый цвет. На дне погребальной камеры найдены бронзовая бляшка в виде лошади (рис. 9, 13) и просверленный клык кабарги

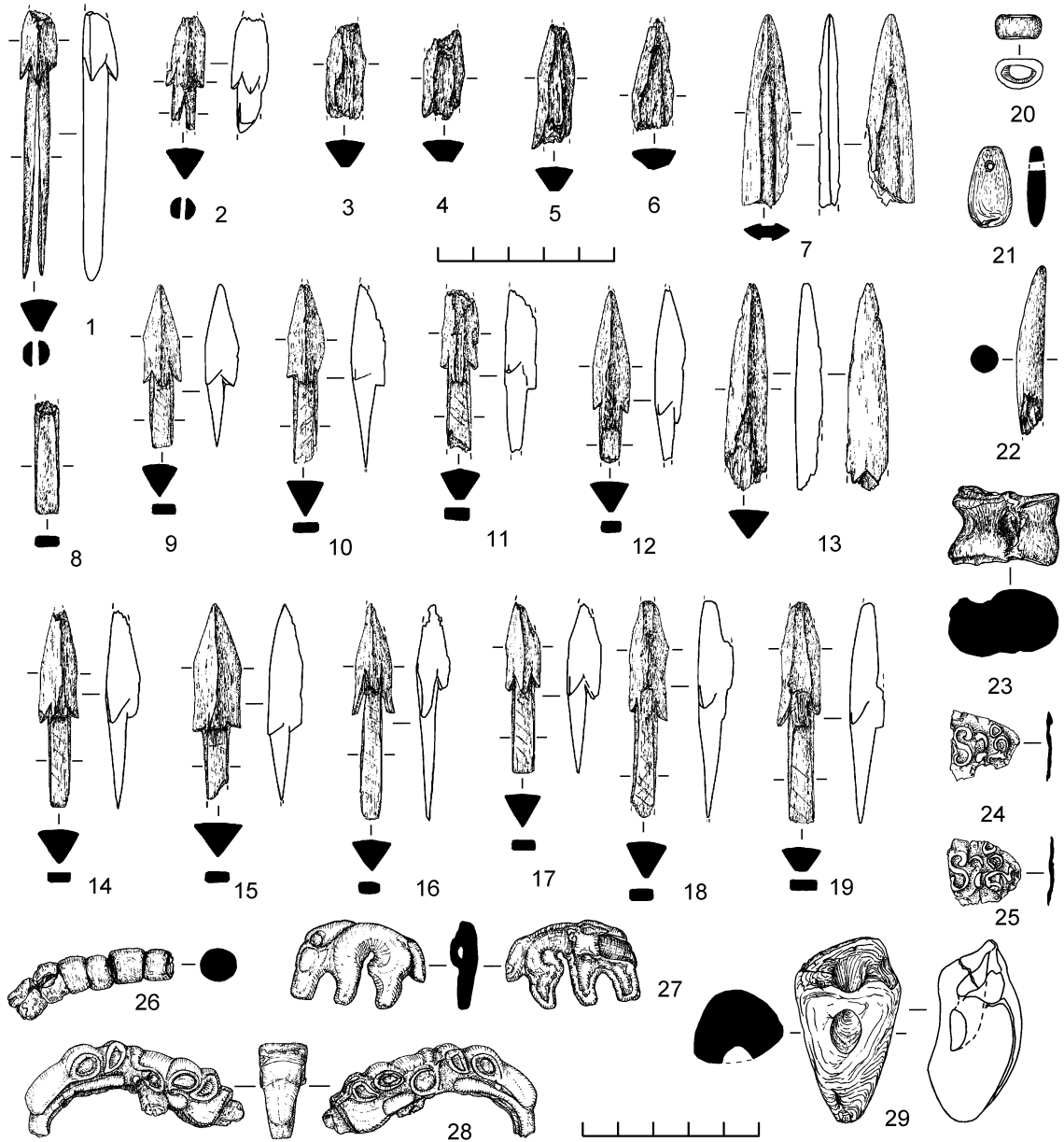

Рис. 7. Могильник Саускен 3, объект № 3, погребальный инвентарь: 1–19 — костяные наконечники стрел; 20 — обойма; 21 — просверленный зуб марала; 22 — заостренный предмет; 23 — альчик барана; 24, 25 — нашивные бляшки; 26 — фрагмент пояса с бронзовыми и железными обоймами; 27 — поясная пряжка в виде фигурки кабана; 28 — колчаный крюк; 29 — перфорированный клык кабана (20, 26–28 — бронза; 22, 23 — кость; 24, 25 — золото)

Fig. 7. Sausken 3 cemetery, feature No. 3, burial goods: 1–19 — bone arrowheads; 20 — loop; 21 — perforated Siberian red deer tooth; 22 — pointed object; 23 — sheep's ankle bone; 24, 25 — sewed-on plaques; 26 — belt fragment with bronze and iron loops; 27 — belt buckle in the form of a wild boar; 28 — quiver hanger; 29 — perforated wild boar canine (20, 26–28 — bronze; 22, 23 — bone; 24, 25 — gold)

(рис. 9, 3). В срубe также выявлены подвеска из атрофированного клыка марала (рис. 9, 1), цилиндрическая бусина из голубого камня с небольшим отверстием для подвешивания на одном конце (рис. 9, 2), костяное острие длиной 19 см (рис. 9, 7) и еще три обломка костяных изделий (рис. 9, 4–6). Одно изделие сделано из трубчатой кости, а второе, заостренное и со следами залощенности, представляет собой, вероятно, фрагмент шила или проколки. Подвески из зубов марала и кабарги известны в погребениях Тувы начиная с раннескифского времени. В могильниках Суглуг-Хем и Хайыракан они найдены *in situ* на поясе женщины вместе с аргиллитовыми пронизками (Семенов 2003: 87, табл. 58).

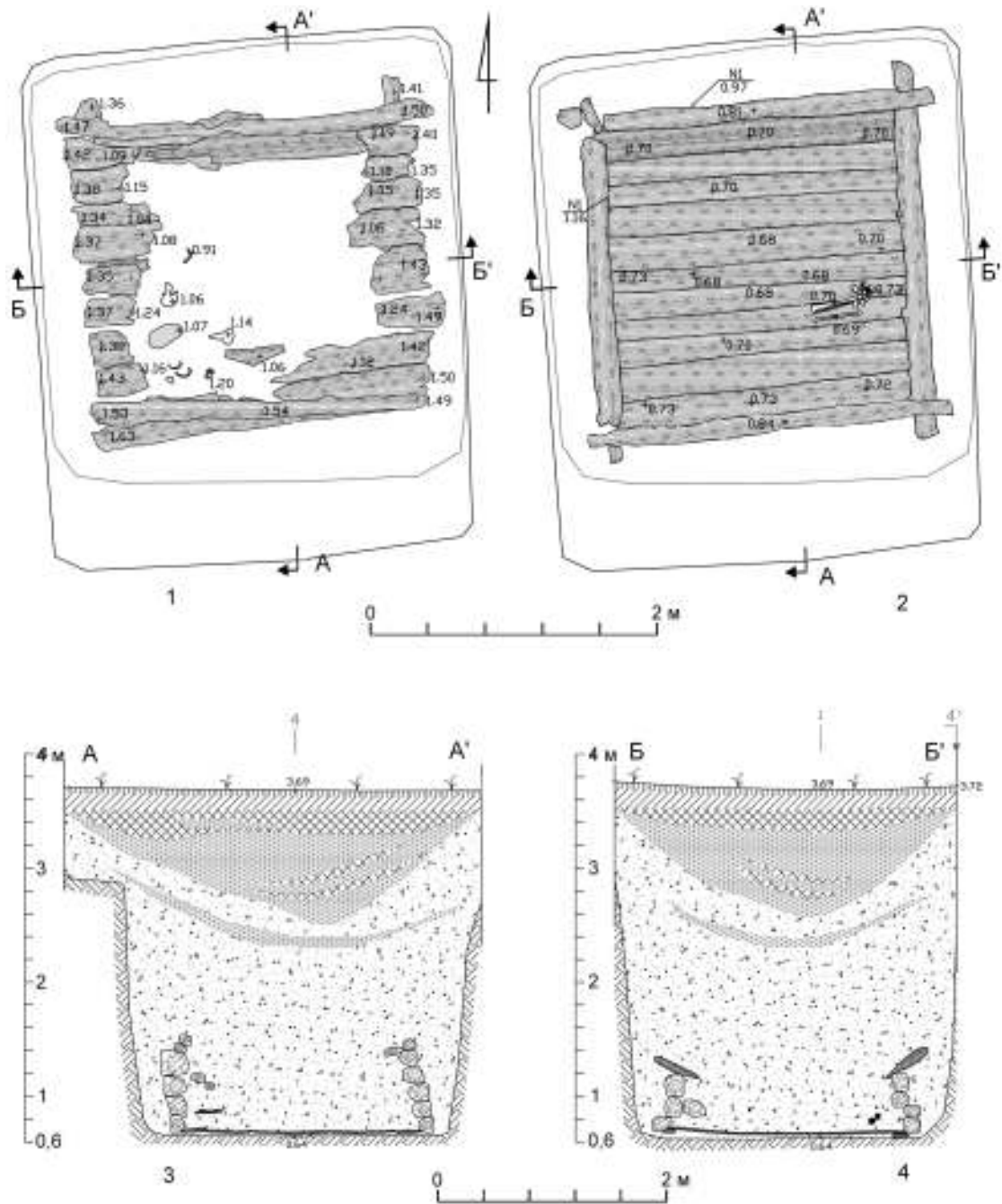

Рис. 8. Могильник Саускен 3, объект № 4: 1 — остатки перекрытия сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез А–А'; 4 — разрез Б–Б'

Fig. 8. Sausken 3 cemetery, feature No. № 4: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile A–A'; 4 — profile B–B'

На полу сруба, кроме разрозненных человеческих костей, выявлены и следы органики черного цвета. *In situ* на полу в ЮВ секторе погребальной камеры сохранились кости ноги, включая стопу, по которым можно предположить, что погребенные лежали головой на З. Пол сруба состоял из 11 досок, уложенных в том же направлении, что и бревна перекрытия.

В кургане были погребены четыре человека. Хорошо сохранившийся *скелет 1*, принадлежавший мужчине 25–30 л., представлен черепом, тазом и всеми длинными костями, причем верхний

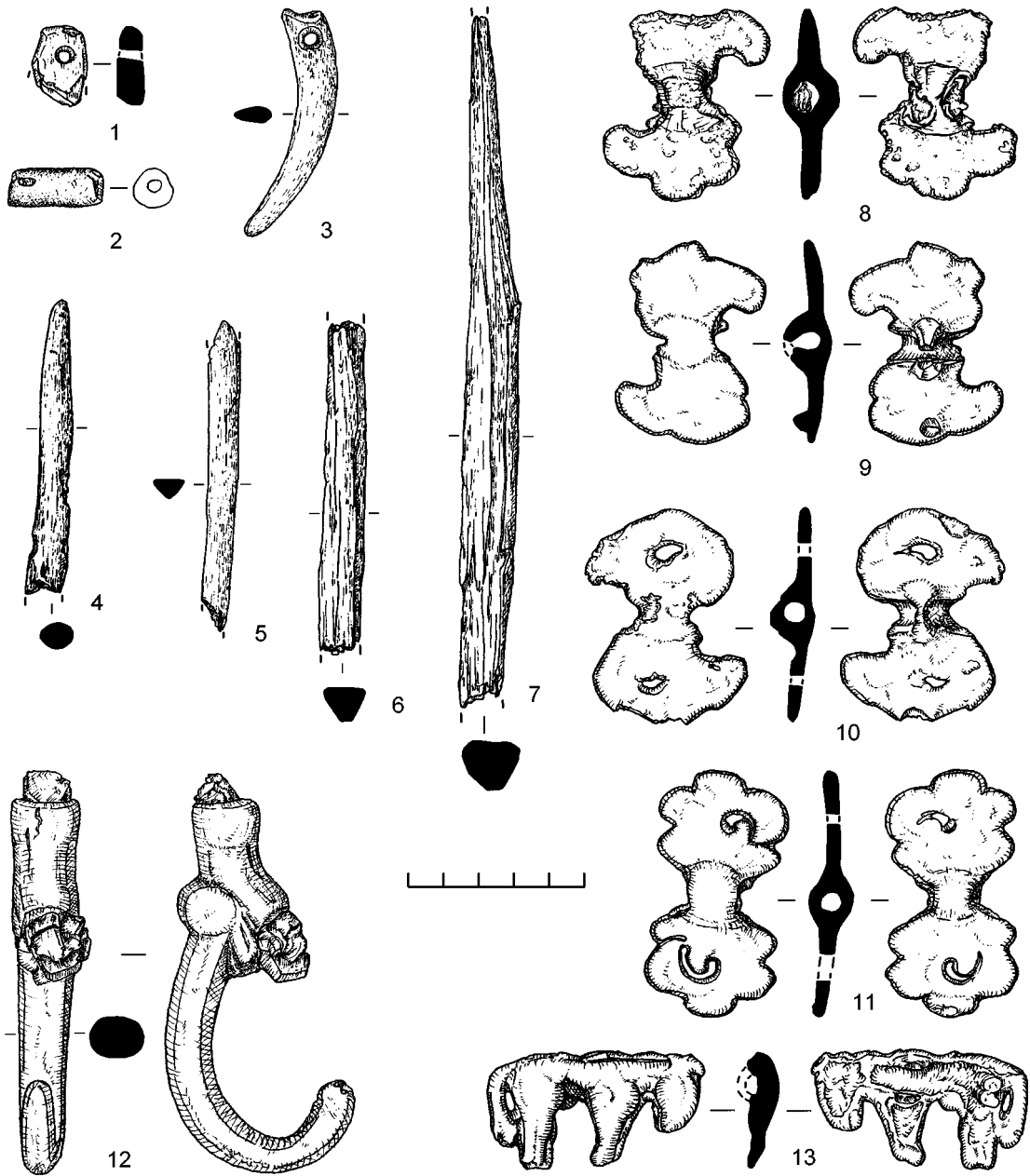

Рис. 9. Могильник Саускен 3, объект № 4, погребальный инвентарь: 1 — подвеска из атрофированного клыка марала; 2 — бусина; 3 — подвеска из клыка кабарги; 4–6 — фрагментированные изделия; 7 — острие; 8–11 — бабочковидные пряжки; 12 — колчаный крюк; 13 — бляшка в виде фигурки лошади (2 — голубой камень; 4–7 — кость; 8–13 — бронза)

Fig. 9. Sausken 3 cemetery, feature No. 4, burial goods: 1 — pendant made of a Siberian red deer canine; 2 — bead; 3 — pendant made of a musk deer tooth; 4–6 — broken objects; 7 — point; 8–11 — butterfly-shaped buckles; 12 — quiver hanger; 13 — plaque in the form of a horse head (2 — blue stone; 4–7 — bone; 8–13 — bronze)

сегмент крестца не прирос, длина бедренной кости составляет 46 см. Череп, швы которого заросли не полностью, характеризуется широкими скулами, глубокой переносицей, прогнатной челюстью, мощным подбородком и выступающими надбровьями. Зубы индивида практически не стертые. *Скелет 2*, принадлежавший мужчине предположительно 20 л., также хорошо сохранился, причем окончания длинных костей не приросли, кости срослись не до конца, длина бедренной кости равняется 43 см. Череп скелета сохранился практически полностью, за исключением половины нижней челюсти. Он характеризуется не заросшими швами, широкими скулами и широкой плоской переносицей, причем лобная кость, разделенная швом на две части, не показывает никаких следов срастания (!). *Скелет 3*, принадлежащий мужчине 55 л., имеет хорошую сохранность, все кости срослись, хотя часть их изломана, длина бедренной кости составляет 40 см. Небольшой грацильный череп сохранился полностью. Он характеризуется сильно выступающей вперед носовой костью, глубоким переносием, широкими скулами и прогнатными челюстями, обнаруживая тем самым сходство с черепом скелета 1. Зубы индивида 3 стертые незначительно, часть их утрачена еще при жизни. Грацильный *скелет 4* имеет хорошую сохранность, хотя его череп раздроблен, а тазовые кости сохранились лишь частично. Судя по нижней челюсти и фрагментам таза, останки принадлежали женщине до 20 л. Окончания длинных костей не приросли, тазовые кости также не срослись, длина бедренной кости равняется 43 см. Череп характеризуется несросшимися швами, «острой» носовой костью, высоким лбом, слегка прогнатными челюстями и широкими скулами. Зубы индивида 4 совсем не стертые.

Между объектами № 4 и 5 к востоку от них под дерном найдено скопление фрагментов толстостенного сосуда: венчик и 4 обломка стенок (рис. 6, 2, 3).

Объект № 5 (рис. 4; 6, 1; 10; 11) является, по-видимому, самым древним среди исследованных комплексов могильника, так как перекрывавшие его плиты были использованы для сооружения других курганов. К западу от каменного кольца, окружавшего объект, под дерном обнаружен бронзовый нож-скобель. В верхней части заполнения могильной ямы под дерном найдены фрагменты керамики с арочным орнаментом (кокзельский тип) (рис. 6, 1). Валик выброса, как и на предыдущих курганах, практически не прослеживался, лишь по краю каменной обкладки под дерном выявлен более мощный слой светлой супеси.

Размеры могилы по верху составляли 3,85×4 м, по дну — 3×3,3 м, глубина 3,5 м. Яма имела уступ высотой 0,8 м. Ее заполнение состояло из мешанной темноватой супеси с прослойками серой супеси в верхних ярусах. У западной стенки ямы было вертикально установлено короткое бревно высотой 0,8 м, возможно, имитирующее коновязь (рис. 10, 4). Возле него на перекрытии сруба лежали кости человека (две берцовые, плечевая и обломок челюсти), а также кость животного.

Перекрытие погребальной камеры, ориентированной сторонами по сторонам света, сделано из 12 плотно подогнанных друг к другу бревен, которые уложены по линии 3–В (рис. 10, 1). Все бревна, имевшие длину более 2 м, хорошо сохранились. Около южной стенки в перекрытии сруба, размеры которого составляли 2,4×2,7 м, был сделан небольшой проруб. Погребальная камера, состоявшая из 2–3 венцов, сложена в лапу из бруса, на который опирался горбыль. Последний имел ширину 27–30 см и толщину 7–10 см. Южная стенка сруба сделана из двух горбылей, опиравшихся на брус; северная — из трех широких горбылей, покоившихся на брус; западная — из широкого горбыля или доски, которая немного сползала по трем венцам толстого бруса, создавая впечатление двуслойности сооружения; восточная — из широких и толстых досок в два ряда и в два слоя, причем один слой сполз по брус, уложенному в два венца, на который доски опирались, а второй слой ушел за брус к стенке ямы (рис. 10, 3, 4). Возможно, что доски из горбыля были преднамеренно положены перед брусом, как бы обшивая его с внутренней стороны. Под перекрытием погребальной камеры в центре была уложена дополнительная деревянная лага.

В западную стенку сруба во второй от пола венец бруса был воткнут бронзовый колчаный крюк, закрытый сверху досками (рис. 10, 1; 11, 35). Под ним на полу сруба обнаружены остатки колчана с 17 бронзовыми наконечниками стрел (рис. 11, 1–17), а также фрагменты деревянного лука, остатки портупейного ремня с 15 бронзовыми обоймами (рис. 11, 18–22, 26–34) и ворворкой. Обоймы представлены четырьмя типами: литыми сегментовидными (6 экз.), кольцеобразными, диаметром 0,8–1,2 см (3 экз.), кованными согнутыми из пластины (3 экз., одна из них частично утрачена).

Под перекрытием погребальной камеры находились разрозненные человеческие кости, которые в основном концентрировались в южном секторе сруба. Ближе к его западной стенке

располагались черепа, причем два из них находились в ЮЗ углу. Около южной стенки на полу уложено несколько плоских плит, на которых обнаружен *in situ* практически целый скелет подростка, похороненного в скорченном положении на левом боку, головой на З (скелет 4). У южной стенки выявлено скопление костей очень плохой сохранности, а также остатки ткани, бронзовых и железных предметов. Под южной стенкой сруба находилось бронзовое медалевидное зеркало (рис. 11, 3б) в кожаном чехле — наиболее интересный предмет этого комплекса. На ручке зеркала с одной стороны выгравирована симметрично развернутая протома кабана, а на противоположной — фигура этого животного. Изображения выполнены тонкой гравировкой с проработкой

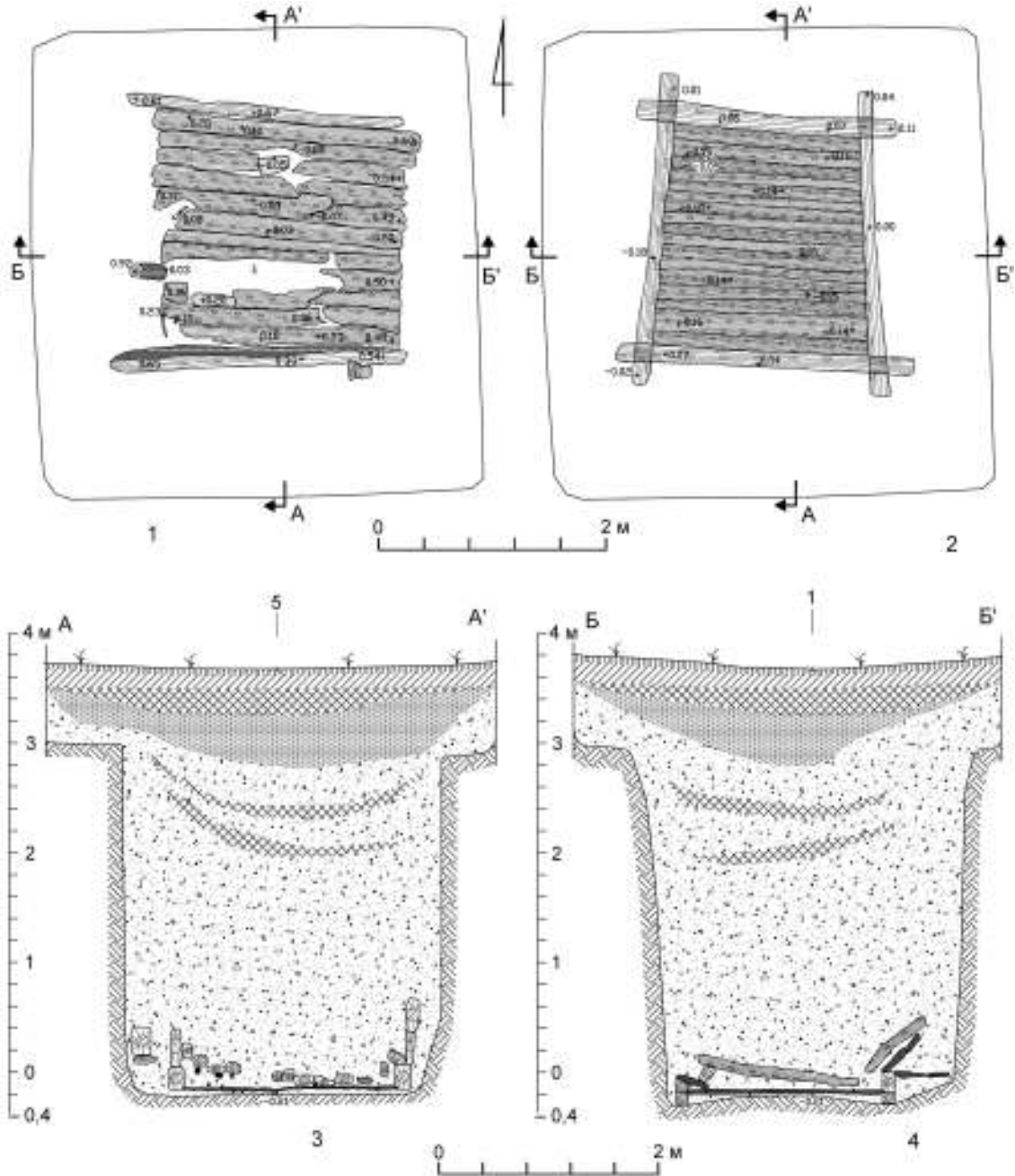

Рис. 10. Могильник Саускен 3, объект № 5: 1 — остатки перекрытия сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез А-А'; 4 — разрез Б-Б'

Fig. 10. Sausken 3 cemetery, feature No. 5: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile А-А'; 4 — profile Б-Б'

S-видными линиями наиболее характерных для скифского звериного стиля деталей (бедро, плечи, линии живота, глаза, уши, скулы и т. д.). Спина кабана также передана плавным контуром, в данном случае predetermined изгибом ручки зеркала, медалевидная форма которого характерна для уюкско-саглынской культуры.

Пол погребальной камеры, составленный из 10 тонких досок шириной около 0,2 м, был наслан в том же направлении, что и перекрытие. В СЗ углу сруба зафиксированы фрагменты деревянного сосуда. Среди останков обнаружены еще две бронзовые пронизки и две бронзовые нашивки, а также фрагменты золотых украшений — конусовидной подвески, цепочки от серьги и нашивной фигурной пластинки (рис. 11, 23–25), остатки кожаного предмета, фрагмент дерева с кожей (возможно, от ножен), остатки железного предмета с бронзовыми пронизками.

В могиле обнаружены останки четырех человек. *Скелет 1*, от которого сохранилось очень мало костей, принадлежал женщине, длина ее бедренной кости составляет 46,5 см. *Скелет 2*, также плохо сохранившийся, принадлежал, судя по нижней челюсти, женщине 40–45 л. Ее останки включают переломанные длинные кости, фрагменты таза, осколки черепной коробки, причем лицевой скелет и основание черепа отсутствуют. Длина бедренной кости достигает примерно 45 см. Часть зубов была утрачена еще до смерти, оставшиеся зубы не стерты. *Скелет 3* представлен

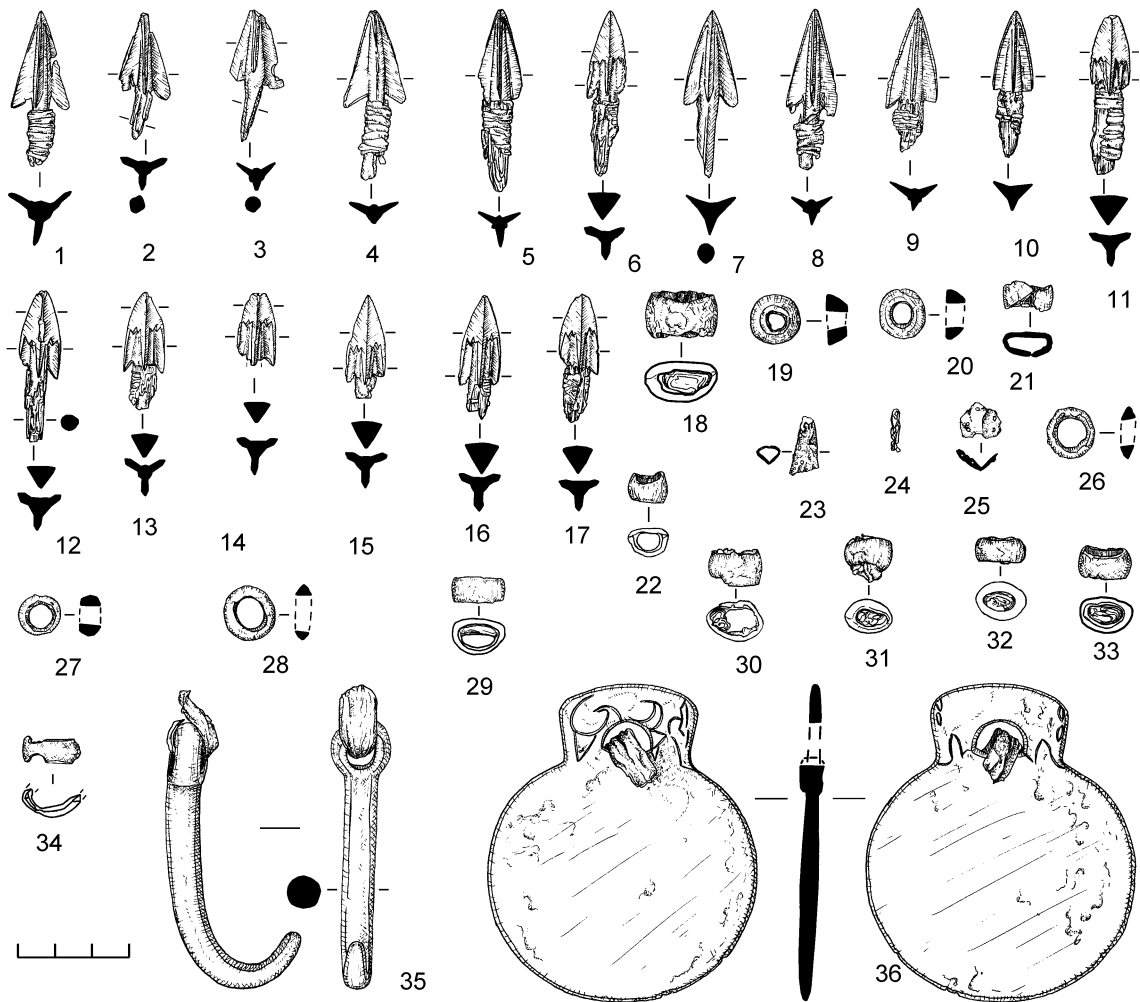

Рис. 11. Могильник Саускен 3, объект № 5, погребальный инвентарь: 1–17 — наконечники стрел; 18–22, 26–34 — обоймы для пояса и портупей; 23, 25 — нашивки; 24 — серьга; 35 — колчаный крюк; 36 — зеркало (23–25 — золото; остальное — бронза)

Fig. 11. Sausken 3 cemetery, feature No. 5, burial goods: 1–17 — arrowheads; 18–22, 26–34 — belt loops; 23, 25 — sewed-on items; 24 — earring; 35 — quiver hanger; 36 — mirror (23–25 — gold; the other — bronze)

осколками черепа и сломанными длинными костями, причем длина бедренной кости равняется приблизительно 45 см. Пол и возраст индивида не определяются. Череп *скелета 4* раздроблен, окончания длинных костей не приросшие, кости таза несросшиеся, как и кости черепной коробки, длина бедренной кости составляет 35 см. Судя по крестцу и фрагментам таза, останки принадлежали подростку мужского пола.

Объект № 6 (рис. 4; 12; 13) имел могильную яму размерами 4,2 × 4 м (без уступа 3,2 × 3,1 м) при глубине 3,4 м. По ее краю сделана выкладка из плоских плит. Могила имела уступ высотой 1 м. В заполнении ямы на разных уровнях обнаружены каменные плиты. Заполнение ямы состояло из темноватой супеси с небольшим количеством камней.

Вне сруба около его северной стенки была вертикально вкопана выдолбленная из ствола лиственницы колода без крышки (размерами 1 × 0,4 м), повернутая лицевой частью к погребальной камере. У восточной стенки ямы на перекрытии сруба лежал камень длиной около 0,8 м. Возможно, он был установлен вертикально и использовался в качестве коновязи. Перекрытие сруба, выполненное из 11 массивных бревен, уложено по линии 3–В. В его СВ части выявлен небольшой проруб, а в восточной — длинные кости ног человека (рис. 12, 1).

Сруб сложен «в лапу» из крупного бруса. С южной и северной сторон он имел 3 венца, с западной — 2, с восточной — 4, причем 2 из них стояли, а 2 других лежали по обе стороны от стенки сруба (рис. 12, 3–5). С востока и запада наружная часть венцов погребальной камеры покрыта толстыми и широкими досками из горбыля — по 2 с каждой стороны. Доски сползли к центру сруба. Вероятно, погребальная камера была изнутри обшита досками. Площадь сруба составляла 3,2 × 3,1 м. В западной стене погребальной камеры в ее верхний венец за досками был воткнут бронзовый колчаный крюк (рис. 13, 15). Под ним около самой стенки обнаружены остатки кожаного пояса с двумя обоями и пуговицей (рис. 13, 13, 16, 18–19). Рядом выявлена костяная ворворка с декоративным резным пояском на ее сужающейся части (рис. 13, 11) и костяная коническая ярусная подвеска (рис. 13, 12). У западной стенки зафиксированы бусины из зеленого камня, причем пять из них имели круглую, уплощенную форму с асимметрично расположенными биконическими отверстиями, а пять других — плоскую прямоугольную форму с отверстиями, просверленными наклонно от края плоской поверхности в торец (рис. 13, 1–10). По определению геолога В. И. Кудрявцева, бусины сделаны из хризопраза. Бусины были, видимо, нашиты на какую-то основу или скреплены тонкой ниткой. Расположение рядом с остатками портупей позволяет предположить их принадлежность к поясному набору.

Пол сруба, состоявший из 12 досок, уложен по линии С–В (рис. 12, 2). На полу погребальной камеры расчищен развал костей, которые расслаивались и рассыпались в тлен. В СЗ углу сруба лежал раздавленный череп, за которым находился камень. В центре погребальной камеры обнаружен второй раздавленный череп. На полу сруба найдены костяная подвеска (рис. 13, 12), остатки чехла от бронзового предмета, овальная костяная обойма (рис. 13, 14), костяная ворворка (рис. 13, 11), бронзовые обоймы (рис. 13, 20–22), золотая нашивка (рис. 13, 17), остатки деревянных ножен. У восточной стенки погребальной камеры выявлены каменные бусины с отверстиями (рис. 13, 1–10).

В этом кургане были похоронены два человека. Имевший очень плохую сохранность *скелет 1* принадлежал мужчине 45–50 л. Его останки включают толстые с мощными напыльями, сильно искривленные длинные кости, свидетельствующие о развитой мускулатуре индивида, причем длина бедренной кости составляет 42 см, массивную нижнюю челюсть, а также фрагменты черепной коробки, в том числе лобную кость. Лицевой скелет характеризуется выдающимися вперед надбровными дугами, массивным подбородком и прогнатными челюстями. Зубы в нижней челюсти сильно стерты. *Скелет 2* принадлежал подростку примерно 10 л. Сохранились сильно кальцинированные фрагменты его черепной коробки, а также фрагменты верхней и нижней челюстей. Искривленные и напозающие друг на друга зубы находились на стадии роста. Кости черепа и таза индивида несросшиеся, окончания длинных костей не приросшие. Длина берцовой кости ребенка составляет 33 см.

Объекты № 7 и 8 находились к востоку от цепочки курганов № 2–6 и располагались на расстоянии 2 м друг от друга, образуя линию, вытянутую по направлению ССЗ–ЮЮВ. Площадь раскопа вокруг объекта № 7 составила 40 м², вокруг объекта № 8 — 50 м². Оба кургана были обнаружены благодаря небольшому провалу почвы глубиной 5 см.

Объект № 7 (рис. 14; 15, 1–10, 13) имел могильную яму размерами 4,3×4 м (без уступа 3×3 м) при глубине 1,7 м. В яме, ориентированной углами по сторонам света, имелся уступ высотой 0,6 м (рис. 14, 3, 4). В заполнении могилы встречена древесная труха, фрагменты керамики темного цвета с каннелюрами по горлу, бронзовые обойма и заклепка, а также кости животных. В яме находился сруб плохой сохранности, сложенный из бревен в лапу в три венца с ЮЗ и СВ и в два венца — с СЗ и ЮВ. Вне погребальной камеры вдоль ее ЮВ стенки лежала жердь. Перекрытие сруба сложено из 10 крупных бревен, размещенных в два наката по линии СВ–ЮЗ (рис. 14, 1). В восточном углу ямы на перекрытии погребальной камеры находилось скопление человеческих костей, под перекрытием выявлен развал костей и фрагменты такой же керамики, как и в заполнении могилы. В центре перекрытия погребальной камеры сделан пролом, в котором встречены

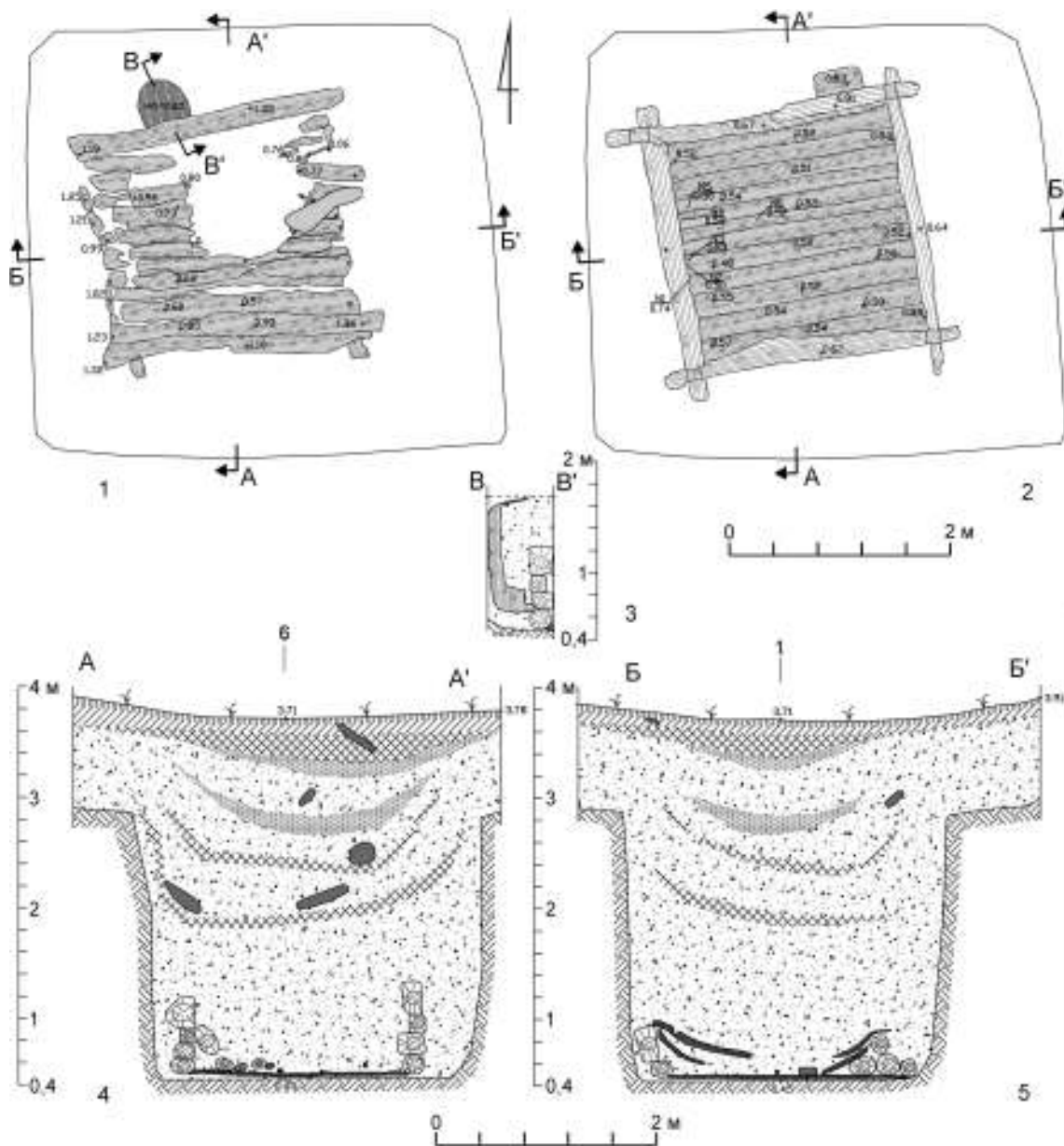

Рис. 12. Могильник Саускен 3, объект № 6: 1 — остатки перекрытия сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез В–В'; 4 — разрез А–А'; 5 — разрез Б–Б'

Fig. 12. Sausken 3 cemetery, feature No. 6: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile B–B'; 4 — profile A–A'; 5 — profile B–B'

крупные камни. Пол погребальной камеры, состоявший из 19 плах, был уложен по линии ЮВ–СЗ. В бревнах сруба сделаны отверстия, с помощью которых очищенные стволы деревьев транспортировали к месту сооружения погребальной камеры.

В кургане № 7 похоронено пять человек. На полу сруба у его СВ стенки на правом боку, головой на СЗ лежал хорошо сохранившийся, почти не потревоженный *скелет 1* (женщина около 40 л.).

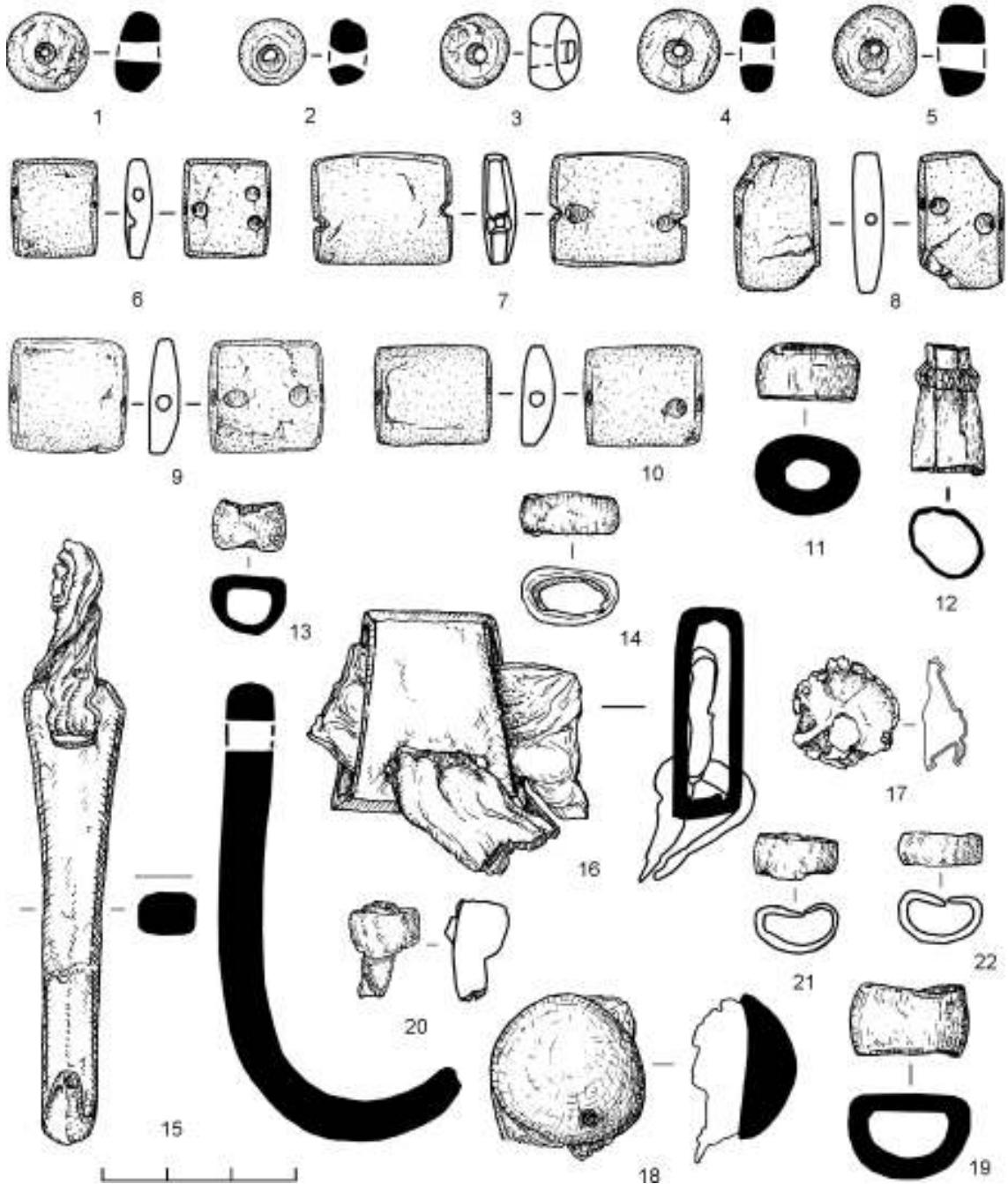

Рис. 13. Могильник Саускен 3, объект № 6, погребальный инвентарь: 1–10 — бусины; 11 — ворворка; 12 — подвеска; 13–14, 19–22 — обоймы; 15 — колчаный крюк; 16 — остатки кожаного пояса; 17 — нашивка; 18 — пуговица (1–10 — зеленый камень; 11–12, 14 — кость; 13, 15–16, 18–22 — бронза; 17 — золото)

Fig. 13. Sausken 3 cemetery, feature No. 6, burial goods: 1–10 — beads; 11 — pendant; 12 — varvarka (pendant); 13–14, 19–22 — loops; 15 — quiver hanger; 16 — remains of a leather belt; 17 — sewed-on object; 18 — button (1–10 — green stone; 11–12, 14 — bone; 13, 15–16, 18–22 — bronze; 17 — gold)

Значительные наплывы, обнаруженные на ее костях (в том числе на нижних позвонках), свидетельствуют о чрезвычайно развитой мускулатуре. Длина бедренной кости составляет 39 см. Череп характеризуется незаросшими швами, выступающей затылочной костью и выдающимся вперед надбровным валиком. Массивная нижняя челюсть представлена двумя фрагментами, причем часть зубов в ней отсутствует. Зубы верхней и нижней челюсти значительно стерты. Под телом женщины и ее головой, покоившейся на каменной подушке, прослежены следы органики. За каменной подушкой на площади 10×5 см обнаружены следы красного лака, который, по-видимому, украшал какой-то деревянный предмет. Ноги умершей были сильно скорчены, левая рука согнута и положена на пояс, правая, располагающаяся вдоль тела, перемещена. Около головы погребенной найдены остатки железных шпилек (рис. 15, 5), на поясе зафиксированы железные шило, нож и 31 аргиллитовая бусина (рис. 15, 1), а также две бронзовые пятикольчатые пряжки (рис. 15, 3, 4), костылевидная костяная подвеска (рис. 15, 2), три модели бронзовых котелков (рис. 15, 6–8), две костяные подвески (рис. 15, 9, 10), круглая железная пряжка и костяной игольник. В центре погребальной камеры находился развал керамики. Ближе к середине СЗ стенки сруба выявлены фрагменты сосуда плохой сохранности — дно и стенка без венчика (рис. 15, 13, 14).

Перемещенные части скелетов других умерших располагались на полу у ЮЗ стенки погребальной камеры, где *in situ* находились берцовые кости, а также вблизи середины ЮВ стенки, где выявлены кости стоп. Развал костей был расчищен и в центре сруба. Кости скелета 2 переломан-

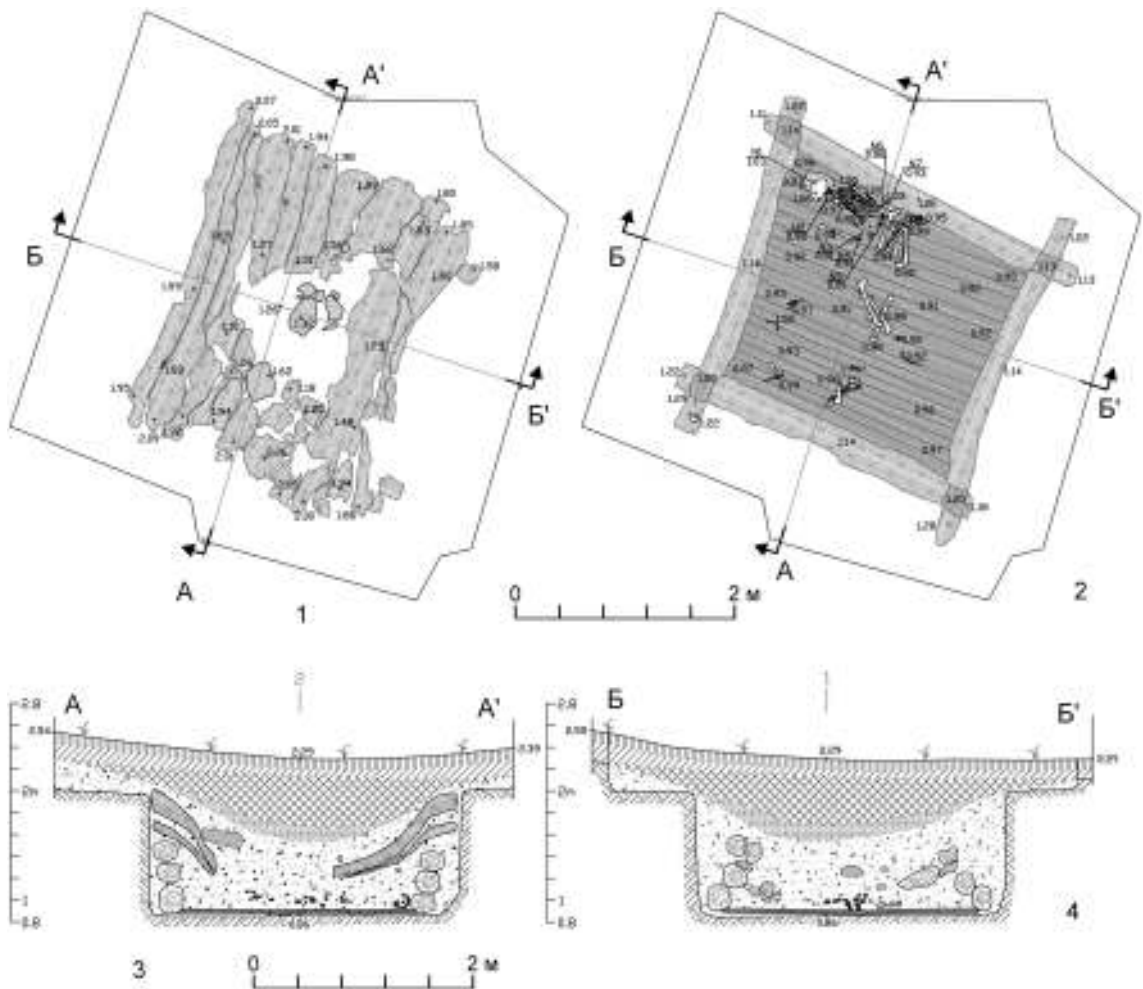

Рис. 14. Могильник Саускен 3, объект № 7: 1 — остатки перекрытия сруба, план; 2 — останки погребений на полу сруба, план; 3 — разрез А–А'; 4 — разрез Б–Б'

Fig. 14. Sausken 3 cemetery, feature No. 7: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile А–А'; 4 — profile Б–Б'

ны. Сохранились фрагменты его черепа и нижней челюсти, однако лицевой скелет отсутствовал. Позвонки и длинные кости имеют наплывы, причем длина бедренной кости составляет 46 см. Судя по костям таза, останки принадлежали женщине. *Скелет 3*, также предположительно женский, сохранился плохо. Переломанные небольшие длинные кости индивида отличаются грацильностью, причем длина бедренной кости составляет 40,5 см. Разрушенный череп, представленный лишь фрагментом лицевого скелета с лобной костью, характеризуется тонкой носовой костью, высоким лбом, сглаженными скулами, слегка прогнатными челюстями. Часть зубов стерта, другие выпали еще при жизни женщины. Крупные с наплывами кости *скелета 4*, свидетельствующие о развитой мускулатуре индивида, разбросаны по всему полу сруба; длина бедренной кости равняется 45 см. Череп с несросшимися швами разбит на множество фрагментов, часть из которых поддается восстановлению. Судя по обломку нижней челюсти и фрагменту тазовой кости, останки принадлежали мужчине до 20 л. Зубы на нижней челюсти стерты. Плохо сохранившийся *скелет 5* (ребенок 2–3 л.) представлен длинными костями, а также фрагментами таза, нижней челюсти и черепа.

Объект № 8 (рис. 15, 11–12; 16) характеризуется могильной ямой с уступом, достигавшим высоты 1,2 м. Могила была углами ориентирована по сторонам света, ее размеры по верху составляли 3,7×3,5 м, ниже уступа — 2,6×2,8 м, при глубине 1,9 м (рис. 16). В ее заполнении на разном уровне встречены камни, а в верхней части могилы на глубине 0,25 м обнаружен фрагмент бревна. При снятии дерна в кургане был найден обломок керамики.

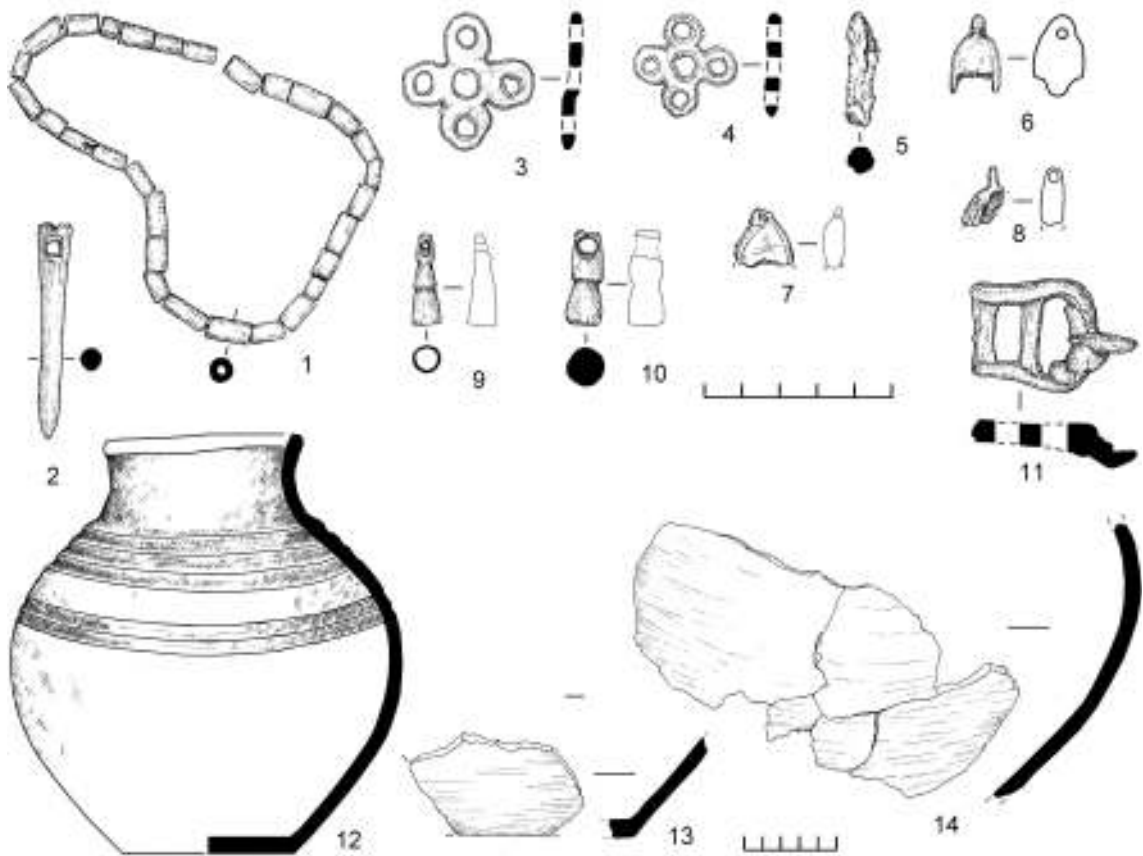

Рис. 15. Могильник Саускен 3, объекты № 7 (1–10, 13) и № 8 (11, 12), погребальный инвентарь: 1 — бусы; 2, 9, 10 — подвески; 3, 4 — пятикольчатые пряжки; 5 — шпилька; 6–8 — модели котелков; 11 — пряжка; 12 — орнаментированный глиняный сосуд из сруба; 13 — фрагменты керамики из сруба (1 — аргиллит; 2, 9–10 — кость; 3–4, 6–8, 11 — бронза; 5 — железо)

Fig. 15. Sausken 3 cemetery, features Nos. 7 (1–10, 13) and 8 (11, 12), burial goods: 1 — beads; 2, 9, 10 — pendants; 3, 4 — five-annulate buckles; 5 — hairpin; 6–8 — models of cauldrons; 11 — buckle; 12 — ornamented clay vessel from the timber structure; 13 — ceramic fragments from the timber structure (1 — argillite; 2, 9–10 — bone; 3, 4, 6–8, 11 — bronze; 5 — iron)

В яме был сооружен сруб размерами $2,5 \times 2,5$ м, сложенный из бревен в лапу в два венца с ЮВ и СЗ, и в три венца — с ЮЗ и СВ. Он ориентирован углами по сторонам света. Перекрытие погребальной камеры уложено в направлении СВ–ЮЗ (рис. 16, 1). Оно выполнено из 12 крупных бревен, лежащих вплотную друг к другу. В центре перекрытия выявлен пролом. В западном углу и вдоль ЮЗ стенки на перекрытии лежали разрозненные человеческие кости. Они были обнаружены и сразу же под перекрытием. Доски пола погребальной камеры (25 шт.) настланы по линии СЗ–ЮВ.

В кургане № 8 было похоронено 7 человек. Кости *скелета 1* (мужчина до 25 л.) найдены по всему полу сруба. Следует отметить, что длинные кости этого индивида имели несросшиеся окончания, а длина бедра составляла 39 см. Кости *скелета 2*, имеющие плохую сохранность, также встречены на разных участках пола погребальной камеры. Деформированный череп умершего, сохранившийся лишь частично, и его крестец отличаются несросшимися костями, длинные кости — неприсосшими окончаниями. Все эти факты указывают на то, что покойному было около 15 л. Судя по фрагментам таза и нижней челюсти, речь идет о юноше, малая берцовая кость которого искривлена, а длина бедра составляет 31 см. Кости разрушенного *скелета 3* хорошо сохранились, включая неповрежденный череп. Судя по сосцевидному отростку, нижней челюсти и тазовым костям останки принадлежали мужчине старше 60 л. Зубы частично выпали еще при его жизни, оставшиеся сильно стертые как в верх-

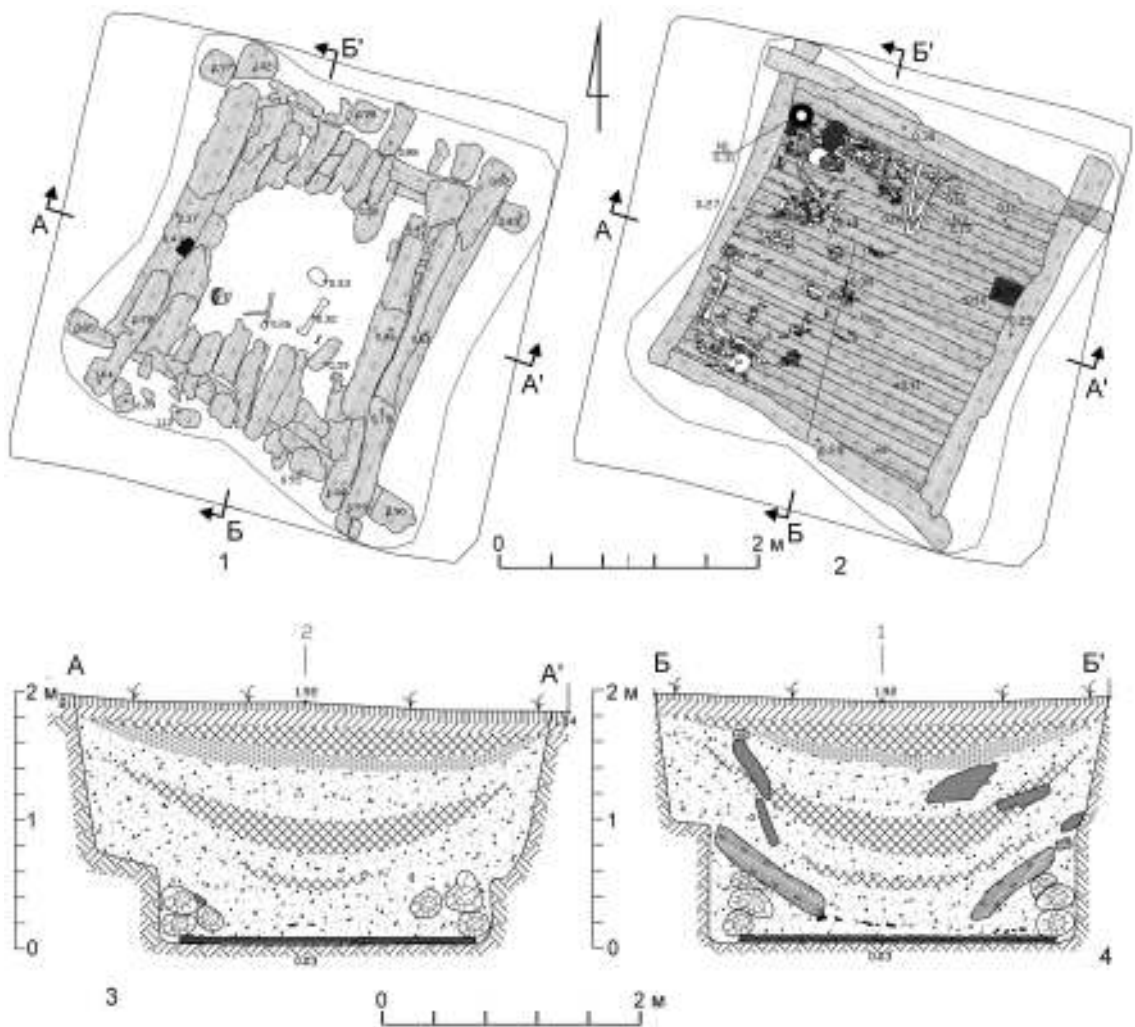

Рис. 16. Могильник Саускен 3, объект № 8: 1 — остатки перекрытия сруба; 2 — останки погребений на полу сруба; 3 — разрез А–А'; 4 — разрез Б–Б'

Fig. 16. Sausken 3 cemetery, feature No. 8: 1 — remains of the timber structure roof, plan; 2 — remains of burials on the floor of the timber structure, plan; 3 — profile А–А'; 4 — profile Б–Б'

ней, так и в нижней челюстях. На длинных костях, в особенности на плечевых и больших берцовых, фиксируются мощные костяные наплывы, свидетельствующие о чрезвычайно развитой мускулатуре. На одной из малых берцовых костей имеются необычные костные наросты. Правая бедренная кость, длиной 46 см, имеет необычный наплыв, возможно, след перелома. Позвонки также отличаются сильными наплывами, причем нижние позвонки, покрытые костяными наростами, сильно расплющены. Кости *скелета 4* (женщина 40–45 л.) в основном сосредоточены в одном из углов погребальной камеры и частично разбросаны по всему полу сруба. Хорошо сохранился череп индивида с прогнатной нижней челюстью. Зубы женщины частично стерты, длина бедренной кости достигает 39 см.

Вдоль СВ стенки погребальной камеры на правом боку *in situ* лежал имеющий хорошую сохранность *скелет 5*, причем его ноги были согнуты так, что пятки находились под тазом, правая рука вытянута, кисть согнута, левая рука согнута в локте и лежала на правой. Умерший ориентирован головой на З. Крупный череп индивида, под которым находилась каменная подушка, смещен. Судя по нижней челюсти и костям таза, этот скелет принадлежал мужчине 40–45 л. На лицевых костях выделяются мощные надбровные валики, развитая височная кость и прогнатные челюсти. На нижних позвонках скелета отсутствуют ярко выраженные наплывы, длина бедренной кости равняется 49 см. Зубы умершего находятся в отличном состоянии. Вдоль грудины покойного обнаружена черная органическая масса, возможно, являющаяся остатками одежды. Около таза лежала бронзовая пряжка с неподвижным язычком (рис. 15, 11), а вдоль левой бедренной кости — железный нож. В северном углу сруба стоял горшок, украшенный каннелюрами (рис. 15, 12). За головой скелета сохранились в сочленении кости ребенка, который лежал на левом боку, головой на С. В западном углу было скопление костей — череп и длинные кости ног. Большая часть костей *скелета 6* отсутствовала, некоторые, включая нижнюю челюсть, находились по всей площади пола погребальной камеры. Плечевая кость этого индивида, предположительно женщины до 25 л., имеет длину 29 см. Фрагмент бедренной кости данного скелета был встречен в верхнем слое могилы. Останки *скелета 7* также разбросаны по полу сруба, причем их большая часть отсутствует. Сохранилось несколько длинных костей, принадлежавших ребенку примерно 3–5 л.

Объект № 9 представлял собой ориентированную по линии З–В подпрямоугольную выкладку из уложенных плашмя плит средней величины. Для ее исследования был заложен раскоп площадью 17,5 м². Объект высотой 0,1 м был устроен на уровне древней дневной поверхности. Его заполнение включало дерн и темную гумусированную супесь, в которой встречены обожженные кости животных и угли. Во время раскопок выкладки инвентарь не обнаружен. В западной части выкладки найдено три красных прямоугольных камня. Скорее всего, этот объект являлся поминальным сооружением.

Анализ материалов и датировка могильника Саускен 3 (раскопки 2011 г.)

Срубы могильника Саускен 3 были разграблены неоднократно. В ограблении, вероятно, принимали участие носители кокзельской культуры. Это предположение обосновано находками темно-коричневой кокзельской керамики со следами лощения и арочным орнаментом (рис. 6, 4) под дерновым слоем в западинах над срубами. Кроме того, многочисленные раскопанные нами скифские курганы нередко содержат впускные погребения кокзельской культуры, представляющие собой овальные грунтовые ямы, в которых умершие лежат в вытянутом положении на спине или на боку, головой на СЗ в сопровождении железных предметов, находящихся в основном на поясе, и керамики, поставленной у головы. Активность кокзельского этноса, возникшего после распада империи сюнну, обусловлена его стремлением подчеркнуть свои исконные права на данную территорию. И все же, несмотря на ограбления кладбищ скифского времени, мы обладаем хотя и не полным, но интересным набором вещей из погребений этой эпохи.

В цепочке объектов (№ 3–6) рассматриваемого могильника в западную стенку каждого сруба был воткнут колчанный крюк. На полу погребальной камеры № 3 под крюком, воткнутым во второе бревно З–ЮЗ стенки, смещенное внутрь сруба, обнаружены остатки колчана, который, по видимому, висел на этом крюке. В колчане находились 19 костяных наконечников стрел (рис. 7, 1–19). Крюк является уникальным произведением скифского звериного стиля (рис. 7, 28; 17, 1). Отлитый из бронзы, он представляет собой, согласно терминологии А. Р. Канторовича, некий элемент «зооморф-

ных превращений». В данном случае изображено «вырастание» одного монстра (грифона) из пасти другого хищника (волк/собака или «барс») (Канторович 2002). Подобные «превращения» возникли на прародине скифов еще в эпоху бронзы. Достаточно обратиться к материалам могильника окуневской культуры Черновая VIII, где точно такой же сюжет представлен на костяном жезле, обнаруженном Г. А. Максименковым в кург. 8, мог. 21 (рис. 17, 3; Вадецкая и др. 1980: 114). Этот же несколько видоизмененный мотив можно увидеть среди луристанских бронз (рис. 17, 2; Lancaster 1952).

Также вероятно, что фрагмент кожаного ремешка (рис. 7, 26), на который были нанизаны 7 овальных обойм (4 бронзовые и 3 железные) и поясная пряжка в виде фигурки кабана из сруба № 3, являлись деталями колчанной портупей. На пряжке представлено профильное изображение животного (рис. 18, I, 1) с низко опущенной головой, причем «пятачок» на рыльце и копыта расположены на одной линии. На голове зверя показан загривок и овальное ухо. Глаз намечен овальным выступом.

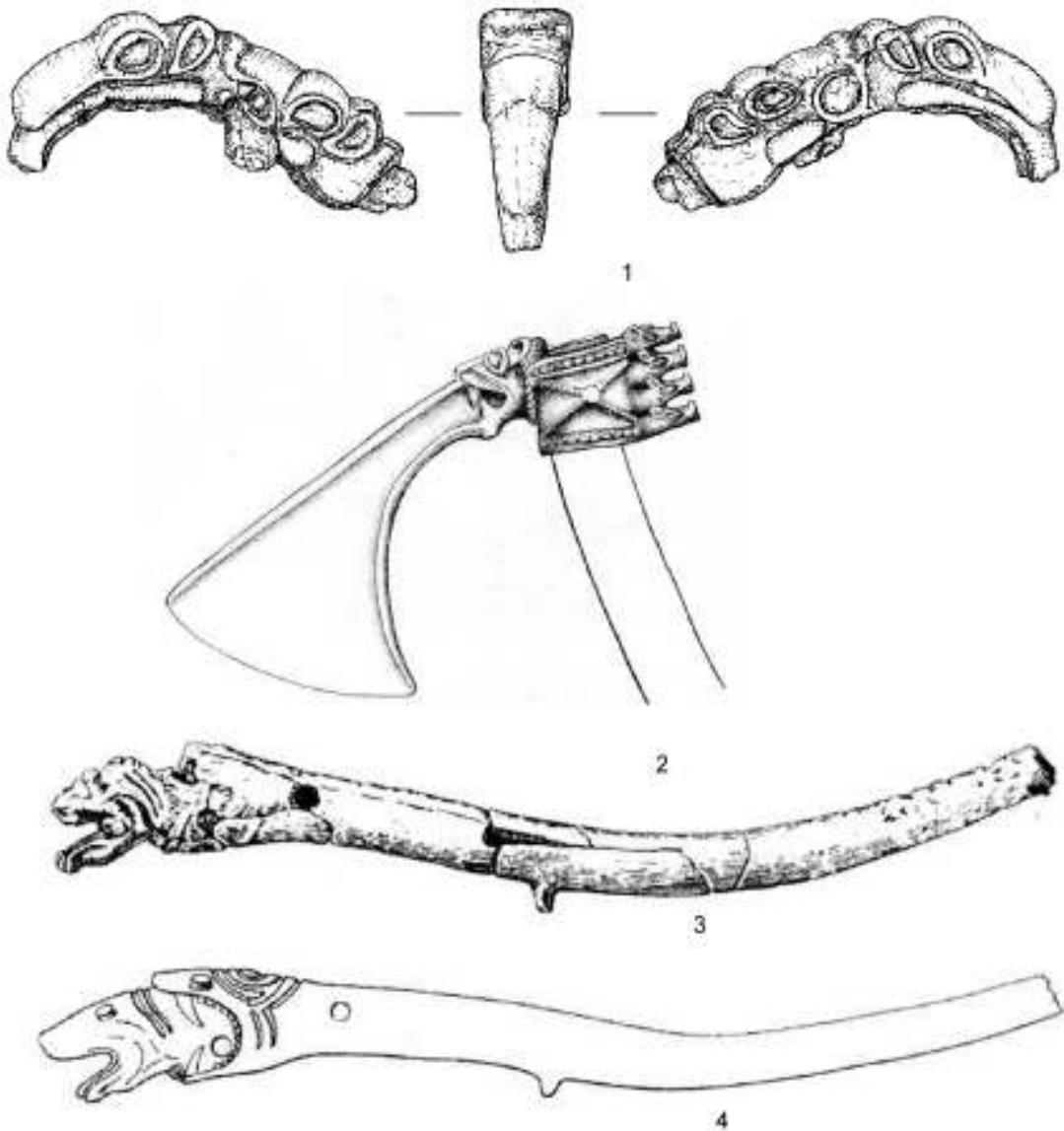

Рис. 17. Предметы с изображением сцены «зооморфного превращения»: 1 — бронзовый колчаный крюк, могильник Саускен 3, объект № 3; 2 — бронзовый топор, Луристан (по Lancaster 1952); 3 — костяной жезл, могильник Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 (по Вадецкая и др. 1980)

Fig. 17. Objects bearing the scene of «zoomorphic transformation»: 1 — bronze quiver hanger, Sausken 3 cemetery, feature No. 3; 2 — bronze axe, Luristan (after Lancaster 1952); 3 — bone rod, Chernovaya VIII cemetery, barrow 8, grave 21 (after Вадецкая и др. 1980)

Округло выгнутая спина кабана лишена столь характерной для изображений животных в скифском зверином стиле выемки, которая очерчивает бедро. Его передняя нога показана прямой, а задняя — с выделенным коленным суставом. Фигурка животного имеет небольшой приостренный хвостик. В целом для этого изображения характерно отсутствие излишней детализации. Оно отличается особой лаконичностью. Вертикальная петля припаяна с обратной стороны пряжки для ее крепления к ремню. Рассмотренная фигурка кабана находит близкие аналогии в материалах могильника Обские плёсы большереченской культуры (рис. 18, I, 2; Троицкая, Бородовский 1994: 89, рис. 19, 5).

Наконечники стрел из колчанного набора (рис. 7, 1–19) сохранились плохо. Некоторые из них представлены только фрагментами, у других отсутствует кончик острия, имеются и другие существенные утраты, поэтому типологическую принадлежность двух наконечников (рис. 7, 8, 13) определить невозможно. Большинство стрел (14 экз.) имеют клиновидный черешок с косыми насечками на плоских гранях, головку башневидной формы и треугольное сечение (рис. 7, 3–6, 9–12, 14–19). В 12 случаях одна из граней наконечника, обычно с пористой стороны, срезана под прямым углом для упора древка стрелы, у одного наконечника срезаны все три грани под острым углом к черешку (рис. 7, 16). Другие грани от треугольного верха головки спускаются вниз прямо или слегка изогнуто. В одном случае они слегка сужаются (рис. 7, 12). Два наконечника имели раздвоенный, зажимной насад (рис. 7, 1, 2). Зажимные и черешковые стрелы сосуществуют в Туве на протяжении всего скифского времени. В колчане находился также плоский двугранный наконечник, имеющий стреловидный вырез на плоских гранях (рис. 7, 7). Он необычен для Тувы. Аналогия ему обнаружена в материалах могильника Быстровка 1 в лесостепном Приобье (Троицкая, Бородовский 1994: табл. 32, 30).

Большой интерес представляют также найденные в срубе № 4 колчаный крюк, четыре бабочковидные бронзовые бляхи от портупейного набора и бляшка в виде фигурки лошади (рис. 9, 8–13). Массивный колчаный крюк длиной 7,5 см выполнен в виде стилизованной головы горного козла (рис. 9, 12; 18, II, 1). Воткнутый в стенку сруба крюк воспроизводит рог зверя, вырастающий из его головы, изображенной с выпуклыми круглыми глазами, из которых, как у аржано-майэмирских оленей, «вырастают» уши. Вытянутая морда козла имеет овальное сквозное отверстие, сквозь ко-

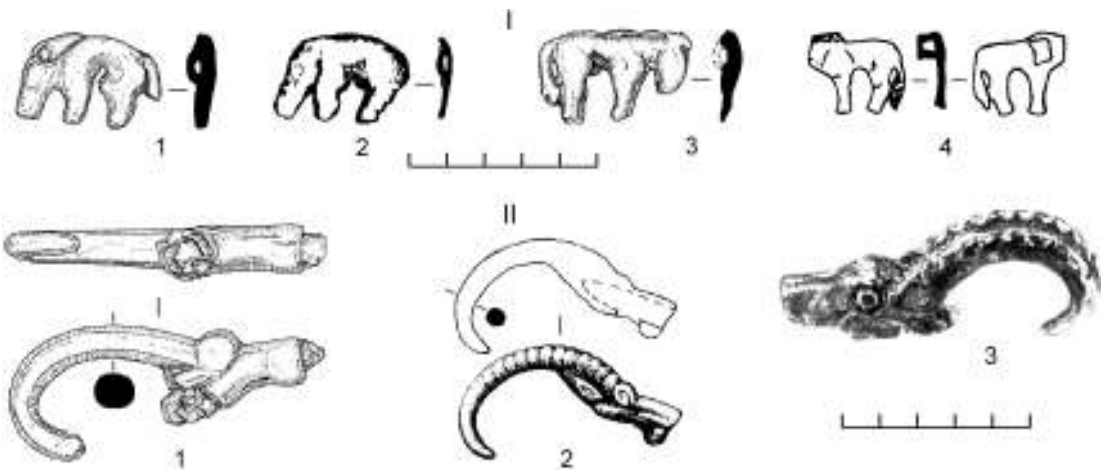

Рис. 18. I. Бронзовые поясные пряжки с изображением кабана (1, 2) и лошади (3, 4): 1 — могильник Саускен 3, объект № 3; 2 — могильник Обские плёсы (по Троицкая, Бородовский 1994); 3 — могильник Саускен 3, объект № 4; 4 — кург. 23 у с. Успенка, Тува, раскопки С. А. Теплоухова (по Полторацкая 1966). II. Бронзовые колчаные крюки в виде головы горного козла: 1 — могильник Саускен 3, объект № 4; 2 — могильник Кайнду, кург. 2, Горный Алтай (по Кирюшин, Степанова 2004); 3 — могильник Кокэль, кург. 48, Тува (по Вайнштейн 1974)

Fig. 18. I. Bronze belt buckles bearing wild boar (1, 2) and horse (3, 4) images: 1 — Sausken 3 cemetery, feature No. 3; 2 — Obskie plesy cemetery (after Троицкая, Бородовский 1994); 3 — Sausken 3 cemetery, feature No. 4; 4 — barrow 23 near the village of Uспенка, Tuva, S. A. Teploukhov's excavations (after Полторацкая 1966). II. Bronze quiver hangers in the form of a mountain goat head: 1 — Sausken 3 cemetery, feature No. 4; 2 — Kaindu cemetery, barrow 2, Gorny Altai (after Кирюшин, Степанова 2004); 3 — Kokel' cemetery, barrow 48, Tuva (after Вайнштейн 1974)

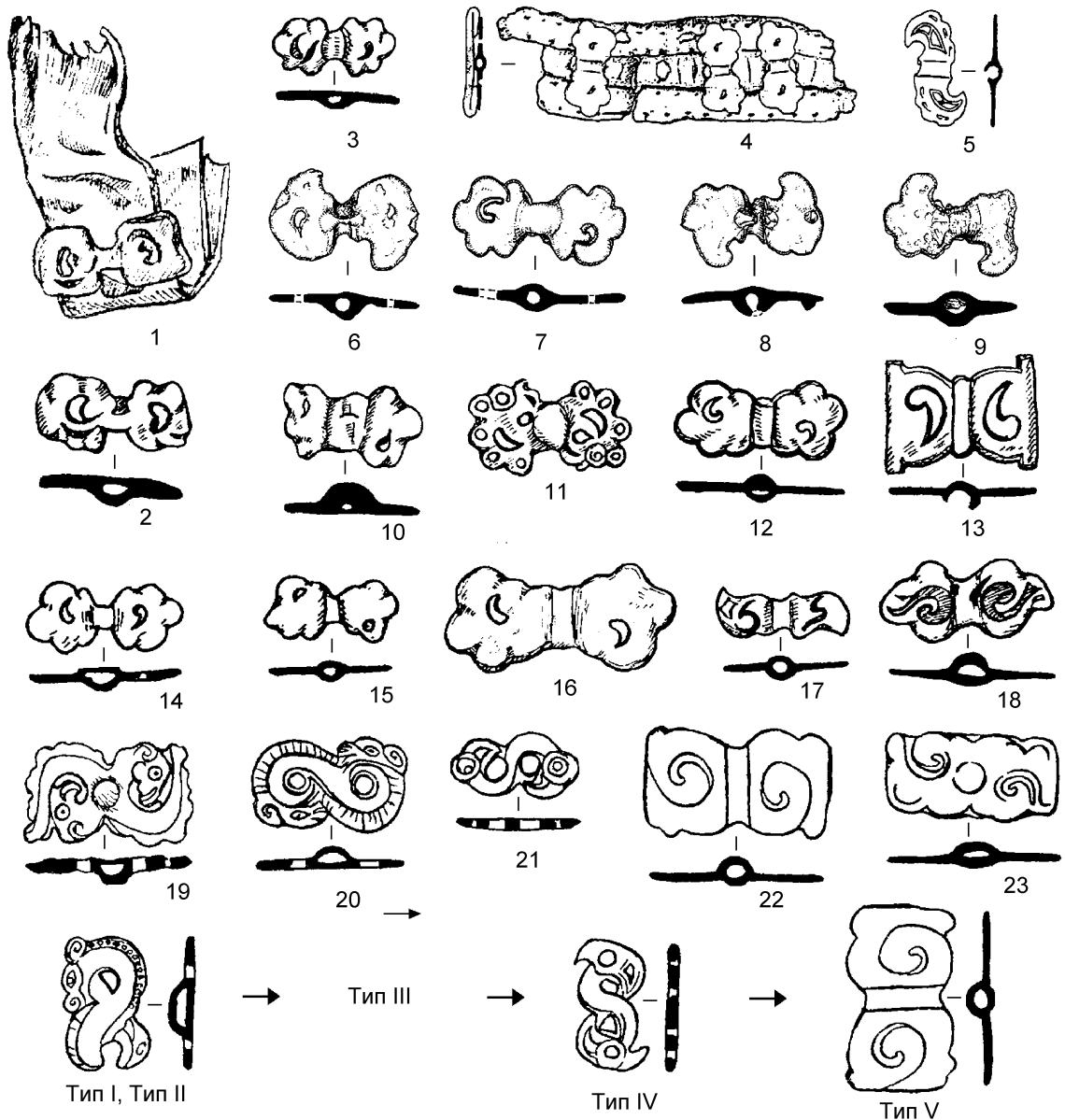

Рис. 19. Бронзовые бабочковидные бляшки-обоймы: 1, 2 — Холаш (по Семенов 19976); 3 — случайная находка у с. Туран (по Манай-оол 1970); 4, 5 — могильник Догээ-Баары (по Чугунов 2007); 6–9 — могильник Саускен 3, объект № 4; 10 — Кош-Пей (по Семенов 20106) (1–10 — Тува); 11–13 — большереченская культура, Сибирское Приобье (по Троицкая, Бородовский 1994); 14 — поселение Самусь 2, Западная Сибирь; 15 — Степановская коллекция (14, 15 — по Плетнева 1977); 16 — Минусинская котловина (по Завитухина 1983); 17, 18 — могильник в бухте Курла, оз. Байкал (по Шмыгун и др. 1981); 19–24 — Ордос, эволюция бабочковидных бляшек-обойм (по Psarras 1992)

Fig. 19. Bronze butterfly-shaped plaques-loops: 1, 2 — Kholash (after Семенов 19976); 3 — incidental find near the village of Turan (after Манай-оол 1970); 4, 5 — Dogee-Baary cemetery (after Чугунов 2007); 6–9 — Sausken 3 cemetery, feature No. 4; 10 — Kosh-Pei (after Семенов 20106) (1–10 — Tuva); 11–13 — Bolsherechensk culture, Siberian part of the Ob' region (after Троицкая, Бородовский 1994); 14 — Samus' 2 settlement, West Siberia; 15 — Stepanovo collection (14, 15 — after Плетнева 1977); 16 — Minusinsk depression (after Завитухина 1983); 17, 18 — cemetery at the Kurla Bay, Lake Baikal (after Шмыгун и др. 1981); 19–24 — Ordos, evolution of the butterfly-shaped plaques-loops (after Psarras 1992)

торое продернут ремешок для крепления колчана. Ближайшая аналогия происходит из кург. 48 могильника Кокэль (рис. 18, II, 3; Вайнштейн 1966: 160–164; 1974: рис. 12). На обнаруженном здесь крюке показаны пара рогов с характерными бугорками на поверхности, глаз, обозначенный кружком с точкой, и ухо, также воспроизведенное под рогом, но в некотором удалении от глаза. Образ зверя на этом крюке излишне детализирован по сравнению с лаконичной трактовкой саускенского изображения. Конструкция кург. 48 и его могилы по всем признакам соответствует погребальным памятникам уюкской культуры Тувы. Сопровождающий захоронения инвентарь также не выпадает из общей уюкско-саглынской традиции (по С. И. Вайнштейну — казылганской). Крюк из могильника Кокэль имеет меньшие размеры (длина примерно 5,2 см), чем находка из Саускена 3. Другая более отдаленная аналогия известна в Горном Алтае в могильнике Кайнду, кург. 2 (Кiryushin, Степанова 2004: 104–106, рис. 49, 4), в котором найден крюк в виде головы горного козла (рис. 18, II, 2). Стилистика этого изделия близка стилистике крюка из Кокэля, но изображение годовых колец на роге животного и расположение уха зверя на значительном расстоянии от его глаза, выполненного в форме «запятой», отличается от художественной манеры тувинских изделий.

Фигурка лошади из сруба № 4 (рис. 9, 13; 18, I, 3), предположительно деталь поясного или портупейного набора, как и описанное выше изображение кабана, отличается лаконичностью воспроизведения. Показаны прямая спина, длинный хвост с утолщением на конце, прямые ноги, опущенная вниз морда и маленькое приостренное ухо. Голень и бедро животного слегка намечены. Петля на обратной стороне фигурки, предназначенная для ее прикрепления к ремню, сломана. Подобное изделие обнаружено С. А. Теплоуховым у с. Успенка (Тува) в основной могиле кург. 23 (рис. 18, 4; Полторацкая 1966), однако у этого изображения отсутствует голова, поэтому оно не может являться полной аналогией саускенской находке.

Такие простые поделки могли производиться в местных мастерских, так же как и бабочковидные или бантообразные (Троицкая, Бородовский 1994: 88) бляшки-обоймы, различающиеся мелкими деталями, в том числе и втулками для продергивания ремешков, что свидетельствует об их изготовлении в разных формах (рис. 9, 8–11; 19, 6–9). Ареал бляшек-обойм широк: от Верхнего Приобья до Ордоса (рис. 19, 3, 5, 10–18; Семенов 1997б: 19–20, рис. 23–26). При раскопках могильника Холаш в Монгун-Тайге (Там же: рис. 26) такое изделие было найдено *in situ*, притороченным к кожаному поясу (рис. 19, 1, 2). Керамические сосуды саглынской культуры, поставленные в погребение (каменный ящик), позволяют датировать его не ранее V–IV вв. до н. э. Подобные бляшки-обоймы, прикрепленные при помощи дополнительного ремешка к кожаному поясу, были обнаружены в могильнике Догээ-Баары, кург. 17 (рис. 19, 4; Чугунов 2007: 131, ил. 13, 1).

В Ордосе этот тип поясных украшений появляется в период «Весен и Осеней» и существует вплоть до эпохи «Сражающихся царств» (рис. 19, 19–23; Psarras 1992). В Туве наблюдается та же ситуация. Самые ранние бляшки-обоймы с головами грифонов выявлены на алды-бельском могильнике Сыпучий Яр (Семенов 1997а), самые поздние — в Холаше (Семенов 1997б: 19–20). Наибольшее их число зафиксировано в курганах уюкской культуры — Кош-Пей I, кург. 1 и 2 (Семенов 2010а), которые датируются по ^{14}C $2579 \pm 35 \text{ BP}$ (Le-5399). Калиброванные значения этой даты укладываются в VIII — первую половину VI вв. до н. э. В соответствии с перекрестным датированием на основании хронологических индикаторов кург. 1 и 2 могильника Кош-Пей I сооружены, скорее всего, на рубеже VI–V вв. до н. э. (Semenov 2000). Раскопанный впоследствии на этом же могильнике уюкский кург. 3, в котором бабочковидные бляшки не обнаружены, на основании других признаков и по ^{14}C датируется V в. до н. э. (Семенов 2010б), так же как и курганы могильника Саускен 3. В этом случае можно предположить, что кош-пейские курганы в Уюкской котловине оставлены племенной знатью, тогда как в долине р. Ээрбек по другую сторону Уюкского хребта обитали рядовые члены социума, сохранявшего во многом традиции своих предшественников или предков — носителей алды-бельской культуры. Несомненно, что С. А. Теплоухов раскопал такие же курганы в долине р. Туран, которая отделена от долины Уюка невысоким хребтом.

Бабочковидные поясные бляшки-обоймы были, по-видимому, престижными вещами или амулетами. Они встречены и в могильнике, раскопанном А. М. Мандельштамом у с. Малиновка в верховьях Уюка, и в могильнике Бегреда, исследованном Е. Л. Кирилловым и К. С. Лагоцким. Находки из этих двух памятников не опубликованы. Бабочковидные бляшки-обоймы известны также в Забайкалье, Монголии и на юге Сибири, что неудивительно, так как эти изделия

распространяются из северных провинций Китая вплоть до Верхнего Приобья и среднего течения р. Томь (рис. 19).

В западную стенку сруба № 5 также был воткнут гладкий, литой, с кольцевидным отверстием бронзовый крюк для подвешивания колчана (рис. 11, 35). На полу погребальной камеры лежали остатки кожаного колчана, в котором находились 17 бронзовых черешковых наконечников стрел с деревянными древками (рис. 11, 1–17). У некоторых наконечников насад не сохранился, у большинства экземпляров он частично утрачен. Судя по ряду стрел, длина черешка равна или немногим уступает высоте головки наконечника. Девять экземпляров из колчанного набора представлены трехлопастными стрелами с нервюрой между лопастями, 8 экз. — трехгранно-трехлопастные наконечниками со сводчатой головкой и фигурным трехзубчатым вырезом у основания граней. Длина черешка, не превышающая величины боевой части стрелы, является устойчивым признаком для наконечников ранней стадии уюкско-саглынской культуры на правом берегу Улуг-Хема.

В срубе № 6 найден простой бронзовый колчаный крюк, также воткнутый в западную стену (рис. 13, 15). Под ним на полу погребальной камеры лежали остатки колчанной портупей без наконечников стрел. У западной стенки сруба находились каменные бусины (рис. 13, 1–10). Ближайшие аналогии им происходят из могильника Догээ-Баары 2, кург. 17 (Чугунов 2007: 136, ил. 16, 10). Подобные украшения были найдены также в могильнике Куйлуг-Хем 1, кург. 22 (Грач 1980: рис. 84, 4) и в центральном погребении кургана Аржан-1, где они были определены как бирюзовые (Грязнов 1980: 20, рис. 10, 2). Прямоугольные бусы из зеленого камня встречаются в скифских погребениях Алтая (Кирюшин, Степанова 1999), в материалах которых мы находим и другие аналогии предметам из Саускена 3.

Вещи из объектов № 3–6 находят самые полные соответствия в уюкско-саглыньских курганах могильника Догээ-Баары, который расположен около Кызыла на правом берегу Бий-Хема и который с 1990 г. исследует Центрально-Азиатская экспедиция ГЭ под руководством К. В. Чугунова (Чугунов 1996; 2007). Впрочем, при всем сходстве комплексов инвентаря этих памятников прослеживаются различия их наземных конструкций и устройства погребальных камер. Курганы Догээ-Баары имели над могилой и окружающим ее пространством каменно-земляное сооружение, ограниченное оградой из блоков или плит, кроме того, с внешней стороны ограды часто был вырыт ровик с проходами по центральной оси основного погребения. Центральная могила перекрыта на уровне горизонта деревянным накатом из стволов деревьев для поддержания, по мнению К. В. Чугунова, надмогильного сооружения, которое он реконструирует как цилиндрическую каменную башню (Чугунов 2007: 123). Вокруг центрального захоронения размещены сопроводительные детские погребения в каменных ящиках и срубах. Наземное сооружение Саускена 3 представляло собой каменную выкладку, устроенную вокруг могилы и не перекрывающую ее. Сопроводительные захоронения отсутствуют. Общим признаком для обоих названных могильников являются размещенные по краям наземного сооружения треугольные фигуры, составленные из вкопанных ребром в землю трех небольших плиток или галек.

Установленные в могильных ямах глубиной до 3 м погребальные камеры (срубы) двух рассматриваемых кладбищ имеют небольшие отличия. В Саускене 3 все погребальные камеры, возведенные из бревен, бруса и горбыля в лапу с остатком, ориентированы сторонами по странам света. Количество венцов сруба различно, причем его северная стенка выше остальных. Три бревенчатые стенки погребальной камеры № 3 сложены из двух бревен, а четвертая (северная) — из трех. Северная стена сруба № 4 состоит из пяти бревен, тогда как остальные стенки этой погребальной камеры — из четырех. Срубы № 5 и 6 имели сложную двухслойную конструкцию. Внешний сруб из горбылей в два венца (в северной стенке — три венца) был обшит широкими досками. Перекрытие погребальных камер сделано из бревен, положенных в один слой по линии 3–В, причем в срубе № 5 под перекрытием зафиксирована дополнительная поддерживающая лага. Пол погребальных камер, выполненный из досок шириной 15–20 см, уложен в том же направлении. Срубы могильника Догээ-Баары, ориентированные углами по странам света, построены более высокими, их перекрытие сделано иногда в несколько накатов и покрыто слоем бересты. Особенностью уюкско-саглыньских погребальных памятников является наличие в могильных ямах за срубами вертикального столба, который служил символической коновязью. Деревянный

столб установлен за северной стенкой погребальной камеры № 5, а у восточной стенки сруба № 6 находился длинный камень, который также мог выполнять функцию коновязи. Аналогичные случаи зафиксированы на могильниках Догээ-Баары и Суглуг-Хем. Кроме того, за северной стеной погребальной камеры № 6 была вертикально установлена деревянная колода без крышки и остатков погребения.

Оба могильника сильно разграблены. По предположению К. В. Чугунова, некоторые погребения разорили еще до того, как могильные ямы были засыпаны (Чугунов 2007: 125). Так, в срубах № 3 и 4 перекрытие прорублено в центре, и грабители проникли внутрь погребальной камеры через это отверстие. В срубах № 5 и 6 перекрытие оставалось почти целым, и похитители должны были его разобрать, чтобы попасть в погребальную камеру, а после оставления сруба уложить вновь, что невозможно сделать при засыпанной могиле. В большинстве случаев ограбление носило, по-видимому, ритуальный характер, включающий разрушение захороненного тела и изъятие у покойного престижных вещей, главным образом оружия. Вторичное ограбление погребений могло происходить уже позже, в кокэльский период, о чем сказано выше.

В саускенских срубах отсутствует керамика (в могильнике Догээ-Баары она зафиксирована в двух случаях) и лишь в одном срубе обнаружены остатки деревянного сосуда (СЗ угол погребальной камеры № 5), тогда как в Догээ-Баары деревянная посуда является обязательной частью погребального инвентаря. В Саускене 3 не найдено оружия, однако набор наконечников стрел из кости и бронзы, за некоторыми исключениями, идентичен наконечникам могильника Догээ-Баары. Сходство имеют и найденные на этих кладбищах остатки кожаных поясов из широкой толстой кожи с подогнутыми и прошитыми краями. Такие пояса украшены бабочковидными обоймами, крепившимися с помощью дополнительного тонкого ремешка. Аналогичны на обоих памятниках и плоские обоймы с прорезью в нижней части, предназначенной для крепления портупейного ремня, на который подвешивали колчан.

Отличительной особенностью погребального обряда могильника Саускен 3 является наличие колчанного крюка, воткнутого в западную стенку сруба, и лежащих под ним остатков колчана или портупейного ремня. Эта деталь ритуала зафиксирована и в некоторых погребениях могильника Догээ-Баары, где на крюках подвешивали колчан или деревянную чашу. Данная традиция, характерная только для уюско-саглыньских памятников, рассмотрена К. В. Чугуновым (Чугунов 1996).

В целом сопоставление кург. № 3–6 могильника Саускен 3 с курганами могильника Догээ-Баары, эталонного памятника периода становления уюско-саглыньской культуры, когда еще прослеживаются традиции алды-бельской культуры, позволяет прийти к выводу о том, что материалы Саускена 3 относятся к уже сложившейся уюско-саглыньской культуре. Абсолютная датировка обоих памятников укладывается в V–IV вв. до н. э.

Два саглыньских сруба могильника Саускен 3 (№ 7 и 8), хотя и были сильно разграблены, тем не менее сохранили ценный датирующий инвентарь, близкие аналогии которому происходят из могильников Суглуг-Хем и Хайыракан (Семенов 2003). Оба сруба относятся к позднему озен-алабелигскому этапу саглыньской культуры. В это время в Центральной Азии доминировал новый кочевнический этнос — сюнну или хунну, империя которого простиралась от Ордоса до Восточного Туркестана. Поздние скифы Тувы, вероятно, являвшиеся усунями, какое-то время сосуществовали с сюнну (Семенов 2010б). Из сруба № 7 происходит низка цилиндрических аргиллитовых бус (рис. 15, 1), костылевидная костяная подвеска, две пятикольчатые бронзовые бляшки (рис. 15, 3, 4), 3 миниатюрных бронзовых котелка, подобные обнаруженным нами на могильнике Хайыракан на запястье погребенной женщины (рис. 15, 6–8). Такие предметы встречаются и в других памятниках этого времени в Туве. Миниатюрные котелки на ремешке вокруг запястья женщины, вероятно, служили оберегами, а костяные подвески — рудиментами более ранних колоколовидных подвесок, представлявших собою стилизованные изображения женского божества (Килуновская 1994: 115, 118, рис. 2, 8). В срубе № 8 найдена только бронзовая поясная пряжка с неподвижным шпеньком и прямоугольной рамкой. Подобные вещи характерны для могильников Суглуг-Хем 1 и 2, расположенных в соседней относительно Ээрбека долине р. Суглуг-Хем.

В срубах № 7 и 8 обнаружена керамика, типичная для поздней саглыньской культуры. В погребальной камере № 7 сохранились только дно и часть стенки неорнаментированного сосуда (диаметр тулова — около 25 см, диаметр дна — около 10 см, толщина стенок — 0,7 см). Поверхность

сосуда — красно-коричневого цвета, с темными подтеками, образовавшимися при обжиге. В срубе № 8 полностью сохранился светло-коричневый с темными подтеками сосуд — ваза с круглым туловом, плоским дном, высоким горлом и отогнутым венчиком (диаметр венчика — 10,5 см, диаметр тулова — 21,5 см, диаметр дна — 9,5 см, высота сосуда — 23 см, высота горла — 4 см, толщина стенок — 0,7 см). Плечики и верхняя часть тулова украшены горизонтальными налипными валиками. Такие сосуды, хорошо известные по керамике из Суглуг-Хема, относятся в соответствии с разработанной авторами типологии к варианту 3 третьего типа — тулово шаровидной формы, короткое горло, прямое дно, налипные валики на плечиках и тулове (Семенов 2003: 73–74, табл. X, 3). Данный тип характерен для посуды IV–II вв. до н. э. Тувы и Горного Алтая.

Сруб № 2 могильника Саускен 3 конструктивно несколько отличается от остальных. В этом кургане погребальная камера, ориентированная сторонами по странам света со смещением к ССЗ–ЮЮВ, находилась в неглубокой яме (2,4 м). Сруб сожгли в древности, причем костер из травы был разведен в центральной части на перекрытии погребальной камеры. Сруб сложен в два венца, его пол настлан перпендикулярно перекрытию. Последнее наблюдение позволяет соотнести данную погребальную камеру с захоронениями саглынской культуры, хотя доказать такую культурную атрибуцию невозможно, поскольку сгоревший сруб был разграблен и в нем не найдено керамики.

Саглынские погребения в срубках № 7 и 8 существенно отличаются от уюкских захоронений в срубках № 3–6. На эти отличия многие исследователи долгое время не обращали внимания и называли скифскую культуру V–II вв. до н. э. в Туве либо саглынской, либо уюкской. Последнее название механически распространяли и на более ранние памятники, включая алды-бельские курганы, а заодно и Аржан-1. После наших исследований 1980–1990-х гг. одним из авторов настоящей статьи был предложен термин «уюкско-саглынская культура» (Семенов 1992; 2003; 2008), который уже широко используется исследователями скифского времени Тувы. Этот термин указывает не на единство названных культур, а только на их соседство и недолгое сосуществование на определенной территории при сохранении ими своих традиций. Постепенно происходила взаимная аккумуляция саглынского и уюкского социумов, в результате которой удельный вес первой из названных общностей оказался доминирующим, особенно в переломный момент центрально-азиатской кочевнической истории — экспансии сюнну, затронувшей и Туву.

Для погребальных камер могильника Саускен 3 получена серия радиоуглеродных дат (рис. 20). Комбинированная дата сруба № 3 (вероятность — 95,4 %) укладывается в промежуток 680–500 гг. до н. э. Почти такой же временной диапазон дают образцы из сруба № 4. 90 % образцов

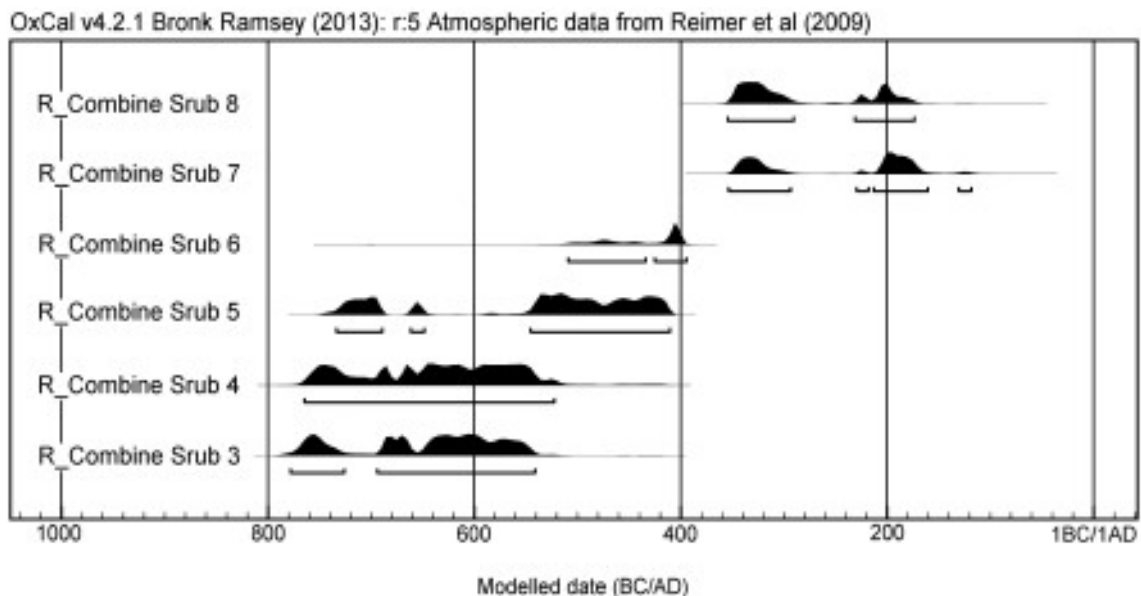

Рис. 20. Комбинированные радиоуглеродные даты могильника Саускен 3
 Fig. 20. Combine dates of Sausken 3 cemetery

из сруба № 5 позволили получить комбинированную дату в интервале 500–400 гг. до н. э. Лишь калиброванные даты сруба № 6 (вероятность — 80 %) укладываются в узкий интервал 410–395 гг. до н. э. Таким образом, абсолютные даты уюкско-саглыньских срубов могильника Саускен 3 относятся к широкому диапазону между VII в. до н. э. и началом IV в. до н. э. Однако по вещевому комплексу можно датировать эти памятники V–IV вв. до н. э. Более достоверные даты получены для саглыньских срубов № 7 и 8, хотя и в этом случае комбинированные даты указывают на два хронологических интервала: 340–290 и 210–160 гг. до н. э. Однако на основании сопоставления погребального инвентаря уже известных памятников с инвентарем, обнаруженным в этих срубах, их можно датировать концом III — началом II в. до н. э.

Такая же картина наблюдается и в приведенной ниже таблице. Представленные в ней даты свидетельствуют о том, что и уюкско-саглыньские срубы, и саглыньские погребальные камеры существовали в течение очень широких хронологических диапазонов, причем первые из них относятся к VIII–IV вв. до н. э., а вторые — к IV–I вв. до н. э.

Таблица

Радиоуглеродные датировки погребений на могильнике Саускен 3

№ п/п	Шифр лаборатории	Дата ВР	Дата ВС 2σ (95,4 %)	Материал	Курган (№ сруба)
1	Le-9658	2500 ± 25	775–538 (95,4 %)	дерево	сруб 3
2	Le-9572	2520 ± 30	793–718 (27,6 %); 695–540 (67,8 %)	дерево	сруб 3
3	Le-9566	2520 ± 30	789–538 (95,4 %)	дерево, пол	сруб 3
4	Le-9660	2490 ± 60	786–481 (85,6 %); 469–415 (9,8 %)	дерево, перекрытие	сруб 4
5	Le-9659	2470 ± 25	762–682 (30,3 %); 672–486 (59,1 %); 463–446 (2,0 %); 443–416 (4,0 %)	дерево, перекрытие	сруб 4
6	Le-9648	2430 ± 18	732–691 (14,1 %); 661–651 (2,3 %); 545–408 (79,0 %)	дерево, южная стенка	сруб 5
7	Le-9655	2370 ± 50	751–687 (11,0 %); 667–640 (3,2 %); 594–366 (81,1 %)	дерево, коновязь	сруб 5
8	Le-9663	2490 ± 35	780–503 (91,3 %); 493–488 (0,4 %); 462–449 (1,2 %); 444–417 (2,5 %)	дерево, перекрытие	сруб 5
9	Le-9567	2450 ± 30	753–685 (24,9 %); 668–632 (10,3 %); 626–611 (2,4 %); 597–410 (57,8 %)	дерево, стенка	сруб 5
10	Le-9647	2490 ± 35	511–434 (42,6 %); 429–394 (52,8 %)	дерево, колода	сруб 6
11	Le-9564	2380 ± 25	536–530 (0,7 %); 524–392 (94,7 %)	дерево, пол	сруб 6
12	Le-9654	2150 ± 30	356–286 (30,4 %); 253–250 (0,2 %); 234–91 (63,6 %); 72–60 (1,2 %)	дерево, перекрытие	сруб 7
13	Le-9650	2240 ± 35	392–342 (27,1 %); 326–240 (68,3 %)	дерево, пол	сруб 7
14	Le-9651	2120 ± 25	338–330 (1,3 %); 204–53 (94,1 %)	дерево, пол	сруб 7
15	Le-9653	2190 ± 20	361–272 (60,1 %); 264–186 (35,3 %)	дерево, пол	сруб 8
16	Le-9652	2145 ± 25	354–294 (23,8 %); 230–219 (1,7 %); 212–92 (69,9 %)	дерево, пол	сруб 8
17	Le-9565	2180 ± 30	366–166 (95,4 %)	дерево	сруб 8

Таким образом, исследованный в 2011 г. в долине р. Ээрбек могильник Саускен 3 относится к уюкско-саглыньской культуре скифского времени. Его материалы заполняют хронологическую лакуну на правобережном Енисее, где наиболее полно изучены археологические памятники Тувы. В течение нескольких десятилетий здесь проводили масштабные работы сотрудники Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством А. Д. Грача и С. Н. Астахова. В настоящее время раскопки древних памятников продолжают сотрудники Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН¹.

¹ Авторы выражают глубокую благодарность археологам Н. А. Лазаревской, Т. Р. Садыкову, А. А. Костылевой и А. В. Карамышеву, фотографу Т. А. Ершовой, реставратору Н. С. Курганову, антропологу А. В. Семенову, старейшему сотруднику экспедиции В. Н. Тамба и многим другим, без участия которых не была бы проведена столь обширная исследовательская работа.

- Вадецкая и др. 1980 — *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Вайнштейн 1966 — *Вайнштейн С. И.* Памятники казылганской культуры // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 143–184.
- Вайнштейн 1974 — *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 223 с.
- Грач 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 256 с.
- Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Завитухина 1983 — *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее (скифское время). Л.: Искусство, 1983. 193 с.
- Канторович 2002 — *Канторович А. Р.* Классификация и типология элементов зооморфных превращений в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во Донецкого НУ, 2002. С. 77–130.
- Килуновская 1994 — *Килуновская М. Е.* Произведения мелкой пластики скифского времени из Тувы // Проблемы археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 3. С. 109–123.
- Кирюшин, Степанова 1999 — *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1999. С. 66–70.
- Кирюшин, Степанова 2004 — *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха горного Алтая. Ч. 3. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2004. 292 с.
- Маннай-оол 1970 — *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время. Уюкская культура. М.: Наука, 1970. 118 с.
- Плетнева 1977 — *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1977. 142 с.
- Полторацкая 1966 — *Полторацкая В. Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 78–102.
- Семенов 1992 — *Семенов Вл. А.* Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТД республиканской науч. конф. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1992. Ч. 2. С. 63–65.
- Семенов 1997а — *Семенов Вл. А.* Могильник Сыпучий Яр — новый памятник алды-бельской культуры на правом берегу Улуг-Хема // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 31–33 (АИ. Вып. 42).
- Семенов 1997б — *Семенов Вл. А.* Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с. (АИ. Вып. 54).
- Семенов 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Семенов 2008 — *Семенов Вл. А.* Уюкско-саглынская культура // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 61–63.
- Семенов 2010а — *Семенов Вл. А.* Кош-Пейские курганы в тувинской долине царей (VI–V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии: Материалы конф., посвящ. 100-летию А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-Ол, 2010. С. 241–246.
- Семенов 2010б — *Семенов Вл. А.* Усуни на севере Центральной Азии // АЭАЕ. 2010. № 3 (43). С. 99–110.
- Троицкая, Бородовский 1994 — *Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Чугунов 1996 — *Чугунов К. В.* Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 69–80.
- Чугунов 2007 — *Чугунов К. В.* Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В.: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.
- Шмыгун и др. 1981 — *Шмыгун П. М., Сергеева Н. Ф., Лыхин Ю. П.* Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 46–50.
- Lancaster 1952 — *Lancaster C.* Luristan bronzes: Their style and symbolism // *Archaeology*. 1952. Vol. 5, no. 2. P. 94–99.
- Psarras 1992 — *Psarras S.-K.* Redating Xiongnu Culture // *The International Academic Conference of Archaeological cultures of the Northern Chinese ancient nations*. Huh-Hoto, 1992. 3. P. 1–24.
- Semenov 2000 — *Semenov V. A.* The chronology of the burial-mounds belonging to Kosh-Pei group in Tuva // *Radiocarbon and archeology*. St.-Petersburg: Tesa, 1999. Vol. 1, no. 1. P. 75–79.

Scythian period cemetery of Sausken 3 in the Eerbek river valley (Republic of Tyva)

M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov

The paper presents the materials of the Sausken 3 cemetery (fig. 1), which was studied by the Tuva Archaeological Expedition of IHMC RAS in 2011. As a result of the field works, 10 features were exposed: Nos. 1 and 1a (fig. 2) — eight-stone rings; Nos. 2–6 (fig. 3–13) — barrows with above-ground stone constructions and timber graves with multiple burials of the Ui culture under them (VI–IV cc. BC); Nos. 7 and 8 (fig. 14–16) — barrows without above-ground stone constructions, under the mounds of which were found timber graves with multiple burials of the Saglyn culture (III–II cc. BC), analogous to those studied by Vl. A. Semenov at the Suglug-Khem cemetery; No. 9 — cult rectangular stone border. Though all the timber graves of Sausken 3 had been robbed, they yielded 374 artifacts, including arrowheads of bone (fig. 7, 1–19) and bronze (fig. 11, 1–17); quiver hangers (fig. 7, 28; 9, 12; 11, 35; 13, 15), some of which are executed in the animal style; a bronze mirror (fig. 11, 36); belt plaques and buckles (fig. 7, 24, 25, 27; 9, 8–11, 13; 15, 3, 4, 11); ceramics (fig. 6; 15, 12–14); beads, and other objects, characteristic of the Scythian culture of the right-bank Tuva.

Планиграфия памятника как фактор анализа археологического материала (на примере погребальных памятников сюнну)

С. С. Миняев

Ключевые слова: сюнну, Центральная Азия, погребальная практика, планиграфия памятников.
Keywords: Xiongnu, Central Asia, funerary practice, spatial distribution patterns.

Планомерные работы по изучению захоронений азиатских гуннов (сюнну), проводимые в последние десятилетия Забайкальской экспедицией Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, позволили выявить новые, неизвестные ранее особенности погребальной практики сюнну. В первую очередь это относится к системе размещения захоронений на площади могильников (Миняев 1985; 1989). В свете новых данных трактовка особенностей их планиграфии приобретает особое значение для анализа сюннуского археологического комплекса. Рассмотрим эти особенности на примере исследованных нами погребальных памятников.

Обратимся к материалам практически полностью раскопанного **Дырестуйского могильника**. Осмотр памятника и составление его топографического плана выявили расположение погребений на нескольких участках (рис. 1). На современной дневной поверхности каждый участок выглядел как скопление разрушенных каменных кладок, расположенных в нескольких метрах друг от друга. Рядом с кладками зафиксированы останцы плотной почвы, западины и выступавшие из земли отдельные камни. Это наблюдение позволило предположить, что на кладбище, кроме курганов, могли находиться и другие объекты, не имевшие намогильных сооружений. Часть этих объектов просматривалась на современной дневной поверхности вследствие разрушения верхней части почвенного слоя, поэтому программа раскопок Дырестуйского могильника (1984–1996) предусматривала сплошное изучение его площади, вне зависимости от визуальных признаков захоронений. Проведенные исследования позволили выявить планиграфию памятника и получить принципиально новую информацию о погребальной практике сюнну (Миняев 1998).

Основная часть могильника, располагавшаяся на склоне левого берега в котловине выдувания в 500 м от уреза воды, была исследована сплошным раскопом площадью в 24 500 м². На этом пространстве было выделено не менее шести групп захоронений, удаленных друг от друга на расстояние нескольких метров или даже десятков метров. В целом анализ расположения погребений на площади, занимаемой группами могил, позволил установить ряд общих признаков:

- планиграфическим центром каждой группы является большой курган с каменной кладкой. Центральные курганы располагались в меридиональном направлении. Наиболее значительна по числу погребений северная группа, а ее центральный курган № 39 — наиболее крупный курган могильника и самый северный на памятнике;

- погребальные группы состоят из комплексов, образованных центральным курганом с намогильной каменной кладкой и расположенными рядом грунтовыми захоронениями без намогильного сооружения (эти грунтовые захоронения могли быть обнаружены только при сплошном вскрытии площади кладбища);

- внутримогильные сооружения в центральных захоронениях комплексов представляют собой в подавляющем большинстве случаев деревянный гроб или деревянную двойную камеру (гроб в срубе); эти деревянные конструкции обычно помещали в каменный ящик, иногда такой ящик имитировала обкладка камнями. В грунтовых погребениях внутримогильные сооружения представлены, как правило, гробами;

• размещение грунтовых захоронений относительно курганов образует устойчивые сочетания, повторяющиеся в разных группах, что дало возможность выделить несколько вариантов стандартных комплексов (курган и окружающие его грунтовые могилы) и наметить закономерности в планиграфии групп;

• для тех комплексов, где состояние материала позволяло провести антропологические определения, можно заключить, что в центральных погребениях в большинстве случаев были захоронены взрослые мужчины. В грунтовых погребениях преобладают останки детей, подростков и женщин, возраст которых не превышает 20–25 л.; однако иногда здесь встречаются и погребения взрослых мужчин и женщин.

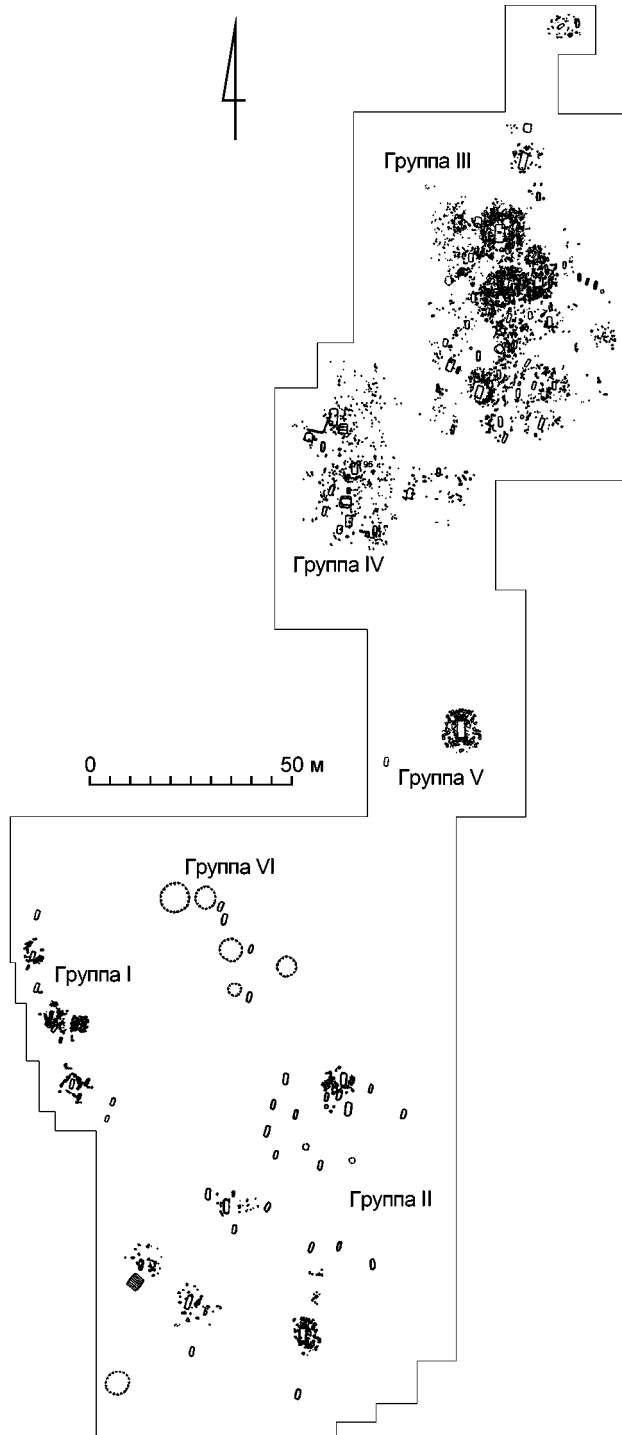

Рис. 1. Дырестуйский могильник, план
Fig. 1. Dyrestui cemetery, plan

На скелетах, обнаруженных в располагавшихся рядом с курганами грунтовых захоронениях, как правило не ограбленных, был выявлен ряд характерных повреждений. В первую очередь они обнаружены на костях конечностей, которые были смещены. Иногда эти кости вовсе отсутствовали. Отмечены следующие основные отклонения от естественного расположения человеческих останков: 1) кости стоп отсутствуют (погр. 102, 117 и 122); 2) кости стоп лежат отдельно от скелета (погр. 106, 107, 109 и 129; в последнем случае кости левой стопы лежали не в анатомическом порядке в сосуде, поставленном в ногах погребенной); 3) отсутствуют концевые фаланги стоп (погр. 120); 4) пяточные кости разрублены вдоль (погр. 112 и 114); 5) пяточные кости раздроблены (погр. 120); 6) отсутствует голень (погр. 117); 7) смещены левая локтевая и правая лучевая кости (погр. 88); 8) левое предплечье и правая лучевая кость отсутствуют (погр. 122); 9) шейные позвонки лежат в области таза (погр. 87 и 126); 10) ребра смещены к верхним конечностям (погр. 87); 11) правое предплечье, левая бедренная кость имеют переломы (погр. 126).

Кроме того, на черепе погребенного из могилы 44-б зафиксировано отверстие ромбовидной формы от удара острым предметом. Стоит отметить также позу скелета в погр. 129. Захороненная здесь женщина лежала на левом боку в сильно скорченном положении: кости нижних конечностей прижаты к грудной клетке, кости рук сведены вместе, кисти находились за черепом. У запястий умершей найдены бронзовое и железное кольца, а также остатки кожаного ремня. Возможно, что руки женщины были связаны. Кости левой стопы лежали не в анатомическом порядке в сосуде, находившемся в ногах погребенной.

На взгляд автора, отмеченные повреждения скелетов в грунтовых могилах можно с большой долей вероятности трактовать как следы насильственной смерти. В первую очередь это относится к отверстиям в лобной части черепа и шейным позвонкам, лежавшим отдельно; аналогичная трактовка применима и к характеру других повреждений скелетов, связанных с отсечением стоп и нижних конечностей. В пользу предположения о насильственной смерти погребенных в сопроводительных могилах говорит и молодой возраст большинства захороненных. Так, в группе I, где в шести из восьми сопроводительных захоронений удалось определить возраст погребенных, он не превышает среднего значения в 15 л.

Таким образом, сказанное выше позволяет с большой долей вероятности предположить насильственную смерть индивидов, захороненных в грунтовых могилах, являвшихся частью погребальных комплексов и групп, и трактовать эти останки как захоронения принесенных в жертву людей.

Материалы Дырестуйского могильника наглядно иллюстрируют сообщения письменных источников о погребальном обряде сюнну и наличии в нем обычая таких жертвоприношений. Этот ритуал у сюнну был зафиксирован еще их современниками — древнекитайскими хронистами. Сыма Цянь (145–87 гг. до н. э.), первым собравший сведения о сюнну, отмечал в своих «Записях историка», что «любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу, и количество их достигает самое большее несколько тысяч или сотен человек» (Таскин 1968: 40). Число «слуг и наложниц» в несколько тысяч вызывало, видимо, сомнения уже в то время. Не случайно в I в. н. э. Бань Гу, автор «Истории Хань», редактируя текст «Записей историка», заменил в этой фразе «несколько тысяч или сотен» на «несколько десятков или сотню» (Там же: 136, примеч. 108). Эти расхождения показывают, что ханьские историки не располагали точными данными о количестве человеческих жертвоприношений, совершаемых при захоронении знати сюнну.

Вполне вероятно, что такие «слуги и наложницы» были погребены как в отдельных захоронениях вблизи кургана, так и в одной могиле с «хозяином» (на Дырестуйском могильнике зафиксированы находки костей двух человек в курганах с двойной погребальной камерой).

Отмеченные выше повреждения скелетов в дырестуйских захоронениях вызваны, очевидно, обычными для древних обществ представлениями о существовании мира мертвых и страхом перед возможным возвращением и мстью убитых. Страхом перед мертвыми могли быть вызваны и случаи повреждения оружия в неграбленных могилах. Так, в захоронении 120 концевые накладки лука были сломаны на несколько частей и лежали на черепе погребенного: одна из них закрывала глазницы, две части другой лежали параллельно друг другу (Миняев 1998: табл. 107, Б), что указывает на их преднамеренное повреждение в процессе погребального ритуала. Не исключено также, что с трупами принесенных в жертву людей могли проделывать и другие обрядовые действия: смещение ребер у подростка в мог. 87, возможно, свидетельствует о том, что после смерти у него было извлечено сердце.

Данные о системе размещения стоннских захоронений существенно дополнили раскопки Забайкальской экспедиции ИИМК РАН в пади Царам (Миняев 2009; Миняев, Сахаровская 2002; 2007). Здесь основным объектом исследования был самый крупный из зафиксированных в России кург. № 7 могильника, расположенный выше остальных захоронений на склоне северной части пади. Как и на Дырестуйском кладбище, заложенный раскоп охватил и сам курган, и значительную площадь вокруг него, где присутствие отдельных камней позволяло предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа составила 7700 м². Иероглифическая надпись на лакированной шкатулке, найденной среди погребального инвентаря, который принадлежал кукле № 2, помещенной в погребальную камеру кург. № 7, позволяет предположительно установить *terminus post quem* для него как период между 8 г. до н. э. и 4 г. н. э. (Пираццоли-Серстевенс 2008).

После сплошного вскрытия площади вокруг центрального кург. № 7 было выявлено 10 сопроводительных захоронений, составлявших единый погребальный комплекс с центральным курганом (рис. 2, 1). Этот комплекс, как и в Дырестуйском могильнике, является самым северным на площади памятника. В сопроводительных захоронениях Царама, как и в Дырестуе, также зафиксированы характерные повреждения скелетов. Хотя в мог. 6 длинные конечности погребенного были не потревожены при ограблении, однако кости стоп и правой кисти отсутствовали, при этом кости левой руки лежали в обратном порядке: локтевая и лучевая — на месте плечевой кости, плечевая — на месте костей предплечья. В погр. 15 концевые фаланги ног отсутствовали, а неестественное положение кистей и левого предплечья позволяют предполагать, что руки погребенного были связаны.

Вместе с тем структура комплекса № 7 в Цараме по своим основным характеристикам принципиально отличается от Дырестуйских погребальных комплексов. В комплексе № 7 число сопроводительных захоронений достигает 10, что в несколько раз превосходит число таких погребений в любом из комплексов Дырестуя. Планиграфия царамских захоронений также иная: если в Дырестуе сопроводительные погребения располагались в подавляющем большинстве случаев у юго-западного или юго-восточного угла центральных курганов, то в Цараме они образовывали две группы по пять погребений в каждой, расположенные в линию почти симметрично по отношению к основному кургану с его восточной и западной сторон (рис. 2, 1).

Принципы размещения захоронений в этих группах Царама и половозрастной состав погребенных идентичны. Как западная, так и восточная линия состоят из захоронений только мужчин, при этом наблюдается явная зависимость между местом погребения в группе и возрастом умершего. Самые старшие (и почти ровесники — около 35 лет) мужчины захоронены в северных погребениях (мог. 10 в восточной группе и мог. 12 — в западной). Возраст остальных покойных последовательно убывает в направлении С–Ю: более молодые мужчины и юноши (в среднем 25–15 л.) захоронены в середине каждой линии, а в самых южных мог. 11 и 16 погребены дети практически одинакового возраста (4–6 л.).

В обеих группах в захоронениях мужчин и подростков (4 погребения в северной и центральной части каждой группы) прослеживается определенная корреляция между местом захоронения в линии, возрастом умершего и погребальными конструкциями. Намогильные сооружения, как уже отмечалось, были разрушены при распашке, можно лишь отметить, что концентрация камней разрушенных кладок была выше в северной части каждой группы. Внутримогильные сооружения северных захоронений как в погр. 10 (гроб в каменном ящике, перекрытом несколькими рядами плит; подбой в северной стенке ямы; подсыпка древесным углем дна ямы), так и в захоронении 12 (гроб в срубе, вставленном в каменный ящик и перекрытом глиняными блоками) являются наиболее сложными по конструкции для каждой группы. Для погребений в середине групп типичны конструкции в виде деревянных гробов, вставленных в каменные ящики, при этом конструкция и гробов, и ящиков проще, чем в северных захоронениях. Самые простые конструкции зафиксированы в предпоследних, считая с северной стороны, захоронениях каждой линии; в могиле 6 (восточная группа) и в погр. 15 (западная группа) они представлены только гробами.

Различия, определяемые местом могилы в группе, можно отметить и в составе заупокойной пищи. Так, в погр. 10 (северное захоронение восточной группы) обнаружены кости нескольких особей, как крупного, так и мелкого рогатого скота, для которых был сооружен специальный

подбой в северной стенке ямы, а в могиле 6 (предпоследняя в восточной линии) — отдельные части скелета особи мелкого рогатого скота (ребра и большая берцовая). Добавим, что в погр. 10, единственном из всех захоронений, найден череп лошади.

Ограбление всех могил не позволяет полностью реконструировать состав и наборы заупокойного инвентаря. Отметим, что практически в каждом погребении мужчин и подростков найдено оружие: лук (от которого обычно сохраняются концевые и срединные накладки), железные и роговые стрелы, а также железные поясные пластины. Нередко встречаются и детали конской сбруи: роговые псалии в захоронениях 6, 11 и 15, роговая лука седла в мог. 15.

Таким образом, рассмотренные выше данные указывают на определенную закономерность в размещении погребений на площади комплекса: старшие по возрасту мужчины похоронены в северных захоронениях групп, которые отличались и самыми сложными погребальными конструк-

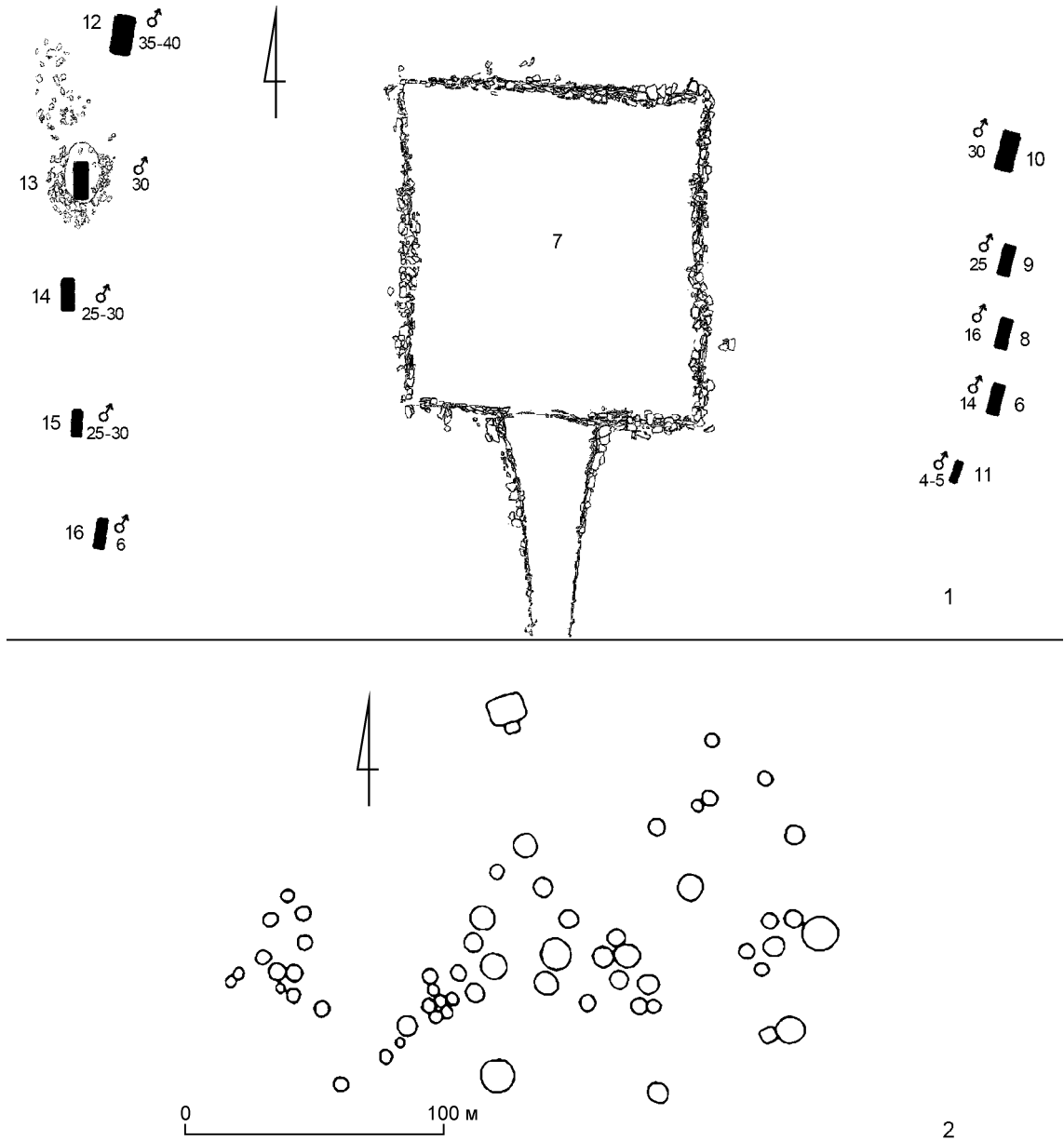

Рис. 2. 1 — могильник Царам, комплекс № 7, план; 2 — могильник Замын-Толгой, план (по Xiongnu tombs... 2008)

Fig. 2. 1 — Tsaram cemetery, complex No. 7, plan; 2 — Zamyn-Tolgoi cemetery, plan (after Xiongnu tombs... 2008)

циями. Могилы молодых мужчин и подростков располагались в середине групп и отличались конструкциями меньшей сложности.

Погребения 11 и 16, южные в каждой группе, нарушают рассмотренную выше закономерность. Несмотря на детский возраст умерших, конструкции в этих захоронениях более сложные, чем в расположенных по соседству к северу могил подростка и молодого мужчины. В восточной группе в погр. 11 (ребенок 4–6 л.) обнаружен деревянный гроб в каменном ящике, перекрытом несколькими рядами плит, тогда как подросток 16 л. в соседнем захоронении 6 погребен только в гробу. В западной группе в мог. 16 (ребенок 5 л.) был сооружен деревянный гроб с имитацией каменного ящика из нескольких крупных плит, а в соседнем погр. 15 мужчина 25–30 л. лежал только в гробу. Детские захоронения практически полностью ограблены, однако остатки лакового покрытия деревянной чашечки в мог. 16 (по орнаменту аналогичной найденной в кург. № 6 могильника Ноин-Улы), сосуд и железная пластина пояса в погр. 11, аналогичные найденным в других захоронениях, позволяют предположить, что инвентарь этих детских могил, по крайней мере, в качественном отношении вряд ли уступал погребениям взрослых.

Благодаря отмеченным выше следам насильственной смерти захоронения мужчин и подростков с оружием, расположенные вокруг центрального кург. № 7, можно трактовать как упоминаемые в письменных источниках могилы слуг, своего рода «личной гвардии» вождя, убитых во время погребальной церемонии и «сопровождавших» своего хозяина в потусторонний мир. Внутри этой социальной категории слуг существовало, вероятно, несколько рангов, что нашло отражение в определенном различии погребальных конструкций среди каждой группы сопроводительных погребений.

Статус детей, захороненных в мог. 11 и 16, пока не совсем ясен. Они покоятся вместе с взрослыми слугами в южных погребениях групп, логично завершая половозрастную структуру каждой линии — убывание возраста умерших от северных могил к южным. Однако несмотря на юный возраст, для них были сооружены более сложные конструкции, чем для погребенных рядом более взрослых слуг — подростка (восточная группа) и молодого мужчины (западная группа). Вероятно, эти дети принадлежали к той же социальной категории слуг, однако уровень наследуемого ими в рамках этой категории социального ранга для потусторонней жизни был, видимо, выше, чем реальный прижизненный статус захороненных рядом более взрослых индивидов.

Таким образом, по количеству могил, их планиграфии, половому составу погребенных, наборам принадлежащего им инвентаря сопроводительные захоронения Царама существенно отличаются от аналогичных могил Дырестуйского могильника, в которых похоронены в основном женщины с разнообразными поясными наборами и подростки. Можно предполагать, что такие отличия вызваны различным статусом покойных в центральных курганах могильника. Если в Дырестуе погребальные конструкции и инвентарь центральных курганов позволяют связать их с рядовой частью общества, то кург. № 7 в Цараме, судя по его размерам и особенностям устройства, является захоронением представителя высшей суннуской знати, возможно — одного из вождей (шаньюев).

Система размещения могил сунну группами, основу которых составляли несколько комплексов, включавших центральное и сопроводительные погребения, не является исключением, присущим только захоронениям в Дырестуе или Цараме. Такая система была намечена еще до раскопок этих памятников (подробнее см. Миняев 1985) и подтверждается материалам других могильников. Так, сопроводительные могилы (54а и 54б) были выявлены при раскопках кург. № 54 в Ильмовой пади. Как и в Дырестуйском могильнике речь идет о расположенных у юго-восточного и юго-западного угла ограды кургана погребениях лиц молодого возраста. Отметим, что ноги ребенка в погребении 54б были спутаны железной цепочкой (Коновалов 1976: 63–69).

Выявленные особенности планиграфии суннуских могильников подтверждаются новыми материалами, полученными как в ходе разведочных работ, так и раскопок. Например, могильник Замын-толгой, как и Дырестуйский, состоит из нескольких обособленных групп, при этом самый северный курган с небольшим дромосом является также и самым большим на памятнике (рис. 2, 2; Xiongnu tombs... 2008: 84, fig. 1). В крупных могильниках суннуской элиты также отчетливо прослеживаются группы из нескольких комплексов. Эти комплексы включают центральный курган и сопроводительные захоронения, расположенные либо линиями вдоль кургана (как и в Цараме), либо у углов ограды кургана (как в Ильмовой пади). Примером могут служить

могильники Гол-Мод 2 (рис. 3, 1; Xiongnu tombs... 2008: 68, fig. 2) или Дурлиг-Нарс (рис. 3, 2; Eregzen, Batbold 2011: 237, fig. 5). Отметим, что во всех могильниках наиболее крупными являются северные могильные группы, где находятся и самые крупные курганы.

Таким образом, система размещения сюннских погребений, детально выявленная на материалах Царама и Дырестуйского могильника, устойчиво повторяется на разных памятниках, что доказывает ее неслучайный характер. Эта система была, вероятно, нормой похоронной практики сюнну в целом, опосредованно отразив реальные связи и отношения как внутри отдельных коллективов, так и общества в целом. Как следствие, трактовка особенностей планиграфии приоб-

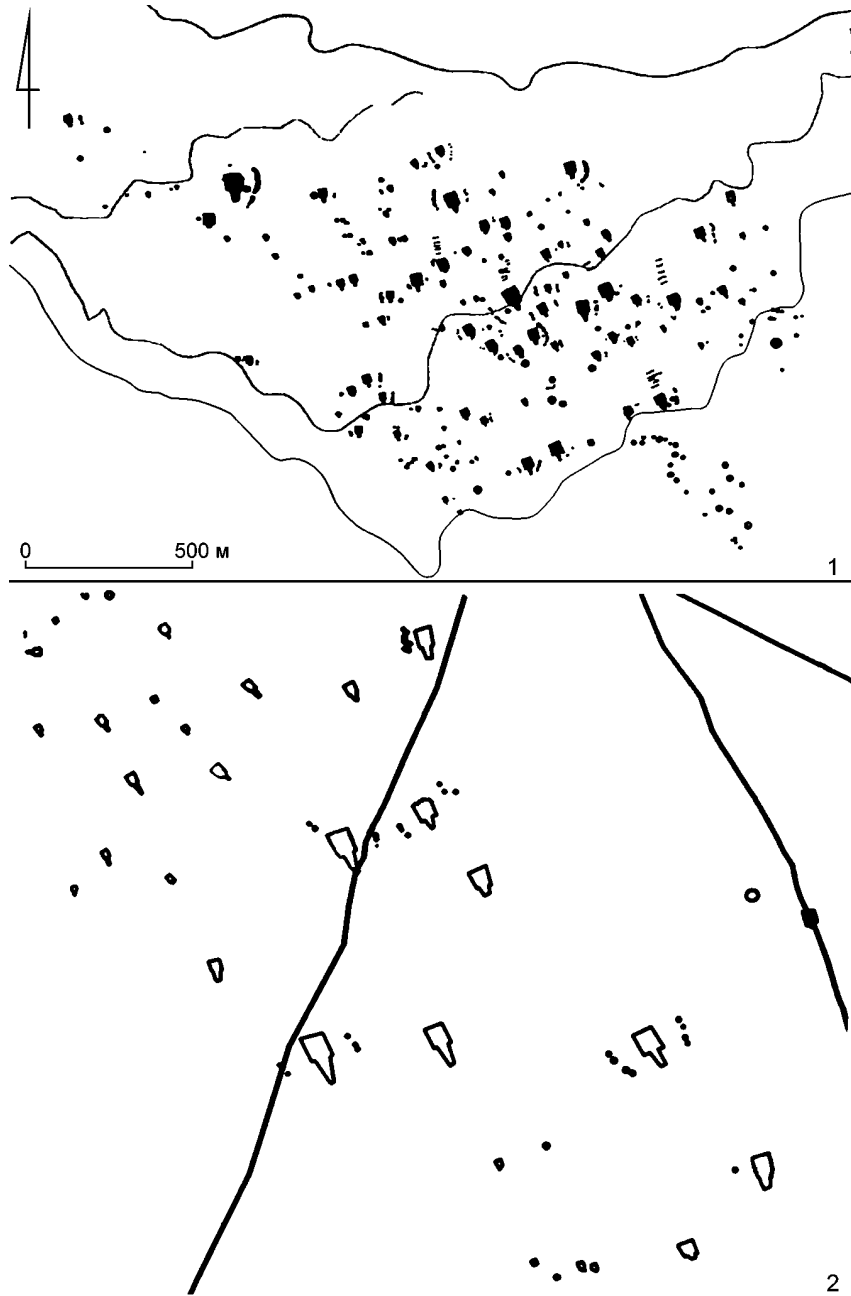

Рис. 3. 1 — могильник Гол-Мод 2, план (по Xiongnu tombs... 2008); 2 — могильник Дурлиг-Нарс, участок 3, план (по Eregzen, Batbold 2011)

Fig. 3. 1 — Gol-Mod 2 cemetery, plan (after Xiongnu tombs... 2008); 2 — area 3 of the Durlig-Nars cemetery, plan (after Eregzen, Batbold 2011)

ретаает особое значение не только для изучения материалов памятников, но и для *анализа всего суннуского археологического комплекса*.

Наиболее крупные курганы каждого памятника сооружали, очевидно, первыми. Они служили своеобразной доминантой, вокруг которой позднее формировался весь могильник. Расположение таких курганов (и погребальных групп, где они доминируют) на севере могильников и, как правило, на более возвышенных участках, чем остальные захоронения, позволяет считать расположенные южнее погребальные группы и комплексы более поздними по отношению к северным. Интерпретация «сопроводительных» могил как «погребений лиц, умерщвленных на похоронах своего “хозяина”», позволяет считать захоронения каждого комплекса одновременными, совершенными в пределах одного дня или нескольких дней, т. е. в рамках единой погребальной церемонии.

Эти обстоятельства существенно расширяют возможность для датировки памятников. Вполне очевидно, что дата любой могилы комплекса, установленная по каким-либо надежным датирующим признакам, может быть распространена и на весь комплекс в целом. При наличии датирующих материалов в нескольких комплексах группы можно определить дату группы в целом, а надежная датировка групп определяет и хронологию, как минимум *terminus post quem*, всего памятника. Проиллюстрируем такое заключение на примере рядового суннуского могильника (Дырестуйский) и элитных захоронений в горах Ноин-Ула.

Для Дырестуйского могильника датирующим материалом являются монеты «у-шу», найденные в нескольких захоронениях на его западном, южном и юго-восточном участках. Несмотря на то что выпуск таких монет был довольно длительным (118 г. до н. э. — 581 г. н. э.), их находки в могилах надежно определяют 118 г. до н. э. как *terminus post quem* для каждой такой могилы, а следовательно, и для комплекса в целом.

Рассмотрим это обстоятельство подробнее на примере группы I (рис. 4) в западной части могильника. Монеты найдены здесь в погр. 32, находящимся в центре группы, и в захоронении 33, локализованном в ее северной оконечности. Курган № 32 имел сопроводительные мог. 54 и 55, следовательно, дата всего комплекса 32 в целом — не ранее 118 г. до н. э. Погребение 32 (молодая женщина), вероятно, составляла пару с мужским захоронением 31, которое вместе с сопроводительной мог. 53 можно считать одновременным (или близким по времени) комплексу 32. Следовательно, погребения центральной части группы в целом датируются не ранее 118 г. до н. э. Аналогичным образом устанавливается дата и захоронения 33 в северной части группы. Таким образом, наиболее вероятная дата группы I — не ранее конца II в. до н. э.

Монеты «у-шу» найдены также в группе II — центральная часть могильника, погр. 102. Это захоронение, вместе с погр. 101, 106, 107 и 108, расположено к юго-западу от комплекса 111. Перечисленные погребения не занимают четкую планиграфическую позицию, которая прямо связывала бы их с данным комплексом. Однако отсутствие стоп у погребенных здесь женщин позволяет предположить, что они умерли насильственной смертью и были, как и захороненные в мог. 109–113, принесены в жертву погребенному в центральном кургане комплекса 111. Тем самым северную часть группы II (погр. 102 и, с большой долей вероятности, расположенные рядом захоронения) можно датировать временем не ранее 118 г. до н. э.

Монеты «у-шу» найдены также в группе VII (юго-восточная часть могильника). Первооткрывателем памятника Ю. Д. Талько-Гринцевичем найдено еще несколько монет «у-шу» (мог. 9, 10, 21 и 24). Составленная им глазомерная схема памятника и дневниковые описания не дают возможности восстановить местонахождение этих погребений. Можно лишь предполагать, что они находились в центральной и южной частях могильника.

Таким образом, находки монет «у-шу» на разных участках памятника в сочетании с рассмотренными выше особенностями его планиграфии показывают, что Дырестуйский могильник не может быть датирован ранее 118 г. до н. э. При этом следует учесть отсутствие среди найденных монет достоверных экземпляров первых трех выпусков¹. Четвертый выпуск монет «у-шу» был отчеканен в 72 г. до н. э. Это обстоятельство, с учетом периода обращения монет до их попадания к сунну, а затем и в суннуские захоронения, позволяет, на взгляд автора, считать более вероятной ранней датой памятника вторую половину I в. до н. э. При этом нельзя исключить, что часть погребений может быть датирована и I в. н. э.

¹ Устное сообщение М. В. Воробьева.

Могилы сюннуской знати в горах Ноин-Ула в Северной Монголии находятся в основном в нескольких распадках, наиболее крупным из которых является падь Судзуктэ (Краткие отчеты... 1925; Руденко 1962: рис. 3). Погребения сконцентрированы здесь в трех больших группах — западной, центральной и восточной (рис. 5, 1). В центральной группе исследовано несколько курганов, датирующими материалами для которых являются следующие изделия: для кург. № 23 — четыре лакированные чашечки с орнаментом, характерным для периода Восточная Хань. Ф. Луис отметил аналогию этим чашечкам из могилы Ван Шу в Корее, которая датируется после 69 г. н. э. (Louis 2007: 51). Поэтому с большой долей вероятности *terminus post quem* для кург. № 23 может быть определен как последняя треть I в. н. э.;

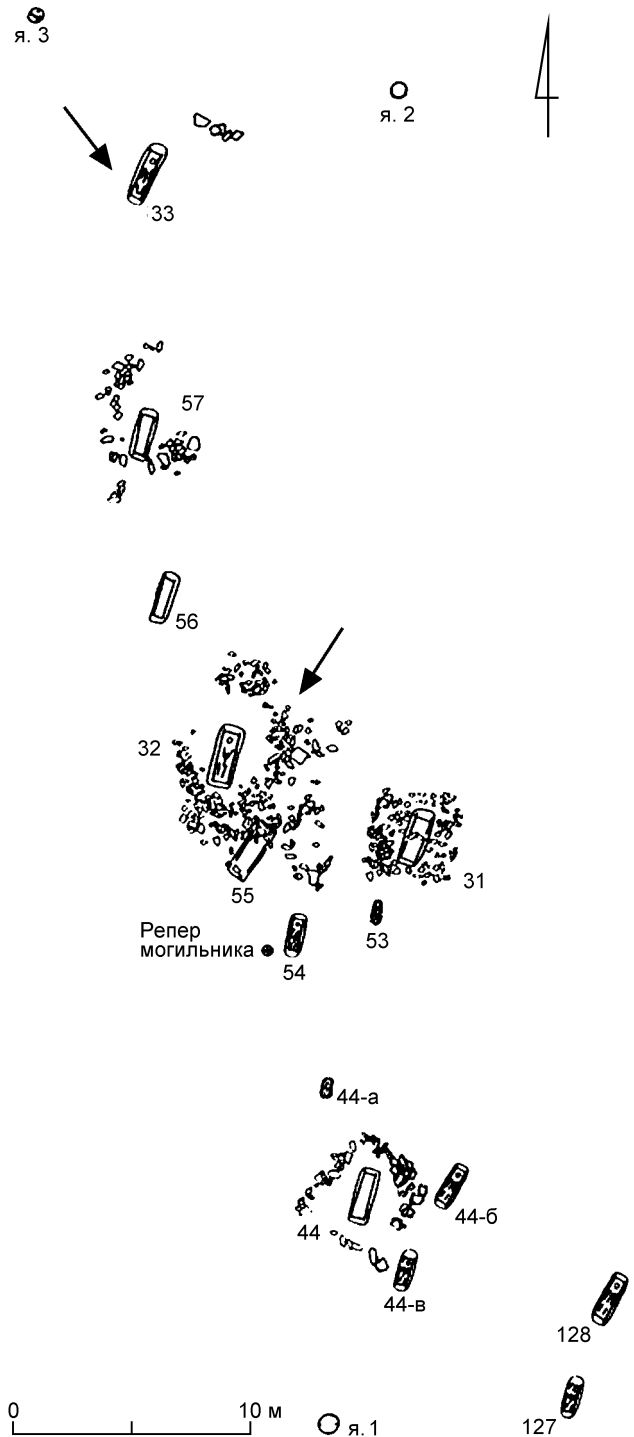

Рис. 4. Дырестуйский могильник, группа I, план: наклонными стрелками показаны захоронения с монетами «у-шу»

Fig. 4. Dyrestui cemetery, group I, plan: inclined arrows mark the burials with «u-shu» coins

для кург. № 12/24 — фрагменты лакированной туалетной шкатулки с бронзовым креплением вокруг оправы. Как отметила М. Пираццоли-Серстевенс (Pirazzoli-t'Serstevens 2009), техника орнаментации и тип шкатулки типичны для конца периода Западная Хань, одна из ближайших аналогий может быть датирована между 16 и 2 гг. до н. э. Таким образом, для кург. № 12/24 *terminus post quem* может быть определен как конец I в. до н. э.;

для кург. № 20 — лакированная чашечка с надписью, где указан год изготовления — четвертый год под девизом «юаньянь», что соответствует 9 г. до н. э. (Чистякова 2009). Эта дата и определяет *terminus post quem* для кург. № 20;

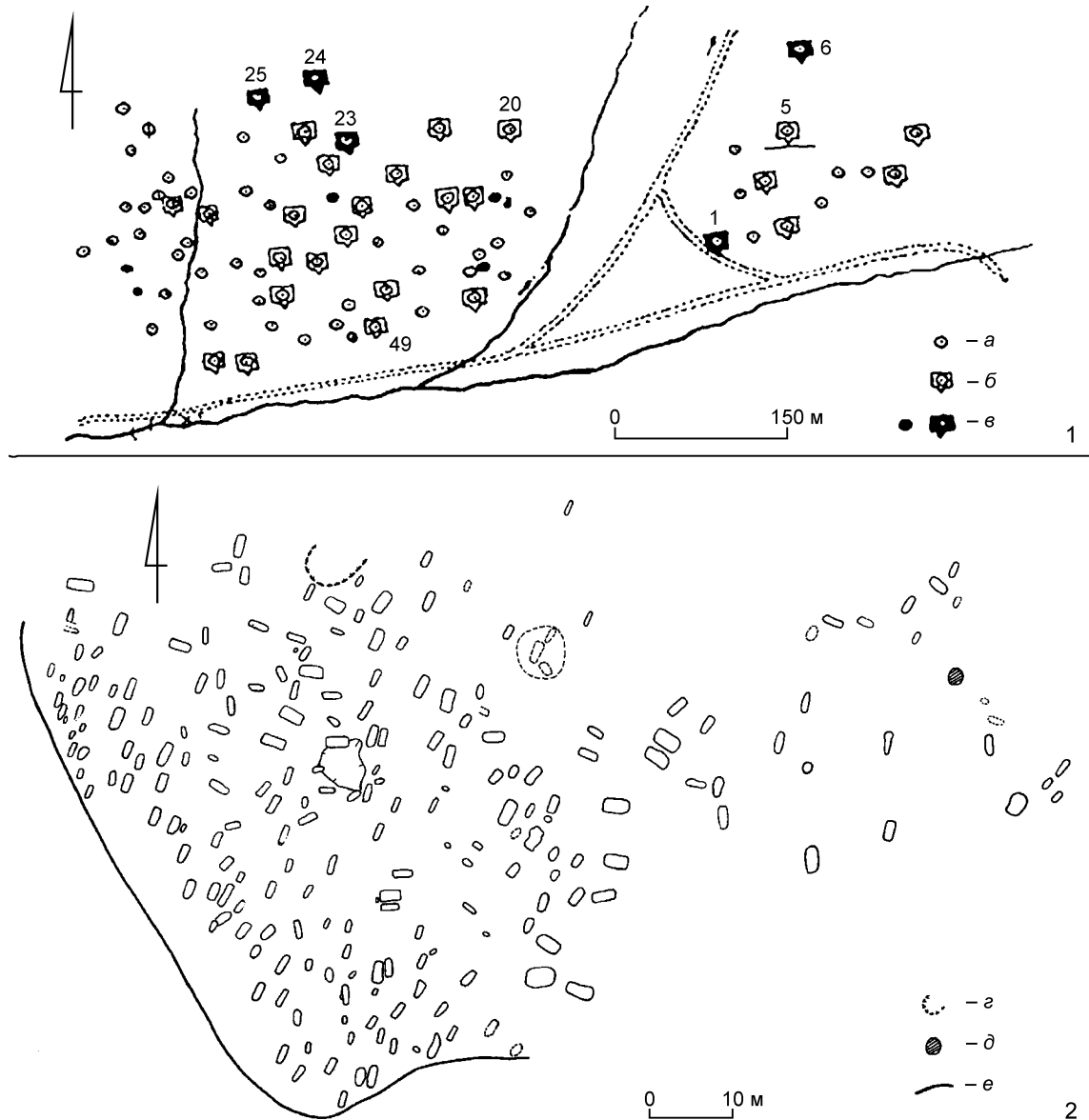

Рис. 5. 1 — центральный и восточный участки в пади Судзуктэ, план: *a* — курганы; *b* — большие курганы с дромосом; *v* — раскопанные курганы.

2 — Иволгинский могильник, план (по Давыдова 1996): *z* — искусственный выбор грунта; *d* — черное гумусированное пятно; *e* — условная граница могильника

Fig. 5. 1 — central and eastern areas of the Sudzukté fold, plan: *a* — barrows; *b* — large barrows with corridors; *v* — excavated barrows.

2 — Ivolginsky cemetery, plan (after Давыдова 1996): *z* — artificially removed earth; *d* — black humified spot; *e* — cemetery boundaries

для кург. № 25 — фрагмент ханьского зеркала, найденного в северо-восточном углу «гробницы». Находки зеркал подобного типа в археологических памятниках позволяют датировать их периодом Восточная Хань, т. е. не ранее первой четверти I в. н. э. (Zhongguo tongjing... 1992: 333).

Перечисленные курганы находятся в северной части центральной группы Судзуктэ. Они расположены на местности выше остальных курганов и относятся к числу самых крупных в группе (рис. 5, 1). Отмеченные ранее особенности планиграфии сюннуских могильников позволяют предположить, что эти курганы сооружены здесь одними из первых и их дата определяет *terminus post quem* для остальных захоронений группы. Таким образом, датировки кург. № 20 (не ранее конца I в. до н. э.), кург. № 23 (вторая половина I в. н. э.), кург. № 24 (не ранее конца I в. до н. э.) и кург. № 25 (не ранее периода Восточная Хань, т. е. не ранее начала I в. н. э.) определяют срок формирования центральной группы захоронений в Судзуктэ не ранее конца I в. до н. э. Остальные курганы этой группы должны быть датированы тем же или несколько более поздним временем.

Аналогичный принцип датировки можно применить и к восточной группе в Судзуктэ. Как и в центральной группе, самый крупный кург. 6, сооруженный, видимо, первым, располагался здесь в северной части могильного поля. Датировочным материалом является надпись на лакированной чашечке с указанием на год изготовления (2 г. до н. э.) и надпись на шелке (не ранее периода Ван Мана, т. е. первой четверти I в. н. э.). Эти датировки определяют *terminus post quem* не только для самого кургана, но и для восточной судзуктинской группы в целом — курганы в южной части данной группы также не могут быть датированы ранее рубежа новой эры, а наиболее вероятной датой является первая половина I в. н. э. (см. подробнее Миняев 2001; Миняев, Елихина 2010).

Исключение из рассмотренной нами системы размещения сюннуских захоронений составляет лишь Иволгинский могильник. Здесь представлены только грунтовые погребения без намогильных сооружений, которые не образуют явно выраженных групп. На плане памятника можно отметить только ряд парных могил (мужчина — женщина), таких как погр. 101–102, 100–93, 119–120 и другие (рис. 5, 2; Давыдова 1996: табл. 2).

Отсутствие намогильных сооружений, отличная от других планиграфия памятника, наличие значительной группы захоронений с широтной ориентировкой, практическое отсутствие типичных для сюнну погребений в гробах, вставленных в каменный ящик, — все эти признаки выделяют Иволгинский могильник среди сюннуских памятников, с одной стороны, а с другой — сближают его с могильниками позднескифского скотоводческого населения на севере современной КНР, такими как Маоцингоу во Внутренней Монголии (рис. 6; Ордосские бронзы 1986: 231, fig. 2) или захоронениями у хребта Цзюньдушань, севернее Пекина (Могильник Юйхуанмяо... 2007: рис. 3). Это сходство проявляется в планиграфии памятников, устройстве внутримогильных сооружений (погребения в грунтовых ямах в гробах или без внутримогильного сооружения), единичных случаях имитации двойной деревянной камеры и ориентации умерших (группы захоронений как с меридиональной, так и с широтной ориентировкой). Поэтому не исключено, что Иволгинский могильник был оставлен населением, входившим в сюннуское объединение, но сохранившим иные погребальные традиции. Отметим, что именно погребения такого типа (без намогильного сооружения, в гробах или грунтовых ямах) представлены в Дырестуйском могильнике только среди сопроводительных захоронений, в основном с человеческими жертвоприношениями.

В заключение остановимся на одном из возможных вариантов трактовки погребальных групп и комплексов. В полностью раскопанном Дырестуйском могильнике половозрастная структура групп (мужчины и женщины разных возрастов, подростки и дети) не исключает демографическую интерпретацию особенностей планиграфии. Можно допустить, что захороненные в каждой группе были членами одного мини-коллектива, осознававшими свою общность и, следовательно, свое отличие от погребенных в других группах.

В пользу такого предположения свидетельствуют некоторые палеогенетические данные, полученные при анализе материалов могильника Бурхан-Толгой в долине р. Эдзин-Гол, по своей планиграфии и структуре во многом аналогичного Дырестуйскому могильнику (Keyser-Tracqui et al. 2003). Из расположенных здесь 103 захоронений, имевших на поверхности каменную кладку, анализировались останки 62 человек, от которых были получены 79 образцов ДНК. Результаты анализов аутосомных хромосом из 49 образцов (остальные исключены из обработки по ряду причин) показали близкородственные отношения между несколькими погребенными в

каждой группе (рис. 7, 1; Keyser-Tracqui et al. 2003: fig. 2), что в целом подтвердилось анализом митохондриальных и Y-хромосом. В первую очередь это относится к северо-западному участку могильника (участок С), где родственная связь выявлена практически между всеми захоронениями, костные образцы которых были подвергнуты анализу.

Различная степень родства установлена и между некоторыми захоронениями в других группах, однако процент родственных связей в них оказался ниже. Так, на участке В, где располагалось 50 захоронений, из 32 анализированных образцов родство различной степени (по аутосомным маркерам) определено в 13 случаях. На участке А (27 захоронений, 13 образцов проанализировано) родственная связь выявлена лишь в четырех случаях. Поэтому авторы исследования делают вполне оправданный вывод, что, несмотря на наличие генетических связей между некоторыми погребенными в группах, практика захоронений в каждой группе только родственников не была системной.

Добавим, что даже наличие родственных связей между погребенными в группах вовсе не исключает трактовку ряда захоронений в этих группах как жертвенных. Такая трактовка, к примеру, вполне допустима к погребениям детей от наложниц.

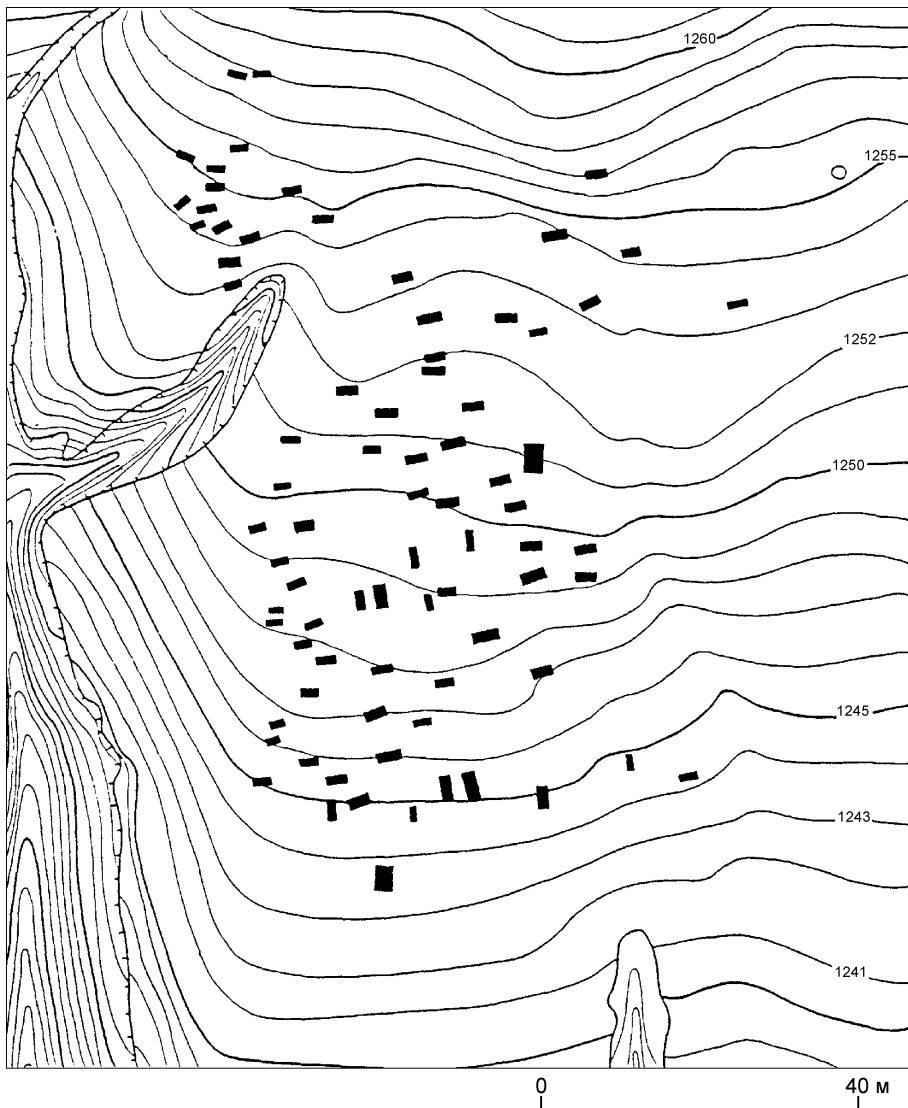
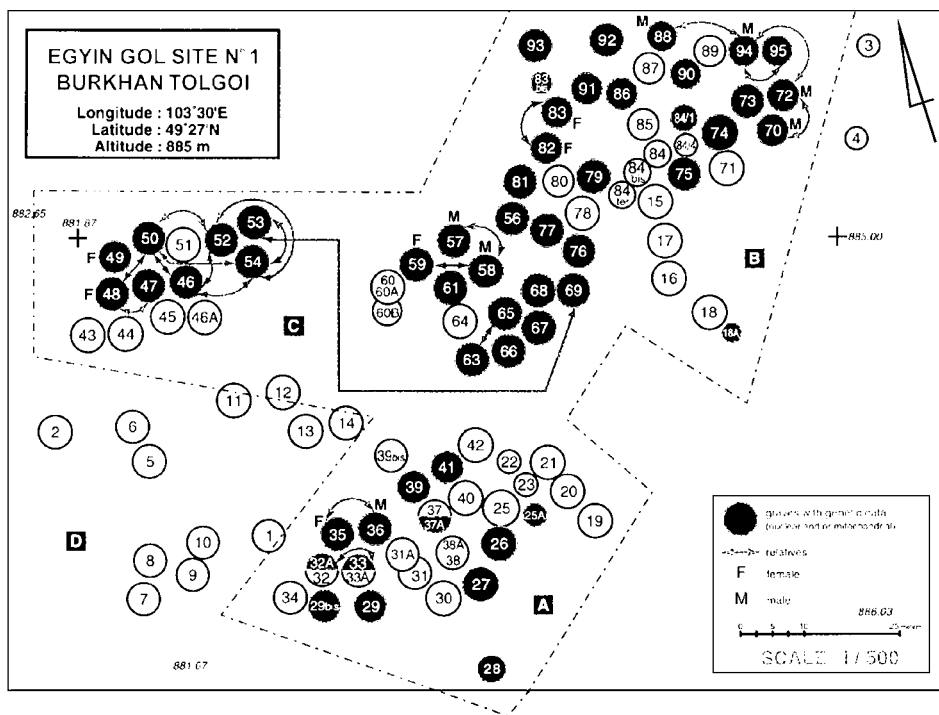
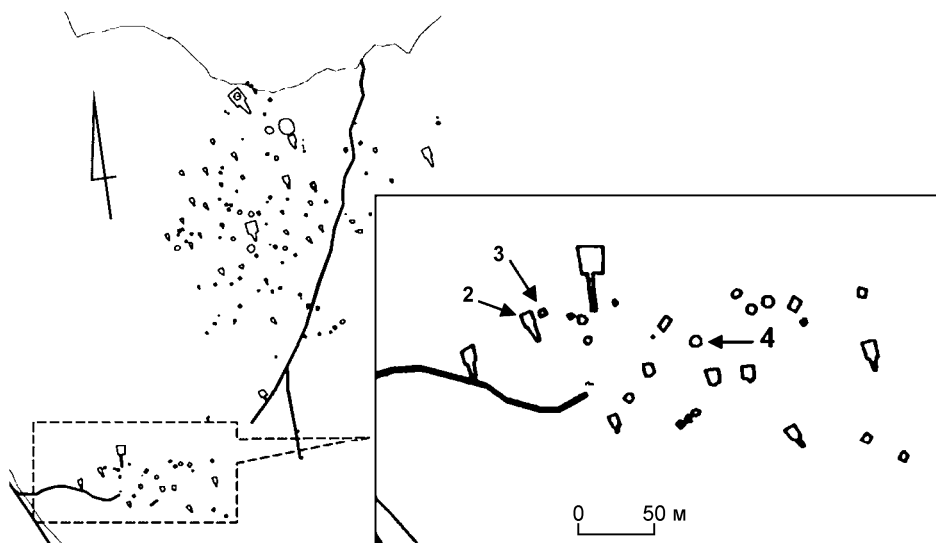

Рис. 6. Могильник Маоцингоу, план (по Ордосские бронзы 1986)
Fig. 6. Maotsingou cemetery, plan (after Ордосские бронзы 1986)

Против прямолинейной демографической реконструкции (комплекс — малая семья, группа — большая семья, могильник в целом — родовое кладбище) свидетельствуют и специфические повреждения на ряде скелетов, выявленные в неграбленных грунтовых погребениях Дырестуйского могильника. Эти повреждения, как отмечалось выше, свидетельствуют о наличии в группах захоронений с человеческими жертвоприношениями. Могильник Бурхан-Толгой, к сожалению, не раскапывался сплошной площадью, поэтому не совсем ясно, имелись ли здесь

1

2

Рис. 7. 1 — могильник Эдзин-Гол, план раскопанных погребений: черным отмечены проанализированные захоронения с полученными генетическими данными (по аутосомным хромосомам); стрелками показаны предполагаемые родственные связи (по Keyser-Tracqui et al. 2003); 2 — могильник Дурлиг-нарс, план и деталь плана с обозначением захоронений с ДНК образцами (по Kim et al. 2010)

Fig. 7. 1 — Edzin-Gol cemetery, plan of the studied burials: burials that provided genetic data are shown in black; arrows show the supposed family ties (after Keyser-Tracqui et al. 2003); 2 — Durlig-Nars cemetery, plan and its detail showing the burials that provided DNA samples (after Kim et al. 2010)

грунтовые могилы. Однако и на этом памятнике выявлена пара захоронений (мужское и женское), где подъязычная кость женщины была обнаружена в расположенном рядом мужском погребении. Женское захоронение в этой паре трактуется авторами с большой долей вероятности как жертвенное (Mugaíl et al. 2000).

Вполне очевидно, что палеогенетические исследования, которые все чаще применяются при анализе археологического материала, должны проводиться с учетом планиграфии памятников, чтобы избежать некорректной трактовки полученных результатов. В качестве примера такой трактовки можно привести результаты трех анализов ДНК, опубликованные интернациональной группой из 22 исследователей (Kim et al. 2010; критический разбор публикации см. Klyosov 2010). Изучались образцы из могильника Дурлиг-Нарс в Монголии: по одному образцу из кург. № 2, 3 и 4 в южной части могильника. Мужские захоронения 2 (большой курган с дромосом) и 3 располагались рядом друг с другом, женская мог. 4 находилась в 150 м восточнее мог. 2. Как видно на плане этого участка (рис. 7, 2; Kim et al. 2010: fig. 1), погр. 2 и 3 образуют единый комплекс, состоящий из центрального кург. № 2 и сопроводительного захоронения 3. Авторы публикации ошибочно датируют эти погребения разным временем, считая сопроводительное захоронение 3 более ранним, тогда как археологический материал, в первую очередь зеркала, указывают на дату комплекса — I в. до н. э. — I в. н. э.

Анализы ДНК показали, что никакой генетической связи между погребенными в комплексе нет. Мужчина, захороненный в центральном кургане комплекса, имел отцовскую гаплогруппу С3 и материнскую D4, обе довольно распространенные в Центральной Азии, тогда как мужчина из сопроводительного захоронения 3 имел материнскую U2e1 и отцовскую гаплогруппу R1a1. Последняя, по мнению авторов, свидетельствует о происхождении этого мужчины из Западной Азии и отражает присутствие индоевропейского населения в составе сюннуской империи. В свою очередь, это присутствие может являться, по мнению авторов, отдаленным следствием некогда состоявшегося продвижения носителей курганной культуры с запада на восток Евразийского континента.

Несостоятельность подобного построения была детально рассмотрена А. Клёсовым (Klyosov 2010), который показал, что погребенный в сопроводительном захоронении 3 не был «западно-евразийским мужчиной», а всего лишь имел отцовскую гаплогруппу R1a1, распространенную в Восточной Евразии в целом, и в Южной Сибири в частности. Возможность происхождения похороненного в мог. 3 с территории Южной Сибири или Забайкалья допускают и авторы публикации о ДНК-анализах из Дурлиг-Нарс (Kim et al. 2010: 10). Поэтому вероятнее всего мужчина из мог. 3 принадлежал к одному из племен, подчиненных сюнну в период их господства в Центральной Азии. Возможно, именно представители таких племен и покоятся в жертвенных сопроводительных захоронениях сюннских могильников, что и объясняет разницу в генетических маркерах между основными и сопроводительными погребениями комплексов.

Рассмотренные выше материалы наглядно показывают необходимость исследования погребальных памятников сюнну сплошным раскопом и учета в аналитических работах особенностей планиграфии могильников.

Давыдова 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с. (АПС. Вып. 2).

Коновалов 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 248 с.

Краткие отчеты... 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с., 9 табл., 17 ил. на отд. Л.

Миняев 1985 — Миняев С. С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.

Миняев 1989 — Миняев С. С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): ТД Всесоюз. археологической конф. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1989. С. 76–78.

Миняев 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский Дом, 1998. 233 с. (АПС. Вып. 3).

Миняев 2001 — Миняев С. С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай. Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 21–26 сентября 1998 г. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 295–305.

- Миняев 2009 — *Миняев С. С.* Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2 (38). С. 49–58.
- Миняев, Елихина 2010 — *Миняев С. С., Елихина Ю. И.* К хронологии курганов Ноин-Улы // ЗИИМК. 2010. № 5. С. 169–182.
- Миняев, Сахаровская 2002 — *Миняев С. С., Сахаровская Л. М.* Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. № 9. С. 86–118.
- Могильник Юйхуанмяо... 2007 — Могильник Юйхуанмяо [у хребта] Цзюндушань. Пекин: Вэньчу баньшэ, 2007. Т. 1. (на кит. яз.).
- Ордосские бронзы 1986 — Ордосские бронзы. Пекин: Вэньчу баньшэ, 1986. (на кит. яз.).
- Пираццоли-Серстевенс 2008 — *Пираццоли-Серстевенс М.* Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // АВ. 2008. № 15. С. 71–74.
- Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Таскин 1968 — *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. Вып. 1. 177 с.
- Чистякова 2009 — *Чистякова А. Н.* Перевод иероглифической надписи на лаковой чашечке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // АЭАЕ. 2009. № 3 (39). С. 59–68.
- Eregzen, Batbold 2011 — *Eregzen G., Batbold N.* Topographical research on the tombs at the Xiongnu cemetery of Duurlig nars // *Studia Archaeologica*. Ulan-Bator, 2011. Т. 31, fasc. 1–13. P. 221–238.
- Keyser-Tracqui et al. 2003 — *Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B.* Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2,000-year-old necropolis in the Egiin Gol Valley of Mongolia // *American Journal of Human Genetics*. 2003. Vol. 73, issue 2. P. 247–260.
- Kim et al. — *Kim Kijeong, Charles H. Brenner, Victor H. Mair, Kwang-Ho Lee, Jae-Hyun Kim, Eregzen Gelegdorj, Natsag Batbold, Yi-Chung Song, Hyeung-Won Yun, Eun-Jeong Chang, Gavaachimed Lkhagvasuren, Munkhtsetseg Bazarragchaа, Ae-Ja Park, Inja Lim, Yun-Pyo Hong, Wonyong Kim, Sang-In Chung, Dae-Jin Kim, Yoon-Hee Chung, Sung-Su Kim, Won-Bok Lee, Kyung-Yong Kim.* A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 142, issue 3. P. 429–440.
- Klyosov 2010 — *Klyosov A. A.* Рец. на: A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia, by K. Kim et al. // *Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии*. 2010. Т. 3, № 4. С. 623–634.
- Louis 2007 — *Louis F.* Han Lacquerware and the Wine Cups of Noin Ula // *The Silk Road*. 2007. No. 4/2. P. 48–53.
- Murail et al. 2000 — *Murail P., Crubezy E., Martin H., Hays L., Bruzek J., Giscard P-H., Turbat T., Erdenebaatar D.* The man, the woman and the hyoid bone: from archaeology to the burial practices of the Xiongnu people (Egiin Gol valley, Mongolia) // *Antiquity*. 2000. Vol. 74, issue 285. P. 531–536.
- Pirazzoli-t'Serstevens 2009 — *Pirazzoli-t'Serstevens M.* Chinese lacquerware cups from Noin-Ula: some problems of manufacturing and distribution // *The Silk Road*. 2009. No. 7. P. 36–41.
- Xiongnu tombs... 2008 — *Xiongnu tombs in Mongolia*. Seoul: National museum of Korea, 2008.
- Zhongguo tongjing... 1992 — *Zhongguo tongjing tu dian (Encyclopaedia of Chinese Mirrors)* / Kong Xiangxing and Liu Yiman (comp.). Beijing: Wenwu chubanshe, 1992. Reprinted 1997.

Role of spatial distribution patterns in the analysis of archaeological materials (with special reference to the burial sites of Xiongnu)

S. S. Minyaev

The paper analyzes the spatial distribution of graves within a cemetery, using Xiongnu burials as an example. The arrangement system is based on the concentration of burials in the Central Barrow complexes, supplemented with «accompanying» burials with human sacrifices. The interpretation of the «accompanying» burials as burials of the persons, sacrificed in the course of the funerary rite, allows to consider the burials of each complex synchronous, made within one day or several days, in the course of the same funeral ceremony. It is quite evident, that a reliable date obtained for one of such graves, can well be applied to the whole complex. In turn, such complexes form groups of burials separated from one another by several tens of meters. The biggest barrows of each complex seem to have been constructed first,

and the remaining part of a cemetery was then forming around them. The location of such barrows in the northern part of the cemeteries (and, as a rule, higher than the other barrows) allows to regard the burial groups and complexes situated further to the south as later relative to the former. This system, established for the Dyrestui and Tsaram cemeteries, is characteristic also for other sites, which proves that it is no coincidence. Most likely, it was typical for the Xiongnu burial practice, reflecting real relations and connections within both single groups and the society in general. Thus, the interpretation of spatial distribution patterns acquires a particular importance in the study of burial sites, enhancing our ability to date them.

Новые данные об оборонительных сооружениях у северных предгорий Кузнецкого Алатау

С. В. Красниенко, А. В. Субботин

Ключевые слова: *Назаровская котловина, крепости, све, городища, афанасьевская культура, окуневская культура, раннее средневековье, фортификация.*

Keywords: *Nazarovo depression, fortresses, fortified settlements. Afanasievo culture, Okunevo culture, Early Medieval period, fortification.*

Вопрос об укрепленных сооружениях (*све*) в степных районах Среднего Енисея подробно разработан в вышедшей несколько лет назад монографии А. И. Готлиба и М. Л. Подольского (2008). В книге изложена история изучения укрепленных поселений Южной Сибири. В 1990-е гг. авторы, возглавив экспедицию хакасских и петербургских археологов, выполнили большие работы по изучению крепостей, большинство из которых были непосредственно осмотрены авторами книги. Приведены детальные сведения о местонахождении памятников, опубликованы их планы, в ряде случаев описан ландшафтный и археологический контекст, характерный для этих укреплений. Некоторые из *све* — Чебаки, Устанах, Чергатинская, Кызыл Хая, Чалпан, Хазынхыр, Таптан Тураза — были подвергнуты раскопкам. Полученные материалы, а также находки из раскопок других исследователей, дали ценную информацию о времени функционирования памятников и характере их использования.

Однако уже в период подготовки этой книги к изданию были известны аналогичные крепости, данные о которых не нашли отражения в названной монографии. В связи с этим представляется целесообразным дополнить сведения, приведенные в книге А. И. Готлиба и М. Л. Подольского. Речь идет о *све*, лежащих на северной периферии интересующей нас территории.

Назаровская котловина — самая северная в системе минусинских котловин. Эта территория отличается большим разнообразием природных условий, что обусловило сложную дифференциацию ее ландшафтов. К числу главных особенностей котловины относится смешение и взаимопроникновение здесь западно-сибирских лесостепных, среднесибирских таежных и южно-сибирских горно-котловинных геосистем. Если соседняя — Чулымо-Енисейская котловина является переходной территорией, относящейся к бассейнам великих сибирских рек, Енисея и Оби, то Назаровскую котловину целиком покрывает речная система Чулыма и его притоков, тяготеющая к бассейну Оби. Такое географическое положение Назаровской котловины в сочетании с имеющимися археологическими данными позволило дать определение этой территории как коридору, связывавшему древние общества Среднего Енисея и Западной Сибири в меридиональном направлении, т. е. по линии С–Ю. Не исключено, что такие же характеристики эта территория приобретет и как проводник культурных связей по линии З–В.

Укрепленные сооружения как яркие приметы антропогенного ландшафта, пусть и не столь часто встречаемые в степях Среднего Енисея и окружающих их гор, — курганы с впечатляющими каменными конструкциями, наскальные изображения и древние системы ирригации — привлекали внимание исследователей уже в XVIII в. В течение XIX в. шло накопление информации. В это же время были предприняты первые попытки научного описания, картографирования, интерпретации этих памятников, что одновременно привело к обмену мнениями по поводу данной категории археологических объектов: Н. И. Попов (1873), Н. М. Мартынов (1883), Д. А. Клеменц (1886), И. Т. Савенков (1886), И. П. Кузнецов (1889), И. С. Боголюбский (1883). К 1920-м гг. количество известных памятников приблизилось к 30. Это позволило Г. П. Сосновскому, вероятно, к 1925 г. каталогизировать все известные объекты, благодаря собственным исследованиям и информации, полученной в результате работ предшественников. Материалы из архива Г. П. Сосновского (НА ИИМК РАН, РА, ф. 42, д. 157) содержат несколько вариантов списка этих укрепленных по-

селений (1. 16 пунктов и 17 памятников; 2. 15 памятников; 3. 26 пунктов и 28 памятников), обзор библиографии, посвященной теме *све*, типологию этих сооружений, не потерявшую значение и в настоящее время, а также другие сведения, позволяющие интерпретировать и датировать рассматриваемые памятники. Территориально они разделены по уездам согласно административному делению Сибири начала XX в. Для нас представляет особый интерес информация по Ачинскому уезду. В разных вариантах списка памятников упоминаются два укрепленных сооружения (городища): Божье озеро «Свялик/Свалик» и Ачинск. Из дневников Г. П. Сосновского известно, что он побывал на первом из этих памятников в 1925 г. и сделал зарисовку плана сооружения (рис. 4, 3, 4; Сосновский 1925б: Л. 20, 20а). Страница из дневника Г. П. Сосновского, посвященная этому памятнику, содержит следующий текст «Городище на “Свалике”. В 6 вер. к ВСВ от ул<уса>. Малозерского на горе “Свалик” находится древнее укрепление. Гора возвышается над окружающей местностью метров на 120. Ширина городища 22 метрам, длинна 42 м. Площадки городища неправильной треугольной форм<ы>. С ЮЗ и З (?) стороны городище защищено крутым обрывом (на протяжении 42 метр<ов>). Искусствен<ные> укрепления городища состоят из камен<ной> стены. Окружность городища 102 метр<а>. Сложены кам<енные> стены из плит простого песчаника. В СВ части есть перерыв проезд огороженный вертикально поставл<енными> плитами. Ширина прорыва 106 см. Вход огражден плитами поставленными на ребро, шир<иной> 1,60 м. Стены городища заросли травой. С внутрен<ней> стороны высота вала 80 см. Высота кладки стен 140 см. Сложено из 13 <рядов> плит. Размеры плит 135 см, толщ<ина> 8 см, шир. 2 м. Валы? На площадке городища заметны следы округлых углублений обложенных плитками» (Сосновский 1925б: Л. 16). Еще один фрагмент дневника гласит: «Оз. Божье, Свалик, в 4, 6 верстах от Думы» (Там же: Л. 27).

В картотеке городище на Божьем озере упомянуто только в списке, из чего можно сделать вывод о том, что картотека составлена Г. П. Сосновским ранее «Ачинской поездки», совершенной летом 1925 г. Второй памятник — городище Ачинское I — открыт, по всей вероятности, в первой половине 1920-х гг. В. Г. Карцовым. Об этом свидетельствуют данные из картотеки Г. П. Сосновского (Сосновский 1925а: Л. 471). Раскопки памятника произведены в 1929 и 1931 гг. В. Г. Карцовым (Карцов 1932), в 1956–1960 гг. Г. А. Авраменко (Авраменко 1963). В 1974 г. на уже практически разрушенном городище произвел зачистки и сборы подъемного материала А. В. Циркин (Циркин 1998: 151–160).

Обратившись к интересующей нас теме применительно к северо-западной периферии минусинских культур в период от эпохи бронзы до раннего средневековья, нельзя пройти мимо информации, также известной еще с XIX в. Сведения о крепостных сооружениях на горах Медвежонок и Свялик содержатся в отчете финской экспедиции Я. Р. Аспелина и Я. Аппельгрена-Кивало за 1887 г. (Appelgren-Kivalo 1931).

Однако, несмотря на подробные данные о месте расположения этих памятников, исследователи допустили ряд неточностей: не были зафиксированы различия в приемах строительства крепостных стен, сделано фантастическое допущение о наличии захоронений в оборонительном валу под деревней Парная (гора Медвежонок). Информация о све на горах Медвежонок и Свялик приведена в переписке Я. Р. Аспелина (Письмо IV U.S. 7.IX.1887 № 206 Минусинск, 4 августа 1887 г.): «В <...> письме, которое я отправил 23 июля <...>, я не упомянул о том, что здешняя «чудь» имела на горах крепостные валы. <...> Мы получили сведения о трех таких крепостных валах, один из которых расположен в 3–4 верстах западнее деревни Парная (Parna) на Божьем озере, а второй в 9 верстах от лежащей на южной оконечности этого же озера церковной деревни Дума <...> Они представляют собой низкие валы из плоских камней, возведенные без использования глины; крутые горы сами по себе являются превосходными крепостями. В оборонительном валу под деревней Парной должны иметься захоронения» (Appelgren-Kivalo 1931: 1–7; цитируется по переводу в книге: Семенов Вл. и др. 2003: 102).

Характерно, что названные крепости не были нанесены на карты, приведенные в отчете финских археологов. Очевидно, что составлявший свой каталог, вероятно, в 1925–1926 гг. Г. П. Сосновский не имел возможности получить информацию о работах своих финских коллег, поскольку отчет об их изысканиях вышел в свет только в 1931 г. Именно поэтому в списках Г. П. Сосновского отсутствует *све* у дер. Парная, т. е. Медвежонок.

В «Сибирской истории...» И. Э. Фишера содержится следующий текст: «Степан Гречанин поехал из Томска в 7168 (1659 году в Сентябре месяце) и, проехав Томский уезд, прибыл к называемому Божию озеру (77), в первом Киргизском улусе. Тут переменял он лошадей до реки Бечиша,

оттуда перешел черный и белый Июс, а по том у Белого озера достиг до старинной Татарской нагорной крепости» (Фишер 1774: 518). Реконструируя на основании этой информации маршрут посла Гречанина, Н. И. Попов предположил, что упомянутая «татарская крепость» находится на берегу оз. Белё. В книге А. И. Готлиба и М. Л. Подольского (2008: 30) есть сведения о крепости Чалпан, находящейся на северном берегу оз. Белё. Однако, как будет показано дальше, сообщение Фишера можно понимать и буквально, т. е. имеющее отношение к окрестностям оз. Белое.

В конце 1960–1970-х гг. сначала на северо-востоке Кемеровской обл., а затем на соседних территориях Красноярского края проводили разведочные работы сотрудники кафедры археологии Кемеровского государственного педагогического института (с 1974 г. — Кемеровского ГУ). В процессе изысканий были выявлены и зафиксированы многочисленные памятники, в том числе несколько десятков поселений (Абсалямов 1976, Бобров, Пяткин 1977, Абсалямов, Мартынов 1979; 1988), включая укрепленное поселение в низовьях реки Белый Июс у села Малый Сютик.

По результатам исследований был сделан вывод о хронологической принадлежности памятников. Все они относились ко времени существования тагарской и таштыкской культур. Были получены интересные наблюдения о топографии и функциональном назначении памятников. Часть их была отнесена исследователями к категории городищ: Шестаково, Ачинские I и II, Малый Сютик, Знаменское, Мариинское, Береш II (Абсалямов, Мартынов 1979: 77–82), причем некоторые из них — Ачинское II (открыто и исследовано Г. А. Авраменко; Авраменко 1963), Берешское II — охарактеризованы как временные убежища. Впрочем, работы Сибирской экспедиции ИИМК РАН не подтвердили искусственное происхождение последнего из названных памятников. При описании укрепленных поселений А. И. Мартынов и М. Б. Абсалямов также обращались к классификации Г. П. Сосновского.

В 1993–2005 гг. Сибирская экспедиция ИИМК РАН, паспортизируя археологические памятники, обследовала более 500 объектов на территории Шарыповского и Ужурского р-нов, расположенных в Назаровской котловине (запад Красноярского края). Все эти памятники были описаны и сфотографированы; составлены также их планы с учетом данных геодезической инструментальной съемки. Одним из результатов проведенных работ стало исследование шести укрепленных сооружений (рис. 1–9), часть из которых была открыта сотрудниками экспедиции (Субботин, Красниенко 1999). Для всех крепостей подготовлен комплект охранной документации. Поскольку каждая из них обладает своеобразием, создать типологическую классификацию укрепленных сооружений затруднительно. Несколько *све* находятся на вершинах гор: Медвежонок, Свялик (Свалик), Хахпах-Хыр, Известковая (Кошколь V). Два других памятника, условно объединенных названием «городища», — Кабайдак и Подозерное — расположены на западном берегу оз. Белое. В начале описания крепостей, которое следует ниже, приводятся полные их названия согласно подготовленным паспортам. В остальных частях текста и в подрисуночных подписях даны сокращенные названия памятников.

Крепость Гора Медвежонок (рис. 2, 1; 3) находится в 7 км к З от с. Парная на горе Медвежонок. Это каменное укрепление, образованное валами из набросанного рваного песчаника и гранита. Длина некоторых валов достигает 25 м, тогда как другие вытянуты всего на 3–4 м, ширина валов — 3–4 м. Полукольцо валов, охватывающее высшую точку горы с Ю, В и С, разорвано в своей СВ части, где пологий склон горы густо зарос кустарником и лесом. Высота валов не превышает 0,5–0,7 м. Поскольку западная сторона горы представляет собой недоступную скалу, высотой от 20 до 50 м, необходимость строительства валов в этой части поселения отсутствовала. Площадь, обнесенная валами, покрыта редкой и мелкой травой, сквозь которую во многих местах проступают выходы скальных пород. Памятник был известен финским исследователям, совершавшим свою поездку в 1887 г. (Appelgren-Kivalo 1931: 1–7). В 2002 г. у стен *све* С. А. Краснолуцкий собрал подъемный материал — два кремневых отщепы (один из них, возможно, скребок), несколько фрагментов керамики без орнамента и фрагмент орнаментированного венчика сосуда лугавского (каменноложского) времени (рис. 9, 1–8).

Крепость Свялик VIII (рис. 2, 2; 4, 1), занимающая самую верхнюю точку горы Свялик, находится в 7,2 км к ССВ от деревни Малое Озеро и в 9,6 км к ЮВ от деревни Большое Озеро. Памятник представляет собой каменную стену, высотой местами до 1,5 м и шириной 2,4–2,7 м. Она окаймляет площадку на вершине горы, имеющую в плане вид прямоугольного треугольника,

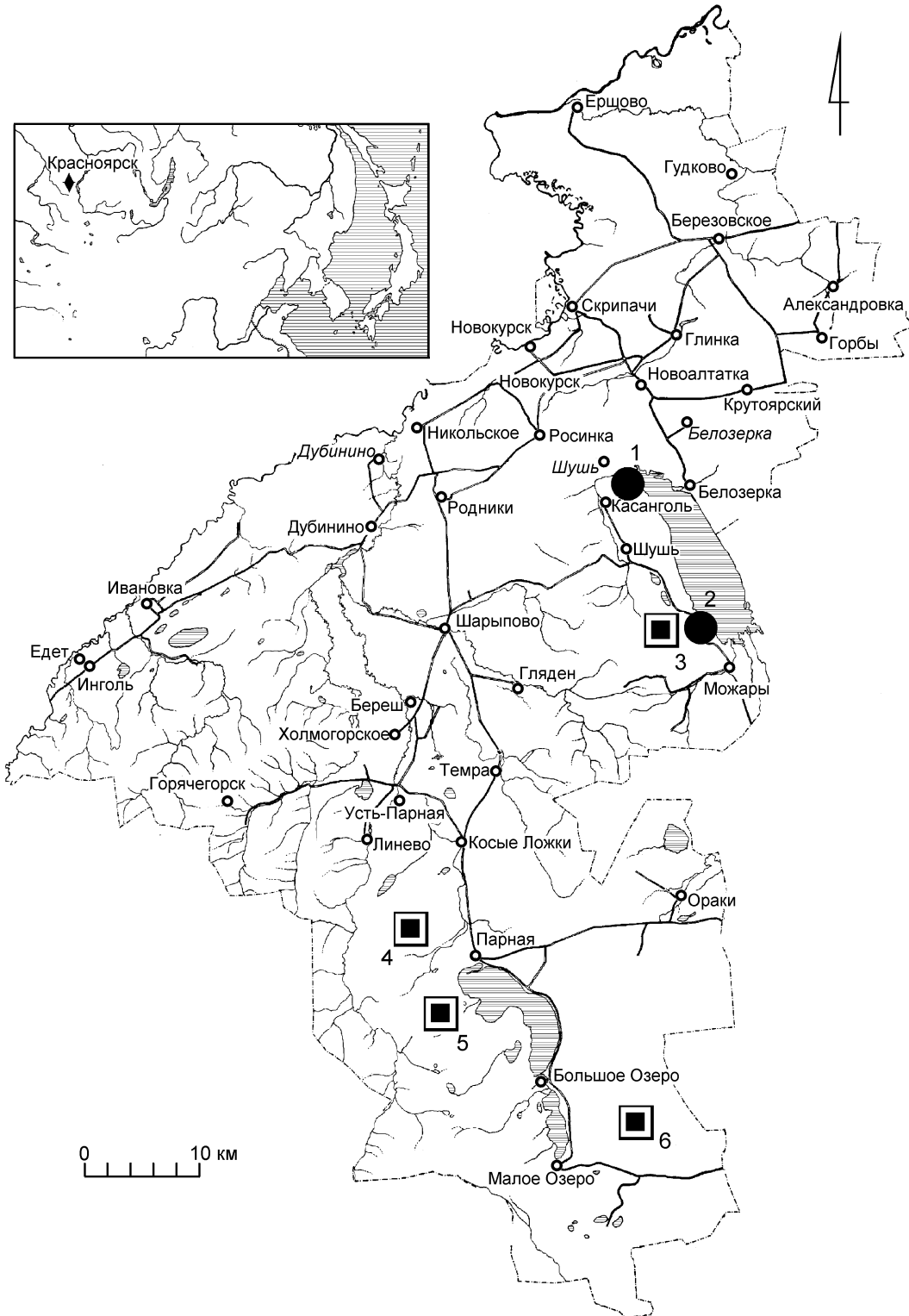

Рис. 1. Фортификационные сооружения в западной части Назаровской котловины (Шарыповский р-н Красноярского края): 1 — городище Кабайдак; 2 — городище Подозерное; 3 — крепость Кошколь V (Известковый Лог); 4 — крепость Медвежонок; 5 — крепость Хахпах-Хыр; 6 — крепость Святик
Fig. 1. Defense constructions in the western part of the Nazarovo depression (Sharypovo district of the Krasnoyarsk region): 1 — Kabaidak fortified settlement; 2 — Podozernoie fortified settlement; 3 — Koshkol V fortress (Izvestkovyi Log); 4 — Medvezhonok fortress; 5 — Khahpakh-Khyr fortress; 6 — Svyalik fortress

углы которого скруглены. Длинный катет треугольника — скалистый, высотой до 50 м обрывом, а короткий направлен на запад, перпендикулярно обрыву. Стена сооружена лишь по двум из трех сторон этого треугольника и отсутствует со стороны обрыва, где площадка памятника повышается, образуя своего рода третью стену крепости. За западной короткой стеной укрепления находится небольшой распадок, шириной до 20–25 м, а затем — небольшое скалистое повышение. В 8 м к ЮВ от угла, противоположного обрыву, в длинной части каменной стены, за которой начинается пологий лесистый склон, устроен широкий проход в центральную часть крепости. В проходе вертикально вкопаны две каменные плиты, имеющие высоту до 0,6 м. Одна из плит примыкает к стене, а вторая делит проход на две неравные части. Средняя часть возвышения *све* разруше-

Рис. 2. Фотографии фортификационных сооружений, вид с Ю: 1 — крепость Медвежонок, крепостной вал (остатки стены) в юго-восточной части; 2 — крепость Свялик, площадка; 3 — крепость Хахпах-Хыр, площадка; 4 — крепость Кошколь V, площадка; 5 — городище Подозерное, земляной вал; 6 — городище Кабайдак, земляной вал

Fig. 2. Photographs of defense constructions, view from the south: 1 — Medvezhonok fortress, rampart (wall remains) in the southeastern part; 2 — Svyalik fortress, ground; 3 — Khahpakh-Khyr fortress, ground; 4 — Koshkol V fortress, ground; 5 — Podozernoje fortified settlement, earth rampart; 6 — Kabaidak fortified settlement, earth rampart

на при строительстве триангуляционного знака, впоследствии сваленного попаданием молнии, а ныне совершенно отсутствующего. Г. П. Сосновский, посетивший это укрепление в 1925 г., отмечал, что «на площадке городища заметны следы округлых углублений, обложенных плитками» (Сосновский 1925а: л. 16) (рис. 4, 3). Стена крепости сложена из больших плит песчаника до 1 м шириной, примыкающих друг к другу очень плотно и без скрепляющего раствора. Благодаря вышеупомянутому проходу удалось исследовать разрез стены, состоящей из двух уложенных параллельно рядов каменных плит, и определить детали ее кладки, имеющей в торце вид перевернутой

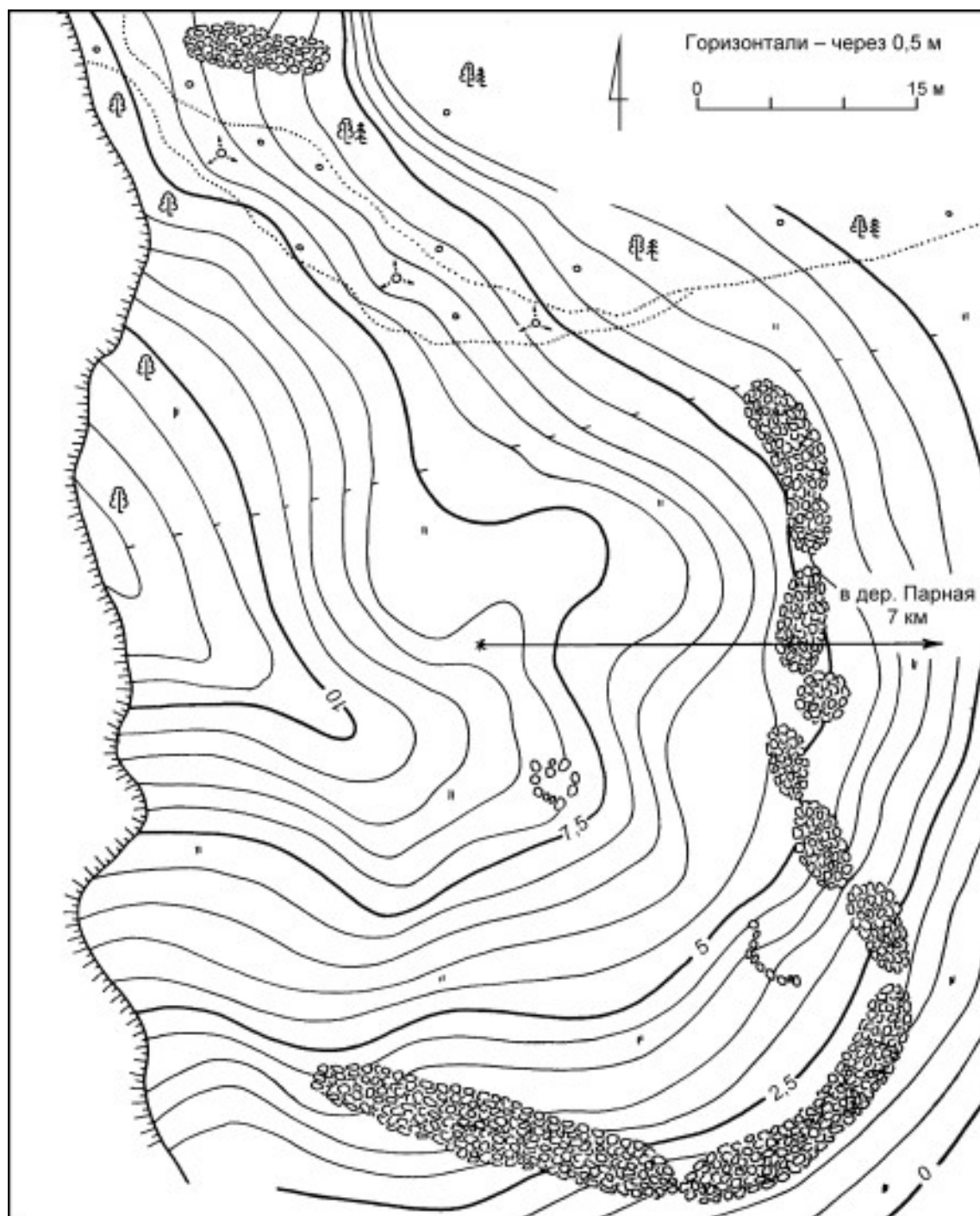

Рис. 3. Крепость Медвежонок, план
Fig. 3. Medvezhonok fortress, plan

«елочки» с приподнятыми вверх краями плит с обеих сторон стены и опущенными вниз краями плит в ее теле (рис. 4, 2). Верх стены на всем ее протяжении зарос кустарником и густой плотной травой, поэтому мелкие архитектурные детали укрепления теряются. Хронологическая привязка памятника затруднительна. Крепость была известна финским исследователям, совершавшим свою

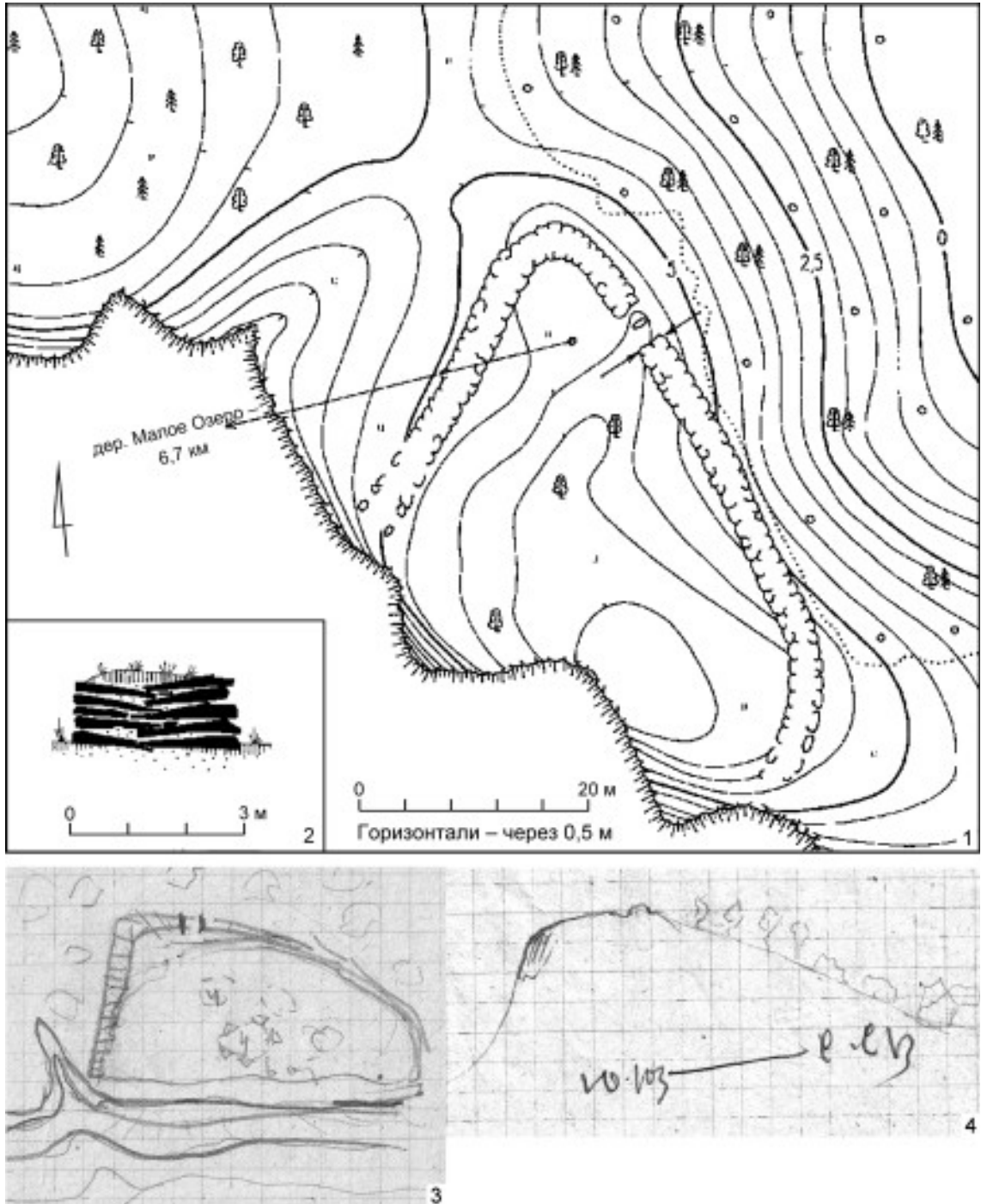

Рис. 4. Крепость Свялик: 1 — план; 2 — северный торец стены у прохода, вид с СЗ; 3 и 4 — план крепости и профиль горы Свялик, рисунки из дневника Г. П. Сосновского (Сосновский 19256)

Fig. 4. Svyalik fortress: 1 — plan; 2 — northern part of the wall near the passage, view from the northwest; 3 and 4 — Svyalik fortress plan and Svyalik mountain profile, drawings from G. P. Sosnovsky field diary (after Sosnovskiy 19256)

поездку в 1887 г. (Appelgren-Kivalo 1931: 1–7). В 1990 г. она обследована отрядом по паспортизации археологической лаборатории Хакасского ГУ во главе с А. И. Готлибом (Готлиб, Бутанаев 1990: 137, 144). Имеется информация о возможной исторической коллизии, связанной с этим сооружением: «По преданию, крепость построена знаменитым Ханза бегом. Этот легендарный герой в середине XVII в. выступил за отделение Хакасии от России. Поводом для выступления послужили высокий ясак, крещение и жестокие поборы томского воеводы. Ханза бег поднял восстание в долине Июсов и собрал военную дружину. В результате битвы с казаками на р. Урюп Ханза бег потерпел поражение и в дальнейшем был казнен. После подавления восстания русские власти якобы запретили название “Хоорай” для местного населения и их страны. Какое историческое лицо стоит за Ханза бегом до сих пор остается невыясненным» (Готлиб, Бутанаев 1990: 137).

Крепость Хахпах-Хыр (рис. 2, 3; 5) находится в 2 км к ЗСЗ от деревни Сартачуль на вершине горы Хахпах-Хыр (холм в виде сферической крышки — *хакас*) (Бутанаев 1995: 170). Это сооружение в виде вала из рваного камня, имеющее в плане очертания сильно уплощенной буквы «П». Две короткие стенки (северо-западная и юго-восточная) упираются в скальный обрыв, высотой до 50–70 м, длинная стенка (северо-восточная) вытянута почти параллельно обрыву на пологом северо-восточном склоне горы. Длина северо-западной стенки составляет 20 м; северо-восточной — 50 м; юго-восточной — 15 м. Вал имеет высоту от 0,2 до 0,5 м с внутренней стороны и от 0,5 до 1,4 м — с напольной. Его ширина колеблется от 3 до 5 м. Задернованные камни ограды сильно заросли высокой густой травой и мелким кустарником, местами кладка разрушена. Примерно в середине длинной стены *све* с напольной стороны зафиксированы два развала камней, находящихся на расстоянии 6 м друг от друга. Не исключено, что здесь был устроен вход в крепость. Внутри ее прослежены сильно задернованные фрагменты регулярной каменной кладки, имеющей в плане относительно правильные прямоугольные очертания. Возможно, они являлись остатками фундаментов каких-то построек. По просьбе авторов данной статьи памятник посетил и осмотрел С. А. Краснолуцкий. Внутри крепостных стен он нашел на краю скального обрыва ожерелье из 23 аргиллитовых бус и две бронзовые подвески с прочеканенным орнаментом, бронзовый рыболовный крючок, фрагменты орнаментированных венчиков сосудов, фрагмент орнаментированной стенки сосуда, обработанный рог марала, мотыжку из рога марала, нуклеус, скребки (рис. 9, 19–33). Орнамент и состав теста керамики позволяет относить этот памятник, вероятно, к эпохе развитой бронзы, т. е. к окуневскому времени (II тыс. до н. э.).

Крепость Кошколь V (Известковый Лог) (рис. 2, 4; 6) находится в 4,8 км к СЗ от окраины деревни Можары и в 3 км к Ю от южного берега озера Малый Кошколь. *Све* занимает вершину безымянной горы высотой 631 м (разрушенный триангуляционный знак находился в 70 м к СВ от памятника), возвышающейся к Ю от лога Известковый. Юго-западный склон горы представляет собой скальный обрыв высотой от 40 до 80 м. Северный склон также обрывистый, высотой около 20–30 м. Северо-восточный склон на некотором расстоянии от крепости порос лесом. Само укрепление включает три каменных вала, составленных из обломков скальных пород («рваный камень») размерами от 20×20×20 см и более. Валы, имеющие разрывы, опоясывают вершину горы полукольцом с северо-западной, северной, северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон, причем северо-западный вал далеко на север заходит за северо-восточный, а тот, в свою очередь, заходит за восточный вал. Вероятно, таким образом были устроены входы в крепость, чтобы их можно было оборонять. Через внутреннюю площадку укрепления с юга на север пролегает ров, шириной 3–5 м. Его назначение неясно. Внутри *све* прослеживаются следы сооруженных из «рваного камня» фундаментов, имеющих в плане подквадратную форму (размерами от 3×3 до 7×7 м), причем в средней части некоторых из них видны провалы. Подъемный материал, собранный в крепости, состоит из венчиков и стенок орнаментированных и неорнаментированных сосудов (рис. 9, 9–18). Судя по этим находкам, памятник относится к I тыс. н. э. Географическое положение укрепления и его предварительная датировка заставляют вновь обратиться к «Сибирской истории...» Фишера. Можно предположить, что приведенная выше цитата касается именно этого *све*. И хотя описание маршрута посла Степана Гречанина плохо согласуется с данной версией, интерес представляет упоминание о крепости на Белом озере.

Городище Подозерное (рис. 2, 5; 7) открыто С. В. Красниенко в 1987 г. Оно находится в 9,5 км к ЮВ от села Шушь, в лесу. Сохранившаяся часть памятника находится на краю обрыва коренного западного берега оз. Белое. Судя по планировке, городище было в большей своей части разрушено водами подмывавшего его озера. Установить первоначальные размеры памятника невозможно. Его оставшаяся к настоящему времени часть имеет длину (вдоль берегового обрыва) по верху вала 60 м и ширину (от берега вглубь леса) — 25 м. Высота обрыва варьирует от 12 до 15 м. Городище укреплено валом высотой 3,5–4,5 м, с напольной стороны которого сохранился ров глубиной 0,4–0,7 м. Примерно в середине юго-западной стены вал был в древности прорезан на большую глубину. Вероятно, здесь находился вход в укрепление. Вся площадь городища, окруженная валом, перекопана грабительскими траншеями и ямами. Возраст некоторых ям и воронок, судя по оплыву их стенок, не превышает нескольких десятков лет. Другие ямы вырыты еще позже. Возможно, местные жители

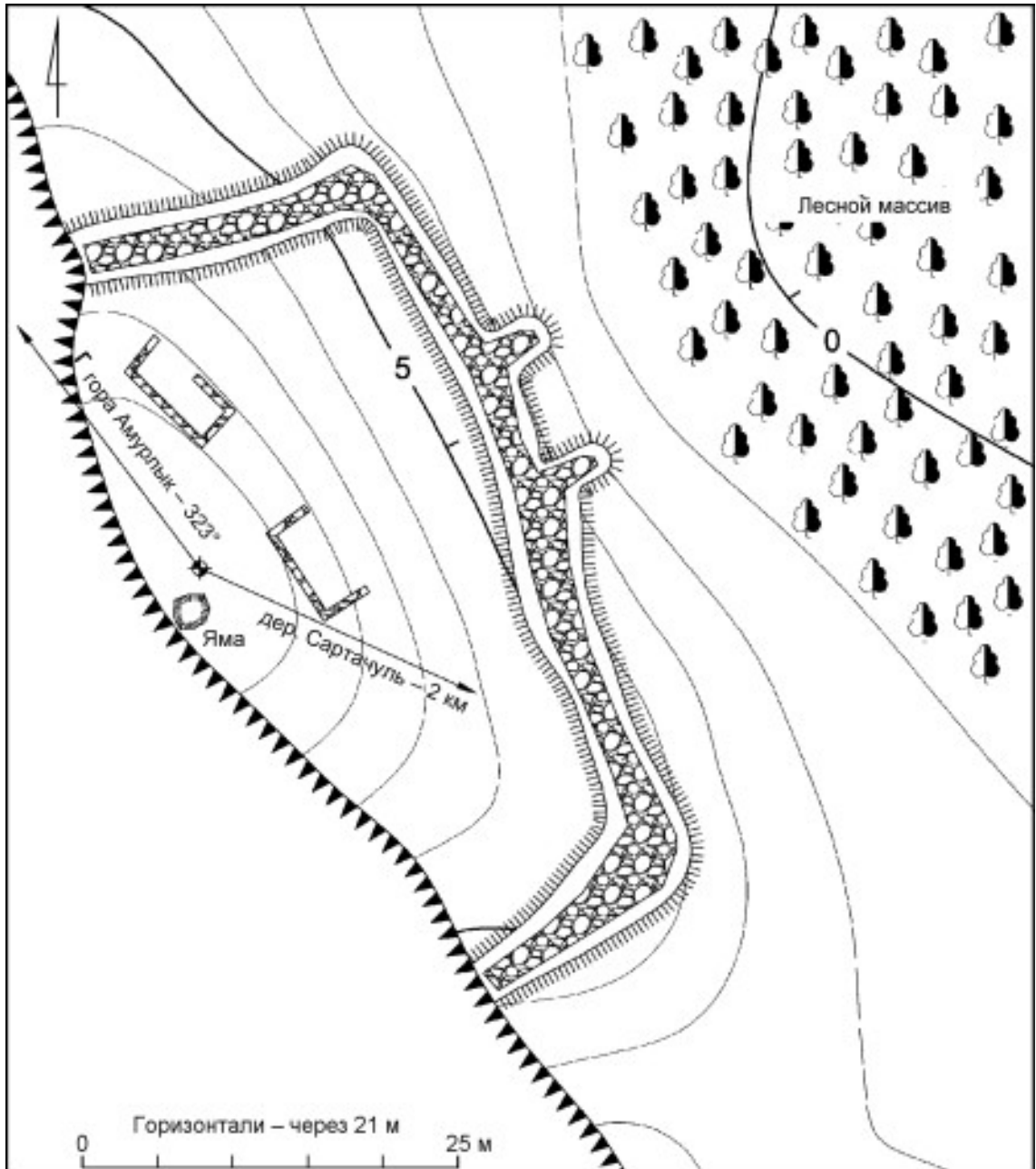

Рис. 5. Крепость Ххпхх-Хыр, план
Fig. 5. Khahpakh-Khyr fortress, plan

знали о существовании здесь какого-то древнего сооружения и неоднократно копались в его руинах в поисках сокровищ. На рубеже XX и XXI вв. разрушение памятника продолжалось. В северную стену вала «врезана» землянка, вырытая рыбаками или охотниками. В 1987 г. на городище были произведены зачистки некоторых ям с целью выявления материала для культурно-хронологической атрибуции памятника. Обнаружены костяной наконечник стрелы (рис. 9, 36) и несколько фрагментов керамики, по тесту и орнаментации которой можно датировать городище I тыс. н. э. (рис. 9, 34, 35, 37).

Городище Кабайдак (рис. 2, б; 8) открыто А. В. Субботиным в 1987 г. Оно находится в 2,8 км к СВ от деревни Касанголь, в лесу. Поселение имеет почти правильную в плане круглую форму. Диаметр городища по верху вала составляет около 40 м. Памятник располагается на северном конце вершины водораздела, имеющей вид невысокой гряды. Такая локализация поселения обусловлена фортификационными целями. При сооружении валов и рвов они были отделены от гряды широкой, искусственной ложбиной, причем, вероятно, в результате земляных работ в не-

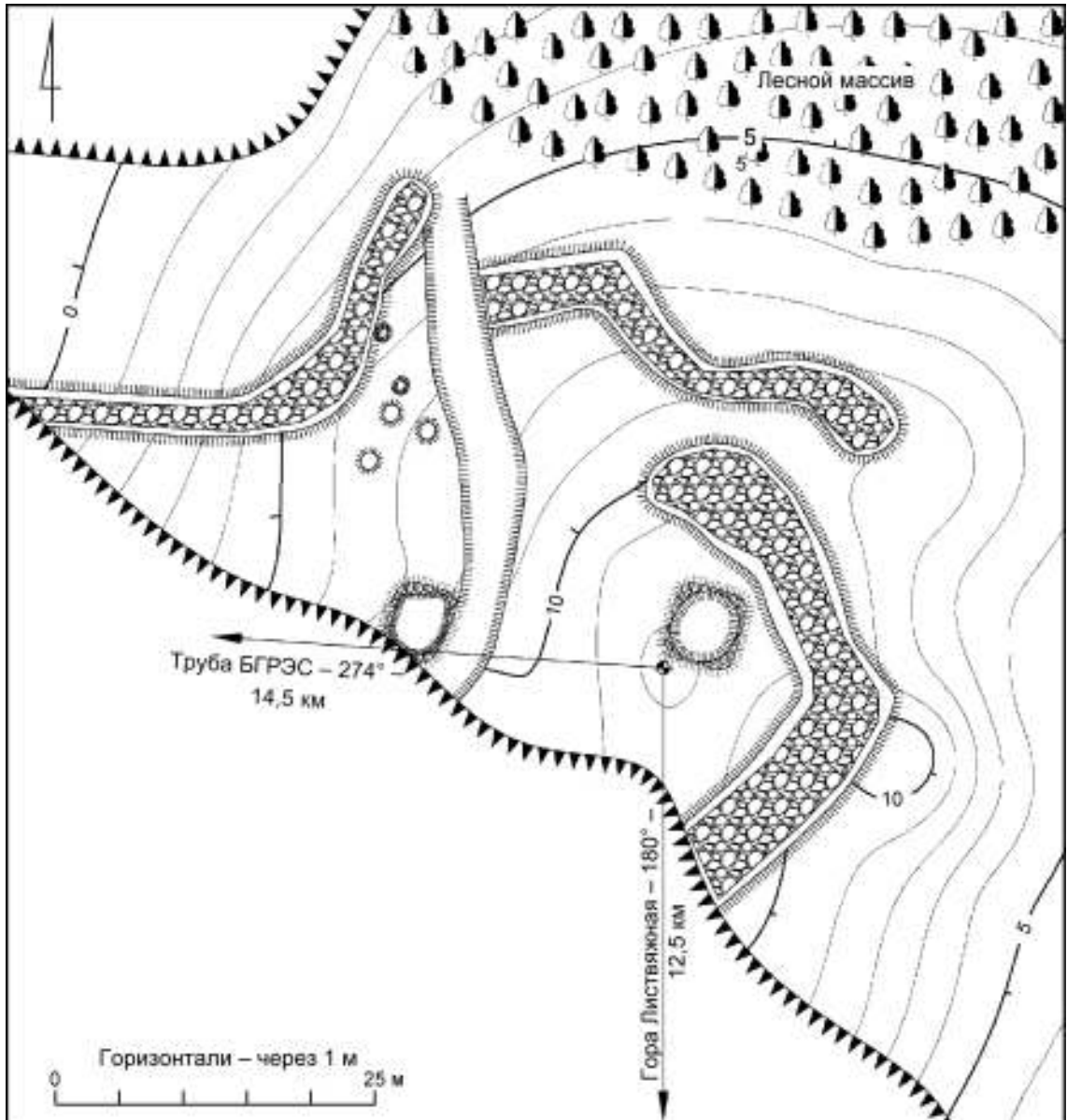

Рис. 6. Крепость Кошколь V, план
Fig. 6. Koshkol V fortress, plan

которых местах здесь были открыты выходы скальных пород. Самый крупный из них виден к югу от городища. Возведенное в начале западного склона водораздела укрепление имеет неравную высоту валов. В восточной части памятника они достигают высоты 4,5–5 м, а в западной едва превышают 2 м. С напольной стороны городища сохранился ров. Его глубина варьирует от 0,3 до 0,7 м. В северо-восточной и юго-западной частях памятника вал был прорезан в древности на большую глубину. Возможно, в этих местах находились входы в укрепление. Площадь городища внутри валов имеет заметный уклон к западу. В 1987 г. в центре памятника было заложено два шурфа для определения культурно-хронологической принадлежности укрепления. В ходе шурфовки найдено несколько фрагментов керамики и крупный костяной наконечник стрелы. По составу теста и орнаментации керамика датируется первыми веками нашей эры, но, возможно, и позднее. В 50 м к востоку от городища берет начало пологий безлесный склон к оз. Белое, берег которого находится примерно в 2,5–3 км от памятника.

Абсолютные высоты вершин, на которых расположены крепости-*све*, составляют около 620 м (Медвежонок), 793 м (Свялик), около 550 м (Хахпах-Хыр) и 631 м (Известковая). Следует обратить внимание на окружающий укрепления рельеф. Так, Хахпах-Хыр (Бутанаев 1995: 170; Комиссаренко 2002: 41) находится в северных пределах основного массива Кузнецкого Алатау, в 2 км к 3 от оз. Большое. Скальный обрыв этого *све* высотой 50–70 м обращен на ЮЗ; с его самой возвышенной точки не видны известные к настоящему времени соседние крепости. Среди окружающих гор Хахпах-Хыр не выделяется своей высотой. В западной части от основания до вершины горы — не более 100 м. Можно предположить, что в этом микрорегионе для целей древней

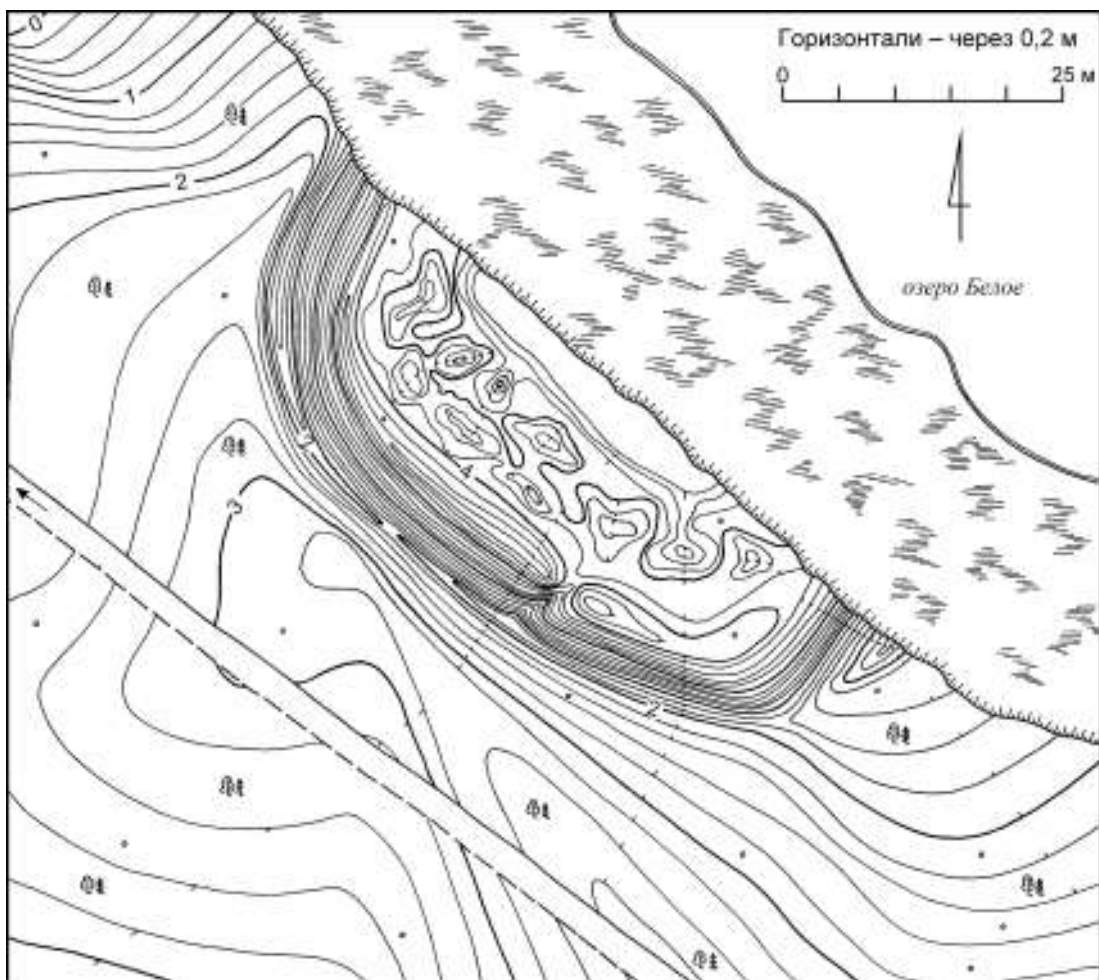

Рис. 7. Городище Подозерное, план
Fig. 7. Podozerno fortified settlement, plan

коммуникации (сигнальная система) использовали вершину какой-нибудь другой соседней горы. Поодаль от северного края основного массива Кузнецкого Алатау выступает гора Медвежонок, находящаяся в 4 км к СЗ от северного побережья оз. Большое (Божье). Высота ее от подножья до вершины насчитывает не менее 170 м. Соседние вершины расположены далеко. Это позволяет видеть из крепости Медвежонок и долину Божьих озер, и ближайшие окрестности Свялика. Последняя гора, находящаяся в 6 км к З от оз. Малое, возвышается примерно на 400 м, причем в ее южной части разница между вершиной и основанием составляет около 300 м. Такие особенности позволяют укреплению на этой горе занимать ключевое положение. С вершины Свялика хорошо видны не только ближайшие доминирующие высоты, но и многие горы, расположенные южнее, в том числе и те, на вершинах которых находятся *све*. Последняя крепость, названная при паспортизации Кошколь V, обнаружена на горе Известковая, в 3,5 км к З от оз. Белое. Ее восточный пологий склон порос лесом, западный круто спускается в долину р. Шушь. Расстояние от вершины до основа-

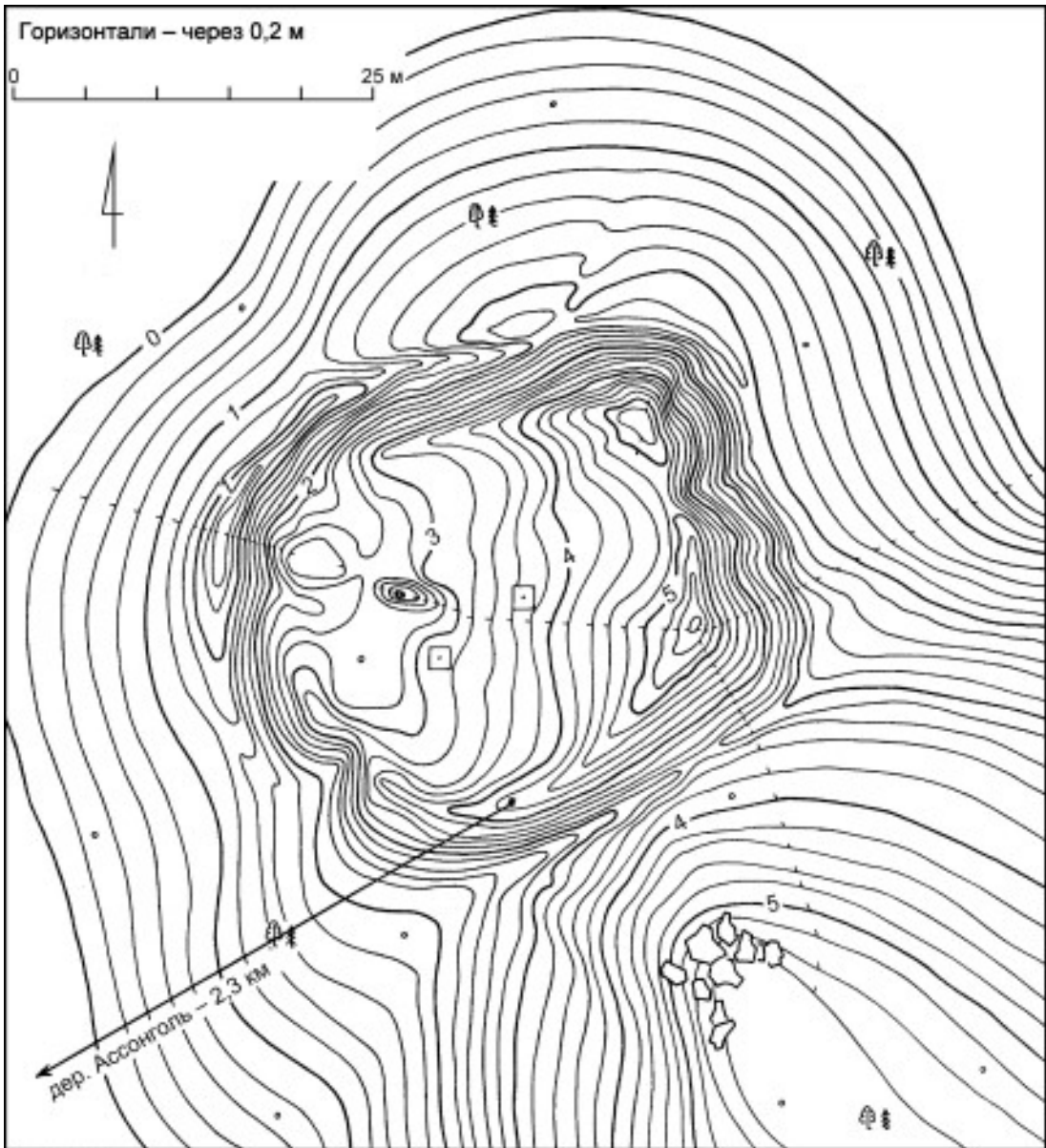
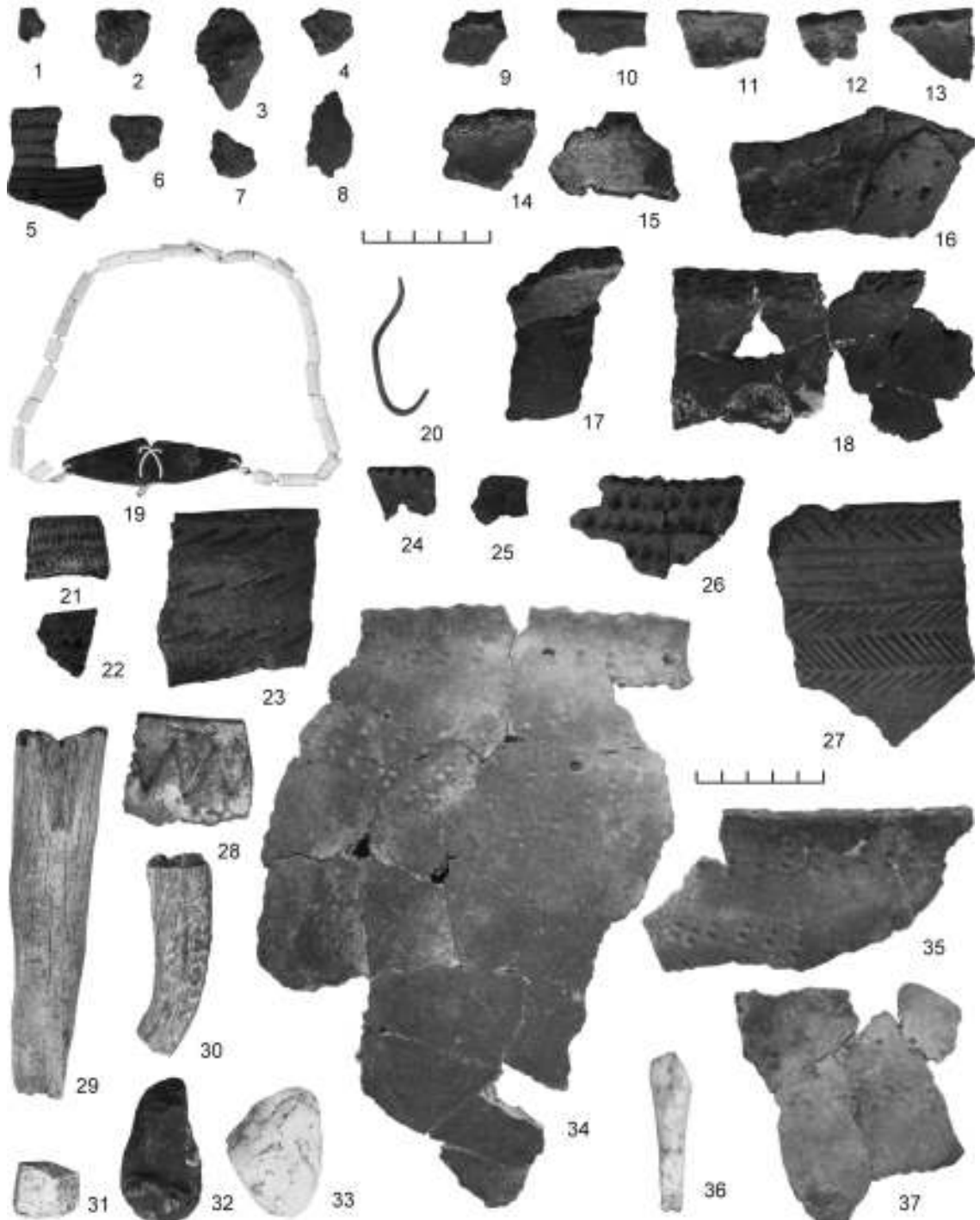

Рис. 8. Городище Кабайдак, план
Fig. 8. Kabaidak fortified settlement, plan

ния этой горы превышает 230 м. С ее вершины хорошо видны долины р. Шушь, озер Ближний и Долгий Кошколь, Белое и далее вплоть до западного края Солгонского кряжа.

Возможно, вершины гор не были залесены во времена активного использования *све*, но в целом стратегические возможности каждой из крепостей очевидны, что показывает карта (рис. 10).

Архитектура рассматриваемых памятников весьма разнообразна. Помимо указанных выше двух географически различных групп крепостей просматриваются и другие характеристики, объединяющие разные укрепления. Среди выявленных *све* Назаровской котловины намечаются пары, связанные особенностями строительства стен. Например, сохранившиеся стены Медвежонка и Известковой представляют собой валы из рваного камня. Возможно, будущие исследования по-

зволят разобраться с приемами сооружения стен этих двух крепостей. Есть и отличия в их конструкции. Валы Медвежонка высотой от 0,5 до 1 м образуют полукольцо (75 × 55 м), сохранившееся в виде нескольких фрагментов и охватывающее вершину горы с востока. Уникальный конструктивный прием использован при сооружении укрепления на вершине горы Известковая. Стена, образованная валом высотой не более 0,5 м, окружает площадку размерами 72 × 36 м и состоит из трех участков, каждый из которых представляет собой отрезок ломаной линии, причем местами сегменты стены параллельны друг другу, подобно лепесткам диафрагмы фотоаппарата.

На Свялике и Хахпах-Хыре стены сохранились на высоту до 1,5 м, что позволило Г. П. Сосновскому, побывавшему на Свялике, установить способ их кладки и сделать соответствующие зарисовки в полевом дневнике (Сосновский 1925: Л. 16, 20, 27). Оборонительная конструкция Свялика окружает ровную площадку на вершине горы. Максимальная протяженность длинной стороны этой площадки (З–В) составляет около 40 м, короткой — не более 25 м. *Све* на вершине Хахпах-Хыра, не имеющее такой ровной площадки, как на Свялике, охватывает своими стенами подпрямоугольный участок (60 × 25 м). Своей планировкой и ориентацией по странам света эта крепость напоминает укрепление на горе Сохатин (Готлиб, Бутанаев 1990: рис. 5). Система кладки укрепления на горе Хахпах-Хыр близка той, что использована на Свялике. Общей чертой всех *све*, кроме расположения их на вершинах гор, является использование в оборонительных целях естественных скальных уступов, обрывов и крутых склонов.

Два так называемых городища — Кабайдак и Подозерное, открытые авторами статьи в 1987 г., конструктивно близки, хотя сильно различаются местоположением и окружающим рельефом. Первый памятник находится в лесу, примерно в 1 км от западного берега оз. Белое. Земляной вал и ров у его подножья охватывают северный приподнятый конец водораздела и окружают подквадратную площадку, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Сооружение имеет размеры 40 × 40 м. Второй памятник расположен непосредственно на террасе западного берега того же озера над заболоченной поймой. Городище занимает прямоугольную площадку с закругленными углами (65 × 25 м), которая с напольной стороны окружена земляным валом и рвом. Возможно, это сооружение было разрушено в результате подмыва водами озера части берега и его обрушения. Оба памятника не вполне вписываются в традиционную характеристику «мысового городища», приводимую М. Л. Подольским (Готлиб, Подольский 2008: 217) и критически оцененную им. Тем не менее рассматриваемые городища имеют внешний облик, характерный для данной категории памятников, даже при отсутствии явно выраженных черт «защищенного пространства», ограниченного оврагом и берегом реки или высоким расположением на вершине горы или скалы. Ближайшие аналогии этим городищам, вероятно, можно найти к северу и северо-западу от Назаровской котловины. В 1966 г. Н. В. Нащокин произвел разведки в среднем течении Чулыма, ниже Ачинска (Нащокин 1966). Здесь им был выявлен ряд памятников, в том числе несколько городищ, расположенных, «как правило, на некотором расстоянии от современного русла, на обрывистых мысах коренного берега Чулыма, около древних стариц реки, превратившихся ныне в озера (городища Сопка, Мелецк I, Мелецк IV, Щелево, Промбор II, Назарово II), либо в той либо в иной степени зарастающие болота (Назарово III и IV, Промбор I)» (Там же: 52). Конструкция

Рис. 9. Крепости Медвежонка (1–8), Кошколь V (9–18) и Хахпах-Хыр (19–33), подъемный материал 2002 г.; городище Подозерное (34–37), находки, фото 2001 г.: 1 — отщеп; 2 — скребок (отщеп с ретушью); 3, 4, 6–8, 10, 12 — фрагменты неорнаментированных сосудов (3, 4, 7, 8 — стенки; 6, 10, 12 — венчики); 5, 9, 11, 13–18, 21–28, 34, 35 — фрагменты орнаментированных сосудов (16, 26, 37 — стенки, остальное — венчики); 19 — ожерелье; 20 — рыболовный крючок; 29 — мотыжка; 30 — обработанный рог марала; 31 — нуклеус; 32, 33 — скребки; 34 — наконечник стрелы (1, 2, 31 — кремь; 3–18, 21–28, 34, 35, 37 — керамика, 19 — аргиллит и бронза; 20 — бронза; 29, 30 — рог марала; 32 — кварцит; 33 — полевой шпат [?], 36 — кость)
Fig. 9. Medvezhonok (1–8), Koshkol V (9–18) and Khahpakh-Khyr fortresses, surface finds of 2002; Podozernoe fortified settlement (34–37), finds, photographs of 2001: 1 — flake; 2 — endscraper (retouched flake); 3, 4, 6–8, 10, 12 — fragments of undecorated vessels (3, 4, 7, 8 — vessel walls; 6, 10, 12 — vessel rims); 5, 9, 11, 13–18, 21–28, 34, 35 — fragments of decorated vessels (16, 26, 37 — vessel walls; others — vessel rims); 19 — necklace; 20 — fishing hook; 29 — hoe; 30 — worked antler of a Siberian red deer; 31 — core; 32, 33 — endscrapers; 34 — arrowhead (1, 2, 31 — flint; 3–18, 21–28, 34, 35, 37 — ceramics; 19 — argillite and bronze; 20 — bronze; 29, 30 — a Siberian red deer antler; 32 — quartzite; 33 — feldspar [?]; 36 — bone)

сооружений памятников и обнаруженный на них материал позволил исследователю разделить найденные городища на две группы (Там же: 53).

1. Небольшие по размеру памятники с невысокими оборонительными укреплениями (превышение вершины вала над дном рва около 1–1,5 м). При их обследовании найдены фрагменты плоскдонных или с уплощенным дном сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом. Украшенный ямочным орнаментом венчик, внутренний край которого слегка обрезан, имеет прямой, иногда расширенный профиль.

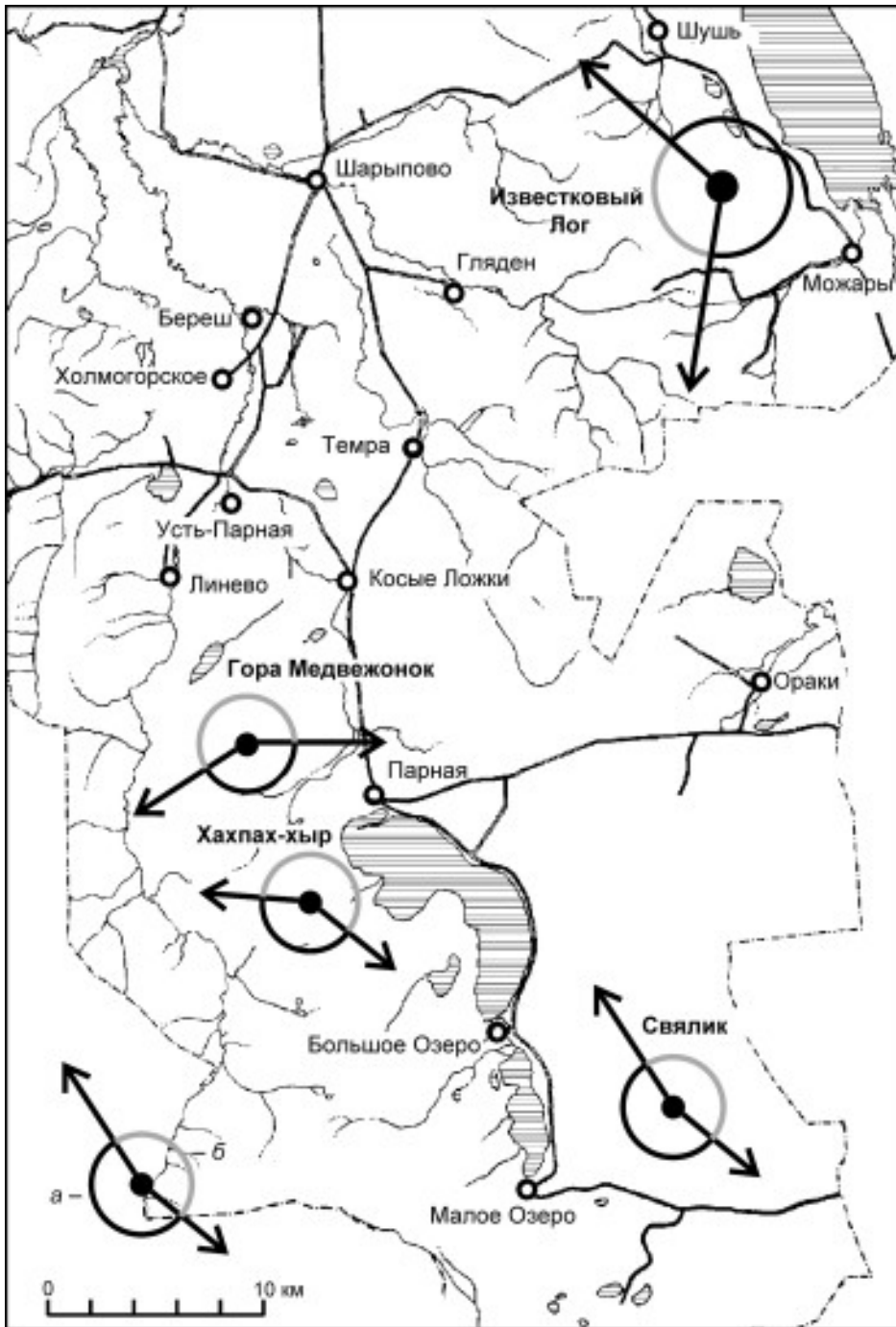

Рис. 10. Секторы обзора крепостей: а — сектор основного наблюдения; б — сектор вспомогательного наблюдения

Fig. 10. Fortresses' fields of view: а — main observation sector; б — additional observation zone

2. Городища большего размера, с системой из одного-двух рвов или валов (среднее превышение высоты вала над дном рва — 2–3 м и более). При их изучении обнаружены фрагменты круглодонных или плоскодонных сосудов с гребенчатым, луночным или ногтевым орнаментом. Край венчика у посуды этой группы резко отогнут наружу. У горшков четко выражены плечики и шейка, край венчика обычно орнаментирован лунками, нанесенными углом лопатки или гребенки. Наружный край венчика как бы нависает над его стенкой. Наряду с керамикой на памятниках многочисленны находки расколотых трубчатых костей.

Посуда, характерная для городищ обеих групп, находит аналогии среди керамики памятников железного века Среднего Приобья и Нижнего Притомья. Н. В. Нащокин предположил, что памятники I группы датируются началом или серединой I тыс. н. э., а городища II группы относятся к более позднему времени, возможно, к началу II тыс. н. э.

Культурно-хронологические данные по оборонительным сооружениям Назаровской котловины достаточно скудны, но они позволяют сделать некоторые выводы. Способ сооружения стен на Свялике и Хахпах-Хыре связывает эти крепости с подобными памятниками Хакасии и правобережья Енисея (например, горное поселение Чебаки; см. Готлиб, Подольский 2008: рис. 33) и дает возможность предположить их окуневское или близкое по времени происхождение (Там же: 217). К окуневскому, а возможно, и более раннему времени относится и подъемный материал, собранный на Хахпах-Хыре. Бусы (рис. 9, 19) напоминают «пуговицы» из могильника Афанасьева Гора или белокаменные (аргиллитовые) «бляшки», о которых имеются сведения в литературе (Вадецкая 1986: 19), причем «бляшки» иногда нашиты подобно пуговицам на браслет из кожи или другого мягкого материала (Грязнов 1999: 18). На Хахпах-Хыре была встречена и керамика окуневского облика (рис. 9, 21–28). Шурфовка городищ на побережье Белого озера (Кабайдак и Подозерное), а также собранный здесь и в крепости на горе Известковая подъемный материал (рис. 9, 9–18, 34–37) убедительно свидетельствуют о раннесредневековой датировке этих трех памятников (примерно середина I тыс. н. э.). Орнамент керамики, выполненный пальцевыми защипами, позволяет связать материалы названных трех городищ с данными памятников-«эпонимов» (Ачинское и Мариинское городища) соседнего северо-западного Ачинско-Мариинского р-на (Циркин 1977: 76), а также с некоторыми поселениями Назаровской котловины, например Усть-Парная (Красниенко, Краснолуцкий 1998). Суждение о датировке крепости на горе Известковая временем раннего средневековья разделяет и С. М. Фокин, получивший информацию о ней от открывшего этот памятник С. А. Краснолуцкого. С. М. Фокин включил сведения о нем в свою диссертацию (2007). Конструктивно близкую крепость на горе Медвежонок можно с осторожностью датировать этим же временем. Впрочем, как показали предположения М. Л. Подольского (Готлиб, Подольский 2008: 218), не исключена вероятность сосуществования в течение некоторого времени разнокультурных общностей, относящихся по традиционным археологическим представлениям к различным хронологическим периодам, но это вряд ли касается памятников на рубеже нашей эры. Возможно, новые сведения о датировке укреплений могут дать раскопки тех из них, где имеется культурный слой.

Таким образом, можно говорить о существовании к северу от Кузнецкого Алатау двух систем коммуникации–оповещения–фортификации, функционировавших в различные периоды. Системы эти отчасти подобны выделенным Л. Р. Кызласовым «укрепрайонам»: Июсскому и Оглахтинскому (Кызласов 1960: 167–168; История Хакасии... 1993: 97). Если одна из систем на северных отрогах Кузнецкого Алатау, приуроченная к побережью Белого озера и контролирующая восточные склоны так называемых Шушинских гор, достаточно цельна, то группа из двух крепостей в долине Божьих озер (исключая укрепление на горе Медвежонок) нуждается в дополнительных элементах системы. Возможно, ими являлись вершины, окаймленные скальными карнизами, которые украшены петроглифами, в частности Каратаг. Одна из версий названия этой гряды, к которой относится и Свялик, звучит как «Хайрахтах» — Дозорные горы (информация жителя Шарыповского р-на А. И. Итпекова). Кроме того, в систему оповещения могли быть включены и другие горные вершины, не отмеченные ни крепостными сооружениями, ни петроглифами.

Абсалямов 1976 — *Абсалямов М. Б.* Тагарские и таштыкские поселения Южной Сибири по материалам разведок 1970–1976 годов // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1976. С. 115–116.

Абсалямов, Мартынов 1979 — *Абсалямов М. Б., Мартынов А. И.* Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1979. С. 60–86 (ИКА. Вып. 10).

Абсалямов, Мартынов 1988 — *Абсалямов М. Б., Мартынов А. И.* Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Красноярского ГУ, 1988. 136 с.

Авраменко 1963 — *Авраменко Г. А.* Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 1963. С. 105–111.

Бобров, Пяткин 1977 — *Бобров В. В., Пяткин Б. Н.* Информация о полевых работах кафедры археологии Кемеровского государственного университета в 1977 году // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1977. С. 155–159 (ИКА. Вып. 9).

Боголюбский 1883 — *Боголюбский И. С.* Исследование древностей Минусинского округа и верховьев реки Енисея в 1882 г. // ИВСОИРГО. Ноябрь 1883. Т. 14, № 3. С. 13–15.

Бутанаев 1995 — *Бутанаев В. Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Изд-во Хакасского ГУ, 1995. 268 с.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 1986. 180 с.

Готлиб, Бутанаев 1990 — *Готлиб А. И., Бутанаев В. Я.* Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях-све // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 132–145.

Готлиб, Подольский 2008 — *Готлиб А. И., Подольский М. Л.* Све — горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.

Грязнов 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. 136 с.

История Хакасии... 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Л. Р. Кызласов (отв. ред.). М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 525 с.

Карцов 1932 — *Карцов В. Г.* Ачинское городище // Причулымский край: Сб. тр. <Причулымского> музея. Ачинск, 1932. Т. 1. Вып. 1. С. 45–49.

Клеменц 1886 — *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886. 185 с.

Комиссаренко 2002 — *Комиссаренко А. Н.* От Парной до Карабейка: Топонимический словарь Шарыповского района. Шарыпово, 2002. 44 с.

Красниенко, Краснолуцкий 1998 — *Красниенко С. В., Краснолуцкий С. А.* Поселения Назаровской котловины (предварительный культурно-хронологический анализ) // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 91–94.

Красниенко, Субботин 1997 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Сибирская экспедиция: итоги двадцатого полевого сезона // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 39–42 (АИ. Вып. 42).

Красниенко, Субботин 1999 — *Красниенко С. В., Субботин А. В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 112 с.

Кузнецов 1889 — *Кузнецов И. П.* Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-Литография В. В. Михайлова и И. И. Макушина. 1889. 36 с.

Кызласов 1960 — *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1958 года // Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан: Восточная литература, 1960. Вып. 8. С. 163–168.

Мартынов 1883 — *Мартынов Н. М.* Путевые заметки из поездки в северо-восточную часть Минусинского округа // ИВСОИРГО. Ноябрь 1883. Т. 14, № 3. С. 1–13.

Нащокин 1966 — *Нащокин Н. В.* Отчет о полевых археологических исследованиях Красноярского археологического музея в 1966 году // НОА ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3077.

Попов 1876 — *Попов Н. И.* О чудских могилах Минусинского края // ИВСОИРГО. 1876. Т. 7, № 3. С. 42–49; № 4–5. С. 132–143.

Савенков 1886 — *Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. // ИВСОИРГО. 1886. Т. 17, № 3–4. С. 26–105.

Семенов Вл. и др. 2003 — *Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 122 с.

Сосновский 1925а — *Сосновский Г. П.* Городища и укрепления Енисейского края (1925) // НА ИИМК РАН, РА, ф. 42, д. 140.

Сосновский 1925б — *Сосновский Г. П.* Материалы по курганам минусинской культуры: курганы у д. Пузыревой, Божье Озеро. Дневник Ачинской поездки 1925 года. Зарисовки // НА ИИМК РАН, РА, ф. 42, д. 122. НА ИИМК РАН, РА, ф. 42, д. 157 (материалы из архива Г. П. Сосновского).

Субботин, Красниенко 1998 — *Субботин А. В., Красниенко С. В.* Фортификационные сооружения на севере Минусинской котловины // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф. 2–5 сентября 1998 г. СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. С. 175–179.

Фишер 1774 — *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Императорская Академия наук, 1774. 632 с.

Фокин 2007 — *Фокин С. М.* Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский ГУ, 2007. 21 с.

Циркин 1998 — *Циркин А. В.* Очерки духовной и материальной культуры народов Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. Ч. 2. 209 с.

Appelgren-Kivalo 1931 — *Appelgren-Kivalo J. R.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler: Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors: K. F. Puomies Buchdruckerei A.-G., 1931. 72 S.

New data on the defense constructions in the northern foothills of Kuznetsk Alatau

S. V. Krasnienko, A. V. Subbotin

The paper is devoted to the ancient hill fortifications and fortified settlements on the shores of Lake Beloe in the Nazarovo depression, the Chulym river basin (fig. 1). The authors give an account of the history of their discovery and study, describe the fortification systems (fig. 2–8) and surface finds associated with them (fig. 9). The character of the latter, as well as some specific architectural details, reveal affinities with the southern part of the Minusinsk depression, and southern part of the forest zone of West Siberia. The spatial arrangement of the fortifications seems to indicate the existence of a system of defenses or an alarm system (fig. 10). This system started to form as early as the Early Bronze Age and existed through the early Medieval times and/or even longer.

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.: Дмитрий Буланин.
АИ	– Археологические изыскания. Л./СПб.
АН	– Академия наук.
АО	– Археологические открытия. М.
АПС	– Археологические памятники сюнну.
АРТ	– Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР/Дониш.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.: Изд-во ГЭ.
АЭАЕ	– Археология, этнология и антропология Евразии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
АЭФК	– Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси: Меридиани.
БК	– Бабинская культура.
ВАС	– Всероссийский археологический съезд.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИНИТИ	– Всероссийский институт научной и технической информации. М.
ВМКК	– Восточноманьчжурская катакомбная культура.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры. Пг./Л.
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ГМИР(А)	– Государственный музей истории религии (и атеизма). Л./СПб.
ГПИ/ГПУ	– Государственный педагогический институт/университет.
ГТУ	– Государственный технический университет.
ГУ	– Государственный университет.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ДВО	– Дальневосточное отделение РАН. Владивосток.
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.: Петербургское Востоковедение.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин.
ИА	– Институт археологии.
ИАЭ	– Институт археологии и этнографии СО РАН.
ИБ МАИКЦА	– Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Главная редакция изданий для зарубежных стран изд-ва «Наука».
ИБ	– Институт востоковедения. М.
ИВСОИРГО	– Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Иркутск: Тип. Н. Н. Синицына.
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. Л./СПб.
ИИФиФ	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск.
ИКА	– Известия кафедры археологии Кемеровского ГУ.
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам АН СССР/РАН. М.
КБ	– Кабардино-Балкарский.
КД	– Каракумские древности. Ашхабад: Ылым.
КНР	– Китайская Народная Республика.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КЧ	– Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛЭП	– Линия электропередач.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.

Список сокращений

МГП	– Малое государственной предприятие.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР/Наука.
МПАЭ	– Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.: Изд-во ГЭ.
МЮТАКЭ	– Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; СПб.
НА	– Научный архив.
НИИ	– Научно-исследовательский институт.
НОА	– Научно-отраслевой архив.
НС	– Новая серия.
НУ	– Национальный университет.
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью.
ПАИ	– Полевые археологические исследования. Тбилиси.
ПАНП	– Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ.
ПБВ	– Поздний бронзовый век.
РА	– Рукописный архив (отдел).
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд-во СПбГУ.
РАН	– Российская Академия наук.
РГО	– Русское географическое общество. СПб.
РД	– Раннединастический период.
РИО	– Редакционно-издательский отдел.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.: Наука.
СБВ	– Средний бронзовый век.
СО	– Сибирское отделение АН СССР/РАН. Новосибирск.
СоЙКЭ	– Советско-Йеменская комплексная экспедиция.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТГИМ	– Труды ГИМ. М.
ТД	– Тезисы докладов.
ТИИАЭ	– Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР.
ТМАЭ	– Труды Маргианской археологической экспедиции.
Тр.	– Труды.
ТК	– Триалетская культура.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР/Наука.
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР.
ФАН	– Филиал академии наук.
ХАЭЭ	– Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЭО	– Этнографическое обозрение. М.
AI	– Archäologische Informationen. Bonn.
AJPA	– American Journal of Physical Anthropology. Philadelphia.
AM	– Arheologia Moldovei. București.
AMI(T)	– Archäologische Mitteilungen aus Iran (und Turan). Berlin: Reimer.
Anabasis	– Anabasis: Studia Classica et Orientalia. Rzeszów.
AnS	– Anatolian Studies. London.
AS	– Archaeological Studies. Sankt-Petersburg.
BAI	– Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield Hills.
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
Bibl.	– Biblioteca.
BSA	– Annual of the British School at Athens. London.
BSAP	– Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris. Paris.
BSOAS	– Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
BSPF	– Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris.

CAn	– Current Anthropology. Chicago.
CNRS	– Centre National de la Recherche Scientifique. France.
CSRA	– Centro Scavi e Ricerche Archologiche.
EIr	– Encyclopædia Iranica. London; etc.
EPG	– Early Protoegeometric.
ÉRAUL	– Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège. Liège.
IA	– Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
IA НАНУ	– Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
Iran	– Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. London.
Iraq	– Iraq: Journal of the British School of Archaeology in Iraq. London.
IS	– International Series.
IsMEO/IsIAO	– Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente/Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Roma.
JAS	– Journal of Archaeological Science. London; New York.
JHE	– Journal of Human Evolution. London; New York; San Francisco.
JIES	– The Journal of Indo-European studies. Austin.
JNES	– Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
JNSI	– The Journal of the Numismatic Society of India. Varanasi.
JS	– Journal des Savants. Paris.
JWP	– Journal of World Prehistory. New York; London.
NF	– Neue Folge.
NS	– New Series.
OIP	– The University of Chicago Oriental Institute Publications. Chicago.
PAS	– Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin.
PBF	– Prähistorische Bronzefunde. München.
PZ	– Prähistorische Zeitschrift. Berlin; New York.
R & M	– Reports and Memoires.
RA	– Revista Arheologică. Chişinău.
RGK	– Römisch-Germanischen Kommission.
RGZM	– Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz.
SA	– Slovenská Archeológia. Bratislava.
SCIV(A)	– Studii şi cercetări de istorie veche/şi arheologie. Bucureşti.
SCSA	– Studii şi Comunicări. Seria arheologie. Satu Mare.
SM	– Series Minor.
SN	– Seria nouă.
SRAA	– Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
TTKB	– Turk Tarich Kurumu Basimevi. Ankara.
TTYK	– Turk Tarich Kurumu Yayinlari. Ankara.
UNESCO	– The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Paris.
UPA	– Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn.
WA	– World Archaeology. London.

Содержание

<i>В. А. Алёкишин. Предисловие</i>	5
--	---

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. А. Алёкишин. Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах (по данным археологии)</i>	9
<i>В. С. Бочкарёв. О некоторых характерных чертах археологических памятников и археологических источников</i>	47

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

<i>Н. Н. Скакун, Т. Г. Филимонова, А. Х. Юсупов, Ю. Г. Кутимов. Костяные орудия и украшения неолитического поселения Сай-Саёд (Таджикистан)</i>	53
<i>Л. Б. Кирчо. Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по данным Алтын-депе, Южный Туркменистан)</i>	62
<i>Ю. Г. Кутимов. К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана</i>	86
<i>В. П. Никоноров. Боевые топоры и их культ у древних народов Центральной Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего средневековья)</i>	97
<i>Д. Абдуллоев. Торговые связи Востока и средневековой Руси (историко-лингвистический очерк)</i>	138
<i>В. И. Распопова. Христиане в Пенджикенте в VIII в.</i>	154

КАВКАЗ, ЕВРОПА, ДРЕВНИЙ ВОСТОК и КИПР

<i>А. Д. Резепкин. Поселение Долинское — памятник ранней бронзы в Центральном Предкавказье</i>	161
<i>М. Б. Рысин. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века</i>	170
<i>В. Я. Стёганцева. Археологические памятники долины р. Курп на Северном Кавказе</i>	219
<i>О. Г. Левицкий, М. Т. Кашуба. Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: культурно-исторический ландшафт и его восточные (прикарпатские) рубежи</i>	240
<i>Л. А. Соколова. Антропоморфные стелы Хаккари (Юго-Восточная Турция) в историческом контексте</i>	271
<i>Ю. А. Виноградов. Керамические находки из храма Сийāна в Западном Хадрамауте (Райбун VI)</i>	296
<i>В. А. Горончаровский. Российские археологи на Кипре</i>	304

СИБИРЬ

<i>Э. Б. Вадецкая. Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры</i>	315
<i>А. В. Поляков. О необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь II)</i>	332
<i>М. Н. Пишеницына. Курганы тагарской культуры могильника Летник VI на юге Хакасии</i>	356
<i>Н. А. Боковенко. Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: историко-культурная интерпретация</i>	372

<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов.</i> Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Ээрбек (Республика Тыва).....	393
<i>С. С. Миняев.</i> Планиграфия памятника как фактор анализа археологического материала (на примере погребальных памятников сюнну).....	424
<i>С. В. Красиенко, А. В. Субботин.</i> Новые данные об оборонительных сооружениях у северных предгорий Кузнецкого Алатау.....	440
Список сокращений.....	458

Contents

<i>V. A. Alekshin. Foreword</i>	5
---------------------------------------	---

GENERAL ISSUES OF ARCHAEOLOGY

<i>V. A. Alekshin. On the origin and development of funerary rituals in traditional societies (based on archaeological evidence)</i>	9
<i>V. S. Bochkarev. On some characteristics inherent to archaeological sites and archaeological record</i>	47

CENTRAL ASIA

<i>N. N. Skakun, T. G. Filimonova, [A. Kh. Yusupov], Yu. G. Kutimov. Bone tools and ornaments from the Neolithic site of Sai-Sayod (Tajikistan)</i>	53
<i>L. B. Kircho. Stone artifacts and raw material sources in the Early Bronze Age (with particular reference to Altyn-depe, South Turkmenistan)</i>	62
<i>Yu. G. Kutimov. To the question of cultural contacts between herders and farmers in the Late Bronze Age of Turkmenistan</i>	86
<i>V. P. Nikonorov. Combat hatchets and their cult among the ancient peoples of Central Asia and Iran (from the Early Iron Age thought Early Medieval Period)</i>	97
<i>D. Abdulloev. Trade connections between the East and Medieval Russia (a historical-linguistic essay)</i>	138
<i>V. I. Raspopova. Christians in Penjikent in the VIII c.</i>	154

CAUCASUS, EUROPE, ANCIENT EAST, AND CYPRUS

<i>A. D. Rezepkin. Dolinskoe — an Early Bronze Age settlement in the central Fore-Caucasus</i>	161
<i>M. B. Rysin. Problems of chronology and periodization of the final Middle Bronze Age cultures in the Caucasus</i>	170
<i>V. Ya. Stegantseva. Archaeological sites in the Kurp river valley, North Caucasus</i>	219
<i>O. G. Levitsky, M. T. Kashuba. Final Bronze Age in the Carpathian-Danube region: cultural-historical landscape and its eastern boundary</i>	240
<i>L. A. Sokolova. Anthropomorphous stelae from Hakkâri (Southeastern Turkey) in a historical context</i>	271
<i>Yu. A. Vinogradov. Ceramic finds from the Temple of Siyāna in Western Hadramaut (Raybūn VI)</i>	296
<i>V. A. Goroncharovskiy. Russian archaeologists on Cyprus</i>	304

SIBERIA

<i>E. B. Vadetskaya. Stages of assimilation of the Afanasievo culture people by the tribes of Okunevo culture</i>	315
<i>A. V. Polyakov. To the necessity of large area excavations as applied to the Okunevo culture barrows (exemplified by Barrow 13 of the Itkol' II cemetery)</i>	332
<i>M. N. Pshenitsyna. Tagar culture barrows at the cemetery of Letnik VI in the south of Khakasia</i>	356
<i>N. A. Bokovenko. Archaeological sites of the Scythian epoch in the Us depression, West Sayan: cultural-historical interpretation</i>	372
<i>M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov. Scythian period cemetery of Sausken 3 in the Eerbek river valley (Republic of Tyva)</i>	393
<i>S. S. Minyaev. Role of spatial distribution patterns in the analysis of archaeological materials (with special reference to the burial sites of Xiongnu)</i>	424
<i>S. V. Krasnienko, A. V. Subbotin. New data on the defense constructions in the northern foothills of Kuznetsk Alatau</i>	440
List of abbreviations	458

Научное издание

**Археология древних обществ Евразии:
хронология, культурогенез, религиозные воззрения.
Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010)**

Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Редакционная коллегия:
В. А. Алёшкин (ответственный редактор),
Л. Б. Кирчо (зам. ответственного редактора), М. Т. Кашуба, В. Я. Стёганцева.

Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archo.ru>

Редактор: В. Ю. Ганчурина
Корректор: Л. А. Мешкомаева
Верстка: А. В. Ганчурина

ISBN 978-5-4391-0123-8

9 785439 101238 >

Издательство «Арт-Экспресс»
Формат 60×84/8. Заказ № 1106
Подписано в печать 16.12.2014 г.

Отпечатано в типографии «Art-Xpress»
199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17/3, офис 4
E-mail: zakaz@art-xpress.ru
<http://www.art-xpress.ru>

ARCHAEOLOGY OF THE ANCIENT SOCIETIES OF EURASIA:

CHRONOLOGY, CULTURAL GENESIS,
RELIGIOUS VIEWS

